

ИСТОРИЯ ГЕРМАНСКАГО НАРОДА

КАРЛА ЛАМПРЕХТА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЧАСТИ I и II.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

П. НИКОЛАЕВА.

Издание К. М. Солдатенкова.



МОСКВА.

Типо литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій п., свой д.
1894.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Исторія Германскаго народа“ имѣеть въ виду прежде всего изобразить на ряду съ политическимъ развитіемъ Германіи развитіе ея общественнаго строя и духовной жизни. Вопросы культуры признаются авторомъ равнозначительными, если не болѣе важными, съ вопросами политическими. Онъ дѣлаеть попытку уяснить взаимодѣйствіе матеріальныхъ и духовныхъ силъ развитія въ исторіи Германіи и изложить общее развитіе основъ и ступеней прогресса какъ въ матеріальной, такъ и въ духовной культурѣ страны.

Все сочиненіе будетъ состоять изъ семи частей, каждая изъ которыхъ составляетъ отдѣльное изслѣдованіе.

Авторъ—профессоръ Марбургскаго университета — еще продолжаетъ работать надъ своимъ сочиненіемъ; въ настоящее время въ Германіи вышли 3-я и 4-я части. Четвертая выйдеть въ концѣ года.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. Введеніе. Историческій очеркъ развитія нѣмецкаго національнаго сознанія.

Стран.

Понятіе о національномъ сознаніи.—Историческіе предѣлы нѣмецкаго національнаго сознанія.—Антропологическій и этнологическій характеръ саги о происхожденіи.—Отсутствіе единого государства и индивидуализма; племенные государства, сотни.—Затемнѣніе положенія пробужденіемъ племеннаго сознанія.—Историческій характеръ племеннаго сознанія; его значеніе въ имперіи Меровинговъ и Каролинговъ 1—7

II. Типическое національное сознаніе въ вѣка Каролинговъ и Оттоновъ.

При упадкѣ имперіи Каролинговъ національныя стремленія дѣйствуютъ еще бессознательно.—Появленіе различія рѣчи между Нѣмцами и чужестранцами, которое развивается въ народное различіе типа вообще. Отношеніе Имперіи и племенъ къ этому развитію . . . 7—10

III. Рыцарское и бюргерское условно-національное сознаніе эпохи Штауфеновъ и среднихъ вѣковъ.

Національная поэзія Вальтера Фогельвейде.—Первое замѣтное расчлененіе націи: рыцари, бюргеры, крестьяне.—Рыцарство руководитъ націей и опредѣляетъ ея національное сознаніе.—Появленіе гражданскаго сознанія, его отношеніе къ Имперіи и къ всемірной церкви XIV и XV вѣковъ, его національное и политическое направленіе 11—14

IV. Индивидуалистическое національное сознаніе отъ XVI до XVIII вѣковъ.

Реформація и индивидуализмъ.—Индивидуализмъ—духовная и общественная форма бытія XVI—XVIII вѣковъ.—Его политическіи и культурныя воздѣйствія на національное сознаніе; неудачи перваго воздѣйствія и успѣхъ втораго 15—17

V. Субъективное національное сознание XIX вѣка.

Стран.

Французская революція, война за освобожденіе и современный субъективизмъ.— Значеніе послѣдняго для національнаго единства и политическое національное сознание, оправдываемое изслѣдованіемъ прежнихъ формъ нѣмецкаго національнаго сознанія 18—20

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Древнія времена.

I. Гермарцы по древнѣйшимъ историческимъ преданіямъ.

Торговля оловомъ и янтарями.—Пиоеасъ изъ Марсея.—Первобытное мѣстопробываніе Германцевъ по даннымъ филологіи.—Древнѣйшее описаніе страны 23—26

II. Догерманская культура въ средней и южной Германіи.

Общія замѣчанія объ источникахъ.—Доисторическій вѣкъ.—Каменный вѣкъ, бронзовый вѣкъ, вѣкъ желѣза на югѣ.—Національный характеръ и культурныя условія этого вѣка 26—31

III. Доисторическая культура въ средней Германіи.

„Кухонныя кучи“ и каменный вѣкъ.—Бронзовый вѣкъ.—Доримскій вѣкъ желѣза.—Римскій вѣкъ желѣза.—Историческія условія этого вѣка 32—36

IV. Германцы, какъ Индоевропейцы.—Ихъ первое національное расчлененіе.

Первобытный народъ и индоевропейскія націи.—Культура древнѣйшаго времени.—Культура первобытныхъ германцевъ.—Древнѣйшее расчлененіе ихъ 36—41

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Дохристіанскія народныя движенія въ Средней Европѣ.—Первое, западно-германское переселеніе.

I. Поводы переселеній изъ Азіи въ Европу.

Типическая судьба азіатскихъ номадовъ, обусловливаемая недостаткомъ въ пищевой площади.—Основанія ея истощенія.—Аналогіи азіатскихъ переселеній въ Европѣ.—Непрерывное дѣйствіе главныхъ причинъ.—Общія и различныя черты, свойственныя древнимъ и современнымъ переселеніямъ 42—44

II. Характеръ кельтскихъ и германскихъ переселеній.

Стр.

Различные роды переселеній и поселеній.— Военные походы—внѣдреніе въ чуждую область.—Значеніе этого рода переселеній для германскаго расселенія.— Прибытіе германцевъ къ берегамъ Сѣвернаго моря.— Характеръ военныхъ походовъ.— Народные походы всей массой; ихъ характеръ, или національное значеніе (смѣшанныя націи).— О національностяхъ этого вѣка вообще 45—48

III. Догерманскія переселенія.

Иберы, Лигурійцы, Иллирійцы, Греко-италики, Кельты.— Переселеніе Кельтовъ въ Испанію и Италію.— Иллирійцы, Бойи 48—51

IV. Древнѣйшія переселенія германцевъ.

Бастарны.— Походы Ингвеоновъ и Иствеоновъ къ берегамъ Сѣвернаго моря и къ нижнему Рейну, а Германоновъ въ Среднюю Германію.— Кимвры и Тевтоны 52—55

V. Распространеніе Германцевъ до Цезаря.

Послѣдствія походовъ Кимвровъ.— Широкое распространеніе Германоновъ; Квады, Хатты, Маркоманны, Аріовистъ и Цезарь.— Распространеніе Иствеоновъ влѣво отъ Рейна и въ Бельгію.— Цезарь и Белго-германцы 55—60

VI. Передвиженія Сэвовъ въ послѣднемъ вѣкѣ до Р. Х.

Слѣдствія дѣятельности Цезаря.— Походъ Маркоманновъ при Марбодѣ; Гермундуры и Варисты.— Характеръ этого вѣка 60—63

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Развитіе процесса естественнаго расчлененія народа.

I. Введеніе.— Систематика древняго развитія отъ полового смѣшенія до единобрачія послѣдняго періода эпохи материнскаго права.

Характеръ первобытнаго права и первобытнаго обычая.— Отношенія индивидуума къ роду.— Значеніе сравнительнаго народовѣденія для опредѣленія естественныхъ основъ германскаго развитія.— Первобытный родъ и половое смѣшеніе.— Семья— группа.— Единобрачіе въ концѣ періода материнскаго права.— Преобразование правовой и духовной жизни при переходѣ къ единобрачію 67—78

II. Остатки вышеописаннаго развитія религіознаго и моральнаго бытія германской первобытной эпохи.

Половое смѣшеніе.— Материнское право.— Уваженіе къ женщинамъ и значеніе его для образованія современныхъ народовъ 79—84

Ш. Остатки въ сферѣ правовой жизни.

Стран.

Племя и *Gau*.—Семья и единобрачіе.—Отраженіе существующихъ контрастовъ въ битвахъ нѣмецкой саги. 84—89

IV. Уничтоженіе защитительной власти при материнскомъ правѣ.

Бракъ—похищеніе.—Бракъ—купля.—Бракъ—защита (*Muntehe*). 89—92

V. Уничтоженіе счета родства по материнскому праву; появленіе права отца.

Права и обязанности рода по отношенію къ его членамъ по материнскому праву.—Постепенный переходъ этихъ правъ и обязанностей къ роду отца. Заключение. 92—100

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Строй жизни въ первобытное время.

I. Народъ и вождь.

Семья, община и народъ.—Глава, герцогъ и король.—Избраніе и функции главы; развитіе его власти; сущность и развитіе древней королевской власти; узурпированная герцогская власть и позднѣйшая королевская власть 101—109

II. Устройство военное.

Основы его.—Тактическое расчлененіе: пѣхота, конница *Парабатовъ*, дружина 109—112

III. Хозяйственный строй.

Раздѣленіе земли по отдѣламъ войска.—Раздѣленіе ея на отдѣльныя хозяйства и появленіе поземельной собственности.—Развитіе общины 113—119

IV. Государственный строй.

Основы его.—Народное собраніе.—Община—*Gau* 119—122

V. Общественная власть и родъ.

Общественная власть.—Родовой миръ въ первобытное время.—Сущность и значеніе народнаго мира, его побѣда надъ родовымъ 123—129

VI. Заключение.

Историческое положеніе и характеръ древне-германскаго государства.—Родъ, народное государство, племенное государство слѣдующаго періода. 129—130

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Общественная и духовная жизнь первобытной эпохи.

I. Связующія силы общественнаго и духовнаго развитія.

Стран.

Государство, какъ личность; военное государство, организмъ права и мира.—Родъ, какъ личность, противопоставляемая индивидууму и семьѣ; жизнь рода связываетъ мужчину своимъ правовымъ и военнымъ строемъ и отдаетъ женщину во власть мужчины.—Товарищество, какъ личность, противопоставляемая дружинѣ 131—135

II. Разрушающія силы общественнаго и духовнаго развитія.

Переходъ къ эпохѣ номадства; несвобода, какъ первый поводъ общественнаго раздѣленія націи.—Переходъ къ земледѣлію; аграрная несвобода, крѣпостничество и дворянство; начатки общественнаго расчлененія.—Начатки торговли, разрушающей прежній характеръ государства.—Дѣйствіе всѣхъ этихъ факторовъ на національную культуру и индивидуальность. 135—139

III. Поэзія и искусство.

Взаимодѣйствія духовной и хозяйственно-общественной культуры.—Драматическо-символическій характеръ поэзіи, ея процвѣтаніе и упадокъ.—Формированіе и паосъ поэтической рѣчи, стремленіе къ возвышенному.—Ритмика.—Ваяніе.—Орнаментика.—Временная ограниченность символической эпохи; средневѣковые остатки 139—147

IV. Нравы, обычаи и право.

Недостатокъ нагляднаго и опытнаго обученія, какъ основаніе эстетической и моральной жизни первобытной эпохи.—Несвобода нравственныхъ понятій и нравственной личности; страсть и энергія.—Сущность права и обычая: обычай, какъ часть права.—Внѣшнее образованіе права: символика процесса и права; измѣненія этой символики.—Поэтически-символическій языкъ права 147—153

V. Божество, человѣкъ и природа.

Естественная религія индоевропейцевъ въ первобытной германской формѣ: Азы, Ванны и Исполины.—Увеличеніе міра боговъ.—Абстракція пантеизма, едино-дѣйствующая судьба, созданная культомъ и предсказаніями оракуловъ.—Соціальный, а не индивидуальный характеръ религіи.—Религія и индивидуумъ; безсмертіе 154—160



КНИГА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Римъ и Германцы въ ихъ наступательныхъ и оборонительныхъ дѣйствіяхъ.

I. Отъ Цезаря до наступленія Римлянъ въ 13 г. до Р. X.

Стран.

Провинціальная организація Галліи.—Германская надменность.—Переходъ Убровъ чрезъ Рейнъ.—Новыя нападенія, соединеніе съ народами лѣваго берега Рейна.—Выступленіе Сигамбровъ.—Пораженіе Лоллія 163—165

II. Подчиненіе странъ между Рейномъ и Везеромъ отъ 13 г. до Р. X.

Концентрическое нападеніе и его предварительныя условія.—Друзъ на Рейнъ.—Тиберій—колонизація Сигамбровъ. 165—168

III. Дальнѣйшіе шаги римскаго завоеванія къ востоку отъ Везера и къ сѣверу отъ Дуная.—Пораженіе Вара отъ Р. X. до 9 года.

Римъ и Херуски.—Царство Марбода.—Тиберій, какъ военноподполковникъ; успѣхи на Рейнѣ, походъ противъ Марбода.—Положеніе на сѣверо-западѣ послѣ ухода Тиберія; Арминій и Херуски.—Тевтобургская битва и ея послѣдствія для Германіи 168—172

IV. Оборонительныя войны Римлянъ; планы Германика 9—16 гг.

Отказъ Римлянъ отъ завоеванія Германіи, новая политика Тиберія.—Германикъ, какъ военноподполковникъ; отношеніе къ нему Германцевъ; его походы и отозваніе. 172—176

V. Внутреннія несогласія въ Германіи.

Арминій и Марбодъ.—Значеніе контрастовъ, представителями которыхъ они являлись.—Битва въ области Гермундуровъ.—Изгнаніе Марбода.—Конецъ Арминія 176—180

VI. Устройство римской обороны на Рейнѣ и Дунаѣ въ I и II вѣкахъ.

Характеръ римской обороны того времени.—Военная граница на Рейнѣ.—Военная граница на Дунаѣ.—Границы подвигаются впередъ; пограничныя валы въ южной и средней Германіи; укрѣпленія на нижнемъ Рейнѣ.—Культура военной границы 180—184

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Переселенія восточныхъ Германцевъ и ихъ слѣдствія.

I. Вѣшняя сторона переселенія восточныхъ Германцевъ.

Вліяніе того, что западные Германцы были заперты Римлянами между Рейномъ и Дунаемъ.—Восточные Германцы и такъ называе-

мое переселеніе народовъ.— Древнѣйшія переселенія восточныхъ Германцевъ; оборона Римлянъ до императора Валента; Вульфила и Мезоготы.— Вестготы въ восточной Римской имперіи.— Западный Римъ и восточные Германцы на порогѣ IV и V вѣковъ; основаніе Вестготскаго государства.— Государство Вандаловъ въ Африкѣ и Остготовъ въ Италіи 185—192

II. Внутренняя исторія восточно-германскихъ государствъ въ странахъ западно-римской имперіи.

Упадокъ Имперіи—политическій, соціальный и хозяйственный.— Проникновеніе Германцевъ, ихъ численность, ихъ поселенія и ихъ общественныя судьбы.— Провинціальная аристократія и германское королевство; слабость и усилія его; различіе судьбы королевской власти въ трехъ государствахъ.— Значеніе восточно-германскаго и франкскаго королевства для распространенія германской государственной идеи въ Романскихъ странахъ. 192—199

III. Восточно-германское культурное вліяніе на развитіе Романскихъ земель.

Религія—язычество и Аріанство.— Искусство.— Восточно-германскіе языки; вліяніе латинскаго языка и литературы.— Обычаи и нравы; значеніе германской родовой связи, семейнаго союза и брака; германское понятіе о товариществѣ. 199—205

IV. Сопутствующія явленія восточно-германскихъ переселеній у западныхъ германцевъ.

На западѣ: походы франковъ, алеманновъ, саксовъ, англовъ и ютовъ. На востокѣ: появленіе баварцевъ, походъ лангобардовъ, славянское заселеніе страны Мауринга.— Особенности образованія государствъ англо-саксовъ и лангобардовъ; значеніе ихъ строя для обще-германской исторіи; центральное положеніе франковъ. 205—210

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нѣмецкія западныя племена и Франкское королевство при первыхъ Меровингахъ.

I. Галлія подъ властью Римлянъ.

Преобразование народнаго хозяйства и общественнаго расчлененія; города и латифундіи; колонны, сенаторіалы, куріалы и горожане.— Романизированіе страны.— Кельтское преобразование Римской культуры при уничтоженіи собственной народности.— Упадокъ внѣшней культуры въ городахъ и въ деревняхъ.— Римское управленіе и налоги; ихъ разрушительное вліяніе.— Римское пограничное войско. . 213—219

II. Появленіе нѣмецкихъ племенъ.

Стран.

Ростъ населенія, переходъ къ земледѣлію; окружныя королевства.— Дальнѣйшій ростъ населенія, проникновеніе за римскія границы; западно-германскія переселенія; образованіе племенъ. 220—224

III. Распространеніе племенъ по Галліи.

Первыя нападенія.—Первое главное нападеніе около 264 г.—Второе главное нападеніе въ срединѣ IV вѣка.—Измѣненіе взаимныхъ отношеній Германцевъ и Римлянъ до конца IV вѣка.—Третье главное нападеніе въ началѣ V вѣка: Вестготы, Вандалы, Аланы, Свевы; Бургунды, Алеманны; Франки.—Бургундское королевство и война съ Гуннами (451) г.—Паденіе западно-римской имперіи (476); виды германскихъ завоевателей въ Галліи. 224—229

IV. Устройство Франкскаго королевства.—Хлодвигъ.

Положеніе и значеніе отдѣльныхъ группъ франкскаго племени въ V вѣкѣ.—Салійцы при Хлою и Хильдерикъ.—Хлодвигъ завоевываетъ римское государство Сіагрія, подчиняетъ франковъ и аламановъ и принимаетъ государство.—Позднѣйшіе годы царствованія Хлодвигъ; отношенія къ Бургундіи, къ Остготамъ и королю Остготовъ Теодориху.—Характеръ и значеніе Хлодвигъ. 229—235

V. Позднѣйшая судьба государства Меровинговъ.

Первое поколѣніе Меровингскихъ эигоновъ.—Личныя, общественныя и политическія основанія позднѣйшаго упадка. 235—237

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Политическое и соціальное развитіе Меровингскаго государства.

I. Характеръ этого государства.

Характеръ завоеваній франковъ и владычества Меровинговъ.—Различныя культурныя ступени этого государства.—Политическое обособленіе отдѣльныхъ частей государства.—Отдѣльное право и отдѣльный характеръ общественнаго расчлененія.—Нравственное и духовное состояніе центра государства. 238—242

II. Сущность королевской власти.

Германскія основы ея: защита и судъ.—Примѣненіе ихъ къ германскимъ цѣлямъ.—Примѣненіе ихъ къ прежнимъ римскимъ государственнымъ цѣлямъ; судьба христіанской церкви и римскихъ финансовъ въ романскихъ и германскихъ странахъ.—Устройство королевскаго управленія: центральныя учрежденія герцогство и округъ.—Графство.—Централизація.—Иммунитеты.—Причины невозможности прочной централизаціи. 243—251

Ш. Хозяйственное и общественное положеніе германскаго населенія въ особенностяхъ свободныхъ.

Стран.

Принципы германскаго сословнаго строя отъ древнихъ временъ до IX вѣка. — Характеръ общественнаго расчлененія спеціально въ VI вѣкѣ. — Ростъ полусвободныхъ классовъ. — Свободныя германскія племена на востокъ и сѣверъ: экономическое и общественное положеніе. — Свободные въ Нейстріи; появленіе крѣпостничества и соединенное съ нимъ измѣненіе общественнаго и политическаго положенія въ особенностяхъ въ имунитетахъ. 251—254

IV. Политическія судьбы свободныхъ.

Значеніе государственнаго и племеннаго собранія. — Конституціонная жизнь сотни: самоуправленіе, хозяйственный строй, судебное устройство и отправленіе правосудія. — Вліяніе графовъ; упадокъ самоуправления. — Превращеніе сотенъ въ полицейскія общины и низшіе суды. — Характеръ германской свободы въ концѣ періода. 254—261

V. Новая аристократія, упадокъ королевской власти и конституціи.

Первичное германское дворянство. — Королевское служебное дворянство; поземельная аристократія, — Безуспѣшныя попытки короля подчинить себѣ эту послѣднюю. — Служебное дворянство получаетъ крупную земельную собственность, смѣшивается съ аристократіей страны и становится наследственнымъ. — Увеличивающееся стремленіе соединеннаго дворянства къ власти. — Фазы управленія майордомовъ, гибель королевской власти. 261—266

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Духовная жизнь и христіанская миссія въ племенной періодъ.

I. Общій характеръ духовной жизни.

Племенное государство на почвѣ Германіи. — Замкнутость экономической и общественной культуры; единство культуры духовной. — Духовная жизнь еще существенно эстетическая. — Переходъ отъ символическаго пониманія къ типическому, эпическая окраска послѣдняго. 267—271

II. Искусство и поэзія.

Животная орнаментика племенной эпохи; установленіе и роды ея типовъ; ея отношеніе къ ленточной орнаментикѣ первобытной эпохи; процвѣтаніе ея въ каролингскую эпоху и ея упадокъ. — Расцвѣтъ героическаго эпоса: хронологія его, профессиональные пѣвцы, какъ проводники эпоса; анекдотъ, сказка и погребальный гимнъ, ихъ зачатки; смѣшеніе типично-человѣческаго и мифологически-божественнаго; драматически дѣйственное; видоизмѣненная аллитерація. — Общія черты въ развитіи искусства и поэзіи. 271—279

III. Древнѣйшія сопркосновенія съ христіанствомъ.

Стран.

Первоначальныя христіанскія вліянія на западно-германцевъ; введеніе его зародышей при проникновеніи римскихъ культурныхъ понятій вообще; восточно-германское аріанство, туземное христіанство западной Германіи. — Франкско-христіанскія вліянія: вліянія на Аламанновъ, Баварцевъ, Тюрингенцевъ; миссіи къ Фризамъ. — Франкская государственная церковь неспособна къ миссіонерству. 279—283

IV. Ирландо-англосаксонскія миссіи.

Ирландцы и Ирландо-Франки во Франціи, Аламанніи, Тюрингіи и Баваріи; попытка туземной организаціи въ Баваріи. Англосаксы: миссія къ Фризамъ; южно-нѣмецкая миссія; миссіонерская и организаторская дѣятельность св. Бонифація, соединеніе съ Римомъ. — Характеръ и содержаніе проповѣди англосаксовъ въ Германіи. 283—289

V. Вѣрованія и нравы при вліяніи христіанства.

Принятіе новой вѣры; судьбы германскаго ученія о богахъ. — Старый и новый культъ. — Христіанскія понятія о нравственности въ германской переработкѣ. — Вѣра въ безсмертіе у первыхъ христіанъ, германскихъ миссіонеровъ и христіанъ-германцевъ. — Вліяніе формъ христіанской жизни на государство и общество, на искусство и культуру, на право и обычаи. 289—294

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КНИГА ПЯТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхожденіе, процвѣтаніе и паденіе имперіи Каролинговъ.

I. Зачатки владычества каролинговъ.

Происхожденіе рода. — Положеніе имперіи въ началѣ VII столѣтія. — Арнульфъ Мецскій и старшій Пиппинъ. — Государственный переворотъ Гримоальда. — Успѣхъ Пиппина средняго, попытка установить наследственность власти при Карлѣ Мартеллѣ. — Отношеніе къ нѣмецкому востоку: завоеваніе Фрисландіи. — Карлъ Мартеллъ, Аквитанія и сарацины. 299—306

II. Имперія при Карлеманиѣ и Пиппинѣ; франкская церковная реформа король Пиппинъ и папство.

Раздробленіе имперіи, отдѣленіе Грифона. — Присоединеніе Аламанніи и Аквитаніи. — Реформа и организація франкской церкви. — Положеніе папства въ Италіи. — Коронованіе Пиппина, основаніе церковнаго государства 306—313

III. Нѣмецкая политика Карла Великаго.

Стран.

Обезпеченіе Франціи со стороны запада.—Смерть Карломана.—Саксонскія войны.—Завоеваніе Баваріи, отношеніе къ аварамъ и юго-восточнымъ славянамъ; нѣмецкая колонизація по среднему Дунаю . . . 313—320

IV. Міровая политика Карла Великаго.

Завоеваніе Италіи.—Отношеніе къ папству: итальянскія міровыя и франкскія отношенія.—Отношеніе къ Византіи.—Возстановленіе имперіи.—Значеніе каролингской имперіи. 320—324

V. Попытки къ основанію династическаго единства имперіи; судьбы всемірной имперіи до ея паденія въ концѣ IX вѣка.

Людовикъ благочестивый, фамильный законъ 817 года и владычество клира.—Императрица Юдифь, рожденіе Карла Лысаго, разрывъ съ клиромъ и нарушеніе фамильнаго закона.—Смуты тридцатыхъ годовъ IX столѣтія и Вердюнскій договоръ.—Борьба восточной и западной Франціи за Лотарингію; фактическое разрушеніе всемірной имперіи.—Переходъ императорской короны къ восточному франку и незаконнорожденному Арнульфу Каринтійскому.—Отреченіе Карла Простого отъ Франціи; формальное уничтоженіе имперскій организаціи 325—333

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Каролингское возрожденіе.

I. Личность Карла Великаго.

Императорская статуя въ музеѣ Карновалетъ въ Мецѣ и портретъ Дюрера.—Взгляды на Карла Великаго въ историографіи и средневѣковомъ сказаніи.—Значеніе различныхъ взглядовъ. 334—338

II. Семейная и придворная жизнь.

Взглядъ на бракъ Карла Великаго.—Супруги и дочери императора.—Духовная жизнь и домашній бытъ.—Повседневныя обязанности государя.—Странствія Карла и нѣмецкихъ королей вообще.—Национальный характеръ придворной жизни. 338—343

III. Дворъ и возрожденіе.

Возрожденіе англосаксовъ и лангобардовъ.—Зачатки франккаго возрожденія при Пиппинѣ и Карлѣ.—Карлъ въ Италіи.—Первые ученыя при франкскомъ дворѣ, обученіе придворнаго общества.—Придворная академія и позднѣйшія письменныя сношенія Карла съ его учеными. 343—348

IV. Литература возрожденія.

Поэзія круглаго стола Карла.—Послѣдователи ранней придворной школы въ Германіи.—Первѣсь духовной учености въ IX вѣкѣ; ея характеръ и ея упадокъ.—Общій взглядъ на воспріятіе классицизма въ Германіи. 348—354

V. Искусство возрожденія.

Стран.

Архитектура.—Живопись и скульптура.—Непосредственное вліяніе двора.—Разныя работы на слоновой кости, книжная живопись, стѣнная живопись.—Рисовальныя школы въ центрѣ и на периферіи имперіи.—Вліяніе новаго искусства на германское возрѣніе на искусство; обратное воздѣйствіе послѣдняго на живопись возрожденія.—Вліяніе новаго искусства на германское искусство орнаментики. 354—360

VI. Вліяніе каролингскаго возрожденія спеціально въ Германіи.

Вліяніе его на художественныя возрѣнія.—Вліяніе на поэтическое возрѣніе.—Посредничество знанія 360—362

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Политическія и соціальныя измѣненія въ періодъ отъ VIII до X вв.; судьбы восточно-франкскаго государства.

I. Перемѣщеніе права собственности на землю; широкое аграрное раздѣленіе труда.

Контрастъ VI и IX вѣковъ; земельная регалія (Bodenregal) и ленный строй.—Переходъ пади къ земледѣлю. — Дифференцированіе поземельной собственности свободныхъ; измѣненный правовой строй, разработка земель марки.— Возникновеніе и развитіе крупной поземельной собственности до конца X столѣтія.— Организациія крупной поземельной собственности въ средневѣковомъ помѣстномъ хозяйствѣ. 363—369

II. Вліяніе крупнаго помѣстнаго хозяйства на соціальное расчлененіе.

Крупное помѣстное хозяйство—настоящій соціальный двигатель съ конца VII вѣка. Несвободные и крѣпостные въ помѣстно-хозяйственномъ союзѣ.— Появленіе свободныхъ колонистовъ.— Сліяніе и новое расчлененіе всѣхъ этихъ классовъ въ предѣлахъ помѣстнаго хозяйства. 369—374

III. Надѣленіе помѣстнаго хозяйства политическими правами.

Иммунитетъ.—Вассальныя отношенія.—Сеніоратъ.—Значеніе этихъ политическихъ правъ помѣщиковъ для націи и государства 374—378

IV. Перенесеніе вассальныхъ отношеній на государство: возникновеніе ленной системы.

Прекарій, бенефиція и вассальныя отношенія.—Послѣднія проникаютъ въ военный строй и государственное управленіе.—Характеръ новаго леннаго государства въ концѣ IX вѣка.—Основанія для возникновенія ленной системы 378—384

V. Вышнія судьбы всемірной имперіи и въ особенности восточной Франціи; новое возникновеніе герцогствъ въ Германіи, борьба между королевскою властью и герцогскою.

Пограничныя войны противъ сарациновъ и норманновъ.—Борьба восточныхъ франковъ съ славянами и венграми.—Герцогская власть

въ Саксоніи, Баваріи, Франконіи, Швабіи, Лотарингіи.—Время Людовика Дитяти и Конрада I.	384	391
---	-----	-----

КНИГА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Основаніе нѣмецкаго государства.—Возстановленіе королевской власти.

I. Генрихъ I.

Назначеніе и избраніе.—Основаніе Лудольфингской королевской власти по отношенію къ герцогамъ.—Отношеніе къ Франціи.—Внутренняя политика съ 925 года, преимущественно въ Саксоніи.—Борьба венгровъ, славянскія и датскія войны.—Отношеніе къ церкви.—Назначеніе Оттона I.—Характеръ короля. 395—402

II. Первые годы Оттона Великаго до укрѣпленія королевской власти.

Личность Оттона.—Первыя внутреннія войны за укрѣпленіе монархіи: преобразование герцогскаго достоинства, раздача герцогствъ членамъ семьи, развитіе дворцоваго управленія. 402—406

III. Сѣверо-восточная граница имперіи при Оттонѣ Великомъ.

Чехи и датчане.—Славянскія возстанія, Германъ Биллунгъ и Геро.—Миссія у славянъ и сѣверныхъ германцевъ.—Нѣмецкое управленіе и колонизація въ славянской странѣ.—Реорганизація славянскихъ областей послѣ смерти Геро; поведеніе саксонскаго дворянства.—Церковныя мѣры позднѣйшаго періода Оттона. 406—411

IV. Королевская власть въ срединѣ X столѣтія.

Отношенія къ Франціи, Бургундіи и Италіи. Первый походъ въ Италію; Оттонъ—король лангобардовъ.—Возстаніе Лудольфа.—Битва съ венграми при Лехфельдѣ.—Поворотъ во внутренней политикѣ. . . 411—419

V. Императорская политика Оттона Великаго.

Итальянскія и римскія отношенія послѣ середины X столѣтія.—Второй итальянскій походъ Оттона, императорское коронованіе.—Императоръ и папа.—Послѣднее пребываніе Оттона въ Италіи; присоединеніе лангобардскихъ княжествъ въ южной и средней Италіи къ имперіи, бракосочетаніе Оттона II съ Теофаніей. 419—423

VI. Расцвѣтъ и паденіе централистической и универсальной политики Оттона II.

Характеръ Оттона II.—Унитарныя мѣропріятія въ Германіи; Баварія и Лотарингія.—Пограничная политика на сѣверѣ и востокѣ.—Мировыя отношенія въ нижней Италіи: Византія и исламъ.—Вмѣшательство и пораженіе Оттона въ нижней Италіи.—Смерть императора.—Славянскія возстанія, потеря Даніи, вторженія викинговъ, приобрѣтеніе Фрисландіей самостоятельности, споры за тронъ, разрушеніе единства имперіи во время несовершеннолѣтія Оттона III. . . 423—430

Національная духовная жизнь при Оттонахъ.

I. Противодѣйствіе германскихъ племенъ созданіямъ Каролинговъ въ началѣ X вѣка.

Стран.

Римско-абсолютистическій характеръ Каролингскаго міроваго владычества.—Его паденіе.—Проявленіе нѣмецкой племенной культуры въ правѣ и государственномъ устройствѣ: герцогства.—Паденіе племенныхъ герцогствъ и племенной культуры въ XI—XIII столѣтіи, ихъ расцвѣтъ въ X столѣтіи 431—434

II. Основы духовной жизни націи.

Частное право, судопроизводство; индивидуумъ, какъ субъектъ правъ.—Товарищеская жизнь; измѣненія въ устройствѣ марки.—Родъ и семья: упадокъ значенія рода, новый типъ семьи въ правовомъ, нравственномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. 435—439

III. Нравственное и интеллектуальное бытіе.

Нравственность, какъ историческое понятіе.—Несвобода нравственныхъ понятій; формальность ихъ; типичность нравственнаго поведенія.—Объективный составъ нравственности: общество юно и въ злѣ и добрѣ.—Нравственное и интеллектуальное бытіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.—Предметность мышленія.—Безличность языка.—Типичность интеллектуальнаго пониманія: недостатокъ пониманія массовыхъ явленій, вѣра въ авторитетъ и чудеса, недостатокъ въ пониманіи характеровъ 439—445

IV. Искусство и поэзія.

Растительная орнаментика отъ VIII до XII столѣтія. Упадокъ орнаментальнаго возрѣнія на искусство.—Второй расцвѣтъ условной животной орнаментики на постройкахъ XII столѣтія.—Упадокъ древней героической пѣсни.—Развитіе видовой эники съ VIII по XII столѣтіе: анекдотъ, миѳическая пѣсня; видоизмѣненіе древняго эпическаго матеріала: легенда, повѣсть, животная басня.—Музыка и поэзія.—Новые элементы поэтической формы.—Зачатки лирически-сентиментальной поэзіи 445—450

V. Вѣра и благочестіе.

Церковь и христіанство въ отношеніи къ нѣмецкой національной жизни съ VIII до XII столѣтія.—Возрастающее христіанско-германское чувство.—Конкретный супранатурализмъ въ долгѣ и жизни; почитаніе святыхъ и вѣра въ чудеса.—Аскетизмъ. 450—456

VI. Пустынножителство и церковная реформа.

Бѣгство изъ міра: отшельничество и стремленіе къ странствіямъ.—Лотарингская церковная реформа и ея развѣтвленія влѣво отъ Рейна.—Попытка къ реформѣ въ правобережной странѣ Рейна.—Духовная жизнь реформированнаго монашества.—Вліяніе на церковь и государство 456—461

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Возрожденіе при Оттонахъ; церковная реформа и міровая политика въ концѣ X и въ началѣ XI столѣтія.**I. Принципы и характеръ Оттоновскаго возрожденія.***Стран.*

Церковь—носительница Каролингскаго возрожденія.—Новое возрожденіе исходитъ отъ королевскаго двора.—Отраженіе его на клирѣ и монастыряхъ.—Участіе отдѣльныхъ народныхъ слоевъ: зависимость отъ этого характера возрожденія. 462—468

II. Культура Оттоновскаго возрожденія.

Искусство: техника финифтяныхъ работъ и пластика слововой кости.—Школа миниатюръ, германское вліяніе въ живописи.—Исторіографія.—Поэзія: Гросвита и ея произведенія, позднѣйшіе поэты 468—474

III. Духовныя движенія во Франціи и Италіи въ X столѣтіи.

Классическое воспріятіе въ сѣверной Италіи и сѣверной Франціи, какъ дальнѣйшее развитіе Каролингскаго возрожденія.—Французскій аскетизмъ: Кюлли и его пропаганда до конца X столѣтія.—Итальянскій аскетизмъ: святой Ниль и святой Ромуальдъ 474—478

IV. Императорская политика Оттона III.

Положеніе духовенства въ Европѣ въ началѣ самостоятельнаго правленія Оттона III.—Церковная политика и религіозныя склонности Оттона; Адальбертъ Пражскій.—Цезарскіе идеалы императора; Гербертъ Орильякскій.—Катастрофа; поведеніе націи. 478—485

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Созданіе римской имперіи нѣмецкой націей.**I. Охраненіе королевской власти Генрихомъ II.**

Избраніе короля.—Новое единеніе имперіи.—Измѣненіе внутренняго положенія сравнительно съ Оттонами.—Попытка органическаго вмѣшательства во внутреннюю политику. 486—491

II. Правленіе Конрада II въ Германіи.

Избраніе Конрада.—Укрѣпленіе имперіи.—Императорское коронованіе.—Внутреннія затрудненія: герцогъ Эрнстъ Швабскій, герцогъ Адальбертъ Каринтійскій.—Общая внутренняя и социальная политика Конрада. 491—497

III. Внутренняя политика Генриха III.

Характеръ Генриха.—Введеніе въ имперіи особаго рода мира по образцу *Regna Dei*.—Отношеніе къ духовнымъ и свѣтскимъ князьямъ.—Возстанія свѣтскихъ князей; герцогъ Готфридъ верхне-лотарингскій 497—501

IV. Нѣмецкая политика на сѣверныхъ и восточныхъ границахъ имперіи.

Стран.

Эльбо-славянская и сѣверная политика при Генрихѣ II и Конрадѣ II.—Переходъ славянской и сѣверной политики къ герцогству саксонскому и архіепископству Бременскому.—Германія и государство на средней, южной и восточной границахъ: Польша, Богемія, Венгрія 501—509

V. Нѣмецкая политика на западной границѣ имперіи и въ Италіи.

Отношеніе къ Франціи.—Вмѣшательство во Фландрію.—Пріобрѣтеніе Бургундіи.—Первыя вторженія Генриха II въ Италію.—Итальянская политика папы Бенедикта VIII; Генрихъ II и его конецъ.—Пріобрѣтеніе верхней Италіи Конрадомъ II.—Отношеніе Конрада къ нижней Италіи (Норманны).—Средняя и верхняя Италія въ послѣдніе годы Конрада. 509—515

VI. Общій характеръ нѣмецкой политики въ первой половинѣ XI столѣтія.

Внутренняя политика.—Перенесеніе центра тяжести имперіи изъ сѣверной Германіи (Саксоніи) на югъ.—Отказъ отъ Оттоновской міровой политики: римская имперія нѣмецкой націи. 515—518

КНИГА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Церковь и государство въ первой половинѣ XI вѣка.

I. Нѣмецкая церковь въ первые года царствованія Генриха II.

Характеръ и религіозное положеніе Генриха II.—Политика короли относительно епископствъ и монастырей.—Основаніе Бамбергскаго епископства 521—523

II. Ключійскія реформаторскія идеи въ Германіи до смерти Генриха II.

Завершеніе ключійской реформаторской системы приблизительно въ концѣ X и началѣ XI столѣтій; ея іерархическая программа: николаитизмъ, симонія, отношенія между свѣтскою (Regnum) и духовною властью (Sacerdotium).—Вліяніе на нѣмецкую реформу.—Вліяніе на дворъ (Генриха II); оппозиція нѣмецкой церкви, руководимая Арибономъ Майнцкимъ 523—529

III. Успѣхи ключійскихъ идей въ Германіи при Конрадѣ II и въ первые годы Генриха III.

Ослабленіе нѣмецкой епископальной оппозиціи при Конрадѣ II.—Дальнѣйшая реформація нѣмецкихъ монастырей въ духѣ Ключи; Попонъ изъ Стабло.—Вліяніе Ключійскаго духа на свѣтскій міръ; завершеніе новаго міровоззрѣнія съ церковной окраской; возвышеніе общественнаго положенія клира: воздѣйствіе на государство и королевскую власть въ первые годы Генриха III. 529—533.

IV. Генрихъ III и папство.

Стран.

Расколъ трехъ папъ въ Римѣ.—Первый итальянскій походъ Генриха: переходъ папскаго престола къ партіи реформы; пріобрѣтеніе Норманнами самостоятельности въ нижней Италиі.—Левъ IX, какъ основатель папскаго вліянія во Франціи и нижней Италиі.—Викторъ II, какъ продолжатель политики Льва IX, второй походъ императора Генриха въ Италию 533—537

V. Упадокъ нѣмецкой имперской власти отъ смерти Генриха III до самостоятельнаго правленія Генриха IV.

Опека императрицы Агнесы, совмѣстная съ ней дѣятельность Виктора II, разрывъ императрицы съ епископами.—Похищеніе короля, епископское правленіе Аннона Кёльнскаго и Адальберта Бременскаго.—Король достигъ совершеннолѣтія, но находится всецѣло подъ вліяніемъ Адальберта.—Паденіе Адальберта. 537—541

VI. Первое униженіе нѣмецкой имперіи и нѣмецкой церкви передъ куріей.

Усиленіе папскаго могущества до смерти Николая II.—Посланіе Гумберта Contra Simoniacos, внѣшняя политика Гильдебранда при Николаѣ II, Decretum Nicolai.—Избраніе и окончательное признаніе Александра II: первая побѣда реформистскаго папства надъ нѣмецкой имперіей. 541—546

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Генрихъ IV; борьба между королевской и папской властью.

I. Саксонско-тюрингское возстаніе до 1074 года.

Взглядъ на отношенія между имперіей и реформистскою церковью въ первой половинѣ XI столѣтія.—Саксонскія отношенія до полной самостоятельности Генриха IV.—Генрихъ, герцогъ Оттонъ Нордгеймскій и Магнусъ саксонскій.—Возстаніе 1073—1074. 547—553

II. Генрихъ IV и Григорій VII до перваго изгнанія Генриха, 1076.

Развитіе папства въ годы 1064—1073.—Реформистскія попытки Григорія VII въ Германіи, запутанность саксонскаго возстанія.—Разрывъ папы съ королемъ, лишеніе Григорія сана, изгнаніе Генриха. 553—559

III. Генрихъ IV и Григорій VII до втораго изгнанія короля, 1086.

Союзъ Григорія съ нѣмецкими князьями, избраніе Рудольфа Рейнфельденскаго.—Южно-германское противодѣйствіе въ пользу Генриха.—Соединеніе анти-короля съ саксонскимъ возстаніемъ.—Принятіе Григоріемъ стороны анти-короля. 559—563

IV. Императорское коронованіе Генриха IV, смерть Григорія VII.

Смерть Рудольфа швабскаго, избраніе Германа Люксембургскаго въ анти-короли.—Король Генрихъ и итальянская политика: избраніе анти-папы Климента III, поѣздка въ Римъ и императорское коронованіе Генриха, смерть Григорія. 563—566

V. Всемирное значеніе папства; первый крестовый походъ.

Стран.

Мирная политика Генриха въ Германіи, политическіе результаты въ Италіи.—Отпаденіе Конрада — Проповѣдь крестоваго похода, завоеваніе Іерусалима.— Императоръ Генрихъ покинутый въ Италіи. . . 566—571

VI. Послѣдніе годы и паденіе Генриха.

Возобновленныя стремленія императора къ миру въ Германіи.— Папистское преслѣдованіе, недовольство князей, отпаденіе младшаго Генриха.— Смерть императора. 571—575

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Побѣда церковныхъ идей надъ папскою и надъ императорскою властью.

I. Успѣхи христіанскаго благочестія, разрывъ съ григоріанскою системою.

Клюнійцы и григоріанцы въ Германіи: Вильгельмъ Гирсаускій.— Новыя духовныя движенія на романской почвѣ: діалектическое теченіе во Франціи (Абеляръ), благочестивыя движенія въ сектахъ и новыхъ орденахъ (Бернаръ Клервосскій).—Перенесеніе этихъ движеній въ Германію: секты въ Швабіи и на нижнемъ Рейнѣ, бернардинцы при пѣмцкихъ епископахъ.—Герцогъ Рейхерсбергскій 576—584

II. Генрихъ V.

Первое пятилѣтіе царствованія Генриха, его отношеніе къ князьямъ имперіи и куріи.— Поѣздка въ Римъ, пораженіе Насхалія II.— Григоріанцы противъ императора, возстанія въ Германіи.— Второй походъ Генриха въ Италію.— Миръ въ Германіи при возобновленномъ могуществѣ князей, соглашеніе между Генрихомъ и Калликстомъ II (Вормскій Конкордатъ).—Саксы въ послѣдніе годы Генриха. 585—591

III. Императоръ Лотарь.

Избраніе Лотаря, его причины и ближайшіе результаты.— Борьба противъ Штауфеновъ до первой поѣздки въ Римъ.— Положеніе папства, расколъ Анаклета II, Лотарь и Иннокентій II до признанія папства королемъ.— Первая поѣздка въ Римъ Лотаря.— Второй итальянскій походъ, раздоръ съ папой, смерть Лотаря.— Ближайшія судьбы папства послѣ смерти императора. 592—599

IV. Конрадъ III до конца второго крестоваго похода.

Избраніе Конрада.— Борьба съ Вельфами.— Смуты въ имперіи, угрожающая анархія.— Второй крестовый походъ; латинскія государства на востокъ; проповѣдь крестоваго похода Бернара Клервосскаго; крестовый походъ и неудачный его исходъ 599—605

V. Послѣдніе годы Конрада.

Конрадъ, Курія и Роджеръ Сицилійскій передъ крестовымъ походомъ.— Неудачи Конрада въ Италіи послѣ крестоваго похода.— Тщетныя попытки къ возстановленію королевскаго могущества въ Германіи.— Упадокъ королевской власти въ эпоху великихъ религіозныхъ движеній 606—608

ИСТОРИЯ
ГЕРМАНСКАГО НАРОДА.

К. ЛАМПРЕХТА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

В В Е Д Е Н І Е

Историческій очеркъ развитія нѣмецкаго національнаго сознанія.

I.

Характернымъ признакомъ настоящаго времени можно считать вѣру въ право и въ прочность результатовъ національныхъ движеній. Мы склонны даже думать, что тотъ народъ, который утратилъ свое національное сознаніе, погибнетъ. Съ внѣшними проявленіями этого сознанія, а именно съ рѣзко выраженной формой національной гордости мы встрѣчаемся при всѣхъ поворотахъ въ судьбахъ европейскихъ народовъ.

Не всегда было такъ. Космополитизмъ прошлаго столѣтія, напирь, иначе смотрѣлъ на дѣло. Само понятіе—национальное сознаніе,—указываетъ на то, что оно не всегда существовало. Ибо что же такое національное сознаніе, какъ не историческое развитіе единомыслія всѣхъ соплеменниковъ въ существенныхъ вопросахъ какъ обособленнаго, такъ и совмѣстнаго существованія? Мы находимъ его въ представленіяхъ и чувствахъ отдѣльныхъ лицъ; какъ цѣлое, — какъ независимая отъ единичныхъ индивидуумовъ сумма понятій, — она составляетъ силу, которая возбуждаетъ, воодушевляетъ и увлекаетъ.

Характеръ національнаго сознанія, какъ историческаго двигателя, измѣняется вмѣстѣ съ временемъ; въ настоящее время оно по преимуществу политическое: естественнымъ его слѣдствіемъ является національное государство.

Такой характеръ понятіе это, имѣющее нынѣ почти силу логическаго требованія, приняло недавно, представляя результатъ политической и научной работы мысли девятнадцатаго вѣка. Если мы съ этой ступени развитія оглянемся назадъ на болѣе раннюю эпоху

исторіи нашего народа, то мы увидимъ, что національное существованіе ставило тогда совершенно противоположныя требованія: въ эту эпоху отрицалось національное государство, политическій прогрессъ націи шелъ совершенно въ другихъ направленіяхъ; національное существованіе опиралось тогда единственно только на вѣру въ естественную связь соплеменниковъ. Между этими крайностями: съ одной стороны отрицаніемъ всякаго національнаго государства, а съ другой— абсолютнымъ требованіемъ именно общаго національнаго государства, колебалось нѣмецкое національное сознаніе со временъ Цезаря до настоящаго времени, и понятно, что переходныя ступени въ поступательномъ движеніи отъ одной изъ этихъ крайностей къ другой представляютъ высшія фазы національнаго развитія вообще.

Тацитъ во второй главѣ своего сочиненія «Германія» о нашихъ предкахъ рассказываетъ слѣдующее: въ своихъ древнихъ нѣсняхъ, единственныхъ ихъ историческихъ источникахъ, они прославляютъ бога Туискона рожденнаго матерью—землею и его сына Манна, какъ родоначальниковъ и основателей ихъ рода. Манну приписываютъ они трехъ сыновей, по именамъ которыхъ названы: племена, живущія ближе всѣхъ къ океану—Ингвэонами,—живущія посреди—Герминонами и остальные—Иствэонами.— Въ этомъ разказѣ выражается взглядъ на естественное единство націи,—взглядъ, опирающійся на миѳологическія символическія данныя; въ этомъ только преданіи, и ни въ чемъ больше, сознаніе національнаго существованія. Въ содержаніи преданія вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно опредѣляется отличіе отъ другихъ народовъ: оно касается не только происхожденія Германцевъ, но и происхожденія человѣка вообще: отцомъ родоначальниковъ этихъ трехъ народностей является Маннъ—мыслящій, духовно-одаренный мужъ, въ полномъ смыслѣ слова человѣкъ; свѣдѣнія же о томъ, что предшествовало Манну, теряются во мракѣ божественнаго происхожденія. Въ преданіи этомъ высказалось естественное національное сознаніе, подобное тому, какое мы находимъ въ болѣе древнія времена у эллиновъ: у послѣднихъ одни лишь соплеменники считались людьми въ полномъ смыслѣ этого слова, въ силу ихъ божественнаго происхожденія; имъ противопоставлялись иноплеменники, какъ люди низшаго порядка, какъ варвары. Потому-то и не было необходимости давать отдѣльныя названія чуждымъ національностямъ: всѣ онѣ въ совокупности назывались варварами; только въ болѣе позднее историческое время, принадлежавшее Кельтской массѣ населенія названіе Вельши (Wälsche ¹⁾) было подхвачено Германцами и сдѣлалось общимъ германскимъ названіемъ для кельтовъ.

Гордаго сознанія принадлежности въ силу естественнаго происхо-

¹⁾ Именемъ Welsch обозначались впослѣдствіи обитатели Валлиса и вообще романскіе народы,—а вначалѣ одни средне-европейскіе кельты. *Прим. пер.*

жденія къ единственному вполнѣ человѣческому, избранному народу было вполнѣ достаточно для основы національнаго единства: въ какомъ же еще подтвержденіи нуждалось это единство? Развѣ требовалось единство государства? Если бы даже уровень культуры и политическое счастье дѣлали это единство тогда осуществимымъ, то какъ мало могло бы это способствовать болѣе блестящему проявленію божественныхъ свойствъ національныхъ судебъ! Въ этомъ отношеніи не было даже никакого повода къ образованію политическаго національнаго сознанія.

Отсутствіе политическаго національнаго сознанія ясно обнаружится и тогда, когда мы вмѣсто національной совокупности остановимъ свое вниманіе на отдѣльныхъ личностяхъ, въ составъ ея входившихъ. Германцы, — возьмемъ ли мы сѣверныя и южныя племена, или вождей перваго и четвертаго столѣтій, — всѣ такъ похожи другъ на друга ¹⁾, что до чрезвычайности легко смѣшать ихъ. Единство типа еще не нарушилось ни въ силу дифференцированія экономической культуры, ни вслѣдствіе различныхъ развѣтвленій и обособленій въ духовной жизни. Зачѣмъ при такомъ однообразіи индивидуальнаго существованія понадобились бы высшія постепенныя сочлененія, какъ то требуется для созданія единаго государства? Такому состоянію и соответствовало именно раздробленіе государства.

Такое раздробленіе и совершилось въ значительномъ размѣрѣ. Нація распалась на множество мелкихъ народностей, которыя въ свою очередь расчленились на военно-генеалогическія группы приблизительно въ тысячу душъ, на такъ называемыя сотни. Сотня, (Hundertschaft) опираясь на единство естественнаго происхожденія, являлась единственнымъ законнымъ и прочнымъ исходнымъ пунктомъ въ этомъ постепенномъ подраздѣленіи. Правда, нѣсколько сотенъ обыкновенно сливались на болѣе или менѣе долгое время въ одно племя; но роковыя случайности, борьба и переселенія, побѣды и пораженія легко отрывали ту или другую сотню отъ прежнихъ союзниковъ и заставляли ее примыкать къ другимъ племенамъ. Такъ создавалось и исчезало не мало народностей въ теченіи дюжины поколѣній, въ продолженіи которыхъ мы можемъ прослѣдить германскую жизнь древнихъ временъ, и только историческая пѣснь сохраняетъ воспоминанія о подвигахъ и о гибели исчезнувшихъ народовъ. — Это было такое политическое состояніе національнаго существованія, которое лучше всего можно сравнить съ жизнью низшихъ животныхъ организмовъ: и здѣсь такое же легкое и безопасное распаденіе сложныхъ особей на ихъ болѣе простые члены, за которымъ слѣдуетъ измѣнчивое соединеніе послѣднихъ въ новые болѣе или менѣе сложные организмы.

1) Sybel, Deutsche Nation § 1 и 2.

Этотъ періодъ времени, а съ нимъ вмѣстѣ и обоснованіе національнаго сознанія на первоначальномъ естественномъ единеніи, символически выраженномъ въ преданіи о происхожденіи, начинаетъ исчезать во второмъ или въ третьемъ столѣтіи послѣ Р. Х. Первую брешь сдѣлало вторженіе германскихъ народностей въ предѣлы римской всемірной имперіи: какимъ образомъ, при сопоставленіи съ безконечнымъ культурнымъ превосходствомъ имперіи, могла устоять гордая мысль о превосходствѣ германцевъ во всѣхъ отношеніяхъ надъ всѣми другими народами на всѣхъ поприщахъ жизни? Затѣмъ міровоззрѣніе это подрывается еще сильнѣе подъ вліяніемъ христіанства, проповѣдующаго братство народовъ. Но силы эти не могли окончательно побѣдить это міровоззрѣніе, уже потому не могли, что римская имперія и христіанство оказали свое вліяніе только на южныя и западныя вѣтви германскихъ племенъ. Не могло искоренить это воззрѣніе и новое германское внутреннее развитіе.

Между отдѣльными народностями существовали уже общіе религиозные союзы во времена Цезаря и Тацита. Были ли эти союзы предвѣстниками большихъ политическихъ союзовъ позднѣйшихъ племенъ? По отношенію къ нѣкоторымъ племенамъ такое предположеніе весьма вѣроятно; вполне вѣрно то, что нельзя приписывать одному только какому-нибудь причинному фактору возникновенія столь существенныхъ еще и въ настоящее время отличій между главными племенами: Баварцами, Швабами, Аллеманами, Франками, Саксами. Старое политическое устройство мелкихъ народностей пережило свое время; эти народности стремились къ группировкѣ въ высшія единицы; успѣхи матеріальной культуры требовали болѣе обширныхъ союзовъ. Это былъ противовѣсъ Риму, который съ третьяго столѣтія былъ больше занятъ нападеніемъ, чѣмъ обороною, что должно было соединять мелкія слабыя народности въ государственные прочныя союзы; еще нѣкоторыя другія причины обусловливали объединеніе отдѣльныхъ германскихъ племенъ, начиная съ третьяго по пятое столѣтіе.

Съ возникновеніемъ этихъ племенъ и идея символическаго естественнаго единства Нѣмцевъ вступила въ послѣднюю фазу виѣшняго своего проявленія. Правда, и теперь продолжаютъ возникать генеалогіи племенъ, но какъ могъ удержаться до тѣхъ поръ распространенный взглядъ на племенное постоянство при постоянномъ перемѣщеніи народовъ во время великихъ переселеній, при тѣхъ ударахъ судьбы, какіе постигали далеко отъ родины на чужой сторонѣ. Готовъ, Вандаловъ, Бургундовъ и Свевовъ? Племенное сознаніе переростало первобытное сознаніе, опираясь уже не на естественныя связи, а на общность историческихъ судебъ.

Доказательствомъ сказаннаго могутъ служить дошедшіе до насъ первые проблески племеннаго сознанія. Въ прологѣ къ «Салійскому

Закону» относящемуся къ концу пятого и началу шестого вѣка, племя Франковъ восхваляется какъ знаменитое и созданное Богомъ¹⁾, символически-естественное національное сознание звучитъ еще въ содержаніи племенной саги. Но когда народъ прославилъ себя своими природными качествами, своей военной силой, вѣрностью въ исполненіи договоровъ, глубокомысліемъ въ совѣтахъ, благородствомъ духа и тѣла, смѣлостью, быстротой и силой воли, онъ выражаетъ уже свою племенную гордость въ слѣдующихъ словахъ: «Это тотъ народъ, который въ храброй и смѣлой борьбѣ свергнулъ съ себя тяжелое иго Римлянъ; по принятіи же христіанства Франки украшали золотомъ и драгоценностями изображенія святыхъ и мучениковъ, которыхъ Римляне сжигали, прокалывали мечемъ или бросали на съѣденіе дикимъ звѣрямъ».

Съ теченіемъ времени племенное сознание принимаетъ все болѣе и болѣе опредѣленный историческій характеръ. Такъ, на примѣръ, оно получаетъ свое выраженіе въ преданіяхъ, въ которыхъ исторія племени излагается въ великой судьбѣ ихъ героевъ, также въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Іордана и Павла Діакона, всецѣло проникнутыхъ отпечаткомъ племеннаго сознанія; но нигдѣ оно не выразилось такъ высокомерно, какъ у Франковъ. Съ гордостью они называютъ себя передъ однимъ изъ папъ восьмага вѣка великодушнымъ народомъ Франковъ²⁾, а въ одномъ римскомъ сочиненіи того же времени, въ которомъ Св. Петръ проситъ у Франковъ помощи, этотъ Святой называетъ ихъ своими пріемными сыновьями, такъ какъ извѣстно-де, что Франки гораздо больше другихъ народностей, живущихъ на землѣ, преданы божественному посланнику Петру.

Не подлежитъ сомнѣнію, что побѣда, одержанная этимъ племеннымъ сознаніемъ надъ старо-національной символикой естественныхъ связей, представляла серьезную опасность для нѣмецкой народности, какъ цѣлого. Подъ его вліяніемъ, упрочившимся благодаря далекимъ переселеніямъ, благородныя племена востока, Готы и Лангобарды, Вандалы и Севы, утратили свои нѣмецкія названія.

По особому благоволенію судьбы возникло чрезвычайно важное политическое расширеніе владѣній именно тамъ, гдѣ наиболѣе сильно развита была племенная гордость. Франки не ограничивали свои честолюбивыя замыслы одной той областью, которую занимало ихъ племя; королевская династія Мервинговъ, начавъ подчиненіемъ сальскихъ Франковъ, занимавшихъ область по Шельдѣ, покорила всѣ другія франкскія племена и приобрѣла господство надъ Аллеманами, Тюрингами и Баварцами. Этимъ путемъ, конечно, не могло возникнуть единое нѣмецкое государство, которое включало бы въ себя

1) *Auctore deo condita, Hessels und Kern. § 422.*

2) *Ep. Carol. 2, Iaffé 341, 785.*

всѣ племена. Меровинги далеко не были въ состояніи утвердиться, какъ единственные властители на правомъ берегу Рейна; ихъ владычество носило здѣсь характеръ азіатскихъ деспотій; оно ограничивалось главнымъ образомъ хозяйственными требованіями и военными претензіями; о единомъ франкскомъ правительствѣ почти не было и рѣчи; племенные государства оставались обособленными типами государствъ, управлявшихся собственными князьями.

Меровингское государство отнюдь не состояло изъ однихъ только чисто-нѣмецкихъ племенъ, расположенныхъ къ западу отъ Вогезовъ. Не менѣе распространилось оно на югъ, въ Бургундію и Провансъ, въ среднюю Францію и Аквитанію: рядомъ съ германской частью государства появилась романская его часть.

При такой двойственности отношеній не могло развиваться отличное нѣмецкое сознаніе единства государственнаго строя. Племенное сознаніе склонялось на сторону единства нѣмцевъ, хотя и встрѣчало препятствія для полнаго своего проявленія; для государства же, какъ цѣлаго, развилося лишь политическое сознаніе господствующаго класса, которое писателями того времени какъ вовнѣ, такъ и внутри государства, совершенно правильно отмѣчалось какъ франкское. Это сознаніе далеко не было національнымъ, нѣмецкимъ. Оно указывало лишь на фактъ наличности свободы и политическаго развитія господствующихъ классовъ. Оно сохранило свои слѣды во французскомъ словѣ *franc*, въ итальянско-португальско-испанскомъ *franco*; въ верхнегерманскомъ нарѣчій мы впервые заимствовали это слово въ указанномъ смыслѣ изъ французскаго языка, а именно въ новѣйшемъ измѣненіи: «*frank und frei*».

На рубежѣ седьмаго и восьмаго столѣтія это государство какъ единое, въ указанномъ выше значеніи этого слова, перешло изъ рукъ вымиравшей старокоролевской династіи въ руки Каролинговъ. Первые правители новой династіи возстановили его въ его прежнемъ объемѣ; Пеппинъ расширилъ владѣнія въ Италіи. Карлъ Великій унаслѣдовалъ власть, задачи и даже планы Пеппина; при немъ Франкское государство становится всемірнымъ государствомъ, придвинувшись къ центру классическихъ традицій—Риму, а вмѣстѣ съ тѣмъ—стало быть и къ центру тогдашней новой духовной жизни—папству. Коронованіе императора и образованіе Западной имперіи рядомъ съ Восточной Византійской сдѣлали съ начала девятаго вѣка очевиднымъ для всѣхъ все пріобрѣтенное цѣною тридцатилѣтнихъ усилій. *Regnum Francorum* исчезаетъ, вновь оживаетъ *Imperium* и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно изъ года въ годъ все болѣе и болѣе упрочивается и становится все болѣе ясной давно подготовленная идея объ императорскомъ божьемъ царствѣ на землѣ, о христіанской теократіи.

Возможно ли было думать при такихъ условіяхъ о развитіи нѣ-

мецкаго національнаго сознанія? Когда Карлъ Великій завоевалъ Саксонію и надолго присоединилъ къ своей имперіи Баварію, — то руководился ли онъ при этомъ намѣреніемъ подчинить своей волѣ прежде всего нѣмецкія племена? Не завоевалъ ли онъ также испанскую марку и Беневентъ, — не простирались ли его замыслы на Сицилію, и Далмацію? Не нужно ли было ему завладѣть землями до Эльбы для умиротворенія нижнерейнскихъ странъ и Баваріи, чтобы противопоставить ее византійскому Востоку? Карлъ Великій по существу былъ нѣмецъ, политика же его носила универсальный характеръ.

Да и была ли возможна, хотя бы даже въ нѣкоторыхъ только отношеніяхъ, нѣмецко-національная политика во времена Каролинговъ? Древнее символическое народное сознаніе совершенно исключало такую политику уже въ силу присущаго ему характера. — Германцы ни разу не сливались во едино для защиты противъ Рима даже при самыхъ критическихъ обстоятельствахъ. Племенное сознаніе, смѣшивъ древнее національное сознаніе, прямо исключало подобную политику. Во время наиболѣе сильнаго развитія племеннаго сознанія у одного только нѣмца зародилась мечта о всемірномъ государствѣ съ нѣмецкимъ характеромъ, а именно у Остгота Теодориха. Все, что онъ сдѣлалъ для осуществленія этой мечты, осталось безъ послѣдствій; однако же нѣмецкое преданіе отвело ему то центральное мѣсто, въ которомъ отказала ему суровая историческая дѣйствительность.

Долженъ ли былъ Карлъ Великій возобновить фантастическій планъ Остготскаго короля, имѣя даже въ своемъ распоряженіи значительно большую матерьяльную силу? Уже универсальное значеніе церкви препятствовало ему въ этомъ. Со временъ Теодориха, когда такъ живо было очарованіе римскихъ воспоминаній, христіанство успѣло сдѣлаться единственной всемірной силой. Оболочка лопнула, зерно оказалось плодоноснымъ и дало ростокъ. Имперія и императоры успѣли истлѣть, а апостолы новой вѣры перешли сѣверныя границы разрушенной всемірной Имперіи. Для Карла не оставалось никакого выбора: онъ могъ организовать массу своихъ завоеваній и удерживать надъ ними свою власть только при помощи Церкви; лишь оставаясь властителемъ Церкви и Папы, онъ могъ оставаться и властителемъ покоренныхъ имъ странъ. — Такимъ образомъ государство по его планамъ стало императорскимъ царствомъ божіимъ на землѣ и національная идея поблѣднѣла передъ Распятіемъ.

II.

Послѣднее десятилѣтіе царствованія великаго императора было уже тяжелымъ временемъ; на его могилѣ началось распаденіе Имперіи.

Оно произошло въ силу личныхъ промаховъ правящей династїи и благодаря безплоднымъ раздорамъ свѣтскихъ и духовныхъ вельможъ; національная идея тутъ была ни при чемъ. Проявлялась, правда, нѣкоторая общность пониманія политическихъ событій съ одной стороны въ нѣмецкихъ областяхъ государства, а съ другой въ романскихъ, — и въ расположеніи или въ нерасположеніи къ стоящимъ во главѣ государства лицамъ отражалось безсознательное вліяніе національнаго пониманія. Но эти дремлющія и противоположныя другъ другу понятія мало пробивались наружу. По прежнему продолжалось еще подраздѣленіе Имперіи на восточно-и западно-франкскія половины и въ многочисленныхъ мелкихъ областяхъ государства никогда при каролингскихъ энигонахъ не высказывалась вполне противоположность между нѣмецкой и вельшской національностями, хотя позднѣйшія марки обѣихъ національностей были разграничены постоянно измѣняющимися границами.

Въ то же время среди смуть и династическихъ распрей продолжало развиваться нѣмецкое національное сознаніе. Въ общемъ новый процессъ обнимаетъ періодъ отъ девятого до одиннадцатаго столѣтія; мало по малу онъ приводитъ къ сознанію внѣшняго типическаго отличія нѣмцевъ отъ другихъ народовъ, которое затѣмъ выражается въ признаніи отдѣльнаго языка. Уже во второй половинѣ восьмага столѣтія мы находимъ слово *Deutsch*, происшедшее изъ западно-арійскаго коренного слова «*diot*» «народъ» и производныхъ отъ него словъ «*diuten*» — «сдѣлать народными» и «*githuiti*», «пониманіе», въ смыслѣ «понятное для народа» и въ примѣненіи къ языку. Въ началѣ девятого столѣтія это слово противопоставляется бывшему въ общемъ употребленіи римскому т. е. созидавшемуся романскому языку. Болѣе широкій смыслъ слово это должно было преобрѣсть прежде всего тамъ, гдѣ нѣмцы жили смѣшанно съ чужеземцами или тамъ, гдѣ они по крайней мѣрѣ, часто сталкивались съ ними. Такъ было въ Италіи: въ 843 году здѣсь впервые появляется слово *teutiscus* для обозначенія нѣмецкаго типа вообще, для обозначенія принадлежности къ народу ¹⁾.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ значенія этого слова мы встрѣчаемся также въ верхней Италіи, поля которой въ десятомъ и одиннадцатомъ столѣтіяхъ довольно часто и много разъ видали въ теченіи продолжительнаго времени нѣмецкихъ воиновъ, и которая съ этого времени составляла даже часть римской имперіи нѣмецкой націи. Здѣсь впервые понятіе это получаетъ политическое значеніе; съ начала нашего тысячелѣтія говорятъ уже о нѣмецкомъ государствѣ.

Медленнѣе и на иной ладъ понятіе это развивается на собственно нѣмецкой почвѣ. Въ девятомъ столѣтіи и во времена Генриха I,

¹⁾ Muratori Ant. It. 2, 971.

Саксонскаго короля, не существуетъ еще никакого слова для общаго обозначенія нѣмецкихъ обитателей новаго государства; если хотять обозначить племена общимъ именемъ, то говорятъ о Франкахъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, или пользуются выраженіемъ варвары, бывшимъ въ употребленіи во время оно у римлянъ. Еще менѣе государство носитъ характеръ нѣмецкаго, — это Остѣ-франкское государство Саксовъ и Франковъ.

Слово Deutsch входитъ въ употребленіе на востокѣ отъ Вогезовъ только во второй половинѣ десятаго столѣтія и опять таки для обозначенія противоположности Славянамъ и Итальянцамъ. Вначалѣ оно отнюдь не является національнымъ именемъ, а скорѣе заимствуется государственными людьми и учеными изъ итальянскаго обихода. На это указываетъ уже самая конструкція слова: употребляется не слово *teutiskus*, которое уже раньше и правильно производилось отъ слова *thiutisk* латинскаго простонароднаго нарѣчія, а ученая форма *teutonicus*, напоминающая о Кимврахъ и Тевтонахъ и о бывшемъ, по всей вѣроятности, не нѣмецкомъ названіи послѣднихъ ¹⁾. Но и въ этой формѣ слово это въ десятомъ столѣтіи относится почти только еще къ языку. Только въ одиннадцатомъ столѣтіи значеніе слова расширяется, и оно служитъ для обозначенія національнаго типа и прежде всего у писателей, имѣвшихъ отношенія къ Италиі ²⁾, и не ранѣе 1080 года раздается впервые слово о нѣмецкомъ отечествѣ (*Teutonica patria*).

При всемъ томъ идея о политическомъ національномъ сознаніи еще не существовала. Отнынѣ нѣмецъ по своимъ внѣшнимъ типическимъ чертамъ ясно отличался отъ другихъ типовъ; достигнуто было такимъ образомъ конкретное, а не символическое сознаніе естественной національности.

Еслибы въ десятомъ вѣкѣ, во времена короля Генриха, или въ началѣ царствованія Оттона Великаго существовало политическое сознаніе національности, то не проявилось ли бы оно прежде всего въ прочномъ и окончательномъ созданіи національнаго единства?! Случилось же совершенно противоположное. Едва нація внѣшнимъ образомъ сплотилась, какъ она воспользовалась своимъ превосходствомъ передъ медленно развивающимися западно-европейскими народами, чтобы направить свои усилія къ достиженію идеала новой римской всемірной имперіи. Оттонъ получаетъ императорскую корону въ Римѣ, завоевывается Италиа, овладѣваютъ Бургундіей, — вновь возникла монархія каролинговъ. И если новая имперія не достигла границъ прежней имперіи, то она все же была настолько же универсальна во всѣхъ отношеніяхъ, какъ и та. Никогда не думали ве-

1) Müllenhoff D. A. 2, 213—215.

2) Brun V. Qüerfurt, Adalberti c. 4, 9, 10 Giesebrecht, d. Kaiserzeit 1, 859.

сти нѣмецкую пропаганду въ Италиі или Бургундіи. Ни разу важнѣйшія государственныя учрежденія не вводились въ равной степени въ Германіи и въ другихъ странахъ. Ленный строй Италиі и Бургундіи былъ совершенно отличенъ отъ строя Германіи, между тѣмъ какъ во Франціи и Германіи строй этотъ развивался почти одинаково и изъ однородныхъ основаній. Еще менѣе стремилась Германія занять преимущественное положеніе въ своемъ государственномъ устройствѣ сравнительно съ двумя другими королевствами новой имперіи; императоромъ былъ, разумѣется, нѣмецкій король, во всемъ же остальномъ всѣ три королевства были равноправными членами императорскаго союза, и въ Германіи появились въ концѣ концовъ три отдѣльныхъ государственныхъ канцеляріи для Италиі, Бургундіи и собственнаго отечества.

При всемъ томъ нѣтъ еще никакого намека на какой либо поворотъ въ нѣмецкомъ національномъ сознаніи. Политическое сознаніе остается достояніемъ отдѣльныхъ племенъ приблизительно до половины одинадцатаго вѣка. Въ качествѣ герцогствъ племена составляли еще самостоятельныя политическія организмы, хотя они и имѣли второстепенное значеніе; каждое изъ нихъ продолжало еще пользоваться своимъ отдѣльнымъ независимымъ правомъ; центральное правительство по прежнему еще нуждалось въ ихъ признаніи; каждое изъ нихъ въ своихъ владѣніяхъ и за предѣлами ихъ вполнѣ самостоятельно отстаивало нѣмецкую независимость. Тогда-то Французы и Англичане начала среднихъ вѣковъ научились называть насъ *Allemands*; тогда всѣ нѣмцы на скандинавскомъ сѣверѣ, какъ еще нынѣ въ Финляндіи и Эстляндіи, назывались Саксами, а на юго-востокѣ начинаетъ входить тамъ-и-сямъ въ употребленіе и теперь еще сохранившееся названіе «Швабы». Только итальянцы, у которыхъ центральная государственная власть проявляла свою дѣятельность смѣшеніемъ всѣхъ племенъ, употребляли общее названіе (*Tedeschi*).

Отдѣльныя племена продолжали играть роль въ образованіи національнаго сознанія и послѣ Генриха III. Еще и теперь намъ приходится считаться съ партикуляризмомъ, обусловливающимся отчасти племенными различіями, а въ 1338 году Вюрцбургскій франкъ Леопольдъ Бебенбургъ посвятилъ Мозельскому франку Балдуину Трирскому первую теорію нѣмецкаго государственнаго права при слѣдующемъ поясненіи: къ обработкѣ этого сочиненія побуждаетъ его горячая преданность нѣмецкому отечеству, а прежде всего странѣ Франковъ, которая дала намъ какъ короля Фарамунда, такъ и Карла Великаго.

III.

Едва прошло пять поколѣній съ того времени, когда при полномъ отсутствіи національнаго сознанія проявлялось и ослабленіе племеннаго чувства, какъ появляется пѣсня Вальтера Фогельвейде, которую считаютъ первымъ нѣмецкимъ національнымъ гимномъ:

Tiusche man sint wol gezogen,
rehte als engel sint diu wíp getan.
swer si schildes, derst betrogen:
ich enkan sîn anders niht verstân.
tugend und reine minne
swer die suochen wil,
der sol komen in unser lant: da ist wünne vil:
lange müeze ich leben dar inne! ¹⁾

Былъ ли Вальтеръ въ этой пѣснѣ истолкователемъ или покрайней мѣрѣ провозвѣстникомъ великаго, политическаго развитія національнаго сознанія? Былъ ли онъ самъ проникнутъ сознаніемъ своей народности?

Кто не усмотритъ въ этомъ первомъ, и на долгое время послѣднемъ политическомъ поэтѣ нѣмцевъ вызваннаго политическими условіями національнаго сознанія, обусловливающаго въ свою очередь политическое единство? Его свирѣпая ненависть къ Риму вытекаетъ всецѣло и исключительно изъ этого чувства. Иначе объясняетъ дѣло часто цитируемая пѣсня: «Tiusche man sint wol gezogen», (нѣмецкіе люди хорошо воспитаны) «tugend und reine minne» (добродѣтель и чистую любовь) или въ другой строфѣ: «tuischiu zuht gât vor in allen», (нѣмецкая жизнь лучше всѣхъ), а именно «fremeden siten», — (чужого образа жизни), — въ этихъ словахъ и понятіяхъ сказывается совсѣмъ иное толкованіе.

Никто не станетъ отрицать, что въ общемъ пѣсня проникнута чувствомъ національной гордости; но гордость эта обусловлена превосходствомъ придворной, рыцарской жизни въ Германіи надъ чужеземными нравами, — въ ней проявляется не столько свободно излившееся національное воодушевленіе, сколько сословное высокомеріе. Въ этой пѣснѣ устами Вальтера говоритъ не всеобщее, а сословно-рыцарское національное сознаніе, скованное требованіями спеціальной среды, — это ничто иное какъ національное сознаніе вѣка Гогенштауфеновъ вообще.

¹⁾ „Нѣмецкіе люди, хорошо воспитаны; жены ихъ подобны ангеламъ, кто ихъ бранить, тотъ въ возбужденіи. Иначе я не могу себѣ этого объяснить. Кто хочетъ найти добродѣтель и чистую любовь, тотъ пусть придетъ въ нашу землю. Тутъ-то много радости. Да, я живу здѣсь долгіе годы“.

Приблизительно до половины одинадцатаго столѣтія, а въ нѣкоторыхъ странахъ и долѣе нѣмцы вели образъ жизни земледѣльцевъ и занимались хлѣбопашествомъ. Въ этомъ образѣ жизни ихъ раздѣляли различныя соціальныя ступени съ одной стороны и племенное право и племенная принадлежность съ другой. На грани одинадцатаго и двѣнадцатаго столѣтій эти простыя черты національной жизни начинаютъ сглаживаться, и во время Штауфеновъ онѣ уступили мѣсто иной организаціи народной жизни. Въ это время военное ремесло отдѣляется отъ крестьянской дѣятельности; рыцарь гнѣздился на вершинѣ своего замка, между тѣмъ какъ крестьянинъ мирно обрабатывалъ свою ниву, а рядомъ съ соціальными слоями деревень и бурговъ выступилъ и бюргеръ большого города. Въ новомъ правѣ этихъ классовъ, въ великомъ національномъ раздѣленіи ихъ труда исчезла противоположность прежняго племеннаго права и прежнихъ сельскихъ сословныхъ наслоеній; на ихъ мѣсто среди вновь образовавшихся высшихъ классовъ, бюргеровъ и рыцарей, выдвинулись другія стремленія и контрасты.

Рыцарское сословіе, во времена Штауфеновъ, приняло на себя руководство націй; оно давало также тонъ для выраженія національнаго сознанія. Развившійся придворный конвенціонализмъ началъ выражаться въ національной гордости; во времена рыцарства нѣмцы прежде всего должны быть побѣдителями надъ всѣми другими. Подобное возрѣніе мы находимъ въ пѣснѣ Вальтера; оно проявляется въ великихъ дѣяніяхъ крестовыхъ походовъ; отраженіе его мы находимъ въ гордыхъ рыцарскихъ походахъ въ славянскія земли и въ Италію, оно вызываетъ на той или другой границѣ нѣмецкихъ владѣній крики негодованія сосѣдей противъ высокомерія (*superbia*) нѣмцевъ.

Это возрѣніе продержалось, однако, едва только до половины тринадцатаго столѣтія; оно исчезло съ паденіемъ рыцарской династіи Штауфеновъ, а на его мѣсто выступаетъ болѣе стойкое, прочное, живучее и условно-бюргерское пониманіе народнаго сознанія.

Только медленно росло это сознаніе въ Германіи. Нѣмецкіе купцы все еще называли себя людьми императора (*homines imperatoris*); а не нѣмецкими Ганзами (Ганзейскими купцами), какъ это было потомъ—въ то время, когда французскіе бюргерскіе милиціонеры въ горячихъ схваткахъ во время сраженія при Бувенѣ (въ 1214 г.) предъявили уже притязаніе на бюргерскій характеръ французскаго національнаго сознанія; нѣмецкіе бюргеры не занимали еще подобающаго имъ мѣста и тогда, когда Итальянецъ Тома Аквинскій, руководствуясь опытомъ своего отечества, впервые изложилъ основы теоріи національнаго государства. Хотя уже въ половинѣ тринадцатаго столѣтія имперія безнадежно распалась и лишь съ трудомъ была вновь восстановлена позже, — однако взоры городского сосло-

вія, призваннаго руководить нацією въ Германіи, обращены были на обманчивый блескъ императорской короны. Велись споры съ чужеземными мечтателями, романтиками и поэтами, на тему: почему именно на долю нѣмцевъ выпала честь императорской короны, и нѣмецкая ученость въ своемъ патріотическомъ рвеніи не уставала приводить убѣдительныя доказательства въ пользу такого преимущества: классическое происхожденіе народа отъ троянцевъ, или тѣсное родство Карла Великаго съ Византійскимъ Императорскимъ домомъ и тому подобное. Все это не привело, однако, нѣмцевъ къ сознательному національному чувству.

Между тѣмъ развились прочныя основы для бюргерскаго національнаго сознанія. Появилась Ганза, все болѣе и болѣе оживлявшаяся торговля соединила большіе города юга и сѣвера, а на востокъ сталкивались всевозможные нѣмецко-бюргерскіе интересы въ заботахъ объ устройствѣ торговыхъ сношеній между славянскими колоніями и старой нѣмецкой родиной. Въ духовной сферѣ впервые возникаетъ среди бюргерскаго мистицизма свободное нѣмецкое мышленіе, хотя еще только христіанское, но уже не связанное авторитетомъ церкви; возникаетъ нѣмецкая народная литература, нѣмецкій дѣловой языкъ, прекрасный по конструкціи и сжатости и первое нѣмецко-бюргерское общество, хотя еще и расчлененное на товарищества. Национальный инстинктъ былъ уже на лицо; необходимы были только крупныя событія, чтобы пробудить его къ сознанію.

И вотъ еще разъ первый толчокъ даетъ имперія. Сознаніе пробуждается въ 1325 году въ нѣмецкихъ городахъ, когда Людовикъ Баварскій началъ послѣднюю великую борьбу имперіи съ папствомъ. Съ радостнымъ удивленіемъ узнали бюргеры объ ученыхъ книгахъ доктринеровъ государственнаго права при дворѣ Людовика, о сочиненіи подъ названіемъ: «Defensor pacis», доказывающемъ независимость имперіи отъ папы и отстаивающемъ политическія права свободныхъ имперцевъ. Когда въ послѣдствіи Людовикъ въ борьбѣ съ упорнымъ папой забылъ до крайнихъ предѣловъ свое личное и императорское достоинство, такъ что курфюрсты изъ опасенія за свои собственныя права вступились наконецъ за императора, то бюргерскія массы съ энтузіазмомъ и единодушно рукоплескали этому поступку. Конечно, ничего прочнаго этимъ путемъ все таки не было достигнуто. Къ чему могла повести защита имперіи, представлявшей только тѣнь самой себя? Что пользы было націи радостно слѣдовать за повелителемъ, когда онъ былъ только владѣтельнымъ княземъ и даже не самымъ крупнымъ среди многихъ другихъ? Такимъ путемъ никогда не могло выработаться сознаніе того, что національное чувство можетъ найти для себя удовлетвореніе лишь въ единой государственной власти, простирающейся на всю націю.

Но со второй половины четырнадцатаго столѣтія такому сознанию отнюдь уже не удовлетворяла императорская власть. Последняя являлась атрибутомъ на половину внѣ нѣмецкаго владычества, центральнымъ пунктомъ которой была Богемія; такой она сдѣлалась по желанію хитраго Карла IV Люксембургскаго. Атрибутомъ полунѣмецкой власти оставалась она и тогда, когда власть перешла изъ Люксембургскаго дома къ дому Габсбурговъ. Нынѣшняя австро-венгерская монархія съ положеннымъ въ ея основу вынужденнымъ отрицаніемъ національныхъ стремленій составляетъ послѣдній остатокъ этого процесса развитія.

Но съ паденіемъ Императорской власти остался еще универсализмъ церкви. Уже въ 1250 году генераль ордена монаховъ-проповѣдниковъ предостерегалъ отъ *amor soli natalis*: кто любитъ свою родину, тотъ еще не побѣдилъ свою натуру и не подготовилъ себя къ принятію милости Божіей. Столѣтіе же спустя всѣ вновь образовавшіяся національности западной Европы стонали подъ ярмомъ церковнаго универсализма; одни французы составляли въ этомъ отношеніи исключеніе и низвели папу въ Авиньонъ до положенія французскаго національнаго примаса и дворцоваго епископа. Въ 1378 году возникаетъ великій расколъ и вмѣстѣ съ нимъ происходитъ разрывъ между романскими и германскими симпатіями; нѣмцы и англичане примкнули къ папѣ Урбану VI, романцы къ французскому папѣ Клименту VII. Это послужило началомъ къ той богатой послѣдствіями эмансипаціи великихъ Европейскихъ націй отъ церковно-схематическаго универсализма, которая произошла во время засѣданій Констанцкаго собора и въ силу тѣхъ условій, которыя имѣли мѣсто какъ во время Констанцкаго, такъ и во время Базельскаго соборовъ.

Эти послѣдствія отразились и на Германіи, не смотря на то, что нація была обманута своимъ собственнымъ Императоромъ въ самыхъ существенныхъ приобрѣтеніяхъ движенія, вызваннаго соборами. Въ половинѣ пятнадцатаго столѣтія для Имперіи наступаетъ новая эпоха. Пробуждается горячее рвеніе, направленное на преобразование устарѣвшаго государственнаго зданія, — при этомъ не столько имѣется въ виду всемірная имперія, сколько та точка зрѣнія, что пересозданіе нѣмецкаго государства должно быть достигнуто на специфически-нѣмецкихъ сословныхъ основаніяхъ.

Однако же и на этотъ разъ ничего не было достигнуто, благодаря неблагоприятнымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, а также и потому, что древній универсализмъ церкви и имперіи далеко еще не былъ побѣжденъ. Выйти изъ затруднительнаго положенія возможно было при посредствѣ послѣдовательнаго развитія индивидуализма, а таковаго индивидуализма не успѣли еще подготовить ни соборы въ церковно-религіозной области, ни искусства и науки на свободной ду-

ховной почвѣ: индивидуализмъ этотъ былъ принципиально достигнутъ и упроченъ навсегда только благодаря Лютеру.

IV.

Значеніе реформаци не исчерпывается тѣмъ, что она средневѣжовую католическую догматику замѣнила болѣе чистою христіанскою догматикою. Реформація отнюдь не одно лишь религіозно и церковно-историческое событіе. Она знаменуетъ вообще переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, переходъ отъ духовнаго состоянія народовъ, всецѣло скованнаго внѣшними силами, къ болѣе свободному существованію. Новое ученіе, правда, не проповѣдуетъ еще Евангелія субъективизма, свободы личности отъ всякихъ положительныхъ правилъ въ сферѣ образованія и жизни. Библия остается по прежнему единственнымъ руководителемъ въ дѣлѣ вѣры; но толковать эту Библию не только предоставляется каждому по мѣрѣ его разумѣнія, а даже повелѣвается. Свѣтская масса—народъ—вызванъ къ индивидуальному существованію, воспитаніе его должно было опираться на священнѣйшія преданія всемірно-историческаго прошлаго.

Передъ нами безконечно громаднѣйшій прогрессъ, какой могъ возникнуть и осуществиться единственно только въ области вѣры. Поскольку Лютеръ боролся и побѣждалъ охватившія его сомнѣнія, поскольку онъ достигъ этимъ путемъ впервые свободы истиннаго христіанина, постольку онъ являлся образцомъ для индивидуальныхъ стремленій европейскихъ культуръ въ шестнадцатомъ столѣтіи. Правда, онъ совершилъ этимъ лишь то, что уже созрѣло; но въ томъ и состоитъ, обыкновенно, подвигъ отдѣльныхъ личностей, что онѣ признаютъ необходимымъ тотъ прогрессъ, который для другихъ еще смутенъ, и осуществляютъ его путемъ упорной борьбы съ существующимъ порядкомъ вещей.

Лютеръ пробилъ брешь въ стѣнѣ средневѣковаго духовнаго міра, за нимъ радостно послѣдовали въ новооткрытый міръ индивидуализма болѣе мелкіе борцы. На этой плодородной почвѣ начался разцвѣтъ гуманизма; возникла первая историко-филологическая наука въ совершенно новой формѣ; приблизительно черезъ пять поколѣній послѣ Лютера впервые составилось ясное представленіе о средневѣковомъ мірѣ, какъ о своеобразномъ, уже отжившемъ вѣкѣ. Въ области искусствъ произошелъ не меньшій прогрессъ. Дюреръ проявляетъ серьезное стремленіе къ идеальнымъ формамъ красоты, въ противовѣсъ реализму, грозившему сдѣлаться безграничнымъ и погрязшему въ условныхъ формахъ; стремленіе это выросло на той же умственной почвѣ, на которой Лютеру удалось порвать церковныя цѣпи. Но вполне создалась новая индивидуалистическая школа

уже позже и прежде всего у Голландцевъ — изображаютъ ли они красоты родной страны, слятся ли они изобразить свѣтлыя и серьезные стороны народной жизни, или образно представляютъ священныя событія соотвѣтственно современнымъ представлениямъ. Здѣсь, въ политическомъ смыслѣ уже не на нѣмецкой почвѣ, принципъ протестантизма въ плодотворной борьбѣ съ міровой испанской силой проявилъ себя въ чистѣйшемъ своемъ видѣ, и Рембрандтъ сдѣлался величайшимъ живописцемъ новаго протестанско-индивидуалистическаго міра.

Подъ вліяніемъ реформации развивается также экономическая и социальная жизнь, хотя она, подобно искусствамъ и наукамъ, и сдерживается еще пока въ извѣстныхъ предѣлахъ: и въ этомъ отношеніи далеко еще было отъ субъективизма того времени, которое наступило въ концѣ прошлаго столѣтія вмѣстѣ съ расцвѣтомъ новѣйшей нѣмецкой духовной жизни и французскими событіями. Процессъ развитія отъ шестнадцатаго до восемнадцатаго столѣтія отнюдь не разрушилъ общественную организацію умиравшихъ среднихъ вѣковъ съ ея тройственнымъ подраздѣленіемъ социальнаго міра на крестьянъ, бюргеровъ и дворянъ; онъ только расширилъ и преобразовалъ эту организацію, присоединивъ къ ней профессіи, дѣйствующія по преимуществу въ духовной сферѣ. Экономическая жизнь не подвергалась также никакимъ кореннымъ измѣненіямъ. Территоріи и государства довершали теперь лишь то, что начато было городами въ позднѣйшій періодъ среднихъ вѣковъ на нѣмецкой почвѣ; средства прежней политики городовъ увеличились и были примѣнены къ болѣе широкимъ формамъ политическаго существованія, въ основѣ же своей они не подверглись никакимъ измѣненіямъ.

При всемъ томъ всякій, кто станетъ обзрѣвать въ цѣломъ это сравнительно близкое къ намъ прошедшее, охватывающее три послѣднихъ столѣтія, лежащихъ, такъ сказать, въ преддверіи нашего вѣка, безъ всякаго сомнѣнія пойметъ, что за возникновеніемъ реформаторскаго индивидуализма должна была возникнуть и новая форма національнаго сознанія.

Форма эта создана была уже первыми представителями новой эпохи. Извѣстна страстная любовь Лютера и другихъ реформаторовъ къ родинѣ; выраженіе и форму этой любви къ родинѣ придали гуманисты. Послѣдніе принялись съ воодушевленіемъ за изображеніе великихъ подвиговъ нашего народа въ отдаленномъ прошломъ. Если до сихъ поръ наиболѣе ярко очерченнымъ образомъ нѣмецкой исторіи являлся церковно-благочестивый Карлъ Великій, то теперь выдвигается Арминій, почти неизвѣстный въ средніе вѣка герой отдаленнаго германскаго прошлаго. Гуманизму же принадлежитъ новый болѣе правильный историческій взглядъ на средніе вѣка. Подъ грудой церковно-канонизированныхъ преданій Ульрихъ фонъ-Гуттенъ откры-

ваетъ трогательную надгробную пѣснь объ императорѣ Генрихѣ IV, дошедшую до насъ въ формѣ краткой біографіи; съ злорадствомъ обнародовалъ ее Гуттенъ, какъ истинный памятникъ времени борьбы императора съ папой. За этимъ памятникомъ послѣдовали и другіе достовѣрные историческіе источники, обнародованные другими: такъ достигнуто было (хотя и не вполне еще установлено) первое историческое пониманіе первоначальнаго бытія своего народа, послужившее фундаментомъ для созданія новаго народнаго сознанія, для богатой воспоминаніями національной гордости, естественнымъ послѣдствіемъ которыхъ должно было быть стремленіе къ возстановленію политическаго значенія народа.

Съ какими, однако, трудностями пришлось имѣть дѣло этому теченію даже въ моментъ его полной силы! Въ послѣдній разъ сверкнулъ обманчивый блескъ римской императорской короны въ связи съ испанско-габсбургскимъ домомъ и его всемірною политикою; воскресли вновь мечты средневѣковыхъ императоровъ, бывшія тогда близкими къ осуществленію. Но когда Карлъ V не обнаружилъ никакой склонности быть римскимъ императоромъ нѣмецкой націи, тогда роковымъ образомъ разразился религіозный расколъ, и против-реформаціонное движеніе принесло народу тяжкія и продолжительныя страданія. Все то, что уцѣлѣло отъ стремленія къ національному единству среди суровыхъ толчковъ исторіи шестнадцатаго столѣтія, погибло въ бѣдственный періодъ семнадцатаго столѣтія — въ тридцатилѣтнюю войну.

Нація вышла изъ безконечной борьбы безъ государственнаго идеала, безъ силы какого бы то ни было политическаго убѣжденія и только національное сознаніе болѣе раннихъ временъ дѣйствовало объединяюще и успокоительно на культурную и духовную жизнь. Пятнадцатое и шестнадцатое столѣтія завѣщали будущимъ вѣкамъ богатѣйшій запасъ національныхъ пріобрѣтеній: народное искусство, создавшее распространенныя и блестящія художественныя произведенія, изобрѣтеніе книгопечатанія, произведшее переворотъ въ духовной жизни, начатки литературы, проникшей во всѣ слои народа и созданіе великолѣпнаго литературнаго языка; все это требовало новой разработки и дальнѣйшаго развитія. Предъидущее столѣтіе преимущественно и посвящено было этимъ стремленіямъ. Тогда за нашимъ народомъ и упрочилась репутація націи поэтовъ и мыслителей; возрожденіе классической старины, явившееся въ силу научнаго изученія, придало національнымъ произведеніямъ, — по крайней мѣрѣ, въ литературной области, — космополитическую окраску. Казалось, что нація какъ будто удовлетворилась сознаніемъ духовнаго единства, и что идеальнаго единства государства дремлетъ въ глубокихъ тайникахъ нѣмецкой души.

У.

Но такъ только казалось. Уже то національное возбужденіе, которое вызвано было побѣдами Фридриха Великаго надъ русскими и французами, а еще болѣе событія періода Sturm und Drang ¹⁾ доказали противное. Когда французская революція разрушила внѣшнія сословныя подраздѣленія среднихъ вѣковъ не для одной только Франціи, когда во время войнъ за освобожденіе научились цѣнить содѣйствіе свободныхъ союзниковъ — народовъ, тогда судьба націи рѣшена была въ опредѣленномъ направленіи. Поэзія, созданная войнами за освобожденіе и молодой Германіей съ одной стороны, наука историческая и наука права и народнаго хозяйства съ другой стороны — все указывало на опредѣленную будущность для націи. Мы современники, были свидѣтелями того, какъ сначала будущность эта рисовалась еще въ видѣ мечты, затѣмъ какъ она осуществлялась въ дѣйствительности и какъ, наконецъ, застилавшая ее завѣса была разорвана громомъ сраженій трехъ великихъ войнъ.

Всѣ эти историческія условія и событія сдѣлали насъ гражданами, членами одного національнаго цѣлаго — какимъ не была наша родина въ теченіи всѣхъ предшествовавшихъ намъ вѣковъ.

Какое было дѣло прежнимъ германцамъ до ихъ отдаленныхъ отношеній къ легендарнымъ естественнымъ связямъ ихъ народа! Нѣмецъ жилъ не жизнью націи, а жизнью мелкой народности, къ которой онъ принадлежалъ, да и для той его жизнь и смерть не имѣли особенной цѣны. Прежде всего онъ былъ членомъ своего рода; въ мирныя времена всѣ заботы, все счастье его существованія заключались въ родовыхъ отношеніяхъ! Какія тѣсныя узы сковывали его самосознаніе! онъ находилъ защиту и удовлетвореніе въ естественной связи съ членами своего рода; всѣ же народныя и національныя отношенія, переходившія за предѣлы рода, исчезали для него во мракѣ символическаго преданія.

Иначе уже направлена была мысль нѣмца эпохи племенныхъ различій, времени переселенія народовъ. Болѣе высокое представленіе о государствѣ, представленіе о племенномъ государствѣ, внушило ему болѣе честолюбивыя склонности и болѣе широкій кругозоръ. Однако же подъ сильнымъ давленіемъ этихъ племенныхъ отношеній онъ забывалъ о цѣломъ, — заглохло даже смутное національное преданіе прошлаго

¹⁾ Названіе это произошло отъ появившейся во 2-й половинѣ XVIII вѣка драмъ Клингера: „Sturm und Drang“. Въ исторіи Нѣмецкой литературы имъ обозначается періодъ съ начала 70-хъ до конца 80-хъ годовъ XVIII вѣка, періодъ борьбы противъ устарѣлыхъ литературныхъ формъ и устарѣлаго содержания.

Соединеніе всѣхъ сохранившихся нѣмецкихъ племенъ въ одну обширную всемірную имперію каролинговъ вызвало новое пробужденіе объединеннаго національнаго сознанія. Когда же всемірная имперія распалась, нѣмецкія племена увлечены были какимъ-то смутнымъ порывомъ къ государственному существованію, и тогда ясно опредѣлились особенности національнаго типа.

Но могло ли прочно удержаться національное государство во времена императоровъ саксонской и салійской династіи? Развѣ оно могло противопоставить мѣстному обособленію племенъ рѣшительное національное объединеніе? За династіей Штауфеновъ остается та большая заслуга, что при ней разрѣшена была задача, выраженная въ этомъ вопросѣ. Въ мирное, очень прогрессивное время Оттоновъ и Салійской династіи національная работа неизбежно привела къ дальнѣйшему дѣленію и подраздѣленію; рядомъ съ прежнимъ сословіемъ земледѣльцевъ явились сословія бюргеровъ и рыцарей. Среди постоянныхъ видоизмѣненій въ сословномъ организмѣ, которыми отмѣченъ рубежъ одинадцатаго и двѣнадцатаго вѣковъ, побѣду одержали въ концѣ концовъ эти новыя сословія: они восторжествовали надъ старыми племенными подраздѣленіями и явились прочнымъ социальнымъ ферментомъ для націи, какъ цѣлого.

Это-то событіе обезпечило прочное и способное къ развитію существованіе единой нѣмецкой націи, будущаго національнаго государства. Ибо теперь только впервые было достигнуто всеобъемлющее прочное объединеніе нѣмецкихъ массъ, становившееся постоянно все тѣснѣе. Но далеко еще было до того, чтобы предоставить отдѣльныхъ индивидуумовъ преимущественному попеченію государства, чтобы подчинить ихъ высшимъ государственнымъ интересамъ. Новыя сословія соединились въ особыя корпорации съ особыми правами и исключительными жизненными цѣлями; отдѣльныя личности прежде всего и примыкали къ этимъ корпорациямъ, сословное сознаніе поглощало всякое національное чувство.

Такимъ образомъ національное сознаніе, постепенно прокладывая себѣ путь, выступало на свѣтъ Божій, какъ бы по побужденію и въ сопровожденіи сословнаго сознанія. Развитіе его было условнымъ, — оно обуславливалось тѣмъ сословіемъ, какое въ данное время являлось социальнымъ-руководящимъ, вначалѣ рыцарскимъ, а затѣмъ городскимъ.

Все это дало толчокъ свободному умственному развитію личности, побудивъ послѣднюю порвать тѣсныя сословныя узы, окунуться въ глубокое море идей и пуститься въ смѣлое плаваніе. Насталъ вѣкъ реформаци. Вооруженная компасомъ Евангелія, нація принялась искать для себя новую вѣру, а въ послѣдней точке опоры для новаго умственнаго и общественнаго существованія. Когда замкнутый средне-вѣковой строй былъ расшатанъ, отдѣльнымъ личностямъ пришлось

болѣе чѣмъ когда либо обратитъ свой взоръ на единое національное государство, какъ на надежнѣйшую для себя защиту.

Національное государство оставалось, однако, прекрасной мечтой во время гуманистовъ, и средневѣковой соціальной строй въ существенныхъ чертахъ своихъ пережилъ еще конецъ восемнадцатаго столѣтія. Наступило затишье въ процессѣ общественнаго развитія, оно значительно задержало внѣшній прогрессъ націи сравнительно съ ея болѣе счастливыми соперницами, но это не помѣшало увеличенію умственнаго наслѣдія націи.

Это наслѣдіе блестяще отразилось въ умственныхъ теченіяхъ конца предъидущаго столѣтія, — съ нимъ мы вступили въ новую эпоху субъективизма, въ періодъ буржуазнаго государства и свободнаго выбора профессій, свободы передвиженія и свободной мысли. На этой стадіи нашего національнаго развитія порваны были почти всѣ соціальныя узы прежняго времени, и мы бурно перешли къ новой соціальной группировкѣ, вызванной новыми условіями; этотъ новый порядокъ могъ упрочиться и дальше развиваться подъ защитой одного лишь національнаго государства. Отдѣльная личность является теперь совершенно свободной; она сбросила съ себя всѣ корпоративно-сословныя помочи, даже почти всѣ естественныя узы семьи и рода; въ ея распоряженіи ничѣмъ не стѣсняемый выборъ духовной группировки, прочно опирающейся на національную почву общности языка, однородности чувствъ и образа мыслей. Столь богатая жизнь въ ея полномъ расцвѣтѣ можетъ существовать лишь при покровительствѣ національнаго государства, которое одно только можетъ управлять ея развитіемъ и сдерживать ея порывы. Такимъ образомъ современное національное сознаніе нѣмцевъ, въ силу внутренняго развитія, стало политической силой и привело къ созданію національнаго государства, и благопріятная судьба для достиженія этой цѣли даровала націи, помимо смутнаго давленія массъ, вождей съ здоровыми взглядами и царственной энергіей.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Древнія времена.

I.

Благодаря олову и янтарю, всемірно-историческое торговое обращеніе, концентрировавшееся на Средиземномъ морѣ, включило въ сферу своихъ сношеній и гиперборейцевъ; эгоизмъ явился и здѣсь предтечей умственныхъ связей, въ силу которыхъ главный пунктъ всемірно-историческаго развитія въ концѣ концовъ былъ перенесенъ съ Средиземнаго моря къ берегамъ Нѣмецкаго моря.

Олово показало дорогу къ Кельтамъ, жившимъ у самыхъ дальнихъ морскихъ береговъ. Бронза раньше всѣхъ другихъ металловъ вошла въ употребленіе у европейскихъ культурныхъ народовъ; для приготовленія же бронзы необходимо олово, которое находили почти только въ одной Британіи, потому что рудники въ горахъ Тюрингіи были неизвѣстны древнимъ, да и индійскіе источники не были, кажется, также ими открыты. Изъ Британіи же олово проникло очень рано на югъ и востокъ, уже Иліада упоминаетъ о немъ (конечно, въ своеобразныхъ и почти баснословныхъ выраженіяхъ), какъ объ особенномъ украшеніи для оружія. Позднѣе стали ввозить его въ значительныхъ количествахъ и регулярно. На первыхъ порахъ торговля оловомъ сосредоточена была въ рукахъ Финикійцевъ, а начиная съ пятаго столѣтія до Р. Х. она переходитъ въ процвѣтавшій тогда Марсель. Этимъ же путемъ шла съ того времени и торговля янтаремъ, — той удивительной смолой, происхожденіе которой древніе связывали съ самыми неправдоподобными предположеніями. На сѣверѣ какъ торговля — такъ и обработка янтаря, были конечно гораздо древнѣе. Насколько мы можемъ проникнуть въ доисторическую эпоху, мы находимъ, что янтарь былъ уже тогда извѣстенъ и цѣнился какъ украшеніе.

Его нашли въ двухъ мѣстахъ. Прежде всего на Фризскихъ островахъ Нѣмецкаго моря и на западномъ шлезвигъ-голштинскомъ морскомъ берегу; сюда въ древнія времена весеннія бури выбрасывали его на берегъ въ изобиліи; да и теперь еще онъ мѣстами попадаетъ тамъ. Затѣмъ его находили на берегахъ Балтійскаго моря. Здѣсь между устьями Мемеля и Вислы высокими мелями врѣзывается въ море провинція Samland ¹⁾; въ этомъ-то мѣстѣ и происходитъ въ настоящее время главная добыча янтаря.

Въ отдаленныя же времена значительно преобладали западные источники. Уже въ каменномъ вѣкѣ обработка этой драгоцѣнной смолы стояла здѣсь на болѣе высокой ступени, чѣмъ на востокъ; а на югъ къ Средиземному морю въ продолженіи пяти или шести столѣтій отъ начала нашей эры проникалъ, кажется, исключительно или по преимуществу фризскій янтарь. Проникалъ онъ сюда (по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ вывозомъ его занялся Марсель) только сухимъ путемъ, переходя постепенно, путемъ обмѣна, отъ одного народа къ другому, такъ что эта торговля не вела къ существенному расширенію географическихъ и этнографическихъ знаній древнихъ.

Въ 330 году до Р. Х. Пиѳій, гражданинъ города Марселя, достигшаго тогда наивысшаго своего разцвѣта въ торговомъ отношеніи, задумалъ отправиться самъ въ страну янтаря и олова. Задумалъ онъ это путешествіе подъ вліяніемъ торговыхъ и научныхъ интересовъ; и его всецѣло охватила страсть разрѣшить вопросъ о величинѣ и очертаніи земли.

Пиѳій проѣхалъ черезъ Геркулесовы столбы, посѣтилъ и объѣхалъ берега Британіи, проникъ до отдаленной Thule ²⁾ а изъ Британіи онъ направился къ востоку по ту сторону страны Кельтовъ и пріѣхалъ въ мѣстность, носившую названіе Баунонія (Baunonia), при большой морской бухтѣ Мэтуонисъ (Metuonis), гдѣ жили, какъ полагаютъ, Тевтоны. Противъ береговъ Бауноніи, по сообщенію Пиѳія, кромѣ другихъ острововъ, на разстояніи одного дня пути, лежитъ островъ Абалосъ, на берегъ котораго весной выбрасывается морскимъ приливомъ громадное количество янтаря. Жители острова собираютъ его въ такомъ изобиліи, что употребляютъ его какъ топливо. Они вывозятъ его также на сосѣдній материкъ и продаютъ Тевтонамъ, которые въ свою очередь сбываютъ его черезъ Кельтовъ въ страны при устьяхъ Роны и Эллинамъ.

¹⁾ Samland называлась одна изъ провинцій Восточной Пруссіи, на которая послѣдняя раздѣлялась во время существованія нѣмецкаго ордена.

Прим. перев.

²⁾ Подъ названіемъ Thule у древнихъ извѣстенъ былъ островъ или группа острововъ на самомъ крайнемъ сѣверѣ. Полагаютъ, что ихъ слѣдуетъ отнести къ шотландскимъ островамъ.

Прим. перев.

Описание Пиоія просто и ясно: имъ открыты побережье Сѣвернаго моря, бухта Везера и Эльбы, нѣмецкій народъ. То было расширение классическаго знанія, связанное съ прежнимъ точнымъ знаніемъ объ явленіяхъ прилива и отлива; оно совпало для культуры Средиземнаго моря съ плодотворными географическими результатами походовъ Александра Великаго. Конечно, древній культурный міръ направлялъ еще тогда свои взоры на востокъ, къ тѣмъ странамъ, откуда онъ получилъ свое начало и жизненный импульсъ; только въ вѣка упадка, когда эта культура не столько уже поощряла къ прогрессу, сколько служила для него посредникомъ, она обратила вниманіе на Западъ.

Мы, однако же, имѣемъ возможность при помощи изслѣдованій объ языкѣ и доисторическихъ эпохахъ, дополнить тѣ свѣдѣнія о нѣмцахъ, какія Пиоій привезъ своимъ землякамъ. Въ то время, когда онъ нашелъ германцевъ по Везеру и Эльбѣ, притоки послѣднихъ Эдеръ и Фульда, Гавель и Саала, носили уже германскія названія; Одеръ былъ тоже нѣмецкой рѣкой, а въ водахъ Вислы и Прегеля часто отражалось германское оружіе. Къ югу отъ области, расположенной по бассейнамъ этихъ рѣкъ, и навѣрное къ Западу отъ нея, жили кельтскія племена; въ верхнемъ бассейнѣ Дуная вся рѣчная сѣть верхняго Рейна и Майна, а по нижнему Рейну вся страна до водораздѣла съ бассейномъ Везера были въ рукахъ Кельтовъ. Даже, быть можетъ, Кельты тогда жили еще дальше къ востоку до западной мѣстности по Верѣ и Фульдѣ, до страны Гёттингена и Гильдесгейма; здѣсь и теперь встрѣчаются кельтскія названія, въ особенности названія потоковъ, которыя однако, уже необыкновенно рано приняли германскую форму.

Во всякомъ случаѣ мѣстами пребыванія предковъ нашей націи были страны, лежавшія по ту сторону этихъ границъ—на востокъ отъ Эльбы и Одера до Вислы. Къ этимъ странамъ относится также и самое древнее изъ дошедшихъ до насъ описаній нашего отечества. Въ 90 г. до Р. Х. Посидоній описываетъ эту страну какъ тѣнистую и богатую лѣсомъ, нигдѣ не слишкомъ доступную солнцу, благодаря частымъ и густымъ лѣсамъ, которые на югѣ простираются до пояса дѣвственныхъ лѣсовъ, окаймляющихъ среднее нѣмецкое плоскогоріе; Посидоній приписываетъ этой странѣ такой климатъ, что для насъ становится понятнымъ, почему Гомеръ зная объ этой странѣ, могъ составить свое баснословное описаніе царства тѣней.

Таково и должно было быть сужденіе человѣка изъ солнечной страны Эллиновъ; даже Римляне не могли судить о ней иначе; они могли дѣйствительно освоиться только со странами по Мозелю и Трирѣ, но едва ли когда либо они могли чувствовать себя дома на Рейнѣ. Мы должны представлять себѣ эту страну того времени совершенно не такой, какой она въ настоящее время. Какія массы капитала и труда понадобились для того, чтобы «Царство мертвыхъ»

Эллиновъ превратить въ наше отечество! Въдъ 15 процентовъ изъ видовъ теперешней нашей флоры чужестраннаго происхожденія—и въ числѣ ихъ и такіе, которые существенно опредѣляютъ фізіономію ландшафта, а именно хлѣбные злаки, виноградъ, фруктовыя деревья. Измѣнилась также и фауна. Зубръ не пробирается уже больше черезъ еловый боръ, и только изрѣдка рыбаку удается услышать въ бушующемъ морѣ полные тоски звуки пѣвчаго лебедя (Singschwans). Мѣстный климатъ также не остался такимъ, какимъ былъ, хотя общія его проявленія, вѣроятно, не измѣнились. Среднее теченіе нашихъ сѣверныхъ рѣкъ — Вислы, Варты, Одера, Эльбы не сопровождается уже громадными болотами, становящимися въ пустынныхъ мѣстахъ непроходимыми. Нынѣ мы находимъ здѣсь только плодородную страну, обработанную самымъ тщательнымъ образомъ, а песчанья возвышенности, которыя прежде прерывались только болотами и рощами и представлялись стражами примитивной культуры, стоятъ теперь надъ цвѣтущими долинами, въ которыхъ развилась новая жизнь.

II.

Мы не имѣемъ никакихъ письменныхъ источниковъ для ознакомленія съ положеніемъ нашего народа въ тѣ времена, которыя описываетъ Посидоній и на которыя намекаетъ Цицій. Тѣмъ не менѣе, при изслѣдованіи современности, возможно путемъ аналогическихъ заключеній проникнуть въ болѣе отдаленныя времена. Тамъ, гдѣ умолкаютъ уста историка, раскрываются и принимаются за него говорить могилы, въ содержаніи которыхъ наука о доисторическомъ времени почерпаетъ полноту вѣрнаго знанія. Тамъ, гдѣ нѣтъ этнографическихъ указаній на опредѣленный народъ, является на помощь сравнительное изслѣдованіе языковъ, которое даетъ также рядъ отдѣльныхъ представленій о соціальныхъ и умственныхъ признакахъ самой ранней культуры,—представленій, къ которымъ слѣдуетъ, однако, относиться осторожно. Задача сравнительнаго народовѣдѣнія состоитъ въ томъ, чтобы изслѣдовать взаимныя отношенія и достовѣрность общей картины ранней культуры. Такимъ образомъ въ рамку представленій постепенности и послѣдовательности отдѣльныхъ доисторическихъ эпохъ укладывается этнологическое и глубокое культурноисторическое знаніе.

Доисторическія эпохи дѣлятъ обыкновенно на каменный, мѣдный, бронзовый и желѣзный періоды. При этомъ принято обыкновенно считать неизбѣжнымъ переходъ отъ одного періода къ другому, соответственно тѣмъ ступенямъ, черезъ которыя всякая нація неизбѣжно должна пройти при первоначальномъ образованіи своей культуры. Это—ложное представленіе, которое, однако, привело къ цѣн-

нымъ открытіямъ. Уровень культуры даннаго періода не опредѣляется исключительно только однимъ употребленіемъ опредѣленнаго матеріала, кремня или металла, для приготовленія орудій и оружья; употребленіе каменныхъ орудій могло совпадать съ болѣе богатымъ умственнымъ развитіемъ. Еще менѣе доказательнымъ оказывается утвержденіе, что всякій народъ переходитъ къ металлическому періоду всегда черезъ каменный. Эти періоды, вообще, не національныя, а культурныя стадіи развитія; распространенность ихъ опредѣляется не этнографическими, а гораздо болѣе естественными и торговыми причинами. Прежде всего слѣдуетъ помнить, что соприкосновеніе съ потокомъ всемірной исторіи двигаетъ любой молодой народъ по пути культуры гораздо быстрѣе, чѣмъ самое серьезное напряженіе его собственныхъ силъ. Для среднеевропейскихъ народовъ, въ особенности для Германцевъ, съ переходомъ отъ каменнаго къ металлическому вѣку, несомнѣнно, связанъ былъ существенный подъемъ культуры. Воспоминаніе объ этомъ слышится въ старинныхъ германскихъ воззрѣніяхъ на металлы и металлургическую промышленность. Легенды повѣствуютъ, что кузнечное ремесло составляетъ изобрѣтеніе сверхъестественныхъ существъ, — то карликовъ или гномовъ, хранителей подземныхъ сокровищъ, то великановъ, въ странѣ которыхъ находится желѣзный лѣсъ, и которые свирѣпо дерутся между собой желѣзными прутьями. Кузнечное дѣло удостоивается даже участія самыхъ боговъ:

Die Asen einten sich
 Haus und Heiligtum
 Erbauten Eisen
 Schufen Zangen
 auf dem Idafelde,
 hoch sich zu wölben
 und schmiedeten Erz,
 und schön Gezäh ¹⁾.

Еще позднѣе преданіе и народная молва связали съ занятіемъ кузнечнымъ ремесломъ представленіе о подземныхъ силахъ; когда послѣднія изсякали, то по крайней мѣрѣ величайшіе герои — молодой Зигфридъ, Албуинъ, король Лангобардовъ, — выковывали сами для себя свои мечи.

¹⁾ Асы собрались на равнинѣ Идѣ,
 Построили высокое святилище и дворъ,
 Поставили горнила, ковали сокровища.
 (Напрягая силу, все испытывая),
 Изготовили клещи и сдѣлали орудіе.

[Переводъ „Пѣсни“ старой Эдды — Всеобщая исторія Литературы, изд. Корша, томъ второй].

Существуетъ другая, болѣе человѣческая варіація воспоминанія о крупной смѣнѣ періодовъ, чѣмъ та, которую создала поэзія древнихъ. Соціальный пессимизмъ послѣднихъ усматривалъ въ смѣнѣ періодовъ нѣчто вродѣ наступленія всевозможныхъ бѣдствій; со времени наступленія желѣзнаго вѣка въ міръ воцарилась война. Лукрецій связываетъ даже введеніе металловъ съ страшной революціей стихій: жаръ громадныхъ лѣсныхъ пожаровъ накалилъ землю, растопилъ приносящіе проклятіе металлы, которые и поднялись тогда на поверхность. Напротивъ, германскій міръ, бѣдный соціальнымъ опытомъ, но увѣренный въ будущности наци и жаждущій воинскихъ подвиговъ, радовался умноженію прекраснаго оружія, усиленію мужественной силы и облагораживанью борьбы.

Напротивъ, каменный вѣкъ, предшествовавшій употребленію желѣза, былъ печальнымъ вѣкомъ; такъ можно заключить изъ описанія Тацитомъ современныхъ ему Финновъ, народа, еще не знакомаго съ употребленіемъ металловъ. Они необычайно дики, грязны и бѣдны: у нихъ нѣтъ оружія, нѣтъ лошадей, нѣтъ жилья; травы питаютъ ихъ, шкуры одѣваютъ, низменная почва укрываетъ ихъ; для защиты они употребляютъ только стрѣлы, которыя за неимѣніемъ желѣза, отдѣлываютъ острыми костями. Одно и то же пастбище кормитъ одинаково мужчинъ и женщинъ; вмѣстѣ идутъ они на добычу, которую и дѣлятъ поровну между собою. Дѣти не знаютъ другаго убѣжища отъ дикихъ звѣрей и бури кромѣ чащи кустарниковъ. Туда же заходятъ и возмужалые люди, здѣсь укрываются и старцы. Тѣмъ не менѣе они свое существованіе признаютъ болѣе счастливымъ, чѣмъ еслибы имъ пришлось изнывать отъ земледѣльческаго труда, трудиться по долгу, вести въ страхъ и надеждахъ торговлю; по отсутствію потребностей, они внѣ зависимости отъ людей, не боятся боговъ и наслаждаются высшимъ благомъ: не имѣтъ никакихъ желаній.

Если мы отбросимъ въ этомъ описаніи сантиментальный тонъ Тацита, мы получимъ вѣрную картину того состоянія, въ которомъ позднѣйшіе Кельты и Германцы находились въ средней Европѣ въ сѣдую старину. Изъ этого состоянія вышла прежде всего южная Германія, а всего раньше, вѣроятно, Альпійскія области, достигшія уже задолго до начала достовѣрной исторіи высшей культуры.

Уже въ каменный періодъ мы находимъ здѣсь болѣе благопріятныя условія, которыя лучше всего можно себѣ выяснитъ при изученіи свайныхъ построекъ Швейцаріи. Въ хижинахъ, выстроенныхъ на разстояніи 40 — 90 миль на озерѣ, жилъ народъ, колѣна котораго дѣлились по всѣмъ вѣроятіямъ на хозяйственныя общины. То были сильные охотники и рыбаки; но имъ также не были неизвѣстны и скотоводство, земледѣліе и торговля. Изъ животныхъ находимъ у нихъ собаку, корову, овцу, козу, а вскорѣ также свинью, что состав-

ляетъ уже признакъ болѣе совершенной осѣдлости. Найдены даже были остатки лошадиныхъ костей, хотя остается загадкой, для какой надобности могла тогда пригодиться лошадь. Земледѣліе сводилось, по всѣмъ вѣроятіямъ, къ случайной обработкѣ отдѣльныхъ полосъ земли, тогда не существовало еще даже самаго примитивнаго полеводства. На дѣвственной почвѣ сѣяли сѣмена юга; а также домашніе виды: трехъ сортовъ пшеницу, двухъ сортовъ овесъ и просо, ленъ и горохъ, быть можетъ и макъ. Въ концѣ періода озерныхъ жилищъ ведется торговля янтаремъ, по всѣмъ вѣроятіямъ въ торговомъ обращеніи находились и многочисленные куски нефрита и камня сходнаго съ нефритомъ (Jadeit), ближайшее, нынѣ извѣстное мѣстонахожденіе которыхъ находится въ Шлезвигѣ; выдѣлываемыя изъ нихъ орудія составляли отъ 5 до 8 процентовъ всей домашней утвари, сдѣланной изъ камня.

Эти успѣхи знаменуютъ, впрочемъ, тоже смѣну періодовъ. Свайныя постройки расширяются, онѣ выдвигаются дальше въ озеро; въ западной Швейцаріи стараются уже устраивать стоянки на твердой землѣ. Прежнее грубое гончарное искусство принимаетъ лучшія формы; кажется, что и земледѣліе усовершенствуется. Но прежде всего появляется теперь мѣдь, хотя этотъ полезный металлъ еще рѣдко употребляется; сначала его обрабатываютъ молоткомъ, позднѣе куютъ и выливаютъ. Проложенъ путь къ переходу къ металлическому періоду.

Одновременно съ началомъ мѣднаго вѣка, которое можно наблюдать въ такой же формѣ и въ Венгріи, входитъ въ употребленіе бронза. Этотъ періодъ въ полномъ его расцвѣтѣ можно прослѣдить по находкамъ, сдѣланнымъ въ Гальштатѣ. Въ удѣльномъ помѣстьѣ — Зальцѣ (Salzkammergut), глубоко въ лощинѣ у подножья камня Торштейна ¹⁾ лежитъ маленькое узеро. Въ доисторическія времена берега этого озера были ареной дѣятельности населенія, которое привлечено было сюда открытіемъ соляныхъ копей и завязало весьма оживленную вывозную торговлю. Стало быть, здѣсь обстоятельства сложились необыкновенно счастливо, но если даже оставить ихъ въ сторонѣ, эти находки производятъ впечатлѣніе культуры, имѣющей весьма мало общаго съ культурой гомеровскихъ героевъ. Орудія обыкновенно сдѣланы изъ бронзы, весьма немногія изъ камня, а нѣкоторыя уже изъ желѣза. Въ оружіяхъ для нападенія также еще предпочитается бронза, которая въ позднѣйшія времена быстро замѣняется желѣзомъ. Въ оборонительныхъ оружіяхъ, а также въ украшеніяхъ господствуетъ еще бронза; въ концѣ вѣка на 400 пряжекъ изъ бронзы приходится одна изъ желѣза; найдены были также прекрасные остатки бронзовыхъ шлемовъ.

¹⁾ *Thorstein* — называется вершина черепичныхъ горъ въ удѣльномъ помѣстьѣ — Зальцѣ на границѣ верхней Австріи и Штейермарка. Высота ея 2944 т. Прим. перевод.

Впрочемъ населеніе давно уже поднялось надъ уровнемъ первыхъ потребностей примитивной культуры; оно вело уже довольно роскошную жизнь, въ обиходѣ его находились всѣ металлы кромѣ серебра, выдѣланныя мѣха, матеріи изъ овечьей шерсти десяти различныхъ образцовъ, частью съ вытканными каймами, наконецъ множество металлическихъ украшеній, браслеты, пряжки для одежды, бляхи, украшенія для поясовъ, — все это указывало на самую утонченную изысканность. — Роскошь указываетъ на расцвѣтъ искусства хотя еще и варварскаго. Рядомъ съ орнаментикой, въ которой простѣйшія, линейныя формы переходили уже къ болѣе сложнымъ, обращаетъ на себя вниманіе пластика бронзовыхъ пластинокъ, рельефы которыхъ, часто довольно обширные, покрывали стѣнки ведроподобныхъ сосудовъ и изображали болѣею частью сцены изъ народной жизни, сборы на войну или охоту, процессіи и сраженія. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ той же склонностью художественно воспроизводить обыденную жизнь, которую позднѣе находимъ въ галлороманскомъ искусствѣ: уже это одно даетъ поводъ предполагать о принадлежности народа гальштатской культуры къ племени Кельтовъ.

Во времени же болѣе усиленнаго развитія обработки желѣза, колонія при Гальштатскомъ озерѣ, кажется, нѣсколько отстала; для новаго періода, какъ и для всего желѣзнаго вѣка, типическими во всякомъ случаѣ должны быть признаны не рудники на восточныхъ Альпахъ, а скорѣе рудники въ западной части Альпъ. Сюда относится именно военная колонія La Tène, остатки которой найдены въ семи километрахъ разстоянія отъ Невшателя при Нейнбургскомъ озерѣ. По этимъ остаткамъ мы имѣемъ возможность обозрѣть ходъ развитія уже до историческихъ временъ. Конечно, они рисуютъ лишь одностороннюю военную культуру. Но именно въ оружейномъ мастерствѣ яснѣе и быстрѣе всего совершился переходъ отъ бронзоваго матеріала къ желѣзному; тутъ - то именно и возможно прослѣдить, какъ желѣзныя оружія сначала приготавливали по образцу бронзовыхъ, пока, наконецъ, ознакомились съ кузнечнымъ искусствомъ. Въ мѣстахъ находенія желѣза послѣднее стало пріобрѣтать собственную форму и цѣнность. Въ періодъ наивысшаго развитія мы находимъ въ Латенѣ настоящую культуру желѣзнаго вѣка; бронза встрѣчается еще въ украшеніяхъ и на орудіяхъ защиты, на шлемахъ и щитахъ, во всемъ остальномъ царитъ желѣзо; найдены даже желѣзные крючки для удочекъ, желѣзныя косы, желѣзные обода на экипажныхъ колесахъ. Примѣненіе желѣза достигаетъ тогда такого распространенія, какого оно не достигло у Германцевъ даже въ болѣе прогрессивныя историческія времена.

Въ сущности въ этой культурѣ мы болѣею частью находимся уже среди хорошо извѣстныхъ историческихъ отношеній. Культура эта кельтскаго типа; ея развитіе началось, вѣроятно, приблизительно

за 400 лѣтъ до Р. Х.; отъ времени ея расцвѣта остались изображенія штатеровъ и тетрадрахмъ ¹⁾ Филиппа Македонскаго, отца Александра Великаго. Позднѣйшіе слои остатковъ съ ихъ монетами относятся къ вѣку Августа, Тиверія, Клавдія; нашли даже монету Адріана.

Возникновеніе и развитіе культуры Латэна еще не изслѣдованы окончательно; если мы примемъ сѣверную Италію за исходный пунктъ, то станетъ очевиднымъ, что на кельтскія племена очень рано и непосредственно вліялъ ходъ всемірнаго историческаго развитія при Средиземномъ морѣ. Характерныя формы этой культуры оказываются распространенными, кромѣ сѣверной Италіи и Швейцаріи, также и во Франціи, въ южной Германіи до Тюрингіи и Богеміи, внизъ по Дунаю до западной Венгріи, внизъ по Рейну до сѣвернаго моря и до Британіи. При этомъ въ области Средняго Рейна, Майна, Наге и Мозеля одновременно сильно распространены произведенія итальянской промышленности: бронзовыя кружки и вазы, раскрашенные глиняные сосуды, драгоценныя, золотыя украшенія — не были ли это предметы, ввезенные въ страну Кельтовъ, благодаря янтарной торговлѣ съ нѣмецкими обитателями Сѣвернаго моря?

Благодаря связи южной культуры Италіи съ Латэнской культурой, за предѣлами послѣдней возможно еще до нѣкоторой степени хронологически возстановить Гальштатскій вѣкъ, расцвѣтъ котораго относится приблизительно къ 500 г. до Р. Х. Культура эта распространена была главнымъ образомъ въ тѣхъ же областяхъ, гдѣ послѣ нея распространена была культура Ла-тэнекая: въ верхней Италіи, отчасти даже въ средней Италіи, въ Крайнѣ, Венгріи, Моравіи и въ нѣкоторыхъ районахъ Шлезвига, въ верхней Франконіи и Швабіи, гдѣ въ эту эпоху были насыпаны прекрасныя курганы, далѣе въ странахъ къ сѣверу отъ Майна до Тюрингскаго лѣса и Гарца, во всей области Альпъ и влѣво отъ Рейна во всей Франціи до Пиринеевъ.

Представителями этой послѣдней культуры являются также Кельты; хотя остается подъ сомнѣніемъ не заимствована ли она была и другими народами; достовѣрно то, что кельтская культура какъ Гальштата, такъ и Ла-тэна оказывала сильное вліяніе на сѣверъ — и что она оказала также услугу обитателямъ сѣверо-германской низменности именно въ той формѣ, которую она приняла къ югу отъ этой низменности.

¹⁾ *Tetradrachmon* — называлась греческая серебряная монета, равная четыремъ драхмамъ; это была главная монета въ Аѣинахъ.

Stater — у древнихъ грековъ серебряная монета въ 2,174 марки и была вѣсомъ въ 12,40 франц. граммовъ; въ Аѣинахъ *Stater* обозначалъ и золотую, и серебряную монету вѣсомъ въ 2 драхмы; серебряный *Stater* равнялся 1,57 марки, а золотой — стоилъ въ 10 разъ больше. *Прим. перевод.*

III.

На сѣверѣ въ самыя древнія времена, до которыхъ мы только можемъ проникнуть благодаря находкамъ аллювіальнаго періода, выдѣляются берега шотландскаго и скандинавскаго полуострововъ. Здѣсь на берегу моря жилъ грубый народъ охотниковъ и рыбаковъ, не знавшій скотоводства и хлѣбопашества, питавшійся раковинами, рыбой, пѣвчимъ лебедемъ, глухаремъ, зубромъ и туромъ, стоявшій на крайне низкой степени культуры первобытнаго каменнаго и костяного періода. Эта культура смѣнилась каменнымъ вѣкомъ совершенно другаго характера. Уже на Германцевъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на носителей этой культуры, потому что находки этого періода раскрываютъ передъ нами картину техническаго и художественнаго развитія, доходящую до памятниковъ историческихъ германскихъ эпохъ; районъ распространенія этой каменной культуры ограничивался, повидимому, тою же областью, которая была древнѣйшею германскою областью, какъ это доказано филологіей. Разбросанными по разнымъ мѣстамъ находками болѣе точно опредѣляются границы этой области; при пособіи же языка получается лишь понятіе о мѣстности распространенія этой культуры; распредѣленіе продуктовъ по количеству и качеству привело даже къ заключеніямъ о той мѣстности этой области, гдѣ культура этого періода достигла своего высокаго развитія.

Центромъ германскаго развитія въ это раннее время оказываются прибалтійскія страны: южная Швеція, Данія и Шлезвигъ-Голштейнъ, а также сѣверо-нѣмецкія побережья Балтійскаго моря до восточныхъ границъ Поммераніи; что касается до германскихъ народовъ на нѣмецкой почвѣ, то обращаетъ еще на себя вниманіе страна къ западу Вислы до средняго теченія Одера, до сѣверныхъ покатостей Рудныхъ горъ и Тюрингинскаго лѣса и на западъ почти до Везера; высшими пунктами материковой культуры являются область по Эльбѣ и мекленбургскія страны.

Здѣсь въ особенности многочисленныя находки даютъ возможность познакомиться съ тѣми прекрасными каменными орудіями: ножами и пилами, долотами, топорами, сѣкирами и скребками для выдѣлыванія шкуръ, которыя по прекрасной своей обработкѣ составляютъ лучшія произведенія всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ каменныхъ эпохъ. Здѣсь выкапываются горшки съ вырѣзанными на нихъ и тонко выполненными орнаментами, изящная форма которыхъ поражаетъ насъ, хотя они и сдѣланы безъ помощи гончарнаго круга. Не было тогда также недостатка въ склонности къ украшеніямъ и примитивной роскоши; носили бусы изъ костей и янтаря; изъ янтаря выдѣлывали также трубки и пуговицы, круги и кольца, предметы для развѣши-

ванія въ формѣ топоровъ и стрѣлъ, корабликовъ и человѣческихъ фигуръ, которыя расходились по странѣ черезъ посредство мѣновой торговли.

Матерьяльныя основы жизни были, впрочемъ, несложны. Изъ домашнихъ животныхъ хорошо были извѣстны только лошадь и корова, овца и свинья, быть можетъ также коза; главная пища состояла изъ продуктовъ охоты и рыбной ловли; земледѣльствомъ врядъ ли занимались, хотя найдены были каменные ручныя мельницы.

Могины своими очертаніями и своимъ положеніемъ даютъ намъ только нѣкоторыя намеки на характеръ соціальной и умственной культуры. То было время долменовъ, свободно стоящихъ гробницъ изъ большихъ, необдѣланныхъ каменныхъ глыбъ и могилъ (Ganggräber),—родъ долменовъ съ накиданнымъ землянымъ холмомъ съ склепо-подобнымъ входомъ: по роду постройки и величинѣ обѣ эти формы представляли массовыя могилы, предназначенныя для пятидесяти и даже для ста покойниковъ. Является предположеніе, что какой нибудь родъ, низшая группа естественно-національнаго сочлененія, общими усиліями сооружалъ ихъ и пользовался ими. Отдѣльные трупы погребали или прямо въ этихъ могилахъ или въ меньшихъ помѣщеніяхъ, въ такъ называемыхъ каменныхъ ящикахъ, безъ сжиганія; въ сидячемъ или лежащемъ положеніи; подробности погребенія указываютъ на вѣру въ безсмертіе, представленіе о которомъ со- отвѣтствовало земной жизни.

Эта германская каменная эпоха довольно рано смѣнилась бронзовой культурой, между тѣмъ какъ въ странахъ, лежащихъ къ востоку отъ Вислы, въ нынѣшнихъ Западной и Восточной Пруссіи и балтійскихъ провинціяхъ, а также въ провинціи Познани и въ Шлезвигѣ еще долго сохранялась первобытная культура каменнаго вѣка, которая распатана была только вторженіемъ Гальштатской культуры съ бывшими при ней въ употребленіи бронзою и желѣзомъ.

Въ германскія области бронзовая культура вторглась съ юга, быть можетъ, также и съ востока. Древнѣйшее теченіе ея шло съ Рейна и съ Запада; его вліяніе простиралось внутри страны до Пригница и средней Марки и вдоль береговъ черезъ всю западную Германію до Ютландіи, а, можетъ быть, и на нѣкоторыя части Скандинавіи. Внутри нынѣшней нѣмецкой области Ганноверъ съ его находками представляетъ самую важную страну для ознакомленія съ этимъ теченіемъ; болѣе позднѣйшее теченіе этой культуры направлялось въ область, лежавшую внизъ по Эльбѣ; наивысшаго развитія достигло это теченіе въ Мекленбургѣ,—гдѣ сотни гробницъ и цѣлыя склады находокъ свидѣтельствуютъ о немъ—и овладѣло сѣверомъ и востокомъ Германіи.

Трудно рѣшить: явились ли оба теченія вслѣдъ за ввозомъ готовыхъ бронзовыхъ произведеній или благодаря торговлѣ необработан-

ной бронзой. Во всякомъ случаѣ послѣдняя быстро развилась, такъ что на сѣверѣ вскорѣ создана была собственная техника и выработаны свои формы. Бронза выливалась; найдено множество формъ для отливки, а въ Гольштейнѣ нашли пряжку, на которой бронза, наполнявшая желобки для отливки, не была еще отбита ¹⁾. Литейная работа потомъ въ теченіи различныхъ мирныхъ періодовъ усовершенствовалась и стала необыкновенно тонкой; наконецъ научились покрывать бронзовые предметы золотыми листочками и украшать ихъ янтаремъ или какой либо иной смолистой массой.

Соотвѣтственно этому блестящему развитію техники кузнечнаго дѣла, занятаго поставкой металлическихъ орудій и оружія, кажется, также существенно повысился и уровень жизненнаго обихода, хотя произошло это, конечно, только въ теченіи продолжительнаго періода времени. Правда, охота и рыбная ловля все еще оставались главными источниками пропитанія; однако тогда уже начали цѣнить скотоводство, а о начаткахъ земледѣлія свидѣлствуютъ находки бронзовыхъ серповъ, а на скандинавскомъ сѣверѣ изображенія плуговъ, запряженныхъ быками. Лошадь была также вполне приручена; ее употребляли и для верховой ѣзды, и для запряжки. Вмѣстѣ съ тѣмъ повысилась техника домашнихъ промысловъ; гончарное и токарное ремесла доставляли прекрасные продукты; художественный вкусъ выразился въ орнаментикѣ на бронзовыхъ оружіяхъ и на горшкахъ, состоявшей изъ линейныхъ и спиралевидныхъ изображеній. На сѣверѣ дошли даже до пластическаго изображенія и развитія грубыхъ іероглифовъ, остатки которыхъ покрываютъ скалы сѣвернаго Богусъ-Лэна и сосѣднихъ пограничныхъ странъ Норвегіи, а также восточнаго Гётланда. Въ этихъ странахъ культура бронзоваго вѣка развилась, кажется, самымъ блестящимъ образомъ. Населеніе было тогда густое, особенно въ Шоненѣ; на квадратную милю страны приходится среднимъ числомъ въ двадцать разъ больше бронзовыхъ находокъ, чѣмъ въ остальной Швеціи къ югу отъ Далельфа. Здѣсь былъ центральный пунктъ той высокой варварской культуры, которая оказала свое воспитательное вліяніе на самое способное и въ высшей степени развитое племя Германцевъ, Готовъ, до переселенія послѣднихъ на юго-востокъ.

Но въ то время, какъ на сѣверѣ совершилось почти самостоятельное развитіе, нѣмецкихъ Германцевъ юга коснулось новое вліяніе; — вліяніе отдаленныхъ всемірно историческихъ отношеній. Желѣзная культура прежде Кельтовъ, а потомъ Римлянъ распространилась многими потоками до береговъ Сѣвернаго и Балтійскаго морей.

Самыя древнія соприкосновенія съ Гальштадской культурой произошли здѣсь около четвертаго столѣтія до Р. Х. и она распростра-

1) Undset, Eisen. 320.

нилась прежде всего на востокъ; черезъ Моравію и Богемію южныя теченія достигаютъ той области къ востоку отъ германской осѣдлости, — Шлезвига, Познани, западной Пруссіи — которая до тѣхъ поръ пребывала въ каменномъ вѣкѣ. Однако, отсюда происходятъ и обратныя вліянія на страну германской бронзовой культуры. Внизъ по Эльбѣ проявляется Гальштатская культура въ Лаузицѣ, въ нынѣшнемъ Саксонскомъ королевствѣ и въ провинціяхъ Бранденбургъ и Саксоніи — конечно, безъ серьезныхъ и глубокихъ послѣдствій. Второе, позднѣйшее, извнѣ пришедшее вліяніе еще не измѣнило высокоразвитую бронзовую технику Германцевъ. Вліяніе это исходило съ запада, направлялось внизъ по Рейну, черезъ Гессенъ къ Везеру до побережья Нѣмецкаго моря, а случайно и мѣстами даже до Гольштейна.

Вслѣдъ за нимъ появились массами продукты итальянскаго ввоза, обусловливавшася Марсельской янтарной торговлей. Не смотря на то, его желѣзные товары лежатъ въ роскошкахъ какъ чужеземцы рядомъ съ туземной бронзой.

Тогда — приблизительно со втораго столѣтія до Р. Х. — началось третье теченіе, исходившее отъ Ла-тэнской культуры; оно проникло черезъ Тюрингію внизъ къ Саалѣ и Эльбѣ и упразднило для большинства странъ германскаго характера старый вѣкъ бронзы. Къ западу оно распространилось до Сѣверной Голландіи, на востокъ до устья Вислы, на сѣверъ вліяніе его проникло черезъ Гольштейнъ до Ютландіи, наконецъ черезъ Борнгольмъ до береговъ Швеціи. Въ большинствѣ мѣстностей, — за исключеніемъ только юго-восточнаго угла Балтійскаго моря и главнымъ образомъ Мекленбурга, — литье бронзы замѣнилось вмѣстѣ съ тѣмъ ковкою желѣза; здѣсь не были въ зависимости отъ ввоза южной бронзы и вскорѣ стали добывать у себя изъ дерновыхъ и болотныхъ рудъ новыхъ металлъ при помощи тщательной его выплавки. Конечно, туземное желѣзо все еще было чрезвычайно рѣдко, ввозъ изъ Кельтскихъ странъ не былъ особенно обиленъ: настоящій желѣзный вѣкъ наступилъ лишь тогда, когда (приблизительно около половины перваго столѣтія по Р. Х.) римскіе купцы занялись ввозной торговлей.

Римляне завоевали Германію не однимъ только мечемъ. Врядъ ли возможно достаточно оцѣнить то мирное завоеваніе, за которое римскій купецъ принялся лишь тогда, когда военныя нападенія Рима оказались бесполезными.

Бронзовое изображеніе Изиды нашли въ Гнезенѣ, статуи Юпитера найдены въ Квейсѣ въ Лаузицѣ, въ Лихтенбергѣ въ округѣ Нижняго Барнима, въ Фрейвальдѣ; мы уже не говоримъ о другихъ драгоценныхъ произведеніяхъ классическаго искусства. Въ Швеціи до настоящаго времени найдено до пяти тысячъ штукъ римскихъ динарій перваго и втораго столѣтія послѣ Р. Х. Крупныя римскіе

купцы и промышленники вели организованную и обширную торговлю вообще съ гиперборейскими странами; въ Ютландіи откопали бронзовый сосудъ, на которомъ нашли имя фабриканта, встрѣчающееся на сосудахъ, найденныхъ въ Гановерѣ, Англии и въ Швейцаріи. Такъ какъ торговля была международная, то во ввозныхъ ея товарахъ встрѣчалась самая пестрая смѣсь кельтскихъ, римскихъ, греческихъ и даже восточныхъ формъ.

Около времени Тацита эта новая культура вытѣсняетъ старое вліяніе Латэнской культуры — на первыхъ порахъ преимущественно въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ послѣдняя меньше упрочилась, въ особенности въ Мекленбургѣ. Около 200 г. послѣ Р. Х. ея господство захватываетъ весь германскій сѣверъ; еще позже изъ нея развивается на сѣверо-востокъ и на югъ внизъ до Волыни достойная удивленія желѣзная культура, носителями которой были Готы; упадокъ этой культуры наступаетъ лишь около пятого столѣтія. Нашимъ достояніемъ стали драгоцѣннѣйшія находки этой культуры, — остроконечники копій, желѣзные орнаменты и руны, которыя выложены серебромъ, — также массы желѣзнаго орудія и искусной желѣзной утвари.

Бросая общій взглядъ на доисторическіе вѣка Германцевъ европейскаго сѣвера, мы видимъ, что, за исключеніемъ каменнаго вѣка, всѣ они были въ зависимости отъ вліянія чужеземной и преимущественно южной культуры. Вполнѣ достоверно, что въ этой зависимости прошли послѣдніе пять—шесть столѣтій германской исторіи до начала нашего лѣтосчисленія: со времени Гальштатской и Латэнской культуры замѣтно соприкосновеніе съ всемірно-историческимъ движеніемъ въ формъ и нынѣ еще понятной. Съ шестаго столѣтія по Р. Х. наступаетъ долгій періодъ, — изслѣдователи опредѣляютъ его приблизительно въ тысячу лѣтъ, — въ теченіи котораго господствуетъ бронзовая культура, а вмѣстѣ съ нею и чужеземныя вліянія, не поддающіяся точному опредѣленію.

Возможно ли при подобныхъ обстоятельствахъ указать, когда начался и когда закончился каменный вѣкъ, и какими моментами обусловливалось его обособленное частичное развитіе? Этотъ вѣкъ своими корнями уходитъ за предѣлы монументальной доисторической эпохи, теряясь въ темныхъ дебряхъ индо-европейской первобытной жизни.

IV.

До настоящаго времени къ разрѣшенію вопроса объ образованіи индо-европейскихъ народовъ ближе всего подошли путемъ филологическихъ изслѣдованій. Послѣ того, какъ вѣра въ первоначальное единство индо-европейскихъ націй, благодаря лингвистикѣ, приобрѣла

значеніе весьма правдоподобной гипотезы, было совершенно естественно изслѣдовать событія, расчленившія первобытный народъ, также при помощи филологическихъ данныхъ и разрѣшеніе вопроса о происхожденіи народовъ включить въ проблему о происхожденіи языковъ.

Но уже въ вопросѣ о происхожденіи языковъ отъ одного предполагаемаго общаго первоначальнаго языка взгляды ученыхъ были и остаются различными. Когда отвергнуто было мнѣніе о томъ, что расчлененіе могло произойти чисто-механически путемъ выдѣленія нѣкоторыхъ частей первоначальнаго народа, стали съ недавняго времени искать постепенно-расчленяющій элементъ преимущественно въ мѣстныхъ стремленіяхъ къ звуковымъ измѣненіямъ или къ ново-образованіямъ въ языкѣ. Подобныя стремленія, какъ показали изслѣдованія въ области исторіи нѣмецкаго языка, могутъ, конечно, вызвать различія діалектовъ: а подобныя различія въ нарѣчіяхъ въ состояніи постепенно расширяться до такого различія, которое выражается въ образованіи совершенно различныхъ языковъ. Теперь является вопросъ: какъ возможно себѣ представить, при подобномъ процессѣ, вылущеніе, такъ сказать, болѣе или менѣе законченныхъ національныхъ образованій изъ одного первобытнаго ядра? Если мы взглянемся внимательно въ характеръ примитивныхъ культуръ, то для насъ не будетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что всюду основой ихъ сущности и дальнѣйшаго развитія было естественное распадненіе народа на племена, роды, семьи. Эта первобытнѣйшая изъ всѣхъ основъ должна была прежде всего другаго оказывать свое вліяніе также и при образованіи націй; на это указываютъ уже распространенные во всемъ индо-европейскомъ мірѣ этногоническія преданія. Въ какомъ, однакоже, отношеніи естественное расчлененіе стояло къ выдѣленію языковъ? Въ этомъ-то пунктѣ изслѣдованія въ области языка нуждаются, кажется, въ расширеніи своихъ приемовъ.

Само собою понятно, что болѣе общая и хорошо обоснованная гипотеза въ этой области является существенной предпосылкой для отвѣта на вопросъ о первоначальной родинѣ Индо-еврепейцевъ: сличеніемъ предполагаемаго богатаго запаса словъ первоначальнаго языка и указаніемъ на особенности европейскаго или азіатскаго климата или на флору и фауну этихъ частей свѣта никогда невозможно будетъ рѣшить этотъ вопросъ. По крайней мѣрѣ, требуется предварительно выработать опредѣленный взглядъ на слѣдующее: какимъ образомъ отдѣльныя націи выросли изъ первоначальнаго народа (*Urvolk*) и пошли навстрѣчу своей судьбѣ, — какихъ размѣровъ слѣдуетъ себѣ представить тѣ пространства, въ предѣлахъ которыхъ могло осуществиться распадненіе — и многіе другіе вопросы, въ этомъ родѣ.

Это все такіе вопросы, отвѣчать на которые не дѣло національнаго историка. Для послѣдняго достаточно, если наука сравнительной

филологіи дастъ ему истинную картину тѣхъ условій, при которыхъ могла развиваться культура отдѣльныхъ націй по отдѣленіи ихъ отъ общаго первоначальнаго народа.

Однако же пока и эта картина еще далеко неясна; потому что далеко еще ясно не отграничено количество и значеніе общаго запаса словъ, изъ содержанія котораго можно бы было безопасно набросать общія контуры этой картины. Тѣмъ не менѣе, изслѣдуя самыя неоспоримыя показанія со стороны ихъ культурно-историческаго содержанія, мы будемъ ближе всего къ истинѣ, если признаемъ культуру каменной эпохи принадлежностью молодыхъ націй. Изъ металловъ для украшенія, кажется, неизвѣстны были ни золото, ни серебро; изъ полезныхъ металловъ не было навѣрное желѣза, а вѣроятно и бронзы; мѣдь повидимому, была уже въ употребленіи, какъ металлъ для украшенія. Орудія и оружіе выдѣлывались изъ камня; по этой причинѣ изъ наступательнаго оружія знали только молотъ, пращу и топоръ. Такимъ образомъ, эта ступень индо-европейской культуры, рассматриваемая съ точки зрѣнія доисторической археологіи, была приблизительно такая же, какъ культура индѣйцевъ сѣверной Америки; извѣстна была самородная мѣдь, но она не имѣла никакого вліянія на развитіе особаго стиля орудій или оружія.

Обращаясь къ экономической сферѣ, мы полагаемъ, что можно почти совершенно безошибочно установить, что индоевропейскія націи, въ моментъ своего расчлененія, находились въ кочевомъ состояніи. Въ хозяйствѣ водились коровы, овцы и, быть можетъ, также козы, которыхъ приручали цѣлыми стадами; какъ на домашнее животное смотрѣли, конечно, только на собаку, которая главнымъ образомъ употреблялась для охраны скота, извѣстны были также лошади и свињи, хотя врядъ ли въ совершенно прирученномъ состояніи; разведеніе свиней становится хозяйственной потребностью только при осѣдлой жизни, а ѣздить верхомъ на лошади не умѣли ни Греки Гомера, ни *Индійцы* Ригведы. Въ общемъ мы имѣемъ такимъ образомъ передъ собой тотъ кругъ животныхъ, изъ которыхъ безъ затрудненія могла образоваться группа культурныхъ животныхъ въ среднеевропейскій каменный вѣкъ.

Здѣсь, какъ и всюду, кочевое состояніе отнюдь не исключало того, чтобы случайно не обрабатывались кое-какія поля. Это было побочное занятіе, къ которому, весьма вѣроятно, могли быть примѣнены тѣ свѣденія, которыя прежде образовались о флорѣ страны, хотя при этомъ не могло быть и рѣчи о хлѣбопашествѣ, какъ о важной, хозяйственной дѣятельности. Такъ напр., мы думаемъ, что названія ячменя, проса, мака, льна, быть можетъ, бобовъ и лука — навѣрное индо-европейскія. Понятія: пашня, плугъ, боронить, сѣять, косить, молотъ напротивъ получили свое выраженіе въ языкѣ уже позднѣе, и древнѣйшія формы словъ, соотвѣтствующія этимъ понятіямъ, со-

ставляютъ уже особое достояніе южныхъ и сѣверныхъ европейскихъ языковъ. Поэтому становится очень вѣроятнымъ, что только западные индоевропейцы сдѣлали нѣкоторые успѣхи въ земледѣліи, поскольку таковыя были совмѣстимы съ каменной эпохой¹⁾, но успѣхи эти съ современной точки зрѣнія могутъ считаться только примитивными.

Экономическая жизнь кочеваго состоянія уже однако дала возможность сдѣлать много приспособленій и предпринять рядъ мелкихъ мѣръ для повышенія жизненной обстановки. Все это совершилось въ сферѣ семьи и рода, передавшихъ ихъ дальнѣйшимъ потомкамъ. Подъ сѣнію мирной родовой жизни женщины пряли и плели, выдѣлывали волчьи шкуры, ткали грубую пряжу или выбивали изъ выдерганной овечьей шерсти родъ войлочной ткани; извѣстны были также начатки гончарнаго ремесла, не было недостатка и во многихъ пестрыхъ украшеніяхъ для руки и уха. У мужчинъ, напротивъ, самымъ искуснымъ занятіемъ было тележное мастерство; почти ни въ чемъ другомъ индо-европейскіе языки не представляютъ такого сходства въ словахъ и понятіяхъ, какъ въ области этого занятія. Разумѣется, эти экипажи не были еще даже и самыми грубыми экипажами въ нашемъ смыслѣ; ось вертѣлась вмѣстѣ съ колесами и на далекомъ разстояніи можно было слышать, какъ еще и теперь въ степяхъ Азіи, скрипъ и стонъ ѣдущихъ домовъ.

Если Германцы переселились изъ дальнихъ мѣстъ въ свою доисторическую родину при Балтійскомъ и Сѣверномъ моряхъ, то можно прежде всего допустить, что они передвигались съ пастбища на пастбище въ такихъ именно экипажахъ. Важнѣйшимъ результатомъ этихъ переселеній должно было быть отпаденіе отъ родственныхъ націй, связанныхъ общностью языка, прежде же всего отъ Эстовъ и Славянъ. Это — такія событія, подробности которыхъ еще рѣшительно оспариваются и покрыты мракомъ; по новѣйшимъ изслѣдованіямъ кажется даже, какъ будто совокупность западныхъ индоевропейскихъ народовъ еще до ея распадѣнія позаимствовала слова и вмѣстѣ съ ними и культурныя понятія у другаго первобытнаго народа; по крайней мѣрѣ иначе трудно понять слова: серебро (*silber*) и соль (*salz*), горохъ (*erbse*) и конопля (*zanf*), быть можетъ также золото (*gold*), сталь (*stahl*), горчица (*senf*) и корабль (*shiff*)— какъ составныя части западныхъ языковъ.

Однако тотъ вѣкъ, въ теченіи котораго Германцы, какъ независимая нація, отдѣлились отъ общаго союза, имѣлъ особенную важность для судебъ нѣмецкаго народа. И кажется, что невозможно даже и теперь вполне оцѣнить съ нѣкоторыхъ сторонъ результаты этого отдѣленія. Германскіе языки имѣютъ цѣлый рядъ общихъ словъ,

¹⁾ Ср. Тас. Germ. с. 45 объ Эстахъ.

не встрѣчающихся въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ; они могли образоваться только у германскаго первобытнаго народа—конечно не тотчасъ послѣ національнаго отдѣленія отъ Славянъ, а быть можетъ только послѣ цѣлаго ряда поколѣній и также путемъ многократныхъ взаимныхъ заимствованій, передававшихся отъ племени къ племени. Изъ этого обще-германскаго особаго запаса выдвигается новый міръ названій разныхъ предметовъ. Выступаетъ отечественная липа, позднѣйшее нѣмецкое національное дерево; появляются сѣверный олень, козуля, олень, лисица, бѣлка. Прежде всего, однако, выдѣляются море съ его волненіемъ, заливъ и проливъ, утесъ, морской берегъ и островъ, китъ, тюлень, чайка—все это новыя обще-германскія понятія. А рядомъ съ природой выдвигается и человѣкъ; развивается терминологія мореплаванія и астрономіи. Все это явленія такого рода, что напоминаютъ о Балтійскомъ морѣ и его культурныхъ странахъ съ ихъ фауной и флорой; живое воображеніе охотно свяжетъ ихъ возникновеніе въ языкѣ со вступленіемъ нашего народа въ его древнѣйшую германскую родину.

Другія группы общегерманской сокровищницы языка, кажется, указываютъ на позднѣйшія пріобрѣтенія германской культуры при Балтійскомъ морѣ; на возникновеніе кузнечнаго мастерства съ массой выраженій для обозначенія его техники, утвари и оружія, на улучшеніе скудныхъ построекъ, на прирученіе лошади для запряжки и ѣзды верхомъ, на прогрессъ въ одеждѣ и пищѣ,—однимъ словомъ, указываютъ на такія событія, исторически развивающееся значеніе которыхъ частью уже извѣстно намъ изъ предыдущаго разсмотрѣнія доисторическихъ германскихъ эпохъ.

Въ этомъ пунктѣ до-историческое и лингвистическое изслѣдованія связываются, и для этого именно времени сравненіе позднѣйшихъ германскихъ нарѣчій даетъ намъ самый цѣнный ключъ для уразумѣнія уже тогда наступившаго національнаго расчлененія. Въ то время, какъ германцы овладѣли западной половиной бассейна Балтійскаго моря и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣли для себя осѣдлость при восточной бухтѣ Сѣвернаго моря, они начали распадаться (можетъ быть въ силу значительно древнѣйшаго отдѣлительнаго процесса на три большія группы: восточныхъ германцевъ почти до водораздѣла между Одеромъ и Эльбой,—западныхъ при Эльбѣ и къ западу отъ Эльбы, — и сѣверныхъ въ Даніи и на Скандинавскомъ полуостровѣ. Изъ этихъ трехъ группъ сѣверные и восточные германцы были, очевидно, въ болѣе близкомъ между собою родствѣ; хотя мнѣнія о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ группъ, какъ и объ отношеніяхъ обитателей сѣверныхъ странъ къ западнымъ германцамъ расходятся. Вѣрно, однако, то, что нынѣшніе нѣмцы по существу происходятъ отъ западныхъ германцевъ, между тѣмъ какъ сѣверные германцы большею частью продолжаютъ жить въ совре-

менныхъ датчанахъ и скандинавахъ, а отчасти вмѣстѣ съ восточными германцами послѣ весьма многихъ странствій доставили германскую кровь для образованія нынѣшнихъ романскихъ націй.

Западные германцы въ свою очередь, согласно одному древнему племенному преданію, подраздѣлились на три большія группы—Ингвэоновъ (Ingwäonen), Иствэоновъ (Istwäonen) и Герминоновъ (Herminonen): имъ соотвѣтствуютъ въ существенныхъ чертахъ позднѣйшіе ниже-германцы фризскаго и англо-саксонскаго племени, средне-нѣмецкіе франки и верхне-германцы въ ихъ раздвоеніи на швабо-аллеманновъ и отчасти Баварцевъ. Въ самыя раннія времена, какія только можетъ запомнить исторія, средне-нѣмецкіе франки уже стремились на западъ — къ Рейну; позднѣйшіе верхне-германцы осѣли внутри страны по средней Эльбѣ, а для англо-саксонцевъ и фризовъ открывались перспективы на сѣверное море, на смѣлое плаваніе до устьевъ Рейна и до мѣловыхъ скалъ Англіи.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

До христіанскія народныя движенія въ Средней Европѣ.— Первое, западно-германское переселеніе.

1.

По одному иранскому сказанію Ормуздъ господство надъ міромъ передаетъ Ямѣ. Послѣдній царствуетъ счастливо и мудро. Люди и пастбищныя животныя подъ его покровительствомъ размножаются такъ сильно, что многократно приходится ему требовать отъ земли, чтобы она расширилась, образуя просторъ для тварей и людей. Но во всевѣдѣніи своемъ Ормуздъ предвидитъ, что такое счастливое состояніе не будетъ вѣчно длиться и что для земли должно наступить такое время, когда люди и твари на ней погибнутъ; поэтому онъ приказываетъ Ямѣ развести садъ, въ который доставляются самыя лучшія растенія и превосходнѣйшіе животныя и люди. Обитатели этого сада будутъ жить безпечально, не затрагиваемые тѣми страданіями, которыя составляютъ удѣлъ всего остального міра: когда въ будущемъ земля опустѣетъ, обитатели эти выйдутъ изъ своего сада и вновь ее заселятъ ¹⁾).

Глубокій смыслъ этого мифа религіознаго характера; во внѣшней же его оболочкѣ нашли себѣ трогательное выраженіе общія заботы и судьбы всѣхъ европейскихъ и азіатскихъ кочевыхъ народовъ самыхъ отдаленныхъ временъ. Достаточно одного вѣка мудраго и счастливаго правленія, чтобы пастушескій народъ и пастбищныя твари размножились до такой степени, что повидимому спасеніе отъ смерти и гибели возможно лишь при помощи божественнаго или полубожественнаго властнаго слова, заставляющаго землю расширить свои предѣлы. Даже сила этого слова не приостанавливаетъ окончательнаго

¹⁾ Spiegel, Ar. Periode 243.

паденія. Только Ормуздъ съ его прозрѣвающей будущей мудростью можетъ научить, какъ можно спастись отъ гибели. Садъ долженъ быть культивированъ для отборныхъ экземпляровъ людей и животныхъ, интенсивная обработка страны должна быть начата носителями прогресса—для того, чтобы создать новый міръ съ болѣе высокой цивилизаціей, когда исчезнутъ пастушескіе народы съ ихъ склонностью къ бродяжеству и ихъ первобытной обработкой земли.

Въ этой картинѣ нѣтъ недостатка ни въ единой чертѣ типической судьбы пастушескихъ народовъ: черезъ чуръ часто они послѣ ряда несчастныхъ годовъ погибаютъ; всегда въ благопріятныя времена растутъ ихъ потребности въ расширеніи пастбищныхъ районовъ, и если такое расширеніе встрѣчаетъ препятствія со стороны чужихъ ордъ, то народы эти или истребляются въ борьбѣ съ тѣми, на кого они произвели нападеніе, или имъ приходится перейти къ земледѣлію. Эти немногія черты, не взирая на большія, сложныя и косвенныя вліянія, — даютъ содержаніе историческимъ событіямъ цѣлыхъ столѣтій, можетъ быть даже тысячелѣтій, въ теченіи которыхъ совершились тѣ народныя переселенія, отзвукомъ которыхъ наполнена древнѣйшая извѣстная намъ исторія нашего народа.

На содержаніе кочевой семьи въ далекихъ равнинахъ гористой Азіи требуется и требовалось, при равенствѣ основныхъ условій, въ незапамятныя времена стадо приблизительно въ триста головъ скота. Подобное стадо для своего прокормленія требуетъ въ Туркестанѣ или въ южной Сибири, а также къ юго-востоку въ гористой области не меньше шестой части географической квадратной мили. Стало быть, племя въ 10.000 душъ не можетъ здѣсь просуществовать, не располагая областью протяженіемъ отъ 200 до 300 квадратныхъ миль. А каково же было его положеніе, когда оно вслѣдствіе благопріятныхъ внѣшнихъ условій въ теченіи одного вѣка удвоилось или утроилось? Земля не выносила уже тогда новаго бремени и стала источникомъ вѣчно повторяемыхъ центробѣжныхъ, все дальше и дальше разливающихся народныхъ волнъ, которыя оплодотворили и Азію, и Европу.

Но и въ Европѣ, въ далекихъ степныхъ странахъ Россіи, въ болотистыхъ и лѣсныхъ пустыняхъ западныхъ гористыхъ странъ должны были имѣть мѣсто аналогичныя событія, какъ только образовалось населеніе съ подобнымъ образомъ жизни, — будь это туземцы или переселенцы изъ Азіи, все равно. Переселеніе народовъ, пробѣгая въ своихъ великихъ размахахъ съ востока на западъ черезъ центральную Европу, до тѣхъ поръ пока странствующие народы пребывали въ пастушескомъ быту или занимались только грубымъ земледѣліемъ, должно было вызвать во всѣхъ отдѣльныхъ районахъ этой части свѣта сходныя движенія.

Это—такой фактъ, важность котораго была уже прослѣжена ве-

личайшимъ историкомъ древности въ одной изъ европейскихъ странъ, и вѣроятныя подробности котораго описаны были имъ въ такой формѣ, которая и нынѣ еще служитъ образцомъ. Ясно, говоритъ Фукидидъ вначалѣ своего историческаго сочиненія¹⁾, что нынѣшняя Эллада не была заселенной прочно въ первобытное время. Напротивъ въ до-историческое время имѣли мѣсто многократныя поселенія: какъ-только какую-нибудь общину стала преслѣдовать превосходящая ее сила, она легко бросала свою осѣдлость. Естественно, что оставляли страну безъ затрудненій, такъ какъ на ея почвѣ потрачено было лишь столько силъ, сколько необходимо было для обезпеченія своего собственнаго существованія; никто не думалъ о накопленіи хозяйственнаго добра или о лучшей обработкѣ земли; да такое стремленіе было бы безцѣльно, такъ какъ не существовало никакой торговли, да и вообще не существовало безопасныхъ взаимныхъ сношеній воднымъ или сухимъ путемъ.

Какъ не ярко описаны здѣсь мелкія особенности народныхъ теченій въ ихъ основныхъ чертахъ, не слѣдуетъ забывать главнаго мотива всего движенія—заботы о достаточномъ прокормленіи. Только этой элементарной, въ теченіи цѣлыхъ столѣтій однородно дѣйствующей причинѣ вѣкъ великихъ переселеній могутъ быть обязаны тѣми необыкновенными слѣдствіями равномернаго прогресса и тѣмъ сходствомъ (почти тожествомъ) отдѣльныхъ событій, какія мы можемъ констатировать по исторически извѣстнымъ намъ великимъ отрывкамъ отчетовъ объ этихъ переселеніяхъ.

Здѣсь передъ нами та самая стихійная сила, которая какъ раньше въ вѣкъ самой низкой культуры, такъ и теперь въ періодъ далеко ушедшаго впередъ развитія, заставляеть насъ выходить за предѣлы привычнаго унаслѣдованнаго существованія. Ибо если мы оставимъ въ сторонѣ совершенно различные способы переселеній, то врядъ ли найдемъ два крупныхъ историческихъ событій, которыя представляли бы такія поучительныя параллели, какъ народныя теченія въ первобытное время и современныя европейскія переселенія. Въ оба эти періода пищевая площадь на родинѣ истощена до крайней степени; только механическимъ перенесеніемъ излишнихъ народныхъ силъ въ другія страны тогда и теперь устраняется опасность перенаселенія. Въ оба періода событіе сопровождается и облегчается нѣкоторымъ презрѣніемъ къ индивидууму. Въ первобытное время личность вообще не признается: роды движутся какъ замкнутыя живыя тѣла, какъ родовыя индивидуальности. Въ новѣйшее время, правда, отдѣльный человѣкъ экономически и соціально предаставленъ самому себѣ, онъ совершенно одинокъ. вмѣстѣ съ тѣмъ становящееся все болѣе и болѣе тѣснымъ сожителство людей научило считаться съ

1) I, 2.

массами, и единичный человекъ, не смотря на всю гуманность вѣка, является лишь частью массы. Всѣ періоды великихъ переселеній и колонизацій должны считаться съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ индивидуализму, такъ какъ любое основаніе новой осѣдлости для народа требуетъ неисчислимыхъ человѣческихъ жертвъ, о необходимости и полезности которыхъ только позднѣйшія поколѣнія въ состояніи правильно судить.

II.

Продолжительный періодъ народныхъ переселеній и ихъ направленіе обусловливаются кочевой культурой, переходъ отъ которой къ окончательному и прочному земледѣлію является главнѣйшей причиной прекращенія этихъ переселеній; было бы, однако, ошибочно полагать, что формы выселеній и цѣли отдѣльныхъ предпріятій вслѣдствіе этого совершенно однородны въ предѣлахъ одной великой цѣли. Уже среднеевропейскія переселенія кельтовъ и германцевъ, которыя мы сейчасъ рассмотримъ, оставляя даже въ сторонѣ отдѣльныя частности, проявляются въ различныхъ формахъ.

Болѣе древнія, болѣе точно извѣстныя намъ переходы Кельтовъ совершаются въ формѣ «Священнаго переселенія» италиковъ. Этимъ путемъ шли Галлы въ 395 году до Р. Х. въ Италію и Иллирію; въ виду перенаселенія родины 30.000 человекъ организованнымъ войскомъ предприняли походъ, чтобы искать для себя новыхъ мѣстъ ¹⁾. Выселялась не одна какая-либо отдѣльная народность; то было кровопусканіе нѣкоторыхъ частей Галльской націи. Тогда осѣли въ Верхней Италіи, пестро перемѣшавшись между собой, Ценоманы, изъ страны Лемана, Зеноны изъ Зенса и Оксерра, Линоны изъ Лангра. Инсубрійцы изъ Отюна ²⁾.

Этотъ родъ переселеній былъ также извѣстенъ германцамъ; отдѣльныя германскія его особенности, по раннимъ рассказамъ, нигдѣ не выступаютъ съ такой отчетливостью, какъ въ походѣ Аріовиста. Свевскій король былъ призванъ кельтскими народностями Секвановъ и Арверновъ въ ихъ страну для военной защиты; за нимъ послѣдовало войско въ 15.000 головъ. Но черезъ четырнадцать лѣтъ, благодаря повторившимся переселеніямъ, въ странѣ было уже около 120.000 Германцевъ, въ томъ числѣ еще недавно прибывшихъ 24.000 человекъ изъ племени Гарудовъ. Въ общемъ въ этомъ воинственномъ выселеніи, продолжавшемся много лѣтъ, участвовало шесть или семь народностей; не считая женщинъ и дѣтей, изъ каждой народности прибыло сюда среднимъ числомъ около тысячи всадниковъ и четырехъ тысячъ пѣхотинцевъ.

¹⁾ Trogus bei Justin 24, 2.

²⁾ Müllenhoff 2, 253.

У насъ имѣются свѣдѣнія и о способахъ колонизаціи этихъ массъ. Они распредѣлялись не по всѣмъ странамъ; они осѣли въ третьей части области Секвановъ; въ походъ они выступали по старому съ военнымъ обозомъ и съ женами и дѣтьми. Но они господствовали надъ страной изъ укрѣпленныхъ центральныхъ пунктовъ ихъ мѣстъ пребыванія, изъ окруженныхъ болотами стоянокъ или изъ укрѣпленныхъ замковъ. Непосредственно покоренные народы должны были платить имъ оброкъ изъ доходовъ страны, болѣе отдаленныя племена платили дань. Такое положеніе вещей могло прекратиться лишь съ выселеніемъ или поробошеніемъ кельтскихъ народовъ; Германцы могли сдѣлаться господами страны только медленно и при помощи постояннаго гнета надъ туземцами: они должны были освоиться съ кельтскимъ земледѣліемъ и кельтской хозяйственной организаціей, освоиться съ знаніемъ и употребленіемъ кельтскихъ названій рѣкъ, горъ и мѣстъ; во всемъ, что касается виѣшней цивилизаціи, они должны были сдѣлаться послѣдователями Кельтовъ. Этимъ именно путемъ, должно думать, и была пріобрѣтена нѣмцами сѣверо-западная Германія отъ Гунта и Везера; этотъ способъ пріобрѣтенія былъ еще много разъ обычнымъ для областей вправо отъ Рейна, въ нагорномъ и низменномъ районѣ; ибо еще и теперь въ этихъ странахъ всюду встрѣчаются кельтскія названія, и нерѣдко германскіе народы принимали тамъ даже кельтское названіе занятой области, — такъ напр. Трибоки (Triboker) около Страсбурга, Неметы (Nemeter) около Шпейера и въ горной странѣ Эйфеля и Арденнъ, а въ лежащей къ сѣверу отъ нихъ покатости — Кондрузы, Эбуроны, Кёрёзы, Зегны и Пемоны (Condrusen, Eburonen, Saeroesen, Segnen und Raemonen); т. е. именно тѣ народы, которые прежде всего получили кельтскія названія. Въ области же Нижняго Рейна, вправо и влѣво отъ рѣки, Германцы съумѣли также свою національную хозяйственную систему, приноровленную къ общинному землевладѣнію, приспособить къ кельтской первобытной культурѣ подворнаго хозяйства; индивидуалистическій характеръ кельтскихъ поселеній не препятствовалъ возникновенію германскихъ марокъ (Markgenossenschaft), и въ подворной системѣ, еще и нынѣ господствующей, начиная отъ самыхъ восточныхъ границъ Вестфаліи до Мааса, мы усматриваемъ самое прочное и наиболѣе очевидное, такъ сказать, документальное доказательство кельтскаго поселенія.

Выше описанный способъ заселенія въ формѣ *Ver Saegum* видоизмѣнялся, когда рѣчь шла о переѣздахъ черезъ море. Форму этого рода переселеній мы можемъ изучить до мельчайшихъ подробностей въ походахъ норманскихъ викинговъ съ девятого по одиннадцатое столѣтіе, а не столь ярко она выразилась также въ поѣздкахъ англосаксовъ во Фландрію и Англію; эта же форма должна была лечь во время оно въ основу стремленія германскихъ народовъ къ островамъ

Балтійскаго моря и къ берегамъ Даніи. Если сухопутные походы за добычей должны быть разсматриваемы какъ первые образцы для военныхъ походовъ Аріовиста, то на морѣ всѣ онѣ предпринимаются только ради грабежа. Грабятъ берега съ кораблей; воздвигаютъ прочныя мѣста осѣдлости по берегу и на дюнахъ ради сбора контрибуціи; сюда и въ окрестности идутъ новыя переселенцы изъ родины; народонаселеніе завоевателей возрастаетъ; они чувствуютъ себя здѣсь дома: къ старой области этого народа присоединилась новая.

Всѣ эти поселенія и странствія въ формѣ военныхъ походовъ совершаются съ юной отвагой, свойственной молодымъ народамъ. Мы не ошибемся, если этого рода передвиженія объяснимъ главнымъ образомъ такимъ состояніемъ общества, при которомъ сѣуженная пищевая площадь временами вызывала выселенія, но никакое нашествіе врага не вынуждало къ внезапному оставленію своимъ мѣстъ. Военное выселеніе въ различныхъ его формахъ представляло, вѣроятно, способъ завладѣнія германцами территоріи кельтовъ. Мы, дѣйствительно встрѣчаемся съ такой формой поселенія германцевъ по всему теченію Рейна, а также по ту сторону границъ Германіи. Иначе должны были обыкновенно происходить выселенія изъ центральныхъ раіоновъ Германіи къ ея восточнымъ границамъ. Здѣсь, благодаря тѣснящимъ соплеменникамъ или чуждымъ націямъ Востока, какая либо народность могла очень легко очутиться въ положеніи Секвановъ при Аріовистѣ, и ей не оставалось дѣлать ничего другого какъ уйти въ возможно ббльшей массѣ во всемъ ея составѣ, со старцами и осѣдлыми воинами, достигшими мужеской зрѣлости. Приблизительно такимъ образомъ ушли отсюда вестготы, убѣгая отъ гунновъ, между тѣмъ какъ восточный родственныи имъ народъ сталъ добычей побѣдителя; такимъ же образомъ, кажется, выселились прежде Кимвры, Тевтоны и Амброны, — было ли это выселеніе вызвано нападеніями враговъ или необыкновенными приливами, которымъ древнее друидское преданіе приписываетъ это переселеніе, какъ и всѣ прочія движенія восточныхъ народовъ.

Разумѣется, судьбы народныхъ переселеній въ большинствѣ случаевъ подвержены большимъ видоизмѣненіямъ, чѣмъ единичныя выселенія изъ среды стремящихся къ лучшимъ землямъ племенъ. Тяжкія заботы о существованіи одолѣвали переселенцевъ; имъ нужно было пробиваться во что бы то ни стало; ихъ не долженъ былъ останавливать страхъ передъ ихъ загадочной судьбой и продолжительнымъ странствіемъ. Высшей ихъ заботой было найти для себя пропитаніе; добыть землю; и уже на заднемъ планѣ стояли національные интересы, развитіе національной особенности. Странствующія толпы по пути изъ страны въ страну росли подобно лавинамъ; къ нимъ примыкали нѣкоторыя части чуждыхъ народовъ; рядомъ звучали разные

діалекты, разные языки; и тамъ гдѣ общее шествіе пріостанавливалось на продолжительное время, тамъ нерѣдко возникалъ смѣшанный народъ съ новымъ характеромъ. Такъ случилось бы съ Кимврами, еслибы ихъ постигла лучшая участь; въ ихъ войскѣ, пестро перемѣшавшись, рядомъ съ германскими основными частями находились кельтскіе Гельветы и Секваны, и собственные имена ихъ вожаковъ переданы намъ почти всѣ въ сильно кельтизированной формѣ. Такъ по всѣмъ вѣроятіямъ формировалась судьба Бастарновъ на крайнемъ Юго-Востокѣ, и можетъ быть на Западѣ та же участь постигла воинственныхъ Треверовъ, народъ первоначально чисто-кельтскій, но сильно перемѣшанный съ германскимъ элементомъ.

Не слѣдуетъ думать, что подобныя смѣшенія различныхъ національностей въ тѣ древнія времена были особенно затруднительны. Сѣверные народы по своей культурѣ и внѣшнему виду не различались между собою, какъ можно предполагать это теперь на основаніи существующихъ между ними отличій, возникшимъ въ позднѣйшее время. Первые Греки, познакомившіеся съ Германцами, — такіе проницательные наблюдатели, какъ Плиній изъ Марсея (въ 330 г. до Р. Х.), Посидоній (приблизительно въ 90 г. до Р. Х.), — могли еще отождествить ихъ съ скиѳами или по меньшей мѣрѣ считать ихъ близкими между собою. При этомъ Посидоній былъ первымъ, у котораго можетъ быть, явилось предчувствіе о томъ, что Кельты и Германцы различныя націи; только Цезарь въ блестящей своей характеристикѣ научилъ насъ разъ навсегда отдѣлять эти націи другъ отъ друга.

Повидимому, и кельтско-германскія отношенія не обуславливались ихъ національными противоположностями. Кельты признавали, правда, германскій народъ чуждымъ, національно отъ нихъ отличнымъ, но все же они считали его ближайшія племена дружественными Германцами, т. е. сосѣдями; а нѣкоторые кельтскіе корни словъ въ нѣмецкомъ языкѣ (напр. Amt, Reich), какъ нѣкоторые германскіе корни въ кельтскомъ (Hose, Bruch-brasa) указываютъ на существовавшія между ними дружескія отношенія. Римляне временъ первыхъ императоровъ познакомились съ внутренними судьбами германцевъ преимущественно по кельтскимъ источникамъ. Только этимъ объясняются многократно попадающіяся кельтскія формы именъ нашихъ самыхъ раннихъ національных героевъ; только на этомъ окольномъ пути, на примѣръ германскій Маробаду (Marobadu), «Rosse-Kämpfende», сдѣлался кельтскимъ Маробадусомъ (Maroboduus), «Grosswillige» или «Sehr Willkommen».

III.

Всѣ германскія переселенія, имѣвшія мѣсто въ до-христіанскія времена и переданныя намъ исторически или открытыя инымъ пу-

темъ, исходятъ уже изъ древнихъ мѣстъ пребыванія предковъ нашего народа по Эльбѣ и Одери. Отсюда направлялись отдѣльныя народныя движенія какъ на западъ, такъ и на юго-западъ и юго-востокъ. Но куда бы Германцы ни стремились по этимъ направлениямъ, они нигдѣ не находили ненаселенной страны. Всюду встрѣчали они древнюю культуру, и почва, на которую вступала ихъ нога, переживала уже сходныя переселенія за много вѣковъ назадъ.

Древнѣйшія историческія преданія грековъ и римлянъ представляютъ намъ среднюю Европу и ея западные полуострова занятыми различными національными типами, которые въ свою очередь свили себѣ здѣсь гнѣзда на счетъ еще болѣе раннихъ, доисторическихъ расъ. Главнымъ образомъ имѣется здѣсь въ виду три народа. Прежде всего Иберійцы, живущіе еще и нынѣ въ провинціи басковъ; они группировались около западнаго бассейна средиземнаго моря и заселяли всю Испанію, юго-западную Францію, Сицилію и вѣроятно Нижнюю Италію. Затѣмъ Лигурійцы или Лигуры—народъ, жившій по сосѣдству къ востоку отъ иберійцевъ и занимавшій среднюю и верхнюю Италію вмѣстѣ съ Сардиніей, юго-восточную и среднюю Францію, а также, быть можетъ, и нѣкоторыя части Англіи; къ нимъ, наконецъ, примыкали Иллирійцы, жившіе гдѣ то на востокѣ; они еще нынѣ сохраняются въ горномъ народѣ албанцевъ.

Изъ этихъ трехъ народовъ Иберійцы, безъ сомнѣнія, не принадлежали къ индо-европейскому племени; Иллирійцы— индо-европейцы; относительно же мѣста Лигуровъ въ отношеніи языка мы находимся въ неизвѣстности. Но вѣрно то, что связи лигурійскихъ и иллирійскихъ племенъ и народностей были уничтожены уже очень рано дальнѣйшими индо-европейскими переселеніями; народы, названные впоследствии Италиками, направились въ Италію, а Эллины—въ Македонію и Грецію.

Слѣдуетъ полагать, что послѣ греко-италійскаго вторженія, Кельты заняли сѣверныя марки иберійцевъ и иллирійцевъ, прогнавъ отсюда крайнія пограничныя племена послѣднихъ. Какъ индо-европейскій народъ съ сравнительно высокой культурой, они въ концѣ концовъ овладѣли всей страной до морскихъ береговъ средней Франціи и нѣмецкаго моря, а потомъ Англіей, Ирландіей и Шотландіей. Къ востоку же они въ то же время удерживали за собою долины Верхней Роны и Соны; чувствовали себя какъ дома во всѣхъ странахъ Рейнской области и сѣверо-западной Германіи и овладѣли даже юго-восточными плоскими возвышенностями Германіи, включая и Богемію. Все таки высшаго развитія ихъ національной культуры въ начальную историческую эпоху слѣдуетъ искать уже не на нѣмецкой, а на нынѣшней французской и англійской почвѣ. Здѣсь началась богатая цивилизація ирландо-шотландцевъ съ одной стороны и галло-бриттовъ съ другой. Въ Сѣверной Франціи послѣдніе отпрыски

высшаго расцвѣта самостоятельной кельтской культуры распространились еще до временъ Цезаря; римскій полководецъ слышалъ еще объ обширномъ царствѣ Суассона и его королѣ Дивитіакѣ, подъ скипетромъ котораго пребывали галльскія и бретанскія племена на обоихъ берегахъ пролива ¹⁾).

У насъ нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній о времени переселенія кельтовъ во Францію; все же, мы думаемъ, есть возможность исторически прослѣдить послѣдніе побѣги великаго кельтскаго движенія на западъ. Въ 500 году до Р. Х. кельтскіе завоеватели перебираются черезъ западные Пиренеи до долины р. Эбро: это переселеніе является послѣднимъ столкновеніемъ кельтовъ съ иберійскою народностью. Спустя приблизительно столѣтіе мы встрѣчаемся съ двойнымъ движеніемъ кельтскихъ народныхъ массъ на западъ и на востокъ отъ Альпъ; на востокъ кельты появляются на берегахъ Адриатическаго моря и въ Иллиріи, а склоны Альпъ съ запада до Дуная и Энса (Enns) ²⁾ заселяются народностями одинаковаго происхожденія. На западъ же кельтскія племена направляются внизъ по Ронѣ, переходятъ въ Италію, завоевываютъ Миланъ (396 г. до Р. Х.), пользуются паденіемъ Этрусскаго могущества для отважнаго переселенія на югъ и временно торжествуютъ надъ сожженнымъ ими Римомъ (390 или 389 г. до Р. Х.). Вообще, это было послѣднее великое столкновеніе кельтовъ съ лигурійскими народами юго-восточной Франціи и верхней Италіи, а также съ иллирійскими племенами альпійской области по Дунаю и берегамъ Адриатическаго моря.

Спрашивается, вызваны ли были эти походы единственно инициативой кельтовъ — были ли они слѣдствіемъ чрезмѣрнаго избытка собственной національной силы, или здѣсь дѣло шло объ обезпеченіи для себя убѣжища отъ вторгавшихся волнъ иноплеменныхъ народовъ?

Какъ бы то ни было, а тѣ немногія переселенія кельтовъ, которыя еще имѣли мѣсто послѣ этого, не исходили уже больше отъ ихъ западныхъ границъ, а отъ восточныхъ; племена, принимавшіе въ нихъ участіе, были уже не піонерами, а отсталыми спутниками великаго кельтскаго движенія. И они уже больше не оставляютъ свою родину по собственной своей волѣ, а убѣгаютъ отъ наступающаго народа германцевъ. Новыя событія разыгрываются приблизительно въ 300 г. до Р. Хр.; параллельныя съ ними явленія мы находимъ не столько въ самыхъ раннихъ германскихъ походахъ, начавшихся приблизительно въ то же время, сколько во время втораго германскаго переселенія, наступившемъ приблизительно въ 150 до 200 г. послѣ Р. Х. ³⁾. Какъ начиная съ этого времени на крайнемъ во-

1) В. 9 II, 4.

2) Enns — притокъ Дуная въ Австріи.

3) Ср. книга III, гл. 2.

стокъ племена германской народной массы скоро разсѣваются въ пестромъ водоворотѣ по провинціямъ римской имперіи и въ концѣ концовъ послѣ походовъ полныхъ приключеній и послѣ неоднократнаго основанія государствъ находятъ свой трагическій конецъ вдали отъ родины, такъ уже приблизительно лѣтъ за пятьсотъ раньше кельтскія племена были выброшены въ незаселенныя пустыни. Типической чертой великихъ европейскихъ переселеній можно считать отторженіе послѣднихъ въ данное время племенъ отъ національно-компактной массы; по отношенію къ позднѣйшей исторіи Германіи эта черта роковымъ образомъ повторяется въ дѣйствіяхъ гунновъ, мадьяръ и монголовъ. Плодотворной въ смыслѣ всемірно-историческомъ она была лишь одинъ разъ — въ германскомъ переселеніи народовъ. Только во время послѣдняго, благодаря давленію чужихъ народовъ и противодѣйствию этому давленію, осколки благороднѣйшей національности были брошены въ богатую культуру римской имперіи и послужили образовательнымъ ферментомъ для современныхъ націй.

Переселеніямъ отсталыхъ кельтскихъ племенъ суждена была менѣ великая будущность. Тектозаги, народъ, жившій съ родственными племенами приблизительно по ту сторону Майнской области были отторжены другъ отъ друга германцами въ 300 г. до Р. Х.; они спаслись вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими частями народа въ область иллирійскихъ кельтовъ и, наконецъ, такъ какъ вытѣсненіе ихъ изъ родины и отчасти изъ области рѣки Моравы продолжалось, они предпринимаютъ опустошительный походъ въ Грецію и Малую Азію, гдѣ приблизительно около 281—278 г. до Р. Х. ихъ ждетъ запоздалый покой при рѣкахъ Сангаръ и Галисъ въ странѣ Галатіи.

Еще болѣе бесплоднымъ для судебъ кельтовъ оказался послѣдній походъ, совершившійся въ послѣднемъ столѣтіи до Р. Х. и имѣвшій важное значеніе для позднѣйшаго развитія нѣмцевъ. Походъ этотъ предпринять былъ Бойями: они, потревоженные въ своихъ мѣстахъ осѣдлости уже кимвро-тевтонскимъ походомъ, избѣгая гнета нѣмцевъ, удалились еще до 60 г. до Р. Х. изъ Богеміи въ Норикумъ (Noricum), чтобы найти для себя тамъ новую осѣдлость. Это, впрочемъ, удалось имъ лишь отчасти; главной массѣ народа въ концѣ концовъ пришлось уйти въ Паннонію и надолго остаться въ странѣ по Нейзидлеру и около Платтенскаго озера; болѣе незначительная ихъ часть приняла участіе въ выселеніи гельветовъ, была вмѣстѣ съ послѣдними побѣждена Цезаремъ и поселилась, наконецъ, между Луарой и Аллье.

И такъ кельтскіе походы закончились безславно. Но за кельтами выдвинулись наслѣдники будущаго, германцы.

IV.

Первымъ извѣстнымъ намъ германскимъ походомъ, о которомъ мы имѣемъ сколько нибудь достовѣрныхъ свѣденія, было военно-народное выселеніе въ особомъ направленіи ¹⁾. Около 200 лѣтъ до Р. Х. на Дунаѣ появился странный народъ, пришедшій туда съ Вислы — народъ многочисленный и воинственный, хвастливый и отважный, преданный пьянству, нерасположенный къ работѣ, незнакомый съ мореплаваніемъ и земледѣліемъ, питающій отвращеніе къ скотоводству и живущій только войной. То были люди съ ужасной наружностью и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ: одинъ изъ нихъ былъ ростомъ въ пять локтей. Женщинъ и дѣтей возили они съ собою на скрипучихъ шатрахъ-телѣгахъ. Они распадались на многія племена и роды, племена находились подъ властью королей и предводителей благороднаго происхожденія, служба и благосклонность которыхъ покупались подарками: конями и убраннымъ для коней, одеждами, драгоценными металлами. Во время похода одинъ изъ королей или предводителей становился во главѣ въ званіи герцога.

То были Бастарны (Baftarnen) съ примѣсью готскихъ Скировъ (Skiren), народъ имѣвшій, можетъ быть, тогда чисто германскій характеръ. Послѣ различныхъ военныхъ переходовъ они поступили около 180 — 170 до Р. Х. на службу къ македонскимъ королямъ Филиппу и Персею; въ особенности прославляется одинъ изъ ихъ предводителей — Клондикусъ (Глудигго). Столѣтіе спустя они направляютъ свое оружіе противъ Рима, какъ вспомогательные народы Митридата, затѣмъ вырождаются въ сарматовъ, такъ что еще черезъ столѣтіе мы узнаемъ въ нихъ германцевъ только по языку, образу жизни, постройкѣ домовъ и по способу поселенія; германская же сила и образъ мысли исчезли; Тацитъ называетъ этотъ народъ грязнымъ, а его высшее сословіе тупоумнымъ ²⁾. Это не помѣшало имъ однако принимать участіе въ Маркоманскихъ войнахъ и въ походахъ Готовъ; потомъ императоръ Пробъ (276 — 282) пересадилъ ихъ на римскую почву, и исторія о нихъ забыла.

Это былъ первый случай, когда благородное нѣмецкое племя, направившись къ востоку, нашло свою гибель въ болотистыхъ низменностяхъ Дуная и въ лабиринтѣ Балканскихъ горъ.

Однако же приблизительно около того времени, когда Бастарны направились къ юго-востоку отъ истоковъ Вислы, какъ бы на встрѣчу своей гибели, перешли, вѣроятно, черезъ Эльбу и Везеръ болѣе

¹⁾ О Германцахъ въ 222 г. до Р. Х. (Triumphalfesten und Properz 5, 10, 39 см. Müllenhoff 2, 194. Сравнить затѣмъ Müllenhoff 2, 104.

²⁾ Germ. 46.

богатые будущимъ военныя отряды и впервые привѣтствовали Рейнь на нѣмецкомъ языкѣ. Мы не имѣемъ никакихъ извѣстій объ этихъ событіяхъ; ихъ исторія раскрывается для насъ только посредственно, при помощи позднѣйшихъ данныхъ и черезъ возстановленіе текстовъ, первоначальное изложеніе которыхъ получено только изъ вторыхъ рукъ ¹⁾).

Три западно-германскія народныя группы Ингвэоновъ, Иствэоновъ и Герминоновъ приняли здѣсь на себя предводительство. Уже очень рано вѣроятно жившіе у моря Ингвэоны овладѣли съ береговъ Нѣмецкаго моря также страной по ту сторону Везера; а южнѣе ихъ, приблизительно по направленію къ Кёльну, за ними слѣдовали Иствэоны. Здѣсь племя отступило въ кельтійскую Бельгію; вскорѣ еще одна кельтская страна, область Менаповъ, подобно бастіону, простиралась между Эммерихомъ и Дюссельдорфомъ черезъ Рейнь до германской земли. Далѣе къ югу однако германскія племена уже перешли Рейнь; уже Тунгерны и Нервійцы осѣли по ту сторону рѣки. Центръ бельгійскихъ кельтовъ былъ перенесенъ далеко на западъ; у побережья тѣснились на узкомъ пространствѣ безчисленные народы; тогда именно они отчасти перешли черезъ проливъ и пріобрѣли новую родину на британскомъ островѣ.

Не столь быстро, кажется, Герминоны нашли себѣ путь изъ прежнихъ нѣдръ страны по правому берегу Эльбы. Народности этой племенной группы, прославившіеся впоследствии какъ Свевы своей подвижностью и особеннымъ военнымъ устройствомъ, стояли еще ближе чѣмъ другіе Германцы къ образу жизни чисто-кочевыхъ народовъ; въ главной своей массѣ они, кажется, задержаны были почти непрерывной цѣпью горныхъ хребтовъ, покрытыхъ первобытнымъ лѣсомъ, растянувшихся у нихъ съ южной стороны: Рудными горами и тюрингенскимъ лѣсомъ, тюрингенской холмистой мѣстностью и крутымъ массивомъ Гарца. Нуженъ былъ какой-либо особый толчокъ, чтобы вовлечь ихъ вполнѣ въ общее движеніе. Таковой толчокъ и данъ былъ походами Кимвровъ и Тевтоновъ.

Что бы, однако, не послужило поводомъ къ походу тѣхъ страшныхъ народныхъ массъ, которыя, по сообщеніямъ древнихъ, численностью отъ четверти до полумилліона душъ, устремились съ западныхъ границъ старо-германской страны, съ долины Эльбы, въ 115 г. до Р. Х., къ югу, — вѣрно то, что шествіе этой народной лавины оставило за собою послѣдствія всемірно-историческаго значенія. Кимвры и Тевтоны разбили четыре римскихъ арміи на востокѣ и на западѣ отъ Альпъ; эти побѣды обусловили дальнѣйшее несчастное развитіе внутренняго состоянія римской республики. Въ теченіи мно-

¹⁾ См. Lamprecht. Двѣ замѣтки о древнѣйшей германской исторіи; Zeitschr. des Bergischen Geschichts.

гихъ лѣтъ они грабили страны кельтскихъ народовъ, находя лишь отпоръ въ Бельгахъ; особенный же страхъ внушали они и долѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было свирѣпствовали въ благословенной странѣ средней Галліи; тамъ подорвали они силу сопротивленія Кельтовъ, накопленную многими столѣтіями богатой первобытной культуры, и подготовили путь Цезарю, римскому завоевателю. И когда они, наконецъ, послѣ болѣе чѣмъ десятилѣтняго странствованія нашли свою погибель въ Провансѣ, они оставили молодой имперіи Римлянъ призракъ ужаса предъ Кимврами и страшное предчувствіе приближенія какого то новаго, — не римскаго, не италійскаго міра.

Этотъ народъ появляется предъ древними во всемъ своемъ непобѣдимомъ величіи. То было выселеніе цѣлаго племени, а не военный походъ ищущихъ приключеній богатырей; медленно двигалась эта масса съ безконечнымъ обозомъ женъ, дѣтей, стадъ и собакъ, въ грубыхъ шатрахъ-телѣгахъ и съ связанными попарно лошадьми: одни Тевтоны тянулись мимо лагеря Марія въ теченіи шести дней. На фонѣ этой невиданной реньше картины для опытнаго военнаго глаза Римлянъ выдѣлялось гигантское сложеніе воиновъ, смѣлый воинственный взоръ полныхъ жизни женщинъ; старухи же, сѣдые жрицы, тащились въ бѣлыхъ одѣянїяхъ, прислоняясь другъ къ другу уставшими тѣлами и подпоясавъ свои льняныя одежды; во время штурма на полѣ битвы онѣ ударяли съ угрожающимъ видомъ по кожаной покрывкѣ телѣги для обороны сражающихся отъ злыхъ духовъ ¹⁾. И этотъ страшный и вмѣстѣ съ тѣмъ простодушный народъ вступилъ въ богатый и граціозный міръ Италіи. Не ради жаркаго солнца и голубого неба направились Германцы на югъ. До нихъ, правда, могли дойти смутныя вѣсти о сокровищахъ и прелестяхъ у Средиземнаго моря: различныя благородныя произведенія италійской металлургіи давно уже проложили себѣ путь къ Эльбѣ и Одеру. Но не объ этомъ заботились германцы. Съ тѣмъ идеализмомъ, который впоследствии отличалъ Парсиваля, Вальфрама, — этого нѣмецкаго типа средневѣковаго чловѣка, еще понынѣ не исчезнушаго на нѣмецкой землѣ, — они крѣпко держали за свое простое первоначальное требованіе: они хотятъ земли. Имъ нужна земля въ Норикумѣ (Noricum), она нужна имъ въ Гельвеціи, на берегахъ Роны и Сены; они ищутъ ее въ Испаніи и на несчастныхъ поляхъ Верхней Италіи. Они требуютъ ее изъ нужды, ради Бога, они готовы за нее служить безвозмездно и сражаться въ битвахъ за чуждый для нихъ міръ политическихъ интересовъ. Земля — вотъ то слово, которое постоянно и всегда слышится въ безконечномъ рядѣ нѣмецкихъ переселеній, которое вскорѣ должно было прозвучать для Римлянъ страшнѣе, чѣмъ требованіе ихъ черни: *Panem et Circenses*.

¹⁾ Strabo p. 294.

Однако же земли имъ не дали. Предчувствовалъ ли Римъ своимъ тонкимъ политическимъ инстинктомъ, какія послѣдствія можетъ имѣть его уступка? Предвидѣлъ ли онъ своимъ духовнымъ окомъ неисчислимыя ряды внуковъ, требующихъ земли?

Если отказъ Римлянъ и оправдывался политически, то все же онъ былъ связанъ съ безнравственной жестокостью. Уже первое пораженіе Германцевъ въ восточной области Альпъ обусловлено было только римской измѣной; римское коварство одержало также и на западѣ побѣду надъ несчастными переселенцами. Тогда въ Германцахъ пробудилось негодованіе; подъ вліяніемъ страшнаго раздраженія Кимвры и Тевтоны принесли цѣлое римское войско въ жертву богамъ: все что не пало на полѣ сраженія, было взято въ плѣнъ; плѣнные были повѣшены; добыча, оружіе, драгоценности были погребены на днѣ рѣки. Но вскорѣ вновь вернулось прежнее довѣріе, и уже слѣдующій день, быть можетъ, увидѣлъ германское посольство передъ чужеземнымъ консуломъ съ наивной просьбой о землѣ и о сѣменахъ для посѣва.

Таковы качества грубаго естественнаго народа: Римъ тогда и позднѣе пользовался ими съ тою-же жестокостью, которая вполне соответствовала упадку отечественныхъ нравовъ и старинному высокоумію. Однако же это были качества чисто естественнаго народа: эти варвары были много-обѣщающіе піонеры, имъ улыбалось все великое, все то, на исчезновеніе чего меланхолически смотрѣлъ старѣющій міръ юга; наиболѣе продолжительнымъ слѣдомъ кимвро-тевтонскаго вторженія у римлянъ остался ужасъ, смѣшанный съ завистью.

У.

Послѣдній, самый выдающійся историкъ этихъ событій, самъ бывший въ Провансѣ, рассказываетъ, что Мессалиоты огородили свои виноградники костями павшихъ при Э; почва была такъ удобрена трупами убитыхъ, что принесла необычайное количество плодовъ. Богъ, однако же, послѣ битвы послалъ дождь, лившій всю зиму, чтобы очистить землю отъ злодѣяній.

Съ нѣмецко-исторической точки зрѣнія нѣтъ нужды ни въ какомъ очищеніи, ни въ какомъ забвеніи. Эти борцы, хотя и безсознательно, пали за свою націю. То было Винкельридовскій подвигъ ¹⁾.

¹⁾ Существуетъ преданіе, что въ битвѣ при Земпахъ нѣкій поселянинъ изъ Стинса въ Ниувинденѣ своимъ геройскимъ самопожертвованіемъ рѣшилъ побѣду Швейцарцевъ надъ герцогомъ Леопольдомъ австрійскимъ. По преданію, признаваемому одними историческимъ, а другими легендарнымъ, случилось это 9 іюня 1386 г.—Героя этого звать Винкельридомъ. *Прим. Перев.*

Кимвры и Тевтоны прорвались черезъ поясъ мрачныхъ лѣсовъ и горныхъ цѣпей Средней Германіи; они указали своему народу полезное для нихъ направленіе на югъ, указали имъ всемірно-историческій путь.

Теперь уже Герминонамъ, южнѣйшей изъ германскихъ западныхъ группъ, пришлось слѣдовать по этому пути. Вѣроятно они шли по двумъ направлениамъ. Квады прорвались на востокъ отъ Исполинскихъ горъ черезъ лѣсную чащу и утвердился въ Моравіи ¹⁾. Хатты и Маркоманы прошли по болѣе многообѣщающему пути между Тюрингенскимъ лѣсомъ и гессенскими горами приблизительно около нынѣшняго Эйзенаха и достигли области Майна и Гессенской земли. Изъ обѣихъ мѣстностей, испытавшихъ уже и раньше на себѣ отдѣльныя германскія вліянія, они скоро разбрелись дальше. Хатты черезъ Вестеръ-вальдъ и долину Лана дошли до Рейна, гдѣ они покорили Убійцевъ (Ubier) осѣдлый народъ Иствэонскаго племени, они, кажется, утвердились по близости Рейнскаго Семигорья и наконецъ прогнали внизъ по Рейну, въ область расположенную по устью этой рѣки, главную вѣтвь позднѣйшей батавской народной группы. Маркоманны и родственныя народныя группы двинулись на югъ Германіи, къ Рейну, а затѣмъ черезъ Рейнъ: уже спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ гибели Кимвровъ и Тевтоновъ нѣмецкія племена утвердились въ Эльзасѣ и въ Рейнскомъ Пфальцѣ, и Гельветы были потревожены неизвѣстными намъ германскими племенами, вѣроятно, Свевами.

Эти отдѣльныя, почти разрозненныя предпріятія на югѣ Германіи вначалѣ второй четверти перваго столѣтія до Р. Х. нашли для себя весьма многообѣщающее содѣйствіе въ Аріовистѣ. Происходя изъ знатнаго свевскаго рода, владѣвшій кельтскимъ языкомъ, зять иноплеменнаго короля Воччіо (Vossio) изъ Норикума, Аріовистъ является первымъ великимъ представителемъ германскаго военнаго королевства; въ этотъ ранній періодъ по смѣлости рѣшенія и широтѣ взглядовъ его можно сравнить только съ Марбодомъ. Призывъ на помощь со стороны кельтскихъ народовъ Безансона противъ туземныхъ враговъ послужилъ для него поводомъ пройти съ германскими военными силами французско-нѣмецкія горныя ворота между Юрой и Вогезами. Это было въ 72 г. до Р. Х.—Германцы явились наемниками, а вскорѣ стали властелинами. Аріовистъ разбилъ Секвановъ на голову и поработилъ ихъ; онъ стягивалъ къ себѣ изъ оставшейся позади германской страны все болѣе и болѣе многочисленныя военныя отряды; черезъ четырнадцать лѣтъ онъ повелѣвалъ надъ нѣмецкимъ народомъ въ 120,000 душъ; всѣ кельтскія племена,

¹⁾ Müllenhoff 2, 301.

заселявшія огромную територію, тренетали предъ нимъ: Галлія Аріовиста была уже не меньше южной римской провинціей; римлянамъ грозило упроченіе германскаго владычества въ странѣ Кельтовъ. Къ тому же передъ Германцами открыта была долина Роны; уже раньше Германцы устремились по теченію Роны въ Италію—однимъ словомъ это была несравненная благопріятная военная позиція.

Въ этотъ моментъ появляется Цезарь. Онъ ищетъ личной военной славы въ Галліи: всемірно-историческая задача является его удѣломъ. Не завоеваніе Галліи, а устройство плотины противъ бушующихъ волнъ, сопровождающихъ движеніе народовъ съ праваго берега Рейна, установленіе границы между пресыщеннымъ культурой міромъ юга и требующимъ земли, жаждущимъ культуры міромъ сѣвера—вотъ великое дѣло Цезаря по ту сторону Альпъ. Уже первыя задачи, ожидавшія отъ него разрѣшенія, были въ этомъ направленіи. Онъ побѣдилъ Гельветовъ, которые хотѣли двинуться въ Галлію, въ двухъ кровопролитныхъ битвахъ; этимъ закончились кельтскія переселенія на западъ. Непосредственно затѣмъ обратились Галлы къ Цезарю за помощью противъ Аріовиста, противъ начала германскихъ переселеній по ту сторону Рейна и Вогезовъ.

Римлянинъ смотрѣлъ на положеніе дѣлъ съ холодной увѣренностью. Онъ видѣлъ опасность для римскаго народа въ томъ, что Германцы постепенно привыкли къ тому, чтобы переходить черезъ Рейнъ и массаами врываться въ Галлію; онъ полагалъ, что дикіе и варварскіе люди не удержатся послѣ завоеванія всей Галліи, чтобы подобно Кимврамъ и Тевтонамъ не вторгнуться въ римскую провинцію, а оттуда не устремиться въ Италію, благо путь по Ронѣ лежалъ предъ нимъ открытымъ.

Цезарь дѣйствовалъ на основаніи этихъ соображеній. Испытываешь высокое наслажденіе, когда слѣдишь за отчетомъ его объ этомъ походѣ, за его сдержаннымъ, спокойнымъ, хотя и не безпристрастнымъ рассказомъ въ первой книгѣ его комментарій. Малодушніе легіоновъ, которые содрогались передъ дикимъ видомъ Германцевъ, о которыхъ рассказывали въ римскомъ лагерѣ разные издавшіе варваровъ путники; въ лагерѣ малодушное бѣгство или плохо скрываемое смущеніе друзей изъ главныхъ городовъ, присоединившихся къ походу собственно только ради удовольствія; превосходное знаніе людей великаго полководца, возбуждавшаго въ своихъ людяхъ мужество и честолюбіе немногими словами и обаяніемъ своей личности,—вотъ картина, отраженіе которой говорило римлянамъ о Германцахъ больше, чѣмъ это могло сдѣлать непосредственное опасеніе. Но и тамъ, гдѣ Цезарь прямо вводитъ въ свой рассказъ Германцевъ и ихъ короля, онъ, какъ человекъ великой души, отдаетъ имъ справедливость и удивляются ихъ характеру.

Политическія соображенія, которыя онъ при переговорахъ вкладываетъ въ уста Аріовиста, далеки отъ варварской тяжеловѣсности; выведенъ равный ему по происхожденію мыслитель, который проникательно принимаетъ къ свѣдѣнію въ своихъ интересахъ эгоизмъ римской завоевательной политики и умѣетъ ее даже предвосхитить, и отдѣльные намеки даютъ понять, что германскій военный король ознакомился съ римскими отношеніями и понималъ ихъ лучше, чѣмъ это было желательно полководцу римскаго народа. Цезарь также не жалѣетъ похвалы, говоря о качествахъ германскаго народа, въ особенности объ ихъ военномъ мужествѣ; ихъ военный строй, и въ особенности ихъ искусство верховой ѣзды, возбуждалъ въ немъ, какъ въ тактикѣ, сильнѣйшій интересъ.

Но когда переговоры оказались тщетными и дѣло дошло до сраженія, то римское военное знаніе побѣдило воинственную ярость Германцевъ. Какъ далеки были тѣ времена, когда Римлянинъ, быть можетъ, подобно Германцу смотрѣлъ на битву какъ на священное дѣло, какъ на служеніе богу, а на наступленіе—какъ на процессію, когда ему въ концѣ концовъ было пріятнѣе умереть честной смертью въ зеленой степи—даже не одержавъ побѣды,—чѣмъ дома сгнить на мягкой соломѣ. Къ услугамъ римлянъ были всѣ силы высшей культуры,—холодная самоувѣренность, большое знаніе, подчиненіе массы порядку и опытное знаніе полководца. Объ эти силы разбились тогда и разбивалось еще въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій юношеское мужество Германцевъ.

Когда, послѣ кровопролитной битвы въ странѣ Мюльгаузена, Аріовистъ въ поспѣшномъ бѣгствѣ, покинутый даже женами и дочерьми, одинокимъ переправился черезъ Рейнъ въ лодкѣ, онъ оставилъ за собою германскую будущность, черты которой, въ другомъ освѣщеніи и съ другихъ сторонъ, еще разъ могли проявиться въ послѣдствіи. Его военное королевство прекратило свое существованіе, хотя онъ, прославляемый своими соотечественниками, умеръ героемъ. Но дальше на сѣверѣ приблизительно при устьяхъ Лана и Мозеля другія свевскія военныя орды подъ начальствомъ другихъ предводителей угрожали переправиться черезъ Рейнъ, и по ту сторону ихъ переправы, по Нижнему Рейну, большія пространства лѣво-рейнской земли достались Германцамъ, и они оттуда вновь могли угрожать Галліи. Задача Цезаря такимъ образомъ осталась неразрѣшенной.

Быть можетъ, успѣхи, сдѣланные здѣсь Иствэонами съ конца перваго начало втораго столѣтія до временъ Цезаря, находились въ связи съ движеніемъ Кимвровъ. Во всякомъ случаѣ съ этого времени вся лѣво-рейнская часть нынѣшней Рейнской провинціи и большая восточная половина Бельгіи подверглись нѣмецкову вліянію и на кельтской подпочвѣ и германскомъ надъ нею наслоеніи

образовались весьма разнообразныя національныя отношенія. На югѣ, на Мозелѣ, взялъ верхъ кельтскій элементъ, политическія же симпатіи были германскія. Далѣе на сѣверѣ, по ту сторону первобытныхъ лѣсовъ Эйфеля и Арденновъ, осѣли народы первоначально происшедшіе изъ германской крови, — Нервійцы до Шельды и Замбры, Эбуроны у Ахена, — о меньшихъ группахъ не стоитъ упоминать. Между всѣми же тремя народами клиномъ втѣснились Адуатуки (Aduatucker), разогнанные остатки кимвротевтонскаго переселенія. То была народная масса, къ которой впервые вслѣдствіе ея тѣснаго соприкосновенія съ Кельтами, въ особенности на югѣ, примѣнили названіе Германцовъ. Но въ этихъ округахъ отнюдь не было недостатка и въ чисто кельтскихъ народностяхъ; а именно на сѣверѣ, у изгиба Рейна при Клеве, жили еще вполне кельтскаго происхожденія Менацы, къ нимъ примыкали на западѣ Морины (Morine) того же племени; наконецъ нынѣшняя Фландрія и Брабантъ были еще вполне кельтскими. Но значительная часть этихъ народовъ, еще болѣе смѣшанныя группы центра, сочувствовали Германцамъ по ту сторону Рейна, — Белги уже въ силу давно вкоренившася въ нихъ отвращенія къ ихъ южнымъ племеннымъ родственникамъ — Галламъ. И вотъ здѣсь въ теченіи двухъ поколѣній возникли укрѣпленные пункты для германскихъ нападений на югъ; то, чего не хватало имъ въ смыслѣ ихъ географическаго положенія сравнительно съ положеніемъ Аріовиста при Безансонѣ, возмѣщали они безопасностью позиціи, преимуществами бѣльшей народной силы и единодушіемъ населенія.

Главнѣйшей задачей Цезаря было сокрушеніе ихъ могущества. Достигнуть этой цѣли возможно было только посредствомъ покоренія; Рейнъ долженъ былъ и на сѣверѣ сдѣлаться границей германской свободы. Цезарь выполнилъ свою задачу двумя продолжительными войнами въ 57 и 53 г. до Р. Х., въ промежутокъ между которыми пришлось еще обороняться отъ отдѣльнаго вторженія германскихъ народовъ съ правой стороны Рейна. Въ первомъ походѣ прежде всего было отражено совмѣстное вторженіе германо-бельгійскихъ воиновъ при Понтъ-а-Верѣ (Pont-à-Verge); затѣмъ Цезарь принялся за усмиреніе западныхъ полугерманскихъ большихъ народностей. Нервійцы были порабощены; Адуатуки, тогдашній руководящій народъ германо-белговъ, были загнаны въ ихъ крѣпкіе остроги и осаждены, и наконецъ изъ нихъ около шестидесяти тысячъ человѣкъ было уничтожено. Во время втораго похода дѣло шло главнымъ образомъ о наказаніи и усмиреніи восточнаго германскаго главнаго народа по лѣвой сторонѣ Рейна, Эбуроновъ. Послѣдніе въ 54 году возстали вмѣстѣ съ Нервійцами и Тревирами; цѣли возставшихъ лучше всего уясняются изъ союза, въ который они вступили въ слѣдующемъ году съ Свевами праваго берега Рейна. Была самая пора для Цезаря высту-

пить противъ нихъ, если онъ не хотѣлъ потерять преимущества, пріобрѣтенныя въ теченіи пяти лѣтъ. Цезарь вырвалъ зло съ корнемъ. Уже два года назадъ онъ переходилъ черезъ Рейнъ, хотя и безъ прочныхъ результатовъ, такъ и теперь онъ опять переходилъ черезъ Рейнъ, загналъ свободныхъ Свевовъ въ чащу первобытнаго лѣса и изолировалъ такимъ образомъ возстаніе на лѣвомъ берегу Рейна. Потомъ онъ двинулся противъ народа, руководящаго возстаніемъ, Эбуроновъ, опустошилъ ихъ область и подавилъ ихъ національность.

Событіями 53 года до Р. Х. Римляне въ сущности завладѣли линіей Рейна. Правда, и послѣ свободнымъ Германцамъ случалось переходить рѣку, при чемъ они то грабили и опустошали, сообразно съ обычаями своего народа, то присоединяясь къ неподавленнымъ еще возстаніямъ Галловъ: но разъ навсегда устранена была возможность пользоваться бельго-германской позиціей для распространенія германской національности въ Галліи. Германцы праваго берега Рейна медленно примирались съ провинціальнымъ характеромъ ихъ лѣво-рейнскихъ братьевъ и двоюродныхъ братьевъ; они примирились съ видомъ римскихъ легионовъ и полководцевъ: ихъ военное мужество нашло для себя скоро въ службѣ въ римскомъ войскѣ новое поле дѣятельности, и переселенія свободныхъ народовъ направились по сю сторону Рейна въ мало населенныя страны южной Германіи.

VI.

Разсматривая дѣятельность Цезаря въ Галліи съ нѣмецкой точки зрѣнія, можно сказать, что онъ сильнѣе, чѣмъ кто либо до него, направилъ Нѣмцевъ въ Германію. Начиная со времени его нападений, дѣло шло уже не объ отдаленныхъ цѣляхъ и бесполезныхъ странствованіяхъ, вызываемыхъ жаждой авантюристовъ къ переселеніямъ; Германцы должны были держаться за ближайшее, они должны были волей или неволей присвоить себѣ южную Германію. Въ этомъ направленіи, шли послѣдніе переселенческіе походы Германцевъ, насколько послѣдніе исходятъ въ эту раннюю пору съ западной и юго-западной передовыхъ границъ націи; направленіе это прекращается приблизительно съ началомъ нашего лѣтосчисленія.

Приблизительно около 20 г. до Р. Х. свевскія народности получили вѣроятно новый бѣльшій толчекъ къ переселенію на западъ; полагаютъ, что около этого времени Эльбу перешли Гермундуры, позднѣйшіе Тюрингенцы, а быть можетъ также и Лангобарды. Они при этомъ направились противъ тѣхъ народностей свевскаго племени въ Гессенской и Тюрингской странѣ, въ которыхъ Аріовистъ черпалъ свои силы, и прежде всего противъ Маркоманновъ. Но почти

въ то же время эти народы подвергались нападеніямъ и съ сѣвера; въ 9 г. до Р. Х. молодой Друзъ прошелъ съ большимъ войскомъ черезъ страну между Майнцомъ и Эльбой.

То былъ удобный моментъ для образованія военнаго королевства съ цѣлями переселенія и военнаго похода, подобнаго королевству Аріовиста. Въ лицѣ Марбода появился новый вождь, — и онъ былъ болѣе великъ и счастливъ, чѣмъ его предшественникъ. Будучи благороднѣйшаго маркоманнскаго происхожденія, Марбодъ явился въ Римъ, какъ любимецъ Августа; юноша рано пріобрѣлъ опытность старца; и такимъ образомъ въ немъ соединилось происхожденіе, общественное положеніе и личныя заслуги, чтобъ сдѣлать изъ него руководителя народа при самыхъ критическихъ условіяхъ.

Онъ повелъ Маркоманновъ на югъ къ истокамъ Майна и рѣкѣ, текущихъ въ Дунай; а оттуда въ сѣверную часть Богеміи. Кельтскіе Бойи, которыхъ здѣсь, послѣ давно уже происшедшихъ походовъ ихъ главнаго племени къ югу, оставалось весьма немного, были порабощены, и составили инородный, болѣе высоко цивилизованный общественный слой этой страны.

За Маркоманнами тѣснились черезъ Тюрингенскій лѣсъ другія свевскія племена, Варисты и Гермундуры; они настигли въ расплохъ тѣ части кельтскаго народа, которыя еще жили къ западу отъ Богемскаго лѣса въ нынѣшней Верхней Франконіи; ихъ набѣги доходили до Дуная. Тогда они встрѣтились съ римскимъ сопротивленіемъ, какъ это было за два поколѣнія передъ тѣмъ съ ордами Аріовиста на Рейнѣ. Л. Домицій Агенобарбъ, тогдашній верховный правитель Дунайскихъ земель, перешелъ черезъ рѣку и двинулся къ сѣверу, какъ полагаютъ, до Эльбы: онъ указалъ Гермундурамъ, какъ на мѣсто поселенія, но прежнюю родину Маркоманновъ, — Тюрингію. Дунайская линія осталась все таки нѣмецкимъ пріобрѣтеніемъ. Стратегическій поясъ Рима передвинулся въ рѣчную и горную области Верхней Франконіи, и столѣтіе спустя Гермундуры безпрепятственно бродили по опустошенной странѣ къ югу отъ верхняго Майна внизъ до Дуная и границъ римскаго владычества.

То было послѣднее крупное распространеніе германскаго элемента въ періодъ до христіанскихъ народныхъ переселеній. Оно связано съ именемъ Марбода. Какъ походъ Аріовиста указалъ путь на югъ позднѣйшимъ аламанскимъ народностямъ Свевовъ, такъ движенія Маркоманновъ подъ предводительствомъ Марбода были исходнымъ и центральнымъ пунктомъ движенія впередъ для тѣхъ свевскихъ народовъ, которые впоследствии должны были образовать Баварское племя: возникновеніе южно-нѣмецкаго элемента какъ на востокъ, такъ и на западъ можно отнести къ дѣятельности обоихъ величайшихъ военныхъ королей германской старины.

Вмѣстѣ съ тѣмъ маркоманискій походъ указывалъ въ какихъ уз-

кихъ предѣлахъ могли теперь происходить герминскія переселенія: начало и конецъ движенія связаны съ римскимъ вліяніемъ. Имперія управляла теперь судьбой Германцевъ не только съ береговъ Рейна, какъ это было во времена Цезаря; на Дунаѣ пріобрѣтена была вторая линія для отраженія и нападенія; теперь со стороны Рима противодѣйствіе германскимъ движеніямъ идетъ уже концентрически, какъ съ юга, такъ и запада.

Таковъ былъ конецъ первой великой эпохи нѣмецкаго расселенія. Германцы владѣли тогда почти всѣмъ тѣмъ, что со временемъ должно было сдѣлаться ихъ законнымъ наслѣдіемъ. Сдѣланы были еще, правда, дальнѣйшія пріобрѣтенія къ югу и западу, черезъ Дунай и Рейнъ; но о нихъ можно было думать только во время упадка римскаго господства. Напротивъ, на сѣверѣ добыты были моря и датско-сѣверныя границы; а на востокѣ удерживались ими еще обширные районы, выходящіе за предѣлы нынѣшняго компактнаго распространенія германскаго народа.

Но какія судьбы пережила нація въ промежуткѣ между нынѣшнимъ распространеніемъ на востокъ и господствомъ въ германскую эпоху отъ Одера приблизительно до Вислы! Наводнившія страну славянскія народныя массы истребили въ послѣдствіи нѣмецкій элементъ до самой Эльбы и только нѣмецкій крестьянинъ среднихъ вѣковъ, поддерживаемый сильной рукой землевладѣльца и рыцаря, снова мирнымъ путемъ завладѣлъ оторванными отъ Германіи областями. И такъ черезъ эти страны прошло двойное германское переселеніе, — эмиграція, начиная съ втораго вѣка до Р. Х. и иммиграція и окончательное поселеніе, начиная съ двѣнадцатаго вѣка. Если южная Германія пріобрѣтена для Нѣмцевъ во времена Августа, то Восточная Германія сдѣлалась окончательно ихъ удѣломъ только во времена Фридриха Барбаросы; ни у одного европейскаго культурнаго народа его внѣшнія судьбы не были столь измѣнчивыми, какъ у Германцевъ.

Одна разница во времени сама по себѣ отнюдь не объясняетъ противоположности въ характерѣ обоихъ переселеній. Въ средніе вѣка Нѣмецъ двигался на востокъ какъ крестьянинъ, для индивидуальнаго пріобрѣтенія, по личному побужденію; національные успѣхи и неудачи отражались различнымъ образомъ на судьбѣ отдѣльныхъ личностей. Заселеніе же первыхъ временъ носитъ напротивъ однообразный характеръ; отдѣльная личность исчезаетъ въ массѣ, только изрѣдка выплываетъ на поверхность какой-либо выдающійся предводитель; цѣлыя переселенія совершаются какъ бы сами собою, — повидимому безъ личнаго участія переселяющихся. Не вина нашихъ источниковъ, если древнѣйшая исторія нашего народа представляетъ просто механическое движеніе впередъ, простое международное столкновеніе; мы имѣемъ дѣло съ лѣтописцами высокоразвитой культуры,

и которые, гдѣ только возможно, съ радостью излагаютъ предметъ осязательно и индивидуально. Но внѣшняя судьба Германцевъ проявлялась дѣйствительно въ смутномъ, безсознательномъ инстинктѣ отдѣльныхъ народностей; и поэтому для Нѣмцовъ было особымъ счастіемъ, что воздѣйствіе на ихъ судьбы римскаго завоевателя ввело безпорядочное движеніе ихъ племенъ въ національныя границы.

КНИГА ВТОРАЯ.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Развитіе процесса естественнаго расчлененія народа.

I.

Проникнутый италійскими воззрѣніями, римлянинъ, прибывъ къ Рейну или Дунаю, смотрѣлъ на нѣмцевъ, какъ на народъ, только-что вышедшій изъ рукъ природы: своеобразный, чуждый всякой примѣси, свободный отъ вліянія чуждой культуры. Утомившись культурно-пресыщеннымъ образомъ жизни на югѣ, мечтая, подобно всякому высокообразованному народу, припасть къ груди неподдѣльной природы, древніе съ сентиментальной тоской взирали на народъ, повидимому, новѣйшаго происхожденія, которому улыбалось будущее; пропитанные достойными уваженія предрасудками, и любовью къ родной старинѣ они полагали, что въ культурѣ этого народа они вновь находятъ черты своей собственной идиллической старины, своего золотого вѣка. Повѣствованія Грековъ и римлянъ обусловлены подобнымъ именно настроеніемъ. Тацитъ, пророкъ Германской будущности, отнюдь не единственный повѣствователь, описанія котораго настроены на этотъ ладъ; онъ является лишь дирижеромъ хора многихъ менѣе значительныхъ голосовъ, созвучныхъ съ его голосомъ.

Мы знаемъ, что уже самая предпосылка этого идиллически-сентиментальнаго представленія—мнѣніе о юности германскихъ народностей—ложна. Цѣлое тысячелѣтіе, если не больше, германцы жили въ коренныхъ земляхъ своего отечества, на песчаной почвѣ Помераніи и Бранденбурга, между болотными странами средней Эльбы и Вислы, и неизмѣримыя времена отдѣляютъ сраженія римлянъ на Рейнѣ и Дунаѣ отъ тѣхъ эпохъ расселенія народовъ, въ теченіе которыхъ изъ одного первобытнаго народа произошли народы, населяющія значительную часть Европы.

Такія эпохи приходится измѣрять вѣками. Полагають, что въ настоящее время возможно установить шесть періодовъ доисторической бронзовой эпохи германцевъ: а сколько еще эпохъ измѣнчиваго существованія и шаткихъ культурныхъ вліяній должно было предшествовать вѣку этого металла?

Германцы не были дикарями, вторгшимися въ предѣлы южной культуры безъ традицій и ученій длиннаго прошлаго: они были носителями достойной уваженія варварской культуры; въ жизненномъ направленіи послѣдней они именно почерпали средства, чтобы помолодить *Orbis Terrarum* Римлянъ, а въ заключеніи и земной шаръ въ нашемъ смыслѣ этого слова.

Но и въ идиллическомъ пониманіи этой мнимо первоначальной культуры Римляне были несправедливы какъ къ себѣ, такъ и къ исторіи; къ себѣ — потому, что благодаря неправильному методу разсужденія, они лишили себя самого существеннаго орудія сопротивленія нѣмецкому натиску, яснаго взгляда на положеніе противника; къ исторіи — потому, что ради наиболѣе рельефнаго примѣра естественнаго народа они сочинили ту басню о чистотѣ нравовъ и государственномъ блаженствѣ первоначальныхъ культуръ, политическіе результаты которой проявились еще въ прошломъ столѣтіи и которую уничтожили лишь этнологическія изслѣдованія новѣйшаго времени.

Дикость и варварство отнюдь не создаютъ золотыхъ вѣковъ. Идиллія патріархальнаго режима, какъ ее рисуешь ветхій завѣтъ — эпическое благосостояніе народнаго царства, какъ его изображаетъ гомеровское преданіе, — то и другое въ этомъ преобразенномъ видѣ не было дѣйствительностью. Кто погрузится въ раннюю эпоху жизни народовъ, тотъ не усмотритъ тамъ всѣхъ обыденныхъ понятій нашей культуры о правѣ и нравахъ, о морали и вѣрѣ, и онъ пойметъ слова Шекспира, что само посебѣ ничто не бываетъ ни добрымъ, ни злымъ: лишь размышленіе дѣлаетъ его таковымъ.

Неограниченный эгоизмъ съ одной стороны, а съ другой стороны порабощеніе всякаго личнаго воззрѣнія на жизнь, даже и самой личности путемъ крѣпкого соединенія ея съ родомъ: такова отличительная черта ранней эпохи. Еще у германцевъ Цезаря, какъ у Эллиновъ Гомера грабежъ отнюдь не считается постыднымъ; быть великимъ грабителемъ — значило получить право на почетный титулъ у современниковъ и на прославленіе пѣвцами въ будущемъ. Автолика (*Autolykos*¹), дѣда Одиссея, благороднаго мужа, «Одиссея» прослав-

1) *Autolykos* — Автоликъ — герой греческой мифологіи. Представляетъ простотипъ вора. Сынъ и двойникъ Гермеса (Меркурія), онъ рисуется Гомеромъ (который впрочемъ не упоминаетъ о его происхожденіи) какъ самый выдающійся по хитрости и ловкости воръ.

ляетъ именно за то, что онъ отличался передъ всѣми смертными своей безконечной воровскою способностью: этимъ даромъ надѣлилъ его Гермесъ, умилованный особенной жертвой.

Жизнь въ такое раннее время столь же не безопасна, какъ и собственность. Регинъ (Reginn), желаетъ смерти брата своего Фафнира (Fafnir), онъ подстрекаетъ къ этому Сигурда (Sigurd), свѣтлаго героя; ровно ничѣмъ не оскорбленный, Сигурдъ коварно убиваетъ Фафнира: при нашихъ понятіяхъ здѣсь на лицо имѣются всѣ признаки убійства; не смотря на то, весь народъ прославляетъ героя подъ почетнымъ прозваніемъ убійцы Фафнира ¹⁾. Этотъ самый Сигурдъ замышляетъ также убійство Регинна, брата Фафнира; тѣмъ не менѣе мудрый Грипиръ ²⁾, предвидящій убійство, пророчествуетъ ему: «жизнь твоя будетъ безпорочна».

Но если отдѣльная личность пользовалась въ первобытныя времена свободой насилія, въ сравненіи съ которой меровингскія дѣянія какихъ-нибудь Брунигильды и Фрейдегунды являются доказательствами нравственнаго прогресса, — то какъ съ другой стороны эта же самая отдѣльная личность ограничена была въ любви и ненависти, въ страданіяхъ и поступкахъ своимъ положеніемъ въ нисходящемъ рядѣ поколѣній. Индивидуумъ превратился въ ничто при естественномъ родовомъ союзѣ; индивидуумъ былъ не личность, а только одинъ номеръ въ числѣ соплеменниковъ. Если одинъ изъ соплеменниковъ уничтожалъ чужую жизнь или собственность, то по правовымъ воззрѣніямъ большей части нисшихъ культуръ, всѣ прочіе соплеменники подлежатъ такой же отвѣтственности, какъ и виновный: убійство, воровство могло быть наказано въ лицѣ какого-либо другого соплеменника въ такой же мѣрѣ, какъ и въ лицѣ самого преступника. Основной принципъ, что всякій можетъ быть наказанъ исключительно за его собственную вину, составляетъ лишь пріобрѣтеніе высшей культуры; германцы не знали этого принципа; онъ оставался чуждымъ эллинамъ до позднихъ временъ, а по іудейскому сакральному праву Легова наказываетъ до четвертого и пятого колѣна.

И такъ, первоначальная культура нигдѣ не была образцомъ патриархальной чистоты; люди были жестоки и предавались влеченіямъ чувственныхъ инстинктовъ; только въ родовомъ союзѣ они находили

1) Регинъ и Фафниръ — легендарные герои нѣмецкой исторіи; оба брата владѣли большимъ золотымъ кладомъ, перешедшимъ къ нимъ отъ 3 боговъ: Одина, Гѳнира и Лѳки. Подъ вліяніемъ ненасытной жадности Фафниръ убиваетъ своего отца и завѣщаетъ Регину свою долю наслѣдства. Подстрекаемый послѣднимъ, Сигурдъ убиваетъ Фафнира, который, умирая, предостерегаетъ Сигурда, что надъ золотомъ, за которое его убиваютъ, тяготѣетъ проклятіе боговъ.

Сигурдъ въ мифологіи извѣстенъ еще подъ именемъ Зигфрида. *Пр. пер.*

2) По древней Эддѣ Грипиръ является дядей Сигурда, которому онъ предсказываетъ всю будущую его судьбу. *Пр. пер.*

защиту и воспитаніе,—но воспитаніе скорпіонами и защиту, которой приносились въ жертву личныя склонности и личныя особенности.

При всемъ томъ въ этихъ естественныхъ союзахъ была та главнѣйшая основа, на которой зиждилось дальнѣйшее развитіе; лишь позже, когда хозяйственныя пріобрѣтенія въ общемъ превышаютъ обычныя ежедневныя потребности, начинаютъ оказывать свое воспитательное значеніе экономическіе и соціальные интересы; независимость отъ жгучаго вопроса о пропитаніи доставляетъ досугъ, дѣлающій возможными духовное творчество и нравственное совершенствованіе.

Но какого рода былъ первоначальный естественный союзъ? Какъ расчленялся родъ, въ чемъ состояла сущность нисходящаго рода внутри отдѣльныхъ поколѣній?

Древнѣйшіе источники нѣмецкой исторіи не даютъ намъ возможности воссоздать картину первоначальнаго строенія германскаго рода. Въ какихъ бы общихъ и краткихъ положеніяхъ мы ни старались нарисовать картину родовыхъ отношеній, всюду мы увидимъ спутанныя отношенія, попытки къ уравненію различныхъ, даже противоположныхъ основныхъ направленій, и противорѣчія въ отдѣльныхъ изъ нихъ, объясняющіяся тѣмъ, что вымирающія учрежденія еще не исчезли, а вновь возникающія уже появились: читая памятники мы чувствуемъ, что переносимся въ эпоху развитія отдаленнѣйшей старины.

Удастся ли при всемъ томъ изслѣдовать главныя ступени этого развитія?—Остатковъ находится довольно много; но эти остатки оставались бы для насъ неразрѣшимыми загадками, еслибы сравнительная этнографія не руководила нами въ этомъ мракѣ. И послѣдняя, конечно, врядъ ли почерпаетъ свое знаніе изъ источниковъ, которые получили бы свое начало въ исторіи жизни какого бы то ни было культурнаго народа сравнительно раньше, чѣмъ въ исторіи германцевъ: въ этомъ и состоитъ особенная счастливая доля нашего національнаго развитія, что народы древности наблюдали за этимъ развитіемъ въ продолженіи цѣлаго вѣка, въ теченіи котораго ни нашъ народъ, ни какой-либо другой одинаковаго съ нимъ уровня культуры еще не созрѣли настолько, чтобы у нихъ могли сохраниться самостоятельныя и прочныя преданія объ ихъ судьбахъ. Потому-то основныя положенія и аналогіи, доставляемые современной этнографіей историческому изслѣдованію, не столько принадлежатъ въ области прошедшаго, сколько къ области настоящаго; этнографія прежде всего наблюдаетъ нынѣ еще живущіе естественные народы,—она стремится найти основы и нормы для ихъ развитія. При всемъ томъ этнологія,—ограничиваясь даже исключительно этой наукой,—была бы вѣрной руководительницей исторіи. Ибо чѣмъ дальше мы отодвигаемся назадъ въ ходъ развитія народовъ, тѣмъ больше

національна своєобразність стушевывается передъ всеобще-человѣческимъ: пріобрѣтенія высокой культуры, произведенія національныхъ стремленій при безконечно-различныхъ условіяхъ и не менѣе различныхъ національныхъ судьбахъ отступаютъ передъ всеобщей начальной основой.

Поэтому возможно, подъ эгидой сравнительной этнографіи прослѣдить первоначальный процессъ созиданія нашего народа по прочнымъ останкамъ болѣе ранняго времени. Подобная попытка становится обязательной, коль скоро успѣхи этнографіи дѣлаютъ ее выполнимой. Какъ научный умъ полагаетъ, что для него торсъ статуи останется непонятнымъ, пока онъ не попытается все строеніе еще сохранявшагося остатка выяснить по анатомически-создаваемому представленію о цѣломъ, такъ для возможнаго пониманія государственнаго строя въ германскую первобытную эпоху историческое изслѣдованіе должно разъяснить строеніе и дальнѣйшее его развитіе изъ силъ прошедшаго, которое хотя по источникамъ извѣстно намъ лишь въ своихъ остаткахъ, но этнологически вполне можетъ быть уяснено нами.

Подобное возстановленіе древнѣйшаго естественнаго хода развитія нашего народа отнюдь не требуетъ того, чтобы отказаться отъ его особенностей. Какъ только изъ этнологической науки извлечены самыя всеобщія, почти равномерно у всѣхъ народовъ повторяющіяся очертанія развитія, картина эта дополняется множествомъ легендарныхъ традицій и полувымершихъ обычаевъ изъ историческо-германской эпохи; затѣмъ рельефы картины опредѣляются и ея окраска становится живѣе, благодаря аналогичнымъ преданіямъ другихъ индоевропейскихъ народовъ, начиная съ Ганга до британскихъ острововъ и до ледяной Исландіи, — преданіямъ, въ которыхъ слышится одинаковое прошлое, сохранившееся въ историческія времена нерѣдко дольше, чѣмъ у германцевъ.

Если мы перенесемъ къ первымъ начаткамъ народа, развитіе котораго совершалось само по себѣ, безъ первоначальнаго соединенія различныхъ элементовъ ¹⁾, то мы не въ состояніи будемъ вообразить себѣ зародышемъ всѣхъ позднѣйшихъ образованій что-либо иное, кромѣ первой пары родителей. Оно существовало особнякомъ; это было начало первобытной семьи (Urfamilie); они образовали съ своими дѣтьми первый нисходящій рядъ поколѣній; и лишь въ этомъ нисходящемъ рядѣ лежала гарантія позднѣйшей національной будущности. Для достиженія послѣдней не оставалось ничего другого, какъ половыя сношенія дѣтей между собой; насколько всякая половая связь между родителями и потомками искони признавалась кровосмѣшеніемъ, настолько же первоначально были обычными половыя связи

1) Tac. Germ. c. 2.

между братьями и сестрами; эти связи у самыхъ различныхъ индоевропейскихъ народовъ — Иранцевъ, Эллиновъ, Кельтовъ, — продолжаютъ еще долго и въ историческія времена. Но какъ можно даже вообразить себѣ, что могли существовать моногамическія половыя связи между братьями и сестрами при общемъ хозяйствѣ начальной семьи? Царила половая общность, неограниченная никакими различіями; всѣ братья и сестры находились между собою въ супружескихъ отношеніяхъ, а всѣ ихъ дѣти были взаимно братьями и сестрами; не существовало нашихъ понятій о цѣломудріи, супружеской вѣрности: понятія эти появились лишь значительно позже, какъ результаты долгого воспитанія и развитія болѣе высокихъ нравственныхъ воззрѣній.

Но если каждое поколѣніе составляло нераздѣльную массу братьевъ и сестеръ, какъ бы одно семейство, которое еще долгое время могло жить въ одной хозяйственной организаціи, то организація подобной семьи должна была значительно отличаться стъ обычной для насъ организаціи семьи. Женщины и мужчины были ея однородными членами, не раздѣленными какой бы то ни было моногамической связью на группы; основаніемъ къ взаимному расчлененію послужило ближе всего лишь оборонительная дѣятельность мужчинъ и нужда въ защитѣ со стороны женщинъ. Вооруженный копьемъ, мужчина оборонялъ своей рукой женскихъ членовъ своего рода. Защищающая сила мужчины, его способность къ войнѣ была самой первоначальной, да и позже еще одной изъ вліятельнѣйшихъ основъ человѣческаго порядка. Но защита мужчинъ была немыслима безъ общаго предводительства, право на которое давали лишь опытъ и старшинство: старѣйшій изъ всѣхъ мужскихъ членовъ одного и того же поколѣнія являлся прирожденнымъ защитникомъ всѣхъ, а если въ живыхъ были еще мужчины болѣе ранняго поколѣнія, то защита племени ввѣрялась мудрости старѣйшаго изъ нихъ. Такимъ образомъ защита старѣйшаго члена племени установлена была прежде всего надъ всѣми женщинами племени, а затѣмъ и надъ мужчинами въ качествѣ неограниченной власти на войнѣ и совѣщательнаго и посредствующаго вліянія въ мирное время.

За то на долю женщинъ выпала забота о продолженіи рода. Такъ какъ отцы рожденныхъ дѣтей могли оставаться неизвѣстными, то нисходящій родъ поколѣній связывался съ женщиной, какъ съ матерью. Женщины являлись единственными представительницами естественныхъ связей: этому обстоятельству женщины обязаны тѣмъ, что ихъ высоко цѣнили и что онѣ занимали самое выдающееся положеніе рядомъ съ мужчинами; необыкновенно велики были и правовыя слѣдствія этого факта. По матери назывались дѣти, съ нею они были соединены самой тѣсной связью; около матери группировались первые интересы возникавшихъ тогда семейныхъ отношеній;

только на матеряхъ зиждилось продолженіе и цѣлость племени. Этотъ же фактъ обусловливалъ всегда на этой ступени развитія повторяющееся явленіе, — воспрещеніе половыхъ сношеній для всѣхъ женщинъ внѣ ихъ племени, ибо одно лишь сохраненіе всѣхъ женщинъ внутри племени обезпечивало цѣлость и безопасность естественнаго нисходящаго ряда.

Вышеописанное состояніе рисуетъ намъ картину той самой первоначальной культуры, какую можно предположить почти у всѣхъ, если не у всѣхъ народовъ земного шара, происшедшихъ не путемъ смѣшенія; съ увѣренностью же можно предположить ее у индоевропейскихъ народовъ. Смѣшеніе половъ, защитительная власть старѣйшаго въ племени надъ женщинами, связанная съ властью на войнѣ и естественнымъ значеніемъ въ мирное время относительно мужчинъ, наконецъ нисходящій рядъ поколѣній и строеніе племени по материнскому праву (*Mutterrecht*): таковы отличительныя черты этой древнѣйшей организаціи.

Но могла ли подобная организація рассчитывать на продолжительное существованіе? Вызванная къ жизни самыми естественными требованіями производства и правильнаго продолженія генераций, организація эта этими же требованіями и была уничтожена въ теченіи послѣдующихъ поколѣній. Въ первомъ рядѣ поколѣній половая связь между братьями и сестрами была необходимостью, естественнымъ послѣдствіемъ которой было смѣшеніе половъ. Но совсѣмъ иное дѣло было, когда въ дальнѣйшихъ рядахъ постоянно все болѣе возрастало число женщинъ одного и того же поколѣнія, бывшихъ по нашему понятію уже въ третьемъ поколѣніи, какъ дѣти различныхъ матерей, только племянницами, въ четвертомъ поколѣніи внучками, въ пятомъ — правнучками, хотя онѣ еще другъ друга называли сестрами: не въ природѣ ли вещей было уничтожить обычай общности половъ между кровными братьями и сестрами, — обычай, созданный когда-то желѣзной необходимостью? И развѣ уже одна невозможность соединять столь многочисленныя поколѣнія даннаго племени въ одной хозяйственной общинѣ не влекла за собою раздробленія на племенные группы? Если же изъ племени отдѣлялись группы, какъ особыя экономическія домохозяйства все еще коммунистическаго характера, то въ основѣ таковыхъ могло лишь лежать тоже материнское право. Дочери иѣкогда одной матери — иногда, можетъ быть, и многихъ матерей — составляли теперь сообща общее семейное хозяйство, единую групповую семью. Тогда уже послѣ ряда немногихъ поколѣній выработалось воззрѣніе, что сыновьямъ одной и той же матери, стало быть единоутробнымъ братьямъ выше названныхъ дочерей, не приличествуетъ больше участвовать въ половой общности именно этой групповой семьи: они должны были примкнуть къ другой групповой семьѣ. Этимъ путемъ устранена была вся-

кая половая связь между кровными братьями и сестрами: запрещеніемъ браковъ между братьями и сестрами впервые и ограничивается существовавшее раньше смѣшеніе половъ. За этимъ ограниченіемъ послѣдовали скоро и другія. Подъ страхомъ наказанія запрещено было половое общеніе между племянниками и племянницами, не рѣдко даже внуками и внучками и даже правнуками. Само собой разумѣется, что отдѣльнымъ групповымъ семьямъ тѣмъ больше приходилось считаться какъ съ самымъ фактомъ естественнаго родства, такъ и съ сознаниемъ этого факта, чѣмъ дальше развивались эти запрещенія, чѣмъ строже они проводились въ жизнь. Дѣло дошло до того, что сотни групповыхъ семей внутри одного и того же племени въ теченіи опредѣленнаго поколѣнія оставались рядомъ другъ возлѣ друга, не имѣя даже возможности доказать свое родство, хотя между ними и сохранилось, по крайней мѣрѣ, въ формѣ легендъ, вѣрное представленіе объ общности ихъ происхожденія.

Племя, являющееся передъ нами подраздѣленнымъ такимъ образомъ на групповыя семьи, можетъ служить образцомъ той формы общественной жизни первобытныхъ народовъ, которая извѣстна подъ названіемъ родового строя; остатки подобнаго строя, много въ послѣдствіи измѣненные, а въ концѣ на половину исчезнувшіе, сохранились еще въ исторически извѣстномъ намъ устройствѣ Эллиновъ и Италійцевъ; а послѣдовательныя дальнѣйшія изъ него образованія послужили еще въ средніе вѣка фундаментомъ для государственнаго устройства Кельтскихъ народовъ.

Въ то же до-историческое время, когда чистый типъ этого родового строя присущъ былъ почти всѣмъ индо-европейскимъ народамъ, онъ—вѣроятно—былъ такого рода:

Первоначальный родъ преобразовался въ племя, а въ тѣхъ случаяхъ, когда матери многихъ групповыхъ семей были образовательнымъ племеннымъ элементомъ, онъ развѣтвлялся на племена.

Во главѣ cadaго племени стоялъ старѣйшій, соотвѣтствовавшій защитнику первоначальнаго рода во время оно, поскольку вообще еще существовала во главѣ единичная личная власть для войны и мира. Само племя распалось на роды,—на групповыя семьи по материнскому праву, основанныя на рядѣ поколѣній всѣхъ женщинъ одной и той же семьи безъ исключенія. Правда, при этомъ (сначала внутри самой групповой семьи, а позже когда послѣдняя все болѣе и болѣе подраздѣлялась на новыя меньшія группы, то и внутри этихъ группъ) царило смѣшеніе половъ, но связи между кровными братьями и сестрами, племянниками и племянницами, а при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и между болѣе дальними степенями соотвѣтствующихъ поколѣній были воспрещены.

Во главѣ родовъ отдѣльныхъ групповыхъ семей внутри племени стоялъ иногда старѣйшій ихъ членъ, какъ нѣкогда во главѣ перво-

начального рода. Старѣйшій этотъ былъ защитникомъ женщинъ, предводителемъ мужскихъ сородичей на войнѣ, и совѣтникомъ и главой въ мирное время. Кромѣ этихъ полномочій на него возлагались и дальнѣйшія задачи. Родъ не былъ уже больше одинокимъ, предоставленнымъ самому себѣ; онъ сдѣлался частью бѣльшого цѣлаго — племени. Для него было всего естественнѣе проводить свои интересы внутри племени черезъ своего прирожденного представителя — родового старшину. — Такимъ образомъ создалось для всѣхъ родовъ даннаго племени общее представительство въ племенномъ совѣтѣ старѣйшинъ, — въ коллегіи, которая совѣщалась и приводила въ исполненіе свои рѣшенія подъ предсѣдательствомъ самого старшаго въ племени, бывшаго въ тоже время старѣйшиной какого-нибудь рода этого племени.

Организація эта была чревата очень важными слѣдствіями. Старѣйшій первоначального рода былъ только естественнымъ главой союза, основаннаго на сознательно - общемъ происхожденіи, — и ничемъ больше. Почти тоже самое можно сказать о родовомъ старшинѣ групповой семьи: самъ по себѣ, какъ отдѣльный органъ, онъ представлялъ только родовые интересы своей группы, — онъ былъ лишь племеннымъ старшиной въ меньшемъ масштабѣ. Но когда родовые старшины соединились въ союзъ, задача котораго состояла въ томъ, чтобы найти организацію для интересовъ семейнаго права и чтобы регулировать правовыя отношенія всего племени, въ этомъ послѣднемъ появилась общественная власть, — возникло государство.

Съ возникновеніемъ же общественной власти, судьба смѣшенія половъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ (по крайней мѣрѣ у германцевъ) и матеранскаго права была рѣшена.

Государство немедленно приложило всѣ свои усилія къ тому, чтобы водворить миръ въ болѣе обширномъ районѣ. Пусть результаты въ этой своеобразнѣйшей области общественнаго воздѣйствія еще въ теченіи долгаго времени оставались скудными, — все же это былъ такой шагъ впередъ, который въ хозяйственной сферѣ долженъ былъ привести къ не менѣе великимъ переворотамъ, чѣмъ тѣ, къ какимъ привело усмиреніе германцевъ оружіемъ римлянъ или проведеніе въ жизнь всеобщихъ узаконеній о мирѣ въ государствѣ, издаваемыхъ сначала князьями, а потомъ въ концѣ среднихъ вѣковъ императорами. Какъ развитіе замѣчательно дѣятельной торговли въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ обязано было своимъ существованіемъ этимъ послѣднимъ событіямъ, а окончательный переходъ къ земледѣльческой осѣдлости въ первыя столѣтія послѣ Рождества Христова — первому, такъ, вѣроятно, и появленіе во время оно общественной власти обусловило прежде всего рѣшительное вступленіе въ самый ранній періодъ кочеваго состоянія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и образованіе частной собственности, способность къ развитію этого института.

Правда, приручать домашних животных научились, навѣрное, уже раньше (прирученіе быка составляетъ одно изъ самыхъ раннихъ великихъ дѣлъ индо-европейскихъ группъ, если онѣ не переняли отъ семитовъ употребленія вола въ качествѣ домашняго животнаго); но одно дѣло—вести съ собою нѣкоторыхъ прирученныхъ животныхъ; а другое дѣло — заниматься разведеніемъ животныхъ въ большихъ размѣрахъ и пасти тысячи головъ. Возможно также, что съ болѣе ранняго времени существовала и частная собственность, но что значило скудное владѣніе нѣсколькими орудіями труда въ сравненіи съ огромными богатствами, состоящими изъ громадныхъ стадъ животныхъ? Государственный миръ сдѣлалъ возможнымъ переходъ отъ скудной собственности къ богатству, состоящему изъ скота, одежды и орудій; въ немъ впервые нашла для себя вѣрную гарантію значительная частная движимая собственность.

Какъ при этихъ переходахъ должны были измѣниться отношенія между мужчиной и женщиной, вслѣдствіе одного уже возникновенія государства! Государство доставляло почву и содержаніе лишь для проявленія мужескихъ силъ. Чѣмъ больше возрастали общественныя права, тѣмъ больше удалялась женщина подъ домашній кровъ; у домашняго очага она даже въ матеріальномъ отношеніи теряла свое почетное мѣсто. До сихъ поръ женщина была представительницей всѣхъ родовыхъ интересовъ, связующимъ звеномъ всѣхъ родственныхъ союзовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и передающей всякую собственность въ наслѣдственномъ родѣ поколѣній. Теперь же при увеличеніи богатства интересъ домашняго хозяйства выступилъ рядомъ съ природнымъ значеніемъ родовыхъ союзовъ,—и этотъ интересъ охранялся мужчиной, смѣлымъ пастухомъ полудикаго стаднаго скота, защитникомъ пастбищъ и животныхъ противъ притязаній чужихъ родовъ.

Эти переменны были столь громадными, что казалось, что царившему до сихъ поръ преимуществу женщины въ естественной организациіи рода грозила серьезная опасность. Преимущество это окончательно исчезло благодаря дальнѣйшимъ слѣдствіямъ хозяйственныхъ переменъ и развитію государства.

Мыслимо ли было при быстромъ возрастаніи частной собственности въ движимомъ имуществѣ старое коммунистическое хозяйство, цѣлыхъ его родовъ или ихъ отдѣльныхъ частей? Скудное движимое имущество первобытнаго времени, хотя и въ формѣ частной собственности, не подрывало руководящую основу общаго хозяйства: что же должно было произойти теперь, когда масса частной собственности, а еще болѣе основанная на ней притязанія на власть и культуру подавляли всякую мысль объ общемъ хозяйствѣ? Распаденіе общности хозяйства влекло за собой и прекращеніе полового общенія. Если въ особенныхъ случаяхъ ѣ сохранялись еще полига-

мическія отношенія, то въ общемъ переходъ къ единобрачію былъ неизбѣженъ.

Стало быть, не нравственные мотивы перехода влекли за собою этотъ громадный шагъ впередъ.

Возникновеніе единобрачія представляетъ событіе по существу своему экономического характера, а уже потомъ правового и государственнаго: это доказывается уже тѣмъ фактомъ, что всюду, гдѣ возможно болѣе точно прослѣдить этотъ переходъ, замѣчается почти безконечное количество промежуточныхъ ступеней между полигамическими отношеніями и дѣйствительнымъ единобрачіемъ. Это соответствуетъ постепенности вліянія хозяйственныхъ переворотовъ; еслибы переходъ этотъ вызванъ былъ преимущественно нравственнымъ мотивомъ, то онъ былъ бы болѣе быстрымъ, вѣроятно поразительно быстрымъ.

Съ другой стороны понятно, что въ періодъ развитія единобрачія должны были произойти всѣ крупныя перемѣны въ моральныхъ воззрѣніяхъ, въ нравахъ, а часто даже и въ религіозныхъ представленіяхъ.

Внезапная перемѣна совершается подъ знаменемъ выступающей на сцену власти мужчины; въ новомъ супружескомъ союзѣ главой семейства является мужчина, а не женщина. Женщина не является уже больше виновницей всякаго прогресса, всякой любви, госпожей дома; мужъ не составляетъ уже только элемента для продолженія поколенія при помощи жены, — отца, въ большинствѣ случаевъ неизвѣстнаго дѣтямъ, — любовника, часто пренебрегаемаго матерью. Теперь онъ въ домѣ хозяинъ; супруга и дѣти теперь уже въ зависимости отъ его собственности и отъ его защитительной власти, замѣняющей прежнюю защитительную власть старѣйшаго родственника мужескаго пола, большею частью брата супруги.

Такимъ образомъ, появляются начатки современной семьи по отцовскому праву (Vaterrecht). Теперь предъ нами уже семья въ качествѣ единичнаго отдѣльнаго домохозяйства; вслѣдствіе чего ей принадлежатъ и рабы домохозяйства, — какъ не свободные пастухи въ болѣе раннія времена, такъ и не свободные крестьяне въ болѣе позднее время. Рабы эти являются въ такой же мѣрѣ членами семьи, какъ и дѣти, и съ дѣтьми обращаются не иначе чѣмъ съ рабами: тѣми и другими распоряжается отецъ, какъ господинъ, также какъ онъ повелѣваетъ супругой въ качествѣ господина. Нужно ли еще прибавлять, что вся частная собственность находится въ рукахъ отца, что по его волѣ, собственность эта переходитъ по наслѣдству въ кругъ лицъ родственныхъ ему по крови, вмѣсто прежняго круга лицъ, родственныхъ по крови женѣ? Моногамія, частная собственность, отцовская власть: — таковы отличительные признаки новаго супружескаго союза, имѣющаго впереди себя неизмѣримое будущее.

Еще и теперь надъ семьей,—этой по строенію своему важнѣйшей въ милліонахъ экземплярахъ существующей клѣточкой соціального организма, — господствуютъ первобытныя формы той ранней эпохи. И что такое средневѣковое государство какъ не зданіе, составленное изъ тѣхъ элементовъ, которые въ зародышномъ состояніи дремлютъ въ первобытной семьѣ по отцовскому праву: а именно—грозной не-свободы, несвободы министеріального домохозяйства, патріархального господства? И что иное представляетъ изъ себя общественная организція той же эпохи, какъ не перенесеніе несвободнаго раздѣленія труда первобытной семьи въ область національнаго творчества? Семья первобытнаго времени является образцомъ въ микрокосмѣ средневѣковаго міра.

Безконечная пропасть раздѣляетъ прошлое и будущее всякого народа въ періодъ развитія этой семьи. Моральныя воззрѣнія, религіозное чувство, право и нравы,—все одинаково поглощается въ этой катастрофѣ, изъ которой выступаетъ новый міръ обязанностей и правъ, привычекъ и стремленій, нерѣдко даже миѳовъ и боговъ. Всюду, куда мы ни посмотримъ, мы видимъ, что вмѣстѣ съ материнскимъ правомъ исчезаетъ религія мрачныхъ естественныхъ божествъ. Символь скротно рождающихъ нѣдръ земли теряетъ свою силу и его эмблемы—болотныя растенія и животныя, водяныя твари и змѣи, лебеди и болотныя птицы исчезаютъ изъ религіозной символики, включительно до аиста, до сихъ поръ столь дорогого для нашей дѣтской вѣры. Ихъ замѣняетъ свѣтлая символика, культъ сіяющей природы, вѣра въ могущество свѣтлыхъ боговъ. Было высказано мнѣніе, что можетъ быть при этомъ ниспроверженіи всѣхъ воззрѣній Асы ¹⁾ нѣкогда и совершили свое вторженіе въ міръ германскихъ боговъ.

И на землѣ, какъ на небѣ, ниспровергаются старыя власти. Правда, еще остатокъ воспоминанія о болѣе раннемъ значеніи матерей сохраняется въ безпорочной святости женскаго колѣна, въ признаніи за женскимъ сердцемъ особыхъ даровъ предсказыванія и предвидѣнія; въ общемъ же, однако, руководство міромъ переходитъ къ мужчинѣ. Национальная энергія развивается живѣе, плотскія сношенія одухотворяются, индивидуальныя проявленія силы приводятъ людей къ самымъ вершинамъ спекулятивнаго мышленія: очищается путь для мужского прогресса. Народы, живущіе по отцовскому праву, дѣлали и продолжаютъ дѣлать всемірную исторію.

¹⁾ „Асы“—назывались скандинавскія мужескія языческія божества, достигшіе своей власти лишь послѣ борьбы и заключенія міра съ Венами.

II.

Вышеприведенные нами факты отнюдь не принадлежатъ къ числу прочно установленныхъ фактовъ въ обыкновенномъ смыслѣ историческо-достоверныхъ. Рѣчь идетъ о переворотахъ и перемѣнахъ, лежащихъ за предѣлами всякой писанной исторіи. Нѣкоторыя сопоставленія изъ богатаго запаса индо-европейскихъ языковъ даютъ основаніе предположить, что еще прежде, чѣмъ народъ развѣтвился на отдѣльныя націи, стала оспариваться мысль о материнскомъ правѣ въ нѣкоторыхъ ея проявленіяхъ; имѣются кое-какія указанія на то, что въ то раннее время, которое лежитъ далеко за предѣлами всѣхъ историческихъ преданій, когда германцы запада, востока и сѣвера еще переживали эпоху общей культуры, семейный строй былъ приблизительно такой же, съ какимъ насъ знакомятъ извѣстія Цезаря и Тацита, а также наши древнѣйшія народные законы: строй семьи по рѣзко выраженному отцовскому праву.

Поэтому изображенное выше естественное развитіе изъ первоначальнаго рода, племени и племенъ, какъ и изображеніе организациі этихъ племенъ въ родовыхъ учрежденіяхъ должно быть понимаемо лишь такъ: къ нѣмецкимъ судьбамъ примѣняются такіе же ступени развитія, которыя, какъ это старается доказать этнографія, въ существенныхъ чертахъ повторяются однородно въ процессѣ развитія большинства націй.

Потому понятно само собою, что кое-какія частности развитія могли произойти иначе, чѣмъ мы выше изобразили. При собираніи отличительныхъ чертъ рѣчь можетъ идти не о неподлежащей спору достоверности, а лишь о вопросѣ: вполне ли отсутствуютъ подобныя черты, или же можно себѣ представить болѣе понятную и болѣе живую схему культурныхъ переходовъ, благодаря особенностямъ жизни индо-европейскихъ и германскихъ народовъ. Отъ этого, конечно, сущность историческаго развитія не измѣняется; она твердо установлена, благодаря тысячѣ аналогій, даже въ нашемъ національномъ развитіи, по скольку мы знакомы съ нимъ, мы находимъ ея отзвукъ въ сотняхъ различныхъ останковъ. Если мы рассчитаемъ, какіе огромные періоды отдѣляютъ первые вѣка нашей правдоподобной исторіи отъ начального источника нашего національнаго бытія, то мы должны будемъ удивляться тому упорству, съ какимъ сохранялись и дошли до нашего свѣдѣнія древніе обычаи, конечно, въ формѣ часто непонятныхъ воспоминаній изъ того первобытнаго времени.

Не исчезло еще даже воспоминаніе о первоначальной общности половъ. Когда-то всѣ члены одного и того же поколѣнія называли другъ друга братьями, позже—двоюродными братьями. Въ Исландіи слово «братъ» еще въ историческое время имѣло болѣе широкое

значеніе, во многихъ отношеніяхъ превосходящее то понятіе, которое мы связываемъ съ этимъ словомъ — не говоря о понятіи, распространяющемся на двоюродное родство для выраженія котораго всѣ нѣмецкіе средніе вѣка, да еще и настоящее время довольно часто употребляютъ слово *Vetter* ¹⁾. Да и супружество между братьями и сестрами, какъ оно было въ ходу подѣ вліяніемъ первоначальной общности половъ, не забыто еще въ нашихъ древнѣйшихъ сагахъ, хотя оно и не столь извѣстно и не на столько далеко дошло до историческихъ эпохъ, какъ у индо-европейскихъ эллиновъ или персовъ. Вѣдь были же германскіе боги *Njordr-Nerthus* и *Frô-Frouwa* ²⁾ (Ніордъ и Фрея) въ одно и тоже время и братомъ и сестрой, и супругами и только въ пѣснѣ Эдды Локазенна (*Lokazenna*) упрекнетъ Ніорда въ этой связи, какъ въ Иліадѣ божественную пару властителей, Зевса и Геру ³⁾. Но въ концѣ концовъ развѣ въ томъ фактѣ, что еще во время Тацита знатнымъ особамъ разрѣшалось многоженство—какъ подобнымъ же образомъ знатныя особы персовъ крѣпко держались за институтъ брачнаго союза между братьями и сестрами—мы не усматриваемъ недвусмысленный остатокъ полигамическихъ отношеній? И нація была еще очень далека отъ того, чтобы отречься отъ этого послѣдняго аристократическаго остатка весьма ранняго первобытнаго времени. Оставимъ даже въ сторонѣ германскій сѣверъ, гдѣ многоженство между знатными было вообще гораздо распространениѣе, и на романско-германскихъ границахъ и подѣ вліяніемъ христіанства сохраняются также остатки древней привиллегіи вплоть до времени Каролинговъ,—только съ той разницею, что брали въ супружество многихъ женщинъ не одновременно, а, изгнавъ прежнюю жену, брали послѣ нея другую. Еще Карль Великій отдалъ дань этому королевскому обычаю.

Но тамъ, гдѣ столь упорно сохранились слѣды даже смѣшенія половъ, врядъ-ли требуется доказывать, что продолжалось существованіе возрѣнній, вытекающихъ изъ материнскаго права. «Никакое дитя для матери своей не бываетъ незаконнорожденнымъ», поучаетъ еще сводъ саксонскихъ законовъ 13 го столѣтія: стало быть, по крайней

¹⁾ Ср. также греч. *ἀέλλιοι* (мужчинъ, имѣющихъ жена мисестеръ) и *εὐάτερες* (женщинъ, имѣющихъ братьевъ мужьями лат. *janitricae*, латыш. *jentere*, слов. *jetru*); Schrader, *Spr. и Urg.* ² S. 544.

²⁾ Германскому *Nerthus* соотвѣтствуетъ скандин. *Njordr*, богъ моря и вѣтровъ.—„*Frô-Frouwa*“ вѣроятно—означаетъ божество Фрею (богиню любви, именемъ которой названъ одинъ день въ недѣлю—Пятница (*Freitag*—день Фрей).

Прим. перев.

³⁾ „Локазенна“, надо полагать, производное отъ „Локъ“ (*Loke* или *Loki*), божество хитрости.—Гера (*Hege*) была старшая дочь Кроноса и Реи, и сестра (а въ тоже время и супруга) Зевса, жившаго съ нею въ тайномъ бракѣ, по одному самосскому сказанію, 300 лѣтъ, и уже потомъ всенародно признавашаго ее своей супругой и царицей боговъ.

Прим. перев.

мѣръ, относительно сожителствовавшихъ внѣ брака, сохранился до столь отдаленныхъ временъ тотъ взглядъ, что состояніе и права ребенка берутъ свое начало не отъ отца, а отъ матери. Если же мы вернемся отъ этого момента назадъ лѣтъ за 600—700, къ періоду нашихъ древнѣйшихъ народныхъ законовъ и къ ранней эпохѣ меровинговъ, то мы увидимъ, что тамъ вообще дѣйствуетъ только слѣдующее положеніе: само собою разумѣется, что дѣти наследуютъ сословіе матери, идетъ ли рѣчь о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ или о дѣтяхъ, прижитыхъ въ законномъ бракѣ. А если мы опять отодвинемся еще за нѣсколько вѣковъ назадъ въ прошедшее нашего народа — къ эпохѣ Тацита, то исчезаетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что нисходящій рядъ поколѣній считали зависящимъ (по крайней мѣрѣ по обычаю) исключительно отъ женщинъ. Отсюда педантическое охраненіе женщинъ въ кругѣ ея племенныхъ отношеній, отсюда опасеніе, что разъ будутъ брать въ плѣнъ женщинъ, то вслѣдствіе этаго можетъ быть утеряна естественная основа всякаго дальнѣйшаго развитія племени, — опасеніе, воодушевлявшее къ побѣдѣ гораздо больше, чѣмъ боязнь собственнаго плѣна, — отсюда обычай при особенно тяжелыхъ условіяхъ договора давать въ заложницы совершеннолѣтнихъ дѣвушекъ вмѣсто менѣе обязывающихъ юношей.

Такъ какъ германцы еще сильно чувствовали чрезвычайно отвѣтственное положеніе дѣвушки, какъ будущей матери, то они чтили высоко соціальное и духовное значеніе женщины, которое принадлежало ей во всѣ періоды материнскаго права уже въ силу присущаго ей качества матери будущихъ поколѣній. Германскій міръ безъ сомнѣнія принаравливалъ уже свои племенные саги, въ ихъ существенныхъ частяхъ, къ требованіямъ отцовскаго права; уже народныя группы Ингвэоновъ, Иствэоновъ и Герминоновъ думали, что они происходятъ не отъ праматерей, а отъ праотцовъ, да и производитель этихъ праотцовъ также, какъ и его предокъ, были еще по всѣмъ вѣроятіямъ мужчины: однако же тамъ, гдѣ родословное дерево начало теряться за ихъ предѣлами — за человѣческимъ и героическимъ пониманіемъ во мракѣ религіи, тамъ побѣдоносно выступало старое воспоминаніе о материнскомъ правѣ, и сама мать-земля выступаетъ какъ послѣдняя и благороднѣйшая прародительница народа.

И въ нравахъ и въ культурѣ старое понятіе материнскаго права о женщинѣ еще сохраняется у германцевъ. Непосредственно вслѣдъ за вышеприведеннымъ извѣстіемъ Тацита въ его «Германіи» объ особенномъ значеніи отдаванія въ залогъ дѣвушекъ въ брачномъ возрастѣ, онъ пишетъ слѣдующія знаменательныя фразы: «Да, германцы думаютъ, что женщинамъ присущъ родъ освящающей и предсказывающей силы; поэтому они не пренебрегаютъ ихъ совѣтомъ, какъ и ихъ предсказаніями. Уже въ наше время они при Веспа-

сіонѣ слѣдовали за Веледой¹⁾ почти какъ за божествомъ; также Альбруну²⁾ и нѣкоторыхъ другихъ женщинъ они почитали, но не молились имъ и не дѣлали изъ нихъ божества (по римско-императорскому образцу)». Въ этихъ словахъ отражается высокое положеніе женщины въ силу материнскаго права, — той женщины, которая была защитой рода, носительницей всѣхъ небесныхъ даровъ, источникомъ всякой общественной мудрости. Альбруна была одарена рунической силой эльфовъ: никакое другое имя не могло лучше выразить во время Тацита значенія германской женщины. Мы какъ бы слышимъ разъясненіе этого имени, когда Брунегильда въ Эддѣ посвящаетъ Зигурда, убійцу Фафниса, въ волшебную науку рунъ³⁾.

Siegrunen sollst du wissen,
wilst du Sieg erwerben,
ritzen aûf des Schwertés Griff:
andre ritz auf die Klinge;
und zweimal rufe Tyr⁴⁾.

Sturmrunen sollst du wissen,
wilst Du Dein Segelross
in der See geborgen haben.
Auf den Bug sollst Du sie ritzen
und auf des Steuers Blatt.

Denkrunen sollst Du wissen,
willst Du weiser werden denn andre.
Odin hat diese Runen
selbst sich erdacht.

(Тебѣ нужно знать руны побѣды, если желаешь одержать побѣду,

¹⁾ Веледа—дѣва изъ племени бруктеровъ, жившая по преданію на башнѣ на р. Липпе; какъ жрица и пророчица она пользовалась громаднымъ авторитетомъ у германцевъ, подчинявшихся въ своихъ расправахъ безпрекословно ея рѣшеніямъ, ея предсказана была Цивилису побѣду, когда онъ возсталъ противъ римлянъ. При Имп. Веспасіанѣ Веледа находилась плѣнницей въ Римѣ.

Прим. перев.

²⁾ *Albruna*, вѣроятно она же—*Alruna* (Ауринія), т. е. знающая всѣ тайны рунъ.

Прим. перев.

³⁾ *Runen*—древнѣйшія германскія письменна, позаимствованныя изъ латинскаго алфавита. Древнѣйшія руны состояли изъ 24 буквъ и были въ употребленіи до 7 в. до Р. Хр.; новѣйшія руны состояли изъ 16 буквъ, а впослѣдствіи изъ 27 буквъ. У германскихъ племенъ были древнѣйшія руны, которымъ приписывалась тоже волшебная сила и тайный смыслъ, влѣдствіе чего они употреблялись для пророчествъ, также для отвращенія несчастій. Самое слово *Runen* означаетъ тайный знакъ. Отдѣльные знаки этихъ рунъ носили названія, позаимствованныя отчасти изъ мифологіи, отчасти изъ міра животныхъ; напр. *f-fesch-Vich*-скотъ, богатство; *Meer*-море и т. д. — Рунами назывались также особые значки, которые нарубались на нарѣзанныхъ изъ вѣтвей плодоваго дерева палочкахъ, съ помощью которыхъ Германцы гадали о будущемъ.

Прим. перев.

⁴⁾ *Tyr*—названіе одного изъ боговъ Асовъ и руны $\begin{array}{l} / \\ | \\ \backslash \end{array}$.

нужно нарѣзать ихъ на рукояткѣ меча; другія нарѣжъ на клинкѣ и дважды воззови: Туг!

Тебѣ нужно знать руны бури, если желаешь спасти своего коня—парусъ въ морѣ. Ты долженъ нарѣзать ихъ на носу судна и на лопасти руля.

Тебѣ нужно знать руны мышленія, если желаешь быть мудрѣе другихъ. Одинъ самъ изобрѣлъ для себя эти руны).

Въ этомъ охраненіи идеальныхъ благъ народа, въ этой сохранившейся еще у нихъ духовной и благороднѣйшей сторонѣ материнскаго права и имѣло свою опору своеобразное значеніе нѣмецкой женщины въ германское время. Ее больше уже не считали первымъ исходнымъ пунктомъ всякого естественно-человѣческаго существованія, но она сохранила еще всѣ идеальныя стороны своего прежняго положенія въ новой моногаміи по отцовскому праву. Она еще не лишена была своего достоинства; гетеризмъ болѣе прогрессивныхъ періодовъ отцовскаго права былъ чуждъ этому народу. Еще менѣе склонна была она сама себя лишитъ своего достоинства. Продажная проституція не свойственна экономически-нисшимъ культурамъ и малой плотности населенія. Врядъ ли германецъ могъ бы представить себѣ какое-либо иное самоуниженіе женщины, кромѣ замужества съ неровнымъ по сословію ¹⁾).

Но какое безконечное значеніе должно было пріобрѣсти именно это положеніе германской женщины къ тому времени, когда германцы пришли въ соприкосновеніе съ общественной и нравственной гнилью римской имперіи!

Въ историческое время какъ эллины, такъ и римляне не знали достойнаго положенія женщины. Древнему міру отказано было въ пылкости благородной индивидуальной половой любви, въ очищающей силѣ интимно-супружескаго сожителства. Этотъ недостатокъ далъ себя знать больше, чѣмъ когда-либо, при разложеніи этого міра. Бывали, правда, часто сентиментальными; по государственнымъ соображеніямъ въ видахъ увеличенія населенія благопріятствовали бракамъ, и расшатывающійся міръ извлекъ также женщину изъ ея прежней замкнутости. Но могли ли быть благопріятны результаты столь ненормальнаго положенія и столь ненормальныхъ мѣръ? Число эмансипированныхъ, но несамостоятельныхъ женщинъ росло, а возрастающая мягкость формирующагося мужскаго характера вела скорѣе къ одинокой жизни, чѣмъ къ принятію на себя супружескихъ обязанностей и отвѣтственности.

¹⁾ Высокая оцѣнка женщины не исключала, однако, суровой работы. Ошибаются, если думаютъ, что женщины выше всего уважаются всюду тамъ, гдѣ онѣ не работаютъ; у нѣкоторыхъ естественныхъ народовъ женщина нынѣ въ большемъ почетѣ, чѣмъ въ Европѣ, хотя на нее и возложены ими тяжелыя трудовыя заботы.

Въ этотъ-то міръ вступилъ германецъ и его жена. Они были варварами. Но ихъ союзъ былъ несравненно выше по нравственной силѣ и теплотѣ пошлыхъ браковъ имперіи. Они ввели въ этотъ міръ новую моногамію сильныхъ мужскихъ преимуществъ, но въ тоже время и достойнаго полного уваженія мужскаго подчиненія, — моногамію, соотвѣтствующую различнымъ способностямъ мужской и женской природы. Моногамія эта не была ихъ личной заслугой: она была произведеніемъ особой ступени развитія, которая у германцевъ только-что завершена была подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ противоположныхъ принциповъ материнскаго и отцовскаго права. Эта моногамія, перенесенная въ прочныя отношенія высоко-развитой культуры, сначала насильственно, а позже незамѣтно, хотя и глубоко захватывающе благодаря содѣйствію христіанства, хотя съ различными измѣненіями, стала прочнымъ учрежденіемъ и глубоко вкоренилась какъ основа современнаго брака. Изъ нея, какъ изъ корня, развились формы средневѣковой и новѣйшей любви, на ея почвѣ возросъ идеаль современной семейной жизни, и плодомъ ея является все еще жизнерадостная энергія настоящаго времени, несмотря на то, что позади него осталось прошлое въ полторы тысячи лѣтъ культурнаго развитія.

III.

Но какъ все-таки, не смотря на все это, еще сильно давали себя знать послѣдствія материнскаго права въ области нравовъ, моральныхъ и религіозныхъ воззрѣній; какая масса житейскихъ привычекъ, обусловленныхъ единственно этимъ правомъ, циркулировало въ средѣ германцевъ! Совсѣмъ иначе обстояло дѣло въ сферахъ права и организаціи страны. Здѣсь отцовское право одержало уже болѣе безусловную побѣду, живучіе слѣды болѣе древняго права можно подмѣтить еще только въ семейной жизни, но едва ли въ жизни государства.

Государство первобытной германской эпохи основано на племени и сотнѣ (auf Völkerschaft und Hundertschaft)¹⁾, — на организмахъ, въ которыхъ при болѣе обстоятельномъ разсмотрѣніи (каковая будетъ имѣть мѣсто въ слѣдующей главѣ) не трудно узнать опять племя и родъ эпохи материнскаго права. Исчезла однако возможность прослѣдить процессъ воздѣйствія первоначальнаго генеалогическаго характера обоихъ этихъ членовъ на организацію племени и сотни. Въ

¹⁾ Словомъ „Сотня“ (Hundertschaft) обозначалось совокупность *Ста* (иногда ста двадцати=12 десятковъ) общинъ, каждая изъ которыхъ представляла землевладѣльцевъ данной сельской мѣстности.

особенности это можно сказать относительно племени; лишь въ отдѣльныхъ племенныхъ преданіяхъ находимъ мы указанія на начальную естественную связь всѣхъ членовъ племени. Но и сотни потеряли весьма сильный генеалогическій отпечатокъ свой уже задолго до историческаго времени; то же, что мы находимъ еще въ разсказахъ древнихъ о родовой организаціи германцевъ какъ въ непосредственныхъ разсказахъ, такъ и въ ихъ характеристикахъ, относится къ тѣмъ обществамъ, которыя въ менѣе отдаленное время образовались въ предѣлахъ организаціи сотни по отцовскому праву. Все-таки когда мы потомъ будемъ перечислять права и обязанности главы сотни, мы вновь встрѣтимъ въ немъ никого иного, какъ прежняго родоваго старшину по материнскому праву. Легко построить гипотезу, какимъ путемъ родъ первобытнаго времени превратился въ сотню. Рѣшительнымъ толчкомъ и въ данномъ случаѣ послужилъ переходъ къ браку по отцовскому праву. А именно какъ только появился новый бракъ, а съ нимъ вмѣстѣ и нисходящій рядъ поколѣній по отцамъ сдѣлался законнымъ установленіемъ, прежнее запрещеніе для женщинъ выходить замужъ внѣ своего рода потеряло значеніе. До сихъ поръ полнота нисходящаго потомства рода имѣла своимъ основаніемъ сохраненіе всѣхъ матерей въ предѣлахъ этого рода: нынѣ потомство не считалось уже больше по матерямъ, а по отцамъ; послѣдніе составляли устой этого новаго образованія, и стало уже безразличнымъ, всѣ ли женщины рода оставались въ кругу родовой организаціи послѣдняго, или не всѣ. Даже больше: такъ какъ всякій супругъ вскорѣ послѣ этого по общему правилу сталъ уводить за собою свою супругу въ предѣлы своего рода, причемъ уничтожались всѣ связи ея съ ея родомъ, то должно было наступить разрушеніе старыхъ родовъ по материнскому праву, если только въ той или иной формѣ не являлись болѣе могущественныя противоположныя стремленія къ ихъ сохраненію.

Мужчины пріобрѣли руководящую роль.

Какъ во время оно мужчины первоначальнаго рода, позднѣйшаго племени, образовали военный отрядъ подъ предводительствомъ своего старѣйшаго, такъ позже, въ племенномъ государствѣ, всякій родъ составлялъ отрядъ народнаго войска подъ начальствомъ родоваго старшины: такимъ образомъ разсматриваемый съ государственной точки зрѣнія родъ былъ прежде всего членомъ войсковой организаціи. Для этой цѣли онъ былъ въ высокой степени приспособленъ; роды по материнскому праву этнологически до сихъ поръ болѣе извѣстные включали въ себя приблизительно отъ пятидесяти до двухсотъ мужскихъ членовъ; но вслѣдъ за исчезновеніемъ материнскаго права вмѣстѣ съ нимъ не исчезла и эта столь пригодная для военной организаціи основа. Государство поддержало военное значеніе родоваго союза и такимъ образомъ древній родъ по материнскому

праву,—конечно послѣ разнообразнѣйшихъ преобразованій, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и отклоненій,—сдѣлался преимущественно военнымъ оплотомъ германскаго государства и войска. Когда же эти первоначально родовые военные отдѣлы народа пріобрѣли землю и осѣли на ней, когда они завоевали и упрочили за собою извѣстную область какъ твердую основу для своей государственной и войсковой организаціи, они превратились въ «сотни», въ подраздѣленія области племени. Таковыми они являлись уже при Цезарѣ, еще болѣе при Тацитѣ, и только функціи ихъ начальниковъ напоминаютъ еще о присутствіи имъ когда-то характерѣ естественныхъ союзовъ.

Еще яснѣе выступаютъ эти союзы въ исторіи развитія семьи. Если на основаніи только нѣкоторыхъ, конечно весьма вѣроятныхъ, заключеній возможно было предположить переходъ отъ рода къ «сотнѣ», то въ организаціи семьи первобытнаго времени сразу видѣнъ разладъ между направленіями материнскаго права и отцовскаго права.

Еще и теперь мы имѣемъ возможность воспроизвести по историческимъ источникамъ сущность и организацію моногаміи, возникающей въ концѣ эпохи материнскаго права. Центральный пунктъ семьи тогда все еще составляетъ мать; въ ней лежитъ корень и прочная основа рода и семейной жизни, по ней называются дѣти и по ея же положенію они цѣнятся: еще въ пѣснѣ о Нибелунгахъ три бургундскихъ короля неоднократно именуются дѣтьми Уоты безъ обозначенія отца, а въ болѣе раннее время знаменитые королевскіе роды, напр. родъ Лангобардовъ, ведутъ еще охотно свое происхожденіе отъ праматери, а не праотца. Но отецъ въ эпоху случайнаго супружества материнскаго права принадлежалъ къ семьѣ лишь случайно; на него не смотрѣли еще, какъ на родственника своей супруги, даже какъ на кровнаго родственника своихъ дѣтей. Ближайшими родственниками ребенка послѣ матери считались скорѣе его братья и сестры, а за ними братья и сестры матери. При этомъ самый старшій братъ являлся прирожденнымъ защитникомъ всѣхъ сестеръ, какъ только онъ достигалъ совершеннолѣтія; до этого же времени онъ самъ, какъ и мать его, находился подъ защитой старшаго брата матери, а не отца. Еще Тацитъ изобразилъ эти еще при немъ существовавшія отношенія въ слѣдующихъ многознаменательныхъ словахъ: «Сыновья сестеръ (племянники) держатъ дядю съ материнской стороны въ такомъ же почетѣ, какъ своего отца. Нѣкоторыя считаютъ это кровное родство между отцовскимъ братомъ и племянникомъ болѣе тѣснымъ и священнымъ»¹⁾. Это воззрѣніе еще долго отражается въ

¹⁾ Germ. с. 20. Второе предложеніе относится, надо полагать къ западнымъ племенамъ (Иствэонамъ), можетъ быть также къ Германонамъ. По крайней мѣрѣ мы позже находимъ какъ у ингвэонскихъ англо-саксовъ, такъ и въ осо-

нѣмецкомъ преданіи: еще пѣсня Вальтари десятаго вѣка не находитъ ничего болѣе жестокаго и печальнаго, какъ борьбу между братомъ матери и племянникомъ; также пѣсня Нибелунговъ во многихъ мѣстахъ указываетъ еще на слѣды особенной привязанности между дядею и сыномъ сестры. И это вполне понятно. Ибо еще въ то время, когда материнское право доживало уже свои послѣдніе дни, братъ матери считался не только законнымъ защитникомъ своихъ племянниковъ, онъ въ то же время былъ ихъ совѣтникомъ и воспитателемъ, часто онъ навѣрное и кормилъ, и одѣвалъ ихъ, — онъ же оставлялъ имъ въ наслѣдство стада и оружіе, почетъ и вліяніе.

Какимъ жалкимъ, напротивъ, оказывается положеніе отца и супруга! Онъ еще не считается господиномъ и опорой своей семьи; онъ только собственникъ женщины и ребенка, а не любящій ихъ защитникъ и опекунъ. Онъ можетъ продавать и убивать своихъ дѣтей, какъ своихъ рабовъ; да и жена его по закону врядъ ли занимаетъ положеніе иное, чѣмъ рабское. Ее также можно продавать ¹⁾; если мужъ умретъ, она въ древнѣйшее время была обязана умереть вслѣдъ за нимъ, подобно рабамъ, конямъ и охотничьимъ животнымъ. Да и въ болѣе поздніе періоды сѣверо-германскаго права женщина признается частью имущества, оставшагося послѣ умершаго мужа, подобно прочему наслѣдству, и подобно послѣднему переходитъ къ законнымъ наслѣдникамъ. Поэтому-то въ разсказѣ сѣверныхъ сагъ бракъ вдовы съ наслѣдникомъ примыкаетъ не рѣдко непосредственно къ смерти супруга; свадебный пиръ и похоронный пиръ совпадаютъ.

Подобныя извѣстія переносятъ насъ въ чуждый намъ міръ ощущеній, полный необыкновенныхъ противорѣчій; бракъ — при всемъ почтеніи, подобающемъ матери, — былъ еще ничѣмъ инымъ, какъ отношеніемъ собственности между супругой и дѣтьми съ одной стороны и супругомъ съ другой стороны. Въ словахъ: «собственность мужа, — состоящая подъ покровительствомъ брата или брата матери» кроется глубочайшее противорѣчіе жизни женщины къ концу періода развитія рода по материнскому праву. Постепенный переходъ отъ первоначальнаго состоянія свободнаго полового общенія къ шаткой моногаміи предалъ женщину въ руки ея супруга; но нравственная обязанность защищать женщину по мѣрѣ своихъ силъ и любить ее безкорыстно отнюдь еще не была перенесена отъ родственниковъ женщины на мужа. Перемѣна эта совершилась большею частью только въ исторически-достоверное время; только въ теченіи пер-

бенности въ сѣверныхъ законахъ супружеское право и право опеки на значительно дальнѣйшей ступени развитія, чѣмъ у нѣмецкихъ племенъ. Ср. Lehmann: *Verlobung und Hochzeit.*, также Dargun.

¹⁾ Tac. Ann. 4, 72; ср. Lex Saxon. 65. О Tötungsrecht ср. формулу Liber Papiensis.

выхъ пяти вѣковъ послѣ Рождества Христова германскій бракъ развился до нравственнаго общежитія.

Легко понять, почему переменна эта совершилась такъ медленно. Она могла завершиться лишь тогда, когда всѣ права защиты, какими кровные родственники женщины пользовались по отношенію къ послѣдней, перешли къ мужу; а для этого долженъ былъ создаться совершенно иной взглядъ на нравственные и правовыя отношенія отдѣльныхъ членовъ родственнаго союза: освященныя сѣдой стариной фамильныя связи должны были быть разорваны, а новыя не менѣе прочныя отношенія должны были быть закрѣплены. Такой переходъ могъ совершиться только при самой страшной нравственной борьбѣ, при столкновеніи противоположныхъ обязанностей въ тяжелой борьбѣ и суровомъ отреченіи. Съ точки зрѣнія древности братья женщины были ей родственнѣе, чѣмъ ея мужъ; отцеубійство въ нравственномъ отношеніи считалось значительно менѣе предосудительнымъ, чѣмъ убійство матери, убійство супруга менѣе оскорбительнымъ, чѣмъ братоубійство: сколько же потребовалось борьбы, прежде чѣмъ установился противоположный взглядъ! На этой почвѣ и выросли великіе трагическіе конфликты нашихъ народныхъ эпопей. Не послѣднее мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ пѣсня о Нибелунгахъ¹⁾. Какъ въ греческомъ преданіи объ Орестѣ развивается проблема нравственной борьбы между отцовскою и материнскою любовью, такъ и въ пѣснѣ о Нибелунгахъ изображена въ крупныхъ чертахъ борьба между любовью къ братьямъ и супругу. Братья Кримгильды являются соучастниками въ убійствѣ горячо-любимаго ею мужа, — они обманываютъ ее ради «утренняго подарка»²⁾ Зигфрида, — ради клада Нибелунговъ: должна ли она отмстить имъ за смерть, за безчестіе супруга? Она рѣшается на это; ради отмщенія за супруга она не останавливается передъ гибелью братьевъ; лишь черезъ убійство Гунтера она добивается смерти Гогена, убійцы Зигфрида, и этимъ осуществляетъ свое единственное желаніе. Однако сама пѣсня въ дошедшей до насъ редакціи и воплотившееся въ ней народное сознаніе еще не становятся на сторону Кримгильды; пѣсня проникнута старымъ возрѣ-

1) По крайней мѣрѣ въ томъ изложеніи, въ какомъ сказаніе о Нибелунгахъ циркулировало начиная съ восьмого столѣтія въ южной Германіи. Болѣе древнее изложеніе, какъ извѣстно, не знаетъ ничего о мести Кримгильды.

2) У германцевъ на слѣдующее утро послѣ брачнаго пиршества мужъ приноситъ женѣ подарокъ, называвшійся „утреннимъ подаркомъ“: то былъ знакъ любви и привязанности и какъ бы награда за дѣвственность, которой онъ ее лишилъ. Подарокъ состоялъ обыкновенно изъ воловъ, боеваго коня, щита и оружія. Этотъ подарокъ считался священнымъ и никому не могъ быть переданъ; послѣ смерти наследовала его невестка, а за нею внучата. Древніе германцы видѣли въ немъ „тайнственное освященіе, покровительствуемое боже-ствомъ брака“.

ніемъ первобытнаго времени, что взаимныя обязанности братьевъ и сестеръ ближе и интимнѣе, чѣмъ брачный союзъ супруговъ; для нихъ Кримгильда дьяволъ въ образѣ женщины, и Гильдебрантъ чинить надъ нею правый судъ. Иное говоритъ «Жалоба»¹⁾, которая по содержанию своему позднѣйшаго происхожденія. Въ ней гибель Нибелунговъ признается заслуженной божьей карой за своеволие, проявленное имъ при ограбленіи клада; Кримгильда же, думаетъ авторъ, чиста передъ богомъ, такъ какъ она сохранила супружескую вѣрность.

IV.

Въ только-что приведенномъ мѣстѣ «жалобы» отмѣчена глубочайшая сущность той проблемы, которую предстояло разрѣшить для того, чтобы изъ моногаміи по материнскому праву развить нравственное брачное сожителство: женщину слѣдовало побудить къ супружеской вѣрности, она должна была научиться любовно смотрѣть на своего супруга не какъ собственность его, а какъ любимое имъ существо. Существовавшая въ періодъ материнскаго права опека надъ женщиной въ лицѣ ея кровныхъ родственниковъ, сохранявшая свою силу и во время ея супружества, отнынѣ должна была при сочетаніи бракомъ перейти къ мужу. Женщина должна была освободиться отъ опеки своего рода; она должна была перейти подъ опеку мужа; и эта перемѣна въ опекающей власти должна была найти для себя правовое выраженіе при обрядахъ обрученія и сочетанія бракомъ.

Такова была та почва, на которой совершался процессъ развитія; въ древнѣйшее время мы рядомъ съ нимъ находимъ учрежденіе брака путемъ похищенія. Мысль, лежащая въ основѣ послѣдняго, еще вполне соотвѣтствуетъ нераздѣльному праву собственности мужа въ послѣдній періодъ материнскаго права. Подобное право собственности могло опираться только или на похищеніе, или на куплю: но купля женщинъ слишкомъ мало соотвѣтствовала военнымъ воззрѣніямъ германцевъ; похищеніе же, и въ особенности похищеніе женщинъ, считалось всегда у здоровыхъ народовъ, стоящихъ на доисторической ступени культуры германцевъ, геройскимъ дѣломъ. Оно могло практиковаться между отдѣльными народами, какъ болѣе или менѣе обычное дѣло, и тогда оно вырождалось въ раззорительную распрю:

1) „Жалоба“ — лирическая поэма, написанная двестишестидесятью стихами, ставящая въ связь съ погибшими бургундскими королями Нассаускаго епископа Пильгерона: послѣдній (дядя погибшихъ героевъ) узнавъ отъ пѣвца Свеммелина о гибели своихъ племянниковъ, приказываетъ писцу своему Конраду описать по латыни ихъ судьбу со словъ Свеммелина.

такъ было въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ между сѣверными германцами. Дѣло въ томъ, что добывавшему жену путемъ похищенія помогали добрые друзья изъ его племени, родня же и народъ дѣвушки не щадили никакихъ средствъ, чтобы воспрепятствовать ея похищенію, такъ какъ на нее все еще по обычаю смотрѣли какъ на существенный членъ развитія племенныхъ поколѣній, или же чтобы по крайней мѣрѣ отмстить за совершенное похищеніе. Масса сѣверныхъ сагъ сюжетъ свой заимствуютъ изъ этихъ именно отношеній; наша Кудруна ¹⁾ (Kutrun) цѣликомъ основана на этомъ предположеніи: одна изъ пѣсней послѣдней озаглавлена: «Wie Harmuot Kûtrûnen mit gewalde nam» ²⁾, да и пѣсня о Нибелунгахъ полна чертами, присущими этому явленію.

Въ основаніи древнѣйшаго моногамическаго брака часто (если не всегда) лежало похищеніе дѣвушки изъ другого, а не изъ своего собственнаго рода, такъ какъ браки въ кругу родственномъ были вообще затруднены благодаря запрещенію заключать таковыя между двоюродными братьями и сестрами до второй и даже третьей степени. Въ интересахъ же развившейся уже общественной власти, въ интересахъ обезпеченія для государства мира было не допускать внутри собственнаго племени похищенія женщинъ или, по крайней мѣрѣ предотвратить его послѣдствія—родовые раздоры. Въ первомъ отношеніи, въ виду общаго положенія, — въ виду именно необходимости искать для себя женъ по большей части въ чужомъ родѣ, — мало что можно было сдѣлать; достойно замѣчанія, что еще въ не столь отдаленное время на сѣверѣ запрещалось сочинять и распространять любовныя пѣсни, прославляющія выдающуюся красоту, — и запрещалось это по мотивамъ, вытекающимъ изъ этого положенія вещей: въ подобныхъ пѣсняхъ усматривали возбужденіе къ похищенію женщинъ, какъ въ портретахъ красивыхъ женщинъ въ циклѣ сагъ позднѣйшаго времени.

Подобныя запрещенія не достигли, разумѣется, цѣли; въ общемъ похищеніе женщинъ оставалось настоящей формой заключенія браковъ. Изъ филологическихъ данныхъ видно, что «невѣста» означаетъ: «похищенная»; на такую же точку зрѣнія указываютъ и наши древнѣйшіе народные законы. Еще по лонгобардскому, франкскому и аламанскому закону обрученіе, совершенное инымъ путемъ, расторгалось похищеніемъ, а по аламанскому и англо-саксонскому закону имъ расторгался даже уже существующій бракъ. Не смотря на сильныя мѣры, выдвинутыя противъ подобнаго правоваго обычая находившимся подъ вліяніемъ христіанства законодательствомъ Каро-

¹⁾ Кудруна-героиня поэмы подъ этимъ заглавіемъ; въ поэмѣ изображена судьба трехъ поколѣній. *Прим. перев.*

²⁾ „Какъ Гармутъ силою увезъ Кудруну“:

лингвѣ, вдовы, наиболѣе подвергавшіяся похищенію, какъ испытанныя матери, обращались съ просьбой къ королю Лотарю I объ особенной защитѣ противъ похищенія; даже еще по Гамбургскому муниципальному праву 1270 года не подлежитъ наказанію тотъ, кто похищаетъ шестнадцатилѣтнюю дѣвушку съ ея согласія. Въ нашей ранней исторіи рассказывается о похищеніи Туснельды Арминіемъ, еще больше рассказовъ о похищеніи женщинъ и борьбѣ за похищеніе въ мірѣ нашихъ древнѣйшихъ сагъ, да и теперь еще всюду существуютъ такіе свадебные обычаи и свадебныя игры, въ которыхъ врядъ ли можно видѣть что-либо другое, какъ не остатки прежняго похищенія женщинъ ¹⁾).

Но хотя германское общество наиболѣе ранней исторической эпохи до временъ Каролинговъ признавало похищеніе женщинъ законной формой брачнаго обряда, она однако въ то же время и уже въ теченіи весьма ранняго періода нашего развитія старалось избѣгать послѣдствій этой формы, — раздора между родами похитителя и похищенной, и въ этомъ именно отношеніи чрезвычайно важна вышеотмѣченная стадія развитія: переходъ власти защиты женщины отъ кровныхъ ея родственниковъ къ супругу. Чѣмъ больше внутри племени царили миръ и законъ, тѣмъ болѣе обычай требовалъ отъ мужа, чтобы онъ и родъ его, по похищеніи женщины, полюбовно покончили съ защитительной властью и родственниками послѣдней по крайней мѣрѣ дѣло о похищеніи, если уже не о передачѣ защитительной власти. Въ большинствѣ случаевъ это достигалось уплатою опредѣленной отступной суммы. Съ теченіемъ времени къ этой суммѣ главнымъ образомъ все и сводилось; она точно устанавливалась по взаимному соглашенію даже еще до похищенія: послѣднее, такимъ образомъ, совершалось уже только для видимости. На этомъ пути развитія возможно было удержать древніе обычаи похищенія еще на долгое время, въ послѣднихъ его проявленіяхъ даже до настоящаго времени, когда бракъ чрезъ похищеніе замѣнился заключеніемъ брака путемъ купли. Но какъ при этой новой формѣ близко уже было къ тому, чтобы смотрѣть на отступную сумму какъ на покупную цѣну, уплачиваемую женихомъ и его родомъ за невѣсту! Въ самомъ дѣлѣ, таковъ, кажется, и былъ взглядъ на это дѣло въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ; еще лонгобардское королевское право середины седьмого столѣтія рассматриваетъ въ этомъ смыслѣ бракъ, какъ чистую куплю. Но возрѣніе это не долго удержалось: слишкомъ чувствова-

1) Dagun. Характерно созданіе законоположенія о томъ случаѣ, когда женихъ или невѣста могутъ быть убиты во время свадебнаго поѣзда. Такъ по фригійскому праву, если женихъ будетъ убитъ при проводахъ невѣсты, послѣдняя слѣдуетъ за трупомъ въ его домъ какъ жена и получаетъ черезъ это право на вдовью часть; Brunner, R. 9, 1, 73, примѣчаніе 16.

лась недостаточность такой моногаміи, при которой мужу предоставлялось лишь право собственности надъ женой и дѣтьми, а не власть господина—защитника. При подобномъ правѣ не мыслимо было болѣе тѣсное общежитіе, котораго однако единодушно требовали болѣе мягкіе нравы и хозяйственный прогрессъ, и которое возможно было лишь тогда, когда мужу удалось бы при брачныхъ переговорахъ съ защитительною властью и родомъ своей жены купить у нихъ защитительную власть надъ будущей супругой; это то и совершалось путемъ купли. Стало быть, покупная цѣна невѣсты стала покупной цѣной защитительной власти надъ нею, и бракъ чрезъ покупку замѣненъ былъ защитительнымъ или по германскому выраженію: «Muntehe».

Эта послѣдняя форма брака была обыкновенной формой германскаго брака въ началѣ нашего лѣтосчисленія; оттѣснивъ всѣ древнѣйшія формы, она царитъ уже почти исключительно начиная съ пятого и шестаго вѣка. Это былъ безконечно большой прогрессъ, который трудно вполнѣ оцѣнить. Лишь теперь, когда уничтожена была также опека ближайшихъ родственниковъ со стороны матери надъ замужними женщинами ихъ рода, единобрачіе могло свободно развиться въ ту форму, которую мы понимаемъ подъ моногаміей. Лишь теперь, когда къ мужу перешла опека надъ женой, а слѣдовательно и надъ ея и его потомствомъ, мужъ становится вмѣстѣ съ тѣмъ супругомъ-господиномъ; рядомъ съ прежде пріобрѣтенными имъ правами на него переносится серьезная обязанность защищать свою супругу; производитель и собственникъ становится вмѣстѣ съ тѣмъ любящимъ и защищающимъ отцомъ дѣтей. Лишь теперь изъ этой любящей опеки вырастаетъ чувство кровнаго родства между отцомъ и дѣтьми.

У.

И такъ изъ этой послѣдней формы брака, «брака-опеки», развилось новое отцовское кровное родство. Семейный кругъ отнынѣ не замыкался одной лишь материнскою стороною; права отцовской стороны отнынѣ также обезпечены. Могло ли при этихъ обстоятельствахъ кровное родство по материнскому праву удержаться въ прежнемъ смыслѣ и объемѣ? Это было невозможно. Уже образованіе новой семьи, а еще болѣе ея разростаніе въ рядъ поколѣній, въ типъ новаго рода, были немислимы безъ разрушенія старыхъ союзовъ по материнскому праву. По древнему праву жена съ дѣтьми оставались въ ея родѣ, какъ мужъ въ своемъ; по новому праву женщина оставляла свой родъ, родительская пара внутри рода супруга вмѣстѣ съ своими дѣтьми составляла основу новаго родоваго союза, центромъ котораго, прородителемъ былъ супругъ.

Тутъ передъ нами совершенныя противоположности, которыя взаимно исключаются при полномъ проведеніи въ жизнь ихъ логическихъ слѣдствій. Но исторія не движется путемъ непосредственныхъ переходовъ отъ одной противоположности къ другой. Еще прежде, чѣмъ проявятся простѣйшія слѣдствія новыхъ силъ развитія, проходитъ длинный переходный періодъ, въ теченіи котораго достигается временное перемиріе на почвѣ возрѣній, старающихся воздать должное той и другой противоположности.

Таковъ былъ и характеръ развитія новаго германскаго родственнаго права. Понадобились цѣлые вѣка историческаго и до историческаго времени на то, чтобы «опека-бракъ» сдѣлался правильной формой единобрачія, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ отцовское право одержало побѣду по крайней мѣрѣ въ самомъ тѣсномъ кругѣ семьи: это-то время, должно полагать, и было посвящено опытамъ отыскать средину между участіемъ материнскаго и отцовскаго рода въ новой семьѣ, опирающейся на «опеку-бракъ».

Такую средину можно было искать только на почвѣ тѣхъ правъ и обязанностей, которыя до сихъ поръ присущи были отдѣльному родовому кругу въ интересахъ защиты, воспитанія и матеріальнаго обезпеченія тѣхъ лицъ, которыя къ нему принадлежали. До сихъ поръ право и обязанности присвоивались только роду матери; съ появленіемъ опеки - брака материнскій родъ навѣрное еще долго былъ основой всѣхъ заботъ о семьѣ, всѣхъ наслажденій семьей. Но когда полное отцовское право осуществилось въ семьѣ и за нея предѣлами, тогда и отцовскій родъ долженъ былъ также принять участіе въ этихъ выгодахъ и заботахъ, и въ концѣ концовъ получить въ нихъ преобладаніе.

Таковъ ходъ развитія. Вначалѣ новая семья со всѣхъ сторонъ находится еще подъ прикрытіемъ материнскаго рода. Позже отцовскій и материнскій родъ совмѣстно составляютъ тотъ родственный кругъ, который облекаетъ семью; а въ концѣ родственники съ отцовской стороны выступаютъ на передній планъ. При подобной перемѣнѣ въ составѣ родственнаго круга, окружающаго семейное ядро, естественно, что не у всѣхъ нѣмецкихъ племенъ всѣ ступени развитія проходились однородно и равномерно, а тѣмъ болѣе одновременно: разнообразнѣйшія комбинаціи выступаютъ на сцену и отражаются въ историческихъ источникахъ. Тѣмъ не менѣе процессъ развитія совершается вообще въ вышеуказанномъ направленіи, и самыя важныя задачи развитія индивидуума у всѣхъ племенъ по существу или вполнѣ, или почти вполнѣ, совпадаютъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ болѣе подробному изображенію хода этого развитія, для лучшаго пониманія послѣдняго, слѣдуетъ предварительно бросить болѣе обстоятельный взглядъ на тѣ права, какими первоначальный родъ пользовался по отношенію къ своимъ членамъ.

Древнѣйшій родъ былъ одновременно и семьей, и государствомъ. Внутри себя онъ защищалъ слабыхъ членовъ отъ насилія; онъ же гарантировалъ всѣхъ своихъ членовъ отъ внѣшняго нападенія и обезпечивалъ имъ пропитаніе. Онъ былъ опекуномъ несовершеннолѣтнихъ, защитникомъ и хранителемъ всѣхъ; онъ соединялъ въ себѣ функціи господина-защитника, военныя и экономическія. Затѣмъ когда первоначальный родъ превратился въ племенное государство, а роды вмѣстѣ съ тѣмъ составляли уже только части бѣльшаго цѣлаго, имъ пришлось войти въ соглашеніе съ общественной властью по вопросу объ объемѣ ихъ прежнихъ полномочій. При этомъ военныя функціи, какъ таковыя, были для нихъ потеряны, такъ какъ военную заботу о внѣшнемъ мирѣ приняло на себя племя. Взамѣнъ этого роды сохранили за собою эти функціи внутри племени, хотя и въ измѣненной и отчасти въ новой формѣ. Внутри племени легко еще возставалъ родъ противъ рода, какъ только раздавалась жалоба какого-либо сородича противъ члена другого рода. Эти разногласія между цѣлыми родами разрѣшались конечно судомъ. Но судебное разбирательство при враждебныхъ столкновеніяхъ и самая процедура суда была еще ничто иное, какъ война съ той разницею, что передъ судомъ споръ велся не столько оружіемъ, сколько доказательствами. Потому отдѣльная личность нуждалась въ военной или присяжной поддержкѣ своего рода для того, чтобы побѣдить, а также и въ матеріальной поддержкѣ, чтобы въ случаѣ судебного или договорнаго примиренія имѣть возможность уплатить штрафъ. Теперь помощь эту оказывалъ родъ внутри государства вмѣсто старой военной помощи: помощь рода въ случаѣ войны смѣнилась помощью при судопроизводствѣ.

Гораздо меньше пострадали при возникновеніи племеннаго государства опекунскія и хозяйственныя функціи рода. Это само собой понятно относительно защитительной власти, составлявшей вполнѣ внутренне-родовое учрежденіе. Но при развитіи племеннаго государства остались также неприкосновенными и экономическія права, насколько они по существу своему заключались сначала въ поддержкѣ коммунистическаго хозяйства, а потомъ въ регулированіи порядка наслѣдованія движимаго имущества. Съ общественной властью пришлось здѣсь столкнуться лишь тогда, когда народъ владѣлъ прочной земельной областью и началъ распредѣлять ее между родомъ, т. е. съ возникновеніемъ болѣе прочныхъ правъ на землю. Теперь могло случиться, что общественные интересы регулировали права землевлѣдѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наслѣдованіе этихъ правъ владѣнія, такъ что этимъ путемъ въ наслѣдственное право родовъ могли вторгнуться общественно-правовыя воззрѣнія. Но роды, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, были таковыми уже не по материнскому праву, — то было уже родство по отцовскому праву. Мы потомъ еще оста-

новимся болѣе обстоятельно на этомъ предметѣ; теперь мы констатируемъ лишь тотъ фактъ, что именно съ этимъ развитіемъ правъ на землю и съ возрастающимъ богатствомъ въ движимомъ имуществѣ экономическая и, въ особенности, наследственно-правовая жизнь рода должна была пріобрѣтать постоянно все большее значеніе сравнительно съ правовыми и опекунскими проявленіями его жизни, пока они наконецъ (не позже какъ съ шестнадцатаго столѣтія), по степени важности для дальнѣйшаго развитія организациі родства не превзошли всѣ прочія функціи рода. Отсюда зависитъ и то, что переходъ отъ материнскаго права къ отцовскому, какъ и дальнѣйшій результатъ этого перехода, организациа вокругъ ядра семьи, основанной на опежѣ-бракѣ, лучше всего можно прослѣдить на наследственномъ правѣ.

Въ доисторическое время въ этой области рѣчь шла только о движимомъ имуществѣ, такъ какъ прочное поземельное право нигдѣ еще не образовалось. Движимое имущество состояло изъ женской домашней утвари, включая и супружескую постель, и изъ незначительнаго иного хозяйственнаго скарба. То и другое переходило по первоначальному материнскому праву отъ матери къ дочерямъ, а если таковыхъ не было, то къ племянницамъ (дочерямъ сестеръ матери) и т. д. Мужъ, напротивъ, съ своей стороны владѣлъ только своимъ оружіемъ и своей утварью; то и другое наследовалось внутри его рода, т. е. переходило къ сыновьямъ его сестеръ. Слѣдовательно, супружеская община не произвела никакой новой опредѣленной имущественной массы, скорѣе даже семейное имущество совершенно переходило къ роду матери, не считая незначительнаго наследства изъ необходимѣйшихъ вооруженій мужа, переходившаго къ роду послѣдняго. Каждый родъ слѣдовательно, благодаря почти исключительному праву наследованія женщинъ, составлявшихъ фундаментъ его организациі, оставался самымъ независимымъ и самымъ прочнымъ собственникомъ всѣхъ имуществъ, какими когда-либо и какимъ бы то ни было образомъ владѣли принадлежавшія къ нему женщины.

Эти ясныя отношенія затемнены были развитіемъ опеки-брака. Принявъ на себя защитительную власть надъ женой и дѣтьми, мужъ сталъ въ гораздо болѣе близкое личное отношеніе къ нимъ, къ ихъ жизни, ихъ будущности. При этомъ ему пришлось самостоятельно овладѣть матеріальными основами супружеской жизни и экономическимъ существованіемъ дѣтей и улучшать ихъ. Въ немъ явились воля и сила принять на себя управленіе семейнымъ хозяйствомъ, исключая только части жены (такъ называемаго впоследствии *Gegade*¹⁾) и онъ долженъ былъ дорожить тѣмъ, чтобы свою соб-

¹⁾ *Gegade*—называлось женино имущество, не входившее въ составъ приданнаго, —такъ называемое парафернальное имущество. *Прим. перев.*

ственность въ посудѣ и оружїи также, какъ и вскорѣ перешедшее къ нему право распоряженія семейнымъ имуществомъ, завѣщать своимъ дѣтямъ, а не такъ какъ практиковалось прежде съ оружіемъ (впоследствии такъ называемыхъ военнымъ снарядомъ, которое онъ завѣщевалъ сыновьямъ сестеръ). Когда стремленіи эти сдѣлали брешь въ прежнемъ порядкѣ и одержали надъ нимъ побѣду, установилось немедленно новое наследственное право для движимаго имущества семьи, которое отнынѣ по отношенію къ порядку наследованія распалось на три части: парафернальное имущество (*Gerade*), военный снарядъ и семейный скарбъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова. Изъ нихъ исключительно женскіе наследники ¹⁾ наследовали еще только *Gerade*, какъ когда-то все семейное имущество; военный снарядъ отца предоставлялся его собственнымъ сыновьямъ, — вначалѣ, правда, путемъ даренія живущимъ, а позже въ настоящемъ наследственномъ порядкѣ; наконецъ семейное имущество въ болѣе тѣсномъ смыслѣ — стада животныхъ, невольники, колесницы и дома — уже больше не наследовалось женщинами въ материнскомъ племени, а мужчинами семьи — сыновьями, а если таковыхъ не было, то двумя ближайшими родственниками съ отцовской стороны и уже за ними ближайшими родственниками по матери.

Такъ образовалось то наследственное право, существеннѣйшія черты котораго изображены Тацитомъ въ «Германіи». По этой картинѣ видно, какъ значительно развивались естественныя связи по отцовскому праву. Моногамическая семья составляетъ уже теперь исключительное ядро естественнаго размноженія націи; главой ея является супругъ и отецъ; она снабжена собственнымъ имуществомъ, передающимся дальше по наследству въ ея же предѣлахъ, обеспечена собственной хозяйственной гарантіей своего существованія вмѣсто прежняго леннаго владѣнія изъ материнскаго рода. Однако этотъ зародышъ окруженъ еще заботливыми попеченіями ближайшихъ родственниковъ какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны. Такъ какъ при судебномъ разбирательствѣ они защищаютъ интересы членовъ семьи соприсяжничествомъ ²⁾ и платой

¹⁾ Да и между ними вначалѣ опять таки еще только однѣ наследницы по материнской линіи, а уже въ пятомъ столѣтіи послѣ Р. Хр. по праву франковъ попеременно ближайшіе родственники женскаго пола по материнской и по отцовской линіи.

²⁾ По древнему германскому праву тяжущіеся обыкновенно, присягали передъ судомъ, — но кромѣ присяги одной изъ тяжущихся сторонъ, коей она подкрѣпляла правоту своихъ домогательствъ, фигурировали еще и посторонніе, присягой своей удостовѣрившіе, что они убѣждены въ правдивости присягающаго: послѣдніе назывались *Eidehilfer*, а ихъ присяга *Eidehilfe*. Такихъ соприсяжниковъ выставляли какъ при гражданскомъ, такъ и при уголовномъ процессѣ; число ихъ непостоянно; но чаще всего оно простиралось до семи человекъ. Почти всегда они принадлежали къ родственникамъ заинтересованной присягающей стороны.

штрафныхъ денегъ, то они составляютъ тѣ естественные органы, которые въ порядкѣ наслѣдованія создаютъ матеріальныя основы семьи въ случаѣ, если бракъ бесплоденъ. Тѣмъ не менѣе материнскій родъ еще столь же близокъ семьѣ, если не ближе, какъ и родъ отца; это такъ сказать первый покровъ, облегающій зародышъ моногамической семьи, — родство со стороны отца занимаетъ въ этомъ отношеніи лишь второе мѣсто.

Періодъ развитія приблизительно ближайшихъ пятнадцати поколѣній имѣлъ своей задачей, такъ сказать, переставить въ обратномъ порядкѣ эту очередь отцовскаго и материнскаго родства.

Центръ тяжести этого новѣйшаго и послѣдняго преобразованія, рѣшившаго окончательную побѣду отцовскаго права, лежитъ въ фактѣ происхожденія собственности на землю. Въ этомъ мѣстѣ нельзя еще изобразить, какимъ путемъ у нѣмцевъ впервые образовались помѣстья; достаточно отмѣтить, что развитію этой собственности предшествовалъ длинный періодъ времени, въ теченіи котораго существовали лишь права на тѣ поземельные участки съ опредѣленнымъ доходомъ, которыми пользовались (и то лишь лично) только самостоятельные мужскіе члены племени. Такое положеніе вещей мы находимъ еще въ первомъ столѣтіи послѣ Р. Хр. Но въ скоромъ времени съ упроченіемъ осѣдлости право на поземельный участокъ замѣнилось болѣе или менѣе прочнымъ владѣніемъ опредѣленнымъ кускомъ земли, и тогда право владѣнія этой землей приняло иной характеръ: оно не прекращалось со смертью правомочнаго, а переходило по наслѣдству. Однако же право это, по его сущности, могло наслѣдоваться только мужчинами, и такимъ образомъ оно главнымъ образомъ переходило отъ отца къ сыновьямъ, — вначалѣ не дальше: если сыновей не было, то оно возвращалось обратно къ тому земельному товариществу, на область котораго оно распространялось. Между тѣмъ скоро развилось наслѣдственное право на землю, а за предѣлами весьма узкаго круга семьи и, начиная съ пятого и шестаго столѣтія почти во всѣхъ племенахъ нѣмецкаго происхожденія, кажется, одни лишь мужчины по отцовской линіи преимущественно, если не исключительно, пользуются правомъ на наслѣдство. Постепенно, правда, выросло еще для тѣхъ полевыхъ угодій, которыя не первоначально сдѣлались поземельными участками, а обязаны были своимъ происхожденіемъ позднѣйшему выжиганію почвы, болѣе снисходительное наслѣдственное право, къ порядку наслѣдованія допускавшее также и женщинъ, а при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ даже женщинъ по материнской линіи: но это право наслѣдства составляло исключеніе изъ общаго положенія вещей, начиная съ шестаго по восьмое столѣтіе. Въ общемъ можно признать для этого времени за правило, что земля можетъ переходить по наслѣдству только къ мужчинамъ и даже почти только къ мужчинамъ по отцовской линіи.

Кромѣ того это право повліяло также и на старое право наследованія движимости, которое оставалось все еще сравнительно благоприятнымъ для женщинъ и материнской родни. Начиная со временъ Меровинговъ земля стала самымъ крупнымъ, даже почти исключительнымъ экономическимъ орудіемъ власти, а регулированіе ея судебъ и ея отношеній къ человѣку сдѣлалось главной задачей прогрессивно развивавшагося права, — задачей, которая въ дѣлѣ наследственнаго права могла быть разрѣшена лишь въ томъ смыслѣ, что порядокъ наследованія движимаго имущества все болѣе и болѣе сближался съ порядкомъ наследованія земли. Процессъ развитія этого сближенія наполняетъ собою первую половину среднихъ вѣковъ; его собственно можно считать характернымъ признакомъ средневѣковаго міра.

Но если такимъ образомъ во всѣхъ хозяйственныхъ направленіяхъ и въ той дѣятельности родоваго союза, которая стала теперь главной, материнское право было совершенно побѣждено новымъ отцовскимъ правомъ, если теперь уже родня отца стояли къ его семьѣ ближе, чѣмъ родня матери, то какъ же могло во всѣхъ другихъ областяхъ естественно-родовыхъ отношеній удержаться старое преимущество родственниковъ по материнской линіи передъ родственниками по отцовской линіи! Даже болѣе: такъ какъ эти другія области — покровительственная власть и помощь сородича при судопроизводствѣ — уже сами по себѣ почти совершенно исключали женщинъ, то переходъ отъ преимуществъ материнскаго права къ преимуществамъ отцовскаго права долженъ былъ произойти еще легче. По отношенію къ покровительственной власти переходъ этотъ совершился самъ собою съ основаніемъ «опеки-брака». Съ этого момента отецъ сталъ господиномъ — покровителемъ своей жены и своихъ дѣтей. Когда онъ умиралъ, покровительственная власть надъ его супругой переходила къ старшему изъ сыновей, т. е. она не выходила за предѣлы семьи: объ обратномъ переходѣ ея къ роднѣ матери нѣтъ уже больше рѣчи. Если при этомъ еще долго удержалось особое положеніе брата матери по отношенію къ племянникамъ, то оно все же не было уже болѣе повелительно обусловлено какимъ-либо закономъ, а вошло лишь въ нравы, какъ остатокъ прежняго правоваго положенія.

Не менѣе безслѣдно и быстро исчезли и древнія преимущества родственниковъ по материнской линіи, даже равенство родственниковъ по линіямъ матери и отца въ законной защитѣ передъ судомъ. Мы обстоятельно узнаемъ о нихъ вообще еще только изъ знаменитой главы Салическаго закона о *chêne cûid*, устарѣвшемъ уже ко времени датированія этого закона къ концу пятого столѣтія. И если мы находимъ въ этомъ законѣ одинаковое участіе родственниковъ матери и отца въ платежѣ штрафныхъ денегъ за не-

имущаго сородича, даже при ви́шнемъ преимуществѣ материнскаго родства, то въ шестомъ столѣтїи вмѣсто этого закона дѣйствуетъ уже другой, въ силу котораго недостающая сумма штрафныхъ денегъ доставляется сыновьями, внуками, правнуками, — стало быть, исключительно непосредственнымъ мужескимъ потомствомъ семьи по отцовскому праву.

Это послѣднее совершенно новое для шестаго столѣтїя постановленіе закона важно также и съ другой стороны. Изъ него (какъ впрочемъ и вообще изъ развитїя права въ это время) видно стремленіе освободить семью вообще изъ облакающихъ ее покрововъ, какъ отцовскаго, такъ и материнскаго родства и поставить ее совершенно самостоятельно. И дѣйствительно, начиная съ шестаго столѣтїя, а еще сильнѣе съ возникновенїя лучшей государственной организаци при Каролингахъ (и соотвѣтственно съ вліяніемъ этой организаци опять-таки въ Верхней Германїи больше, чѣмъ въ Нижней) являлось все болѣе и болѣе излишнимъ покровительство молодой моногамической семьи со стороны родовъ родителей. Отнынѣ миръ и порядокъ въ странѣ чѣмъ дальше, тѣмъ больше оберегаются законными представителями общественной власти или мѣстными узурпаторами послѣдней; чѣмъ дальше, тѣмъ меньше надобности было въ ополченїи массы родственниковъ для обезпеченїя первыхъ основъ здороваго прогресса. Въ этомъ пунктѣ, какъ и во многихъ другихъ, государство замѣняло родственнѣй союзъ. Для этой новой задачи, принятой на себя государствомъ, ничто не можетъ быть столь характернымъ, какъ тотъ фактъ, что при первомъ начертанїи самическаго закона подъ наблюденїемъ созидавшагося государства присоединено было новое опредѣленіе, прочно устанавливающее тѣ условїя, при которыхъ членъ племени можетъ избавиться вообще отъ покровительства своей родни: онъ долженъ вступить подъ покровительство короля ¹⁾.

Мы не послѣдуемъ здѣсь дальше за той перспективой, которая открывалась этой перемѣной: не смотря на нѣсколько случайное развитіе она переноситъ насъ непосредственно къ новѣйшей семьѣ, для которой связь съ дальнѣйшимъ родомъ отца и матери, при всей задушевности обычныхъ отношенїй, въ области правоваго урегулированїя по существу можетъ быть названа только хозяйственной, имущественно-правовой.

Бросимъ лучше еще разъ съ этого крайняго пункта, который уже нѣкоторымъ образомъ соприкасается съ настоящимъ и его интере-

¹⁾ Постановленіе о королевской защитѣ въ Сал. 60 должно быть разсматриваемо, какъ новое, несмотря на старый порядокъ судопроизводства, о которомъ трактуется въ главѣ. Впрочемъ выходъ изъ родни былъ возможенъ уже въ раннее время, ср. Цез. 6, 22; навѣрное также рано возможно было и для родни освободиться отъ одного изъ своихъ членовъ, см. Brunner, R. g. 1, 92, гдѣ также можно бы было обратить вниманїе на производство *chrēne crūd*.

сами, взгляды назад на движеніе совершившееся начиная съ весьма древняго доисторическаго времени. Исходный пунктъ его — смѣшеніе половъ; конечный пунктъ — единобрачіе. Начальный моментъ этого движенія почти совершенно подавлялъ отдѣльнаго человѣка въ тѣсныхъ узахъ родоваго союза, а въ далекой будущности оно почти совершенно разрываетъ эти узы, до священнѣйшихъ и тѣснѣйшихъ отношеній семьи включительно.

Въ начальный моментъ оно благоговѣетъ передъ хозяйственнымъ коммунизмомъ и завершается оно лозунгомъ почти безусловной экономической свободы личности и собственности. Наконецъ, оно же на зарѣ своей требуетъ отъ женщины безусловнаго пожертвованія собою для всякаго мужчины ея рода и въ весьма раннемъ материнствѣ видитъ идеальную благородной женственности, а нынѣ оно выше цѣнитъ всего цѣломудріе женщины.

Едва ли можно себѣ представить большіе контрасты! Понятно, что для того, чтобы пройти такой путь развитія потребовалось цѣлыя тысячелѣтія. И тѣмъ не менѣе величайшія двигающія силы этихъ безпрестанныхъ превращеній малочисленны и довольно просты. Увеличеніе еще плотско-грубаго населенія внутри первоначально тѣсно ограниченныхъ естественныхъ общинъ повело отъ половой общности — той ступени родоваго развитія, которую едва-ли можно избѣжать при ограниченномъ числѣ членовъ одной семьи — къ образованію групповыхъ семей или родовъ и къ конечному возникновенію болѣе или менѣе совершенныхъ единобрачій по материнскому праву. Затѣмъ, возрастаніе экономическихъ благъ, вызванное къ жизни постоянно все болѣе напрягающеюся энергіей, повело отъ брака по материнскому праву къ браку по отцовскому праву, при чемъ однако покровительство, подъ которымъ находилась новая моногамическая семья со стороны родственниковъ супруговъ, не могло быть устранено. Наконецъ, учрежденіе истинно сильной общественной власти и вызванное этимъ возростаніе высочайшихъ идеальныхъ благъ нашего бытія — мира, нравственности и права придали моногамической семьѣ полное могущество и открыли ей путь къ тому, чтобы собственными силами сбросить съ себя старые путы и добиться свободнаго развитія.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Строй жизни въ первобытное время.

I.

Семья, сотня и племя, — таковы болѣе или менѣе естественно выросшіе носители государственной мысли германскаго первобытнаго времени; они составляютъ органы строя того времени.

Какимъ образомъ могла бы образоваться общественная власть и продолжать свое дальнѣйшее развитіе, еслибъ она не имѣла прочной опоры въ клѣтчатой ткани семей? Въ германское время семейныя домохозяйства по отцовскому праву составляли уже эти клѣтки государственнаго организма. Отецъ и супругъ были естественнымъ господиномъ семьи; подъ его защитой состояли всѣ принадлежащіе къ дому дѣти (а если они были мужскаго пола, то и подъ его военную отвѣтственность); подъ этой же защитой находилась далѣе супруга и ближайшее женское кровное родство съ отцовской стороны, пока оно находилось внѣ брака.

Кромѣ семейнаго домохозяйства, этого истиннаго ядра хозяйственнаго и политическаго строенія въ нѣдрахъ племени—въ организациі государства имѣли конечно значеніе и родственные союзы, хотя только посредственно, какъ звенья, связывавшія семьи въ высшую единицу—сотню. Они состояли изъ всѣхъ тѣхъ домохозяйствъ, взаимное родство которыхъ еще кое-гдѣ давало себя знать: дружеская кровь вѣдь сказывается, если ея даже не больше одной капли. Впрочемъ, это кровное родство придавало имъ еще совершенно особенную цѣну—не въ государственной организациі, а въ противоположность ей. Родство въ доисторическое время было предтечей государства, еще весьма задолго до всякой общественной власти оно пользовалось своимъ особеннымъ правомъ, наслаждалось своимъ собственнымъ миромъ, дѣятельно защищало своихъ сочленовъ. Государственно-родовой ните-

рестъ былъ древнѣе чисто государственной организаціи, а въ первобытномъ государствѣ онъ еще проявлялся въ тысячахъ требованій, въ тысячахъ остатковъ. Миръ въ роднѣ стоялъ рядомъ съ миромъ племени, распря въ родствѣ рядомъ съ племенной войной, — не могло быть и рѣчи о болѣе свободныхъ задачахъ для нравственнаго и духовнаго воспитанія индивидуумовъ: послѣднимъ служило еще только исключительно родство, почти безъ всякаго вмѣшательства государства. Тотъ, кто по отношенію къ первобытному періоду непротивопоставитъ всѣхъ далеко развѣтвившихся формъ жизни родственнаго круга учрежденію общественной власти и не размѣритъ старательно ихъ взаимнаго вліянія на существо общественной власти, откажется этимъ самымъ отъ проникновенія въ сущность и ростъ германской государственной идеи.

Высшей спеціально-государственной единицей, стоящей надъ семейными домохозяйствами, являлась сотня. Раньше полагали, что первоначальное происхожденіе послѣдней кроется вѣроятно въ материнскомъ правѣ; ко времени Цезаря и Тацита она является по преимуществу военнымъ отдѣломъ приблизительно въ 100—120 семейныхъ домохозяйствъ одной или (почти всегда) нѣсколькихъ родственныхъ группъ съ составомъ населенія, который можно принять приблизительно въ тысячу душъ и самое большее въ 300 воиновъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ военной рамкой, которая благодаря возникающей тогда осѣдлости начинаетъ пріобрѣтать територіальный характеръ: каждая сотня осѣдала на нѣсколькихъ квадратныхъ миляхъ, какъ только племя утомлялось своими странствованіями.

Наконецъ извѣстное число сотенныхъ общинъ — въ среднемъ иногда нѣсколько дюжинъ ихъ, — въ совокупности своей составляли племя, основу особаго независимаго самодержавнаго государственнаго организма. При этомъ связь между сотнями нерѣдко, конечно, бывала шаткой; въ особенности во времена сильнаго политическаго движенія, при нуждѣ въ выселеніи, или при смѣнѣ лѣтъ обильныхъ сраженіями та или другая сотенная община часто отдѣлялась, чтобы примкнуть къ другому племени; случалось, что тотъ или другой народъ, въ виду борьбы между сотнями, распадался на два государственныхъ организма, продолжавшихъ свое независимое существованіе.

При такихъ условіяхъ, при подобной шаткости самыхъ простыхъ государственныхъ формъ трудно сказать, на сколько племень подраздѣлялась въ то время нація. Тацитъ въ перечнѣ своей «Германіи» насчитываетъ полсотни названій племень, но кто скажетъ, что онъ стремился къ полнотѣ и достигъ таковой?

Вѣрно то, что племенное государство было сравнительно недостаточнымъ для политически независимой жизни; оно, навѣрное, не насчитывало больше членовъ, чѣмъ нынѣ городъ средней величины, а

въ эпоху нашего средневѣкового императорскаго времени какой-либо изъ нашихъ самыхъ большихъ городовъ.

Но такое маленькое племенное государство организовано было симметрично. Семейное домохозяйство связывали, по существу своему, естественные интересы, сотню—на первыхъ порахъ военное товарищество, а затѣмъ хозяйственно-артельные интересы, наконецъ племя—политическіе интересы. Создано было то великое раздѣленіе на три части всякаго общаго дѣла, которое нѣмецъ сохранилъ и понынѣ какъ свою національную особенность.

Изъ этой организаціи выясняется, что общій строй былъ насквозь проникнутъ характеромъ гармоническаго движенія всѣхъ сообразно ихъ природнымъ и общественнымъ связямъ, что вездѣ и руководители племени вообще и въ особенности какіе-бъ то не было представители монархическаго принципа возможны были лишь по столько, по скольку это требовалось и дозволялось этими связями.

Руководителемъ семейнаго домохозяйства былъ домохозяинъ.

Сотня имѣла вождемъ своего начальника, котораго въ извѣстіяхъ древнихъ называютъ большей частью *prinsep*—названіе, которое по большей части переводили словомъ *Fürst* (князь).

Наконецъ для племени, какъ цѣлаго, при ничтожномъ развитіи государственныхъ задачъ, небыло необходимости въ общемъ, продолжительно функционирующемъ властителѣ; имъ легко могъ руководить совѣтъ начальниковъ; тамъ же, гдѣ благодаря особеннымъ условіямъ, являлась необходимость въ единомъ вождѣ, такого легко было взять изъ среды начальниковъ. Случалось это почти только во время войны; вождь - начальникъ назывался и былъ тогда *герцогомъ* (*Herzog*). Если же придерживались обычая имѣть единого вождя и въ мирное время, то таковой хотя и пользовался королевскими почестями, но въ сущности былъ лишь особенно-привилегированнымъ начальникомъ безъ верховной власти и права суда; но ему одному предоставлялось право председательствовать въ совѣщательномъ собраніи начальниковъ.

Такимъ образомъ начальникъ является обычнымъ вождемъ націи въ германское время; рядомъ же съ нимъ, но собственно не надъ нимъ, является еще первобытное королевство, въ особенности у восточныхъ племенъ.

Начальникъ сотенной общины избирался въ собраніи всѣхъ членовъ племени, стало-быть, всѣми сотнями. Но выборы врядъ ли были безусловно свободны. Они сводились къ признанію избраннаго тою сотнею, для которой начальникъ выбирался. Внутри сотни опять таки не всякій членъ общины пользовался одинаковымъ правомъ на этотъ почетъ: право это съ древнихъ временъ было наследственнымъ въ нѣкоторыхъ фамиліяхъ, даже можетъ быть всегда только въ одномъ родѣ; но въ кругу этихъ семей шансы на повышение до званія вождя

приобрѣтались лишь выдающимися способностями. Избранный разъ въ начальники самъ опредѣлялъ и время, а часто и объемъ своихъ полномочій, такъ какъ онъ пользовался довѣріемъ народа, которое приобрѣталъ благодаря признанію за нимъ благороднаго происхожденія съ древнихъ временъ и оцѣнкѣ его собственныхъ заслугъ.

Итакъ, начальникъ назначался отнюдь не тѣмъ порядкомъ, какой имѣетъ мѣсто въ нашъ многоизбирающій вѣкъ, — выборы не сопровождались всѣми тѣми техническими соображеніями и опытами, какіе имѣютъ нынѣ мѣсто и обходились безъ тайныхъ предварительныхъ соглашеній во всемъ до мелочей. Начальника вообще не столько назначали, сколько онъ самъ въ виду его рожденія и заслугъ и съ одобренія общины, къ которой онъ принадлежалъ, какъ бы выросъ для должности властителя. Изъ этого характера выборовъ ясно, что кромѣ членовъ благородныхъ родовъ и другіе члены племени не должны были считать себя принципиально исключенными изъ круга лицъ, для которыхъ санъ начальника былъ доступенъ. Въ этомъ отношеніи дѣло обстояло также, какъ и въ средніе вѣка. Въ теченіи нашей великой императорской эпохѣ до Штауфеновъ властители избирались изъ высшаго рода, и сынъ слѣдовалъ за отцомъ, пока естественный рядъ поколѣній допускалъ это. Когда же составитель свода саксонскихъ законовъ при императорѣ Фридрихѣ II попытался прочно установить законныя условія для пассивнаго избирательнаго права короны, то онъ все таки призналъ законнымъ лишь то условіе, что король долженъ быть свободнымъ и законнорожденнымъ.

Способъ, какимъ избирался начальникъ, указываетъ уже на существо его полномочія. Онъ былъ довѣреннымъ лицомъ общины. Онъ вездѣ былъ ее руководителемъ, какъ во внутреннихъ собственныхъ ея дѣлахъ, такъ и въ общихъ дѣлахъ всѣхъ сотенъ народа, какъ въ мирное, такъ и въ военное время: мы не можемъ представить какихъ-либо ограниченій его права творить всюду добро; онъ былъ не столько чиновникомъ, сколько представителемъ своего товарищества.

Можно также по имѣющимся извѣстіямъ современниковъ очертить кругъ обычной дѣятельности, присвоенной званію начальника. Тутъ выступаютъ функціи трехъ группъ: начальникъ былъ защитительной властью, судебнымъ органомъ и вождемъ своей общины.

Всѣ несовершеннолѣтніе члены сотни, нуждавшіеся въ защитѣ родственниковъ, пользовались покровительствомъ начальника, и послѣдній, являясь представителемъ и защитникомъ всѣхъ товарищей, подобно безчисленнымъ смѣнившимъ его покровительствующимъ властямъ среднихъ вѣковъ, получалъ обыкновенно въ опредѣленное время года подарки скотомъ или украшеніями, одеждой и содержаніемъ. На него же, какъ на верховную защитительную власть общины, возложены

были и почетныя обязанности; онъ оказывалъ товарищеское гостеприимство чужимъ, ему же охотно предоставлялось право представлять собранному племени юношей, способныхъ носить оружіе, для принятія ихъ въ войсковой союзъ взрослыхъ.

Какъ судебный органъ начальникъ прежде всего былъ третейскимъ судьей для товарищей¹⁾; къ его полюбовному посредничеству обращались прежде, чѣмъ рѣшались на суровое судопроизводство въ дѣлѣ родовой распри, прежде, чѣмъ шли на формальное судебное разбирательство. Если же дѣло доходило до судебного рѣшенія, то опять-таки начальникъ являлся предсѣдателемъ судебной общины и въ знакъ своего законнаго руководства онъ получалъ часть причитавшихся общинѣ общественныхъ пеней за нарушеніе мира.

Наконецъ, на войнѣ начальникъ былъ прирожденнымъ вождемъ; онъ отвѣчалъ за дисциплину и храбрость сотни, какъ и ему въ свою очередь отдѣльные отцы семействъ ручались за воинскую годность сыновей. Если начальникъ велъ за собой къ битвѣ, то онъ велъ также и къ добычѣ; подъ его наблюденіемъ распредѣлялось то, что пріобрѣталось по праву войны, въ томъ числѣ и земля для пастбищъ и для болѣе прочнаго пользованія путемъ ея воздѣлыванія.

При этомъ повиновеніе начальнику вытекало не изъ древней, естественно - патріархальной власти старшины въ родовыхъ подразделенияхъ по материнскому праву: онъ приказывалъ въ силу оффиціального права на командованіе, вытекавшаго изъ самаго существа военнаго дѣла. Это древнѣйшая форма Банна (Bannes) позднѣйшей оффиціальной власти нѣмецкихъ королей; слово, сродное греческому *φωνή*, латинскому *fama*, *faci*, *facit*, еще во время меровинговъ означало торжественное повелительное слово короля.

Но кто, однако, рядомъ съ военнымъ происхожденіемъ не узнаетъ и того другого источника власти начальника въ германское время, который переноситъ насъ во времена гораздо болѣе древнія, чѣмъ время Тацита и Цезаря, въ доисторическій вѣкъ нѣмецкой родовой организаци по материнскому праву. Въ своихъ обширныхъ полномочіяхъ въ качествѣ властителя - защитника общины начальникъ является только наслѣдникомъ прежняго родового старѣйшины первобытнаго времени, равнымъ образомъ его положеніе какъ третейскаго судьи, а потомъ и судьи, а также и его военное руководство въ первоисточникахъ своихъ взято изъ сферы власти старѣйшаго. Связь эта слышится въ самыхъ раннихъ изъ дошедшихъ до насъ нѣмецкихъ названій начальника: у франковъ называется онъ *thiunginus*: старый, достопочтенный, — также у англо-саксовъ: *ealdor*.

Но рядомъ съ этимъ словомъ древнѣйшаго образованія мы уже рано находимъ (и одинаково у франковъ, какъ и у саксовъ и фри-

¹⁾ Цез. 6, 23.

зовъ) для обозначенія начальника новѣйшее слово *hunno*, слово, которое въ концѣ-концовъ дѣлается почти общимъ достояніемъ нѣмецкихъ племенъ; происхожденіе свое слово это беретъ въ готскомъ *hundofars* и обозначаетъ военнаго предводителя сотни¹⁾. Такимъ образомъ, измѣненіе названія соотвѣтствуетъ здѣсь измѣненію въ полномочіяхъ начальника и даже измѣненію въ самомъ существѣ сотенной общины. Сотня, составлявшая первоначально по всѣмъ вѣроятіямъ родовое подраздѣленіе народа по материнскому праву, съ появленіемъ отцовскаго права лишена была своего древняго естественнаго характера; но тѣмъ не менѣе по своему внѣшнему объему, она въ силу присущаго ей одновременно съ этимъ тактическаго значенія оставалась подраздѣленіемъ народнаго войска: тоже произошло съ значеніемъ ея старѣйшины, — изъ *Thunginus* или *Baldor* онъ сдѣлался *Hunno*, — и военныя, а еще позже и судебныя его полномочія постепенно переросли древнѣйшій родовой составъ его правъ.

Одновременно съ этимъ шло и дальнѣйшее еще болѣе богатое результаты измѣненіе въ существѣ власти вождя. Старѣйшиной родового строя являлся старѣйшій въ данную минуту мужъ родового союза, — въ буквальномъ смыслѣ слова — старѣйшій (*Ältester*); въ историческое же время мы напротивъ находимъ званіе начальника связаннымъ обыкновенно лишь съ какимъ-либо благороднымъ родомъ общины, но безъ всякаго отношенія къ возрасту. Какъ произошла эта перемѣна? Историческихъ свѣдѣній на этотъ счетъ у насъ никакихъ нѣтъ; однакоже родственныя явленія въ области сравнительной этнографіи объясняютъ намъ ходъ этого превращенія. Мы не видимъ, чтобъ отцовское право гдѣ-либо завоевывало себѣ мѣсто иначе, какъ благодаря личному вліянію наиболѣе выдающихся мужей. Въ переходный періодъ отъ материнскаго права къ отцовскому старѣйшіе должны были естественно настоять прежде всего на томъ, чтобы ихъ положеніе, ихъ званіе, ихъ имущество не переходили по закону къ сыновьямъ ихъ сестеръ, а къ ихъ собственнымъ сыновьямъ. Этимъ путемъ при согласіи членовъ своего рода, полученномъ какъ бы выборнымъ путемъ, они основали первую семью по отцовскому праву; если же счастье благопріятствовало, а обставленное личными заслугами согласіе товарищей вновь подтвердилось и при позднѣйшихъ поколѣніяхъ, то устанавливалась привиллегія для данной семьи, она становилась дворянствомъ. Такъ возникли тѣ избранныя семьи; имѣющія общее имъ происхожденіе по отцовскому праву, съ которыми еще позднѣйшія поколѣнія общины связывали обыкновенно право на званіе начальника, а выраженіе *König* (король), или *Kuning* отъ *Kunni* — родъ, сдѣлалось также общеупотребительнымъ обозначеніемъ и для званія начальника.

См. *Heliand* изд. Sievers'омъ. 2093: *hunno*=centurio.

Но какая еще разница была между положеніемъ начальника и положеніе короля! Въ сущности говоря, по существу власти между ними не было какого-либо принципиальнаго различія; различіе было только въ расширеніи ея предѣловъ постольку, поскольку эта власть была существенно-политической. Если начальникъ начальствовалъ надъ сотенной общиной, то король повелѣвалъ надъ племенной общиной, что не исключало однако, и того, чтобы онъ въ тоже время предводительствовалъ и сотней. Не даромъ начальникъ назывался еще *truhtin*; а король—*thiudans*: оба эти названія—прилагательныя, первое обозначаетъ руководство военнымъ отрядомъ (*truht*), а второе—руководительство племенемъ (*thiuda*); но эти руководства должно представлять себѣ одинаковыми по существу своему.

Если такимъ образомъ во власти германскаго короля первобытнаго времени нельзя найти признаковъ какихъ-либо другихъ существенныхъ политическихъ правъ, кромѣ тѣхъ, какія мы находимъ въ распоряженіи начальника въ мирное время и въ распоряженіи предводительствующаго начальника въ качествѣ герцога въ военное время, то все же постоянному предсѣдательствованію своему въ коллегіи начальниковъ своего племени король обязанъ былъ многими важными преимуществами, которыя, кажется, главнымъ образомъ относятся къ церковной области. Ибо если предсѣдатель совѣта начальниковъ племени, не имѣвшаго своего короля, отъ времени до времени сходился съ жрецомъ этого народа, чтобы приносить богамъ публичныя жертвы, изслѣдовать ихъ волю по примѣтамъ, умилоустивить ихъ за нарушеніе ихъ заповѣдей наказаніемъ непослушныхъ, то въ государствѣ, имѣвшимъ короля, обязанности эти всегда возлагались на этого послѣдняго. А такъ какъ обязанности эти связаны были съ определенной личностью, съ потомствомъ определенной семьи, то для священной семейной традиціи не было надобности въ особенномъ жреческомъ сословіи: королевскій родъ, какъ таковой, могъ вмѣстѣ съ тѣмъ быть и жреческимъ родомъ,—и онъ такимъ дѣйствительно и былъ.

Трудно въ достаточной степени оцѣнить важное значеніе соединенія этихъ функций въ одномъ лицѣ. Правда, благодаря ему, всякое неблаговоленіе божества недовольное племя ставило въ вину королевскому дому, и нерѣдко поэтому при общественныхъ бѣдствіяхъ, при неурожаяхъ и голодѣ, при пораженіи и смерти короли становились жертвами народной ярости. Но моральныя выгоды этого соединенія были несравненно больше. Король, будучи въ тоже время и жрецомъ своего народа, считался не только прирожденнымъ вождемъ его на войнѣ, законнымъ его совѣтникомъ въ мирное время; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ сокровищницей духовнаго преданія, довереннымъ высшей силы, любимцемъ боговъ. Кто помнилъ еще происхожденіе его рода? Не ведутъ ли начатки этого рода за предѣлы дѣйствительности этого міра въ вѣчные чертоги небеснаго міра? Весь

проникнутый высшимъ духомъ, — не рожденъ ли онъ богами? Королевскую голову окружалъ ореолъ таинственнаго свѣта: жречество ставило короля высоко надъ значеніемъ и силой государства простого начальника.

Соединеніе королевства съ жречествомъ существовало вѣроятно уже въ первобытныя времена. Ибо если власть начальника въ своихъ зачаткахъ уноситъ насъ назадъ къ естественной власти родоваго старшины, то особое положеніе короля и его семьи можетъ лишь быть связано съ естественнымъ ¹⁾ величіемъ старѣйшаго первоначальнаго рода, позднѣйшаго старѣйшаго рода въ цѣломъ племени и народѣ. Если это такъ, то королевскій родъ долженъ бы быть вмѣстѣ съ тѣмъ естественнымъ хранителемъ первоначальныхъ семейныхъ святынь рода, которыя теперь, сдѣлавшись святынями племени, сдѣлались основой публичнаго культа, а его жречество должно было теперь сдѣлаться существенной составной частью королевской власти вообще.

Такова гипотеза, соотвѣтствующая во всякомъ случаѣ тому единственному условію, которое необходимо имѣть въ виду при всѣхъ соображеніяхъ о существѣ древнѣйшаго королевства; мы имѣемъ въ виду требованіе, чтобъ для объясненія развитія монархической власти принимались во вниманіе лишь предположенія вполне общаго характера. Ибо эта королевская власть нѣкогда была всеобщимъ достояніемъ германцевъ до-историческаго времени, а стало быть, и происхожденіе его было естественно, какъ образованія свѣта и солнца, и явленія и образцы его, которыя мы въ историческое время можемъ изучить только у восточныхъ народовъ, не были основами болѣе важныхъ грядущихъ образованій, а лишь остатками прошлаго. Но и у западныхъ германцевъ мы находимъ еще послѣднія проявленія болѣе ранняго королевскаго господства ²⁾. Есть также еще возможность объяснить, какимъ путемъ у западныхъ германцевъ исчезло древнее королевство. Правда, бургундцы четвертаго вѣка, — восточно-германское племя, очутившееся со времени переселенія своего на берега Рейна подъ сильнымъ западно-германскимъ вліяніемъ — являются передъ нами еще подъ руководствомъ королей, но авторитетъ послѣднихъ значительно тускнѣетъ съ появленіемъ особаго высшаго жреческаго сословія и является опасность, что королевское достоинство будетъ стерто послѣднимъ ³⁾. Отдѣленіе отъ королевства жреческихъ функцій въ западной части герман-

1) Нѣкоторые народы именно и называются по имени своего королевскаго рода; Brunner, R. g. 1, 121.

2) Королевскіе роды, ср. Schröder, R. g. 18, 14; Brunner R. g. 1, 123. Относительно запряжки воловъ у Меровинговъ ср. Grimm R. A. 243.

3) Ammian Marcell. 28 c. 5 § 14. Обратный случай — Müllenhoff, Zeitschr. f. d. Altert. 10, 556; 12, 347 — невѣроятенъ.

ской народной массы по всѣмъ вѣроятіямъ повлекло за собою уничтоженіе королевскаго достоинства. Но вѣкъ единой державы отнюдь не былъ совершенно забытъ. Въ эпохи сильнаго развитія, въ періоды сознательно — энергическаго нападенія и трудной обороны всегда вновь воскресало воспоминаніе о прежнемъ единствѣ руководства. И если при подобныхъ обстоятельствахъ между вождями народа появлялся герцогъ, то старыя воспоминанія вдвойнѣ побуждали его вновь упрочить за собою свои временныя полномочія. Подобныя попытки, дѣйствительно, имѣли мѣсто, и мы можемъ прослѣдить ихъ у Бруктеровъ и Херусковъ, Маркоманновъ и Гермундуrowъ, а позже, кромѣ многихъ другихъ примѣровъ, великія имена Арминія и Марбоды.¹⁾ служатъ примѣрами такого развитія. Но никогда при этихъ событіяхъ не пробуждалось вновь для новой жизни старое королевство съ жреческимъ характеромъ; новое королевство было узурпаторскаго происхожденія, и за нимъ остался его революціонный характеръ. Впослѣдствіи пытались воспрепятствовать его возникновенію тѣмъ, что герцогъ назначался изъ совѣта начальниковъ не путемъ выбора сильнѣйшаго, а по жребію. Напрасный трудъ! Развитіе совершалось путемъ военнаго единства и объединенія съ тѣхъ поръ, какъ римляне и германцы стали другъ противъ друга на Рейнѣ и Дунаѣ, и въ необходимости этого военнаго объединенія новое королевство почерпало санкцію своего бытія и своихъ правъ, чего болѣе ранняя иначе складывавшаяся исторія націи никогда не могла бы ему доставить.

II.

Было бы, однако, большою ошибкой воображать себѣ общіе интересы народа и въ раннее время какими-либо иными, чѣмъ преимущественно военными. Насколько самые ранніе наши источники позволяютъ намъ проникнуть въ сѣдую до-историческую древность, германецъ искони представляется намъ воиномъ душою и тѣломъ. Вѣра его была воинственная, боги его были героями, небо его было полемъ битвы. Государство было также только произведеніемъ союза естественныхъ членовъ, соотвѣтствующаго войсковой организаціи; народное собраніе въ значительной степени было еще смотромъ войска, военное выселеніе было еще единственной формой, въ которой политическій суверинитетъ выступилъ въ полномъ блескѣ, а индивидуумъ составлялъ лишь часть войска: несвободный становился свободнымъ и членомъ народа, какъ только ему подносили оружіе.

Потому-то обзоръ военной организаціи и распредѣленія власти

¹⁾ Арминій и Марбодъ были предводителями Херусковъ. *Прим. перев.*

можетъ послужить руководящей нитью и для пониманія политическаго и экономическаго строя племеннаго государства.

Народное войско, къ которому принадлежали все свободные, у западныхъ германцевъ обыкновенно было пѣшимъ войскомъ; здѣсь оказывали уже опредѣленное вліяніе пріобрѣтенная осѣдлость и переходъ къ высшимъ формамъ хозяйственной культуры; лишь какъ исключеніе рядомъ съ пѣхотинцами требовались болѣе сильные конные отряды. Восточные же германцы наоборотъ въ большинствѣ были конными племенами и на быстрыхъ коняхъ могли промчатся то, какъ готы, черезъ обширныя равнины долины Вислы, то, какъ вандалы, черезъ сожженные солнцемъ пустыни Панноніи. И здѣсь въ военномъ отношеніи различіе обуславливалось характеромъ восточно-германцевъ, какъ номадовъ, потребностью въ конной охранѣ стада.

Болѣе точно извѣстна намъ для первобытной эпохи тактическая организація германцевъ, жившихъ между Рейномъ и Эльбой, стало быть, той части націи, у которой въ организациі пѣхоты можно искать строгихъ принципіальныхъ формъ. Мы находимъ здѣсь весьма простыя основанія. Каждая сотня представляла тактическую единицу, которая составлялась изъ семейныхъ хозяйствъ и родственныхъ группъ. По родству выступали семьи; онѣ составляли прямоугольникъ въ военной сотнѣ, болѣе короткая сторона которой обращена была къ непріятелю и оканчивалась вершиной треугольника, составленнаго изъ лучшихъ людей. Въ этой вершинѣ треугольника мы, вѣроятно и должны искать Ниппо-начальника.

Сотня за сотней разставлялись въ опредѣленномъ порядкѣ, составляя племя. Затѣмъ эти треугольники выстраивались и одинъ за другимъ острымъ клиномъ врѣзывались въ непріятельскіе ряды; какъ отдѣльнымъ начальникамъ, такъ и герцогу приходилось мало командовать: вожди должны были дѣйствовать преимущественно примѣромъ личной храбрости.

Рядомъ съ пѣхотой у западныхъ германцевъ существовала и конница, даже въ двойной, весьма своеобразной формѣ: обыкновенная конница (Парабаты—*Parabatenreiterei*), и конныя дружины начальниковъ, герцога, короля.

Для формированія конницы брали отъ каждой сотни по пятидесяти всадниковъ; численность отряда могла, однако, удвоиваться тѣмъ, что каждому всаднику предоставлялось выбирать для себя изъ самыхъ сильныхъ воиновъ сотни пѣшехода въ качествѣ спутника-товарища (*Parabaten*). Эти парабаты, легко вооруженные, во время битвы составляли прикрытіе для конницы; если всадникамъ приходилось предпринять болѣе быстрое движеніе, парабаты не отставали отъ нихъ, бѣжали рядомъ съ всадникомъ, держась за гривы коней.

Этотъ родъ конницы, безспорно, оставлялъ много желать въ

смыслъ кавалерійскомъ. Уже одно присоединеніе парабатовъ указываетъ, какъ сами германцы думали о ней. Изъ римскаго источника намъ достаточно извѣстно, что солдаты не разъ обучались дѣлать двойные вольты, и что, слѣдуя старому обычаю, они обыкновенно бросались на непріятеля всегда только съ лѣваго крыла вполонину на право—вѣроятно въ началѣ сраженія. То было древнее учрежденіе, застигнутое уже въ моментъ своего вымиранія, остатокъ прежнихъ кочевыхъ временъ.

Совсѣмъ другое дѣло—конныя дружины вождей. Развившись изъ военной потребности, они пріобрѣли скоро гораздо болѣе общій характеръ и имѣли предъ собой безконечно длинную, всегда неизмѣнно почетную будущность.

Возможно, что первоначально дозволялось всякому члену германскаго народа окружать себя военной челядью изъ земляковъ. Таковое учрежденіе могло быть терпимо до тѣхъ поръ, пока оно не сдѣлалось вреднымъ въ политическомъ отношеніи. Дѣйствительно постоянно и въ конституціонномъ отношеніи во всякомъ случаѣ болѣе важнымъ явленіемъ оно стало лишь благодаря дружинамъ вождей; и къ тому же остается вѣроятнымъ, что всегда онѣ однѣ лишь и существовали: ибо кто кромѣ дворянства, кромѣ семействъ начальниковъ и короля могъ бы покрывать значительные расходы потребныя на содержаніе столь крупнаго военнаго учрежденія?

Дружина первоначально была чисто-военнымъ учрежденіемъ, и еще во времена Тацита, и даже значительно позже, въ ней рѣшительно преобладаетъ военный характеръ. Дружинникъ называется *Degen*, т. е. словомъ, которое обозначало первоначально дитя, а впоследствии стало употребляться для обозначенія смѣлаго геройскаго духа. Потому-то члены племени поступали въ дружину начальника съ военной цѣлью, въ качествѣ испытанныхъ бойцовъ или учениковъ: въ первомъ случаѣ они прежде всего употреблялись для личной защиты господина въ военное время, какъ и для свободной службы въ его домохозяйствѣ въ мирное время; въ послѣднемъ же случаѣ дружина являлась для мальчика высокой школой въ дѣлѣ дисциплины и владѣнія оружіемъ, а также благородныхъ поступковъ и придворныхъ манеръ. Въ эту дружину устремлялись всѣ тѣ, въ комъ общественное происхожденіе и личныя достоинства будили заманчивыя надежды. Начальникъ же, подъ кровлей котораго находилась большая дружина, гордился военной славой и благородствомъ своихъ сподвижниковъ; щедрымъ и богатымъ онъ былъ для своей почетной свиты въ мирное время и храбрымъ передовымъ борцомъ для своихъ тѣлохранителей въ бурное время. Дружина прикрѣплена была къ нему священными узами вѣрности; члены этой дружины смотрѣли на себя какъ на одну семью, и имъ пріятно было слышать, когда ихъ называли его двоюродными братьями, такъ какъ они стояли вѣкъ за-

щиты своей родни; они были людьми, предоставленными на произвол судьбы, — Hagastalde (старые холостяки), и они соединялись вокруг своего господина как бы въ новый родъ братства. Господинъ во власти своей надъ ними былъ однако строгъ, какъ домохозяинъ въ семьѣ; люди подчинены были ему безусловно, а вѣрность ихъ должна была сохраниться до самой смерти.

Въ образованіи этой дружины сказывается одна изъ великолѣпнѣйшихъ чертъ специфически германскаго жизнепониманія, — черта вѣрности. Уже тогда существовала та непонятная для римлянина, но необходимая для германца вѣчно повторяющаяся нѣмецкая потребность въ болѣе тѣсномъ личномъ соединеніи, въ полной взаимной откровенности, въ полномъ раздѣлѣ всѣхъ стремленій и превратностей судьбы, — словомъ, потребность въ вѣрности. Последняя никогда не составляла особенной добродѣтели для нашихъ предковъ, она была жизненной потребностью для всего добраго и великаго: на нее опиралось ленное государство болѣе раннихъ среднихъ вѣковъ, она же была опорой позднѣйшаго товарищескаго строя позднѣйшихъ среднихъ вѣковъ, и кто же бы могъ вообразить себѣ военную монархію настоящаго времени безъ вѣрности? Да и выдающаяся вѣрность свиты не такъ скоро заглохла; еще и нынѣ она тысячекратно проявляется въ сагѣ и въ пѣснѣ; наши великія эпопеи, въ томъ числѣ и пѣсня о Нибелунгахъ, наиболѣе трагическіе конфликты свои заимствуютъ изъ отношеній вѣрности дружинника, и еще въ поэтическихъ произведеніяхъ цикла сказаній о Каролингахъ, какъ напр. въ сказаніи о рыцаряхъ круглаго стола Артура ¹⁾ вѣрность дружины сохраняетъ свою старую чарующую силу.

Но не только пѣли о вѣрности, а жили ею. Дружина франкскихъ королей, придворное общество великихъ Каролинговъ, приближенные государственные люди и воины нашихъ средневѣковыхъ императоровъ, персоналъ центральныхъ управленій нашихъ князей, начиная съ четырнадцатаго и пятнадцатаго столѣтій, — все это ничто иное, какъ видоизмѣненія старой германской идеи о вѣрности. Въ томъ-то и состояла чудесная жизненная сила этого института, что корни его лежали не въ измѣнчивыхъ политическихъ или моральныхъ основахъ, а въ первоосновѣ самого нѣмецкаго бытія, въ потребности въ вѣрности.

¹⁾ Принцъ Силурійскій Артуръ (или Артусъ), освободившій кельтовъ отъ гнета англо-саксовъ является героемъ весьма многихъ легендъ. Согласно сагѣ, Артуръ жилъ съ своей женой Джиневрой, окруженный блестящимъ дворомъ и нѣсколькими сотнями храбрѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ рыцарей: центромъ этого-то общества и были 12 храбрѣйшихъ и благороднѣйшихъ рыцарей, засѣдавшихъ за круглымъ столомъ, фигурирующемъ въ сагѣ...

III.

Нѣкогда въ германское первобытное время не труденъ былъ переходъ объ отношеній военныхъ къ другимъ — хозяйственнымъ и политическимъ, какъ мы видѣли это относительно дружины. *Nil agunt nisi armati*: эти слова Тацита можно предпослать въ видѣ эниграфа всякому описанію германской государственной и народной жизни. Какъ дружина на первыхъ порахъ была случайнымъ явленіемъ, а позже пріобрѣла существенное политическое и административное значеніе, такъ и сотня уже ко времени Цезаря стала вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяйственной единицей народа, — къ военному ея значенію присоединились экономическіе результаты, на которые съ каждымъ столѣтіемъ все болѣе и болѣе переносился центръ тяжести этого института.

Въ первобытное время германцы знали лишь частную собственность движимаго имущества. Она состояла изъ стадъ пастбищныхъ животныхъ, кромѣ того изъ нѣкоторой посуды и домашней утвари, украшеній и оружія, а въ числѣ послѣдняго навѣрное много предметовъ военной добычи, связанныхъ со многими воспоминаніями. Для пастбы стадъ нужны были, конечно, обширныя земельныя пространства; но послѣднія врядъ ли когда-либо переходили въ личную собственность какого-либо члена народа: ими пользовались сообща; можетъ быть въ этихъ областяхъ отграничены были лишь племя отъ племени, а можетъ быть уже и сотня отъ сотни.

Такое состояніе, однако, уже во время Цезаря принадлежитъ прошлому, — по крайней мѣрѣ у западныхъ германцевъ. Народы сидѣли тѣснѣе другъ къ другу, и между Везеромъ и Рейномъ, какъ и по ту сторону Рейна, свободныя равнины и края долинъ отдѣльныхъ народныхъ областей носили уже слѣды древне-нѣмецкой обработки. Такимъ образомъ сама земля указывала на повелительную необходимость болѣе тѣснаго отграничиванія для себя пищевой площади, на переходъ къ примитивно-земледѣльческой жизни рядомъ съ старономаднымъ способомъ пропитанія. Такъ какъ германцы мало по-малу переходили къ земледѣлію, то явилась потребность въ распредѣленіи основъ этого занятія — земли.

Какъ слѣдовало за это взяться? Земля составляла имущество, пріобрѣтенное копьемъ, какъ и всякая другая добыча; само собою разумѣлось, что она подобно послѣдней распредѣлялась въ предѣлахъ военной организаціи.

Изъ сообщеній Цезаря мы узнаемъ о томъ первоначальнѣйшемъ способѣ, какимъ осуществлена была эта идея. Герцогъ ¹⁾ и пачаль-

¹⁾ *Magistratus* по Цезарю. Имѣется здѣсь разумѣется въ виду герцогъ *in pace nullus est communis magistratus*.

ники племеннаго государства распредѣляютъ земли между сотнями: по мѣрѣ того, какъ послѣднія получили свои доли земли, совершается первое расчлененіе племени по мѣсту его жительства. Но еще далеко были отъ того, чтобы внутри самыхъ сотенъ взятыя за дальнѣйшее распредѣленіе. Напротивъ землю обрабатывали еще сообща (по крайней мѣрѣ, у свевскихъ народовъ), и лишь осенній урожай распредѣляли между товарищескими хозяйствами. Сотни, однако, не владѣли прочно отведенными имъ областями: ихъ мѣняли ежегодно, и такимъ образомъ каждая сотня въ теченіи болѣе или менѣе опредѣленнаго числа лѣтъ хозяйничала на всякомъ участкѣ народной почвы.

Такова была самая первоначальная система землепользованія, уже пять поколѣній позже—ко времени Тацита—уступившая болѣе тѣсному сближенію съ родной почвой. Теперь сотни не мѣняли уже больше отдѣльных частей племенной области; онѣ прочно сидѣли на какой-либо одной изъ нихъ, и уже могли называть своей болѣе тѣсной родиной пару квадратныхъ миль съ находящимися на нихъ лѣсомъ и кустарниками, пустошами и болотами, крутыми скалами и трясинами, а также разбросанными по нимъ мѣстами для пастбищъ и вырубками.

Но и внутри области сотни совершилось уже дальнѣйшее подраздѣленіе земли. Были выдѣлены участки земли для начальника, а гдѣ необходимо было и для короля: была назначена священная роща для культа бога и для прокормленія его прорицающихъ коней, а тамъ-и сямъ на высочайшемъ горномъ хребтѣ, гдѣ протекали частые источники или обширныя покатости сулили пастбища, отмежевали общественныя убожища для людей и скота и укрѣпляли ихъ кольцеобразными валами изъ натасканныхъ туда камней. Да и болѣе большая часть остальной земли не подлежала уже болѣе вполнѣ общему пользованію. Выдѣлились отдѣльныя семейныя домохозяйства, болѣею частью связанныя родствомъ, соединившіяся въ болѣе тѣсныя хозяйственныя общины, и тамъ-и-сямъ обрабатывали землю по указанію начальника съ согласія сотенной общины. Однако же эти хозяйственныя общины еще не были разъ навсегда связаны съ этими хозяйственными площадями—позднѣйшими селеніями. Если того требовали общіе интересы сотни, то родовыя общины перемѣщались съ одного мѣста на другое: въ этихъ случаяхъ приходилось пользоваться тѣмъ же военнымъ правиломъ о пользованіи мѣстомъ сообразно съ измѣняющимися потребностями, какимъ во время Цезаря племенные общины руководствовались по отношенію къ сотнямъ: теперь сотни въ свою очередь руководствовались имъ въ болѣе ограниченныхъ предѣлахъ по отношенію къ своимъ родовымъ общинамъ.

Но и тутъ ближайшіе вѣка послѣ Тацита принесли съ собою измѣненіе. Военная точка зрѣнія потеряла свое значеніе,—высту-

пила на сцену хозяйственная. Скоро забыта была смѣна родовыхъ общинъ. Теперь уже всякій древній родъ прочно сидитъ на своей родной пашнѣ; занимая то одно, то многія поселенія и деревни, онъ становится хозяйственной общиной, и собразно съ этимъ округъ сотни распадается на нѣсколько союзовъ деревень, пространственно другъ отъ друга отдѣленныхъ.

Да и въ семейныхъ хозяйствахъ одного рода не занимались уже больше общинной обработкой, — онѣ могли поселиться въ одной или многихъ деревняхъ или жить разбросанно отдѣльными дворами. Уже скоро послѣ того, какъ исчезла необходимость въ перекочевываніи съ мѣста на мѣсто, отдѣльное семейное домохозяйство получило, вѣроятно, прочное право владѣнія, а вслѣдъ за нимъ и право собственности, на свое дворовое хозяйство: вѣдь искони ему принадлежалъ его домъ и еще болѣе разныя приспособленія для ухода за пастбищнымъ скотомъ, ради котораго оно обыкновенно и устраивало дворъ; къ послѣднему вскорѣ присоединилась опредѣленная доля пашни на правѣ собственности. Еще всѣ домохозяйства селенія распахивали сообща пахотную землю вокругъ дворовъ, сообща же они ее вначалѣ и обрабатывали. Вслѣдъ же за тѣмъ, какъ вполне обработано было столько участковъ плодородной земли, сколько ихъ требовалось по общему опыту для питанія домохозяйствъ всѣхъ дворовъ, стали обнаруживаться экономическіе частные интересы различныхъ дворовыхъ хозяйствъ. Нельзя ли было достигнуть большихъ результатовъ отдѣльно-частной обработкой? Слѣдовало ли работать сообща съ такими дворами, на которыхъ сидѣли гораздо болѣе сильныя семьи и приходилось, стало быть, насыщать гораздо больше желудковъ? Такую братскую взаимную помощь отклоняли, потребовали раздѣленія. Проще всего въ такомъ случаѣ было выдѣлить каждому домохозяйству въ каждомъ значительномъ участкѣ пашни равнаго достоинства по одинаковой полосѣ, а для осуществленія высшей справедливости предоставлять отдѣльнымъ домохозяйствамъ обрабатывать эти полосы попеременно. Такъ и случилось. Этимъ путемъ предоставлено было каждому двору право на опредѣленную мѣру пашни, простиравшуюся обыкновенно, соображаясь съ пищевой потребностью домохозяйства, до тридцати моргеновъ или болѣе, кромѣ того право выгонять свой скотъ на общіе выгоны, право на рубку дровъ въ общемъ лѣсѣ въ размѣрахъ потребностей двора, право ловить рыбу въ общихъ водахъ, охота въ районѣ общины: словомъ, право на разумное пользованіе тѣми хозяйственными выгодами, какія доставляло общее владѣніе всѣхъ дворовъ за исключеніемъ пашни. Совокупность всѣхъ этихъ правъ и пользованій называли *Hufe*.

Съ развитіемъ гуфъ, отнынѣ уже связанныхъ со всѣми дворами, какъ мѣстами пребыванія семейныхъ домохозяйствъ, сдѣланъ былъ

весьма важный шагъ къ установленію частной собственности на землю. Но владѣніе гуфомъ третьяго и четвертаго вѣка далеко не было еще владѣніемъ на правѣ собственности: это само собою разумѣется относительно общаго пользованія лугами и пастбищами, лѣсами и водами; но оно не было такимъ и относительно пользованія пашней. Каждому данному двору не принадлежали еще опредѣленные участки пашни. Каждый данный дворъ имѣлъ лишь такое же право на одинаковое количество равнаго количества полевыхъ участковъ, какъ и всякій другой дворъ; пользованіе же этими участками мѣнялось постоянно между дворами. Потребовалось еще много времени, пока прекратился этотъ обмѣнъ пользованія пашней; окончательно онъ исчезъ, кажется, лишь къ концу шестого вѣка.

Съ этого лишь, стало быть, времени можно говорить о дѣйствительномъ прочномъ отмежеваніи пахотнаго участка гуфы; съ этого времени дворъ составляетъ дѣйствительно полное средневѣковое крестьянское помѣстье. Но это можно сказать только въ хозяйственномъ отношеніи. Съ правовой стороны потребовался еще періодъ времени приблизительно въ четыре столѣтія для того, чтобы установилась полная собственность на дворъ въ смыслѣ свободы владѣльца въ управленіи имъ и въ передачѣ его по наслѣдству.

Вотъ какъ долго оказывала здѣсь свое вліяніе старая военная точка зрѣнія первобытнаго времени: участіе въ пользованіи землей, прочное пребываніе въ области, дворъ и гуфа — все это первоначально предоставлено было воину, какъ участіе въ добычѣ! Можно ли было немедленно отказаться отъ такой точки зрѣнія? Можно ли было предоставить владѣніе дворомъ безоружному мальчику, право наслѣдованія двора — женщинамъ, даже продажу его чужимъ, не испытаннымъ въ военномъ дѣлѣ?

Дворъ и гуфа должны были остаться тѣмъ же, чѣмъ они были первоначально: прочнымъ обезпеченіемъ жизни совершенно свободнаго воина и его семьи, наградой за участіе въ добываніи копьемъ племенной области. Они не должны были дѣлиться, а должны были переходить по наслѣдству нераздѣльнымъ только къ тѣмъ сыновьямъ воина, которые способны были носить оружіе; если таковыхъ не было, то справедливость требовала, чтобы гуфа переходила къ деревенскому товариществу, которое вмѣстѣ съ тѣмъ было и родней товарищей, не оставившихъ наслѣдниковъ: это товарищество назначало гуфу другому вооруженному мужу изъ числа младшихъ его воиновъ. Такъ смотрѣли на дѣло первоначально; этотъ же взглядъ удерживается, почти безъ смягченій, до конца шестого столѣтія.

Съ этого времени стало блѣднѣть воспоминаніе о древней нуждѣ въ землѣ, вызвавшей переселенія народовъ и о первобытномъ добываніи земли путемъ борьбы; чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и

Большее гуфа становилась частной собственностью ее владѣльца, которая свободно могла переходить по наслѣдству къ мужескому потомству за предѣлами сыновняго круга. Это поземельная собственность состояла какъ изъ полевыхъ участковъ, такъ и изъ дворовъ, которые съ конца первобытной эпохи мирной работой завоеваны были для обработки. Къ чему было еще удерживать различіе, имѣвшее законное основаніе лишь при совершенно другихъ условіяхъ ранняго отдаленнаго времени? Древнее право на выморочное имущество, принадлежавшее раньше товариществу по отношенію къ освободившимся гуфамъ, исчезло; исчезла самая мысль, что гуфа была наградой, добычей война, сталъ вообще исчезать тотъ взглядъ, что поземельное владѣніе и военную обязанность слѣдуетъ представлять себѣ находящимися между собою въ неразрывной связи; а съ исчезновеніемъ всѣхъ этихъ идей исчезло и прежнее правовое положеніе гуфы. Послѣдняя превратилась въ полную частную собственность, подчиняющуюся праву на недвижимое имущество, давно уже образовавшемуся для тѣхъ расчищенныхъ нашенъ, которыя какой либо членъ народа завелъ съ особеннымъ трудомъ въ первобытномъ лѣсу.

Но если по отношенію къ первоначально распредѣлявшимся полевымъ участкомъ, позднѣйшимъ гуфамъ, общественно-правовой характеръ былъ утраченъ самое позднее во времена Каролинговъ, то гораздо дольше и полнѣе онъ сохранился въ самыхъ хозяйственныхъ союзахъ, въ которые онъ вдохнулъ еще разъ новую жизнь.

Во время Цезаря сотня, — это чисто военная единица, была вмѣстѣ съ тѣмъ и сельской поземельной хозяйственной общиной. Непосредственно изъ круга возрѣній военнаго товарищества выработаны были тѣ правила, которыя нужны были для того, чтобы сотенная марка приобрѣла хозяйственный характеръ. Какъ на врага нападали сообща, такъ и противъ лѣса, — первобытной вражеской силы земли — боролись сообща; и та самая тѣсная связь, которая тамъ создала товарищескіе интересы, положила здѣсь основаніе хозяйственной марки — товарищеской общинѣ. Но чѣмъ осѣдлѣе была сотня, тѣмъ болѣе перевѣшивали хозяйственныя отношенія, тѣмъ болѣе исчезало товарищеское возрѣніе. Прошло лишь нѣсколько поколѣній и военный отдѣлъ сотни сталъ хозяйственной общиной, маркой — товариществомъ съ широкими экономическими стремленіями.

Уже начиная съ конца перваго и начала втораго вѣка послѣ Р. Х. этотъ хозяйственный характеръ сотни выяснился достаточно для того, чтобы имѣть возможность существенныя основанія его перенести на болѣе мелкія образованія внутри первоначальнаго округа. Мы уже говорили, какъ начиная съ этого времени внутри осѣвшей сотни стали все прочнѣе выдѣляться болѣе тѣсныя хозяйственныя общины; то были семейныя домохозяйства въ группировкахъ по родству. То

въ одной деревнѣ, то во многихъ деревняхъ, а то лишь отдѣльными дворами поселялись семьи; связанныя родствомъ, и внутри болѣе древняго хозяйственнаго строя сотни, на выдѣленной имъ маркѣ съ ея пашнями, пастбищами и лѣсами. принимались за образованіе болѣе мелкой хозяйственной общины съ постояннымъ характеромъ. Безъ сомнѣнія, для всеобщей структуры послѣдней образомъ служила организація рода; но если мы вникнемъ въ позднѣйшіе источники, впервые доставляющіе намъ вѣрныя свѣдѣнія о хозяйственной сторонѣ этихъ образованій, то мы узнаемъ въ нихъ, какъ въ болѣе мелкихъ хозяйственныхъ общинахъ, самое точное отраженіе строя марки сотни.

Но эти болѣе тѣсныя общины составляютъ тѣ наиболѣе мелкіе сельскіе союзы, которые вообще основаны были повсемѣстно на нѣмецкой почвѣ втеченіи среднихъ вѣковъ, а отчасти сохранились даже и до нашихъ дней! Правда, въ странахъ съ особенно интенсивной почвенной культурой союзы эти многократно распадались на новыя деревни и поселенія, но и эти послѣднія еще болѣе мелкія единицы по строю своему и законамъ были точнымъ снимкомъ съ большихъ до нихъ существовавшихъ союзовъ, которые, точно также какъ раньше марки—товарищества, отнюдь не исчезали, а передавали лишь часть возложенныхъ на нихъ до сихъ поръ задачъ болѣе мелкимъ союзамъ.

Такимъ образомъ въ наиболѣе богатыхъ нѣмецкихъ странахъ появляется трехстепенная система сельскихъ общинъ, существующая съ первобытныхъ временъ почти до настоящаго времени; система эта, хотя и многократно преобразованная, еще и нынѣ является для насъ какъ бы отраженіемъ товарищески-общественнаго круга идей германскихъ временъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ мы находимъ еще послѣдніе отголоски сотенныхъ маркъ—общинъ въ общемъ управленіи древними пограничными лѣсами и далеко лежащими пастбищами; еще въ большомъ количествѣ сохранились родовыя марки—общины, обнимающія нынѣ многія деревни, сообща владающія лѣсами, водами, пастбищами, даже иногда пашнями; до введенія современной политической общины еще всюду существовали мѣстныя общины на правѣ германскихъ марокъ.

Здѣсь мы сталкиваемся съ развитіемъ почти невѣроятной силы сопротивленія всѣмъ разрушительнымъ попыткамъ позднѣйшихъ временъ. Въ этомъ процессѣ одеревенѣла шея нѣмецкаго крестьянина, оцѣпенѣло его чувство, но за то его сердце осталось честнымъ, а его вѣрность неизмѣнной; онъ цѣпко держался за всѣ духовныя преимущества древне-германскаго образа мыслей на перекоръ гуманизму и римской юриспруденціи, пока освобожденіе крестьянъ въ нашемъ вѣкѣ и всеобщая воинская повинность со временъ войнъ за освобожденіе не привела его къ современному образу жизни.

Ни одинъ институтъ, какъ бы проченъ онъ ни былъ, не могъ бы обезпечить такой долговѣчностью первобытнымъ зачаткамъ, если бы онъ лежалъ внѣ глубочайшихъ, всеобщнѣйшихъ и наиболѣе жизненныхъ побужденій человѣческой личности. Относительно этихъ союзовъ важно было именно то, что они основывались не на какихъ либо явленіяхъ первобытной или какой-либо другой специфической культуры: ихъ центръ тяжести лежалъ въ самомъ германскомъ человѣкѣ, въ самой нѣмецкой народности. Германская община, начиная съ до историческихъ временъ и до нашихъ дней, не была общиной домовладѣльцевъ или капиталовладѣльцевъ или владѣльцевъ опредѣленнаго образованія; она была общиной людей, какъ таковыхъ, — общиной мужей, по скольку ихъ сердце было широко, а ихъ чувство велико, по скольку ихъ голова была свѣтла, а ихъ рука крѣпка для нападенія и для отраженія врага, и по скольку они обладали упорствомъ къ сопротивленію чуждымъ имъ идеямъ. И если ничто не переживетъ смѣны временъ, то этотъ типъ человѣка — мужа сохранится какъ вѣчная основа первоначальной богатой организациі общественнаго строя:

*Si fractus illabatur orbis,
impavidum ferient ruinae.*

IV.

Германскій государственный строй былъ построенъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и хозяйственный строй. И здѣсь рядомъ съ вліяніемъ естественнаго сочлененія народа выступаетъ военный характеръ всего строя жизни. Разница въ томъ только, что въ политической сферѣ мы уже не можемъ прослѣдить вліянія военнаго строя столь же вѣрно и столь же постепенно шагъ за шагомъ, какъ въ экономической области, ибо германское государство гораздо древнѣе германскаго народнаго земледѣльческаго хозяйства.

При всемъ томъ, однако, нѣтъ новаго сомнѣнія, что великое народное собраніе, въ которомъ народъ выступаетъ самъ въ качествѣ суверена, по существу своему является военнымъ союзомъ: употребляетъ же поэтъ выраженіе Thing, обозначающее это собраніе, говоря о битвѣ. Но и событія самого Thing'a прежде всего и преимущественно военнаго характера. То былъ смотръ войска подъ открытымъ небомъ, на мѣстѣ, посвященномъ Богу, въ опредѣленное время ¹⁾. Послѣ торжественнаго открытія собранія священнодѣйствіями,

¹⁾ Собранія происходили, обыкновенно, въ опредѣленные дни, большею частью въ каждое полволуніе или новолуніе. *Прим. перев.*

народъ выстроенный въ боевомъ порядкѣ, по отдѣльнымъ сотнямъ, начиналъ совѣщаніе. На собраніи отдавались военныя распоряженія, устанавливался порядокъ выступленія войска. Тысячи вполнѣ вооруженныхъ мужей не состояли уже больше подъ покровомъ всеобщаго обыденнаго права, надъ ними царилъ военный порядокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и боевой порядокъ; въ силу этого порядка жрецы принимали на себя исполненіе наказаній за насиліе и нарушеніе общаго права, хотя безъ сомнѣнія по приказанію военныхъ вождей, но для вида какъ бы по повелѣнію божества.

Все происходившее на собраніи въ такой же мѣрѣ сохранило военный характеръ. Корпорация начальниковъ должна была предварительно старательно обсудить всѣ предметы, подлежащія обсужденію собранія и установить твердо свое мнѣніе о дѣлѣ. Такимъ образомъ возможно было предлагать фолкстингу текущія вопросы уже обсужденными и въ отвѣтъ на нихъ требовать простое: *Да* или *Нѣтъ*. Правда при этомъ не исключилась возможность поясненій со стороны начальниковъ Тинга (собранія), но разъясненія эти тѣсно ограничены, и вообще лишь выдающимся мужамъ между вожаками полагалось приличнымъ говорить. Затѣмъ слѣдовало голосованіе, выражавшееся при отказѣ ропотомъ, а при согласіи стукомъ оружія.

Такъ рѣшался вопросъ о мирѣ и войнѣ, также о политическихъ мѣрахъ, поскольку послѣднія имѣли серьезное значеніе для вопросовъ внѣшняго и внутренняго спокойствія; такимъ же образомъ избирали начальниковъ, герцоговъ, королей. Но если начальникъ на собственный страхъ предлагалъ собранію отважный планъ похода съ цѣлью сумасброднаго вторженія въ чужую страну, въ надеждѣ на добычу или на славную гибель, фолкстингъ превращался въ вербовочное собраніе. Если собраніе не смотрѣло косо на походъ, то немедленно собирались добровольцы для этого предпріятія: они награждали новаго вождя торжественными восклицаніями и присягали ему на вѣрность на жизнь и смерть. Такимъ образомъ, народныя собранія были исходными пунктами добровольныхъ военныхъ походовъ, изъ которыхъ произошло военное королевство Аріовиста и Марбода, позже Радагея и другихъ вождей народныхъ переселеній. Ибо тѣ хищническіе набѣги, которые въ спокойныя времена ограничивались ничтожными размѣрами, и разсыпались въ прахъ послѣ тысячи опасностей, во времена всеобщаго броженія, съ четвертаго на шестое столѣтіе, легко усиливались присоединеніемъ къ нимъ разсѣянныхъ народныхъ массъ, и во временамъ имѣли не меньшее значеніе для судебъ законныхъ властей въ Римской имперіи, чѣмъ вторженіе благоустроенныхъ племенныхъ войскъ.

Съ большею правильностью, чѣмъ это одобреніе военныхъ походовъ, происходило въ Фолькстингѣ комплектованіе правильнаго народнаго войска. Здѣсь представлялись юноши получившіе только-что

право носить оружіе; ихъ включали въ военный союзъ подъ наблюдениемъ испытанныхъ воиновъ; здѣсь же при сильной убыли въ людяхъ, пополнялись древніе кадры сотенъ, здѣсь весь народъ подвергалъ испытанію способности вождей и военное значеніе ихъ дружинъ.

Какое малое значеніе имѣли въ сравненіи съ этимъ политическія и судебныя дѣла! Устанавливали, правда, правила относительно политическаго руководства, но и тѣ по большей части касались того же основнаго вопроса о войнѣ и мирѣ; составляли, правда, нѣкоторые законодательные акты (напр., нѣкоторые народы запрещали ввозъ изъ Рима вина), но таковыя были рѣдки, да и судебныя рѣшенія фолькстинга во многихъ случаяхъ носили лишь военно-правовой характеръ: наказывали за обыкновенную трусость и измѣну народу и судили за нарушеніе клятвы въ военной вѣрности.

Въ этой области однако, насколько мы можемъ усмотрѣть, полномочія фолькстинга были очень большими. Навѣрное можно сказать, что споры между отдѣльными сотнями, какого бы они рода не были, подлежали разбирательству фолькстинга; затѣмъ кажется, какъ будто народъ въ своей совокупности могъ принять на себя разбирательство по каждому судебному дѣлу. Этотъ фактъ можно объяснить себѣ лишь при предположеніи, что нѣкогда, въ доисторическое время, Thing было единственнымъ правильнымъ судебнымъ собраніемъ народа. Такой взглядъ находитъ себѣ подтвержденіе во многихъ другихъ явленіяхъ: какимъ образомъ прежде всего, при совпаденіи судебного рѣшенія и приговора, по германскому праву, когда либо могло бы дойти до того общаго и вполне законченнаго образованія положительнаго права, какое мы находимъ во всѣхъ древнѣйшихъ правовыхъ преданіяхъ, еслибы первоначально у каждаго народа единое судебное учрежденіе не было одновременно источникомъ всякаго права и всякаго судебного приговора?

Во всякомъ случаѣ во время Тацита, когда мы впервые болѣе подробно знакомимся съ судебнымъ строемъ, такія или подобныя имъ организациі составляли принадлежность давно прошедшаго времени. Правосудіе въ эту эпоху не было уже больше преимущественнымъ дѣломъ фолькстинга, — вмѣстѣ съ военными и хозяйственными задачами оно стало собственно мирной работой сотни. Внѣшнимъ носителемъ его былъ такимъ образомъ начальникъ. Его окружалъ комитетъ испытанныхъ мужей, числомъ около ста, выбранныхъ навѣрное изъ отцевъ семействъ сотни, коллегія совѣтниковъ (*Ratschorfer und Ratgeber*¹⁾), на обязанности которой лежало постановлять

¹⁾ Собственно говоря *Ratschorfer* буквально означаетъ—творецъ совѣтовъ, а *Ratgeber* дающій совѣты, но въ русскомъ языкѣ нельзя придумать словъ, которыя передавали бы различныя оттѣнки этихъ двухъ терминовъ, переводимыхъ однимъ словомъ: „совѣтники“.

справедливые приговоры. Вмѣстѣ съ этими совѣтниками начальникъ приступалъ къ судебному разбирательству, торжественно отправлявшемуся въ священномъ мѣстѣ на значительныхъ высотахъ или между посвященными богу деревьями; вокругъ него и его совѣтниковъ находились другіе сограждане, члены окрестной родовой хозяйственной общины или всей сотни, — которые въ торжественныхъ полномъ словыхъ подкрѣпляли приговоръ ¹⁾ совѣтниковъ, когда его объявлялъ начальникъ.

Такимъ образомъ судебный приговоръ въ германскую эпоху приобрѣталъ силу закона при взаимодействіи трехъ властей. Начальникъ открывалъ судъ; водворивъ торжественно молчаніе, онъ требовалъ отъ жрецовъ отвѣта на вопросъ: въ надлежащее ли время, въ надлежащемъ ли мѣстѣ, надлежащемъ ли образомъ взялись за дѣло? Онъ былъ предсѣдателемъ собранія, наблюдалъ за правильнымъ ходомъ дѣла, и закрывалъ его по окончаніи. Совѣтники составляли подъ его руководствомъ комитетъ испытанныхъ мужей для произнесенія справедливаго рѣшенія и сообщая съ начальствомъ формулировали приговоръ. Но не они одни давали приговору силу закона. Они объявляли лишь проектъ приговора; чтобы сдѣлаться закономъ послѣднему необходимо было согласіе веѣхъ присутствующихъ вокругъ нихъ товарищей, вѣское слово (*Vollwort*) судебной общины. Но приговоръ, получивши одобреніе, хотя онъ и былъ уже закономъ; еще не былъ дѣйствующимъ закономъ; для приведенія его въ исполненіе начальникъ долженъ былъ торжественно объявить его передъ всѣмъ народомъ какъ установленный законъ: силу практическаго значенія придавала ему лишь публикація.

Такимъ образомъ составлялись отдѣльные приговоры въ спорныхъ дѣлахъ, такова была процедура въ уголовныхъ дѣлахъ, такимъ же образомъ создавались принципы новаго права. Однимъ и тѣмъ же путемъ единодушной совмѣстной работы народа и вождей, подъ внимательнымъ наблюденіемъ коллегіи совѣтниковъ, олицетворявшей зрѣлый жизненный опытъ и древнее обычное право, — творилось правосудіе и законодательство.

Таковы руководящія основы для исторіи нашего народа до того времени, когда княжеская власть и римское право разрушили древній правовой строй, отъ чего не мало пострадалъ свободный естественный ходъ нашего развитія.

¹⁾ *Ratspruch* — буквально: совѣщательный приговоръ. Въ русскомъ языкѣ нѣтъ слова для передачи этого понятія съ соответствующимъ ему оттенкомъ.

У.

Было бы, однако, ошибочно видѣть въ первобытномъ государствѣ и его судебной организациі единственное ручательство упорядоченнаго положенія вещей, единственное средство для воспитанія законности и нравственнаго чувства справедливости. Государственная власть государства была еще сравнительно, недавняго происхожденія; еще моложе навѣрное была двойная судебная дѣятельность сотни и фолькстинга въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются намъ въ эпоху Тацита. Хотя въ отдаленное время болѣе тѣсныхъ отношеній между всѣми индо-европейскими народами начальниковъ естественной организациі человѣческаго рода чтили уже какъ властителей, однако же понятіе о народѣ, какъ о живомъ выраженіи и прочной опорѣ общественной власти, не было еще по всѣмъ вѣроятіямъ, извѣстно; существовавшія тогда правовыя понятія, насколько можно объ этомъ судить, зиждились на совсѣмъ иной почвѣ, чѣмъ государство.

Лишь въ нѣдрахъ рода возникли право и нравы, а взаимныя отношенія между родами вначалѣ регулировались лишь въ смыслѣ взаимнаго соревнованія въ борьбѣ за существованіе. Ни какое преступленіе не признавалось таковымъ внѣ родовой точки зрѣнія. Дѣянія, причисляемые въ любомъ государственномъ союзѣ къ самымъ тяжкимъ преступленіямъ, напр. убійство, требовало, правда, мести сородичей, умерщвленія убійцы родными убитаго, но внѣ этого рода совершившіе эти дѣянія отнюдь не лишались уваженія и благоволенія постороннихъ; ихъ даже почитали, если при совершеніи этихъ дѣяній они проявили хитрость и силу.

Намъ трудно перенестись мыслью въ это состояніе, такъ какъ оно несовмѣстимо съ какой бы то ни было государственной властью, первой задачей которой всегда было предоставлять одинаковыя права всѣмъ тѣмъ, кто ей подвластенъ.

Но государственный строй долженъ былъ прокладывать себѣ путь у германцевъ внутри отдѣльныхъ племенъ въ борьбѣ именно съ родами, были ли послѣдніе организованы по материнскому праву или же представляли уже родство по отцовскому праву. Борьба эта началась за долго до историческаго времени. Германцы, Славяне и Эсты получили, кажется, понятіе объ общественной власти еще во время ихъ нераздѣльнаго бытія, и власть эта еще до распадѣнія германцевъ на отдѣльныя племена урегулировала внутри государства кровомщеніе въ первыхъ его зачаткахъ. Но какъ далеко, однако, еще было отъ этого перваго результата государственнаго вмѣшательства, до того времени, когда общественная власть уже настолько побѣдила родовую, что произнесенный ею надъ какимъ-либо членомъ племени уголовный приговоръ разлучалъ его даже съ его семьей: такую вер-

ховную власть государство получило только въ германскую первобытную эпоху! ¹⁾).

Кто могъ бы съ увѣренностью сказать, какими отдѣльными актами прокладывало себѣ путь развитіе общественной власти, пока оно достигло этой первой исторической эпохи? Но если мы прослѣдимъ общее положеніе вещей въ самое первобытное время и развитіе государства въ противовѣсъ семьямъ и ихъ родамъ въ слѣдующія столѣтія, то, можетъ быть, мы будемъ имѣть право сказать, что окончательной своей побѣдой надъ родовой властью государственная власть обязана именно облагораживающей силѣ общественно-хозяйственнаго прогресса и благотельному вліянію религіозныхъ представленій на внутренне-родовое и государственное воззрѣніе на право и справедливость.

Но во времена племеннаго государства мы находимся еще въ періодѣ борьбы; государство тогда еще отнюдь не единственный или даже только приблизительно-исключительный источникъ и убожище права; рядомъ съ нимъ еще гордо стоитъ историческое право рода, и государство не столько навязываетъ предварительно послѣднему свое право, сколько само удовлетворяетъ право родовъ для ихъ взаимнаго уравниванія: поэтому рѣчь идетъ еще не о народномъ правѣ, а о народномъ мирѣ, и безродный мужъ въ племенномъ государствѣ врядъ ли находится въ лучшемъ положеніи, чѣмъ безправный чужеземецъ.

Родъ во время Тацита еще пытался какъ раньше защищать, въ особенности внѣ своихъ предѣловъ, жизнь и личность, свободу и собственность своихъ членовъ, и для этой цѣли онъ пускалъ въ ходъ репрессаліи противъ рода обидчика, причинившаго вредъ кому-либо изъ его членовъ.

Старинная система возмездія составляетъ содержаніе права взаимной вражды. Взаимная вражда является военнымъ состояніемъ даннаго рода относительно другого рода, членъ котораго какимъ-либо образомъ обидѣлъ его члена. Такое состояніе прекращается лишь тогда, когда принято или доставлено полное удовлетвореніе въ размѣрѣ причиненнаго вреда. При этомъ совершенно безразлично, направлена ли мечь прямо противъ обидчика или какого-либо другого члена его, а при кровомщеніи имѣютъ даже прежде всего въ виду умерщвленіе самого сильнаго воина враждебнаго рода.

При такой системѣ взаимной защиты правъ при посредствѣ родовой власти государство на первыхъ порахъ должно было ограничиться однимъ лишь разумнымъ регулированіемъ взаимныхъ отношеній родовъ. Потому-то оно заботилось о возможнѣйшемъ ускореніи мести. И дѣйствительно мы должны думать, что процессъ взаимной

¹⁾ Какъ это основательно замѣчаетъ Brunner, R. G. 1, S. 93, Note 56.

вражды путемъ кровомщенія, начиная съ болѣе ранняго періода родовой вражды и до окончательнаго его исчезновенія, совершался въ большинствѣ случаевъ необыкновенно скоро. Уже въ древнѣйшее время не предавали погребенію трупъ убитаго, за смерть котораго должны были отомстить, до тѣхъ поръ, пока не сводили счетъ съ родомъ убійцы; еще родъ фризозъ тринадцатаго столѣтія оставлялъ трупъ убитаго въ домъ до тѣхъ поръ, пока не учинялъ возмездія.

Дальнѣйшей задачей государства было добиваться того, чтобы всякое насильственное дѣяніе въ процессѣ взаимной вражды отдѣлится точно отъ обыкновеннаго преступленія — насилія. Поэтому всякій актъ возмездія долженъ былъ совершаться открыто, а не скрытно — коварно. Уже наказаніе сородичей убійцы за ихъ домашнимъ очагомъ, — въ высшемъ убѣжищѣ, представленномъ ихъ мирнымъ дворомъ — считалось несовмѣстнымъ съ открытой местию и признавалось выдающимся преступленіемъ, нарушеніемъ священнѣйшаго мира. Еще больше обращалось вниманіе на то, чтобы ясно обозначено было, что членъ враждебнаго рода палъ жертвой мести: трупъ его нужно было положить открыто на перекресткѣ, такъ чтобы его могли свободно видѣть всѣ проходящіе, а не прятать его въ темнотѣ лѣса и въ гущѣ орѣховаго кустарника; рядомъ съ трупомъ или на самомъ трупѣ должно было лежать оружіе, а на груди его должна была лежать монета, для устраненія подозрѣнія въ разбойничьемъ убійствѣ.

Въ племенной области франковъ въ этомъ отношеніи шли еще дальше: здѣсь требовалось, чтобы голова убитаго въ законной взаимной враждѣ воткнута была на столбъ, или чтобы тѣло его было публично повѣшено на висѣлицѣ. Еще позднѣе, до самаго конца среднихъ вѣковъ, домохозяину предоставлялось право при уличенномъ на мѣстѣ воровствѣ, въ случаѣ учиненія акта мщенія, привязывать вора къ верхушкѣ своего дома.

Устанавливая эти и имъ подобные обычаи, какъ обязательные для законнаго акта взаимной вражды, или принимая, по крайней мѣрѣ, подъ свое покровительство существовавшіе уже свои обычаи, государство выработало идею о собственныхъ карательныхъ полномочіяхъ въ отношеніи къ той родовой власти, которая поступала нечестно, и съ этой точки зрѣнія оно смотрѣло на нарушителей его распоряженій относительно процесса взаимной вражды, какъ на состоящихъ съ нимъ самимъ во враждѣ. Эта мѣра имѣла громаднѣйшее значеніе; ею общественная власть впервые создаетъ собственное право возмездія; изъ этого корня вырастаетъ публичное уголовное право государства. И государство страшно карало при самомъ началѣ этого института, вполне присущаго его организациі. Злоупотребленіе родовой властью каралось въ фолкстингѣ, осужденіе злодѣя торжественно провозглашалось: его разлучали съ его родомъ, жена его становилась вдовой, дѣти его считались сиротами, его достояніе разруша-

лось и уничтожалось. Его самого и память о немъ предавали проклятію. Въ будущемъ на него должны были смотрѣть какъ на волка и убійцу, а не какъ на человѣка; никто не можетъ предоставить ему свой домъ или дворъ, или давать ему ночлегъ; никто не можетъ напоить его, накормить, поддержать, — даже жена не въ правѣ этого сдѣлать: отнынѣ онъ долженъ жить въ лѣсу, подобно дикому звѣрю; всякій встрѣчный воленъ убивать его безъ всякой жалости. Это была страшная участь, — участь лѣснаго бродяги; онъ могъ только какъ разбойникъ поддерживать свою жизнь съ часа на часъ, существованіе его было непрочно и ежеминутно подвергалось опасности: потому-то англо-саксонцы христіанскій адъ называли *vearsh gaef*, т. е. домомъ проклятаго убійцы.

Такъ государство карало за всякое нарушеніе тѣхъ первыхъ правилъ, защиту которыхъ оно приняло на себя внѣ родовой власти: стоило, вѣроятно, безконечныхъ усилій, чтобы положить начало публичной уголовной власти.

Въ историческое германское время далеко уже ушли отъ этихъ первыхъ зачатковъ. Рядомъ съ лишеніемъ покровительства законовъ государство выработало уже другое не менѣ сильное наказаніе — лишеніе чести. Какъ лишеніе покровительства законовъ ставило человѣка внѣ сношеній съ согражданами, превращало его въ звѣря, такъ и лишеніе чести отрывало внутренняго человѣка отъ сношеній съ товарищами, оно отнимало у него не жизнь, а нѣчто большее — честь. На первыхъ порахъ германское государство лишеніе чести практиковало исключительно относительно такихъ преступниковъ, которые уклонялись отъ своихъ непосредственныхъ обязанностей къ государству, а именно уклонялись какъ воины. Въ историческое время наказаніе это постигало такихъ, которые въ недостаточной степени исполняли свои воинскія обязанности, — какъ того, кто оказался вѣроломнымъ относительно военнаго похода какого-либо начальника, такъ и того, кто возвращался изъ сраженія безъ щита. Они потеряли свою честь: *multique superstites bellorum infamiam laqueo finierunt*.

Если лишеніе покровительства законовъ, какъ орудіе права, являлось самымъ суровымъ наказаніемъ изъ всѣхъ, какія только можно себѣ вообразить, то лишеніе чести относилось по нашимъ понятіямъ скорѣе къ области нравовъ: уже въ доисторическое время государство облакалось двойнымъ щитомъ противъ древнѣйшей власти родовъ и ихъ судопроизводства. И этимъ путемъ ему удалось уже къ эпохѣ извѣстнаго намъ первобытнаго времени не только урегулировать родовое судопроизводство, но и поставить по многимъ направианіямъ преграды его компетенціи и увеличить вмѣстѣ съ тѣмъ въ области матеріальнаго права собственную рѣшающую компетенцію.

Издавна возможно было остановить процессъ взаимной вражды между родовыми группами посредствомъ примиренія: если родъ обидчика

добровольно старался выкупить свой проступокъ и если обиженная родовая группа на такой выкупъ соглашалась, то взаимная вражда устранялась. Для государственной власти не представляла особенной трудности попытка превратить возможность въ правило, а часто опирававшуюся дѣйствительность акта выкупа сдѣлать неопровержимой благодаря тому, что нарушение этого акта влекло за собою съ его стороны наказаніе лишеніемъ покровительства законовъ. На первыхъ порахъ общественное чувство чести еще часто, конечно, успѣшно противодѣйствовало этому государственному посредничеству; но государственному вліянію въ теченіи многихъ поколѣній удалось очистить для себя дорогу. Этимъ путемъ вѣроятно возникъ судебный форумъ, если на первыхъ порахъ не фолькстинга, то сотни; передъ послѣдней родъ обидчика совершалъ свой выкупъ, за ея порукой составлялся актъ выкупа, въ силу котораго родъ обиженнаго присягалъ роду обидчика, при объятіяхъ и поцѣлуяхъ, клятвеннымъ обѣщаніемъ не мстить за понесенное оскорбленіе, а съ другой стороны родъ обидчика обязывался уплатить обиженному роду условленную выкупную пеню.

Дальнѣйшимъ шагомъ впередъ сравнительно съ этимъ состояніемъ было то, что постепенно выработался для наиболѣе обычныхъ преступленій и проступковъ тарифъ пеней, вошедшій въ употребленіе подъ защитой общественной власти: этимъ устранялся всякій торгъ враждующихъ родовъ относительно матеріальной стороны выкупа. Такимъ путемъ возникли тарифы денежныхъ пеней. Сначала средняя стоимость дома или двора принималась за выкупную сумму за убійство свободнаго человѣка (такъ назыв. вира—*Wergeld*¹⁾), существовала и меньшая единица пени— стоимость коровы за менѣе значительные проступки; начиная съ историческаго времени, штрафы эти стали принимать большіе размѣры; они постепенно развились до тѣхъ крупныхъ пеней, которыя извѣстны намъ изъ указаній нѣмецкихъ народныхъ законовъ, начиная съ пятого по восьмое столѣтіе.

Еще дальше велъ другой процессъ развитія, зачатки котораго относятся также къ доисторическому времени. По мѣрѣ того, какъ число договоровъ о выкупѣ, заключавшихся въ присутствіи судебныхъ собраній, все болѣе и болѣе увеличивалось, все настоятельнѣй становилась потребность въ незначительномъ вознагражденіи за труды судебныхъ властей, — и такимъ образомъ отъ примирившейся стороны требовали опредѣленную сумму для оплаты судебной пирушки (*Gerichtsgelage*), ночлега (если въ таковомъ была надобность), а также для снабженія суда приличнымъ мѣстомъ раз-

1) *Wergeld* буквально значитъ — деньги за человѣка, такъ какъ *Wes* значитъ — человѣкъ (латинское — *vir* — мужь).

бирательства. Въ этомъ порядкѣ, повидимому, появились мировыя пошлины (Friedensgeld) ¹⁾, — сумма, которая должна была уплачиваться начальникамъ, какъ представителямъ судебныхъ общинъ. Скоро, однако, на эту плату стали иначе смотрѣть: въ ней начали видѣть цѣну за дополнительную гарантію народнаго спокойствія, которое теперь, казалось нарушеннымъ простымъ фактомъ склонности свободныхъ родовъ къ взаимной враждѣ: съ этимъ измѣненіемъ въ воззрѣніяхъ, впервые нашелъ для себя недвусмысленное выраженіе тотъ взглядъ, что всякій проступокъ, влекущій за собой процессъ взаимной вражды родовыхъ группъ, является уже именно поэтому и общественнымъ проступкомъ, — проступкомъ противъ спокойствія государства. Необыкновенный прогрессъ! Ибо съ этой точки зрѣнія процессъ взаимной вражды считался, наконецъ, самъ по себѣ чѣмъ-то незаконнымъ, нарушеніемъ народнаго спокойствія, и усиливалось стремленіе ограничить вообще старое родовое судопроизводство.

Таковъ процессъ развитія, къ которому сводится внутренняя исторія нашего народа приблизительно въ теченіи первыхъ восьми столѣтій. Мы видимъ здѣсь, какъ родовое судопроизводство постепенно оттѣсняется, сохраняясь лишь для незначительнаго числа опредѣленныхъ преступленій, въ особенности для кровопролитія и убійства; между тѣмъ, какъ общественная власть добивается того, чтобы договоры о выкупѣ вины, имѣющіе мѣсто передъ ея судьями по отношенію къ проступкамъ, считались бы обязательными. И кровная месть въ концѣ концовъ подчиняется принудительной власти государства. Уже королевство племенной эпохи пыталось обезпечить за родомъ убійцы право на выкупной договоръ передъ судомъ даже противъ воли рода обиженнаго, и если цѣль эта не была вполне достигнута, то все же пробита была брешь въ послѣднемъ сильномъ укрѣпленіи правовой власти рода, а позднѣйшія времена воспользовались этой брешью, чтобы добиться полной побѣды государственнаго права надъ древнимъ родовымъ правомъ.

Но лишь только, уже въ первобытное время, явилось представленіе объ общественномъ интересѣ въ процессѣ взаимной вражды, какъ только мировыя пошлины потерпѣвшей стороны превратились въ пеню за нарушенный покой, какъ только могла созрѣть идея объ общественной власти и о ея правѣ наказаній рядомъ съ старыми суровыми средствами лишенія покровительства законовъ и лишенія чести, тотчасъ же государство воспользовалось этими новыми могущественными средствами для развитія собственной публичной уголовно - судебной власти. До сихъ поръ государство наказывало лишь въ силу судопроизводства родовъ; оно присуждало къ лишенію покровительства законовъ въ случаѣ коварной

¹⁾ Т. е. деньги уплачивавшіяся за нарушеніе мира.

Прим. перев.

вражды (Fehle), къ взносу мировыхъ пошлинъ въ случаѣ судебного договора о выкупѣ, заключеннаго между родами. Сверхъ того врядъ ли въ его распоряженіи была какая-либо иная карательная мѣра, кромѣ провозглашенія лишенія чести при проступкѣ противъ общественной власти и прежде всего противъ военной власти.

Теперь государство примѣняло наказаніе лишеніемъ покровительства законовъ также къ публичнымъ проступкамъ — къ измѣнѣ и дезертирству, похищенію трупа и противоестественнымъ порокамъ, оскверненію храма и колдовству — къ цѣлой массѣ преступленій, которыя вызывали единогласное осужденіе со стороны общественнаго мнѣнія, какъ *Meinthaten*. Но оно не удовлетворялось этимъ. Разъ государство получило полномочіе на повышеніе мировыхъ пошлинъ, т. е. публичныхъ каръ, то оно скоро должно было перейти къ тому, чтобы ввести у родовъ пени — взамѣнъ ли стараго лишенія покровительства законовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда наказаніе это позднѣйшимъ родамъ казалось слишкомъ суровымъ, — или какъ болѣе мягкое наказаніе за такіе проступки, которые лишь теперь стали считаться общественными.

Такимъ образомъ рядомъ съ древней самопомощью родовъ въ процессѣ взаимной вражды и вознагражденія за него, рядомъ съ родовой системой пеней чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе устанавливалась другая система общественной власти: какъ съ одной стороны государство перенесло уголовное право рода на путь публичнаго приговора, такъ оно съ другой стороны рядомъ съ древнимъ уголовнымъ правомъ и также на почвѣ публичнаго рѣшенія и приговора установило новое чисто-публичное уголовное право: послѣднее въ теченіи первыхъ восьми столѣтій нашего лѣтосчисленія постоянно все болѣе и болѣе побѣждало первое, и подъ его верховной властью исчезли, наконецъ, послѣдніе остатки родовой уголовной власти.

VI.

Мы подошли къ концу нашего обзора строя жизни первобытнаго времени. Мы не рѣшились ограничиваться вѣками героической борьбы германцевъ съ римлянами до начала народныхъ переселеній. Противорѣчія, которыя замѣчаются въ это время во внутреннемъ развитіи германцевъ, заставили насъ пойти дальше въ глубь времени. Они возвращаютъ насъ къ періоду чистѣйшаго родоваго строя въ незапамятное первобытное время и указываютъ на совершенно другія отношенія національнаго строя жизни, начиная со временъ Карла Великаго. Они охватываютъ цѣлыя тысячелѣтія.

Въ теченіи столь долгаго періода времени вырастаетъ и исчезаетъ первобытное германское государство. Оно отнюдь не есть внезапное образованіе, это отнюдь не организація вчерашняго дня. Старые роды

по материнскому праву отдѣльныхъ народностей давно уже распались; изъ нихъ подѣ вліаніемъ военнаго давленія развились сотни уже за долго до того, какъ мы услышали объ этихъ учрежденіяхъ благодаря римскимъ извѣстіямъ, и эти разнообразныя преобразованія въ каждой народности совершались навѣрное не равномерно, а съ весьма сильными уклоненіями, обусловленными различіемъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ типъ германскаго государства отнюдь не представляется намъ однообразнымъ и шаблоннымъ. Система строенія какой-либо одной народности врядъ ли повторялась въ полномъ объемѣ у другой. Это были однородныя, но неравномѣрныя образованія.

Еще менѣе исчезли окончательно старыя родовыя воззрѣнія при новомъ процессѣ развитія, начавшемся послѣ крушенія материнскаго права съ возникновеніемъ отцовскаго господства, съ расцвѣтомъ кочеваго быта и съ возростаніемъ военныхъ интересовъ. Воззрѣнія эти продолжали жить въ родахъ по отцовскому праву. Въ этомъ видѣ старый родовой строй по материнскому праву (хотя и погибшій въ своей собственной формѣ) еще долго стоялъ на пути развитія новаго государства, на пути развитія его общественной власти. Между ними завязалась долгая и упорная борьба, отдѣльные акты которой разыгрывалась большей частью въ области судопроизводства; въ теченіи этой борьбы старый, преимущественно военный характеръ общественной власти становился все болѣе и болѣе одновременно и судебнымъ.

Можно ли, стало быть, сказать, что уже на исходѣ перваго и въ началѣ втораго столѣтія послѣ Рождества Христова, приблизительно къ времени Тацита, въ этой жизненной борьбѣ между государствомъ и родомъ первое одержало уже окончательную побѣду? Трудно это рѣшить теперь, дѣлая общій обзоръ громаднаго періода болѣе, чѣмъ въ полторы тысячи лѣтъ. Но при взглядѣ на ходъ развитія во всей его совокупности можно утверждать съ увѣренностью какъ то, что побѣда уже сильно склонилась на сторону государства, такъ и то, что въ это время могущество родоваго союза не должно быть игнорируемо. Въ эти вѣка мы находимъ, однако, уже внушающую почтеніе общественную власть, встрѣчаемъ представительство нравственныхъ идей и требованій права въ родовъ въ общественномъ мнѣніи, встрѣчаемъ государственную мощь и государственные интересы.

Потому то небольшое первобытное государство могло развиваться дальше, оно уже шло на встрѣчу этому развитію. То развитіе, которое было возможно въ кружкѣ приблизительно въ 50,000 человѣкъ, уже отжило свой вѣкъ: все, что могло расцвѣсть въ столь тѣсныхъ предѣлахъ въ силу ума и воспитанія, уже расцвѣло. Теперь явилась потребность въ нѣсколько болѣе широкихъ размѣрахъ, въ болѣе широкой точкѣ зрѣнія: такой потребности и удовлетворяло племенное государство слѣдующаго періода.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Общественная и духовная жизнь первобытной эпохи.

I.

Если бы мы хотѣли опредѣлить въ двухъ словахъ существенное различіе между племеннымъ государствомъ первобытной эпохи и современнымъ государствомъ, то различіе это слѣдуетъ видѣть въ томъ, что первобытное государство не разсматривалось еще какъ абстрактная личность, въ сферѣ которой живутъ отдѣльныя физическія личности; въ немъ скорѣе видѣли живую, всеобъемлющую личность, которая образуется изъ отдѣльныхъ лицъ, какъ бы изъ не самостоятельныхъ клѣтокъ органическаго тѣла. Племенное государство на высшихъ пунктахъ политической жизни, на большихъ народныхъ собраніяхъ, являлось фактически тѣлесно-осязаемымъ; отдѣльныя племенные государства, подобно реальнымъ личностямъ, дарили другъ другу лошадей, оружіе, искусно отдѣланныя металлическія украшенія и конья.

Такимъ образомъ, единичная личность ступаетъ передъ значеніемъ совокупной личности государства; государственная жизнь охватываетъ основы духовнаго существованія. Если государство являлось преимущественно, а вначалѣ даже исключительно, военнымъ государствомъ, то и мысли его гражданъ поглощены были военными походами и боевой жизнью; богъ неба и главный богъ индо-европейцевъ, Ціо, занимаетъ у западныхъ Германцевъ первое мѣсто какъ богъ войны. Такія же военныя воззрѣнія проявляются какъ въ религіозномъ мышленіи, такъ и въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ индивидуальной жизни. Собственныя имена этого времени, даже имена женщинъ, рѣдко не имѣютъ отношенія къ битвѣ и побѣдѣ; супругу Армина звали, вѣроятно, Турзингильдой, т. е. борющейся съ силой великановъ.

Языкъ—это орудіе почти всякаго духовнаго общенія, еще и въ настоящее время многими выраженіями (нынѣ употребляемыми часто въ иномъ смыслѣ) указываетъ на преобладающую силу этого политически-военнаго вліянія; «Ernst» (серьезный) первоначально означало «битву»; «Fahrt» (поѣздка) «военный походъ», «Gesinde» (свита) военную дружину; слова «gewinnen» (пріобрѣтать, выигрывать) и «fresch» (дерзкій), первоначально только и означавшее, что усердно работать и быть жаднымъ къ чему-либо, получили вскорѣ, наоборотъ, особый смыслъ: «сражаться» и «жаждущій битвы», чтобы позднѣе вновь смягчиться до болѣе общихъ понятій. Если мы прослѣдимъ возникновеніе и видоизмѣненіе первоначальнаго запаса словъ нашего языка, то мы ни въ какой области не встрѣтимъ уже въ самое раннее время такого богатства и столь быстрыхъ измѣненій во все послѣдующее время, какъ въ области военнаго языка. Уже въ общій періодъ индо-европейскихъ народовъ корень «veg», «weihen» (возбранять) пріобрѣтаетъ самое широкое примѣненіе. Также слово «Heer» (войско) индо-европейское, доказательствомъ чего служитъ индо-европейская kâra, боевая пѣснь, убійство; староперсидская kâra, войско; литовск. karas, битва; готское harjis. Также древнее и общее понятіе и слово для обозначенія искусства строить крѣпостныя сооруженія, побѣды (вначалѣ означавшее не больше какъ грабежъ) дѣятельности развѣдчика или вѣстника, славы героя. Но лишь только мы изъ столь ранняго времени перейдемъ къ періоду спеціальнаго развитія германскихъ языковъ, то быстрая смѣна военно-техническихъ выраженій убѣдитъ насъ въ томъ высокомъ интересѣ, какой имѣло для Германцевъ дальнѣйшее развитіе военнаго строя. Такъ, мы находимъ въ древнѣйшее общегерманское время для оружія слово, родственное санскритскому sagu, сохранившемуся для насъ только въ готскомъ «haigus». Въ новѣйшее германское время слово это уже вытѣснено словомъ Schwert (мечъ). Точно также позднѣе западно-германское слово «Strahl» теряется; мы сохранили его въ Blitzstrahl (молнія) и Lichtstrahl (солнечный лучъ)—и замѣняется очень рано образовавшимся изъ латинскаго «pilum» словомъ «Pfeil» (стрѣла). Измѣняются даже слова для обозначенія войны и битвы. Первоначально обычно-употребительное слово «hadu» въ смыслѣ войны, мы встрѣчаемъ только въ собственныхъ именахъ: Гадубрантъ (Hadubrant), Гадувигъ (Haduwig). Уже въ старо-верхнегерманскомъ нарѣчьи оно вполнѣ замѣнено «hilta», которое въ свою очередь въ средне-верхнегерманскомъ опять встрѣчается еще только въ собственныхъ именахъ: Гильдебрантъ (Hiltebrant) и Брунгильда (Brunhilt). Средне-верхнегерманскій языкъ употребляетъ потомъ «kampf» (битва) и это слово еще разъ замѣняется ново-верхнегерманскимъ «Krieg» (война), которое въ средне-верхнегерманскомъ еще большею частью означаетъ болѣе общее стремленіе къ чему-либо, потомъ противодѣйствіе, раздоръ.

Всѣ эти явленія, хотя отчасти и принадлежащія позднѣйшему времени, служатъ неопровержимымъ доказательствомъ воинственнаго духа, вдохновлявшаго языкъ и мышленіе первобытной эпохи, и даже ближайшихъ періодовъ, — доказательствомъ того, что первоначально-воинственный характеръ государства господствовалъ вообще не надъ одними нравами и религіей, но и надъ духовнымъ бытіемъ германской личности.

Настолько же государство стало постепенно связывать свободу личности, когда оно преслѣдовало цѣли права и мира. Его миръ отнюдь еще не былъ обще-человѣческимъ и меньше всего миромъ космополитической гуманности, — это былъ только «народный миръ», а право его отнюдь не было правомъ для всѣхъ, но только правомъ для членовъ одной націи. Съ полнѣйшей суровостью практиковалось первоначально государственная исключительность правового и мирнаго порядка; кто покидалъ государство, тотъ становился внѣ права и покровительства закона, его настигало проклятіе лѣснаго бродяги; онъ считался опаснымъ врагомъ каждаго въ государствѣ. Эта исключительность государственнаго мира была страшнымъ орудіемъ, которымъ государство прикрѣпляло къ себѣ индивидуумовъ и подчиняло ихъ своему строю, какъ существа сами по себѣ не имѣющія никакого значенія.

И все таки въ этихъ узахъ былъ большой прогрессъ сравнительно съ прежнимъ безгосударственнымъ бытіемъ; въ нихъ индивидуумъ могъ двигаться свободнѣе, чѣмъ въ болѣе древнихъ оковахъ рода.

Конечно стѣсненія, налагаемыя родами въ первобытную эпоху, были, какъ мы выше видѣли, очень значительными, родъ также относительно отдѣльныхъ своихъ членовъ выступалъ какъ цѣльная личность: только роду принадлежала полная собственность надъ владѣніемъ отдѣльныхъ лицъ, которое обязательно, по неизмѣнному правилу переходило по наслѣдству отъ отца къ сыну на правѣ пользованія; только роду, какъ цѣлому, принадлежала защита и власть надъ волей членовъ. Коллективныя мнѣнія связывали даже родовыхъ старѣйшинъ; они отнюдь не были властелинами; высшая ихъ слава проявлялась въ заботѣ о большомъ потомствѣ; видѣть себя въ кругу этого потомства было украшеніемъ ихъ старости.

Столь же мало обособилась и семья внутри рода для самостоятельной жизни. Съ внѣшней стороны она была дѣйствительно самостоятельна, но въ ней не было мѣста для личной свободы. Не даромъ въ нашемъ языкѣ слова, обозначающія женщину и ребенка были средняго рода: *das Weib*, *das Kind* — это были первоначально вещи, а не существа съ значеніемъ личности. Они могли быть отчуждаемы; Фризы при случаѣ продавали женъ и дѣтей для уплаты римской дани. Нѣкогда женщины и дѣти также находились вполне подъ властью мужчины; женщина не освобождалась даже

отъ тѣлеснаго наказанія. Еще въ пѣснѣ о Нибелунгахъ эпохи Штауфеновъ Кримильда рассказываетъ о пережитыхъ ею удивительныхъ испытаніяхъ, когда она однажды поступила вопреки запрещенію своего мужа.

И такъ, свобода личнаго развитія находила для себя также мало мѣста въ семьѣ, какъ и въ родѣ. И если государство связывало свободу мужа въ военномъ и юридическомъ отношеніи, то родъ сковывалъ его въ томъ же направленіи. Тацитъ усматриваетъ главный мотивъ германскаго военнаго мужества въ тактической организациі войска по родамъ и семьямъ: очень вѣрное замѣчаніе, прекрасно разъясняющее значеніе древнихъ генеалогическихъ союзовъ въ предѣлахъ государства.

Въ правовой же жизни не было еще и рѣчи объ индивидуальномъ положеніи отдѣльныхъ членовъ народа. Даже присяга, это проявленіе личности для внушенія суду внутренняго убѣжденія, не имѣла личной цѣнности. Личной присяги въ частно-правовыхъ дѣлахъ вообще не существовало; въ области общественнаго и уголовнаго права извѣстна была только форма родственной присяги, соприсяжничество рода за своего сородича.

Если едва-ли можно говорить объ индивидуальной свободѣ мужчинъ, то, конечно, нечего искать ее у женщинъ. Если женщина не выходила замужъ, она оставалась на всю жизнь подъ опекой своего рода; а выходя замужъ, она попадала подъ опеку мужа. Но и внѣ праваго своего положенія, германская женщина связана была даже въ самыхъ нѣжныхъ и въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ женскаго существованія. При выборѣ мужа она, обыкновенно, врядъ ли могла выражать желанія; мужъ съ своей стороны обращалъ вниманіе только на внѣшнюю физическую силу, на наружность, на здоровье; меньше обращалось вниманія на душевныя достоинства женщины. Если женщина теряла мужа, то по обычаю многихъ народностей ей воспрещался новый бракъ, дабы она «любила своего мужа не индивидуально, а какъ представителя брачной жизни» ¹⁾.

И такъ, крѣпчайшія узы государственной и родовой жизни сковывали какъ мужчину, такъ и женщину германской первобытной эпохи. И внѣ этихъ узъ не было никакого спасенія, не было даже человѣческаго существованія. Ибо еще не существовало никакихъ иныхъ болѣе свободныхъ общественныхъ учрежденій, кромѣ тѣхъ, которыя обусловлены были политическими и естественными связями. Даже чрезвычайно богатая жизнь корпорацій, товариществъ позднѣйшаго времени развилась сначала въ одномъ лишь направленіи — въ военномъ, да и здѣсь безъ всякихъ индивидуалистическихъ чертъ. Военные дружинники начальниковъ освободились, правда, если не:

¹⁾ Одно изъ самыхъ глубокихъ замѣчаній въ „Германіи“ Тацита стр. 19.

юридически, то практически, отъ узъ естественныхъ отношеній къ ихъ сородичамъ; покрайней мѣрѣ старшими воинами среди нихъ были холостые, богатыри, стоявшіе одиноко, покинутые своимъ родомъ, но это только для того, чтобы при посредствѣ товарищеской вѣрности и личной преданности тѣснѣйшимъ образомъ связать себя съ господиномъ дружины. Они жили ради господина и умирали за него, только для него добывали они военные лавры, ему они приписывали даже собственные подвиги въ битвѣ, даже индивидуальное исполненіе этихъ подвиговъ, — славу, которой жаждало германское тщеславіе.

II.

Обозрѣвая тѣ вліянія, которыя общественное и естественное состояніе германскаго періода оказывали на индивидуальность этого вѣка, мы приходимъ къ одному несомнѣнному выводу. Господствовало самое крайнее стѣсненіе воли, мысли, разумнаго дѣйствія; духовная жизнь этого періода еще не способна была вообще для индивидуальнаго проявленія.

Но гнету государства и рода противопоставлялись разлагающія силы, стремившіяся освободить замкнутую жизнь настоящаго, и непрерывное дальнѣйшее развитіе этихъ силъ давало уже возможность заглянуть въ новую будущность: таковы по существу вліянія прогрессирующаго матерьяльнаго и соціальнаго развитія.

Еще и теперь не совсѣмъ исчезли въ языкѣ послѣдніе слѣды прежнихъ временъ кочевого состоянія націи. Намъ извѣстно, хотя уже устарѣвшее слово: *die Rast* для обозначенія мѣры разстоянія, слово, первоначально означавшее стоянку кочевниковъ; въ средніе вѣка говорили еще о *tageweide*, какъ о такомъ пространствѣ земли, на протяженіи котораго можно гнать въ день пасущееся стадо. Въ тѣ древнія времена, когда слова эти получили свой смыслъ, впервые явился большой прогрессъ какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ общественномъ развитіи.

Когда народъ перешелъ къ пастбищному хозяйству, понадобилось очень много людей для охраны стадъ; военно-плѣнные, которыхъ до сихъ поръ приносили въ жертву богамъ или вполнѣ принимали въ свой союзъ, такъ какъ не имѣли возможности содержать ихъ въ зависимомъ положеніи, теперь представляла цѣнный элементъ для увеличенія могущества и благосостоянія: возникла несвобода, какъ первая ступень для позднѣйшаго соціальнаго расчлененія націи.

Спустя много поколѣній послѣдовалъ новый шагъ впередъ: перешли, хотя сначала и неохотно и въ малыхъ размѣрахъ, къ правильному земледѣлію. Теперь участь несвободныхъ по большей части улучшилось. Если они до сихъ поръ находились подъ непосредствен-

нымъ присмотромъ господина, приравнившего ихъ къ своимъ стадамъ, считавшаго ихъ частью своего домашняго имущества, уничтоженіе котораго проходило собственнику безнаказанно, то теперь ихъ зачастую селили въ маленькихъ помѣстьяхъ господина, такъ что они освобождались изъ-подъ его непосредственнаго надзора и при аккуратномъ выполненіи обязанностей и правильной уплатѣ податей пріобрѣтали мало-по-малу свободу въ управленіи своимъ крошечнымъ имѣніемъ. Такимъ образомъ въ хозяйственномъ отношеніи медленно прорывались на свѣтъ Божій ихъ человѣческія свойства, хотя таковыя и отрицались народнымъ правомъ, исключительнымъ правомъ свободныхъ Германцевъ. Наступилъ вѣкъ, когда начали говорить о расчлененіи народа, какъ цѣлаго, на свободныхъ и несвободныхъ; и даже это воззрѣніе временами исчезало, когда стали вырабатывать и примѣнять правовыя формы для освобожденія несвободныхъ, и этимъ самымъ признавали, что у привилегированныхъ несвободныхъ рабство отнюдь не вытравило человѣческаго достоинства и возможности національнаго существованія.

Между тѣмъ (по крайней мѣрѣ, у западныхъ Германцевъ) достигнута была дальнѣйшая ступень развитія, усилившая еще больше необходимость соціального расчлененія націи. Много разъ западные Германцы выступали изъ первоначальныхъ границъ германскаго міра и переселялись въ келтійскія области съ болѣе высокой культурой и, повидимому, не изгнали вполнѣ прежнее населеніе, а скорѣе терпѣли ихъ въ странѣ, въ качествѣ покоренныхъ. Возможно ли было обращаться съ ними, какъ съ несвободными, какъ съ военно-плѣнными, по строгому древнему праву? Этого не допускала военная сила пришельцевъ, да и несомнѣнное культурное превосходство покоренныхъ дѣлало невозможнымъ примѣненіе этого права на продолжительное время. Какъ и всегда, прежде всего опредѣлилось положеніе побѣжденныхъ: позднѣе, въ историческія времена, мы находимъ широко распространившееся сословіе полусвободныхъ, *Hörigen*.

Такъ какъ это самое сословіе по численности и значенію своего мирнаго труда пріобрѣло большее значеніе, чѣмъ сословіе несвободныхъ, то оно разорвало старые узы германскаго бытія. Теперь нельзя было больше удержать абсолютную исключительность національнаго пароднаго государства; теперь это послѣднее давало возможность добиваться, по крайней мѣрѣ, частнаго права, кромѣ свободныхъ Германцевъ, и полусвободнымъ. Нельзя было уже далѣе выдвигать требованія полнаго соціального равенства всѣхъ членовъ племени; покоренные были, тоже люди, и чѣмъ долѣе они жили осѣдло между побѣдителями, тѣмъ болѣе становились (хотя общественно весьма мало цѣнимой), частью націи; появились зачатки первыхъ соціальныхъ расчлененій.

За ними вскорѣ послѣдовали, а, быть можетъ, шли вполнѣ параллельно съ ними первые слѣды социальныхъ подраздѣленій также и среди древнесвободнаго, германскаго населенія. Искони въ этомъ населеніи, вѣроятно, существовали руководящіе роды, — первоначально, конечно, тѣ семьи, въ рукахъ которыхъ, при возникновеніи отцовскаго права, находилась опекающая власть надъ сотней, и члены которыхъ вслѣдствіе того охотно призывались на постъ начальниковъ. Съ властью же начальника въ военное время связывалась не маловажная военная сила. Она давала при побѣдѣ болѣе богатую долю добычи, при завоеваніи новыхъ областей болѣе обширные земельные участки.

Слѣдствія этаго были очень важны. Такъ какъ семья начальника пріобрѣтала больше матеріальныхъ средствъ, чѣмъ обыкновенные свободные, но она укрѣпляла свое значеніе и власть, становилась дворянствомъ, поддерживавшимъ свое почетное положеніе не шаткимъ уваженіемъ сочленовъ, а болѣе всего своей матеріальной независимостью. Такимъ образомъ положено было начало социальному раздѣленію внутри первоначальнаго національнаго союза.

Такимъ образомъ Германцы, хотя они и крѣпко еще придерживались своихъ старыхъ воззрѣній на государство и его естественное расчлененіе, всетаки перешли въ существенныхъ чертахъ къ общественному развѣтвленію, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ болѣе самостоятельному развитію отдѣльной личности, они становились на точку зрѣнія галльскихъ Кельтовъ и Римлянъ. Очевидно, что тенденции къ расчлененію въ ихъ народной жизни должны были быть ускорены соприкосновеніемъ съ высшей культурой чужеземцевъ.

Существенную роль въ этомъ процессѣ сыграла торговля еще въ такое время, которое лежитъ за предѣлами письменныхъ историческихъ памятниковъ. По торговымъ путямъ впервые восприняты были чужеземные элементы съ юга и запада. Конечно германцы тутъ держались на первыхъ порахъ почти пассивно; сырые продукты, какъ янтарь, бусы, перья, мѣха, они вымѣнивали, на лучшія металлическія произведенія кельтійскаго и италійскаго происхожденія, и когда со времени римской эпохи рядомъ со старыми торговыми путями развилась далеко развѣтвившаяся мелочная торговля виномъ и мелкими произведеніями промышленности, они ограничились въ сущности положеніемъ потребителей: и только за конечной чертой римской торговли, къ сѣверу, въ скандинавскомъ морѣ они продолжали самостоятельно прибыльную дѣятельность южныхъ купцовъ.

При всемъ томъ этимъ путемъ проникла въ страну масса новыхъ взглядовъ; даже дѣятельность туземнаго (конечно, въ высшей степени скуднаго) мастерства получила, кажется, толчокъ, особенно въ металлургической области. Прежде всего постоянно возрастающія

сношенія отодвигали на задній планъ (по крайней мѣрѣ, отъ времени до времени) военныя идеи народа и поддерживали такимъ образомъ новое мирное государство при вытѣсненіи имъ стараго военнаго государства; еще болѣе торговля подорвала древнее воззрѣніе на исключительность національнаго права тѣмъ, что содѣйствовала развитію освященнаго богами права гостепріимства. Благодаря вліянію чуждыхъ элементовъ, многія представленія древне германскаго міровоззрѣнія пошатнулись: благодаря торговому обмѣну первое освободительное, всемірно-историческое дуновение коснулось народа мрачныхъ лѣсовъ.

Однако все это, хотя и нарушало замкнутость германской жизни, но еще не въ силахъ было уничтожить ее. Были еще безконечно далеки отъ образованія въ націи свободнаго сословія при посредствѣ спокойнаго соперничества высшихъ хозяйственныхъ, духовныхъ и общественныхъ силъ: возникающее общественное расчлененіе еще цѣлыя столѣтія оставалось замкнутымъ въ правовомъ отношеніи, на подобіе кастъ. Еще менѣе существовала культура дифференцированная на почвѣ разнородной осѣдлости: не было еще городовъ, еще населеніе было настолько рѣдко, что въ среднемъ едва насчитывается 120 семей на одну квадратную милю, еще въ матерьяльномъ отношеніи все жило однообразно, существуя скудной обработкой земли, доходомъ отъ лѣса и пастбища. Да и эти хозяйственныя занятія существовали съ недавняго еще времени, доставляли еще слишкомъ недостаточно выгодъ для того, чтобы свободные люди націи почувствовали вкусъ къ какому либо духовному существованію, пользовались бы настоящимъ досугомъ. Усталые лѣниво лежали на своемъ ложѣ въ грубой хижинѣ, если ихъ не пробуждало возбужденное состояніе войны и охоты; традиціи и сохраненіе природныхъ духовныхъ богатствъ народа по существу составляли еще задачу женщинъ. Да и новой отрасли хозяйственной дѣятельности, земледѣлію, пока еще посвящали себя не мужчины, — она также была дѣломъ женщины и челяди: и такимъ образомъ не выработалось еще полнаго понятія о времени, о числѣ, чѣмъ обыкновенно сопровождается высшая хозяйственная культура. Привыкли считать только до тысячи, и когда сходились на народное собраніе, то открытію его предшествовали долгіе дни ожиданія замѣшкавшихся товарищей.

Подобныя проявленія духовной культуры указываютъ еще на первобытное состояніе, на отсутствіе живаго соперничества, на существенное сходство индивидуальностей. И это сходство существовало даже съ внѣшней стороны. Знакомые съ разнообразнѣйшими народами германскаго востока и запада римляне постоянно и каждый разъ удивлялись однообразію ихъ тѣлеснаго облика; все то же массивное тѣлосложеніе, тѣ же золотисто-бѣлокурые волосы, все тѣ же упрямые голубые глаза. Даже женщины по внѣшнему виду мало-

сравнительно отличались отъ мужчинъ, — да и одежду оба пола носили совершенно одинаковую.

Однообразіе тѣлеснаго облика, какъ и духовной сущности, обусловленное весьма крѣпкой связью съ государствомъ и родомъ, не мѣшало, конечно, проявленію самыхъ живѣйшихъ чувствъ свободы. Эта любовь къ свободѣ, которой древніе икогда не переставали мечтательно восторгаться, въ основаніи своемъ, однако, имѣла не индивидуальное самоуваженіе, а неудержимое стремленіе къ національной жизни, непреодолимую приверженность къ отечественному существованію; поэтому-то она и проявляется только тамъ, гдѣ Германцы, подъ покровомъ общихъ связей, выступаютъ массою, какъ, напри- мѣръ, противъ Рима, или въ военномъ собраніи противъ собствен- ныхъ вождей.

То была та любовь къ свободѣ, та духовная сущность, которую Морганъ призналъ типичной для нѣкоторыхъ народовъ низшей куль- туры; они вполне сходны по характеру, они едва отличались другъ отъ друга по наружному виду: геркулесовское тѣлосложеніе, свобод- ный нравъ, гордая поступь; при этомъ никакого индивидуальнаго мышленія или ощущенія; племенные нравы и племенной строй — вотъ единственная духовная, дѣятельность вотъ на что они указы- вали съ особенной гордостью, вотъ что они даже боготворили, какъ сверхъестественное.

III.

Установить характеръ духовной жизни, соотвѣтствовавшей такой тѣсной взаимной зависимости индивидуумовъ въ ихъ естественныхъ, хозяйственныхъ, политическихъ и соціальныхъ отношеніяхъ, — составляетъ одну изъ привлекательнѣйшихъ задачъ историческаго из- слѣдованія. Ибо если въ высоко цивилизованные періоды всякій индивидуумъ составляетъ обыкновенно для себя изъ культурнаго со- стоянія своего времени извѣстныя представленія, содержаніе кото- рыхъ для всѣхъ несомнѣнно и потому имѣетъ огромное вліяніе на всю духовную жизнь общества, то понятно, что принудительность подобныхъ идей въ первобытную германскую эпоху проявлялась еще сильнѣе, что обусловленное соціальными и матеріальными усло- віями содержаніе духовной жизни всего народа должно было быть еще болѣе всеобъемлющимъ, чѣмъ въ позднѣйшіе, болѣе индивиду- алистическіе вѣка.

Это вовсе не значитъ, чтобъ у германцевъ первобытной эпохи орудія мышленія и ощущенія были иныя, чѣмъ у нѣмцевъ позднѣй- шаго и нашего времени. Можно говорить, что нервная впечатлитель- ность, тонкость интеллекта росли пропорціально съ ростомъ куль- туры, — но и въ этомъ случаѣ съ достовѣрностью можно утверждать,

что возрастающее изощрение чувствъ должно разсматривать не какъ причину, а какъ слѣдствіе дальнѣйшихъ историческихъ процессовъ развитія. Душевные и духовныя начала, дѣйствующія какъ историческія силы, всегда представляются историкѣ существенно одинаковыми, какъ бы типически различны ни были плоды духовной жизни, средства выраженія умственного возбужденія въ различные періоды. Для него психическіе процессы сами по себѣ настолько же неизмѣнны, какъ и акты мышленія: все измѣняющееся составляетъ результатъ этихъ процессовъ, — какъ понятіе, вырабатывающееся ими, такъ и воззрѣніе, возникающее изъ ихъ примѣненія. Но въ сферѣ этихъ же процессовъ совокупныя индивидуальности опредѣленныхъ эпохъ могутъ различаться между собою настолько же, насколько отдѣльныя личности какой-либо одной эпохи.

Степень этого различія зависитъ, кажется, прежде всего отъ раздѣленія духовной и тѣлесной работы, обусловливаемаго внѣшней культурной высотой опредѣленной эпохи. Лишь значительное раздѣленіе труда даетъ человѣку возможность проникнуть въ безконечную массу естественныхъ отношеній, которыя его окружаютъ. Единичный человѣкъ тутъ самъ по себѣ почти беспомощенъ; лишь человѣческая организація господствуетъ надъ природою внѣшняго и внутренняго міра и этимъ путемъ дѣйствуетъ освободительно. Организація эта пріобрѣтается благодаря національному организму: вросая, такъ сказать, въ него изъ естественныхъ отношеній въ теченіе долгихъ варварскихъ вѣковъ, человѣкъ пріобрѣтаетъ даръ свободы, самообладанія, господства надъ внѣшнимъ міромъ. Такое воспитаніе индивидуумовъ дѣлаетъ для насъ понятнымъ національное воплощеніе всемірноисторическаго развитія.

Въ германскую первобытную эпоху національное раздѣленіе работы было еще безконечно малымъ. Не доставало вообще сильной организаціи совокупной націи. Государства были малы. Внутри отдѣльнаго государства существуютъ лишь одни зачатки соціальнаго расчлененія. Въ отдѣльныхъ сословіяхъ нѣтъ еще профессиональныхъ подраздѣленій, часто нѣтъ еще никакой склонности къ духовной дѣятельности: почти однѣ лишь женщины являются носительницами духовной жизни народа.

Понятно, что при такихъ условіяхъ даже чисто-эмпирическое примѣненіе духовныхъ силъ должно было совершаться еще весьма несовершенно: о научномъ пониманіи внѣшняго міра нѣтъ и рѣчи, да и искусственное пониманіе его, — въ поэзіи и въ живописи — стоитъ еще на низкой ступени развитія. Конечно, существовала уже поэзія, какъ выраженіе увеличившейся чувствительности: возвышенное отраженіе одухотвореннаго жизнепониманія составляетъ всеобщее человѣческое наслѣдіе.

Между тѣмъ средства для выраженія этого настроенія были (по

крайней мѣрѣ, съ нашей точки зрѣнія) очень своеобразны. Всякій эстетически-цѣнный фактъ внутренней жизни проявлялся символически. Внутренней же жизнью называется *актуальность*, движеніе въ дѣйствіи или въ страданіи. Такимъ образомъ символическое побужденіе вызывало всегда символическое дѣйствіе. Поэтому символъ далекъ отъ уподобленія: эти послѣднія большею частью относятся къ состояніямъ, къ образамъ, такъ какъ они живописуютъ; едва ли нѣмецкій народный эпосъ среднихъ вѣковъ зналъ уподобленіе; символъ наоборотъ — эмблема дѣйствія. Если въ позднѣйшее время любящая дѣвушка дарила юношѣ кольцо, то это дѣйствіе устанавливало прочную привязанность и преданность — но никогда кольцо не было только уподобленіемъ самаго чувства. Если въ болѣе раннее первобытное время при большой засухѣ молодую дѣвушку раздѣвали, укутывали съ головы до ногъ въ зелень, въ листья и вѣтви и обрызгивали водой, при чемъ одновременно съ этимъ возносилась къ бо- жеству горячая молитва о дождѣ, то это дѣйствіе было образнымъ олицетвореніемъ молитвеннаго желанія — но никогда дѣвушка, одѣтая въ листья, сама по себѣ не являлась уподобленіемъ земли, жаждущей дождя. Такимъ образомъ германская эпоха не знаетъ созерцательнаго погруженія въ состояніе покоя; въ ея поэзіи нѣтъ грѣзъ бездѣятельной идилліи; вниманіе ея приковывается къ себѣ лишь дѣйствіе и сильно волнующееся чувство: и это вниманіе поэтически отражается въ символическомъ дѣйствіи, сопровождаемомъ возвышеннымъ языкомъ.

Этого-то рода символическіе обряды сопровождали важнѣйшіе моменты человѣческаго существованія — рожденіе и помолвку, бракъ и смерть; серьезныя моменты соціальной жизни въ хозяйствѣ, нравахъ и правѣ; смѣну природы весною и зимою; прежде же всего празднества, сношенія съ божественнымъ. Полагали, что сами боги присутствуютъ при торжественныхъ случаяхъ. Ихъ радостно встрѣчали на деревенской маршѣ и дома, предлагали имъ гостепріимство, сопровождали ихъ дальше. При этомъ то юноша, то дѣвушка удостоивались изображать сверхъестественное явленіе; тамъ же, гдѣ не дошли до такого смѣлаго символизированія, по крайней мѣрѣ устраивали торжественныя шествія животныхъ, посвященныхъ богу. Такъ еще въ позднѣйшее время выводились въ процессіяхъ бѣлочки и золотые жуки, а также (конечно, вмѣсто волка и воронъ Водана) лисица и ворона, раньше также медвѣдь и козелъ Тонара, боровъ и быкъ Фро (Fro). А тамъ, гдѣ животныя казались не желательными, приносили инструментъ или знакъ бога — копьё Водана, каменный молотокъ Тонара, мечъ Цю, фалусъ Фрд. Такимъ образомъ воплощенный въ символъ для выполненія небеснаго призванія на землѣ, богъ принимался съ высокими почестями. Кому не-

известна колесница благодѣтельствующей землю Нерты¹⁾, которую весною тащили черезъ страну запряженной коровами, дабы она овладѣла вновь оплодотворенной землей? Какъ только колесница въѣзжала въ новую полевую марку, ее привѣтствовало торжественное шествіе земледѣльцевъ, навстрѣчу ей неслось торжественное и радостное пѣніе. Это — поэтически-символическая форма культа, послѣ принятія христіанства обреченаго на гибель; на мѣсто древнихъ гимновъ появился монотонный Кири-элейсонъ древне-христіанской молитвы. Но совсѣмъ нельзя было совершенно искоренить слѣды древняго обычая. Въ обходѣ пивы, въ жатвенномъ кличѣ, въ тысячѣ крестьянскихъ обычаяхъ отдаленная старина продолжаетъ жить до конца среднихъ вѣковъ, до нашихъ дней. На Рейнѣ, въ странѣ франковъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ молодые парни еще въ шестнадцатомъ столѣтіи собирали всѣхъ танцующихъ дѣвушекъ, запрягали ихъ въ плугъ, и купали своего музыканта, сидѣвшаго на плугѣ и насвистывавшаго, въ другихъ мѣстахъ они возили заженный плугъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не распадался на кусочки. То были остатки древнихъ перекочевокъ боговъ, выродившіеся въ нѣчто непонятное, какъ напр. около этого времени божественный геройскій образъ Зигфрида превратился въ «Зауфрица».

Гораздо лучше сохранились воспоминанія о древнемъ символическо-драмматическомъ выраженіи первобытной поэзіи тамъ, гдѣ дѣло шло только о поэтическомъ изображеніи естественныхъ событій. И здѣсь, правда, въ основаніи лежали первоначально мифологическія отношенія. Первоначально весна встрѣчалась торжественно на сельскомъ выгонѣ, какъ въѣзжающій богъ, а зима избивалась и выгонялась въ темный лѣсъ или въ разстаявшій деревенскій прудъ. Здѣсь между тѣмъ легче исчезали языческія формы и еще въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ сохранились веселыя весеннія празднества, на которыхъ игралъ роль повелитель Май съ конной дружиной; по придворному этикету онъ выбивалъ на турнирѣ Зиму изъ сѣдла.

Конечно, характеръ первобытной поэзіи былъ уже тогда давно утерянъ; стихотвореніе не было уже больше одновременно и музыкой, и словомъ, и ритмическимъ движеніемъ; древнее южно-германское *tih tōn* (писать, сочинять, писать стихи), образовалось изъ латинскаго *dicare*; и древнее слово *Singen*, которое еще готы употребляли и въ смыслѣ «lesen» (читать), такъ какъ они не знали никакого иного способа передавать сообщеніе языкомъ, какъ путемъ пѣнія, нашло для себя въ *Sagen* спутника, о которомъ еще ничего

¹⁾ Земля у древнихъ германцевъ принадлежала къ богинямъ - благодѣтельницамъ и въ этомъ смыслѣ известна была подъ именемъ Nerthus или Nertha, что означало — вѣроятно — „питающая“.

не знало первобытное время, когда всякая поэзія была еще полнѣйшимъ отраженіемъ внѣшняго міра, чувственно изображеннымъ отраженіемъ дѣйствительности въ языкѣ и дѣйствіи, символическимъ результатомъ соединенія пѣнія и музыки съ торжественнымъ обходомъ марки, съ боевымъ маршемъ, съ легкимъ движеніемъ танца.

Намъ, конечно, ничего неизвѣстно о характерѣ германской музыки—извѣстны были свирѣль, рожокъ, арфа,—столь же мало мы знаемъ и относительно соотношенія пѣнія и мимики. Лучше освѣдомлены мы относительно возвышеннаго языка, такъ такъ богатство формъ первобытной эпохи не исчезло одновременно съ послѣднею; оно отчасти унаслѣдовано было позднѣйшей поэзіей. Въ тому же изъ сравнительнаго обзора самой ранней нѣмецкой, англо-саксонской и сѣверной поэзіи, мы получаемъ общій запасъ особенностей возвышеннаго слога, къ которому по праву предъявили требованія какъ къ достойному древне-германской поэзіи, образованіе которой имѣло мѣсто задолго до римско-германскаго вѣка.

Уже въ то отдаленное время поэтическое изліяніе расчленялось по строфамъ; оно брало свое начало изъ глубокаго источника патетическихъ оборотовъ и словъ; оно ослѣпляло щедрымъ употребленіемъ типическихъ сравненій, безпокойно волновалось оно тамъ и сямъ въ прибоѣ вздымающихся и погружающихся волнъ представленій, смѣна которыхъ отражалась въ языкѣ своеобразнымъ складомъ конструкціи фразы. Нѣкоторыя строфы изъ пѣсенъ Эдды могутъ дать представленіе о такомъ характерѣ поэзіи германцевъ. Такъ, напр. Кудруна однажды жалуется: ¹⁾ «я одинока какъ осина въ лѣсу, лишена друзей какъ сосна вѣтвей, лишена радостей, какъ дерево листьевъ, когда разрушитель вѣтвей (т. е. буря) промчится по лѣсу въ теплый день». Въ другой разъ въ пѣснѣ говорится: ²⁾ «превосходство мужеской силы поработщаетъ волю женщинъ: низко опускается вершина дерева, когда вѣтви вянутъ; стволъ падаетъ, когда разрѣзываютъ корень».

Послѣдній отблескъ спеціально-германской поэзіи гимновъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы знаемъ его изъ самыхъ раннихъ редакцій нашей героической пѣсни, въ достоинствѣ своемъ уступаетъ, конечно, богатству словъ сѣверной поэзіи. Не достаетъ обилія сравненій, образности выраженія, тапическаго обозначенія бѣглыхъ представленій образомъ: вмѣсто короля—раздаватель колець (Ringspender), вмѣсто воина—носитель шлема (Helmträger), вмѣсто судна—жеребенокъ волнъ (Hengst der Wogen): взамѣнъ этого здѣсь имѣетъ мѣсто быстрое драматическое движеніе, факты и лица обозначаются рѣз-

¹⁾ Hamdhismal 5.

²⁾ Atlomal 69.

кими штрихами, быстрое дѣйствіе увлекаетъ за собою и языкъ. Замѣчается стремленіе къ образованію новыхъ представленій, появляется склонность выдвигать на видное мѣсто значительное по содержанию.

«Отецъ и Сынъ», говорится въ пѣснѣ о Гильдебрантѣ, «изготовили свои доспѣхи, справили свою боевую одежду; опоясались герои своими мечами» ¹⁾. Слушателя должно за живое задѣть значеніе первыхъ словъ «Vater und Sohn». Цѣль достигается патетическимъ повтореніемъ понятія въ концѣ предложенія: «die Helden». Въ стихотвореніи: Heljand говорится: богъ предоставилъ римлянамъ, чтобы они угнетали всѣ народы и приобрѣли господство надъ Римомъ, — они, шлемоносящіе воины» ²⁾, или въ другомъ мѣстѣ: «многіе люди хотѣли тогда хвалить его, ученіе Христа» ³⁾. Еще болѣе своеобразное впечатлѣніе производитъ повтореніе даннаго представленія въ измѣненныхъ выраженіяхъ. Поэтическое оттѣненіе значительнаго напоминаетъ о параллелизмѣ стиховъ, возвышенномъ стилѣ древнихъ культурныхъ народовъ востока. Какъ обманчивымъ кажется сходство съ стихотвореніемъ псалмовъ, когда старый Гильдебрантъ восклицаетъ: «Теперь мое родное дитя должно меня мечемъ разрубить, оружіемъ поразить!» ⁴⁾. Нѣмецкая же, а въ особенности англо-саксонская поэзія въ складываніи представленій выходитъ далеко за предѣлы обычной формы восточныхъ народовъ. Вотъ какъ изображается въ поэмѣ о Беовульфѣ скорбь короля Гределя (Hredhels) о потерѣ сыновей: «постоянно думаетъ онъ, каждое утро, о смерти своего наслѣдника; согбенный отъ печали, онъ видитъ въ домѣ своего сына гостинную пустою, мѣстомъ игралища для вѣтровъ: спитъ его рыцарскій сынъ, герой, въ могилѣ: нѣтъ уже какъ прежде во дворѣ, ни звука арфы и никакой радости» ⁵⁾. Рядъ представленій, непосредственно связанныхъ съ мертвымъ сыномъ, чередуется здѣсь въ опредѣленномъ складѣ съ другимъ родомъ представленій о пустой залѣ сына. Этотъ особый родъ возвышеннаго ощущенія, — до того архи-нѣмецкій, что онъ продолжаетъ

1) „Vater und Lehn richteten ihre Rüstung, bereiteten ihre Kampfkleidler, gärteten die Schwerter um, die Helolen“.

2) „Gott hat den Römern es verliehen, dass sie alle Völker bezwangen und die Herrschaft über Rom gewonnen, die helmtragenden Krieger“. Heljand—стихотвореніе относящееся къ IX вѣку, написанное аллитерированными стихами и рассказывающее по Евангелію исторію Христа. *Прим. перев.*

3) „Das wollten damals viele weise Menschenkinder preisen, die Lehre Christi“.

4) „Nun soll mich mein eigen Kind mit dem Schwerte hauen, mit der Waffe nieder strecken!“

5) „Immer denkt er, jeden Morgen, an seines Erben Hingang: Kummergebugt sieht er in seines Sohnes Hause den Gastsaal wüst, einen Spielplatz der Winde: sein ritterlicher Sohn schläft, der Held, im Grabe: da ist kein Harfenklang, keine Freude wie bisher im Hofe.“

еще жить въ нашемъ народѣ до тринадцатаго столѣтія. Еще Вольфрамъ-фон-Эшенбахъ, любимецъ нашего языка и хранитель столькихъ древнихъ преданій, любитъ переплетать двѣ мысли и попеременно переходить отъ одной къ другой.

Древняя поэзія шла, однако, дальше. Она умѣла соединять эпитеты, такимъ образомъ, какъ современный языкъ съ его обычными средствами соединять не въ состояніи. Такъ, напр., въ Вессобрунской молитвѣ (Wessobrunner) ¹⁾: «da waren viele bei ihm herrliche Geister» («тамъ были у него многіе высокіе духи») или въ пѣснѣ о Гильдебрантѣ: «er liess daheim die ungluckliche sitzen die Frau im Hause» («несчастную женщину онъ оставилъ сидѣть у себя дома»).

Если принять во вниманіе средства древняго возвышеннаго стиля, — многозначительное удареніе на важномъ въ конструкціи фразы, наводненіе рѣчи періодами, запутанными по своему содержанію ради усугубленія ея силы, — то мы поймемъ стремленіе этой поэзіи къ возвышенному. Чувства патетическаго должны были прежде всего волновать нашихъ предковъ, если только форма этой поэзіи является вѣрнымъ выраженіемъ ихъ внутренняго настроенія.

Поэтическое чувство охватывающихъ впечатлѣній составляетъ дѣйствительно выдающійся признакъ юношескихъ ступеней культуры. «Вѣрно, однако, то», говоритъ гдѣ-то Гёте, «что неопредѣленные, широко расплывающіяся чувства юношей и необразованныхъ народовъ одни лишь приспособлены къ возвышенному; что если это возвышенное должно вызываться въ насъ внѣшними предметами, то формируясь безформенно или въ неудобопонятныхъ формахъ, оно должно окружить насъ величіемъ, до котораго мы не доросли.., Но насколько возвышенное легко создается сумерками и ночью, когда образы сливаются, настолько же, напротивъ, оно разгоняется днемъ, который все разрозниваетъ и отдѣляетъ, — и такимъ образомъ всякій ростъ образованія долженъ уничтожить это возвышенное, если оно не настолько счастливо, чтобы спастись подъ прикрытіемъ прекраснаго и тѣсно соединиться съ нимъ, отъ чего они оба тогда становятся одинаково безсмертными и долговѣчными».

Какъ всевластно проявляется вышеупомянутое стремленіе къ пафосу на болѣе раннихъ ступеняхъ культуры, мы видимъ изъ того факта, что какъ разъ тѣ самые элементы, которые господствуютъ надъ конструкціей фразы древнѣйшей германской поэзіи, мы видимъ опять въ образованіи ритмической формы языка и даже въ ритмической формѣ движенія. Въ риѐмахъ важныя понятія оттѣняются тѣмъ, что они связываются съ поражающими фактами, обозначаемыми сло-

¹⁾ *Вессобрунская молитва* — рукопись, принадлежавшая нѣкогда библіотекѣ монастыря Вессобруна (къ Югу отъ Мюнхена). Это одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ древне-верхне-нѣмецкой литературы. Прим. перев.

вами, начинающимися съ общаго съ ними начальнаго звука; при этомъ нравятся также сочетанія попарно соединенныхъ словъ. Въ пѣснѣ о Гильдебрантѣ сказано въ одномъ мѣстѣ: «Vordem ging er nach Osten, Floh er Otoakers Haus» («давно ушелъ онъ на востокъ, убѣгалъ онъ изъ дома Одоакра»), и дальше: «Ich wanderte umherr der Sommer und der Winter sechzig» («бродилъ я внѣ родины шестьдесятъ лѣтъ и зимъ»).

Насколько возможно проникнуть въ единство духовной жизни первобытнаго времени, видно изъ того, что въ древнѣйшей скульптурѣ германцевъ, какъ и въ орнаментикѣ вѣка великихъ переселеній мы находимъ одни и тѣ же основныя начала. Если въ поэтическомъ языкѣ основой всякой формовки языка и мимики были: многозначительное слово, важное понятіе или важная мысль, — и если эта основа осуществлялась путемъ взаимнаго соединенія и переплетенія, то въ искусствѣ, творящемъ вначалѣ только орнаментально, существуютъ нѣкоторые простые мотивы, сплетеніемъ и взаимнымъ проникновеніемъ которыхъ опредѣляется характеръ первобытной орнаментики.

Сначала употребляются только: точка, линія и связка, а потомъ уже и кривая линія, кругъ, спираль, ломанная линія и украшенія въ формѣ S. Здѣсь, конечно, небольшое обиліе мотивовъ. Однако, какое разнообразіе достигается способомъ употребленія этихъ мотивовъ! То они параллелизированы, то укрѣплены скобами, то ихъ обводятъ рѣшеткой, то они завязаны узлами, то переплетены, то даже одинъ составляетъ рамку для другаго вслѣдствіе взаимнаго сплетенія и сцѣпленія. Такъ возникаютъ фантастически-запутанные узоры, загадочность которыхъ возбуждаетъ любопытство изслѣдователя, сочетанія которыхъ, кажется, то избѣгаютъ, то ищутъ другъ друга — составныя части которыхъ, одинаково отличающіяся образностью, сковываютъ чувство въ живомъ, страстномъ движеніи, подобномъ ритмичности человѣческаго тѣла.

Берутъ ли эти узоры — въ томъ красивомъ сочетаніи, въ какомъ они покрываютъ германскія находки чеканныхъ металлическихъ листовъ, — свое начало отъ первоначальныхъ золотыхъ и серебряныхъ проволочныхъ издѣлій, или отъ техническихъ усовершенствованій высоко развитаго искусства гравированія на деревѣ, или наконецъ отъ плетеннаго орнамента глиняныхъ горшковъ, имѣвшихъ форму короба: замѣчено во всякомъ случаѣ то, что первобытная орнаментика изъ произведеній римскаго искусства, предоставленныхъ къ ея услугамъ торговлей, не позаимствовала ничего другого, кромѣ линейныхъ профилей и орнаментовъ, изъ коихъ и были создаваемы эти узоры. Развилась своеобразная національная формовка, пренебрегавшая всѣмъ или подчинявшая себѣ все, что дѣлало для нея доступнымъ искусство, достигшее большаго расцвѣта.

Эта орнаментика даетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ единственную точку

опоры для установленія границы эпохи столь своеобразнаго символическаго настроенія въ областяхъ поэтически-драматической и художественной. Она процвѣтаетъ уже до возникновенія римскаго вліянія къ сѣверу отъ Альповъ; въ періодѣ полнаго умиранія, вызваннаго тѣмъ, что она пережила себя саму, она находится по меньшей мѣрѣ за нѣсколько поколѣній до начала великаго переселенія народовъ христіанской эры, т. е. приблизительно съ третьяго столѣтія. Тогда появляются первые ростки новаго національнаго искусства—животной орнаментики.

Однако же остатки символическаго вѣка какъ въ поэзіи, такъ и въ живописи простираются еще далеко за предѣлы ранней эпохи; въ послѣднихъ своихъ отросткахъ они достигаютъ и до настоящаго времени. Въ средніе вѣка процвѣтали очень значительные остатки стараго искусства въ орнаментикѣ всей романской эпохи, пока подъ рукой Дюрера, этого наиболѣе нѣмецкаго изъ всѣхъ живописцевъ, они не отпраздновали новое возрожденіе; далѣе сохранились непосредственныя составныя части древней поэзіи въ народной пѣснѣ четырнадцатаго и пятнадцатаго столѣтій. Да и не говоря даже о такихъ единичныхъ остаткахъ, средніе вѣка находились вообще подъ господствомъ символическаго элемента. Символическими были ихъ праздники и ихъ культъ, символично было примѣненіе законовъ въ это время и церемоніаль, символичны повседневная жизнь и шутки, символичны ихъ сатиры. Даже новый завѣтъ,—это ясное произведеніе нравственно и духовно индивидуалистическаго времени,—толковался символически-мистически, пока, начиная съ конца тринадцатаго столѣтія, первые представители новой эпохи, враждебно относившейся къ среднимъ вѣкамъ, не стали оспаривать дозволенность такого толкованія.

IV.

То направленіе въ эстетической передачѣ чувственнаго міра, которое одинаково сильно царюло и въ живописи и въ поэзіи нашей первобытной эпохи, корнемъ своимъ, кажется, имѣло опредѣленную степень развитія духовной жизни вообще. Во всей націи не развилась еще способность интенсивно пріобрѣтать массу различныхъ чувственныхъ воспріятій и свободно передавать ихъ въ образахъ; довольствуются еще неопредѣленными неясными представленіями и соотвѣтствующей этой неясности символической формой ихъ передачи.

Въ живописи къ концу этого періода впервые появляется болѣе ясное подражаніе одной части внѣшняго міра, именно животному міру. Но какъ художественно передаются животныя! Не вполне жизненно, не натуралистически, не разнообразно. Схватываются лишь немногіе типы, да и тѣ схвачены лишь въ самыхъ внѣшнихъ своихъ

очертаніяхъ, т. е. они являются какъ орнаменты. Это такое время, когда художественное воззрѣніе не располагаетъ никакими иными средствами для выраженія, кромѣ орнаментики. Это не значитъ, чтобы глазъ древняго германца не способенъ былъ схватывать также животный міръ въ его безконечно-многообразныхъ формахъ и измѣнчивыхъ движеніяхъ, какъ нашъ глазъ. Тогда еще не очерчивали опредѣленно, а орнаментально, т. е. грубыми, хотя и характеристичными очертаніями; вѣдь имѣются же у насъ образчики рѣзко-натуралистическаго рисунка, дошедшіе до насъ изъ эпохи до исторической¹⁾. Но когда глазъ передавалъ эстетическія понятія, когда онъ долженъ былъ содѣйствовать художнику въ художественномъ воспроизведеніи природы, тогда его способность воспріятія, его сообразительность оказывались настолько ограниченными, что лишь орнаментальная передача признавалась истиннымъ эстетическимъ представленіемъ естественныхъ формъ.

Но если нужно было представить дѣйствія, комплексы воззрѣній внѣшнихъ событій, то это возможно было лишь путемъ символической передачи дѣйствій, событій, и живопись съ поэзіей расплавились въ драмѣ символическаго изображенія.

Такимъ образомъ, въ основѣ эстетической духовной жизни въ концѣ концовъ лежалъ извѣстный недостатокъ въ воззрѣніяхъ, обусловленный отсутствіемъ раздѣленія духовной и физической работы.

Тоже можно сказать относительно особеннаго развитія нравственной жизни. Здѣсь недоставало великаго міра далеко простирающагося опыта, который одинъ только въ состояніи помочь разуму господствовать надъ инстинктами, надъ мрачными волевыми силами первоначальныхъ эпохъ. Его замѣняла принудительность объективныхъ институцій—государства, рода, семьи: она властвовала почти безусловно, подъ ея вліяніемъ нравственныя понятія получили нѣчто несвободное, массовое, внѣшнее, связанное. Это относится даже къ вѣрности, этому глубочайшему первобытно-германскому свойству нашей націи; Тацитъ, римскій наблюдатель, судящій съ точки зрѣнія индивидуалистической культуры, не смотря на все свое пристрастіе къ германскому строю, отмѣчаетъ то, что германцы называли вѣрностью, какъ глупое упрямство. И въ самомъ дѣлѣ, какъ съ внѣшней стороны ограничено было это понятіе! Сѣверное воззрѣніе знаетъ вѣрность лишь въ связи съ присягой: гдѣ не затрудняетъ присяга, тамъ не примѣнимъ масштабъ измѣны, вѣроломства: клятвенно-преступникамъ назначено въ преисподней переходить вбродъ черезъ потоки яда. Не менѣе внѣшне нравственное пониманіе Германцевъ различало трусовъ отъ храбрыхъ. Всякій, потерявшій въ сраженіи щитъ, подвергался публично изгнанію, по какой бы причинѣ это не случилось,—и обычнымъ концомъ его было самоубійство.

¹⁾ Ср. напр. Montelius, Культура Швеція. S. 28, Nr. 30.

Лишь естественнымъ результатомъ такого воззрѣнія должно признать то, что оттѣнки нравственныхъ понятій были еще крайне ничтожны. Уландъ подраздѣлялъ всѣ характеры нашей героической саги на двѣ группы, — вѣрныхъ и невѣрныхъ. Тоже самое можно безъ затрудненія сдѣлать съ типами нашихъ болѣе древнихъ сказокъ. И тѣмъ не менѣе въ нашихъ сагахъ и сказкахъ продолжаетъ жить воспоминаніе о нравственномъ мірѣ, который былъ уже значительно развитѣе германской первобытной эпохи.

Скованности всѣхъ нравственныхъ понятій соотвѣтствуетъ столь же великая необузданность индивидуума, какъ только онъ когда-нибудь вслѣдствіе чрезвычайныхъ событій или выдающихся личныхъ способностей пробивается черезъ преграды государственнаго и родоваго союза. Тогда на долю индивидуума выпадаетъ измѣнчивая судьба, — гибель авантюриста или подъемъ на высшую ступень, какъ это часто случалось съ великими характерами эпохи переселенія народовъ; но цѣлыя общества подвергаются окончательному нравственному разложенію, какъ напр., франки эпохи меровинговъ или сѣверные обитатели въ вѣкъ странствій викинговъ.

Тѣмъ не менѣе для безграничныхъ страстей германца даже при обыкновенныхъ условіяхъ оставался еще нѣкоторый просторъ, такъ какъ не всегда и не вездѣ государство и родъ стѣсняли его. Онъ былъ господиномъ своихъ рабовъ и господиномъ своего свободного личнаго положенія. Его рабы не убивались, какъ у римлянъ, ихъ не заковывали и не держали для принудительныхъ работъ: германецъ не обходился съ ними со строгостью урегулированной дисциплины. Но чуть они провинились въ какой-либо крупной ошибкѣ, наступала рѣшительная расправа воспламененнаго гнѣвомъ господина, жертвой котораго немедленно становится жизнь раба. Но тотъ самый господинъ, который такъ наказывалъ и уничтожалъ своего раба, въ тотъ же день безъ страха рисковалъ въ игрѣ своей собственной свободой; несчастливый ходъ кости рѣшалъ его судьбу, можетъ быть и жизнь его. Это старая черта индо-европейской необузданности. «Ради игральной кости, у которой одно очко рѣшаетъ дѣло, я отрекся отъ вѣрно-преданной супруги.... Другіе обнимаютъ его супругу, въ то время какъ его веселая кость добивается богатства».... «Мы его не знаемъ», говорятъ отецъ, мать, братья, «уведите его связаннаго»¹⁾.

Это страшные результаты будничной страсти; уже въ обыкновенной жизни внезапное побужденіе одерживало побѣду надъ ничтожными зачатками сильнаго волею размышленія. Тоже усиленно проявляется въ моменты приподнятаго существованія. Когда въ пьяномъ состояніи возникала распря, то рѣдко при этомъ срывалось бранное слово: немедленно доходило до увѣчій, до убійства. Также въ

1) Rigweda 10, 34, 2, cit. Heinzel, Qu. u. Forschungen 10, 53.

военной сумятицѣ битвы отличительной чертой германской силы была не продолжительно-поддерживаемая борьба, а внезапный пламенный натискъ; при оборонѣ дѣло сводилось къ тому, чтобы постыдно отступить, дабы выигрывать мѣсто для новаго нападенія; подобная страстная инициатива была для германца даже при защитѣ легче, чѣмъ выдержанное и упорное сопротивленіе.

Недоставало накопленной силы самообладанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и почвы для личной морали. Въ то время, какъ современный духъ въ государствѣ и въ обществѣ всюду требуетъ законнаго порядка, исключаящаго произволъ, а въ этомъ порядкѣ—сферы широкой свободы для лично-нравственнаго вліянія, въ древне-германское время едва лишь существовали зачатки этого простора индивидуальной дѣятельности. Даже склонности не могли проявляться свободно: необходимо было дѣлить вражду и дружбу отца и родственниковъ. Такъ съ германской точки зрѣнія становятся понятными слова Тацита, что въ Германіи обычай имѣетъ больше силы, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ законъ: едва еще различались между собою идеи закона и обычая. Нравственная бодрость націи, поскольку могла быть рѣчь о таковой, являлась результатомъ правоваго и авторитетно связывающаго воззрѣнія. Но истинный обычай есть лишь осадокъ индивидуальныхъ поступковъ и нѣкоторыхъ, которымъ другіе подражаютъ подобнымъ же поведеніемъ, пока совокупное сознаніе всѣхъ не признаетъ и не освятитъ поведеніе это, какъ условіе соціальнаго благополучія.

Правовыя воззрѣнія также отнюдь не дѣйствовали еще какъ свободно-созданное достояніе народа: они являлись скорѣе подъ прикрытіемъ божественнаго вліянія, — благодаря лишь послѣднему осуществленіе ихъ становилось возможнымъ среди будничныхъ страстей. Такимъ образомъ правовая идея облекалась въ мифологическія формы — а такой формой могла быть только поэтически-символическая. Но въ символикѣ была также надобность по стольку, по скольку идея права уже свободна отъ божественнаго и поставлена на собственные ноги, по скольку она выражалась въ опредѣленныхъ понятіяхъ. Ибо понятія не были еще абстрактными, ихъ господство признавалось лишь въ родственныхъ или тождественныхъ правовыхъ поступкахъ, и въ то время, какъ ихъ предчувствовали, какъ элементъ постоянный, лежащій въ основаніи отдѣльныхъ правовыхъ профессій, и придавали чувственный обликъ въ символикѣ судебного дѣла. Такимъ образомъ право символически было вдвойнѣ оплодотворено, — религіей и логикой; и понятно, что новое правовое содержаніе не оставалось чуждымъ неисчерпаемому богатству символическихъ отношеній.

Въ началѣ все судопроизводство было ничемъ инымъ, какъ символомъ борьбы, борьбы при помощи орудій закона вмѣсто оружія.

Еще въ пятѣ столѣтїи судья у Салійскихъ франковъ былъ не больше, какъ судья борьбы, какъ безпристрастный посредникъ между борящимися; въ среднїе вѣка законъ удѣляетъ судьѣ вынужденную бездѣятельную роль: онъ долженъ сидѣть съ скрещенными ногами, не вмѣшиваясь, съ бѣлымъ судейскимъ жезломъ въ рукахъ, эмблемой окончательнаго приговора.

Характеръ символическаго дѣйствїя былъ, кажется, присущъ и всѣмъ правовымъ обязанностямъ. Имъ обуславливались личныя отношенїя, — право дѣтей, бракъ и свобода; символичны были формы всякаго договора, въ особенности символичны были правовыя сдѣлки по владѣнїю землей. Полетъ стрѣлы изъ лука у лангобардовъ символически означалъ отпущенїе на свободу раба: онъ могъ теперь искать себѣ свѣжаго воздуха, подобно стрѣлѣ. Усыновленїе по древне-сѣверному праву совершалось тѣмъ, что отецъ устраивалъ пиръ, убивалъ трехгодовалаго быка, сдиралъ съ правой ноги быка кожу и дѣлалъ изъ нея башмакъ. Башмакъ этотъ надѣвалъ прежде всего отецъ, затѣмъ онъ приказывалъ вступить въ него усыновляемому, а за нимъ наслѣдникамъ и родственникамъ. Процедура эта указываетъ на упроченїе родительской власти; значенїе ея становится яснымъ, благодаря многократно передававшемуся факту, что болѣе могущественные короли присылали менѣе значительнымъ свои башмаки съ приказанїемъ носить ихъ въ знакъ подчиненїя. Подобный обычай знакомъ и древне-нѣмецкому праву; женихъ приноситъ невѣстѣ башмакъ: надѣвая его, она становится подъ его защиту, подъ его власть.

Въ такихъ и подобныхъ дѣйствїяхъ проходила совокупная правовая жизнь первобытной эпохи, и поскольку дѣйствїя эти не чрезмерно пропитывались мїѳологическимъ элементомъ, они въ рѣдкомъ обилиї продолжали жить вплоть до позднихъ историческихъ временъ, — конечно, не неизмѣнными. Лучше всего сохранились символическія дѣйствїя, преимущественно касавшіяся торжественныхъ и рѣдкихъ судебныхъ процедуръ; сильнѣе всего, хотя конечно въ измѣненной формѣ, продолжало процвѣтать то, что вмѣстѣ съ ростомъ культуры прїобрѣтало все бѣльшее правовое значенїе.

Въ первомъ отношенїи позднѣйшїй періодъ среднихъ вѣковъ во многихъ мѣстахъ врядъ ли знаетъ болѣе древнюю процедуру, чѣмъ изгнанїе изъ страны. Обстоятельно изображаетъ послѣднее такъ называемое «*Rheingauische Weistum*» (Наказъ Рейнскаго округа) для ландтага округа Лютцельнау. Тамъ должны присутствовать епископы, всѣ сельскїе старосты и судьи рейнскаго округа. И полномочный посолъ долженъ имѣть пару бѣлыхъ перчатокъ и долженъ ступить правой ногой на камень, который стоитъ тамъ, въ Лютцельнау, по правую сторону дороги, онъ долженъ подбросить кверху перчатки и долженъ сказать: «нынѣ я стою здѣсь, отлучаю Гинца или Кунца отъ отечественнаго права, объявляю жену его вдовой, а дѣтей его —

сиротами, предаю его имущество наследникамъ, ленное имѣніе его законному господину, шею странѣ, тѣло птицамъ; отнынѣ никто не совершаетъ по отношенію къ нему преступленія». Это весьма древнее символическое дѣйствіе. Откидываніемъ перчатки, отказомъ въ покровительствѣ господина и безопасности преступникъ становится внѣ народнаго права, у него отнимается даже отечество; онъ становится *wargus*'омъ, становится лѣснымъ бродягой, какъ выражалось древнее право.

Измѣненіе болѣе ранней символики, наоборотъ, едва ли гдѣ либо можно лучше прослѣдить, какъ по формамъ передачи землевладѣнія: чѣмъ важнѣе съ каждымъ столѣтіемъ становилось владѣніе ею, ея право, ея соціальная сила, тѣмъ болѣе на сопряженныхъ съ нею обязательствахъ соединялись почти всѣ символическія дѣйствія, какія только первоначально имѣли мѣсто при правовой обработкѣ какого-бы-то-ни-было рода господства.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ формы эти, какъ всякая правовая символика вообще, постепенно отпадали, пока совершенно не исчезли. Примѣняемая первоначально одиѣми лишь заинтересованными сторонами при пассивномъ участіи судьи, наблюдавшаго лишь за правильнымъ пониманіемъ ихъ религіознаго содержанія и ихъ юридическаго значенія, онѣ послѣ развитія королевской власти, при болѣе сильномъ значеніи рѣшающаго положенія предсѣдателя суда, переданы были въ руки судьи. Если до сихъ поръ отчуждающая сторона подносила пріобрѣтающей сторонѣ самолично стебель, кусокъ дѣрна, шляпу, стулъ, чтобы этимъ олицетворить правовое закрѣпленіе передачи имѣнія или дома, то теперь посредничество принялъ на себя судья; онъ передавалъ пріобрѣтающей сторонѣ символъ изъ руки передающаго. Если во-время-оно свободный самъ сбрасывалъ передъ королемъ, какъ передъ представителемъ націи, денарій ¹⁾ съ головы своего раба, котораго онъ хотѣлъ отпустить на волю, но теперь рабъ преклонялъ колѣна передъ королемъ, и король уже совершалъ актъ освобожденія пренебрежительнымъ жестомъ сбрасыванія.

Но одновременно съ этимъ, и часто раньше еще, чѣмъ наступало разлагающее дѣйствіе вмѣшательства королевской власти, не принималось уже больше въ соображеніе мѣологическое значеніе символическихъ актовъ. Христіанство побѣдило, и защищаемая лишь тайною любовью, а публично изгнанная, старая символика скоро выродилась въ нѣчто непонятное и смутное. А въ концѣ концовъ распались и тѣ прочныя формы и формулы, въ которыхъ совершалось олицетвореніе права.

¹⁾ Денарій—*Denar* — въ римской республикѣ называлась серебряная монета стоимостью въ 269 г. до Р. Х. въ 10 ассовъ, потомъ стоимость измѣнилась и опять упала до 10 ассовъ. *Прим. перев.*

Такъ какъ правовые акты были необычными моментами существованія, то къ услугамъ ихъ символики являлся приподнятый языкъ первобытной эпохи. Это доказывается тысячами примѣровъ: наши правовыя пословицы и теперь еще составляютъ сентенціи, краткія дидактическія стихотворенія, поскольку онѣ скрываютъ въ себѣ золото древней мудрости, и массу современныхъ правовыхъ понятій: Leib (тѣло) и Leben (жизнь), Haut (кожа) и Haar (волосъ), Hals (шея) и Hand (рука), Erbe (наслѣдникъ) и Eigen (собственный), — всѣ эти слова все еще чередуются въ древнѣйшей аллиттерирующей ¹⁾ формѣ нашей поэзіи. Но насколько всякое правовое содержаніе тѣхъ раннихъ временъ стояло близко къ поэтическому возрѣнію, это всего лучше видно изъ позднѣйшей редакціи извѣстнаго мѣста фризскаго права, перечисляющаго три «Nöte» (нужды), три закономъ допускаемыхъ случая, когда мать имѣетъ право прикоснуться къ наслѣдству дитяти, не имѣющаго отца ²⁾. Первая нужда: когда ребенокъ заковывается въ оковы и уводится въ плѣнъ на сѣверъ черезъ море или на югъ черезъ горы: тогда мать ребенка вправѣ отчуждать его наслѣдство и освободить свое дитя, помогая ему этимъ спасти его жизнь. Другая нужда: когда наступаютъ дорогіе годы и сильный голодъ разражается надъ страной, такъ что дитяти грозитъ голодная смерть: тогда мать вправѣ отчуждать его наслѣдство и купить для него этимъ путемъ корову и хлѣбъ, такъ какъ этимъ она поддерживаетъ его жизнь, ибо голодъ самый острый изъ мечей. — Третья нужда: когда дитя совершенно голое или бездомное, а между тѣмъ темная, мрачная ночь и холодная, какъ ледъ, зима глядятъ черезъ заборы, — люди спѣшатъ въ свой дворъ и въ свой домъ, и дикій звѣрь отыскиваетъ дуплистое дерево и горныя ущелья, чтобы сохранить тамъ свою жизнь: тогда рыдаетъ несовершеннолѣтнее дитя и оплакиваетъ свои голые члены и вопить о томъ, что у него пѣть крова, что отецъ его, который долженъ былъ прійти къ нему на помощь противъ холодной зимы и противъ жестокаго голода, покоится такъ глубоко и въ такомъ мракѣ подъ дубовымъ деревомъ и землей, запер-

¹⁾ Въ основаніи древне-нѣмецкой версификаціи лежала такъ называемая, *аллитерация*, т. е. въ извѣстномъ ряду словъ нѣкоторыя начинались *одинаковыми* согласными звуками, а именно въ первой половинѣ стиха стоятъ два слова, начинающіяся съ одинаковаго согласнаго звука; въ другой же половинѣ — третье такое слово. Въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона (т. I) приводится слѣдующій примѣръ аллитерациі изъ древне-саксонской поэмы „Holland“:

„Lo Ierxo-he tho thea Iudi—Iiot hon wordon“ („такъ училъ онъ людей благосклонными словами“).

Въ нѣмецкой поэзіи аллитерация исчезла въ IX вѣкѣ, но встрѣчается еще въ нѣкоторыхъ поговоркахъ („Stock und Stein“; „Wind und Wetter“ и др.), какъ приведенныя въ текстѣ „Leib und Leben“ и др. *Прим. перев.*

²⁾ Это мѣсто, впервые приведенное Müllenhof'омъ, здѣсь цитируется по Шереру, Littg. p. 16.

тый и покрытый четырьмя деревянными досками: тогда мать вправѣ отчуждать наслѣдство своего дитяти и продать его.

V.

Никакая другая сторона древне-германской духовной жизни не представляется для современнаго уразумѣнія болѣе несовершенною, какъ религіозная. И это не есть только слѣдствіе недостатка преданій. Трудности пониманія лежатъ глубже. Созерцаніе высокой культуры едва ли еще можетъ до такой степени отрѣшиться само отъ себя, чтобы распознать интимнѣйшіе акты молодыхъ религіозныхъ учрежденій; даже въ этнографической области, — тамъ, гдѣ живущіе народы доставляютъ богатый, иногда даже безъ пробѣловъ матеріалъ для положительнаго знанія, — въ видѣ исключенія удается получить обоснованное представленіе о томъ способѣ, какимъ примитивный разумъ разъясняетъ отношеніе человѣка къ природѣ, человѣка къ богу.

Тѣмъ не менѣе по отношенію къ индо-европейской группѣ вѣрно то, что зачатки всей религіи были естественны; не существовало никакого личнаго откровенія. Но вліяніе природныхъ силъ, въ подчиненіи которымъ нашелъ себя человѣкъ, постигалось не какъ закономѣрное, а какъ произвольное, одушевленное, человѣкоподобное. Дождь шелъ не изъ неба, а небо дождило; бушевало не въ воздухѣ, а воздухъ бушевалъ: и такимъ образомъ солнце освѣщало, утренняя заря краснѣла, луна блѣднѣла. Изъ такого рода представленій и явилось олицетвореніе силъ природы, которому, можетъ быть, способствовалъ и языкъ, обозначенія котораго навязывали всякой силѣ, какъ и всякому понятію вообще, мужскую или женскую сущность ¹⁾. Изъ представленій объ отношеніи человѣка къ природѣ явился родъ сверхъестественныхъ мужчинъ и женщинъ: такъ созданъ былъ міръ боговъ.

При всемъ томъ образы боговъ долго сохраняли за собою нѣчто необъятное; каждый разъ, когда ихъ олицетворяли, дѣйствіе ихъ силъ насмѣхалось, кажется, надъ примѣненіемъ къ нимъ какого-либо человѣческаго масштаба. Въ этомъ, кажется, лежитъ причина того, что германскіе боги еще въ самое раннее историческое время являются по временамъ безформенными въ своемъ образѣ, неопредѣленными въ ограниченіи своихъ обязанностей: отнюдь не достигнута была тонкая описательная пластика божественныхъ типовъ, въ родѣ пла-

¹⁾ Все таки родъ, какъ грамматическая категорія, былъ, кажется, менѣе обусловленъ фантазіей, чѣмъ суффиксомъ; ср. Michels, Zum Wechsel des Nominalgeschlechts im Deutschen, 1889.

стики болѣе высокой ступени культуры эллиновъ. Сомнительно даже, осмѣливались ли уже въ германское первобытное время на воплощеніе бога иначе, какъ въ изображеніи его символа или его временномъ символизированіи при помощи прекраснаго человѣческаго образа. По крайней мѣрѣ по общему правилу представляли себѣ главныхъ боговъ живущими безлично въ таинственномъ мракѣ лѣсовъ, святость которыхъ поддерживалась традиціей и весьма древнимъ благоговѣніемъ: доходили лишь до ихъ опушки, внутренность же ихъ созерцала лишь почтительная сила воображенія, а не человѣческій взоръ.

Все таки подобный взглядъ допускалъ уже болѣе точныя представленія о числѣ и личности боговъ. На общей индо-европейской культурной ступени обоготворены были прежде всего, кажется, тѣ земныя силы, власти которыхъ прежде всего подчинили себя: земля, вода, огонь, воздухъ. Изъ нихъ первыя три при болѣе обстоятельномъ разсмотрѣніи, указывали уже на небо: въ послѣднемъ видѣли ихъ начало, ихъ производителей, и рядомъ съ нимъ развилось представленіе о землѣ, какъ о кормицѣ матери. Такъ религіозная потребность связывала небо и землю; небо являлось вторымъ міромъ, къ которому нельзя приблизиться и который все таки не вполне сверхъестественъ, такъ какъ оно на горизонтѣ срастается съ землей; оно представлялось контрастомъ земнымъ предметамъ, жилищемъ существъ сверхъ-человѣческихъ, хотя и мыслимыхъ человѣкоподобными Дэвами (*der Dewas*¹⁾), небесными богами. Ихъ отцомъ и властнымъ господиномъ было само небо, представляемое, какъ личность—вседержитель Дьяусъ (*Djaus*), Зевесъ, Юпитеръ, Тіусъ. Имъ противопоставались божественные сыновья древней Матери-земли, болѣе древній родъ боговъ, ближе стоящій къ человѣку въ его работѣ и въ его житейскихъ стремленіяхъ.

Это-то противоположеніе, вѣроятно, на нѣмецкой почвѣ проникаетъ обѣ династіи боговъ—Азовъ и Ванновъ²⁾. Верховнымъ богомъ между Азами въ историческое время является Воданъ (*Wotan*), богъ неба, всепроникающаго воздуха, тихо шелестящей, или яростно бушующей бури. Небесно-голубой плащъ — его одѣяніе, единымъ солнечнымъ глазомъ онъ, какъ молніей, зажигаетъ свѣтящіе, согревающіе лучи. На второмъ мѣстѣ за нимъ Тонарь (*Donar*), киданіе молотка которого проявляется въ рокочущей громовой стрѣлѣ мол-

¹⁾ *Dew* — назывались демоны, служащіе Ариману и борющіеся съ добрыми духами Ормузда.—Въ санскр. языкѣ *Dewa* означало „бога“. *Прим. перев.*

²⁾ *Азы и Ванны*—языческія скандинавскія божества. Послѣдніе древнѣе; ихъ культъ замѣненъ былъ культомъ Азовъ. *Ванны* считались божествами свѣта. Къ Азамъ причисляются: *Торъ, Ньёрдъ, Фрей, Бальдуръ*, и др.; представителями же *Ванновъ* считаются свѣтлыя божества — *Фрей* и сестра его *Фрея*.

Прим. перев.

ни; это—быстро мечущій богъ, каменный молотокъ котораго самъ собой къ нему возвращается безпрестанно, подобно непрерывному грохоту грома. На стучащей колесницѣ онъ разъѣзжаетъ по дальнимъ районамъ неба, на рукахъ онъ носитъ желѣзныя перчатки, борода его красна подобно ярко-сверкающей молніи. Наконецъ, третьимъ, въ доисторическое время, а отчасти еще и въ историческое время верховнымъ небеснымъ богомъ рядомъ съ Тонаромъ и Воданомъ является Тіусъ, первоначально господствующій Всекормящій (Allnährer), Всеотецъ (Allvater), само небо: въ историческое время онъ сталъ, по преимуществу, богомъ войны, божественнымъ мечаосцемъ (Сакнотомъ ¹⁾).

Въ центрѣ Ванновъ стоитъ древняя Мать-Земля Гель (Hel), Утаенная, Скрытая: отъ нея исходитъ великое бытіе, къ ней возвращается всякая сила, она — богиня, какъ пробуждающейся, такъ и исчезающей жизни, какъ плодородія, такъ и смерти. Но для оживляющаго принципа ея бытія развились новыя божества: Фро (Fro) и Нерта (Frouva), боги лѣта, земного свѣта и теплоты.

Этимъ дружественнымъ силамъ бытія—Азамъ и Ваннамъ —германцы противопоставляли великановъ,—воплощенія мрачныхъ и страшныхъ естественныхъ силъ, тупая сила которыхъ, связанная во внутренностяхъ земли, подобно титанамъ эллиновъ, стремится разрушить все доброе, — обжоръ и дикихъ пьяницъ, вѣчно томимыхъ жаждою, непріятную силу, отъ которой можно опасаться гибели.

Полная мифологическая система первобытнаго времени даетъ намъ божественную символику природныхъ силъ и человѣческихъ къ нимъ отношеній, приближавшуюся къ первымъ философскимъ вопросамъ человѣчества. Все таки фантастическія настроенія долго господствовали надъ простыми главными чертами религіозныхъ воззрѣній. Рядомъ съ великими природными силами символически воплощенными, явились и меньшія: всякая вода имѣла свою нимфу (Nixe), всякое дерево—свою фею (Holzweibchen); по лугамъ плясали Эльфы, а изъ глубинъ горъ родъ карликовъ отвѣчалъ раздражающимъ эхо. Для главныхъ же боговъ успѣли достигнуть обстоятельнаго символическаго воплощенія главныхъ дѣятельностей. Когда дни послѣ лѣтняго солнценоворота укорачивались, ожидали торжества зимнихъ великановъ надъ богомъ свѣта, въ праздничномъ огнѣ символически праздновалась его смерть отъ огня. А если зимою бѣшено неслась черезъ еловый лѣсъ буря и подъ ея ударами стонали сосны,—то это Воданъ въ бѣшенствѣ билъ лѣсныхъ фей.

Такое направленіе религіознаго развитія своей спутывающей мно-

¹⁾ Ср. также Мёллеръ, Altengl. Epos S. 19. Тонаръ, можетъ быть, какъ вполнѣ Тіуса, очень молодъ, такъ по крайней мѣрѣ утверждаетъ Müllenhoff, Schmidts Zeitschr. Bd. 8, 209 — 269 и Zeitschr. f. D. Altertum Bd. 18, 251; 23, 8.

жественностью боговъ и божественныхъ дѣяній должно было повести къ утратѣ идеальныхъ основъ древней системы. Дальнѣйшій прогрессъ могъ противодействовать этому только объединеніемъ воззрѣній; излишество политеизма должно было вызвать монотеистическое теченіе, а разъ послѣднее явилось, оно не могло не имѣть точекъ соприкосновенія съ существующимъ. Издавна культъ проявлялся въ приготовленіяхъ къ достиженію и умилоствленію сверхъестественнаго, благосклонности котораго добивались, гнѣва котораго страшились: благодаря этому культу созрѣла мысль, что человѣческая судьба зависитъ отъ божественной воли. Еще яснѣе и сильнѣе возникла фаталистическая идея изъ обычая гаданія, основаннаго на значеніи ржанія священныхъ коней, на бросаніи палочекъ со знаками, на наблюденіи за полетомъ птицъ: здѣсь нерѣдко имѣло уже мѣсто обращеніе къ какому-нибудь опредѣленному богу ради представленія всеобщей, неизмѣнной, заранѣе опредѣленной и заранѣе опредѣляющей судьбы. Не могло не случиться, чтобы фаталистическій монотеизмъ не выступилъ въ своемъ мрачномъ величій противъ полнаго поэзіи міра боговъ: подобное же развитіе было удѣломъ народовъ классической древности. Оно очевидно въ сѣверныхъ воззрѣніяхъ Эдды: остается только сомнительнымъ, предчувствовалось ли оно германской первобытной эпохой.

Вѣрно, напротивъ, то, что германскіе боги не достигли еще непосредственныхъ отношеній къ лично-нравственному. Ихъ жизнь представлялась похожей на жизнь смертнаго; и такъ какъ ихъ характеры обязаны своею жизнью и существованіемъ болѣе раннимъ періодамъ съ иного рода нравственностью, то они теперь по временамъ являлись съ такими свойствами, которыя во время, дальше ушедшее по пути прогресса, осуждались, какъ безнравственныя. Да и вообще міръ боговъ не былъ представителемъ нравственныхъ или безнравственныхъ потенцій личной морали. Въ этой области онъ держалъ себя индифферентно: изъ древней противоположности между его свѣтлымъ существованіемъ и мракомъ великановъ едва ли сколько-нибудь опредѣленно развилась противоположность между мірами добра и зла, какъ бы рано чувство конечной неудовлетворенности собственнаго я не породило мысль о томъ, что этотъ міръ не вѣнецъ совершенства.

Во всякомъ случаѣ лишь нѣсколько столѣтій спустя сѣверная эпоха, уже на болѣе высокой ступени нравственнаго индивидуализма, изъ идей этихъ извлекла религіозные выводы для древняго міра боговъ. Для нея стала невыносимой постоянно все рѣзче выстунавшая противоположность между собственной моралью и моралью міра боговъ, ставшею тогда уже безнравственной, и она покорила ее съ неслыханнымъ героизмомъ, заставивъ древній міръ боговъ съ его чувственными возбужденіями низвергнуться передъ одной неумолимой силой.

Норнъ, — дочерей, рожденныхъ отъ исполиновъ. Но за низверженіемъ боговъ долженъ былъ послѣдовать новый міръ, полный другими идеалами, нравственно-чистый и рожденный невиннымъ.

То было самоуничтоженіе древняго символическаго язычества ради болѣе высокаго нравственнаго представленія, — необыкновенный подвигъ, можетъ быть, лучшее доказательство всемірно-историческаго призванія германцевъ. Этотъ подвигъ приблизилъ одновременно германскую мифологію къ христіанству, и уже въ основаніи этой новой, сѣверной системы, отдѣльныя, можетъ быть даже нѣкоторыя существенныя, черты почерпнуты изъ содержанія новой вѣры. Все таки родственныя воззрѣнія мы должны разсматривать, какъ подготовленныя на почвѣ Германскаго первобытнаго времени, какъ бы слабое его эхо: полное ихъ развитіе было въ нѣкоторомъ смыслѣ замѣнено христіанствомъ, — религіей, болѣе соответствующей наступавшей эпохѣ.

Но въ древне-германскую эпоху главный вопросъ сводился не къ нравственному, не къ добру и злу: нравственный индивидуализмъ тайно дремалъ еще въ неподвижныхъ обычаяхъ рода, государства. Боги имѣли отношеніе лишь къ этимъ обычаямъ, лишь къ коллективной нравственности.

Но область этихъ соціально-нравственныхъ отношеній была безконечно богата. Въ періодъ развитія этихъ послѣднихъ Воданъ сталъ богомъ всѣхъ высшихъ, болѣе благородныхъ вдохновеній, — богомъ изобрѣтеній и тайнъ, рунъ и врачебной науки, поэзіи и высоко-драматическаго изображенія; въ этомъ направленіи Тонарь (Donar), богатый громами, благословилъ теперь землю на плодотворный трудъ крестьянина, и киданіемъ своего молотка создалъ вѣрныя границы земельной собственности; такимъ же образомъ Нерта стала богиней брака. Въ образованіи именно этихъ отношеній должно искать тѣхъ успѣховъ германской вѣры въ боговъ во время нѣмецкой первобытной эпохи, на которые намекаютъ разногласія въ сообщеніяхъ древнихъ, и которыя дѣлаютъ вѣроятными чрезвычайныя измѣненія въ матеріальной и соціальной культурѣ націи, начиная съ перваго столѣтія до Р. Хр., до второго столѣтія послѣ Р. Хр.: въ концѣ этой эпохи великаны, грубые представители сверхъестественной первоначальной силы, являются уже также представителями доисторической безкультурности, побѣжденнаго чисто-кочевого состоянія, какъ изображаетъ ихъ позднѣйшее преданіе: потребителями молока, не сѣющими и не жнущими, — пастухами, расчесывающими конскія гривы, пасущими громадныя стада и ведущими ихъ на золотыхъ цѣпяхъ.

Но какое богатое поле позднѣйшаго образованія открылось для поэтическаго пониманія, разъ боги были готовы и призваны къ защитѣ вновь достигнутой культуры! Тогда женщина Голла (Holle ¹⁾),

¹⁾ *Holle* — богиня, отъ которой исходитъ благословеніе земли и дома. Она—

блестящая Фрѣя въ теченіи зимы испытывала въ каждомъ дворѣ прилежаніе служанокъ; она смотрѣла, тонка ли и совершенна ли пряжа сжатого льна; она наказывала лѣнивыхъ и награждала прилежныхъ. Во время разцвѣта хлѣба Фро (Frô) разбѣзжала на кабанѣ съ золотой щетиной по волнующимся стеблямъ, почтительно склонявшимъ передъ нею свои головы, ея звѣрь такъ тихо выступалъ, что едва касался верхушекъ колосьевъ, и благословеніе изливалось изъ ея священной руки ¹⁾).

Тѣмъ не менѣе богатое развитіе религіозно-соціальныхъ отношеній не помѣшало тому, чтобы первые вопросы о личныхъ отношеніяхъ человѣка къ божественному близко коснулись и этой ранней вѣры съ едва намѣчавшимся фатализмомъ. Вопросы эти примкнули къ основному эгоистическому желанію—къ желанію жить, быть бессмертнымъ. Уже общая индо-европейская культура занималась изслѣдованіемъ мѣста будущей жизни праведниковъ; млечный путь казался ей той тропой, по которой умершіе шествуютъ въ новое отечество. Германцы пошли дальше по пути развитія этихъ понятій и украсили его сообразно своимъ земнымъ воззрѣніемъ на счастье и блаженство. Такъ какъ старость ихъ здѣсь, на землѣ, была безутѣшна и безотраднa, такъ какъ на шестидесятомъ году они вновь становились дѣтьми и подпадали подъ покровительство своихъ сыновей, то они не должны были вступать въ новый міръ старцами, можетъ быть, для подобной же зависимой и печальной жизни. Смерть должна была принять ихъ въ свои объятія крѣпкими и гордыми мужами, дабы они продолжали свое существованіе на скамьѣ для гостей Водана, какъ герои: кто же трусливо состарился на гнѣющей соломѣ, тотъ долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, чтобы спуститься вмѣстѣ съ женщинами къ Гелѣ безкровной тѣнью. Зато цвѣтущимъ и юношески-свѣжимъ продолжалъ вѣчно жить въ Валгаллѣ ²⁾ въ обществѣ боговъ родъ мужей, умершихъ въ битвѣ: сюда они приносили съ собою изъ могилы свое оружіе, здѣсь вели они такую боевую жизнь, о какой германское чувство мечтало, какъ о высшемъ зем-

супруга Водана и подобно ему странствуетъ и разноситъ злымъ несчастье, а добрымъ—счастье.

Прим. перев.

¹⁾ Dahn, G. d. D. Urzeit 1, 304.

²⁾ Въ мифологіи сѣверныхъ народовъ *Валгалла* является въ сущности „дворцомъ убитыхъ“, находящимся въ Глодзгеймѣ и составляющимъ мѣстопробыванія для всѣхъ павшихъ въ сраженіи и для всѣхъ королей безъ изъятія, хотя бы они умерли и не на полѣ сраженія. Здѣсь герой каждое утро проводилъ въ бояхъ, а въ полдень пилъ и ѣлъ за однимъ столомъ съ Однимъ, засѣдавшимъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ. Онъ пилъ лишь одно вино, а герои пили медъ и ѣли великолѣпное сало кабана.—Какихъ размѣровъ былъ этотъ великолѣпный дворецъ, можно судить по тому представленію, что въ него вело 540 дверей, черезъ каждую изъ которыхъ входили за-разъ и въ рядъ по 800 павшихъ героевъ...

Прим. перев.

номъ счастья. Кто же въ это время былъ бѣденъ и не имѣлъ драгоценныхъ орудій, и въ то же время былъ благороденъ и храбръ, тому, по крайней мѣрѣ, послѣ смерти надѣвали новые башмаки, дабы онъ могъ вступить въ Валгаллу твердой ногой.

Кто станетъ отрицать тотъ эвдемонистическій характеръ, который присущъ этому представленію и который, слѣдовательно, долженъ былъ господствовать надъ нравственнымъ пониманіемъ жизни, поскольку таковое могло образоваться лично? Германецъ на томъ свѣтѣ искалъ не идеальныхъ, а реальныхъ радостей, и лишь надежда на таковыя его утѣшала, когда онъ готовился къ нимъ на этомъ свѣтѣ воинственной жизнию. Противъ этого-то характера германской религіи христіанство и предприняло походъ, еще и понынѣ не вполне оконченный.

КНИГА ТРЕТЬЯ.



ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Римъ и Германцы въ ихъ наступательныхъ и оборонительныхъ дѣйствіяхъ.

I.

По выступленіи Цезаря изъ Галліи, послѣдняя далеко еще не могла считаться настоящей провинціей римской имперіи. Годы безпрестанныхъ войскъ еще не дѣлаютъ страну провинціей; когда умеръ великій завоеватель, въ Римѣ опасались новаго всеобщаго возстанія. Было сочтено особою милостью судьбы то обстоятельство, что подобное осложненіе не наступило; и съ тѣхъ поръ политика Августовъ поставила себѣ ближайшею задачей провинціальное преобразование кельтскихъ областей. Эта дѣятельность заняла больше десяти лѣтъ, и только около 15 г. до Р. Х. можно было считать Галлію окончательно приобрѣтенною.

Періодъ отъ выступленія Цезаря и до этого момента обнималъ собою, такимъ образомъ, болѣе одного человѣческаго вѣка терпѣливой правительственной работы, въ теченіе которой едва-ли возможно было удѣлять одинаковое вниманіе внѣшнимъ отношеніямъ, особенно къ востоку отъ Имперіи. И какъ было предпринять завоевательную политику противъ Германцевъ, населявшихъ правый берегъ Рейна, въ такое время, когда еще не былъ обезпеченъ галльскій операціонный базисъ? Были счастливы, если хищническіе набѣги Германцевъ не распространялись черезъ-чуръ далеко по сию сторону рѣки.

Такое положеніе производило на Германцевъ впечатлѣніе слабости. Особенно Севы становились съ каждымъ днемъ смѣлѣе и вскорѣ они подняли оружіе противъ единственныхъ сторонниковъ Рима за Рейномъ, — противъ Иствейскихъ Убіевъ, — мореходнаго и торговаго народа. Въ виду многократныхъ опустошительныхъ набѣговъ, римлянамъ ничего другого неоставалось, какъ переселить Убіевъ на лѣ-

вый берегъ Рейна, въ ту мѣстность, гдѣ нынѣ расположенъ Кёльнъ. Но Агриппа, на котораго въ 38 г. до Р. Х. было возложено дѣло переселенія, съумѣлъ даже изъ этой мѣры извлечь выгоды для будущаго наступательнаго движенія Рима. Уже Цезарь привлекъ на свою сторону воинственное племя Батавовъ, жившее у устьевъ Рейна; при Фарсалѣ члены этого народа рѣшили побѣду Цезаря, и ихъ страна, Батавія, послужила въ римскихъ рукахъ важнѣйшею точкой опоры для всѣхъ наступательныхъ дѣйствій на сѣверовостокъ Рейна. Въ этой позиціи на самыхъ низовьяхъ Рейна Агриппа присоединилъ теперь новую, на среднемъ теченіи этой рѣки. Хотя страна, покинутая Убіями, была уступлена Хаттамъ, но, вѣроятно, въ то-же самое время уже сдѣлана была попытка подчинить послѣднихъ римскому управленію и римскому вліянію.

Германцы же во всемъ этомъ мѣропріятіи усмотрѣли лишь новое доказательство римскаго безсилія; съ тѣхъ поръ они удвоили неистовства своихъ безпрестанныхъ разрушительныхъ набѣговъ на пограничныя области Галліи; и что еще хуже было, это-то, что они соединялись съ сосѣдними кельтскими племенами для организованнаго сопротивленія; такъ, напр., въ 29 г. до Р. Х. съ Треверами на Мозелѣ, въ 27 г. до Р. Х. съ Моринами на нижнемъ Рейнѣ. Во главѣ этихъ предпріятій вскорѣ стали Сигамбры, тогдашнее руководящее племя среди Иствеонскихъ, впоследствии, собственно, франкскихъ народностей. Напрасно наказывалъ ихъ Римъ вторженіями въ ихъ родину на суровыхъ вершинахъ Вестервальда. Только Агриппа (19 г. до Р. Х.) и слѣдовавшій за нимъ молодой, двадцатичетырелѣтній Тиверій водворили, кажется, на нѣкоторое время спокойствіе.

Послѣ Тиверія, въ 17 г. до Р. Х., главное начальство перешло къ М. Лоллію, человѣку, который, по источникамъ, является воплощеніемъ всѣхъ отвратительныхъ свойствъ, — корыстолюбивымъ, безчестнымъ, грязнымъ. Онъ нашелъ страну спокойною; предшественникъ Вара, Лоллій, подобно ему, думалъ, что въ состояніи будетъ управлять, какъ провинціей, и землями, расположенными вправо отъ средняго теченія Рейна; онъ отправилъ двадцать трибуновъ въ страну Сигамбровъ, Узиповъ и Тенктеровъ. Тогда эти народы возстали; они умертвили римскихъ агентовъ, разбили конницу и пѣхоту Лоллія и съ торжествомъ повезли орла пятого легіона чрезъ галльскія села.

Въ Римѣ, пораженіе это вызвало сильнѣйшее возбужденіе; Августъ поспѣшилъ въ Галлію, а изъ лѣсовъ за-рейнскихъ уже начали появляться новыя полчища Кимвровъ. Въ эти-то дни Горацій желалъ Августу побѣды надъ дикими Сигамбрами, какъ прекраснѣйшаго триумфа его жизни.

Какъ мало знали въ Римѣ Германцевъ! Когда Августъ прибылъ въ Галлію, онъ нашелъ, что дѣлать оставалось немного: произведши

полное опустошеніе, Сигамбры возвратились на родину, дали заложниковъ и просили мира.

Этотъ способъ веденія войны Германцами заключалъ въ себѣ нѣчто, долго остававшееся для Римлянъ непостижимымъ. Внезапно и съ адскою силой воспламенялся въ Германцахъ воинственный духъ, чтобы, послѣ бурной вспышки, тотчасъ-же угаснуть почти безъ всякаго слѣда. Это была противоположность тому мудрому, планомерно-организованному, систематическому напряженію и расходованію силъ, которое предписывалось Римлянамъ какъ высокою степенью культуры, такъ и національнымъ характеромъ. Къ этому присоединялось малое знакомство Римлянъ съ внутреннимъ состояніемъ Германіи. Какъ далеко въглубь страны простиралась эта страшная нація? И развѣ преувеличенныя повѣствованія купцовъ не передавали объ еще болѣе ужасныхъ подробностяхъ о тѣхъ народахъ, которые жили тамъ, далеко, въ непроходимыхъ лѣсахъ? Что, если въ этомъ печальномъ, сыромъ климатѣ гнѣздилась многоглавая гидра, которую не въ силахъ побѣдить даже римское счастье и могущество?

Странный контрастъ съ этимъ страхомъ предъ Германцами составляетъ иногда почти безграничное легкомысліе Римлянъ въ пониманіи ими германскаго характера. Жертвою этою легкомыслія палъ Лоллій, оно-же было причиною несчастія Вара: и тотъ, и другой видѣли въ Германцахъ не болѣе, какъ добродушно-наивныхъ простаковъ или даже обыкновенную толпу покореннаго люда, судьба котораго предоставляется на произволъ провинціальныхъ властей. Это было притупленіе способности понимать чуждую народную индивидуальность, — притупленіе, которое, развившись въ ками на почвѣ исключительно-военныхъ подвиговъ, сдѣлалось злѣйшимъ врагомъ Римлянъ въ ихъ борьбѣ съ Германцами.

II.

Clades Lolliana (Лолліево пораженіе) встряхнуло Римъ; вѣроятно, изъ личнаго пребыванія по ту сторону Альпъ Августъ вынесъ убѣжденіе, что Германія должна быть покорена по крайней мѣрѣ настолько, насколько это считалось нужнымъ для безопасности рейнской границы. И уже была выполнена большая часть тѣхъ предварительныхъ условій, которыя казались необходимыми для прочнаго разрѣшенія этой обширной задачи. Цезарь первый задался стратегическою мыслью охватить Германцевъ, какъ тисками съ двухъ сторонъ: онъ хотѣлъ броситься на нихъ одновременно съ азіатскаго востока и съ галльскаго запада. Эта идея концентрическаго наступленія, понынѣ господствующая у высоко-цивилизованныхъ націй въ ихъ войнахъ съ народами, стоящими на низшей культурной ступени, съ тѣхъ поръ сдѣлалась нормою для всѣхъ римскихъ нападений на Германію.

Но если Цезарь мечталъ о нападеніи съ востока лишь какъ о дѣлѣ будущаго, то въ 13 г. до Р. Х. имѣлись уже практическія средства для подобнаго образа дѣйствій; въ 35 г. до Р. Х. и затѣмъ, снова, съ 14 по 13 г. до Р. Х. покорена была Паннонія, въ 15 г. до Р. Х. — Реція и Винделиція: Римъ овладѣлъ дунайскою границей. Въ то-же время въ верхне-дунайскихъ земляхъ всѣ мущины, способные носить оружіе, грубо и насильственно сосланы были въ отдаленныя провинціи, и вдоль рейнской линіи стала воздвигаться первая цѣпь заставъ и укрѣпленій: двойной периферической операціонный базисъ былъ въ рукахъ Римлянъ. Если они первоначально эксплуатировали только рейнскую линію, то, вѣроятно, причиною этому, кромѣ неумѣстной, въ концѣ концовъ, бережливости, была также и надежда, что рейскія, по преимуществу, задачи и разрѣшиться должны только на рейнскихъ берегахъ.

Въ 13 г. до Р. Х. главное начальство перешло въ руки старшаго Друза, одного изъ превосходнѣйшихъ полководцевъ и политиковъ, какіе когда-либо командовали на Рейнѣ въ періодъ римскаго господства. Онъ тотчасъ-же примѣнилъ въ сѣверозападномъ углу Германіи принципъ концентрическаго наступленія; здѣсь, на сѣверѣ, прежде всего требовалось пріобрѣсти ближайшій, рѣчной бассейнъ, именно — Эмскій. Это было самое легкое и самое счастливое начало для осуществленія задачи — создать римское полугосподство между Рейномъ и Везеромъ. На нижнемъ Рейнѣ полководецъ располагалъ, въ лицѣ Батавовъ, германскимъ союзнымъ народомъ испытанной вѣрности. На ихъ восточномъ фронтѣ онъ могъ осуществить тѣ работы по постройкѣ плотинъ и проведенію каналовъ, которыя открывали ему доступъ къ Сѣверному морю. У самаго-же Сѣвернаго моря, отъ Зюдерзее до Везера и дальше, жили Фризы и Хауки, Ингвеонскіе народы довольно мирнаго характера, природною противоположностью которыхъ съ южнѣе жившими племенами Иствеонскаго происхожденія легко было воспользоваться.

Съ этими предположеніями и сообразовалъ Друзъ свой первый большой походъ въ 12 г. Онъ поплылъ съ легіонами по каналамъ и естественнымъ воднымъ путямъ Зюдерзее къ берегамъ Сѣвернаго моря, преодолѣлъ опасности моря, благодаря мужественной поддержкѣ, оказанной Фризами, которыхъ онъ скоро привлекъ на сторону Римлянъ, поднялся вверхъ по Эмсу, бился съ первымъ Иствеонскимъ народомъ на югѣ, Бруктерами и, для обезпеченія результатовъ похода, заложилъ укрѣпленіе на Эмсѣ.

Это было огромнымъ успѣхомъ. Но онъ немедленно (въ 11 г.) повелъ къ коалиціи угрожаемыхъ Иствеоно-Севскихъ народностей между Эмсомъ и Рейномъ подъ главенствомъ Сигамбровъ; къ этому союзу примкнули и Хауки. Могущественно было это первое значительное соединеніе Германскихъ племенъ, направленное не только

къ самозащитѣ, но ревностно стремившееся также и къ внутреннему объединенію; нѣтъ сомнѣнія, что окончательно скрѣпили этотъ союзъ Сигамбры; такъ, своихъ южныхъ сосѣдей, Хаттовъ, они даже путемъ непріятельскаго опустошенія пытались принудить къ вступленію въ союзъ.

Друзъ воспользовался временемъ хаттскаго похода Сигамбровъ для того, чтобы пройти по ихъ странѣ вплоть до Везера. Но перейти эту рѣку ему не удалось; а на возвратномъ пути онъ, по рассказамъ, въ узкой лѣсной долиинѣ былъ застигнутъ врасплохъ Херусками, Сигамбрами, Свевами (Хаттами) и едва избѣгъ позднѣйшей участи Вара. Единственный прочный результатъ этого года для него состоялъ въ закладкѣ укрѣпленія Ализона на верхнемъ теченіи Липпе и въ постройкѣ другого, значительно далѣе къ югу лежавшаго укрѣпленія, — вѣроятно, нынѣшняго Геддернгейма.

Чрезвычайное значеніе имѣло то обстоятельство, что союзъ Германскихъ народовъ существовалъ лишь до тѣхъ поръ, пока продолжались наступательныя дѣйствія Римлянъ. Каковы-бы ни были тѣ средства, съ помощью которыхъ разрушилъ его Друзъ, и принимали ли участіе въ этой перемѣнѣ также Августъ, бывший тогда въ Галліи, достоверно то, что великодушный характеръ полководца, его мягкое обхожденіе съ отдѣльными племенами были очень благопріятными условіями для примиренія Германцевъ съ Римомъ и разъединенія ихъ между собою. Во всякомъ случаѣ лишь исключительно-счастливыя обстоятельства могли дать возможность Друзу предпринять грандіозный походъ 9-го г. до Р. Х. чрезъ область Хаттовъ къ Свевамъ (Маркоманамъ?), Херускамъ и до Эльбы. Это было отважное предпріятіе, успѣхъ котораго, казалось, открывалъ честолюбію молодого полководца неожиданныя перспективы; но на возвратномъ пути, между Заалой и Эльбой, онъ разбился на смерть, упавъ вмѣстѣ съ кошемъ, и вѣрные легіоны торжественно похоронили его на Рейнѣ.

Блестящимъ доказательствомъ политическаго и военнаго значенія походовъ Друза служитъ то обстоятельство, что Германія послѣ его смерти осталась спокойною: хотя три укрѣпленія на Эмсѣ, Липпе и Веттерѣ представляли собою не болѣе, какъ первые форпосты для военнаго покоренія западной Германіи, тѣмъ не менѣе народы склонились предъ нравственною силой юнаго военачальника. Говорятъ, что Друзъ купилъ у побѣжденныхъ народовъ ту землю, въ которой нуждался для закладки рейнскихъ укрѣпленій; подъ его управленіемъ полупокоренныя племена на правомъ берегу Рейна не знали ни податей, ни ликторовъ, ни трибуновъ; но возможность вступленія въ римскія войска открывала новый міръ ихъ военному честолюбію. Это былъ самый вѣрный путь къ постепенному и прочному порабоженію, даже поглощенію низшей культуры высшею.

Тиверій, преемникъ Друза, опять поставилъ рейнскія дѣла на обычный уровень римской завоевательной политики. Онъ началъ постыднымъ вѣроломствомъ и нарушеніемъ международного права. Послы Сигамбровъ, знатнѣйшія лица этого племени, въ большомъ числѣ вступили въ Галлію и приведены были Тиверіемъ къ Августу; Августъ задержалъ ихъ и подвергъ заключенію въ различныхъ крѣпостяхъ. Большинство плѣнниковъ освободились отъ позора самоубійствомъ; на родинѣ-же ихъ народъ поднялся для отчаяннаго сопротивленія. Именно этого, по всей вѣроятности, и желали Августъ съ Тиверіемъ. Наступилъ день мести за Лоллія; Сигамбры были покорены и уничтожены; сорокъ тысячъ изъ нихъ были переселены Тиверіемъ на лѣвый берегъ Рейна. Это подавило враждебный духъ и въ родственныхъ и сосѣднихъ Сигамбрамъ народахъ; почти неограниченно повелѣвалъ Тиверій между Рейномъ и Везеромъ. Ко времени его ухода первая цѣль римскаго завоеванія была достигнута: приобрѣтена была новая германская земля между этими двумя большими рѣками, и весьма вѣроятно, что вновь завоеванная область уже въ слѣдующемъ десятилѣтіи получила своихъ особыхъ намѣстниковъ.

III.

При такихъ обстоятельствахъ, Римляне уже искали новыхъ земель далеко за Рейномъ; честолюбивая мысль Друза о римской Германіи между Везеромъ и Эльбой оказалась близкою къ своему осуществленію. А римская политика почерпала опытъ въ борьбѣ между Рейномъ и Везеромъ. Руководящимъ народомъ Германцевъ въ тѣхъ странахъ были Сигамбры; съ самаго начала между Римомъ и ими существовала явная вражда; лишь уничтоженіемъ этого племени было обезпечено спокойное обладаніе страной.

Та роль, которую Сигамбры играли на Рейнѣ, на Везерѣ должна была выпасть на долю Херусковъ; послѣдніе имѣли на нее тѣмъ большее право, что они не только составляли самое значительное племя той страны, а еще, кромѣ того, одною частью своей территоріи вѣзывались въ земли по лѣвую сторону Везера. Слѣдовало-ли Риму крутыми мѣрами сразу обратить ихъ въ непримиримыхъ своихъ враговъ? Слѣдовало-ли ему собственными усиліями создавать ядро трудноодолимаго сопротивленія? Было бы правильнѣе привлечь къ себѣ Херусковъ кротостью. Къ этому и стремилась римская политика въ послѣдующіе годы. Конечно, Риму не удалось сдѣлать своими сторонниками всю знать этого племени; но вскорѣ среди Херусковъ образовалась, по крайней мѣрѣ, римская партія, приверженцы которой служили въ римскомъ войскѣ, были отличаемы при дворѣ Августа и, съ почетомъ отпущенные на родину, превозносили тамъ

величіе врага. Число этихъ сторонниковъ Рима росло съ каждымъ годомъ. Правда, во 2-мъ г. до Р. Х. они были изгнаны національными элементами; но около 4 г. по Р. Х. мы снова находимъ ихъ у власти.

Такимъ образомъ, приблизительно въ это время новое нападеніе было политически достаточно подготовленнымъ и для приведенія его въ исполненіе на Рейсъ и Везеръ былъ отправленъ Тиверій, опять примирившійся тогда съ Августомъ.

Но если дѣла на Везерѣ приняли благопріятный оборотъ, то на Эльбѣ возникли тѣмъ худшія затрудненія. Марбодъ, король-военачальникъ Маркомановъ, начавъ съ новыхъ земель, занятыхъ его племенемъ въ сѣверной Богеміи, основалъ обширное государство, хотя и слабо сплоченное, но обнимавшее собою болѣе трети всѣхъ Германцевъ юго-востока и центральныхъ областей. Начинаясь готскими племенами на берегахъ далекой Вислы, оно охватывало силезскіе народы и простиралось до области моравскихъ Квадовъ. А на западѣ къ нему принадлежали Гермундуры въ Тюрингіи, такъ-же какъ древне-свевскій жреческій народъ Семноновъ и Лангобарды средней и нижней Эльбы. Такимъ образомъ, напасть на область Эльбы значило въ то-же время вторгнуться въ сферу власти Марбода. А Марбодъ былъ не изъ тѣхъ противниковъ, которыми можно было пренебрегать. Раньше онъ состоялъ на римской службѣ и, присмотрѣвшись къ политикѣ южныхъ завоевателей, разгадалъ тайну ихъ возрастающаго могущества. Тамъ, гдѣ въ средѣ народностей его области существовала королевская власть, онъ таковую уничтожилъ, за исключеніемъ, можетъ быть, одного случая; насколько германская культура допускала централизацію, она была создана имъ. Войско въ семьдесятъ тысячъ пѣхотинцевъ и четыре тысячи всадниковъ повиновалось приказу великаго короля; въ Богеміи онъ имѣлъ дворъ и былъ окруженъ блестящей стражей тѣлохранителей; около него тѣснились послы Рима и варваровъ, а италійскіе и кельтскіе купцы находили мирное убѣжище за стѣнами королевскаго замка.

Оставить-ли Марбодъ безнаказаннымъ римское нападеніе на западныя границы его государства? Таковъ былъ вопросъ, въ концѣ концовъ возникавшій при каждомъ наступательномъ дѣйствіи Тиверія между Везеромъ и Эльбой.

Тиверій временно избѣгнулъ рѣзкой постановки этого вопроса, начавъ завоеваніе страны къ востоку отъ Везера точно такимъ-же образомъ, какъ Друзъ началъ оккупацию праваго берега Рейна, а именно, — съ сѣвера, со стороны моря, т. е. по такому направленію, которое всего позднѣе приводило его въ соприкосновеніе съ пограничными округами маркоманскихъ владѣній.

Стратегическая форма нападенія была старая, центральная. Вторично усмиривъ волненіе сѣверныхъ народовъ между Рейномъ и Ве-

зеромъ, усиливъ римскую партію у Херусковъ и въ первый разъ перезимовавъ съ войсками во внутренней Германіи, у истоковъ Липпе, Тиверій двинулся на востокъ. Въ то же самое время, вдоль береговъ Сѣвернаго моря шелъ флотъ; и экипажъ этого флота соединился съ сухопутныхъ войскомъ послѣ легкой борьбы съ Ингвеонскими Хауками. Такимъ образомъ, на сѣверѣ, между Везеромъ и Эльбою, казалось, пріобрѣтена была позиція, которая, подобно позиціи во Фрисландіи, между Рейномъ и Везеромъ, обѣщала прочныя выгоды для покоренія южныхъ племенъ.

Обратившись къ этимъ послѣднимъ, Тиверій натолкнулся на Лангобардовъ, Семноновъ, Гермундуrowъ. Онъ побѣдилъ ихъ; и изумленные восточныя племена изъ дальнихъ мѣстъ присылали пословъ съ изъявленіями покорности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ коснулся владѣній маркоманскаго короля. Извѣстная дальновидность Тиверія проявилась въ томъ обстоятельстве, что онъ тогда же призналъ этотъ моментъ подходящимъ для центрального нападенія на самого Марбода.

Для этой цѣли, въ 6 г. по Р. Х. были предприняты огромныя приготовленія; собрано было такое войско, какого ранѣе Римъ никогда не выставлялъ противъ одного врага; двѣнадцать легионовъ, всего численностью около 150 тысячъ человекъ, были выставлены противъ вдвое меньшихъ силъ Марбода. Шестъ изъ этихъ легионовъ выступили изъ Галліи подъ предводительствомъ К. Сентія; шесть шли отъ Дуная подъ начальствомъ самого Тиверія; предположено было сойтись въ центрѣ маркоманскихъ владѣній: это было центральное наступленіе въ совершеннѣйшемъ его видѣ. И обѣ колонны такъ близко подошли уже къ войскамъ Марбода, что втеченіе пяти дней, казалось, слѣдовало ожидать рѣшительной битвы; какъ вдругъ Тиверію доносятъ, что въ Панноніи всныхнуло возстаніе и что въ Далмаціи тоже началось броженіе. Больше, чѣмъ вѣроятно, что это была устроенная на чисто римскій ладъ диверсія Марбода. Мгновенно все перемѣнилось: Тиверій долженъ былъ счестъ за счастье, что онъ могъ заключить съ хитрымъ королемъ миръ, развязывавшій ему руки для подавленія возстанія, и онъ поспѣшно повелъ свои войска назадъ, къ юго-западу. Въ Панноніи онъ оставался занятъ въ продолженіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ, — съ 6 по 9 г. по Р. Х., — достаточно продолжительное время для того, чтобы совершенно покончить съ вліяніемъ Тиверія на ходъ германскихъ дѣлъ, и для неожиданнаго въ нихъ поворота.

Задача, поставленная себѣ Тиверіемъ, должна была повліять устрашающимъ образомъ на чувства и соображенія отдѣльныхъ германскихъ народностей. Онѣ въ первый разъ увидѣли себя окруженными опасностью со всѣхъ сторонъ; казалось, поработеніе грозило даже отдаленнѣйшимъ племенамъ. Было-бы удивительно, если-бы эти смут-

ныя предчувствія не пробудили въ Германцахъ сознанія общаго интереса. Оно должно было достигнуть наибольшей ясности и привести къ опредѣленному рѣшенію тамъ, гдѣ давленіе Рима давало себя больше всего знать, гдѣ люди сами пережили судьбу народовъ праваго берега Рейна, и гдѣ личные раздоры вызывали постоянное обсужденіе римскихъ плановъ, — а именно, у Херусковъ.

То было состояніе духовнаго броженія, для прекращенія котораго Римъ пока не предпринималъ ничего: оставшійся, по уходѣ Тиверія, намѣстникомъ К. Сентій сохранялъ полное спокойствіе среди своихъ войскъ, и въ миролюбіи не уступалъ ему его преемникъ, Варъ. Только административные промахи этого послѣдняго постепенно пролили свѣтъ на запутанное положеніе дѣлъ. Варъ, отдаленный родственникъ императорскаго дома, пришелъ на Рейнъ изъ Сириі. На Востокѣ, при мирныхъ обстоятельствахъ, онъ нажилъ состояніе; для цѣлей наживы ему было удобно предположить существованіе такихъ же обстоятельствъ и въ Германіи. Безпечность и алчность, — черты, свойственныя развращенному чиновничеству, — были пороками Вара.

Но съ какимъ успѣхомъ сумѣли воспользоваться этими пороками Германцы! Въ средѣ Херусковъ появилась неутомимо-дѣятельная, безпокойная сила, которая, руководясь высокимъ идеаломъ національной чести, національнаго самосохраненія, обращала въ пользу своихъ цѣлей малѣйшія ошибки и слабости врага: то былъ Арминій. Ему было двадцать шесть лѣтъ, и настойчивая энергія мужа соединялась въ немъ съ бурною пылкостью юности; рано сдѣлавшись римскимъ офицеромъ и римскимъ всадникомъ, а позднѣе — брошенный въ оковы римскою партіей собственнаго народа, онъ, несмотря на молодые годы, имѣлъ за собою прошлое, нелишенное величія. Къ тому же онъ принадлежалъ къ числу знатнѣйшихъ лицъ своего племени: родъ его называютъ *stirps regia* (царскимъ) и происшедшія въ немъ распри до значительной степени отражали въ себѣ волновавшія націю противоположныя настроенія. Такимъ образомъ, Арминій всѣмъ своимъ существомъ былъ преданъ партіи германской свободы, служенію которой онъ посвятилъ себя, и вскорѣ сдѣлался самымъ выдающимся ея вождемъ.

Безпечный житель большого города, Варъ, въ 9 г. по Р. Х., съ тремя легионами неопытныхъ войскъ, численностью около 30 — 40 тысячъ человекъ, и съ шайкой невооруженныхъ людей былъ вовлеченъ Арминіемъ въ гибель; въ лѣсахъ привезерской страны произошла встрѣча съ соединенными Иствеонскими племенами, — Херусками, Бруктерами, Марсійцами и Хаттами: въ осенніе дни Римское войско погибло въ Тевтобургской битвѣ. На Рейнъ не получено было даже вслѣдъ за этимъ точнаго извѣстія о катастрофѣ, не удалось даже привести въ извѣстность число дней битвы, и только Германикъ, во время позднѣйшаго похода, по недоконченнымъ мо-

чильнымъ насыпямъ послѣдней стоянки, по костямъ соотечественниковъ, разсыяннымъ на пути ихъ долгаго бѣгства, могъ сдѣлать выводъ о тактическихъ подробностяхъ пораженія.

Въ то время, какъ вѣсть о неслыханномъ несчастіи дошла до Рима, среди восторговъ и ликовацій паннонскаго триумфа, чтобы тотчасъ-же вызвать мѣры, продиктованныя ребяческимъ страхомъ, — между Рейномъ и Везеромъ началось народное возстаніе; римскія крѣпости были разрушены, всюду, гдѣ Римляне успѣли прочно водвориться, они были частью изгнаны, частью умерщвлены; дружественные Риму князья были изгнаны или брошены въ оковы, и положено основаніе великому единству германскихъ племенъ вправо отъ Рейна.

Но на этомъ не останавливались помыслы Арминія; взоръ его, устремленный въ будущее, оставался спокойнымъ среди величайшихъ успѣховъ. Онъ послалъ голову Вара Марбоду, какъ залогъ общности интересовъ. Но Марбодъ воздержался отъ рѣшительнаго шага, какимъ было-бы какъ принятіе подарка, такъ и отклоненіе его, и отправилъ печальную реликвию въ Римъ, для помѣщенія ея въ родовомъ склепѣ Вара.

IV.

Тевтобургская битва вновь поставила въ неизвѣстность дальнѣйшую судьбу Германіи. О сколько-нибудь значительномъ римскомъ вліяніи на страны, расположенныя къ востоку отъ Везера, болѣе не могло быть и рѣчи; возможно-ли было даже сохранить господство хотя-бы вправо отъ Рейна?

Римъ погруженъ былъ въ соображенія, подобныя тѣмъ, какія возникли послѣ пораженія, нанесеннаго Лоллію Сигамбрами. Но теперь съ большимъ противъ прежняго основаніемъ можно было задать себѣ вопросъ: представляетъ-ли для имперіи какую-либо цѣнность завоеваніе страны, продолжительное обладаніе которою, какъ казалось, требовало крови и желѣза. Если честолюбіе Цезаря предназначало всю Германію къ обращенію въ провинцію Рима, то Августъ, наоборотъ, съ самаго начала держался того мнѣнія, что достаточно только части Германіи для поддержанія порядка въ Галліи; и онъ уже заблаговременно воспретилъ своимъ полководцамъ по крайней мѣрѣ переходить Эльбу. Со времени этихъ первыхъ плановъ политика Августа еще лучше ознакомилась съ характеромъ Германцевъ; съ большимъ основаніемъ можно было предположить, что для безопасности Галліи достаточно будетъ рейпской границы, теперь испещренной крѣпостями, въ связи съ возобновляемыми, по временамъ, наступательными дѣйствіями противъ сосѣднихъ германскихъ окраинъ. Достоверно было одно: опасеніе значительныхъ и планомѣрныхъ нападеній со стороны

Германцевъ на центръ имперіи оказывалось неосновательнымъ даже послѣ пораженія Вара; а вмѣстѣ съ тѣмъ падалъ одинъ изъ важнѣйшихъ побудительныхъ мотивовъ къ завоеванію Германіи. Такимъ образомъ, не должно казаться страннымъ, что съ тѣхъ поръ римская политика ограничивалась благоразумною обороною, лишь иногда, при случаѣ, смѣнявшеюся наступленіемъ.

Чтобы положить начало новому направленію дѣйствій, на Рейнѣ отправленъ былъ образецъ здраваго самообладанія, Тиверій, такъ какъ, по счастливой случайности, паннонское возстаніе только что было усмирено имъ. Тиверій прибылъ въ Германію въ 10 г. по Р. Х.; кое-что было уже подготовлено въ его духѣ Л. Аспреной, однимъ изъ подчиненныхъ Вара: возстаніе народовъ, населявшихъ лѣвый берегъ Рейна, которымъ, вѣроятно, пораженіе Вара еще разъ напомнило о ихъ старомъ племенномъ родствѣ съ Германцами, было подавлено въ зародышѣ, и рейнская граница была обезпечена. Дальше не пошелъ и Тиверій. Правда, онъ предпринялъ нѣсколько небольшихъ походовъ на правый берегъ Рейна, съ цѣлью навести страхъ на Германцевъ и увѣрить Римъ, будто отомщено Тевтобургское пораженіе; но, въ остальномъ, онъ ограничился возстановленіемъ строгой дисциплины въ войскѣ.

Такой образъ дѣйствій, въ случаѣ продолжительнаго пребыванія Тиверія на Рейнѣ обѣщавшій прочные результаты, благодаря особымъ случайнымъ обстоятельствамъ окончился несчастливо. Девятнадцатаго августа 14 г. умеръ Августъ; еще раньше онъ вызывалъ къ себѣ, въ Римъ, наслѣдника престола, Тиверія, и указывалъ ему на Германика, любимца войскъ, какъ на его преемника въ прирейнской странѣ. Такимъ образомъ, у войскъ осталась только ненависть къ суровой, слишкомъ рано прерванной муштровкѣ, которой подвергалъ ихъ новый императоръ, и переменна царствованія была сигналомъ къ военному возмущенію. Необходима была вся энергія Германика, чтобы хотя наружно успокоить волненіе, и нельзя было не видѣть, что происходившія въ войскѣ нарушенія дисциплины могутъ быть исправлены только боевымъ напряженіемъ и трудами, совмѣстнымъ несеніемъ суровыхъ обязанностей, общностью надеждъ и воспоминаній. Такимъ образомъ возникла мысль о новомъ походѣ противъ германцевъ, какъ о самомъ вѣрномъ средствѣ для созданія надежнаго и пригоднаго для оборонительной войны войска.

Вѣроятно, въ этихъ видахъ Тиверій и разрѣшилъ своему преемнику на Рейнѣ занять наступательное положеніе. Но далеко не такъ рисовалось будущее въ мечтахъ молодого полководца! Сынъ Друза, доходившаго до Эльбы, проникнутый честолюбіемъ и жаждою дѣятельности, Германикъ лелѣялъ самые причудливые планы: Германія должна была быть покорена до береговъ Эльбы и еще дальше; сынъ долженъ былъ превзойти отца величіемъ. При такомъ стремленіи,

разрывъ между императоромъ и его полководцемъ съ самаго начала представлялся неизбѣжнымъ, тѣмъ болѣе, что у Германика, при его большихъ тактическихъ способностяхъ, не было соотвѣтствовавшаго имъ стратегическаго и политическаго таланта.

Когда Германикъ принялъ главное начальство, многое, все-таки, благопріятствовало его планамъ. Ингвеонскія племена Сѣвернаго моря, Хауки, можетъ быть также и Фризы, остались вѣрными Риму; въ ихъ области находился еще римскій гарнизонъ. Иствеонскіе-же народы между Рейномъ и Везеромъ жили, не опасаясь будущихъ войнъ: воцарившійся послѣ пораженія Вара миръ сдѣлалъ ихъ безпечными; пяти лѣтъ было достаточно, при беззаботности юной націи, чтобы она слишкомъ многое забыла.

Такъ удалось Германику въ первомъ походѣ застигнуть врасплохъ Марсійцевъ, во второмъ — пробраться до Хаттовъ. Конечно, этимъ достигнуто было немного. Иствеонскіе сосѣди въ обоихъ случаяхъ поспѣшили на помощь; несмотря на всѣ принятія Германикомъ, предупредительныя мѣры, прочнаго покоренія не удалось достигнуть. Подобные опыты дѣлали еще Цезарь и Друзъ при разрозненныхъ попыткахъ проникнуть въ глубь страны.

Подобно Друзу и его преемникамъ, Германикъ вынужденъ былъ также обратиться къ концентрической системѣ нападенія. Но при этомъ онъ столкнулся съ такимъ сопротивленіемъ, какого не знали прежніе полководцы. Еще живъ былъ Арминій; подъ его вліяніемъ улажены были партійныя несогласія у Херусковъ. Дружественная Риму знать, Сегестъ и его приверженцы, а вмѣстѣ съ нимъ и по его принужденію — дочь его, Туснельда, супруга Арминія, на которой послѣдній женился увозомъ, переселились въ Римскія владѣнія. А на родинѣ Арминій и его дядя съ отцовской стороны, Ингвиомеръ, остались полновластными господами; и, благодаря ихъ усиліямъ, племена Херусковъ и ихъ сосѣди, тѣсно сплотившись, были готовы къ систематическому сопротивленію.

Германику предстояло обратиться противъ нихъ и ихъ союзниковъ. Только черезъ ихъ область могъ быть проложенъ путь къ прочному обладанію Эльбой. И если-бы даже Германикъ покорилъ ихъ, то за страню Херусковъ открывались границы широко-раскинувшихся владѣній Марбода: пришлось-бы начать новую, несравненно-болѣе серьезную войну.

Но уже тѣ два похода, которые были предприняты противъ Арминія, не достигли цѣли. Первый, являвшійся въ сущности, повтореніемъ Друзова похода 12 г. до Р. Х., былъ начатъ одновременнымъ нападеніемъ со стороны Эмса и съ рейнскаго запада. Самъ Германикъ пришелъ моремъ, а вверхъ по теченію рѣки, со стороны Рейна приближались двумя колоннами войска подъ предводительствомъ второстепенныхъ вождей. Произошла нерѣшительная

битва, плодами которой, однако, воспользовались германцы. Германикъ безъ всякихъ результатовъ вернулся домой тѣмъ же путемъ, которымъ пришелъ; сухопутное войско едва избѣгло рѣшительнаго пораженія; только нетерпѣніе германцевъ помѣшало полному успѣху ихъ нежданнаго нападенія на римлянъ. Отступавшее войско было тѣснимо германцами, одушевленными новымъ мужествомъ; они напали на укрѣпленіе Ализонъ у истоковъ Липпе, на вновь приобрѣтенный римскій бастіонъ въ глубинѣ страны, и только благодаря нѣсколькимъ диверсіямъ Германика и, наконецъ, личному его появленію удалось отстоять крѣпость. Но она вовсе не получила большаго значенія, какъ средоточіе новыхъ завоеваній; обнаруживъ много военной пышности, Германикъ снова отправился къ Рейну; о римскомъ владычествѣ на лѣвомъ берегу Везера болѣе не было и рѣчи.

Поэтому, при второмъ своемъ, болѣе серьезномъ походѣ, Германикъ уже и не пытался сдѣлать нападеніе съ суши. Отъ всей системы двойныхъ, концентрическихъ наступательныхъ линій была удержана только внѣшняя вѣтвь, ведшая черезъ Сѣверное море: это было послѣднее средство, минуя область независимыхъ народовъ между Рейномъ и Везеромъ, перенести войну въ страну Арминія.

Въ 16 г. по Р. Х. Германикъ велѣлъ построить флотъ въ тысячу судовъ; все войско должно было морскимъ путемъ и по Эмсу добраться до внутренней Германіи. Но Арминій встрѣтилъ римское нападеніе хорошо обдуманномъ наступательнымъ движеніемъ. Послѣ битвы, въ которой батавскія вспомогательныя войска были почти уничтожены Херусками, онъ рѣшился взять приступомъ римскій лагерь. Когда-же этотъ планъ былъ разрушенъ бдительностью легионовъ, онъ снова приготовился къ битвѣ въ открытомъ полѣ. На Идизавизонской равнинѣ произошло кровавое сраженіе; германцы были разбиты; самъ Арминій съ трудомъ избѣжалъ плѣна. Битва возобновилась, и Херуски были еще разъ побѣждены.

Германикъ могъ гордиться подвигами своего войска и вспомогательныхъ дружинъ; не удивительно, что высококомѣрный юноша трофеями увѣковѣчилъ память о тѣхъ мѣстахъ, которыя были свидѣтелями его славы.

Ничего серьезнаго, однако, не было достигнуто; не осталось ни одного осязательнаго результата. Мало того, характеръ послѣдней, избранной имъ, морской наступательной линіи уничтожилъ и самую мысль о возобновленіи похода: на возвратномъ пути флотъ былъ застигнутъ сильною бурей и разрушенъ; погибло около двадцати тысячъ человѣкъ, и только благодаря добрымъ услугамъ фризовъ разсѣянные обломки этой армады постепенно были собраны къ берегамъ Галліи.

Это былъ послѣдній походъ Германика; Тиверій отозвалъ его; два года спустя онъ умеръ въ Азіи. Если снять романтическую за-

вѣсу, прикрывающую то, что было сдѣлано имъ на Рейнѣ, если оставить въ сторонѣ тацитовскій рассказъ о его дѣяніяхъ, разукрашенный блестящими патетической реторики, то останутся лишь немногіе результаты, которые могли приобрести цѣнность только въ отдаленномъ будущемъ.

Это былъ послѣдній, прощальный привѣтъ римской наступательной политики на Рейнѣ; онъ былъ героичнѣе и возвышеннѣе по замыслу, чѣмъ дѣятельность прежнихъ военачальниковъ. Послѣднія событія своимъ особымъ героическимъ характеромъ могли увлечь германца, сдѣлать римлянъ, какъ людей, болѣе доступными его пониманію и тѣмъ самымъ неизмѣримо выше поднять ихъ въ его глазахъ. Но этимъ нравственнымъ вліяніемъ на германцевъ и исчерпывается значеніе походовъ Германика, если оставить въ сторонѣ то обстоятельство, что они дѣлаютъ для насъ особенно рельефной фигуру Арминія. Для самаго Рима единственнымъ приобрѣтеніемъ осталось храброе, испытанное въ побѣдахъ войско: остался тотъ результатъ, котораго мелочный Тиверій думалъ достигнуть посредствомъ одной желѣзной дисциплины.

Съ тѣхъ поръ римляне вынуждены были довольствоваться Рейномъ и его побережьями; но судьбы Германіи на протяженіи еще одного поколѣнія отражали въ себѣ послѣдствія той бури, которую римскіе походы возбудили въ средѣ германскихъ народовъ.

V.

Когда Тиверій отозвалъ Германика, онъ, вѣроятно рассчитывалъ на то, что внутренніе раздоры могутъ сыграть такую-же роль въ дѣлѣ истощенія боевыхъ силъ германцевъ, какъ и нападенія римлянъ. И, можетъ быть, отъ его проницательности не ускользнуло то обстоятельство, что въ средѣ германскихъ народовъ, жившихъ близъ римской границы, теперь дѣйствительно возникъ антагонизмъ, отъ напряженности котораго всецѣло зависѣлъ ходъ германской исторіи въ послѣдующіе годы, а именно антагонизмъ между Арминіемъ и Марбодомъ.

Въ западной Германіи, особенно у иствеонскихъ племенъ, послѣ Германика Арминій сталъ народнымъ героемъ.

Уже тогда, вѣроятно, его подвиги вдохновляли германскихъ пѣвцовъ. Не существовало такой силы, которая могла-бы устоять рядомъ съ нимъ. Отецъ и братья уже покинули его. Теперь ему измѣнилъ послѣдній близкій родственникъ, Ингвиомеръ. Онъ убѣждалъ къ Марбоду. Здѣсь мы сталкиваемся впервые съ вліяніемъ антагонизма выдающихся личностей въ германской исторіи.

Но, какъ и всегда, въ этомъ случаѣ оба національные героя были только выразителями болѣе глубокихъ контрастовъ. Различія культуры и духовной жизни давно уже вызвали расколъ въ средѣ великой западной-германской массы ингвеоновъ, иствеоновъ и герминовъ-свевовъ. Римскіе полководцы не разъ эксплуатировали естественную неприязнь ингвеоновъ, населявшихъ побережье Сѣвернаго моря, къ южнѣе жившимъ иствеонамъ. А римскія повѣствованія совершенно ясно передаютъ намъ о различіи между культурой рейнскихъ иствеоновъ, отличавшеюся болѣе прочною осѣдлостью болѣе развитымъ земледѣліемъ и торговлей, — съ одной стороны, и тою свево-германской культурою, которая еще характеризовалась кочевымъ скотоводствомъ и военнымъ строемъ съ особыми органами для ежегодныхъ хищническихъ набѣговъ — съ другой! Эти племенные и культурныя различія, безъ сомнѣнія, начали развиваться именно теперь при Арминіи и Марбодѣ; отдѣльныя германскія племена, въ особенности — сатты, подверглись вліянію болѣе высокой культуры иствеоновъ и стали соединяться съ ними; иствеонскія племена на востокѣ въ опустошительныхъ набѣгахъ своихъ слѣдовало, можетъ быть, въ свою очередь внушенію древне-севскихъ племенъ.

Но контрастъ между группами этимъ, говоря вообще, отнюдь не устранялся. Обыкновенно онъ проявлялся въ тысячахъ мелкихъ пограничныхъ стычекъ и опустошеній, въ похищеніи женъ и въ родовыхъ распряхъ; теперь онъ нашелъ себѣ воплощеніе въ лицѣ двухъ національныхъ героевъ, около которыхъ все тѣснѣе и замкнутѣе смыкались народности, какъ иствеонской, такъ и севской группы.

Если Марбодъ, на востокѣ, основалъ обширное государство, то и Арминій, на западѣ, былъ больше, чѣмъ простымъ начальникомъ во время мира, и даже больше чѣмъ герцогомъ, общимъ командующимъ на войнѣ. Втеченіи многихъ лѣтъ, среди невзгодъ и бурь борьбы съ Римомъ, его не покидало довѣріе племенъ. Можно-ли было допустить, чтобы это сокровище, доставшееся ему дорогою цѣной, было совершенно утеряно съ наступленіемъ мира? Кто могъ поручиться, что въ римской политикѣ не произойдутъ новыя перемѣны? Развѣ это довѣріе не могло сослужить службу могучаго орудія для будущаго? Такимъ образомъ Арминій и Марбодъ отражаютъ въ себѣ также и политическіе контрасты историческаго развитія германцевъ: Марбодъ — представитель власти, отмѣченной характеромъ абсолютизма, не народный король, а «Великій Король», повелитель народовъ; Арминій — вождь свободныхъ народныхъ государствъ, великій по волѣ собратьевъ и въ силу собственныхъ заслугъ, ставшій тѣмъ, чѣмъ онъ былъ не въ силу самодержавнаго положенія, а въ силу свободного воодушевленія народа.

Общие и личные контрасты выступили наружу, какъ только прекратилось объединявшее ихъ давленіе Рима; въ первый разъ въ историческія времена злополучный споръ между значительными частями германскаго міра требовалъ рѣшенія оружіемъ. И рѣшеніе это произошло, вѣроятно, на территоріи Гермундуровъ. На сторонѣ Арминія стояли Херуски и ихъ ближайшіе союзники, вооруженные своими длинными копьями, рядомъ съ ними Семноны и Лангобарды, — жившіе по среднему теченію Эльбы свевскія племена, пытавшіеся измѣной Марбоду и борьбой съ нимъ возвратитъ себѣ свободу и древнюю славу. На противоположной сторонѣ Марбодъ расположилъ свои войска, выстроенныя почти по-римски, и позади ихъ первыхъ боевыхъ рядовъ стоялъ, какъ, вѣроятно, и у Арминія, резервъ: такимъ образомъ вожди соединили теперь германскую стремительность первой, всерѣшающей атаки съ предусмотрительной заботливостью римлянъ о резервахъ.

Исходъ битвы остался сомнительнымъ; съ обѣихъ сторонъ разбито было правое крыло. Но нравственное превосходство защищаемаго дѣла обезпечивало народамъ Арминія плоды побѣды. Народы Марбода поколебались въ своей вѣрности; король отступилъ на холмъ и, избѣгая всякой дальнѣйшей битвы въ открытомъ полѣ, удалился, постепенно покидаемый своими дружинами, въ Богемію.

Пораженіемъ Марбода великій антагонизмъ между сѣверозападомъ и юговостокомъ германской наступательной линіи былъ разрѣшенъ невыгоднымъ для Рима образомъ. Но тутъ же внутри каждой изъ этихъ группъ образовались новыя дѣленія, не менѣе богатые послѣдствіями.

Королевство Марбода получило въ походѣ противъ Арминія такой ударъ, отъ котораго оно уже не могло оправиться; повсюду возставали революціонныя силы; самобытность отдѣльныхъ племенъ громко заявила о себѣ и требовала мести за долгое порабощеніе. Марбодъ пожиналъ плоды неестественнаго абсолютизма и, видя, что власть ускользаетъ изъ его рукъ, утратилъ проницательность и здравый смыслъ. Чувствуя себя совершенно изолированнымъ, онъ обратился за помощью въ Римъ, къ Тиверію. Но Тиверій стоилъ Марбода. Съ пышными изъявленіями соболѣзнованія появился на Дунаѣ, по порученію императора, Друзъ младшій, братъ Германика; но втайнѣ онъ раздувалъ возстаніе свевскихъ народовъ. Катуальда, — вѣроятно, изгнанный Марбодомъ благородный маркоманъ — заручился помощью Готовъ; съ далекой окраины королевства двинулся онъ противъ Марбода и, опираясь на поддержку знатнѣйшихъ маркоманскихъ родовъ, безъ боя заставилъ его бѣжать. Всѣми покинутому Марбоду оставалось одно прибѣжище, — за римскою границей. Гордо, не какъ бѣглець, а какъ король, обратился онъ къ Тиверію, требуя гостепріимства. Онъ былъ принятъ: кто могъ знать, для какихъ угрозъ можно

будетъ злоупотреблять его именемъ? Но, на этотъ разъ, Римъ ошибся въ своихъ расчетахъ. Сильный духъ Марбода былъ сломенъ; подъ старость король проводилъ свои годы въ Равеннѣ, мѣстѣ ссылки Арминіевой супруги и ея злополучнаго сына; а римская исторіографія могла поставить ему въ упрекъ, что онъ не прекратилъ безславное существованіе самоубійствомъ, какъ сдѣлали это нѣкогда благородные послы Сигамбровъ.

Роковымъ образомъ, и въ исторіи западно-германской, преимущественно иствеонской, культуры судьбы великой эпохи завершились концомъ, подобнымъ тому, къ которому пришелъ Марбодъ. Побѣдой надъ послѣднимъ Арминій достигъ такой полноты власти, что блескъ королевской маптіи сталъ ему казаться единственнымъ, достойнымъ ея, внѣшнимъ выраженіемъ. Такъ зародилось въ немъ стремленіе, на которое аристократическіе роды его племенъ должны были смотрѣть, какъ на дерзость, и которое непосредственно грозило имъ смертию и гибелью, въ чемъ имъ могло служить нагляднымъ примѣромъ прежніе обращеніе съ ними Марбода. Сдѣлана была попытка предупредить Арминія: вождь Хаттовъ, Адгандестрій, просилъ въ Римѣ объ отравленіи героя. Но для миролюбиваго императора германскіе раздоры были важнѣе смерти Арминія, и просьба была отклонена. Тогда аристократическіе раздоры разрослись въ племенную усобицу. Произшелъ рядъ нерѣшительныхъ битвъ и Арминій былъ наконецъ умерщвленъ своими собственными родственниками.

Онъ палъ, если не при тѣхъ-же обстоятельствахъ, то по той-же причинѣ, что и Марбодъ. Онъ палъ, потому что пытался предвосхитить тѣ результаты историческаго развитія, которые достигли у германцевъ полной зрѣлости только въ III в. Великія римскія войны заставили германцевъ сплотиться для дружнаго сопротивленія. Со стороны героя этого сопротивленія было простительною ошибкой, что онъ надѣялся построить новыя, прочныя отношенія, опираясь на такое положеніе дѣлъ, которое, сравнительно съ жизнью цѣлаго народа, имѣло лишь временный характеръ. Его идеаломъ было племенное королевство въ смыслѣ позднѣйшаго маркоманскаго и франкскаго господства; но племена позднѣйшаго времени обязаны своимъ возникновеніемъ не только наступательнымъ дѣйствіямъ римлянъ: они представляютъ собою результатъ непрерывнаго, въ первомъ вѣкѣ далеко еще незавершившагося развитія. Такимъ образомъ, Арминій погибъ благодаря крупной ошибкѣ. Но эта ошибка была человѣчна: она истекала изъ вѣры въ великую будущность его народа. Въ этомъ его отличіе отъ Марбода, который уклонился отъ того пути, по которому шло развитіе его народа. Его королевство держалось только его эгоизмомъ. Пристально наблюдая и изучая римское правительственное искусство, онъ легко понялъ и примѣнилъ у себя тѣ изъ его приемовъ, которые возможно было перенести на

германскую почву. Но нація стяхнула съ себя иго чуждой ей регламентаціи, и Марбодъ былъ забытъ.

Не такова была судьба Арминія. Трагедія его жизни была искуплена тяжкою участію его народа: Херуски уже вскорѣ послѣ его смерти ослабѣли вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ, сохранивъ только тѣнь прошлаго величія. Образъ же Арминія, очищенный въ памяти потомства, сталъ идеаломъ національнаго героя; онъ воплотилъ въ себя мысль о побѣдоносномъ сопротивленіи Риму; и преданіе и поэзія окружили его сіяющимъ ореоломъ. Римлянинъ же, который жилъ двумя поколѣніями позже и болѣе соплеменниковъ способенъ былъ начертать историческую картину великой эпохи, написалъ Арминію слѣдующую удивительную эпитафію:

„Liberator haud debie Germaniae, et qui non primordia populi Romani. sicut alii reges ducesque, sed florentissimum imperium lacessierit: proeliis ambiguus, bello non victus (Tac. Ann. 2, 88).

„Несомнѣнный освободитель Германіи, тревожившій не зачатки римскаго государства, какъ другіе короли и вожди, а имперію въ расцвѣтѣ ея могущества, — онъ имѣлъ сомнительный успѣхъ въ битвахъ, но не былъ побѣжденъ на войнѣ“.

VI.

Военныя дѣянія римлянъ на Рейнѣ, имѣвшія мѣсто послѣ смерти Арминія, въ первомъ и второмъ вѣкѣ, до эпохи образованія германскаго племени, представляютъ собою лишь эпилогъ болѣе величественнаго прошлаго. Притязанія, правда, остаются тѣ-же, все еще существуетъ стремленіе покорить или, по крайней мѣрѣ, замирить страну до Везера; а на югѣ Германіи преслѣдуютъ все ту же старую цѣль — открываютъ для галльской иммиграціи область между Рейномъ и Неккаромъ и даже за предѣлами послѣднихъ. Былая энергія, однако, исчезла; только когда вторженія германцевъ вызываютъ необходимость сильнаго наступленія, легионы углубляются въ непроходимую чащу свевскихъ или иствеонскихъ лѣсовъ; затѣмъ римляне довольствуются обороною въ несвойственной имъ формѣ защиты посредствомъ валовъ и рвовъ.

Въ согласіи съ этими стремленіями, на западѣ и на югѣ Германіи, въ прирейнскихъ и придунайскихъ земляхъ, постепенно возникаетъ, главнымъ образомъ втеченіи перваго вѣка, военная граница, — одна изъ тѣхъ, какія обыкновенно создаютъ дряхлѣющія цивилизаціи для огражденія себя отъ напора стихійной силы юныхъ народовъ. Отъ мирнаго ядра имперіи отрѣзывается полоса земли, получающая устройство, какъ особая провинція съ преобладающимъ военнымъ характеромъ; ея внѣшнія границы укрѣпляются естественными и искусственными средствами; а передъ нею тянется, въ видѣ огромнаго гласиса,

пограничное пространство, какъ арена непріятельскихъ нападеній и собственной обороны.

Такова-же была и организація германскихъ границъ. На западѣ (объ части Германіи уже въ 9 г. до Р. Х. были исключены изъ существовавшаго до тѣхъ поръ административнаго дѣленія Галліи. Узкою полосой примыкала къ верхнему теченію Рейна верхняя Германія между рѣкой и Вогезами, еще болѣе сѣзвившись, шла она вдоль средняго теченія до сѣверной границы страны Треверовъ у Рейнброля. Здѣсь соединялась съ ней нижняя Германія; далѣе, раздавшись въ ширину, ея границы охватывали Арденны и оттуда направлялись, приблизительно, чрезъ Шарлеруа, къ устью Эльбы. На восточной сторонѣ обѣихъ провинцій Рейнъ составлялъ границу и вмѣстѣ съ тѣмъ и оборонительную линію. Давно уже онъ былъ соединенъ съ тью превосходныхъ дорогъ съ сосѣдними римскими владѣніями. Отъ главнаго пути Прованса и рейнской долины Арль, — Лионъ-Безансонской шли двѣ большія новыя военныя дороги: одна, черезъ Страсбургъ — Майнцъ — Кельнъ — Нимвегенъ, непосредственно доходитъ до Рейна; другая тянулась черезъ Лангръ — Реймсъ — Бовэ къ Самбрѣ и оканчивалась тоже въ странѣ, прилегавшей къ устьямъ Рейна. Но между этими двумя главными вѣтвями въ позднѣйшія времена возникла густая сѣть разнообразнѣйшихъ развѣтвленій, изъ которыхъ важнѣйшія встрѣчали рейнскую линію у Страсбурга, Майнца, Кельна и Ксантена; онѣ, стало быть, доходили до главныхъ крѣпостей на восточной границѣ.

Изъ этихъ крѣпостей Ксантенъ, укрѣпленный лагерь пространствомъ въ 800 кв. метровъ, былъ занятъ двумя легіонами; Кельнъ, занимавшій площадь въ 900 кв. метровъ, содержалъ тоже два легіона; Майнцъ, размѣрами едва-ли уступавшій Кельну, былъ предназначенъ еще для двухъ легіоновъ, наконецъ въ стѣнахъ Страсбурга, обнимавшихъ площадь величиною въ 530—370 кв. метровъ, по всей вѣроятности, находился обыкновенно только одинъ легіонъ.

Уже это распредѣленіе легіоновъ въ древнѣйшее время показываетъ, гдѣ слѣдуетъ искать средоточія римской оборонительной позиціи; преобладающее значеніе средняго и нижняго теченія Рейна станетъ еще яснѣе, если мы вглянемъ на возрастающее по направленію къ сѣверу обиліе болѣе мелкихъ пограничныхъ укрѣпленій каковы: Бингенъ, Обервезель, Бошардъ, Кобленцъ, Андернахъ, Сицигъ, Ремагенъ, Боннъ, Геллепъ, Нейссъ, Асбергъ, Нимвегенъ, Эммерихъ, Арнгеймъ.

Изъ этихъ укрѣпленныхъ пунктовъ дороги лѣваго берега Рейна вели непосредственно въ восточныя пограничныя земли; въ Майнцѣ, Кельнѣ и Ксантенѣ временно, а въ первыхъ двухъ городахъ, по всей вѣроятности, и постоянно находились мосты; тамъ же гдѣ ихъ не было, на помощь являлся императорскій рейнскій военный флотъ.

Въ самыхъ-же пограничныхъ земляхъ Германіи первоначально имѣлись у Римлянъ на далекомъ протяженіи бастіоны, большая часть которыхъ обязана была своимъ существованіемъ геройскимъ битвамъ прежнихъ временъ; таково, напр. укрѣпленіе на р. Фли во Фрисландіи, Эмсъ укрѣпленіе укрѣпленіе Ализонъ на р. Липпе, Таунусбургъ у Веттерау—и мн. др.

Подобнымъ-же образомъ, только не такъ сильно, первоначально была укрѣплена и южная граница. Здѣсь римскія окраины лежали въ провинціяхъ Реціи и Норикъ; къ нимъ вели изъ Италіи альпійскія дороги изъ Милана въ Куръ и Браганцъ, изъ Вероны черезъ Боуень въ Вильтенъ (близъ Инспрука) и Аугсбургъ-Регенсбургъ, изъ Аквилеи черезъ Оберъ-Лайбахъ въ Карнунтумъ (Гаймбургъ близъ Пресбурга). Конечные же пункты этихъ линій связаны были большою дорогой, которая вела отъ Гаймбурга черезъ Регенсбургъ, Аугсбургъ, Кемптенъ и Браганцъ къ Виндишу на р. Ааръ и въ свою очередь соединялась съ западно-рейнскою вѣтвью.

Главными пунктами этой границы, естественнымъ укрѣпленіемъ которыхъ были быстротекуція воды Дуная, являются Пассау и Регенсбургъ; со времени императора Клавдія ея защита поддерживалась еще дунайскимъ флотомъ съ позднѣйшими стоянками въ Тульнѣ и у устьевъ Эрлафа; а на случай если-бы боевыхъ средствъ самой границы оказалось недостаточно, въ Виндишѣ стояли два легіона, всегда готовые выступить на помощь.

Рейнская и Дунайская границы обладали великимъ преимуществомъ естественной недоступности; только между ихъ верховьями оставался промежутокъ, но и онъ представлялъ собою горную страну, лишенную удобныхъ дорогъ; да къ тому-же его закрыли римскіе инженеры. Мало того: имперія имѣла еще достаточно силъ, чтобы изъ этого пункта постоянно передвигать свои границы впередъ и почти безъ промежутковъ развернуть новую оборонительную пограничную линію впереди старой линіи Рейна и Дуная. Надъ этой работою потрудились не мало поколѣній; во многихъ случаяхъ для этой цѣли были употреблены прежнія полевые укрѣпленія; другія сооруженія были совершенно новыя; сооруженіе пограничной линіи отнюдь не было дѣломъ единымъ по замыслу и непрерывнымъ по исполненію.

Линія начиналась, въ видѣ стѣны, у Кельгейма, выше Регенсбурга, и однообразно тянулась къ западу до нынѣшней Виртембергской границы у Лорха. Позади нея лежалъ рядъ прикрывавшихъ ее укрѣпленій, впереди находились окопы, частью, вѣроятно, болѣе древняго происхожденія. Еще по нынѣ сохранились значительныя части этого сооруженія, хотя его деревянныя сторожевыя башни давно исчезли; оно продолжаетъ жить въ памяти народа, какъ «Чортова стѣна», какъ произведеніе сверхъестественныхъ силъ, дѣйствовавшихъ въ давнія времена.

У Лорха граница перемѣняла свое направленіе. Сопровождаемая цѣпью укрѣпленій на Неккарѣ, служившихъ, вѣроятно, прежде прикрытіемъ между Рейномъ и Дунаемъ, она шла большею частью по прямой линіи, къ сѣверу, къ Мильтенбергу на Майнѣ, въ видѣ землянаго вала съ рвами, башнями и оборонительными укрѣпленіями. Далѣе, до Гросскроценбурга, границею служитъ уже Майнѣ; на этомъ пространствѣ прикрывали его, кажется, семь укрѣпленій, соединенныхъ между собою дорогами.

Въ Гросскроценбургѣ къ этой линіи примыкала новая, охватывавшая область Таунуса и значительную часть странъ по правому берегу средняго Рейна и спускавшаяся къ Рейну лишь у Рейнброли, напротивъ границы между верхнею и нижнею Германіей. Она представляла собой земляной валъ съ рвами, укрѣпленный вѣроятно палисадами; вблизи ея, съ внутренней, римской стороны, тамъ и сямъ шла дорога, отъ которой концентрическіе пути вели внизъ по теченію Веттерау къ Майнцу, столицѣ верхней Германіи.

У пограничной области нижней Германіи также существовали подобныя, хотя и не столь величественныя сооруженія. Крѣпостные валы вмѣстѣ съ болѣе сильными полевыми укрѣпленіями встрѣчаются между Ланомъ, Зигомъ, Руромъ, Липпе и далѣе къ сѣверу; они возникли, вѣроятно, при императорѣ Клавдіи (41—54); а еще раньше по распоряженію Друза, здѣсь были вышолнены обширныя земляныя работы и Домицій Агенобарбъ, своими *pontes longi*, имѣвшими форму бревенчатыхъ плотинъ, проложилъ путь черезъ обширныя болотистыя равнины.

Вся, заключавшаяся въ этихъ границахъ, область, особенно, окраины верхней Германіи, отличались въ первые вѣка имперіи кипучею жизнью и по высотѣ культурнаго развитія мало уступали обѣимъ германскимъ провинціямъ.

Отличительнымъ признакомъ этой культуры и здѣсь, и тамъ являлся военный элементъ. Рейнскіе берега, правда, мѣстами окаймлялись сплошнымъ рядомъ виллъ, но все же въ великолѣпныхъ домахъ, украшенныхъ мозаичною работою и прекрасными статуями, распоряжался воинъ; какъ бы обильны ни были результаты земледѣлія въ долинѣ верхняго Рейна или на благословенныхъ берегахъ Неккара, но они цѣликомъ уходили на прокормленіе легионовъ. Даже высшія формы римской культуры, памятники и храмы, частыя зданія, улицы имѣли военный характеръ, военное происхожденіе: легионы далеко не были, подобно нашимъ военнымъ отрядамъ, одними лишь орудіями войны. Въ мирное время легионеръ былъ также фортификаторомъ и вообще инженернымъ солдатомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; онъ шурфовалъ въ рудникахъ, онъ рѣзалъ камень въ каменоломняхъ, онъ строилъ дороги, создавалъ каналы, — онъ, вообще, дѣлалъ страну обитаемою для римлянъ.

Эта дѣятельность принесла странѣ много пользы. Въ Трирѣ, резиденціи многихъ императоровъ, еще не найдено ни одного кирпича, который не былъ бы сдѣланъ легионерами; въ обѣихъ частяхъ Германіи, — вержней и нижней, у военной границы, страна кишѣла воинами. На одномъ Рейнѣ при Тиверіи стояло восемь легионовъ (около 100,000 человѣкъ), тогда какъ во всей Галліи находилось всего 1200 солдатъ; позднѣе оставалось, какъ-кажется, всего около 30,000, а во второмъ вѣкѣ даже только 20,000 солдатъ.

Но и этого числа было достаточно для того, чтобы придать странѣ и ея культурѣ преимущественно военный характеръ. Рядомъ съ кореннымъ мѣстнымъ населеніемъ въ городахъ толпилась масса военного сброда: маркитантовъ, солдатскихъ женъ, слугъ, ремесленниковъ и торговцевъ: это былъ жалкій людъ; но у самыхъ ихъ хижинъ красовались великолѣпные казенные дома командировъ, виллы ихъ семей и дворцы крупныхъ поставщиковъ арміи. Вліяніе милитаризма распространялось и на села. Правда, здѣсь крестьянинъ — былъ-ли то потомокъ туземнаго кельтскаго населенія или позднѣйшій переселенецъ того-же племени, или ставшій осѣдлымъ германецъ, — по обычаю предковъ воздѣлывалъ свое поле; но посреди маленькихъ крестьянскихъ поселеній стали появляться — чѣмъ дальше, тѣмъ больше — необозримыя плантаціи поставщиковъ арміи и однообразныя колоніи государственныхъ поселенцевъ, ветерановъ и иноплеменниковъ.

Такимъ образомъ, страна сохранила свой двойственный характеръ. Непосредственно рядомъ съ утонченною роскошью римскаго офицера и крупнаго торговца ютилась жалкая некультурность туземнаго варвара; но все же отсутствовало гармоническое сліяніе контрастовъ. Подъ золотымъ солнцемъ Трира, въ благодатныхъ странахъ Бельгіи могла образоваться культура кельто-римскаго характера; болѣе южныя округа Реціи и Норикки, по изгнаніи туземныхъ жителей, мѣстами могли пережить, хотя бы не столько по содержанію, сколько по виѣшности, — мѣстный расцвѣтъ италійской цивилизаціи; на Дунаѣ же и на Рейнѣ римлянинъ оставался чуждымъ пришельцемъ, почти изгнанникомъ — порубежникомъ. И въ то же время эти мѣстности положили предѣлъ напору германцевъ въ такую эпоху, когда чувство военного долга съ его суровыми требованіями давно уже уступило мѣсто стремленію къ наслажденіямъ и комфорту.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Переселенія восточныхъ германцевъ и ихъ слѣдствія.

I.

Если мы будемъ судить съ точки зрѣнія третьяго и четвертаго столѣтій объ оборонительныхъ мѣрахъ Рима на Рейнѣ и верховьяхъ Дуная, то нельзя будетъ отрицать ихъ цѣлесообразности. Германцы, жившіе по ту сторону границы, въ главномъ, подчинялись новымъ необходимымъ условіямъ: стѣсненные фортификаціонными сооруженіями, они научились терпѣливому уходу за своею пашней; ихъ земледѣльческій промыселъ давалъ достаточное пропитаніе размножавшемуся населенію: съ этой стороны можно было болѣе не опасаться стихійнаго порыва большихъ массъ.

Но остановкою западныхъ германцевъ задержаны были и слѣдовавшіе за ними народы. Такимъ образомъ давленіе косвенно отозвалось и на восточныхъ германцахъ, но въ то-же время послѣдніе лишены были прямого цивилизующаго вліянія Рима. Хотя они стояли на болѣе высокой ступени духовнаго развитія, чѣмъ ихъ братья, жившіе между Рейномъ и Эльбой, хотя они вели оживленныя сношенія съ балтійскимъ побережьемъ и ревностно заселяли его, они однако-же не могли найти достаточнаго пропитанія для возраставшихъ массъ населенія. Образовался новый очагъ, питавшій обширное переселенческое движеніе: изъ странъ, расположенныхъ между Везеромъ и Эльбою, непрерывно стремились на югъ и юговостокъ громадныя толпы народа.

Это — начало такъ наз. переселенія народовъ которое лучше бы было назвать въ отличіе отъ переселенія западныхъ германцевъ, имѣвшаго мѣсто въ дохристіанскую эпоху, просто переселеніемъ восточныхъ германцевъ; такъ какъ послѣдніе прежде всѣхъ начали его и управляли имъ. Впослѣдствіи, правда, и западные германцы пере-

бираются через Рейнъ и Дунай, переходятъ даже чрезъ горы въ Ита-лію и съ побережья Сѣвернаго моря переправляются къ берегамъ Британіи; но они только слѣдуютъ примѣру восточныхъ германцевъ. Лишь тогда, когда готы и вандалы, бургунды и руги принялись разрушать внутреннія силы римскаго государства, на Рейнѣ и Дунаѣ исчезаетъ надолго оборонительный валъ имперіи.

Вѣроятно, уже около половины перваго вѣка нашей эры, въ области Вислы и Карпата, имѣли мѣсто безпокойныя передвиженія въ средѣ народовъ, главнымъ образомъ чуждыхъ, непринадлежавшихъ къ германской расѣ; и, приблизительно, тремя поколѣніями позднѣе началось, повидимому, переселеніе восточныхъ германцевъ. Прежде всѣхъ двинулись, вѣроятно, группы вандаловъ и тайфаловъ (готовъ); спустя сто лѣтъ, въ 240 году, за ними послѣдовала масса готскаго племени, а еще дальше шли гепиды и герулы, направляясь къ Черному морю. Когда, наконецъ, бургунды, въ противность остальнымъ восточно-германскимъ племенамъ, избрали себѣ путь къ западу, примкнувъ къ начавшемуся тогда медленному передвиженію западныхъ германцевъ въ галльскія провинціи, руги и скиры, а также сѣверныя герулы двинулись къ югу и, достигнувъ области Карпатскаго хребта, около половины пятаго вѣка были присоединены къ гуннскому царству Аттилы.

Четыре столѣтія продолжалось это непрерывное и стихійное, до мельчайшихъ подробностей однообразное движеніе; ни одно государство въ мірѣ не могло-бы подавить его надолго, въ силу военныхъ качествъ, присущихъ вообще всѣмъ кочевымъ народамъ. А Римъ только иногда оказывалъ имъ энергичное противодѣйствіе; въ періоды внутренняго упадка обнаруживалась также и слабость внѣшнихъ границъ; и въ одинъ изъ такихъ періодовъ, при крайне стѣсненномъ положеніи германцевъ, въ пограничной стѣнѣ имперіи открылась наконецъ ужасная брешь, черезъ которую германцы и устремились съ неудержимою силой. Это событіе знаменуетъ эпоху императора Валента и адрианопольской битвы 9 августа 378 г.

Уже въ половинѣ перваго вѣка, при попыткѣ дипломатически овладѣть, по удаленіи Марбода, маркоманскимъ государствомъ, римляне почувствовали натискъ сѣверныхъ полчищъ въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыя испытывало это государство на богемоморавскомъ юго-востокѣ; они воспренятствовали вторженію германцевъ въ этомъ мѣстѣ, имъ удалось даже основать еще сѣвернѣе Дуная провинцію Дакію, огромная площадь которой служила оплотомъ передъ верхней и нижней Мезіей, провинціями лежавшими къ югу отъ Дуная, и тогда первые восточно-германскіе переселенцы пробрались мимо границъ этихъ провинцій, вдоль Карпатскаго хребта, на востокъ, въ южную Россію, до Крыма.

На Черномъ морѣ готы въ первый разъ появляются въ 214 г.,

наводя страхъ на сушѣ и на морѣ, они вскорѣ опустошили побережья до самаго Эгейскаго моря.

Но, вслѣдъ за первыми толпами, съ сѣвера двинулись новыя, и опасность, грозившая Богеміи и Моравіи, росла. Однако она была устранена шестнадцатилѣтнею маркоманскою войною, начавшеюся въ 166 г. по Р. Х.; Италія была окончательно спасена отъ непосредственнаго нападена варваровъ. Тѣмъ болѣе усилилась опасность для восточной римской имперіи у устьевъ Дуная. Дакія, служившая оплотомъ по ту сторону рѣки, долѣе не могла быть удержана во власти римлянъ; Авреліанъ 275 г. сдалъ послѣднія укрѣпленныя городскія поселенія въ провинціи, а села давно уже были переполнены варварами. Далѣе, въ 281 г. Пробъ уже оказался вынужденнымъ переселить изъ-за Дуная во Фракію около милліона инопленниковъ, а позднѣе за ними послѣдовали несмѣтныя массы сарматовъ.

Положеніе, повидимому, еще разъ улучшилось при Константинѣ и его ближайшихъ преемникахъ. Столица была перенесена въ Византію, на востокъ, въ центръ опасностей; приняты были новыя оборонительныя мѣры. Въ то-же время германское движеніе, начало, повидимому, утихать; обширныя и плодородныя равнины южной Россіи давали неограниченный просторъ размноженію готскаго племени. Конечно, и тогда германскіе племена были переселены въ предѣлы имперіи; такъ, напр., вандалы — въ Паннонію. И одно изъ этихъ поселеній пріобрѣло значеніе въ исторіи германской духовной жизни. Въ 348 г. Вульфилла, какъ новый Моисей, съ готами, принявшими христіанство, перешелъ изъ негостепріимныхъ областей вестготскаго племени на правый берегъ Дуная; съ помощью императора Константина онъ поселилъ свой народъ на уютныхъ склонахъ Балканскихъ горъ, около Плевны и Никополя; и пастушескій народъ — Мэзоготы жили такъ еще въ шестомъ вѣкѣ въ полной безопасности отъ всѣхъ бурь. Прочная осѣдлость была приготовлена избранному Богомъ народу; подъ руководствомъ своего ученаго епископа онъ сталъ распространителемъ аріанскаго ученія въ средѣ восточныхъ и западныхъ германцевъ: какими бы путями ни проникъ къ этимъ сотнямъ германскихъ народовъ составленный Вульфиллою готскій переводъ библіи вмѣстѣ съ примыкающею къ нему литературой, — достовѣрно во всякомъ случаѣ то, что его вліяніе обнаруживается повсюду, и что даже еще спустя пятьсотъ лѣтъ къ этимъ ученіямъ прислушивались въ юго-восточной Германіи.

Однимъ изъ доказательствъ способности восточныхъ германцевъ къ духовному развитію служитъ тотъ поразительный фактъ, что первое, промелькнувшее, какъ метеоръ, явленіе родной литературы было воспринято ими съ такимъ одушевленіемъ, котораго не могъ заглушить весь шумъ переселенія, и оставалось предметомъ поклоненія, которому положили предѣлъ только собственная ихъ вя-

лость, воспитанная вѣками южной культуры, и франкская грубость Хлодвига.

Но, если мы оставимъ въ сторонѣ это, выходящее изъ ряду, явленіе, то увидимъ, что положеніе дѣлъ въ половинѣ четвертаго вѣка представляло мало успокоительнаго. Спокойствіе германцевъ по ту сторону Дуная было лишь кажущееся. Когда, около 370 г., Гунны, разсѣянный остатокъ племени Гіунгну, покинувъ китайскія границы, появились въ Европѣ, подчинили себѣ Алановъ и степныхъ остготовъ и погнали ихъ передъ собою, тогда и лѣсные вестготы не могли удержаться на мѣстѣ; они спаслись въ укрѣпленіи Трансильваніи и часть ихъ просила о включеніи ихъ въ составъ римской имперіи.

Просьба ихъ была уважена и, устройство ихъ на новыхъ мѣстахъ носило первоначально тотъ же характеръ, который изстари былъ обычнымъ при водвореніи варваровъ на римской территоріи. Но дурное обращеніе ожесточило германцевъ, внутренніе раздоры римскихъ властей сбили ихъ съ толку; они ринулись черезъ Мэзію впередъ, римлянамъ не удалось запереть передъ ними балканскіе проходы, императоръ палъ въ битвѣ съ ними при Адрианополѣ, и, торжествуя среди всеобщей гибели, германскіе пришельцы опустошили страну, а черезъ неохраемый Дунай тянулись все новыя толпы ихъ соплеменниковъ.

Когда римское правительство оправилось отъ этихъ ударовъ, и въ лицѣ Θεодосія (379 — 395) на престолѣ появился новый, полный силъ, императоръ, уже не оставалось ничего другого, какъ вступить въ мирное соглашеніе съ варварами. Это была послѣдняя попытка подчинить ихъ опредѣленнымъ нормамъ римской жизни. По римскому обычаю они въ военномъ отношеніи получаютъ организацію, какъ союзники на договорномъ началѣ, и поступаютъ подъ команду національныхъ, но назначаемыхъ императоромъ, начальниковъ; подобно наемному войску, они пользуются содержаніемъ изъ императорскихъ магазиновъ, или небольшими отрядами, размѣщаются въ разныхъ мѣстахъ на постой, чтобы, въ случаѣ нужды, сражаться за имперію. Такимъ образомъ, они не были, собственно, инороднымъ тѣломъ въ государственномъ организмѣ; съ другой стороны ихъ еще возможно было удалить. И вскорѣ представился очень благопріятный случай выпроводить ихъ въ западную имперію, въ Италію.

Въ западной римской имперіи, при молодомъ Валентиніанѣ II, начался рядъ властителей варварскаго, германскаго происхожденія, на протяженіи, приблизительно, трехъ поколѣній они подчиняли имперію иноземнымъ вліяніямъ и, наконецъ, завладѣли имъ. Первымъ изъ этихъ могущественныхъ властителей былъ Арбогастъ, вѣроятно, какой-нибудь хитрый франкъ; въ 392 г. онъ умертвилъ Валентиніана. Движеніе продолжалось при романскомъ вандалѣ, Стилихонѣ, при Аэціи

и Рицимерѣ, и закончилось господствомъ наемниковъ Одоакра (476 г.) и остгото-италійскимъ королевствомъ Теодориха Великаго (493 г.).

Періодъ паники наступаетъ въ эту германо-римскую эпоху, приблизительно, въ концѣ четвертаго или въ началѣ пятаго вѣка. Тогда вновь стали вторгаться восточно-германскія племена и отдѣльныя части племенъ. Съ сѣвера, изъ Норикъ и Реціи, изъ всѣхъ верхнедунайскихъ странъ въ верхнюю Италію устремляются Германцы, и въ ихъ числѣ и вестготскіе войны изъ восточно-римской области. Въ самой Италіи наступаетъ полная анархія. По всей странѣ бродятъ шайки разбойниковъ, ради защиты отъ которыхъ организуютъ частную полицейскую силу. Лишившійся крова и пристанища легко утрачиваетъ подъ давленіемъ обстоятельствъ свободу; съ нимъ, пришельцемъ, обращаются не какъ съ бѣглымъ, а какъ съ рабомъ. Въ періодъ отъ 404 до 406 г. вторженія Германцевъ пріобрѣтаютъ организованный характеръ военныхъ походовъ; главнымъ образомъ тянутся изъ альпійскихъ областей Остготы; Риму едва удается еще разъ сдержать натискъ ихъ полчищъ.

Но въ то-же самое время потокъ восточно-германскихъ народовъ, преимущественно вандаловъ, сопровождаемыхъ свевами, квадо-маркоманами и иноплеменными толпами Алановъ, начинаетъ изливаться въ Галлію къ сѣверу отъ Альпъ. На этомъ пути переселеніе нигдѣ не встрѣчаетъ препятствій; народы втеченіе трехъ лѣтъ бродятъ между Рейномъ и Пиренеями, опустошая страну, и въ 409 г. вторгаются въ Испанію.

Между тѣмъ Остготы окончательно покинули территорію восточной римской имперіи. Въ 408 г. ихъ король, Аларихъ, изъ рода Балтовъ, потребовалъ, чтобы западная имперія предоставила ему управленіе Далмаціей, Норикой и областью Венеціи; еще раньше онъ подкрѣпилъ аналогичное домогательство вступленіемъ въ сѣверную Италію. Когда требованіе его не было исполнено, онъ выступаетъ въ походъ противъ Рима, — не съ цѣлью разрушить имперію, а чтобы пріобрѣсть тамъ болѣе благопріятныя условія существованія для своего народа. Въ этомъ ему тоже отказываютъ, и, такимъ образомъ, вестготскіе походы возобновляются до тѣхъ поръ, пока Аларихъ, на пути въ Сицилію и Африку, подъ русломъ р. Бузенто, не нашелъ себѣ прославленной легендами могилы.

Его народъ не пошелъ далѣе на югъ; послѣ ряда смуть онъ, въ 412 г., отступилъ въ Галлію и временно водворился на югѣ ея, при крестьянскихъ бунтахъ, политическихъ притязаніяхъ галльскихъ антицезарей и томъ запустѣніи, которое оставили послѣ себя вандалы и ихъ союзники. Но даже и теперь у Вестготовъ еще не было намѣренія основать, вопреки желанію законныхъ властей, независимое отъ имперіи государство на галльской территоріи. Король Валлія (415 — 419) снова вступаетъ, въ качествѣ союзника, на римскую

службу; онъ сражается со своими соплеменниками, Вандалами и Свевами такъ же, какъ и съ Аланами; желая снискать себѣ благосклонность Рима, онъ старается пріобрѣсти императору новую провинцію, овладѣвъ Испаніей. Эти старанія доставляютъ Вестготамъ законное право на осѣдность въ Галліи. Въ 419 г. они, по договору, получаютъ югозападную часть страны съ главнымъ городомъ Тулузою; какъ военное, такъ и гражданское управленіе переходитъ въ руки короля Готовъ; единственное, что связываетъ еще новое государство съ имперіей—это обязательная военная помощь. Но таковая оказана была только одинъ разъ, въ 421 г., въ войнѣ съ Вандалами, и тотчасъ же оказалась неосуществимою: готское вспомогательное войско перешло на сторону врага.

Такъ было основано первое германское государство на римской территоріи. Это произошло, правда, въ концѣ концовъ, посредствомъ нарушенія договора, но, въ общемъ, все-таки, при терпѣливѣйшей покорности притязаніямъ Рима, фактически уже утратившимъ свое основаніе, и при удивительной готовности подчиниться условіямъ существованія античной міровой имперіи.

Вслѣдъ за возникновеніемъ германскаго государства, появились и другія въ Италиі и Африкѣ:

Въ Африку двинулись Вандалы и Аланы послѣ беспорядочныхъ битвъ 429 года; въ 439 г. они завоевали Карфагенъ; ближайшія десятилѣтія были уже свидѣтелями расцвѣта новаго государства.

Болѣе продолжительны были страданія Италиі. По уходѣ Вестготовъ еще разъ возродилась идея о единствѣ западной римской имперіи. При Валентиніанѣ III (425—455) явился могучимъ поборникомъ этой идеи патрицій Аэцій. Онъ бился на Рейнѣ съ Бургундами, въ сѣверозападной Галліи боролся съ революціей Багавдовъ, ходилъ на Пиктовъ и Скоттовъ въ Британіи, на пиратовъ въ Италиі; въ цѣловъ рядѣ походовъ онъ пытался отнять у Свевовъ Испанію, задержалъ распространеніе господства Вандаловъ въ Африкѣ и выступилъ противъ Вестготовъ, которые, осадивъ Нарбонну, пытались овладѣть юговосточною Галліей. Во всѣхъ этихъ многообразныхъ предпріятіяхъ опять дѣйствовалъ единый государственный интересъ, хотя центръ тяжести имперіи, повидимому, находился уже скорѣе въ Галліи, чѣмъ въ Италиі.

Но около половины того-же вѣка вторженіе Гунновъ подъ предводительствомъ Атилы обратило въ ничто всѣ достигнутые успѣхи, а позорное умерщвленіе Аэція Валентиніаномъ разрушило всякую надежду на возстановленіе того, что было сдѣлано въ предшествовавшіе годы. Правда, послѣ Аэція быстро возвысился до господствующаго положенія Рицимеръ, принадлежавшій, со стороны отца, къ свевскому, а со стороны матери—къ вестготскому королевскому дому, находившійся въ свойствѣ съ бургундскою династіей, и по сво-

имъ родственнымъ связямъ, какъ и по характеру своей дѣятельности являвшійся истиннымъ сыномъ этой эпохи. Но достигнуть того могущественнаго вліянія, которымъ пользовался Аэцій, ему не удалось. Галлія осталась самостоятельной; во владѣніи Рицимера передъ его смертію (472 г.) оставалась одна Италія. Онъ былъ послѣднимъ римскимъ патриціемъ въ томъ смыслѣ, какое слово это имѣло въ V вѣкѣ. Его племянникъ и преемникъ, Гундобадъ, вскорѣ нашелъ для себя болѣе покойнымъ сдѣлаться бургундскимъ королемъ; наемники Италіи, — Руги, Скиры, Туркилинги, — провозгласили королемъ Одоакра.

Однако, новый порядокъ вещей установился только по вступленіи Остготовъ. — Долго проживъ осѣдло въ Панноніи, Остготы въ 470 г. рѣшили покинуть свою страну. Одна часть народа двинулась, черезъ Италію, въ Галлію и подкрѣпила Вестготовъ, другая пошла черезъ Дунай въ Сербію. Отсюда Теодорихъ Великій, ставшій послѣ продолжительныхъ раздоровъ вождемъ народа, намѣревался сдѣлать нападеніе на Византію; но дипломатія восточной римской имперіи направила его въ Италію. Въ 489 г. онъ перешелъ черезъ Изонцо и послѣ пятилѣтней войны овладѣлъ государствомъ Одоакра; такимъ образомъ, въ самомъ сердцѣ имперіи основано было остготское королевство, и отъ всей западной римской имперіи остались только небольшіе клочки земли во внутренней Галліи.

Но новый порядокъ вещей оказался непрочнымъ. Въ первой половинѣ VI в., въ царствованіе Юстиціана, восточная имперія вновь окрѣпла и направила весь запасъ своихъ силъ на борьбу съ пришельцами, самовластно водворившимися на западѣ. Государство вандаловъ пало, а вслѣдъ за нимъ пало и остготское королевство: большая часть восточно-германскихъ государствъ исчезло съ римской территоріи. Не долго суждено было просуществовать и вестготскому королевству въ южной Галліи и Испаніи. Только въ первое время оно проявляло энергію; при королѣ Эйрихѣ (Eurich, 466—484) завоевана была Испанія, а также Галлія до Луары. Затѣмъ королевская власть и самое государство пришли въ упадокъ, и мавры въ 711 г., при Хересъ-де-ла Фронтьерѣ, встрѣтили уже только тѣнь былаго величія.

Государства вандаловъ и остготовъ, въ силу внутреннихъ причинъ, были-бы также недолговѣчны, если-бы полководцы восточной имперіи не положили преждевременнаго конца ихъ существованію. Ибо могли ли эти восточные германцы господствовать въ странахъ, имѣвшихъ передъ ними преимущество многовѣковаго культурнаго опыта? Они были лишь учениками въ этомъ южномъ мірѣ, и ученики не превзошли учителя. Тѣмъ не менѣе они учились въ провинціяхъ не безплодно, ибо они учились съ воспримчивостью духовно-одаренныхъ натуръ; и ихъ воздѣйствію на безсильное поколѣніе провинціаловъ

въ немалой степени обязанъ своимъ возникновеніемъ новый, романскій міръ.

Эта такая заслуга, которой никогда не забудеть германская исторія. Хотя готы, вандалы, руги, туркилинги и другія восточныя племена были потеряны непосредственно для германской культуры, хотя ихъ выдѣленіе причинило даже чувствительный ущербъ цѣлости національной территоріи, но, съ другой стороны, ихъ мужественнымъ и самоотверженнымъ посредничествомъ было предотвращено возникновеніе той пропасти, которая легко могла образоваться между германскою и романскою группами европейской семьи народовъ. Результатомъ ихъ жизни на югъ Европы было то, что германцы могли легко воспринять романское вліяніе; не всегда видимою, но непрерывною нитью вліяніе это проходитъ черезъ пеструю и яркую ткань жизни романскихъ народовъ. Для насъ, нѣмцевъ, вліяніе это весьма замѣтно; до сихъ поръ оно является и обусловливающимъ и руководящимъ факторомъ германскихъ симпатій къ успѣхамъ романскихъ націй.

II.

Внутреннее состояніе римской имперіи далеко не было удовлетворительнымъ въ то время, когда на ея территоріи возникли восточно-германскія государства. Обширныя страны у западныхъ береговъ Средиземнаго моря, наслаждавшіяся въ теченіи цѣлаго столѣтія миромъ, къ которому они привыкли и которой сталъ для нихъ желаннымъ, лишеныя даже самыхъ необходимыхъ регулярныхъ войскъ, подверглись тяжкимъ испытаніямъ какъ разъ тогда, когда въ государственной и административной жизни началъ развиваться упадокъ силъ. Правительственный механизмъ работалъ уже съ перерывами, произволъ чиновниковъ и бюрократическое высокомеріе достигли небывалыхъ размѣровъ, и общественные устои расшатались. Не было военно-политической власти для защиты слабаго отъ притѣсненій сильнаго. Уже до нашествія германцевъ воцарилось беззаконіе и самоуправство.

При такихъ условіяхъ начали разлагаться общественные организмы провинцій, но членамъ которыхъ раньше еще проходилъ живительный токъ политическаго участія въ мѣстномъ самоуправленіи и въ управленіи государствомъ. Теперь общество не видѣло передъ собою такого призванія, которое-бы объединяло и оплодотворяло его дѣятельность; ничѣмъ не сдерживаемый классовый эгоизмъ выступилъ впередъ открыто и беззастѣнчиво, единственнымъ отличительнымъ признакомъ сословныхъ группъ остались, казалось, одни имущественныя различія. Лицомъ къ лицу стояли богатые и бѣдные, се-

наторскіе роды, — владѣльцы обширныхъ латифундій и нищіе бродяги; средніе классы, производители, исчезли, страшась будущей анархіи.

Этимъ положено было начало регрессу въ области народнаго хозяйства. Все, что напоминало о богатой денежно-хозяйственной жизни лучшихъ временъ имперіи, пришло въ упадокъ; города пустѣли, и на большихъ пространствахъ шли латифундіи знатныхъ подобно маленькимъ замкнутымъ царствамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ новое положеніе не соотвѣтствовало и эпохѣ натурального хозяйства, устойчивымъ отношеніямъ землевладѣнія и земледѣлія. Крестьянинъ сидѣлъ еще на землѣ помѣщика по краткосрочному арендному договору, и малѣйшей недоимки въ арендной платѣ нерѣдко бывало достаточно для его удаленія; а рядомъ съ этой постоянно прибывающей и убывающей массой свободныхъ крестьянъ толпились полчища рабовъ, воздѣлывавшихъ плантанціи, и вскорѣ ставшихъ самымъ цѣннымъ имуществомъ знатнаго человѣка.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ восточные германцы основали свои государства въ южной Галліи, Испаніи, Италиі и Африкѣ. Это было неслыханно-смѣлое дѣло, которое можетъ быть объяснено только наивностью побѣдителей и тѣснившею ихъ нуждой.

Уже по своей численности германцы были не въ состояніи установить для провинціаловъ прочныхъ законовъ и правъ. Правда, треть милліона остготовъ поселилась въ Италиі, полмилліона вестготовъ — въ Галліи, правда, и вандаловъ считалось сотнями тысячъ; но что значило все это по сравненію съ населеніемъ провинцій, численность котораго превышала всѣхъ ихъ вмѣстѣ взятыхъ разъ въ двѣнадцать? О всестороннемъ вліяніи на завоеванныя земли даже при самомъ тѣсномъ соприкосновеніи между побѣдителями и побѣжденными, очевидно, нечего было и думать.

Національный германскій выводъ изъ этого взаимнаго отношенія сдѣлали одни вандалы. Они очистили отъ провинціаловъ прекраснѣйшую провинцію Африки въ окрестностяхъ Карфагена и замкнулись въ ней. Такимъ образомъ, возможность смѣшенія націй, казалось, была почти устранена; и, вѣроятно, вандальская кровь одержала бы верхъ, если бы распутства юга не отравили ее. Что же касается остальныхъ народовъ, то они, ребячески придерживаясь фикціи *Imperium Romanum*, давали своимъ поселеніямъ форму римскаго военнаго постоя; даже мятежные наемники Одоакра требовали прежде всего себѣ трети пашни, полагавшейся римскому воину; на этихъ италійскихъ третяхъ (земляхъ и усадьбахъ), отбиравшихся у крупныхъ землевладѣльцевъ для надобностей постоя, впоследствии водворены были остготы, а вестготы (какъ и бургунды) отличались отъ нихъ только тѣмъ, что требовали двѣ трети. Результатомъ этого своеобразнаго завладѣнія землею было прежде всего вредная разбросанность германскихъ элементовъ. Могъ-ли привыкшій къ жизни

среди родичей и товарищей германецъ вліять на провинціала, оставаясь одинокимъ? Если цивилизующее вліяніе восточныхъ германцевъ все-таки было значительно, то только благодаря чрезвычайно однородной культурѣ новыхъ пришельцевъ и, слѣдовательно, совершенно почти однородному воздѣйствію cadaго изъ нихъ, не взирая на всю ихъ разбросанность.

На старыл условія провинціальной жизни своеобразная форма захвата должна была, напротивъ, оказать благотворное вліяніе. Благодаря раздѣлу земли возникло, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вредное дробленіе, но за то не мало латифундій также были разбиты и раздроблены; а сельскія занятія побѣдителей, такъ-же, какъ ихъ невѣдѣніе городской жизни, должны были направить экономическую жизнь провинціи на путь натурального хозяйства.

Но всѣ эти измѣненія и вліянія были недостаточно сильны для того, чтобы существеннымъ образомъ видоизмѣнить соціальную группировку провинціального населенія. Различіе между богачемъ и бѣднякомъ оставалось во всемъ своемъ безотрадномъ видѣ, и германцы, быть которыхъ, за исключеніемъ развѣ Вандаловъ, отличался преобладаніемъ общей свободы и зачаточнымъ состояніемъ дворянскаго сословія, — погрузились въ бездну вѣковаго общественнаго разложенія. Эта бездна поглотила сословіе свободныхъ, возросшее еще на почвѣ хозяйственнаго коллективизма; тщетно, уже въ VI в., Теодорихъ Великій и энергичные короли вестатовъ, а впоследствии — Карлъ Великій розыскивали средства къ спасенію. Въ то время, какъ древній саксъ пятого вѣка еще представлялъ себѣ Христа начальникомъ дружины, окруженнымъ свитой апостоловъ, а самого себя считалъ свободнымъ членомъ христіанскаго воинства, вестготскій крестьянинъ уже за много столѣтій раньше представлялъ себѣ Спасителя въ видѣ лэндлорда или римскаго поссесора, который, какъ патронъ, заботился о спасеніи своихъ бѣдныхъ кліентовъ. И вскорѣ законодательство новыхъ государствъ отказалось допустить какое-бы то ни было примиреніе между старой свободой германцевъ и свободой вольнаго провинціального крестьянства. Король остготовъ очень скоро началъ обращаться съ членами древняго свободного сословія, какъ съ имперскими подданными, удѣлъ которыхъ — слѣпое повиновеніе; всякое политическое значеніе общей свободы рушится, народное собраніе, высшій органъ государственнаго устройства самодержавнаго племени, перестаетъ созываться; оно появляется вновь, но уже бесполезно, среди ужасныхъ содроганій народной души, — незадолго до разрушенія имперіи. Въ вестготскомъ-же королевствѣ о народномъ собраніи, какъ о законномъ органѣ государственнаго строя, нѣтъ даже и рѣчи: уже въ очень раннюю эпоху законы, проникнутые римскимъ духомъ, подчиняютъ свободного человека хитросплетенной казуистикѣ

тѣлесныхъ наказаній, а низкое званіе при случаѣ является основаніемъ къ усиленію кары.

Такъ пало, во всѣхъ государствахъ, кромѣ королевства вандаловъ, сословіе свободныхъ, являвшееся представителемъ стараго политическаго строя; члены его стали кліентами и колонами у знатныхъ и сильныхъ людей; ихъ и римскихъ бѣдняковъ въ провинціяхъ постигла одна и та-же участь.

Отъ такого крушенія спаслось, безъ сомнѣнія, германское дворянство новѣйшаго происхожденія, получившее свое званіе или на службѣ короля, или благодаря чрезвычайной удачѣ въ приобрѣтеніи поземельной собственности; и это дворянство во многихъ случаяхъ успѣло слиться съ родовымъ дворянствомъ пришлыхъ германскихъ племенъ. Но обѣ его составныя части утратили свой германскій характеръ.

Провинціальная аристократія окрѣпла втеченіе тѣхъ вѣковъ, когда она завѣдывала общественными дѣлами; въ ней развились упорство и эгоизмъ въ тотъ длинный рядъ десятилѣтій, когда она была предоставлена собственнымъ силамъ при защитѣ своего имущества и положенія во время анархіи. Этотъ характеръ она принесла, въ качествѣ «утренняго подарка» (*Morgengabe*), новымъ государствамъ и смѣло утвердила его на широкомъ основаніи своего богатства. Новая государственная власть, великая только въ своихъ военныхъ распоряженіяхъ и, напротивъ, нерѣшительная предъ безчисленными задачами традиціоннаго, всеопекающаго управленія, нигдѣ не отваживалась существеннымъ образомъ затронуть положеніе этой аристократіи. Частію она льстила ей, проникнутая наивнымъ удивленіемъ передъ классическими складками сенаторской тоги и искреннимъ благоговѣніемъ передъ старою римскою образованностью; такъ было, особенно, въ Италиі; частію избѣгала соприкосновенія съ этимъ всеильнымъ сословіемъ, въ силу неувѣренности и робости, и старалась, по крайней мѣрѣ, мѣстами, ослабить его вліяніе: такъ было въ государствѣ вандаловъ. Но германскому дворянству нигдѣ не удалось занять, рядомъ съ этою аристократіей, самостоятельнаго положенія. Общественная власть старалась обращаться съ ними одинаково, никому не отдавая преимущества; но сенаторіалы въ глубинѣ души, съ брезгливымъ презрѣніемъ смотрѣли на этихъ варваровъ, одѣтыхъ въ шкуры и говорившихъ на ужасномъ сѣверномъ нарѣчій. Примиреніе не состоялось; провинціальная аристократія вырыла могилу германскому дворянству.

Она-же вырыла могилу и германской королевской власти въ этихъ государствахъ.

Оставшись единственною значительною представительницею древней римской имперіи, провинціальная аристократія, уже вслѣдствіе одного этого, являлась силою, превосходившею германскую королевскую власть; потому что короли варваровъ далеко не освободились отъ

духовной зависимости своей отъ идеи римской имперіи. Эта старая имперія временами проявляла свою все еще импонирующую дѣятельность. Если грубымъ личностямъ изъ числа властителей случалось направлять, по прихоти, къ одной какой-нибудь цѣли неспособныя къ сопротивленію, разрозненныя и измельчавшія силы государства, то они даже на территоріи восточной имперіи достигали результатовъ, сообщавшихъ блескъ ихъ ложному величію, — блескъ, за который, приходилось расплачиваться несказанными бѣдствіями. Германскіе короли, въ большинствѣ случаевъ, не постигали сокровеннѣйшихъ условій положенія вещей. Впослѣдствіи магометане, фанатически проникнутые своими жизненными идеалами, разрушительнымъ ураганомъ пронесли надъ этими выѣвленными могилами. Но германцы съ постоянствомъ, заслуживавшимъ лучшей участи, чтили минувшее величіе и преклонялись передъ нимъ даже среди его упадка. Остготскіе короли чеканили золотую монету только съ изображеніемъ императора, и впервые Тотила, во время своего наибольшего могущества, самостоятельно велѣлъ чеканить серебряныя и мѣдныя деньги. Вестготы удалились отъ византійскаго типа монеты также лишь въ началѣ VII в. и даже король вандаловъ, Гильдерихъ, еще чеканилъ монету съ именемъ императора.

Уже одно это отношеніе къ римской государственной идеѣ должно было оказаться выгоднымъ для древней мѣстной аристократіи; въ лицѣ ея чтили, такъ сказать, живой остатокъ имперіи. Поэтому ее привлекли къ участию въ управленіи, льстили ей и старались подражать ей въ достоинствѣ обращенія и манерахъ.

И благо было тому государству, гдѣ короли удержали, по отношенію къ этому дворянству, всю полную власти, принадлежавшей императорамъ, какъ это имѣло мѣсто въ остготскомъ королевствѣ; здѣсь Теодорихъ и его преемники издавали распоряженія, имѣвшія силу закона, совершенно еще въ духѣ былого личнаго абсолютизма; а Кассіодоръ, гордый секретарь изъ рода Аниціевъ, обосновалъ легитимность династіи Амаловъ, приписавъ имъ происхожденіе отъ стариннаго классическаго королевскаго дома Гетовъ. Не то у вестготовъ: здѣсь короли очень скоро подпали неограниченному вліянію властолюбиваго дворянства; они издавали распоряженія и законы не иначе, какъ съ согласія знатныхъ; и дѣйствія королевской власти до такой степени связаны были этою аристократіей, что король Киндасвинтъ (641—652), снова попытавшійся освободить центральную власть, долженъ былъ, чтобы настоять на своемъ, наказывать конфискаціей имущества, ослѣпленіемъ и смертію не только всякое покушеніе на преступленіе противъ величества со стороны аристократовъ, но даже эмиграцію палатиновъ, предпринимаемой съ враждебною цѣлью.

Въ общемъ германская королевская власть оказалось слишкомъ слабо устроенной для тѣхъ задачъ, съ которыми она столкнулась на

чисто-римской почвѣ. Уже существовавшее у древнихъ германцевъ соединеніе выборнаго начала съ наследственностью королевскаго достоинства не удовлетворяло новымъ условіямъ. Оно удержалось только въ недолговѣчномъ королевствѣ остготовъ; у вестготовъ развилась почти свободная выборная система, и изъ тридцати пяти королей семнадцать умерли отъ руки убійцъ. У однихъ вандаловъ, благодаря стараніямъ ихъ великаго короля, Гайзериха, было создано учрежденіе сеніората, устанавливавшее порядокъ престолонаслѣдія, разумно приспособленный къ положенію дѣлъ въ провинціяхъ; но ихъ государство пало вслѣдствіе разрушительнаго стихійнаго вліянія слишкомъ жаркаго южнаго климата, разслабившаго населеніе. Да и какъ могла дѣйствовать при такихъ трудныхъ условіяхъ королевская власть, совершенно подточенная въ самомъ — въ обезпеченномъ преемствѣ престола? Какъ могла она создавать отъ нея одной зависимыя орудія своей воли? Какъ могла она задержать процессъ общественнаго разложенія и излѣчить отъ того недуга, которымъ были поражены завоеванныя провинціи?

Задача эта не только не была выполнена, но она не была и понята. Повсюду продолжало существовать прежнее римское управленіе, и даже должности замѣщались по большей части только римлянами; а непосредственно рядомъ съ этою администраціей было поставлено германское военное управленіе, служившее мирнымъ и военнымъ нуждамъ германцевъ. И подобно тому, какъ уживались рядомъ эти разнородныя власти, и въ рукахъ короля совмѣщались германская королевская власть (*Ванн*)¹⁾ рядомъ съ военной властью (*Имрегіумъ*) цезарей. Во всѣхъ правахъ и функціяхъ была двойственность, отъ которой могли произойти лишь путаница и произволъ.

И этотъ компромиссъ отнюдь не удовлетворялъ потребностямъ германцевъ. Послѣдніе не были знакомы съ городской жизнью, имъ чуждо было управленіе, сосредоточенное въ центрахъ денежнаго хозяйства; ихъ туземныя государства знали лишь одно чисто-сельское раздѣленіе на округа. Новыя государства удержали римское административное дѣленіе съ центральными пунктами въ городахъ; сохранились даже муниципальныя организаціи, уничтоженныя въ вестготскомъ королевствѣ лишь магометанами, а въ Италіи — вторженіемъ Лонгобардовъ.

¹⁾ Банъ („панъ“—господинъ) въ позднѣйшее время словомъ этимъ означали начальника области, при чемъ одинъ изъ бановъ хорватскихъ имѣлъ право и привиллегію венгерскаго палатина: онъ давалъ право городамъ и имѣлъ верховное наблюденіе за королевскими землями, назначалъ жупановъ, епископовъ и аббатовъ; имѣлъ право чеканить монету, былъ верховнымъ судьей и главнымъ полководцемъ и т. п. Словомъ, онъ занималъ второе мѣсто послѣ короля, и въ государственныхъ актахъ имя его писалось сейчасъ послѣ королевскаго.

Далѣе, въ низшихъ сферахъ жизни германцамъ извѣстно было лишь товарищеское самоуправленіе въ кругѣ ихъ хозяйственныхъ, правовыхъ и даже политическихъ интересовъ; въ провинціальныхъ же областяхъ сохранились изъ римской эпохи начальственная опека надъ самыми ничтожными проявленіями публичной жизни, — сохранилось многовластіе абсолютизма: разница была лишь та, что прежде система эта была регулирована, нынѣ же она проявлялась при временныхъ столкновеніяхъ, дѣйствовала произвольно, и чѣмъ дольше, тѣмъ больше простора давала власти дворянства.

Такое положеніе дѣлъ, съ германской точки зрѣнія, было въ высшей степени неутѣшительно. Размѣры той власти, которою были вооружены германскіе короли, были совершенно недостаточны даже для продолженія римской правительственной системы; еще менѣе достаточны были они для того, чтобы твердо руководить соціальнымъ развитіемъ въ интересахъ государства. Дворянство удержало верхъ надъ центральной властью, и подъ его господствомъ совершенно исчезла самостоятельность среднихъ и низшихъ классовъ. Германская народная свобода стала смутнымъ воспоминаніемъ прошлаго; германецъ эпохи переселенія, спустя немного поколѣній, пересталъ существовать, какъ политическій элементъ историческаго развитія.

При такихъ обстоятельствахъ является вполне понятнымъ, что восточно германскія государства возникшія на римской территоріи, оказались неспособными устойчиво осуществить германскія политическія идеи.

Тѣмъ не менѣе время царствованія, по крайней мѣрѣ остготскихъ и вестготскихъ, королей не лишено было значенія для распространенія германскаго взгляда на государство, если мы при этомъ примемъ во вниманіе позднѣйшее будущее ихъ народовъ и странъ. Восточногерманскія государства, усвоивъ себѣ, хотя и несовершенно, административный механизмъ, а также правовыя и культурныя цѣли римскаго государства, воспрепятствовали тому упадку, который грозилъ быстро наступить въ народномъ хозяйствѣ провинцій и въ зиждущейся на немъ соціальной группировкѣ. Въ Италіи, при остготахъ, королевскіе домены, не находившіеся въ казенномъ управленіи, сдавались въ аренду на началахъ денежнаго хозяйства; Теодорихъ заботился о безопасности ярмарокъ, понизилъ портовыя пошлины, приказалъ возстановить разрушившіяся торговыя дороги; и вездѣ получился, по крайней мѣрѣ, для правительственныхъ нуждъ, *cursus publicus* императорской эпохи. Такимъ образомъ, торговля въ новыхъ государствахъ падала медленно; сирійцы и евреи Востока все еще появлялись съ своими товарами на испанскихъ и гальскихъ рынкахъ. И короли даже законодательнымъ путемъ пришли на помощь денежному хозяйству въ его борьбѣ за существованіе. Въ Италіи сдѣлана была попытка, путемъ административныхъ распоряженій, создать, въ про-

тивовѣсь германскому принципу личнаго права, особое земское право, имѣвшее въ большинствѣ случаевъ, римскій, денежно-хозяйственный характеръ; въ вестготскомъ королевствѣ германское судоустройство было отмѣнено, и римскіе юридическіе компендіи замѣнили, въ видѣ новаго государственнаго права, германскій обычай.

Благодаря этимъ мѣрамъ, старое денежное хозяйство умирало очень медленно; сливаясь съ распространившимся натуральнымъ хозяйствомъ, оно образовало вмѣстѣ съ послѣднимъ тысячи смѣшанныхъ формъ и, такимъ образомъ, продлило свое существованіе до восьмого и даже девятого вѣка, — до той эпохи, когда восточно-германскія государства южной Европы давно распались, уступивъ свое мѣсто міровому господству франковъ.

Но именно эта переменѣна вызвала на югѣ своеобразный и благоприятный поворотъ въ судьбахъ германскихъ государственныхъ идей. Въ то время, какъ восточно-германская государственная власть, сама по себѣ въ политическомъ отношеніи безплодная, задерживала, насколько это было въ ея силахъ, упадокъ римскаго строя въ своихъ областяхъ, — во Франціи, на почвѣ, испытавшей сильное германское вліяніе, новая культура, основанная на натуральномъ хозяйствѣ, успѣла отлиться въ опредѣленныя соціальныя и политическія формы, явно отмѣченныя германскимъ характеромъ. Такимъ образомъ, какъ внутреннія учрежденія франкскаго королевства, такъ и характеръ его центральной власти доставили ему преимущество передъ болѣе южными странами, которыя, наконецъ, и подпали, въ болѣе или меньшей степени, подъ вліяніе экономическаго и соціальнаго строя, водворившагося на сѣверѣ. И когда южная Галлія, а также Италія были покорены франкскими королями, позаимствованіе франкскихъ правительственныхъ формъ явилось въ высшей степени своевремено для увядавшей культуры этихъ странъ. Франкское судоустройство, также какъ франкскій государственный строй, въ томъ своеобразномъ видѣ, какой придала имъ реформа каролинговъ, торжественно водворились въ покоренныхъ южныхъ странахъ. Такимъ образомъ франкскій политическій строй пріобрѣлъ вліяніе на политическое развитіе средневѣковаго европейскаго міра почти во всей его совокупности, потому что учрежденія этого строя съ береговъ Франціи и лонгобардской Италіи были перенесены, особенно норманнами, еще дальше — въ Англію и южную Италію, даже въ Сицилію и Іерусалимъ и, вообще, на христіанскій Востокъ XII и XIII вѣковъ.

III.

Гораздо непосредственнѣе, чѣмъ государственная идея восточныхъ германцевъ, вліялъ ихъ нравственный и духовный міръ на провин-

ціаловъ римской имперіи. Правда, въ религіозной области, и здѣсь было немислимо какое либо вліяніе, и даже только соглашеніе; язычески-германское мышленіе, на сколько оно еще сохранилось, — а это, относительно вестготовъ, именно и подлежитъ сомнѣнію, — подпало подъ власть той мрачной массы суевѣрій, которая образовалась, какъ осадокъ безчисленныхъ религіозныхъ системъ, существовавшихъ въ римской имперіи, и исчезло въ этомъ хаосѣ, не оказавъ никакого плодотворнаго вліянія. Какъ христіане-же, германцы были аріанцами; обращеніе еретическою проповѣдью Вульфилы и его учениковъ включало всякую возможность сближенія съ ортодоксальнымъ католицизмомъ запада. Такъ возникла рознь, которая со стороны вандаловъ и остготовъ не прекращалась никогда; а вестготы положили ей конецъ только во второй половинѣ VI вѣка, безусловно присоединившись къ ортодоксіи. Невозможно отрицать, что, вмѣстѣ съ аріанизмомъ вестготовъ, угасла также и самостоятельность германцевъ въ религіозной области. Но все-таки это ученіе, обособивъ восточныхъ германцевъ, тѣмъ самымъ долго поддерживало въ нихъ духовную свободу и, такимъ образомъ, облегчило имъ духовное вліяніе, если не въ религіозно-церковной, то въ иныхъ сферахъ ихъ жизни.

Это замѣтно даже въ сферѣ искусства. Восточные германцы принесли съ собою только обильную формами національную орнаментику и унаслѣдованную отъ предковъ виртуозность въ металлургическомъ дѣлѣ. И та, и другая сохранились и пріобрѣли вліяніе на произведенія, по крайней мѣрѣ, африканскаго и италійскаго искусствъ; только въ Испаніи онѣ, по видимому, исчезли безслѣдно; по крайней мѣрѣ, знаменитыя короны короля Рекесвинта (Rekkesvinth) и другія вестготскія украшенія не носятъ на себѣ ни малѣйшаго національнаго отпечатка и заключены въ неподвижныя формы римско-византійскаго искусства. Въ Африкѣ, напротивъ, оружіе и барабаны изъ вандальскихъ мастерскихъ пользовались славою, а въ Италіи произошло смѣшеніе классическихъ и германскихъ орнаментныхъ формъ, чему лучшимъ примѣромъ служитъ надгробный памятникъ Теодориху Великому.

Но эта строгая вѣрность отечественному стилю и національнымъ пріемамъ въ искусствѣ не помѣшала германцамъ признавать неизмѣримое превосходство классическаго искусства. О сохраненіи его священныхъ остатковъ величайшій изъ королей Италіи заботился больше, чѣмъ ничтожное поколѣніе римскихъ эпитоновъ; въ Римѣ и въ Равеннѣ Теодорихъ назначилъ особыхъ хранителей для памятниковъ искусства; онъ ассигновалъ ежегодный фондъ на возстановленіе римскихъ зданій.

Какъ въ области искусства, такъ и въ языкѣ и въ литературѣ сказалось это особое положеніе и вліяніе восточныхъ германцевъ. Они долго держались національнаго языка, это обуславливалось су-

ществованіемъ отдѣльнаго германскаго богослужебнаго языка при аrianствѣ, а также необыкновенными воспримчивостью и пластичностью германскихъ нарѣчій для обозначенія новыхъ культурныхъ понятій, — качества, которыя, не смотря на прочно-сложившееся расчлененіе частей рѣчи и синтаксиса, обнаружились на дѣлѣ уже въ эту раннюю эпоху. Вестготское нарѣчіе, ближе намъ знакомое, благодаря вульфилловой библіи и ея литературѣ, еще до великаго переселенія народовъ заимствовало изъ греческаго и латинскаго языковъ множество чуждыхъ элементовъ, какъ то: техническія выраженія по вѣнодѣлію, нѣкоторыя выраженія военно-служебнаго обихода, болѣе развитаго народнаго хозяйства и большаго домашняго комфорта. Такимъ образомъ, вестготское нарѣчіе было хорошо подготовлено къ воспріятію богатаго міра понятій, существовавшаго на югѣ; и, вѣроятно, это нарѣчіе долго еще слышалось въ Испаніи и южной Франціи; вѣроятно также, что рѣчь остготовъ и вандаловъ раздавалась въ Италіи и въ Африкѣ до тѣхъ поръ, пока не исчезли съ лица земли эти народы. Относительно вестготскаго языка это доказывается уже немалымъ количествомъ выраженій, употребляемыхъ въ повседневной жизни и перешедшихъ въ испанскій и южно французскій языкъ изъ германскаго источника; для остготскаго языка, какъ книжнаго, развился даже особый курсивный шрифтъ; а языкъ вандаловъ, можетъ быть, звучалъ еще въ жалобныхъ пѣсняхъ королевскаго пѣвца Гейламира (Geilamir).

Остатковъ литературы до насъ, конечно, не дошло; то, что писалось, имѣло, вѣроятно, по большей части, теологическое содержаніе, и, послѣ побѣды, одержанной ортодоксіею, затерялось.

Но языкомъ общественной жизни, за исключеніемъ, можетъ быть, военной, былъ конечно, латинскій; его можно было слышать во всѣхъ купеческихъ конторахъ, онъ употреблялся во всѣхъ торжественныхъ грамотахъ, и естественно поэтому, что всѣ знатные германцы, хоть поверхностно понимали этотъ языкъ. Но тотъ, кто претендовалъ на утонченную образованность, учился также и греческому, все еще всемірному языку странъ, окаймлявшихъ Средиземное море; Амаласвинта (Amalasintha) свободно говорилъ по-гречески, такъ-же, какъ и по-латыни, а Теодагадъ (Theodahad), въ часы, свободные отъ правительственныхъ трудовъ, изучалъ сочиненія Платона.

Родная рѣчь не была однако забытою, по крайней мѣрѣ, среди остготскаго и вандалскаго дворянства; даже литературный вкусъ и обычай, повидимому, остались національными. Такъ было, во всякомъ случаѣ, у вандаловъ. Когда поэтъ Эмилиій Драконцій воспѣваетъ чужихъ героевъ, — вѣроятно, восточно-римскихъ, — это навлекаетъ на него немилость короля Гунтамунда (Gunthamund), который тяжело наказываетъ поэта и держитъ его въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока тотъ, раскаявшись, даетъ обѣщаніе воспѣвать короля: такое высокое

значеніе придавалъ король, — этотъ истый германецъ, — посмертной славѣ, даваемой пѣснями поэта.

Но, рядомъ съ такими, вѣроятно, разрозненными, стремленіями, въ государствахъ восточныхъ германцевъ наступилъ, вызванный исключительно-римскими вліяніями, вторичный расцвѣтъ римской міровой литературы. Она отличалась, однако, вполне-провинціальнымъ характеромъ: въ своихъ явленіяхъ она не обусловливается возникновеніемъ и судьбами германскихъ государствъ и живетъ исключительно римскими интересами, видоизмѣняющимися только по формѣ въ разныхъ мѣстахъ. Наименѣе ясно охарактеризованная въ Италиі, кокетливая и переполненная громкою риторикой въ странѣ вестготовъ, въ Африкѣ энергичная и склонная къ пламенному пафосу, — эта литература, въ періодъ своего высшаго развитія, принадлежитъ, преимущественно, къ теологической области: Фульгенцій, Боэцій, Кассіодоръ; Орозій, Тертуліанъ; Апполлинарій Сидонскій, — вотъ наиболее славныя ея имена. Въ Италиі уже при остготахъ, немногимъ позднѣе въ южной Галліи и Испаніи литература эта приходитъ въ совершенный упадокъ и размѣнивается на составленіе компендіумовъ и фабрикацію словарей и таблицъ; она передаетъ въ сокращенной формѣ духовныя богатства классическаго міра среднимъ вѣкамъ и, не смотря на свою сухость, пріобрѣтаетъ, благодаря своимъ посредническимъ услугамъ, такое значеніе для позднѣйшихъ временъ, которое не соотвѣтствовало ея внутреннимъ достоинствамъ; этотъ періодъ упадка имѣетъ своимъ типичнымъ представителемъ Изидора Севильскаго.

Но языкъ этой литературы и въ лучшія ея времена является уже несвободнымъ отъ германскаго вліянія; раздаются жалобы на германизмы; Аполлинарій Сидонскій весьма часто пускаетъ въ ходъ аллитерацію, а Седулій первый систематически употребляетъ риму, — этотъ внѣшній приѣмъ поэтическаго творчества будущаго.

Но что значили всѣ эти эстетическія вліянія въ сравненіи съ тѣмъ, безконечно болѣе сильнымъ импульсомъ, который былъ данъ нравственному развитію провинціаловъ германскою иммиграціей!

У вестготовъ, передъ ихъ вступленіемъ въ римскую имперію, царилъ еще во всей своей силѣ древній родовой строй; объ этомъ свидѣтельствуетъ языкъ Вульфилы; у него *sibja* (*sippe*, родъ) еще означаетъ родство и миръ. Въ подобномъ-же состояніи находились, вѣроятно, и другія восточно-германскія племена. И вотъ, эти восточные германцы, какъ нѣкогда германцы Цезаря и Тацита, селились все еще родами и хозяйственными единицами въ завоеванныхъ странахъ: неизбѣжнымъ результатомъ этого было то, что они сохранили массу національныхъ нравственныхъ воззрѣній, которыя въ индивидуалистическомъ строѣ мышленія распадавшагося провинціальнаго общества должны были возбуждать множество своеобразныхъ отго-

лосковъ и противорѣчій. Этому содѣйствовало еще то, что, первоначально, смѣшанные браки между провинціалами и германцами, по видимому, были рѣдки; по крайней мѣрѣ, въ вестготскомъ королевствѣ воспрещеніе браковъ между провинціалами и варварами, установленное еще въ римскую эпоху, не было отмѣнено до царствованія короля Реккесвинта (Rekkeswinth, 649—671).

И въ самомъ дѣлѣ, вліяніе основанныхъ на родовомъ строѣ нравственныхъ понятій германцевъ въ средѣ болѣе цивилизованнаго провинціального населенія было громадно; вездѣ былъ распространенъ институтъ родовой мести; въ южной Франціи евреямъ вспомнились даже слова: око за око и зубъ за зубъ. вмѣстѣ съ тѣмъ родовой элементъ германскаго судопроизводства повсюду выдвигается впередъ и различными путями проводится въ жизнь; соприсяжничество, процессуальная самозащита за поручительствомъ рода вообще, получаютъ широкое развитіе, по крайней мѣрѣ въ королевствѣ вестготовъ.

Усиленіемъ родового союза оказано было несомнѣнное вліяніе и на устройство германской семьи и брака. Тогда какъ географическія имена германскаго происхожденія во всѣхъ трехъ восточно-германскихъ государствахъ встрѣчаются чрезвычайно рѣдко, имена лицъ сохраняютъ германскую окраску; правда, сами германцы принимаютъ греческія и римскія имена; уже Теодорихъ Великій и, еще раньше, Одоакръ называютъ себя также Флавіями; но стоитъ только вспомнить, что такія распространенныя германскія имена, какъ Альфонсъ и Родриго, имѣютъ германское происхожденіе, чтобы признать, даже по отношенію къ восточному королевству, необыкновенное вліяніе германской семьи и брака.

Раньше мы уже показали, какимъ образомъ вліяніе это должно было проявиться. Оно внесло въ понятія обоихъ половъ романтической элементъ поклоненія жещинѣ, впоследствии отличавшій средневѣковую эпоху; оно же, своими результатами, соединившимися съ вліяніемъ христіанскихъ воззрѣній, въ немалой степени способствовало возрожденію романскихъ нравовъ.

И не только вліянію родового союза, но даже идеѣ товарищества, принесенной германцами, суждено было получить значеніе въ провинціяхъ. Восточные германцы вступили въ свои государства, организованные по сотнямъ; они явились въ качествѣ воиновъ-завоевателей. Такая организація требовала, чтобы они, водворяясь на новыхъ мѣстахъ, дали своимъ поселеніямъ форму марки. Но при существовавшей въ имперіи густотѣ населенія это было невозможно; нигдѣ не оказалось свободныхъ мѣстъ для устройства товарищескихъ поселеній въ большихъ размѣрахъ, а съ другой стороны политической характеръ завоеванія велъ къ необходимости продолжительнаго постоа по римскому воинскому образцу. Такимъ образомъ, примѣнить германскій порядокъ распредѣленія угодій было очень трудно;

даже и теперь система гуфовъ простирается на югъ только до центра нынѣшней Франціи.

Не смотря на все это, германцы крѣпко держались, по крайней мѣрѣ, понятій товарищества и сосѣдства; и даже идея коллективной собственности не вполне исчезла. Въ вестготскомъ королевствѣ, гдѣ все германское вообще продержалось наименѣе долго, германецъ, водворенный на квартиры въ двухъ третяхъ угодій, и римскій собственникъ остальной трети дѣлятъ между собою только пахотную землю; а лугъ и лѣсъ остаются въ ихъ общей собственности. Но въ томъ-же королевствѣ сосѣди все еще рассматриваются, какъ родственники и взаимные наследники, сосѣдскія отношенія существуютъ только для даннаго мѣста: однимъ словомъ, сосѣдство все еще является точно-опредѣленнымъ юридическимъ выраженіемъ германскаго общественнаго права (*Genossenschaftsrecht*).

Было-бы благодарною задачей — прослѣдить и дальше за исторіей вліяній, оказанныхъ германцами на южныя страны. Конечно, нѣмецкая исторія должна установить только начальный періодъ этого вліянія; что же касается дальнѣйшихъ его судебъ, едва-ли возможно въ этомъ отношеніи многое извлечь изъ изслѣдованій, имѣющихся въ романскихъ литературахъ. Вѣроятно, однако, что слѣды этого вліянія сохранялись долго.

Конечно они проявились не вездѣ съ одинаковою отчетливостью. Королевство вандаловъ очень скоро распалось, и, прежде, чѣмъ оно было разрушено восточною имперіей, чрезмѣрно-роскошный образъ жизни уже подорвалъ въ населеніи силу германскихъ нравовъ и германскаго духа. Въ Кароагенѣ особый *tribunus voluptatum* заботился объ общественныхъ играхъ; любовь къ роскоши была широко распространена въ частныхъ собраніяхъ; шелковыя платья, золотыя украшенія, роскошь покоекъ и пировъ изнѣжили дворянство; половыя излишества пользовались широкою терпимостью. Вандалы совершенно предалися утонченнымъ соблазнамъ перезрѣлой римской культуры, — и это ихъ погубило.

Въ вестготскомъ королевствѣ дѣло обстояло иначе. Тогда какъ въ Африкѣ королевская власть достаточно окрѣпла для того, чтобы одержать политическую побѣду, если-бы тому не воспрепятствовалъ наступившій нравственный и социальный упадокъ, — испано-гальское королевство медленно умирало вслѣдствіе слабости центральной власти, вслѣдствіе эгоистически направленаго преобладанія римской, преимущественно духовной, аристократіи. Правительству не удалось отстоять германскій характеръ государства, а это повредило также социальному и нравственному вліянію побѣдителей. Готское законодательство уступило свое мѣсто римскому праву, готская народная свобода — крупному римскому землевладѣнію, готскій языкъ — новосозданнымъ романскимъ нарѣчіямъ. Въ началѣ VIII в., когда королев-

ство было разрушено, баски и кельты, римляне и аланы, свевы, вандалы и готы стояли рядомъ, еще ничѣмъ не соединенные между собою, образуя нестройную толпу, надъ которою и простерлось, одновременно разрушая и созидая, семисотъ-лѣтнее господство мавровъ.

Наконецъ, остготское королевство въ Италиі постигла незаслуженная имъ участь: оно было разрушено войною. Но и восточной имперіи не суждено было долго владѣть этою страной. Спустя четыре поколѣнія послѣ побѣдъ Велизарія и Нарсеса, появилось новое племя германскихъ завоевателей, и подъ лонгобардскимъ вліаніемъ въ Италиі образовалась національность, болѣе богатая германскими элементами, чѣмъ въ какой-либо изъ южно-романскихъ странъ.

IV.

Переселеніе восточныхъ германцевъ, приведшее къ возникновенію трехъ государствъ у западныхъ береговъ Средиземнаго моря, разсѣяло чары неприкосновенности имперіи. вмѣстѣ съ тѣмъ оно косвенно открыло и западнымъ германцамъ новыя перспективы. Укрѣпленія на Рейнѣ и верхнемъ Дунаѣ теперь лишились своихъ гарнизоновъ, Британія обратилась въ полузабытый внѣшній постъ имперіи: весь западъ открылся предъ народами Германіи, а на востокъ, по ту сторону Эльбы и Богемскихъ горъ, вслѣдствіе выселенія значительныхъ массъ народа, тоже образовалось свободное пространство. Западные германцы начали передвигаться по обѣимъ этимъ направленіямъ.

Въ Галлію пробрались франки и алеманны (Alamannen); франки основали здѣсь будущее германское государство Меровинговъ, о чемъ будетъ рѣчь въ слѣдующей книгѣ. Британію и сосѣднія побережья Сѣвернаго моря рано стали посѣщать племена ингвеонскаго происхожденія, какъ, напр., хавки, которые (особенно въ правленіе Марка Аврелія 161—186 г.) тревожили берега римской провинціи, Бельгіи. Около половины V в., когда римская власть въ Британіи начала ослабѣвать и открыто осмѣивалась пограничными сѣверозападными племенами пиктовъ и скотовъ, участились походы съ германскаго берега Сѣвернаго моря; англѣ, саксы и фризы наперерывъ переправлялись за море; въ концѣ первой и въ началѣ второй четверти VI в. можно было считать, что островъ пересталъ бытъ римскою провинціей и перешелъ въ ихъ руки.

Приблизительно около того-же времени, на противоположномъ полюсѣ германскаго міра, на верхнемъ Дунаѣ, стали распространять свою власть западные германцы изъ страны Бойевъ (Bojer), — позднѣйшіе баварцы (Bajern), — маркоманскаго и, частью, восточногер-

манскаго происхожденія. Они овладѣли пространствомъ между Лехомъ и Энсомъ, проникли въ горы до Зальцбурга и обложили данью романское населеніе страны, какъ, напр., валаховъ. Позднѣе — вѣроятно, уже во второй половинѣ VI в., — они достигаютъ Тироля и, такимъ образомъ, окончательно запираютъ великія юговосточныя дунайскія ворота, черезъ которыя втеченіе V в. излилось на западъ такое множество народныхъ потоковъ.

Въ числѣ этихъ потоковъ былъ одинъ, судьбами котораго долго опредѣлялось значеніе и распространеніе отдѣльныхъ народовъ въ странахъ, лежащихъ между Дунаемъ и Вислой: мы говоримъ о нашествіи Атиллы. Прежде, чѣмъ Атилла погибъ въ Истріи (453 г.), онъ подчинилъ своей власти нѣкоторыя изъ этихъ странъ, а именно, государства двухъ западногерманскихъ племенъ, гепидовъ и геруловъ. Но послѣ его смерти порабощенные племена возстали и ихъ государства снова усилились. Гепиды удержали свою главную силу на Тиссѣ, герулы утвердились на Моравѣ до верхняго теченія Тиссы и подчинили себѣ лонгобардовъ, которые пришли сюда, отдѣлившись отъ западногерманскаго племени свевовъ.

Но въ концѣ V в. или въ началѣ VI в. лонгобарды возстановили свою независимость, прогнали геруловъ изъ ихъ страны и, спустя еще одно поколѣніе, передвинулись дальше на югъ, въ Паннонію; отсюда ихъ привлекала къ себѣ Италія, куда они и направились, предварительно разрушивши (567—568), съ помощью аваровъ, государство гепидовъ.

Такимъ образомъ страна между Эльбою и Вислой, находившаяся прежде во власти восточныхъ германцевъ, теперь была открыта нападению чуждыхъ племенъ. Уже съ давняго времени она была лишь рѣдко населена остатками переселявшихся народовъ; германцы назвали ее *Maringaland*, — страню дикорастущей щетиницы ¹⁾; одиноко выселявшіяся племена все еще до VI в. считали ее своею родиной и собственностью.

Но когда авары нашли себѣ мѣсто на юго-востокѣ Европы, когда пала государства гепидовъ и геруловъ, восточные сосѣди уже безъ боязни вступили въ эту опустѣвшую германскую страну.

Славяне, изстари жившіе по правому берегу Вислы, теперь переправились черезъ рѣку и, идя по слѣдамъ отдѣльныхъ піонеровъ, наводнили обширныя области нынѣшней сѣверовосточной Германіи, а также Силезіи и Богеміи. Принадлежа еще по культурѣ своей къ родовому строю, безпокойно шатаясь небольшими группами по странѣ, они были мирными сосѣдями нѣмецкихъ западно-германскихъ племенъ до эпохи VIII в. и IX в., когда подготовилось новое распространеніе германскаго міра на востокѣ.

¹⁾ *Grasnarde*—щетинница (трава).

Если мы бросимъ общій взглядъ на эти перемѣны, происходившія на востокѣ въ V и VI вв., если припомнимъ также одновременно происходившія перемѣны на западѣ и чрезвычайныя передвиженія восточныхъ германцевъ на югъ, вызвавшія эти перемѣны и составившія ихъ основу, то въ общемъ получится картина перемѣщенія германскаго міра въ пространственномъ и иныхъ отношеніяхъ,—перемѣщенія, открывшаго дальнѣйшимъ судьбамъ отдѣльныхъ народовъ совершенно новые горизонты.

Отнынѣ Британія стала навсегда достояніемъ германцевъ. Ингвеонскія племена англовъ и саксовъ, изстари и по настоящее время отличающіеся особеннымъ консерватизмомъ, цѣликомъ перенесли свою родину въ новую, обѣтованную землю; языкъ и поэзія, право и нравы остались германскими; даже германская обработка желѣза и бронзы была удержана и водворена, несмотря на превосходство провинціальной культуры. Эти германскія племена не отдались въ неволю Римскому духовному міру, хотя они и чтили его; они относились къ нему, какъ къ культурѣ чуждой и далекой; поэтому на британской почвѣ всего раньше наступило возрожденіе классической древности.

Подобнымъ-же образомъ и лонгобарды овладѣли Италіей; какъ право ихъ отличается чисто ингвеонскимъ характеромъ, несмотря на верхненѣмецкій языкъ, точно такъ же вся ихъ культура обнаруживаетъ близкое родство съ ниже-саксонскою и англосаксонскою; каждое изъ этихъ трехъ племенъ сохраняетъ на себѣ отпечатокъ общей родины, лежавшей у низовьевъ Эльбы.

Условія, при которыхъ лонгобарды распространили свою власть въ Италиі, были, правда, несравненно менѣе благопріятны, чѣмъ тѣ условія, которыя существовали на британскихъ островахъ. Уже народы Одоакра поселились, главнымъ образомъ, только въ верхней Италиі, равнымъ образомъ остготы жили только въ верхней и средней Италиі и, кромѣ того, въ Далмаціи и Савіи; такъ что германскими центрами были Верона и Равенна. Лонгобарды также недалеко ушли за эти предѣлы; ихъ народность отнюдь не проникла во всѣ важнѣйшія области Италиі; ускользнули, главнымъ образомъ, югъ и югозападъ. Притомъ, они не селились такъ плотно, какъ англосаксы въ Англіи или даже какъ восточные германцы въ древнихъ государствахъ по берегамъ Средиземнаго моря. Послѣ ряда мятежей, имѣвшихъ мѣсто въ послѣднія десятилѣтія VI вѣка, каждому лонгобардскому воину былъ, наконецъ, указанъ землевладѣлецъ, который долженъ былъ уплачивать ему подать въ размѣрѣ одной трети плодовъ своего хозяйства; германецъ-завоеватель не былъ обязанъ лично заниматься воздѣлываніемъ этой трети. Это повело къ тому, что значительное большинство Лонгобардовъ отказалось отъ сельской жизни и, обеспеченное въ своемъ существованіи платежами романскаго полоника, переселилось въ городъ. Но какъ должна была повліять на

нихъ римская городская жизнь? Тогда какъ ихъ дворянство и стремившаяся къ власти часть сословія свободныхъ развились въ великія городскія аристократіи, они должны были сдѣлаться въ концѣ концовъ просто ослабленными представителями старой культуры.

Но эти послѣдствія обнаружались только въ позднѣйшую эпоху; цѣлые вѣка побѣдители гордились своимъ лонгобардо-германскимъ происхожденіемъ, хотя и не пренебрегали преимуществами классическаго образованія; и лонгобарды долше, чѣмъ готы и вандалы, оставались чужеземцами въ глазахъ римлянъ. Въ тому-же лонгобардовъ поддерживалъ постоянный притокъ германскихъ племенъ, шедшихъ съ сѣвера; прибывали алеманны, баварцы и франки; англосаксы часто поселялись въ странѣ, когда путешествіе къ святымъ мѣстамъ приводило ихъ на югъ; въ верхней Италиі, въ концѣ IX и въ началѣ X в., поземельная собственность, повидимому, находилась преимущественно въ рукахъ алеманновъ и франковъ. — А вскорѣ наступило то новое усиленіе германскихъ элементовъ, которое цѣлые вѣка поддерживалось политикою германскихъ императоровъ.

Но прежде чѣмъ началось дѣйствіе этихъ новыхъ комбинацій, лонгобарды уже основали въ самомъ сердцѣ имперіи наиболѣе нѣмецкое изъ всѣхъ романо-германскихъ государствъ.

Путемъ законодательства, въ которое не допускали италійскихъ элементовъ, при помощи системы управленія, въ которомъ высшія должности были замѣщаемы исключительно лонгобардами, создавалась сознательно-германская государственная жизнь; даже соціальныя отношенія опредѣлялись и перерабатывались въ духѣ нѣмецкаго права. Эта многосторонняя дѣятельность, продолжавшаяся болѣе столѣтія, долго еще оказывала господствующее вліяніе даже въ то время, когда новые завоеватели, изъ рода каролинговъ, не руководствовались уже подобно лонгобардамъ въ своей правительственной дѣятельности, различіемъ національныхъ типовъ, а учредили общее законодательство для всѣхъ жителей безъ различія племени.

Вообще, могло казаться, что пріобрѣтеніе Англии и Италиі, около конца VII и въ началѣ VIII в., явилось возмѣщеніемъ за утрату германцами страны между Вислою и Эльбой. Но вслѣдствіе подобнаго, такъ сказать, обмѣна земли и родины условія германскаго историческаго развитія совершенно измѣнились. Балтійское море въ началѣ нашей эры было собственно германскимъ моремъ, посредникомъ несомнѣнно оживленныхъ сношеній между восточными и сѣверными германцами, а также ихъ сношеній съ иноплеменными эстами и финнами; теперь-же южные берега его перешли въ руки славянъ, и сѣверные германцы, съ этой стороны, казалось, навсегда были отрѣзаны отъ соплеменниковъ. За то, правда, пріобрѣтена была Британнія, а западно-германское племя саксовъ давно уже распространи-

лось отъ остьевъ Эльбы до западныхъ береговъ Норвегіи ¹⁾: казалось, Сѣверному морю предстояло возмѣстить сношеніями съ западными германцами то, что было потеряно со стороны Балтійскаго моря. Но прошли вѣка прежде, чѣмъ новыя отношенія оживились; еще больше времени прошло, пока эти сношенія стали мирными; и только во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, кромѣ Сѣвернаго моря, и Балтійское также стало опять нѣмецкимъ.

Между тѣмъ восточные германцы давно потеряли свое значеніе, и самое имя ихъ было забыто. Дѣятельныя и духовно-одаренныя племена готовъ, вандалы и герулы и многія другія восточно-германскія племена не имѣли никакого значенія для возникшихъ впоследствии германскихъ народностей и государствъ. Можетъ быть, восточно-германское племя варинговъ (*Wariner*) вошло въ составъ тюрингскаго племени; а герулы, руги и скиры — въ составъ баварскаго; но, въ общемъ, современный германскій народъ не имѣетъ ничего общаго съ восточно-германскою группою. И на романской почвѣ восточнымъ германцамъ также не удалось создать что-либо прочное. Оба готскія королевства и королевство вандаловъ распались; бургундское королевство, пока оно сохраняло свою самостоятельность, съ каждымъ десятилѣтіемъ все болѣе принимало западно-германскій характеръ. Мы не можемъ съ точностью указать причины этой, повсюду повторяющейся, не-самостоятельности; вѣроятно, она обусловливалась полною оторванностью отъ почвы, отъ родины, слишкомъ рѣзкимъ различіемъ между полу-кочевымъ бытомъ завоевателей и дряхлою цивилизаціей покореннаго населенія, а также, можетъ быть, чрезмѣрною податливостью и пластичностью духа восточныхъ германцевъ.

Выгодныя послѣдствія великаго потрясенія, вызваннаго восточными германцами на римской территоріи, достались, во всякомъ случаѣ, западнымъ германцамъ. Владычествуя отъ Эльбы до пограничнаго вала Шотландіи и отъ Сѣвернаго до Тирренскаго моря, они были теперь вершителями германскихъ судебъ. Если за пять вѣковъ передъ тѣмъ сердце германской націи билось на Эльбѣ. — тамъ, гдѣ священная роща семноновъ ежегодно соединяла свевскія племена для поклоненія богамъ, — то теперь средоточіе германскаго владычества передвинулось далеко на западъ, въ нижне-рейнскія земли, въ области Мааса и Шельды.

Врагомъ германцевъ все еще оставалась имперія; войска восточной имперіи разрушили вандалское и вестготское королевства; теперь они угрожали южной позиціи западныхъ германцевъ, италійскому государству лонгобардовъ. Но въ тылу міровой восточно-римской имперіи поднялся новый грозный врагъ, — исламъ. Защищенные на во-

¹⁾ Приблизительно съ 500 г. по Р. Х.; ср. Undset, *Fra Norges äldere Jernalder* (*Danske Aarbøger* и т. д. 1880 г. Стр. 89—184).

стокъ Византію, германцы должны были ожидать его нападенія съ юга и запада.

Изъ этого положенія вещей возникли всемірно-историческія задачи маленькаго племени салическихъ франковъ, жившаго на Рейнѣ, Маасѣ и Шельдѣ. Оно разрѣшило эти задачи, основавъ франкское королевство, въ которое вскорѣ были включены обломки восточно-германскихъ политическихъ организмовъ Бургундіи и Южной Франціи; отѣснивъ арабовъ назадъ, въ Испанію; наконецъ, завоевавъ лонгобардскую Италію и успѣшно защитивъ ее отъ византійскихъ притязаній.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Нѣмецкія западныя племена и Франкское королевство при первыхъ Меровингахъ.

I.

Съ началомъ нашей эры Галлію можно считать окончательно завоеванной. Она подпала вліянію римскаго управленія и еще болѣе сильному воздѣйствию римской культуры.

У Кельтовъ въ началѣ нашей эры преобладало еще развитое натуральное хозяйство ихъ; состояніе ихъ приблизительно соответствовало нѣмецкой культурѣ при саксонскихъ и франкскихъ императорахъ. Уже повсюду развились зачатки городской жизни; въ странѣ происходилъ самый дѣятельный обмѣнъ, и туземныя ремесла, отчасти доведенныя до высokaго совершенства сбывали свои произведенія по ту сторону канала и за Рейнъ. На ряду съ этимъ сохранилось еще, конечно, въ полной силѣ преимущественное положеніе сельско-хозяйственнаго быта, существовало именно еще крупное общинное землевладѣніе въ рукахъ отдѣльныхъ клановъ.

Въ такой бытъ вторглась кипучая жизнь римскаго денежнаго хозяйства. Новая техника произвела коренной переворотъ въ земледѣліи: явилось воздѣлываніе плодовъ, разведеніе винограда— послѣднее, правда, было искоренено при Домиціанѣ, но опытъ возстановленъ Пробомъ (276 — 282), — садоводство и торговая культура, словомъ, все богатство индивидуалистическихъ формъ обработки юга. Древняя общая собственность уже не могла противостоятъ этимъ техническимъ перемѣнамъ. Еще менѣе могла она противостоятъ индивидуалистическимъ правовымъ понятіямъ римскаго народнаго хозяйства. Быстро исчезли кланы-альменды (общины); произошло новое распределеніе землепользованія и вмѣстѣ съ тѣмъ совершилось чрезвычайно важное преобразование прежняго соціального подраздѣленія.

Исчезновеніе общиннаго пользованія лишило весьма многихъ жителей равнины земли, дававшей имъ прежде пропитаніе; они поспѣшили въ города, куда манили ихъ новыя хозяйственныя формы существованія: первымъ слѣдствіемъ и былъ отливъ населенія для денежно-хозяйственнаго развитія.

Въ деревняхъ, однако, древняя общественная собственность клана или перешла въ руки завоевателей и осталась у нихъ, или перешла въ пользованіе кельтійской знати. Въ обоихъ случаяхъ возникли латифундіи, эксплуатацію которыхъ надо было заново регулировать. Среди обширнаго, сплошнаго земельного пространства строился господскій домъ, которымъ управляло извѣстное количество свободныхъ отпущенниковъ по римскому праву въ качествѣ его *familia rustica*, и они обрабатывали близъ лежащія поля. Болѣе отдаленныя земельныя участки дѣлили на мелкія крестьянскія помѣстья и раздавали ихъ колонамъ, отнынѣ составлявшимъ самый многочисленный классъ сельскаго населенія. То были свободные люди, вначалѣ не прикрѣпленные еще и къ землѣ; они сами защищали себя на судѣ, они заключали настоящіе браки; лишь тотъ, кто избиралъ для себя жену внѣ семей колоновъ этого же господина, обязанъ былъ дать выкупъ этому господину, такъ называемыя *commodum purtium*. Впрочемъ, отношенія всѣхъ колоновъ одного и того же господина къ этому послѣднему регулировались обычаемъ; одностороннее повышение податей и услугъ въ качествѣ арендной платы совсѣмъ не имѣло мѣста.

Но если такимъ образомъ крестьяне пользовались сносною свободой, то все же не они уже составляли руководящее сословіе въ равнинѣ: высоко надъ ними стояли владѣльцы латифундій, ихъ господа. Но эти владѣльцы далеко еще не составляли земельную аристократію. Благодаря римскому вліянію и римскимъ развлечениямъ они устремлялись въ городъ; только лѣтомъ являлись они въ свои помѣстья. Въ городахъ же они, какъ сенаторіальныя семьи, составили вершину соціальнаго зданія. Богатые, совершенные Римляне по языку, образованію и взглядамъ, они одни допущены были къ государственнымъ должностямъ, а въ коммунальной службѣ въ крайнемъ случаѣ для нихъ готовы были наиболѣе почетныя мѣста. Поэтому городское управленіе находилось вообще въ другихъ рукахъ, въ рукахъ куріальныхъ семей. Послѣднія по происхожденію своему составляли собственно городскую аристократію; онѣ выросли на почвѣ запятій ремеслами и торговлей. Не менѣе богатые и пышные, тѣмъ сенаторіальныя фамиліи, онѣ лишены были одного: древне-аристократическаго происхожденія и бездѣятельнаго досуга; составляя вновь возникшее дворянство денежнаго хозяйства, они стремились къ соціальному блеску сенаторіаловъ. Ниже ихъ, наконецъ, въ городахъ жили обыкновенные бюргеры, занимаясь тѣмъ же, чѣмъ занимались.

куріалы, они были менѣе богаты и вліятельны; здѣсь ютился и пролетаріатъ, золотыя времена для него наступили лишь въ третьемъ столѣтіи, въ эпоху упадка промышленности.

Безпрерывный рядъ ступеней, начиная съ сенаторіаловъ и до мелкихъ колоновъ отдаленныхъ латифундій, былъ чрезвычайно благоприятенъ для воздѣйствія какъ государственныхъ, такъ и цивилизаторскихъ вліяній. Риму стоило расположить къ себѣ только сенаторіаловъ и власть завоевателя была обезпечена и въ городѣ, и въ равнинѣ.

Этимъ объясняется, почему все было направлено къ романизированію этого класса. Романизация почти удалась уже во второмъ и третьемъ столѣтіи. Въ четвертомъ столѣтіи аристократія — уже совсѣмъ римская, она уже не носитъ гальскихъ именъ, она говоритъ только на латинскомъ языкѣ; она знаетъ только римскій комфортъ, римское искусство, римскія воззрѣнія. И уже подъ вліяніемъ ея примѣра романизовались также и низшіе слои. Хотя въ четвертомъ столѣтіи еще понимали кельтійскій языкъ, но въ обращеніи вездѣ господствовалъ вульгарный латинскій языкъ, совсѣмъ почти вытѣснившей кельтійскій; въ нынѣшнемъ французскомъ языкѣ приходится среднимъ числомъ на сто словъ только одно слово кельтійскаго происхожденія, и даже этотъ ничтожный процентъ переданъ черезъ посредство латинской формы и большею частью не принадлежитъ къ запасу наиболѣе употребительныхъ словъ. Не было уже никакого сомнѣнія, что по внѣшнимъ проявленіямъ своей культуры Галлія при переходѣ отъ третьяго къ четвертому столѣтію стала вполне римской.

Однако же какія глубокія измѣненія произошли въ элементахъ римской культуры при переходѣ ея въ Галлію! Въ кельтороманскомъ искусствѣ замѣчается орнаментика римлянъ, черты римскаго рѣзца; термы (бани), амфитеатры, тріумфальныя арки и дворцы строились всюду, гдѣ имѣли въ виду соревнованіе съ несравненными образцами вѣчнаго города. Но великое искусство стало бездушнымъ; мало выражается великодушія, могущественной силы Рима въ его развалинахъ; поразительное изумленіе вызываютъ только массы строеній, воздвигнутыхъ работою тысячъ рабовъ.

Взамѣнъ того все направлено на интимности жизни, на кокетливое изображеніе нустяковъ, обыденнаго, — тончайшее искусство высокой техники тратится на пестрыя бездѣлки. Римлянинъ удовлетворялся изображеніемъ головы или всей фигуры любимаго покойника въ честь его памяти; кельтъ воздвигаетъ дорогіе памятники съ массами изображеній, на которыхъ мы видимъ покойника въ самыхъ обыденныхъ положеніяхъ и занятіяхъ его профессіи: кунца — уплачивающимъ или получающимъ деньги, суконщика — моющимъ шерсть, чещущимъ, ткущимъ и тому подобное. Мы видимъ полный упадокъ искусства, злоупотребленіе высоко развитой техникой.

Тоже самое произошло и въ литературѣ. Какъ въ искусствѣ господствуетъ напыщенный наоосъ обыденности, такъ и въ литературѣ процвѣтають риторически изукрашенныя общія мѣста. Содержаніе имѣетъ второстепенное значеніе, индивидуальное значеніе слова исчезаетъ: вниманіе обращается только на звуковое сочетаніе, на благозвучное построеніе фразы. Этимъ восторгаются, по этому масштабу цѣнятъ литературныя достоинства. Что же удивительнаго, что злоупотребленія языкомъ привело не только къ полной безжизненности литературы, но и къ безжизненности людей.

Во всѣхъ областяхъ духовной жизни получился одинъ и тотъ же результатъ: усвоена римская шлифовка, а не римскій характеръ.

Понятно, что свое, родное, было утрачено. Если римское вліяніе не способно было создать новую жизнь, то оно оказалось способнымъ убить древнюю жизнь, чужую національность. Нигдѣ это не проявлялось столь ясно, какъ въ сферѣ религіи. Римляне поступали здѣсь такъ же, какъ пѣкогда они поступали со всѣми національными религіями: они были терпимы къ вѣроисповѣданію, но подавляли его соціальныя или политическія основанія и выводы.

Друиды были изгнаны, образованіе новаго жреческаго сословія не было допущено, допущена была только соціально-безвредная коллегія жрецовъ, игравшая приблизительно роль римскихъ *Flamines* и *Augustales* ¹⁾.

Результатъ былъ тотъ, что содержаніе кельтійско - національнаго вѣрованія улетучилось; не поддерживаемое больше личнымъ примѣромъ и устнымъ преданіемъ, оно превратилось въ бессистемное суевѣріе; его перестали понимать и оно повело къ безнравственности и злоупотребленію. Въ то же время, однако, его главныя ученія стали освѣжаться тысячью различныхъ воззрѣній, разносимыхъ на дальнія границы Имперіи, какъ сорная, вездѣ разрастающаяся трава, безродными легіонами и странствующими купцами. Уже съ раннихъ поръ въ Галлію проникла римская миѳологія; вскорѣ въ ея богахъ думали найти домашнія божества Галліи. За римской системой послѣдовалъ египетскій культъ Изиды, персидская религія Митры, не говоря уже объ обрывкахъ другихъ религіозныхъ системъ.

Въ религіозной жизни произошелъ хаосъ, который могъ найти для себя покрайней мѣрѣ хоть очищающій центръ въ почитаніи императорской семьи. Въ концѣ концовъ получилось полное отреченіе отъ высшей основы, погруженіе въ повседневныя заботы и наслажденія, пока Германцы и христіанство не положили конецъ выродившейся культурѣ. Внутреннему разложенію соотвѣтствовало возрастающее

1) Фламины и Августалы — римскіе жрецы. Послѣдніе введены Августомъ для отправленія новаго богослуженія въ честь пенатовъ и ларовъ, и въ нѣкоторыхъ муниципіяхъ составляли особую коллегію. *Ирим. пер.*

разрушеніе внѣшнихъ жизненныхъ силъ. Государственное всемогущество Рима изъ средне-вѣковыхъ начатковъ гальской національной культуры породило цвѣтъ, чары котораго преждевременно исчезли, и который не далъ никакого плода.

Натуральное хозяйство смѣнилось создавшимся денежнымъ хозяйствомъ; населеніе устремилось въ города, появилась торговая аристократія, чрезмѣрно покровительствуемое земельное дворянство предавалось абсентеизму. Трудно было надѣяться и на жизненныя силы населенія, не успѣвшія еще окрѣпнуть. Вскорѣ въ деревняхъ не хватило крестьянъ; колонъ вслѣдствіе этого былъ прикрѣпленъ къ землѣ; если онъ убѣгалъ, его въ оковахъ возвращали въ его дворъ; онъ не въ правѣ былъ даже посвящать свои силы государству въ свободной для него военной службѣ. Все-таки вездѣ нехватало сельскихъ рабочихъ силъ и принялись поселять ветерановъ и варваровъ: это было средство, опасное для спокойствія страны; оно было вдвое опаснѣе, когда варвары состояли изъ германцевъ, которые съ радостью взирали на вторженія свободныхъ земляковъ и впоследствии послужили этанами для ихъ укрѣпленія на римской почвѣ.

Въ городахъ былъ недостатокъ промышленныхъ силъ. Возникла государственная промышленность, появились прежде всего фабрики оружія, суконныя мануфактуры, красильни для потребностей войска, а также золотыхъ дѣлъ мастера и горная промышленность въ связи съ чеканкой монеты.

И здѣсь рабочіе были соціально связаны, были ли они свободные, вольноотпущенники или рабы; они работали до изнуренія отъ преждевременной дряхлости; въ рудникахъ имъ выжигали знакъ на рукѣ или на кисти, чтобы сдѣлать невозможнымъ побѣгъ. Лучше обстояло дѣло въ свободной промышленности и въ торговлѣ. И у цеховъ и торговыхъ сообществъ не хватало производительной жизненной силы, государство принуждаетъ сыновей отдѣльныхъ ремесленниковъ къ ремеслу ихъ отцовъ; оно обосновываетъ соціально это принужденіе потребностями народа въ пищѣ и питьѣ, одеждѣ и жилищѣ, заботой о первѣйшихъ потребностяхъ существованія.

Передъ нами ужасное состояніе общаго безправія; города обезлюдѣли, они становятся вновь деревнями; покинутые дворцы стоятъ среди садиковъ и полей бѣдняковъ, довольствующихся самымъ ничтожнымъ минимумомъ, новая ограда уменьшенной городской площади сложена изъ плитняка отъ прежнихъ роскошныхъ зданій, сваленныхъ у воротъ. Въ деревняхъ истомленное населеніе безнадежно погружается въ состояніе прежняго натурального хозяйства, оно давно уже не ненавидитъ и не любитъ, теперь оно разучилось также имѣть какую либо потребность, удовлетвореніе которой лежитъ внѣ его собственнаго хозяйства.

Надъ смертельно больной страной тяготѣетъ управленіе арміи кро-

вопійць чиновниковъ. Страну раздробили приблизительно на полсотни правительственныхъ округовъ (*civitates*) съ безчисленными кантонами (*pagi*), приэтомъ прежнія единицы управленія—племена—кланы повидимому сохранились, а въ дѣйствительности они искажались, раздроблялись или произвольно соединялись. Тутъ примѣнялось древнеримское правило: раздѣлай и господствуй! Тоже можно сказать и о положеніи населенія. Отдѣльные округа имѣли различные законы, ихъ главные города опять другіе законы, и т. д. до законодательства Каракаалы для отдѣльныхъ лицъ.

Не смотря на все это, въ Галліи дошло до возмущенія и возстанія. Во второй половинѣ перваго столѣтія Клавдій Цивилій съ крайняго сѣвера провозгласилъ при восторженномъ одобреніи южныхъ народовъ политическую *Imperium Galliarum*; позднѣе послѣдовали постоянно повторявшіяся соціальныя безпорядки угнетенныхъ крестьянъ, и наконецъ, Галлія стала классическою противо-императорскою страной. Вслѣдствіе этого являлась необходимость въ раздѣленіи обширнаго объединяющаго управленія, которое стояло еще надъ окружными правленіями. Раздѣленіе это совершено было въ концѣ четвертаго столѣтія; съ тѣхъ поръ страна распалась на пятнадцать провинцій.

Во главѣ отдѣльныхъ провинцій стояли намѣстники, носившіе различные титулы; они соединяли въ своихъ рукахъ военное и гражданское управленіе; главнымъ же образомъ завѣдывали они взиманіемъ податей и т. д., чѣмъ долъше они правили, тѣмъ деспотичнѣе становились а именно вторглись даже во вначалѣ свободное и удачно сформированное городское управленіе; уже въ 365 году Валентіанъ долженъ былъ учредить должность избираемаго народомъ *Defensor civitatis* для защиты городской свободы отъ гнета намѣстниковъ.

Однако же этотъ институтъ такъ-же мало помогъ, какъ и контроль общаго управленія обще-германскимъ провинціальнымъ собраніемъ въ Ліонѣ, позднѣе въ Арлѣ. Государство нуждалось постоянно все въ большихъ средствахъ: ради созданія таковыхъ все терпимѣе относились къ бюрократическимъ наклонностямъ податного управленія, имъ даже покровительствовали: взиманіемъ податей государство и намѣстники тиранизировали сообца провинціи.

Для селъ, какъ и для городовъ, выработали условные кадастры, на основаніи которыхъ установили крайне тягостную поземельную подать.

Сюда присоединились налоги на доходы и масса косвенныхъ налоговъ: барщина, почтовая и дорожная гоньба, доставка хлѣба для войска и чиновниковъ, пошлины, плата за права на торговлю, расходы на содержаніе дорогъ и т. д. Тяжелѣе всего ложились всетаки прямые налоги. И такъ какъ взиманіе представляло одинаковыи труд-

ности какъ среди мелкихъ бюргеровъ, такъ и у бѣдныхъ колонновъ, то уплату ихъ возлагали на отвѣтственность сельскихъ и городскихъ органовъ самоуправленія: здѣсь—на коллегіи куріаловъ, тамъ — на сенаторіальныхъ владѣльцевъ латифундій. То былъ наивѣрнѣйшій путь уничтожить также руководящія сословія страны. Сенаторіалы обѣднѣли, не исключая и особенно богатыхъ родовъ; куріалы старались спастись отъ бѣды выходомъ изъ своего сословія. Но напрасно! Какъ прикрѣпили крестьянъ, какъ ремесленниковъ и торговцевъ замыкали въ профессіяхъ и положеніи ихъ отцовъ, такъ прикрѣпили, связали и ихъ; не было спасенія отъ желѣзныхъ объятій этой системы. А если кто-либо двигался внѣ замкнутыхъ сословій, то государство и его съумѣло настигнуть учрежденіемъ всеобщихъ категорій; такъ на примѣръ, каждый подданный, владѣвшій 9-ю на земли, могъ быть объявленъ куріаломъ.

Благодаря этимъ мѣрамъ мало по малу застыла социальная, хозяйственная и политическая жизнь. Включивъ націю въ составъ всемирной имперіи, ее же искусственно притянули и принудили къ ея культурѣ. Исторія не позволяетъ насмѣхаться надъ собою. Нація была слишкомъ слаба для положительной обороны, она слѣдовала по пути, указанному ей насиліемъ, но она страдала, стала разслабленной, цѣпенѣла.

Таково было положеніе вещей, когда германцы стали все буйнѣе свирѣпствовать у воротъ Галліи. А марки были плохо защищены. Что случилось съ блестящей арміей Друза, Тиверія, Германика! Теперь различали императорское полевое войско внутреннихъ провинцій, въ которомъ преимущественно служили германцы, батавы, тунгеры, салійцы, амзивары, бруктеры, букинобанты, и жалкіе пограничные отряды: даже сами римляне предоставляли имъ лишь названіе второклассныхъ солдатъ, а то и вовсе не признавали за ними званія солдата. Разбросанные на границѣ по маленькимъ крѣпостцамъ, они въ дѣйствительности воинами бывали въ исключительныхъ случаяхъ, по общему же правилу они были крестьянами. Потому что уже съ давнихъ поръ пограничные легионы не передвигались больше съ ихъ постоянныхъ мѣстъ стоянки въ другія страны: понятно они слились тѣсно съ страной и людьми. Они не занимались военными упражненіями; не существовало вообще никакого командира легиона, были лишь начальники отрядовъ, а отряды были далеко растянуты вдоль всей границы. Здѣсь легионамъ отведена была земля, здѣсь сидѣли они на крестьянскихъ участкахъ съ женою и дѣтьми, здѣсь дрожали они предъ вторженіемъ варваровъ и дали имъ пройти мимо себя почти безъ сопротивленія, какъ мирные бюргеры.

Таковы были войска, съ которыми встрѣчались германцы. Могли ли они быть препятствіемъ ихъ свирѣпости? Завладѣніе Галліей гер-

манцами было переселеніемъ, заселеніемъ, освобожденіемъ; его едва ли можно назвать завоеваніемъ.

II.

Но какъ ни превосходили германскія войска даже римскія полевыя арміи, однако не одно это превосходство предало Галлію въ руки варваровъ. Болѣе глубокой причиной явилось развитіе германской національности, совершенно противоположное развитію гальской національности.

Населеніе Галліи зачахло, не смотря на всѣ усилія Рима поднять и поддержать его; то было явленіе сходное съ наблюдаемой теперь слабостью дикихъ народовъ въ столкновеніи съ европейской колонизаціей и цивилизаціей. Съ уменьшеніемъ численности населенія пала и достигнутая имъ цивилизація, а въ позднѣйшее регрессивное время она вернулась даже къ болѣе раннимъ ступенямъ культуры и такимъ образомъ самое движеніе въ народномъ хозяйствѣ послужило поводомъ къ дальнѣйшему обезлюденію: съ конца четвертаго столѣтія пришлось направить въ вымирающую страну ввозъ хлѣба изъ Британіи.

Совсѣмъ не то было положеніе германцевъ! Римскіе историки часто сообщаютъ съ завистью о безграничной плодовитости націи. Западные лѣса кишѣли людьми; народы, которыхъ давно считали уничтоженными, внезапно появились на сцену со многими десятками тысячъ воиновъ, а пограничныя племена, такъ часто децимированные войной и изгнаніемъ, оставались всетаки прежними опасными противниками въ силу своей превосходящей военной силы.

Такое положеніе вещей, будучи угрожающимъ для Рима, имѣло еще болѣе важные результаты для внутренняго развитія самихъ германцевъ. Кочевое состояніе ранней эпохи въ благопріятныя времена обусловило быстрое приращеніе населенія, потребность же въ большомъ населеніи удовлетворялась пріобрѣтеніемъ новой земли. Развитіе этихъ растительныхъ силъ и характеризуетъ до-христіанскую эпоху переселеній западно-германскихъ народовъ.

Но съ тѣхъ поръ переселеніе въ той формѣ, въ какой оно было направлено на западъ, улеглось у пограничныхъ валовъ Имперіи. Для того, чтобы былъ возможенъ обычный приростъ населенія, необходимо было разстаться съ прежнимъ экстенсивнымъ хозяйствомъ кочевой жизни; только интенсивная культура, только рѣшительный переходъ къ земледѣлію могъ удовлетворять возростающую массу населенія на замкнуто-ограниченномъ пространствѣ. Этотъ ненавистный для нелюбящихъ труда германцевъ поворотъ былъ облегченъ тѣмъ же римскимъ сосѣдствомъ, близость котораго его обусловила. Какимъ

масса римскихъ военнопленныхъ, свѣдущихъ въ земледѣліи и не занимавшихся ничѣмъ инымъ съ такимъ успѣхомъ, какъ сельской работой, приходила въ страну, какую массу потребностей создало распространеніе римской культуры въ странахъ лѣваго рейнскаго берега! Вліяніе римскихъ военныхъ походовъ, мирное воздѣйствіе пребыванія здѣсь въ былое время многихъ гальскихъ и италійскихъ знатныхъ людей, извѣстная навязчивость кельтійскихъ купцовъ, все дѣйствовало въ этомъ направленіи; удовлетворены же эти потребности могли быть только черезъ обмѣнъ собственныхъ продуктовъ, при продажѣ собственнаго германскаго труда. И такимъ образомъ герои охоты и военного грабежа привыкли не видѣть больше въ трудѣ ничего постыднаго; они начали организовать правильное земледѣльческое хозяйство по собственному народному закону; и если они сами все таки неохотно принимались за управленіе плугомъ, за посѣвъ и жатву, то все же умѣли цѣнить продуктъ, выработанный женщинами и не-свободными. Нашъ народъ на западѣ, между Рейномъ и Эльбой, между Майномъ и Дунаемъ, развился въ націю крѣпкихъ тѣломъ и духомъ крестьянъ.

Эта перемѣна совершилась приблизительно между первымъ и третьимъ столѣтіемъ послѣ Рождества Христова. Она не могла остаться безъ послѣдствій для отечественнаго устройства. Товарищеско-военный элементъ ранней эпохи отодвинулся назадъ, на сцену выступилъ хозяйственный союзъ сородичей. Съ этихъ поръ народное государство все менѣе опиралось на чисто личныя силы народнаго войска, — и все больше значенія приобрѣтали мѣстные интересы. Отдѣльныя народности срослись съ округами, въ которыхъ онѣ жили; власть земли, давленіе областныхъ интересовъ выразились въ ослабленіи непосредственнаго, личнаго отношенія каждаго отдѣльнаго со-племенника къ народной власти. Верховная власть народныхъ собраній потеряла въ своихъ правахъ, начальническая власть выиграла. Въ отдѣльныхъ сотняхъ выступаютъ предводители съ гораздо болѣе свободной должностной властью; во главѣ народностей мы видимъ не рѣдко королей, — на Рейнѣ у иствеоновъ и у герминоновъ-свевовъ. Короли становятся скоро общимъ правиломъ. Тутъ передъ нами стремленіе къ монархіи, безъ которой рѣдко обходится чисто земледѣль-ческая культура.

Но долго ли могъ этотъ переходъ къ земледѣлію удовлетворять національнымъ стремленіямъ къ быстрому размноженію населенія? Не возникли ли скоро такія же затрудненія, какія имѣли мѣсто въ концѣ болѣе ранняго, кочевого періода?

Теперь уже невозможно было переходомъ къ высшей хозяйственной системѣ создать еще задержку для постоянно возрастающаго населенія. Быстрое хозяйственное развитіе Германцевъ съ перваго столѣтія до Р. Х. до втораго столѣтія по Р. Х. могло только сдержать

народное переселеніе въ его широкихъ стремленіяхъ, но не могло помѣшать его возобновенію; время Антониновъ ¹⁾, еще болѣе періоды крупныхъ восточно-германскихъ переселеній устранили эту преграду, которую противопоставляли движенію Цезарь и Августъ; наступила вторая эпоха западно-германскихъ переселеній.

Но у племенъ запада переселенія эти имѣли уже не тотъ характеръ, какой они имѣли въ прежнее время. Земледѣльческій народъ не такъ легко поднимается съ земли-кормилицы, его уже крѣпко удерживаютъ матеріальныя заботы и нравственныя обязанности. Только частями отдѣляетъ онъ излишнія племенные силы; только по нуждѣ издавна поселившаяся часть населенія покидаетъ завоеванную родину. Такъ западно-германское переселеніе сводится къ внезапнымъ и случайнымъ движеніямъ свободныхъ воиновъ и отдѣльныхъ слоевъ населенія: врядъ ли можно бы было выяснитъ себѣ даже и при лучшемъ знаніи фактическихъ событій, когда именно такой-то народъ покинулъ свою родину и когда другой вступилъ въ ея предѣлы.

Въ общемъ давленіе дѣйствовало по принятому направленію къ западу. Саксонскія племена, какъ и фризы, большая половина древней ингвеонской группы, устремлялись къ устьямъ Рейна, частью къ континенту, частью къ морю; но они подвигались впередъ и внутри Германіи. они именно отчасти овладѣли Вестфаліей. Результатомъ этого движенія впередъ въ обоихъ направленіяхъ было то, что иствеонскіе и свевскіе народы нижняго и средняго Рейна оттѣснены были къ римской границѣ.

Подобное движеніе произошло по направленію къ южно-германской границѣ имперіи; и оно, насколько намъ извѣстно, первоначально дошло главнымъ образомъ до Эльбы. Изъ странъ по Эльбѣ гермундуры уже во времена Марбода направились на юго-западъ, въ теперешнюю Тюрингію и Верхнюю Франконію. Отсюда, а именно изъ Тюрингіи, они могли уже теперь подвигаться къ Майпцу. Черезъ ихъ область приблизительно къ концу втораго столѣтія послѣ Р. Х. протѣснилось множество свевскихъ племенъ, главнымъ образомъ семноны средней Эльбы; они вѣроятно соединились съ другими народами, выселившимися изъ средне-рейнскихъ странъ и угрожали теперь римскимъ границамъ по верхнему Рейну. Менѣе, чѣмъ черезъ три поколѣнія, они заняли десятую часть страны по правую сторону рѣки; но едва они сдѣлались господами юго-западной Германіи, какъ въ свою очередь опять оттѣснены были къ западу Бургундами, народомъ, жившимъ по ту сторону Одера и выступившимъ къ концу третьаго

¹⁾ Антонинъ Пій и Маркъ-Анній Антонинъ — римскіе императоры, царствовавшіе: первый въ 138 — 161 по Р. Х., а второй (племянникъ перваго) въ 161—180 по Р. Х.

столѣтія приблизительно къ Пфальцу, къ древней южно-нѣмецкой границѣ имперіи.

Такимъ образомъ борьбу съ Римомъ главнымъ образомъ предприняли на нижнемъ Рейнѣ иствеонскіе народы съ примѣсью свевохаттской крови, на верхнемъ Рейнѣ главнымъ образомъ свевскіе народы, съ иствеонской примѣсью; ихъ тѣснили впередъ соплеменные сосѣди ихъ восточныхъ границъ; ихъ побудилъ къ нападенію непрерывный ростъ численности собственнаго народа и потребность въ прокормленіи.

При такихъ условіяхъ приблизительно при переходѣ отъ второго къ третьему столѣтію обѣ группы разрослись въ племена: изъ народныхъ массъ нижняго и средняго Рейна происходятъ Франки, изъ массъ верхняго Рейна—аламанны ¹⁾ (Alamannen). Это движеніе, распространившись съ запада на далекое разстояніе, имѣло чрезвычайно важныя послѣдствія для нѣмецкой исторіи. За рейнскими формациями появились въ подобнаго же рода сплоченіяхъ прежде всего саксы, затѣмъ Баварцы, а между этими четырьмя главными племенами двигались уже ранѣе сформировавшіяся народности: Фризы, Гессенцы, Тюрингенцы, теперь ужъ какъ меньшія группы.

Событіе носитъ общій характеръ и потому едва ли возможно сомнѣваться, что и въ основѣ его лежатъ всеобщія, а стало быть и обычныя причины. Строй народной жизни ранней эпохи устарѣлъ; основанный на войнѣ, грабежѣ и скотоводствѣ, строй этотъ вполне соответствовалъ кочевому состоянію. Теперь народъ сталъ осѣдлымъ; мѣсто начальниковъ заняли короли; высшей цѣлью и благомъ государства являлся миръ для народа внутри, также и извнѣ. Возможно ли было удержать его, возможна ли была военная оборона съ крестьянскимъ ополченіемъ? Новый строй занятій привлекалъ къ себѣ постоянно болѣе сильныя части прежней военной силы и способствовалъ мирному творчеству; только армія болѣе значительнаго племени могла теперь защищать пріобрѣтенное отечество или способствовать созданію новаго. Такимъ образомъ народные племенные союзы стали скоро общею потребностью для наступленія и обороны.

Совершенно естественно, что союзы эти впервые возникаютъ на Рейнѣ противъ Рима. Здѣсь короли позднѣйшихъ Франковъ и аламанновъ замлчаютъ такіе союзы, вначалѣ довольно непрочныя, только на определенное время, только для цѣлей войны, только для тѣхъ народовъ, которые позднѣе извѣстны подъ именемъ обѣихъ племенъ. Но постоянная потребность вызывала созданіе прочныхъ учрежденій, такъ сказать, все болѣе и болѣе сами собою разумѣющихся; они заключались навсегда; уже начинаютъ сообща улаживать

¹⁾ Аламанны упоминаются впервые въ 213, Франки въ 234 и въ 272. Возникновеніе ихъ надо считать раньше.

и не одни военные дѣла; уже названіе союза переходитъ и на округъ союзниковъ: Римляне упоминаютъ объ Аламани и Франціи.

Это стремленіе къ единству государственно-союзнаго и союзно-государственного строя продолжаетъ оставаться сущностью процесса развитія. Аламанны въ 350 году находились по крайней мѣрѣ подъ властью десяти королей, а сто лѣтъ спустя они оказались уже объединенными (мы не знаемъ какимъ образомъ) подъ властью одного герцога. Яснѣе при болѣе яркомъ историческомъ освѣщеніи проявляется этотъ переходъ у Франковъ; здѣсь Хлодвигъ силой и хитростью разрушаетъ маленькія раздробленныя племенные королевства и на развалинахъ ихъ основываетъ племенное королевство своего дома.

Этотъ разцвѣтъ національныхъ силъ вывелъ ихъ изъ узкаго круга мелкой народности и явился первою ступенью развитія для позднѣйшаго національнаго единства. Оно ужь отнюдь не связано съ прошедшимъ; только въ самомъ ядрѣ своей народности Франки соответствуютъ истеонской группѣ, а аламанны части свево-германской группы. Племенной строй, не будучи вполнѣ чуждымъ удержавшемуся съ древнихъ временъ мифологически-генеалогическому раздѣленію націи, все-же является прежде всего организаціей будущаго. Онъ созданъ не столько ради контраста Риму, сколько ради перехода къ осѣдлости; онъ собственно составляетъ естественно-хозяйственную форму государства и жизни нашего народа. Возникаетъ онъ при зачаткахъ истинно-национальнаго земледѣлія; политически важнымъ, даже рѣшающимъ элементомъ, онъ остается до появленія франкскихъ императоровъ, — до того времени, когда въ городахъ проявляются зародыши новой національной хозяйственной формы.

III.

Начальныя политическія дѣйствія племенъ на Рейнѣ сводятся естественно къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Рима. Печальныя домашнія столкновенія, не имѣвшія никакой серьезной цѣли и послѣдовательности, какими наполнено все первое столѣтіе германской исторіи послѣ Р. X., въ теченіи второго столѣтія переходятъ въ постоянно усиливающуюся вражду съ галльскимъ западомъ. Благодаря тому, что пищевая площадь все суживалась, германцы праваго берега Рейна устремляются черезъ рѣку; одна военная волна слѣдуетъ за другой; мирное состояніе почти совсѣмъ не существуетъ, различаются лишь періоды болѣе сильныхъ и болѣе слабыхъ приливовъ нашествія; пока наконецъ въ теченіи пятаго столѣтія не разбивается гордое зданіе римскаго господства, подорванное тогда восточно-германскими переселеніями.

Ранніе набѣги были предпринимаемы позднѣйшими франкскими хаттами въ провинціи обѣихъ Германій, Бельгію, даже Рецію уже во второмъ столѣтіи; къ нимъ присоединились съ начала третьяго столѣтія нападенія аламанномъ въ десятинную землю, (Dekumateland) и въ страны, прилегающія къ Майну. Самаго высшаго развитія достигаетъ это движеніе около 264 года. Въ 260 году намѣстникъ Постумъ заставилъ провозгласить себя въ Галліи императоромъ, долгое время онъ могъ удерживать свою власть только при помощи франкскихъ и аламанскихъ наемниковъ. Такимъ образомъ появились въ странѣ сородичи рейнскихъ племенъ, за ними вскорѣ послѣдовали и отряды свободныхъ земляковъ. Аламанискій король Крокусъ (Chrocus) разрушилъ Лангръ и Клермонъ; при Арлѣ онъ наконецъ былъ разбитъ. Франки, грабя, прошли черезъ всю Галлію; они дошли до Испаніи и разрушили Таррагону. Началась смута, и только Аврелианъ (270—275) и въ особенности Пробъ возстановили порядокъ. Тѣмъ не менѣе Десятинная область была утеряна; высокій расцвѣтъ страны, наступившій послѣ кельтійскаго заселенія, въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ перваго столѣтія, сдѣлался жертвой аламаниской разрушительной ярости; остатки совершенно романизованнаго населенія были отброшены въ горы и за Рейнъ и лишь наиболѣе осязательныя благодѣянія высшей культуры, лучшая обработка полей, болѣе удобное для жилья устройство домовъ были предметомъ дальнѣйшей заботливости. И на нижнемъ Рейнѣ также нельзя было вполне возстановить прежнюю границу Имперіи: къ концу третьяго столѣтія Салійцы заняли Батавію—Betuwe—(между Маасомъ и Рейномъ) и удерживались тамъ не смотря на неоднократныя римскія нападенія, которыя отличались (въ особенности при Константинѣ) дикостью и кровожадностью.

Впрочемъ, времена Діоклетіана, Максиміана и Константина были періодомъ реставраціи. Отъ маркъ (областей) по ту сторону Рейна отказались, но самъ Рейнъ за то былъ удержанъ, какъ граница и соотвѣтственно этому устроены были военныя отношенія обѣихъ провинцій Германіи. Болѣе вѣка оправдывалась надежда, что рѣка можетъ служить естественной и на-вѣки прочной границей.

Но и эта надежда оказалась тщетной. Въ срединѣ четвертаго столѣтія Германцы снова вторглись съ превосходными силами,—участіе въ походѣ принимали уже не только франки и аламанны, но и саксы. На сѣверѣ была завоевана Токсандрія, теперешняя область между Шельдой и Маасомъ, на югѣ—Эльзасъ; германскому вліянію подчинялась долгое время вся страна къ востоку отъ линіи отъ Безансона черезъ Туль къ Маасу, оттуда внизъ по теченію Маасы и Шельды. Это второй высшій приливъ германскаго завоеванія. Отправили за Рейнъ Юліана, чтобы уничтожить его результаты. Въ 355 году онъ пріобрѣлъ Галлію и обратилъ ее въ провинцію, съ 356 года началъ

онъ безконечно трудные, блестяще выполняемые и въ концѣ концовъ безрезультатные походы. Онъ разбилъ аламанновъ въ жестокомъ сраженіи при Страсбургѣ и покорилъ франковъ въ цѣломъ рядѣ битвъ. Онъ не считалъ еще свою миссію оконченной, когда вниманіе его отвлечено было внутренними потрясеніями внутри всемірной имперіи, что и заставило его уйти изъ Галліи. Въ сущности самійскіе франки не смотря на все удержали Токсандрію, и вскорѣ послѣ того ихъ собратья-соплеменники рибуары подъ предводительствомъ трехъ королей снова двинулись черезъ Рейнъ, опустошили всю нижнюю Германію и только съ трудомъ усмирены были Стиликонъ въ 396 году.

И какія перемѣны во внутреннихъ отношеніяхъ между Римомъ и Германцами произвели этимъ битвы въ теченіи шести поколѣній! Когда франкскія и аламаннскія толпы предприняли свои первые хищническіе набѣги въ провинціи, противъ нихъ выступали еще опытные арміи чужеземныхъ наемниковъ, вызванныхъ съ дальнихъ азіатскихъ береговъ или жаркаго побережья Африки, и находившихся подъ командой истыхъ сыновъ Рима. Въ четвертомъ столѣтіи императорскіе военные отряды, не считая пограничныхъ отрядовъ, превратились въ провинціальную армію, всѣми фибрами своего существованія расположенную къ гальскому, кельто-романскому быту, армія эта требовала освобожденія отъ службы внѣ провинціи даже отъ такого пылкаго и боготворимаго полководца, какъ Юліанъ. И она могла это сдѣлать на основаніи договора! Ибо отряды не набирались ужъ изъ странъ, гдѣ поклонялись Изидѣ и Митрѣ; они состояли кромѣ Кельтовъ преимущественно изъ Германцевъ, которые, только изъ жажды битвы искали военныхъ приключеній на чужбинѣ, но они отнюдь не думали ради этого совсѣмъ разставаться съ роднымъ краемъ, съ роднымъ племенемъ. Они выговаривали себѣ такимъ образомъ службу только въ Галліи, только противъ Германіи, а такъ какъ Германцы сражались на границѣ имперіи противъ Германцевъ, то существовало много дружественныхъ, родственныхъ отношеній между враждебными войсками. Такое положеніе вещей не могло долго продержаться, если-бы даже совсѣмъ не давало себя знать національное чувство Германцевъ, еслибы даже не находили сочувствія идеи общей народной связи.

Къ тому же эти отряды находились часто уже подъ начальствомъ не римскихъ, а германскихъ полководцевъ. Со времени Константина число Германцевъ на высшихъ должностяхъ императорской военной и гражданской службы угрожающимъ образомъ возрасло; древнеримская партія открыто выражала уже свой гнѣвъ и опасеніе. Все-таки случаи эти учащаются и впослѣдствіи при послѣдующихъ императорахъ. Въ Азійи и Италиіи, въ Греціи и на Дунаѣ встрѣчаются германскіе полководцы и инженеры, больше всего франки и готы.

Всего больше ихъ было въ Галліи. Уже въ срединѣ четвертаго столѣтія два раза выступаютъ германцы противниками императора, Магненцій и Сильванъ; и на ихъ сторонѣ, какъ и на сторонѣ ихъ противниковъ, рѣшающими силами являются германцы. Съ конца четвертаго столѣтія Германцы, какъ напр. Арбогастъ, Стилихонъ, Ричимеръ, безъ спора уже и почти непрерывно господствуютъ надъ римскою Западною Имперіей.

Войско и его начальники были германцы; когда въ Парижѣ легіоны превозгласили Юліана императоромъ, они подняли его по германскому обычаю на герцогскомъ щитѣ. А вмѣстѣ съ войскомъ государственная оборона, высшее управленіе—всѣ главныя силы Рима стали германскими: задолго до того, какъ западная имперія попала подъ власть нѣмецкихъ народовъ, она уже подчинена была мирному вліянію нѣмецкихъ нравовъ.

Таково было положеніе вещей въ тотъ моментъ, когда въ Галлію нахлынула третья обширная волна германскаго нападенія, которая должна была привести къ катастрофѣ. При переходѣ отъ четвертаго къ пятому столѣтію вестготскій король Аларихъ началъ свои нападенія на Италію; въ 410 году былъ разграбленъ Римъ; въ 412 году Вестготы появились въ Галліи; здѣсь основано было то государство, самостоятельность котораго Римъ призналъ въ 421 году. То были событія, потребовавшія полнаго напряженія всѣхъ уже ослабленныхъ тогда военныхъ силъ и государственнаго искусства Западной Римской Имперіи.

Между тѣмъ въ 406—409 гг. бичъ вандаловъ, алановъ, свевовъ проносится съ востока черезъ южную Германію, черезъ верхнюю Германію, черезъ всю Галлію, чтобы наконецъ осѣсть въ Испаніи. За этими народами тянутся бургунды, жившіе до сихъ поръ приблизительно въ теперешней Верхней Франконіи; они являются на Рейнѣ и основываютъ у Вормса сказочное царство Нибелунговъ.

Это насильственное вторженіе приводитъ въ движеніе аламановъ; они удаляются къ югу до высокихъ Альпійскихъ горъ; они разсѣиваются по Эльзасу въ долинахъ Дуба и Роны, а также въ долинахъ Мозеля внизъ по теченію до Трира и Люксембурга. Позже они удерживаютъ центральные пункты этого новаго завоеванія: страны къ югу отъ верхняго Дуная, Швейцарія, западный Эльзасъ и часть Лотарингіи съ тѣхъ поръ стали швабо-аламанскими владѣніями.

Въ это же время выступаютъ франки. Салійцы занимаютъ устья Мааса и Шельды въ *Belgica prima*: область Шельды до Тонгерна. Хамавы занимаютъ бассейнъ нижняго Мааса, начиная съ Клеве. Рибуары пробиваются около Кельна черезъ Рейнъ, занимаютъ страны къ сѣверу Эйфеля, слѣдуютъ по Кельно-Трирскому римскому пути, четыре раза завоевываютъ Триръ и окончательно овладѣваютъ имъ

въ 413 году. Гессенцы завладѣваютъ нижней долиной Мозеля, долиной Наге, Рейнскимъ Гессеномъ, долиной Майна около Вюрцбурга,

Римъ ничего не могъ подѣлать одинъ противъ ряда перемѣнъ, потрясшихъ все до основанія. Аэцій, соединившій силы римской Галліи, нуждался въ чужой помощи. Онъ нашелъ ее у Гунновъ. Гунны—страшный конный народъ,—въ послѣднюю четверть четвертаго столѣтія прогнали Готовъ, и основали свое широко распространившееся господство надъ сарматскими, готскими, свевскими народами на Дунаѣ, также и надъ славянами до самаго Балтійскаго моря. Ихъ владычество на западѣ простиралось до границъ верхнерейнскихъ Бургундовъ; нападеніемъ на послѣднихъ они могли послужить Аэцію. Такъ задумано было разрушеніе Бургундскаго королевства. Въ 435 или 436 году Аэцій разбилъ короля Гундикара, въ 437 году Гундикаръ съ значительною частью его народа истребленъ былъ войскомъ гунновъ. Это событіе и составило содержаніе пѣсни о Нибелунгахъ; но и въ преданіи и въ историческомъ изложеніи оно уже ровно амальгамировалось съ битвою на Каталаунскихъ поляхъ.

Остатки Бургундовъ были отброшены Аэціемъ въ Савойю; отсюда они образовали въ теченіе пятаго столѣтія Бургундское королевство западной Швейцаріи и долины Дуба и Роны.

Пустое же мѣсто, образовавшееся на Верхнемъ Рейнѣ, благодаря истребленію Бургундовъ, послужило воротами для вторженія Гунновъ. Появился Атила, съ 445 года единодержавный властитель своего народа; теперь шелъ уже вопросъ не объ одной имперіи, а о культурѣ всего европейскаго запада. Тогда единодушно соединились враждебные народы Галліи для защиты высшаго палладіума цивилизаціи и Атила былъ разбитъ въ равнинѣ Шалона (451).

Результатомъ этого крайняго напряженія всѣхъ силъ явилась необычайная смута; она еще усилилась послѣ паденія Западно-римской Имперіи въ 476 году. Теперь римская область состояла изъ небольшого клочка земли на Сенѣ, находившагося сначала во власти полководца Маіоріана Аэгидія, которому наследовалъ послѣ смерти его сынъ Сіагрій, уже какъ самостоятельный «король Римлянъ». Франки разбрелись на сѣверъ до Доорника и Соммы, Аламанны на востокъ до Метца, Лангра и Безансона; на юговостокѣ Бургундское королевство расширило свои границы за Отюнъ (Autun). На югозападѣ вестготское государство въ своихъ послѣднихъ битвахъ съ императоромъ Маіоріаномъ (436—461), достигло высшаго своего блеска. Король Эрихъ (466—484) отодвинулъ свои марки до Роны; онъ включилъ сюда область Провансъ по ту сторону Роны. Могло казаться, что на берегахъ Гаронны и Луары возникнетъ новая западноевропейская великая держава. Однако же германскій ферментъ Вестготовъ оказался безсильнымъ для дальнѣйшихъ завоеваній. Готскія части затерялись въ массахъ населенія юга, гибель ихъ ускорена была еще ихъ соб-

ственными королями, Эрихомъ и особенно Аларихомъ II, благодаря тому, что послѣдніе рано признали равноправность германцевъ и римлянъ. Такимъ образомъ государство несло въ самомъ себѣ зародышъ смерти; оно оказалось созданиемъ великихъ властителей на шаткомъ тронѣ.

Подобный же зародышъ разрушенія носило въ себѣ и королевство Бургундовъ. Высоко одаренному племени досталась въ удѣль богатая, плодородная страна; но какъ же могли занять и удержать ее 40—50000 воиновъ, съ ихъ нравами, образомъ мыслей, строемъ? Въ роскоши и довольствѣ погибла первоначальная сила; государство вскорѣ стало добычей Франковъ. Мы говоримъ — Франковъ, потому что на долю этого племени выпала всемірно-историческая задача покончить съ состояніемъ разложенія, длившимся цѣлыя столѣтія, и спасти германскую будущность.

IV.

Франки во время паденія Западной Римской Имперіи находились въ среднихъ и нижнихъ областяхъ Рейна, но отнюдь не составляли еще общей, въ одномъ пунктѣ сосредоточенной, массы.

Въ средне-римской долинѣ, а также въ долинахъ Мозеля и Наге подвигались впередъ верхне-франкскіе Гессенцы. Ихъ пути переселенія, направленные на западъ, много разъ перекрещивались походами аламанновъ, устремлявшихся съ верхняго Мозеля и верхняго Рейна, въ Люксембургскую область; они разбрелись даже до Арвейлера (Ahrweiler), Цюльпиха и Аахена. Если германская сила ослаблялась уже въ этихъ областяхъ отъ такого взаимнаго столкновенія, то и Гессенцы сами по себѣ также не были въ состояніи овладѣть этой богатой областью, которая все больше и больше расширялась передъ ними по мѣрѣ того, какъ они двигались къ западу. Ихъ постигла участь Бургундовъ; къ западу отъ Саара ихъ народность всосала романо-кельтійская національность, да и на востокъ отъ этой границы имъ не удалось основать какое-либо государство, создать вообще что-либо политическое; позднѣе даже дѣйствовало у нихъ частное право Салійцевъ.

Условія были также неблагоприятными и для сѣверныхъ ихъ соседей, среднихъ франковъ. Южная ихъ часть, рибуарская, затерялась, начиная отъ Кельна, въ лѣсныхъ дебряхъ Эйфеля и Арденъ; сѣверная часть, хамавская, начиная съ Клеве къ югу, почти не имѣла простора для расширенія, и принуждена была искать его къ югу отъ Фризии до Зюдерзе и такимъ образомъ потеряла почти всякое значеніе для намѣченныхъ южныхъ задачъ франскаго племени.

Совсѣмъ иное мы видимъ у нижнихъ франковъ, Салійцевъ. Къ

концу третьяго столѣтія заняли они Батавію, три поколѣнія затѣмъ владѣли Кампиной (страна между Маасомъ и Шельдой). Предъ ними разстилалась роскошная, большею частью ровная страна вплоть до теперешнихъ границъ Бельгіи и Франціи; страна эта была полна кельтійской, къ востоку даже первоначально германской жизни, безъ сильныхъ римскихъ средствъ обороны: страна эта приспособлена была для вторженія совсѣмъ не такъ, какъ страны, лежащія непосредственно влѣво отъ Рейна. Уже два раза предпринимались оттуда угрожавшія Риму самостоятельныя движенія: во время батавскаго возстанія Клавдія Цивилія въ концѣ перваго столѣтія возникла мысль о галльскомъ государствѣ; при возстаніи Каразія (Karasius) въ концѣ третьяго столѣтія было основано просуществовавшее почти десять лѣтъ государство независимой Батавіи и Британіи: не могли ли теперь Салійцы въ теченіи пятаго столѣтія, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, осуществить мечту прежнихъ временъ?

Конечно, это историческое соображеніе чуждо было германскому пониманію; Салійцы бессознательно взяли за ту миссію, которая предписывалась имъ положеніемъ и прошлымъ ихъ страны. Медленнымъ маршемъ, компактной, хотя еще не сплоченной, массой двинулись они къ югу, подъ предводительствомъ длиннокудрыхъ королей. Но вскорѣ родъ Меровинговъ взялъ на себя руководство судьбой Салійцевъ. Прошло лишь нѣсколько поколѣній послѣ пріобрѣтенія Кампины, приблизительно около 430 года, какъ Меровингъ Хлоіо (Chlojo) завоевываетъ Дуесборгъ подъ Брюсселемъ, овладѣваетъ Камбре и битвой съ Аэціемъ расширяетъ Франкскую область до Соммы. Эти событія, не смотря на полный внутренній контрастъ съ римской имперіей, при условіяхъ того времени не обусловливали еще все-таки смертельной вражды къ Риму. Умиравшая Западная Имперія, подобно нынѣшней Турціи, ни въ какомъ случаѣ не могла удержать въ неприкосновенности своихъ владѣній; ея полководцы могли только покориться обстоятельствамъ и искать помощи всюду, гдѣ только возможно было найти. Съ такимъ положеніемъ вещей пришлось уже считаться Хлоіо, а еще больше его хитрому преемнику Хильдериху (457—481), отцу Хлодвига. Хотя они и сидѣли на захваченной у римлянъ землѣ (дворъ Хильдериха былъ въ Доорникѣ), они все-таки были за-одно съ Римомъ: Хлоіо сражался на сторонѣ римскаго войска на поляхъ Шалона противъ Гунновъ, а Хильдерихъ, съ римлянами дѣлалъ походы на югъ противъ Вестготовъ и Саксовъ. Но все это были лишь услуги, оказываемыя ради собственныхъ интересовъ, и онѣ ужъ не могли имѣть мѣста, какъ только Римская имперія въ Галліи ограничена была клочкомъ оторванной области, который удерживалъ еще Сиагрій въ 476 году, какъ только всемірное могущество олицетворилось такимъ слабымъ государствомъ.

При такомъ положеніи вещей появился Хлодвигъ (Chlodowech), пят-

надцатилѣтній преемникъ Хильдериха (481 — 511). Онъ больше не боялся Рима; для него существовала лишь одна могущественная сила въ Галліи, — сила великаго вестготскаго короля Эриха. Но какъ только Эрихъ умеръ, Хлодовигъ въ союзѣ съ однимъ родственнымъ салійскимъ королемъ ринулся на «Римскую имперію» Сиагрія; Сиагрій былъ разбитъ, и въ медленной борьбѣ завоеваны были франкская резиденція Суасонъ и страна вплоть до Луары.

Эта побѣда придала королевской власти меровинговъ иное значеніе. Хлово и Хильдерихъ, не смотря на всѣ побѣды и завоеванія, оставались исключительно королями своего племени. Резиденція находилась въ Доорникѣ; уже Салійцы тогда, вѣроятно, густо заселяли страну до Каншъ (Canche) и Ли (Lys); но еще ни въ какомъ случаѣ не одержанъ былъ верхъ надъ кельто-романскимъ населеніемъ, по численности не уступавшимъ франкамъ. Случилось это лишь теперь, Хотя франкскіе пришельцы занимали ту или другую деревню до сѣвернаго берега Луары, хотя тамъ и сямъ, наприм., на нижней Сенѣ, они устроили центры салійскаго поселенія: въ общемъ однако новая область оставалась Кельто-романскою, и король ея въ силу завоеванія былъ властителемъ по собственному праву, не смотря на все участіе въ его побѣдахъ народной арміи. Королевство взяло теперь верхъ надъ племенемъ и племеннымъ строемъ; оно опиралось совершенно только само на себя, и въ своемъ абсолютномъ положеніи оно очерпало стремленіе къ все большему расширенію своихъ владѣній.

Такъ какъ на югѣ дошли до границъ все еще могущественнаго вестготскаго государства, то племена по сосѣдству Салійцевъ къ сѣверу и востоку стали первой жертвой ихъ завоевательныхъ стремленій; послѣднія были также въ порядкѣ вещей, какъ и то, что въ лицѣ Хлодвига они нашли для себя неутомимаго представителя. Тунгеры (въ окрестностяхъ Тонгерна) были покорены; также какъ и Англы и Варинны, нѣмецкія племена, жившія за Салійцами, при устьяхъ Мааса и Шельды. Обезпечивъ за новымъ государствомъ прежнюю родину салійскаго племени, Хлодвигъ устремился на Аламанновъ. Послѣдніе были разбиты въ 496 году и отчасти поставлены въ зависимое положеніе; важнѣе было при этомъ то, что пораженіе это разрѣшило споръ относительно господства надъ Галліей, намѣченный уже въ прежнихъ битвахъ, и который все еще могъ возникнуть между Аламаннами и Франками.

Вмѣстѣ съ тѣмъ побѣда надъ Аламаннами освободила путь для другихъ мелкихъ народностей франкскаго племени въ среднюю и верхнюю Франконію. Хлодвигъ избралъ по отношенію къ нимъ политику присоединенія, которая проводилась имъ, кажется, во всѣ послѣдующіе годы своего царствованія, — политику, въ сферу которой включены были и мелкія Салійскія королевства, которыя до сихъ поръ сохраняли еще свою независимость рядомъ съ Суасонъ-Доорникскимъ

королевствомъ. Грубой силой устранены были династїи этихъ народовъ: жестокой король не считалъ разбоемъ убивать и собственно-ручно. Достигнуто было полное подчиненіе по крайней мѣрѣ всѣхъ Салійцевъ и среднихъ франковъ, даже нѣкоторая зависимость Гессенцевъ. Нельзя не признать громаднаго значенія для нѣмецкаго развитія этого событія, если только мы не будемъ обращать вниманія на безнравственность средствъ, которыя должны были привести къ этой цѣли. Въ той увѣренности, съ какой салійское племя съ незапамятныхъ временъ стремилось къ завоеванію юга, заключалась опасность этой народности погибнуть въ этихъ битвахъ, слиться съ кельто-романской народностью. Тогда были бы благопріятныя условія для возникновенія великаго галло-франкскаго государства; нѣмецкое же развитіе—по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ—осталось бы безплоднымъ и далекимъ отъ какой бы то ни было всемірно-исторической задачи. Вотъ почему завоевательная дѣятельность Хлодвига на востокъ имѣла такое важное значеніе: она навязала франкамъ и ихъ государству по крайней мѣрѣ на четыре столѣтія посредничество между романскимъ западомъ и германскимъ востокомъ, она создала ихъ всемірно-историческое призваніе.

Но въ тотъ же моментъ и благодаря тому же факту, который рѣшилъ это направленіе, совершился одновременно и другой поворотъ въ жизни Хлодвига и Франкскаго народа. Въ битвѣ съ аламанными король далъ обѣтъ принять христіанство.

Согласно источникамъ, склоннымъ къ чудесамъ, тутъ произошло мгновенное вдохновеніе, внезапный шагъ подъ вліяніемъ грубѣйшаго и самаго чувственнаго представленія о христіанствѣ, какое только можно себѣ представить. Хлодвигъ обѣщалъ сдѣлаться христіаниномъ, если Христосъ поможетъ ему побѣдить. Король побѣдилъ, Хлодвигъ сталъ христіаниномъ и никогда онъ не измѣнялъ своему первому представленію о христіанствѣ. Такимъ образомъ его переходъ въ христіанство былъ дѣломъ послѣдовательнаго мышленія, и какъ ни внезапно оное произошло, онъ однако не былъ не подготовленъ. Уже отецъ и предокъ Хлодвига умѣли притворяться относительно христіанско-ортодоксальной церкви; то была лишь одна сторона ихъ дружелюбія къ римлянамъ: римляне были ортодоксальными католиками по отношенію къ своимъ врагамъ, восточно-германцамъ—аріанамъ. Для Хлодвига дружба эта съ сосѣднимъ южнымъ государствомъ Сіагрія была нарушена,—онъ завоевалъ это государство; но вражда къ ближайшимъ восточно-германцамъ, къ вестготамъ и бургундамъ, оставалась. Здѣсь король могъ безъ церемоній признать важнымъ рычагомъ своего образа дѣйствій ортодоксальное христіанство.

Къ политическимъ выгодамъ присоединилась и домашняя привычка. Уже за четыре года до своего обращенія Хлодвигъ женился на дочери бургундскаго короля Гротехильдѣ (Hrotechild); она была като-

личка и пользовалась симпатіями католическихъ епископовъ своей страны. Уже не въ первый разъ женщина склонила суровый нравъ язычника-германца мужа въ пользу христіанства. Уже давно Хлодвигъ смотрѣлъ на будущность своего народа въ христіанскомъ освѣщеніи; первый отпрыскъ языческо-католическаго союза былъ крещенъ, и что еще важнѣе, вслѣдъ за его ранней смертыю, окрещенъ былъ и второй. Такимъ образомъ основные вопросы были уже давно разрѣшены, когда битва съ аламанными привела къ личному обращенію.

Такимъ образомъ событіе 496 года является сложнымъ сплетеніемъ размышленія и грубаго чувства зависимости отъ будущей жизни, хитраго выбора и внезапнаго импульса. Въ этой формѣ событіе это является типичнымъ для большей части религіозныхъ германскихъ обращеній ранней эпохи.

Сдѣлавъ первый шагъ, Хлодвигъ открыто принялъ на себя и всѣ послѣдствія. Въ рождественскій праздникъ 496 года онъ съ тремя тысячами франковъ и своими сестрами, язычницей Альбофледой и аріанкой Лантехильдой, перешелъ въ истинную вѣру, при несказанно-торжественномъ служеніи и при полномъ разрывѣ съ прошлымъ. Съ тѣхъ поръ онъ явился ревностнымъ почитателемъ святыхъ сообразно вѣрованіямъ своего времени, въ особенности національнаго святаго Галліи Мартина Турскаго; немедленно принялся онъ за организацію франкской церкви, и еще въ его царствованіе состоялся первый соборъ въ Орлеанѣ. Но онъ же и пожалъ первые политическіе плоды своего обращенія: быстрое сліяніе кельто-романскаго и германскаго населенія государства на общей почвѣ католицизма, и поддержку всѣхъ католическихъ элементовъ въ борьбѣ противъ Бургундовъ и Готовъ.

Битвы эти въ сущности вызваны были ничѣмъ инымъ, какъ ненасытной жадностью Хлодвигъ къ завоеваніямъ: вся Галлія въ рукахъ франковъ—таковъ былъ идеаль короля. Въ Бургундіи не могъ онъ добиться прочныхъ результатовъ, не смотря на все содѣйствіе мятежныхъ епископовъ; аріанскій король Гундобадъ удержалъ свое положеніе, и Хлодвигъ долженъ былъ предоставить разрѣшеніе этой задачи своимъ преемникамъ. Даже больше: впоследствии онъ заключилъ съ Гундобадомъ дружбу и союзъ противъ вестготовъ, когда тѣ нашли неожиданную поддержку въ своеобразномъ соединеніи идей пангерманской и имперіалистической.

Въ Италиі къ концу пятаго столѣтія послѣ смутныхъ дней Одоакра основано было остготское королевство; съ 491 года Теодорихъ Великій былъ единымъ самодержцемъ Италиі. Въ его царствованіе, представляющее совершенно мирную эпоху, наступаетъ вторичный блестящій расцвѣтъ римской культуры. Въстѣ съ классическимъ образованіемъ пробуждаются вновь римскія притязанія; Италиа вновь

считается центромъ западныхъ провинцій, а Теодорихъ присвоиваетъ себѣ эту идею, давъ ей германское направленіе. Цѣлью его былъ родъ нравственнаго главенства надъ германскими государствами запада и сѣвера; такъ усыновляетъ онъ короля Герула, выдаетъ за мужъ племянницу за тюрингинскаго короля Герменфрида, одну дочь за сына бургундскаго короля Сигизмунда, другую дочь за вестготскаго короля Алариха II, и самъ женится на Аудефледѣ (Audefled), сестрѣ Хлодвига. Вмѣстѣ съ родственными связями онъ передаетъ германскимъ князьямъ импонирующее всемогущество римской культуры; Боэцій является его посланникомъ, его подарки состоятъ изъ самыхъ драгоценныхъ произведеній итальянскаго искусства.

Въ нѣмецкой сагѣ великій король, соотвѣтственно своему положенію, подобно Дитриху Бернскому является справедливымъ и всемогущимъ посредникомъ королей. Въ Хлодвигѣ онъ непременно долженъ былъ найти своего противника, потому что какъ же совмѣстить пангерманское вліяніе италійскаго короля съ достигнутымъ господствомъ Франковъ надъ германскими племенами востока и юго-востока, надъ вестготами и бургундами?

Послѣ того какъ Хлодвигъ покорилъ Франковъ и Аламанновъ и заключилъ союзъ съ Бургундіей, долженъ былъ разрѣшиться вопросъ объ отношеніяхъ къ Вестготамъ. Съ 507 до 511 года нападаетъ на нихъ Хлодвигъ, съ 509 года Теодорихъ выступаетъ для отраженія его нападений. Смерть Хлодвига въ 511 году помѣшала продолженію борьбы. Достигнуть былъ только компромиссъ: Хлодвигъ раздвинулъ свое королевство до Гаронны, въ странѣ Вестготовъ Теодорихъ управлялъ въ качествѣ опекуна своего внука Амалариха, а Провансъ былъ присоединенъ къ италійскому Остготскому королевству. И въ позднѣйшее время явились препятствія для окончательнаго рѣшенія спора; послѣ смерти Теодориха Остготское королевство вступило въ эпоху самой тяжелой борьбы съ Восточной Римской Имперіей, закончившейся его пораженіемъ въ 555 году. Съ другой стороны преемники Хлодвига были слишкомъ слабы, чтобъ завоевать всю Галлію; Вестготское королевство юга и юго-запада лишь въ началѣ восьмого столѣтія пало жертвой вторгшихся Арабовъ.

Хлодвигъ умираетъ сорока пяти лѣтъ отъ роду, какъ разъ въ моментъ назрѣвшихъ столкновений. Тѣмъ не менѣе его наивная грубость, его хитрое коварство положили основаніе новой эпохѣ. Какъ истый варваръ, какъ чистогерманскій Франкъ, онъ скорѣе руководился въ своемъ стремленіи къ расширенію смутными инстинктами жажды господства, чѣмъ просвѣщеннымъ пониманіемъ положенія вещей, хотя нельзя отрицать за нимъ, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, гениальной заботы объ удержаніи завоеванныхъ владѣній. Но какой смертный въ состояніи былъ вообще при переходѣ съ пятаго въ шестое столѣтіе оцѣнить значеніе этого первобытнаго вели-

чія, этого носителя въ одно и тоже время самыхъ отрицательныхъ и самыхъ достойныхъ удивленія чертъ человѣческаго характера? Стремясь къ централизаціи своего племени, основывая королевство надъ германцами и романцами, Хлодвигъ этимъ самымъ создавалъ предварительное условіе для возникновенія Всемирной Имперіи Каролинговъ. Заключая или вступая въ союзы съ Византіей противъ остготовъ, принимая на себя званіе римскаго консула, Хлодвигъ этимъ какъ бы намѣтилъ походы Пеппина въ Италію и императорскую корону для Карла Великаго. Склонивъ главу при таинствѣ крещенія, Хлодвигъ не былъ прежнимъ грубымъ Сикамбромъ; заключивъ для своего государства союзъ съ Римомъ, центромъ христіанскаго міра, онъ возложилъ этимъ на свой народъ задачу христіанской миссіи въ Германіи.

У.

Осуществленіе этихъ великихъ задачъ Хлодвигъ завѣщалъ своимъ преемникамъ. И сыновья были по меньшей мѣрѣ достойны отца. До смерти Клотокара I, вновь соединившаго отъ 558 до 561 г. въ своихъ рукахъ государство, тянется рядъ почти непрерывныхъ успѣховъ. Послѣ многихъ неудачъ и многихъ бесполезныхъ злодѣяній завоевана Бургундія; въ Италіи по крайней мѣрѣ временно въ борьбѣ противъ Восточной Римской Имперіи и Остготовъ приобрѣтены большія выгоды, пока послѣднее франконское войско уничтожено было Нарзесомъ при Волтурнѣ въ 552 году.

Прочнѣе и важнѣе были завоеванія и политическіе результаты по ту сторону Рейна. Здѣсь быстро расширялось королевство Тюрингинцевъ; оно растянулось отъ Дуная черезъ среднюю Германію до Саалы и Эльбы; на Майнѣ и на Унструтѣ лежали его королевскія пфальцграфства. Верхнефранконскіе гессенцы должны были чувствовать себя подавленными этой могущественной силой, задержавшей ихъ расширеніе на востокъ и юго-востокъ. Уже Хлодвигъ можетъ быть выступалъ въ ихъ защиту противъ Тюрингинцевъ. Послѣ его смерти король Метца Тедерихъ (Theuderich) вмѣшался въ тюрингинскія отношенія; дѣло дошло до битвы и до союза, пока Тедерихъ въ возобновленной битвѣ не разбилъ окончательно въ 531 г. на голову Тюрингинцевъ при Роннебергѣ въ ГанOVERѣ, при Оргеймѣ на Окерѣ и при развѣтленіяхъ Унструта. Съ тѣхъ поръ Тюрингинцы были обложены данью и могущество ихъ было сломано.

Тѣмъ не менѣе отношеніе этого государства къ франкскому было весьма шаткое; выгодами этой побѣды, главнымъ образомъ, воспользовались Саксы. Правда они также покорены были Франками въ половинѣ шестого столѣтія, но безъ всякихъ послѣдствій: они безнаказанно проникли въ 557 году почти до Дейца. Еще раньше:

въ битвахъ съ Тюрингинцами, они были союзниками Франковъ. Конечно, объ ихъ тогдашнихъ захватахъ можно узнать лишь при помощи сказочныхъ преданій, потому что съ четвертаго по шестое столѣтіе едва ли хотъ одно великое событіе нашей національной исторіи не подверглось эпической обработкѣ. Вполнѣ ясно во всякомъ случаѣ то, что лишь тогда на мѣсто средне-германско-тюрингинскаго главенства утвердилось позднѣйшее ниже-нѣмецко-саксонское преобладаніе по ту сторону Майна и Рейна.

Первое поколѣніе меровингскихъ эпигоновъ вступило также въ соприкосновеніе съ самымъ юнымъ, отдаленнѣйшимъ нѣмецкимъ племенемъ, Баварцами. Новое племя селилось въ областяхъ, покинутыхъ Западной Римскою Имперіей, между Дунаемъ, Лехомъ и Альпами; въ составъ главнаго племени входили свевскіе Квады и Маркоманны, смѣшанные съ остатками многихъ тѣснившихся на Дунаѣ народовъ. Впервые здѣсь приблизительно около 520 года Баварцы упоминаются въ спискѣ народовъ. Вскорѣ затѣмъ они сдѣлались до нѣкоторой степени зависимыми отъ франкскаго государства; то былъ естественный удѣлъ въ силу положенія ихъ между покоренными Тюрингами и Аламанными и тогдашними владѣніями франковъ въ верхней Итали; это событіе было ускорено бракосочетаніемъ баварскаго герцога Гарибальда съ вдовою франкскаго короля въ 555 году.

Во всякомъ случаѣ съ 560 года вездѣ возникаютъ связи середины франкскаго королевства за Рейномъ, опирающіяся то на дружественныя воспоминанія о союзахъ, богатыхъ результатами, то на воспоминаніе о тяжеломъ пораженіи и на обязательства платить день. вмѣстѣ съ тѣмъ серьезно выдвинулись въ первый разъ тѣ задачи, которыя позже занимали Карла Великаго, — покореніе Саксоніи и Баваріи. На югѣ проявились также аналогичныя замыслы временъ каролинговъ: уже франкскія войска прошли Италію до отдаленнаго юга, и при папѣ Вигиліи (Vigilius) (537—555) раздался впервые призывъ о помощи со стороны римской куріи противъ германскаго гнета. Повидимому, въ политической сферѣ открывался переходъ къ позднѣйшему вѣку, когда въ 561 году умеръ младшій сынъ Хлодвига, Клотокаръ I.

Будущее, однако, не оправдало этихъ ожиданій. Принципъ раздѣленія государства между равноправными мужскими наслѣдниками, наводившій уже на размышленія послѣ смерти Хлодвига, требовалъ теперь страшныхъ жертвъ. Опять насталъ періодъ безконечныхъ саморастерзаній меровингской фамиліи, времена Брунигильды и Фредегунды, времена несовершеннолѣтнихъ королей. Въ концѣ шестаго столѣтія добродушный король Гунтхрамъ способствуетъ, правда, возстановленію единенія и нравственной сплоченности королевскаго дома; Брунигильда, страшная героиня, долго еще борется какъ за свой родъ, такъ и за идею единства государства; и Клотокаръ II еще разъ царствуетъ

съ 613 по 622 годъ надъ соединеннымъ королевствомъ Франковъ. Но сила Меровинговъ всетаки рушилась, уже давно забыта была завоевательная политика предковъ; Тюрингія отложились, о другихъ племенахъ востока повѣствованіе умалчиваетъ; безумныя нападенія на вестготовъ окончились неудачно, вторженія лонгобардовъ съ 568 года съ трудомъ лишь были отражены. Внутри государства безостановочно шло разложеніе.

Дѣло идетъ прежде всего о соціальныхъ фактахъ. Общественныя силы, до сихъ поръ связанныя интересами одного общаго дѣла, теперь распадаются, идутъ по эгоистическому пути обособленнаго развитія, борются другъ съ другомъ, направляются противъ центральной власти. Тутъ на первомъ планѣ духовное и свѣтское дворянство; оно вызываетъ раздоры, оно возстаетъ вооруженной силой противъ королевства и доводитъ страну въ концѣ седьмого вѣка до полнаго паденія.

Въ борьбѣ дворянства играетъ роль другой, еще болѣе важный факторъ. Оказывается, что совокупное государство не обладаетъ въ достаточной степени собственно политическимъ духомъ, чтобы удержать свои столь различныя въ культурномъ отношеніи части. Раньше всѣхъ выражаетъ стремленіе къ самостоятельности Австразія¹⁾. Здѣсь, а именно по ту сторону Рейна, жилъ совсѣмъ иной родъ, чѣмъ на западѣ. Не уступая численностью населенію обѣихъ частей Имперіи, Невстріи и Бургундіи, вмѣстѣ взятыхъ, народъ Австразіи еще къ концу шестого столѣтія считался варварскимъ; въ Парижѣ страшились его выступленія въ походъ, нигдѣ не чувствовали себя солидарными съ его образомъ мыслей и желаніями. Что же удивительнаго, если наконецъ Австразіицы пожелали быть самостоятельными. Уже въ 575 году австразійское дворянство требуетъ для себя отдѣльнаго короля; они не хотятъ, чтобы ихъ страна слилась съ другими частями государства. Въ договорѣ Анделота (Andelot) (587) положено въ основу требованіе ряда законныхъ опредѣленій самостоятельнаго существованія для Невстріи, Бургундіи и Австразіи, — опредѣленій, которыя регулируютъ положеніе подданныхъ составнаго государства сообразно съ наличными частями государства. Австразія же позже подарила странѣ каролингкую фамилію; во время реакціи Австразіи противъ общаго домашняго управленія Эброина она выдвинула въ 678 г. Пепина Средняго, внука котораго свергнулъ династію Меровинговъ.

1) Австразіей при Меровингахъ называлась та часть Франціи, которая лежитъ къ востоку отъ Арденнскихъ горъ и Мааса, — и *Austrasia* буквально значитъ „восточное царство“.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Политическое и социальное развитие Мерovingского государства.

I.

Всякое изслѣдованіе позднѣйшей исторіи мерovingского развитія, принимая во вниманіе одни лишь внѣшнія событія, представляетъ безпорядочное сплетеніе лицъ и силъ, борющихся изъ за обладанія высшей властью. Въ этомъ отношеніи шестое и седьмое столѣтія въ нѣмецкой исторіи напоминаютъ девятое столѣтіе или конецъ среднихъ вѣковъ. Одна и таже причина обуславливаетъ эту характерную черту трехъ періодовъ.

Монархическая власть приходитъ въ упадокъ; общественное подраздѣленіе не удерживается уже никакимъ общимъ положеніемъ, оно расшатывается, и руководящіе слои общества соперничаютъ между собою въ домогательствѣ короны и господства. Такимъ образомъ конецъ среднихъ вѣковъ наполненъ борьбою городскихъ республикъ и территоріальныхъ княжествъ; и такимъ же образомъ въ періодъ упадка каролингскаго государства свѣтское и духовное дворянство борются изъ за обладанія государствомъ. Въ шестомъ и седьмомъ столѣтіи явленіе это въ общемъ напоминаетъ девятое столѣтіе, въ частностяхъ же обнаруживается иное направленіе. Только одно сословіе — противъ королевской власти; это свѣтская и духовная аристократія. Слѣдствіемъ этого было то, что эта внутренняя борьба, которая ведется не въ силу крупныхъ социальныхъ контрастовъ, проходитъ въ безплодныхъ партійныхъ раздорахъ личностей и семей.

Своеобразное состояніе монархіи и государства способствовало этому несчастному положенію дѣль.

Древнѣйшіе Меровинги и въ собственности Хлодвигъ завоевали

лично самую значительную часть имперіи: то было ихъ пріобрѣтеніе, ихъ благопріобрѣтенное имущество. Эманципация отъ мѣстныхъ племенныхъ силъ, совершившаяся въ теченіе этихъ завоеваній, привела къ тому, что хотя официально государство и называли государствомъ Франковъ, но все-таки съ точки зрѣнія государственнаго права Франки не могли признавать его только завоеваніемъ своего племени. Въ своихъ новыхъ владѣніяхъ они видѣли только собственность своего рода и съ этимъ сообразовали свои дѣйствія. Когда Хлодвигъ умеръ, онъ передалъ государство своимъ сыновьямъ, раздѣливъ его на четыре части; ему и въ голову не приходитъ разсматривать свои завоеванія, какъ единое государство, и оставить его въ наслѣдство одному только старшему сыну. Также разсуждали и потомки его сыновей: руководящимъ началомъ престолонаслѣдія въ существенныхъ чертахъ осталось общее франкское право наслѣдованія.

Не сообразовались съ прежними политическими формами и при подраздѣленіяхъ внутри государства.

Ими руководили скорѣе соображенія добраго отца семейства: какъ послѣдній при распредѣленіи между наслѣдниками своего имущества за исходный пунктъ принимаетъ способъ пріобрѣтенія, желая, чтобы то, что имъ пріобрѣтено было личнымъ трудомъ въ томъ или иномъ совершенно индивидуальномъ порядкѣ, сохраняло и въ будущемъ этотъ порядокъ, такъ и меровинги по большей части при распредѣленіи своего государства руководствовались не столько реальными соображеніями, сколько случайностями завоеванія и пріобрѣтенія.

Не смотря на все это, сохранилось и понятіе о единомъ государствѣ и связь между частями. Однако это не было дѣломъ владѣтелей дома, въ этомъ отношеніи правящій родъ стоялъ лишь на почвѣ общаго обычнаго права. Потому что хотя по франкскому праву наслѣдованія шестаго и седьмаго столѣтія всѣ наслѣдники имѣли равную долю въ наслѣдіи, но въ силу прочно установившагося обычая (по крайней мѣрѣ, относительно поземельной собственности), наслѣдники, вопреки индивидуальному участию, разсматривали наслѣдство какъ единое цѣлое и даже сообразовались съ этимъ при управленіи государствомъ.

Потому дѣленія государства при Меровингахъ врядъ ли бы такъ скоро привели къ паденію правящаго дома, еслибы это государство дѣйствительно представляло нѣчто цѣлое. Но именно цѣлымъ то оно и не могло быть.

Уже одни неизгладимыя различія въ степеняхъ культуры по ту и другую сторону Вогезовъ должны были въ концѣ концовъ довести государство до упадка; объ этомъ мы уже говорили въ концѣ предыдущей главы. Въ крайнемъ случаѣ оно могло держаться только уніей; Карлъ Великій и возстановилъ, на примѣръ, единство лонгобардской Італіи и франкскаго государства, но принципъ дѣлимости

государства препятствовало установиться подобнымъ отношеніямъ на продолжительное время.

Не смотря на все это, общее государство распалось на множество разнородныхъ государственныхъ организацій. Римскія владѣнія отнюдь еще не были вполне покорены, а нѣмецкія племена хотя и созрѣли для племеннаго строя, но не созрѣли для строя государственнаго. Обѣ части, Восточная и Западная, были довольно свободны; онѣ могли играть въ государствѣ роль сотоварищей франкскаго племени, а не его подчиненныхъ.

Въ общемъ нѣмецкія племена прежде всего и дольше всѣхъ присоединялись къ общему государству лишь въ смыслѣ новѣйшихъ вассальныхъ государствъ. Въ 625 году, когда король Дагобертъ подъ покровительствомъ Пеппина и Арнульфа правилъ Метцомъ, одинъ изъ членовъ герцогскаго рода Баварцевъ, былъ правда, казненъ съ своимъ сыномъ, и казнь эта не вызвала возмущенія племени, для Тюрингинцевъ назначенъ былъ герцогъ, оказано давленіе на законодательство у Аламанновъ и Баварцевъ и вытребована съ Саксовъ прежняя ежегодная дань въ 500 коровъ. Но такія проявленія могущества центральной власти являлись лишь эпизодически. Вообще же племена вели жизнь вполне обособленную отъ меровингскаго господства: герцогъ и племя приносили, конечно, присягу въ вѣрности, они выплачивали дань или правильные подарки, они не нападали на Франковъ, не заключали противъ нихъ никакого союза: во всемъ же остальномъ они имѣли свое собственное устройство; герцоги были королями въ ихъ странѣ.

Правовая жизнь еще больше, чѣмъ государственная жизнь, препятствовала болѣе сильному развитію общегосударственныхъ полномочій центральной власти.

Германецъ нѣкогда пользовался правомъ лишь постольку, поскольку онъ былъ членомъ какой-либо народности, да и теперь также правоспособность отдѣльнаго лица опредѣлялась не пребываніемъ его въ извѣстной области, а скорѣе непосредственной принадлежностью къ народности, къ племени. То была основа личнаго права, примѣняемая франкскими королями къ прежнимъ римскимъ провинціямъ. Результатомъ было необычайное разнообразіе въ существующемъ правѣ; разнообразіе, которое влекло тѣмъ больше запутанности, чѣмъ больше смѣшивались между собою личные носители различныхъ правъ при постоянно увеличивающихся сношеніяхъ.

Такимъ образомъ лица, пользовавшіяся какой-либо системой мѣстнаго различно выработаннаго римскаго права, стояли рядомъ съ лицами, пользовавшимися франкскими или фризійскими или баварскими или аламаннскими законами. Для единства общаго государства болѣе опаснымъ было то, что большинство лицъ, жившихъ по одинаковымъ законамъ, все еще раздѣлялись пространственно: Аламанны жили въ

Аламанин, Баварцы — въ Баваріи и т. д. Такимъ образомъ образовались какъ бы перегородки для отдѣльныхъ правовыхъ состояній, которыя ни личное, ни административное вліяніе королей не могло устранить; даже руководящее племя Франковъ достигло пользованія единымъ по существу правомъ лишь въ седьмомъ и восьмомъ столѣтіяхъ.

Если не достигнуто было единое правовое состояніе, то еще больше отсутствовало уравненіе общественнаго расчлененія въ различныхъ частяхъ государства. На востокъ, на нѣмецкой почвѣ долго еще удерживался сословный строй германской первобытной эпохи то въ болѣе крупныхъ, то въ болѣе слабыхъ остаткахъ; Карлъ Великій впервые попытался смягчить по крайней мѣрѣ правовыя послѣдствія социальныхъ подраздѣленій въ смыслѣ прогрессивныхъ воззрѣній. На западѣ же Меровингамъ не удалось вполне приспособить старое провинціальное расчлененіе сословій къ новымъ германскимъ правовымъ понятіямъ или даже измѣнить романскія сословныя воззрѣнія въ германскія. Сдѣлана была, правда, попытка присоединить всѣхъ романовъ къ франкскому обществу въ видѣ низшаго класса свободныхъ людей: сенаторіалъ, какъ низшій свободный человѣкъ города и деревни, долженъ былъ пользоваться половиной штрафа (Wergeld), получаемого свободнымъ франкомъ, но попытка эта потерпѣла поражение. Вскорѣ послѣ того колены, хотя и свободные по римскому праву, стали считаться полусвободными; сенаторіалы, болѣе вліятельные въ силу владѣнія и образованія, чѣмъ большинство франковъ, путемъ личныхъ союзовъ съ королевскою властью достигала дворянскаго достоинства. Здѣсь, какъ и въ тысячахъ другихъ случаевъ, обнаружилось, что общественно крайне разобщенные различные слои государства стремились къ вполне новому порядку, путемъ ли общественнаго взаимодействія, или путемъ мѣстнаго обособленія, но что центральная власть никоимъ образомъ не была въ состояніи понять эти реальныя условія и тѣмъ болѣе справиться съ нимъ политически.

Это не удалось ей даже по отношенію къ отдѣльнымъ индивидуумамъ. Въ сущности задача эта сама по себѣ была настолько трудна, что даже рядъ энергичныхъ, нравственно развитыхъ королей потерпѣлъ бы поражение. Въ умственномъ отношеніи руководящимъ общественнымъ элементомъ во Франціи былъ элементъ франкско-германскій. Какъ въ романскихъ странахъ запада франки упорно сохраняли національную одежду и вооруженіе, точно также они навязали руководящимъ сословіямъ провинціаловъ очень существенную часть германскаго духовнаго міра, на берегахъ Сены, Луары и Гаронны привились также кровомщеніе и выкупъ (Wergeld), родовыя узы личности и германская символика.

Но то уже не были прежніе нравы древней эпохи. Оторванные

отъ простоты отношеній на родниѣ,—нравственно и умственно беззащитные противъ подавляющаго воздѣйствія внѣшней культуры, противъ разлагающаго индивидуализма западнаго общества, франки, а за ними и романы, предались необузданности, въ которой личная свобода высшаго уровня культуры смѣшивалась съ грубымъ варварствомъ раннихъ ступеней развитія. Презрѣніе къ человѣческой жизни, безсердечная наглость, жестокой юморъ и тяжеловѣсная веселость совсѣмъ не сообразовалась съ нравственностью и обычаемъ; внезапно пріобрѣтенная свобода выбора рѣшенія, несдерживаемая болѣе никакимъ подчиненіемъ родовой или племенной власти, даетъ себя знать въ страшныхъ проявленіяхъ немотивированной страсти, въ смѣси суевѣрія и скептицизма, самообманна и слѣпой ярости. Надъ этимъ обществомъ какъ бы господствуютъ смутныя стремленія и мгновенно являющіяся фантазіи; рѣшенія возникаютъ безъ всякаго соображенія съ обстоятельствами, политическія партіи какъ бы зависятъ отъ настроенія духа, и дикая вражда, какъ и чрезмѣрная любовь чередуются, какъ исчадія слѣпыхъ силъ. Церковь, то же не давала никакой узды для этой грубой морали успѣха, если можетъ быть рѣчь о таковой; она даже отравляетъ еще больше уже сами по себѣ распущенныя сословія, принижая умственный уровень само собою разумѣющимся требованіемъ вѣры въ чудеса и догматической непонятностью.

Такимъ образомъ исчезли всякія правила нравственнаго существованія; отдѣльной личности дозволено все, что обѣщаетъ успѣхъ; и почти сладострастная виртуозность преступленія находитъ для себя новую цѣль въ употребленіи необычайно безнравственныхъ средствъ. Эта порча общества, происходящая въ силу грубой побѣды младенческой культуры надъ цивилизаціей застывшаго древняго міра, въ одинаковой степени охватываетъ всѣ лучшія сословія, и не въ малой степени и самихъ королей: уже Хлодвига можно считать типическимъ представителемъ нравственнаго міра этой эпохи.

Какимъ же образомъ королевская власть, сама погрязшая въ пороки, могла разсѣять этотъ хаосъ непримиримыхъ, соперничающихъ между собою интересовъ? И рядомъ съ необузданными стремленіями отдѣльных личностей ей препятствовали въ этомъ отношеніи мѣстныя различія соціальнаго наслоенія, различныя отклоненія отдѣльных частей государства въ отношеніи государственнаго строя, рѣзкія культурныя контрасты западной и восточной половины государства, и, наконецъ, даже самый родъ собственно королевскаго владѣнія! На короля возложена была подавляющая задача. Если ему удалось въ нѣкоторыхъ направленіяхъ разрѣшить ее или по крайней мѣрѣ въ иныхъ отношеніяхъ вполне ее понять, то эту заслугу можно приписать почти исключительно энергическому сліянію германской

организации съ римскими идеями управленія при отпращеніи королевской власти.

II.

Только одинъ разъ Хлодвигъ, въ угоду Восточно-римской имперіи, надѣлъ чужеземную діадему и пурпуръ, подобно своему великому преемнику, который только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ наряжался въ римскую тунику и италійскіе башмаки. Во всемъ остальномъ королевская власть меровинговъ и каролинговъ и по внѣшнему проявленію и по внутренней сущности была національной, западно-германской; Франкскіе короли ранней эпохи не только носили копье вмѣсто скипетра, не только разѣзжали съ длинными волосами въ колесницахъ, запряженныхъ волами: для удержанія своей власти они пользовались средствами, неизвѣстными Риму.

Уже начальникъ (Hauptling), а еще болѣе король древней эпохи, былъ военнымъ вождемъ, судьей и защитникомъ своей общины, своего народа. Но этими различными властями онъ еще не назывался въ силу собственнаго права: народное собраніе, или собраніе сотни стояло за нимъ, оно избирало его, оно было источникомъ его полномочій, оно наблюдало за осуществленіемъ послѣднихъ. Только во время войны начальникъ и король распоряжались свободно внѣ критическихъ ограниченій совѣщанія съ народомъ или сотней; тогда они почти неограниченно проявляли всю полноту своихъ служебныхъ полномочій; изъ продолжительнаго существованія подобнаго положенія вещей, какъ изъ хозяйственныхъ и соціальныхъ перемѣнъ эпохи переселенія народовъ, развились какъ герцогская власть западно-германскихъ племенъ, такъ и королевская власть меровинговъ.

Такимъ образомъ, сущность новой королевской власти выработалась изъ возникшихъ благодаря подавленію народной дѣятельности властей, опиравшихся на свои собственныя права, — властей военно-судебной и защитительной.

Власть эта, даже съ точки зрѣнія государственнаго права этого періода, понималась на половину символически. Военная и судебная власть выражалась въ формальномъ приказаніи короля, въ предоставленномъ ему правѣ изгнанія, въ силу котораго властитель при наказаніи миловалъ или каралъ. Защитительная власть воплощалась въ словѣ короля, которымъ онъ обѣщалъ защиту всѣмъ, кто въ ней нуждался. Изгнанія и *Sermo regius*, торжественное обѣщаніе и торжественное приказаніе, — вотъ средства господства новой центральной власти.

Понятно, что средства эти примѣнены были прежде всего къ осуществленію тѣхъ государственныхъ цѣлей, которыя уже намѣчены

были и Германцами болѣе раннихъ періодовъ. Въ силу своего права изгнанія король былъ верховнымъ военно-начальникомъ и источникомъ всякой судебной-исполнительной власти и даже вообще всякой судебной власти въ государствѣ. Въ силу *Segno regius* король бралъ на себя заботу о внутреннемъ и внѣшнемъ мирѣ, въ особенности заботу о чужихъ и безродныхъ, лишенныхъ родственниковъ, способныхъ носить оружіе.

Королевская власть, однако, отнюдь не исчерпывалась однимъ лишь осуществленіемъ этихъ государственныхъ цѣлей. Въ силу природы вещей король, немедленно по вступленіи въ провинціи, направлялъ свою на германскій образецъ организованную власть на то, чтобы преобразовать прежнія римскія сословія и было совершенно понятно, что пріобрѣтенной опытностью въ дѣлѣ подавленія короли воспользовались противъ своихъ же земляковъ. Но въ этомъ-то и таились трудности для господства меровинговъ. Право изгнанія (*Der Bann*) давало королю почти повсемѣстно власть командованія, Право это по старому германскому праву, безъ сомнѣнія, подвергалось ограниченіямъ опредѣленными случаями первобытной мѣстной народной жизни, но никогда невидимому объ этомъ ограниченіи систематически не думали; идея объ опредѣленномъ ограниченіи королевскаго права изгнанія не проникла въ національное правовое сознаніе: лишь вытекающее изъ права изгнанія право денежнаго наказанія ограничено было 60 шиллингами. То же слѣдуетъ сказать о защитительной власти короля. И относительно нея полагали, что она дѣйствительна только для опредѣленныхъ случаевъ. Но какъ быть, когда король сталъ пользоваться и ей черезъ-чуръ широко, когда онъ давалъ свою защиту извѣстнымъ учрежденіямъ, и этимъ повысилъ ихъ соціальное и политическое значеніе? можно ли было протестовать противъ этого съ точки зрѣнія государственнаго права?

Неограниченность королевской власти, возникшая при удаленіи меровинговъ съ почвы родины, неизбежно привела къ субъективизму. Королевская власть дошла фактически, если не въ силу права, до абсолютизма, когда она воспользовалась формами римской имперіи, строй и управленіе которой такъ долго господствовали въ галльской провинціи. Власть эта доходила до грубаго произвола, до жестокой тираніи, когда правленіе попадало въ руки книзей, слабость которыхъ или избытокъ силъ особенно соотвѣтствовали нравственному разложенію того столѣтія. Тогда могло происходить то, что король въ силу германскаго права защиты предписывалъ церкви употребленіе опредѣленныхъ церковныхъ догматовъ и теологическихъ выраженій, или что онъ въ силу права военнаго изгнанія принуждалъ свободныхъ покидать навсегда въ качествѣ военной свиты королевской невѣсты свою родину и родъ.

То были, однако, исключенія; въ общемъ и для бесплодныхъ лѣтъ

Меровингской эпохи, очень легко можно опредѣлить тѣ направленія, въ которыхъ германская королевская власть долгое время дѣйствовала въ римскомъ духѣ; съ увѣренностью возможно также утверждать, что усвоеніе этого направленія было спасительно, даже необходимо.

Если мы оставимъ въ сторонѣ строй государственныхъ отношеній въ завоеванныхъ частяхъ имперіи, то окажется, что до Хлодвига королевская власть Меровинговъ столкнулась съ христіанскою церковью, какъ съ жизненною силою, до того времени еще неизвѣстною. При новыхъ условіяхъ она не могла почти и существовать помимо защиты короля, которая стала дѣйствительною, когда короли служителямъ церкви, начиная съ священниковъ назначили высшую виру (Wergeld) королевскихъ дружинниковъ. Но могли ли долго удержаться такія покровительственныя отношенія и тогда, когда послѣ битвы при Цюльпихѣ господствующій родъ принялъ новую вѣру? Нравственный перевѣсъ духовенства не долженъ ли былъ выразиться политически, пріобрѣсти нѣчто въ родѣ соціальнаго значенія сенаторскихъ фамилій, вопреки значенію всѣхъ государственно-правовыхъ расчисленій съ германской точки зрѣнія? Церковь вскорѣ пріобрѣла самостоятельное положеніе; даже болѣе: уже въ началѣ седьмаго столѣтія, она съ успѣхомъ оспаривала право королевской защиты надъ всѣми общественно-безправными и несовершеннолѣтними, надъ отпущенниками, вдовами и сиротами; сильно оспаривая древнія права германскаго владычества, она выдвигала на мѣсто защитительной власти короля христіанскій надзоръ и церковную опеку.

Нѣсколько менѣе, чѣмъ относительно церкви, Меровинги потерпѣли въ столкновеніяхъ съ свѣтскими условіями провинціи, благодаря вліянію римскаго государственнаго права на право германское. Здѣсь дѣло шло прежде всего о финансахъ, такъ какъ римское правительственное искусство въ послѣднее время почти исключительно изощрилось въ финансовыхъ вымогательствахъ. Новая королевская власть, незнакома съ государственными задачами, для осуществленія которыхъ можно было требовать податей, еще менѣе освѣдомленная относительно лучшаго способа собиранія налоговъ, дѣйствовала въ этой области вполнѣ по римскому образцу; съ тою лишь разницею, что теперь тамъ, гдѣ прежде дѣйствовала чиновная власть императорской администраціи, пользовались правомъ изгнанія, принадлежавшимъ королю. Такимъ образомъ появилась старая поземельная подать, повышена была поголовная подать; и на время въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ даже установленъ былъ кадастръ. Но короли не остановились на этихъ финансовыхъ мѣрахъ, къ какимъ прибѣгали римляне на галло-римской почвѣ. Также и Франки подлежали обложенію податью. То было первое крупное, особенно важное рас-

ширеніе старо-германскаго права (*Bannrecht*)¹⁾ по отношенію къ германцамъ. Опытъ не удался. Франки возстали какъ одинъ человекъ всюду, гдѣ имъ хотѣли навязать уплату поголовной подати и налоговъ; германскій духъ усмотрѣлъ въ требованіи податей, значеніе которыхъ было для него не ясно и цѣль непонятна, ничто иное, какъ попытку закрѣпощенія.

Такимъ образомъ, королевская власть должна была удовлетвориться повышеніемъ провинціальныхъ налоговъ, соплеменники царствующаго дома оставались свободными отъ обложенія, и даже восточныя германскія племена выплачивали небольшие дань и оброки. Фактъ этотъ имѣлъ важныя послѣдствія. Было естественно, что даже и въ прежней Галліи римская податная система не могла долго удержаться; составляя сама по себѣ аномалію въ эпоху, когда появилось натуральное хозяйство, она могла бы утвердиться только при предварительномъ условіи всеобщей законности и при неукоснительномъ примѣненіи. Когда же поголовная подать мало по малу исчезла, а поземельная замѣщена была повинностями, у королевской власти отняты были почти всѣ источники обложенія. Королевской власти теперь были отданы необычайно богатая земля, доставшіяся ей при вступленіи въ управленіе римскимъ казеннымъ имуществомъ и при прежнихъ пріобрѣтеніяхъ во время завоеванія, и которыя еще постоянно увеличивались путемъ конфискаціи, наслѣдовацій выморочныхъ имуществъ, и другихъ способовъ пріобрѣтенія; король сдѣлался самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ въ государствѣ. Возможно ли было при такихъ хозяйственныхъ средствахъ регулярное управленіе? Гарантировали ли они въ особенности приведеніе въ исполненіе центральной королевской воли также и на границахъ государства? Вопросъ этотъ возникъ уже въ концѣ эпохи меровинговъ; отвѣтомъ на него послужило наступленіе ленной системы въ каролингскій періодъ и упадокъ государственной администраціи со времени саксонскихъ и салійскихъ императоровъ.

Конечно, пока еще не изсякли денежные источники Галліи, до половины шестаго вѣка они еще увеличились выплачиваемою золотомъ данью Остготовъ и Восточныхъ римлянъ; и такимъ образомъ пока еще могло быть устроено зависимое отъ короля и на королевскіе доходы содержимое управленіе.

Въ старо-германскихъ отношеніяхъ намѣчены были превосходныя формы или по крайней мѣрѣ главныя очертанія этого управленія.

1) Средне-нѣмецкое слово *Bann* означаетъ собственно „публикація“, „приговоръ“, „объявленіе“. Въ древнѣйшую эпоху франковъ оно означало право свѣтской и духовной власти, преимущественно право короля, наказывать изгнаніемъ. Затѣмъ словомъ этимъ обозначали районъ, на который простиралось право распоряженія власти.

Съ давнихъ поръ предводитель и король окружены были воинственной дружиной; изъ ея состава въ мирное время избирали главныхъ блюстителей хозяйственной части, виночерпїя и стольника, камерарїя и маршала. Теперь приходилось эти домашнія должности расширить присоединеніемъ къ ихъ функціямъ государственныхъ обязанностей и затѣмъ прибавить къ нимъ и нѣкоторыя новыя должности, для облегченїя письменной части управленїя, такъ какъ германцы еще не привыкли владѣть перомъ. Среди общей массы дружинниковъ (антрустіоновъ, Antrustionen, какъ ихъ называли въ франкскую эпоху) къ услугамъ короля была цѣлая масса совѣтниковъ и комиссаровъ — исполнительныхъ чиновниковъ, тѣмъ болѣе, что въ составъ дружины вошли также способные романы. Это было растяжимое и удобное учрежденіе, соотвѣтствовавшее устанавливающимся отношенїямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ учрежденіе, отъ котораго, благодаря тѣсной связи его съ королевскимъ домомъ и съ личностью короля, можно было ожидать наилучшихъ условій для быстраго и разумнаго рѣшенїя дѣлъ. Если же при всемъ томъ надежды не оправдались, то причина отчасти заключалась въ слишкомъ маломъ раздѣленїи дѣловой работы, а затѣмъ еще особенно въ томъ, что по мѣрѣ того, какъ брали верхъ аристократическія вліянія, начиная съ седьмага столѣтїя, обладатели домашнихъ должностей, вмѣсто того, чтобы служить королю, господствовали надъ нимъ. Королевская власть создала для провинцій чиновничество двухъ разрядовъ: одно для сельско-хозяйственнаго завѣдыванїя фискальною поземельною собственностью, и другое — для политическаго управленїя.

Политическое чиновничество было вначалѣ по своимъ внѣшнимъ признакамъ какъ бы снимкомъ съ римскихъ отношеній предыдущаго періода. Въ римскомъ управленїи существовало двойное подраздѣленіе административныхъ округовъ на комитаты (Komitaten) и Дукаты (Dukate), то же подраздѣленіе перенимаетъ и франкское королевство; съ тою лишь разницею, что въ соотвѣтствїи съ высокимъ званїемъ германскихъ герцоговъ (dux) дукаты ¹⁾ являются теперь главными округами, комитаты или графства — подчиненными: этимъ путемъ достигалось соотвѣтствїе съ жизнью западно-германскихъ племенъ востока, гдѣ во главѣ стояли герцоги.

Распредѣленіе занятій при этомъ представляли себѣ такъ, что герпогъ долженъ былъ составлять какъ бы политическую надзирающую инстанцію между подчиненными ему графами и центральнымъ управленїемъ; чисто-германской чертой было то, что герпогъ являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и военнымъ начальникомъ своего округа. Однакоже эта герпогская инстанція не могла существовать, какъ нѣчто проч-

¹⁾ Dukate — Дукаты происходятъ отъ слова dux, нѣмецкаго Duke означающаго „герпогъ“.

ное, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ она, какъ это было на востокѣ, развилась почти въ самостоятельную власть; само правительство не считало власть герцога чрезмѣрной и опасной, а графы ненавидѣли ее, какъ учрежденіе тягостнаго контроля. Такимъ образомъ графы одни остались настоящими и почти единственными постоянными чиновниками меровингскаго государства.

Самая незначительная часть графскихъ округовъ управленія была или впервые создана, или вновь отграничена. При ихъ введеніи пользовались уже существующими подраздѣленіями государства—на германской почвѣ народными округами (Völkerschaftsgaue) или изъ нихъ же возникшими меньшими округами (Gaue)¹⁾ и вмѣстѣ съ тѣмъ всюду по существу одинаковымъ подраздѣленіемъ на сотни, — въ галльской области древними Civitates римлянъ съ ихъ кантонами, древне-галльскими кланами. То были округа, очень различные по протяженію, численности населенія и хозяйственному значенію; они весьма различно цѣнились по большому или меньшему размѣру ихъ самоуправленія и по способу ихъ заселенія, смотря потому, происходило ли заселеніе чисто-германскимъ, чисто-романскимъ или смѣшаннымъ населеніемъ.

Введеніе института графовъ во все это внесло мало измѣненій. Графъ вовсе не былъ чиновникомъ, вникавшимъ технически и матеріально въ управленіе своего округа. Онъ былъ королевскій намѣстникъ; какъ непосредственное довѣренное лицо короля онъ не имѣлъ другой задачи, кромѣ приведенія въ исполненіе королевскихъ правъ вызова вассаловъ на войну, права суда и защиты именемъ короля. Въ этомъ пунктѣ и замѣтно въ положеніи графовъ различіе римскихъ чертъ отъ германскихъ. Если древнѣйшее германское право не знало ни о какомъ замѣстителѣ короля съ его правами, то теперь таковой создается по римскому образцу, но онъ смѣняемъ по мановенію короля, зависимъ отъ его воли, онъ, такъ сказать, представитель (Prokurist) королевскихъ правъ. Графская должность была германскою должностію, поскольку она сводилась къ приведенію въ исполненіе этихъ правъ; когда же они стали пользоваться этими правами, подобно своимъ королевскимъ властителямъ, — пользоваться и злоупотреблять ими на меровингскій ладъ, тогда ихъ должность стала полнымъ подобіемъ королевской власти въ нѣсколько лишь уменьшенныхъ размѣрахъ.

¹⁾ *Gau*—собственно означало плоскую сторону въ сравненіи съ гористой, а въ тѣсномъ смыслѣ политическій округъ. Выше указано было то, что во время Тацита германцы дѣлились на племена (gentes), народности (Völkerschaften) и Сотни.—Сотня вначалѣ означала отрядъ во сто мужей или семействъ. Потомъ названіе это сохранилось для территориальнаго округа хотя и иной численности,—и вотъ этого-то территориальнаго названія и произошло слово gau.

Способно ли было такое чиновничье со словіе централизовать королевскую власть, отстаивать королевскія преимущества и представлять королевскія идеи? Возможно ли было ожидать, что оно придастъ государству однородный и по существу франкскій характер?

Уже распространеніе самого института обнаружило его пробѣлы; въ Австразіи ввести графское управленіе удалось кажется только въ теченіи шестого столѣтія. И какъ далеко стояли эти графы отъ центральной власти, какъ тамъ, гдѣ посредническая инстанція герцоговъ не удержалась, такъ и тамъ, гдѣ она усилилась до племеннаго герцогства, на примѣръ въ Аквитаніи! Можно было издавать общіе государственные законы, можно было въ основу приговора королевскаго суда положить новые юридическіе принципы, наконецъ король самъ въ силу своей власти (Bannes) могъ приказывать, повелѣвать: всѣ эти средства и мѣры оказывались неудовлетворительными, благодаря бездѣйствію графовъ, съ которымъ врядъ ли можно было бороться при обширности разстояній и отсутствіи лучшихъ средствъ сообщенія. Такимъ образомъ и королевская власть стала также слабѣть; все то, что можно было сдѣлать для развитія національнаго франкскаго духа, было теперь оставлено въ наслѣдіе каролингской эпохи или являлось результатомъ моральнаго, незамѣтно дѣйствующаго вліянія королевской власти, а также пропаганды тѣхъ тысячъ франковъ, которые въ теченіи этого и послѣдующаго столѣтія по назначенію короля или по собственной склонности къ переселенію расселились по областямъ Гессенцевъ, Аламановъ, Тюрингинцевъ и Саксовъ.

Даже при королевскомъ дворѣ терялось сознаніе о цѣломъ, по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе изглаживались воспоминанія о государственной жизни римлянъ и о первоначальномъ юридическомъ и фактическомъ единствѣ имперіи. Въ шестомъ и седьмомъ столѣтіи все болѣе выдвигается на первый планъ при примѣненіи королевской власти лично правовая точка зрѣнія; средства государства, его громадная поземельная собственность и драгоценности блестящей казны дарились по внезапному распоряженію, для удовлетворенія деспотическаго произвола или задабриванія упрямаго дворянства. Государственная власть не являлась больше хорошо организованной совокупностью старинныхъ правъ, но дорогимъ хозяйственнымъ учрежденіемъ, съ помощью котораго удовлетворялись потребности текущаго дня, при чемъ не принимались въ расчетъ требованія будущаго. Такимъ образомъ исчезло всякое планомѣрное, а вслѣдствіе этого и централистическое правительство; политическія права утрачивались.

Въ силу этого уменьшенія правъ центральной власти уже въ меровингскую эпоху появились зародыши государствъ въ государствѣ. Уже давно дарована была льгота отъ податей отдѣльнымъ церквамъ и церковнымъ учрежденіямъ, въ особенности такимъ, ко-

торія построены были на первоначально фискальныхъ, а, стало-быть, свободныхъ отъ податей поземельныхъ участкахъ. Приблизительно съ половины шестого столѣтія пошли дальше. При совершавшемся съ этихъ поръ дареніи земель, прежніе государственные долги, образовавшіеся отъ судебныхъ, финансовыхъ и военныхъ недоимокъ не уничтожались, а только уступались церквамъ. Этотъ даръ былъ самъ по себѣ крайне вреднымъ для народа, но онъ получилъ еще болѣе вредный характеръ благодаря добавочному постановленію, что отнынѣ государственные долги взыскиваются не королевскими чиновниками, а чиновниками лица, получившаго даръ. Такимъ образомъ чиновники устранялись изъ льготной области, изъ иммунитета (*Immunität*) ¹⁾: непосредственное отношеніе льготной области и ея господина къ государственной власти сохранилось лишь въ томъ, что король такую область бралъ подъ свое особое покровительство. Впрочемъ, было лишь вопросомъ времени, чтобы владѣтели иммунитетовъ вмѣсто государственной судебной охраны, военного управленія и финансовой дѣятельности выработали для своей области собственныя аналогичныя функціи власти псевдогосударственного характера.

И какъ быстро росли эти льготныя области! Около середины шестого столѣтія положили начало церковнымъ иммунитетамъ; уже къ концу столѣтія существовали и свѣтскіе иммунитеты, возникшіе или въ силу дерзкаго захвата, или въ силу королевскаго соизволенія. Къ концу эпохи меровинговъ всякій знатный, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго сословія, добивался для своего владѣнія иммунитета, началось нарушеніе цѣльности государственной области, раздробленіе ея на будущія маленькія государства.

Это развитіе составляетъ абсолютную противоположность всякой централизаціи и указываетъ на гибель королевскихъ прерогативъ. Имѣемъ ли мы право возлагать отвѣтственность за это исключительно и лично на меровингскихъ королей? Даже каролинги, и притомъ самыя выдающіеся изъ нихъ, потерпѣли крушеніе при подобныхъ затрудненіяхъ. Наслѣдіе Рима не могло безнаказанно столкнуться съ строемъ жизни германцевъ: жизненныя силы настоящаго были сформированы совершенно иначе, чѣмъ тѣ духовныя теченія, наслѣдіе которыхъ ими было воспринято.

Замѣчательно то, что среди малаго числа поколѣній послѣ учрежденія Августиномъ въ меровингскомъ королевствѣ блестящаго зданія христіанскаго государства не появилось ни одной хоть самой несовершенной и жалкой попытки уяснить систематически, съ государственно-юридической точки зрѣнія новое состояніе Галліи и Германіи.

1) *Immunität* составлялъ привилегію многихъ духовныхъ, а отчасти и свѣтскихъ сановниковъ, въ силу которой въ предоставленныя имъ области воспрещался всякій доступъ королевскимъ чиновникамъ, такъ что эти сановники становились полными властелинами всѣхъ живущихъ въ области.— *Прим. перев.*

Германскій духъ далеко не доросъ еще для такой задачи. Германское право продолжало вырабатываться путемъ обычая: каждый отдѣльный случай, разъ только онъ подлежалъ судебному разбирательству, считался типичнымъ; правовое пониманіе еще не созрѣло для индивидуализированія права. Такимъ образомъ, само собою разумѣется, исчезала способность смотрѣть на многіе индивидуальныя случаи, какъ на нѣчто дѣйствительно схожее, типичное, не было еще способности абстрагировать государственно-правовыя и лично правовыя случаи и создавать на основаніи практическихъ опытовъ методическое знаніе. Безъ такой же способности немыслима никакая централизація, немыслимо прочное существованіе государственной власти крупнаго королевства: государство меровинговъ пало въ силу духовной юности племени и династіи завоевателей.

Какъ юна была духовная жизнь, такъ юнъ еще былъ и общественный строй завоевателей Франковъ и германскихъ племенъ вообще. Соціальнымъ принципомъ строя первобытной эпохи былъ очень простой принципъ кочевой и крестьянской ступени культуры: были свободные воины, въ хозяйственномъ и соціальномъ смыслѣ всѣ равные, какъ товарищи, признававшіе лишь высшую власть ими самими избранныхъ предводителей; они-то и образовали націю; далѣе были покоренные, жившіе въ завоеванной странѣ, владѣніе и свободу которыхъ завоеватели отчасти пощадили, — то были полусвободные, и были, наконецъ, военноплѣнники, закрѣпощенные битвою и торговлей; это — несвободные. Свободные, полусвободные и несвободные составляли общественныя подраздѣленія западногерманскихъ племенъ даже въ то время, когда они проникли въ провинціи имперіи и основали Франкское королевство.

Но вскорѣ всѣ эти состоянія стали неустойчивы. Хозяйственная свобода провинціи быстро разложила коммунистически-замкнутое сословіе свободныхъ, которое уже одинъ окончательный переходъ всѣхъ къ земледѣлію долженъ былъ постепенно разстроить: появилась крупная поземельная собственность, свободные обѣднѣли и дошли до бѣдственнаго безземельнаго состоянія: необходимо было создать первоначальную организацію крупнаго сельско-хозяйственнаго производства. Организація эта медленно созрѣвала, часто еще соображаясь съ римскими обычаями; лишь въ десятомъ столѣтіи закончено раздѣленіе труда; и тогда появляются новыя сословія; дворянство, соціальное значеніе котораго основывается на богатой поземельной собственности; свободное крестьянство, которое, сидя на среднихъ участкахъ земли, пытается продолжать традиціи свободныхъ воиновъ первобытной эпохи, и крѣпостное крестьянство, долженствовавшее доставить трудъ на обработку дворянскихъ полей. Эпоха Меровинговъ была переходнымъ періодомъ отъ соціальнаго положенія первобытной эпохи къ новымъ общественнымъ подраздѣленіямъ девятаго

столѣтія; къ концу своему, покрайней мѣрѣ, ей уже извѣстно франкское поземельное дворянство, она выдѣляетъ уже вполнѣ свободное крестьянство; но позднѣйшій классъ крѣпостныхъ замѣтенъ еще въ древнемъ, первобытномъ подраздѣленіи на несвободные и полусвободные элементы, вполнѣ въ послѣдствіе онъ имѣетъ свою дальнѣйшую подготовку въ возникновеніи класса, болѣе или менѣе зависимаго, первоначально вполнѣ свободныхъ арендаторовъ.

Попытка введенія римскихъ общественныхъ слоевъ въ германскую систему еще болѣе запутала сложность соціального подраздѣленія эпохи меровинговъ. Правда при увеличеніи возникающаго франкскаго дворянства принятіемъ въ его среду сенаторіальныхъ родовъ произошло извѣстное сближеніе; въ концѣ концовъ свободный германскій крестьянинъ сталъ считать достойнымъ себя занятіемъ сельское хозяйство въ провинціи, а римскій рабъ сталъ германскимъ холопомъ. Но какъ было приспособить къ германскимъ воззрѣніямъ массы зависимыхъ людей, кліентовъ и колоновъ, лэтовъ (Laeter) и могущихъ возникнуть эмфитевтовъ (Emphyteuten)? Со всѣми этими людьми обращались, какъ съ полусвободными по германскому праву: въ результатѣ получилось громадное размноженіе этого класса. По римскому праву переходъ отъ низшаго соціального положенія къ полной свободѣ былъ относительно легокъ; германскій же обычай, наоборотъ, признавалъ освобожденіе только какъ переходъ къ полусвободному состоянію. Побѣда здѣсь осталась за германскимъ воззрѣніемъ, такъ какъ на его сторонѣ была и церковь; почти нигдѣ не слышимъ мы болѣе о полномъ освобожденіи, между тѣмъ какъ извѣстны многочисленные случаи дарованія полусвободы: опять разрослось количество полу-свободныхъ элементовъ. Такимъ образомъ создано было новое обширное сословіе, устойчивость котораго вполнѣ подавила свободныхъ арендаторовъ, и благопріятствовало возникновенію несвободныхъ: стала образовываться соціальная основа для общаго крѣпостнаго состоянія нѣмецкой и императорской эпохи.

Однако центромъ соціального движенія шестаго и седьмаго столѣтія являются не эти событія, внутреннее теченіе которыхъ составить предметъ позднѣйшаго изложенія. Тогда главнымъ образомъ дѣло шло о положеніи свободныхъ внутри франкскаго государства: являлся вопросъ, удержится ли ихъ существованіе въ неизмѣнномъ видѣ, и могутъ ли возникнуть (и до какой именно степени) изъ ихъ среды классы, менѣе свободные, и классъ дворянъ.

Германскій свободный относительно мало измѣнился нѣ хозяйственпомъ смыслѣ при переходѣ съ родной почвы на хорошо обработанныя поля провинціи. Франки вторгались на югъ иначе, чѣмъ другія племена, присваивавшія себѣ треть ностойной повинности и пользованія землей римскаго солдата; они устроили для

себя, напротивъ, независимо отъ провинціаловъ полныя крестьянскія владѣнія германскаго характера, всюду, куда бы они не являлись,—на берегахъ Шельды также, какъ на берегахъ Сены и Луары. Иначе поступали, кажется, аламанны, и навѣрное бургунды, однако и у нихъ въ меровингскую эпоху преобладало владѣніе нормальными участками (Normalgütern), которые не смотря на незначительное пространство могли давать больше, чѣмъ усѣянныя камнями и кореньями поля родины.

Въ началѣ у бургундовъ, какъ и у аламановъ и франковъ царилъ порядокъ владѣнія полными гуфами (Hufenbesitz) ¹⁾ со всѣми хозяйственными удобствами первобытной эпохи. Здѣсь еще процвѣтала марка (Markgenossenschaft) въ древнѣйшей ея формѣ; здѣсь сосѣди называли еще другъ друга родичами, здѣсь было еще въ силѣ право наследованія общины въ случаѣ смерти владѣльца гуфы безъ наследника. И даже когда проникло сюда ограниченное право наследства отдельныхъ родственниковъ, когда ослабла древняя генеалогическая связь и на мѣсто первоначальной общности полей появилась индивидуальная обработка земли, хотя и подъ строгимъ принудительнымъ надзоромъ, эти отношенія продолжали еще по существу быть благопріятными: сохранилась свобода первобытной эпохи.

Даже сильное увеличеніе населенія не повлекло за собой никакой существенной перемѣны, по крайней мѣрѣ въ сѣверныхъ и восточныхъ частяхъ франкскаго государства, гдѣ давно и густо поселились германскія племена. Для младшихъ сыновей, которые не могли наследовать гуфу отца, все еще оставался открытымъ лѣсъ, великая запасная кладовая націи, они все еще проникали въ его глубину, выжигали и распахивали его, и новыя деревни возникали въ долинахъ и на косогорахъ. То былъ счастливый вѣкъ безсознательнаго расцвѣта силъ; лишь съ наступленіемъ восьмого столѣтія въ самыхъ культивированныхъ странахъ тогдашней Германіи появляются первые слѣды начинающагося раздробленія древнихъ помѣстей—гуфъ (Hufengüter).

Не то было на западѣ, на безлѣсной, хорошо воздѣланной почвѣ провинціи. Здѣсь ни одному новому поколѣнію не удавалось уже больше укрываться въ лѣсахъ. Природа отказывала имъ въ землѣ; приходилось довольствоваться наличными культурными равнинами; ничего не оставалось кромѣ отлива свободнаго населенія въ латифундіи знатныхъ. И отливъ этотъ легко совершился. Уже съ дав-

¹⁾ *Hufe*—Гуфой въ болѣе тѣсномъ смыслѣ означалась въ древности у германцевъ доля общинной земли, предоставляемая семьѣ. пространствомъ отъ 20 до 40 моргеновъ. Въ болѣе широкомъ смыслѣ слова это означало долю данной семьи во всякаго рода угодьяхъ общины, т. е. подъ гуфой разумѣлось: усадьба, пашня и участки въ общихъ угодьяхъ—лѣсъ, водѣ, пастбищѣ, лугѣ и пр.

нихъ поръ въ Италиі и въ Галліи съ владѣніемъ латифундіи обыкновененно отнюдь не связывалась обработка ихъ, дѣйствительное крупное сельское хозяйство; со времени же завоеванія Франковъ это случалось тѣмъ рѣже, чѣмъ болѣе положеніе вещей приближалось къ характеру дезорганизованнаго натурального хозяйства. Такимъ образомъ масса земель была на лицо для отдачи мелкимъ крестьянамъ за оброкъ или часть урожая.

И уже развиты были правовыя договорныя формы для такой отдачи. Около Анжера и Тура, вообще въ окрестностяхъ большихъ городовъ, встрѣчаются въ эту эпоху отношенія наследственной аренды, удержавшіяся до седьмого и восьмого столѣтій и обязанныя вѣроятно начальнымъ моментомъ своего существованія отдачѣ церковныхъ земель. То же самое можно сказать о самой употребительной формѣ временной аренды (*Præcaría*), развившейся при переходѣ отъ пятого къ шестому столѣтію изъ древне-римскихъ договорныхъ отношеній, но пріобрѣтшей болѣе серьезное значеніе съ шестого и седьмого столѣтія. На основаніи этой формы аренды земля сдавалась большею частью на пятилѣтній срокъ за проценты или десятую часть дохода; при неплатежѣ отдача считалась недѣйствительной, при аккуратной уплатѣ обыкновенно договоръ возобновляли по окончаніи срока.

И такъ во время оно достаточно заботились объ избыткѣ сельскаго населенія; массами устремилось оно главнымъ образомъ въ равнины Невстріи.

Но оставалось ли при этомъ населеніе свободнымъ по германскимъ воззрѣніямъ? Въ первобытную эпоху германская свобода всегда вела къ свободному землевладѣнію: не напрашивался ли самъ собою выводъ, что и обратно свободное землевладѣніе можно разсматривать, какъ необходимое предварительное условіе полной свободы? Источники ранней эпохи, шестого и еще седьмого столѣтія не даютъ никакого повода къ подобному толкованію: арендаторъ, оброчный, плательщикъ части дохода (половники), короче свободный поселенецъ, былъ свободенъ, какъ вполне свободный крестьянинъ. Но позднѣе получаетъ право гражданства другое воззрѣніе, развившееся изъ фактическихъ отношеній свободныхъ поселенцевъ. Арендаторъ, будучи въ зависимости отъ хозяйственнаго благоволенія своего господина, подчинялся ему и при исполненіи своихъ политическихъ обязанностей; черезъ посредство господина онъ отстаивалъ свое право передъ народнымъ судомъ и предоставлялъ исполненіе военной службы безвозмездно челяди господина. Если же онъ принадлежалъ къ какому-нибудь иммунитету, то онъ еще меньше проявлялъ свою политическую дѣятельность потому, что королевское слово (*Wann*) не раздавалось болѣе въ этихъ свободныхъ мѣстахъ изъ устъ государственныхъ чиновниковъ. Разрывая связь между своей личностью и государствомъ, свободный поселенецъ дѣлался самоубій-

цей своей свободы, потому что германская свобода сохранялась только при самомъ тѣсномъ союзѣ съ политическими дѣйствіями.

Эта точка зрѣнія открываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе широкіе горизонты. Если свободный поселенецъ вслѣдствіе неисполненія германскихъ государственныхъ обязанностей понизился до положенія полу свободного, а наконецъ и крѣпостнаго, спрашивается сохранились ли вполне для совершенно свободного и самостоятельнаго крестьянина политическія права первобытной эпохи? Не потерпѣлъ ли онъ уменьшенія своей свободы, сравнительно съ состояніемъ его сословія прежняго времени, вслѣдствіе государственныхъ перемѣнъ со времени Хлодвига?

IV.

Высшія политическія права германцевъ первобытной эпохи нашли свое выраженіе въ народномъ собраніи (Volksthing). На немъ народъ in corpore былъ самодержавенъ; собранное въ качествѣ войска или въ качествѣ суда, оно рѣшало вопросъ о войнѣ и мирѣ, обсуждало самые трудные вопросы права и упрочивало миръ внутри и извнѣ.

Эти задачи должно бы было принять на себя въ франкскомъ королевствѣ государственное собраніе всѣхъ племенъ и всѣхъ провинцій. Такое государственное собраніе (Reichsthing) было само по себѣ невысказано: этому въ одинаковой степени мѣшали обширность государства, численность его жителей, несовершенство путей сообщенія. Если все таки составили государственное собраніе (Reichsversammlung) въ замѣнъ германскаго самодержавнаго народнаго собранія (Volksthing), то оно въ дѣйствительности было собраніемъ зажиточныхъ членовъ народа изъ всѣхъ частей государства, временнаго военнаго ополченія и въ началѣ, конечно, большинства свободныхъ Франковъ. Представляя неравномѣрную смѣсь весьма различныхъ составныхъ частей населенія, собраніе это далеко не было полной преемницей народнаго собранія.

Судебная его дѣятельность (если таковая вообще когда-либо имѣла мѣсто) всегда была незначительна. Высшая судебная власть (Gerichtsbann) древняго народнаго собранія перешла во всякомъ случаѣ къ королю; вмѣсто государственнаго собранія судилъ высшій судъ въ Пфальцѣ подъ предсѣдательствомъ короля.

Старое собраніе, однако, имѣло преимущественно военное, а не судебное значеніе. Собраніе (Thing) было самодержавнымъ народомъ при военномъ походѣ: осталось ли это право, удержалась ли эта функція? Франкское государственное собраніе должно было представлять вооруженный народъ, и на него стекались въ дѣйствительности значительные контингенты военной королевской силы, по крайней мѣрѣ въ раннюю меровингскую эпоху. Но они являлись сюда скорѣе

для королевскаго смотра, чѣмъ для проявленія военной самостоятельности. Правда, древнее государственное право, въ силу котораго народъ рѣшалъ о войнѣ и мирѣ, еще не было вполне нарушено, военная власть (Heerbann) не перешла еще вполне къ королю; еще Хлодвигъ, а также и Теудерикъ (Theuderic) старались воодушевить вооруженный народъ и возбудить его сочувствіе къ своимъ военнымъ планамъ. Между тѣмъ позднѣе, со второй половины шестаго столѣтія, исчезли послѣдніе слѣды военнаго народнаго самодержавія, они исчезли послѣ переходной эпохи, когда крайне раздраженный, неуступчивый, оскорбленный народъ попробовалъ еще разъ отстоять свои права противъ нападений на нихъ королевской власти. Теперь короли вполне пользуются военной властью (Heerbannes), они руководятъ самостоятельно внѣшней политикой, они привыкаютъ рѣшать внутреннія распри уже не съ помощью народнаго войска, а съ ополченіемъ полусвободныхъ людей и крѣпостной челяди.

Меровингскій періодъ заканчивается почти полнымъ уничтоженіемъ древнегерманскихъ правъ народнаго собранія; въ самыхъ важныхъ политическихъ дѣлахъ государства свободный общинникъ не принималъ уже болѣе никакого участія.

Нѣкоторой замѣной для германцевъ (по крайней мѣрѣ, восточной области) явилось ихъ племенное собраніе съ его почти непрерывно проявлявшейся жизненностью. Хотя и оно у Баварцевъ и Аламанновъ происходило лишь въ исключительныхъ случаяхъ для избранія герцога или для принятія народно-юридическихъ проектовъ, при военномъ походѣ; притомъ же собранія эти находились подъ вліяніемъ герцога, но все-таки въ нихъ уцѣлѣли болѣе сильныя остатки древнегерманскаго возрѣнія. Еще больше можно это сказать о собраніяхъ Фризовъ, Саксовъ и также, пожалуй, и Тюрингинцевъ. То были цѣныя остатки, возобновленное вліяніе которыхъ сослужило службу при сѣздахъ при дворѣ Каролинговъ (Karlingischen Hoftagen) и еще больше при устройствѣ нѣмецкаго государства со времени десятаго столѣтія.

Если оставить въ сторонѣ эти во всякомъ случаѣ исключительныя явленія въ эпоху меровинговъ, то чисто политическая свобода со племенниковъ вообще не имѣла болѣе мѣста. Древнія народныя собранія отдѣльныхъ народностей внутри государства давно прекратили свое существованіе; народности по большей части разбились на многіе округа, а надъ округомъ, безъ всякаго подобія окружнаго собранія, стояло личное правленіе графа, представителя короля.

Такимъ образомъ, послѣднимъ убѣжищемъ старогерманской свободы являлась сотня и строй ея жизни¹⁾. Но и она имѣла значеніе только

¹⁾ Сотня, несомнѣнно, была постояннымъ подраздѣленіемъ народности по отношенію къ округу западно-германскихъ племенъ. Для Фравковъ и Аламанновъ это безспорно. Относительно Саксовъ Шрөдеръ (Schroder) доказалъ тождественность Go и Hunderschaft; ср. также Car. Sak. 797 № 4. Относительно

для судебныхъ, полицейскихъ и хозяйственныхъ цѣлей; древнее значеніе въ военномъ строѣ было у нея отнято; военной властью (Heerbann) пользовался графъ по отношенію ко всѣмъ сотнямъ своего округа.

Выше уже было указано, какимъ образомъ судебное разбирательство и хозяйственное управленіе стали задачами сотни; какъ сотня разрѣшала объ эти задачи, пока приблизительно съ пятого столѣтія внутри ея района стали выдѣляться болѣе мелкія хозяйственныя общины позднѣйшія центы (Zent), которыя теперь, съ своей стороны, по аналогіи съ прежнимъ строемъ сотни развили въ себѣ особую хозяйственную жизнь.

Но судебная организація пока еще до каролингской эпохи (въ отдельныхъ случаяхъ даже и дольше) вполне предоставлялась сотнѣ. Здѣсь германская свобода нашла теперь свойственный ей просторъ и мы можемъ еще изучить ея состояніе и ея значеніе на основаніи весьма раннихъ источниковъ, относящихся къ концу пятого и началу шестого столѣтія.

Тогда во главѣ сотни еще стоялъ древній предводитель, теперь называемый Тунгиномъ (Thunginus), впоследствии Гунно (Hunno), въ крайнемъ случаѣ утверждаемый въ своей власти королемъ, — свободно избираемый чиновникъ общины, подъ руководствомъ котораго судили совѣтчики (франкскіе рахимбурги—Rachimburgen), и вся община давала свою санкцію ихъ приговору.

Спорящія стороны свободно держали себя передъ этимъ судомъ, связанные только правомъ защиты (Schutzgewalt) своихъ родственниковъ. Не Тунгивусъ (Thunginus), а сама потерпѣвшая сторона вызываетъ противника и свидѣтелей къ суду и предъявляетъ къ отвѣтчику опредѣленный принудительный искъ. Здѣсь жалуется обвинитель, взывая въ обычной формѣ къ божеству, сопровождая все обычными символическими приемами, съ жезломъ въ рукѣ: онъ жезломъ заклинаетъ противника, онъ торжественно требуетъ отъ него отвѣта. Въ силу древней формулы обвиненія противникъ возражаетъ, отпираясь пунктъ за пунктомъ, слово за слово; чего онъ не отрицаетъ, въ томъ, полагается, онъ сознался. Тогда обвинитель въ торжественной формѣ проситъ о справедливости, послѣ этого постановляется приговоръ. Послѣдній не налагаетъ наказанія, не формулируетъ вины на основаніи доказательствъ; онъ возлагаетъ лишь обязательства на обвиненнаго. Если тотъ призналъ свою вину, то онъ долженъ войти

Фрисландіи Эргардъ приводитъ доказательства аналогичныхъ округовъ. Reg. Hist. Westf. I, CD. S. II. Они существовали также и въ Баваріи, что доказываетъ дѣятельность Index'a рядомъ съ графами. Такъ какъ далѣе существуютъ неоспоримыя доказательства подраздѣленія на сотни у восточныхъ германцевъ—этотъ случай имѣетъ мѣсто и у сѣверныхъ германцевъ—, то это расчлененіе является обще-германскимъ въ доисторическія времена.

съ обвинителемъ въ соглашеніе на счетъ удовлетворенія, которымъ вина будетъ искуплена. Если онъ не сознался въ винѣ, то приговоръ обязываетъ его дать обѣщаніе противнику, что или онъ докажетъ свою невиновность, или примирится съ нимъ, исполнивъ его требованія.

И если обвиненный желалъ доказать свою невиновность, онъ вовсе не прибѣгалъ для этого къ судебному слѣдствію. Въ эту раннюю эпоху средства доказательствъ были иныя. Дѣло шло вовсе не о дѣйствительности или недѣйствительности индивидуальнаго поступка, а о юридическомъ убѣжденіи общины, сожителей обвиненнаго относительно его виновности или невиновности. Это же юридическое убѣжденіе достигалось или судомъ божьимъ или торжественнымъ обращеніемъ обвиняемаго къ своимъ родичамъ, чтобы они въ доказательство высказали свое убѣжденіе и это убѣжденіе формально подтверждалось добровольной присягой родичей.

Эта процедура, весь ходъ которой совершенно непривыченъ для нашихъ воззрѣній и даже почти невѣроятенъ, даетъ возможность глубоко проникнуть въ сущность германской свободы.

Судебная власть начальника не господствуетъ еще надъ судопроизводствомъ, не говоря уже о томъ, что она не руководитъ имъ и вообще не вмѣшивается; судъ, такъ сказать, стоитъ въ сторонѣ съ сложенными руками; на него возложена лишь одна задача охранять въ теченіи судебного разбирательства традиціонную свободу обѣихъ сторонъ. Стороны же являются далеко несвободными, хотя они дѣйствуютъ почти самостоятельно. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ они подчиняются торжественнымъ, стариннымъ формуламъ; злоупотребленіе послѣдними, даже простая ошибка при ихъ примѣненіи рѣшаетъ вопросъ безъ всякихъ околичностей къ невыгодѣ стороны, совершившей упущеніе.

А средства доказательства! Тутъ вопросъ не въ матеріальномъ правѣ или неправѣ, а въ признаніи невиновности силами, совершенно подавляющими отдѣльную личность, индивидуума, — божескимъ рѣшеніемъ или выраженіемъ правосудія и правовыхъ воззрѣній общественнаго мнѣнія, насколько послѣднее высказывается торжественно выраженнымъ убѣжденіемъ родичей.

Въ настоящее время намъ извѣстенъ общественный приговоръ, который тайно, часто съ трагической силой разрушаетъ социальное положеніе человѣка, и изъ его индивидуальности создаетъ каррикатуру, Fable соnvenue и дѣлаетъ его общимъ посмѣшищемъ толпы: это — ядовитое средство мелкихъ людей отдѣлаться отъ выдающихся личностей глумленіемъ надъ ихъ истиннымъ достоинствомъ и отрицаніемъ его.

То, что въ настоящее время принадлежитъ къ сферѣ обычая и убѣжденіемъ лучшихъ людей отвергается, какъ безнравственное, — остракизмъ толпы по отношенію къ нравственнымъ качествамъ и

личному существованію человѣка, то составляло не многимъ болѣе, чѣмъ за тысячу лѣтъ тому назадъ, основу для юридическаго рѣшенія. Какой контрастъ съ современностью! Но контрастъ этотъ объясняется развитіемъ личности. Если теперь возможно многихъ личностей устранить въ силу вердикта толпы, то тогда личности въ нашемъ смыслѣ слова вообще еще не существовали. Только въ то время, когда воля и воззрѣнія общества совершенно господствовали надъ волей и воззрѣніями отдѣльныхъ единицъ, когда принудительность сковывающей формулы ставится выше личнаго поступка, только въ такое время, когда надъ массой однородно-сѣорганизованныхъ индивидуумовъ, повидимому, господствуютъ самыя внѣшнія силы существованія,—только въ такое время могъ выработаться и прочно сохраниться судебный процессъ нашей древнѣйшей, намъ еще извѣстной культуры. Германская свобода сводилась къ строжайшему подчиненію всѣмъ законамъ государственнаго, обычнаго, правоваго и соціальнаго существованія.

Съ этой точки зрѣнія можно отмѣтить съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ тотъ фактъ, что весьма скоро древняя правовая жизнь сотни была упразднена учрежденіемъ графствъ и организована на болѣе свободныхъ началахъ.

Графъ внутри своего округа являлся не только представителемъ королевскаго военнаго права, но и выразителемъ верховной судебной власти короля. Такимъ образомъ, графъ сдѣлался судьей, предсѣдателемъ суда во всѣхъ общинахъ—сотняхъ своего округа; представители общинной судебной власти, тунгины были терпимы лишь въ качествѣ ассистентовъ, для приведенія въ исполненіе его приговоровъ. Сообразно съ этимъ графъ творилъ судъ и заботился объ исполненіи приговоровъ, вводилъ также, пожалуй, извнѣ новое право въ замкнутое правовое воззрѣніе судебныхъ общинъ; тунгину предоставлялось только предлагать юридическіе вопросы, объявлять приговоръ, требовать исполненія назначенныхъ графомъ наказаній и уплаты указанной имъ пени. Въ скоромъ времени второстепенная роль принижала его во многихъ случаяхъ до роли разсыльнаго (Fronboten); лишь въ очень немногихъ мѣстахъ нѣсколько дольше удержалась его первоначальная власть съ малыми ограниченіями; въ общемъ его положеніе,—этотъ послѣдній остатокъ древней германской власти начальника, устарѣло къ концу меровингскаго періода.

Но одновременно съ этимъ прокладывали себѣ путь такія измѣненія въ судебномъ производствѣ, которыя сохранились и послѣ меровингской эпохи.

Чѣмъ болѣе графъ становился судьей сотенныхъ судовъ, тѣмъ болѣе долженъ былъ онъ при постоянномъ разростаніи его дѣятельности тяготиться тѣмъ, что его обременяли мелочи самыхъ ничтож-

ныхъ споровъ. Не могло не понимать этого и населеніе, такъ какъ чѣмъ больше оно увеличивалось, тѣмъ многочисленнѣе становились спорные случаи. Съ обѣихъ сторонъ возникла мысль сохранить за судомъ сотни только уголовныя дѣла и спорное гражданское судопроизводство по болѣе важнымъ случаямъ, касающимся жизни, свободы и поземельной собственности, для болѣе же мелкихъ дѣлъ сформировать низшіе суды.

Это движеніе было уже подготовлено въ области хозяйственной жизни и въ сферѣ полицейской безопасности. Не позже, какъ въ раннюю эпоху франкскаго государства внутри сотенной общины-марки образовались болѣе мелкія марки-общины, центы (Zente); и подобно первой, онѣ выбрали себѣ центера или геймбурга (Heimburg), всѣмъ товариществомъ заботились объ общихъ хозяйственныхъ интересахъ, всѣмъ товариществомъ постановляли судебный приговоръ за аграрныя преступленія и т. п. Къ этимъ самостоятельнымъ задачамъ присоединены съ шестаго столѣтія франкскимъ юридическимъ законодательствомъ государственныя и полицейскія задачи. Община цента (Zentgemeinde) обязана была розыскивать воровъ, съ каковой цѣлью центру предоставлена была власть военнаго предводительства его общиной: конечно, только собственно тяжелая нужда времени заставила государственно оформить весьма древнюю обязанность поддерживать сочленовъ cadaго германскаго товарищества въ случаѣ грабежа, воровства и другихъ обидъ. Но это государственная санкція имѣла важныя послѣдствія. Разъ центру даны были государственныя права ¹⁾, разъ его община являлась райономъ для государственныхъ полицейскихъ мѣръ, уже не трудно было сдѣлать его судьей, общину обратить въ судебную общину для мелкихъ дѣлъ. Это учрежденіе развилось уже во второй половинѣ шестаго столѣтія ²⁾, а въ эпоху каролинговъ оно, кажется, стало уже обычнымъ.

Такимъ образомъ появляются низшіе суды; правовая жизнь свободныхъ вливается въ новые мѣха. Врядъ ли то было преимущество для развитія съ точки зрѣнія древнегерманской свободы. Если бы даже политическія права свободныхъ при основаніи обширнаго государства почти совершенно исчезли, всетаки же оставалась жизненная свобода въ единомъ представительствѣ автономныхъ, хозяйственныхъ, а также юридическихъ интересовъ внутри сотни. Представительство это было подорвано устраненіемъ самостоятельно избраннаго тунгина въ пользу назначенныхъ государствомъ графовъ, оно было искажено и извращено уничтоженіемъ автономнаго строя охраны. Потому что теперь судебный и хозяйственный строй сотни все

¹⁾ Другое рѣшеніе аналогичныхъ потребностей у Остготовъ черезъ посредство Conductores и Actores, у вестготовъ черезъ Сайоновъ.

²⁾ Ed. Chilp. (561—584) ср. Lamprecht, Wirtschaftsleben I, 227.

болѣе, удалялся отъ вліянія свободныхъ людей; все болѣе развивались, особенно для судебной процедуры, подъ вліяніемъ королевскихъ графовъ, новыя начала, которыя затемняютъ личное воззрѣніе и родовое право древней эпохи. Свободные оттѣснены были въ центы; отнынѣ ихъ общественный интересъ ограничивался приговорами низшаго суда, улаживаніемъ мелкихъ хозяйственныхъ дѣлъ; они стали недалководными и неловкими; они огрубѣли.

У.

Эти отношенія достигли, конечно, законченности уже въ эпоху меровинговъ гораздо больше на преимущественно римской почвѣ Галліи и обѣихъ Германій, чѣмъ въ странахъ по правому берегу Рейна, въ особенности гораздо больше, чѣмъ на сѣверо-востокѣ. Здѣсь долго еще удерживались вмѣстѣ съ древнимъ строемъ матеріальнаго существованія политическія права и обязанности древней эпохи; даже не исчезли еще соціальныя слои, насколько въ нихъ выдѣлялось древнее дворянство среди свободныхъ. Во Франціи меровингскіе короли рано и грубо устраняли все, что въ древне-дворянскихъ нравахъ дорого было народу и вызывало его уваженіе; даже и въ Аламани сохранились лишь незначительныя остатки древнихъ фамилій. Иначе уже было у Баварцевъ. Здѣсь долго еще процвѣтають пять дворянскихъ родовъ, быть можетъ прежнія королевскія фамиліи, надъ которыми франки поставили герцогскій домъ; богатая земля и движимымъ имуществомъ, семьи эти пережили каролингскую эпоху и были свидѣтелями того, какъ не разъ изъ ихъ среды избирались замѣстители епископскихъ кафедръ.

Въ Саксоніи и въ Фрисландіи мы находимъ еще въ карловингскую эпоху вполне живучими основы германской сословной организаціи, хотя повидимому съ своеобразнымъ дальнѣйшимъ развитіемъ: именно такъ было въ Саксоніи. Здѣсь древнее дворянство, быть можетъ вслѣдствіе многочисленныхъ битвъ и завоеваній, стояло много выше простыхъ людей; браки между свободными и дворянами считались неравными и около середины девятаго столѣтія контрастъ между дворянствомъ и низшими сословіями былъ такъ великъ, что въ странѣ готовилось возстаніе для изгнанія дворянъ.

Уже въ меровингскую эпоху то были отношенія, не затрогивавшія дальнѣйшаго развитія руководящихъ сословій запада по ту сторону Рейна. Какая масса новыхъ образованій, подвергшихся тысячѣ измѣненій въ теченіи слѣдующихъ столѣтій, появилась тамъ. Въ центральныхъ же земляхъ Фрисландіи, въ периферической области нѣмецкаго строя, еще до пятнадцатаго столѣтія существовало древне-

германское подраздѣленіе народа на дворянъ, свободныхъ и литовъ (Liten).

Тамъ, гдѣ королевское достоинство меровинговъ было туземнымъ или гдѣ оно создало прочную власть, королевское управленіе должно было составлять ранѣе неизвѣстную соціальную силу. Съ давнихъ поръ дружина германскаго короля и начальника пользовалась особымъ уваженіемъ. Свита эта всегда находилась на политической службѣ, что свободнымъ удавалось только въ продолженіи судебного или военнаго собранія; поэтому могло казаться только законнымъ, что лица свиты находились также въ вѣчномъ судебномъ и военномъ мирѣ и имъ должна была быть вслѣдствіе этого предоставлена и большая вира (Wergeld). Но то была мѣра, въ которой по германскимъ воззрѣніямъ непосредственно выражалась высшая соціальная оцѣнка; эта оцѣнка послужила въ пользу антрустіонамъ (Antrustionen), дружинникамъ меровингскихъ королей. Она была распространена на прежнихъ королевскихъ чиновниковъ, главнымъ образомъ на графовъ. Эти также находились всегда на службѣ, какъ исполнители королевской власти, для нихъ необходимы были особый миръ, или какъ это называлось при новомъ королевствѣ, особая королевская охрана.

Такимъ образомъ были положены основы для созданія новаго дворянства, королевскаго служебнаго дворянства, и именно съ тѣмъ большей увѣренностью, что большинство королевскихъ чиновниковъ долго еще пополнялось преимущественно изъ германскихъ округовъ, изъ воззрѣнія которыхъ на виру (Wergelds) и развилось именно новое достоинство.

Такимъ образомъ, новое чиновничество при особой оцѣнкѣ его службы, служило вѣрою своему королю цѣлое столѣтіе, приблизительно до смерти Хлотокара I (561).

Однако рядомъ съ нимъ стояли другіе слои, которыя претендовали на общественныя преимущества въ силу совершенно иныхъ основаній: именно сенаторіалы провинціи, выходцы германскихъ племенъ на римской почвѣ, наконецъ древнее дворянство племенъ праваго берега Рейна, о которыхъ только что шла рѣчь. Общимъ было для нихъ хозяйственное благосостояніе; они составили поземельную аристократію. Эти классы, владѣя на востокѣ обширными пространствами земли, пріобрѣтенными благодаря прежнему политическому положенію, богатые на югозападѣ въ теченіи цѣлыхъ уже столѣтій латифундіями, пріобрѣвшіе на сѣверо-западѣ путемъ быстрого захвата въ пользованіе большія области, трусливо очищенные галло-романскимъ дворянствомъ, располагали тѣмъ единственнымъ хозяйственнымъ могучимъ орудіемъ власти, которое является наиболѣе прочнымъ въ эпоху натурального хозяйства—властью надъ крупной поземельной собственностью. Королевскій институтъ нико-

имъ образомъ не могъ упустить ихъ изъ виду; по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ институтъ этотъ особенно проявилъ себя, на западѣ государства. Потому что здѣсь эта аристократія къ поземельному богатству присоединяла прекрасную организацію и къ ней принадлежало церковное дворянство, которое съумѣло сохранять для своихъ приверженцевъ почти въ наслѣдственномъ владѣннн епископскія кафедры.

Конечно, короли пытались сломить аристократію богатства. Хлодвигъ не встрѣчалъ еще при этомъ серьезныхъ препятствій. Послѣ безконечныхъ смуть пятаго столѣтія имущественныя отношенія были еще мало упрочены; зажиточный элементъ ради собственнаго интереса добивался покровительства новой власти, обѣщавшей и дававшей миръ. Короли шестаго столѣтія умѣли, насколько это было необходимо, поддержать подобныя чувства. То было время конфискаціи имѣній при малѣйшемъ проявленнн политическаго сопротивленія; энергичный образъ дѣйствій королей былъ еще тѣмъ дѣйствительнѣе, что конфискованныя имущества они снова раздавали королевскимъ приверженцамъ, чѣмъ вводились постоянныя перемѣны въ кругъ родовъ, владѣвшихъ землею.

Но со второй половины шестаго столѣтія эта насильственная политика стала ослабѣвать; одновременно съ этимъ въ отношеніяхъ служащаго дворянства начались перемѣны, гораздо болѣе опасныя для будущаго. До середины шестаго столѣтія, быть можетъ еще дольше, финансовый гнетъ со стороны короны, благодаря которой главнымъ образомъ поддерживалась римская податная система, не чувствовался, кажется, еще очень сильно. Король до этого времени владѣлъ большими средствами, что освобождало его большею частью отъ воздѣйствія той системы натурального хозяйства, которая установилась въ то время подъ вліяніемъ древне-германскаго хозяйства. Естественно, что король тратилъ всѣ притекающія къ нему денежныя средства прежде всего на уплату жалованія чиновникамъ, въ особенности графамъ; если мы при этомъ оставимъ въ сторонѣ доходы, напр. часть государственныхъ мировыхъ и штрафныхъ денегъ и тому подобное, то до середины шестаго вѣка эти чиновники исключительно зависѣли по отношенію къ жалованью отъ королевской милости, получая его въ той или другой формѣ изъ центральной кассы. Но въ теченнн второй половины шестаго столѣтія центральная касса все менѣе пополнялась; случайное повышение податей вело къ возстаніямъ, возстановить матрикулы римскихъ временъ не удалось, старая финансовая система стала жертвой иначе настроеннаго общества.

Не позже какъ съ седьмаго столѣтія въ распоряженнн короля оставались еще только доходы съ фискальной поземельной собственности. Но какъ эти доходы истощены были еще въ шестомъ столѣтнн! Из-

давна уже нѣкоторыя должности, главнымъ образомъ графскія должности, въ виду ихъ отношеній къ центральной власти, надѣлялись королевскою собственностью по мѣсту и положенію; то была очевидно древне-германская форма вознагражденія, жалованіе. Эти надѣленія, являясь вначалѣ добровольно пожалованными милостями, вскорѣ стали необходимостью; въ теченіи шестаго столѣтія безконечныя пространства древней королевской поземельной собственности розданы были графамъ и другимъ чиновникамъ въ большинствѣ случаевъ совершенно безповоротно и эти раздачи съ теченіемъ времени совершались все въ большихъ и большихъ размѣрахъ. Уже при Хлотикарѣ I вслѣдствіе этого фискальные доходы до того сократились, что для пополненія ихъ король требовалъ треть дохода со всѣхъ церковныхъ помѣстій.

Во время этихъ событій служебное дворянство стало поземельнымъ дворянствомъ; оно сближалось и смѣшивалось съ поземельной аристократіей тѣмъ скорѣе, что чиновники для королевской службы весьма часто брались изъ родовъ, владѣющихъ поземельною собственностью.

Чрезвычайно опасныя стороны этого развитія обнаружались уже къ концу шестаго столѣтія. Тогда графы уже были большею частью крупными поземельными владѣльцами своего округа; и въ скоромъ времени Хлотикарѣ II (въ 614 году) долженъ былъ дать категорическое обѣщаніе, что графы будутъ выбираться только изъ поземельныхъ владѣльцевъ округа. Но если графы были самыми богатыми поземельными собственниками среди дворянъ округа, если доходъ ихъ должности главнымъ образомъ состоялъ только изъ доходовъ прежнихъ королевскихъ, податю обложенныхъ имѣній округа, которыя они самовластно повышали безъ всякаго вмѣшательства со стороны центральной власти, — то наследственность графской должности въ одной или нѣсколькихъ семьяхъ округа являлся вопросомъ времени. Насколько позволяютъ намъ источники, мы убѣждаемся въ томъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ принципъ этотъ проводится уже во второй половинѣ седьмаго столѣтія. Что наследственность этой должности имѣла гораздо большее распространенія, чѣмъ мы могли бы заключить объ этомъ по непосредственнымъ источникамъ, видно изъ того обстоятельства, что въ восьмомъ столѣтіи сдѣлалось наследственнымъ даже мѣсто королевскаго дружинника, антрустіона, такъ какъ оно сопровождалось подарками земельныхъ участковъ. Одна изъ великихъ заслугъ первыхъ каролинговъ состоитъ въ томъ, что они, хотя и не надолго, задержали это развитіе, неизбежно сопровождающее господство натурального хозяйства.

Въ послѣдней четверти шестаго столѣтія меровингскимъ королемъ пришлось считаться съ новымъ порядкомъ вещей, вытекавшимъ изъ паралельнаго роста древней поземельной аристократіи и вновь надѣ-

леннаго земель служебнаго дворянства. Благодаря развитію могущества этихъ сословій они и погибли.

Крупное поземельное владѣніе въ то время не давало такого могущества, которое было бы исключительно примѣнимо въ хозяйственной сферѣ. Были, пожалуй, латифундіи, было еще больше крупныхъ имуществъ, раздробленныхъ на отдѣльныя имѣнія, но не было единой и сильной организациі производства ни въ томъ, ни въ другомъ способѣ владѣнія. Соединеніе труда было незначительно, раздѣленіе труда велико; на тысячахъ отдѣльныхъ оброчныхъ дворянскихъ участкахъ хозяйничали болѣе или менѣе зависимые люди. Съ нихъ трудно было получать большой доходъ; но можно было пользоваться ихъ кулаками, мужествомъ и приверженностью. Благодаря военной организациі зависимыхъ людей крупная поземельная собственность стала опасной для государства. Начиная съ послѣдней четверти шестаго вѣка военныя дружины графовъ становятся все многочисленнѣе, что быть можетъ имѣло отдаленную связь съ дружинными идеями древней эпохи; во всякомъ случаѣ онѣ были лейбгвардіей забіякъ, пригодныхъ для всякой цѣли; и рядомъ съ ними при всякихъ смутахъ являлись обыкновенно отряды крѣпостныхъ людей, а часто и полусвободныхъ.

Значеніе этихъ новыхъ организацій по отношенію къ королевской власти даетъ себя впервые знать лишь въ страшныя времена Брунигильды и Фредегунды: пятилѣтняго Хильдеберта II, сына Брунигильды, превозгласило королемъ въ 575 году именно австразійское дворянство, чтобы забрать власть въ свои руки. Вслѣдъ за этимъ дѣло дошло уже до заговора дворянства всего государства: результатомъ этого заговора были уступки со стороны королевской власти въ пользу сановниковъ въ Анделотскомъ договорѣ (587). Не помогло и то, что короли въ это время вновь подумали о народѣ, рѣшившись искать у него помощи противъ вельможъ: съ этой цѣлью король Гунтхрамъ обратился къ парижскому населенію съ трогательной рѣчью. Но свободные слишкомъ уже низко пали; съ этой стороны не было уже больше спасенія.

Седьмое столѣтіе все-таки началось еще приблизительнымъ равновѣсіемъ дворянскихъ и королевскихъ силъ; равновѣсіе это было тѣмъ важнѣе, что при Хлодокарѣ II королевство, а вмѣстѣ съ нимъ и королевская власть вновь были объединены. Но это государственное единство носило временный характеръ; благодаря распутному поведенію дворянскихъ партій стала развиваться прочная и новая единая сила, направленная противъ власти самого дворянства: сила эта—власть мажордомовъ.

Выше мы обратили уже вниманіе на то, какъ легко при тѣсной срязи между королевскимъ дворомъ и королевской фамиліей вліяніе придворныхъ должностей могло пріобрѣсть противозаконное значеніе.

Это и случилось начиная съ конца шестаго столѣтія. Тогда именно для королевскаго дома насталъ періодъ опекунскихъ правительствъ, вызванныхъ въ одинаковой степени, какъ мерзостями королевъ, такъ и прежними распутствами королей: вѣдь, короли Хильдебертъ и Теодерихъ приблизительно въ 12 и въ 14 лѣтъ имѣли уже сыновей! Въ это-то время, при такихъ обстоятельствахъ значеніе мажордомовъ, предводителей антрустіоновъ, быстро достигло опасныхъ предѣловъ. Будучи господами королевской свиты, какъ высшіе учителя благородныхъ манеръ для мальчиковъ свиты, а въ весьма скоромъ времени и руководители молодыхъ королей, мажордомы захватили, вообще, въ свои руки управленіе государственными дѣлами.

На первыхъ порахъ это не было во вредъ королевской власти. Еще въ концѣ шестаго и началѣ седьмого столѣтія мажордомы явились въ сущности представителями королевской власти по отношенію къ мятежному дворянству, которое въ свою очередь охотно пользовалось совѣтами высокопоставленныхъ князей церкви. Но въ теченіи одного только поколѣнія роль мажордомовъ почти одинаково измѣнилась въ различныхъ государствахъ. Они уже теперь не были больше орудіями королевской воли; они дрались на сторонѣ дворянства какъ руководители аристократическаго противодѣйствія: это былъ рѣшающій моментъ для начала паденія королевской власти.

Съ этихъ поръ вопросъ шелъ лишь о томъ; должна ли страна погибнуть въ вѣчной борьбѣ анархическихъ дворянскихъ партій, или же мажордомы сдѣлаются самостоятельными рядомъ съ дворянствомъ, будутъ руководить имъ и создадутъ новую монархическую власть. Въ теченіи седьмого столѣтія вопросъ разрѣшался въ послѣднемъ смыслѣ. Уже во второй половинѣ этого столѣтія удалось въ нѣкоторыхъ случаяхъ освободить мажордомство изъ-подъ вліянія дворянства и вручить этому институту защиту королей, потерявшихъ уже всякое значеніе. Позже расцвѣтшій родъ королінгскихъ мажордомовъ постепенно сконцентрировалъ всѣ разсѣяныя функціи австразійской королевской власти, воспользовался ими для своихъ собственныхъ интересовъ и въ кровавыхъ битвахъ побѣдилъ враждебныя силы дворянства и внѣ—австразійскихъ управляющихъ (Meier). Такимъ образомъ, явилось новое соединеніе всѣхъ частей единаго государства; при потухшемъ блескѣ звѣзды меровинговъ поднималось солнце новаго рода королей, завершившаго политическія задачи франкской универсальной имперіи, о которой съ середины шестаго столѣтія никто уже больше серьезно не думалъ.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Духовная жизнь и христианская миссія въ племенной періодъ.

I.

Въ то время, какъ судьба Меровинговъ завершилась главнымъ образомъ на западѣ Имперіи, по той сторонѣ Рейна и Вогезовъ, — восточныя племена, представители позднѣйшаго настоящаго, собственно-нѣмецкаго развитія, еще долго оставались въ томъ состояніи, которое возникло при появленіи племенныхъ единицъ начиная съ третьяго до шестаго столѣтія. Последнимъ пришлось испытать на себѣ въ гораздо меньшей степени то вліяніе высокой культуры, которое скоро сдѣлало доступными для западныхъ франковъ идею объ универсальномъ государствѣ и пониманіе индивидуалистическаго права и монотеистической религіи: этимъ объясняется та разница, что право салическихъ франковъ начертано было уже въ концѣ пятого вѣка, алеманское и баварское главнымъ образомъ въ первой половинѣ восьмого столѣтія, а фризійское и саксонское при Карлѣ Великомъ.

Такимъ образомъ тотъ періодъ жизни нашей націи, который характеризуется распаденіемъ совокупной народности на племенные государства, естественнаго расцвѣта достигъ лишь въ позднѣйшей Германіи: въ этомъ первомъ великомъ моментѣ развитія уже проявилось позднѣйшее обособленіе нѣмецкой и романской національности.

Но эта эпоха составляетъ совершенно особенный періодъ жизни нашего народа, такъ какъ она выработала своеобразную общественную и духовную культуру. Чистый характеръ племеннаго строя уже самъ по себѣ придалъ германской жизни на востокѣ отъ Вогезовъ приблизительно съ четвертого по восьмое столѣтіе особенную прочность. Большій — сравнительно съ прежнимъ народнымъ государствомъ — объемъ новыхъ политическихъ единицъ обусловилъ болѣе

дѣятельную связь, болѣе рѣзкое разграниченіе отдѣльныхъ племенныхъ группъ; въ шестомъ столѣтіи Баварецъ чувствовалъ себя отличнымъ отъ тюрингинца или сакса гораздо больше, чѣмъ чувствовалъ это триста лѣтъ назадъ маркоманнъ по отношенію къ гермундурамъ и Херускамъ ¹⁾).

Обособленіе же должно было въ свою очередь внутри каждаго племени повести къ болѣе индивидуальности отдѣльныхъ лицъ; ибо признаніе своего отличія отъ другихъ Германцевъ не являлось теперь результатомъ природныхъ дифференцированій, а вытекало почти уже исключительно изъ разнородныхъ историческихъ воспоминаній: историческая же память индивидуализируетъ даже тогда, когда она еще пребываетъ въ фазѣ типически-легендарнаго преданія.

Такимъ образомъ сдѣланъ былъ значительный шагъ впередъ по сравненію съ прежней эпохой племеннаго государства, народность котораго была безсознательна, такъ какъ источникомъ своимъ она имѣла естественныя основы. Однако же наклонности, толкавшія впередъ, удерживались еще въ равновѣсіи какъ въ хозяйственной, такъ и въ соціальной сферѣ національно-замкнутой и единой культурой. Еще далеки были отъ тѣхъ формъ (приблизительно двѣнадцатаго и тринадцатаго столѣтій), въ которыхъ развившееся въ аграрной сферѣ раздѣленіе труда, различіе между крестьяниномъ и землевладѣльцемъ должно было повести въ Германіи къ первому расцвѣту исключительной рыцарской духовной культуры. Въ племенную эпоху еще всѣ по существу равномѣрно занимались земледѣліемъ въ смыслѣ крестьянскаго пользованія землей; число дворянъ, богатыхъ землей, было ничтожно; такъ что они не имѣли ни малѣйшей возможности ввести раздвоеніе въ духовную жизнь націи. Ихъ глазъ могъ обнимать болѣе обширный горизонтъ, чѣмъ глазъ рядового свободного человека, на ихъ дворѣ звучнѣе могла раздаваться арфа пѣвца, ихъ залъ могъ быть болѣе богато отдѣланъ, но ихъ духовные интересы не были специфически отличны отъ интересовъ массы націи. Такимъ образомъ въ этотъ періодъ сохранилось еще единство національной духовной жизни: если на почвѣ хозяйственнаго раздѣленія труда едва существовало соціальное расчлененіе свободныхъ, то еще меньше имѣли мѣсто общественныя градаціи, обусловиваемыя сильными отклоненіями въ духовной жизни.

Единая духовная жизнь народа характеризовалась полнымъ сліяніемъ созерцательной и умственной дѣятельности. Германской науки еще не существовало; всюду, гдѣ обнаруживаются интеллектуальные факторы, они являются наглядными, символическими, въ эстетическомъ покровѣ искусства и поэзіи.

Правда, переходъ къ земледѣлію внесъ нѣкоторый прогрессъ въ

¹⁾ Ср. Sybel, Deutsche Nation, S. 24.

образование интеллекта. Технические приобретения, лучшие орудия, новые применения скота къ земледѣлію и т. п. должны были, конечно, укрѣпить умъ и чувство для воспріятія абстрактнаго; а болѣе удобная жизненная обстановка, ставшая возможной при крестьянской жизни сравнительно съ прежнимъ кочевымъ состояніемъ, болѣе досугъ, въ особенности зимою, могли лишь укрѣпляющимъ образомъ дѣйствовать на самосознаніе. Однако же періодъ племенныхъ организацій до восьмага столѣтія былъ свидѣтелемъ лишь частичныхъ проявленій духовныхъ слѣдствій этого прогресса; земледѣльческія занятія, связанныя естественнымъ чередованіемъ временъ года и медленной смѣной методовъ культуры, въ теченіи долгаго времени могутъ, правда, повліять весьма сильно на чисто-земледѣльческій народъ, но быстро дѣйствовать онѣ никогда не могутъ. Такъ удержались еще временно примитивныя формы понятія о времени, мало обогатился даже запасъ числовыхъ понятій, — кромѣ, напр., словъ, вродѣ Schock (копа, шестьдесятъ штукъ); а опредѣленія мѣры до самыхъ среднихъ вѣковъ сохранили ту неопредѣленность, которая неизбежна при пользованіи для измѣренія человѣческими членами (Elle, Fus, Spanne, Klafter)¹⁾.

Болѣе сильнымъ измѣненіямъ подверглось существовавшее до сихъ поръ эстетическое возрѣніе. Но дальнѣйшее развитіе послѣдняго означаетъ всеобщій прогрессъ духовной жизни вообще, такъ какъ именно оно въ формѣ символики господствовало надъ совокупной духовной культурой предшествовавшей эпохи.

На мѣсто символическаго возрѣнія появляется типическое. Это развитіе само собою уже выясняется изъ существа символическаго, каковымъ оно являлось для древнѣйшей эпохи нашего народа. Тотъ же символическій актъ, часто повторяемый, носитъ въ себѣ всѣ предпосылки типическаго преобразования. Если далѣе смыслъ этого акта извѣстенъ, благодаря постоянному употребленію, то и отдѣльныя, сопровождающія его движенія, свойственныя ему слова, выступающіе при немъ характеры, связаны между собою опредѣленными отношеніями, которыя считаютъ присущими имъ, а стало-быть и типическими, даже тогда, когда они являются сами по себѣ — отдѣльно отъ символическаго акта.

Такъ какъ переходъ этотъ отъ символическаго представленія къ типическому въ существенныхъ чертахъ произошелъ одновременно съ развитіемъ племеннаго государства изъ народнаго государства, то является склонность предположить связь между этими фактами. Связь эта могла бы быть найдена лишь въ томъ фактѣ, что всякій дальнѣйшій шагъ къ болѣе самостоятельному пониманію отдѣльной личности, каковой несомнѣнно сдѣланъ былъ племеннымъ государствомъ,

1) Локоть, нога, пядь, сажень. — *Klafter* означаетъ собственно нѣмецкую сажень=6 футамъ.

долженъ былъ также разрушить прежній міръ символическаго пониманія. Ибо какимъ образомъ даже при столь незначительномъ повышеніи личнаго самосознанія могло имѣть мѣсто дальнѣйшее существованіе такихъ формъ, которыя признавали отдѣльнаго человѣка безразличной частью его рода, даже человѣческаго рода вообще, которыя почти уничтожали личность?

Однако же переходъ къ типическому воззрѣнію опредѣлился и другими процессами развитія германской эпохи, вліявшими въ особенности на тѣ своеобразныя формы, въ которыхъ переходъ этотъ совершался.

Символическое воззрѣніе первобытной эпохи проявлялось въ дѣятельности; для него все существовало въ дѣйстви; даже абстрактнѣйшія, повидимому, идеи подвергались описанію и находили замаскированное разъясненіе въ символическомъ дѣйстви. При этомъ такое стремленіе къ дѣйствию увеличивалось благодаря тому общему явленію, что страстнымъ и полнымъ жажды дѣятельности юношамъ предоставлялась полная свобода равноправнаго члена племени; возрастъ молодого человѣка въ первобытное время не служилъ препятствіемъ для выбора и даже для назначенія начальникомъ; въ племенную эпоху у Салійскихъ франковъ мальчики съ двѣнадцатаго года, а у Рибуарійскихъ съ пятнадцатаго считались совершеннолѣтними, созрѣвшими для мужественнаго рѣшенія.

Народъ съ столь юношескими чувствами, — народъ, мальчики котораго засѣдали уже въ совѣтъ, дѣти котораго пользовались острой сѣкирой, какъ игрушкой, — съ какой жадностью такой народъ долженъ былъ всасывать въ себя отголоски усиленныхъ странствій и событій съ третьяго по шестое столѣтіе! Ингвеоны брошены были на море, среди бурь и прибоевъ волнъ они направлялись къ ледянымъ скаламъ сѣвера и къ цвѣтущимъ берегамъ Англіи; иствеоны внѣдрялись въ роскошную культуру Галліи; свевы по ту сторону мрачнаго лѣснаго пояса средняго нѣмецкаго горнаго хребта привѣтствовали Рейнъ и Дунай и зеленыя альпійскія озера; съ той же стороны хребта раздавался боевой стукъ оружія восточно-германскихъ войскъ на поляхъ императорскаго запада: то былъ неукротимо-подвижный міръ великихъ судебъ и славной гибели; то были годы обученія и странствій націи. Годы эти производили сильное впечатлѣніе, которое осѣдало тѣмъ прочнѣе, что эстетическое чувство народа давно уже направлено было къ дѣятельности, только къ одной дѣятельности. Такъ какъ чрезвычайныя судьбы націи олицетворялись типически въ ея герояхъ, то преданіе, память и даже мышленіе вообще получили эпическое направленіе.

Такова своеобразная окраска новой, типической духовной жизни племенной эпохи. Смѣшеніе въ данномъ случаѣ не составляетъ какого-либо единичнаго явленія въ исторіи народовъ. Эллины имѣли

также свои переселенія и свои народныя странствія, и ихъ эпоха типическаго мышленія создала первичныя зачатки Одиссеи и Иліады.

II.

Поэзія и искусство племенной эпохи типичны и актуальны, онѣ выражаются въ типическомъ эпосѣ и въ живой, какъ бы эпически-оформленной орнаментикѣ.

Можно признать, что искусству позднѣйшаго времени свойственно лишь примѣненіе полуматематическихъ мотивовъ, преимущественно кольца и именно въ формѣ сплетенія. Такія начатки искусства очевидно абстрактны, а потому они и кажутся странными. Но если мы примемъ во вниманіе, какое продолжительное время необходимо для образованія національнаго чувства формы, въ которой отражаются извѣстныя формы жизни, то легко поймемъ, что чувство красоты юношескаго народа вообще должно было очень долго проявляться въ такихъ формахъ, въ значеніи которыхъ народъ не отдавалъ себѣ отчета, прежде чѣмъ это чувство подчинило себѣ міръ внѣшняго бытія.

Этотъ міръ внѣшняго бытія отразился въ искусствѣ теперь, въ племенную эпоху. Онѣ отражался въ эту эпоху въ живописи и скульптурѣ также, какъ и въ поэзіи. Поставивъ себѣ цѣлью отражать движущійся внѣшній міръ только въ типѣ, только въ самыхъ внѣшнихъ его контурахъ, искусство орнаментировало его. Для этой орнаментации пригоденъ былъ почти только одинъ міръ животныхъ; человѣскій міръ лишь изрѣдка могъ подчиниться этому роду художественнаго отраженія. Поэтому-то новое въ дѣлѣ живописи сводится въ эту эпоху преимущественно къ животной орнаментикѣ.

Уже къ концу символической эпохи изъ-за линейной орнаментики появляются первые слѣды дальнѣйшаго развитія въ смыслѣ животной орнаментики. При этомъ въ фантастическомъ орнаментѣ, состоящемъ изъ переплетающихся лентъ, очень часто какая-нибудь часть орнамента послѣ многихъ оборотовъ не замыкалась кольцеобразно, а заканчивалась простымъ остриемъ. На этихъ-то концахъ или острияхъ вскорѣ стали насаживаться головы. Сообразно съ тѣмъ способомъ обработки, какой преимущественно употреблялся для орнаментации первобытнаго времени, — сообразно съ рѣзбой на деревѣ, украшеніемъ металловъ рѣзцомъ и металлическимъ литьемъ — головы эти должны были изображаться въ плоскомъ рельефѣ. При этомъ способѣ голова животнаго изображается или въ профиль или en face. Благодаря этому можно было создать массу мотивовъ орнаментированныхъ головъ: можно было создать по два вида для cadaго изъ тѣхъ животныхъ, которыя наиболѣе знакомы были германцамъ. Въ дѣйствительности же мы находимъ всего лишь четыре формы, — голову чет-

вероногаго и голову птицы—каждую изъ нихъ въ одномъ видѣ сверху и въ одномъ сбоку. Поразительная скудость художественныхъ видоизмѣненій, въ общемъ просуществовавшая въ теченіи многихъ вѣковъ господства животной орнаментики! Скудость эта обусловлена неспособностью національнаго созерцанія въ индивидуализированіи животной головы пойти дальше типическаго отличія между птицей и четвероногимъ. Ходъ развитія не созрѣлъ еще для художественнаго дифференцированія внѣшнихъ явленій животнаго міра, выходящаго за эти предѣлы; потребовалось еще много времени даже и на то, чтобы національное искусство овладѣло только головой четвероногаго и птицы въ грубыхъ отличительныхъ ея очертаніяхъ; и это свидѣтельствовало уже о концѣ классическаго періода животной орнаментики, когда въ седьмомъ и восьмомъ столѣтіи отважились на попытку въ орнаментальномъ отраженіи различать лошадь и лебедя или гуся, свинью и ястреба, или орла.

Но началомъ періода животной орнаментики было изображеніе головы птицъ и головы четвероногихъ въ самомъ общемъ контурѣ и въ технически весьма разнообразно-задуманномъ и выполненномъ рельефѣ.

Одновременно съ этимъ продолжала еще существовать линейная орнаментика съ ея принципомъ сплетенія; въ нѣкоторомъ отношеніи орнаментика эта даже еще больше распространилась. Съ разрушеніемъ римской имперіи къ племенамъ, остававшимся по ту сторону границъ, стекались драгоценныя сокровища благородныхъ металловъ; и одновременно съ этимъ старое туземное искусство обработки благородныхъ металловъ обогатилось массой новыхъ приемовъ, до тѣхъ поръ предоставленныхъ главнымъ образомъ мастерскимъ римскихъ провинцій. Принятіе болѣе тонкой филигранной работы вызвало рѣшительный переворотъ и повлекло за собою расширеніе германскаго искусства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и древней линейной орнаментики. Ибо съ припайкой тонко-вытянутыхъ проволокъ къ пластинкѣ, служащей подставкой, появилась спираль, — мотивъ, до сихъ поръ игравшій лишь второстепенную роль. Отнынѣ спираль входитъ въ обычный обиходъ; какъ новый элементъ, она примѣняется къ орнаментикѣ все чаще и чаще; къ концу эпохи меровинговъ она уже стоитъ въ одномъ рангѣ съ точкой, линіей и клубкомъ — элементами прежняго искусства.

Присоединивъ этотъ новый, крайне гибкій мотивъ къ болѣе древнимъ, менѣе гибкимъ формамъ, орнаментика сдѣлалась особенно пригодной для новаго художественнаго способа пониманія племенной эпохи, для возникающей животной орнаментики. Благодаря спирали и тому, что она быстро распространялась, старая линейная орнаментика становилась все подвижнѣе; и ея мотивы, то угловое, то граціозно изогнутое сплетеніе, такъ сказать, то подымались вверхъ, то низвер-

гались внизъ подобно неправильнымъ прибоемъ волнъ; они быстро смѣняли другъ друга; казалось, что они то ищутъ другъ друга, то убѣгають другъ отъ друга. Препжее болѣе правильно-математическое расположеніе элементовъ превратилось въ расположеніе жизненно-органическое; орнаментальное цѣлое сдѣлалось одушевленнымъ.

Такимъ образомъ орнаментика препжняго періода приблизилась къ художественнымъ требованіямъ настоящаго: бездушныя формы первобытной эпохи получили нѣчто изъ той жизни, для господства надъ которой въ орнаментальномъ пониманіи работала новая эпоха. Старые связки и ремни превратились внезапно въ животныя члены, они получили мускульную крѣпость и упругость и болѣе или менѣе органически связались съ тѣломъ, съ туловищемъ. Простые клубки, связки лентъ замѣнились животными формами, полными движенія орнаментальными животными тѣлами, получившими завершеніе въ присоединеніи къ нимъ одной изъ вышеописанныхъ головъ.

Разумѣется, эти животныя тѣла имѣли лишь самое отдаленное отношеніе къ формамъ спеціальныхъ животныхъ породъ. Можно было различить, можетъ быть, четвероногихъ и птицъ, довольно отчетливо-охарактеризованными являются (хотя уже рѣже) и змѣи¹⁾; въ общемъ же, однако, мы имѣемъ здѣсь передъ собою лишь самое общее, самое расплывчатое понятіе объ органически-животномъ существованіи. Этимъ объясняется то, что животная фигура разсматривалась, какъ составная; ничего не стоило отдѣлать отъ нея ноги, бедра, крылья и присоединить къ орнаментикѣ эти члены въ самостоятельномъ соединеніи, распределенными въ однородныя группы. Этой то именно необыкновенной свободой композиціи объясняется, почему, при всей скудности мотивовъ, стиль животной орнаментики нѣкогда дѣйствовалъ столь возбуждающимъ образомъ на развитіе чувства красоты; вѣдь и нынѣ еще памятники искусства этой эпохи очаровываютъ созерцателя, если только его глазъ привыкнетъ къ странной фантастичности, дѣйствующей сначала отталкивающимъ образомъ.

Не граничила ли, однако, свобода слишкомъ близко съ произволомъ? Возможно ли было сохранить на долгое время животно-орнаментальный характеръ, разъ допускалось путемъ раздѣленія членовъ лишать созданія фантазіи, подчинявшейся дѣйствительности лишь въ общихъ очертаніяхъ, даже призрачнаго существованія? Не должна ли была ремесленная небрежность замѣнить въ скоромъ времени художественную дѣятельность, не могла ли при извѣстныхъ условіяхъ искусственная, но опредѣленная линейная орнаментика замѣниться

¹⁾ Полное устраненіе змѣи я считаю крайней реакціей противъ препжнихъ мнѣній. Древне-германскій языкъ имѣетъ три выраженія для змѣи: Schlange, Schnake и Natter; и кромѣ того Wurm и Unke (Unc).

чистой случайностью, сопряженной съ оборотомъ инструмента? Опасность была слишкомъ велика, чтобъ можно было ея избѣгнуть. Если древнѣйшія произведенія новаго стиля, находки на кладбищахъ эпохи народныхъ переселеній, указываютъ еще на свободное, и тѣмъ не менѣе опредѣленное соблюденіе мѣры, опредѣленное именно благодаря нѣкоторому эстетическому равновѣсію въ распредѣленіи всего орнамента по опредѣленной поверхности, то въ украшеніяхъ рукописей седьмого и восьмого столѣтія, а также и въ остаткахъ современнаго имъ миниатюрнаго искусства очень уже мало слѣдовъ тонкаго художественнаго такта. Равновѣсіе нарушено, органическія формы являются раздробленными, искаженными до неузнаваемости, соединенными въ группы, а именно въ цѣлыя массы головъ, причемъ вещественная масса грубаго орнамента должна замѣнить недостающую силу художественнаго ощущенія.

Это періодъ вымиранія древней животной орнаментики. Правда, въ эпоху каролингскаго возрожденія она переживала еще второй свой расцвѣтъ. Просвѣщающее вліяніе классической орнаментики, безконечно превосходившей нѣмецкое искусство красотой формъ, отразилось и въ національныхъ работахъ. Стремленіе къ округленному, упрощенному становится обычнымъ. Но могло ли оно вызвать новую эпоху расцвѣта орнаментики? Допустить это — значило бы думать, что Карлъ Великій своимъ приказомъ записать древнюю народную поэзію могъ создать новую эпоху эпическаго расцвѣта. Благопріятное для этого время прошло, и никакое властное слово міра не могло бы уже вновь воскресить старыхъ формъ, какъ орнаментики, такъ и эпоса.

Относительно внутренняго развитія національной поэзіи намъ приходится имѣть дѣло съ выводами и предположеніями еще въ гораздо большей степени, чѣмъ по отношенію къ исторіи живописи. Если относительно живописи въ нашемъ распоряженіи множество достовѣрныхъ свидѣтельствъ, то относительно поэзіи той ранней эпохи мы имѣемъ лишь намеки и слѣды, и едва ли здѣсь сохранился какой-либо цѣнный памятникъ. Все-таки не подлежитъ никакому сомнѣнію, что племенная эпоха съ четвертаго по восьмое столѣтіе была эпохой перваго расцвѣта нѣмецкаго эпоса. По свидѣтельству Тацита уже Арминій прославлялся въ пѣснѣ германцевъ. Но во всякомъ случаѣ дошедшія до насъ наиболѣе отдаленныя преданія ничего не знаютъ о величайшемъ героѣ первобытной эпохи. Въ пятомъ столѣтіи, напротивъ, героическая пѣсня по своему значенію и вліянію была уже настолько извѣстна, что Аттила, — эта героическая фигура середины столѣтія, — по опредѣленному историческому свидѣтельству, думалъ объ увѣковѣченіи своей славы въ пѣснѣ. И вѣрно то, что германская героическая пѣсня начала процвѣтать уже задолго до Аттилы: въ дошедшей до насъ позднѣйшей нѣмецкой сагѣ мы находимъ уже

Остроготу, короля Готовъ около 250 года. Но послѣ него до середины шестого столѣтія жили историческія лица, сказочныя фигуры которыхъ встрѣчаются въ народныхъ эпопеяхъ, и прежде всѣхъ фигура Дитриха Бернскаго: это служитъ доказательствомъ тому, что по крайней мѣрѣ до конца этой эпохи эпическое теченіе сохранило способность втягивать въ себя новыя героическія фигуры и перерабатывать ихъ въ типическія формы преданія. И мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, чтобы съ прекращеніемъ этой эпохи должна была исчезнуть и эпическая дѣятельность. Можетъ быть, теперь только и овладѣли, какъ слѣдуетъ, накопившимся матеріаломъ: кое-что говоритъ даже за то, что только шестое и седьмое столѣтія обнимаютъ настоящую эпоху расцвѣта нашего перваго эпоса. Въ восьмомъ столѣтіи героическая пѣсня вѣроятно пришла въ упадокъ въ болѣе культурныхъ странахъ съ нѣмецкимъ населеніемъ и прежде всего, вѣроятно, у франковъ; свидѣтельствомъ этому можетъ, кажется, служить отвращеніе Людовика Благочестиваго, ибо врядъ ли онъ могъ бы остаться въ сторонѣ отъ сильнаго теченія національной жизни; еще болѣе свидѣтельствуется объ этомъ тотъ фактъ, что Карлъ Великій велѣлъ записать старыя эпическія стихотворенія. Зачѣмъ бы понадобилась подобная филологическая дѣятельность, еслибы дѣло не шло о древностяхъ? Въ другихъ странахъ, кромѣ франкскихъ, старый эпосъ, напротивъ, процвѣталъ, вѣроятно, еще гораздо дольше. Такъ, напр., въ средней Германіи и въ Тюрингіи: сюда, кажется, относится пѣснь о Гильдебрандѣ. Тоже самое на устьяхъ Рейна, въ Фрисландіи и Саксоніи: относительно Саксоніи—*Heliand*¹⁾ (въ 830 г.) свидѣтельствуется еще объ ученомъ употребленіи древнихъ эпическихъ формъ, сѣверная сага о Тидрекѣ (*Thidrekssage*) свидѣтельствуется о продолжительномъ сохраненіи древне-франкскаго преданія; что же касается самаго крайняго сѣверо-запада Германіи, то поэма: «Кудруна» указываетъ на существованіе склонности къ созиданію сагъ еще въ эпоху норманскихъ походовъ, на исходѣ девятого столѣтія.

Врядъ ли мыслима бы была эта неослабная разработка старыхъ матеріаловъ въ теченіи цѣлыхъ столѣтій, это живое облаченіе великихъ личностей въ разнообразное одѣяніе типической саги больше чѣмъ десятью поколѣніями, еслибы носителями традиціи не были члены особаго класса населенія.

Уже гимны при процессіяхъ, какъ напр.: погребальныя танцы и пѣсни при играхъ первобытнаго времени, которыя пѣлись хоромъ,

¹⁾ *Heliand*—древне-саксонское стихотвореніе 9-го столѣтія, изображающее исторію Христа по Евангелію. Это высоко-поэтическое произведеніе издано Шмеллеромъ въ 1830—40 годахъ въ Мюнхенѣ и составляетъ почти единственный памятникъ древне-саксонскаго нарѣчія.

едва ли могли исполняться безъ руководства запѣвалы, врядъ ли они могли передаваться отъ поколѣнія къ поколѣнію безъ памяти особенно къ тому призваннаго лица, пожалуй, того самаго запѣвалы. Запѣвала (часто навѣрное бывшій жрецомъ) былъ тогда вмѣстѣ съ тѣмъ и поэтъ и хранителемъ поэтической традиціи, а затѣмъ ко времени народныхъ переселеній изъ его профессіи выработалась дѣятельность эпического пѣвца, — это былъ нестранствующій музыкантъ, а уважаемый членъ племени, состоявшій въ сношеніяхъ съ лучшими людьми, воспитанный для великодушныхъ побужденій и способный къ благородному умиленію. Онъ оставался носителемъ эпической поэзіи въ теченіи многихъ вѣковъ, пока, при упадкѣ отечественной героической пѣсни въ девятомъ и десятomъ столѣтіи, его не смѣнилъ странствующій музыкантъ.

Но какъ при всѣхъ этихъ условіяхъ шло внутреннее развитіе героической пѣсни?

Насколько обстоятельно мы знакомы съ позднѣйшимъ характеромъ нашего эпоса, настолько же мало знаемъ мы специфическое его происхожденіе. Можно признать лишь за вѣроятное, что настоящей героической пѣснѣ предшествовало развитіе анекдота и сказки, этихъ простыхъ образованій, недавно справедливо названныхъ первичными клѣтками, если не всякой, то хоть эпической поэзіи. Въ анекдотѣ и сказкѣ на первыхъ порахъ поэтизировалась типическая форма простыхъ, часто повторяемыхъ дѣйствій въ томъ видѣ, какой имъ придавалъ духовный обликъ времени. Определенныя дѣйствія не только сохраняли всегда одни и тѣ же мотивы: даже формальное изображеніе этихъ мотивовъ пользовалось всегда одними и тѣми же оборотами рѣчи; изъ запаса формъ эпически-типическихъ фразъ получилось цѣлое богатство, постоянно возростающее. Все-таки вліяніе анекдота и сказки можетъ распространиться далеко за формальную сферу. Сказка въ особенности, какъ родъ поэзіи, сама по себѣ склонна къ нѣкоторымъ всегда повторяющимся мотивамъ, она вырабатываетъ определенные типы фактическихъ событій, которые легко могутъ быть перенесены на другія матеріалы и преобразованныя при помощи послѣднихъ, могутъ быть переданы по наслѣдству дальше. Напр., мотивъ, что близкіе родственники, не зная другъ о другѣ, попадаютъ въ единоборство и узнаютъ другъ друга въ самый критическій моментъ; мотивъ несчастнаго героя, исполина, а раньше мотивъ изгнаннаго короля, странствующаго со своими людьми; многочисленные мотивы вѣрности, преданной даже при опасности для жизни и т. п. Въ распоряженіи героической пѣсни имѣлось, вѣроятно, известное число подобныхъ типическихъ схемъ, — вначалѣ, конечно, въ малыхъ размѣрахъ, а затѣмъ, благодаря эпическимъ наклонностямъ вѣка и въ большихъ размѣрахъ, — а также и форма типическаго для нихъ выраженія.

Уже первобытное время выработало погребальные гимны во славу умершихъ героевъ. Гимны эти способны были къ эпическому расширенію, разъ слава героя превзошла обычную мѣрку героизма и переживала цѣлыя поколѣнія. Такіе эпически разработанные погребальные гимны передавались тогда отъ поколѣнія къ поколѣнію; въ нихъ сохранилась благодарная память о великихъ людяхъ древности: слова: благодарность (Dank) и память (Gedächtniss) одного и того же происхожденія, — оба они имѣютъ своимъ корнемъ корень слова denken. Именно когда размышляли о себѣ самихъ и взвѣшивали преимущества настоящаго, вспоминали съ благодарностью заслуги прошедшихъ временъ. Такимъ образомъ пробуждающійся историческій интересъ, воодушевленный благодарнымъ чувствомъ, способствовалъ сохраненію надгробныхъ пѣсенъ; и подъ его вліяніемъ отброшена была форма погребальныхъ гимновъ, случайная форма тризны и изъ нея развилась форма героической пѣсни.

Явились отдѣльныя пѣсни для героевъ древности, которыя тотчасъ же подпали той силѣ преувеличивающаго воображенія, которая свойственна всякой молодой культурѣ относительно прошедшаго, которая, кажется, составляетъ даже вообще особенность человѣческаго представленія, если только послѣднее не встрѣчаетъ противъ себя въ научномъ размышленіи и знаніи. Подъ ея вліяніемъ типически схваченный образъ древнихъ историческихъ фигуръ расплылся въ героическое, демоническое. Теперь въ героической поэмѣ столкнулся элементъ человѣческій съ сверхъестественнымъ; ни одна сфера не была закрыта для фантазіи; союзъ между самыми различными человѣческими качествами, сплетеніе отдаленныхъ временъ, народовъ и странъ, — все это оказалось безконечно плодотворнымъ, и образовательная сила германской вѣры, лишившись благодаря христіанству, своей религіозной власти, тѣмъ вѣрнѣе царила въ образахъ народной поэзіи. Такимъ образомъ на всеобщей почвѣ типическаго созерцанія человѣческой судьбы нѣмецкая героическая сага, вскормленная разнообразными особенными вліяніями, начиная съ пятаго по восьмое столѣтіе, приобрѣла характеръ единства¹⁾. Но ея содержаніе вкладывалось въ одну и ту же форму, — въ форму эпическаго стиля, весьма отличнаго отъ того стиля, который благодаря одностороннему изученію нѣкоторыхъ поэмъ, именно гомеровской эпохи, обыкновенно представляютъ себѣ единственный родомъ эпическаго стиля. Тамъ нѣтъ описаній, нѣтъ картинности, не видно такъ называемаго эпическаго сравненія, задній планъ

¹⁾ Болѣе подробно ср. еще Энгеля, Über die Arten der unbewussten Geschichtsentstellung, Nauener Programm 1879 г. и Бернгейма, Lehrbuch der histor. Methode, 1889, s. 337 ff. Здѣсь психологическіе факты развиты въ своихъ дальнѣйшихъ подробностяхъ.

событій только намѣченъ, да и въ этихъ намекахъ опять таки преобладаетъ больше заботы о пространственныхъ отношеніяхъ, объ опредѣленіи мѣста дѣйствія, чѣмъ склонность къ изображенію положенія вещей. Только человекъ съ его дѣяніями, его стремленіями, его страстями занимаетъ первое мѣсто въ поэтической фантазіи. Но внѣшнимъ образомъ онъ не индивидуализированъ, типическія формулы устной рѣчи и языка жестовъ отмѣчаютъ его дѣянія, и хотя онѣ не отличаются многословностью, тѣмъ не менѣе даютъ опредѣленное и даже образное представленіе о совершающемся. И какъ вѣрно и увлекательно это изображеніе событій! Въ немъ все живетъ, все въ движеніи; рѣчи и возраженія героевъ смѣняются здѣсь почти какъ въ драмѣ; нерѣдко на продолженіе дѣйствія намекаетъ лишь продолженіе діалога. Этотъ родъ стиля предполагаетъ совершенно объективное изложеніе, сопровождаемое подвижнѣйшей мимикой и жестикуляціей. Какъ пѣснь о Гильдебрандѣ можно почти читать раздѣленными ролями, такъ и искусство древняго эпического пѣвца можно представить себѣ аналогичнымъ тѣмъ способамъ изложенія, въ которыхъ нѣкоторые современные рапсоды выполняютъ цѣлыя драмы, отгѣняя при этомъ отдѣльныхъ лицъ голосомъ и кадансомъ рѣчи.

Форма этой поэзіи еще старая форма гимновъ древнихъ временъ, форма аллитераціи. Конечно аллитерація символической эпохи должна была претерпѣть извѣстныя измѣненія прежде, чѣмъ она приспособилась къ полному выраженію новаго эпического ощущенія; но преобразованія эти не могли, однако, зайти слишкомъ далеко. Какъ гимнъ древнихъ временъ, такъ и поэма о герояхъ племеннаго періода имѣла еще, преимущественно, характеръ страстной поэзіи. Въ обоихъ дѣло шло о повышеніи и пониженіи ощущеній. здѣсь — борющихся актовъ воли и стремленій, тамъ — радостнѣйшаго возбужденія и сердцегрызущей печали. Потому-то не только первобытная аллитерація удержалась, но и сохранилась антитеза мысли и языка, сохранился складъ представленій отдѣльныхъ членовъ предложения.

Все это находится въ соотвѣтствіи съ аналогичнымъ развитіемъ въ сферѣ искусства. Здѣсь также сохранился принципъ движенія древнѣйшей орнаментики, хотя орнаментика перешла изъ области мертвыхъ къ міру животной жизни. При этой перемѣнѣ древніе принципы сплетенія и окостенѣнія, получили, правда, доступъ въ органической міръ, но когда начали изображать (сначала лишь слегка намѣченныя, а позже въ самомъ общемъ видѣ) формы животного тѣла, онѣ удовлетворяли художественному чувству эпохи, которая едва ли могла эстетически переработать больше, чѣмъ самыя общія формы органической жизни.

Такимъ же образомъ и формы гимна, стояція въ столь близкомъ

родствѣ съ принципомъ формъ первобытной орнаментики, въ общемъ и цѣломъ были вполне достаточны для типическаго эноса этого періода; нѣсколько видоизмѣненныя, они стали подходящимъ выраженіемъ для поэмы о герояхъ.

Въ такой аналогической переработкѣ унаслѣдованныхъ формъ нельзя видѣть особенности эстетическаго образованія племенной эпохи: правда, художественный и поэтический интересы обращены уже къ живому; правда, живопись умѣетъ уже схватывать дѣйственное въ царствѣ животныхъ, а поэзія—дѣйственное въ мірѣ людей: появляются животная орнаментика и героическая пѣсня. Но послѣднія питаются еще самыми общими впечатлѣніями, и эстетически отражаютъ эти впечатлѣнія столь связанными, что даже для воспроизведенія существеннаго могутъ употребляться формы болѣе ранняго вѣка съ нѣкоторыми видоизмѣненіями.

III.

Такая неразрывная связь искусства этого періода съ искусствомъ періода древнѣйшаго лучше всего другого доказываетъ великое единство германскаго развитія въ тысячелѣтіе, которое обнимаетъ одновременно и первобытную эпоху и періодъ племенного строя: ни римское вліяніе, ни переселеніе на новыя мѣста не въ состояніи были разрушить это единство. Собственно-западные германцы, позднѣйшіе нѣмцы, видѣли массу чужихъ странъ: они пережили тысячи новыхъ впечатлѣній отъ коварной лести до вопіющей тираніи, но они не подчинились этимъ впечатлѣніямъ, они переработали ихъ въ народную мудрость и народное воззрѣніе.

Къ срединѣ и концу племенной эпохи приблизилась къ нимъ столь великая сила, какой они раньше еще не встрѣчали, — сила столь глубоко захватывающая, какъ никакая другая въ мірѣ: христіанство, религіозное обновленіе. Для судьбы нѣмцевъ имѣлъ на вѣчныя времена значеніе тотъ способъ, какимъ они подпали подъ вліяніе этой силѣ.

Христіанство явилось къ германцамъ Галліи и Германіи уже не въ чистомъ словѣ его божественнаго основателя, какъ могущество всепобѣждающей личной силы вѣры, какъ сердечная и нѣжная форма индивидуальнѣйшей нравственности, — словомъ, какъ ученіе примѣромъ божественно возвышенной и въ высшей степени личной человеческой жизни. Германцы получили христіанство обусловленнымъ развитіемъ многочисленныхъ вѣрующихъ поколѣній, и они получили его не въ одной только изъ многихъ и многосторонне отклоняющихся другъ отъ друга формъ.

Такъ какъ въ четвертомъ и пятомъ столѣтіи изъ римскихъ погра-

ничныхъ мѣсть распространилось между западно-германскими племенами масса культурныхъ понятій, содержаніе которыхъ и нынѣ еще можно прослѣдить по заимствованнымъ изъ латинскаго языка словомъ нашего языка этого времени, то изъ этого вліянія высшаго образованія могли быть занесены въ лѣса по ту сторону Рейна и Дуная зародыши христіанскихъ воззрѣній, или по крайнѣй мѣрѣ плодотворныя начатки позднѣйшаго воспріятія христіанства. Въ подтвержденіе этого можно привести опредѣленные, хотя и отдѣльные факты. Между прочимъ, обращена была римляниномъ въ христіанство маркоманская княгиня Фритигиль, увѣщающая своего супруга жить съ Римомъ въ мирѣ и отправляющая посольство къ св. Амвросію († 398) въ Миланъ.

Но рядомъ съ этими римско-ортодоксальными вліяніями уже рано появляются и готско-аріанскія. Аріанство пріобрѣтаетъ почву въ особенности на востокѣ; слѣды его встрѣчаются между тюрингцами, а баварцевъ аріанскіе миссіонеры посѣщали еще въ Богеміи, до вступленія въ ихъ племенную область, — какъ кажется, начиная еще съ послѣдней четверти пятаго столѣтія.

Такимъ образомъ перекрещивались между собою католическое вліяніе съ юга и запада и аріанская миссія съ востока. Но побѣда католической идеи не подлежала сомнѣнію уже съ самаго начала, а въ особенности со времени обращенія въ католицизмъ Хлодвига; въ теченіи седьмого столѣтія исчезли послѣдніе остатки аріанства. Рѣшающее значеніе при этомъ (не говоря уже о позднѣйшемъ франкскомъ вліяніи) имѣлъ тотъ фактъ, что большинство западно-германскихъ племенъ цѣликомъ или отчасти перешли на ортодоксальную почву римской имперіи: вмѣстѣ съ западно-германскимъ переселеніемъ рѣшенъ былъ вопросъ и о западно-германской формѣ христіанства.

Въ скоромъ времени Германцы приняли новую вѣру, какъ часть римской культуры. Такъ было съ франками; не только въ салійской области, но и на Рейнѣ царило христіанство, дѣйствовавшее тѣмъ сильнѣе, что уже во время завоеванія оно могло считаться упроченной культурной силой: въ Кельнѣ христіане жили уже, пожалуй, къ концу третьяго столѣтія; можно доказать, что христіанскія надписи и христіанскія церкви существовали въ главныхъ городахъ страны въ четвертомъ столѣтіи, и епископы Кельнскій и Трирскій участвовали въ арелатскомъ соборѣ 314 года.

Римско-провинціальное христіанство на Дунаѣ пріобрѣло надъ германцами еще большую власть, чѣмъ на Рейнѣ. Ибо здѣсь поздно переселившіеся баварцы встрѣтили уже окрѣпшую церковь: послѣдняя могла хвалиться тѣмъ, что во многихъ мѣстахъ она образовала общины до Константина, значительное число именъ мучениковъ доказывало ея побѣдоносную борьбу съ свѣтскою властью, и ея еписко-

пальный строй удержался почти незыблимо, не смотря на германское нашествіе.

Менѣе благопріятными оказались перспективы древняго провинціального христіанства въ швабо-аллеманскихъ странахъ. Здѣсь управленіе и верховная власть имперіи раньше прекратились, чѣмъ въ Норикѣ и Рэціи; между германцами сохранилось очень мало епископскихъ резиденцій, связанныхъ съ болѣе ранней организаціей; и еще къ концу шестого вѣка Аламаны по существу оказываются язычниками.

Тѣмъ не менѣе это широко захватывающее разрушеніе христіанской жизни въ юго-западномъ районѣ позднѣйшей Германіи было не особенно угрожающимъ для христіанской будущности германцевъ. Ибо тамъ, гдѣ для этой древне-христіанской—провинціальной жизни возможны были болѣе сильныя воздѣйствія на Германскій характеръ, обстоятельства сложились отнюдь не удовлетворительно. Во Франконіи и Баваріи не меньше, чѣмъ въ Аламани и, какъ кажется, еще сильнѣе въ Тюрингіи образовались гибридные формы германской мѣологии и христіанской вѣры; Колумбанъ встрѣтилъ однажды крещеныхъ и некрещеныхъ, приносящихъ Вотану «пивную жертву» (Biegorfer) и въ Тюрингіи были священники, которые одновременно служили Христу и домашнимъ богамъ, и рядомъ съ этими неблагопріятными зачатками старая вѣра сохранялась упорно и незыблемо; на швабской почвѣ найдены были ножны отъ меча еще восьмого столѣтія съ изображеніемъ на нихъ одпорукаго Цю.

Франкская королевская церковь запада обязана была бы вмѣшаться, собрать разсѣяныя зачатки христіанства, организовать ихъ и выступить на встрѣчу нетронутой еще массы населенія съ христіанской миссіей.

Галло-франки смутно предчувствовали эту задачу, начиная со второго и третьяго десятилѣтія седьмого столѣтія. Принимали строгія мѣры противъ язычества; въ округѣ Гента и въ другихъ мѣстахъ предписывалось принудительное крещеніе; преслѣдованія евреевъ возростали; мудрая терпимость прежняго времени исчезла: но это не были подготовительныя акты для миссіи въ христіанскомъ смыслѣ.

Въ дѣйствительности по отношенію къ племенамъ, жившимъ къ востоку отъ Вогезовъ все сводилось лишь къ воздѣйствіямъ административнаго и дипломатическаго характера. Старыя христіанскія учрежденія были по возможности сохранены и ихъ христіанская жизнь находила себѣ опору во франкской церкви; введеніемъ нѣкоторыхъ сторонъ христіанскаго государственнаго права оказали содѣйствіе будущему христіанству. Обращеніе высокопоставленныхъ фамилій, главнымъ образомъ княжескихъ родовъ, подготовило позднѣйшую побѣду католицизма. Но подобныя чисто миссіонерскія мѣры франкская церковь принимала лишь относительно фрисландцевъ. Да и здѣсь дѣя-

тельность ея рядомъ съ религіозными мотивами руководилась политическими. Фрисландцы являлись въ это время западно-германскимъ торговымъ народомъ, они посѣщали обѣдни въ Базель и С.-Дени, ихъ торговля сношенія являлись коммерческою и духовною связью между Франціей и сѣверными германцами. Къ тому же они отчасти поселились въ прежней родинѣ салическихъ франковъ; было дѣломъ чести и выгоды поставить ихъ подъ франкское вліяніе. При томъ меровингамъ седьмого столѣтія, какъ въ послѣдствіи Карлу Великому по отношенію къ саксамъ, обращеніе въ христіанство казалось необходимымъ вспомогательнымъ средствомъ. Такъ кельтійскіе и франкскіе епископы поставили себя задачей подъ покровительствомъ короля пріобрѣтать для новой вѣры прежде всего сѣверныхъ франковъ, а затѣмъ южныхъ фрисландцевъ. Такова была задача С. Аманда, св. Куниберта Кельнскаго, св. Элигія Нойонскаго. Ихъ дѣятельность обнимала періодъ времени приблизительно двухъ поколѣній около середины седьмого столѣтія; результаты ихъ дѣятельности у сѣверныхъ франковъ были значительны, а у фрисландцевъ они были ничтожны. Обнаружилось, что государственная церковь во всякомъ случаѣ съ трудомъ могла достигнуть первоначально поставленной задачи: распространенія между всѣми франкскими народами; она не была создана для дальнѣйшей пропаганды.

Да и какимъ образомъ эта государственная церковь съ ея грубымъ христіанствомъ могла создать проповѣдь, воодушевляющую сердце людей?

Въ Галліи христіанство на первыхъ порахъ въ силу убѣжденія въ истинности вѣры распространялось лишь какъ исключеніе и главнымъ образомъ только между низшими слоями населенія. Въ общемъ на западѣ до Константина и Θεодосія врядъ ли было больше ста тысячъ христіанъ: только миланскій эдиктъ распространилъ христіанство. Теперь, конечно, обратились и аристократы, чиновники; теперь прежнюю пропаганду истины христіанства, которую вели мелкія христіанскія общины словомъ и примѣромъ, замѣнилъ государственный полный блеска культъ, теперь основана была аристократическая іерархія, теперь въ календарѣ святыхъ засіяли имена дворянъ. Изъ скудныхъ зачатковъ церковь почти въ одну ночь превратилась въ социальную силу перваго ранга; мы видѣли, какъ она лишила королевскую власть нѣкоторыхъ изъ наиболее крѣпкихъ ея основъ и создала силу привелигированнаго сословія.

Эти перемѣны вызвали тяжелый кризисъ въ религіозной жизни. Громадная масса язычниковъ перешла къ христіанству не въ силу вѣры въ Евангеліе Спасителя; она перенесла съ собой цѣликомъ въ новое бытіе поблѣднѣвшія представленія античной религіи. Евангеліе отступило на задній планъ, догма игнорировалась, или ею злоупотребляли въ игрѣ риторической діалектики, на первый планъ стали свя-

тые. Съ этимъ кризисомъ связано было безпутное суевѣріе, какъ высшихъ, такъ и низшихъ слоевъ народа. Не только рабы и крестьяне, но даже священники и епископы вѣрили въ гадація по звѣздамъ, въ предсказанія по полету птицъ, въ пророчества относительно войны и болѣзни по кровавымъ дождямъ; всѣ они боялись сновъ и появленій мертвецовъ; они заклинали злую силу грома; они были убѣждены въ цѣлительной силѣ реликвій, креста, святой воды. Казалось, что вновь воскресло древнее язычество въ измѣненной формѣ; на мѣсто храма Эскулапа появилась церковь исцѣляющихъ святыхъ, на мѣсто треножника оракула—алтарь, на мѣсто книгъ Сивиллы Священное Писаніе.

Должна ли была эта вѣра,—эта смѣсь отжившихъ формъ культа и религіозныхъ представленій древнихъ съ христіанскими выраженіями и обычаями, — сдѣлаться будущей религіей германцевъ? Это было невозможно. Этотъ несамостоятельный конгломератъ противоположныхъ воззрѣній и служащая имъ церковь осуждены были на безплодіе; и они остались почти безплодными даже тогда, когда ихъ коснулось реформаторское рвеніе.

Но Германцы начиная съ седьмого столѣтія получили болѣе чистое христіанство съ той стороны моря, отъ ирландцевъ и англо-саксовъ, и особенно отъ англо-саксовъ, какъ лучшій даръ вышедшаго изъ Германіи племени.

IV.

Уже Иеронимъ рекомендовалъ монахамъ переписывать книги; Кассіодоръ ввелъ затѣмъ въ первой половинѣ шестого столѣтія въ монастыряхъ систематически ученую дѣятельность. Это движеніе въ церковно-аскетическихъ сферахъ заимствовано было съ пламеннымъ рвеніемъ преимущественно молодой ирландской церковью, вдали отъ классической почвы Италіи.

Святой Колумбанъ принесъ съ собою это христіанство во Францію, и его огненная натура, благодаря его твердости, его аскетизму и дисциплинѣ, закалила мягкія души востока. *Люксейль* ¹⁾ сдѣлался центромъ новой жизни; изъ него, какъ и изъ ирландской родины, начиная съ седьмого столѣтія разлился по германскимъ странамъ потокъ ирландскихъ миссіонеровъ.

Колумбанъ самъ былъ дѣятельнѣе всѣхъ, онъ проповѣдывалъ на Цюрихскомъ озерѣ и на Боденскомъ озерѣ; когда онъ удалился оттуда, чтобы склонить свою усталую голову въ Верхней Италіи, онъ за-

¹⁾ *Luxueil* (Luxovium) — французскій городъ департамента Верхней Савойи. Здѣсь ирландскій апостоль Св. Колумбанъ въ 595 году основалъ аббатство.

вѣщалъ молодую паству св. Галлу, оставшемуся въ странѣ несмотря на вторженіе бриттовъ. Приблизительно одновременно съ нимъ дѣйствовали св. Фридолингъ въ Сёкингенѣ, св. Труднертъ въ Брейсгау: всюду Алааманы слышали проповѣдь Евангелія. Ожилъ старый церковный строй, появились монастыри, прежде всего въ С.-Галленѣ, основаны были также церковные приходы.

Въ Аламани дѣятельность отличалась болѣе мѣстнымъ характеромъ сравнительно съ дѣятельностью Ирландцевъ у тюрингицевъ и баварцевъ: на Майнѣ поучалъ Киліанъ, на Дунаѣ проповѣдывали Эммерамъ и Корбиніанъ — болѣе или менѣе легендарныя фигуры, дѣятельность которыхъ отчасти продолжалась еще до восьмого столѣтія. Подъ этими вліяніями прежде всего укрѣпилась баварская церковь, и сильный и благочестивый герцогъ Теодоръ пытался при помощи церковной организаціи придать прочіость и устойчивость воодушевленной проповѣди Ирландцевъ. Онъ вызвалъ для этого франкскаго епископа Руперта Вормскаго, а когда послѣдній умеръ, не успѣвъ сломить мѣстную оппозицію свѣтскихъ и духовныхъ лицъ въ дѣлѣ строгой церковности, герцогъ обратился лично въ Римъ. Это было въ 716 году. Это былъ первый случай, когда германскій государь обратился къ намѣстнику апостола въ качествѣ просителя, требующаго совѣта: это обуславливалось непосредственными отношеніями баварской церкви къ папскому престолу.

Такое же направленіе, но въ еще болѣе значительныхъ размѣрахъ, приняло это дѣло при Бонифаціи и Пипинѣ: оно обуславливалось естественнымъ ходомъ вещей. Но на этотъ разъ прочный союзъ съ центромъ западной церкви не былъ еще заключенъ. Теодоръ умеръ, и баварская церковь ждала своего реформатора.

Таково было положеніе ирландскихъ миссій вообще. Ирландскіе монахи дѣйствовали въ христіанскомъ духѣ почти во всей южной Германіи; но церковная организація имъ не удалась.

Тогда за миссію взялись англосаксы; ихъ проповѣдь распространялась среди всѣми нѣмецкихъ племенъ, и величайшій изъ ихъ проповѣдниковъ объединилъ, наконецъ, вновь обращенные народы въ единой церкви, и соединилъ эту церковь съ Римомъ.

Англо-саксонская миссія нашла первый кругъ дѣятельности у родственнаго племени—фризовъ; непосредственно къ стремленіямъ франкской государственной церкви примкнула здѣсь дѣятельность Вильфрида Йоркскаго, около 678 года. Примѣру его послѣдовалъ св. Виллибрадъ, настоящій апостоль этого племени. Поддерживаемый франкской склопностью къ завоеваніямъ, онъ сумѣлъ сдѣлать Утрехтъ епископской резиденціей, но странствія его по дѣламъ вѣры простирались дальше, до Даніи и сказочнаго Гельголанда, и имъ сопутствовали надежды франконскихъ воюрдомовъ на патриархатъ надъ сѣверными народами. Осуществленіе этой задачи было

предназначено позднѣйшему времени; лишь Карлъ Великій учредилъ епископство на устьѣ Эльбы и лишь Адальбертъ Бременскій принялся за осуществленіе смѣлой идеи эпохи Королинговъ о патріархатѣ. Виллибрадъ умеръ въ 739 году, не закончивъ даже дѣла обращенія фризовъ; народъ, жившій на морскихъ берегахъ, отличался упорствомъ; даже князь племени, Ратбодъ, предпочелъ христіанскому блаженству языческое небо, чтобы тамъ встрѣтиться съ предками своего рода. Даже мученическая смерть Бонифація не повела къ полному обращенію въ христіанство; аббатъ Григорій Утрехтскій могъ еще составить цѣлую школу миссіонеровъ для Фриціи и Саксоніи, и дѣло фризіейской миссіи слилось съ саксонскими войнами Карла Великаго.

Если здѣсь, на сѣверѣ, англо-саксонскіе проповѣдники дѣйствовали одни между своими нинвеонскими соплеменниками, то на югѣ, между аламаннами, а отчасти и баварцами, они явились послѣдователями ирландцевъ. Главнымъ образомъ, отличался здѣсь св. Пирминъ; вѣчный странникъ, полный реформаторскаго рвенія, онъ придалъ достигнутымъ ирландцами результатамъ англо-саксонско-римскую окраску, основалъ недалеко отъ монастыря Колумбана, С.-Галленъ, новое поселеніе въ Рейхенау по правилу Бенедикта, собравъ христіанскіе элементы въ Эльзасѣ и Лотарингіи; онъ умеръ въ престарѣломъ возрастѣ, почти одновременно съ Бонифаціемъ, въ основанномъ имъ монастырѣ Горнбахъ въ епископіи Мецъ.

Такимъ образомъ онъ дожилъ еще до того времени, когда создана была великая церковная организація, нѣмецкая церковь, далеко ушедшая отъ лишенныхъ всякаго плана зачатковъ ирландскаго и англо-саксонскаго христіанства, зачатковъ обязанныхъ своимъ существованіемъ лишь мечтательному усердію отдѣльныхъ лицъ. Основателемъ этой церкви является Бонифацій. Отправившись въ путь въ качествѣ миссіонера онъ, —этотъ проповѣдникъ, преисполненный святой, даже педантической строгости, —только на континентѣ, послѣ пройденной имъ полной лишеній школы въ миссіи между гессенцами и тюрингенцами, позналъ свое настоящее призваніе: собрать воедино и организовать разсѣяныя зачатки христіанства.

Уже первые шаги въ этомъ направленіи должны были поставить его въ тѣсную связь съ Римомъ: рядомъ съ универсальной всемірно-историческою церковью немыслимъ былъ рядъ самостоятельныхъ нѣмецкихъ племенныхъ церквей. Попытки Бонифація должны были поставить его въ тѣсную связь съ Римомъ въ особенности потому, что онъ оставался англо-саксомъ и всегда находился въ тѣсномъ духовномъ общеніи съ родиной. Первый же англо-саксонецъ, проповѣдывавшій фрисландцамъ, архіепископъ Вильфридъ Юркскій, былъ передовымъ бойцомъ папства въ Англіи; во время одного изъ своихъ путешествій въ Римъ онъ былъ занесенъ къ берегамъ Фрис-

ландіи. Св. Виллибродъ воспитанъ былъ въ римскомъ духѣ, онъ пилигримствовалъ въ Римѣ и получилъ отъ папы посвященіе въ епископы; наконецъ, Пирминъ, южно-германскій миссіонеръ, противопоставилъ ирландской монастырской жизни римскую. Это были самые возвышенные образцы дѣятельности англосаксовъ; и могъ ли Бонифацій, этотъ организаторскій геній, котораго римская церковь должна была особенно сильно привлекать къ себѣ, не слѣдовать за ними?

Въ 722 году, послѣ миссіонерскихъ опытовъ на фризійской и средне-германской почвѣ, мы встрѣчаемъ Бонифація во второй разъ въ Римѣ, уже не аскетически-пламеннымъ пилигримомъ 718 года, а готовымъ принять на себя организацію германскаго христіанства на началахъ епископальной іерархіи. Пана Григорій II посвятилъ его въ санъ епископа; присоединеніе нѣмецкой церкви къ папству было рѣшено, и оффиціальныи историкъ римскаго престола съ гордостью присовокупилъ къ біографіи Григорія II хвалебныя слова: онъ проповѣдывалъ слова Спасителя въ Германіи черезъ епископа Бонифація; націю, пребывавшую еще во тьмѣ, онъ обратилъ при помощи ученія свѣта Христова, и святая вода крещенія очистила большую часть народа.

Какъ слуга Рима, Бонифацій основалъ съ 722 по 741 годъ средне-германскую и южно-германскую церковь; какъ архіепископъ онъ размѣстилъ епископовъ въ Бюрбергѣ въ Гессенѣ, въ Вюрцбергѣ во Франконіи, въ Ейхштатѣ въ Нордгау; какъ легатъ, онъ привелъ въ порядокъ дѣла въ баварскомъ и аламанскомъ герцогствахъ, пока болѣе широкія задачи не отозвали его на западъ для реорганизаціи франкской государственной церкви. Однако, онъ не забывалъ своей германской миссіи: всю свою жизнь онъ оставался вѣренъ ей со всѣмъ пыломъ первой любви; оглядываясь на пройденныя десятилѣтія благословенной дѣятельности внутри Германіи, онъ основалъ монастырь Фульда въ уединеніи Гессенской лѣсной чащи; сюда влекло его сердце; здѣсь онъ желалъ современемъ послѣ своей, полной трудовъ жизни отдохнуть отъ разнообразныхъ разочарованій позднѣйшихъ лѣтъ.

Этому по-римски вышколенному характеру, аскетическое чувство котораго никогда (даже съ искреннѣйшими друзьями) не позволяло проявить настоящее свое настроеніе, присущи были германскія черты, — черты англо-саксонской миссіи въ Германіи вообще. На ряду съ церковнымъ усердіемъ, въ немъ замѣчается тепло бьющееся Германское сердце: христіанство проповѣдывалось, наконецъ, нѣмцамъ въ полунаціональномъ одѣяніи.

Мы еще и теперь въ состояніи перенестись въ міръ чувствъ того далекаго времени. Хотя литературныя произведенія Бонифація гораздо меньше проявляютъ интимныя побужденія и кротость миссіонера, и касаются главнымъ образомъ великихъ вопросовъ организа-

ціи, тѣмъ не менѣе, для періода времени отъ проповѣдей Пирмина до письма Катвурфа къ Карлу Великому, существуетъ масса памятниковъ, благодаря которымъ становится возможнымъ опредѣлить характеръ христіанства, которое проповѣдывалось Германцамъ.

Проповѣди Пирмина содержатъ главнымъ образомъ связно изложенное ученіе о космогоніи, о воплощеніи Сына Божія и о спасеніи во Христѣ. Богъ создалъ небо и землю. Онъ населилъ небо духовными существами, ангелами. Архангелъ съ толпой товарищей возмутился противъ Него, Богъ низвергъ ихъ съ неба: они стали демонами, архангелами дьявола. Затѣмъ Богъ создалъ человѣка изъ земнаго праха: если человѣкъ слѣдуетъ божественному велѣнію, онъ будетъ вѣчно жить на небѣ; если же онъ поступаетъ вопреки Божьихъ заповѣдей, то долженъ умереть. Дьяволъ старается, чтобы человѣкъ нарушилъ заповѣди Бога, потому что ему завидно, что человѣкъ занимаетъ на небѣ его прежнее положеніе. Человѣкъ послушалъ его и вкусилъ отъ запрещеннаго плода: тогда его изгнали изъ рая, и онъ обреченъ въ этомъ мірѣ на трудъ и горе. Но является Христосъ, Сынъ Божій, въ которомъ смѣшаны начала божественное и человѣческое и который поэтому и можетъ освободить человѣка; Онъ побѣдилъ дьявола, и заточилъ его въ адъ. Христосъ добровольно обрекъ себя на жизнь лишеній; Онъ превратилъ воду въ вино, пятью хлѣбами и двумя рыбами накормилъ пять тысячъ человѣкъ изъ народа, перешолъ море, исцѣлилъ прокаженныхъ, изгналъ бѣсовъ, далъ слово нѣмымъ и исцѣлялъ разслабленныхъ.

Христіанинъ долженъ подражать усердно этому могущественному и доброму Господу, онъ долженъ овладѣть оружіемъ Христа и побѣдить дьявола, подобно тому какъ Христосъ жилъ и побѣдилъ послѣдняго. Къ тому обязываетъ вѣра: кто при крещеніи получилъ бѣлое одѣяніе и ангела хранителя, тотъ поклялся въ вѣрности Богу, тотъ — слуга Господа, тотъ обязанъ творить добро, а злое, дьявола, ненавидѣть. Въ этой борьбѣ поможетъ ему Христосъ. Если же кто поступилъ вопреки божьихъ заповѣдей, тотъ долженъ исправить свой поступокъ исповѣдью и искреннимъ раскаяніемъ при помощи добрыхъ дѣлъ и справедливой милостыни, прежде чѣмъ смерть не постигнетъ его; ибо сказано въ писаніи: милостыня освобождаетъ отъ смерти и очищаетъ отъ грѣховъ. У кого же не изъ чего раздавать подаеніе, тотъ пусть проявитъ доброе желаніе; благожелательство зачтется за дѣло. И какимъ бы большимъ грѣшникомъ ни былъ человѣкъ раньше, какимъ бы злодѣемъ и преступникомъ онъ ни былъ, — пусть проявитъ лишь искреннее раскаяніе, пусть раздаетъ милостыню, пусть смерть застигнетъ его въ доброй покорности и справедливомъ дѣяніи: тогда онъ не будетъ низвергнутъ въ адъ, а

будеть вознесенъ ангелами на небо и пріобрѣтетъ тамъ вѣчную славу.

Ибо всѣхъ людей ожидаетъ воскрешеніе изъ мертвыхъ. Всѣ воскреснутъ въ мужественной силѣ, какъ Христосъ возсталъ изъ мертвыхъ въ цвѣтущемъ возрастѣ, — воскреснутъ грѣшники и праведники передъ судомъ Божьимъ. Тогда грѣшники, умершіе нераскаянными, наказаны будутъ адомъ, и дьяволъ будетъ жечь ихъ адскимъ огнемъ и будетъ ихъ мучить, соображаясь съ родомъ ихъ преступленій. Праведники же и тѣ грѣшники, которые искренно раскаялись и остались при добрыхъ дѣлахъ, тѣ во плоти получаютъ Царствіе Небесное: ихъ плоть и ихъ душа будутъ радоваться въ раю съ ангелами въ обществѣ Христа и всѣхъ святыхъ, и они будутъ блистать какъ солнце въ Царствіи Божьемъ.

Это эвдемонистически-чувственное ученіе; оно обуславливало и заповѣди нравственности. Даже тѣ моральныя ученія, которыя не находились въ непосредственной связи съ религіознымъ вѣрованіемъ понимались грубо и чувственно. Требуется, правда, внутреннее измѣненіе чувствъ: пьяница долженъ стать трезвымъ, распутникъ — цѣломудреннымъ, вспыльчивый человѣкъ — терпѣливымъ: но результатъ достигается отреченіемъ отъ внѣшнихъ благъ и чувственно-понимаемой борьбой съ дьяволомъ при помощи Божіей. Нравственное стремленіе должно проявиться главнымъ образомъ въ войнѣ противъ порока, въ побѣдѣ надъ дьяволомъ, а не въ энергическомъ проведеніи въ жизнь глубокихъ нравственныхъ понятій. Въ послѣднемъ отношеніи прежде всего требуется христіанское терпѣніе и кроткое перенесеніе зла, несправедливости и клеветы, аскетическое исполненіе изреченія: «любите своихъ враговъ». Это — мораль притѣсеннаго, страдательнаго первобытнаго христіанства, а не гордая мораль христіански-національнаго великодушія.

Но эти болѣе возвышенныя требованія всегда отступаютъ на задній планъ передъ массой болѣе объективныхъ требованій: внѣшній строй жизни долженъ быть урегулированъ по предписаніямъ священныя книгъ, христіанскіе праздники слѣдуетъ праздновать только указаннымъ способомъ, десятину слѣдуетъ отдавать съ радостнымъ сердцемъ, воскресная работа должна быть оставлена изъ чувства благочестія. Встрѣчаются тысячи сходныхъ повелѣній о постахъ и праздникахъ, о работѣ и объ отдыхѣ; что касается до догматовъ вѣры, требуется только знаніе Символа Вѣры и Молитвы Господней.

Это была чисто-внѣшняя проповѣдь Евангелія; но, оставляя въ сторонѣ ея аскетическую сторону, проповѣдь эта была отлично приспособлена къ способности духовнаго воспріятія нѣмецкихъ племенъ. Факты откровенія излагались въ эпически-миѳологической формѣ, притомъ же они въ своихъ культурныхъ основаніяхъ соотвѣтствовали строю жизни Германцевъ: это былъ единственный спо-

собъ дѣлать ихъ доступными пониманію племенъ въ періодъ отъ шестого по восьмое столѣтіе. При изложеніи ученія Христова пользовались рядомъ съ эпической еще и символической формой: истечение изъ бока Христа крови, смѣшанной съ водой толковалось, какъ символъ таинствъ причастія и крещенія; такимъ путемъ до известной степени объяснялось догматическое значеніе таинствъ. Наконецъ, въ мірѣ морали меньше занимались проповѣдями нравственности, чѣмъ введеніемъ христіанскихъ нравовъ; такой способъ дѣйствія вполне соотвѣтствовалъ нравственной точкѣ зрѣнія народа.

Въ общемъ, дѣятельность миссіонеровъ была спокойной и разумной; благодаря преданной вѣрѣ въ окончательное торжество добраго дѣла ликъ миссіонеровъ свѣтился сознаніемъ побѣды и кротостью. Поэтому въ большомъ, какъ и въ маломъ дѣйствовали съ тѣмъ большимъ благожелательствомъ, что эти миссіонеры англосаксы были съ одной стороны соплеменниками съ людьми, къ которымъ они несли Слово Божіе, а съ другой они стояли выше ихъ по степени цивилизаціи: они не столько обращали, сколько воспитывали; не столько требовали покорности, сколько убѣждали.

У.

Намъ неизвѣстно, какимъ образомъ новое ученіе сдѣлалось вѣроваіемъ Германцевъ и стало ихъ обычаемъ. Побѣжденной религіи не доставало силы, чтобы оставить ясные памятники своего собственнаго упадка; то, что сообщаютъ намъ объ этомъ великомъ переворотѣ христіанскіе источники, искажено тенденціей побѣдителя.

Быстрѣе всего исчезло самое основаніе старой вѣры, ученіе о богахъ: оно исчезло такъ быстро, что послѣднюю ступень его развитія незадолго передъ паденіемъ мы совсѣмъ не знаемъ, а можемъ лишь догадываться о ней по отдѣльнымъ частностямъ. Невѣроятно быстрое крушеніе въ этой области было не меньше результатомъ духовнаго развитія самыхъ Германцевъ, чѣмъ развитія христіанской проповѣди.

Всякій политеизмъ самъ по себѣ можетъ допускать больше терпимости, чѣмъ монотеистическая система; число его боговъ неограниченно,—неограниченно поэтому и ученіе объ особенной силѣ отдѣльныхъ божествъ, а вслѣдствіе этого не составляетъ трудности ввести и новыя божественныя силы во времена упадка. Въ такомъ положеніи была и нѣмецкая миѳологія. Такимъ образомъ терпимость первыхъ христіанскихъ меровингскихъ королей, а также первыхъ каролинговъ, за исключеніемъ Карла Великаго, является наслѣдіемъ языческаго прошлаго.

Итакъ, введеніе Христовой вѣры не встрѣтило фанатическаго от-

пора со стороны туземцевъ. И насколько легче сердца эпически-чувствующаго вѣка должны были обратиться къ новой религіи откровенія, чѣмъ къ старой естественной религіи! Образы германскихъ боговъ, первоначально воплощенія трудно отграничиваемыхъ въ памяти естественныхъ силъ, еще и въ позднѣйшее время обнаруживали свое происхожденіе въ едва выработанномъ до полной, типической личности единствѣ ихъ поступковъ: они остались схематическими и на половину безличными, они не стояли въ какихъ-либо непосредственныхъ отношеніяхъ къ отдѣльнымъ членамъ народа.

Не то вѣра Христа. Она самымъ опредѣленнымъ образомъ обращалась къ личности; принадлежащія къ ней лица была ббльшею частью лица историческіе, какъ, напр., сами миссіонеры и ихъ ученики, и преданіе о нихъ передавалось въ рассказѣ, облеченномъ въ форму саги, въ типически таинственную форму сказанія о тайнахъ божественнаго промысла, — въ формахъ, для пониманія которыхъ сердце и умъ германца того времени были особенно воспріимчивыми. Правда, полное и непосредственное пониманіе новаго завѣта въ его фактическихъ подробностяхъ не такъ легко было для германца; готская біблія переводитъ понятіе о Мамонѣ словами: *faihu—graihus*, «*vieh gedräng*». Но и сами миссіонеры по большей части отказались отъ пониманія истины Христова ученія въ формахъ высшей ступени культурнаго развитія въ то время, когда они проповѣдывали Германцамъ это ученіе. И такимъ образомъ личная сторона откровенія предлагалась германцу въ весьма понятной для него формѣ, и онъ охотно принялъ ее.

Сравнительно съ новымъ Богомъ божественные образы древней вѣры показались подставными, обманщиками и бѣсами; это были силы вредныя, силы зла. Такой взглядъ признанъ былъ церковью, она низвергла языческихъ боговъ въ адъ, принизила ихъ до дьяволовъ. Такое мнѣніе отнюдь не слѣдуетъ считать мнѣніемъ однихъ только преслѣдующихъ свои цѣли священниковъ новой вѣры. Германцамъ не доставало представленія, соответствующаго христіанской идеѣ о дьяволѣ. Вульфилла не могъ передать по-готски названія Вельзевулъ и Дьяволъ. Если искали приблизительно такого именно понятія, то находили лишь гораздо болѣе невинное понятіе о бѣсѣ, о демонѣ. Его и выбрали; боги стали бѣсами, а такъ какъ идея бѣса слилась опять съ идеей дьявола, то они и попали въ христіанскій адъ.

Подобныя превращенія можно прослѣдить и въ области культа.

И здѣсь, конечно, христіанство уничтожило центральный пунктъ прежняго поклоненія богамъ, жертву. Иначе поступить было немислимо; вмѣстѣ съ богами должны были пасть и высшія учрежденія для ихъ почитанія, для ихъ умилоствленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ изгнаніе нѣкоторыхъ родовъ жертвъ оказалось явленіемъ прогрессивнымъ, имѣвшимъ общее значеніе. У Фризовъ, по ту сторону Лаубаха, всякій взламывавшій храмъ и похищавшій оттуда священные предметы,

вывозился къ морю; на берегу, тамъ, куда доходили волны, ему отсѣкали уши, скопили его, бросали его на произволъ волнъ и приносили его такимъ образомъ въ жертву богамъ, святыню которыхъ онъ оскорбилъ. Туземные сановники, шѣиные чужого племени, несвободные вообще не были гарантированы отъ смерти, какъ умиловительныя жертвы. Здѣсь христіанство съ твердымъ убѣжденіемъ въ своемъ высшемъ предназначеніи энергически вмѣшалось въ варварскій обычай.

Новая вѣра сохранила другія, менѣе ужасныя формы стараго культа, преобразовавъ ихъ на христіанскій ладъ. Правда, германскій культъ, кажется, уже со времени переселенія народовъ, подвергся внутреннему разложенію: обусловленный уединенностью горныхъ вершинъ и лѣсной чащи, приуроченный къ опредѣленнымъ источникамъ и деревьямъ, онъ долженъ былъ тяжело страдать подъ ударами переселенія народовъ; но то, что сохранилось отъ него, что вновь его оживило, нашло себѣ другое примѣненіе. Христіанскіе и языческіе праздники смѣшались, христіанскіе святыи вступили въ отправленіе соціально-нравственныхъ функцій старыхъ боговъ; новое содержаніе должно было преуспѣвать въ старой формѣ.

Подобное амальгамированіе культовъ имѣло успѣхъ лишь отчасти. Конечно, соединялось старое съ новымъ, но не всегда въ христіанскомъ духѣ; явились выродившіяся формы; въ систему миссіонеровъ внѣдрялись идеи древнегерманской вѣры; явились зародыши специфически-нѣмецкаго христіанства, принаровленнаго къ духовной жизни племенной эпохи. И вскорѣ ростки эти обвили новое бытіе; они украсили рожденіе, жизнь и смерть человѣка христіанско-германскими чертами; вмѣстѣ съ ихъ ростомъ успѣшно шло примиреніе между національной и чужой вѣрой.

Исходя изъ этихъ отношеній, создавшихъ новый религіозный обычай, новая вѣра пріобрѣтала постепенно вліяніе и на болѣе глубокія нравственныя понятія германскаго міра.

Германскіе боги едва ли имѣли непосредственныя отношенія къ личной нравственности отдѣльныхъ личностей. Нравственныя понятія древняго міра выросли скорѣе изъ принудительности фактическихъ учрежденій—государства, рода, семьи: въ этомъ союзѣ право и нравственность врядъ ли еще различались между собою по своимъ понятіямъ. Христіанство, какъ религія, нашла здѣсь брешь, которой можно было прочно овладѣть; оно могло развитъ канонъ религіозно-нравственныхъ понятій личнаго характера.

Оно исходило при этомъ изъ великаго, въ опредѣленныхъ формахъ присущаго ему, контраста между добромъ и зломъ—этотъ контрастъ оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, на примѣръ, на сѣверѣ, принаравливало къ контрасту между міромъ германскихъ боговъ и міромъ великановъ, а въ другихъ оно пользовалось своимъ представленіемъ

о контрастѣ между богомъ и дьяволомъ, и низвергало германскихъ боговъ, какъ злыхъ, въ преисподнюю.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что новое ученіе стало дѣйствительнымъ, какъ только оно облекло нравственные понятія грубой, чувственной, правовой обязательной силой, — сблизивъ ихъ съ прежними нравственными понятіями германцевъ, вытекавшими изъ объективныхъ институцій, для введенія и осуществленія которыхъ оно выработало даже фактическія учрежденія: покаяніе и духовный судъ.

Такимъ образомъ и новыя христіанско-нравственные понятія получили нѣчто оцепенѣлое, юридически опредѣленное, и въ ихъ практическомъ примѣненіи имъ соотвѣтствовало точно опредѣленное взаимодействие между внѣшними поступками или страданіями и внутренней обязанностью. Этотъ формализмъ встрѣчается у всѣхъ германско-христіанскихъ народовъ. Такъ въ вестготскомъ государствѣ богатые епископы при нѣкоторыхъ проступкахъ наказываются уплатой фунта золота и отлученіемъ на три мѣсяца отъ церкви: для бѣдныхъ епископовъ уплата фунта золота замѣняется продленіемъ отлученія еще на три мѣсяца. Такимъ образомъ повсюду въ королевствѣ франковъ устанавливается соотношеніе между молитвой и церковнымъ даромъ: святому монастыря преподносятся дары, дабы монахи за это молились о спасеніи души жертвователя; еще Карлъ Великій битвы свои сопоставляетъ съ молитвами папы о заступничествѣ св. Петра въ пользу франковъ и весьма часто называетъ сановниковъ своими воинами, а монаховъ своими молеельщиками.

Церковь среднихъ вѣковъ усвоиваетъ себѣ въ нравственныхъ вопросахъ міровоззрѣніе массъ; это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ проникновенія германской племенной культуры новыми вѣрованіями.

Въ другой области древняя церковь отдавала уже, конечно, дань грубо-чувственнымъ воззрѣніямъ. Надежды христіанъ древнѣйшихъ временъ на безсмертіе были хилиастичны (*chiliasm*)¹⁾: ждали возрожденія Христа во плоти и основанія всемірнаго государства, великолѣпіемъ котораго должны были наслаждаться мертвые, тѣлесно воскресши. Развитіе ученія Александрийцевъ о Словѣ повлекло за собой отчасти ослабленіе этого воззрѣнія: теперь Христа представляли себѣ уже Господомъ въ трансцендентальномъ смыслѣ. Однако же рядомъ съ этимъ одухотвореннымъ ученіемъ упорно удерживалась старая вѣра въ чувственное пришествіе, въ чувственное безсмертіе, и вѣра эта, смѣшавшись съ нѣкоторыми воззрѣніями ученія о Логосѣ²⁾,

1) Греческое слово: *chiliasmus* обозначаетъ вѣру въ тысячелѣтнее царство благочестивыхъ на землѣ, имѣющее установиться послѣ Воскресенія Христа. — Оно происходитъ отъ слова: *Chilias* — тысячелѣтіе. *Прим. перев.*

2) *Logos* — обозначало въ стоической философіи Грековъ божественный разумъ, господствующій надъ міромъ. Иудейско-александрійская философская школа позаимствовала это понятіе въ двойственномъ его смыслѣ — „Разумъ“ и „Слово“, — въ смыслѣ творческаго божественнаго слова. Впослѣдствіе и христіанство приняло идею Логоса. *Прим. перев.*

стала церковной доктриной, начиная съ третьяго и четвертого столѣтій. Одновременно же съ этимъ въ противоположность съ небомъ благочестивыхъ выработались болѣе точныя представленія объ адѣ; здѣсь медленно слились во-едино восточное воззрѣніе объ огненномъ мѣстѣ мукъ съ вѣрой древнихъ въ Гадесъ ¹⁾).

При подобныхъ условіяхъ проповѣдывалась германцамъ христіанская вѣра въ безсмертіе; она была скоро воспринята ими; эвдемонистическій идеаль древне-германскаго безсмертія способствовалъ еще болѣе сильному его олицетворенію, и достиженіе блаженства стали считать еще болѣе, чѣмъ прежде, зависимымъ отъ видимыхъ заслугъ въ этомъ мірѣ. Церковь, правда, неуклонно продолжало считать внутреннее достоинство предварительнымъ для того условіемъ, но германецъ понималъ ея ученія иначе; безконечный рядъ церковныхъ даровъ, который сталъ немного уменьшаться лишь со времени Карла Великаго, и исчезать началъ съ десятаго столѣтія, указывалъ на представленіе о характерѣ религіозной заслуги и оставилъ наконецъ этотъ отпечатокъ и въ церковной практикѣ. Тщетно болѣе сильныя умы боролись противъ этого направленія: оно было всеобщимъ въ это время, и христіанское небо, какъ и христіанскій адъ, въ своемъ логическомъ положеніи въ системѣ вѣры сближались съ Гелльгеймомъ ²⁾, и Валгаллой предковъ.

Такимъ образомъ ошибочно было бы искать ближайшія цивилизаторскія вліянія христіанства именно тамъ, гдѣ въ позднѣйшее время можно найти его высшую заслугу, самый пышный его расцвѣтъ. На первыхъ порахъ проявилось не чисто-религіозное, не лично-нравственное значеніе христіанства, германскій умъ низвелъ христіанскую вѣру даже съ той высоты, на которой стояла англо-саксонская проповѣдь, и подчинилъ его механизму стариннаго нравственно-религіознаго мышленія. Лишь позже христіанство должно было проявить въ этой сферѣ свойства горчичнаго сѣмени, предвозвѣщенныя ему его божественнымъ Основателемъ; въ новое время при духовномъ самоосвобожденіи романско-германскихъ народовъ христіанство должно было стать крупнымъ нравственнымъ явленіемъ и пышно разрослось, прикрывъ сѣнью своей всѣ народы земнаго шара.

Но не говоря даже объ истинномъ основаніи новаго ученія—мы видимъ, какъ безконечно глубоко захватывали человѣческую личность его первыя вліянія! Не смотря на всѣ измѣненія въ смѣнѣ поколѣній первобытной церкви, ученіе новаго завѣта, проникая собою ирландскій и англо-саксонскій духъ, было проявленіемъ культуры го-

1) *Гадесъ*—въ Греческой мѣологіи—богъ подземнаго міра. *Прим. перев.*

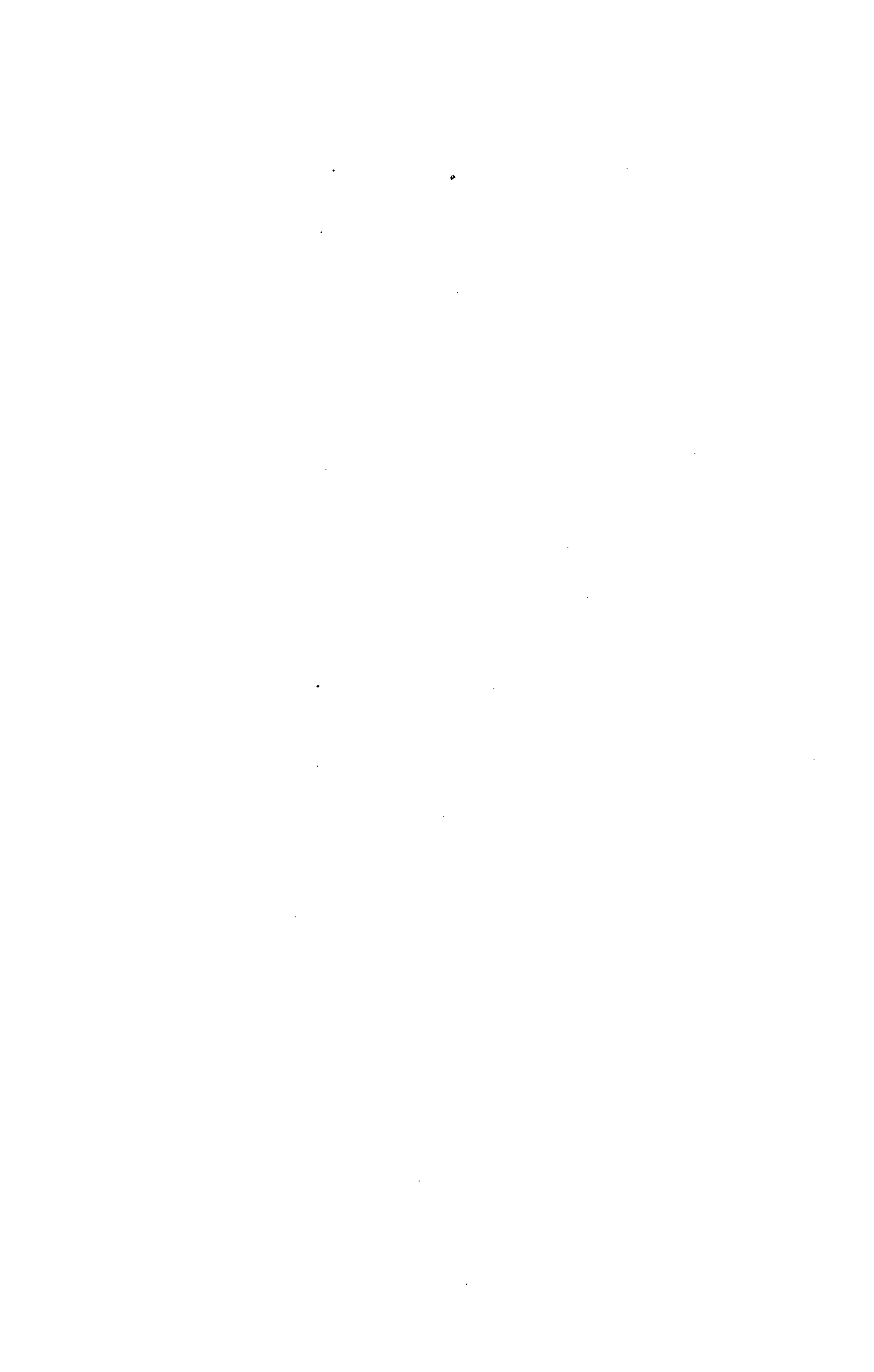
2) *Hel* германской мѣологіи дочь бога Лока и великанши Ангубарды; Одинъ низвергнулъ ее въ Гелльгеймъ, гдѣ она царствуетъ надъ тѣнями умершихъ, какъ богиня подземнаго міра. *Прим. перев.*

раздо высшей сравнительно съ германской культурой, въ которую оно было внесено проповѣдниками, было проявленіемъ иного взгляда на личность, индивидуальной морали, индивидуальнаго обычая. Это были тѣ, сами по себѣ второстепенные, моменты ученія, которые прежде всего должны были на германской почвѣ принести богатые плоды. Положеніе женщины стало иное, строй семьи, строй семейной жизни подверглись измѣненію; въ родовомъ строѣ во многихъ отношеніяхъ былъ нанесенъ ударъ сохранившейся еще принудительной власти; старыя сословныя отношенія потерпѣли крушеніе; нѣкоторыя стороны стараго права были устранены или получали иное освѣщеніе; само государство получало иной характеръ; расширились также внѣшнія формы культуры; искусству и поэзіи поставлены были новыя задачи и болѣе высокія проблемы: все, что казалось только многообѣщающимъ и плодотворнымъ для будущности нашего народа, все это взято было изъ этого величайшаго историческаго событія, принятія германцами христіанства. Но только въ эпоху каролинговъ опредѣлилось значеніе этого событія, только къ концу девятаго столѣтія опредѣлилось, что сдѣлало и что измѣнило проникновеніе новаго ученія въ душу народа въ четыре столѣтія.

ИСТОРИЯ
ГЕРМАНСКАГО НАРОДА

К. ЛАМПРЕХТА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.



КНИГА ПЯТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхождение, процвѣтаніе и паденіе Имперіи Каролинговъ.

I.

По преданію Франковъ домъ Меровинговъ произошелъ отъ соединенія человѣческаго существа съ морскимъ чудовищемъ. Въ христіанскій вѣкъ Каролинговъ существованіе языческихъ боговъ и чудовищъ отрицалось и смертнымъ не приписывали происхожденія отъ нихъ. Церковь, вмѣсто сверхъестественнаго происхожденія, приписываемаго язычниками Германцами родамъ своихъ воинственныхъ королей, приписывала имъ происхожденіе отъ людей, отличившихся преданностью христіанству и благочестіемъ; по легендѣ IX вѣка родъ Каролинговъ происходитъ отъ разныхъ святыхъ предковъ, то изъ Аквитаніи, то изъ Брабанта; легенда совмѣщаетъ въ этомъ родѣ христіански-правственную силу романскаго юга съ энергіей германскаго сѣвера.

Исторія рассказываетъ совершенно иначе о происхожденіи Каролинговъ. Она не знаетъ объ этомъ родѣ ничего до VI вѣка, до появленія на историческомъ поприщѣ Пепина старшаго и Арнульфа Мецскаго; очень смутны историческія свѣдѣнія о важнѣйшихъ событіяхъ жизни Пепина второго; даже относительно рожденія, дѣтства и ранней юности Карла Великаго его біографъ, Эйнгардъ, не имѣетъ особенно достовѣрныхъ свѣдѣній¹⁾. Домъ Каролинговъ не былъ старымъ, славнымъ родомъ; Каролинги—новые люди, люди суроваго и невиднаго труда, дорожившіе до самаго Карла Великаго только жизненными удобствами и духовными наслажденіями.

Только упорная, неразборчивая на средства энергія, только направленная на приобрѣтенія матеріальнаго могущества дѣятельность

¹⁾ „Vita“, 4; ср. Бернгейма въ историческихъ статьяхъ, посвященныхъ памяти Вайца.

могла имѣть историческое значеніе въ эпоху разложенія Франкскаго государства въ VII вѣкѣ. Какъ быстро, въ самомъ дѣлѣ, падали роды въ королевствѣ Меровинговъ! Ни одна семья не занимала высокаго положенія дольше, чѣмъ въ теченіи трехъ поколѣній. Самъ королевскій родъ, столь славный при Хлодіо, Хильдерихѣ и Хлодовехѣ послѣ четырехъ поколѣній былъ уже физически слабымъ и изношеннымъ, нравственно и умственно вырождавшимся. Высокая культура Рима требовала страшныхъ жертвъ.

Въ началѣ VII вѣка суровая эпоха Брунигильды и Фредегунды казалась законченной. Хлодохарь II избѣжалъ судьбы самоуничтоженія, грозившей королевскому роду; съ 613 года онъ былъ единственнымъ повелителемъ всего королевства. Первые годы правленія молодаго короля прошли въ плодотворныхъ трудахъ; онъ не зналъ, кажется, другихъ страстей, кромѣ мужественной страсти къ охотѣ. Но уже вскорѣ оказалось, что и государство, и самъ царствующій домъ вырождаются. Хлодохарь предавался ужаснымъ порокамъ; прежняя служебная аристократія королевства, превратившаяся въ земельную аристократію, начала смотрѣть на вѣрность государю и государству, какъ на средство добиваться личныхъ выгодъ; пограничныя провинціи королевства: Аквитанія, Саксонія, Тюрингія, Аллеманія, Баварія вступили на путь сепаратизма и образованія отдѣльныхъ государствъ; даже коронныя земли утрачивали сознаніе объ общегосударственномъ и національномъ единствѣ. Бургундія и Нейстрія уже выступили на путь раздоровъ; еще болѣе враждебна къ нимъ была Австразія; самая важная изъ германскихъ странъ.

Такимъ образомъ Хлодохарь II, оставаясь единымъ государемъ королевства, не былъ уже самодержцемъ; его личное правленіе ограничивалось только предѣлами Нейстріи. Въ Бургундіи вмѣсто него управлялъ майордомъ, въ герцогствѣ Австразіи его заставили назначить въ 622 г. удѣльнымъ королемъ своего сына, юнаго Дагоберта I. Веденіе дѣлъ находилось въ рукахъ майордомовъ и совѣтниковъ Дагоберта, Арнульфа, бывшаго сначала финансовымъ чиновникомъ короля, а потомъ мецскимъ епископомъ, и Пепина старшаго, челоуѣка благороднаго происхожденія. Оба они были родоначальниками дома Каролинговъ, оба отличались тѣмъ единствомъ государственныхъ и церковныхъ воззрѣній, которое было характерной чертой позднѣйшей имперіи Каролинговъ. Оба они заботились о благѣ страны. Они заботились о воспитаніи юнаго Дагоберта, объ обезпеченіи мира внутри страны и о славѣ королевства во внѣшнихъ сношеніяхъ: Славяне и Авары трепетали передъ могуществомъ восточныхъ Франковъ. Когда епископъ Арнульфъ удалился въ 627 году отъ двора въ тихое уединеніе монастыря въ Вогезскихъ горахъ, онъ возложилъ свои руки на голову Дагоберта съ твердой надеждой на счастливые дни.

Но судьба распорядилась иначе. Въ 628 году Хлодохарь II умеръ,

и Дагобертъ сдѣлался повелителемъ почти всего королевства. Онъ перенесъ свою резиденцію изъ Меца въ Парижъ, изгналъ отъ своего двора Пепина, развелся со своей супругой, женился сначала на нѣкой Нантехильдѣ, а потомъ завелъ себѣ трехъ женъ, кромѣ множества любовницъ, грабилъ церкви и выжималъ изъ народа всѣ жизненные соки—однимъ словомъ, превратился въ типическаго короля послѣдней эпохи Меровинговъ.

Австразія тѣмъ мѣнѣе склонна была выносить подобную систему управленія, что эта система исходила изъ Нейстріи. Дагоберту пришлось послѣдовать примѣру своего отца; въ 632 г. онъ посадилъ въ Мецѣ своего сына, Сигиберта III, въ качествѣ удѣльнаго короля. Сигиберту III было въ то время только три года; были необходимы люди, которые управляли бы страной отъ его имени. Замѣчательно то обстоятельство, что такихъ людей можно было найти только въ семьѣ Арнульфа и Пепина; этотъ послѣдній съ 638 года снова сдѣлался майордомомъ, а послѣ его смерти въ слѣдующемъ году ему наследовалъ, хотя и нѣкоторое время спустя, его сынъ Гримоальдъ.

Гримоальдъ отличался рѣшительнымъ и деспотическимъ характеромъ; не обращая вниманія на законы государства, онъ считалъ себя полноправнымъ наследникомъ Австразійскаго майордомства. Онъ сурово и деспотически обращался съ ребенкомъ-королемъ; даже послѣ, когда король сдѣлался совершеннолѣтнимъ, онъ пользовался его правами въ своихъ интересахъ и какъ орудіемъ противъ аристократіи и церкви; было очевидно, что съ каждымъ годомъ Гримоальдъ все больше и больше стремился къ захвату королевской власти. Сигибертъ умеръ въ 656 г. тридцати лѣтъ отъ роду и оставилъ своего юнаго сына и свое королевство въ рукахъ майордома. Но Гримоальдъ не хотѣлъ признавать ребенка своимъ повелителемъ; онъ рѣшился на неслыханное дѣло: постригъ своего малолѣтняго государя и увезъ его въ отдаленный монастырь; потомъ онъ провозгласилъ королемъ своего сына Хильдеберта и потребовалъ у всѣхъ покорности себѣ, какъ человѣку, въ рукахъ котораго званіе майордома должно быть наследственнымъ.

Этотъ смѣлый шагъ черезчуръ противорѣчилъ интересамъ аристократіи и укоренившейся преданности страны къ своимъ законнымъ государямъ; вельможи захватили и отца и сына и отвезли ихъ въ Парижъ, къ королю Нейстріи, который и предалъ ихъ смертной казни.

Первое нападеніе новаго рода на королевскую власть было слишкомъ дерзкимъ, и оно должно было потерпѣть неудачу. Но скоро оказалось, что невозможно сохранить порядокъ и миръ не только въ Австразіи, но и во всемъ королевствѣ безъ помощи кого либо изъ рода каролинговъ. Начались безконечныя междуусобія и страшныя безпорядки; въ 675 году одинъ родъ возсталъ на другой, одинъ

округъ воевалъ съ другимъ; центральныя провинціи королевства были раззорены, а пограничныя—утрачены. Въ это время родъ каролинговъ почти совершенно исчезаетъ съ исторической сцены, исторія не упоминаетъ о немъ. Въмѣсто него среди путаницы борющихся партій и отдѣльныхъ лицъ появляется на сцену мрачная и трагическая фигура Эброина, тирана майордома въ Нейстріи. Среди проклятій церкви, среди плача и нужды народа онъ подчинилъ въ концѣ концовъ королевство Нейстрію и Бургундію власти майордомовъ. Способный только къ жестокостямъ и къ свирѣпой хитрости, онъ не обладалъ творческими способностями—оказалось, что онъ работалъ не для себя, а для каролинговъ.

Въ 680 геду противъ него выступилъ Пепинъ второй, племянникъ Гримоальда, внукъ епископа Арнульфа и Пепина Старшаго; онъ, правда, былъ разбитъ сначала при Лаонѣ, но послѣ смерти Эброина ему удалось разбить его партію въ кровавой битвѣ при Тертри, близъ С. Кентена (687 г.).

Это событіе было рѣшительнымъ для судьбы каролинговъ; съ этого времени выдающіеся члены рода начинаютъ получать то выдающееся положеніе, котораго Гримоальдъ хотѣлъ достигнуть въ 656 г. сразу, однимъ ударомъ.

Преданіе, весьма неопредѣленное, рассказываетъ о средствахъ, которыми каролинги достигли своихъ цѣлей—для этого времени не имѣется почти никакихъ современныхъ источниковъ. Тѣмъ не менѣе совершенно очевидно, что Пепинъ второй, въ рукахъ котораго соединилось все богатое наслѣдіе Арнульфа и Пепина Старшаго, во время междуусобій аристократіи имѣлъ уже очень большія средства и большое могущество. Его имущества находились къ сѣверу и къ югу отъ Арденскаго лѣса, отъ *Vasta Ardenna*; онъ властвовалъ около Лютиха и Намюра такъ-же, какъ и въ прекрасныхъ равнинахъ Вердюна, Меца Трира и на суровой возвышенности Ейфеля; его крѣпостные проѣзжали по римскимъ дорогамъ равнины Мааса такъ-же, какъ и по дорогамъ равнины Мозеля и Рейна. Такимъ образомъ хозяйственные интересы и защита родоваго имущества связывали Пепина съ дѣлами всей Австразіи, а за предѣлами этой страны заставляли интересоваться и дѣлами Нейстріи; владѣлецъ такого имущества долженъ былъ поддерживать связи со всѣми племенами Франковъ, долженъ былъ стремиться къ пріобрѣтенію вліянія во всѣхъ занятыхъ имъ мѣстностяхъ. Именно, благодаря такому вліянію въ коронныхъ земляхъ королевства Пепинъ разбилъ аристократію запада при Тертри и своимъ успѣхомъ онъ воспользовался для укрѣпленія своего вліянія въ Нейстріи, вступивъ въ родство съ самыми богатыми и вліятельными родами долины Сены.

Хотя Пепинъ и сдѣлался теперь майордомомъ всего государства,

онъ не хотѣлъ лишиться своего прежняго положенія въ средѣ аристократіи, онъ не хотѣлъ также уничтожить формы Меровингскаго королевства, — но онъ хотѣлъ сохранить только одну форму. Короли, бывшіе по большей части малолѣтними, также какъ и прежде давали привилегіи, принимали пословъ въ торжественной аудіенціи; они присутствовали въ торжественныхъ засѣданіяхъ суда, они переѣзжали изъ одной провинціи въ другую для собиранія доходовъ, но они не управляли. Еще яснѣе такое положеніе королевской власти опредѣлилось при могущественномъ наследникѣ Пепина втораго, Карлѣ Мартелѣ (714—741). При немъ Меровингская королевская власть была просто ширмой для Каролингскаго владычества. Историки такъ мало интересовались судьбами короны и скипетра, что лѣтописи со временъ Карла Мартела сообщаютъ только о смерти стараго короля и воцареніи новаго, хотя въ это время происходили чрезвычайно важныя событія, чреватая измѣненіями и образованіемъ новыхъ государственныхъ формъ; о послѣднемъ королѣ при управленіи Карла Мартела ничего не упоминается до самой его смерти въ 737 году ¹⁾.

Но за то могущество Каролинговъ все увеличивается и все сильнѣе проявляется въ внѣшнихъ признакахъ власти; уже Пепина его современники называли царствующимъ государемъ, при Карлѣ же Мартелѣ встрѣчается уже полуоффиціальное названіе его княземъ Франковъ и удѣльнымъ королемъ.

Пепинъ и въ особенности Карлъ Мартелъ дѣйствительно уже были королями — они возстановили королевство Франковъ отъ его крушенія и забвенія. Уже Пепинъ, благодаря общему умиротворенію всѣхъ странъ Франкскаго племени, имѣлъ намѣреніе подчинить себѣ германскія земли востока; австразійское происхожденіе каролинговъ въ противоположность нейтрійскимъ симпатіямъ меровинговъ проявилось въ болѣе сильной склонности къ германскимъ основнымъ положеніямъ государственной и общественной жизни.

Прежде всего дѣло шло о присоединеніи къ Франкскому королевству Фризовъ. Фризы когда-то, въ IV—VI в., слѣдуя отчасти за Салійцами, переселившись къ югу, заняли прежнюю родину этихъ послѣднихъ, богатые лугами острова дельты Рейна и всю окрестную страну до самаго Брюгге. Теперь это племя занимало берега сѣвернаго моря отъ устья Везера до самаго пустыннаго Гельголанда.

Дельта Рейна, занятая западными Фризами, была особенно привлекательна для франкскихъ государей. Она была древней родиной Франковъ, священной землей по старому правовому воззрѣнію Германцевъ; тутъ впадали въ море рѣки франкской земли; наконецъ черезъ эту мѣстность шли миссіи франкскаго духовенства ²⁾, за которыми, обык-

¹⁾ Ср. Брейзигъ.

²⁾ Ср. часть I.

новенно, слѣдовало франкское оружіе, также какъ за христіанскими миссіями XIX вѣка слѣдуетъ владычество общественнаго строя Европы.

Потому-то уже меровинги постоянно стремились къ завоеванію этой страны; Пепинъ вернулся къ этому плану меровинговъ и при его смерти (714 г.) племя Фризовъ, кажется, было уже подчинено власти Франковъ и обращено въ христіанство. Но-вскорѣ въ исторіи фризскаго завоеванія повторились тѣже событія, которыя замѣчались позже въ исторіи подчиненія Саксовъ Карломъ Великимъ: ревность христіанъ къ ихъ вѣрѣ легко обманывалась относительно слабости германскаго язычества; къ катастрофамъ, вызваннымъ фанатизмомъ язычниковъ, присоединилась борьба политическая и военная.

Въ сущности говоря, Фрисландію покорилъ только Карлъ Мартель и то послѣ страшной борьбы; только въ 734 году было уничтожено языческое княжество фрисландскаго сѣвера.

До самой смерти Карла Мартела завоеваніе Фрисландіи было самымъ лучшимъ и самымъ вѣрнымъ правомъ на знаменитость и славу, приобрѣтенныя каролингами при возсозданіи королевства. Правда, не говоря уже о Саксахъ, много рассказывалось о покореніи Тюринговъ, Аллемановъ и Баварцевъ, но при этихъ событіяхъ дѣло шло скорѣе о простомъ одержаніи какой нибудь славной побѣды, чѣмъ о присоединеніи ихъ къ франкскому государству. Многочисленные походы Пепина и Карла Мартела на германскій востокъ порождали только смутное сознаніе, что всѣмъ германскимъ племенамъ угрожаетъ такая же неизбѣжная судьба, какой подверглись и Фризы; съ точки зрѣнія ихъ психическаго вліянія они могутъ, конечно, считаться имѣющими немаловажное значеніе, какъ приготовленіе къ блестящимъ подвигамъ короля Пепина и Карла Великаго за Рейномъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ эти походы Пепина и Карла Мартела снова напомнили о всеобщемъ, германо-романскомъ характерѣ франкскаго королевства и въ этомъ отношеніи составляли дополненіе тѣхъ отношеній, имѣющихъ міровой характеръ, которыя долженъ былъ связать Карлъ Мартель на юго-западѣ королевства.

Міровое могущество магометанства, стремившагося къ владычеству надъ востокомъ и западомъ, развилось со времени борьбы Византіи и Персіи во время страшныхъ войнъ первыхъ тридцати лѣтъ VII вѣка. Спустя нѣсколько лѣтъ полководцы Калифа владычествовали надъ Тигромъ и Евфратомъ такъ же, какъ и въ горахъ Мавританіи; въ первые десятилѣтія VIII вѣка на востокѣ власть Калифа распространилась до Индіи, на западѣ была завоевана Испанія и почти въ то же время было предпринято особенно энергическое нападеніе на Византію. Но мусульмане угрожали не одному востоку, ихъ роковыя и мертвящія объятія угрожали всей Европѣ, какъ на Золотомъ Рогѣ, такъ и у Геркулесовыхъ Столбовъ. Восточная имперія была уже парализирована и спасена отъ окончательнаго разрушенія только

разными случайностями; спасеніе возможно было только на западѣ; спасти Европу могло только государство Франковъ, какъ наследниковъ Западной Имперіи.

Карлъ Мартель, конечно, не былъ въ состояніи не только ясно понять, но даже и предчувствовать всей важности событій. Для него положеніе дѣлъ къ сѣверу отъ Пиринеевъ, въ той мѣстности, гдѣ соприкасались Испанія и государство Франковъ, представлялось совершенно инымъ. Въ то время какъ южные берега Франціи образовали еще готскую провинцію Септиманію, съ столицей Нарбонной, къ сѣверо-западу герцогъ Евдо основалъ новое аквитано-баское королевство, самостоятельность котораго отъ королевства Франковъ была признана, покрайнѣй мѣрѣ фактически, и при Карлѣ Мартелѣ ¹⁾. Естественно, что этому королевству пришлось первому отражать Сарацинъ, наводнившихъ съ 712 года всю Испанію, за исключеніемъ скалистыхъ береговъ Астуріи и въ 720 г. уже завоевавшихъ Септиманію; королевство Евдо, казалось, должно было подчиниться оружію арабовъ и, по всей вѣроятности, Карлъ Мартель смотрѣлъ на это неизбежное событіе, какъ на желательное и полезное для него.

Но борьба между Эль-Самаахомъ, арабскимъ властелиномъ Испаніи и герцогомъ Евдо повела къ совершенно инымъ результатамъ; Сарацины были разбиты въ 721 году при Тулузѣ, самъ Эль-Самаахъ палъ на полѣ битвы и его наследники направили свои нападенія изъ Септиманіи по второму возможному пути на французскомъ берегу Средиземнаго моря, къ сѣверу, на Бургундію. Скоро арабскіе всадники появились на Ронѣ до самаго Огюна; они начали угрожать Нейстріи, и Карлъ Мартель былъ вынужденъ къ защитѣ собственнаго королевства.

Въ эту критическую минуту внутренніе религіозные раздоры помѣшали арабамъ вести войну и когда новый, очень популярный, арабскій правитель Испаніи, Адераманъ-аль-Гафики, послѣ усмиренія внутреннихъ раздоровъ снова началъ борьбу, онъ направилъ свои силы не противъ Бургундіи, а возобновилъ борьбу съ Евдо.

Карлъ Мартель и на этотъ разъ не поддерживалъ аквитанскаго герцога. Весной 732 года Аквитанцы были разбиты, арабское войско безпрепятственно перешло сѣверную границу Аквитаніи и распространяя по своему пути ужасъ, двинулось къ національной франкской святынѣ, къ блестящей золотомъ церкви св. Мартина Турскаго.

Только теперь Карлъ и народъ франкскаго королевства поняли все значеніе арабскаго нашествія. Христіанство, бывшее основной опорой и силой запада и мало распространенное на востокѣ государства, подвергалось опасности въ самомъ древнемъ изъ своихъ центровъ, въ королевствѣ Франковъ. Волны язычества угрожали затопить

¹⁾ Ср. Брейзигъ, Рихтеръ, кромѣ того—Gesta; Cont. Fred.

христіанскія націи двумя противоположными и одинаково сильными потоками. При такой грозной опасности все пробудились; Карль явился вождемъ соединеннаго франкскаго христіанства. Онъ побѣдилъ на лѣсныхъ равнинахъ Сенона, между Туромъ и Пуатье (въ октябрѣ 732); полководецъ арабовъ палъ на полѣ битвы; разбитые остатки арабскаго войска собрались въ укрѣпленной Нарбоннѣ.

Церковь поняла значеніе этой побѣды, какъ міроваго событія; Изидоръ довольно основательно назвалъ войска Карла Мартела *Europenses* (Европейскими). Но самъ Карль не понималъ значенія своей побѣды; онъ ставилъ своей настоящей задачей укрѣпленіе своей власти въ королевствѣ Франковъ; для него война съ Сарацинами представлялась простымъ эпизодомъ борьбы, которую ему приходилось вести. Подобное пониманіе дѣла очень характерно для оцѣнки Карла; онъ былъ энергическимъ и послѣдовательнымъ правителемъ и достойнымъ предшественникомъ короля Пепина и Карла Великаго, но у него не было ясныхъ взглядовъ и направленной на широкіе планы воли его сына и внука. Казалось, что онъ какъ будто предчувствовалъ ихъ будущее величіе, какъ будто онъ добровольно избралъ себѣ скромную роль именно затѣмъ, чтобы положить въ узкой сферѣ своей дѣятельности основы новой всемірной имперіи.

Карлу досталась въ потомствѣ слава божьяго война въ битвѣ съ арабами. Слѣдующія поколѣнія не помнили о герцогахъ Евдо и объ Аквитанцахъ; въ исторіи борьбы противъ арабовъ они знали только о Карлѣ и его Франкахъ. Міровые герои пользуются счастливой судьбой, потомство всегда приписываетъ ихъ личнымъ стремленіямъ то, что оно признаетъ глубоко-значительнымъ въ ихъ подвигахъ и и покрываетъ ихъ безсмертной славой.

II.

Съ согласія вельможъ и на основаніи франкскаго государственнаго права Карль Мартель раздѣлилъ передъ смертью свое королевство между двумя своими законными сыновьями, Карломаномъ и Пепиномъ; старшій изъ нихъ Карломанъ получилъ Австразію, признаваемую теперь центромъ и важнѣйшей частью королевства, и германскія провинціи, а Пепинъ—Нейстрію, Бургундію и Провансъ. Грифонъ, сынъ Карла отъ незаконной жены, сначала, повидимому, остался безъ удѣла; впослѣдствіи, не смотря на всю мягкость своихъ братьевъ, онъ постоянно нарушалъ государственный порядокъ, возбуждалъ возстанія въ Нейстріи, Саксоніи и Баваріи, убѣжалъ въ Аквитанію и въ концѣ концовъ въ 753 году убѣжалъ къ Лонгобардамъ, единственнымъ врагамъ его рода, у которыхъ онъ могъ найти послѣднее прибѣжище.

Карломанъ и Пепинъ были государями одинаково настроенными и управляли вмѣстѣ своимъ государствомъ до 747 года, когда Карломанъ, человекъ страстный и склонный къ крайностямъ, удалился изъ своей столицы въ уединенный монастырь на Сорактѣ, выстроенный имъ самимъ. Съ этого времени Пепинъ одинъ управлялъ всѣмъ королевствомъ. Онъ обладалъ значительными способностями государственнаго человека, умѣлъ твердо держаться за пріобрѣтенное, совершенно ясно сознавалъ ближайшія цѣли, предстоящія его государству, при чемъ въ отличіе отъ прочихъ представителей своего рода онъ не былъ чуждъ и духовнымъ интересамъ; въ особенности онъ любилъ естествознаніе и музыку, былъ очень мягокъ и любезенъ въ личныя отношенія и даже черезчуръ снисходителенъ къ недостаткамъ своихъ приближенныхъ—вообще онъ былъ достойнымъ предшественникомъ Карла Великаго и несомнѣнно могущественнымъ и энергическимъ государемъ, въ особенности если не сравнивать его съ его сыномъ, человекомъ выдающимся по величію ума и характера.

Пепинъ и Карлъ создали непрерывность системы Каролинговъ. Они продолжали дѣло, начатое Карломъ Мартеломъ и къ концу управленія Пепина внѣшнее могущество государства развилось на столько, что Карлу Великому оставалось только необыкновенно мастерское проведеніе уже раньше намѣченной программы.

Карлъ Мартель прежде всего стремился къ преобразованію германскаго востока; ему, дѣйствительно, удалось полное подчиненіе Фрисландіи. Въ этомъ отношеніи дѣятельность Карломана и Пепина представляется продолженіемъ дѣятельности Карла. Саксонія была, по крайней мѣрѣ отчасти, поставлена въ подчиненное положеніе, съ 758 года жители Вестфалии платили годичную дань, состоявшую изъ 500 лошадей. Болѣе энергично майордомы нападали на Аллемановъ. Послѣ нѣсколькихъ возстаній въ Эльзасѣ и Швейцаріи это племя было въ 746 г. окончательно покорено; его аристократія понесла ужасное наказаніе. Кажется, произошли громадныя конфискаціи поземельныхъ владѣній, герцогское достоинство было уничтожено, подчиненная земля была отдана въ управленіе франкскихъ графовъ. Послѣ присоединенія Аллеманіи сдѣлалось возможнымъ ближе, чѣмъ раньше, подойти къ герцогству Баваріи, съ давняго времени пользовавшейся самостоятельностью. Но въ Баваріи ни Карломану, ни позже его Пепину, не удалось замѣнить франкское верховное владычество твердой властью. Правда, баварскій герцогъ Одилонъ послѣ неудачной борьбы долженъ былъ въ 743 году уступить сѣверную провинцію, теперешнюю Франконію; но вообще-то Франки только сохранили свой сюзеренитетъ надъ Баваріей. Сынъ Одилона, Тассилонъ, получилъ въ 748 году все свое герцогство, какъ ленъ, но не смотря на свою ленную присягу, онъ въ 757 году вступилъ на путь самостоятельной и, несомнѣнно, враждебной госу-

дарству Франковъ политики и Пепинъ въ послѣдніе годы своего управленія не могъ воспрепятствовать этому. Германскія цѣли Франкской монархіи оставались въ этомъ отношеніи недостигнутыми и только Карлу Великому удалось достичь ихъ.

Пепинъ, напротивъ, въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ VIII в., — съ тѣхъ поръ, какъ сталъ единовластителемъ, — удѣлялъ все больше вниманія дѣламъ южной Галліи: въ этой области онъ почти вполнѣ провелъ ту политику, начало которой положилъ Карлъ Мартелъ, такъ что великому сыну Пепина оставалось только пожинать плоды хотя и жестокой, но малоуспѣшной религіозной борьбы съ сарацинами по ту сторону Пиренеевъ.

Ближайшею цѣлью Пепина было завоеваніе арабской Септиманіи: въ этомъ направленіи Карлъ Мартелъ дѣлалъ напрасныя усилія въ послѣдніе годы своей жизни; здѣсь промедленіе грозило опасностью, что лангобарды, со стороны Испаніи, предупредятъ франковъ. Такимъ образомъ Пепинъ прежде всего овладѣлъ восточными городами Септиманіи: Нимомъ, Магелонной, Агдомъ, Безьеромъ; затѣмъ (въ 759 г.) онъ завоевалъ главный городъ этой страны, Нарбонну. Покореніемъ Септиманіи были выполнены предварительныя условія, необходимыя для того, чтобы сломить самостоятельность Аквитаніи: незащищенная ни съ юга, ни съ востока, ни съ сѣвера, почти не поддерживаемая болѣе сарацинами, эта страна была совершенно открыта для нападешя франковъ. Однако, лишь послѣ 9-лѣтней ожесточенной борьбы, закончившейся предательскимъ умерщвленіемъ аквитанскаго герцога Вайфара его приближенными лѣтомъ 768 г., страна могла считаться покоренною; лишь за нѣсколько мѣсяцевъ предъ своею смертью Пепинъ добился этого величайшаго триумфа своего правленія.

Но уже за двадцать слишкомъ лѣтъ передъ тѣмъ онъ и Карломанъ дали внутренней политикѣ государства такое направленіе, которое, по меньшей мѣрѣ, сильно измѣнило правительственную систему Карла Мартела и привело къ неожиданнымъ переменамъ.

Карлъ Мартелъ въ своей внутренней политикѣ достигъ немногаго, кромѣ энергичной матеріальной поддержки сановниковъ, принадлежащихъ къ его дому. По примѣру прежнихъ властителей, но въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ, онъ употреблялъ на вознагражденіе знати преимущественно церковныя имѣнія: то былъ богатый послѣдствіями прецедентъ, подготовившій возникновеніе системы государственныхъ леновъ, о которой рѣчь будетъ ниже ¹⁾.

Карломанъ и Пепинъ прекратили такое одностороннее покровительство приверженцамъ каролинговъ; они чувствовали себя доста-

¹⁾ Ср. ниже гл. III.

точно прочными въ своемъ могуществѣ, чтобы вести внутреннюю политику, направленную только къ пользѣ страны. Но для этого необходима была прежде всего церковная реформа, усиленіе идеальныхъ факторовъ народной жизни.

Въ христіанской церкви, изъ зачатковъ демократическаго устройства съ полусоціалистическою первоначальною основою, представляемой общинною церковью I и II вв., вскорѣ развились аристократическія формы: возникла церковь священниковъ, епископы повелѣвали надъ обширными епархіями, въ силу унаслѣдованнаго ими божія духа, ведущаго къ истинѣ, а періодическія собранія епископовъ, синоды и соборы гарантировали всемірный характеръ церкви. Въ этой формѣ, — въ формѣ епископальной и синодальной, — церковь, при Константинѣ В., добилась своего признанія со стороны государства; въ эпоху св. Августина (354—430) она сложилась вполнѣ.

Но дальнѣйшее движеніе епископальной церкви къ монархическому устройству лежало въ природѣ всего предшествовавшаго развитія. Монархическій характеръ имѣло и положеніе священника среди мірянъ мѣстной общины, и положеніе епископа среди духовенства его епархіи: не должна ли была при такихъ условіяхъ и надъ епископами возникнуть верховная власть монархическаго характера?

Всего ранѣе, хотя и въ несовершенномъ видѣ, устройство церкви завершилось на востокѣ; византійскіе императоры создали болѣе или менѣе явный цезарепанизмъ. На западѣ, напротивъ, было невозможно дать церкви свѣтски-духовнаго главу; уже въ V в. свѣтская имперія погибла, а возникшія на ея территоріи германскія государства подверглись неистовствамъ борьбы между ортодоксіей и арианизмомъ. Вслѣдствіе этого высшая духовная власть не могла сложиться въ наиболѣе ясно выраженной формѣ и въ кратчайшій срокъ; создать ее могло-бы только римское епископство; но, какъ подданные римскаго герцогства, папы находились еще подъ верховною властью Византіи. Благодаря такому положенію дальнѣйшее развитіе церковнаго строя на западѣ замедлилось; епископальное устройство держалось долго послѣ своего цвѣтущаго періода, вплоть до полнаго упадка, наступившаго въ VII—VIII вв.; наконецъ, церковное единство почти окончательно исчезло и замѣнилось обособленіемъ церквей въ отдѣльныхъ странахъ.

Въ теченіе этого процесса франкская церковь стала такъ-же особою національною церковью; и, безсильная почерпнуть въ глубинахъ собственнаго духа жизненные соки и элементы развитія, изолированная отъ общихъ культурныхъ отношеній эпохи, она, въ продолженіе VI и VII в., пришла въ нравственный упадокъ. Дома священниковъ считались гнѣздами порока, міряне дѣлались аббатами и епископами; архіепископовъ, какъ высшую инстанцію надъ епископами, знали развѣ только по имени; синоды, по крайней мѣрѣ въ Ав-

стрази, въ теченіе VII в. болѣе не собирались. Это былъ чудовишный упадокъ, усиливаемый расхищеніемъ церковныхъ имуществъ при Карлѣ Мартелѣ, тогда какъ на германской почвѣ, по ту сторону Рейна, миссіонерскія церкви св. Бонифація вступали въ періодъ пышнаго расцвѣта.

Съ этою противоположностью между старо-франкскимъ и германскимъ ходомъ развитія церкви пришлось считаться, послѣ Карла Мартела, прежде всего Карломану, государю Австразіи. Уже въ 742 г. онъ созвалъ, поэтому, собраніе своего государства для преобразованія церкви; въ этомъ собраніи, при содѣйствіи Бонифація, заложены были первыя основы новой жизни: призваны епископы, извѣстные безупречнымъ образомъ жизни, и имъ подчинены священники епархій; установлены ежегодные соборы, изданы дисциплинарныя предписанія для мірянъ и священниковъ, наконецъ, отчужденныя у церкви имущества были принципиально вновь ей присуждены. Эти начинанія были расширены и подтверждены синодомъ слѣдующаго года, а въ 744 г. движеніе изъ Австразіи перенеслось уже въ Нейстрію, королевство Пепина. На основаніи постановленій какъ нейстрійскаго, такъ и австразійскаго синодовъ, созванныхъ въ томъ году, состоялся въ слѣдующемъ 745 г. первый общефранкскій соборъ: преобразование церкви казалось обезпеченнымъ.

Но тотчасъ-же возникъ вопросъ: можетъ-ли преобразованная церковь остаться національною церковью? Бонифацій все съ болѣе возрастающимъ рвеніемъ отдавался реформѣ франкской церкви; развязка, къ которой онъ привелъ судьбу германской церковной организаціи¹⁾, не оставляла никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ и германскую церковь тоже подчинитъ папской власти; съ самаго начала онъ выступилъ передъ королями въ качествѣ «посланника блаженнаго Петра» (*missus beati Petri*). И онъ былъ уже, казалось, близокъ къ своей цѣли. Въ 747 г. онъ руководилъ общефранкскимъ синодомъ, въ которомъ заявлено было слѣдующее: франкская церковь должна подчиниться св. Петру и его намѣстнику, почетные знаки архіепископскаго сана должны испрашиваться у Рима, вѣлѣніямъ св. Петра будутъ повсемѣстно слѣдовать²⁾. Яснѣе не могло быть выражено признаніе подчиненія Риму.

Но въ томъ-же году благочестивый Карломанъ, который, собственно, былъ душою церковной реформы, удалился въ сумракъ монастырскаго уединенія, и Пепинъ сдѣлался властителемъ всего королевства. Уже нѣсколько лѣтъ онъ съ недоувѣріемъ слѣдилъ за постоянными сношеніями Бонифація съ куріей; онъ не былъ расположенъ допустить низведеніе національной церкви на степень римской церковной про-

1) Ср. ч. I.

2) Посланіе Бонифація 70, Iaffé стр. 201.

винци. Въ то время, какъ Бонифацій, отодвинутый королемъ на задній планъ, на закатѣ своей жизни искалъ и нашелъ успокоеніе и утѣшеніе въ мученичествѣ фризской мисси,— Пепинъ подготовилъ освобожденіе франкской церкви отъ папы. Въ 755 г. въ Пфальцѣ, въ Вернейлѣ, между Парижемъ и Компьенемъ, онъ созвалъ государственный сеймъ, который въ то же время былъ и соборомъ, и гордо, какъ *gloriosissimus atque religiosus illustrer vir*, провозгласилъ постановленія послѣдняго о церковной реформѣ капитуляріями своего государства. Эти постановленія, повторяя существовавшія опредѣленія о реформѣ частной церковной жизни, отстаивали, относительно высшей организаціи церкви, совершенно новые взгляды. Они энергически и послѣдовательно проводили епископальный строй церкви, до той поры все еще оспариваемый: впередъ не должно быть—какъ это, въ сущности, было до тѣхъ поръ въ лицѣ Бонифація,—надъ церковью единого главы, который можетъ легко совершить ея присоединеніе къ Риму. Далѣе постановлялось, что ежегодно должны имѣть мѣсто два синода; — первый въ октябрѣ, созываемый и руководимый епископами и имѣющій подготовительное значеніе; второй весною, созываемый королемъ и засѣдающій въ его присутствіи, имѣющій законодательный характеръ; это было дополненіе, если не интегральная часть государственнаго сейма, ежегодно собиравшагося въ весеннее время, великимъ постомъ.

Намѣренія Пепина совершенно ясны: церковь, сохраняя свою самостоятельную жизнь, высшій расцвѣтъ которой былъ для него желателенъ, должна въ то-же время быть вмѣстѣ съ тѣмъ и орудіемъ государства, орудіемъ господства каролинговъ, а не папы. Это былъ рѣшительный отказъ отъ подчиненія Риму, являвшійся можетъ быть тѣмъ болѣе необходимымъ, чѣмъ тѣснѣе были тѣ отношенія, въ которыя Пепинъ вступилъ съ папствомъ.

Политическое положеніе папства въ Италиі къ концу первой половины VIII в. можно было считать почти безпомощнымъ. Покинутые императорскою Византіей, которая, однако, не отказывалась отъ своихъ правъ и удерживала въ своемъ безсильномъ обладаніи, кромѣ другихъ побережій Италиі, главнымъ образомъ римское герцогство и равенскій экзархатъ; все болѣе тѣснимые лангобардскими королями, могущество которыхъ съ начала VIII в. вновь быстро возрасло,—римскіе епископы сумѣли только создать для себя въ самомъ Римѣ и въ его окрестностяхъ мнимо самодержавную власть, въ обыкновенное время гарантировавшую папству миръ, но всѣ домашнія, имѣвшіяся въ Италиі, средства противъ возраставшей опасности захвата герцогства лангобардами начинали истощаться.

Когда, наконецъ, въ исходѣ 30 хъ годовъ VIII в. натискъ лангобардскаго короля, Лиутпранда, сдѣлался слишкомъ тяжелымъ, папа

Григорій III въ отчаяніи сталъ просить Карла Мартелла о помощи. Но просьбы были напрасны: даже предложеніе франкскаго протектората не могло подѣйствовать на маіордома, всѣ мысли котораго были направлены къ ближайшимъ и наиболѣе достижимымъ цѣлямъ. Такимъ образомъ, бѣдственное положеніе римскаго престола продолжалось; покинутому Византіею на произволь судьбы папству грозила участь попасть въ варварскія руки лангобардовъ.

Между тѣмъ, Пепинъ достигъ господства во франкскомъ государствѣ; въ 743 г. послѣ семи лѣтъ безкоролья, вѣроятно, для того, чтобы предупредить возстаніе знати, онъ вынужденъ былъ посадить на престолъ новаго призачнаго короля изъ меровингскаго дома. Тогда братъ его, Карломанъ, отказался отъ власти; съ 749 г. Пепинъ правилъ единодержавно; его энергичная политика вела государство впередъ по пути внутренняго и внѣшняго прогресса: могъ ли онъ при такихъ условіяхъ довольствоваться титуломъ маіордома?

Онъ отважился на тотъ шагъ, за который тремя поколѣніями раньше его предокъ, Гримоальдъ, заплатился жизнью: онъ протянулъ руку къ коронѣ и скинтру.

Но онъ былъ однако настолько благоразуменъ, что заблаговременно, насколько это отъ него зависѣло, обезпечилъ государственному перевороту характеръ тихой и мирной перемѣны. Для этого ему казалось очень важнымъ предварительное согласіе папы, высшаго нравственнаго авторитета въ западныхъ странахъ; такимъ образомъ, для властителя франковъ тѣсный союзъ съ папствомъ становится потребностью.

Въ 751 г. франкскій престолъ и римская курія сблизились на почвѣ глубочайшихъ жизненныхъ интересовъ своего существованія. Въ ожиданіи будущей защиты со стороны франковъ папа одобрилъ и даже повелѣлъ¹⁾ коронованіе Пепина королевскимъ вѣнцомъ; осенью 751 г. оно было совершено.

Здѣсь еще не мѣсто распространяться о томъ, какъ съ тѣхъ поръ духовная и свѣтская власти во Франціи, какъ двѣ души въ одномъ тѣлѣ, то содѣйствовали другъ другу, то вступали между собою въ борьбу: какъ въ лучшую пору каролингскаго періода церковь и папство были почти поглощены государствомъ, какъ въ послѣдующіе вѣка среди смуть германской императорской эпохи папство и церковь, наоборотъ, уничтожили и поглотили государство; какъ, въ этой долговременной борьбѣ двухъ силъ, въ концѣ концовъ, сила идей все-таки одержала верхъ надъ разнообразными измѣнчивыми внѣшними средствами: уже ближайшія послѣдствія союза имѣли безконечно-большое значеніе.

¹⁾ Ann. Laur. 749.

Король Пепинъ, когда папа лично явился къ нему во Францію съ мольбою о помощи противъ лонгобардовъ, обѣщаль римскому престолу защиту и вазвать похищенныхъ владѣній, къ которымъ папская традиція безъ колебаній причисляла все римское герцогство и Равенну. Онъ двинулся въ Италію и въ двухъ походахъ побѣдилъ лонгобардовъ; съ 756 г. римское герцогство и большая часть экзархата окончательно перешли во владѣніе папъ: положено было основаніе «наслѣдію св. Петра» (*Patrimonium Petri*), папство надѣлено было землею и людьми, а вмѣстѣ съ тѣмъ—заботами и преимуществами полунезависимаго свѣтскаго господства.

Въ позднѣйшіе годы царствованія Пепина папамъ очень хотѣлось видѣть это политическое положеніе Рима расширеннымъ и доведеннымъ до болѣе полной самостоятельности. Но въ этомъ направленіи невозможно было склонить Пепина къ какому-либо серьезному шагу. Всячески стараясь доставить и обезпечить франкскому духовенству національно-церковный характеръ, онъ строго поддерживалъ, въ однажды установленныхъ предѣлахъ, политическую зависимость папъ отъ франкскаго королевства. Онъ не одно десятилѣтіе придерживался этого политическаго направленія, составившаго, наряду съ завоеваніемъ Аквитаніи и покореніемъ Алеманніи, драгоцѣннѣйшее наслѣдіе, завѣщанное имъ своему сыну, Карлу Великому.

III.

На первыхъ порахъ Карлъ управлялъ совмѣстно со своимъ братомъ Карломаномъ. Плодомъ ихъ соединенныхъ усилій явилось вторичное покореніе Аквитаніи, потерявшей при этомъ ту степень самостоятельности, которая оставлена была за ней до сихъ поръ; отнынѣ она въ полномъ соотвѣтствіи съ образцами франкскаго строя организована была въ графства. Въ остальномъ братья сильно отличались другъ отъ друга и, не смотря на предсмертныя увѣщанія Пепина и на позднѣйшія примирительныя попытки со стороны ихъ матери, Берты, они въ душѣ были враждебно настроены другъ противъ друга, такъ что и для королевскаго дома и для страны было счастьемъ, что Карломанъ, въ 771 г., умеръ преждевременною смертію. Съ тѣхъ поръ Карлъ правилъ одинъ; если его племянники, сыновья Карломана, и имѣли какое-то право наслѣдованія, то Карлъ этого права не признавалъ.

Задачи новаго правительства съ самаго начала всецѣло сосредоточивались на востокѣ королевства; западная граница была защищена моремъ, по которому еще не сновали суда викинговъ; лишь на крайнемъ югозападѣ Карлъ, согласно со своей общей политикой, велъ малоуспѣшныя войны съ испанскими сарацинами. На востокѣ, на-

противъ, завоеваніе Саксоніи, казалось, не могло быть болѣе отсрочиваемо послѣ того, какъ уже первые каролинги перенесли въ Австрию центръ тяжести государства; по отношенію къ Баваріи существовали вѣскія основанія къ недовольству, которыя должны были повести къ дальнѣйшей борьбѣ на пространствѣ отъ Дуная до Адриатики; на югозападѣ, по ту сторону Альпъ, завоевана была Италія, что привело къ возстановленію императорскаго сана и къ мирному соглашенію съ Восточною имперіей.

Эти обширныя задачи всѣ были разрѣшены Карломъ; если онѣ были поставлены уже давно, насколько онѣ касались германскихъ отношеній, то тѣмъ болѣе новаго представляетъ ихъ итальянская и всемірная сторона. Въ этой области Карлъ обнаруживаетъ особенно много самобытности и творческаго духа и становится основателемъ новой эпохи въ политикѣ, образованности и культурѣ.

Саксы; собственно, еще въ концѣ VII в. заставили франкскихъ государей подумать о покореніи ихъ страны; съ тѣхъ поръ они изъ Вестфаліи все болѣе подвигались впередъ, на западъ, завоевали страну между рр. Руромъ и Липпе, грабили на нижнемъ Рейнѣ и иногда проникали глубоко въ рибуаро-франкскія области.

Старшіе Каролинги, до Пепина включительно, противились этому довольно безуспѣшно; также и начинанія христіанской миссіи, исходившія отъ св. Суиберта, св. Эвальда, и, въ концѣ концовъ, вѣроятно, руководимыя изъ Майнца Бонифаціемъ, не имѣли никакихъ результатовъ въ смыслѣ замиренія племени.

Такимъ образомъ, саксонскій вопросъ самъ собою всталъ передъ Карломъ В., какъ только тотъ сдѣлался единовластителемъ; и если въ началѣ Карлъ пытался отдѣлаться отъ него по примѣру своего отца походами съ простою цѣлью опустошенія и возмездія, то вскорѣ онъ понялъ болѣе глубокое значеніе этого вопроса: присоединеніе племени къ міровой монархіи запада, въ особенности-же распространеніе христіанской вѣры до Эльбы, стали главною цѣлью; Карлъ — выражаясь словами одного саксонца позднѣйшей эпохи, — какъ апостоль племени, проповѣдывалъ евангеліе желѣзнымъ языкомъ¹⁾.

Саксонскія войны, обнимающія тридцать три года правленія Карла, могутъ быть раздѣлены на три періода, изъ которыхъ первый простирается отъ 772—782 г. второй—отъ 782 до 785 г. и третій—отъ 793 по 804 г.

Первый періодъ привелъ къ подчиненію вестфаловъ и части энгровъ, а также къ установленію зависимости восточныхъ отдѣловъ германскаго племени, — восточныхъ саксовъ и сѣверянъ, обитавшихъ за Эльбою. Въ разнообразныхъ военныхъ перипетіяхъ тѣхъ лѣтъ проявляется уже своеобразность этой борьбы: способъ веденія войны

¹⁾ Translat. s. Liborii c. 5.

Франками опредѣляется политической и соціальною культурою саксонскихъ племенъ. Общественный строй саксовъ находился тогда еще на ступени первобытной германской эпохи: племена распадаются на отдѣльные государства—округа (Gaustaaten), связанные между собою лишь слабою федеративною связью. Такимъ образомъ, Карль находился въ положеніи, подобномъ тому, въ которомъ находились полководцы имперіи во времена Августа: необходимо было въ каждомъ округѣ отдѣльно подавлять сопротивленіе, въ каждомъ округѣ отдѣльно обезпечивать миръ, и неудача хотя-бы въ одномъ изъ этихъ государствъ-округовъ обыкновенно вызывала въ покоренной уже мѣстности новое возстаніе. Болѣе благопріятствовало завоевателю соціальное положеніе народа. Изъ древне-германскихъ соціальныхъ группъ (дворяне, свободные, литы и не свободные) дворянство пріобрѣло у саксовъ почти исключительное значеніе; ему принадлежала почти вся поземельная собственность, а вмѣстѣ съ нею и право распоряжаться хозяйственными силами племени. Карль воспользовался этимъ положеніемъ для того, чтобы обезпечить за собою подчиненіе страны, связавъ обязательствами въ особенности дворянъ. Они должны были гарантировать исполненіе условій мира залогомъ своихъ имѣній; имъ передалъ король, при первой франкской организациі страны, графскія должности въ отдѣльныхъ округахъ (Gau).

Эта политика, въ связи съ энергичными военными дѣйствіями, уже въ 782 г. привела, казалось, къ полному покоренію страны; въ Саксоніи нѣсколько разъ собирались франкскіе государственные сеймы; главные вожаки возстанія, — нѣсколько дворянъ, между которыми выдается вестфалець Витекиндъ, — бѣжали въ Данію; зачатки христіанской миссіи въ довольно тщательно организованной формѣ охватывали уже, по меньшей мѣрѣ, Вестфалію. Новое законодательство ¹⁾ выдвинуло на первый планъ возстановленіе церковной власти и защиту духовенства, оно создало цѣлый рядъ церковныхъ дисциплинарныхъ предписаній для мірянъ, путемъ строгихъ постановленій заботилось о соблюденіи земскаго мира; оно пыталось уже ввести нѣкоторыя изъ франкскихъ правовыхъ нормъ и, въ согласіи съ созданною завоевателемъ политикою, продолжало покровительствовать дворянамъ ²⁾. Правда, карательныя постановленія закона отличались драконовскимъ характеромъ, первая ихъ часть почти не знаетъ другихъ наказаній, кромѣ смертной казни; слова: morte moriatur, carite ripietur, вѣчно повторяемая въ концѣ статей, производятъ удручающее впечатлѣніе. Но и право самого племени считалось, даже позд-

¹⁾ Capitulatio de partibus Saxoniae, MGLL. 2, 1, 68 и слѣд., согласно Боррецію, 775—790 г. по всей вѣроятности—отъ 782 г.

²⁾ Только дворяне уравниваются съ свободными франками. Car. Sax. § 1, ср. также Рихтгофенъ MGLL. 5, 85, примѣч. 4.

нѣе, чрезмѣрно строгимъ, и почти всегда можно было избѣгнуть смертной казни, покаавшись въ грѣхахъ передъ священникомъ или укывшись въ алтарѣ какого-либо изъ христіанскихъ храмовъ.

Но гордость племени возмущалась противъ новыхъ порядковъ. Въ 782 г. Витекиндъ вернулся изъ языческой Даніи, гдѣ сѣверогерманскія вѣрованія имѣли многія точки соприкосновенія съ отличнымъ по своему складу міромъ южныхъ германцевъ. Онъ призвалъ къ возстанію сѣверовосточныхъ саксовъ; вскорѣ возмущеніе вспыхнуло такъ и въ Вестфалии; отрядъ франкскаго войска, предводимый безпечными начальниками, былъ разбитъ у лѣснстаго Зюнтеля. Тогда Карлъ воспылялъ гнѣвомъ и жестоко отомстилъ за погибель своихъ франковъ. Вестфалы были вынуждены выдать вожаковъ возстанія, которые по королевскому повелѣнію всѣ были обезглавлены въ Верденѣ рукою палача.

Отъ этой расправы содрогнулся весь саксонскій народъ, и возстаніе въ 783 г. съ ужасающей силой охватило всю страну. Карлъ побѣдилъ близъ Детмольда энгровъ и у р. Гаазы вестфаловъ, пошелъ оттуда на Эльбу и приказалъ переселить непокорныхъ дворянъ въ провинціи франкскаго королевства.

Все было тщетно. Возмущеніе снова распространяется въ 784 г.: въ немъ принимаютъ участіе фризы, а тайные эмиссары древней религіи изъ Даніи раздуваютъ пламя сопротивленія. Карлъ увидѣлъ, что непосредственно, путемъ побѣды и завоеванія, овладѣть страной невозможно; ему казалось достаточнымъ доказать съ помощью ряда походовъ по странѣ, что франкское господство еще не сломлено и продолжаетъ существовать во всей своей силѣ; онъ оставался въ Саксоніи даже зимою съ 784 на 785 годъ, размѣстивъ войско въ баракахъ.

Замиреніе послѣдовало лишь въ 785 г.; но оно далеко еще не означало побѣды. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ явились Витекиндъ и Аббіонъ, знатнѣйшіе вожди возстанія; съ большою свитою, верхами, пріѣхали они во Францію для принятія крещенія, которое и было торжественнымъ образомъ совершено въ Агтиньи на р. Энѣ; воспріемникомъ былъ самъ Карлъ. Полудобровольно, путемъ договора, склонились саксы подъ кроткое владычество Христа и подъ суровое иго франкскаго короля; благодаря этому христіанская миссія дѣйствовала въ слѣдующіе годы въ Саксоніи не особенно успѣшно.

Такимъ образомъ, поколѣніе 773—785 гг. примирилось съ фактомъ покоренія страны и обращенія ея въ христіанство. Иначе думала молодежь послѣдующаго времени. Она паходила невыносимымъ франкское владычество и гнетъ церковной десятины; она ненавидѣла судебную власть и военную силу чужеземнаго короля. Опять вспыхнуло возстаніе. И этотъ послѣдній періодъ войны, продолжавшійся въ теченіи болѣе десяти лѣтъ, былъ завершеиъ при жизни

Карла. Кромѣ старыхъ средствъ, онъ теперь главнымъ образомъ пустилъ въ ходъ регулярную высылку мятежныхъ саксовъ, въ особенности дворянъ, во Франкское королевство, частью для постоянного ихъ водворенія а частью — въ качествѣ заложниковъ: такимъ образомъ, угрожавшее возстаніе лишилось своихъ вождей, а заложники по возвращеніи на родину распространяли славу великаго франкскаго государя и новую церковную культуру. Эта система еще въ 802—804 гг. въ самыхъ широкихъ размѣрахъ была примѣнена къ сѣверянамъ — за-эльбскимъ саксамъ. Громадное большинство изъ нихъ были отведены въ франкское королевство, а ихъ страна предоставлена была славянскому племени Абодритовъ. Эта мѣра должна была въ то-же время окончательно отдалить Данію отъ христіанской Саксоніи: это было послѣднимъ актомъ Карла В. въ дѣлѣ покоренія Саксоніи.

Приобрѣтеніе Баваріи можетъ считаться событіемъ, вполне соотносительнымъ завоеванію Саксоніи: лишь оба эти событія вмѣстѣ взятая сдѣлали возможнымъ наступленіе важнѣйшихъ политическихъ событій, — и прежде всего они подготовили возможность позднѣйшаго возникновенія восточно-франкской, а затѣмъ германской имперіи; какъ завоеватель Саксоніи и въ то-же время Баваріи, Карлъ Второй является основателемъ зачатковъ общегерманскаго государства и однимъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей, способствовавшихъ возникновенію германской національности.

Но какъ различно совершались событія въ Саксоніи и въ Баваріи! Тамъ мы видимъ всѣ героическія черты народной борьбы, напоминающей тѣ войны, которыя велись при Тиверіи, Друзѣ и Германикѣ; здѣсь, — частью дипломатическую, частью военную борьбу съ герцогомъ страны, рядъ дѣйствій, съ обѣихъ сторонъ носящихъ династическую окраску. Тамъ — самооборона народа, стояшаго еще на ступени первобытнаго общественнаго строя; здѣсь — упорство герцогскаго рода, который лучше всѣхъ герцогскихъ родовъ германскаго племени умѣлъ сохранить и расширить княжескую власть IV—VI вв.

Правда, въ первой половинѣ VIII в. власть баварскихъ герцоговъ пришла въ нѣкоторый упадокъ: организація церкви, какъ учрежденія независимаго отъ Рима, герцогамъ не удалась ¹⁾; нападенія съ франкскаго запада ослабили страну, и въ концѣ концовъ даже вынудили уступить сѣверный округъ, а съ юга, вторженіями лонгобардовъ, у герцогства была отнята долина р. Эча отъ Боцена до Мерана. Но въ правленіе Тассилона, начиная съ 748 г., наступилъ новый подъемъ силъ, сопровождавшійся фактическимъ отпаденіемъ отъ франкскаго королевства, несмотря на скрѣпленные клятвой вассальныя отношенія къ послѣднему. Тассилонъ вступилъ въ бракъ съ Лиут-

1) Ср. ч. I.

бергой дочерью лонгобардскаго короля, Деидерія, и, такимъ образомъ, получилъ обратно долину Эча. Далѣе, онъ съумѣлъ упрочить организованную, наконецъ, Бонифаціемъ церковь и пріобрѣсть нерушимую вѣрность важнѣйшей части баварской знати умно-разсчитанными милостями. А главное— онъ сильно расширилъ свое герцогство къ востоку.

Здѣсь послѣ ухода германцевъ постепенно проникли впередъ славяне, раздѣленные на свои маленькія племена или *жупы*; постепенно, мирнымъ путемъ они заняли какъ Богемію и Моравію, такъ, съ половины VI в., и окраины венгерской низменности, а также мѣстности между Савой и Дравой. Въ этотъ моментъ грозно пронеслось надъ ними завоевательное шествіе аваровъ: отъ Энса и альпійскихъ склоновъ до Зибенбюргепа, отъ Адриатики вплоть до Тюрингіи распространилось владычество этого пастушескаго народа. Но славянамъ мало повредило это событіе: подъ номинальнымъ господствомъ новыхъ властителей они все подвигались впередъ, въ страны нынѣшней Штиріи, въ Крайну и Каринтію, проникли и въ Далмацію, а въ началѣ VII в. въ ихъ руки попали даже часть городовъ, лежащихъ по берегамъ Адриатики. Между тѣмъ, государство аваровъ переживало эпоху своего высшаго расцвѣта: не позднѣе половины VII в. начался его упадокъ. Внутренніе перевороты и виѣшнія неудачи, несчастливья войны съ чешскимъ княземъ Само (Samo) на западѣ, съ расширившимся болгарскимъ царствомъ на востокѣ разрушали ихъ прежнее могущество; съ половины VIII в. господство аваровъ обнимало только славянъ, жившихъ у восточнаго края Альпъ: настало время для баварскихъ завоеваній.

И Тассиломъ отлично воспользовался положеніемъ вещей. Онъ съумѣлъ одинаково развить военную дѣятельность и христіанскую пропаганду; уже въ 772 г. каринтійцы считались зависимыми отъ Баваріи, послѣ того, какъ, въ 769 г. въ ихъ странѣ былъ основанъ монастырь Иннихенъ (Innichen); въ 777 г. аббатство Кремсминстеръ (Kremsmünster) было перенесено въ область устьевъ Энса, въ видахъ обращенія и покоренія славянъ, жившихъ между Дунаемъ и Энсомъ.

Это были такія проявленія возникавшаго могущества, которыя сами по себѣ уже побудили-бы Карла включить Баварію въ составъ франкскаго королевства, если-бы даже Тассиломъ, въ силу родства своего съ королевскимъ домомъ лонгобардовъ, и не показалъ себя упорнымъ врагомъ франкской политики въ Италіи. И не существовало развѣ законнаго повода для выступленія противъ Тассилона во всякое время? Герцогъ нарушилъ вѣрность вассала, въ которой клялся королю Пепину; поэтому когда Карль, около 781 г., настаивалъ на ея возобновленіи, это требованіе являлось самымъ умѣреннымъ. Правда, герцогу не принесло ни малѣйшей пользы то, что онъ, вѣроятно, противъ ожиданій Карла, возобновилъ присягу: шесть лѣтъ

спустя Карль съ тремя арміями выступилъ противъ него въ походъ. По сохранившимся преданіямъ нельзя указать съ полною ясностью, чѣмъ вызванъ былъ послѣдній; несомнѣнно одно, что Карль хотѣлъ погубить герцога. Поэтому, когда съ возобновленіемъ добровольнаго подчиненія герцога и страны исчезло дѣйствительное основаніе къ тому, чтобы превратить существовавшую вассальную зависимость въ полное подчиненіе, Карль возвратился къ старому обвиненію въ вѣроломномъ отказѣ отъ исполненія военныхъ обязанностей, — тому обвиненію, которое король Пепинъ съ полнымъ правомъ могъ бы выставить противъ Тассилона въ 763 г.; онъ арестовалъ герцога и его семью и заточилъ вмѣстѣ съ приверженцами въ монастырь.

Безпощадная энергія, съ которою Карль сломилъ самостоятельность баварскаго герцогства, нашла себѣ болѣе достойное примѣненіе при наступившей вслѣдъ за тѣмъ необходимости вновь упорядочить отношенія германскаго юго-востока. Баварія была организована по франкскому образцу, авары въ цѣломъ рядѣ битвъ доведены были почти до полного уничтоженія, и вскорѣ вся страна, начиная отъ Альпъ, между Дунаемъ и Дравой принадлежала франкскому королевству. Сверхъ того для округленія прибрѣтенныхъ владѣній приведены были въ нѣкоторую зависимость Богемія и Моравія и покорена Далмація.

Эти результаты, въ противоположность прежнимъ успѣхамъ славянъ, способствовали распространенію германства. Въ новыхъ маркахъ королевства огромныя пространства незанятой земли и лѣса были предоставлены епископствамъ зальцбургскому, пассаускому, регенсбургскому, фрейзингскому, а также значительнѣйшимъ аббатствамъ: повсюду возникали германскія помѣстья, хотя и обрабатывавшіяся рабочими силами, частью, иноплеменнаго состава. Кромѣ того, и простые люди свободнаго сословія тянулись въ новыя земли, хотя далеко не въ такомъ большомъ числѣ, какъ впоследствии на сѣверѣ, черезъ Заалу и Эльбу; постояннымъ отличительнымъ признакомъ нашей сѣверовосточной и юговосточной колонизаціи является именно то обстоятельство, что германскимъ происхожденіемъ могли хвалиться на югѣ только верхніе слои общества, на сѣверѣ же значительныя части всей массы населенія. Однако, незначительное германское вліяніе переселенія на югѣ, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени, было усилено воздѣйствіемъ въ германскомъ духѣ, оказаннымъ миссіей, особенно исходившей изъ Пассау и Зальцбурга. Въ общемъ, отнынѣ во всякомъ случаѣ для германизаціи открытъ былъ путь къ среднему Дунаю. И въ то время, когда на сѣверѣ германскіе поселенцы только начали свое энергичное движеніе впередъ, черезъ Эльбу и Одеръ, въ счастливые дни Штауфеновъ, изъ новой, восточ-

ной марки юга уже раздавались афоризмы Вальтера фонъ-деръ-Фогельвейде и нѣжныя пѣсни Рейнмара Стараго.

Такимъ образомъ, Карлъ не только подчинилъ германскія племена общей политической жизни въ суровой школѣ міроваго франкскаго государства, но и указалъ имъ, по крайней мѣрѣ на Дунаѣ, путь къ той великой колонизаціи востока, въ осуществленіи которой предъотдѣльными германскими племенами впервые была поставлена всеобъемлющая національная задача, и при исполненіи этой задачи ихъ кровь и ихъ нравы, смѣшавшись и очистившись, впервые слились въ истинно-національное цѣлое.

IV.

Міровое значеніе Карла В., естественнымъ образомъ, покоится на его связяхъ съ древними, всемірно историческими центрами господства на западѣ, — съ Италіею и Римомъ. Въ этой области Пепинъ не создалъ вполнѣ опредѣленныхъ отношеній. Папа ропталъ на то, что владѣнія св. Петра, дарованныя ему актомъ 754 г., частью находились еще подъ властью враждебныхъ лонгобардовъ; отношенія къ самому лонгобардскому королевству, правда, были опредѣлены мирнымъ договоромъ 756 г., но условія послѣдняго не вполнѣ соблюдались королемъ Дезидеріемъ.

При такихъ обстоятельствахъ отъ воли Карла зависѣло, построить ли дальнѣйшія отношенія на союзѣ съ папами, или на дружбѣ Лонгобардовъ. Всемірно-историческую важность получилъ тотъ фактъ, что Карлъ склонился на сторону всемірной власти, — въ пользу папства. Вслѣдствіе просьбъ папы Адріана, а также по многимъ личнымъ причинамъ, онъ напалъ на лонгобардское королевство, и лѣтомъ 774 г. послѣднее было уничтожено; Карлъ самъ принялъ званіе лонгобардскаго короля, и въ послѣдующіе годы, особенно на сеймѣ въ Мантуѣ 781 г., урегулировалъ политическое положеніе и соціальныя отношенія королевства.

Такимъ образомъ, съ 774 г. стояли лицомъ къ лицу папа и франкскій король, отнынѣ ставшій также властителемъ всей верхней и значительныхъ частей средней Италіи. Уже въ пасху 774 г., по случаю посѣщенія королемъ Карломъ Рима, папа попытался съ поразившею короля послѣдностью упорядочить взаимныя отношенія. Ему дѣйствительно, какъ будто удалось получить отъ Карла дарственную грамоту, которою, сверхъ всего, обѣщаннаго обязательствами 754 г., престолу св. Петра отдавались еще герцогства Сполето и Беневентъ, такъ что папство, казалось, возведено было на степень великой средне-италійской державы и поставлено на одинъ уровень съ лонгобардскимъ королевствомъ. Но въ слѣдующіе годы,

когда должно было наступить исполненіе обѣщаннаго грамотою, оказалось, что Карлъ ничего не зналъ о тѣхъ обширныхъ добавленіяхъ, которыя содержались въ ней, сравнительно съ актомъ 454 г.; между нимъ и папою началась полная раздраженія переписка, повлекшая за собою постоянно обострявшіяся недоразумѣнія. Всему этому Карлъ положилъ конецъ въ 781 г., окончательно урегулировавъ во время личнаго пребыванія въ Римѣ положеніе папства какъ въ самой Италіи, такъ и относительно франкскаго протектората надъ Римомъ. Курія вынуждена была отказаться отъ роли великой среднеиталійской державы; ей оставлены были только принадлежавшіе ей въ разныхъ мѣстахъ домены, а также владѣніе, на началахъ государственнаго права, римскимъ герцогствомъ и равеннскимъ экзархатомъ. Изъ протектората же своего надъ Римомъ Карлъ вывелъ право опредѣленныхъ воздѣйствій на выборы папы и на папское управленіе.

Такъ разсѣялись папскія мечты о всемірной политической власти, все болѣе сосредоточивавшіяся въ это время вокругъ туманной легенды, гласившей, что императоръ Константинъ, при перенесеніи императорской резиденціи въ Византію, подарилъ, будто-бы, западную міровую имперію римскому престолу: папа остался маленькимъ территоріальнымъ княземъ подъ франкскимъ верховенствомъ. Еще болѣе жестокія розочарованія пришлось пережить папѣ Адріану въ его отношеніяхъ къ государственной франкской церкви.

Еще Пепинъ старался по возможности устранить здѣсь папское вліяніе; Карлъ неуклонно слѣдовалъ по этому же пути и дошелъ до личнаго присвоенія высшей духовной власти. Не довольствуясь тѣмъ, что церкви франкскаго королевства управлялись совершенно самостоятельно, что епископы все болѣе вовлекались въ круговоротъ чисто-государственнаго управленія, что миссія въ Саксоніи и на баварскомъ юговостокѣ, — на этой нѣкогда столь преданной Риму германской почвѣ, — получили свою организацію отъ чисто-франкскаго государственнаго полновластія, король подчинилъ своему суду даже споры по догматическимъ вопросамъ. По дѣлу объ испанской Адоптіанской ереси ¹⁾ регенсбургскій синодъ 792 г. подъ предсѣдательствомъ

¹⁾ Сущность Адоптіанской ереси приводится къ слѣдующему: по толкованію архіепископа Толедскаго-Элипанда личность Христа создана предвѣчно, а не сотворена, изъ Существа Отца; если Христосъ, по Божественной природѣ своей Сынъ Божій, то по человѣческой природѣ своей онъ Сынъ Божій лишь милостию Божіей и усыновленіемъ, такъ что подчиняется Отцу. Однимъ изъ послѣдователей Элипанда былъ и епископъ Ургельскій Феликсъ: хотя Феликсъ на Регенсбургскомъ соборѣ 792 г. вынужденъ былъ отречься отъ своего ученія, но все же его отправили въ Римъ, гдѣ его держалъ папа Адріанъ въ заточеніи, пока онъ не поклялся въ вѣрности ортодоксальному ученію. Но въ Ургельсѣ онъ отказался отъ своего отреченія и бѣжалъ къ Сарацинамъ. И вотъ Карлъ,

Карла постановилъ обвинительный приговоръ прежде, чѣмъ высказался Римъ; но еще худшія испытанія выпали на долю папы въ событіяхъ византійскаго иконоборства. Въ восточной римской имперіи иконопочитательница императрица Ирина въ 782 г. созвала въ Никеѣ соборъ, на которомъ рѣшено было возстановить иконопочитаніе; папа на соборъ этомъ имѣлъ своего представителя, одобрилъ и подписалъ акты собора. Такое рѣшеніе совершенно противорѣчило намѣреніямъ Карла. Византія не разъ препятствовала ему въ его стремленіяхъ къ замиренію и расширенію его италіанскаго королевства, и онъ не былъ расположенъ оказывать содѣйствіе враждебному государству чрезъ посредство духовнаго персонала въ Римѣ. Онъ отдалъ приказъ выработать пространное опроверженіе никейскихъ постановленій, заставилъ торжественно принять это опроверженіе на соборѣ, созванномъ въ Франкфуртѣ въ 794 г., сопровождая его осужденіемъ византійско-папскаго ученія, и извлеченіе изъ него передалъ, въ формѣ государственнаго закона, папѣ для руководства. Въ то же время онъ продолжалъ выводить изъ своего протектората надъ Римомъ все новыя права; онъ порицалъ папу за симонію и вообще держалъ себя совершенно какъ духовный опекунъ куріи.

Положеніе Адріана было крайне тягостное ¹⁾; при всемъ своемъ умѣ и энергіи, что могъ онъ противопоставить всесильному франкскому королю? Онъ старался выиграть время и писалъ Карлу письма, въ которыхъ рѣзко звучатъ уже всѣ государственно-церковно-правовыя противорѣчія позднѣйшей эпохи, наполненной борьбою между императоромъ и папой; онъ возсылалъ молитвы о томъ, чтобы мысли короля перемѣнились. Такъ, безсильный, хотя лично почитаемый Карломъ, онъ и умеръ въ 795 г. Преемникъ же его, Левъ III, далеко не обладалъ достоинствами своего предшественника: человекъ, мелочный, корыстолюбивый, порочный, онъ былъ прогнанъ римлянами въ 799 г., причемъ онъ не сумѣлъ соблюсти даже внѣшнихъ формъ самостоятельности: онъ бѣжалъ во дворъ Карла Великаго.

Такимъ образомъ, къ концу вѣка франкская королевская власть достигла міроваго господства; опираясь на унію съ Италіей, она распо-

осудившій уже разъ эту ересь два года тому назадъ на Регенсбургскомъ соборѣ, приказалъ Франкфуртскому собору 794 г. вновь изслѣдовать этотъ вопросъ: опять ученіе было осуждено, ибо Соборъ нашелъ, что Богомъ усвоенна не человѣческая природа Христа, а человекъ, что человѣческую природу невозможно представить себѣ отдѣльно отъ Божественной природы.

Прим. перев.

¹⁾ Характерно то обстоятельство, что могъ возникнуть слухъ, будто старый король Мерсія, Оффа, далъ Карлу В. совѣтъ смѣстить Адріана и сдѣлать папою франка. *Cod. Carol.* 96, 784—791.

лагала нравственнымъ авторитетомъ вселенскаго римскаго владыки. Казалось, что осуществился тотъ идеаль, каторый нѣкогда начертанъ былъ Августиномъ въ его *Civitas Dei*: церковь разрослась въ царство Господа, духовная и свѣтская власть, наконецъ, соединились въ рукахъ одного богобоязненнаго властителя; настала долго-жданная эпоха новой могущественной имперіи; уже Карла привѣтствовали, какъ новаго Августа, и его почитатели называли его *excellencia imperialis*.

Въ то-же время казалось вѣроятнымъ, что у византійскаго государства будетъ отнята императорская корона. Съ восьмидесятихъ годовъ между восточнымъ императоромъ и франкскимъ королемъ стало проявляться постоянно возрастающее охлажденіе; съ 786 г. войска восточной имперіи вели несчастливья войны съ великимъ государемъ Гаруномъ - аль - Рашидомъ, политическимъ другомъ Карла; съ 789 г. страну угнетали войны съ болгарскимъ царствомъ. Къ этому присоединилось еще то, что изъ хаоса внутреннихъ дворцовыхъ революцій въ концѣ концовъ въ качествѣ самодержавной императрицы появилась женщина, Ирина; это было неслыханнымъ событіемъ: казалось, что корона императоровъ осиротѣла, потому что до сихъ поръ она всегда была соединена съ мужскою силой.

Въ этотъ моментъ, около конца вѣка, Карлъ находился въ Римѣ. Величественные памятники прошлаго внятно говорили ему и его свитѣ о временахъ императоровъ; рѣшимость восстановить имперію являлась естественнымъ выводомъ изъ существовавшаго положенія. Тогда-то Левъ III, этотъ слабый папа, только что возвращенный въ Римъ при помощи оружія Карла, возложилъ на голову франкскаго короля императорскую корону. Изъ круга людей, близкихъ къ Карлу, дошло до насъ извѣстіе, что для послѣдняго поступокъ папы былъ неожиданный и непріятно его поразилъ. Безъ сомнѣнія, поступокъ этотъ явился тормазомъ въ собственныхъ планахъ Карла, касавшихся возстановленія имперіи.

Но Карлъ былъ не такой человекъ, чтобы предаваться мелочной досадѣ. Если папа хотѣлъ показать зависимость императорскаго достоинства отъ духовной власти, именно тѣмъ, что приписывалъ ему духовный характеръ, — то Карлъ воспользовался этимъ самымъ новымъ своимъ достоинствомъ для созданія франкской теократіи, для полнаго перенесенія папскаго авторитета въ сферу императорскихъ полномочій. Съ такою-же увѣренностью и терпѣніемъ съумѣлъ онъ достигнуть соглашенія съ Византіей. Послѣ нескончаемыхъ, переговоровъ, сопряженныхъ съ массою случайностей и послѣ продолжительной борьбы онъ склонилъ таки надменныхъ въ своей нищетѣ восточныхъ императоровъ признать за нимъ титулъ царя (*Basileus*), и въ радостной увѣренности, что рядомъ съ восточною имперіей оставилъ *imperium occidentale*, онъ сошелъ въ могилу.

Эта всемірная политика, въ томъ видѣ, какъ ее создалъ Карлъ,

имѣла безконечную важность для Европы; и даже по отношенію къ нашему народу значеніе этой политики почти равносильно значенію германской политики Карла. Это можно сказать, даже оставивъ въ сторонѣ то обстоятельство, что каролингская имперія стала внослѣдствіи оттоновскою, германскою. Тѣ внѣшнія формы имперіи, которыя перенесены при этомъ на нашу націю, претерпѣли при этомъ измѣненія во внутреннемъ своемъ строеніи; лишь титуломъ и внѣшними знаками своего достоинства германскіе императоры (Kaiser) напоминаютъ императоровъ (Imperatoren) каролингскаго дома. Гораздо важнѣе то, что тѣсное сліяніе германскаго и антично-христіанскаго элементовъ, составлявшее существеннѣйшую задачу міроваго франкскаго государства, могло быть осуществлено лишь посредствомъ возстановленія имперіи. Карль хорошо понялъ это. Съ рѣдкою ясностью пониманія держался онъ на нейтральной высотѣ надъ христіанствомъ, античнымъ міромъ и германскою народностью; именно потому, что онъ призналъ и выдвинулъ на надлежащее мѣсто преимущества каждаго изъ этихъ элементовъ, какъ-бы воплотивъ ихъ въ себѣ, онъ и сдѣлался основателемъ и первообразомъ культуры среднихъ вѣковъ и новаго времени.

Не менѣе важенъ, хотя и болѣе преходящъ былъ тотъ фактъ, что Карль, стоя на точкѣ зрѣнія королевской и императорской теократіи, принудилъ церковь служить себѣ. Теперь онъ могъ заняться борьбой съ своеволіемъ свѣтскаго дворянства; положеніе его, ставшее, такимъ образомъ, независимымъ, дало ему возможность позаботиться о среднихъ и низшихъ классахъ, именно тогда подвергавшихся угнетенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ его рукахъ королевская власть, впервые въ нашей исторіи, получила характеръ такой же соціальной власти, какъ и любая изъ монархій позднѣйшихъ временъ: онъ съумѣлъ подчинить своей волѣ и расчленилъ націю въ соціальномъ и экономическомъ отношеніи; только благодаря этому его правительственный геній имѣлъ возможность развернуть обширныя государственныя силы; достигнуто было невиданное доселѣ политическое могущество, временно установлена была необыкновенная гармонія величайшихъ государственныхъ интересовъ.

Конечно, такая гармонія была лишь эпизодомъ. Карль не окончательно побѣдилъ существовавшія хозяйственныя и соціальныя затрудненія; онъ задержалъ только ихъ развитіе; и въ концѣ концовъ они все-таки погубили каролингское государство ¹⁾. Но послѣ смерти Карла на первый планъ выдвинулись тотчасъ же совершенно иные вопросы.

¹⁾ Подробности см. ниже, гл. III этой книги.

У.

Преемникъ Карла Людовикъ былъ самымъ младшимъ изъ сыновей императора и менѣе всего рожденнымъ для власти. Однако, его правленіе, по крайней мѣрѣ въ началѣ, приняло дѣятельный характеръ, и тотчасъ-же поставило на очередь вопросъ, несомнѣнно, настоятельно требовавшій разрѣшенія, — вопросъ о порядкѣ престолонаслѣдія.

Порядокъ престолонаслѣдія у Меровинговъ былъ тотъ самый, который устанавливался общимъ наслѣдственнымъ правомъ франковъ: наслѣдство дѣлилось поровну между одинаково-близкими наслѣдниками, причемъ, однако, все наслѣдственное имѣніе въ своей совокупности управлялось по возможности всѣми наслѣдниками сообща. Родъ Каролинговъ, въ существенныхъ чертахъ, удержалъ эти воззрѣнія. Если, несмотря на то, государственное единство было еще сохранено, то оно этимъ обязано было лишь счастливымъ случайностямъ и временнымъ нарушеніямъ наслѣдственного права.

Но теперь идея новой имперіи необходимо требовала установленія наслѣдованія единымъ властителемъ. Къ подобному заключенію вынуждали и церковные интересы. Церковь, это единое тѣло, при каждомъ раздѣлѣ государства должна была нести матеріальныя потери. Еще сильнѣе долженъ былъ отражаться на ней, какъ на величайшей нравственной силѣ, каждый моментъ нравственного упадка, съ которымъ неизбежно сопряжено разрушеніе государства: поэтому уже въ эпоху первыхъ меровинговъ она поддерживала всѣ централистическія стремленія, и еще до 638 г. собирала обще-государственные соборы. Такимъ образомъ, всѣ традиции высокой древней культуры, церкви и имперіи одновременно требовали установленія права первородства.

Но уже при Карлѣ В. установился обычай, дальнѣйшее развитіе котораго могло привести къ примиренію противоположныхъ германскихъ и антично-христіанскихъ воззрѣній. Карлъ роздалъ своимъ сыновьямъ Италію, Аквитанію и Баварію, какъ до нѣкоторой степени самостоятельныя государства, состоящія подъ его верховенствомъ. Нельзя-ли было поставить въ подобное-же положеніе и младшихъ братьевъ будущаго единовластителя по праву первородства?

Въ этомъ смыслѣ и былъ изданъ Людовикомъ, по соглашенію съ государственнымъ собраніемъ, семейный законъ 817 г. Старшій сынъ императора, Лотарь, былъ коронованъ императорскимъ вѣнцомъ и сдѣланъ соправителемъ отца, младшіе-же сыновья, Людовикъ и Пепинъ, были назначены, подъ верховенствомъ отца, королями Баваріи и Аквитаніи. Послѣ смерти отца они должны были оставаться въ такомъ-же отношеніи къ Лотарю, какъ властителю надъ всѣмъ го-

сударствомъ; при полной свободѣ внутренняго управленія, они должны были быть въ зависимости отъ него въ веденіи внѣшней политики и военныхъ дѣлъ.

Такое разрѣшеніе будущихъ затрудненій казалось довольно удачнымъ. Къ сожалѣнію вскорѣ обнаружилось, что оно вызвано было исключительно клерикальными вліяніями при дворѣ. Самъ императоръ очень рано выказалъ себя человѣкомъ безпристрастнымъ и радушнымъ, преданнымъ лишь внѣшнему благочестію, склоннымъ рѣзко выставить на видъ свой санъ, но чуждымъ болѣе возвышенныхъ идеаловъ и совершенно лишеннымъ того энергическаго сознанія власти и долга, которое было присуще его отцу; неспособнымъ къ усидчивому труду, поработеннымъ страстью къ чувственнымъ наслажденіямъ, къ охотѣ и рыбной ловлѣ.

Такимъ образомъ, духовенство вскорѣ овладѣло внутреннею политикой, между тѣмъ какъ самъ Людовикъ, ревниво оберегая во внѣшнихъ отношеніяхъ свое право принимать рѣшенія единолично, тѣмъ не менѣе, благодаря своей нерѣшительности и вялости, на всѣхъ угрожаемыхъ границахъ государства, у устьевъ Эльбы, какъ и въ Бретани, въ испанской, какъ и въ аварской маркѣ, терпѣлъ неудачи. И все-таки государство, даже послѣ смерти Карла V., сохраняло въ себѣ задатки непрерывнаго дальнѣйшаго роста, являясь на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ представителемъ христіанской пропаганды, на юго-востокѣ противникомъ Византіи, на югозападѣ борцомъ противъ Ислама, — вообще, противникомъ какъ азіатскаго, такъ и европейскаго, міроваго владычества востока.

Во внутреннихъ дѣлахъ главнымъ совѣтникомъ императора былъ въ особенности аббатъ Бенедиктъ Аніанскій, страстный реформаторъ, родомъ изъ жаркой Аквитаніи, которому Людовикъ, вблизи ахенскаго Пфальца, въ Корнелиминстерѣ, въ тѣни лѣсовъ, построилъ монастырь. По его внушенію во всѣхъ аббатствахъ государства вновь введенъ былъ бенедиктинскій уставъ, пока, наконецъ, и капитулы канониковъ не сдѣлались монашескими.

Но духовенство не довольствовалось тѣмъ, что руководило церковью по своему желанію: оно получило власть и надъ законодательствомъ государства. Это обнаружилось уже въ ахенскихъ капитуляріяхъ 819 г. Они внесли, правда, существенныя улучшенія въ свѣтское уголовное и процессуальное право, но прежде всего ими были возвѣщены первыя серьезныя мѣры для освобожденія господствующей церкви отъ государства: цѣлость церковныхъ имѣній обезпечивается закономъ, предписывается свободное каноническое избраніе епископовъ, священники отдаются въ полное распоряженіе епископской власти. Духовенство и формально обособилось уже отъ государства: императоръ болѣе не осмѣливался распоряжаться епископами; един-

ственное, что они обѣщали, это — добросовѣстно исполнять, по его скромному напоминанію, свои обязанности относительно государства.

Пять лѣтъ спустя, политика императора, слабая и презираемая изнѣ, во внутреннихъ дѣлахъ вполне подчинилась клерикальнымъ вліяніямъ. Уже въ 825 г. дошло до того, что императоръ отождествилъ старые округа королевскихъ комиссаровъ, — тѣхъ высшихъ чиновъ государственнаго надзора, которые были учреждены Карломъ, — съ архіепископскими округами и въ королевскіе комиссары по каждому округу сталъ назначать каждый разъ, рядомъ съ графомъ, и мѣстнаго архіепископа: такимъ образомъ, высшая должность въ государственной администраціи на-половину, если не болѣе, была отдана въ руки церкви.

Но вотъ что было еще хуже: новый порядокъ не оправдалъ ожиданій. Духовенство, сдѣлавшись господствующимъ классомъ, стало обнаруживать болѣе, чѣмъ когда-либо, нестерпимое высокомеріе; оно начало надать нравственно и утратило сознаніе долга въ отношеніи къ государству. Отношенія центральной политической власти къ странѣ расшатались, недовольство расло, эксплуатація низшихъ классовъ господствующими достигла размѣровъ тѣмъ болѣе грозныхъ, что то была эпоха ужасныхъ соціальныхъ переворотовъ; народъ повсюду громко требовалъ реформъ и улучшеній.

Епископы истолковывали императору это настроеніе по своему: они говорили, что государство идетъ назадъ, что императору слѣдовало бы работать соотвѣтственно своимъ обязанностямъ вмѣсто того, чтобы охотиться и предаваться мечтамъ, — и что прежде всего онъ долженъ чтить Господа въ лицѣ его священнослужителей.

Людвигъ смутно сознавалъ, что что-то должно случиться. Такъ, онъ прежде всего назначилъ трехдневный постъ на всемъ протяженіи королевства, и затѣмъ созвалъ, къ концу 828 г., группу довѣренныхъ людей въ Ахенъ. Плодомъ ихъ совѣщаній были два циркуляра, наполненные громкими фразами и недостойными самообличеніями царствовавшаго монарха; ясностью отличалось лишь распоряженіе, согласно которому четыре собора должны были заняться подробнымъ обсужденіемъ государственныхъ нуждъ: повидимому, и преобразования и управленіе предоставлялись духовенству.

Изъ постановленій этихъ четырехъ соборовъ намъ извѣстны только парижскія. Въ осторожной, умѣренной формѣ они выставляютъ на видъ безусловное главенство церкви и духовенства надъ всякимъ государственнымъ порядкомъ; кромѣ нѣкоторыхъ специальныхъ мѣръ, они считаютъ альфой и омегой всякой государственной реформы дальнѣйшій ростъ церковнаго авторитета и, главнымъ образомъ, почетное положеніе епископовъ. Такое направленіе политики шло совершенно въ разрѣзъ съ франкскимъ государственнымъ строемъ и съ соціальной нуждой народа; но духовенство съ увѣренностью

ожидало, что на ближайшемъ, вормскомъ сеймѣ, въ 829 г., это направленіе воплотится въ прочныя формы имперскаго закона.

Трудно описать удивленіе епископовъ, когда изъ всего этого ничего не вышло. Вормскій капитулярій содержалъ нѣсколько жалкихъ зачатковъ соціальной и истинно-церковной реформы, но о законодательномъ провозглашеніи торжества церкви надъ государствомъ не было и рѣчи.

Откуда благочестивый императоръ почерпнулъ мужество и пронизательность, чтобы воспротивиться всеильному вліянію духовенства?

Въ 818 г. умерла императрица Ирмгарда, подарившая Людовику трехъ сыновей, Лотаря, Людовика и Пепина. Духовенство, хорошо знавшее чувственыя наклонности императора, позаботилось о скорѣйшемъ вступленіи его въ новый бракъ; и, спустя всего нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Ирмгарды, Людовикъ женился на Юдиѳъ, дочери алеманнскаго графа, Вельфа.

Юдиѳъ — первый членъ вельфскаго рода, сыгравшій въ судьбахъ нашего народа роковую цѣль. Необыкновенно красивая, по единогласному свидѣтельству и друзей и враговъ, властолюбивая и эгоистичная до неспособности даже признавать чужое право, — эта мужественная женщина вступаетъ въ исторію рука объ руку съ нерѣшительнымъ императоромъ. Въ 823 г. она родила императору мальчика Карла; съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній началъ приходить въ возрастъ, единственною мыслью, наполнившею ея существованіе, сдѣлалось ненасытное стремленіе увидѣть своего сына обладателемъ государства, которому принадлежало-бы больше земли и людей, чѣмъ обѣщано было его взрослымъ братьямъ.

Но этому препятствовали клятвенно-утвержденный семейный законъ 817 г. и интересы духовенства. Юдиѳъ объ этомъ, однако, мало заботилась. Прежде всего, вѣроятно, она побудила императора къ разрыву съ духовенствомъ, — чѣмъ и объясняется отклоненіе епископскихъ требованій въ 829 г. Почти одновременно съ этимъ императоръ собственною властью издалъ эдиктъ, которымъ жаловалъ маленькому Карлу Алеманнію, родину императрицы, а также Эльзасъ, Рецію и нынѣшнюю романскую Швейцарію; это было уже нарушеніе семейнаго закона 817 г.

Этими событіями открывается ужасное десятилѣтіе борьбы за имперію и ея части между императоромъ, императрицею и сыновьями отъ перваго и отъ втораго брака. Мы не станемъ вдаваться въ запутанныя подробности этихъ раздоровъ, въ которыхъ первоначальныя, фактическія, исходныя пункты; узурпаторскія наклонности духовенства, стремленіе свѣтской знати къ партикуляризму, а также направленные иногда къ общему благу усилія тѣльныхъ личностей — особенно Людовика Нѣмецкаго, — все утонуло въ дикомъ разгулѣ эгоистическихъ инстинктовъ. Очень скоро сдѣлалось ясно, что только

смерть императора можетъ положить конецъ бѣдствію; Людовикъ умеръ лѣтомъ 840 г.

Съ тѣхъ поръ сыновья одни стояли другъ противъ друга. Однако, и теперь еще потребовалось больше трехъ лѣтъ борьбы прежде, чѣмъ достигнуто было соглашеніе. Наконецъ, вердюнскимъ договоромъ (августъ 843 г.) оно было установлено, по настоянію знати, утомленной войнами, и въ противность, главнымъ образомъ, желанію Лотаря, который до послѣдней минуты старался сохранить верховныя права принадлежащей ему императорской власти и идею общефранкскаго государства.

Вердюнскій договоръ навсегда разрушилъ внѣшнее, чисто-формальное единство общефранкской имперіи Каролинговъ. Съ тѣхъ поръ она распалась на три части: Карль получилъ западно-франкское королевство, Людовикъ восточно-франкское и Лотарь промежуточную область, — Бургундію, Провансъ и Италію; четвертый братъ, Пепинъ, умеръ до раздѣла. Въ частности, восточно-франкское королевство, переходная ступень къ германскому государству, обнимало почти всю страну вправо отъ швейцарскаго Аара и отъ Рейна, на лѣвомъ-же берегу Рейна въ составъ его входили только нынѣшній Пфальцъ и рейнскій Гессенъ, тогда какъ южнѣе Бонна, начиная отъ Синцига, граница лотарингскаго королевства уже переходила на правый берегъ Рейна и затѣмъ, отклонившись на нѣсколько миль вглубь страны, вправо отъ Рейна, достигала приблизительно нынѣшней голландской границы, шла вдоль послѣдней и, сдѣлавъ поворотъ къ Бремену, оканчивалась у Везера и Сѣвернаго моря. Стало быть, восточно-франкское королевство по вердюнскому договору отнюдь не обнимало всей совокупности германскаго народа: цѣликомъ входили сюда только баварцы и саксонцы, служившіе оплотомъ восточной германской границы противъ славянъ; затѣмъ около одной пятой алеманновъ, — населеніе Эльзаса, — и почти половина франковъ находилось внѣ предѣловъ новаго королевства, а фризы были совершенно исключены изъ него. Присоединеніе франковъ и фризовъ вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ Лотарингіи составляетъ заслугу Людовика Нѣмецкаго и его потомковъ: съ точки зрѣнія территоріальныхъ пріобрѣтеній исторію восточно-франкскаго королевства въ IX в. отнюдь нельзя считать эпохою упадка, а эпохой медленнаго и постепеннаго развитія.

Этому, конечно, вполне соотвѣтствовалъ тотъ фактъ, что втеченіе IX в. старое имперское единство совершенно распалось.

Правда, и вердюнскимъ договоромъ отнюдь еще не устранялось понятіе единой имперіи: братья обѣщали дружно содѣйствовать, посредствомъ періодическихъ съѣздовъ, порядку въ веденіи общихъ дѣлъ, поддержанію «братства». Однако, возможно ли было возстановить идеальный порядокъ совмѣстнаго правленія послѣ всѣхъ вѣ-

реломствѣ прошлаго? Къ тому-же, споры о престолонаслѣдіи вскорѣ положили конецъ съ такимъ трудомъ возстановленному согласію.

Въ 855 г. императоръ Лотарь умеръ, презираемый міромъ, находясь на покаяніи въ почтенномъ семейномъ аббатствѣ Каролинговъ, Примъ (Prüm), въ уединеніи эйфельскихъ лѣсовъ. Онъ оставилъ каждому изъ трехъ своихъ сыновей по одной части своего государства: энергичному Людовику II—Италію, Карлу — Бургундію и Провансъ, и, наконецъ, Лотарю II—сѣверную треть, страну франковъ и фризавъ, названную Лотарингіей. Въ лицѣ Лотаря II Лотарингія, которой, въ силу ея положенія, суждено было сдѣлаться яблокомъ раздора между западною и восточною линіями каролингской династіи, получила государя, обладавшаго въ усиленной степени дурными качествами своего отца. Его отношенія къ женщинамъ развратили и свѣтское дворянство и духовенство; когда, запятанный клятвопреступленіемъ противъ своей страны и строго-нравственнаго папы, Адріана II, онъ, въ 869 г., скоропостижно умеръ, вопросъ о престолонаслѣдіи казался, вслѣдствіе его запутанности, совершенно неразрѣшимымъ.

Тотчасъ-же оба дяди, восточно-франкскій и западно-франкскій, съ одинаковою алчностью набросились на открывшееся наслѣдство. Сначала Карлу Лысому удалось опередить Людовика Нѣмецкаго: онъ успѣлъ короноваться въ Мецѣ, какъ лотарингскій король, и въ императорскомъ Ахенѣ принялъ отъ знати присягу въ вѣрности. Но ему не удалось удержать всю добычу: Людовикъ Нѣмецкій грозилъ войною, и по договору, заключенному въ Мерсенѣ въ 870 г., страна была раздѣлена.

Но этотъ раздѣлъ между восточно-франкскимъ и западно-франкскимъ королевствами не былъ окончательнымъ. Когда Людовикъ Нѣмецкій, въ 876 г., скончался, раздѣливъ восточно-франкское королевство между тремя своими сыновьями, Карломаномъ, младшимъ Людовикомъ и Карломъ, тогда Карлъ Лысый, послѣдній изъ сыновей благочестиваго императора Людовика, оставшійся въ живыхъ, рѣшилъ, что настало время присоединить всю Лотарингію къ западному королевству. Но въ лицѣ Людовика Младшаго онъ неожиданно встрѣтилъ сильнаго противника. Лично трусливый и неспособный къ сколько-нибудь продолжительному сопротивленію, онъ былъ разбитъ при Андернахѣ и бѣжалъ къ себѣ на родину, на западъ. Вскорѣ послѣ того, въ 877 г., онъ умеръ. Тогда въ западно-франкскомъ королевствѣ наступили смуты, во время которыхъ Людовикъ Младшій одною партіей знати былъ призванъ въ страну, въ качествѣ западно-франкскаго короля. И если ему не удалось возстановить подъ своимъ скиптромъ обще-франкскую имперію, то все-таки, какъ-бы въ вознагражденіе за это, онъ приобрѣлъ, въ 890 г., ту часть Лотарингіи,

которая по мерсенскому договору еще оставалась западно-франкскою областью.

Это событіе имѣло для германской исторіи рѣшающее значеніе. Отнынѣ къ восточно-франкскому, германскому государству принадлежала, начиная отъ сѣверной Бургундіи, вся страна, лежащая на востокъ отъ Мааса, и сверхъ того, къ западу отъ его верхняго теченія, полоса, шириною въ нѣсколько миль, а также къ западу отъ нижняго теченія вся земля до Шельды. Это—западная граница германской имперіи въ средніе вѣка; она обнимаетъ еще французскій Вердюнь, охватываетъ весь богатый Брабантъ, даже нѣкоторыя части сѣверо-восточной Фландріи и, въ противность прежнему разграниченію, передвигаетъ стратегическую позицію имперіи противъ Франціи отъ Рейна къ Маасу; граница эта въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій обезпечивала Германію въ военномъ отношеніи.

Само собою было понятно, что западно-франкскіе государи долго еще будутъ стремиться къ покоренію Лотарингіи; окончательно присоединилъ ее къ имперіи лишь король Генрихъ I. Но эта долговременная борьба фактически дѣлала уже болѣе, чѣмъ сомнительною старую каролингскую федерацію, формально еще продолжавшую существовать. Она была уничтожена формальными отношеніями западнаго и восточнаго королевствъ къ императорскому сану.

Послѣ смерти Лотаря I императорское достоинство перешло къ его старшему сыну, Людовику II, королю Италіи: названіе императора уже сдѣлалось титуломъ государя одной страны, хотя мысль Людовика обнимала всѣ франкскія государства и самъ онъ съ достоинствомъ носилъ корону. Въ 875 г. Людовикъ умеръ. Тогда между Карломъ Лысымъ Французскимъ, и Людовикомъ Нѣмецкимъ началось изъ-за императорской короны то-же соперничество, которое въ Лотарингіи уже привело къ вѣчному разладу между братьями. Здѣсь также рѣшительный и недобросовѣстный Карлъ предупредилъ своего болѣе стойкаго, но болѣе медлительнаго брата; съ 876 г., когда Людовикъ Нѣмецкій скончался, Карлъ безпрепятственно носилъ императорскій титулъ до своей смерти въ 877 г.

Когда перемерли сыновья Людовика Благочестиваго, какъ въ западномъ, такъ и въ восточномъ королевствѣ настали мрачныя времена внутреннихъ смуть и нападений извнѣ, со стороны славянъ, норманновъ и сарацинъ. Сравнительно мирно сложились обстоятельства въ восточно-франкскомъ королевствѣ, потому что изъ трехъ сыновей Людовика Нѣмецкаго Карломанъ и Людовикъ были лучшими государями. Но оба они, такъ-же, какъ братъ ихъ, Карлъ, съ дѣтства страдавшій эпилепсіей, унаслѣдовали отъ матери эту ужасную болѣзнь; рано поразило ихъ страданіе мозга; во цвѣтѣ лѣтъ, въ 880 г., умеръ Карломанъ, въ 882 г. — Людовикъ. Такимъ образомъ, восточно-франкское королевство досталось вѣчно мучившемуся головными бо-

лями Карлу III, и, по злой прихоти судьбы, этот третий Карль, коронованный въ императоры папою Иоанномъ VIII, и призванный западно-франкскою знатью, за отсутствіемъ взрослыхъ потомковъ западной линіи, на западно-франкскій престолъ, — еще разъ, втеченіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ (884—888 г.) дрожавшею рукою управлялъ соединеннымъ государствомъ своего прадѣда. Міровое господство вѣнцѣноснаго эпилептика не было, однако же, лишено значенія. Въ лицѣ Карла впервые сдѣлался императоромъ восточный франкъ. И этимъ воспользовался преемникъ Карла.

Когда изъ рукъ почти помѣшаннаго Карла стало ускользать кормило власти, имъ насильственно овладѣлъ Арнульфъ Каринтійскій, незаконный сынъ Карломана. Это произошло съ вѣдома и согласія восточно-франкскихъ сановниковъ, избравшихъ его въ 887 г. во Франкфуртѣ королемъ.

Этотъ актъ прежде всего означалъ отказъ отъ присущихъ до того Каролингамъ легитимистическихъ принциповъ; тотчасъ-же и въ другихъ мѣстахъ, — въ западной Франціи, въ верхней Бургундіи, въ Италіи, — стали появляться государства, вполне или отчасти построенныя на узурпаціи. Но и этотъ фазисъ развитія еще не окончательно уничтожилъ каролингскую федерацію.

Рѣшающимъ событіемъ было лишь возведеніе Арнульфа въ императорскій санъ, котораго онъ, послѣ ряда неудачныхъ попытокъ, добился, наконецъ, въ 895 г. Это былъ послѣдній успѣхъ челоуѣка, до тѣхъ поръ отличавшагося изумительною энергіей: вскорѣ, однако, императорская корона стала слишкомъ тяжела для утомленной головы, и Арнульфа тоже поразила страшная наследственная болѣзнь германскихъ Каролинговъ.

Въ то-же самое время въ западно-франкскомъ королевствѣ законному отпрыску Каролинговъ, Карлу Простому, удалось вытѣснить тамошняго короля, Одона, пользовавшагося поддержкою магнатовъ, и утвердиться на его мѣстѣ. Долженъ-ли былъ онъ послѣдовать предписанію стараго имперскаго закона и свое королевство, добытое цѣною усилій, подчинить, какъ составную часть имперіи, императорскому скипетру Арнульфа, полумертваго каролингскаго ублюдка? Карль отказался признать вассальную зависимость отъ императорской власти Арнульфа, и организація міровой каролингской имперіи была окончательно разрушена.

А вмѣстѣ съ тѣмъ и восточно-франкское, германское королевство выступило изъ того соединенія, которому оно до тѣхъ поръ было обязано всѣми импульсами въ области государственно-правовыхъ отношеній, въ особенности способствовавшими слянію различныхъ его племенъ; возникъ вопросъ: самобытно-ли найдетъ оно путь къ единству и величію, или останется участникомъ въ развитіи общей западной культуры? Если исторія послѣдующихъ вѣковъ отвѣтила на

этотъ вопросъ утвердительно, то этому, можетъ быть, менѣе способствовало вліяніе каролингскаго государственнаго строя, чѣмъ тѣ блестящіе результаты, которые новая духовная культура каролингской эпохи не переставала производить еще втеченіе всего IX и даже значительной части X в.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Каролингское возрожденіе.

I.

Послѣ возстанія парижской коммуны въ 1871 г. среди развалинъ сожженной ратуши была найдена бронзовая статуэтка вышиною не болѣе $\frac{1}{4}$ метра, не особенно казистая по ея ветхости и разрушенію многихъ ея частей. Ближайшее изслѣдованіе установило съ несомнѣнностью, что эта статуэтка представляетъ единственное, дошедшее до насъ, достовѣрное изображеніе Карла Великаго.

Статуэтка изображаетъ императора верхомъ, совершенно въ родѣ тѣхъ античныхъ конныхъ статуй, о которыхъ даетъ представленіе статуя Марка Аврелія въ Капитоліи. На сильномъ конѣ спокойно и величаво сидитъ Карлъ, въ національной государственной одеждѣ, описанной его біографомъ, Эйнгардомъ. Ноги обуты въ башмаки, украшенные драгоценными камнями, икры обвиты крестообразно положенными повязками, характерною принадлежностью франкскаго одѣянія; съ плеча складками ниспадаетъ плащъ, покрывающій кафтанъ, бедра и перевязь меча; голова увѣнчана золотымъ обручемъ, богато отдѣланнымъ драгоценными камнями и жемчугомъ. Лѣвая рука, протянутая впередъ, плотно охватываетъ державу; правая, вѣроятно, держала нѣкогда королевское копье. Все въ массивномъ тѣлѣ дышетъ силой; поставленный рядомъ съ лошадыю, всадникъ былъ-бы двумя головами выше ея.

У этого могучаго тѣла была величественная голова. Императоръ, привыкшій къ власти, величественнымъ взоромъ смотритъ въ даль, такъ что короткій затылокъ, характеризующій Карла по свидѣтельству другихъ источниковъ, при откинутой назадъ головѣ выдается еще сильнѣе. Глаза большіе и подъ ними выступаетъ круто изогнутый носъ, короткая верхняя губа покрыта большими усами, нижняя часть лица оканчивается подбородкомъ, который всего проще можно

назвать бисмарковскимъ, до такой степени напоминаетъ онъ творца ново-германскаго единства. Наконецъ, съ колоссальной, почти совершенно круглой головы, ниспадають со всѣхъ сторонъ искусственно завитые волосы, сдерживаемые лишь золотымъ обручемъ.

Этотъ вѣнценосный всадникъ—воплощеніе силы и ума; это тотъ франкъ, который безъ долгихъ колебаній вскочилъ на коня римскихъ императоровъ.

Въ позднѣйшія времена объ императорѣ сложилось совершенно иное представленіе.

Когда Дюреръ получилъ отъ своего родного города порученіе написать императоровъ Сигизмунда и Карла Великаго, онъ, основываясь на воззрѣніяхъ позднѣйшей эпохи среднихъ вѣковъ, создалъ идеальный образъ, въ большинствѣ случаевъ сохраняющій еще свое очарованіе даже надъ нами. Императоръ представленъ не въ расцвѣтѣ дѣятельной энергіи: мы видимъ передъ собою уже всевластнаго старца; изъ подъ исторической императорской короны ниспадають длинныя пряди волосъ, соединяясь съ роскошными волнами выхоленной окладистой бороды; губы имѣють повелительное выраженіе; удлинненный носъ тонокъ; взглядъ полонъ кроткой мудрости и патріархальной доброты; изборожденный морщинами лобъ свидѣтельствуеетъ о жизненномъ опытѣ, богатомъ терпѣніемъ и надеждою. Но туловище императора почти совершенно исчезаетъ подъ бременемъ тѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ регалій, которыя втеченіе слишкомъ пятисотъ лѣтъ нагромождались въ обрядѣ коронованія у римскихъ императоровъ германской націи.

Какъ не различны между собою тѣ два взгляда на личность Карла, изъ которыхъ одинъ нашелъ себѣ выраженіе въ парижской статуэткѣ, а другой въ Дюреровомъ портретѣ, — оба они основаны на правильной исторической оцѣнкѣ личности Карла. Государь, изображаемый конною статуей, это — франкскій король, который среди восхищенныхъ ликованій современниковъ покорилъ міръ; государь, изображенный на картинѣ Дюрера, — это императоръ Карлъ Великій, основатель новой эпохи, творецъ средневѣковаго порядка вещей, господствовавшаго съ IX по XV в. Въ статуэткѣ императоръ еще какъ-бы стоитъ ногою въ стремени, онъ какъ бы еще живетъ и дѣйствуетъ, высвободивъ руки изъ-подъ плаща и простерши ихъ далеко впередъ для дѣятельности; на портретѣ же Дюрера передъ нами идеальный образъ средневѣковаго государя, съ спокойнымъ достоинствомъ взвѣшивающаго обстоятельства и соединяющаго духовное и мірское, даже дорожащаго духовнымъ званіемъ, какъ показываетъ бѣлый стихарь его торжественнаго облаченія.

Дѣйствительно, съ точки зрѣнія оканчивавшихся среднихъ вѣковъ, величайшею заслугой Карла В. представлялось то, что онъ связалъ свѣтскіе и духовные интересы въ такое прочное единство, которое

могло быть разорвано лишь жестокою борьбой, продолжавшеюся отъ эпохи Григорія VII до Лютера. Съ этой точки зрѣнія, еще въ XV и частью въ XVI в., въ Карлѣ V. видѣли недосягаемый идеалъ христіанскаго государя; исходя изъ нея народныя сказанія и историческія воззрѣнія среднихъ вѣковъ усвоили себѣ свои представленія о личности великаго императора.

Почти не было случая, когда папы, домогаясь осуществленія какого-либо своего требованія, не ссылались бы на то, что соотвѣтствующее право было нѣкогда даровано имъ Карломъ; мало того: императора причислили къ лику святыхъ, и перенесли его кости, какъ предметъ набожнаго поклоненія.

Въ государственной жизни среднихъ вѣковъ какъ для учрежденія, такъ и для дѣятельности какого-либо лица едва-ли могла существовать лучшая рекомендація и поддержка, чѣмъ связь съ именемъ Карла V. или, по крайней мѣрѣ, сходство съ каролингскими учрежденіями. Такъ, мѣстомъ коронованія германскихъ королей остался Ахенъ, какъ любимое мѣстопробываніе Карла; съ ревностно заботливостью относили къ Карлу происхожденіе императорскихъ регалій¹⁾. Когда король Конрадъ II послѣ своего избранія вышелъ къ ожидавшему его народу, тогда, — сообщаетъ его біографъ, Випонъ, — поднялось нескончаемое ликованіе. «Едвали ли такъ радовалось бы все, если бы появился самъ Карлъ съ своимъ скиптромъ». Еще въ позднѣйшій періодъ среднихъ вѣковъ было въ обычаѣ сприведливыя, но суровыя судебныя приговоры выдавать за повелѣнія Карла, спорныя мѣры протяженія и вѣса называть мѣрами Карла, съ цѣлью внушить къ нимъ уваженіе. Не даромъ, понынѣ еще употребительная, англійская монетная система, воспроизведенная нами въ нашей имперской монетѣ, — счетъ по фунтамъ, шиллингамъ и пфеннигамъ, — ведетъ свое начало отъ монетной системы, установленной при Карлѣ Великомъ.

Точно также личность великаго императора продолжала жить во всѣхъ духовныхъ и литературныхъ движеніяхъ, возникавшихъ въ средѣ свѣтскаго общества среднихъ вѣковъ, а народный вымыселъ приписывалъ ей даже новое, баснословное существованіе. Почитатель древнихъ миѳологическихъ преданій своего народа, Карлъ, въ свою очередь сдѣлался въ глазахъ послѣдующихъ поколѣній преемникомъ самого Одина: его представляли себѣ то ѣдущимъ на бѣломъ конѣ во главѣ бѣшеной охоты, то погруженнымъ въ бездны Унтерсберга, откуда ему предстоитъ воспрянуть въ новомъ величіи, когда его борода въ третій разъ обовьется вокругъ стола.

1) Славянами имя Карла употреблялось такъ же, какъ имя Цезаря германцами, для обозначенія высшаго властителя. Ср. древне-словенское Kralji, русское — король, отсюда литовское Karalius (король).

Во всѣхъ этихъ преданіяхъ удивительно то, что плодятся на просторѣ и совершенно независимо отъ монастырскихъ писаній, они съ бессознательною вѣрностью сужденія передаютъ всѣ существенныя свойства личности и дѣятельности великаго императора, его равно великія временныя и міровыя заслуги, заслуги передъ государствомъ и передъ церковью, универсальность его духа, охватывавшаго и чужестранное и отечественное, и античныя традиціи и особенности германскаго характера; потому что значеніе Карла В., каролингскаго государства и, вообще, каролингской культуры заключается именно въ томъ, что она стала всесторонне воспринимать всѣ проникавшія ту эпоху разнообразныя вліянія, соединяя ихъ въ то цѣлое, которое и составляетъ сущность среднихъ вѣковъ.

Величайшимъ изъ всѣхъ тѣхъ контрастовъ, которыя въ этомъ случаѣ надлежало примирить, была противоположность между германскою культурой побѣдоносныхъ франковъ, стоявшею еще на низкой ступени развитія, и галльскими традиціями утонченной античной жизни, съ обновленною силой вліявшими на франковъ вслѣдствіе завоеванія Италіи. Самъ по себѣ контрастъ этотъ былъ непримиримымъ; при отсутствіи посредствующаго начала эти двѣ культуры необходимо оказали бы другъ на друга разрушительное дѣйствіе, и не подлежитъ сомнѣнію, что и въ этомъ случаѣ верхъ одержала бы живучая варварская культура германцевъ; но и при благопріятнѣйшихъ условіяхъ можно было ожидать, что прогрессъ сліянія потребуетъ цѣлаго вѣка и что при этомъ не разъ пострадаетъ цѣлостность національно германскихъ элементовъ и сильно сгладятся воздѣйствія античнаго міра. Роль примирителя, въ концѣ концовъ, приняла на себя церковь, и заслуга Карла В. состоитъ въ томъ, что онъ именно заставилъ церковь взять на себя такую роль.

Такимъ образомъ, съ каждымъ десятилѣтіемъ царствованія Карла В., церковныя интересы все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ въ его глазахъ значеніе центральныхъ, и, наконецъ, послѣ коронованія его императорскою короною въ 800 г., монархія его принимаетъ характеръ церковнаго государства. Этимъ и объясняется, почему книга Августина «О градѣ божьемъ» стала любимымъ чтеніемъ императора: идею великаго гиппонскаго учителя церкви онъ хотѣлъ воплотить въ жизнь, хотя и не въ той формѣ, которую имѣлъ въ виду послѣдній. Въ этомъ находитъ себѣ объясненіе и вся масса административныхъ мѣропріятій и распоряженій, которыми духовный элементъ и, прежде всего епископы призывались къ участию въ управленіи государствомъ, и покровительство папству, скоро смѣнившееся господствомъ надъ нимъ, а также и длинный рядъ религіозныхъ войнъ на востокѣ и западѣ.

Но даже и энергія Карла В. не могла произвольно создать новую германо-римско-христіанскую культуру. Какъ ни была громадна его

отвага и безпредѣльна его сила, — но здѣсь ему пришлось бороться съ самымъ гениемъ національной исторіи. Хотя несомнѣнно, что великія личности могутъ на десятки лѣтъ ускорить или затормозить тотъ или иной историческій процессъ, и что эта способность даетъ имъ власть надъ счастьемъ и несчастьемъ тысячъ современниковъ, но настолько же достовѣрно и то, что онѣ не въ состояніи собственными силами создавать, новыя эпохи высшей культуры. Судьбы каждой націи, если только ей дано было развить свои силы, слѣдуютъ своему особому пути, сообразно съ присущими имъ законами, подъ давленіемъ которыхъ свобода дѣятельности наиболѣе выдающихся изъ ея членовъ не превышаетъ той свободы воли, которою средній человѣкъ обладаетъ среди маленькаго, окружающаго его, міра.

Было бы по этому ошибочно представлять себѣ Карла Великаго, даже въ послѣдніе годы его долгой жизни, живущимъ при условіяхъ, похожихъ на идеаль, подобно прекрасному сновидѣнію восхищавшій его душу. Еще въ XIII и XIV вв. взгляды Карла считались образцовыми для каждаго государя: ясное доказательство, что даже въ то время цѣли Карла не вполне еще воплотились въ дѣйствительной жизни. Въ средѣ-же лицъ, окружавшихъ великаго императора, при дворѣ его, можно искать лишь первоначальныхъ проявленій того германо-античнаго идеала, къ которому онъ стремился.

II.

Дѣйствительно, при дворѣ Карла можно отчетливо различить оба теченія, германское и античное; и изъ нихъ первое все еще отличается несравненно-большою глубиной. Если императоръ старался всѣми силами облагородить его, если онъ лично работалъ надъ составленіемъ первой грамматики нѣмецкаго языка, если онъ къ германскому героическому эпосу предшествовавшей и современной ему эпохи относился съ исторической точки зрѣнія и соотвѣтственно этому велѣлъ записать его для пользы позднѣйшихъ временъ, когда эпосъ этотъ долженъ былъ-бы, по предположенію Карла, исчезнуть изъ народной памяти, — то именно такія стремленія доказывали, что въ глубинѣ души онъ былъ германцемъ.

Германскій характеръ носили также воззрѣнія Карла на ближайшія связи, соединяющія человѣка съ человѣкомъ, на семейную жизнь и бракъ.

Въ противоположность дому Меровинговъ, въ которомъ брачное сожителство выродилось въ нѣчто безсистемное, уже предки Карла возвратились къ древне-національному княжескому браку, носившему еще первобытный, полигамическій характеръ; въ особенности Карлъ

Мартелль въ этомъ отношеніи жилъ едва-ли иначе, чѣмъ рожденные для власти современники Арминія. Его сыновья, — благочестивый Карломанъ и Пепинъ, при всей своей энергіи отличавшійся глубиною чувства, — вновь удалились отъ этой основы, подчинившись закону о бракѣ, установленному церковью, которая именно въ то время впервые принялась за христіанскую переработку германскихъ воззрѣній на супружество. Карлъ, напротивъ, опять слѣдовалъ болѣе древнимъ традиціямъ своего рода, только подчинивъ германскій принципъ множественности королевскихъ женъ церковнымъ требованіямъ въ томъ смыслѣ, что онъ бралъ себѣ женъ не одновременно нѣсколькихъ, а одну за другою. По этому-то объ руку съ нимъ выступаетъ передъ нами на протяженіи его семидесятилѣтней жизни длинный рядъ знатныхъ женщинъ, — франкская дворянка Гимильтруда, — предметъ юношеской любви, вскорѣ забытый ради болѣзненной дочери лонгобардскаго князя, Дезидераты, за которою послѣдовала дочь швабскаго герцога, Гильдегарда, безъ сомнѣнія, привлекательнѣйшій образъ среди женъ Карла; она умерла, горько оплакиваемая своимъ супругомъ, въ 783 г. Вскорѣ, однако, Карлъ вступилъ въ новый бракъ, съ гордою Фастрою, принадлежавшею къ восточно-франкскому графскому роду, затѣмъ женился на дѣвушкѣ швабскаго рода, Ліутгардѣ; когда-же и эта послѣдняя, незадолго предъ коронованіемъ Карла въ императоры, преждевременно сошла въ могилу, шестидесятилѣтній государь увлекся еще политическимъ брачнымъ проектомъ, предметомъ котораго была восточно-римская императрица, Ирина, а когда планъ этотъ внезапно рушился, онъ нашелъ еще въ себѣ достаточно смѣлости и силы, чтобы отъ трехъ женъ — нѣмокъ прижить дочь и троихъ сыновей.

Семья, собравшаяся при такихъ перемѣнахъ вокругъ императора, была, по всей вѣроятности, очень многочисленна. Особенно богатъ былъ королевскій домъ дочерьми, и къ нимъ опять-таки Карлъ примѣнилъ чисто-германскій взглядъ на жизнь. Древнему германцу никогда не вмѣнялась въ вину смѣлая любовь къ женщинамъ, если даже ей недоставало юридически-принудительныхъ узъ; нарушеніе супружеской вѣрности и насиліе были понятіями, нравственные слѣдствія которыхъ благодаря своеобразному юридическому строю брака были выводимы только въ примѣненіи къ слабѣйшему полу. Вѣроятно, остатками подобныхъ воззрѣній объясняется то, что Карлъ Великій допускалъ въ сношеніяхъ между его дочерьми и пользовавшимися ихъ благосклонностью дворянами такую свободу, которая въ настоящее время кажется непонятною. Кому неизвѣстна легенда объ Эйнгардѣ и Эммѣ? Возможно, что въ основѣ ея лежитъ дѣйствительный фактъ, а измѣнены одни только имена. Ибо достоверно то, что вторая изъ извѣстныхъ намъ дочерей Карла, Берта, находилась съ красивымъ франкомъ, Ангильбертомъ, въ любовной связи,

плодомъ которой были два сына, Гартнитъ и лѣтописецъ эпохи Людовика Благочестиваго, Нитгартъ.

При всемъ томъ семейную жизнь великаго императора никакъ нельзя назвать ни безнравственной, ни подвергавшейся измѣнчивымъ вліяніямъ. Она прошла тихо и просто; сыновья съ ранняго возраста учились ѣздить верхомъ, охотились, привыкали, играя и упражняясь, владѣть оружіемъ; дочери сидѣли за самопрядками и ткали шерстяную ткань, по древнему обычаю. Ново было только равномерное обученіе, какъ женской, такъ и мужской половины семейства свободнымъ искусствамъ античнаго міра.

Естественно, что такой порядокъ жизни долженъ былъ воздѣйствовать на тѣсную сплоченность семейства. Конечно, по прошествіи тысячелѣтія лишь рѣдко возможно проникнуть въ сокровенные изгибы германскаго духа вообще, и особенно когда каждое душевное движеніе скрывается за блестящей, но тяжелой завѣсой этикета старой германской имперіи. Однако, въ жизни Карла есть черты, которыя даже еще теперь убѣдительно свидѣльствуютъ о томъ, чѣмъ была для него семейная жизнь; едва-ли не самая яркая изъ нихъ — потрясающая скорбь, овладѣвшая имъ послѣ смерти лучшихъ изъ его сыновей, въ 810 г. Уже послѣ смерти второго изъ нихъ, Пепина, императоръ такъ сильно упалъ духомъ, какъ, по замѣчанію его біографа, Эйнгарда, онъ еще никогда не падалъ. Когда-же, послѣ горестной утраты Пепина, въ концѣ того-же года умеръ Карлъ, старшій и наиболѣе любимый сынъ императора, на котораго послѣдній возлагалъ всѣ свои надежды и планы, тогда старѣющій государь впалъ почти въ уныніе: онъ выражалъ намѣреніе удалиться въ монастырь, его ни на минуту не покидала мысль о собственной кончинѣ, и въ этомъ мрачномъ настроеніи онъ сдѣлалъ, въ духовномъ завѣщаніи 812 г., предсмертныя распоряженія о своемъ домѣ и государствѣ.

Семейная жизнь императора при всей простотѣ и искренности не наполняла, однако, его существованія даже въ обыкновенные часы. Жизнь средневѣковаго государя была вообще приспособлена къ наслажденію досугомъ гораздо менѣе, чѣмъ королевская жизнь позднѣйшихъ временъ. Понятіе о роскоши, существовавшее въ средніе вѣка и присущее вообще всякой культурѣ, отличающейся дешевой рабочей силой, дѣлало короля невольникомъ чрезмѣрно-многочленной непрерывно предъявлявшей личныя претензіи свиты: располагать цѣлыми полчищами провожатыхъ считалось принадлежностью высокаго званія; изъ понятія о службѣ въ средневѣковой Германіи выросли цѣлые общественные слои; даже епископъ развѣзжалъ по странѣ со свитою не менѣе, чѣмъ въ 60—70 чел. Такимъ образомъ, Карлъ былъ окруженъ множествомъ служащихъ; къ корпусу собственно военныхъ тѣлохранителей, который былъ такъ много-

численъ, что изъ него можно было выдѣлять цѣлыя гарнизоны и небольшія арміи, присоединялись чиновники разныхъ придворныхъ вѣдомствъ, — имперскіе чины, канцелярія, штатъ личныхъ слугъ.

Но мало того, что эти толпы вѣчно мѣнялись, приходили и уходили, — мѣстопробываніе императора, какъ средневѣковаго короля, тоже не было постояннымъ. Тогда еще не было постоянныхъ резиденцій. вмѣстѣ со смѣной мѣсяцевъ и годовъ, государь переѣзжалъ изъ одной провинціи въ другую. Такъ-какъ доходы короля главнѣйшимъ образомъ состояли изъ продуктовъ казенныхъ фермъ, которые, при слабомъ развитіи народнаго хозяйства, не могли быть превращаемы въ деньги, и такъ какъ съ другой стороны при отсутствіи путей сообщенія нельзя было сосредоточивать эти продукты въ немногихъ пунктахъ государства для надобностей государя и его двора, то королю не оставалось ничего другого, какъ самому переѣзжать съ дворомъ и семействомъ изъ одного фальцграфства въ другое и потреблять свои доходы тамъ, гдѣ они собирались.

Карлу тоже приходилось терпѣть отъ этихъ неудобствъ; однако, въ концѣ концовъ онъ одинъ изъ всѣхъ государей его династіи, да и послѣдующихъ императорскихъ родовъ собственно-средневѣковой эпохи, искоренилъ эти неудобства. Ему удалось свое болѣе или менѣе постоянное мѣстопробываніе перенести къ великому естественному пути на востокъ своего государства, — къ Рейну, ограничивъ переѣзды Ингельгеймомъ, Нимвегеномъ и Ахеномъ; въ этихъ пунктахъ всего ранѣе оказалось возможнымъ, при посредствѣ водныхъ путей, — Рейна, Майна и Мааса, — сосредоточивать продукты сосѣднихъ доменовъ. Подъ старость императору удалось достигнуть еще болѣе концентрации. Теперь онъ, если и не дряхлый, то все-же опустившійся, жилъ почти исключительно въ Ахенѣ, постоянно пользуясь мѣстными цѣлебными купаньями, и вблизи родины своихъ предковъ, которой никогда не забывалъ.

Однако, и здѣсь ему не пришлось воспользоваться покоемъ постоянной резиденціи въ современномъ смыслѣ этого слова. Благодаря прежней регулярной смѣнѣ мѣстъ королевскаго пребыванія, населеніе государства привыкло видѣть короля лично и непосредственно обращаться къ нему; оно тѣмъ менѣе отказывалось теперь отъ этого обычая, что все болѣе упрочивалась и распространялась слава Карла. Ахенъ сталъ мѣстомъ прибѣжища для всѣхъ угнетенныхъ, мѣстомъ развитія всѣхъ талантовъ, ареной для всѣхъ карьеристовъ на обширномъ протяженіи каролингской имперіи; черезъ ворота любимой резиденціи изо-дня-въ-день прибывали новыя толпы, новые князья, посольства изъ отдаленныхъ странъ; а Карлъ Великій не только не устранился отъ обязанностей, возникавшихъ для него изъ этой вѣчной смѣны лицъ, но, наоборотъ, прилагалъ всѣ усилія для содѣйствія

дальнѣйшему росту этихъ сношеній и, особенно, для развитія коммерческой и промышленной ихъ стороны.

Эти стремленія въ концѣ концовъ причиняли старѣвшему императору много хлопотъ. Вмѣстѣ съ именитыми представителями имперскаго населенія не мало безпутнаго и легкомысленнаго люда направлялось въ столицу великаго монарха, который, какъ хорошо было извѣстно, никогда не былъ врагомъ веселой жизни.

Такимъ образомъ, толпы странствующихъ пѣвцовъ и фигляровъ все разросались, не мало продажныхъ женщинъ расположилось на житье въ Ахенѣ: стало до того скверно, что послѣ смерти Карла его благочестивый сынъ, Людовикъ, серьезно призадумался, избрать ли себѣ резиденціею Ахенъ, не уничтоживъ предварительно огнемъ и мечемъ нечестивое наслѣдіе стараго порядка.

Однако, эти явленія оставались въ тѣни и на заднемъ планѣ: ихъ заслонялъ блестящій потокъ національно-придворной жизни, о которой много подробностей сообщаютъ поэты и писатели того времени. Мы еще и теперь видимъ, какъ эта жизнь искрится и сверкаетъ, описываютъ ли они одну изъ тѣхъ торжественныхъ аудіенцій, на которыхъ императоръ принималъ пословъ Гарунъ-аль-Рашида или калифа Кордовскаго, или папскихъ легатовъ, — повѣствуютъ ли они о народномъ выходѣ въ церковь и о множествѣ участвовавшихъ въ немъ знаменитыхъ лицъ, или, переходя въ болѣе оживленный тонъ, изображаютъ сцены придворнаго празднества или разнообразныя охотничьи приключенія. И почти всегда, рядомъ съ образомъ великаго императора, въ центрѣ такихъ описаній выступаютъ женщины. Вотъ появляется королева Ліутгарда, шея ея сверкаетъ розовымъ блескомъ; волосы ея до того прекрасны, что рядомъ съ ними блѣднѣетъ даже облакающая ее драгоценная порфира, а бѣлоснѣжный лобъ королевы прелестно сіяетъ подъ красною повязкой. Фигуру скрываетъ широкій плащъ, завязанный золотыми снурками; подъ нимъ блеститъ дорогое платье изъ алаго полотна. Рядомъ съ нею воспѣваются дочери королевскаго дома, — Гизала, сіяющая красотой, и Теодрада, отличающаяся гордою осанкой, — обѣ въ драгоценнѣйшихъ одѣянїяхъ, представляющихъ избранное сочетаніе цвѣтовъ и окрашенныхъ въ тѣ краски, отливающихъ то красноватымъ, то синеватымъ блескомъ, которыя еще теперь восхищаютъ нашъ взоръ въ артистической отдѣлкѣ роскошныхъ каролингскихъ рукописей.

Онѣ присутствуютъ при всѣхъ удовольствїяхъ двора, не исключая и охоты, любимаго занятія императора.

Живя въ Ахенѣ, Карлъ главнымъ образомъ тѣшился, конечно, охотою на кабановъ, которыми особенно богата была прирейнская страна. Выѣхавъ рано утромъ, окружали лѣсную чащу. И вотъ, псы, спущенные съ цѣпей, мчатся внутрь круга и бѣгутъ, пока не почувтъ бураго вепря. Всадники съ громкимъ крикомъ несутся по его слѣ-

дамъ; далеко углубляются въ лѣсъ охотники и свора. Наконецъ, на горной вершинѣ, настигли венра. Онъ точитъ на псовъ свое смертоносное оружіе—клыки; онъ отбрасываетъ собакъ прочь, швыряетъ ихъ на землю. Но вотъ мчится Карлъ; онъ травитъ звѣря и вонзаетъ въ его внутренности холодное желѣзо. Затѣмъ всѣ спускаются съ вершины. Охота возобновляется, еще и еще разъ; убито безчисленное множество кабановъ. Охота оканчивается лишь къ вечеру, и добыча дѣлится между знатными участниками ея. А потомъ всѣ спѣшатъ въ прохладную лѣсную тѣнь, къ студеной водѣ и широкимъ прибрежнымъ полянамъ. Здѣсь поставлены разукрашенные золотомъ шатры; молодыхъ и старыхъ ждетъ королевскій пиръ, а за нимъ укрѣпляющій сонъ.

Свѣжестью лѣсного вѣтерка вѣетъ отъ описанія Ангильберта, изъ котораго заимствовано наше извлеченіе; германскій лѣсъ поднималъ свои своды надъ спавшимъ императоромъ и его товарищами, и германскимъ духомъ, какъ за тысячу лѣтъ, проникнуты ихъ мысли и дѣйствія.

И при всемъ томъ это былъ тотъ самый императоръ, который проводилъ безсонныя ночи съ пергаментомъ и палочкой въ рукѣ, терпѣливо воспроизведя очертанія римскихъ буквъ, не изученныя имъ въ молодости. Этотъ веселый охотникъ въ серьезной бесѣдѣ съ первыми учеными своего времени не пропускалъ случая просвѣтить знаніями себя и свой народъ. Этотъ германскій государь былъ императоромъ, который впервые искренне призналъ необходимость для своего народа почерпнуть духовный подъемъ въ неизсякшемъ еще источникѣ живой античной культуры и, опираясь на это глубокое убѣжденіе, при своемъ дворѣ впервые воскресилъ классическую древность, создалъ первое германское возрожденіе.

III.

Это первое нѣмецкое или франкское возрожденіе не было самымъ раннимъ германскимъ возрожденіемъ. Еще за сто лѣтъ до времени Карла у новообращеннаго племени, принадлежавшаго къ великой германской семьѣ народовъ и жившаго на самомъ краю извѣстнаго древнимъ міра, — у англосаксовъ — наступилъ высокій расцвѣтъ воспріятія классической литературы. Такъ какъ англосаксы получили крещеніе непосредственно изъ Рима, благодаря личнымъ стараніямъ папы Григорія Великаго, то со времени своего обращенія они своими культурными интересами непосредственно примкнули къ античной цивилизаціи въ наиболѣе чистой изъ доступныхъ въ то время ея формъ. Дома обучали ихъ римскіе учителя, монахи изъ Африки и Тарса, а англійская страсть къ путешествіямъ рано уже привела

массу знатныхъ людей съ туманныхъ острововъ подъ яркое солнце Италиі: такимъ образомъ, въ Англіи непосредственныя личныя отношенія обусловили возрожденіе классической древности, — и возрожденіе не въ формѣ только ученыхъ изслѣдованій. Старики и молодежь, мушны и женщины одинаково участвовали въ изученіи латинскаго языка, въ чтеніи древнихъ авторовъ и, до извѣстной степени, даже въ усвоеніи классическаго жизненнаго идеала. Наступила новая эпоха для всемірной латинской литературы; и именно то обстоятельство, что какъ языкъ, такъ и содержаніе ея носятъ глубокой отпечатокъ англосаксонскаго мышленія и національныхъ формъ, показываетъ, до какой степени тамъ было усвоено новое міровоззрѣніе, добытое равномерно изъ классическихъ и изъ германскихъ элементовъ. То были времена Беды Достопочтеннаго, величайшаго, хотя, быть можетъ, и не самаго оригинальнаго изъ представителей этой новой письменности, времена оживленнаго поэтическаго творчества и эпистолярной литературы, отпрыскомъ которой на нѣмецкой почвѣ является переписка св. Бонифація.

Такимъ образомъ, англосаксы въ теченіе VII и VIII вв. хранили античныя преданія чуть-ли не лучше и, во всякомъ случаѣ, прилежнѣе, чѣмъ классическая страна этихъ преданій — сама Италия. При всемъ томъ однако-же, какія преимущества оставались на сторонѣ Италиі! Какъ сильно вліяло здѣсь на эстетическое чувство населенія созерцаніе столь многочисленныхъ неразрушенныхъ памятниковъ великаго прошлаго! Какая масса безсознательныхъ традицій была унаслѣдована, благодаря непосредственной близости къ античному міру, въ строе жизни и нравахъ! И какой богатѣйшій источникъ познанія открывался пытливымъ умамъ въ неисчерпаемыхъ книгохранилищахъ страны! Даже Лонгобарды, послѣдніе, принадлежавшіе къ германскому племени, завоеватели Италиі, не могли не поддаться этимъ впечатлѣніямъ, не воспользоваться открывшеюся возможностью, хотя они въ этомъ направленіи увлеклись гораздо меньше, чѣмъ предшествовавшіе имъ властелины Италиі, готы. При ихъ королевскомъ дворѣ, который, благодаря твердому правленію королей Луитпранда, Рахиса и Айстурьфа, въ теченіе первой половины VIII в. снова приобрѣлъ большое значеніе, — такъ-же, какъ при многочисленныхъ княжескихъ дворахъ этой страны, все еще отражалась утонченная свѣтская образованность римской императорской эпохи, тамъ предавались ученымъ занятіямъ и восхищались чистыми формами классической поэзіи; при королевскомъ дворѣ еще существовало сильно-посѣщавшееся дворцовое училище, а одна изъ дочерей послѣдняго лонгобардскаго короля Дезидерія, Адальперга, и супругъ ея, Арихисъ, считались почитателями и знатоками классической древности.

Рядомъ съ этими германскими представителями древней образован-

ности въ Италиі мало значили преданія коренной, туземной части населенія; Римъ въ это время не создалъ ни одного писателя или ученаго, достойныхъ хотя-бы простого упоминанія, а Равенна при суровомъ режимѣ византійцевъ переживала эпоху упадка въ области искусствъ, такъ-же какъ и литературы. Такимъ образомъ, по странной прихоти судьбы во время Пепина и Карла Великаго драгоцѣннѣйшее содержаніе классическихъ традицій, какъ въ центрѣ древняго міра, такъ и на его границахъ, хранилось германскими народами, — народами, которые, еще не зная сокровищъ Рима, нѣкогда жили сосѣдями, рядомъ другъ съ другомъ, у устьевъ Эльбы.

Такое положеніе вещей было, какъ нельзя болѣе; благопріятно для великаго франкскаго государя, разъ онъ задумалъ приобщить свой дворъ и народъ къ благамъ классической образованности. И дѣйствительно, изъ чьихъ же рукъ онъ могъ бы заимствовать ее въ болѣе удачной для него формѣ, какъ не изъ германскихъ?

Въ 774 г. Карлъ впервые увидѣлъ Италию и посѣтилъ Римъ. Онъ провелъ тамъ всего нѣсколько дней, быстро промелькнувшихъ въ покореніи лонгобардскаго королевства и въ первыхъ, суровыхъ мѣропріятіяхъ по установленію порядка въ покоренной странѣ. Лишь въ 781 г. великій франкъ, ставшій королемъ лонгобардовъ, имѣлъ случай ближе ознакомиться со своею страной, и тогда то онъ понималъ все важное значеніе этого приобрѣтенія. Какъ безконечно велико было разстояніе между его франкскою родиной и этою страной съ ея памятниками тысячелѣтней исторіи, ея изящно-образованнымъ обществомъ, ея художественными и литературными интересами. И не менѣе громадною должна была показаться королю разница между его собственнымъ, скуднымъ образованіемъ, которымъ онъ обязанъ былъ жалкой наукѣ какой-либо изъ франкскихъ монастырскихъ школъ, быть можетъ, монаховъ въ Дени, и оживленною духовною жизнью побѣжденныхъ.

Это сравненіе тотчасъ-же привело Карла къ рѣшенію сдѣлать и франкское королевство страной классической образованности. Уже отецъ Карла, Пепинъ, извлекъ пользу изъ своихъ отношеній къ папству; его склонность къ музыкѣ привела къ особенно тѣсному сближенію его съ римскою цѣвческою школой¹⁾; а наряду съ музыкальными произведеніями въ багажѣ папскихъ пословъ перевозились черезъ Альпы также рукописи иного содержанія. Какъ властелинъ Италиі и покровитель папы, Карлъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи гораздо больше средствъ къ тому, чтобы перенести на франкскую почву классической древности.

¹⁾ Интересенъ, рядомъ съ извѣстными одновременными показаніями, баснословный рассказъ у Andr. Bergom. с. 4, MG. SS. Lang. стр. 224. Ср. также Mansi 12, 645, 660 (Jaffé² 2346), 761, кромѣ того Gregorovius, Gesch. Roms 2, 310; и Baronius 761 г. № 15.

Когда онъ возвращался изъ Италіи, въ его свитѣ находилось двое замѣчательныхъ людей тогдашней Италіи,—Петръ Пизанскій, грамматикъ, принадлежавшій къ древней италійской фамиліи, и жизне-радостно—настроенный лонгобардъ, Павелъ Діаконъ, происходившій изъ очень знатнаго рода, хорошо знакомый съ міромъ преданій своего племени. А вмѣстѣ съ ними короля провожалъ Алькуинъ, въ средѣ ученыхъ италійскаго и лонгобардскаго происхожденія первый, жившій въ то время, представитель англосаксонскаго возрожденія; Карлъ въ Парижѣ убѣдилъ его примѣнять должность преподавателя въ іоркской школѣ на пребываніе при франкскомъ дворѣ.

Такимъ образомъ было положено начало богатой научной дѣятельности въ кругу приближенныхъ короля; рядомъ съ франкскимъ строемъ придворной жизни появились новыя отношенія, которыя въ концѣ концовъ не только заняли равноправное, но и даже почти преобладающее положеніе: не даромъ въ позднѣйшее время говорили объ академіи при дворѣ Карла. И дѣйствительно съ теченіемъ времени рядомъ съ глубиною возрѣній, увеличивалась и численность выдающихся личностей. Къ заграничнымъ знаменитостямъ въ области классицизма присоединялись франки, какъ напр. Эйнгардъ и Ангильбертъ, а мѣстности, раньше не имѣвшія своихъ представителей, слали въ свою очередь, замѣчательныхъ людей; такъ, изъ Готіи явился эстетически высоко-одаренный епископъ Орлеанскій Теодульфъ, съ вѣчно зеленаго острова *Nibernicus exil* (т.-е. сѣверный изгнанникъ).

На первыхъ порахъ, однако-же, требовалось не столько воспроизводить, а тѣмъ болѣе творить самостоятельно, сколько учиться. Прежде, чѣмъ могла бы развиться придворная академическая жизнь, необходимо было пройти школу, пріобрѣсти знанія; и никто не подчинялся этой необходимости съ болѣе упорнымъ постоянствомъ, чѣмъ самъ Карлъ.

Въ Англіи, для обученія высокопоставленныхъ лицъ, какъ взрослыхъ, такъ и мальчиковъ, была создана особая метода; Алькуинъ съ успѣхомъ примѣнилъ ее къ франкскимъ условіямъ, и по составленнымъ имъ учебникамъ мы теперь еще можемъ отчетливо представить себѣ ея характеръ и способъ дѣйствія. Все преподаваніе велось въ формѣ общественной бесѣды, причемъ къ мальчикамъ охотно примѣняли такой пріемъ: ставили старшаго, болѣе развитаго ученика рядомъ съ болѣе молодымъ, предоставляя имъ взаимно испытать познанія другъ друга; учитель вмѣшивался только въ случаяхъ разногласія или безпомощности обоихъ. Нѣсколько отличенъ былъ ходъ преподаванія для взрослыхъ. Здѣсь предполагалось, что ученикъ, усвоивъ определенное количество учебнаго матеріала, будетъ обращаться къ учителю съ вопросами только по поводу сомнительныхъ или непонятныхъ для ученика обстоятельствъ. Вѣроятно, въ такой именно формѣ Карлъ пользовался преподаваніемъ Алькуина;

одно изъ сочиненій эгого ученаго выводитъ ихъ обоихъ въ соответствующемъ разговорѣ.

Съ большею свободой учитель могъ дѣйствовать въ логическихъ и иныхъ философскихъ отрасляхъ знанія; потому что сюда ученикъ — былъ ли то юноша, или человекъ, обладавшій житейскимъ опытомъ — вносилъ такой запасъ возрѣній и такой интересъ къ дѣлу, которые иногда могли быть значительнѣе знанія и участія, внесенныхъ учителемъ. А потому способъ преподаванія здѣсь являлся исключительно въ видѣ общественной бесѣды и, подобно послѣдней, носилъ чисто національный характеръ. Обучались обыкновенно посредствомъ загадокъ, — этой излюбленной формы германскаго діалога; и чѣмъ шуточнѣе и неожиданнѣе были рѣшенія, чѣмъ большій навыкъ мышленія обнаруживали они, тѣмъ выше ставился отгадчикъ. Введеніемъ къ начаткамъ подобныхъ бесѣдъ служить маленькое руководство Алькуина, составленное прежде всего съ специальною цѣлью служить для обученія одного изъ сыновей Карла — Пепина. Исходя изъ общераспространенныхъ возрѣній, оно пытается, въ формѣ загадокъ, открыть во внѣшнихъ предметахъ какое-либо внутреннее отношеніе и способствовать этимъ развитію мысли ¹⁾. Такъ, напр., на вопросъ: «Что такое языкъ?» Дается отвѣтъ: «Бичъ воздуха». «Что такое туманъ?» «Ночь среди дня, работа глазамъ». «Что такое день?» «Поощреніе къ труду».

Однако, это индивидуальное обученіе, которымъ пользовалась, прежде всего, сама королевская фамилія, со включеніемъ и женской половины ея, не было единственнымъ. Рядомъ съ нимъ вновь оживилось классное преподаваніе въ старой придворной королевской школѣ. Здѣсь Алькуинъ нашелъ главное поприще для своей дѣятельности, несмотря на всѣ свои литературныя занятія, и самъ Карлъ не считалъ для себя потерей времени надзирать за училищемъ и лично распредѣлять похвалы и взысканія. А рядомъ съ дворцовымъ училищемъ вскорѣ появилась большая школа въ турскомъ монастырѣ св. Мартина, руководимая Алькуиномъ, напрасно стремившимся обратно, во дворецъ, изъ закоптѣлыхъ стѣнъ епископской резиденціи; и все въ большемъ числѣ выростали тамъ и сямъ рассадники новой образованности въ королевствѣ; въ германской части его главнѣйшіе изъ нихъ находились въ Кельнѣ, Фульдѣ, Мецѣ, С.-Галленѣ, Зальцбургѣ. Самъ Карлъ еще дожилъ до расцвѣта новой жизни, развившейся изъ этихъ зачатковъ; было вполне естественно, что при его дворѣ созрѣлъ и первый плодъ истиннаго возрожденія.

Такимъ плодомъ мы вправѣ назвать движеніе, развившееся, приблизительно, въ концѣ 90-хъ годовъ VIII столѣтія. Въ это время Карлъ, на началахъ почти полнаго общественнаго равенства, сооб-

¹⁾ Ср. Эберта въ Deutsche Rundschau, 11, 401.

щается съ обширнымъ кругомъ ученыхъ: самъ онъ подъ именемъ царя Давида, Алькуинъ — Горація, Теодульфъ — Пиндара, Ангилбертъ — Гомера, а знатокъ строительнаго дѣла Эйнгардъ — подъ именемъ Беселеила: воскрешены и ветхозавѣтныя и классическія воспоминанія для того, чтобы взаимныя личныя отношенія поднять на идеальную высоту надъ враждебными условіями времени. И эти отношенія не прекращаются по мѣрѣ того, какъ знаменитые ученые, съ теченіемъ времени, все въ большемъ числѣ похидали резиденцію Карла, отправляясь по его порученію въ провинціи и на окраины обширной имперіи, чтобы тамъ создавать, въ своемъ лицѣ, новые центры классическихъ стремленій. Тогда изустныя бѣсѣды замѣняются обширною корреспонденціей, при посредствѣ которой императоръ неутомимо ставитъ вопросы и поучается, и которая, будучи совершенно чужда ученаго педантства, открываетъ просторъ личному элементу, яркимъ проблескамъ юмора и дружескимъ сердечнымъ изліаніямъ.

IV.

Но въ эти позднѣйшіе годы на почвѣ прилежнаго усвоенія классическаго образованія, созрѣло уже и стремленіе къ собственному творчеству. Движеніе это закончилось новымъ разцвѣтомъ всемірной литературы, и Карлъ Великій былъ первымъ, осуществившимъ свои стремленія въ плодотворной творческой работѣ. Подобно своему отцу, Пепину, Карлъ имѣлъ склонность къ естествознанію; его особенно интересовала астрономія въ ея практическомъ примѣненіи къ вычисленію времени; потому онъ заботился объ упорядоченіи календаря. Но съ наибольшимъ жаромъ онъ отдался своей любимой мысли о примѣненіи приемовъ классической филологіи къ облагороженію роднаго языка. Онъ самъ составилъ нѣмецкую грамматику. Онъ заботился о письменномъ закрѣпленіи того безчисленнаго множества эпическихъ стихотвореній, которыя накопились въ поэтической сокровищницѣ германскихъ племенъ со времени переселенія народовъ, если не съ болѣе еще ранней эпохи. Онъ создалъ нѣмецкія выраженія для новыхъ понятій, непосредственно предъ тѣмъ сообщенныхъ народу болѣе высокою культурой, — такъ, напр., названія мѣсяцевъ.

Было бы, однако, очень ошибочно думать, что Карлъ интересовался только усвоеніемъ одной филологической или даже литературной стороны античной образованности. Напротивъ, онъ старался такъ же, какъ и весь кругъ его приближенныхъ, всесторонне пріобрѣтаться къ ней; для него она была не виѣшнимъ объектомъ изученія, а внутреннимъ состояніемъ, которое нужно было пережить; онъ

смотрѣлъ на нее не какъ на образовательный матеріалъ, а какъ на идеалъ болѣе совершеннаго существованія.

Такъ свое политическое выраженіе античная цивилизація нашла въ возстановленіи императорскаго достоинства: уже за много лѣтъ до коронованія въ Римѣ Алькуинъ сравнивалъ короля съ Августомъ, а впослѣдствіи Эрмольдъ Нигелль былъ вправѣ сказать:

Caesareis actis Romanae sedis optimaе
Junguntur Franci gesta que mira simul¹⁾.

Но болѣе всего новая жизнь стремилась найти для себя творческое выраженіе въ новой литературѣ и новомъ искусствѣ.

При этомъ, конечно, обнаружилась, — и прежде всего на поэтическомъ поприщѣ, — вся слабость движенія. Всѣ попытки средневѣковаго возрожденія отличаются какимъ-то непостоянствомъ и случайностью; лишь при появленіи выдающихся личностей въ качествѣ сторонниковъ классической древности вспыхиваетъ тамъ и сямъ огонь вдохновенія: свободное возрожденіе, обусловленное зрѣлостью народнаго духа, было отсрочено у нѣмцевъ до XV и XVI в.

Въ каролингскую эпоху, несмотря на усилія императора Карла, новая поэзія оставалась придворной поэзіею; невозможно было отрицать, что ея исходнымъ пунктомъ была школа, а не жизнь. Такимъ образомъ, въ ней не было тѣхъ могущественныхъ поэтическихъ импульсовъ, которые могли возникнуть изъ народной германской жизни; эпическія произведенія, въ которыхъ по преимуществу долженъ бы былъ обнаружиться національный духъ, отсутствовали, хотя дѣянія Карла и воспѣвались Нибегніусъ Ехул и Ангильбертомъ²⁾, а событія царствованія Людовика Благочестиваго — Эрмольдомъ Нигелломъ, посланнымъ въ Страсбургъ аквитанскимъ монахомъ. Въ центрѣ поэтического творчества стояли запоздалые продукты всякаго здороваго національнаго развитія, процвѣтавшіе при дворѣ Августа и въ позднѣйшіе вѣка римской императорской эпохи, — идиллія и дидактическое стихотвореніе, эпиграмма и эпистола. Но и они не возвышались надъ посредственностью; они слишкомъ часто носятъ отпечатокъ случайнаго творчества; дворъ и личность Карла Великаго подавляющимъ образомъ господствовали надъ поэтическимъ настроеніемъ.

Притомъ по волѣ судьбы въ средѣ лицъ, наиболее близкихъ къ Карлу, отсутствовали истинно поэтическія дарованія. Правда, всѣ

¹⁾ „Съ дѣяніями императоровъ богатой римской страны сливаются дивные подвиги Франка“.

²⁾ Ему, вѣроятно, слѣдуетъ приписать стихотвореніе Carolus Magnus et Leo III para, — отрывокъ болѣе обширнаго эпического произведенія; ср. Simson Forschungen z. Deutsch. Gesch. 12, 567; Ebert Littgesch. 2, 58 и сл., Althoff въ минденской гимназической программѣ 1888 г. (№ 321).

представители придворной академической жизни при случаѣ сочиняли стихи; сохранилось, напр., немалое количество стиховъ Алькуина, свидѣтельствующихъ о добродушномъ юморѣ автора, о его жизнерадостной бодрости и свободномъ сатирическомъ настроеніи; но названія истиннаго поэта въ числѣ ближайшихъ современниковъ Карла, заслуживаютъ развѣ только Теодульфъ орлеанскій и, пожалуй, Павелъ Діаконъ.

Несомнѣнно, что послѣдующія поколѣнія выдвинули, и въ особенности на нѣмецкой почвѣ, нѣсколькихъ истинныхъ поэтовъ, самымъ выдающимся изъ которыхъ является Валаффридъ Страбонъ, алеманнъ низкаго происхожденія, обязанный своимъ раннимъ возведеніемъ въ званіе аббата въ Рейхенау расположенію императрицы Юдиѳи. Въ своихъ эпиграммахъ и идилліяхъ, въ своихъ эпическихъ и дидактическихъ стихотвореніяхъ онъ является истиннымъ наслѣдникомъ ранняго каролингскаго возрожденія, приумножившимъ доставшееся ему наслѣдство; въ стихотвореніи-же *De visionibus Wettini* онъ становится даже основателемъ новой, чисто-средневѣковой отрасли поэзіи, — поэзіи видѣній; отъ него непрерывный путь развитія ведетъ къ карающему творцу Божественной комедіи. А когда Валаффридъ, около половины IX в., скончался въ цвѣтущемъ возрастѣ, оставались еще немногочисленные представители ранняго, старо-каролингскаго поэтического искусства; между ними въ Германіи особенно выдается монахъ изъ Прима, Вандальбертъ, которому суровая обстановка его монастыря не помѣшала украсить свой стихотворный мартирологъ превосходнымъ, по тонкой наблюдательности, описаніемъ ежемѣсячно смѣняющихся явленій въ жизни природы и людей.

Къ концу-же столѣтія дѣятельность старо-каролингской поэзіи ослабѣваетъ. Ноткеръ Заика (*Notker Stammer*) изъ С.-Галлена, самый выдающійся поэтъ этого времени, сочиняетъ уже не радостныя идилліи, а длинныя дидактическія стихотворенія; впрочемъ, его уста открываются еще для восхваленія Господа въ набожныхъ гимнахъ: поэзія, такъ-же какъ задолго до нея музыка, всецѣло переходитъ на службу церкви.

Переворотъ этотъ, наступившій въ общемъ движеніи литературы уже во времена Людовика Благочестиваго, подготовленъ былъ, кажется, при жизни Карла Великаго.

Поэзія, пользовавшаяся чужимъ, латинскимъ языкомъ, необходимо обуславливалась научными стремленіями, преимущественно, грамматическаго характера; не даромъ-же въ это время слово *dictare* приобретаетъ право гражданства въ нѣмецкомъ языкѣ для обозначенія поэтическаго творчества (*dichten*). Но могли-ли въ каролингскую эпоху долго существовать научныя стремленія, — могли ли они даже начаться съ должной энергіей безъ того, чтобы наибольшая выгода отъ этого не выпала на долю теологіи? Правда, въ атмосферѣ ран-

няго возрожденіи расцвѣла также исторіографія, — къ блестящему ряду государственныхъ лѣтописей присоединилось эйнгардово жизнеописаніе Карла Великаго, а дидактическая проза также обогатилась мастерскими произведеніями, имѣвшими самостоятельную цѣнность, въ родѣ *Diadema monachorum* и *Via regia* Смарагда. Но, въ общемъ, вскорѣ оказалось, что наиболѣе сильный импульсъ почерпнула въ новомъ движеніи теологія; не даромъ для его распространенія императоромъ Карломъ призывались преимущественно монахи и аббаты, а величайшій изъ его представителей при дворѣ, Алькуинъ, былъ столько-же теологомъ, сколько и грамматикомъ. Послѣдній въ своихъ трехъ книгахъ *De fide trinitatis* впервые, послѣ длиннаго промежутка времени, создалъ новую систему догматики.

Естественнымъ послѣдствіемъ было то, что литературное движеніе возникшее изъ школьныхъ преданій англосаксовъ и Италіи, въ началѣ свободно культивировавшееся при свѣтскомъ дворѣ Карла и распространенное далѣе подражательнымъ рвеніемъ высшаго свѣтскаго дворянства, сдѣлалось исключительно-церковнымъ.

Переворотъ этотъ совпадаетъ во времени съ царствованіемъ благочестиваго императора, Людовика. Правда, императрица Юдиѣ старалась сохранить старый характеръ литературнаго возрожденія и ея склонности частью были унаслѣдованы нѣжно-любимымъ ею сыномъ, Карломъ Лысымъ. Однако-же, политическая побѣда, одержанная церковью въ двадцатыхъ годахъ IX в., оказала рѣшающее вліяніе и на общее умственное теченіе; съ тѣхъ поръ теологическая ученость выступаетъ безусловно на первый планъ. Иеронимъ и, въ особенности, Григорій Великій, а также Августинъ, — именно, его назидательныя произведенія, — въ это время читаются всѣми; сочиненія этихъ писателей перерабатываются въ безчисленныхъ антологическихъ сборникахъ и извлеченіяхъ.

Въ Германіи преимущественно занимались библейскою экзегетикой и, въ связи съ нею, грамматико-теологическими изслѣдованіями. Главнымъ представителемъ этого направленія является Грабанъ (*Hraban*), благородный франкъ, получившій образованіе въ Турѣ, бывшій впоследствии преподавателемъ и аббатомъ въ фульдскомъ монастырѣ и, наконецъ, архіепископомъ Майнцскимъ. Онъ отличался необыкновенною духовною воспріимчивостью, желѣзнымъ прилежаніемъ и филологическими способностями; первый великій *Praeceptor Germaniae*, онъ, сверхъ комментарій къ библии и множества другихъ сочиненій, составилъ энциклопедію для духовенства, а также общую энциклопедію знаній. Никто втеченіе IX в. не могъ сравниться съ нимъ въ познаніяхъ и въ широтѣ педагогической дѣятельности; въ Германіи рядомъ съ нимъ можетъ быть поставленъ развѣ Валафридъ, какъ авторъ *Glossa ordinaria*.

Созданное Грабаномъ движеніе, убывая въ силѣ, наполнило собою

весь IX вѣкѣ. Лучшимъ свидѣтельствомъ его упадка служитъ литературное наслѣдство Эрменриха, эльвангенскаго монаха, впоследствии епископа въ Пассау. Въ составленныхъ имъ житіяхъ святыхъ, а еще болѣе — въ его письмѣ къ восточно-франкскому архикапеллану Гримальду проявляется безплодная, вполне рутинная ученость, и, со стороны формы, полное отсутствіе чувства мѣры; также страсть блистать рѣдкими крохами эрудиціи ¹⁾ и большая склонность кичиться своими знаніями.

Такіе результаты, въ виду всѣхъ особенностей каролингской науки, были, конечно, неизбежны. Чтобы имѣть право называться ученымъ, требовалось, кромѣ высшаго, лишь для немногихъ достижимаго знанія астрономіи, геометріи, ариѳметики и музыки ²⁾, такъ-называемаго квадживіума (quadvivium—четыре пути), — располагать, прежде всего, твердымъ знаніемъ грамматики, реторики и діалектики, (такъ-назыв. тривіума). При этомъ грамматика обнимала ученіе о словахъ, діалектика — ученіе о логическомъ строѣ мышленія, реторика — искусство латинской рѣчи.

Система преподаванія тривіума выросла на почвѣ античнаго государства и его публично-гражданскихъ потребностей. Судебный залъ и площадь собраній обращали на служеніе себѣ всего человѣка; а сила и способность выраженія мыслей должны были считаться основою образованія мужчины. Но уже въ позднѣйшую пору императорскаго періода общественная жизнь заглохла. Тѣмъ не менѣе высшія образовательныя учрежденія IV и V вв., галльскія, испанскія, италійскія школы ораторскаго искусства удержали старую систему преподаванія: такимъ образомъ онѣ сообщали образованіе, несоотвѣтствующее болѣе эпохѣ, чисто-формальное, неприспособленное болѣе къ жизни и современности.

Система преподаванія не была измѣнена; сохраняя полную неподвижность, она перешла и къ послѣдующимъ временамъ, и почти не измѣнившись по содержанію, должна была удовлетворить стремленію къ образованію каролингскаго возрожденія. Не удивительно, что при такихъ условіяхъ преподаваніе и даже самое образованіе сдѣлались самодовлѣющею цѣлью до такой степени, что мало соотвѣтствовали реальнымъ требованіямъ времени. Дошло до того, что на образованіе начали смотрѣть, какъ на нѣчто чисто-формальное, что поэтическое творчество стали смѣшивать съ кропаніемъ стиховъ, въ

1) Между прочимъ, также мнимымъ знаніемъ греческаго языка. Въ IX в., въ Германіи, по-гречески понималъ, — если позволительно здѣсь употребить это слово, — кромѣ Эрменриха, развѣ еще Валафридъ; ср. Dümmler въ Sitzungsberichten der Berliner Ak. d. Wissenschaften 1890 г., стр. 940 (37).

2) Словомъ музыка въ этомъ случаѣ обозначалось перенесенное на звуковыя отношенія ученіе о числахъ, а не какое-либо практическое знаніе музыки.

поэзіи видѣли ремесло, которому можно научить, въ прозѣ цѣнили фразу, а не содержаніе.

При такой образовательной подготовкѣ и такомъ направленіи умовъ, плодотворная ученость, истинная наука были немислимы. Но если бы античная традиція даже и допускала свободную научную работу, то умственное развитіе населенія, по крайней мѣрѣ германскихъ народовъ, дѣлало прочное существованіе ея совершенно невозможнымъ. Въ умственный кругозоръ тогдашнихъ германцевъ входило лишь созерцаніе, а не пониманіе явленій: при недостаткѣ ясно выраженной способности анализа и синтеза, отсутствовало существенное условіе научнаго мышленія. Съ этой стороны также оставалась возможною лишь формальная эрудиція и, слѣдовательно возможность чисто-внѣшней разработки и внѣшняго воспроизведенія античныхъ преданій.

Этимъ, дѣйствительно, и исчерпывается сущность того значенія, на которое можетъ претендовать ученость каролингскаго возрожденія. Правда, зачатки полунучнаго взгляда на исторію довольно долго еще держались въ богатой литературѣ лѣтописей и въ большей частью неразумной біографической дѣятельности; но и они исчезаютъ въ концѣ IX в.; государственныя лѣтописи оканчиваются въ западно-франкскомъ королевствѣ 882 годомъ, въ восточно-франкскомъ—901 г., лѣтопись Санктъ Вааста обрывается на 900 годѣ., трудъ Региноса—на 906 г. Съ тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, на германской почвѣ, остается лишь несамостоятельная, хотя и добросовѣстная, передача отцовъ церкви и древнихъ, получившая еще прежде самое широкое распространеніе. Важно было то, что это воспроизведеніе принимало сокращенную форму энциклопедической обработки, какъ это имѣло мѣсто въ кульминаціонный періодъ движенія,—при Грабанѣ и Валафридѣ.

Такова судьба всякаго возрожденія классической древности на германской почвѣ, она всегда начиналась расцвѣтомъ поэзіи и оканчивалась научной работой. За латинскими поэтическими твореніями гуманистовъ послѣдовалъ первый великій филологическій періодъ второй половины XVI в., за оживленіемъ классицизма въ эпоху Шиллера и Гете—расцвѣтъ историко-филологическихъ изслѣдованій. Ф. А. Вольфа, Нибура и Ранке. Повидимому, процессъ этотъ является необходимымъ. Никакое возрожденіе классицизма не можетъ имѣть успѣха, если оно не поддерживается воодушевленіемъ какого-либо значительнаго общественнаго слоя; а для этого необходимо вполне проникнуться подлежащимъ усвоенію міромъ чужихъ понятій и отношеній,—необходима активная художественная дѣятельность. Последняя и была выполнена академическимъ кружкомъ Карла В. и самимъ Карломъ, гуманистами, и великими поэтами прошлаго вѣка. Но каждый разъ прекрасныя чары разсѣвались; оставался твердый

осадокъ высшаго образовательнаго матеріала, принадлежавшаго чужой культурѣ. Овладѣть этимъ матеріаломъ и усвоить его возможно лишь научнымъ путемъ. Такъ было въ IX, въ XVI—XVII и въ XIX вѣкахъ.

V.

Если мы теперь примѣнимъ результаты, полученные въ предыдущей главѣ къ области архитектурѣ, живописи и ваянія, то мы ясно увидимъ, что эти отрасли искусства, при началѣ каролингскаго возрожденія, могли получить не менѣе сильный импульсъ, чѣмъ тотъ, который былъ данъ поэзіи.

Но, конечно, съ этой стороны германскія племена могли противопоставить вліянію античнаго духа лишь очень скудное національное творчество; вспомнимъ¹⁾, что наше отечественное искусство тогда еще не перешагнуло черезъ ступень орнаментики въ живописи и ваянія. Относительно архитектуры необходимо принять въ соображеніе, что, если оставить въ сторонѣ развитіе придатковъ болѣе или менѣе орнаментнаго характера, а также понятіе пространственности, всегда зависящее отъ даннаго уровня культурныхъ потребностей, — то она, въ сущности, воплощаетъ въ себѣ лишь исторію развитія опредѣленной зодческой идеи, и, слѣдовательно, по существу своему представляетъ не столько эстетическую, сколько логическую эволюцію извѣстныхъ физическихъ соотношеній. А для психологической характеристики опредѣленнаго развитія такая эволюція, сама по себѣ, не можетъ имѣть рѣшающаго значенія.

Къ тому же по отношенію къ зодчеству подъ вліяніемъ каролингскаго возрожденія вовсе не была достигнута ясность и устойчивость творчества. Национальное зодчество, пользовавшееся деревомъ, и заимствованное отъ имперіи зодчество, имѣвшее матеріаломъ камень, еще соперничаютъ между собою, и къ нимъ присоединяется въ силу личныхъ симпатій Карла Великаго вліяніе равеннской архитектуры IV—VI вв.

Гармонически при такихъ условіяхъ выработался, повидимому, только стиль постройки дворцовъ; въ нихъ римское искусство и отечественныя традиціи дѣйствовали совмѣстно. Жилище германскихъ государей воспроизводило въ увеличенномъ видѣ домъ обыкновеннаго свободнаго человѣка съ прибавкою обширнаго зала, и разнообразнѣйшихъ построекъ для всевозможныхъ цѣлей домашняго хозяйства и содержанія скота; римскій императорскій дворецъ представлялъ собою художественную переработку военнаго ла-

¹⁾ См. часть I.

гера. Планы того и другого зданія, осложненные еще мотивомъ часовни, очень удобно могли быть слиты между собою: обширныя постройки, разрѣшавшія эту задачу, возникли на нѣмецкой территоріи, при Карлѣ Великомъ, въ Ингельгеймѣ, Ахенѣ и Нимвегенѣ. Повсюду залъ и часовня образовали здѣсь два высшихъ пункта въ архитектурномъ планѣ; соединялись они деревянными колоннадами и бесѣдками чисто германскаго характера: точно такъ же верхніе ярусы жилыхъ помѣщеній и флигеля состояли еще изъ дерева и отапливались національными печами, вмѣсто римскихъ гипокаустумовъ (Hypokausten) ¹⁾.

Въ области церковныхъ строеній удалось въ гораздо меньшей степени соединить національныя традиціи съ требованіями церкви. Миссіонерскія церкви, правда, всѣ безъ исключенія, были, конечно, деревянными строеніями въ болѣе или менѣе германскомъ стилѣ; когда же создавалось что-либо лучшее, не заботились о томъ, чтобы облагородить родное искусство. Самъ Карлъ въ этой области возвратился къ постройкамъ Теодориха Великаго, въ которомъ онъ такъ охотно видѣлъ своего предшественника. Такъ возникла образцовая церковь того времени, дворцовая часовня въ Ахенѣ. Еще и теперь общій видъ ея показываетъ, что всемогущая, для своего времени, воля затѣяла здѣсь создать нѣчто небывалое; и на насъ, людей новаго времени, она производитъ впечатлѣніе возвышеннаго. Но формы тяжеловѣсны, детали грубы, — разсматриваемъ ли мы простой рисунокъ бронзовой рѣшетки на хорахъ, или тонкія плиты изъ сѣраго камня, изъ которыхъ сложена большая часть зданія.

Но въ средѣ германскихъ племенъ центральная система ахенской капеллы, за немногими исключеніями ²⁾, не нашла почитателей. Германцы развили свой первый стиль зодчества въ подражаніе римскому стилю, свою романскую архитектурную манеру, исходя изъ совершенно новыхъ началъ; придворное возрожденіе осталось безъ вліянія.

Не такъ было въ области живописи и пластики. Здѣсь потребность двора въ роскоши явилась моментомъ, обусловившимъ чрезвычайно сильное вліяніе особенно на миниатюрную живопись. Началась эпоха тѣхъ многочисленныхъ рѣзныхъ издѣлій изъ слоновой кости, которыя такъ тѣсно примыкаютъ къ древне-христіанскимъ и классическимъ образцамъ, что хорошіе экземпляры иногда бываетъ трудно отличить отъ аналогичныхъ работъ ранняго итальянскаго возрожде-

1) Hypokaust' топка изъ подвального этажа.

Прим. перев.

2) Наибольшею извѣстностью пользуются зданія въ Фульдѣ и въ Эссенѣ. Но встрѣчающіяся въ Германіи зданія IX - XIII вв., построенныя по центральной системѣ, почти всегда имѣютъ своимъ первообразомъ, прямо или косвенно, ахенскій соборъ; притомъ постройки центрального типа могутъ быть указаны только по теченію Рейна, отъ Эльзаса до Голландіи.

нія. Въ особенности же художественная отдѣлка роскошныхъ рукописей доходила до истиннаго, великаго искусства.

Уже въ меровингскую эпоху пытались также въ франкскомъ королевствѣ украшать художественною отдѣлкой богослужебныя книги; но то, что достигнуто въ эту эпоху, производитъ безконечно меньшее впечатлѣніе, чѣмъ блестящія произведенія даже самаго ранняго каролингскаго возрожденія. По всей вѣроятности, при самомъ дворѣ въ отдѣлкѣ евангелій, библии и богослужебныхъ книгъ, непосредственно и преимущественно ¹⁾ придерживались лучшихъ традицій древнехристіанской эпохи въ Италіи: такъ произошли великолѣпныя миниатюры вѣнскаго, ахенскаго, брюссельскаго и Страговскаго евангелій, происхожденіе которыхъ въ повѣйшее время на основаніи вѣскихъ соображеній приписывается дворцовой школѣ.

И уже подъ конецъ жизни Карла Великаго, а еще болѣе—со времени Людовика Благочестиваго, область новаго искусства расширилась; изображенія фигуръ занимали все больше мѣста, пока не возникли большіе циклы стѣнныхъ изображеній. Это въ свою очередь оказало отраженное вліяніе на книжную живопись: увеличилась свобода, уменьшилась зависимость отъ античныхъ традицій; наконецъ, вполне самостоятельно были созданы новыя сцены, хотя еще и подъ вліяніемъ античныхъ образовъ: ни одинъ памятникъ не свидѣтельствуетъ объ этихъ успѣхахъ съ такою убѣдительною, какъ знаменитый сакраментарій епископа Дрогона Мецскаго ²⁾.

По всей вѣроятности, изъ Меца онъ и происходитъ, потому что новое движеніе давно уже не ограничивалось исключительно придворнымъ кругомъ; повсюду, гдѣ цѣнилось великолѣпіе христіанскаго культа, гдѣ болѣе высокая мѣстная культура доставляла необходимыя матеріальныя средства, возникли молодыя школы миниатюрной живописи, какъ, напр., въ Турѣ и Сень-Дени, въ Реймсѣ и Мецѣ и въ другихъ мѣстахъ на рубежѣ романскаго и германскаго міра. Но движеніе разлилось и дальше и охватило также окраины государства, особенно мѣстности, лежащія за Рейномъ; живописью ревностно занимались въ Сентъ-Галленѣ и Рейхенау, въ Фульдѣ, а

¹⁾ Въ настоящее время Dobbert (Gött. gel. Anz. № 22, стр. 878 и слѣд.) пытается обнаружить ранніе слѣды восточно-римскаго вліянія даже въ группѣ вѣнскаго евангелія Карла В., въ ахенскомъ и брюссельскомъ евангеліаріяхъ, а также въ евангеліаріи страговскаго аббатства (въ дополненіи къ изданію рукописи Ada, ср. Neuwirth въ Mitt. der öst. Centralcomm., новая серія, 14, 88 и слѣд.). Дѣйствительно, невозможно вполне отрицать присутствіе византійскаго, а также и сирійскаго вліянія. Но они не участвуютъ въ образованіи характера каролингскаго искусства, такъ какъ почти всегда пропадаютъ, не подвергнувшись переработкѣ. Ср. также предисловіе Springer'a къ соч. Кондакова: Hist. de l'art byzantin, Paris 1886 (по-русски издано еще въ 1878 г.).

²⁾ Теперь въ парижской національной библіотекѣ. Cod. lat. 9428.

также, вѣроятно, въ Кёльнѣ, и движеніе проникло до отдаленнаго Кремсмонстерскаго монастыря на баварскомъ востокѣ.

Конечно, на этомъ далекомъ пути оно утратило первоначальную глубину. Кто сравнитъ грубые рисунки кремсмонстерскаго Codex millenarius съ великолѣпными западно-франкскими миниатюрами, тотъ, при незнакомствѣ съ промежуточными звеньями, едва-ли замѣтитъ существованіе тѣсной зависимости между тѣми и другими произведеніями и общимъ источникомъ.

Для болѣе правильнаго сужденія объ этомъ, нужно имѣть въ виду, что къ богатому формами классическому міру изображеній германское сознаніе приступило съ одною лишь способностью простого декоративнаго воспроизведенія. Было естественно, что, при такихъ условіяхъ, воспріятіе и подражаніе могли быть только ограниченными. Въ контурахъ изображаемыхъ лицъ соблюдалась только общая линия движенія, идеальная правда внѣшнихъ очертаній ¹⁾; въ лучшемъ случаѣ достигалось изящное сочетаніе типической орнаментики и неосмысленнаго натурализма. То-же самое можно сказать объ изображеніяхъ остальнаго внѣшняго міра, особенно о ландшафтѣ. Послѣдній распадается на орнаментированныя горы, деревья, растенія, которыя ставятся непосредственно рядомъ другъ подлѣ друга, безъ вниманія къ естественному взаимоотношенію ихъ величинъ; объ органическомъ пониманіи цѣлаго и хоть нѣсколько натуралистическомъ пониманіи деталей не можетъ быть рѣчи, тѣмъ болѣе, что и античная пейзажная живопись не дошла до органической обработки сюжета, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи перспективы.

Но если подъ вліяніемъ исключительно-орнаментальной созидательной способности даже линіи контуровъ обрабатывались орнаментально, то мыслимо-ли было пониманіе цвѣта, перспективы и освѣщенія? Нѣмецкія миниатюры того времени изобилуютъ зелеными лошадьми, кирпично-красными скалами, синими волосами и т. д., причемъ все это написано самыми яркими красками, лишь изрѣдка смягчаемыми золотою тушовкой: цвѣтъ имѣетъ лишь орнаментальное, типическое значеніе, но не индивидуальное, присущее изображаемому предмету. Воздушная-же перспектива вообще отсутствуетъ; самое большее, если она можетъ быть найдена въ типически-орнаментальномъ ослабленіи тоновъ задняго плана, въ рядѣ послѣдовательныхъ, условныхъ оттѣнковъ цвѣта; а линейная перспектива выражается въ уродливѣйшемъ укорачиваніи, не останавливаемомъ передъ самыми смѣлыми замыслами сценической группировки; одинъ

1) Ср. Janitschek, Gesch. der Malerei, стр. 48 — 49, о миниатюрахъ сентъгалленской Золотой Книги.

эстетикъ XIII в. справедливо утверждалъ, имѣя въ виду, быть можетъ, именно каролингское искусство, что

pictoribus atque poëtis
quaelibet audendi semper fuit aequa potestas

(художники и поэты всегда одинаково пользовались правомъ отваживаться на что угодно) ¹⁾).

Если эти особенности германскаго искусства IX в., насколько последнее находится подъ вліяніемъ каролингскаго возрожденія, указываютъ на то, какъ безконечно далеко еще было эстетическое сознаніе германскихъ племенъ отъ правильнаго пониманія классическаго искусства, то съ другой стороны вездѣ, даже въ совершеннѣйшихъ созданіяхъ западно-франкскаго, романскаго творчества того времени, обнаруживается глубокое германское вліяніе: даже передъ побѣдоноснымъ возрожденіемъ античнаго первообраза германское художественное сознаніе не только не исчезаетъ, но даже успѣваетъ отстоять свою независимость. Эстетическій идеаль человѣческой головы становится германскимъ; уже у евангелистовъ и у благословляющаго Христа готтшальковскаго евангелиарія, относящагося къ первымъ годамъ эпохи Карла В., мы видимъ вмѣсто круглой римской головы изящный овалъ лица съ длиннымъ носомъ, маленькимъ ртомъ и большими, дѣтскими глазами, оттѣненными густыми бровями. Это—германскій типъ ²⁾). Въ то-же самое время во всѣхъ фигурахъ начинается обнаруживаться стремленіе искусства ярко выразить внутреннюю жизнь: существенною стороною изображаемаго становится не красота формъ, а значительность содержанія; фигуры сильно жестикулируютъ чрезмѣрно большими руками, но при этомъ всѣ движенія оттѣнены чрезвычайно удачно, и всѣ изображенныя лица поставлены въ самое ясное и опредѣленное отношеніе къ рѣшающему моменту сцены.

Все это—германскіе вклады въ богатый міръ каролингской живописи, техника которой подъ ихъ вліяніемъ начинаетъ отчасти измѣняться. Порою уже устраняется трудность подбора красокъ, одни контуры съ легкой модификаціей оттѣнковъ, а иногда даже простой рисунокъ перомъ считаются уже законченными произведеніями искусства. Это—зачатки того направленія, изъ котораго, послѣ борьбы, веденной болѣе, чѣмъ шестью поколѣніями, развилось рисованіе перомъ эпохи гогенштауфеновъ,—первый національно-нѣмецкій стиль, возвышающійся надъ простою орнаментикой.

Но подъ тѣми теченіями, которыя были созданы каролингскимъ возрожденіемъ въ области пластики и живописи, національное искус-

¹⁾ Durandus Rationale ed. Antverp. 1614 fol.

²⁾ Что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ германскимъ типомъ, показываютъ таблицы Bastard'a 115—117, ср. также табл. 196.

ство орнаментистики еще продолжало жить во всей своей свѣжести и неприкосновенности. Правда, подъ вліяніемъ шотландскихъ миссіонеровъ увеличилось разнообразіе его формъ: къ старымъ сплетеніямъ животной орнаментики присоединилось вліяніе орнаментнаго искусства ирландцевъ; но, будучи по своему характеру родственно германскому орнаменту, оно быстро было переработано. Успѣхи металлургическихъ искусствъ также вызвали перемѣну, которая только увеличила старый запасъ формъ, не разрушая его; спираль появилась, въ качествѣ любимаго элемента, рядомъ съ лентой и звѣриной головой.

Среди этого развитія германская орнаментика была застигнута вѣяніемъ каролингскаго возрожденія. Первымъ послѣдствіемъ было почти ужасающее богатство мотивовъ; къ германскому и ирландскому стилю присоединился теперь классическій, со своими *Eierstäben* и листьями акантуса (*Akanthusblättern*)¹⁾ съ плоскими узорами, съ тѣми изящными лампадами, птицами, свѣтильниками, которые, въ безчисленныхъ варіаціяхъ, служатъ для наполненія большихъ орнаментныхъ поверхностей.

Но ранняя каролингская эпоха съ успѣхомъ приняла на себя задачу одновременно овладѣть всѣми этими мотивами; никогда еще искусство не располагало такимъ изобиліемъ орнаментики, не теряясь въ немъ. Достаточно знаменательно, что позже классическіе элементы опять отступаютъ на задній планъ, и господствующее положеніе занимаетъ опять національная орнаментика.

Но въ ней ужъ нѣтъ прежней безформенности сплетеній, случайнаго соединенія отдѣльныхъ орнаментныхъ деталей. Национальное искусство не даромъ прошло школу классическаго вліянія. Въ ней очистились его формы, ему впервые открылась тайна симметрическаго расположенія отдѣльныхъ мотивовъ.

Но оно готовилось уже перейти на новую ступень развитія. Еще въ концѣ эпохи Меровинговъ иногда, рядомъ съ старыми мотивами, съ изображеніями животныхъ, входили въ моду орнаментированныя растенія, по крайней мѣрѣ отдѣльныя части растительнаго организма,—ростки, листья, цвѣты. Съ половины IX столѣтія это стремленіе замѣтно усилилось, и старая орнаментика начала отступать на задній планъ; на границѣ IX и X вв. мы видимъ уже ясныя зачатки новаго стиля орнаментики растеній.

Несомнѣнно, что этотъ успѣхъ обуславливался непрерывнымъ развитіемъ нѣмецкаго національнаго искусства; новая орнаментика была

1) *Eierstab*—архитектурное украшеніе, четвертной валъ съ вырѣзанными на немъ (а то и нарисованными) украшеніями въ формѣ яйца.—*Akanthusblättern*—подражаніе на капителяхъ колоннъ и на другихъ украшеніяхъ древнеготическихъ сооруженій узкимъ листьямъ акантуса съ шипами. Листья эти—большіе, блестящіе, темнозеленые, извилистораздѣльные. *Примъ перев.*

совершенно независима отъ непосредственнаго античнаго прототипа. Но, съ другой стороны, едва-ли возможно отрицать, что косвеннымъ образомъ успѣхъ въ данномъ случаѣ, все таки, отчасти обусловливался тѣмъ движеніемъ въ области искусствъ, которое явилось результатомъ каролингскаго возрожденія; путемъ глубокаго и постепеннаго измѣненія вкусовъ античное искусство успѣло оплодотворить и столь отличное по своему характеру германское художественное сознаніе.

VI.

Такимъ образомъ, мы подошли къ самому важному для насъ вопросу въ исторіи каролингскаго возрожденія, — къ вопросу о томъ, каковы именно были результаты этого движенія для развитія собственно нѣмецкой культуры.

Относительно области художественнаго созерцанія; гдѣ свидѣтельство памятниковъ ясно и непреложно, отвѣтъ можетъ быть данъ съ достаточною опредѣленностью. Національное, чисто-орнаментное, творчество, очистилось и пріобрѣло, въ орнаментикѣ растеній, новую, высшую сферу примѣненія; сверхъ того, создано было совершенно новое искусство, конечно, еще очень грубаго и совершенно шаблоннаго, воспроизведенія внѣшняго міра посредствомъ рисунка перомъ. Далѣе, эти успѣхи, связанные съ усвоеніемъ чужихъ элементовъ, въ то-же время содѣйствовали росту своихъ національныхъ эстетическихъ задатковъ: въ развитіи сценическаго смысла тотчасъ-же сказалось германское стремленіе къ содержательности, хотя-бы на счетъ гармоніи и симметріи, а изображеніе человѣческихъ существъ привело къ сформированію чисто-германскаго идеала красоты человѣческаго тѣла.

Труднѣе распознать тѣ плоды, которые принесла германскому міру созданная возрожденіемъ поэзія: здѣсь воспріятіе античныхъ образцовъ не могло осуществиться непосредственно, какъ это было въ области пластики; потому что поэзія заимствовалась черезъ посредство чужаго языка, который нужно было еще усвоить; пластика же въ такой же мѣрѣ, какъ и музыка, обладаетъ преимуществомъ общечеловѣческаго, международнаго языка — языка формъ.

Въ этомъ, конечно, и заключается главная причина того, что поэзія возрожденія, повидимому, не имѣла никакого вліянія на поэтическое развитіе германскихъ племенъ; правда, эпиграмма и посланіе, идиллія и дидактическое стихотвореніе, — эти совершенно еще невѣдомыя германцамъ главныя группы каролингской литературы, — и сами по себѣ всего менѣе были способны оказать какое-либо вліяніе на поэзію. При самомъ зарожденіи старо-каролингской поэзіи мы встрѣ-

чаемъ саксонское *Heljand* (около 830 г.), — удачное переложение жизни Христа въ формы національнаго творчества; въ немъ, пожалуй, можно прослѣдить вліяніе родственнаго, англосаксонскаго эпоса, но нигдѣ незамѣтно вліянія возрожденія.

Если чужой, латинскій міръ и затрогивалъ кругъ понятій и характеръ представленій нѣмецкой поэзіи, то развѣ лишь косвенно и въ побочныхъ своихъ теченіяхъ. Такъ, англосаксонская литература, сдѣлавшаяся извѣстною въ Германіи съ появленіемъ Бонифація и его помощниковъ, а впоследствии получившая возможность вліять, чрезъ посредство Алькуина и его учениковъ, способствовала развитію старой верхне-нѣмецкой переводной литературы, пользовавшейся латинскими оригиналами почти исключительно церковнаго характера. Далѣе, со стороны формы вліяла также литература латинскихъ гимновъ; каролингское возрожденіе, конечно, скорѣе пренебрегало ею, чѣмъ покровительствовало ей. У нея, повидимому, нѣмецкая поэзія эпохи каролинговъ заимствовала рифму; но въ такомъ случаѣ это было скорѣе результатомъ мелодичности гимновъ и, стало быть, пріобрѣтеніемъ собственно музыкальной, а не поэтической рецепціи.

Но и этотъ новый элементъ, обратилъ на себя пока мало вниманія; въ широкихъ размѣрахъ онъ былъ примѣненъ почти только въ «Христѣ» (*Krist*) Отфрида Вейссенбургскаго, этотъ сухомъ, заимствованномъ изъ евангелія, дидактическомъ стихотвореніи о жизни Христа, загроможденномъ символической и экзегетической, которое никогда не могло сдѣлаться популярнымъ и имѣетъ гораздо большее значенія, какъ памятникъ языка, чѣмъ какъ поэтическое произведеніе.

Такимъ образомъ, германскій кругъ поэтическаго созерцанія, глубокой, самостоятельно прокладывающей себѣ путь потокъ національной этики, остался почти совершенно не затронутымъ поэзіею возрожденія, значеніе которой состояло только въ распространеніи знаній.

Но и въ этомъ отношеніи оплодотворяющее вліяніе, оказанное поэзіей возрожденія на германскія племена, не можетъ сравниться съ тѣмъ вліяніемъ, которое она имѣла въ романскихъ странахъ. Такъ, напр., результатомъ перемѣщенія Арно, одного изъ придворно-академическихъ товарищей Карла Великаго, на архіепископскую кафедру въ Зальцбургъ было то, что въ Зальцбургѣ образовалась библіотека, насчитывавшая около 150 рукописей, составлена была опись дарамъ баварскихъ герцоговъ архіепископскому престолу, появилась книга образцовъ для писемъ и документовъ; велись даже краткія историческія замѣтки, — но о болѣе значительныхъ успѣхахъ намъ ничего неизвѣстно. То же самое мы видимъ и въ другихъ округахъ ¹⁾.

¹⁾ Къ характеристикѣ умственной жизни образованнаго нѣмецкаго епископа ср. опись библіотеки Магальвина, 903 г., *Mon. Boica* 28 b., 201.

Изъ высшихъ областей знанія эпохи возрожденія не проникло почти ничего въ болѣе глубокія слои населенія. Запасъ словъ стараго верхне-нѣмецкаго нарѣчія, заимствованныхъ изъ латинскаго языка, въ сущности исчерпывается выраженіями для церковныхъ понятій, для внѣшняго комфорта и роскоши, особенно кулинарной, для манипуляцій, употребительныхъ въ профессіяхъ врача и архитектора; къ болѣе свободной духовной жизни относятся лишь немногія; изъ прилагательныхъ въ эту эпоху заимствованы были только «fein» и «sicher».

Даже въ чисто-церковныхъ сферахъ количество знаній было еще поразительно ничтожно; для священника считалось достаточными дословное знаніе трехъ большихъ символовъ вѣры, поверхностное пониманіе литургіи и умѣнье читать безъ ошибокъ библейскіе отрывки. У болѣе-же образованнаго духовенства знанія большею частью были перееработаны и носили чисто-археологическій характеръ. Въ то время какъ Франція уже въ IX в. была свидѣтельницей безчисленныхъ догматическихъ споровъ и, въ лицѣ Іоанна Эригена, пріютила у себя самостоятельнаго продолжателя неоплатонизма, въ Германіи о критическомъ отношеніи къ христіанской догматикѣ почти не было и рѣчи, и мнимо-догматическія разногласія вращались лишь въ сферѣ спорныхъ вопросовъ церковной практики. Да и остальные стороны классическаго преданія не возбудили въ средѣ германскихъ племенъ почти никакого критическаго интереса. Гдѣ было искать въ Германіи IX в. критическій геній, подобный Гинкмару Реймскому, или такого филолога-толкователя библии, какъ Христіанъ Стаблонскій?

Культурное преимущество, которымъ западная половина имперіи обязана была своему римскому прошлому, имѣло рѣшающее значеніе. Германскія племена только на древне-римской территоріи знали письменный документъ, какъ судебное доказательство; римскія преданія передали, доставили строительному искусству на Рейнѣ такую технику, что саксонскія церкви римской эпохи, несмотря на свои высокія архитектурныя достоинства, должны считаться произведеніями сравнительно молодого искусства, и вообще только романское населеніе западно-франскаго королевства обладало такими историческими преимуществами, которыя не могли быть достигнуты германцами при всей ихъ способности усвоенія чужаго. Не эпохъ каролинговъ, а только эпохъ Оттоновъ суждено было увидѣть самостоятельное, собственно нѣмецкое возрожденіе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Политическія и соціальныя измѣненія въ періодъ отъ VIII до X вв.; судьбы восточно-франкского государства.

I.

Когда возникло меровинго-каролингское федеральное государство, государственная территория по праву принадлежала королю: древнегерманскія представленія о принадлежащемъ племени и его королю правѣ собственности на землю слились съ римскимъ воззрѣніемъ, по которому провинціи считались собственностью имперіи. Такимъ образомъ, вся территория государства считалась еще въ сущности собственностью короля и къ дѣятельности государя все еще предъявлялось идеальное требованіе возможно-равномѣрнаго распредѣленія этой области между всѣми равноправными гражданами государства, между всѣми свободными. Право собственности или, по крайней мѣрѣ, верховной собственности короля на землю, коллективистическое и даже коммунистическое пользованіе ея силами со стороны подданныхъ—вотъ къ чему сводилась, если не дѣйствительность, то по крайней мѣрѣ идеаль франкской государственной жизни еще при самомъ ея возникновеніи.

Совсѣмъ не то представлялъ міръ около конца IX в., въ эпоху полного упадка франкской монархіи. Идея королевской земельной регалии давно поблекла передъ идей нарождавшагося феодальнаго государства и обратилась въ пустое притязаніе; государственная власть утратила не только право верховной собственности на землю, но и существенныя части непосредственно подвѣдомственной ей доманіальной собственности. Взамѣнъ того появилось въ высшей степени неравномѣрное распредѣленіе владѣнія и пользованія землею между подданными государства, и уже въ цѣломъ ряду поколѣній избытокъ земли служилъ въ рукахъ знати дѣйствительнымъ орудіемъ къ разрушенію государственной власти.

Трудно себѣ представить болѣе рѣзкіе контрасты. Исторически они обусловлены были громаднымъ перемѣщеніемъ правъ собственности на землю, а также развитіемъ сильной организаціи крупнаго землевладѣнія. Коллективистически-коммунистическая эпоха натурального хозяйства въ томъ видѣ, какъ оно существовало въ общинѣ первобытныхъ временъ, смѣняется организаторской и болѣе индивидуалистической эпохой натурального хозяйства, характернѣйшимъ учрежденіемъ которой является крупная поземельная собственность.

Въ началѣ господства Меровинговъ и даже при Каролингахъ исчезли еще не всѣ результаты, достигнутые націею на предшествовавшихъ ступеняхъ экономическаго развитія; аграрная культура далеко не господствуетъ надъ всею правовою жизнью націи; лишь въ VII в. процессъ развитія недвижимой собственности у различныхъ германскихъ племенъ достигаетъ повидимому одинаковой зрѣлости, и королевское право Меровинговъ и Каролинговъ постепенно вырабатываетъ формы господства недвижимой собственности. При всемъ томъ, однако, можно утверждать, что нѣмецкій народъ приблизительно съ VI в. начинаетъ жить преимущественно земледѣліемъ: съ этого именно момента становится совершенно очевиднымъ наступленіе крупнѣйшихъ перемѣнъ въ правѣ поземельной собственности; на ней, какъ на новомъ, а вскорѣ и единственномъ, орудіи соціальной и политической власти съ тѣхъ поръ сосредоточиваются всѣ политическія и общественныя стремленія.

Наиболѣе своеобразныя и болѣе по окончательнымъ результатамъ важныя перемѣны происходятъ въ землевладѣніи многочисленнаго сословія свободныхъ. Здѣсь, приблизительно около половины VI столѣтія, въ болѣе культурныхъ частяхъ страны образовалось право собственности на гуфу (Hufe), принадлежавшее свободному, самостоятельному ведущему хозяйству землевладѣльцу (Hüfner), хотя, по своему содержанію, оно было еще сильно ограничено предоставленнымъ общинѣ, роду и семьѣ собственника правомъ предпочтительнаго приобрѣтенія ¹⁾. Эта собственность втеченіе слѣдующихъ столѣтій становится все болѣе самостоятельною, освобождаясь отъ связывающихъ ее ограниченій. Если на первыхъ порахъ она могла переходить по наслѣдству только къ сыновьямъ, и даже не къ внукамъ, а, при отсутствіи сыновей, возвращалась къ общинѣ, то теперь установилось право наслѣдованія внуковъ, а вскорѣ и братьевъ наслѣдодателя, притязаніе-же членовъ марки все болѣе отступало на задній планъ и, наконецъ, было забыто. То-же самое произошло и съ правами предпочтительнаго приобрѣтенія, принадлежавшими роду и особенно ближайшимъ родственникамъ, которыя могли быть предъявляемы по поводу всякаго юридическаго акта, относящагося къ зем-

1) См. ч. I.

левладѣнію: въ извѣстныхъ случаяхъ они стали исчезать, въ особенности въ пользу церкви. Всѣ эти явленія вызваны были главнѣйшимъ образомъ тѣмъ, что франкское государство оказалось совершенно неспособнымъ сохранить въ первобытной строгости коммунистическія начала пользованія землею. Результатомъ этихъ перемѣнъ было то, что отдѣльный членъ сословія свободныхъ, хотя все еще строго ограниченный въ своемъ правѣ хозяйственно и юридически располагать своею землею, — все-таки сравнительно съ прежнимъ сдѣлался нѣсколько болѣе самостоятельнымъ. И эта свобода привела уже къ замѣтнымъ нарушеніямъ въ существовавшемъ, равномерномъ распредѣленіи поземельной собственности: гуфы уменьшались, раздроблялись, округлялись, увеличивались: скоро во всѣхъ селахъ оказались болѣе и менѣе богатые владѣльцы гуфовъ.

Параллельно съ медленнымъ процессомъ перехода отъ чисто-коммунистическихъ основаній къ индивидуалистическимъ началамъ совершался и экономическій процессъ, еще болѣе способствовавшей неравномерному распредѣленію поземельной собственности.

Въ первое время послѣ основанія поселенія, въ еще необработанныхъ частяхъ марки, на которыхъ пользовались сообща лѣсомъ и пастбищами, свободному члену этой марки предоставлялось поднимать новину, сѣять и собирать урожай. Земля альменды считалась общою собственностью, въ томъ смыслѣ, что каждое вліяніе на какую-либо часть ея, состоявшее въ примѣненіи личного труда, создавало право совершенно безпрепятственно и нераздѣльно пользоваться этою частью и послѣ продолжительнаго воздѣлыванія ея требовать ее себѣ даже въ личную собственность. Этимъ возрѣніемъ наиболѣе энергичные хозяева изъ числа членовъ марки рано воспользовались съ выгодною для себя: въ своихъ родовыхъ маркахъ они вскорѣ подняли обширныя пространства нови внѣ опредѣленнаго пространства полей, первоначально входившихъ въ составъ гуфа; участки занятой такимъ образомъ нови расширялись все болѣе и болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ росла и неравномерность владѣнія и собственности свободныхъ земледѣльцевъ.

Эти явленія уже при первыхъ Каролингахъ привели къ полному дифференцированію древне-свободныхъ, первобытно-коммунистическихъ крестьянскихъ обществъ въ особое сословіе.

Но, въ то время какъ въ тиши зрѣлъ этотъ процессъ, чреватый бѣдами для королевской власти каролинговъ, по прежнему еще признававшихъ за своими подданными одни и тѣ-же равныя первобытно-германскія права и обязанности, наступили событія экономического и политическаго характера, направившія вниманіе современныхъ позднѣйшимъ Меровингамъ и первымъ Каролингамъ поколѣній совершенно въ другую сторону.

Надъ экономически выдѣлившимися сословіемъ свободныхъ все

грознѣе поднималось настоящее, широко-разросшееся крупное землевладѣніе.

Процессъ этотъ былъ совершенно почти незнакомъ первобытно-германской эпохѣ. На территоріи римской имперіи онъ возникъ уже въ раннюю эпоху. Здѣсь франки и бургунды всѣми правдами и неправдами пріобрѣтали обширныя латифундіи римскаго происхожденія; церковь изъ своего римскаго прошлаго тоже принесла франкскому государству богатое наслѣдіе земель, колонатовъ и другихъ оброчныхъ имѣній.

Но новое явленіе вскорѣ распространилось и на чисто-германскія части страны. Церковь получала и здѣсь богатые пожертвованія; Фульда, монастырь св. Бонифація, спустя короткое время послѣ своего основанія владѣлъ уже 15,000 гуфовъ. Главнымъ же образомъ король, въ силу принадлежавшей ему земельной регалии, утвердилъ здѣсь право своей собственности, преимущественно на всю еще не эксплуатируемую другими землю, и распоряжался ею фактически, когда ему это было угодно. Но и помимо громаднаго количества поступившихъ такимъ образомъ въ его распоряженіи земель подъ лѣсомъ и топями, степями и болотами, онъ, какъ законный наслѣдникъ римскихъ императоровъ, обладалъ еще обширнѣйшею земельною собственностью, возникшею изъ конфискацій и по другимъ юридическимъ основаніямъ. Такимъ образомъ, франкскіе короли, казалось, располагали неисчислимымъ занасомъ земли и земельныхъ доходовъ, тѣмъ болѣе, что въ силу земельной регалии они имѣли право на седьмую часть дохода со всѣхъ, непосредственно имъ не принадлежавшихъ, обработанныхъ земель. При всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, они во всякомъ случаѣ исходили обыкновенно изъ сознанія неистощимости этихъ средствъ. Цѣлыя квадратныя мили земли дарили они сильнымъ людямъ, преданностью которыхъ находили нужнымъ дорожить, считая тѣмъ болѣе позволительными такіе акты, что юридическій характеръ древне-германскаго даренія допускалъ отнятіе дара въ случаѣ неблагодарности одареннаго, а также и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Однако, въ дѣйствительности, сановники болѣею частью пріобрѣтали, на основаніи того-же древне-германскаго права, неприкосновенную собственность на подаренныя земли. Они сокрушали дикую силу первобытныхъ лѣсовъ, они осушали болота и трясины, они дѣлали пустынные горныя пространства доступными рабочему населенію; они превращали землю въ настоящее хозяйственное помѣстье приносящее плоды. А этимъ путемъ, по германскому праву, земля становилась ихъ благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, ихъ достояніемъ, котораго король уже никоимъ образомъ не могъ отнять у нихъ. Въ первой половинѣ VII в. результатъ все еще продолжавшагося движенія былъ уже несомнѣненъ: не только

въ Галліи, на древней почвѣ имперіи, но на германскомъ востокѣ возникло новое прочное крупное землевладѣніе.

И эта крупная поземельная собственность находилась главнымъ образомъ въ рукахъ класса, который и самъ по себѣ высоко стоялъ по происхожденію своихъ членовъ и занимаемымъ ими должностямъ, класса руководящаго — дворянства. Правда, и простымъ лицамъ свободного званія короли давали привилегіи на обращеніе подъ пашню лѣсныхъ и горныхъ пространствъ за незначительную плату; богатымъ членамъ марки открывался доступъ къ незанятымъ землямъ, принадлежавшимъ казнѣ; но, тѣмъ не менѣе, въ общемъ преобладалъ переходъ владѣнія и собственности къ знатымъ; лишь въ эпоху Каролинговъ, да и то въ довольно незначительныхъ размѣрахъ, развилась система «королевскихъ гуфовъ» (Königshufe), — особая форма владѣнія королевскою землей, передававшейся свободному крестьянину. Крупные же землевладѣльцы принимаются, особенно со временъ Каролинговъ, въ размѣрахъ, далеко превышающихъ прежніе, эксплуатировать свои новыя владѣнія. Они планомерно обращали подъ пашню обширныя пространства первобытнаго лѣса, защищая ихъ крѣпкими заборами отъ вторженія дикихъ звѣрей; они строили церкви посреди лѣсной чащи, и при нихъ скиты, слава которыхъ привлекала набожныхъ людей свободного званія, побуждая ихъ селиться вблизи и приниматься за обработку дѣвственной почвы; они строили цѣлыя деревни; пока наконецъ, съ IX и X вв., страна не заселилась далеко вокругъ, и короли не положили предѣлъ дальнѣйшему движенію въ еще нетронутыя части горныхъ лѣсовъ, объявивъ ихъ заповѣдными.

Но крупное землевладѣніе успѣло уже повсюду упрочиться и развить особаго рода организацію своего хозяйства.

Древнее полевое хозяйство членовъ марки не требовало особой организаціи, кромѣ установленнаго въ ея предѣлахъ извѣстнаго порядка. Такъ какъ оно довольствовалось само собою и не нуждалось въ какихъ либо связяхъ съ промышленностью или торговлею для обезпеченія членамъ марки необходимыхъ средствъ къ жизни, то въ немъ и отсутствовали всякія іерархическія подраздѣленія. Естественное развитіе животнаго и растительнаго организма, смѣна дождя и вѣдра, лѣта и зимы удовлетворяли всѣмъ регулярнымъ потребностямъ безбѣднаго существованія; экономическая обезпеченность въ случаѣ несчастія гарантировалась общинною землей (Allmende). Такимъ образомъ, въ обыкновенномъ хозяйствѣ свободныхъ не было раздѣленія труда въ собственномъ смыслѣ этого слова, не было существъ исключительно-служащихъ или исключительно повелѣвающихъ; выполнение того, что создавалось всѣми, благочестивая мысль приписывала домашнимъ духамъ, гномамъ: такимъ образомъ организація хозяй-

ства, поскольку таковая существовала, примыкала къ области религіозныхъ вѣрованій.

Какъ все это измѣнилось съ возникновеніемъ крупной поземельной собственности! Правда, германцы пытались (хотя и совершенно разрозненно) продолжать старое, организованное по типу плантацій или по системѣ колонатовъ, крупное хозяйство доставшихся имъ въ собственность римскихъ латифундій. Однако, они уже въ древнѣйшее время знакомы были (хотя какъ съ исключеніемъ) съ эксплуатаціей болѣе значительныхъ имѣній, главнымъ образомъ, вѣроятно, принадлежавшихъ вождямъ, и эта система теперь могла быть примѣнена въ усовершенствованномъ видѣ. Земля была раздѣлена на гуфы; на гуфахъ, въ большинствѣ случаевъ равнявшихся, вѣроятно, половинѣ свободного надѣла, сидѣли несвободные, которые хотя и вели хозяйство самостоятельно, но обязаны были извѣстными услугами и оброкомъ въ пользу господина. Эта система теперь была расширена. И въ крупномъ землевладѣніи эпохи Каролинговъ, когда отдѣльныя гуфы и обрабатываемыя площади часто бывали разбросаны на много квадратныхъ миль и сотни деревень пользовались землей въ черезполосномъ владѣніи, разумное пользованіе было мыслимо также лишь въ формѣ индивидуальной обработки: помѣстья раздавались въ арендное содержаніе мелкому люду на самыхъ разнообразныхъ юридическихъ началахъ. Но помѣщикъ теперь уже не имѣлъ возможности, какъ нѣкогда, при первобытныхъ порядкахъ, принимать лично и непосредственно всѣ услуги и платежи арендаторовъ; этого не позволяла многочисленность отданныхъ въ пользованіе гуфовъ. Поэтому для каждой сосѣдской группы крестьянъ арендаторовъ землевладѣлецъ учреждалъ должность пріемщика; гуфъ былъ поручаемъ для этой цѣли одному изъ его слугъ, получавшему, обыкновенно, названіе фермера (Meier); этотъ послѣдній принималъ поступленія натурой и отдавалъ въ нихъ отчетъ господину; онъ же наблюдалъ за отправленіемъ барщинныхъ работъ по запашкѣ и сбору урожая на господской землѣ своего участка. Подъ этою центральною должностью разрослась цѣлая сѣть фермерскихъ должностей: таково начало средневѣковой организациі крупнаго землевладѣнія. А къ фермерамъ вскорѣ присоединились и другіе подчиненные подобнаго-же рода — ичеловоды и егеря, пастухи лошадей и пастухи овецъ, садовники и винодѣлы: организациа крупнаго землевладѣнія привела не только къ іерархическому расчлененію, но и къ дифференцированію труда въ координированныя отрасли.

Мало того. Среди разрозненнаго хозяйства сельскихъ общинъ, оставшихся въ отношеніи другъ къ другу совершенно-самостоятельными и независимыми, хозяйство крупнымъ помѣстій представляло единственную дѣйствительно-великую и, вообще, первую энергичную организацию болѣе обширныхъ экономическихъ интересовъ. И круп-

ныя помѣстья въ этомъ отношеніи не только являлись совершеннѣйшими образованіями въ кругу хозяйственныхъ интересовъ націи, но они превзошли и самое государство интенсивностью управленія и строгостью расчлененія. Это обстоятельство становилось для помѣстій все болѣе и болѣе выгоднымъ по мѣрѣ того какъ падало государство. Во второй половинѣ VII в., во время агоніи меровингской монархіи, дошло до того, что помѣстья среди общаго разложенія государственной жизни можно было уже считать зародышами будущихъ мелкихъ государствъ.

ГІ.

Вторая половина VII в. была эпохой, когда во франкскомъ государствѣ исчезли послѣдніе замѣтные слѣды римскаго денежнаго хозяйства и когда побѣду стало одерживать стремленіе къ натуральному хозяйству.

Около этого времени начинаетъ приходить въ упадокъ старая, классическая золотая монета, — этотъ знакъ высоко развитаго античнаго народнаго хозяйства. Въ западной части государства золотой солидъ встрѣчается все рѣже; алеманны и баварцы, которые до Карла Великаго держались золотого солида, — не столько, конечно, въ качествѣ монеты, сколько въ качествѣ украшенія, — теперь обходятся византійскими экземплярами, проникающими къ нимъ вверхъ по Дунаю. На западѣ, напротивъ, съ конца VII в., принимаетъ усиленные размѣры чеканка серебра, повидимому безъ всякаго законодательнаго вмѣшательства; при многочисленныхъ злоупотребленіяхъ государственною монетною регаліей со стороны знати и фальшивыхъ монетчиковъ фактически развивается двойная монетная система. Затѣмъ, король Пепинъ и Карлъ Великій повсемѣстно упорядочили монетное дѣло. Можно полагать, что около 780 года совершился переходъ къ исключительно-серебряной валютѣ на всемъ протяженіи государства: это доказываетъ, что галльскія земли и правое побережье Рейна одинаково вступили въ періодъ натурального хозяйства. Переходъ этотъ былъ благопріятенъ для хозяйственной политики Карла Великаго, нашедшей теперь во всемъ государствѣ однородную почву для осуществленія своихъ цѣлей.

Но на первыхъ порахъ ни одно учрежденіе не извлекло такихъ выгодъ изъ совершившагося перехода къ чистонатуральному хозяйству, какія выпали на долю крупнаго землевладѣнія: это естественно, такъ какъ во всѣ эпохи натурального хозяйства оно является единственною экономическою силой, достаточно способною къ организаціи. Этимъ обстоятельствомъ объясняется тотъ фактъ, что въ періодъ отъ черныхъ дней послѣднихъ Меровинговъ и до упадка имперіи Каролинговъ дворянское землевладѣніе, несмотря на

всѣ законодательныя мѣры Карла Великаго, сдѣлалось, въ полномъ смыслѣ этого слова, господствующею соціальною силой.

Прежде всего, ему принадлежалъ почти исключительно многочисленный классъ несвободнаго населенія. Это было тѣмъ болѣе важно, что съ VII по IX в. число несвободныхъ значительно возросло, — частью вслѣдствіе естественнаго прироста, частью благодаря все еще практиковавшемуся обращенію военноплѣнныхъ въ рабовъ, — зависѣло это также и отъ пріобрѣтенія иноземныхъ рабовъ путемъ купли, и, наконецъ, отъ перехода неимущихъ свободныхъ людей въ несвободное состояніе.

Для всѣхъ этихъ зависимыхъ людей низшаго званія, за которыми дѣйствовавшее еще древнее право не признавало никакихъ человѣческихъ правъ, усиленіе крупной поземельной собственности являлось первымъ шагомъ къ освобожденію. Организуя свои владѣнія, помѣщики тѣмъ самымъ организовали и несвободныхъ, какъ необходимое орудіе для эксплуатаціи этихъ владѣній: они являются уже не только въ качествѣ земледѣльцевъ, обрабатывающихъ цѣлыя гуфы, или части гуфовъ, или внѣ-гуфныя земли господина; разросшійся придворный штатъ помѣщика нуждается и въ ремесленникахъ, въ людяхъ для личнаго услуженія и въ низшемъ должностномъ персоналѣ. На всѣ эти мѣста назначались, между прочимъ, и несвободные: въ организаціи помѣстья и посредствомъ этой организаціи сословіе несвободныхъ начало расчленяться; его начали допускать къ квалифицированному труду; ему открывалась возможность восхожденія по соціальной лѣствицѣ, на первыхъ порахъ въ предѣлахъ отдѣльнаго помѣстья.

Но это еще не все. Рядомъ съ іерархическимъ расчлененіемъ въ предѣлахъ отдѣльнаго помѣстья возникла іерархическая группировка между самими помѣстьями. Несвободный житель казеннаго имѣнія пользовался большимъ уваженіемъ, чѣмъ другіе несвободные: вѣдь королевская милость могла поднять его изъ служащихъ имѣнія на степень барона (Sakebaron) или графа: соотвѣтствовавшіе несвободнымъ франкскихъ казенныхъ имѣній несвободные герцогскаго баварскаго фиска прямо такъ и называются «благородными холопами» (Adalschalke). И если несвободные знатныхъ свѣтскихъ помѣщиковъ гордились могуществомъ своего господина и тѣмъ почетомъ, которымъ онъ пользовался у короля, то несвободные церковнаго помѣстья хвалились меньшими тягостями и большимъ богатствомъ имѣнія.

Подъ вліяніемъ крупнаго землевладѣнія однородная доселѣ масса несвободныхъ расчленилась сообразно различіямъ въ ихъ служебномъ и хозяйственномъ положеніи и соотвѣтственно общественному положенію господъ; право слѣдовало за процессомъ соціальной дифференціи; начали признавать различіе положенія и въ частно-правовой

сферѣ: такимъ образомъ достигнута была болѣе высокая ступень развитія, на которой несвободные лицомъ къ лицу столкнулись съ крѣпостными (Hörige).

Дѣйствительно, въ эпоху Каролинговъ часто уже бываетъ трудно отличить крѣпостныхъ отъ несвободныхъ, а гдѣ и удается установить различіе, тамъ основаніемъ его являются обыкновенно, уже не хозяйственные или соціальныя моменты настоящаго, а древне-франкское право и устарѣлыя притязанія; самое большее, что еще отличало крѣпостныхъ—это меньшіе размѣры повинностей и иногда большая правоспособность. Вѣдь, въ сущности уже въ это время, однимъ и тѣмъ же занимались несвободные и обязанные, служа оба одинаково землевладѣнію. Приближалось уже то время, когда имъ предстояло слиться съ несвободными въ одинъ классъ помѣщичьихъ крестьянъ. Возможность—же образованія этого класса, единого, сильно-расчлененнаго служилаго населенія помѣстья, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ появился около конца IX в., обуславливалась массовымъ вступленіемъ свободныхъ въ распоряженіе помѣщиковъ.

Не мало свободныхъ постепенно изнемогали въ борьбѣ съ ужасными послѣдствіями того переворота въ землевладѣніи, о которомъ мы говорили: они обнищали. Многія второстепенныя причины еще ускорили наступленіе этого результата. Обязательное по древнему праву участіе въ отправленіи правосудія поглощало теперь у свободныхъ слишкомъ много времени; высокіе размѣры штрафовъ, установленные древними національными законами доходившіе въ пеняхъ (Wehrgeld) франковъ до 2400—21,600 нынѣшнихъ марокъ, доводили многихъ свободныхъ до раззоренія и даже до долговаго рабства (Schuld Knechtschaft). Еще болѣе тяжелымъ бременемъ ложилось на свободныхъ повинность военной службы, особенно со времени Карла Великаго: ополченія созывались, напр., въ 778 г. для похода въ Испанію, въ 788 г.—противъ Тассилона Баварскаго, въ 791 г.—противъ аваровъ, въ 806 г.—противъ славянъ, въ 810 г.—противъ датчанъ: могъ ли простой свободный безъ тяжелаго ущерба для своего экономическаго положенія отбыть службу даже только по одному или двумъ изъ этихъ призывовъ на свой счетъ? Вдобавокъ государство и въ мирное время не было въ силахъ защитить свободныхъ отъ притѣсненій; несмотря на все протнводѣйствіе со стороны законодательства, поземельная аристократія, вынужденная каролингами отказаться отъ политическихъ притязаній, съ конца VIII в. дѣятельно и успѣшно принялась за соціальное уничтоженіе свободнаго сословія крестьянъ.

Такимъ образомъ, начиная съ эпохи позднѣйшихъ меровинговъ, древнее сословіе свободныхъ все больше и больше тяготилось соціальнымъ и политическимъ положеніемъ, экономическія основанія котораго все болѣе исчезали: они искали какого-нибудь убѣжища отъ

несправедливостей государства и отъ безжалостнаго гнета экономическихъ условій.

Они нашли это убѣжище у своихъ угнетателей—помѣщиковъ.

Сдѣлалось обычнымъ явленіемъ, что свободный отдавалъ свое маленькое имѣніе какому-нибудь помѣщику, обязываясь платить ему оброкъ и принимая въ аренду участокъ помѣщичьей земли, дабы гарантировать себѣ этимъ заступничество помѣщика противъ требованій военной службы и судебной исполнительной власти; еще чаще случалось, что безземельные люди свободного званія получали отъ помѣщика часть гуфа или внѣ-гуфной земли (Rottland) съ обязательствомъ уплачивать оброкъ и съ правомъ пользоваться защитою помѣщика. Этимъ путемъ росли помѣстья свѣтскихъ владѣльцевъ, а еще больше церковныя имѣнія, потому что подъ священнослужительскимъ жезломъ свободный могъ рассчитывать на болѣе милостивую охрану и болѣе кроткое господство. Вокругъ только еще зарождающагося, составленнаго изъ несвободныхъ и обязанныхъ, ядра помѣстнаго общества нарасталъ новый слой, пока еще свободныхъ, помѣщичьихъ арендаторовъ (Hintersassen).

Тотчасъ-же возникъ вопросъ, въ какое отношеніе станетъ этотъ слой къ ядру населенія. Возможно-ли было предполагать, что изъ соединенія ихъ, въ концѣ концовъ, произойдетъ однородная масса, — на подобіе того, какъ на германскихъ кладбищахъ эпохи великаго переселенія вперемежку погребены свободные и несвободные, причемъ свободный отличается только тѣмъ, что околонею положены гребень или бритва для его длинныхъ волосъ?

Крупное землевладѣніе сдѣлалось могилой первоначальной свободы этихъ арендаторовъ.

Само собою разумѣлось, что арендаторы были включены въ зарождающуюся хозяйственную организацію помѣстья: они были подчинены фермерамъ, вносили имъ оброкъ, а во многихъ случаяхъ несли и пахотную службу на барщинной землѣ наравнѣ съ несвободно-обязаннымъ населеніемъ. Это имѣло дурныя послѣдствія для окончательнаго юридическаго устройства свободныхъ. Если свободный искалъ защиты помѣщика для того, чтобы освободиться отъ государственной военной службы и судебныхъ обязанностей, то могъ ли онъ рассчитывать на сохраненіе своей германской свободы, обусловливавшейся именно этими правами и обязанностями? Учрежденіе иммунитета ¹⁾ рано доставило возможность многимъ помѣщикамъ подчинить своей юрисдикціи свободныхъ поселенцевъ; въ сеньоратѣ, объ исторіи котораго мы вскорѣ будемъ говорить, они пріобрѣли средство освободить свободныхъ поселенцевъ отъ государственнаго ополченія. Когда-же помѣщикъ добился судебной власти и военнаго начальство-

¹⁾ Ср. Ч. I.

ванія также и надъ зависѣвшими отъ него несвободными и обязан-
ными, что могло помѣшать ему совершенно объединить подъ своимъ
господствомъ этихъ послѣднихъ и свободныхъ поселенцевъ?

Скоро такъ и случилось.

Чѣмъ болѣе развивались организація и раздѣленіе труда въ средѣ
несвободныхъ и обязанныхъ помѣстья, чѣмъ болѣе они подъ влі-
яніемъ этого процесса сливались въ одинъ классъ, тѣмъ болѣе че-
ловѣчнымъ становилось обхожденіе съ ними. Древняя дисциплинар-
ная власть господина преимущественно надъ несвободными, превра-
тилась въ неполную юрисдикцію одновременно надъ несвободными
и обязанными: возникло особое помѣстное судоустройство. По образцу
германскаго свободнаго судоустройства обязанно-несвободное насе-
леніе каждой фермы (Meierhof) стало организоваться въ судебную
общину (Gerichtsgemeinde) подъ предсѣдательствомъ фермера, какъ
первоприсутствующаго судьи и, въ качествѣ таковой, произносило
приговоры и само творило для себя свое особое новое право, мате-
риальное право своей фермы.

Этотъ фактъ имѣлъ весьма важныя послѣдствія. Теперь жители
фермы уже не являлись безправными относительно помѣщика: имъ
самимъ предоставлена была возможность, въ силу ихъ судебныхъ
полномочій, опредѣлить предѣлы правовой дѣятельности. Тутъ уже не
было больше несвободы или обязаннаго состоянія (Hörigkeit) въ преж-
немъ смыслѣ этого слова: оба класса, сливаясь и выростая, начали
превращаться въ служилый помѣстный классъ (Grundholden), въ томъ
значеніи, какое имѣло это слово позднѣе, въ эпоху германской им-
періи.

Свободные поселенцы (Hintersassen) помѣстій всецѣло и безъ остат-
ка поглощены были этимъ процессомъ. Они тоже вошли въ судеб-
ную организацію фермы; они, главнымъ образомъ, создали новое
право сословія; они были наставниками и руководителями въ разви-
тіи грундгольдерскаго права (Grundholdenrechtes)¹⁾ въ духѣ возможно-
совершеннѣйшей аналогіи съ древнимъ правомъ простыхъ свобод-
ныхъ (Gemeinfreien).

Таково было положеніе дѣлъ въ началѣ каролингской эпохи: уже
формировался единый классъ Grundholder'овъ; архаически различали
еще въ немъ, по происхожденію, свободныхъ, обязанныхъ и несво-
бодныхъ. Новый классъ былъ, несомнѣнно, важнѣйшимъ продуктомъ
тѣхъ социальныхъ перемѣнъ, которыя были вызваны возникновеніемъ
крупнаго землевладѣнія. Въ сліяніи составныхъ его частей погибло

¹⁾ Grundholder'ами назывались обязанные, состоявшіе подъ покровитель-
ствомъ помѣщиковъ и отъ нихъ зависѣвшіе. Въ болѣе древнее время Grund-
holder'овъ продавали вмѣстѣ съ землею, на которой они сидѣли.

рабство первобытныхъ временъ; благодаря этому сляяню развилась плодотворная экономическая дѣятельность германской императорской эпохи; вызывались въ XII и XIII вв. къ жизни зачатки новой крестьянской профессиональной свободы.

Именно эти условія отличаютъ нашу цивилизацію отъ цивилизаціи древняго міра съ его рабствомъ; ради нихъ свободный поселенецъ помѣстья поступался формально свободой первобытной германской эпохи. Это была хотя и тяжелая, но спасительная жертва, что чувствовали уже современники, выразившіе это въ слѣдующихъ словахъ о свободномъ, сдѣлавшемся помѣщикомъ крестьяниномъ: *libertatem suam in liberiore servitute commutavit* ¹⁾).

III.

Всякая значительная соціальная сила стремится въ эпоху натурального хозяйства самостоятельно удовлетворять всѣмъ своимъ нуждамъ, обособиться, быть государствомъ въ государствѣ. Естественно поэтому, что помѣстье меровингской и, еще болѣе, каролингской эпохи стремилось къ пріобрѣтенію политическихъ правъ.

Самымъ раннимъ пріобрѣтеніемъ, сдѣланнымъ на этомъ пути, является иммунитетъ.

Иммунитетъ въ VI в. и позднѣе былъ, по преимуществу, финансовою привилегіей; предоставленный, главнымъ образомъ, церковнымъ имѣніямъ, онъ имѣлъ своимъ результатомъ свободу отъ государственныхъ налоговъ, а также отъ требованій, возникающихъ изъ государственной юрисдикціи, изъ финансоваго и военнаго верховенства ²⁾); поэтому, его точный смыслъ воспрещалъ оффиціальное вступленіе публичныхъ должностныхъ лицъ въ помѣстье для взиманія податей и повинностей.

Этимъ, въ высшей степени благопріятнымъ, положеніемъ крупные помѣщики не замедлили воспользоваться для совершеннаго устраненія всякаго административнаго акта изъ предѣловъ помѣстья и его населенія. Но если власть чиновничества была лишь пустымъ звукомъ для обладателя иммунитета, то его отношеніе къ верховной государственной власти должно было сдѣлаться непосредственнымъ; такимъ образомъ, иммунитетъ имѣлъ своимъ прямымъ послѣдствіемъ для помѣщика непосредственное его подчиненіе коронѣ.

Но могъ ли иммунитетъ долго просуществовать безъ того, чтобы владѣлецъ его не включилъ въ хозяйственную организацію своего помѣстья служебный персоналъ, надѣленный тѣми правами и обязан-

1) Онъ промѣнялъ свою свободу на болѣе свободное рабство.

2) См. ч. I.

ностями, которыя раньше присвоены были королевскимъ чиновникамъ? Разъ военное управленіе, судебная и финансовая дѣятельность государства, съ появленіемъ полнаго иммунитета прекратились, — помѣщикъ самъ долженъ былъ взять ихъ въ свои руки; онъ добивался званія верховнаго судьи, военачальника и облагающаго налогами населеніе въ предѣлахъ своихъ владѣній.

Полное достиженіе этихъ цѣлей было равносильно разрушенію стараго государства. Всѣ энергичные франкскіе государи противились этому; владѣльцы иммунитетовъ лишь отчасти приблизились къ своему идеалу. Однако, уже къ концу IX в. иммунитетныя помѣстья были совершенно изъяты отъ подсудности низшему государственному уголовному суду (Zente) и создали свою собственную низшую юрисдикцію; уже при императорахъ династіи Оттоновъ они почти сплошь и рядомъ пользовались вполнѣ самостоятельной юрисдикціей въ объемѣ юрисдикціи сотеннаго суда (Hundertschaftsgericht).

Еще задолго до того, какъ подобныя-же результаты были достигнуты въ области военнаго управленія, не только крупныя помѣстья, надѣленныя иммунитетомъ, но и вообще всѣ значительныя помѣстья вступили на такой путь, который фактически обезпечивалъ за ними положеніе маленькихъ, самостоятельныхъ въ военномъ отношеніи, державъ, и который съ теченіемъ времени привелъ къ очень опаснымъ измѣненіямъ въ государственномъ строѣ.

Въ первобытную германскую эпоху существовали военныя дружины, окружавшія вождей отдѣльныхъ племенъ въ мирное время—въ качествѣ почетной свиты, а на войнѣ—въ качествѣ вѣрной боевой челяди¹⁾. Въ періодъ племеннаго строя это учрежденіе, если и не носило вполнѣ государственнаго характера, то во всякомъ случаѣ составляло исключительную принадлежность вождей, было терпимо народомъ и даже находило себѣ тактическое примѣненіе въ боевой организаціи государства. Оно не исчезло съ окончаніемъ первытней эпохи; сдѣлавшись принадлежностью одного короля, оно сохранилось и перешло въ государство Меровинговъ: франкскаго короля искони окружали антрустіоны, какъ назывались здѣсь дружинники²⁾; тѣсно сплоченные вокругъ короля, они на ряду съ домашними и военными обязанностями прежняго времени приняли на себя и нѣкоторыя отрасли новаго государственнаго управленія.

Тогда-то—повидимому, уже въ очень раннюю эпоху³⁾, — могущественнѣйшіе помѣщики франкскаго государства также начали окружать себя рейтарами во время мира и на войнѣ; образовались частныя дружины, небольшія частныя войска; развитію этого въ высшей степени страннаго явленія не могли воспрепятствовать слабыя меро-

¹⁾ Ср. ч. 1.

²⁾ Ср. ч. 1, ³⁾ Dippe, Gefolgschaft und Huldigung, стр. 10.

вингскіе короли. И какъ разрослись эти дружины во время смуть VII вѣка! Въ частныя войска крупныхъ помѣщиковъ все больше и больше стремились массы безземельныхъ и безродныхъ свободныхъ; они получили названіе вассаловъ (Vassen); для нихъ выработалось особое договорное отношеніе. Новопоступающій рейтаръ рекомендовалъ себя, представлялся помѣщику — главѣ дружины, клалъ свои руки въ его руки, поручалъ себя его попеченіямъ и его защитѣ и всегда обязывался. — по крайней мѣрѣ, съ половины VIII в. — особою присягой, взамѣнъ покровительства и пропитанія, вѣрно служить господину во всемъ, насколько то будетъ совмѣстно съ званіемъ свободного, особенно-же на полѣ брани.

Не подлежитъ сомнѣнію, что появленіе такой рейтарской дружины создавало въ рукахъ крупнаго помѣщика болѣе или менѣе самостоятельную, государствомъ не санкціонированную власть: онъ сталъ маленькимъ тираномъ¹⁾. Но онъ уже сдѣлалъ шагъ къ тому, чтобы доставить этому вполнѣ обособленному положенію извѣстное признаніе и со стороны государства; въ то же время онъ отборные ряды своихъ конныхъ вассаловъ усилилъ пѣхотой, составленной изъ свободныхъ, а часто даже несвободныхъ и обязанныхъ поселенцевъ своего помѣстья.

Свободные поселенцы, устремившись съ половины VII в. массами въ помѣстья, на первыхъ порахъ очутились конечно только въ хозяйственной и административной зависимости отъ помѣщика; но они многократно пытались сохранить свои государственныя обязанности, военныя и судебныя, — и, во всякомъ случаѣ, они чтили своего помѣщика, какъ «старшаго» (Aldermann), какъ сеньора (Senior, seigneur), но не какъ единственнаго начальника и судью.

Между тѣмъ относительно воинской повинности было весьма естественно, что графъ, именемъ короля созывавшій ополченіе, передавалъ жителямъ помѣстья приказъ черезъ помѣщика, и было еще естественнѣе, что помѣщикъ, патронъ своихъ людей, приводилъ этихъ людей къ графу подъ своею командой. Такъ было въ особенности съ вассалами. И вотъ помѣщики, съ маленькими, какъ-бы лично имъ принадлежавшими войсками, присоединялись къ общему контингенту свободныхъ обывателей округа (Gau), собиравшихся подъ начальствомъ графа. Слѣдовало-ли этимъ особымъ помѣщичьимъ отрядамъ распасться при формированіи всего окружнаго контингента подъ начальствомъ графа? Нѣтъ, они продолжали держаться отдѣльно; даже на войнѣ они оставались особыми частями войскъ: въ первой половинѣ VIII в. франкскому войску уже грозила опасность рас-

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ Эйнгардъ, V. Capol. c. 2, изображая послѣднія времена Меровинговъ, говоритъ о „тираннахъ, присвоивающихъ себѣ господство надъ всею Галліей (tyranni per totam Galliam dominatum sibi vindicantes)“.

часться на отдѣльные помѣщичьи отряды рядомъ съ старыми контингентами свободныхъ.

Этому всѣми силами противились великіе каролинги и особенно Карлъ Великій. Но для этого противодѣйствія существовало только одно рѣшительное средство: возстановленіе окружныхъ контингентовъ свободныхъ въ ихъ прежней численности, и даже по возможности увеличеніе ихъ численности въ такихъ размѣрахъ, чтобы отряды помѣщиковъ поглощались ими. И съ этой точки зрѣнія объясняется постоянная забота Карла Великаго по возможности привлечь свободныхъ къ военной службѣ. Но его усилія были напрасны. Число свободныхъ, которымъ средства еще позволяли участвовать въ военныхъ походахъ, постоянно сокращалось, въ послѣдніе годы Карла Великаго оно было уже такъ незначительно, что численный перевѣсъ началъ переходить на сторону помѣщичьихъ контингентовъ. Затѣмъ, при Людовикѣ Благочестивомъ, значительнѣйшая часть войска состояла, повидимому, уже не изъ свободныхъ, а изъ помѣщичьихъ людей, главнымъ образомъ изъ вассаловъ¹⁾; около половины IX в. военное устройство, по крайней мѣрѣ въ западныхъ частяхъ страны, представляется вполне преобразованнымъ въ этомъ направленіи.

Понятно, какъ отразились эти измѣненія на устройствѣ и могуществѣ крупныхъ помѣстій. Теперь помѣщики, въ предѣлахъ своихъ владѣній, обладали военною властью, а это, при изстари существовавшей тѣсной зависимости между судебнымъ и военнымъ строемъ, значило и судебною властью. Это относится ко всѣмъ помѣщикамъ безразлично, давала-ли имъ еще раньше привилегія иммунитета отдѣльныя части юрисдикціи или нѣтъ. Рядомъ и одновременно съ вотчинною юрисдикціей надъ безземельными крестьянами (*Grundholden*) они начали вырабатывать правильную юрисдикцію надъ вассалами: вассалы каждаго сеньера сомкнулись, по отношенію къ послѣднему, въ особую судебную общину. И эти судебныя общины, каждая въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ, постепенно составили особую социальную сферу въ жизни націи.

Нужно ли еще прибавлять, что всѣ эти организациі разрушили, въ полномъ и буквальномъ смыслѣ слова, старый строй франкскаго государства? Переплетаясь между собою и, благодаря своеобразному ходу развитія крупнаго землевладѣнія, рѣдко ограничиваясь пространственно, въ видѣ замкнутыхъ округовъ, беспорядочно разрастаясь другъ подлѣ друга и другъ надъ другомъ, на этомъ базисѣ путемъ захвата важнѣйшихъ публичныхъ правъ образовались зародыши государствъ въ государствѣ: франкскому государству пришелъ конецъ.

И эти маленькія государства были тѣмъ болѣе опасны, что они успѣли овладѣть почти всѣми, еще жизнеспособными силами древне-

¹⁾ Бореній, *Kapitularenkritik*—Критика капитуляріевъ, стр. 124 (817 г.).

германскаго государства. Въ то время, какъ королевская дружина антрустионовъ втеченіе VIII в. распалась вслѣдствіе того, что ея члены, надѣленные помѣстьями, удалились отъ королевскаго двора ¹⁾, при дворахъ помѣщиковъ древнее учрежденіе разцвѣло въ новой формѣ,—появились вассалы. Въ то время, какъ численность свободныхъ подданныхъ монархіи уменьшалась вслѣдствіе безпощаднаго дѣйствія силъ, которымъ центральная власть напрасно пыталась противодѣйствовать, свободные поселенцы помѣстій приближались къ большому экономическому благосостоянію, къ достаточному, въ концѣ концовъ, простору личной и общественной жизни, и переживали соответственное условіямъ времени возстановленіе своихъ военныхъ и судебныхъ правъ. Если мы представимъ себѣ, что въ первобытномъ народномъ государствѣ вмѣсто коммунистическаго принципа дѣйствовали стремленія организаторскаго натурального хозяйства VI—IX вв., то естественнымъ результатомъ такого положенія вещей былъ бы поворотъ въ духъ помѣстнаго строя IX вѣка.

Сила крупнаго землевладѣнія заключалась именно въ этомъ специфически-германскомъ характерѣ его, въ томъ, для его организациіи примѣнены были историческіе элементы національной культуры, и поэтому не подлежало сомнѣнію, что свои учрежденія,—въ особенности сеніоратъ и институтъ вассаловъ,—оно насильственно привьетъ и къ общегосударственной жизни. Однако достигнуто это было своеобразнымъ путемъ, находившимся въ связи съ первыми усиліями къ возстановленію государства при родоначальникахъ Каролинговъ, и особенно съ попыткою Карла Мартела воспользоаться для этой цѣли богатыми матеріальными средствами церкви. Чтобы понять эту попытку, необходимо остановиться подробно на мѣропріятіяхъ Карла Мартела.

IV.

Съ той поры, какъ Карль Мартель достигъ полнаго господства, онъ чувствовалъ потребность привязать къ себѣ аристократію посредствомъ пожалованій ея землей и людьми: только этимъ путемъ возможно было уничтожить старыя партійныя дѣленія и положить начало новой государственной власти.

Возможно ли было вести такую политику исключительно при помощи средствъ фиска, т. е. раздачи королевскихъ имѣній? Очевидно, это значило-бы одною рукою разрушать то, что созидалось другою.

Уже меровингскіе короли въ подобныхъ случаяхъ прибѣгали къ пожалованію церковныхъ имѣній, которыя кромѣ тѣхъ случаевъ, когда владѣніе ими носило исключительно частно-правовой характеръ,

1) Ср. Brunner въ Savigny-Zeitschr. für Rechtsgeschichte, Germ. Abth., 9, 217.

считались общественнымъ достояніемъ; равнымъ образомъ франкскіе короли всегда твердо отстаивали свое право назначать епископовъ. Карлъ Мартель послѣдовалъ этому примѣру; но, раздавая обильнѣе, чѣмъ когда-либо, церковныя имѣнія, онъ нашелъ себя вынужденнымъ до известной степени обезпечить и признать права церкви на пожалованныя, такимъ образомъ, владѣнія.

Для этого онъ воспользовался прекарнымъ договоромъ. Этотъ договоръ былъ особенно-распространенною въ церковныхъ сферахъ формою найма для пользованія землею. Первоначально заключаемый лишь въ видѣ аренднаго договора, срокомъ на пять лѣтъ, онъ, однако-же, всегда продолжалъ возобновляться до самой смерти прекариста, при условіи аккуратной уплаты послѣднимъ арендныхъ денегъ, такъ что прекарій, въ дѣйствительности, почти всегда являлся пожизненною, нерѣдко даже наследственной арендой. Этою формою и воспользовался Карлъ, принудивъ церковь отдавать земли угоднымъ ему аристократамъ въ такого рода безсрочную аренду. Понятно, что, при такихъ обстоятельствахъ, прекарій вскорѣ подвергся существеннымъ измѣненіямъ. Прежде всего совсѣмъ или почти совсѣмъ отпала арендная плата: кто могъ заставить аристократовъ вносить ее? Затѣмъ продолжительность аренды вскорѣ стала зависѣть уже не отъ воли соотвѣтственныхъ церковныхъ властей, а отъ благосклонности Карла Мартела: аристократы сохраняли прекарное имѣніе до тѣхъ поръ, пока оставались на сторонѣ Карла, и утрачивали его въ случаѣ измѣны. Ясно, что прекаріи становятся почти полными, но во всякое время подлежащими отмѣнѣ, дарами майордома изъ церковныхъ имѣній; для одаряемаго они являются чистыми благодѣяніями, почему и получили названіе бенефицій.

Разъ новая форма была найдена, Карлъ Мартель сталъ примѣнять ее и къ раздачѣ казенныхъ земель. Однако, пожалованія изъ церковныхъ имѣній были гораздо обширнѣе, такъ что даже низко упавшая, въ интеллектуальномъ и нравственномъ отношеніи, церковь временъ Карла начала протестовать. Затѣмъ, когда стараніями Карломана и Пепина, съ сороковыхъ годовъ VIII в., церковь сдѣлала значительный шагъ впередъ по пути къ реорганизаціи своего строя и къ реформѣ духовной жизни, очевидно нужно было что либо предпринять и для урегулированія прежнихъ раздачъ изъ ея имѣній.

Понятно, однако, что пожалованія Карла отнюдь не могли быть отмѣнены, такъ какъ это погубило бы династію Каролинговъ. Мало того: и Пепинъ вынужденъ былъ еще долго спустя раздавать новыя бенефиціи изъ церковныхъ имѣній. Но возможно было, по крайней мѣрѣ, въ общемъ видѣ и формально признать за церковь ея права; это и было сдѣлано, и притомъ не только въ торжественныхъ обѣщаніяхъ, повторявшихся въ соборныхъ постановленіяхъ и государственныхъ законахъ, но также въ такой формѣ, что на владѣльцевъ

церковныхъ бенефицій была возложена обязанность незначительнаго періодическаго платежа въ знакъ этого признанія (Anerkennungszins).

Установленіе этого порядка превратило весь институтъ бенефицій въ постоянное въ учрежденіе. Мало того: именно благодаря событіямъ, имѣвшимъ мѣсто послѣ смерти Карла Мартела, институтъ бенефицій, повидимому, развилъ еще новую сторону своего юридическаго характера. Если доселѣ бенефицій подлежалъ отмѣткѣ только въ случаѣ недовольства со стороны государя и возвращался въ случаѣ смерти своего обладателя (Beliehenen), то теперь узаконялся также возвратъ въ случаѣ смерти жалователя (Leihenegeren), — такъ называемый Thronfall: на возникновеніе этой формы, какъ кажется, сильно повліяло намѣреніе Пепина отобрать послѣ смерти Карла Мартела всѣ бенефиціи.

Такимъ образомъ, въ результатъ борьбы, происходившей въ первой половинѣ VIII в., бенефиціи сведены были къ такой формѣ пожалованія, которая — будучи введена первоначально правящей династіей и находясь въ распоряженіи послѣдней, въ виду возможности быть во всякое время отмѣненной должна была побуждать временнаго владѣльца избѣгать всякаго поступка, негоднаго государю, и обуславливала возвратъ бенефиціи въ случаѣ смерти какъ получившаго, такъ и совершившаго пожалованіе.

Въ этой формѣ, такъ-же, какъ и на прежнихъ ступеняхъ своего развитія, бенефицій былъ примѣненъ Каролингами VIII в., главнымъ образомъ, къ тому, чтобы пріобрѣсти военную помощь аристократовъ противъ внутреннихъ враговъ и противъ угрозъ извнѣ, въ особенности со стороны сарацинъ. Графы и другіе значительные чиновники или военачальники получали обширныя пространства церковной или королевской земли; они организовали ее въ помѣстье; собирали вокругъ себя рейтарскую дружину, призывали свободныхъ подъ свое покровительство и военное начальство и становились такимъ образомъ существенною опорой новыхъ властителей. Такъ какъ это явленіе повторялось все чаще и чаще въ интересахъ реорганизации боевыхъ силъ, то сама собою являлась мысль примѣнить къ военному положенію владѣльцевъ бенефицій относительно государя тѣ же самыя практическія начала, на которыхъ эти послѣдніе построили свои отношенія къ собственной дружинѣ, т. е. обратить ихъ въ королевскихъ вассаловъ. Это и было исполнено. Институтъ вассальства и бенефициатъ соединились въ новую форму вещной и личной зависимости аристократовъ: получая бенефицій, послѣдніе приносили королю особую присягу въ вѣрности дружинника и эта вѣрность опять-таки гарантировалась отмѣняемостью бенефиціи. И это соединеніе понятій обладателя бенефиціемъ и вассала, обыкновенно обозначавшееся выраженіемъ вассальныя отношенія вскорѣ стало казаться настолько естественнымъ, что начало распро-

страняться и далѣе. Богатые помѣщики давно уже не содержали всѣхъ вассаловъ своей дружины при самомъ дворѣ согласно старому германскому обычаю, а обезпечивали ихъ содержаніе разными другими способами, главнымъ образомъ пожалованіемъ имѣній; теперь всѣ они, слѣдуя примѣру короля, ввели бенефициальное пожалованіе и бенефициальную отвѣтственность.

Послѣдствія этихъ перемѣнъ были чрезвычайно важны. Такъ какъ одновременно съ этимъ древнее военное устройство свободныхъ несмотря на всѣ принятыя Карломъ Великимъ мѣры исчезло и помѣщичьи контингенты начали составлять массу войска, то въ основу внутренней организаціи послѣдняго легла теперь вассальная зависимость и іерархія: король болѣе не повелѣвалъ надъ свободными вообще въ силу королевской военной власти, а повелѣвалъ надъ аристократами, а эти послѣдніе—надъ подчиненными имъ вассалами, въ силу своихъ правъ сюзерена. Равномѣрно—сплоченная масса свободныхъ, подлежавшихъ воинской повинности, исчезла, уступивъ свое мѣсто многоярусной системѣ вассально-обязанныхъ, и военное устройство вступило въ періодъ феодализма.

Вскорѣ вассальное начало проникло и въ управленіе, измѣнивъ до основанія его строй.

Одну изъ важнѣйшихъ заслугъ первыхъ Каролинговъ и въ особенности Карла Великаго составляетъ то, что они еще разъ устранили наследственность должностей, при позднѣйшихъ Меровингахъ вкравшуюся въ управленіе и широко распространившуюся въ немъ ¹⁾. Однако, и въ VIII вѣкѣ отъ нея еще сохранился остатокъ, изъ котораго легко могла снова развиться наследственность должностей. Еще во времена Меровинговъ оказалось неизбѣжнымъ предоставить, главнымъ образомъ, графамъ кромѣ другихъ доходовъ также доходы съ тѣхъ имѣній, которыми они сами управляли ²⁾; затѣмъ, при Каролингахъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ чисто-натуральнаго хозяйства приуроченіе имѣній къ отдѣльнымъ должностямъ приняло еще болѣе широкіе размѣры.

Но опытъ показалъ, что вознагражденіе поземельными доходами всегда ведетъ къ независимости должностныхъ лицъ и даже къ наследственности должностей; такъ какъ при такомъ способѣ вознагражденія непосредственнымъ обладателемъ того фонда, изъ котораго получались доходы по должности, являлось само должностное лицо, а не центральная власть.

Казалось, что вассальныя отношенія давали превосходное средство для устраненія этого неудобства. Если должностное лицо становилось

1) См. ч. I.

2) Ср. Waitz, II, 1, 305; II, стр. 2, 35, 125; IV, стр. 165 и слѣд.; также Schröder R. G. стр. 189.

вассаломъ, то приуроченная къ его должностямъ земля являлась бенефициемъ, — слѣдовательно могла быть отобрана при невѣрности обладателя и подлежала возврату въ случаѣ его смерти такъ же, какъ и въ случаѣ смерти государя. Повидимому, эти преимущества казались позднѣйшимъ Каролингамъ достаточно-важными, чтобы допустить постепенное примѣненіе вассальныхъ отношеній къ государственнымъ должностямъ; во второй половинѣ IX в. вассальныя отношенія проникли на западѣ имперіи во всѣ отрасли управленія, а на востокѣ, по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе значительныя его отрасли.

Но вскорѣ оказалось, что вмѣстѣ съ тѣмъ насталъ конецъ всему государственному управленію. Теперь чиновники обыкновенно назначались пожизненно и подлежали отставкѣ только въ случаяхъ нарушенія вассальной вѣрности; далѣе, они были включены въ обширный кругъ коронныхъ вассаловъ вообще: они являются уже не просто орудіями исполнительной власти, а вассалами, только надѣленными полномочіями общественной администраціи. Это было тѣмъ естественнѣе, что большинство должностныхъ лицъ и, въ особенности, графы являлись коренными крупными помѣщиками въ управляемомъ округѣ, а слѣдовательно и независимо отъ должности находились бы въ вассальныхъ отношеніяхъ къ королю. Такимъ образомъ, всецѣло принадлежа къ могущеетвеннѣйшему, руководящему классу націи, къ числу большихъ вассаловъ они естественно вполнѣ отождествляли свои соціальныя и политическія стремленія съ стремленіями этого класса вообще. При этомъ тотчасъ-же проявилось господствующее настроеніе этого класса: всѣ его помыслы направлены были къ наследственности бенефацій.

Это вполнѣ соответствовало давленію экономическихъ условій IX в. Земля въ это время имѣла значеніе преимущественно какъ потребительная цѣнность; главную роль играла рента; пользованіе (*Gewere*) по тогдашнему, и даже позднѣйшему, германскому праву создавало полное юридическое господство надъ вещью ¹⁾. Результатомъ этого было то, что вассалы уже въ IX в. являлись неограниченными господами своихъ бенефацій; это представленіе непосредственно обуславливало собою стремленіе къ наследственному обладанію.

Наследственность леновъ сдѣлалась соціальнымъ лозунгомъ благородныхъ землевладѣльцевъ и чиновниковъ IX в.; и значительная часть ихъ достигла своей цѣли еще до окончанія каролингской эпохи. Но наследственность должностнаго лена, при тѣсной зависимости между жалованьемъ и служебными функціями, означала, для высшихъ чиновниковъ государства, наследственность самой должности, а для центральной власти — прогрессивную, изъ поколѣнія въ поколеніе возрастающую утрату всякой правительственной роли, всякаго

¹⁾ Ср. Heusler, Institutionen 2, 20 и слѣд., 189 и слѣд.

мѣстнаго вліянія, внѣ центрального округа, означала разрушеніе существовавшаго государственнаго строя. Разрушеніе это совершилось къ концу IX вѣка ¹⁾); затѣмъ, саксонскіе императоры формально признали наследственность графскихъ должностей. Съ тѣхъ поръ король повелѣваетъ графамъ уже не въ силу своего правительственнаго верховенства, а во имя ихъ вассальной вѣрности: повиновеніе предъ государственною властью отнынѣ имѣетъ своимъ основаніемъ не юридическое требованіе, а отношеніе, по нашимъ понятіямъ, чисто-нравственнаго свойства, — отношеніе вѣрности вассала къ королю: феодальное государство вполне сложилось.

Особый, аристократическій характеръ послѣдняго еще въ IX вѣкѣ первыми своими послѣдствіями отразился на монархіи и народѣ. Государственные сеймы, — доселѣ совѣщательные сеймы, находившіеся подъ сильнымъ давленіемъ короны, — начинаютъ преобразовываться въ собранія крупныхъ вассаловъ, на которыхъ считается позволительнымъ не только безъ спроса давать совѣты королю, но даже дѣлать предостереженія и грозить ему отпаденіемъ. Нація, доселѣ, по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ, еще участвовавшая въ великихъ рѣшеніяхъ государственныхъ сеймовъ, теряетъ въ этомъ отношеніи послѣднія свои права; правообразованіе, по крайней мѣрѣ въ гражданской сферѣ, еще менѣе, чѣмъ прежде, исходитъ изъ одного верховнаго законодательнаго источника. Вслѣдствіе этого государство утрачиваетъ почти всякое вліяніе въ дѣлѣ соціального руководства массаами, которое главнымъ образомъ можетъ быть осуществлено энергичнымъ законодательствомъ по предметамъ частно-правовыхъ отношеній: руководство внутренними судьбами націи переходитъ къ высшему дворянству.

Какъ незначительны, однако, были повидимому поводы, — нѣсколько простыхъ финансовыхъ мѣропріятій Карла Мертела, — вызвавшіе этотъ своеобразный переворотъ въ каролингскомъ государственномъ строѣ! Невольно является вопросъ, дѣйствительно ли эти поводы были и основными его причинами?

Достовѣрно то, что особенности феодальнаго строя развились впервые, а частью и исключительно, во Франціи; отсюда новый строй былъ перенесенъ прежде всего въ государства вестготовъ, бургундовъ, лангобардовъ: проникновеніе феодальныхъ началъ въ немалой степени обусловливаетъ присутствіе въ общественномъ правѣ Европы тѣхъ элементовъ франкскаго происхожденія, которые еще и нынѣ почти повсемѣстно встрѣчаются въ немъ. Но столь же достовѣрно и то, что въ названныхъ государствахъ повсюду уже была замѣтная склонность къ самостоятельной выработкѣ феодальнаго строя въ то время, когда туда перенесено было новое государственное право

1) Brunner R. G. I, 253.

Франковъ: не одно франкское государство развило основы этого права; оно развило ихъ только раньше, чѣмъ другія германскія государства на римской территоріи.

Такимъ образомъ, феодальное государство представляется явленіемъ, общимъ всему германо-романскому міру. Скажемъ даже больше: сравнительная исторія государственныхъ учрежденій доказываетъ, что феодальный строй есть явленіе, неизмѣнно сопутствующее всякому организованному натуральному хозяйству; совершенно независимо отъ географическихъ и какихъ-бы то ни было иныхъ условій, кромѣ хозяйственно историческихъ, основы его встрѣчаются въ Македоніи Филиппа и Александра, въ Персіи Сассанидовъ, въ японской имперіи въ XIX вѣкѣ.

Только въ эпоху организованнаго натурального хозяйства появляется потребность въ настоящемъ чиновничествѣ, въ широко-развѣтвленной администраціи, потому что лишь въ цвѣтущую пору такого хозяйства могутъ возникнуть дѣйствительно-жизнеспособныя политическія тѣла, болѣе значительныя по размѣрамъ, чѣмъ, напр., племенные государства древне-германской эпохи. Но если этотъ періодъ нуждается въ чиновничествѣ, то вознаграждать его онъ можетъ не иначе, какъ раздачей въ пользованіе земельной собственности, такъ какъ онъ не располагаетъ никакими иными хозяйственными средствами. Это пользованіе, отдавая въ распоряженіе чиновника тотъ фондъ, изъ котораго получаютъ присвоенные его должности доходы, необходимо ведетъ къ пріобрѣтенію должностнымъ лицомъ полной самостоятельности, т. е. къ наследственности должности. Еще больше: такъ какъ этотъ періодъ натурального хозяйства еще не знаетъ пользованія свободною поземельною рентой, а слѣдовательно и права отвлеченной собственности, то ставшее наследственнымъ пользованіе стремится перейти въ наследственную собственность: изъ первоначальныхъ должностей постепенно развивается рядъ независимыхъ мелкихъ политическихъ силъ. Этотъ процессъ превратилъ крупныхъ вассаловъ каролингской эпохи въ князей періода Гогенштауфеновъ, а административные округа (Gau) VIII и IX вв. — въ отдѣльныя государственныя территоріи XII и XIII вв.

Итакъ, аристократическое преобразование каролингскихъ учрежденій въ духъ позднѣйшаго феодальнаго строя было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ общаго состоянія матеріальной культуры: въ этой зависимости и заключается основная причина паденія міровой франкской имперіи въ IX в.

У.

Неотвратимый социальный и политическій упадокъ сопровождался постоянно усиливавшимся внутреннимъ разложеніемъ міровой импе-

ріи на отдѣльныя государства, приведшимъ въ концѣ IV в., при королѣ Арнульфѣ къ полному распаденію старой федераціи; но это еще не все: ветхому зданію имперіи также угрожали и вредили усиливавшіяся нападенія извнѣ.

Къ христіанскому orbis terrarum франкской имперіи, какъ нѣкогда къ гражданскому міру римлянъ, съ начала IX в. направляется настоящее переселеніе народовъ. Еще въ концѣ царствованія Карла Великаго сарацины устремляются изъ Африки въ Италію, изъ Испаніи—въ Галлію; сѣверные германцы опустошаютъ побережья и рѣчные бассейны Сѣвернаго моря; начинается броженіе среди славянъ по ту сторону Богемскаго лѣса и Эльбы; монгольскіе авары направляются вверхъ по дунайской долині и къ югу отъ Альпъ, въ верхнюю Италію.

Нападенія на востокъ и западъ привели къ сухопутнымъ войнамъ, для которыхъ силы Карла Великаго оказались вполне достаточными. Не такъ было на югѣ и на сѣверѣ. Норманны и африканскіе сарацины прибывали моремъ; уже Карлъ не могъ вполне укротить ихъ, а со времени Людовика Благочестиваго оборона стала еще гораздо болѣе затруднительною.

Въ нижней Италіи сарацины проникали все дальше впередъ и уже въ 845 г. разграбили Римъ. Они были вытѣснены обратно изъ Италіи также Римомъ, а не имперіей: по прошествіи почти двухъ поколѣній, полныхъ непрерывныхъ тревогъ, папа Іоаннъ X нанесъ имъ рѣшительное пораженіе при Гарильяно.

Норманны съ начала VIII в. вступаютъ въ періодъ возрастающаго преобладанія національныхъ королей (Grosskönige) надъ мелкими племенными королями (Gaukönige, Kleinkönige) предшествующей эпохи. Племенные короли, лишеныя своей власти, обращаются къ мореплаванію: въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ викинги являются самыми страшными пиратами Европы. Сѣверные люди, плавающіе на востокъ, ставятъ руническіе камни въ далекомъ новгородскомъ краѣ; а на западъ сотни высокихъ кораблей несутъ смѣлыхъ моряковъ вдоль береговъ атлантическаго океана до самыхъ отдаленныхъ частей Средиземнаго моря; норманны доходили до Румабурга (Византіи); мараѳонскій левъ Пирея, стоящій теперь предъ церковью св. Марка въ Венеціи, носитъ руническіе знаки норманна, а въ шведскихъ могилахъ найдено до сихъ поръ больше 20,000 арабскихъ серебряныхъ монетъ.

Но главною цѣлью норманнскихъ нападаній сдѣлались, съ шестидесятихъ годовъ IX в., приморскія окраины осиротѣлой каролингской имперіи; французскіе берега и бассейны Луары и Сены опустошались на далекое разстояніе вглубь страны; въ Лотарингіи норманны проникли до Мاستрихта и Кельна и даже по ту сторону Арденнскихъ и Эйфельскихъ горъ—въ богатую виноградомъ холмистую область Мозеля.

Меньше всего пострадало отъ нихъ при этомъ восточно-франкское королевство: здѣсь прибрежныя области были бѣднѣе, а государственная власть сильнѣе. Тѣмъ знаменительнѣе поэтому, что именно восточно-франкское королевство, будущая Германія, первое поднялось для энергичнаго отраженія сѣверной грозы; норманны неоднократно были побѣждены нѣмецкимъ оружіемъ, — въ послѣдній разъ въ кровопролитной битвѣ при Дилѣ (близъ Лувена).

Кромѣ того восточно-франкскому королевству пришлось отразить опасность, надвигавшуюся съ востока. Это было тѣмъ труднѣе, что здѣсь королевству пришлось имѣть дѣло, по крайней мѣрѣ въ лицѣ славянъ, не съ чужеземнымъ врагомъ, временно наводнившимъ страну, а съ медленнымъ поступательнымъ движеніемъ расселяющагося народа. Поэтому славяне на Эльбѣ, Заалѣ и Майнѣ, несмотря на все противодѣйствіе, незамѣтно подвигались впередъ; во второй половинѣ IX в. въ Моравіи образовалось даже сильное государство, подъ властью могущественнаго Сватоплука (Swatopluk), достигшее въ 880 г. наиболѣе сильнаго развитія своего могущества. Такимъ образомъ, рядомъ съ нѣмецкимъ государствомъ центральной Европы въ первый разъ появилось равноправное съ нимъ славянское государство; та-же самая комбинація, только при непрерывно усиливавшейся германизации востока, повторилась впоследствии, при королѣ Оттокарѣ Богемскомъ и императорѣ Карлѣ IV, и въ извѣстной степени повторяется еще и теперь въ цислейтанской Австріи.

Королевство Сватоплука могло-бы создать серьезныя опасности для германскаго развитія, если-бы на восточной его границѣ не появились, около 890 г., венгры, между тѣмъ какъ Сватоплукъ почти въ то-же самое время (894), скончался, раздѣливъ страну между двумя своими сыновьями. Тогда началась борьба за существованіе разрозненныхъ моравовъ съ венграми, окончившаяся, въ 904—906 гг., разрушеніемъ моравскаго господства.

Нѣмецкое, восточно-франкское государство своимъ образомъ дѣйствій помогло ускорить эту гибель. И оно было право. Славяне именно въ то время находились въ переходномъ состояніи между кочевымъ и земледѣльческимъ бытомъ; они уже пользовались землею для обработки, но еще не утратили старой подвижности номадовъ; они находились въ такомъ-же состояніи, которое нѣкогда заставило германцевъ двинуться въ римскія провинціи. Такимъ образомъ, славяне легко могли тогда прочно утвердиться въ нѣмецкихъ областяхъ и совершенно славянизировать ихъ. Напротивъ, венгры были еще вполне номадами. Если, впоследствии, они и проносились надъ Германіей ужасными набѣгами, громили и истощали ее, то овладѣть ею они не могли: ея нивы и луга не представляли никакихъ удобствъ для кочевой жизни.

Венгерскія нападенія, конечно, причинили Германіи страшныя бѣд-

ствія. Около 900 г., среди глубочайшаго политическаго упадка, венгры внезапно появляются въ Германіи, уничтожая всякую культуру; въ 906 г. они вторгаются въ Саксонію, въ 909 г.—въ Швабію, въ 911 г.—въ рейнскую область. Лишь долго спустя были они побѣждены и еще позднѣе окончательно вытѣснены. Не ранѣе половины X в. нѣмцы могли хвалиться тѣмъ, что, задержавъ поступательное движеніе славянъ и оттѣснивъ венгерскія вторженія, они спасли европейскую культуру отъ нашествія восточныхъ варваровъ.

Пока же внѣшнія затрудненія, совпавшія съ внутреннимъ упадкомъ, повергли восточно-франкское государство въ соціальній и политической хаосъ, изъ котораго лишь мало-по-малу, втеченіе двухъ первыхъ десятилѣтій X вѣка, выдѣлились задатки новой политической группировки. Но эта новая группировка обнаруживала несомнѣнный германскій характеръ: она отбросила блестящіе лохмотья міровой имперіи, прикрывавшіе германскую жизнь въ эпоху Каролинговъ, и стремилась снова примкнуть къ древнему законному расчлененію націи, возстановивъ подавленные центральнойю каролингскою властью племенные герцогства, и впервые положивъ начало въ Саксоніи дѣйствительному племенному государству.

Развитіе саксонскаго племени со времени внутренняго разложенія міровой имперіи во многихъ отношеніяхъ снова шло своимъ особымъ путемъ. Въ особенности это можно сказать относительно саксонскаго востока: обращенный къ сѣверному морю и къ Эльбѣ, къ норманнамъ и къ славянамъ, онъ вынужденъ былъ отстаивать свою германскую самобытность въ кровавой борьбѣ. Таковы были обстоятельства, создавшія саксонскую императорскую династію. Происходя изъ области Кведлинбурга, пограничной съ славянами, проникшими тогда далеко за Эльбу, и довольно близкой также къ театру датскихъ вторженій, — лѣвому берегу низовьевъ Эльбы, — владѣя притомъ также съ незапамятныхъ временъ имѣніями въ окрестностяхъ Корвэ (Korvey), — у истоковъ Лише, — этотъ родъ при Лудольфѣ († 864 г.) пріобрѣтаетъ руководящее значеніе среди Саксонцевъ. Изъ числа дѣтей Лудольфа Лютгарда стала супругою каролинга Людовика, одного изъ сыновей Людовика Нѣмецкаго, Гатумодъ (Hathumod) и Агій (Agius) посвятили себя духовной жизни, а Бруно и Оттонъ остались вѣрны родинѣ и политическимъ задачамъ династіи. Бруно, легендарный основатель Брауншвейга, въ 880 году палъ въ битвѣ съ норманнами, предводительствуя саксонскимъ войскомъ; съ тѣхъ поръ выступаетъ на первый планъ его младшій братъ, Оттонъ. Послѣдній подчинилъ себѣ, какъ герцогу, не только Саксонію, но также послѣ ужаснаго пораженія, нанесеннаго тюрингамъ венграми въ 908 г., и Тюрингію; онъ — отецъ будущаго короля Генриха I. Послѣ смерти Оттона, въ 912 г., Генрихъ наследовалъ ему въ его политическомъ положеніи; владѣя землями на тюринго-саксонской границѣ вслѣдствіе своего перваго

брака и въ Энгриі—вслѣдствіе второго, съ дочерью графа, Матильдой, производившей свой родъ отъ Виттекинда, Генрихъ былъ первымъ полновластнымъ государемъ въ странѣ.

Фактически Генрихъ около 915 года былъ могущественнѣйшимъ племеннымъ государемъ во всей имперіи. Ему повиновалась вся сѣверная Германія, за исключеніемъ фризовъ; въ средней Германіи онъ имѣлъ вліяніе по меньшей мѣрѣ во всей Тюрингіи; онъ былъ стражемъ восточной границы на пространствѣ отъ Сѣвернаго моря до Майна; его могущество подготовлялось втеченіе столѣтія и имѣло своимъ прочнымъ основаніемъ заслуги его предковъ; въ его династіи саксонское племя впервые, какъ-бы въ юношеской силѣ и свѣжести, создало, опираясь на политическое состояніе Германіи, герцогскую власть въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала у баварцевъ съ VI в., а у другихъ племенъ съ гораздо болѣе ранней эпохи.

Второе по своему могуществу герцогство развилось на рубежѣ IX и X вв. въ Баваріи. Здѣсь еще не изгладилось воспоминаніе объ Агилульфингахъ и объ ужасномъ паденіи Тассилона; когда королевская власть не могла болѣе энергично вести оборону племени противъ славянъ и венгровъ, тогда на помощь къ баварскимъ графамъ явился одинъ изъ тѣхъ основныхъ мотивовъ, которые въ эпоху переселенія народовъ въ первый разъ повели къ возникновенію герцогствъ — потребность племени въ защитѣ отъ внѣшнихъ враговъ. Въ 907 г. маркграфъ Луитпольдъ палъ въ битвѣ съ венграми, а послѣ его смерти сынъ его, Ариульфъ, сталъ во главѣ баварскаго племени, облеченный герцогскою властью.

Не такъ увѣренно развивалась новая герцогская власть во внутреннихъ областяхъ имперіи, у болѣе культурныхъ племенъ франковъ и швабовъ.

Во Франконіи боролись за преобладаніе два знатныхъ рода: Конрадины, родной замокъ которыхъ былъ расположенъ на крутыхъ утесахъ долины Лапа, близъ Лимбурга, и Бабенберги, владѣвшіе богатыми имѣніями въ той мѣстности, гдѣ сливаются Регницъ и Майнъ, — въ окрестностяхъ нынѣшняго Бамберга. Оба рода старались распространить свою власть въ направленіи къ среднему теченію Майна, и въ этомъ стремленіи столкнулись между собой. Споръ между ними долженъ былъ рѣшить, которому изъ двухъ родовъ достанется руководящее положеніе въ Франконіи, т. е. герцогское достоинство. Борьба, продолжительная, кровопролитная и жестокая, велась въ совершенно древне-германскомъ духѣ; въ качествѣ важнѣйшаго изъ всѣхъ человѣческихъ побужденій господствуетъ въ ней кровная месть; подробности этой борьбы ускользаютъ отъ насъ въ туманѣ легендъ. Но въ концѣ концовъ побѣдили Конрадины съ береговъ Лана; Адальбертъ, послѣдній въ родѣ Бабенберговъ, погибъ позорною смертью отъ руки палача.

Въ Швабіи, насколько позволяютъ судить отрывочныя и неясныя преданія, въ борьбѣ за герцогскую власть существенную роль, по-видимому, игралъ также антагонизмъ между свѣтскимъ обществомъ и духовенствомъ. Среди смуть и раздоровъ постепенно возвысился въ герцогское достоинство Бурхардъ, маркграфъ Реціи; но онъ не могъ удержать за собою это положеніе: покинутый графами страны, преслѣдуемый враждою духовенства, онъ былъ умерщвленъ. Однако и послѣ его смерти продолжались попытки учредить герцогскую власть и кончились тѣмъ, что два брата, Бертольдъ и Эрхангеръ, подѣлили между собою полномочія и власть.

Наконецъ, въ Лотарингіи возникновеніе герцогской власти совершилось совершенно инымъ и вполне своеобразнымъ путемъ. Здѣсь племенная связь франковъ, — мы не говоримъ о фризахъ, сохранившихъ первобытный общественный строй, — давно уже была очень слаба. Ни одно племя не прониклось такъ сильно древней римской культурой, ни одно не было такъ сильно разрознено въ своихъ интересахъ естественными особенностями страны: сѣверная и южная Лотарингія были раздѣлены между собою массивомъ Эйфеля и Арденнъ; на сѣверѣ преобладала нижне-германская низменность; югъ принадлежалъ средне-германской горной странѣ. Такимъ образомъ, противъ сознанія племеннаго единства вскорѣ повсюду выступилъ мѣстный партикуляризмъ, которому соответствовала и враждебная обособленность знатнѣйшихъ родовъ. Съ другой стороны, незначительно развитое племенное сознаніе выродилось еще вслѣдствіе того, что со времени Лотаря II (855 г.) племя втеченіе двухъ десятилѣтій составляло самостоятельное государство, занимавшее срединное положеніе между восточно-франкскимъ и западно-франкскимъ королевствами, — незаслуженно-самостоятельное положеніе, до извѣстной степени сохранявшееся еще двадцать лѣтъ послѣ присоединенія въ 890 г. всей Лотарингіи къ восточно-франкскому государству. Все это сильно затрудняло образованіе истинной герцогской власти; изъ дикой борьбы мѣстныхъ родовъ вышелъ, наконецъ, Регинаръ, графъ гаспенскаго округа (Haspengau); однако, лишь сынъ его, Гизильбертъ, держалъ себя, съ 915 года, вполне какъ герцогъ.

Но еще раньше лотарингское дворянство, руководимое Регинаромъ, порвало политическую связь племени съ восточно-франкскимъ королевствомъ и примкнуло къ западно-франкскому. Вдвойнѣ понятное для Лотарингіи, событіе это, однако, заключало въ себѣ и общее предостереженіе относительно дальнѣйшаго хода германскихъ судебъ: развитіе новыхъ герцогствъ не представляло-ли серьезной опасности для государственнаго единства? И какъ могло оно, вообще, имѣть мѣсто, безъ одновременнаго, почти полнаго, уничтоженія центральной власти?

Императору Арнульфу въ 900 г. наследовалъ въ качествѣ восточно-

Франкского короля его сынъ, Людовикъ, имѣвшій всего шесть лѣтъ отъ роду, но уже въ такомъ раннемъ возрастѣ отмѣченной ясными признаками наследственной болѣзни нѣмецкихъ Каролинговъ. Не удивительно, что при такихъ обстоятельствахъ сепаратистскія стремленія племенъ могли проявиться вполне свободно. Если эти стремленія еще встрѣчали противодѣйствіе, то только во вліяніи старой привычки къ болѣе обширнымъ размѣрамъ государства и въ унитарныхъ склонностяхъ духовенства. Поэтому, государство почти только одному духовенству было обязано тѣмъ, что послѣ преждевременной кончины Людовика въ 911 г. избранъ былъ новый король, въ лицѣ Конрада I, франкского герцога изъ рода Конрадиновъ.

Конрадъ, — внушающая уваженіе, одаренная государственными способностями натура, — пытался противодѣйствовать распаденію государства на племенные герцогства съ несравненно болѣею энергіей, чѣмъ царствовавшій до него ребенокъ. И ему дѣлаетъ честь, что на эту почти безнадежную попытку при оскудѣвшихъ средствахъ королевской власти онъ отважился сначала собственными силами, не прибѣгая къ помощи духовенства. Будучи властелиномъ, онъ намѣревался прежде всего привлечь на свою сторону мирными средствами южно германскихъ герцоговъ Швабіи и Баваріи, чтобы вслѣдъ за тѣмъ обратиться противъ злѣйшихъ враговъ единства, — противъ Лотарингіи и противъ независимой Саксоніи. Но все, что ни предпринималъ онъ въ этомъ направленіи, не смотря на обдуманность и ловкость его дѣйствій оканчивалось неудачей вслѣдствіе перевѣса партикуляристическихъ теченій.

Въ столь затруднительномъ положеніи Конрадъ, наконецъ, обратился къ церкви, единственной силѣ, еще дѣйствовавшей въ централистическомъ духѣ. Здѣсь его стремленія встрѣтили самый благосклонный пріемъ; созданное Бонифаціемъ единство нѣмецкой церкви пріобрѣло отнынѣ политическую важность. Самая даже связь церкви съ Римомъ пріобрѣла теперь значеніе: папа Іоаннъ X послалъ своего легата на соборъ нѣмецкихъ епископовъ, собравшійся въ 916 г. въ Альтгеймѣ близъ Нёрдлингена для облегченія бѣдствій государства. И церковь довольно энергично выступила на помощь королевской власти: за нарушеніе присяги королю установлены были самыя тяжкія наказанія; соборъ открыто высказался противъ герцогской власти, въ лицѣ графовъ Эрхангера и Бертольда, стремившихся къ полновластію въ Швабіи.

Но всѣ эти мѣропріятія церкви, не смотря на самую энергичную поддержку со стороны короля, были безуспѣшны. Могущество духовенства тоже исчезло предъ побѣдоноснымъ поступательнымъ движеніемъ племенныхъ властей, и король Конрадъ, обманутый въ своей послѣдней надеждѣ, съ тѣхъ поръ устранился отъ всякаго вліянія на событія; безсильнымъ онъ умеръ въ 919 г.

Но передъ смертью онъ представилъ еще полное самоотреченія доказательство своего благородства и проницательности. Если монархической идеѣ суждено было, все-таки, одержать верхъ надъ возраставшимъ могуществомъ отдѣльныхъ племенъ, то это могло произойти только путемъ соединенія королевской власти съ достоинствомъ перваго герцога въ странѣ: отвѣтственность за единство государства должна была быть возложена на саксонскаго герцога и на саксонское племя. Чуждый зависти, король Конрадъ — франкъ, высказалъ своему брату Эбергарду, франкскому герцогу, свою послѣднюю волю въ этомъ именно смыслѣ. Такимъ образомъ, Конрадъ, умирая, создалъ единое германское государство.

КНИГА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Основаніе нѣмецкаго государства. Возстановленіе королевской власти.

I.

Исполняя послѣднюю просьбу своего брата Конрада, герцогъ Эбергардъ Франконскій передалъ знаки королевскаго достоинства: копье, мантию, корону и мечъ Генриху, герцогу Саксонскому. То была старинная форма назначенія преемника, — форма, которой придерживались во время-оно Теодорихъ и Людовикъ Благочестивый при назначеніи королевскаго наслѣдника. На этотъ разъ актъ этотъ произвелъ на націю глубокое впечатлѣніе, прочно сохранившееся въ видѣ сказанія о Генрихѣ Птицеловѣ. Господство Франковъ переходило такимъ образомъ къ Саксонцамъ; нѣмецкая культура отнынѣ должна была періодически находить свой кульминаціонный пунктъ въ селахъ и округахъ сѣвернаго Гарца вмѣсто окрестностей Майнца и Ахена. Положено было начало процессу развитія, надолго оторвавшему высшіе слои нѣмецкой жизни отъ древнихъ римскихъ основъ запада; съ тѣхъ поръ расцвѣли Нордгаузенъ, Кведлинбургъ, Гальберштадтъ, Гильдесгеймъ; и салийскіе императоры, которые считали Вормсъ своей родиной, хотя фамиліные ихъ монастыри находились въ Лимбургѣ въ Гардтѣ, жили охотно въ Гарцбургъ и Госларѣ. Нѣмецкая королевская власть, удаленная отъ Альпійскихъ и итальянскихъ отношеній, должна была обратить свое вниманіе прежде всего на Славянъ и Датчанъ: какъ въ фактическомъ, такъ и въ пространственномъ отношеніи цѣли сѣверовосточной политики Карла Великаго выдвигались для нея на первый планъ.

На сеймѣ, собравшемся для избранія Генриха въ Фритцларѣ въ маѣ 919 года, нѣмецкія племена должны были порѣшить споръ между прошедшимъ и будущимъ. Со времени обращенія Саксонцевъ въ

христианство въ выборахъ охотно принимали участіе одни лишь Саксонцы и Франки, считавшіе себя наиболѣе близкими другъ другу¹⁾; выборъ мѣста указываетъ уже на то, что на другія племена мало разсчитывали. Генрихъ, избранный Саксонцами и Франками, съ надменной скромностью отклонилъ церковное помазаніе, предложенное ему митрополитомъ Майнцскимъ; онъ облекся въ новыя права безъ обязательствъ къ церкви, поддержка которой мало помогла его королевскому предшественнику Конраду.

Дѣло шло между тѣмъ не столько о государственномъ управленіи, сколько объ основаніи государства. Повсюду учрежденныя новыя герцогства были лишь выраженіемъ стремленія племенъ къ самостоятельности²⁾; ихъ нельзя было уничтожить, ихъ скорѣе слѣдовало даже привѣтствовать, ибо, сосредоточивая силы отдѣльныхъ племенъ, они дѣлали возможнымъ, хотя бы поверхностный, договорный союзъ всѣхъ племенъ съ центральной властью.

Генрихъ прежде всего привлекъ на свою сторону верхне-нѣмецкихъ герцоговъ. Съ Бурхардомъ Швабскимъ, храбрымъ защитникомъ и распространителемъ швабскаго вліянія въ Бургундіи, онъ заключилъ договоръ, по которому герцогъ обѣщалъ свое подчиненіе подъ условіемъ свободнаго распоряженія церковнымъ имуществомъ въ Швабіи; король удержалъ только за собою право занятія монастырей и епископствъ, соображаясь однако при этомъ съ желаніями герцога. Подобно Бурхарду присоединился также гордый Арнульфъ Баварскій, хотя результатомъ этого было лишь внѣшнее расширеніе королевской военной силы. Онъ присоединился на еще болѣе выгодныхъ условіяхъ: за нимъ осталось право распоряженія церковнымъ имуществомъ; рядомъ съ государственной церковью баварская церковь сохранила особое управленіе съ собственными синодами.

Во всемъ остальномъ оба герцога, какъ въ рѣшеніяхъ по внутреннимъ вопросамъ, такъ и во внѣшней политикѣ сохраняли полную самостоятельность, поскольку это не затрогивало интересовъ членовъ имперіи; они, какъ и прежде, самовластно расширяютъ вліяніе своихъ племенъ въ Венгріи, Итали и Бургундіи; они называютъ свои страны государствами; они ведутъ лѣтосчисленіе по годамъ своего правленія, они дозволяютъ чеканить монету; у нихъ во прежнемъ сохранились ландтаги, принимающіе участіе въ рѣшеніи государ-

¹⁾ Widuk. 1, 15: quasi una gens ex christiana fide.

²⁾ О взаимной враждебности отдѣльныхъ племенъ и главнымъ образомъ враждебности Нижне-германцевъ къ Верхнегерманцамъ см. G. err. Leod. 2, 26, s. s. 7, 204: perfidia et fraus Alemanniaca, Thietm. гл. 5, 7: execrata Alemannorum turba ad rapiendum promptissima; Thietm. гл. 5, 11: insatiabilis avaritia Bawariorum. См. также Bruno de B. sax. с. 23; Ann. Aug. 1080. О самосознаніи Саксонцевъ см. Hrot. G. Odd. 4; Ann. Quedlinb. 1021, s. s. 3, 87 Z 53.

ственныхъ вопросовъ. Такимъ образомъ отношенія герцоговъ къ государству были чисто союзно-государственныя (bundesstaatlich); съ формальной стороны онѣ были какъ бы ленно-правовыми, по существу же опирались на военныя вонвенціи. Ибо если король и удерживаетъ за собою въ Швабіи право раздачи церковныхъ имуществъ, то при существовавшемъ обычаѣ раздачи этихъ имуществъ въ ленное пользованіе военнымъ вассаламъ это означало ничто иное, какъ то, что король въ государственныхъ цѣляхъ обезпечиваетъ за собою на всякій случай по крайней мѣрѣ часть военной силы племени. Въ Баваріи же, гдѣ требовались чрезвычайныя усилія герцога для отраженія вторженія Венгровъ, Генрихъ, напротивъ, не достигъ и этого результата; мирный договоръ съ Арнульфомъ предоставилъ послѣднему, за исключеніемъ ленноправовыхъ случаевъ, безусловное распоряженіе военною силою племени.

Прошло около трехъ лѣтъ прежде, чѣмъ Генриху удалось присоединить къ государству Баварію и Швабію. Вслѣдъ затѣмъ онъ присоединилъ Лотарингію. Для Карла Простого, Карловингскаго владетеля западнофранконскаго государства, избраніе Генриха послужило сигналомъ къ вторженію въ Франконію, въ страну Вормса; онъ полагалъ, что послѣ смерти еще полу-карловингскаго короля Конрада восточно-франконское государство снова подпадетъ подъ власть его рода. Такимъ образомъ Генриху приходилось, помимо обратнаго присоединенія Лотарингіи, добиться еще со стороны западно-франкскаго короля признанія его нѣмецкимъ королемъ. Благодаря искуснымъ переговорамъ и неоднократнымъ походамъ отъ 920 по 925 годъ ему удалось добиться этого, причемъ онъ превосходно пользовался ради нѣмецкихъ интересовъ страшными смутами въ западно-франкскомъ государствѣ (Карлъ попалъ въ плѣнъ, претендентомъ на королевское званіе явился мѣстный претендентъ, а затѣмъ Рудольфъ Бургундскій).

Такимъ образомъ въ 925 году Генрихъ положилъ первыя основы будущаго нѣмецкаго государства; оставалось только упрочить ихъ. Въ этомъ направленіи король дѣйствовалъ въ послѣдующее пятилѣтіе своего правленія, а именно онъ вездѣ поддерживалъ королевскую власть; онъ заявилъ себя вѣрнымъ союзникомъ всѣхъ племенъ. На первый планъ выступила франконская герцогская фамилія, ей Генрихъ обязанъ былъ короной; Франки искони являлись связующимъ звеномъ восточнаго государства. Когда въ 925 году Бурхардъ Швабскій умеръ бездѣтнымъ, король назначилъ преемникомъ его Германа, племянника Эбергарда Франконскаго, какъ разъ въ это время назначеннаго Пфальцграфомъ Лотарингіи, гдѣ родъ его давно уже владѣлъ отдѣльными поземельными участками. Если такимъ образомъ франконскій герцогскій родъ проникъ въ южную, среднюю и западную Германію, благодаря правамъ его сочленовъ, то Генрихъ самъ до-

стигъ сближенія съ Лотарингцами, выдавъ свою дочь Гербергу замужъ за герцога Гизильберта.

Всѣ эти зачатки были ничтожны и притомъ личнаго свойства. Въ противовѣсъ имъ слѣдовало приблизить—и прежде всего—Саксонію, родину и опору новаго владѣтельнаго дома, къ состоянію другихъ племенъ въ государствѣ. Ибо саксонская культура все еще значительно отставала отъ общей культуры государства; не смотря на быстрое введеніе многихъ карловингскихъ учрежденій, —судопроизводства, управленія графствъ,—въ Саксоніи процвѣталъ еще (въ противоположность югу и западу) старо-германскій строй: еще открыто приносили жертвы Тору и Одину; древнее чистокровное дворянство распоряжалось первобытнымъ народомъ свободныхъ крестьянъ; и въ этой странѣ болотъ и лѣсовъ исключительное господство естественнаго хозяйства едва только тронута было зачатками торговли и ремесль.

Не легко было сблизить это состояніе съ западно-нѣмецкой и южно-нѣмецкой культурой; король Генрихъ съ трудомъ могъ систематически преслѣдовать свою задачу въ этомъ направленіи. Но внѣшнее положеніе саксонскаго племени заставляло его идти по этому пути.

Вторженія Венгровъ, давашія себя сильно чувствовать и на югѣ Германіи, въ двадцатыхъ годахъ 10 столѣтія угрожали Саксоніи непосредственнымъ раззореніемъ, такъ какъ здѣсь они нигдѣ не сталкивались съ болѣе сильными укрѣпленіями, нигдѣ не встрѣчались съ обученными массаами конныхъ воиновъ, какъ это давно уже было въ южной Германіи. Король Генрихъ, нуждаясь въ защитѣ какъ герцогъ Саксонскій, сталъ систематическимъ основателемъ убѣжищъ—бурговъ, обнесенныхъ стѣнами. Стараясь противопоставить кочевой конницѣ (Nomadenreiterei) врага тактическое превосходство саксонской народной дружины, Генрихъ, какъ нѣкогда Карлъ Великій у Франковъ, побудилъ Саксонцевъ къ образованію отечественной конницы. Въ обоихъ случаяхъ исходнымъ пунктомъ для нея могло быть распоряженіе лучшими людьми изъ несвободныхъ: они становились крѣпостными, обывателями и защитниками бурговъ, ихъ же предназначали къ конной службѣ. Но такъ какъ туземные сановники способствовали этимъ начинаніямъ, такъ какъ Генрихъ съ своей стороны дѣлалъ все, что могъ, чтобы сдѣлать бурги похожими на торговые города нѣмецкаго запада, то возникло новое сословіе конныхъ вассаловъ, появились въ странѣ зародыши городской жизни.

То были многообѣщающія начинанія! Въ то время, какъ въ странѣ развивались частью искусственнымъ путемъ основы будущаго рыцарства и вмѣстѣ съ тѣмъ позднѣйшаго бюргерства, страна подъ давленіемъ Венгровъ восприняла тѣ ферменты позднѣйшихъ общественныхъ образованій эпохи Штауфеновъ, которые уже были на лицо у

другихъ племенъ и такимъ образомъ получила однородный характеръ съ этими послѣдними.

Помимо этихъ условій еще и другое временное обстоятельство способствовало Генриху съ помощью новыхъ учрежденій изгнать Венгровъ. Послѣ того какъ часть ихъ арміи разбита была въ 933 году Саксонцами и Тюрингинцами въ неизвѣстномъ пунктѣ тюрингинской страны, остатки этой арміи не могли устоять противъ натиска короля; Венгры бѣжали подъ напоромъ новыхъ способовъ нападенія саксонскихъ всадниковъ; и стѣнная картина въ Мерзебургскомъ Пфальцѣ, которой такъ много восторгаются, быть можетъ сохраняетъ воспоминаніе о рѣшительномъ поворотѣ въ Венгерской войнѣ и о Саксонской тактикѣ.

Какъ бы въ видѣ подготовленія къ Венгерскимъ битвамъ, а также и вслѣдствіе давнишнихъ пограничныхъ раздоровъ, и наконецъ съ цѣлью новаго расширенія границъ, Генрихъ принялся за пять лѣтъ до Венгерской войны за славянскія войны. То было начало расширенія Оттонами нѣмецкихъ владѣній до Одера, которому положили предѣлъ только итальянскія неудачи Оттона II и Оттона III.

Славяне были вытѣснены Германцами, главнымъ образомъ Тюрингинцами, далеко за Эльбу, даже за Саалу. Они распались на мелкія народности, жившія далеко другъ отъ друга, раздѣленные болотами, незаселенными мѣстами, лѣсами; каждая народность владѣла болѣе или менѣе дугообразнымъ, обнесеннымъ стѣнами убѣжищемъ для людей и скота, въ которомъ въ неблагополучное время укрывали все населеніе. Народности были слабыя и малочисленныя. Если нынѣ изъ Чернобой при Гохкиркѣ¹⁾ можно еще видѣть сотни славянскихъ деревень Лаузица, если теперь еще живетъ здѣсь смѣшанное населеніе въ количествѣ приблизительно до 130,000 душъ, то во времена господства саксонскаго дома общее число всѣхъ Чеховъ едва ли насчитывалось болѣе четверти милліона²⁾.

Съ древнихъ временъ свирѣпствовали здѣсь опустошительныя хищническія войны между Славянами и Нѣмцами; со стороны послѣднихъ ими руководило многочисленное сохранившееся дворянство Саксонцевъ и Тюрингинцевъ. Обычный ходъ этихъ войнъ совершался вполне первобытнымъ способомъ. По возрѣніямъ нѣмецкимъ воиновъ выступленію въ походъ чрезвычайно радовались тощій волкъ въ лѣсу и черный воронъ—жадная къ трупамъ птица, такъ какъ тогда никому не давалось пощады; впереди маленькой дружины готоваго къ битвѣ предводителя (Etheling'a) леталъ орелъ и пѣлъ ей боевую пѣснь. Каждое пораженіе Славянъ, завоеваніе cadaго ихъ бурга доставляли

1) Чернобой—гора при Бауценѣ, торговомъ городѣ Саксоніи, Hockkirch—селеніе въ Бауценскомъ округѣ Саксоніи.

2) Peisker, Knechtschaft in Böhmen S. 31.

нѣмцамъ при раздѣлѣ военной добычи людей, земли и оружіемъ добытыя сокровища. Такимъ образомъ эти пограничные раздоры велись уже въ теченіе столѣтій съ жестокимъ озлобленіемъ; въ единичныхъ случаяхъ ими достигались лишь незначительные результаты, лишь рѣдко дѣло доходило до большаго сраженія.

И вотъ приблизительно съ 918 года въ дѣло вмѣшалась нѣмецкая королевская власть ¹⁾. Съ тѣхъ поръ борьба приняла другіе размѣры и привела наконецъ къ прочнымъ результатамъ. Генрихъ побѣдилъ Гевеллеровъ (Heweller), завладѣлъ ихъ городомъ Бранденбургомъ; онъ покорилъ жившихъ сѣвернѣе Гевеллеровъ до берега Балтійскаго моря Вильценовъ, Редарировъ и Абодритовъ. Онъ побѣдоносно двинулся на Далеминцеровъ между Мульдой и Эльбою; онъ покорилъ совмѣстно съ герцогомъ Арнульфомъ Баварскимъ Чеховъ; герцогъ Венцель, святой патронъ страны, подчиненіемъ предупредилъ концентрированное нападенія. Послѣ того какъ вообще возстаніе сѣверныхъ Славянъ подавлено было въ страшной битвѣ при Ленценѣ (5 Сентября 929 года), послѣдовали еще походы противъ Ліутицовъ и Мильцинеровъ Лаузица (932) и противъ Славянъ Укермарка (933); такимъ образомъ первоначальное общее подчиненіе Славянъ по Эльбѣ могло считаться достигнутымъ.

Конечно, это ни въ какомъ случаѣ нельзя было считать окончаніемъ борьбы. Достаточно было ужъ и того, что на смѣну прежней бесплодной и раззорительной пограничной войны явилась мысль о завоеваніи, объ общей организаціи. По королевскому повелѣнію въ бургахъ отдѣльныхъ племенъ помѣщены были теперь саксонскіе этелинги съ конной дружиной, они охраняли спокойствіе и собирали дань съ племени. Конечно и эту организацію никакимъ образомъ нельзя было считать прочной. Границей государства все еще считали Эльбу, составлявшую при всѣхъ обстоятельствахъ постоянную стратегическую линію. Для защиты этой линіи въ 928 году въ области Далеминцеровъ, среди первобытнаго лѣса, на скалѣ лѣваго берега Эльбы основанъ былъ Мейсенъ; далѣе въ самомъ слабомъ ея пунктѣ ее защищалъ Магдебургъ, эта бойкая торговая твердыня, полученная молодой Эдгидой, супругой Оттона I, въ приданое въ 929 году. На крайнемъ сѣверѣ наконецъ король Генрихъ укрѣпилъ границу рѣки своимъ удачнымъ походомъ противъ Даніи въ 933 году; онъ восстановилъ уничтоженную со времени Людовика Нѣмецкаго датскую сѣверную марку, помѣстилъ въ Шлезвигѣ дружину подъ начальствомъ саксонскаго маркграфа и такимъ образомъ прекратилъ отношенія Славянъ съ Датчанами.

Результаты были удивительные. Они не могли остаться безъ воздѣйствія и на Саксонцевъ. На границѣ, гдѣ прежде свободно правили

¹⁾ Хронологія очень сбивчива. Сравни Richter-Horst-Kohl S. 146.

саксонскій этелингъ, теперь господствовала королевская власть; мелкія войны по ту сторону Саалы и Эльбы потеряли значеніе; кто домогался отъ войны выгодъ и славы, могъ добиться этого только подъ королевскими знаменами. Съ ропотомъ и неудовольствіемъ терпѣло эту перемѣну старое дворянство еще долго послѣ Генриха. Хорошо оно почувствовало себя въ новомъ положеніи лишь тогда, когда стало чиновническимъ и леннымъ дворянствомъ, когда сравнялось съ дворянствомъ другихъ племенъ. Такимъ образомъ и славянскія войны въ концѣ концовъ не менѣе Венгерскихъ повліяли на сближеніе Саксонцевъ съ общимъ нѣмецкимъ бытомъ.

Что же касается королевской власти, то чѣмъ болѣе она находила препятствій въ Саксоніи, тѣмъ болѣе она должна была опираться на совокупность государственныхъ силъ. Приблизительно съ 933 года Генрихъ предпринялъ рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи и привлечь на свою сторону церковь и главнымъ образомъ епископовъ ¹⁾. Если прежде ему пришлось предоставить покрайней мѣрѣ южно-нѣмецкимъ герцогамъ совсѣмъ или отчасти церковныя имущества и вызвать этимъ раздоры между герцогами и провинціальными церквами, то теперь онъ могъ съ большою выгодой воспользоваться этими раздорами и выступить другомъ церкви; онъ сталъ повсюду, поскольку это было для него возможно, брать подъ свое покровительство церковное имущество и личность епископовъ.

Наиболѣе замѣтнымъ результатомъ этой политики была необыкновенно мирная передача Генрихомъ королевской власти сыну его Оттону. Старому властителю удалось добиться того, что еще незадолго до его смерти Оттонъ возведенъ былъ сановниками въ королевскій санъ на рейхстагѣ въ Эрфуртѣ, избраніе и прочное назначеніе несомнѣнно должно было закончиться впоследствии будущими празднествами помазанія на царство и коронаціей. Если Оттонъ получилъ корону въ Ахенѣ послѣ смерти своего отца, если центральнымъ пунктомъ акта восшествія на престолъ является религіозное торжество, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ высшіе церковные сановники государства, то въ этихъ событіяхъ мы должны видѣть продолженіе вліянія и принятаго въ послѣднее время направленія перваго саксонскаго короля, который семнадцать лѣтъ назадъ при своемъ избраніи отклонилъ всякое содѣйствіе со стороны церкви.

Король Генрихъ умеръ 2 Іюля 936 г. въ Мемлебенѣ, на тюрингенской почвѣ; прахъ его покоится въ высокой замковой церкви въ Кведлинбургѣ въ Саксоніи. Дѣятельность его характерна въ томъ отношеніи, что за все время его правленія нельзя указать ни на одинъ понятный шагъ въ развитіи жизни германскаго государства. Генрихъ

¹⁾ Отдѣльные случаи бывали и раньше, такъ напр. наказаніе Бозоса (Bosos) (Flod Ann. S. 378), участіе въ Эрфуртскомъ Синодѣ 932 года.

осторожно, но неуклонно шель впередъ, неизмѣнно придерживаясь пути, обусловливаемаго первыми требованіями королевской власти въ Германіи; легкими, но очень опредѣленными штрихами намѣтилъ онъ направленіе позднѣйшей Оттоновской политики, особенно Славянскими войнами и отношеніями къ церкви. Въ концѣ своей жизни Генрихъ имѣлъ даже намѣреніе направиться въ Римъ. Неоспоримое извѣстіе объ этомъ планѣ указываетъ на ясный умъ и выжидательное спокойствіе короля. Генрихъ былъ флегматическаго темперамента, крупнаго и грузнаго тѣлосложенія; скромный по внѣшнему обращенію, спокойно высокомерный, онъ никогда не забывался, даже въ игрѣ. Благоразумно щедрый къ знати, кроткій къ бѣднымъ, непоколебимо вѣрный къ друзьямъ, сдержанный въ отношеніяхъ своихъ къ чужимъ, Генрихъ подходилъ къ тому сорту людей, который считается нынѣ типичнымъ для обитателей сѣвернаго склона Гарца и всей нижней Саксоніи: упорная энергія и дипломатическая ловкость соединялись въ немъ съ вѣрнымъ взглядомъ на значеніе фактовъ и дружеской предупредительностью къ противникамъ. Всегда безукоризненный, онъ, казалось, созданъ былъ для того, чтобы сдѣлаться основателемъ государства. ¹⁾

II.

Свѣдѣнія, имѣющіяся у насъ о личности новаго короля Оттона, относятся уже къ позднѣйшему времени. Его также изображаютъ человѣкомъ грузнаго тѣлосложенія, какъ и его отца, но съ краснымъ лицомъ и молніеносными блестящими глазами, съ волнистой бородой и съ рѣдкими сѣдыми волосами на головѣ, грудь его по сравненію съ туловищемъ была широка и покрыта волосами; онъ отличался неровной, то быстрой, то медленной походкой. Это типъ холерика. Описаніе Оттона напоминаетъ изображеніе апостола Петра на миниатюрной живописи 10 столѣтія; современники и даже собственный сынъ въ позднѣйшіе годы называли короля «львомъ». Въ этомъ тѣлѣ обиталъ упорный, вѣчно дѣятельный духъ: король даже во снѣ имѣлъ обыкновение говорить. Пылкая натура смягчена была основательнымъ воспитаніемъ царственныхъ доблестей, необходимымъ для физической и умственной дѣятельности; но даже въ старости властитель легко терялъ самообладаніе: черту эту отмѣтило даже нѣмецкое преданіе.

При фанатической энергіи и чуткой страстности король Оттонъ не обладалъ никакими выдающимися интеллектуальными свойствами; онъ никогда не былъ особенно хорошимъ дипломатомъ и полковод-

¹⁾ Для особой характеристики Генриха пригодны источники *modeste regere, s. V. Maht. ant. c. 4; Sigeh. mir. s. Max. c. II, SS. 4, 232.*

земь; ему не хватало и дара спокойной наблюдательности. Если онъ достигалъ вліянія, то благодаря лишь твердости и часто вдохновенію; неудивительно поэтому, что при религіозномъ направленіи того времени онъ въ позднѣйшіе годы сталъ набожнымъ человѣкомъ.

Послѣ того какъ Оттонъ при восторженныхъ одобреніяхъ народа занялъ мѣсто на мраморномъ креслѣ Карла Великаго въ Ахенской замковой капеллѣ, послѣ того какъ во время коронаціоннаго пира ему прислуживали герцоги, настало скоро время, когда основы государства, заложенныя Генрихомъ, подверглись сильному испытанію.

Не прошло и года послѣ коронаціи, какъ начались раздоры между Франками и Саксонцами. Франки и Саксонцы совместно избрали королемъ Генриха; покровительство франкскому герцогскому дому являлось всегда необходимымъ условіемъ успѣшности дѣйствій Генриха. Теперь же и племя Саксонцевъ стало считать себя прочной опорой королевской власти; такого рода настроеніе непріятно было для франковъ; отсюда пошли столкновенія обоихъ племенъ на границѣ, въ которыя впутался и герцогъ Эбергардъ. Вмѣшался король Оттонъ; онъ присудилъ герцога къ пенѣ въ 100 фунтовъ серебра, а его ленниковъ приговорилъ къ позорному наказанію ношенія собаки; онъ отступилъ отъ той политической системы, которую поддерживалъ постоянно его отецъ.

Тогда Эбергардъ оказалъ сопротивленіе и нашелъ помощь въ Саксоніи, гдѣ славянская политика Генриха вызвала уже броженіе въ средѣ древняго дворянства; многіе приверженцы Генриха перешли на сторону Эбергарда. Недовольные Саксонцы нашли себѣ предводителя въ лицѣ Танкмара, своднаго брата Оттона; король стремился прочно утвердить монархическій принципъ въ своемъ родѣ; онъ хотѣлъ господствовать также и въ своемъ домѣ, и въ этомъ стремленіи своемъ онъ неоднократно оскорблялъ Танкмара.

Къ саксоно-франкскимъ затрудненіямъ, помимо славянскихъ возстаній, присоединились еще смуты въ Баваріи. Герцогъ Арнульфъ умеръ 14 іюля 937 года; сыновья его хотѣли самостоятельно управлять и отказывались отъ присяги королю.

При такомъ-то стеченіи обстоятельствъ Танкмаръ началъ открыто враждебныя дѣйствія. Онъ силою захватилъ юнаго брата Оттона, Генриха; онъ поручилъ его тщательной охранѣ Эбергарда и самъ укрѣпился въ Эресбургѣ въ Гессенѣ. Оттонъ быстро подавилъ это первое возстаніе. Онъ завладѣлъ Эресбургомъ; Танкмаръ, ища защиты, укрылся въ капеллу бурга и возложилъ на алтарь мечъ и золотую цѣпь королевскаго сына, — онъ умеръ, пронзенный копьемъ саксонскаго воина 28 іюля 938 г.

Теперь Эбергардъ убѣдилъ молодого Генриха, чтобы онъ, какъ первенецъ королевскаго отцовскаго ложа, выступилъ подъ его за-

щитой претендентомъ на королевскую корону: раздоръ между Франками и Саксонцами перешелъ въ открытый споръ изъ-за престола среди царствующей фамилии. Къ тому же и герцогъ Гизельбертъ Лотарингскій перешелъ на сторону претендента. Угрожала новая борьба; особеннымъ счастьемъ Оттона было то, что ему удалось усмирить Баварцевъ еще до этого возстанія. Царствующій домъ Арнульфа былъ свергнутъ; герцогскій санъ перешелъ Бертольду Каринтійскому, дядѣ сыновей Арнульфа, но король присвоилъ теперь себѣ управленіе церковнымъ имуществомъ, какъ и королевскими замками. Это былъ первый успѣхъ Оттона внѣ сферы политики его отца.

Въ 939 году разразилось угрожавшее возстаніе Генриха, Эбергарда и Гизельберта. Генрихъ призвалъ къ возмущенію Саксонцевъ и бросился въ Лотарингію, ставшую центромъ возстанія. Такъ какъ онъ и лотарингскіе отряды разбиты были королевскимъ войскомъ при Ксантенѣ, то Генрихъ, торопясь къ Саксонцамъ, долженъ былъ сдать при Мерзебургѣ. Но вскорѣ мы вновь находимъ его въ Лотарингіи, куда король, оттѣсняемый врагами къ саксонской восточной границѣ, не могъ за нимъ слѣдовать; настала вторая фаза возстанія. Въ то время какъ Швабы и Баварцы въ средней и сѣверной Германіи наблюдаютъ за борьбой, какъ зрители, противъ государства поднимаютъ возстаніе славяне, а король Людовикъ IV, убѣжденный западными Франками, принимаетъ сторону партіи претендента, присоединяетъ епископатъ западной границы Лотарингіи и за-одно съ нимъ вскорѣ и примасъ государства, архіепископъ Фридрихъ Майнцскій, явно или тайно, становится на сторону возстанія. При столь опасномъ положеніи дѣлъ Оттонъ одерживаетъ побѣду главнымъ образомъ своей рѣшительностью. Быстро двинулся онъ въ южную Германію. Этимъ онъ пріобрѣлъ помощь герцога Германа Швабскаго, который до сихъ поръ держался нейтралитета какъ членъ франконскаго герцогскаго дома; это доставило ему прочихъ союзниковъ среди франконскихъ графовъ, насколько тѣ имѣли возможность оказать противодѣйствіе герцогу Эбергарду ¹⁾. Германъ въ союзѣ съ франконскими графами разбилъ при Андернахъ войско мятежниковъ; герцогъ Эбергардъ погибъ въ битвѣ, а герцогъ Гизельбертъ утонулъ въ Рейнѣ, спасаясь бѣгствомъ. Почти въ это же время Брейзахъ сдался королю на верхнемъ Рейнѣ, и Оттонъ чувствовалъ себя уже настолько могущественнымъ, что заключилъ подъ стражу измѣнившихъ ему епископовъ Майнца и Страсбурга.

Теперь Генрихъ очутился одинокимъ; онъ былъ совершенно покинутъ всѣми, когда Оттонъ разрушилъ сношенія его съ Франціей и

¹⁾ Съ этихъ поръ франконская знать пользовалась особыми милостями Оттона; ср., напр., о графѣ Удо изъ Веттерау, братѣ Германа Швабскаго, Cont. Reg. 949.

завязалъ дружескія отношенія между обѣими имперіями, что привело въ 942 году даже къ союзу.

При такомъ оборотѣ дѣлъ Генриху, послѣ его частыхъ и безправственныхъ заговоровъ противъ своего королевскаго брата, ничего иного не оставалось, какъ перейти въ положеніе младшаго королевскаго сына. Когда Оттонъ на Рождество 941 г. вошелъ въ Франкфуртскій соборъ, къ нему приблизился Генрихъ въ волосяной одеждѣ кающагося, и разыгралась одна изъ тѣхъ трогательныхъ сценъ, которыми такъ богата средневѣковая исторія нашего народа. При мирныхъ звукахъ Рождественскихъ гимновъ Генрихъ, обливаясь слезами, бросился къ ногамъ своего брата; Оттонъ изъ состраданія поднялъ его и даровалъ ему королевскую свободу.

Король Оттонъ одержалъ побѣду въ борьбѣ своей за абсолютное господство внутри своей фамиліи: онъ пользовался особымъ исключительнымъ положеніемъ среди королевскаго рода; обычное семейное право было нарушено, положено начало особому семейному праву, былъ установленъ порядокъ престолонаслѣдованія.

Не меньшую побѣду одержалъ Оттонъ и надъ обособленностью племенъ. Баварцы и Лотарингцы были покорены, Швабы окончательно перешли на сторону короля. Вопросъ о равенствѣ и соревнованіи Франковъ и Саксонцевъ былъ устраненъ, такъ какъ король, будучи герцогомъ Саксонскихъ, по устраненіи древняго герцогскаго дома выступилъ въ качествѣ франконскаго герцога. Раньше старинная власть франконскаго дома распространялась на всѣ племена, и король Генрихъ долженъ былъ покровительствовать или по крайней мѣрѣ терпѣть такое положеніе вещей; король Оттонъ получилъ возможность замѣнить эту власть вліяніемъ собственнаго дома.

Въ Лотарингіи давно уже, по смерти герцога Гизельберта, король утвердилъ герцогомъ франконскаго графа Конрада, родоначальника салийскаго имперскаго дома и выдалъ за него замужъ свою дочь Ліутгарду въ 947 году. Въ Баваріи въ 947 году умеръ герцогъ Бертольдъ. Преемникомъ Бертольда и правой рукой короля во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ сдѣлался братъ Оттона Генрихъ; онъ былъ женатъ на Юдифи, дочери прежняго герцога Арнульфа. Въ Швабіи, наконецъ, долго еще царствовалъ вѣрный королю герцогъ Германъ, онъ былъ уже старъ и увѣченъ; въ 947 или 948 году Оттонъ женилъ своего первенца Ліудольфа, котораго онъ уже ранѣе, вскорѣ послѣ смерти своей супруги Идгиды, съ согласія сановниковъ назначилъ своимъ преемникомъ, на единственной дочери Германа—Идѣ; ясно было, что впослѣдствіи Ліудольфъ какъ король будетъ непосредственно царствовать и надъ Швабами такъ же, какъ надъ Саксонцами и Франками.

Такимъ образомъ король немедленно воспользовался новой побѣдой для всеобщей реорганизаціи государства; какъ онъ господствовалъ

въ фамиліи своей единолично и безпрепятственно, такъ онъ хотѣлъ и государствомъ править единолично и безпрепятственно черезъ посредство членовъ этой фамиліи.

Первымъ слѣдствіемъ этой политики было то, что герцогское достоинство приняло вновь должностной характеръ; древнія фамиліи, пользовавшіяся повидимому этой властью наследственно, были устранены; новые герцоги были теперь вполнѣ зависимы отъ короля. Вторымъ слѣдствіемъ явилось возможно болѣе широкое устраненіе тѣхъ препятствій, которыя въ эпоху натурального хозяйства мѣшали существованію большого государства. Чтò, какъ не невозможность существованія управленія стройнаго, вездѣсущаго, изо дня въ день руководимаго изъ центра, способствовало упорному партикуляризму племенъ, вѣчной склонности сановниковъ къ возстанію въ раннія времена средневѣковой жизни? Такое управленіе было невозможно, благодаря полному отсутствію матеріальныхъ средствъ и путей сообщенія, орудій обращенія: почты, денежныхъ знаковъ и кредита. Этотъ недостатокъ король Оттонъ и стремился теперь возмѣстить фамильной связью крупныхъ сановниковъ государства. Если ленная присяга не могла создать для герцоговъ общаго центра, то можно было предположить, что интересы дома и давленіе общихъ фамильныхъ интересовъ скорѣе доставятъ эту возможность.

Одновременно съ развитіемъ сферы герцогскихъ обязанностей Оттонъ заботился о развитіи королевскаго управленія во всѣхъ племенныхъ областяхъ, находившихся въ зависимости лично отъ короля. Рядомъ съ герцогами въ качествѣ непосредственныхъ королевскихъ чиновниковъ пфальцграфы приняли участіе въ управленіи и въ финансовыхъ сборахъ съ казенныхъ имуществъ; они выступали также какъ политическая инстанція для наблюденія за отправленіемъ герцогами своихъ обязанностей. Король имѣлъ еще въ своихъ рукахъ, по крайней мѣрѣ посредственно, широкую, общераспространенную контрольную инстанцію, назначая отнынѣ прямо отъ себя и по своему усмотрѣнію всѣхъ епископовъ въ государствѣ.

То были крупныя шаги по пути къ истинному объединенію государства; они упрочили за королемъ невысказанное до сихъ пользованіе властью, распорядженіе національными силами, и въ результатѣ скоро привели къ энергичной внѣшней политикѣ.

III.

При Генрихѣ I внѣшняя политика саксонскаго дома, кромѣ улаживанія своихъ отношеній къ государству западныхъ Франковъ, объектомъ своимъ имѣла почти исключительно Славянъ; Оттонъ Великій также неуклонно устремлялъ свои взоры на востокъ. Если Генрихъ I

впослѣдствіи слабо отражалъ нападенія славянъ, если онъ установилъ данническія отношенія для Славянъ Эльбы и для Чеховъ, то Оттонъ упрочилъ власть надъ ними и путемъ обращенія въ христіанство навязалъ имъ западно-европейскую культуру, а путемъ колонизаціи ввелъ германскій образъ жизни.

Эти цѣли могли быть достигнуты лишь вытѣсненіемъ язычниковъ-датчанъ изъ славянской области при Балтійскомъ морѣ и принужденіемъ чеховъ къ соблюденію мира. Потому-то Генрихъ могъ удачно завоевать Богемію и основать шлезвигскую марку.

Въ концѣ правленія Генриха наступила переменна къ худшему въ обоихъ этихъ пунктахъ. Въ Богеміи Святой Венцель былъ убитъ своимъ братомъ Болеславомъ въ 935 году; еще и нынѣ въ соборѣ Пражскаго Градшина ¹⁾ показываютъ шлемъ Святого съ изображеніемъ распятія, покрытаго финифтью, по образу нѣмецкой орнаментики 10 столѣтія: это въ тоже время символъ германскаго миссіонерства и вліянія. По смерти Венцеля народъ отложился отъ христіанства и отъ государства; тщетно пытался Оттонъ измѣнить положеніе вещей: нѣмецкія войска были разбиты. Только въ срединѣ столѣтія удалось снова сдѣлать отношенія Чеховъ къ государству болѣе благопріятными.

Въ Даніи также произошелъ поворотъ, сходный съ поворотомъ въ Богеміи. Здѣсь, какъ и въ другихъ сѣверныхъ государствахъ, началось въ это время равномѣрное прогрессивное государственное развитіе. Мелкія королевства (Seekönigreiche) примкнули къ крупнымъ государствамъ; древнее родовое дворянство было изгнано и двинулось на югъ, къ берегамъ Франціи, гдѣ его ожидала великая будущность; на родинѣ же пріобрѣтаетъ значеніе демократія свободныхъ крестьянъ подъ управленіемъ мощной королевской власти: Данія пережила времена Горма († 936) и его пріемника Гаральда Блатанда. Благодаря этимъ внутреннимъ переменамъ для короля Оттона оказалось труднымъ удержать за собою пріобрѣтенное Генрихомъ. Изъ позднѣйшихъ свѣдѣній мы узнаемъ, правда, что Оттонъ прошелъ побѣдоносно Ютландію и на самой крайней сѣверной оконечности полуострова бросилъ, какъ символъ владѣнія, копье свое въ волны Каттегата; но въ этихъ свѣдѣніяхъ трудно отличить истину отъ вымысла ²⁾.

Во всякомъ случаѣ неблагопріятныя переменны, происшедшія въ обоихъ пунктахъ нѣмецкаго нападенія на славянъ совпали съ внутренними смутами первыхъ лѣтъ царствованія Оттона и сопровождались новыми славянскими возстаніями.

¹⁾ Hradshin—называется одинъ изъ кварталовъ Праги, въ которомъ находится королевскій замокъ и Соборъ. Прим. перев.

²⁾ Грундъ (Grund, Forschungen z. D. Geschichte. 11, 561 s. s.) не вполне опровергаетъ сообщенія Адама (Adams von Bremen (2, 3) m. C.

Первыми возстали Славяне, жившіе къ сѣверовостоку отъ Эльбы. Оттонъ отправилъ противъ нихъ графа Германа Биллунга, родоначальника позднѣйшихъ саксонскихъ герцоговъ. Выборъ этотъ, вызвавшій зависть и сильное неодобреніе со стороны саксонскаго родового дворянства, оказался удачнымъ. Германъ разбилъ Редарировъ, ядро возстанія; онъ усмирилъ надолго покоренныя имъ области. Между тѣмъ вспыхнули беспорядки также въ центрѣ саксонской границы, въ области по правому берегу Эльбы, въ нынѣшней провинціи Саксоніи и въ Бранденбургѣ. Здѣсь Оттонъ сдѣлалъ блестящій выборъ, назначивъ для охраны нѣмецкой границы сѣверо-тюрингинскаго графа Геро. Неразборчивый Геро пустилъ въ ходъ всѣ средства насильственной политики: за попытку къ покушенію на его жизнь въ первое время по вступленіи имъ въ должность онъ отомстилъ умерщвленіемъ тридцати славянскихъ предводителей во время праздничной пирушки. Въ добавокъ ему содѣйствовалъ еще королевскій дворъ при помощи самаго злостнаго подкупа; Тугумиръ, благородный Гевелль (Heweller) ¹⁾, жившій при дворѣ, измѣной предалъ Бранденбургъ въ нѣмецкія руки. Такимъ образомъ сопротивленіе Славянъ между Эльбой и Одеромъ было сломлено; начиная приблизительно съ 940 года всѣ племена выплачивали королю дань. Однако-же вполне покорены были славяне только къ половинѣ столѣтія; тогда и Чехи снова сблизились съ государствомъ, и грозный Геро въ 949 году могъ спокойно предпринять благочестивое пилигримство къ подножьямъ апостольскихъ гробницъ: пріобрѣтенія Генриха закрѣплены были прочнѣе, чѣмъ когда-либо.

Между тѣмъ задолго передъ этимъ оттоновская политика принялась за мирную культурную работу въ Славянской области.

Въ 937 году въ Пфальцграфствѣ Магдебургѣ учрежденъ былъ монастырь святого Морица. Туда водворены были монахи изъ Сантъ-Максимиана въ Трирѣ, ревностные сторонники начинавшейся монастырской реформы; на нихъ была возложена миссія среди Славянъ. Вслѣдъ затѣмъ король Оттонъ принялся за постройку Магдебурскаго собора; уже тогда была мысль сдѣлать Магдебургъ центромъ славянской церкви на Эльбѣ. Оттонъ еще больше приблизился къ осуществленію своихъ замысловъ, когда успѣхи Магдебурскаго монастырскаго миссіонерства, дали ему возможность учредить въ Гавельбергѣ и Бранденбургѣ два почти самостоятельныхъ славянскихъ епископства ²⁾.

¹⁾ *Гевеллы* (Heweller) назывался одинъ изъ славянскихъ народовъ племени вильковъ или венетовъ, жившій по берегамъ притока Эльбы, Гавеля, и имѣвшій своей столицей Бранденбургъ. *Прим. перевод.*

²⁾ Это случилось въ 948 году. Относительно времени см. Dümmler, *Otto der Grosse* s. 168. О Гавельбергѣ упоминаетъ еще Sickel, *Dipl.* S. 188 годъ 946.

Одновременно съ этимъ христіанское миссіонерство распространилось среди Датчанъ. Начало ему дало архіепископство Гамбургско-Бременское; оно не пользовалось такой крупной матерьяльной поддержкой, какъ славянское миссіонерство, покровительствуемое непосредственно государствомъ, но оно прославилось мужествомъ своихъ первыхъ миссіонеровъ и размѣрами обращенныхъ общинъ. Послѣ многихъ раннихъ неудачныхъ попытокъ архіепископу Адальдагу удалось наконецъ добиться успѣха. Въ 948 г. ему удалось основать три епископства въ Шлезвигѣ, въ Рипенѣ и Ааргусѣ для Ютландіи и церкви по ту сторону моря въ Фюненѣ, Зеландіи и Швеціи; въ то же время папа поручилъ ему устроить общее миссіонерство для Германцевъ на сѣверѣ. Въ 968 году, вслѣдъ за тремя епископствами, основано четвертое въ Ольденбургѣ въ восточной части Голштинскаго герцогства—Вагрии (im wagriscnen Land¹⁾).

Рука объ руку съ распространеніемъ христіанства, по крайней мѣрѣ въ странѣ Славянъ, распространялся и упрочивался нѣмецкій строй. Подчинившіяся нѣмецкому вліянію области между Эльбой, Саллой и Одеромъ были болѣе или менѣе разбиты на графства, главными пунктами для которыхъ избраны были бурги (Burgstädte) отдѣльных племенъ. Графства эти въ свою очередь распадались на округа замковъ (Burgwardschaften)—округи преимущественно военного характера, въ центрѣ которыхъ находился крѣпкій замокъ, изъ котораго правилъ бурграфъ. Эта система была нѣчто въ родѣ военной блокады, подъ охраной которой нѣмецкое заселеніе быстро наводнило славянскую страну.

Славянскимъ предводителямъ принадлежала вся та земля, которая не обрабатывалась Славянами по древней системѣ семейной и родовой общины. Земля эта, составлявшая значительнѣйшую часть всей поземельной территоріи, была конфискована, захвачена нѣмецкимъ королемъ; на доходы съ нея содержались управленіе и военная блокада страны, а часто она переходила участками во владѣніе нѣмецкихъ поселенцевъ, дворянъ и крестьянъ. Такимъ образомъ германизация страны началась прежде всего внѣ древнихъ славянскихъ поселеній.

Но нѣмцы скоро завладѣли и славянскими родовыми селеніями. Если славянина забирали въ плѣнъ на полѣ сраженія, его или убивали, или какъ колониста переселяли въ саксонскую землю по ту сторону Эльбы, и почти никогда уже ему не удавалось увидѣть родину его предковъ. вмѣсто него, на освободившееся отъ него мѣсто

¹⁾ Восточная часть герцогства Голштинскаго, расположенная между Сѣвернымъ моремъ и рр. Трове и Свентипе въ то время населена была славянскимъ племенемъ—Ваграми или Вагирами и называлась Вагріей; главнымъ городомъ этой области былъ Ольденбургъ (Старградъ—по славянски). *Прим. перев.*

въ деревнѣ водворялся саксонецъ, и нѣмцы эти скоро завели и дома и на пашнѣ свои порядки.

Всѣ эти событія—то единично, то совокупно—разыгрываются въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній; благодаря имъ, и страны, лежащія непосредственно къ востоку отъ Саалы и Эльбы, стали доступны нѣмецкому вліянію.

Въ позднѣйшее время правленія Оттона Великаго указанная выше отношенія продолжали только развиваться. Процессъ этотъ совершался болѣе быстро или замедлялся въ зависимости отъ поведенія славянъ, не разъ еще замышлявшихъ возстанія, и затѣмъ отъ способа высшей организаціи всей области.

Когда Геро, «великій маркграфъ», какъ называли его современники, во время новаго пилигримства въ Римъ сложилъ свое побѣдоносное оружіе на алтарь св. Петра и вскорѣ затѣмъ (965) умеръ¹⁾, покрытый ранами и славой, въ своемъ великолѣпномъ и теперь еще отчасти сохранившемся монастырѣ Гернродѣ, пограничныя должности были иначе организованы. вмѣсто двухъ крупныхъ областей Германа Биллунга и Геро явилось шесть меньшихъ, другъ отъ друга почти независимыхъ маркграфствъ: организація эта вызвана была не столько возраставшей заботливостью Оттона Великаго о сохраненіи славянскаго мира, сколько опасеніемъ отдать такія большія области, какъ области Геро или Германа, въ постоянное пользованіе членамъ саксонскаго дворянства. Не подлежало сомнѣнію, что саксонское чистокровное дворянство все еще съ горечью наблюдало за успѣхами королевской власти у славянъ; вытѣсненное изъ области, гдѣ оно цѣлыя столѣтія произвольно и жестоко распоряжалось, сдерживаемое королевскимъ повелѣніемъ, часто ограничиваемое церковью тамъ, гдѣ оно привыкло неограниченно господствовать, — дворянство это питало страшную ненависть къ королевскимъ колонизаторскимъ замысламъ; ненависть эта долго держалась, и проявилась гораздо позднѣе во время паденія Генриха Льва. По смерти Геро Оттонъ Великій въ виду такого настроенія и уменьшилъ размѣры маркграфствъ на славянской почвѣ. Конечно онъ долженъ былъ признать, что этимъ путемъ значительно раздроблена была военная сила на Славянской границѣ.

Гораздо опредѣленнѣе и болѣе свободнѣе отъ сомнѣній развивались могущественные зародыши христіанской миссіи. Прекрасно снаряженные, двинулись въ путь апостолы вѣры еще при Оттонѣ далеко за первоначальныя предѣлы военнаго воздѣйствія. Герцогъ Мизака принялъ христіанство въ Польшѣ; въ 961 г. Русскіе просили нѣмецкихъ миссіонеровъ. Въ Богеміи герцогъ Болеславъ II (съ 967 г.) склонялся къ христіанству; открывалась уже возможность учрежденія Праж-

¹⁾ Въ нѣмецкой легендѣ живетъ онъ и теперь; онъ-то и есть марсgrave Gêre въ пѣснѣ Нибелунговъ.

скаго епископства, основаннаго, дѣйствительно, при Оттонѣ II. Въ Даниі, наконецъ, король Гаральдъ принялъ крещеніе, и проповѣдья нѣмецкихъ епископовъ пожинала богатую жатву.

Все это побудило къ окончательному урегулированію церковныхъ отношеній на сѣверѣ Германіи. Оттонъ уже давно имѣлъ это въ виду, но осуществить ему удалось гораздо позднѣе и послѣ продолжительныхъ усилій. Магдебургъ сталъ архіепископствомъ; на Рождество 968 года первый пастырь, строго-нравственный и мудрый игуменъ Адальбертъ Вейсенбургскій, бывшій епископъ-миссіонеръ среди славянъ, поставилъ первыхъ епископовъ трехъ вновь учрежденныхъ епархій: Мерзебурга, Цейтца (Zeitz) и Мейсена; въ то же время онъ подчинилъ себѣ и прежнія епископства Гавельберга и Бранденбурга, къ которымъ вскорѣ присоединилось польское епископство Позень.

То была могущественная церковная организація рядомъ съ организаціей бременско-гамбургской церкви: оба эти архіепископства открывали нѣмецкому вліянію путь въ безграничныя области Сѣвера и Востока, что выходило далеко за предѣлы Датской и Славянской политики Оттона Великаго.

IV.

Славянская политика была традиціонной строго національной политикой Оттоновъ. Но по мѣрѣ того, какъ государство все болѣе и болѣе упрочивалось, король Оттонъ все болѣе и болѣе запутывался въ внѣшнюю политику, выходившую далеко за границы отчизны его рода.

Давно уже западнофранкское и восточнофранкское государство оспаривали другъ у друга руководящую роль въ средней Европѣ. Временный перевѣсъ той или другой стороны проявлялся, какъ и теперь еще, во владѣніи спорными областями на границѣ, тогда герцогствомъ Лотарингіи. Генрихъ I завоевалъ эту область для Германіи, но каждый сколько-нибудь могущественный западнофранкскій король 10 столѣтія стремился отвоевывать ее обратно. Къ этому стремился и Людовикъ IV, сынъ Карла Простого, бѣжавшій въ Англію и жившій тамъ при дворѣ. По смерти Рудольфа II, короля Бургундіи и западной Франконіи, партія, не желавшая, чтобы корона перешла къ могущественному герцогу Франціи (Франсіен) Гуго, призывала его на престолъ его предковъ. Онъ сталъ добиваться всеобщаго признанія и съ этою цѣлью немедленно устремился на Лотарингію. Моментъ былъ благопріятенъ; Оттонъ былъ занятъ внутренними племенами и фамильными войнами первыхъ лѣтъ его царствованія. Оттонъ помогъ себѣ въ борьбѣ съ западнофранкскими кознями и походами тѣмъ, что сталъ поддерживать внутреннихъ враговъ Людовика, что привело

его въ близкое соприкосновеніе съ безирерывными смутами западнаго государства. Въ результатъ получилось то, что при обоюдномъ противодѣйствіи шансы обоихъ королей на успѣхъ мало по малу уравнились; безплодность обоюдныхъ нападеній была признана, и въ 942 году въ Войзѣ (Voüse) на Маасѣ произошло дружественное личное свиданіе, на которомъ Людовикъ, вѣроятно, отказался отъ Лотарингіи, взамѣнъ чего Оттонъ обѣщаль свое посредничество между западно-франконскою знатью и Людовикомъ.

Не смотря однако же на это, слѣдующіе годы протекли для Людовика Французскаго неблагопріятно; въ 945 году онъ потерялъ всякую власть. Тогда Оттонъ непосредственно вступился за него. Въ 946 году онъ предпринялъ въ западную Франконію большой походъ, направленный естественно противъ герцога Франціи (Francien) Гуго, главнаго врага Людовика; осадилъ Ланъ, Реймсъ, Сенли и Руанъ, опустошилъ Нормандію, и съ наступленіемъ зимы вернулся на родину. Этотъ походъ, блестящій въ военномъ отношеніи, никакой пользы Людовику не принесъ. Королю Оттону недоставало силы для того, чтобы прочно подчинить знать Франконскаго государства ихъ законному государю. Задачу эту въ 10 столѣтіи могъ выполнить лишь одинъ, одинаково присущій всѣмъ западноевропейскимъ націямъ, институтъ — церковь. Только послѣдняя неусыннымъ примѣненіемъ своихъ милостей и угрозъ могла принудить знать къ вѣрности Людовику.

Въ этой-то силѣ Оттонъ теперь и прибѣгнулъ; впервые онъ принципиально призналъ въ церкви орудіе для своей виѣшней политики. По его настоянію папа Агапиль II созвалъ въ Ингельгеймѣ общій синодъ изъ нѣмецкихъ и западно-франконскихъ епископовъ; синодъ этотъ состоялся въ іюнѣ 948 года, и открытой программой его была поддержка Людовика. Гуго Французскому пригрозили отлученіемъ отъ церкви; когда же онъ не подчинился Людовику, отлученіе провозглашено было на новомъ синодѣ въ Трирѣ. Для исполненія приговора надъ Гуго король Оттонъ послалъ герцога Конрада Лотарингскаго; послѣ нѣсколькихъ походовъ Конрадъ водворилъ миръ, длившійся до смерти короля Людовика въ 954 году.

Послѣ этого заботу о регулированіи западныхъ отношеній почти всецѣло принялъ на себя архіепископъ Бруно Кельнскій, братъ Оттона; своимъ посредничествомъ онъ сумѣлъ поддерживать взаимныя раздоры между отдѣльными партіями Франціи и укрѣпить такимъ образомъ Лотарингію за Германіей.

Впрочемъ западнофранконское государство не могло оспаривать перевѣсъ у Германіи, хотя перевѣсъ этотъ и не проявлялся всегда въ той рѣзкой формѣ, въ какой онъ проявлялся въ теченіи тѣхъ сорока лѣтъ, въ продолженіе которыхъ король Оттонъ, можно сказать, былъ третейскимъ судьей, даже рѣшителемъ судебъ запада. Лишь

тогда, когда Франція отдѣлалась отъ опаснаго наслѣдія карловингскихъ безпорядковъ, угнетавшихъ ее сильнѣе, чѣмъ Германію, лишь тогда, когда она достигла національной однородности, которая достигнута была въ Германіи значительно раньше и давала въ 10 столѣтіи нашему народу такое безконечное политическое преимущество передъ формирующимися романскими народностями, — лишь тогда и Франція вступила на правахъ равнаго въ ряды народовъ, чтобы вскорѣ превзойти Германію въ культурномъ, а въ концѣ концовъ надолго опередить ее и въ политическомъ отношеніи.

При Оттонахъ и Салійскихъ императорахъ нѣмецкіе интересы направлялись главнымъ образомъ въ Бургундію и Италію: со времени Конрада II Бургундія и Италія должны были вмѣстѣ съ Германіей составить Римское государство нѣмецкаго народа.

Король Оттонъ впервые пришелъ въ соприкосновеніе съ Бургундіей по поводу похода въ пользу короля Людовика Французскаго. Король Рудольфъ II, умирая въ 937 году, оставилъ несовершеннолѣтняго сына Конрада и дочь Адельгейду. Адельгейда (впослѣдствіи жена Оттона) была обручена съ молодыхъ лѣтъ съ Лотаремъ, сыномъ короля Италиі Гуго. Лѣтомъ 940 года Оттонъ взялъ въ плѣнъ Конрада. До 943 года молодой король оставался при нѣмецкомъ дворѣ, и затѣмъ вернулся въ Бургундію подъ опекой и суровой верховной властью Оттона.

Во времена короля Генриха I герцоги Швабіи и Баваріи постоянно вторгались въ Италію. Владычество Карловинговъ 8 и 9 столѣтій совершенно уничтожило могучее развитіе Лангобардовъ, проникнутое сильнымъ національнымъ чувствомъ. Результаты дали себя знать при паденіи Карловингской монархіи. Въ теченіи не полныхъ трехъ поколѣній двѣнадцать узурпаторовъ перебивали королями Италиі; четверо изъ нихъ принадлежали къ мѣстной знати, четверо къ Бургундской, три нѣмецко-карловингской и одинъ былъ французскій князь. Почти всѣ они низвергнуты были благодаря смутамъ. Царилъ всеобщій политическій развратъ; не въ одномъ Римѣ судьба народа зависѣла отъ капризовъ и пронырствъ высокопоставленныхъ блудницъ.

Въ 930 году королю Гуго, Бургундцу, удалось утвердить въ верхней Италиі болѣе сильную власть и онъ немедленно сталъ стремиться распространить ее на среднюю Италію и Римъ. Онъ былъ уже близокъ къ своей цѣли, благодаря браку съ сладострастной, могущественной въ средней Италиі Марозіей, но Римляне возстали и подъ предводительствомъ Альбериха, сына Марозіи, изгнали его, и Альберихъ утвердилъ въ Римѣ свою собственную власть.

Эта неудача на югѣ была роковой для давно ненавистнаго владычества Гуго въ Верхней Италиі. Маркграфъ Беренгаръ, внукъ прежняго короля Беренгара, бѣжавшаго отъ мести Гуго въ Германію и

въ послѣднее время жившаго при дворѣ Оттона, вернулся въ 945 году, какъ вассаль Оттона, съ небольшимъ войскомъ обратно въ Италию, изгналъ Гуго и царствовалъ совмѣстно съ сыномъ Гуго Лотаремъ, за которымъ сохранялись конечно только титулъ и почести, и который теперь женился на Адельгейдѣ Бургундской, бывшей его не-вѣстой съ 937 года.

Однако же новыя отношенія не обѣщали быть продолжительными. Беренгаръ, подобно Гуго, стремился въ Римъ, не смотря на то, что Альберихъ готовъ былъ призвать на помощь противъ него византійскую силу, старую мучительницу Италиі, не смотря на то, что страна раздираема была венгерскими походами, что арабы уже появились на берегахъ Генуи.

Результатомъ всѣхъ этихъ внутреннихъ неурядицъ было то, что южно-нѣмецкіе герцоги, Ліудольфъ Швабскій и Генрихъ Баварскій, сынъ и братъ короля Оттона, вновь устремили свои взоры за Альпы. Въ 950 году появился Генрихъ Баварскій и завоевалъ герцогство Фріуль, всю восточную область страны. Въ началѣ 951 года Ліудольфъ Швабскій двинулся въ центръ страны, и если ему не удалось свергнуть Беренгара, то только благодаря завистливому противодѣйствію его дяди Генриха.

Во время этихъ происшествій на сѣверѣ, какъ и на югѣ Альпъ, готовились другія болѣе важныя событія. Еще въ 950 г. король Италиі Лотаръ умеръ, и Беренгаръ старается присвоить себѣ едино-властіе, но онъ встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны враждебной партіи, которая выдвинула бургундскую Адельгейду, вдову Лотаря. Тогда Беренгаръ взялъ въ плѣнъ красивую вдову и даже сдѣлалъ попытку возмутительно дурнымъ обращеніемъ принудить ее вступить въ бракъ съ его сыномъ Адалбертомъ ¹⁾ и такимъ образомъ соединить ея мнимыя притязанія на государство съ притязаніями его дома.

Въ этотъ моментъ вмѣшался король Оттонъ. Онъ не могъ уже подобно своему отцу предоставить инициативу по ту сторону Альпъ южно-нѣмецкимъ герцогамъ, приходились ли тѣ ему родственниками или нѣтъ. Такъ какъ съ юридической точки зрѣнія онъ могъ предъявить Беренгару только очень неопредѣленныя притязанія, какъ своему лепнику, то въ оправданіе своего вмѣшательства онъ выдвинулъ аргументъ, съ государственно правовой точки зрѣнія сомнительный, но весьма убѣдительный съ точки зрѣнія гуманности, а стало быть національный: онъ явился въ качествѣ жениха красивой, жестоко угнетаемой вдовы.

Осенью 951 года онъ перешелъ черезъ Альпы; это было почти безкровное триумфальное шествіе. 23 Сентября онъ принялъ въ Павіи

¹⁾ Ср. Dümmler, Otto der Grosse S. 191 Ann. 1; Fitz, Geschichte Berengars, S. 22; Richter Horst-Kohl, Annalen, S. 60.

присягу знати; еще до Рождества онъ отпраздновалъ бракосочетаніе съ Адельгейдой, которой удалось освободиться изъ плѣна. Событія быстро смѣнялись; Оттонъ сталъ Лангобардскимъ королемъ почти безъ всякихъ усилій.

Для Ліудольфа Швабскаго то была горькая дѣйствительность. Фріуль оставался, правда, за Баварцами, но центръ Верхней Италиі перешелъ къ имперіи и такимъ образомъ былъ потерянъ для Швабіи и для него. Побѣдилъ его дядя Генрихъ, который отнялъ отъ него первые военные лавры въ Италиі, и который съ оскорбительнымъ остроуміемъ издѣвался надъ чужимъ несчастіемъ. Отецъ его, король вступилъ въ новый бракъ: не лишать ли его со временемъ отпрыски этого брака значенія и почестей, и не опередятъ ли они его въ престолонаслѣдованіи, какъ это сдѣлалъ Оттошъ съ первенцомъ короля Генриха, Танкмаромъ?

Безъ королевскаго разрѣшенія Ліудольфъ изъ Италиі вернулся въ Швабію, а съ нимъ возвратился и архієпископъ Фридрихъ Майнцскій, ханжа и интриганъ, глава одного изъ первостепенныхъ въ государствѣ епископствъ слишкомъ большое вліяніе котораго Оттошъ уже давно старался подорвать передачей болѣе важныхъ дѣлъ государственнаго управленія его брату Бруно.

Король Оттонъ, послѣ быстрыхъ успѣховъ въ Верхней Италиі, питалъ самые смѣлые замыслы: ему мерещилась уже имперская корона. Теперь отступленіе Ліудольфа ослабило его войско; Альберихъ Римскій, который съ ужасомъ смотрѣлъ на возможность императорскаго коронованія, рѣшился на противодѣйствіе; папа Агапитъ II отказалъ въ коронѣ королевскому просителю. Оттонъ ничего не могъ подѣлать; онъ вернулся въ Германію, гдѣ его ожидали тяжелыя испытанія.

Ліудольфъ отправился въ Заальфельдъ въ Тюрингію; ему извѣстно было созрѣвшее недовольство среди саксонскаго дворянства и онъ искалъ здѣсь союзниковъ для мятежа. Совершенно неожиданно пріобрѣлъ онъ помимо Саксонцевъ важнаго союзника въ лицѣ герцога Конрада Лотарингскаго. Король Оттошъ оставилъ Конрада въ Италиі, чтобы окончательно низвергнуть владычество Беренгара. Ему удалось взять въ плѣнъ Беренгара, и онъ поставилъ ему опредѣленные условія будущаго подчиненія верховной власти нѣмецкаго короля. Оттонъ отвергнулъ эти условія, какъ слишкомъ благопріятныя для Беренгара, и поставилъ вмѣсто нихъ другія болѣе строгія; вмѣстѣ съ тѣмъ Беренгаръ долженъ былъ уступить Баваріи прекрасныя марки: Истрію, Аквилею, Верону и Тріентъ и все герцогство Фріуль; Конрадъ удался, не получивъ никакой награды. Какъ и ранѣе въ средніе вѣка случалось, что изъ происшествій самого личнаго свойства вытекали политическія событія, такъ и теперь Конрадъ, казалось, перешелъ на сторону Ліудольфа изъ чувства личнаго озлобленія.

Передъ Пасхой 953 года король попалъ въ руки къ заговорщикамъ, не смотря на то, что онъ былъ предупрежденъ; Ліудольфъ и Конрадъ, при лицемѣрномъ посредничествѣ архіепископа Фридриха, предложили обезоруженному королю условія подчиненія, отъ которыхъ онъ, какъ отъ вынужденныхъ, немедленно отказался, какъ только очутился въ Саксоніи свободнымъ распорядителемъ своей королевской воли. И вотъ повсемѣстно начались открытыя возстанія.

Ліудольфъ и Конрадъ лишены были ихъ герцогствъ; они взялись за оружіе. Въ то время какъ въ сосредоточенной около Майнца осадной войнѣ успѣхъ не склонялся рѣшительно ни на чью сторону, въ Саксоніи готово было разразиться давно уже подготавливавшееся возстаніе, въ Баваріи началось возмущеніе, а въ Швабіи лишь немногіе графы (главнымъ образомъ, святой Ульрихъ, епископъ Аугсбургскій) сохранили свою вѣрность: казалось, что король погибъ.

Въ этотъ-то моментъ и нашлось спасеніе въ своеобразной формѣ: для него явилась возможность могущественно и блестяще выступить представителемъ идеи національнаго единства, идеи о необходимости центральной власти для борьбы съ враждою племенъ, отступничествомъ старинныхъ дворянъ и непокорностью собственной фамиліи.

Давно уже, со временъ еще короля Генриха, Венгры возобновляли свои походы; и лишь съ 943 года Баварскіе герцоги стали выступать противъ нихъ съ своей партикулярной военной силой. Теперь, пользуясь смутами въ государствѣ, Венгры начали свои страшныя нападеныя; Баварія, Швабія, Лотарингія и Западная Франконія были одинаково страшно опустошены. Въ это ужасное время, когда мятежники симпатизировали врагамъ отечества, или по крайней мѣрѣ подчинялись имъ, выплачивая дань, одинъ Оттонъ явился защитникомъ чести и самостоятельности государства. Немедленно выступилъ онъ съ своимъ войскомъ въ Баваріи; если не засталъ уже тамъ Венгровъ, онъ могъ по крайней мѣрѣ воспользоваться своимъ войскомъ для усмиренія герцогства. Шагъ этотъ рѣшилъ дѣло; съ этого момента возмущеніе можно было считать подавленнымъ. Вскорѣ Конрадъ Лотарингскій и архіепископъ Майнцскій заключили миръ съ королемъ, также и Ліудольфъ сумѣлъ добиться прощенія отца. На рейхстагѣ въ Арнштадтѣ 17 Декабря 954 года произнесено было окончательное рѣшеніе надъ судьбою мятежниковъ, за исключеніемъ архіепископа, который успѣлъ за это время умереть; Конрадъ и Ліудольфъ лишены были еще разъ своихъ герцогскихъ должностей, но сохранили свои собственныя имѣнія. Конрадъ умеръ потомъ славной смертью въ битвѣ съ Венграми при Лехфельдѣ; Ліудольфъ искупилъ свою вину энергичнымъ заступничествомъ за власть отца въ Верхней Италіи; онъ преждевременно палъ жертвою итальянскаго климата 9 Сентября 957 года.

Теперь оставалось только покорить Баварію: уже въ 955 году

послѣ взятія Регенсбурга Оттонъ могъ вновь передать страну своему брату Генриху. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ еще въ томъ же году доказалъ Баварцамъ, самому самостоятельному племени въ государствѣ, что судьба племенъ можетъ быть обезпечена лишь въ государственномъ союзѣ.

Венгры снова напали; Баварцы первые стали жертвою хищническаго набѣга, пока главная сила врага не расположилась въ области Аугсбурга. Здѣсь, при Лехфельдѣ, противъ нихъ выступилъ Оттонъ съ соединенными силами всего государства, за исключеніемъ Саксоніи, занятой на славянской границѣ. Въ день Св. Лаврентія, 10 Августа 955 года, произошло одно изъ самыхъ крупныхъ сраженій столѣтія. Венгры были совершенно разбиты; уцѣлѣвшіе въ сраженіи были изрублены во время бѣгства ожесточенными Баварцами.

Таковъ былъ конецъ Венгерскихъ войнъ за Германію, за Европу; уже современники сравнивали это событіе по всемірному его значенію съ битвой при Трирѣ и Пуатье; отнынѣ европейская культура была обезпечена отъ вторженій язычниковъ Востока.

Для Германіи же этотъ крупный успѣхъ имѣлъ еще большее значеніе. Теперь германскій элементъ сталъ проникать по ту сторону Энна. Образовалась Баварская восточная марка, явились «зачатки Австріи», какъ противовѣсъ сѣверныхъ Славянскимъ маркамъ по правому берегу Эльбы; оба нѣмецкія государства настоящаго времени ведутъ свое происхожденіе со временъ Оттона. Въ то же время и Венгры становятся болѣе осѣдлыми, хотя долго еще ихъ орды тянулись по направленію къ Дунаю; народъ, чуждый по языку, постепенно вступаетъ въ связь съ семьей европейскихъ народовъ при посредствѣ христіанской миссіонерской дѣятельности въ Пассау; а въ 1000 году Стефанъ святой основываетъ первое Венгерское государство по образцу западныхъ государствъ.

Во внутренней исторіи нашего народа побѣда при Лехфельдѣ заканчиваетъ періодъ смутъ пятидесятихъ годовъ 10 столѣтія, она была доказательствомъ въ пользу королевской власти. И уже Оттонъ извлекъ выгоды изъ того новаго положенія власти, которое доставило ему побѣда надъ внутренними и внѣшними врагами.

Во время возстанія умерли архіепископы Кельнскій и Майнцскій; герцоги Швабскій и Лотарингскій были смѣщены, герцогъ Генрихъ Баварскій умеръ въ 955 году, а вскорѣ за нимъ и архіепископъ Трирскій. Въ теченіи немногихъ лѣтъ приходилось замѣщать всѣ герцогскія должности, всѣ рейнскія архіепископства новыми лицами.

Оттонъ воспользовался обстоятельствами, чтобы произвести переворотъ во внутренней своей политикѣ. Швабія и Баварія были теперь вновь предоставлены мѣстнымъ или полу-мѣстнымъ родомъ, но безъ признанія за ними какого бы то ни было установленнаго права на-

слѣдованія. Лотарингія, уже нѣсколько ранѣе освобожденная, отдана была на первыхъ порахъ въ управленіе ученому брату короля — Бруно, который назначенъ былъ архіепископомъ Кельнскимъ; впоследствии она раздѣлена на двѣ половины — къ сѣверу и къ югу отъ горныхъ массъ Арденнъ, остававшихся подъ надзоромъ Бруно. Архіепископство Майнцъ перешло къ Вильгельму, незаконному сыну, Триръ достался Генриху, дальнему родственнику короля.

Герцогства были низведены въ рангъ простыхъ должностей, на эти должности были назначены незначительныя лица; всѣ выдающіяся церковныя должности Оттонъ предоставилъ членамъ самой королевской фамиліи, а вслѣдъ за ними почти всѣмъ искреннимъ друзьямъ его политики. Въ качествѣ герцоговъ, его родственники и приверженцы могли бы еще разъ возстать противъ него; какъ архіепископы же и епископы, надѣялся онъ, они будутъ болѣе покорны его волѣ.

Этимъ шагомъ политическое и социальное вліяніе въ государствѣ перешло вполнѣ къ церкви. Оттонъ направился по стопамъ позднѣйшей политики своего отца; отнынѣ онъ опирался на церковь: если первая половина его царствованія посила отпечатокъ эпохи герцоговъ, преобладанія свѣтской власти, то вторая половина отличается церковнымъ характеромъ, какъ эпоха епископовъ.

Шагъ этотъ чреватъ былъ почти неисчислимыми послѣдствіями. Церковь въ то время, какъ и въ болѣе ранніе средніе вѣка, была вообще носителницею идей. Если она становилась къ государству въ болѣе близкія отношенія, то и государственной жизни приходилось задаваться иными, чѣмъ до сихъ поръ, задачами и цѣлями. Къ тому же церковь въ то время была единственной властью, употреблявшей доходы съ крупнаго имущества преимущественно на социальные, а не на частныя потребности. Будучи по строю своему продуктомъ римской императорской эпохи, церковь стала въ этомъ отношеніи на той точкѣ зрѣнія, которой государства могутъ обыкновенно достигнуть лишь въ эпохи высшей культуры. Тѣсно слившись съ государствомъ, она должна была передать и ему отраженіе этихъ высшихъ задачъ; она должна была сдѣлать ближайшимъ его идеаломъ воздѣйствіе во имя гуманности и нравственности, что далеко выходило за предѣлы старогерманской задачи сохраненія мира; она въ состояніи была тотъ всеобъемлющій органъ управленія, который она прежде всего развила для церковныхъ, идеальныхъ цѣлей, предоставить въ распоряженіе центральной власти для выполненія государственныхъ, политическихъ, централистическихъ задачъ. Только теперь нѣмецкое государство впервые получило возможность быть истиннымъ государствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаться вполнѣ христіанскимъ государствомъ; былъ проложенъ путь къ тѣсному сліянію христіанской и національной жизни на церковной почвѣ, что и преслѣдовалось ею какъ ея единственная цѣль.

Медленно совершалось въ послѣднія десятилѣтія царствованія Оттона Великаго и при его пріемникѣ полное сліяніе церкви съ государствомъ. Король распоряжался епископами, какъ своими правительственными чиновниками; онъ назначалъ ихъ и наблюдалъ за ними; онъ употреблялъ для политическихъ цѣлей всѣ церковныя средства, доводя даже иной разъ послѣднія до истощенія. Церковь пользовалась абсолютнѣйшей государственной защитой; само собою разумѣлось, что короли были благочестивыми государями; она пріобрѣла массу верховныхъ правъ въ государствѣ; ей удалось захватить даже государственныя высшія мѣста управленія, — главнымъ образомъ графства. Церковь и государство въ нѣкоторомъ родѣ сливались. Обѣ великія стороны человѣческаго бытія, какъ свѣтская, такъ и трансцендентальная дѣйствовали, казалось, во всемъ заодно — въ благородномъ соревнованіи для блага индивидуумовъ и ихъ совокупности, какъ цѣлаго.

Но развѣ возможно было, чтобы не возникъ вопросъ о подчиненіи одной силы другой? Оттонъ слилъ церковь съ государствомъ, чтобы при ея посредствѣ господствовать; если онъ желалъ надолго упрочить за собою ея поддержку, онъ долженъ былъ имѣть власть надъ всемірнымъ епископомъ церкви. Церковная политика пятидесятихъ годовъ толкала нѣмецкаго церковнаго владыку по дорогѣ къ Риму, она вела національнаго короля къ императорской коронѣ.

V.

Послѣ возвращенія Оттона изъ Италіи въ 951 году, эта страна на много лѣтъ предоставлена была самой себѣ. Беренгаръ воспользовался этимъ временемъ для болѣе прочнаго утвержденія своего господства, и лишь рѣдко и безуспѣшно нѣмцы препятствовали ему въ преслѣдованіи этой задачи. А какъ только онъ сталъ опять полнымъ хозяиномъ страны, онъ попытался, сообразно съ прежними стремленіями всѣхъ верхне-итальянскихъ королей, выступить противъ папы и добиться доступа къ доходамъ Рима, на первыхъ порахъ косвеннымъ образомъ — путемъ захвата Сполето.

Въ Римѣ въ то время были плохія времена. Послѣ безконечныхъ смуть дворянскихъ партій на престолъ святого Петра вступилъ Сергій III (904—911), любовникъ порочной Марозіи; одинъ изъ ближайшихъ его преемниковъ, Іоаннъ X (914—928); бывшій архіепископъ Равенскій, повышеніемъ своимъ обязанъ любовной страсти младшей Θεодоры и палъ отъ руки убійцы, подкупленнаго Марозіей, сестрой Θεодоры. Затѣмъ Марозія возвела на папскій престолъ еще двухъ, а третьимъ папой сдѣлала своего сына, Іоанна XI, а послѣ его смерти другой ея сынъ, Альберихъ, сенаторъ Рима, назна-

чилъ дальнѣйшихъ четырехъ папъ. Послѣ смерти Альбериха, сынъ его Октавіанъ унаслѣдовалъ деспотическую власть отца и этотъ развратный и преступный юноша, подъ именемъ папы Іоанна XII, правилъ одновременно и церковью и государствомъ.

Беренгаръ угрожалъ этому папѣ, и послѣдній обратился за помощью къ королю Оттону. Въ политическомъ смыслѣ это напоминаетъ положеніе папства по отношенію къ королю Пеппину; раздаются призывы о чужомъ вмѣшательствѣ противъ домашняго притѣснителя; въ нравственномъ же отношеніи положеніе Оттона было несравненно благопріятнѣе: этотъ папа вовсе не заботился о какомъ-либо церковномъ значеніи прошлаго и настоящаго папства.

Король Оттонъ двинулся изъ Германіи въ 961 году, послѣ того какъ онъ заставилъ безъ противодѣйствія, избрать его семилѣтняго сына одного съ нимъ имени въ короли и короновать его ¹⁾. Онъ торжественно прошелъ черезъ Верхнюю Италію; 2 февраля 962 года онъ принялъ съ своей супругой изъ рукъ папы императорскую корону.

Это было вполнѣ понятнымъ результатомъ папскаго призыва на помощь и внутренняго положенія Германіи. Поэтому ликующія войска привѣтствовали въ Римѣ Оттона не какъ императора въ смыслѣ древнихъ. Если ученые современники и связывали съ императорской короной притязаніе на всемірное господство, то политикъ X столѣтія, которому извѣстна была страшная судьба, сопряженная съ этой короной со времени паденія Карловинговъ, могъ признать въ ней только символическое значеніе нравственнаго превосходства нѣмецкаго государства надъ слабѣйшими сосѣдними государствами и фактическаго права верховной защиты надъ церковью.

Такъ думалъ и Оттонъ Великій, такъ онъ былъ убѣжденъ въ безконечномъ величіи помазаннаго на царство властелина. По этому онъ изъ этого новаго величія не создалъ притязанія на абсолютную власть внутри страны, какъ это дѣлалъ Карлъ Великій по образцу римскихъ цезарей; онъ главнымъ образомъ старался пользоваться имъ для господства надъ церковью и въ Италиі.

Черезъ нѣсколько дней послѣ коронаціи онъ велѣлъ Синоду въ церкви Св. Петра передать ему право устроить церковныя отношенія въ славянской землѣ учрежденіемъ архіепископства въ Магдебургѣ и епископства въ Мерзебургѣ: то было началомъ церковнаго владычества императора въ Германіи. Затѣмъ уже онъ самъ отъ себя провелъ рядъ общецерковныхъ мѣропріятій: для папы не осталось ни-

¹⁾ Избраніе такого юнаго короля считалось явленіемъ совершенно необычайнымъ (Liudpr. Hist. Ott. с. 2) и стоитъ дѣйствительно въ нѣкоторомъ противорѣчьи съ принципомъ права избранія.

какого сомнѣнія въ томъ, что императоръ считаетъ свою власть выше престола Петра.

Папа притворно покорился; но какъ только Оттонъ оставилъ Римъ, онъ возсталъ въ союзѣ съ значительными остатками враждебной нѣмцамъ партіи въ Верхней Италиі. Императоръ не могъ желать для себя ничего лучшаго. Осенью 963 года онъ вернулся въ Римъ; онъ заставилъ Римлянъ присягнуть, что они никогда никого не изберутъ и не посвятятъ въ папы безъ согласія его или его сына Оттона; онъ заставилъ затѣмъ синодъ удалить съ престола Петра недостойнаго папу за клятвопреступленіе, распутство, симонію, ограбленіе храма и другія многочисленныя преступленія.

Торжество императора было полное; казалось, что нравственный авторитетъ перешелъ къ нему; онъ сталъ настоящимъ главой церкви. По его приказанію избранъ былъ новый папа Левъ VIII, самъ по себѣ почтенная личность, но не лишенная каноническихъ недостатковъ. Партія свергнутаго папы, Іоанна XII, усердно противодействовала ему; когда Іоаннъ умеръ 14 мая 964 года среди сладострастныхъ увлеченій, партія эта избрала себѣ папой — соперникомъ ученаго кардинала діакона Бенедикта. Но императоръ не далъ себя провести. Онъ снова двинулся въ Римъ; говорятъ, что онъ выразился такъ: 1) «я долженъ возстановить Льва, хотя бы мнѣ это стоило потери моего меча». Страшная кара произнесена была надъ приверженцами враждебнаго папы. Бенедиктъ умеръ въ изгнаніи въ Гамбургѣ.

Этотъ ударъ уничтожилъ даже законную самостоятельность папства; оно теперь окончательно, казалось, подчинилось императорской власти; Оттонъ достигъ того положенія, которое нѣмецкіе государи до Генриха III удерживали по отношенію къ папѣ, съ весьма незначительными перерывами.

Императоръ вернулся побѣдителемъ; въ началѣ 965 года онъ былъ въ Санъ Галленѣ и Рейхенау, отсюда медленно пошелъ черезъ Швабію по Рейну до Кельна, привѣтствуя то того, то другого изъ своихъ приверженцевъ послѣ многихъ лѣтъ отсутствія; то былъ самый величественный моментъ въ исторіи Оттоновъ.

Но вскорѣ оказалось, что Италия далеко не умиротворена. Едва императоръ покинулъ страну, какъ въ Верхней Италиі вспыхнуло возстаніе, и римляне захватили въ плѣнъ императорскаго папу. Немедленно Оттонъ направился на югъ; его прибытіе въ Римъ ознаменовалось казнями и изгнаніями; городской префектъ Петръ (Peter) былъ повѣшенъ за волосы на конную статую Марка Аврелія, затѣмъ толымъ посаженъ на осла лицомъ къ хвосту и такимъ образомъ провезенъ по городу, затѣмъ его наказали плетьюми и изгнали; не по-

1) Lib pont. II ed. Dushesne S. 246.24.

щажены были даже могилы мертвыхъ враговъ. Всѣ эти мѣропріятія дышутъ пароксизмомъ гнѣва; спокойное размышленіе вскорѣ убѣдило императора, что они отноудь не пригодны для того, чтобы поработить измѣнчивый духъ Римлянъ.

Надо было овладѣть только Римомъ и папствомъ; овладѣвъ всѣми границами церковной области, власть надъ югомъ, за Римомъ, была упрочена. Такимъ образомъ императорское коронованіе и церковное господство имѣли своей цѣлью Нижнюю Италію, а затѣмъ лангобардскія владѣнія. Уже кое-кто изъ сановниковъ этихъ княжествъ въ Римѣ примкнулъ къ императору, прежде всѣхъ Пандульфъ Желѣзная голова, князь Капуи. Оттонъ немедленно воспользовался случаемъ, чтобы привлечь ихъ къ себѣ: вѣдь ихъ владѣнія принадлежали Карловингскому государству; Пандульфу, кромѣ Капуи, пожалованы были марки Сполето и Камерино. Его дядя Ландульфъ съ своимъ княжествомъ Беневентъ также призналъ верховное главенство государства. Принимая подобныя мѣры, императоръ принималъ программу дѣйствій, сопряженную съ необычайными трудностями; самое намѣреніе его господствовать надъ папой являлось первымъ шагомъ къ всемірному государству и такимъ образомъ онъ вступалъ въ борьбу съ существующею всемірною имперіей Византійцевъ и съ Исламомъ.

Оттонъ самъ вѣроятно уже смутно предугадывалъ позднѣйшія слѣдствія своихъ поступковъ. По примѣру Карла Великаго онъ рѣшилъ обойти ихъ вступленіемъ въ родство съ византійскимъ царствующимъ домомъ; такимъ путемъ открывалась возможность непосредственнаго признанія Востокомъ новой западной имперіи.

Онъ вступилъ въ переговоры съ Константинополемъ о бракосочетаніи своего сына Оттона съ принцессой восточноримскою имперіи, и въ надеждѣ на удачный исходъ переговоровъ онъ устроилъ коронованіе императоромъ юнаго Оттона на Рождество 967 года. Но при этихъ расчетахъ онъ упустилъ изъ вида смѣшную кичливость Византійцевъ: Византія, говорятъ, потребовала, какъ цѣну за бракосочетаніе, уступки Италіи! Старѣющій императоръ отвѣтилъ должнымъ образомъ, ворвавшись въ греческія области Нижней Италіи и, потерпѣвъ сначала нѣсколькихъ неудачъ, онъ одержалъ затѣмъ побѣды и занялъ почти всю Апулію.

Этимъ событіямъ въ Италіи много способствовала одна изъ обычныхъ дворцовыхъ революцій въ Константинополѣ. Въ декабрѣ 969 года императрица Θεодосія, которой опостылѣлъ ея храбрый, но грубый супругъ, велѣла его убить и вмѣсто него возвела на престолъ своего двоюроднаго брата Цимисхія. Цимисхій, тѣснимый въ одно и тоже время Спрійцами, дунайскими славянами и нѣмцами, склонялся на сторону Оттона. Послѣдній еще раньше предлагалъ очистить греческія владѣнія въ Нижней Италіи подъ условіемъ устройства желаемаго

брака; теперь на тѣхъ же условіяхъ Византія, вмѣсто прежде избранной принцессы изъ дома Императора Романа II, предложила Теофанію, племянницу Цимисхія. Торжественное посольство сопровождало ее изъ Константинополя въ Италію; имѣя отъ роду едва шестнадцатъ лѣтъ, но развитая и умная не по лѣтамъ, принцесса была обвинена въ церкви Св. Петра съ восемнадцатилѣтнимъ Оттономъ 14 апрѣля 972 года.

Таковъ былъ финалъ политики Оттона Великаго. Императоръ считалъ итальянскія затрудненія законченными; онъ охотно возвратился домой въ Германію, чтобы убѣдиться въ прочности своихъ пріобрѣтій въ государствѣ и на славянской границѣ. Тамъ застигла его смерть въ замкѣ въ Мемлебенѣ, 6 мая 973 года.

VI.

Императоръ Оттонъ II былъ призванъ къ власти восемнадцатилѣтнимъ юношей. Лишь короткое время онъ оставался подъ вліяніемъ своей матери Адельгейды и быстро сталъ самостоятельнымъ вопреки ожиданіямъ и планамъ многихъ современниковъ. Уступая отцу своему по внѣшности (онъ былъ малъ ростомъ и худъ), онъ однако по своимъ стремленіямъ и характеру былъ вполне способенъ слѣдовать по стопамъ Оттона Великаго. Онъ обладалъ такимъ же горячимъ темпераментомъ, такой же непреклонностью, такою же силою воли, которая иногда переходила въ упрямство; умомъ онъ, должно быть, превосходилъ своего отца и во всякомъ случаѣ обладалъ широкимъ образованіемъ, дѣлавшимъ его способнымъ къ научнымъ объясненіемъ.

Этотъ государь, полный жизни, вначалѣ подвижный до торопливости, вполне предоставленный самому себѣ, отнюдь не удовлетворялся достигнутымъ Оттономъ I внутреннимъ упроченіемъ государства. Уже самыя первыя мѣропріятія своимъ централистическимъ характеромъ выходили далеко за обычныя предѣлы.

Изъ нѣмецкихъ герцогствъ во власти императора находились: два Саксонскія и Франконія. Швабія въ теченіе долгаго царствованія Оттона Великаго выказала себя особенно вѣрной королю. Швабскій герцогъ въ первомъ періодѣ возстапія и швабскій епископъ, Святой Ульрихъ Аугсбургскій во второмъ періодѣ весьма счастливо дѣйствовали въ пользу королевской власти. Иное совсѣмъ дѣло Лотарингія и Баварія; первую можно было считать особенно ненадежной, вторую — слишкомъ независимой.

Баварія въ то время обнимала кромѣ собственнаго герцогства такъ называемый Сѣверный округъ (Nordgau), почти всю нынѣшнюю Верхнюю Франконію, далѣе Восточную марку, позднѣйшую Австрій-

скую имперію, наконецъ на юго-востокъ всю область Каринтіи и могущественное, простирающееся до Истріи герцогство Фріуль. Она была почти вдвое больше Швабіи и чуть не вдвое больше теперешнихъ Богеміи и Моравіи, вмѣстѣ взятыхъ. Этимъ государствомъ во время вступленія на престолъ Оттона II правила Юдифъ, вдова Генриха Баварскаго, брата Оттона Великаго; она правила въ качествѣ опекуни юнаго сына Генриха, впоследствии «Сварливаго». Дочь Юдифи Ядвига была замужемъ за престарѣлымъ герцогомъ Бурхардомъ Швабскимъ; красивая, рѣшительная, мужественная женщина, она вполне подчинила его себѣ; она надѣялась вмѣстѣ съ матерью унаслѣдовать по смерти Бурхарда Швабію: мечтою женщины было единое великое южно-нѣмецкое государство.

Когда въ 973 году Бурхардъ умеръ, Оттонъ отдалъ герцогство своему двоюродному брату и душевному другу, сыну несчастнаго Швабскаго герцога Ліудольфа. Одновременно съ этимъ онъ передалъ Баварскую Восточную марку Ліутпольду Бабенбергскому, самому крупному и часто непокорному вассалу сѣвернаго округа.

Для женщинъ это было невыносимый ударъ; Юдифъ вмѣстѣ съ Генрихомъ замыслили возстаніе. Но императоръ Оттонъ захватилъ возстаніе еще въ зародышѣ, и когда оно всетаки разразилось, двинулся въ походъ, покорилъ возставшихъ и воспользовался своею побѣдой для окончательнаго уничтоженія Баварскаго могущества. Сѣверный округъ, какъ отдѣльное, независимое отъ Баваріи маркграфство, перешелъ окончательно къ Бертольду Бабенбергскому; Каринтія и Фріуль были таже совершенно отдѣлены отъ Баваріи и изъ нихъ составилось новое шестое герцогство; отношенія маркграфства Восточной марки (позднѣйшей Австріи), Баварскаго пфальцграфства и Регенсбургскаго бурграфства къ баварскому были измѣнены; баварскіе епископы пожалованіемъ имъ обширныхъ иммунитетовъ поставлены были независимо отъ герцогской власти. Урѣзанное такимъ образомъ герцогство отдано было герцогу Оттону Швабскому. Ударъ этотъ былъ не менѣе страшнымъ, какъ для партикуляризма баварскаго племени, такъ и для невѣрныхъ родственниковъ, которые лишены были герцогскаго достоинства: императору удалось поддержать новый порядокъ, не смотря на вторичное возстаніе.

Уничтоженіе Regnum Bavarіae, хотя впоследствии оно и было частью вновь восстановлено, имѣло вообще для государства и для націи важное значеніе. Маркграфство Ліутпольда развилось теперь не менѣе сѣверной марки Бертольда; если Нѣмцы двигались отсюда медленно въ долину Эгера, въ страну Чеховъ, то за то тѣмъ энергичнѣе Баварцы проникали все глубже въ страну къ Энну и начали придавать ей окончательно нѣмецкій характеръ. Кромѣ нѣмецкаго поселенія на Славянъ и Венгровъ оказывало вліяніе христіанско-нѣмецкое миссіо-

нерство Регенсбурга и Пассау; казалось, что въ Пассау долженъ былъ развиться второй Магдебургъ, какъ центръ юговосточнаго христіанства.

Во время баварскихъ смуть разразилось лотарингское возстаніе, благодаря которому король прибрѣлъ не менѣе сильное вліяніе на это западное герцогство. Регинаръ и Лаитбертъ, сыновья стараго лотарингскаго герцога Регинара, послѣ смерти Оттона Великаго возвратились изъ богемскаго изгнанія и подняли возмущеніе, чтобы получить обратно свои конфискованныя владѣнія. Эти мелкія событія вызвали раздоры въ странѣ, распространившіеся въ концѣ концовъ и во Франціи. Оттонъ энергично вмѣшался; слѣдуя по стопамъ своего отца, онъ и здѣсь уничтожилъ навсегда всякую общую герцогскую власть; страна была окончательно раздѣлена на два герцогства, Сѣверное и Южное, и затѣмъ отсюда выдѣлены для самостоятельнаго управленія два архіепископства—Кѣльнское и Трирское. И когда французскій король Лотарь своимъ неожиданнымъ походомъ въ Ахенъ возбудилъ еще разъ сомнѣніе относительно принадлежности всей страны къ имперіи, тогда императоръ въ 978 году предпринялъ военный походъ въ самую глубь Франціи; онъ дошелъ до Парижа и съ высоты Монмартра раздалась надъ испуганнымъ городомъ аллилуія нѣмецкаго духовенства. Ближайшія послѣдствія этого похода были конечно незначительны; но за то по ту сторону границы созрѣло убѣжденіе, что пока невозможно рассчитывать на возвратъ Лотарингіи; въ 980 году король Лотарь на свиданіи съ императоромъ Оттономъ при р. Ширъ (Chiers) ¹⁾ вновь отрекся отъ Лотарингіи и вслѣдъ за этой сдѣлкой 17 мая 987 года заключенъ былъ окончательный миръ.

Въ то время какъ происходили волненія въ Баваріи и Лотарингіи и за предѣлами этихъ странъ, политика государства въ существенныхъ чертахъ оставалась вѣрна прежнему направленію на сѣверъ и на востокъ; относительно Даніи удалось удержать Шлезвигскую границу и такимъ образомъ способствовать дальнѣйшему распространенію христіанства; Славяне по Эльбѣ оставались въ спокойномъ подчиненіи; нѣмецкіе колонисты и миссіонеры проникали въ страну; Богемія, принимавшая участіе въ баварскихъ возстаніяхъ, подчинилась политически въ 978 году; въ то же время къ архіепископству Майнцскому присоединились двѣ новыя епархіи въ Чехіи: въ Прагѣ и Ольмютцѣ.

980 годъ обѣщаль быть во всѣхъ отношеніяхъ успѣшнымъ; императора сильно обрадовало, когда именно въ это время жена подарила его сыномъ. Это было время полнаго расцвѣта власти Оттоновъ.

¹⁾ *Chiers* — рѣка въ сѣверо-восточной Франціи, берущая начало въ Бельгіи и протекающая черезъ департаменты Мёртъ и Мозель, Маасъ и Арденны.

Какъ всегда бывало въ эпоху нѣмецкой императорской политики, развитіе внутреннихъ силъ повело къ внѣшнимъ войнамъ; въ ноябрь 980 года Оттонъ II перешелъ черезъ Альпы.

Въ Италіи уже Оттонъ Великій являлся представителемъ идеи всемірнаго государства. Если при общественномъ упадкѣ куріи папы могли еще смотрѣть, какъ на примаса нѣмецко-лангобардскаго государства, то необходимость подчинить себѣ папство заставляла его завладѣть Нижней Италіей; и здѣсь-то онъ пришелъ въ столкновеніе съ христіанскимъ всемірнымъ могуществомъ восточнаго Средиземнаго бассейна, съ Византіей. Послѣ нѣсколькихъ столкновеній отношенія были дружелобно улажены; хотя Византія культурой своей и превосходила значительно Германію, но она находилась уже въ періодѣ упадка, а какъ разъ теперь Іоанна Цимисхія, храбро сражавшагося съ Сирійцами, болгарами и Русскими, смѣнили почти безсильные государи Василій II и Константинъ VII.

Къ тому же со времени смерти Оттона необычайно возросла опасность со стороны Сарацинъ. Правда, калифатъ, эта нѣкогда первая нехристіанская всемірная сила Средиземнаго моря, уже распался; теперь калифъ довольствовался духовными почестями; военная верховная власть въ прежней области ислама ускользала изъ рукъ Эмира аль-Омра; дѣятельная мѣстная жизнь богатой цивилизаціи способствовала развитію отдѣльныхъ княжествъ и городскихъ республикъ. Но въ числѣ послѣднихъ самымъ ближайшимъ къ Италіи княжествомъ была сѣверная Африка Фатимидовъ, новое могущество которыхъ съ X столѣтія непрерывно усиливалось. Съ 909 и 921 года династія владѣла кромѣ пынѣшняго Туниса и Триполи также Алжиромъ и Марокко; въ 969 году она завладѣла Египтомъ и основала Каиръ; она утвердилась и въ Сициліи уже задолго до того, какъ осенью 964 года навсегда вытѣснила оттуда Грековъ; съ тѣхъ поръ опасность грозила Верхней Италіи; съ 976 года завоевательныя попытки въ этомъ направленіи приняла еще болѣе обширные размѣры при сильномъ эмирѣ Аб-ул-Каземѣ.

Такимъ образомъ провинціи Апулія и Калабрія сдѣлались яблокомъ раздора всѣхъ міровыхъ государствъ въ періодъ всемірно-историческаго движенія X столѣтія; изъ-за нихъ поднялся споръ между Германцами и Византійцами; потому что черезъ обладаніе ими пріобрѣтался ключъ къ воротамъ средней Европы, къ византійскимъ морямъ и наконецъ къ странамъ востока. Въ виду тѣхъ крупныхъ политическихъ возможностей, которыя могли вытекать изъ этого положенія вещей, религіозная жизнь отступила на задній планъ; вскорѣ долженъ былъ быть совершенно ясно поставленъ вопросъ: должны ли соединиться Германцы съ Греками или Греки съ Сарацинами. Въ концѣ концовъ силы всѣхъ странъ встрѣтились у Средиземнаго моря; Исламъ и восточная Римская Имперія соединились противъ герман-

скихъ варваровъ Европы для того только, чтобы, вполне истощившись, предоставить врата Константинополя и Палестины варварамъ съвера, другой вѣтви обширной германской народной семьи, Норманнамъ. Сраженія Оттона II въ южной Италиі, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, при этихъ обстоятельствахъ не доставили Германіи никакой выгоды; но послѣ того, какъ западно-германскіе нѣмцы еще въ дохристіанскую эпоху проникли въ средне-европейскія провинці древняго римскаго всемірнаго государства, послѣ того, какъ восточные германцы среди бурь, вызванныхъ переселеніями народовъ, наводнили южно-европейскія части имперіи, теперь Норманнами открылись центральныя средиземноморскія области, а также и востокъ, древній *Orbis terrarum*. А позже за сѣверными германцами двигались, — главнымъ образомъ во время крестовыхъ походовъ, — романо-германскія націи Средней Европы въ Сицилію и въ западныя части Византійскаго государства: культура тогда уже была иная и это уже не были кочевыя орды народныхъ переселеній съ женами и дѣтьми; это были только военные походы; теперь уже дѣло шло не о смѣшеніи съ восточными народами, а лишь объ обмѣнѣ культуры: то былъ какъ бы заключительный актъ прежняго поступательнаго движенія германскаго элемента въ старыя области народовъ Средиземнаго моря, — финалъ болѣе чѣмъ тысячилѣтія германскихъ переселеній.

Императоръ Оттонъ II настолько не понялъ этихъ соотношеній, что придалъ южно-итальянскому движенію всемірный характеръ. Онъ пылко ринулся въ водоворотъ событій. Пандульфъ Желѣзная Голова, впослѣдствіи владѣтель всѣхъ лангобардскихъ княжествъ на югѣ, могущественный противникъ Сарацинъ, умеръ 7 марта 981 года; послѣ его смерти опустошительныя раздоры партій сдѣлали невозможнымъ единство защиты: тѣмъ необходимѣе стало вмѣшательство императора въ дѣло.

Въ 982 году онъ выступилъ съ превосходнымъ войскомъ прежде всего противъ Грековъ, которые были въ союзѣ съ Сарацинами; онъ завоевалъ Бари, взялъ Тарентъ; къ пасхѣ вся Апулія была въ его рукахъ. Затѣмъ императоръ двинулся вдаль южнаго морского берега, мимо останковъ древней культуры, въ Калабрию; при Россано онъ разбилъ на голову Арабовъ, при Колоннѣ онъ нанесъ имъ страшное пораженіе; полагаютъ, что пало 40,000 греческихъ и сарацинскихъ воиновъ, между прочимъ, полководецъ Аб-уль-Каземъ. Успѣхъ, казалось, былъ обезпеченъ; Оттонъ двинулся поспѣшно вслѣдъ за разбитыми ордами. Тогда Арабы, вновь сплотившись, напали съ горъ на Нѣмцевъ; произошла ужасная рѣзня; западное войско было истреблено, самъ императоръ едва спасся; въ историческихъ описаніяхъ современниковъ нѣтъ указаній ни на время, ни на мѣсто пораженія ¹⁾.

¹⁾ Впечатлѣніе пораженія лучше всего передано у Brun. V. Adalb. c. 9: *stratus ferro cecidit flos patriae purpureus, decor flavae Germaniae, plurimum dilectus augusto caesari.*

Императоръ не могъ больше оставаться на югѣ; онъ удалился въ Капую, въ Римъ. Но онъ не считалъ свое дѣло погибшимъ. Въ нѣмецкой части его имперіи не смотря на столь несчастныя обстоятельства царило вѣрноподданическое и единодушное одушевленіе; племена стояли за-одно съ властелиномъ; народъ выдержалъ стойко испытаніе; сановники, а не императоръ, пришли первые къ быстрому соглашенію относительно новаго похода.

Въ іюнѣ 983 года въ Веронѣ собрался рейхстагъ. На немъ приняты единодушно новыя мѣры. Оттонъ III, трехлѣтній сынъ императора, избранъ преемникомъ своего отца, — и избранъ не только нѣмецкой, но и итальянской знатью, и при этомъ не на франконской землѣ; избраннаго въ Веронѣ наследника должны были короновать въ Ахенѣ архіепископы Майнцскій и Равенскій. Такимъ образомъ Италия и Германія слились въ одно государство для поддержки будущаго государя; этотъ результатъ далеко превзошелъ все то, что было достигнуто Оттономъ Великимъ, онъ превзошелъ даже централистическія стремленія Карла Великаго.

Для императора война съ Греками и Исламомъ была серьезнымъ дѣломъ, она составляла для него вопросъ жизни и смерти. Онъ отправилъ своего сына въ Германію, а сѣдую императрицу Адельгейду назначилъ регентшей Италиі. Онъ призвалъ венеціанскій флотъ, и двинулъ сильное войско на югъ. Послѣ нѣсколькихъ проволочекъ, вызванныхъ смутами въ Римѣ, его застигла преждевременная смерть; онъ умеръ въ Римѣ 7 декабря 983 года двадцати восьми лѣтъ отъ роду.

Это былъ страшный ударъ, подобный которому нація пережила только еще одинъ разъ по смерти Генриха VI. И если тогда современный историкъ призывалъ нѣмцевъ вѣчно оплакивать судьбу великаго Штауфена, доведшаго націю до апогея ея славы, то въ 983 году нѣмецкій міръ проникнуть былъ мрачнымъ настроеніемъ фаталистической печали: *movit multorum corda ineffabilis dolor* ¹⁾).

Ударъ, нанесенный нижеитальянскимъ пораженіемъ и оставшіяся не отомщеннымъ и совпадавшій со смертью Оттона II, послѣ котораго остался трехлѣтній сынъ, сдѣлалъ сомнительными всѣ пріобрѣтенія великой эпохи.

Въ то время какъ по ту сторону западной границы, во Франціи, наступило время возникновенія новой туземной династіи, которая вначалѣ, правда, была еще слаба, но имѣла впереди великую будущность, на востокѣ среди Славянъ начались страшныя возстанія. Чехи и южные Славяне по Эльбѣ далеко проникли въ нѣмеченную уже страну; они разграбили Зейтцъ и разорили монастырь Кальбе на Саалѣ. Ліутицы возстали; поддерживаемые другими Славянами,

¹⁾ Thietm. 3, 16.

они двинулись на западъ, разорили епископства Бранденбургъ и Гавельбергъ, разрушили церкви, а святыни выбросили собакамъ. Абодриты сожгли Гамбургъ. Славяне перешли даже черезъ Эльбу; только съ трудомъ Саксонцы защитили свое отечество въ большомъ сраженіи при Стендалѣ, страна же по правому берегу Эльбы надолго была потеряна для нѣмецкаго вліянія. Здѣсь свергнуто было христіанство, вновь воскресъ культъ славянскихъ божествъ; погибла культурная работа трехъ поколѣній.

Въ это же время начались и въ Даніи внутренніе беспорядки, жертвою которыхъ пало нѣмецкое верховное главенство. Король Гаральдъ Блатандъ, расположенный къ христіанству и къ Германіи, былъ убитъ, епископства распались, архіепископъ Гамбургско-Бременскій Адальдагъ умеръ съ горя 28 апрѣля 988 года. Вторглись сѣверные язычники, разрушая все, что попадалось по пути; король Эрихъ Шведскій завоевалъ Данію и изгналъ новаго короля Свена, а также завоевалъ и Норвегію, прогнавъ оттуда короля Олафа.

И вотъ язычество снова распространилось по всему сѣверо-востоку до самыхъ границъ государства, какъ это было ранѣе въ 9 столѣтіи; снова мучители—Норманны появились какъ въ Англіи и Фландріи, такъ и на фризійскихъ и саксонскихъ берегахъ, не встрѣчая противодѣйствія со стороны какой бы то ни было королевской власти. Саксы и Фризы сами себя отстаивали кровавыми схватками и старательной постройкой бурговъ, пока въ 994 г. не умеръ король Эрихъ, и изгнанные короли Даніи и Норвегіи не вернулись въ свои владѣнія и пока съ новымъ введеніемъ христіанства не наступила мирная эпоха сѣверной исторіи. Но Саксонцы и Фризы въ этихъ битвахъ выступили, какъ самостоятельные государственные и военные организмы; это было началомъ ихъ отчужденія отъ государства. Конечно у Саксонцевъ черезъ посредство династіи еще долго сохранялась тѣсная связь съ великими интересами націи; они никогда не отдѣлялись отъ нихъ вполнѣ, хотя съ половины XI столѣтія довольно часто имъ противодѣйствовали. Фризы напротивъ съ этого времени фактически выдѣлились изъ государственнаго союза; отнынѣ они стояли въ сторонѣ и крѣпко держались устарѣвшихъ культурныхъ формъ нѣмецкаго развитія, напр., кровавой мести, законной пени.

Да и въ политическомъ отношеніи зачатки самостоятельной фризійской Голландіи должны быть отодвинуты къ послѣднему десятилѣтію X вѣка.

И это было не единственной утратой для государства въ это время. Послѣ нижеитальянскаго пораженія невозможно было продолжать внутреннюю политику добраго времени Оттона II; послѣ смерти Оттона Швабскаго и Баварскаго въ 982 году, Оттопъ II вынужденъ былъ опять соединить повое герцогство Каринтію съ Ба-

варіей; когда же онъ умеръ, настало время полнѣйшихъ внутреннихъ смуть.

Избранный король былъ еще ребенкомъ; кто же долженъ былъ править вмѣсто него? Мать, гречанка, которой никогда не удалось расположить въ свою пользу Нѣмцевъ, или опекунъ — тотъ Генрихъ Сварливый, котораго Оттонъ II лишилъ герцогства Баварскаго и который жилъ подъ охраною епископа Утрехтскаго? Генрихъ разрѣшилъ затруднительный вопросъ, ворвавшись изъ Утрехта въ центръ государства и выступивъ въ Саксоніи открыто съ личными притязаніями на тронъ.

Въ этотъ моментъ корону снали епископства Средней и Южной Германіи въ союзѣ съ вѣрноподданнымъ Швабскимъ герцогомъ Конрадомъ. Архіепископъ Виллигисъ Майнцскій энергично выступилъ въ защиту Оттона III, т.-е., въ защиту императрицъ Теофаніи и Адельгейды; Генрихъ вынужденъ былъ 29 іюля 984 года передать этимъ женщинамъ захваченнаго имъ въ Рорѣ въ Мейнингенѣ короля ребенка, а вмѣстѣ съ нимъ и управленіе государствомъ.

Но такой результатъ былъ достигнутъ не безъ ущерба для центральной власти. Многократно возмущавшійся Генрихъ уже въ началѣ 985 года получилъ герцогство Баварское безъ Каринтіи и, наконецъ, въ 989 году онъ получилъ это герцогство въ его прежнемъ объемѣ; такимъ образомъ утеряно было одно изъ самыхъ существенныхъ пріобрѣтеній времени Оттона II. И всюду въ это время все болѣе и болѣе появлялись признаки ослабленія государственной власти. Дошло до того, что даже вновь воскресло вполнѣ искорененное и повидимому совершенно исчезнувшее стремленіе къ партикулярному племенному строю; въ Тюрингіи мѣстные дворяне избрали изъ своей среды себѣ герцога, въ Баваріи послѣ смерти Генриха Сварливаго знатно избранъ былъ въ 995 году сынъ его Генрихъ, утвержденный королемъ. Мало по малу вошло въ привычку на время Оттона Великаго смотрѣть какъ на исчезнувшій золотой вѣкъ; казалось, что апогей развитія саксонской императорской власти миновалъ.

А между тѣмъ какую массу новыхъ силъ дала эта эпоха! Теперь именно силы эти достигли своего расцвѣта; за ослѣпительнымъ политическимъ блескомъ послѣдовалъ новый расцвѣтъ духовной жизни націи съ его прочными результатами.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Національная духовная жизнь при Оттонахъ.

I.

Всемирно-исторической задачей франкской монархіи Меровинговъ и Каролинговъ было проложить путь первому вліянію античнаго и христіанскаго духа на германское развитіе. Для этой цѣли не требовалось, чтобы эти государства были перестроены въ духъ глубокой организаціи народной жизни; да въ сущности одинъ только Карлъ Великій и пытался устроить такую организацію; вообще же довольствовались властью центрального правительства въ духъ деспотизма ¹⁾).

Но такого рода власть была негерманской и могла опираться только на римскія традиціи. Такимъ образомъ уже въ меровингскомъ домѣ не было недостатка въ нѣкоторыхъ чертахъ римскаго правительственнаго строя подъ германской формой; насколько это проникло въ кровь династіи, видно изъ той рѣшающей роли, какую приходилось неоднократно играть женщинамъ въ качествѣ королевы въ VI и VII столѣтіяхъ, что было совершенно не въ обычаѣ у Германцевъ.

Съ упроченіемъ королевской власти при Каролингахъ и затѣмъ съ принятіемъ императорскаго титула при Карлѣ Великомъ еще болѣе развился римско-абсолютистскій характеръ правительства — по крайней мѣрѣ, но сколько государственный идеалъ позднѣйшей римской эпохи находитъ для себя выраженіе въ идеѣ, что единственной дѣйствующей силой внутри государственной области должна быть монархическая власть, которая должна свыше изъ центра равномерно и однородно дѣйствовать на цѣлое государство, не принимая по возможности во вниманіе историческихъ харак-

¹⁾ Глава эта появилась со ссылкой на источники и въ *Deutschen Zeitschriften für Geschichtswissenschaft* Bd. 7 S. 1—40.

терныхъ чертъ составныхъ частей. Уже Пепинъ въ интересахъ централизаціи рядомъ съ древними народными правами племенъ выработалъ новое, собственно королевское право; Карлу Великому пришлось поработать надъ устраненіемъ вообще сознательнаго стремленія къ неравенству права въ отдѣльныхъ областяхъ страны. Кромѣ того и въ другихъ культурныхъ областяхъ предъявлялись при немъ одни и тѣ же требованія; повсюду долженъ былъ происходить одинаковый прогрессъ. Всѣ церкви должны были употреблять одинаковыя требники, признана была не допускающимъ исключенія благомъ всеобщая школьная повинность для всѣхъ частей государства.

Дѣйствительность, однако, далеко не соотвѣтствовала тому идеалу, который преслѣдовался великимъ императоромъ. Народныя права, которыя по императорскому плану должны были постепенно уступить мѣсто всеобщему государственному праву, просуществовали еще цѣлыя столѣтія; разразившеюся въ IX столѣтіи бурей снесло всѣ императорскія предписанія, какъ упавшіе осенніе листья, — даже въ государственномъ Архивѣ не сохранилось полного собранія этихъ предписаній. Управленіе, тщательно организованное въ теченіи цѣлаго періода, отравлено было растлѣвающимъ ядомъ феодальнаго строя; да и этотъ послѣдній опять-таки распространялся весьма неравномѣрно и съ весьма различною скоростью по отдѣльнымъ районамъ государства, и позднѣе всего онъ распространился на нѣмецкомъ востокѣ.

Уже во второй половинѣ IX столѣтія въ Восточной Франконіи дѣло дошло до того, что законодательство какъ-бы оцепнѣло, и изъ центра не исходило никакихъ инструкцій по части управленія. Эпоха Оттоновъ вновь возбудила и оживила и то, и другое; въ общемъ же и въ X столѣтіи не было никакого государственнаго управленія въ нашемъ смыслѣ этого слова: все, что дѣлалось свыше, обуславливалось личными побужденіями и силами. Своеобразность средневѣковаго государственнаго устройства сравнительно съ классическимъ и современнымъ именно въ томъ и состоитъ, что оно не знаетъ ясныхъ, опредѣленныхъ границъ государственнаго воздѣйствія, да въ нихъ конечно и не нуждается, чтобы противостоятъ чрезмѣрно-сильнымъ субъективнымъ индивидуальнымъ стремленіямъ, такъ какъ таковыхъ еще не существовало тогда.

Но какъ только позднѣйшій карловингскій, и въ особенности ранній оттоновскій періодъ освободился въ Германіи отъ абсолютическихъ оковъ всемірнаго государства, вновь воскресли послѣ многолѣтняго сна германскіе принципы государственнаго строя, начала которыхъ лежали въ племенныхъ основахъ; лишь съ трудомъ и лишь путемъ государственныхъ союзовъ государи изъ дома Оттона побѣдили эти стремленія и стали замѣнять ее болѣе широкой государственной основой.

Внутри же племенъ еще долго сохранялось древнее воззрѣніе на

родовую связь всѣхъ соплеменниковъ и на естественную основу всякаго права (по крайней мѣрѣ частнаго права): еще имѣлъ силу принципъ, по которому каждый пользовался особымъ правомъ того племени, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію. Воспоминанія же о древнемъ племенномъ государствѣ германской первобытной эпохи напротивъ того изгладились, даже совершенно исчезли; правительственная дѣятельность Каролинговъ и приростъ населенія одинаковымъ образомъ повліяли на многократныя дѣленія округовъ, древнихъ племенныхъ областей, и привели такимъ образомъ къ уничтоженію ихъ самостоятельнаго существованія.

Тѣмъ сильнѣе развивалась идея объ общемъ строѣ cadaго племени, приведшая къ концу Каролингской эпохи во всѣхъ племенахъ, исключая Тюрингинцевъ и Фризовъ, къ новому учрежденію герцогствъ, и почти вездѣ въ силу мѣстныхъ организаціонныхъ причинъ племени, какъ политическія силы, выступили при переходѣ отъ IX къ X столѣтію.

Политическими силами племени оставались въ теченіи всего X столѣтія и значительно дольше, — хотя Оттоны уже пробовали, и не безъ успѣха, самостоятельныхъ до тѣхъ поръ герцоговъ обращать, такъ сказать, въ чиновниковъ династіи, — такъ какъ при герцогахъ племенные ландтаги, не смотря на все, процвѣтали еще долго, сохраняя полную независимость древне-германскихъ временъ: саксонскій ландтагъ дерзнулъ даже противорѣчить своему королевскому герцогу Оттону. Племена не были лишены и свободы изданія законовъ; у насъ имѣется франконское постановленіе о границахъ въ Майнѣ и Рейдницѣ приблизительно 939 года и баварскіе законы Рансгофена конца X столѣтія. Только въ теченіи XI столѣтія забыты были древнія народныя права племенъ — но и тогда еще племена оставались столь долго носителями новыхъ формацій обычнаго права, что даже городовыя права XIII и XIV столѣтія, хотя они и возникли на совершенно измѣнившейся правовой основѣ, все таки группируются еще по принадлежности къ опредѣленнымъ племенамъ.

Непосредственное значеніе племенъ, правда, было въ это время почти совершенно устранено въ государственномъ строѣ. Въ позднѣйшіе годы правленія Оттоновъ Лотарингія раздѣлена была на два герцогства, въ Саксоніи создано было герцогство Биллунговъ (*der Billunger*), которое уже не соответствовало племенной области; наконецъ колониальная область — Каринтія была сдѣлана герцогствомъ. Затѣмъ во времена Салійскихъ императоровъ и Штауфеновъ послѣдовалъ рядъ дальнѣйшихъ дѣленій и возведеніе мелкихъ владѣній въ рангъ герцогствъ: герцогство и племенная область уже обыкновенно не совпадали начиная съ конца XII столѣтія другъ съ другомъ. При устройствѣ во второй половинѣ XIII столѣтія коллегій курфюрстовъ, самаго важнаго новаго правительственнаго учрежденія

того времени, племеннымъ дѣленіямъ придавалось только косвенное значеніе.

Такимъ образомъ X столѣтіе является послѣднимъ и высшимъ расцвѣтомъ той стадіи нашего національнаго развитія, которая связана съ политической самостоятельной жизнью племенъ. Лишь медленно племена эти образовывались среди волнообразныхъ движеній народныхъ переселеній; лишь въ VII столѣтіи развились ихъ герцогства въ предѣлахъ нѣмецкихъ границъ; не ранѣе VIII столѣтія имъ удалось укрѣпить свою племенную власть въ предѣлахъ ихъ отдѣльныхъ округовъ. Затѣмъ, когда, казалось, близка была эпоха ихъ преобладанія, ихъ поглотилъ потокъ Каролингскаго всемірнаго государства.

Но они отнюдь не были ею вполне разбиты и поглощены. Когда государство распалось и по правому берегу Рейна вновь возникаютъ самостоятельныя власти, мы снова сталкиваемся съ ними, конечно, въ видоизмѣненномъ видѣ и развившимися, но далеко не однородными и не подавленными. Мы еще имѣемъ дѣло съ индивидуальными, вполне различными государствѣнными образованіями, хотя они всѣ и одного типа. Въ Саксоніи герцогъ, стоитъ какъ равный среди равныхъ, тамъ нѣтъ герцогскихъ гофтаговъ (Hoftage)¹⁾, существуютъ лишь ландтаги знати для регулированія племенныхъ вопросовъ; въ Баваріи, напротивъ, есть гофтагъ въ Регенсбургѣ, резиденціи герцога, и также ландтагъ, а въ послѣдствіе герцогъ становится леннымъ властителемъ почти всей знати племени.

Рядомъ съ индивидуализированіемъ племеннаго строя, какъ признакъ его полной силы, еще всюду одинаково прочно сохранилось древнее племенное чувство; и у Саксонцевъ, руководящаго племени въ государствѣ, это чувство доходитъ до гордаго сознанія, какъ нѣкогда это было только у Франковъ во времена салійскаго права. Еще и теперь Саксонцы считаются избраннымъ народомъ, полнымъ героической силы; гроза сосѣднихъ народовъ, они одолѣваютъ еще своихъ враговъ, по древне германскому обычаю, коварной хитростью и суровой жестокостью. Благороднѣйшее и храбрѣйшее племя еще больше прославилось, когда съ помощью короля Карла вступило на путь спасенія, съ перенесеніемъ Святаго Витта съ франкской почвы въ ихъ страну къ нимъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы перешла сила Франковъ и христіанства. Эту своеобразную исторію-философію съ саксонской точки зрѣнія передаетъ намъ Саксонецъ Видукиндръ, нашъ послѣдній крупный историкъ племени, достойный преемникъ Григорія Турскаго и Павла Діакона—сынъ своего племени, которому даже въ дни основанія единаго государства ничто не казалось столь достойнымъ описанія, какъ исторія саксонскаго племени и саксонскихъ князей.

¹⁾ Hofstag или Fourtag—день съезда при Дворѣ.

II.

Если вѣрно, что прогрессъ духовной культуры находится въ зависимости отъ даннаго строя государства и общества и ихъ воздѣйствія на развитіе совокупной личности народа, то само собою понятно, что при переходѣ отъ народнаго государства (Volksstaat) первобытной эпохи къ племенному государству періода отъ V по X столѣтія должны были произойти крупныя видоизмѣненія въ германскомъ народномъ духѣ и культурѣ. И дѣйствительно, достаточно припомнить громадную разницу между государствомъ, описываемымъ Тацитомъ, и племеннымъ государствомъ X столѣтія, между аграрнымъ коммунизмомъ и тѣснымъ родовымъ строемъ первобытной эпохи и товарищескимъ характеромъ аграрнаго строя и семьи Оттоновской эпохи, чтобы понять это. Конечно, тому прогрессу, который обозначается этими предѣльными явленіями, способствовало не только мѣстное развитіе, но также не въ меньшей степени и воспріятіе христіанскаго и античнаго элементовъ, въ особенности со времени каролингскаго возрожденія. Это можно утверждать даже относительно особенно развитой національной области права.

Въ этой области вліяніе классически-абсолютистическаго направленія при Каролингахъ часто нарушало неподвижность нѣмецкаго права. Исчезла та мертвящая сила древнихъ формулъ и формальныхъ обычаевъ, которая всецѣло господствовала прежде надъ судебнымъ процессомъ. Уже въ IX столѣтіи обѣ стороны приглашаются на судъ королевскимъ судьей, а не истецъ вызываетъ отвѣтчика; разбирательствомъ руководитъ также судья, а не припудительность символическаго дѣйствія, ставшаго теперь непонятнымъ; въ числѣ доказательствъ присяга пріобрѣтаетъ болѣе личный характеръ; достоверность свидѣтельскихъ показаній получается путемъ внутренняго ихъ анализа; рядомъ съ древними формальными доказательствами путемъ Суда Божья и присяги, вводятся документальныя доказательства.

Если личность въ судебномъ процессѣ становилась свободнѣе, главнымъ образомъ благодаря королевскому вмѣшательству въ народное право, то дальнѣйшее образованіе народныхъ правъ на племенной основѣ доставляло ей также большую свободу и какъ субъекту правъ. Въ этой области именно постепенно исчезаетъ древнегерманскій принципъ договоровъ въ пользу личнаго поручительства должника. Это положило основаніе развитію юридическаго понятія о свободѣ. Потеря свободы при несостоятельности имѣла силу закона и въ начальный моментъ племеннаго періода. Однако вскорѣ закрѣпощеніе за долги не являлось уже окончательнымъ лишеніемъ правъ, а лишь временнымъ залогомъ свободы: свобода въ данномъ слу-

чаѣ является уже неотчуждаемой собственностью свободнорожденных. Но если народно-хозяйственные мотивы (въ особенности, напр., зачатки нѣкоторыхъ торговыхъ сношеній) играли роль при образованіи болѣе полноправной юридической личности свободныхъ, то еще больше значенія въ этомъ отношеніи имѣлъ непосредственное вліяніе аграрнаго развитія. Марка—община даже въ эпоху перехода къ отдѣльнымъ народностямъ обыкновенно пользовалась общинными полями: сѣяли и жали сообща, всякая частная хозяйственная инициатива личности подавлялась коммунистическимъ способомъ обработки. Совсѣмъ не такова была жизнь этой марки въ X столѣтіи. Уже давно каждый крестьянинъ пользовался правомъ частной собственности на ту землю, которую онъ обрабатывалъ; общиннымъ было только экстензивное пользованіе пастбищемъ и лѣсомъ, водой и охотничьими участками. При обработкѣ полей, правда, дѣйствовали еще суровые законы принудительной системы хозяйства, которые легко объясняются первоначальнымъ расположеніемъ пашень: всѣ крестьяне одной деревни должны были на пашняхъ своихъ, расположенныхъ на одномъ и томъ же участкѣ, сѣять одно и то же зерно въ одно и то же время, въ одно и то же время жать, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ къ отдѣльному полю каждаго изъ нихъ не вела особая дорога: но и эта принудительная обработка, представляя все еще необыкновенныя стѣсненія для хозяйственной личности, все таки была уже чрезвычайнымъ прогрессомъ сравнительно съ аграрнымъ коммунизмомъ первобытной эпохи.

Но еще важнѣе то, что въ эпоху племенныхъ государствъ во многихъ отношеніяхъ расшатаны были первобытныя преграды въ сферѣ семейной и супружеской жизни.

Въ первобытную эпоху не только жизнь индивидуума, но и жизнь семьи была замкнута въ нѣдрахъ обширнаго рода, члены котораго связаны были узами родства до седьмаго колѣна и далѣе; еще не вполне забыты были тѣ времена, когда родъ являлся исключительнымъ военнымъ и государственнымъ институтомъ народа. Теперь же, напротивъ, медленныя, но коренныя перемѣны, если не устранили значеніе рода, то отодвинули его на задній планъ. Въ то время какъ при заселеніи страны отдѣльными деревнями зачастую руководящее значеніе имѣла генеалогическая точка зрѣнія, такъ что односельчане на первыхъ порахъ были вмѣстѣ съ тѣмъ и родичами, теперь эта точка зрѣнія замѣнена была иной, и именно территориальной. Родичи и односельчане выселяются, водворяются чужіе, уже въ VII и VIII столѣтіи событія эти сглаживаютъ родовыя отношенія въ совмѣстной жизни. Въ IX и X столѣтіи эти отношенія уже почти совершенно исчезаютъ; теперь одни лишь сосѣдство определяетъ взаимныя отношенія односельчанъ: древняя родовая.

связь не только лишалась своего хозяйственного основанія, — ее прямо разрушило хозяйственное развитіе.

Разрушенію старыхъ родовыхъ связей хозяйственная жизнь содѣйствовала еще болѣе косвеннымъ путемъ. Начиная съ VI столѣтія все рѣзче и рѣзче выступаетъ контрастъ между аграрнымъ богатствомъ и аграрной нищетой; результатомъ этого контраста было то, что во времена Каролинговъ массы свободныхъ людей очутились въ зависимости отъ землевладѣльцевъ и затѣмъ въ положеніи полусвободныхъ. Естественно, что этимъ расшатана была и родственная связь этихъ менѣе счастливыхъ съ сочленами ихъ рода, сохранявшими полную свободу; древнія тѣсныя отношенія родовой жизни становились все слабѣе, пока, наконецъ, родовая связь окончательно была уничтожена.

Государство, давнишній врагъ древнегерманскаго родоваго строя, воспользовалось всѣми этими событіями для дальнѣйшихъ своихъ захватовъ. Теперь только государство, какъ поборникъ общественныхъ интересовъ, начало рѣшительно торжествовать надъ родомъ; лишь теперь оно приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ индивидуумомъ, предъявляя ему свои требованія и оказывая ему свои благодѣянія. Оно ограничиваетъ право наследованія родичей до пятого и седьмаго колѣна; если нѣтъ наследниковъ этихъ степеней, то наследство, какъ выморочное, переходитъ въ государственную казну: такимъ образомъ, изъ родоваго союза какъ-бы исключаются всѣ дальнѣйшія степени, начиная съ пятой или седьмой. Мало того: правоспособность сородичей, право участія въ родовой враждѣ и вирѣ ограничено третьимъ и четвертымъ колѣномъ: въ результатъ новое ослабленіе родовыхъ связей. Еще дальше идетъ въ этомъ отношеніи Каролингское законодательство: паралельно съ ослабленіемъ родоваго союза оно стремится устранить и его функціи. Ему противна общая опека рода надъ несовершеннолѣтними, съ нѣкоторымъ успѣхомъ удается ему подавить соприсяжничество (Eideshilfe) родичей; Карлъ Великій рѣшается даже посягнуть на самое коренное учрежденіе всякаго родоваго союза, — на кровомщеніе. Попытка эта осталась, конечно, такою же безплодной, какъ и все обширное церковное законодательство, которое тщетно стремилось подавить не только германскій родовой союзъ, но и нѣмецкія представленія о семьѣ и бракѣ вообще въ духѣ церковнаго римскаго права.

Однакоже прочнымъ результатомъ всѣхъ враждебныхъ вліяній X столѣтія было то, что древній родовой строй былъ уничтоженъ; сохранившіеся остатки уже нельзя было соединить въ одно цѣлое. Въ сводѣ саксонскихъ законовъ XIII столѣтія мы находимъ только незначительные и архаическіе слѣды понятія о когда то важномъ различіи между семьей и родомъ. Во всемъ остальномъ уже со времени Каролингской эпохи изъ оболочки рода выдѣляется семья, какъ на-

стоящая начальная ячейка народной жизни: отнынѣ строй этой семьи обуславливаетъ судьбы нашихъ предковъ.

Но семья племеннаго государства все таки еще сильно отличалась отъ семьи нашего времени. Процессъ образованія этой семьи отличался отъ нашего. Мы находимъ еще остатки обычая покупки невесты у Тюрингинцевъ, Саксонцевъ и Фризовъ, и всюду еще при заключеніи брака невеста не выступаетъ самостоятельно, какъ сторона, заключающая договоръ, хотя ей и дозволяется выражать согласіе, неимѣющее значенія: единственной договаривающейся стороной остается отецъ или опекунъ. Въ самомъ же бракѣ мужъ остается господиномъ по-прежнему; его покровительство, какъ супруга—господина, одинаково распространяется на жену, дѣтей и челядь, и онъ строго пользуется этимъ правомъ покровительства, даже правомъ умерщвленія и обращенія въ холоповъ своихъ дѣтей и правомъ принужденія дочерей къ браку. При томъ власть его надъ сыновьями нисколько не прекращается и при достиженіи ими совершеннолѣтія: изъ подъ власти и покровительства отца выходитъ только тотъ сынъ, который владѣетъ собственнымъ имуществомъ.

Все это находится въ связи съ строемъ хозяйственныхъ основъ семейной жизни. Широкая экономическая основа, допускающая индивидуализированіе семейнаго имущества жены и дѣтей, можетъ соответствовать всегда лишь высшимъ культурамъ. Въ эпоху племенной жизни имѣлись для этого лишь слабыя зачатки уже въ силу того, что семейное имущество, заключающееся главнымъ образомъ въ земельной собственности, было въ свою очередь связано хозяйственными постановленіями строя марки—общины.

Такимъ образомъ собственность семьи была безусловно-единой и не могла подраздѣляться между ея членами; ее нельзя было даже разсматривать, какъ собственность наличныхъ членовъ семьи или отца: это былъ скорѣе потребительный капиталъ, который семьями обоихъ супруговъ уступленъ имъ въ пользованіе; если супруги умирали бездѣтными, имущество возвращалось, сообразно тому какъ оно первоначально составилось, въ семьи обѣихъ сторонъ.

Въ предѣлахъ же самой семьи имущество это считалось настолько недѣлимымъ капиталомъ, что даже въ позднѣйшія времена, по крайней мѣрѣ у крестьянъ и у дворянъ, сыновья считаютъ себя равноправными наследниками имущества родителей, не подлежащаго раздѣлу: имъ можно пользоваться только сообща.

Конечно, начиная съ эпохи народнаго права приблизительно съ конца VI столѣтія, эта тѣсная связь нарушена. Если мужъ умираетъ раньше, существованіе оставшейся въ живыхъ жены обезпечивалось выдѣленіемъ ей вдовьей части; и съ IX столѣтія эта вдовья доля доходитъ у Франковъ до трети настоящаго или будущаго имущества мужа. Затѣмъ на ряду съ древнимъ обязательнымъ правомъ наслед-

дованія стала развиваться возможность наслѣдованія по завѣщанію, хотя пока это послѣднее достигалось только посредствомъ усыновленія предполагаемаго наслѣдника. Все же и это были зачатки, благодаря которымъ приблизительно около половины XII столѣтія право законнаго наслѣдованія впервые было существеннымъ образомъ поколеблено, и при переходѣ отъ XII столѣтія къ XIII стали обычны завѣщанія.

Между тѣмъ бракъ и семья XIII столѣтія нисколько не походили на наши теперешнія учрежденія, еще менѣе общаго съ послѣдними имѣли бракъ и семья эпохи Оттоновъ. Не смотря на рыцарство, супружеская вѣрность является обязательной только для женщины, что вытекало изъ народнаго права; законодательное признаніе незаконныхъ дѣтей, какъ необходимой обязанности отца, входитъ въ нравы и въ право только въ XIII столѣтіи. Супругъ былъ еще абсолютнымъ властелиномъ надъ судьбой своихъ домочадцевъ, обязанности его, какъ любящаго отца и супруга, отступали на второй планъ. Сообразно съ этимъ роль женщины была подчиненной; и воспитаніе дѣтей замкнулось въ неподвижныхъ рамкахъ абсолютнаго повиновенія. Люди X столѣтія не знали истинной и свободной любви; вѣрность и преданность не были еще основами личной и семейной нравственности. Авторитетъ былъ главнымъ двигателемъ въ дѣлѣ развитія нравственнаго бытія личности и общества. Только съ этой точки зрѣнія можно понять своеобразное, типичное стѣсненіе личности, съ которымъ мы встрѣчаемся въ жизни нравственной, интеллектуальной и эстетической, а также религіозной въ эпоху Оттоновъ.

III.

Нравственность лишь тогда индивидуальна, когда она обосновывается на проявленіи и цѣлесообразномъ примѣненіи высоко-развитой свободы воли. Во времена съ болѣе низкой культурой ее замѣняютъ обычай и право, а въ еще болѣе ранніе періоды—одно лишь право, такъ какъ всякому обычаю соотвѣтствуетъ правовое представленіе, выражающееся въ определенной формѣ повелѣнія или запрещенія.

Въ эпоху нѣмецкой племенной жизни предписанія обычая уже не находятъ для себя полнаго правоваго выраженія, но все же обычные понятія сохранили еще въ высшей степени своеобразныя, формальныя рамки.

Когда Генрихъ I и западно-франкскій король Карлъ въ 921 году заключили союзъ въ Боннѣ на Рейнѣ, обѣ стороны клялись другъ другу устами своихъ посланниковъ: «Отнынѣ буду я другомъ моему другу, въ полномъ вѣденіи и желаніи, какъ по праву другъ долженъ относиться къ своему другу, подъ тѣмъ лишь условіемъ, что и онъ».

дасть миѣ такую же присягу и сдержитъ свое обѣщаніе: въ этомъ да помогутъ миѣ Богъ и эти святаыя мощи». Въ этой формулѣ ска- зывается обоюдное пониманіе взаимныхъ дружественныхъ отношеній; съ внѣшней стороны онѣ еще носятъ вполне юридическій характеръ. По этому примѣру можно судить о томъ, какъ понимались обычныя обязательства въ племенную эпоху вообще.

Такъ, напр., съ VI по VIII столѣтіе дареніе всегда совершалось при предположеніи возврата въ случаѣ неблагодарности со стороны по- получателя дара; фактически, стало быть, это было тѣсное правовое отношеніе между дарителемъ и получателемъ дара, но никогда оно не являлось выраженіемъ нравственно вполне свободнаго побужденія. Сообразно съ этимъ до самымъ среднимъ вѣкамъ въ нѣмецкомъ правѣ сохранился принципъ взаимности всѣхъ договоровъ: всякое обяза- тельство, какъ бы оно само по себѣ ни было безвозмездно, для приобрѣтенія характера законности требовало хоть самаго незна- чительнаго взаимнаго обязательства въ видѣ задатка.

Ни въ чемъ другомъ такъ ясно и опредѣленно не выразилась эта взаимность нравственныхъ понятій, какъ въ конструкціи спеціально германскаго понятія о вѣрности. — Вѣрность въ смыслѣ раннихъ среднихъ вѣковъ немыслима вообще какъ одностороннее обязатель- ство: всегда она предполагаетъ формально и опредѣленнѣйшимъ обра- зомъ установленную взаимность со стороны того, кому оказывается вѣрность. Мы можемъ замѣтить двойственное значеніе этого понятія еще и въ настоящее время въ словѣ «hold¹⁾». «Hold» употребляется прежде всего въ нашемъ языкѣ въ значеніи «huldreich» (благосклон- ный) со стороны высокопоставленнаго лица. Въ архаической же фор- мулѣ «hold und getreu» слово это напротивъ означаетъ также нрав- ственно-юридическія обязательства низшихъ: здѣсь слово «hold» удержало двойное значеніе соотвѣтственно своему двойственному зна- ченію въ средніе вѣка.

При такомъ значеніи нравственныхъ понятій едва-ли возможно было избѣжать того, чтобы многимъ словамъ, употребляемымъ въ языкѣ и первоначально выражавшимъ чисто субъективныя воззрѣнія, не придавалось объективнаго значенія. Въ ранніе средніе вѣка почти всѣ важнѣйшія латинскія названія нравственныхъ понятій прошли черезъ эту метаморфозу: такъ слово religio стало обозначать не религіозное чувство или вѣру, а духовное званіе; fidelitas, не вѣрность, а свиту вѣрныхъ; honor, не внутреннюю честь, а лень, съ которымъ связанъ извѣстный внѣшній почетъ, и т. п. Еще замѣтнѣе выражается это въ томъ, что нравственный поступокъ опре- дѣлялся не столько внутренними побужденіями и склонностями, сколько нѣкоторыми типичными внѣшними дѣйствіями. Въ ранніе средніе

1) Hold — благосклонный, милостивый.

вѣка король не считался милосерднымъ, если онъ, совершая благо-творительныя дѣла, не проливалъ слезъ; духовное лицо не признавалось скромнымъ, если оно, получая повышение, не отклоняло отъ себя этой чести, проливая при этомъ обильныя слезы, спасаясь даже бѣгствомъ или скрываясь. Объ этихъ подробностяхъ свидѣлствуютъ многіе источники; онѣ весьма характерны для духовнаго типа эпохи; для людей X столѣтія не мыслимо было представить себѣ нравственность безъ такихъ подробностей.

Именно съ этой точки зрѣнія юридической конструкціи и формальной типичности нравственныхъ поступковъ возможно объяснить себѣ то явленіе, что нравственныя понятія могли сдѣлаться основой чисто-организаціонныхъ построений. Такъ отношеніе Карла Великаго къ папамъ опирается на политическомъ представленіи о понятіи любви; связь позднѣйшихъ каролингскихъ государствъ на такихъ понятіяхъ, какъ единодушіе, состраданіе, прощеніе; и вся ленная система, наконецъ, на юридическомъ смыслѣ понятія о вѣрности.

Если такимъ образомъ не вполне закрывался путь къ правовому образованію нравственныхъ понятій, то все же остается вѣрнымъ то, что обычай уже не совпадалъ вполне съ правомъ, что онъ уже существовалъ, какъ особый регуляторъ соціальныхъ отношеній, хотя для отдѣльныхъ лицъ онъ не имѣлъ еще силу индивидуальнаго нравственнаго убѣжденія.

Но для обычая необходимы были формальныя выраженія, чтобы нѣкоторымъ образомъ сдерживать еще юношескія, горячія побужденія людей ранней эпохи среднихъ вѣковъ. Потому что для общества эпохи Оттоновъ міръ взаимныхъ человѣческихъ отношеній рисовался совсѣмъ не такимъ, какъ теперь. Припомнимъ только, что до IX и X столѣтія почти у всѣхъ нѣмецкихъ племенъ юридическая правоспособность наступила съ двѣнадцатилѣтняго возраста, что женщины выходили иногда замужъ на двѣнадцатомъ году, и что только въ позднѣйшее оттоновское время явилась необходимость отдалить срокъ гражданской правоспособности. Какъ же по нашимъ понятіямъ должны были чувствовать взрослые, могли ли они предоставлять дѣтямъ ту полноту свободы нравственныхъ проявленій, какая возможна была въ то время?

Въ дѣйствительности нравственная жизнь этой эпохи отличается еще юношески-незрѣлой порывистостью, внезапностью поступковъ, импульсивнымъ, почти рефлексивнымъ мышленіемъ. Измѣненіе политическаго настроенія было тогда частымъ явленіемъ; подчасъ перемѣны эти совершенно необъяснимы; нерѣдко онѣ зависѣли отъ такъ называемыхъ внушеній свыше, сновидѣній, чудесъ. Нравственности той эпохи не доставало равновѣсія; даже самыя нравственныя личности эпохи легко относятся къ примѣненію безнравственныхъ средствъ

ради достиженія нравственныхъ цѣлей; кражи святынь во славу Божию, поддѣлки документовъ во славу какого-либо святаго, всѣ виды *ripa fraus* составляютъ повседневное явленіе. Соотвѣтственно этому порицаніе легко переходитъ въ проклятiе, наказаніе ведетъ за собой жестокое истязаніе, несдерживаемая чувственность преслѣдуетъ въ отношеніяхъ къ женщинамъ одни только животныя инстинкты и только ихъ одни или цѣнить или ненавидить.

Конечно этою неуравновѣшенностью нравственнаго поведенія обусловливаются и крупныя отличительныя черты этого періода. Общество этого времени ничего не скрываетъ, оно говоритъ еще грубымъ языкомъ, оно говоритъ о самыхъ грубыхъ порокахъ безъ всякаго стѣсненія; нѣжная Гросвита въ своихъ драмахъ изображаетъ сцены въ публичныхъ домахъ, съ большою любовью останавливаясь на подробностяхъ. Но общество это съ другой стороны отнюдь не испорченное, въ его откровенности есть нѣкоторая правдивость, и эта откровенность привлекаетъ насъ своей наивностью. Все это такія черты, которыя придаютъ общественной жизни и исторіи этого времени героическую окраску; страсти смѣло поднимаютъ свое забрало въ борьбѣ за власть и за господство, но на бурномъ водоворотѣ нашего эпоса виднѣются слѣды высочайшихъ политическихъ замысловъ.

Гёте указываетъ, какъ на настоящій корень высшей нравственности, на самосознаніе, и на самообладаніе, какъ на истинное средство для достиженія этой нравственности. Въ самомъ дѣлѣ, практическая свобода воли въ нашемъ смыслѣ слова въ большинствѣ случаевъ тождественна съ опредѣленіемъ нашей воли разумомъ, т. е. съ очищенными нравственными и общественными представленіями. Нравственность, такимъ образомъ, обусловливается въ значительной степени посылками болѣе развитаго ума, высшаго знанія, — стало бытъ, фактами и пріобрѣтеніями интеллектуальнаго развитія. Чѣмъ свободнѣе изслѣдованіе міра, тѣмъ выше самопознаніе, тѣмъ индивидуальнѣе нравственность.

Интеллектуальное же образованіе въ націи, взятой въ ея совокупности, даже въ эпоху Оттоновъ стояло на довольно низкой степени. Не говоря уже о томъ, что положительныя знанія были ничтожны, что масса народа могла понять, напр., умноженіе только въ формѣ повтореннаго сложенія, мы видимъ, что мышленіе само по себѣ носило еще характеръ полной объективности и ограничивалось частностями. Объемъ мышленія не былъ еще настолько обширенъ, чтобы были необходимы обобщенія конкретныхъ частныхъ въ научныя или наконецъ въ философскія понятія.

Результатомъ было то, что мышленіе проявлялось въ конкретныхъ, часто въ поэтическихъ, формахъ. Это замѣтно даже въ разговорномъ языкѣ; удержавшемъ старыя символическія формы первобытной поэзіи, вполне не исчезавшія въ теченіи всѣхъ среднихъ

вѣковъ ¹⁾. Такъ, напр. мысль, что и юноши также часто умираютъ, выражается въ томъ замѣчаніи, что часто на стѣну вывѣшивается телячья шкура ²⁾. Болѣе того: самъ языкъ сохранялъ еще много образности; онъ изобиловалъ разнообразными красками, между тѣмъ какъ современный нѣмецкій языкъ выражаетъ свои мысли въ скудныхъ выраженіяхъ, напоминающихъ рисунки перомъ; тогда мысль не утратила еще роскоши индивидуальнаго представленія.

Другой отличительной чертой языка являлось то, что онъ почти не давалъ никакой возможности для выраженія личныхъ, индивидуальныхъ представленій. Его звуковыя видоизмѣненія и окончанія лишены гибкости, синтаксическіе законы не имѣютъ исключеній и не поддаются приспособленіямъ; прогрессъ языка совершается не въ силу литературныхъ вліяній, а путемъ смутнаго непосредственнаго грамматическаго сознанія толпы. Соотвѣтственно этому никто не пишетъ индивидуальнымъ слогомъ; даже въ латинской литературѣ этого времени понятіе о стилѣ еще почти неизвѣстно, такъ что только въ исключительныхъ случаяхъ удается опредѣлять литературный памятникъ по стилистическимъ признакамъ. Даже сатиры и диссертации XI столѣтія, произведенія сравнительно личнаго характера по преимуществу, имѣютъ въ себѣ еще много техническаго; въ каждомъ трактатѣ, — безразлично какому бы автору онъ не принадлежалъ, — одинаковый слогъ, почти тотъ же родъ выраженій, мыслей и метафоръ.

Въ жизни та же неспособность усвоить и передать фактическія данныя. Смотрѣли на все какъ бы только орнаментально, схватывали и усвоивали одни внѣшнія очертанія предметовъ въ самой общей ихъ формѣ. Поэтому не хватало пониманія массовыхъ явленій, для котораго необходимо овладѣть отдѣльными частностями; рассказывались самыя невѣроятныя вещи о размѣрахъ армій, о количествѣ павшихъ воиновъ, о распространеніи заразы, объ опустошительной силѣ болѣе значительныхъ пожаровъ. Для самыхъ обычныхъ представленій въ этой области, а въ особенности для представленій о числахъ, выработались именно типичныя формулы, которыя примѣняются всегда и неизмѣнно въ отдѣльныхъ соотвѣтственныхъ случаяхъ. Особенную роль играютъ при этомъ простые дѣлители и множители сотни: въ источникахъ IX и X столѣтія чаще всего рѣчь идетъ о числѣ войскъ въ 30, 40, 60, 120 тысячахъ.

Способы провѣрки, которые могли быть примѣнимы къ такимъ

¹⁾ Н. Heine (Ges. Werke 6, 27 ss.) находитъ даже характеръ всей средне-вѣковой поэзіи въ переходѣ эзотерическаго значенія (символики) къ внѣшнему изображенію.

²⁾ Thiem. 2. 21. Сюда именно относится извѣстный вопросъ, предложенный Эккергарду Тюрингинскому: Num currui tuo quartam deesse non sentis rotam? Thiem. 4, 32.

типичнымъ воззрѣніямъ на современныя отношенія, были недостаточны. Тѣмъ болѣе поэтому полагались въ этой области на вѣру въ авторитетъ. Подобно тому, какъ въ судебномъ процессѣ допускались еще формальныя доказательства суда Божья, такъ и въ области исторической каждое преданіе считалось неоспоримо священнымъ; а такъ какъ неprovѣренное преданіе заключало въ себѣ массу неправдоподобнаго, то склонность къ баснословному значительно усиливалась. Апокрифическія Евангелія пріобрѣтаютъ значеніе; вскорѣ они пользуются не меньшимъ почетомъ, чѣмъ каноническое священное писаніе. Дѣянія Энея, все содержаніе Virgilievскаго эпоса представляются многочисленнымъ читателямъ эпохи Оттоновъ не сказаніемъ, а исторіей; благочестивый героическій паѳосъ римскаго праотца для людей той эпохи неотличимъ отъ смиренія библейскихъ святыхъ, и чудеса творились какъ въ языческой, такъ и въ христіанской, какъ въ старой, такъ и въ новой легендѣ.

На почвѣ чисто типичнаго національнаго пониманія, оплодотвореннаго христіанской вѣрой и классическимъ преданіемъ, вырабатывается мало по малу склонность къ чудесному, страсть къ приключеніямъ, господствующія у нѣмецкаго народа въ теченіи многихъ вѣковъ.

Пониманіе сущности чуждыхъ характеровъ развито было еще меньше, чѣмъ способность къ усвоенію внѣшняго событія. Если прежде всѣ представленія націи въ этой области сводились къ обрисовкѣ крупныхъ типичныхъ фигуръ героической саги, то въ послѣдствіи христіанская церковь, въ этикѣ эпохи миссіонерства, а въ особенности въ противопоставленіи добра и зла, доставляетъ національному пониманію лишь крайне простую схему. Вскорѣ широко распространяется вѣра въ то, что при всякомъ человѣкѣ пребываютъ добрый ангелъ и злой духъ, первый посланникъ Бога, учитъ добру; второй исходитъ изъ мрачной пропасти ада и склоняетъ къ злу. Они оспариваютъ другъ у друга человѣческое сердце, являющееся пассивнымъ и безсодержательнымъ полемъ внутренней борьбы; лишь божья милость, — третій чуждый факторъ — доставляетъ побѣду. Такія и подобныя имъ представленія заглушали глубокое пониманіе современныхъ характеровъ, онѣ болѣе ими менѣе наполняли всѣ жизнеописанія эпохи, на которыя конечно можно смотрѣть вообще только, какъ на продукты благочестія, какъ бы на замѣну исчезнувшихъ торжественныхъ погребальныхъ пѣсенъ языческой эпохи, но не какъ на художественныя историческія произведенія свободнаго духовнаго творчества. Даже болѣе: эти представленія вообще порабащаютъ и придаютъ типичность всей тогдашней исторіографіи; даже у Гросвиты-Гандерстеймской, которая одна въ эту эпоху умѣла представить въ драмѣ живыхъ личностей, судьбы Оттоновскаго дома зависятъ отъ божественнаго откровенія или адскаго внушенія. Богъ и сатана оспа-

риваютъ другъ у друга власть надъ отдѣльными историческими дѣя-
телями.

Воззрѣнія Гросвиты, выдающейся женщины, хотя и находящейся
еще подъ давленіемъ классическихъ традицій и ими вдохновляемой,
обнаруживаютъ внутреннія основы интеллектуальной жизни Оттонов-
ской эпохи: всѣ поступаютъ по одному шаблону, или понимаютъ фак-
ты подъ давленіемъ внѣшняго впечатлѣнія или еще проще при-
нимаютъ готовую схему авторитетнаго способа передачи: тѣ же приемы
обработки преобладаютъ и въ эстетическихъ воззрѣніяхъ эпохи.

IV.

Искусство германскихъ племенъ уже въ раннія столѣтія переходитъ отъ
ленточной орнаментики первобытной эпохи къ животной орнаментикѣ,
полной необузданныхъ движеній, господствовавшей съ VI по VIII столѣ-
тіе. Классическія заимствованія Каролингской эпохи внесли въ этотъ
прогрессъ устойчивость и сдержанность: хотя и въ этотъ періодъ
германская орнаментика не идетъ дальше умѣнья изображать типич-
чески самое простое животное тѣло, такъ что рѣдко можно отличить
индивидуально изображаемыхъ животныхъ: орловъ, львовъ, гусей,
собакъ, но уже формы изображаются съ большимъ обиліемъ частно-
стей и расположены болѣе симметрически.

Въ то же время, приблизительно съ половины IX столѣтія, насту-
паетъ новый періодъ національныхъ воззрѣній на искусство: преж-
нюю животную орнаментiku постепенно замѣняетъ растительная орна-
ментика Оттоновской эпохи.

Основные принципы этой орнаментики во всякомъ случаѣ тѣ же,
что и въ животной. Здѣсь, какъ и тамъ, вся суть въ типичномъ
воспріятіи внѣшняго міра; здѣсь, какъ и тамъ, естественныя фор-
мы передаются только въ самыхъ внѣшнихъ очертаніяхъ: подоб-
но тому, какъ въ языкѣ нашей первобытной эпохи слова: Eiche,
Esche, Föhre, Tanne (дубъ, ясень, сосна, ель), обозначая видъ де-
ревьевъ, въ то же время обозначаютъ „Baum“ (дерево) вообще, какъ
въ языкѣ первобытной эпохи нѣтъ особаго названія для отдѣльныхъ
цвѣтовъ, а есть только родовое слово „Blume“ (цвѣтокъ), также
орнаментика растений въ послѣдній періодъ племенной эпохи не изобра-
жаетъ отдѣльныхъ цвѣтовъ, а довольствуется передачею типичныхъ
частностей каждаго растенія: ростка и листа, цвѣта и стебля.

Прогрессъ сравнительно съ животной орнаментикой выражается,
стало бытъ, въ выработкѣ общихъ положеній типичнаго воспроиз-
веденія внѣшняго міра: эти положенія одинаковы для всей эпохи
племенной культуры. Ново только примѣненіе къ неоживленной, по-
видному неодушевленной, части внѣшняго міра, къ растительному

міру. Эстетическія воззрѣнія эпохи съ VI по VIII столѣтіе усвоивали только все живое и движущееся, въ послѣдующіе вѣка принялись также и за изображеніе неодушевленнаго.

Перемѣна эта обусловлена отчасти принятіемъ христіанства и Каролингскимъ возрожденіемъ. Теперь для нѣмцевъ открылась тайна Писанія; достойное украшеніе книгъ христіанскаго культа открыло новое поле для важной художественной дѣятельности. И здѣсь, правда, вначалѣ вводятся нѣжныя очертанія животной орнаментики; заглавныя буквы, —э тотъ, собственно говоря, главный центръ орнаментальнаго украшенія книги, —изображаются въ видѣ искаженныхъ животныхъ тѣлъ. Но вскорѣ обратили вниманіе на непригодность такой орнаментики. Содержаніе священныя книгъ располагало къ спокойствію; какъ не легко германское воображеніе представляло себѣ воодушевленными даже буквы ¹⁾, мы уже замѣчаемъ къ концу VII столѣтія: тамъ и сямъ къ инициаламъ прибавляются почки и листья: такимъ образомъ книжная орнаментика составила повидимому первый переходъ къ новому искусству IX—XI столѣтій.

Даже и въ періодъ наивысшаго расцвѣта растительной орнаментики, во второй половинѣ X столѣтія и позднѣе, она существенно была украшеніемъ книгъ, хотя находитъ примѣненіе и въ орнаментальномъ украшеніи внутреннихъ помѣщеній и стѣнъ, и даже въ нѣкоторыхъ переходахъ къ пластическимъ украшеніемъ капителей и другихъ частей украшенія новаго романскаго стиля ²⁾; она проникаетъ вообще всюду, гдѣ по нѣмецкимъ понятіямъ необходимо художественное впечатлѣніе. Эта эпоха искусства вполнѣ еще орнаментальная; въ Германіи никогда не появлялось лучшихъ произведеній орнаментальнаго творчества, какъ въ эпоху большихъ евангелиаріевъ (Evangeliaren) ³⁾ Оттоновскаго вѣка, евангелиарія Эхтернахскаго, Codex'a Egberti, требниковъ короля Генриха II для Бамберга, которые нынѣ хранятся въ Мюнхенской бібліотекѣ въ числѣ наиболее выдающихся ея драгоценностей.

Въ теченіи XI столѣтія замѣчается упадокъ растительной орнаментики; послѣднія произведенія ея творчества относятся къ первой половинѣ XIII столѣтія.

Между тѣмъ орнаментальное воззрѣніе націи приняло направленіе, обозначающее переходъ къ совершенно иному искусству временъ

1) О буквѣ P говорится въ одномъ изъ источниковъ: Воинъ держитъ длинный пруть съ золотымъ наконечникомъ и киваетъ имъ по направленію разъяреннаго врага. Ebert, Littgesch. 3,93.

2) Орнаментика архитектуры до 1000 г. въ существенныхъ чертахъ конечно еще классическая, —нѣмецкая орнаментика проявляется лишь робко тамъ и сямъ напр. у Гернрода (Gernrode).

3) *Евангелиаріями* назывались въ древности богослужебныя рукописи, въ которыхъ заключались Евангелія, раздѣленныя по глазамъ, предназначеннымъ для чтенія въ церкви.

Штауфеновъ. Орнаментальная пластика, главнымъ образомъ южной Германіи и Вестфалии, начиная съ XII столѣтія отъ прежней типичности представленія переходить къ условному изображенію. Замѣчательно, что въ объектахъ изображенія замѣчается въ то время возвратъ къ прежней художественной области изображенія животныхъ. — Животное является здѣсь не просто въ своемъ типѣ, какъ птица, четвероногое или змѣя, а изображается теперь въ странныхъ скульптурныхъ украшеніяхъ Нижней Церкви (Freisingen Unterkirche) въ Фрейзингѣ или Вессобруновскомъ Летнерѣ (Wessobruner Lettner)¹⁾, въ Шотландской церкви въ Регенсбургѣ или Базельскомъ мюнстерѣ (Münsters) въ Бамбергскомъ соборѣ или церкви Косфельда (Coesfeld)—это фантастическія животныя: драконы, грифы, а также и мѣстныя животныя. Это движеніе проходитъ черезъ всю Оттоновскую эпоху, проявляется даже въ роскошныхъ постройкахъ штауфеновскихъ владѣтелей; въ Гельнгаузенѣ и Вимпфенѣ (Wimpfen am Berge)²⁾ достигаетъ высшаго развитія по ихъ граціи, и съ введеніемъ готическаго стиля постепенно вымираетъ, уступая мѣсто болѣе натуралистическому изображенію животнаго міра. Прошло однако много поколѣній раньше, чѣмъ изученіе животнаго міра достигло того полнаго натурализма, которымъ отличается, напр., извѣстное изображеніе кролика Дюрера.

Уже задолго до этого времени у романскихъ народовъ Бернардъ Клервоскій возсталъ противъ пошлыхъ нѣмецкихъ изображеній въ церквахъ, противъ смѣшныхъ чудовищъ, противъ *deformis formositas* и *formosa deformitas*, этого послѣдняго проблеска древнегерманскаго искусства; эти народы старались замѣнить силу нашихъ древнихъ героическихъ пѣсенъ слащавостью своего, романскаго эпоса. Но и германская героическая пѣсня ранней племенной эпохи достигла уже того развитія, которое сопутствуетъ видоизмѣненіемъ въ орнаментикѣ, и подверглась родственному, въ основѣ даже тождественному съ романскимъ процессу развитія.

Какъ животная орнаментика первобытной эпохи племенной жизни къ IX столѣтію приходитъ въ упадокъ, такъ около того же времени заканчивается и первая крупная эпоха нашей героической пѣсни. Но подобно тому, какъ въ области художественнаго творчества сохрани-

¹⁾ Freising — городъ въ Верхней Баваріи; слово „Lettner“ происходитъ отъ латинскаго „lectorium“, оно означаетъ простѣнокъ между хорами и среднимъ мѣстомъ въ церкви, на которомъ вверху находилась кафедра съ наломъ для чтенія отрывковъ изъ Евангелія; этотъ простѣнокъ (Lettner) большею частью такихъ размѣровъ, что на немъ можетъ помѣститься цѣлый хоръ пѣвчихъ.

Прим. перев.

²⁾ Gelnhausen — окружной городъ въ прусской провинціи Гессенъ-Нассауской, а *Wimpfen am Berge* — городъ на Неккарѣ въ великомъ герцогствѣ Гессенъ-Дармштадскомъ.

Прим. перев.

лось въ общемъ орнаментальное направленіе, примѣнившись лишь къ изображенію другого, менѣе дѣятельнаго внѣшняго міра, растительнаго царства, на той же типичной основѣ духовной жизни удержалось и эпическое творчество; оно отклонилось отъ дѣятельнаго, въ самомъ строгомъ значеніи этого слова, отъ героическаго, отъ крупныхъ судебъ націи и ихъ носителей и обратилось къ болѣе среднимъ спокойнымъ состояніямъ, къ энизодамъ, разыгрывающимся въ исторически національной жизни. Этому направленію въ особенности способствовало вымирание древней языческой вѣры, такъ какъ теперь самъ собою задерживался переходъ отъ необузданно-героическаго къ миѳическому, что имѣло такое существенное значеніе въ древней героической пѣснѣ.

Уже при Карлѣ Великомъ начинается расцвѣтъ эпическаго искусства, и уже древнѣйшіе памятники этого эпоса, насколько ихъ могла возстановить современная историческая наука, имѣютъ характеръ анекдотическій. Карлъ Великій щедро надѣлилъ ленами брата своей супруги Гильдегарды, Удальриха. Королева умираетъ (783), и король Карлъ за проступокъ отнимаетъ у Удальриха лены. Тогда пѣвецъ (Spielmann) восклицаетъ: *Nû habêt Uodalrih firlogan êrôno gilîh ostar enti uestar, sid irstarp sîn suester*. Карлъ расчувствовался, залился слезами и возвратилъ Удальриху лены.

Въ эпоху Оттоновъ развился новый родъ поэзіи, онъ одержалъ полную побѣду; героическая пѣсня начинаетъ исчезать и едва только появляется болѣе выдающаяся личность или совершается какое либо болѣе важное событіе, какъ они уже воспѣваются въ новой «эпической пѣснѣ» («Sageliet»). Эккегардъ IV изъ Санъ-Галлена, этотъ любезный хроникеръ, ничего не желаетъ рассказывать объ измѣнѣ архіепископа Гаттона (Hatto) ¹⁾ Адальберту Бабенбергскому, *quoniam vulgo concinnatur et canitur*; въ исторіи графа Конрада Курцболта изъ враждебнаго дома Бабенберговъ онъ намѣренно пропускаетъ многія подробности, *quae de eo concinnantur et canuntur*; наконецъ въ третьемъ мѣсто онъ порицаетъ біографа святого епископа Удальриха Аугсбургскаго за то, что тотъ забылъ рассказать, *quae de eo concinnantur vulgo et canuntur*. Все содержаніе нашей политической исторіи первыхъ десятилѣтій X столѣтія до самаго времени Оттона Великаго, поскольку мы ей обязаны главнымъ образомъ Видукинду, основою своей имѣетъ извлеченія изъ сказаній (Sagelieder), воспѣвавшихъ личность Гаттона Майнцакаго, крупныхъ героев изъ рода Конрадиновъ и Бабенбергеровъ, короля Генриха I, лотарингскаго

¹⁾ Объ архіепископѣ Гаттонѣ II существуетъ сказаніе (исторически ничѣмъ не подтверждаемое), что во время свирѣпствовавшаго голода, онъ приказалъ сжечь массу народа въ амбарахъ; въ наказаніе за это на него наслана была такая масса мышей, что онъ не могъ спастись отъ нихъ въ выстроенномъ имъ для этой цѣли замкѣ у Бингена.

графа Иммо и другихъ. Кое-гдѣ въ латинскомъ языкѣ Видукинда звучитъ тяжелый размѣръ нѣмецкой риѣмы; даже тамъ, гдѣ Видукинда изображаетъ, желая быть историкомъ своихъ современниковъ, дѣянія которыхъ для него должны быть ясны, какъ день, онъ, какъ истый сынъ своего народа, ударяется въ эпически-нѣмецкіе обороты и рисуетъ героевъ своего племени сильными штрихами нѣмецкаго эпоса.

Если такимъ образомъ новая посредственная типичность нѣмецкаго эпоса примѣнялась и къ передачѣ историческихъ событій эпохи: въ началѣ для изображенія выдающихся отдѣльныхъ событій, впоследствии, чтобы изъ этихъ событій сдѣлать произвольные центры для новой переработки матеріала и воспѣванія въ стихотворной формѣ, то она примѣнена была также и къ обработкѣ болѣе древнихъ матеріаловъ героической пѣсни, получившихъ при этомъ, поскольку мы можемъ это прослѣдить, совершенно иной характеръ; быстрый ходъ разсказа, драматическій полетъ событія, бурная порывистость изложенія—все это исчезаетъ. Теперь останавливались на частностяхъ, на описаніяхъ; потомки охотно заимствуютъ разныя подробности изъ многолѣтнихъ сокровищницъ сѣдой старины; начинаетъ формироваться эпическій стиль, подобный стилю поэмъ Гомера.

Рядомъ съ древней героической пѣснью, въ значительно переработанномъ видѣ, появляются забавныя повѣсти и легенды; съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе развивается, какъ новый эпосъ, такъ и фантастическій, выдуманный разсказъ, фикція. При такихъ-то условіяхъ появился у насъ, кажется, и животный эпосъ; главнымъ образомъ его переработывало духовенство. Но *Ecbasis cartivi* X столѣтія не есть еще настоящій животный эпосъ; послѣдній достигъ своей зрѣлости лишь въ XII столѣтіи при совершенно иныхъ умственныхъ условіяхъ.

Впрочемъ представителями и носителями національной поэзіи въ X столѣтіи являлись не духовенство и не высшее сословіе свѣтскихъ, по своему духовному складу бывшія представителями эпохи оттоновскаго возрожденія. Одни пѣвцы (*Spielleute*) были еще обладателями сокровищъ народной поэзіи и увеличивали число этихъ сокровищъ, не смотря на неблагопріятныя вліянія классическихъ воспріятій. Это уже не были высококомѣрные пѣвцы, какъ во время оно ихъ предшественники при дворахъ племенныхъ князей и королей VI и VIII столѣтія: то были актеры и музыканты, часто заурядные паяцы, распутный, бродячій народъ, и созданная имъ новая поэзія вмѣстѣ съ ними расходилась по бѣлу свѣту и вмѣстѣ съ ними она и исчезла.

Такимъ образомъ мы имѣемъ мало свѣдѣній о тѣхъ чрезвычайныхъ измѣненіяхъ, которыя произошли въ внѣшнихъ формахъ поэзіи съ VIII по X столѣтіе. Хотя съ одной стороны долго еще практикуется сочетаніе представленій, даже цѣлыхъ эпизодовъ такъ же, какъ въ орнаментикѣ растеній расположеніе стеблей растеній еще долго на-

поминаетъ ленточный орнаментъ первобытной эпохи, хотя аллитерація и составляетъ еще частое явленіе, но постепенно вводятся и новыя формы. Разсказъ и описаніе ощущеній передаются подробно и ясно безъ всякихъ прикрасъ—аллитерація замѣняется римою.

Трудно уяснить причины такого измѣненія. Рима, очевидно, вводится въ силу подражанія образцамъ латинской поэзіи, главнымъ образомъ гимнамъ; упадокъ древнегерманской поэзіи уже подготовилъ для нея почву. Но это все же только второстепенныя причины, въ самомъ національномъ развитіи должна была уже корениться потребность въ измѣненіи поэтической формы, приведшей за собой риму: иначе врядъ ли рима одержала бы столь быструю и всестороннюю побѣду—одновременно въ анекдотѣ и въ серьезномъ эпосѣ, въ художественныхъ произведеніяхъ и въ чисто національной поэзіи.

Быть можетъ, быстрому принятію римы способствовалъ ея лирической, музыкальный характеръ. По крайней мѣрѣ нельзя отрицать того, что вмѣстѣ съ новой эпической поэзіей съ VIII по XI столѣтіе развивается въ нашей націи одновременно стремленіе къ чувственности, къ лиризму и сентиментальности. Не говоря уже о томъ, что первыя лирическія произведенія на нѣмецкомъ языкѣ мы находимъ у Отфрида (870)—быть можетъ, то были лишь смиренныя размышленія монастырской келіи. Но тотъ способъ, какимъ поэтъ X столѣтія изображаетъ прелесть солнечнаго восхода, тихій трепеть, наводимый утренней зарей, блаженное спокойствіе вечера, хотя это еще и является въ чуждой оболочкѣ латинскаго языка, указываетъ уже на перемѣну, на новый поворотъ въ національномъ настроеніи. Но это настроеніе, однако, меньше всего проявлялось на первыхъ порахъ въ поэтической области; оно всего болѣе ревностно, съ сентиментальной искренностью и въ концѣ концовъ съ бѣгушимъ отъ суеты мірской аскетизмомъ, проникается духомъ христіанства, до тѣхъ поръ усвоеннымъ лишь экзотерически, и порождаетъ первыя проявленія нѣмецкаго благочестія.

V.

Церковь доживавшей свои послѣдніе дни Имперіи была для нѣмецкихъ племенъ болѣе, чѣмъ простымъ учрежденіемъ для удовлетворенія религіозныхъ потребностей: при распаденіи Имперіи въ ней находили для себя утѣшительную всякая высшая духовная дѣятельность, всякое культурное стремленіе, направленное къ будущему: она явилась замѣстителемъ умирающаго государства. Но рядомъ съ римскимъ элементомъ понятій о господствѣ, она, по роду своего происхожденія, имѣла и восточный основной элементъ, и прочныя пріобрѣтенія

спекулятивнаго духа эллиновъ; она была вообще единственнымъ вмѣстилищемъ всемірно-историческихъ традицій.

Такимъ образомъ нѣмецкій народъ вмѣстѣ съ церковью долженъ былъ принять не только одно христіанство: онъ долженъ былъ также воспринять въ себя самыя чистыя реликвіи всего великаго національнаго мышленія и творчества, процвѣтавшихъ и приносившихъ свои плоды въ тѣ тысячелѣтія, которыя предшествовали эпохѣ его всемірно-исторической миссіи.

Это было черезъ-чуръ много для юношескаго германскаго духа; цѣлыя столѣтія народъ нашъ жилъ этой задачей и ради этой задачи; лихорадочность нашей средневѣковой политической исторіи, борьба за инвеституру и отчасти даже судьбы Штауфеновъ вызваны были главнымъ образомъ тѣми затрудненіями, которыя создало для народной души принятіе христіанскихъ и всемірно-историческихъ идей.

Въ VIII столѣтіи было еще, конечно, далеко отъ воспринятія духа христіанства: это доказывается уже терпимостью германскихъ народностей до X-го столѣтія. И еще много позднѣе въ шелестѣ и шопотѣ священныхъ деревьевъ передавалась воля старыхъ боговъ; пророческіе голоса и жертвенная молитва раздавались вокругъ каменныхъ жертвенниковъ предковъ, пѣлись заклинанія надъ полемъ и скотомъ, ткацкимъ станкомъ и прялкой, надъ яствами и цѣлебными корнями.

Но уже со времени Карла Великаго появляются слабыя признаки не внѣшняго только воспріятія христіанства, но крайней мѣрѣ у людей, благопріятно для этого настроенныхъ. Это можно видѣть уже изъ того факта, что съ этого времени быстро возрастаетъ христіанская переводная литература для свѣтскихъ. Такъ уже въ концѣ VIII и началѣ IX-го столѣтія переводится на нѣмецкій языкъ, рядомъ съ молитвой при крещеніи, Символомъ вѣры и молитва Господня, въ особенности Евангеліе Матѳея, наиболѣе эпическое изъ всѣхъ и одновременно съ этимъ, должно быть, начинается и переводная литература проповѣдей. За ними слѣдуетъ также продуктъ миссіонерскихъ стремленій—*Heljand*, относящійся приблизительно къ 830 году и составляющій попытку рассказать жизнь Христа, руководствуясь существующими обработками и разъясненіями, въ національномъ тонѣ: Христосъ рисуется самымъ богатымъ изъ всѣхъ щедрыхъ королей, такъ какъ онъ обдариваетъ радостями вѣчной жизни, апостолы составляютъ его дружину, Петръ наиболѣе привилегированный оруженосецъ его; даже овечьи пастухи при рожденіи Христа изображены древне-саксонскими пастухами лошадей. На эти внѣшнія свидѣтельства христіанской жизни германскія племена по собственному побужденію стали откликаться приблизительно начиная съ середины IX столѣтія: Алеманны устами одного священника, монаха Отфрида Вейссенбургскаго, баварцы устами того мірянина, который сочинилъ

пѣсню, извѣстную подъ названіемъ «Muspillī», саксы—трогательными семейными признаніями Агія, Ліудольфингскаго монаха изъ Ламшпринге (Lammspringe).

Отфридъ сочинялъ свою книгу Евангелій по настоянію одной высокопоставленной матроны и нѣкоторыхъ монаховъ и посвятилъ ее, кромѣ своего короля, архіепископу Майнцскому, епископу Констанцскому и двумъ достойнымъ братьямъ въ монастырѣ св. Галла (Gallus). Такимъ образомъ поэма является церковной, даже учено-церковной поэмой, написанной съ дидактической цѣлью. Сухо, хотя и искреннимъ тономъ, обусловленнымъ не столько поэтической интуиціей, сколько благочестивымъ чувствомъ, она передаетъ содержаніе Евангелій съ вѣрной послѣдовательностью, но совершенно не согласно съ своими латинскими источниками, заканчивается собственнымъ его изображеніемъ Воскресенія Христова и Страшнаго Суда.

Въ этомъ прибавленіи мы видимъ черту уже специфически-германской вѣры о будущемъ судѣ на томъ свѣтѣ. Это становится особенно очевиднымъ, когда мы видимъ, какъ трактуетъ эту же проблему «Muspillī», та замѣчательная поэма, которая найдена была на поляхъ одной рукописи, принадлежавшей нѣкогда Людовику Нѣмецкому. Поэма эта трактуетъ о судьбѣ души послѣ смерти. Послѣ того, какъ душа разсталась съ тѣломъ, за нее борются войска звѣзднаго неба и силы преисподней: душа съ тревогой ждетъ исхода. Тогда наступаетъ Страшный Судъ, подготовляемый борьбой пророка Иліи съ Антихристомъ. Кровь раненаго пророка падаетъ на землю: отъ этого загорается міръ; огонь пожираетъ и землю и небо и море; падаетъ мѣсяць; на землѣ наступаетъ день воздаянія, и душа дожидается своей участи. Раздаются звуки небесной трубы; всемірный судья направляется въ избранное царство; ангелы ходятъ по землѣ, чтобы разбудить мертвыхъ. Тогда должны явиться всѣ люди: «тогда должна заговорить рука, должна сказать свое слово голова, должны заговорить всѣ члены человѣческаго тѣла до мизинца и сказать, что дурного каждый изъ нихъ сдѣлалъ между людьми»...

Приблизительно черезъ два десятилѣтія послѣ сочиненія «Muspillī», въ 864 г. умеръ саксонскій князь Ліудольфъ: и онъ въ послѣднія минуты занять мыслью о Страшномъ Судѣ. Вотъ уже, думается ему, онъ низвергается въ глубину пропасти, но ухватился обѣими руками за вѣтвь и спасся; голосу, предвѣщающему уничтоженіе, онъ отвѣчаетъ, что онъ возлагаетъ свою надежду на Бога. И вотъ онъ видитъ поднимающееся къ небу дерево съ широко разросшимися вѣтвями: это — будущій родъ его, пышно расцвѣтетъ онъ, угодный Богу,—это домъ императоровъ Оттоновъ.

Въ этомъ изліяніи высоконастроенной германской души средины IX столѣтія духовное сливается со свѣтскимъ; только конкретный

шее пониманіе новой вѣры можетъ объяснить сложное содержаніе этого религіозно-династическаго видѣнія.

Иначе (хотя еще и вполне чувствительно) вѣрующіе X-го столѣтія представляютъ себѣ блаженство, уготованное для насъ Богомъ на небѣ. Тамъ нѣтъ ни бремени подкрадывающагося старческаго возраста, ни болѣзни, ни печалей; всѣ тѣла сохраняются, не увеличиваясь и не уменьшаясь, столь же прекрасными, какъ Господь Богъ Христосъ въ его совершенныхъ лѣтахъ: число праведниковъ никогда не уменьшится, они уже никогда не будутъ чувствовать страха передъ кознями дьявола.

Уже изъ вышеизложеннаго видно, что германцамъ этой эпохи совершенно чуждо было всякое сознательное духовное понятіе о дѣяніяхъ Спасителя; блаженство они понимали столь же непосредственно, какъ и ихъ предки, какъ полноту мужественныхъ силъ; они откровенно присоединяли къ божественному Христу дьявола, покореннаго силою милости и божественнаго просвѣтленія: основа ихъ отношенія къ христіанству — мистическая.

Съ возникшей для нѣмцевъ отъ IX до XI столѣтія благодаря такому религіозному состоянію душевной борьбой лучше всего можно познакомиться въ автобіографіи Otloh'a, того святого, который въ своемъ бѣгствѣ отъ міра странствовалъ изъ одного монастыря въ другой, пока не закончилъ благочестиво свои дни въ монастырѣ С. Эммерама въ Регенсбургѣ. Какъ часто обуревали его страшныя сомнѣнія, когда онъ, борясь и бодрствуя, не въ состояніи былъ перешагнуть черезъ пропасть, отдѣлявшую обычный ходъ жизни и высокія требованія Христа! Но никогда эти сомнѣнія не были для него метафизическими или догматическими, еще меньше онъ былъ способенъ къ ихъ рационалистическому разрѣшенію. Онъ со страстью отдается вѣрѣ, покаянію, убіенію плоти и только тогда во внутреннемъ просвѣтленіи находитъ спокойствіе христіанской совѣсти, — спокойствіе это достается ему при посредствѣ высшаго слова, при помощи внутренняго, совершенно конкретно представившагося ему голоса. Такимъ образомъ ежедневно борясь и спасаясь, благодаря супранатуралистической, хотя и вполне реально ощущаемой помощи, оказываемой сынамъ божіимъ, онъ доходитъ до твердой вѣры въ чудеса и до неутомимаго аскетизма.

Вѣра въ чудеса и аскетизмъ — наиболѣе отличительныя черты первой эпохи нѣмецкаго христіанства; они входятъ въ типичное пониманіе новаго ученія конца племенной эпохи и въ XII столѣтіи смѣняются созерцаніемъ, внутреннимъ видѣніемъ и самовоспитаніемъ мистики.

Еще монахъ Бертольдъ въ одной изъ своихъ проповѣдей предостерегаетъ: какъ нельзя созерцать блескъ солнца и не ослѣпнуть, точно также нельзя проникать въ тайны христіанской вѣры *wan ez*

ist den hohen meistern genuos. То, что здѣсь рекомендуется мірянамъ XIII вѣка, то въ X столѣтіи было общимъ и необходимымъ жизненнымъ требованіемъ. Вѣкъ Оттоновъ не философствовалъ, по крайней мѣрѣ въ религіозной сферѣ; *dialecticae rationes* въ ученіи о Тройцѣ Августина наводятъ блестяще одареннаго аббата Іоанна Горца на суетныя размышленія. Въ X столѣтіи во Франціи и еще болѣе въ Германіи далеки были отъ разумнаго пониманія христіанскихъ истинъ, къ которому въ нѣкоторыхъ кружкахъ стремились съ конца XI столѣтія; господствуетъ осязательный, непосредственный супранатурализмъ, стремящійся дойти до пониманія христіанскихъ истинъ путемъ правильнаго духовнаго созерцанія. Философскій способъ созерцанія самъ по себѣ не былъ неизвѣстенъ: древніе завѣщали его потомству, но оно не восприняло этого философскаго созерцанія. Такъ было въ ученіи о причащеніи. Здѣсь вино и хлѣбъ изображаютъ истинную плоть Христа, какъ прахъ, изъ котораго созданъ Адамъ, сталъ истинною плотью въ людяхъ: въ тайнѣ Евхаристіи достигается полное реальное соединеніе человѣка съ Богомъ.

Но насколько національная мысль дерзала проникать въ христіанскія таинства, она проникалась унаслѣдованнымъ отъ древнихъ сладкимъ трепетомъ символическихъ представленій, сохранившихся даже во внѣшнихъ отношеніяхъ ученія: такъ Отлохъ Эммерамскій воздвигаетъ въ своей *Liber de tribus quaestionibus* цѣлое зданіе мистическо-библейской теоріи чиселъ, видя въ Тройцѣ и Единицѣ святую, первобытную гармонию; на послѣдней зиждется все сущее, ею оно живетъ и умираетъ.

Такое умственное настроеніе должно было роковымъ образомъ останавливаться въ особенности на адѣ и чистилищѣ, такъ какъ церковь еще недостаточно выработала представленія о небѣ и его радостяхъ, — тѣмъ болѣе, что германскій духъ, какъ мы видѣли, въ особенности сосредоточивался на этихъ вопросахъ, а церковь со времени Григорія Великаго въ силу представленія о заступничествѣ и ходатайствѣ за умершихъ мѣсто мученія и загробныхъ радостей непосредственно связывала съ міромъ осязаемыхъ явленій. Все находящееся между небомъ и землей возбуждало фантазію вѣрующихъ и наполняло ее возвышеннымъ и мучительнымъ ужасомъ. И въ то время какъ прежнія поколѣнія рисовали себѣ болѣе мягкія картины неба и ада, теперь центромъ всѣхъ представленій явились чистилище и конецъ міра.

Очищающій огонь то былъ адомъ для осужденныхъ, которымъ смягченъ приговоръ, то чистилищемъ (*Purgatorium*); къ обоимъ этимъ представленіямъ присоединился рядъ фантастическихъ картинъ, богатую жатву которыхъ собралъ Данте. Представленія о концѣ міра превратились мало-по-малу въ рядъ правильныхъ, пластически рисуемыхъ событій, въ коихъ играетъ особенную роль появленіе антихриста. Онъ появится тогда, когда послѣдній король Франковъ, ко-

торый въ то же время римскій императоръ, по обращеніи въ христіанство всѣхъ іудеевъ добровольно отречется отъ своего владычества. Это будетъ прекраснѣйшій изъ всѣхъ императоровъ, онъ уничтожитъ всякое идолопоклонство, онъ соединитъ всѣ народы вокругъ имени Христа, онъ направится на поклоненіе въ Іерусалимъ и умирая, поручитъ свое царство Богу и Сыну Божію. Тогда появится изъ Вавилона антихристъ, сынъ ужаснѣйшаго развратника и самой завзятой блудницы, исчадіе дьявола, порожденное грѣхомъ, подражатель Христа и оболъститель челоуѣчества. Но царство его кратковременно; его умертвитъ Архангелъ Михаилъ, а Христосъ низвергнетъ его въ прахъ. И тогда настанетъ Страшный судъ.

Рядомъ съ этими догматическими фантазіями распространяется вѣра въ святыхъ. Учреждается уже цѣлая іерархія Святыхъ и превыше всѣхъ возвышается Марія, *virgo ante partum, virgo in partu, virgo post partum*, звѣзда моря, королева ангеловъ. Она воспѣта Седуліемъ (Sedulius) и Фортунатомъ (Fortunat), Родбертомъ (Rodbertus) и Радтрамномъ (Radtramnus); у нихъ уже доходитъ до догматическаго почитанія въ ней непорочнаго зачатія, какъ у ея матери Анны; ея ревностнымъ поклонникомъ является святой Ульрихъ Аугсбургскій, патріархъ Оттоновскихъ епископовъ; культъ ея проникаетъ повсюду; уже въ миниатюрныхъ манускриптахъ второй половины X столѣтія встрѣчается циклъ картинъ изъ жизни Маріи.

Когда святые блескомъ своимъ начинаютъ почти скрывать отъ взоровъ мірянъ выдающихся лицъ Библии, пышно расцвѣтаетъ поклоненіе мощамъ со всѣми его чудесами: казалось, что вернулись времена первой Евангельской эпохи: міръ переполненъ сверхъестественными силами, нѣтъ болѣе ничего невѣроятнаго; древне-германскій фатализмъ предается слѣпому уюванію на вездѣсущую помощь Господа и его Святыхъ.

Какъ старогерманскій фатализмъ породилъ и вскормилъ у нашихъ предковъ пылкое увлеченіе военными подвигами, такъ новый христіанскій фатализмъ наложилъ на нѣмцевъ X столѣтія печать божіихъ сподвижниковъ. Ведется постоянная борьба съ исчадіями ада, всѣ дурныя похоти которыхъ побѣждаются лишь суровымъ аскетизмомъ¹⁾.

Вначалѣ борьбу съ отцомъ лжи вели, строго придерживаясь церковныхъ нравственныхъ предписаній, въ тѣхъ ихъ формахъ, какія преподавали вѣрующимъ епископы и священники, не понимая смысла словъ Христа, что онъ явился для исполненія закона. Но скоро пошли дальше. Во время постовъ введены особаго рода покаянія,

1) Слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, что этотъ аскетизмъ вовсе не „новая форма проявленія“ прежняго восточнаго аскетизма. Это даже не былъ позднѣйшій римскій аскетизмъ, такъ какъ онъ исходилъ совершенно изъ другихъ мотивовъ, чѣмъ аскетизмъ восточный.

богослуженіе не прекращалось ни днемъ, ни ночью; молитвы, псалмопѣнія и слушаніе обѣдни, смѣняясь непрерывно, доводили до нервнаго напряженія, которое ставилось въ особую заслугу. Благочестивые свѣтскіе люди ввели, какъ общее правило, то, что церковь предлагала какъ исключеніе; они налагали на себя физическія мученія, лишая себя сна, отказываясь отъ половыхъ сношеній, пренебрегая заботами о тѣлѣ, нося причиняющую боль одежду, грубую власяницу; они постились, проводили время въ непрерывной молитвѣ и покаянныхъ пѣснопѣніяхъ, давали обѣтъ молчанія и наружнаго смиренія.

При этомъ нѣкоторые благочестивые люди такъ сосредоточивались въ себѣ и увлекались своими благочестивыми упражненіями, что теряли увѣренность въ реальности существующаго, думая, не есть ли все на этомъ свѣтѣ обманъ и навожденіе дьявола. Въ конечномъ результатѣ являлись скептицизмъ и отчаяніе, если Господь скоро не указывалъ томимой душѣ выхода изъ ея отчаянія ¹⁾.

Съ другой стороны нѣкоторые высокоодаренные аскеты погружались въ глубокія умственные созерцанія, они размышляли о страданіяхъ Христа, о красотѣ Маріи, о преимуществахъ жизни, посвященной Богу. Но эти размышленія въ большинствѣ случаевъ вращались только на антитезахъ: Христосъ, властитель міра, завернутый въ пеленки; властитель надъ звѣздами лежитъ въ ясляхъ; его лицо, на которое не осмѣливаются взглянуть херувимы, запачкано; руки, сотворившія міръ, пригвождены къ кресту: во всякомъ случаѣ эти размышленія были крайне далеки отъ созерцательныхъ рѣшеній міровыхъ вопросовъ позднѣйшей мистики.

Всѣмъ сосредоточеннымъ, посредственно одареннымъ натурамъ, аскетизмъ больше всего внушалъ удаленіе отъ міра. Въ этомъ сходились всѣ благочестивыя души; въ этомъ онѣ находили общій центръ тяжести своихъ силъ, этимъ путемъ онѣ дѣйствовали на всю церковь вообще, спасая ее, освобождая, оплодотворяя.

VI.

Время съ IX по XI столѣтіе составляетъ въ Германіи эпоху отшельниковъ и отшельницъ; никогда еще церковь не выдвигала столько святыхъ отшельниковъ, начиная съ святой Ліутбирги Гальберштадтской до святой Виборады изъ Санъ-Галлена и отъ св. Гумберта изъ Вердена до Гунтера — отважнаго отшельника богемскихъ горъ. Всѣ страны, всѣ племена дали тогда представителей отшельническо-аске-

¹⁾ Такъ Господь указывалъ свят. Ліутбиргѣ черное пятно на каждой дьявольской фигурѣ *in posterioribus*. *Vita Liuth.* с. 29.

тической жизни, не менѣе другихъ дало и недавно обращенное въ христіанство племя Саксовъ. Здѣсь уже въ эпоху Каролинговъ жила святая Ліутбурга, изнуренная постами и ночнымъ бденіемъ еще до того времени, какъ она замкнулась въ келію; тѣло истощено было непосильнымъ трудомъ и голодомъ, жизненные силы ослабли, оживленное выраженіе лица смѣнилось блѣдностью, кожа нависла надъ костями и тощими мускулами: таковъ былъ результатъ ея ночныхъ бденій!

Послѣ же того, какъ епископъ заточилъ ее въ ея келію съ тѣмъ, чтобы она никогда не покидала ее безъ крайней необходимости, она служила Господу непрерывными размышленіями, молитвой и благочестивымъ трудомъ, и питалась однимъ только хлѣбомъ, приправленнымъ солью и полевыми травами, лѣсными ягодами и дикими яблоками и только по воскресеньямъ и праздникамъ она принимала отъ сострадательныхъ людей рыбу и стручковые плоды. Сто лѣтъ спустя въ Вестфалии святая Сизу (Sisu) изъ Дрюбека прожила около шестидесяти четырехъ лѣтъ въ келіи, не покидая ее, безъ прохлады въ лѣтнюю жару, почти безъ огня въ зимнюю стужу; черви изѣдали ея тѣло и если они спадали, она въ благочестивомъ увлеченіи вновь подбирала ихъ и водворяла на свое тѣло.

То, что женщины въ безмолвномъ терпѣніи находили по близости обитаемыхъ мѣстъ, то мужчины находили большею частью въ меланхолическомъ уединеніи первобытныхъ лѣсовъ; не было ни одной покрытой лѣсомъ горы; гдѣ не жилъ бы какой нибудь святой. Блудульфъ живетъ въ Вогезскомъ лѣсу, Ламбертъ въ Арденскомъ, вдали отъ всякихъ сношеній, въ непроходимыхъ дебряхъ, въ сильной нуждѣ, даже еле одѣтые, вѣчно погруженные въ постъ и молитву; звонко раздаются ихъ пѣснопѣніе въ ночномъ мракѣ, и, соперничая съ птицами, они восхваляли Господа съ первыми лучами солнца.

Какъ удаленіе отъ міра у Ирландцевъ и Англо-Саксовъ когда-то выродилось въ непреодолимое стремленіе къ странствованіямъ, какъ средневѣковый человѣкъ чувствовалъ себя не менѣе одинокимъ среди чужеземцевъ, чѣмъ въ дикой пустынѣ первобытнаго лѣса, такъ и этими умами овладѣла новая страсть къ странствованіямъ. Святой Вольфгангъ, воспитанный въ Рейхенау, проявляетъ свою дѣятельность въ Трирѣ и Вюрцбургѣ, затѣмъ сдѣлавшись монахомъ въ Эйнзидлѣ ¹⁾, отправляется миссіонеромъ въ Паннонію, гдѣ онъ весьма неохотно принимаетъ приглашеніе занять постоянное епископское мѣсто въ Регенсбургѣ; еще болѣе странствовали святой Адальбертъ Пражскій и святой Бруно Кверфуртскій; вслѣдъ за мѣстнымъ па-

¹⁾ Einsiedel—богемскій городъ, по дорогѣ отъ Мариенбадена къ Карлсбадену.

ломничествомъ къ концу X столѣтія начинаются пиллигримства въ святую землю, въ мѣсто, гдѣ страдалъ Христосъ.

Всѣ эти проявленія религіозной жизни давно уже обратили на себя вниманіе руководителей церкви. Архіепископъ Бруно изъ Кёльна, братъ императора Оттона Великаго, подчинилъ наконецъ отшельниковъ особенно бдительному надзору.

Между тѣмъ еще раньше, чѣмъ явилась необходимость въ подобныхъ мѣрахъ, движеніе приняло болѣе правильныя формы: оно перешло въ сильное стремленіе къ реформѣ монастырской жизни.

Нигдѣ направленіе это не проявилось раньше, глубже и сильнѣе чѣмъ въ Лотарингіи. Это обусловлено было разнообразными причинами: близостью къ Франціи, гдѣ раньше чѣмъ въ Германіи обнаружилось стремленіе къ церковной реформѣ, возникшее главнымъ образомъ въ Клюни, — старой по культурѣ странѣ, уже въ теченіи столѣтій усвоившей церковный строй, — наконецъ, недавнимъ упадкомъ именно лотарингскихъ монастырей, много разъ попадавшихъ въ руки свѣтскихъ людей, вслѣдствіе чего тамъ легче, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, появлялась реакція набожности.

Въ Нижней Лотарингіи реформу старыхъ фландрскихъ аббатствъ провелъ подъ особеннымъ покровительствомъ фландрскаго графа Арнульфа, Герардъ, аббатъ изъ Брогне, монастыря въ Люттихскомъ епископствѣ. Важнѣе всего верхне-лотарингская монастырская реформа. Инициаторомъ ея былъ Іоаннъ Горце, изъ Вандіеръ (Vandière) на Мозелѣ. Аскетически и мечтательно настроенный, добровольно вступивъ въ монашество, онъ изучилъ въ Вердюнѣ строгое направленіе французской монастырской жизни, отправился затѣмъ въ Мецъ, прежде всего съ цѣлью сдѣлаться отшельникомъ, а въ концѣ концовъ послѣ дальнѣйшихъ странствованій по Италиі сталъ душою, а въ скоромъ времени и главою монастыря Горце возлѣ Меца, который епископъ Адальбертъ въ 933 г. избралъ мѣстопробываніемъ для него и другихъ подобныхъ ему людей. Онъ умеръ игуменомъ Горце въ преклонномъ возрастѣ въ 974 году.

Изъ Горце реформа распространилась по монастырямъ города и епископства Меца, по епархіямъ Тула и Вердюна, по крупнымъ аббатствамъ Ардениъ и отчасти нижней Лотарингіи. Подобныя же реформы коснулись непосредственно и Трира, ихъ вліянія достигли даже до Кёльна, благодаря доброжелательному поощренію великаго архіепископа Бруно. Тѣмъ временемъ распространяли реформу по Маасу и въ сѣверной Франконіи, частью и въ Кельнѣ шотландскіе монахи, которые соединяли жизнерадостность ирландскаго монашества съ континентальнымъ и въ особенности лотарингскимъ аскетизмомъ.

На правомъ берегу Рейна монастырская реформа проводилась не столь ревностно. Попытка Майнцаго архіепископа Фридриха I въ первые годы правленія короля Оттона I оказалась вполне неудачной;

мелкіе монастыри на первыхъ порахъ какъ будто подчинились, но въ Фульдѣ и также въ Корве всѣ старанія Майнцаго архипастыря ни къ чему не привели. Фридрихъ самъ не былъ такимъ человекомъ, чтобы настойчиво, серьезно и съ чистымъ сердцемъ проводить свои планы.

Въ Швабіи расцвѣтъ церковной жизни совпалъ съ прекрасной личностью св. Ульриха, бывшаго епископомъ Аугсбурга съ 924—973 годъ. Уже въ годы возмужалости въ порывѣ благочестія, онъ съ молитвой велъ женщинъ города на бой въ то время какъ мужчины Аугсбурга отражали Венгровъ у воротъ Аугсбурга, въ старости онъ все болѣе и болѣе склонялся къ аскетическому движенію; въ послѣдніе годы своей жизни онъ уединился въ монастырскую келью. Это направленіе должно было принести пользу монастырской реформѣ въ Швабіи, даже и тамъ, гдѣ (какъ напр. въ скитахъ около св. Мейнрада) реформа не вводилась въ страну чужеземцами.

Не расположены были къ реформѣ сначала въ Баваріи и Саксоніи. Даже тогда, когда Баварія примкнула къ западному движенію, руководящіе умы въ Саксоніи продолжали держаться въ сторонѣ: какъ Видукиндъ относился отрицательно къ попыткамъ Фридриха I, такъ и Титмаръ Мерзебургскій много разъ выражалъ порицаніе духовной жизни въ реформированныхъ монастыряхъ.

И онъ былъ не совсѣмъ неправъ. Національныя формы аскетизма, уже сами по себѣ грубочувственные, тяжеловѣсныя, а потому тяжело отзывавшіяся на духъ и тѣлѣ, доводились часто въ монастыряхъ до утонченнаго истязанія и нездороваго возбужденія духовной жизни.

До реформы монахи жили въ общежитіи, среди безобиднаго веселья. Уставъ почти не примѣнялся. Въ С.-Галленѣ, состояніе котораго намъ лучше всего извѣстно изъ прекрасныхъ описаній его монастырской хроники, находили, напр., что въ постные дни, кромѣ рыбы, можно употреблять въ пищу и птицъ, такъ какъ послѣднія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, сравнительно съ другими животными, имѣютъ все-таки много сходства съ рыбами.

Теперь это веселое, жизнерадостное, чувственное настроеніе исчезаетъ. Наивное удивленіе и непосредственное наслажденіе красотой внѣшняго міра смѣняется сомнѣніемъ въ законности такихъ чувствъ. Является стремленіе удаляться отъ общенія съ людьми. Уже одно воздержаніе отъ пищи или лишеніе себя сна путемъ бденій оказалось недостаточнымъ, теперь отрекаются и отъ высшихъ человѣческихъ потребностей: обѣтомъ молчанія отрекаются отъ обмѣна мыслей, обѣтомъ терпѣнія подавляютъ проявленія воли, обѣтомъ смиренія отказываются отъ права самосознанія.

И все это дѣлалось сладострастно, грубо, рѣзко. Недостаточно одной скромности; необходимо самоотреченіе. Авторъ одного

жизнеописанія говорить о себѣ ¹⁾. «Я бѣдный, глупый человекъ излагаю умнымъ людямъ мои маленькіе планы въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ создалъ мой скудный, жаждущій умъ». Само собою понятно, что такое ошибочное пониманіе нѣкоторыхъ добродѣтелей должно было приводить къ мучительнѣйшему самонаблюденію, у слабыхъ натуръ къ лицемѣрію, у сильныхъ къ заблужденію относительно себя и къ отчаянію.

Прибавимъ къ этому наркотизирующее времяпрепровожденіе днемъ и ночью въ молитвѣ, вызываемыя аскетическими кровопусканіями видѣнія и сновидѣнія, все болѣе и болѣе распространявшійся запахъ гнили и труповъ при постоянно усиливавшемся поклоненіи мощамъ: при подобныхъ условіяхъ духовная жизнь монаховъ должна была переходить въ нервный экстазъ.

Именно этого всѣми фибрами существованія и добивались; истерическое возбужденіе и фантастическій даръ пророчества считались высшими Божескими милостями очастливленныхъ служителей Христа: такъ напр., епископъ Вазонъ изъ Люттиха во время посвященія разразился стопами и слезами, не менѣе обильнымъ, чѣмъ тѣ, которыя проливаетъ семилѣтній мальчикъ подъ розгой учителя.

Такое настроеніе изъ чувственно-видимаго міра переносило въ міръ невидимый, духовный: и міръ этотъ былъ доступенъ только тѣмъ, кто своею аскетической жизнію заслужилъ милость свыше. Этимъ путемъ все поставлено въ зависимость отъ призыва свыше; умственный трудъ и высокія мысли выдающихся людей являются лишь милостью Господа. Почва ускользаетъ изъ подъ ногъ, только смерть открываетъ врата жизни: не даромъ въ кругахъ приверженцевъ реформы развивается опозитизированіе смерти.

Эта поэзія смерти сама по себѣ уже произноситъ приговоръ реформѣ, какъ историческому явленію: она была не отъ сего міра; жизнь ея была пуста; ея духовная жизнь — безлична; съ упадкомъ этой типической эпохи нашей культуры исчезаетъ и она. Но она успѣла оказать сильнѣйшее вліяніе на развитіе нѣмецкой церкви.

Вначалѣ X столѣтія пришла въ упадокъ даже внѣшняя жизнь нѣмецкой церкви. Нѣтъ больше соборовъ, провинціальныя синоды созываются рѣдко. Уваженіе свѣтскихъ людей къ духовенству почти исчезло; безнаказанно грабили, увѣчили, убивали священниковъ и епископовъ.

И вотъ наступаетъ религіозная реформа. Вытекая изъ глубины народной жизни, но впервые сложившись въ монастыряхъ, реформа эта создаетъ и осуществляетъ внѣшнее освобожденіе, существенно улучшивъ хозяйственное положеніе захваченныхъ ею учреж-

¹⁾ Vita Burch. Prolog. S. S. 4. 831. Авторъ былъ Вормскимъ клерикомъ, увлеченнымъ реформой.

деній и эмансипировавъ ихъ при помощи нѣмецкихъ королей Конрада I и Генриха отъ вліянія епископовъ. Едва освободившись отъ сильнаго вліянія іерархіи, она внутреннимъ духовнымъ вліаніемъ охватила и князей церкви; епископы Меца и Кёльна оказались наиболѣе увлеченными ея приверженцами, а въ скоромъ времени реформаторы заняли даже епископскія мѣста. Въ старый церковный организмъ проникла новая жизнь; кафедральныя учрежденія были копіями реформированныхъ монастырей; духовенство очищено отъ порочныхъ элементовъ и обновлено; церковная жизнь начинаетъ соотвѣтствовать расцвѣту національнаго христіанскаго благочестія.

Вдохновенные друзья реформы высоко подняли голову. Они смотрѣли на короля, какъ на объединителя государства, какъ когда-то франкская государственная церковь смотрѣла на императоровъ мірового государства; отъ него ждали они содѣйствія и помощи. И не напрасно. Какъ братъ Оттона, Бруно былъ самымъ ревностнымъ сторонникомъ реформы, такъ и Оттонъ Великій примкнулъ къ ней; никогда не надѣвалъ онъ корону безъ предварительнаго поста. Реформа, казалось, касалась и государства въ его внутреннихъ свѣтскихъ и его всемірныхъ внѣшнихъ отношеніяхъ: казалось, что внутри церкви она была достаточно сильна, чтобы разрушить весь старый іерархическій строй; и рядомъ съ нею стоитъ новое явленіе духовной жизни—возрожденіе въ эпоху Оттоновъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Возрожденіе при Оттонахъ; церковная реформа и міровая политика въ концѣ X и въ началѣ XI столѣтія.

I.

Послѣднія стадіи возрожденія эпохи Каролинговъ не находили поддержки на нѣмецкой почвѣ въ кругу свѣтскихъ людей, въ особенности при королевскомъ дворѣ. Придворныя школы, которыя при Карлѣ Великомъ и позднѣе во Франціи являлись центральными пунктами классическихъ работъ, къ востоку отъ Вогезовъ вскорѣ совсѣмъ прекратили свое существованіе, что понизило уровень образованія свѣтскихъ руководящихъ сферъ націи: король Конрадъ I вѣроятно, а Генрихъ I и навѣрное уже не умѣли читать и писать.

Все, что еще оставалось отъ классическихъ образовательныхъ элементовъ, въ виду сильнаго давленія образующагося древне-національнаго племеннаго государства, изображеннаго въ предыдущей главѣ, искало для себя убѣжища въ мѣстныхъ монастыряхъ: Санъ-Галленъ и Рейхенау, Фульда и Корве сдѣлались хранительницами классическихъ преданій въ Германіи: когда отецъ святого Вольфганга въ 940 году хотѣлъ дать своему сыну лучшее образованіе, онъ разыскивалъ его по монастырямъ и нашелъ въ Рейхенау.

Оттоны поддерживали и поощряли эти убѣжища классически-каролингскаго преданія, возстановляя церковную организацію, ставя саксонскую миссіонерскую церковь въ одинаковое положеніе съ прежней нѣмецкой церковью, отстаивая, наконецъ, независимость монастырей отъ многочисленныхъ нападеній епископовъ и бѣлаго духовенства.

Но тогда пламя новаго національнаго благочестія стало особенно разгораться въ монастыряхъ, монашескій аскетизмъ начиная съ середины X столѣтія сталъ все болѣе и болѣе поглощать всѣ другіе

духовные интересы. Удивительно и то, какъ слабая искра классическаго образованія еще не погасла!

Благочестивые умы давно уже признали несовмѣстимость античнаго духа съ христіанскою жизнью; уже святого Иеронима голосъ ангела предостерегалъ противъ древнихъ и сдѣлалъ его изъ поклонника Цицерона христіаниномъ. Папа Григорій Великій вполне уже сознательно формулировалъ этотъ контрастъ: уста, восхваляющія Господа Иисуса Христа, оскверняются произнесеніемъ имени древнихъ идоловъ. Такимъ образомъ въ Каролинскомъ возрожденіи произошла во всякомъ случаѣ перемѣна. Почти безъ всякаго смущенія современники Карла Великаго погружались въ сочиненія Теренція, Овидія, Вергилія, Сервія, Ювенала и Марціала, Цицерона, Саллюстія и младшаго Плинія; они цѣнили ихъ не менѣе великихъ умовъ ранней христіанской поэзіи: Авзонія, Седулія, Пруденція и только ревностному стремленію къ чтенію отъ VIII до X столѣтія мы обязаны сохраненіемъ классической литературы въ нынѣшнемъ ея объемѣ.

Но по мѣрѣ того, какъ церковный элементъ въ имперіи Каролинговъ IX столѣтія сталъ брать перевѣсъ, начали вновь сомнѣваться въ полезности такого рода чтенія. Аскетизмъ X столѣтія вполне выяснилъ опасность, связанную съ изученіемъ древнихъ. Ратерій изъ Вероны, этотъ аскетъ—чудакъ и неутомимый странникъ, выражается еще сравнительно мягко: сокровищами древнихъ можно украшать церкви лишь такъ, какъ дѣти Израиля украшали храмъ Іеговы тѣми золотыми и серебряными сосудами, которые они обманнымъ образомъ унесли отъ жителей Египта передъ своимъ уходомъ оттуда. Другіе держались болѣе суроваго мнѣнія; рѣчь заходила даже о томъ, что всѣ приверженцы древнихъ по смерти своей должны будутъ отдавать Богу особенно строгій отчетъ въ своемъ поведеніи ¹⁾.

Такимъ образомъ аскетическое направленіе все болѣе удалялось съ пути истиннаго возрожденія; сторонники этого направленія воспринимали античный образовательный матеріалъ лишь внѣшнимъ образомъ, съ формальной стороны.

Но въ то же самое время, когда строго-церковное направленіе грозило совсѣмъ отбросить классицизмъ, послѣдній получилъ новую поддержку, даже новое оживленіе въ императорской власти Оттоновъ.

Уже въ IX столѣтіи въ родѣ Ліудольфинговъ, по крайней мѣрѣ среди женщинъ, господствовало серьезное образованіе. Носительницей этого образованія была именно Ода, франкская супруга герцога Ліудольфа; видѣніе во снѣ ея матери побудило ее основать монастырь Гандерсгеймъ и назначить первой его аббатисой дочь свою Гатумоду (Hathumod), ту умную ниже-саксонку, которой монахъ Агіій, ея братъ, въ біографическомъ очеркѣ объ умершей воздвигъ трога-

¹⁾ Такъ говорили даже о Бруно (Brun) Кельнскомъ Thietm 2, 10.

тельный памятникъ братской любви. Гандерсгеймъ былъ тогда представителемъ классическаго образованія въ теченіи всего X столѣтія.

Въ свѣтскихъ сферахъ Ліудольфингскаго рода, какъ нѣкогда въ Германіи въ концѣ IX и началѣ X столѣтія, исчезло классическое образованіе; льстивый историкъ влагаетъ въ уста Генриха I слова, что онъ готовъ скорѣе радоваться своей мужицкой простотѣ, чѣмъ подвергаться опасности при усвоеніи тонкостей Цицерона ¹⁾; супруга Генриха Матильда въ глубокой лишь старости при возрастающемъ благочестіи постигла тайны чтенія и письма.

Не далеко ушелъ даже Оттонъ Великій, хотя онъ и говорилъ немного по-славянски и романски; но, какъ истый германецъ, онъ рѣдко снисходилъ до употребленія иностранныхъ языковъ, такъ-же какъ весьма рѣдко носилъ какое-либо иное одѣяніе, кромѣ отечественнаго.

Къ тому же громадное отличіе отъ Карла Великаго въ томъ и состояло, что онъ не обладалъ настоящимъ интересомъ къ образованію; классицизмъ, какъ жизненный идеалъ, для него всегда оставался непонятнымъ; поэтому онъ не усвоилъ понятія о своемъ государствѣ, какъ о всемірномъ, а всемірность онъ понималъ, какъ выраженіе нѣмецкаго превосходства надъ сосѣдними національностями.

Между тѣмъ уже давно, раньше, чѣмъ Оттонъ получилъ императорскую корону, задатки новаго возрожденія получили для себя доступъ къ его двору; ихъ носителями являлись не государь, а члены семьи послѣдняго: супруга короля Адельгейда, уроженка Бургундіи, братъ его Бруно, впоследствии ученый кельнскій архіепископъ отъ 940 до 953, канцлеръ имперіи, королевскія дочери и также незаконный сынъ Вильгельмъ, впоследствии архіепископъ Майнцскій.

Бруно болѣе другихъ способствовалъ расцвѣту новой жизни. До половины X столѣтія странствовали еще латинскіе грамматики изъ Италіи, Стефанъ и Гунцо Наварскій, направляясь къ нѣмецкимъ монастырямъ и монастырскимъ школамъ, учителями въ которыхъ были еще шотландскіе монахи; и теперь Бруно привлекъ къ очагу каролингскаго возрожденія—къ королевскому двору—выдающіеся умы Италіи и Британіи. Здѣсь столкнулись шотландскій епископъ Израэль и Ліутпрандъ Кременскій, историкъ верхнеиталійской, римской и византійской грязи; здѣсь вращались Ратерій изъ Вероны, нѣмецко-итальянскій искатель приключеній, и епископъ Рецемундъ изъ Эльвиры. Когда Бруно переселился въ Кельнъ, духовная жизнь при дворѣ не осиротѣла; его сводный братъ Вильгельмъ продолжалъ попрежнему черезъ посредство двора покровительствовать исторіографіи, и новая Пфальцская школа распространяла классическое образованіе среди подрастающаго поколѣнія туземной знати. Дѣти коро-

¹⁾ Liutpr. Antap. 4, 28.

левской семьи также получали здѣсь высшее образованіе, еще по-видимому въ формѣ образованія эпохи каролинговъ ¹⁾; прежде всего такое образованіе получилъ будущій государь Оттонъ II.

Оттонъ II, дѣйствительно, былъ преданъ тогда душой и тѣломъ классическому образованію, онъ относился къ ученымъ сферамъ совершенно иначе, чѣмъ его отецъ; съ доказательствами и возраженіями онъ лично вступалъ въ научныя пренія съ своими современниками. Къ тому же при немъ доселѣ почти недоступныя знанія классическихъ языковъ предвѣщали наступленіе періода классическаго образованія. Въ лучшія времена Каролинговъ знаніе греческаго языка было довольно распространено; въ первой половинѣ X столѣтія это знаніе распространялось черезъ посредство Ирландцевъ. Теперь Оттонъ II женится на гречанкѣ—Феофаніи; рядомъ съ политическими отношеніями къ Византіи выступаютъ общественныя, духовныя. Результатъ этого брака обнаружился въ царствованіе Оттона III. Послѣдній самъ владѣлъ греческимъ языкомъ не хуже, чѣмъ латинскимъ, съ его временемъ совпадаетъ полный расцвѣтъ, если уже не перезрѣлость возрожденія эпохи Оттоновъ;— онъ Эвфоріонъ (Euphoriön) ²⁾ X столѣтія. Какъ въ послѣдствіи въ позднѣйшую эпоху возстановленія классическихъ и имперскихъ притязаній при Штауфенахъ вырыты были останки императора Карла и объявлены мощами, какъ бы въ знакъ тѣсной идейной связи императорской политики съ политическими возрѣніями эпохи возрожденія Каролинговъ, точно такимъ же образомъ вызывается образъ великаго императора при Оттонѣ III, во время посѣщенія юнымъ императоромъ Ахенской могилы: и здѣсь также символически понимается и возвѣщается сходство духовныхъ проявленій времени съ культурой каролингскаго возрожденія ³⁾.

Такимъ образомъ специфически-императорскій характеръ, возрожденный при Оттонахъ, еще разъ энергически проявляется въ 1000 году, и вмѣстѣ съ тѣмъ противоположность настроенія церковныхъ сферъ до значительной степени исчезаетъ; какъ въ IX столѣтіи, такъ и теперь, церковь не могла вполне устоять противъ новаго образованія.

Саксонская императорская фамилія съ самаго возникновенія своего отличалась благочестіемъ. По прекращеніи внутреннихъ распрей и

¹⁾ Hrotsuit, Paphnutius und Sapientia 239 s. s. 278 s. s- ср. Köpke, Hrotsuit s. 208.

²⁾ Euphoriön—греческій поэтъ изъ Халкиды въ Эвбее; родившись въ 975 году и получивъ образованіе въ Афинахъ, онъ былъ въ послѣдствіи бібліотекаремъ короля Антиоха. *Прим. перев.*

³⁾ Даже въ частностяхъ связь между Оттоновскимъ и Каролингскимъ возрожденіемъ не была порвана. Теодульфъ Орлеанскій считается напр. и въ X столѣтіи авторитетомъ поэтической техники. Dümmler im N. Archiv. 4, 241 s.

по смерти своей первой супруги Эдгиды—стало быть одновременно съ первыми годами возрожденія при дворѣ—Оттонъ Великій при-
мкнулъ къ церкви. Такъ какъ онъ пользовался органами епископскаго
управленія для устройства государственныхъ дѣлъ, то должна было
возникнуть—въ особенности со времени императорской коронаціи въ
962 году, — масса духовныхъ, литературныхъ и художественныхъ
отношеній между дворомъ и отдѣльными епископствами. Церковь, ко-
нечно, принципиально не покидала и въ X столѣтіи ученія, разрабо-
таннаго въ вѣкъ Людовика Благочестиваго, о подчиненіи свѣтской
власти духовной. Ратерій изъ Вероны ясно и пространно настаиваетъ
въ своихъ «*Præloquia*», что король обязанъ слѣдовать совѣтамъ
епископовъ, а епископы за свое управленіе отвѣтственны передъ
однимъ только Господомъ Богомъ. На практикѣ, однако, отношенія
во вторую половину X столѣтія сложились такъ, что епископы и
политически и духовно вполнѣ вторглись въ придворную жизнь.

Такимъ образомъ возрожденіе прежде всего распространилось въ
епископскихъ резиденціяхъ. До сихъ поръ монастырскія школы были
главными носителями образованія, — теперь установлено монастыр-
ское преподаваніе. Кельнъ и Магдебургъ, Люттихъ и Гильдсгеймъ,
Эйхштадтъ и Регенсбургъ расцвѣтаютъ, какъ новыя резиденціи
музъ. Великіе писатели и святые конца X столѣтія и начала XI сто-
стоятія получаютъ свое образованіе именно въ этихъ резиденціяхъ,
пока въ позднѣйшее время на ихъ мѣсто не выступаютъ, преиму-
щественно въ Средней Германіи, кафедральныя школы въ Бамбергѣ,
Бюрцбургѣ, Майнцѣ и Шпейерѣ.

Не понятно ли само собой, что это новое движеніе должно было
наводнить монастыри?

Всюду монашеская жизнь этого времени создавала новыя учреж-
денія; уже при Оттонѣ I насчитывали въ Германіи болѣе сотни мо-
настырей, и не рѣдко въ одномъ монастырѣ скапливалось до двух-
сотъ монаховъ. Могла ли такая масса духовныхъ силъ долго оста-
ваться въ сторонѣ отъ сильнаго движенія, охватившаго государ-
ство и бѣлое духовенство? Старые монастыри эпохи каролинговъ
переживали также еще пышный вторичный расцвѣтъ, въ особен-
ности въ Швабіи и Франконіи, и достойными ихъ союзниками яви-
лись Тегернзее и Алтайхъ въ Баваріи, какъ центры науки. Въ
Саксоніи же, такъ сказать на глазахъ Оттоновъ, монастырская ду-
ховная жизнь достигла такого развитія, какого она еще никогда
не достигала и какой она уже никогда не достигнетъ. Въ IX столѣ-
тіи Саксонцы усвоили христіанское и классическое образованіе почти
съ такой же быстротой, съ какой во время оно ихъ англосаксонскіе
родичи усвоили само христіанство: какъ рядомъ съ Альдгельмомъ
стоятъ Кедмонъ и Биневульфъ, такъ рядомъ съ Агіемъ стоитъ

авторъ «Геліандъ»¹⁾). Такое быстрое усвоеніе образовательныхъ элементовъ предполагаетъ громадную врожденную силу фантазіи, чувства и разума. Это способствовало также быстрому и прочному развитію монастырской жизни. Въ то время, какъ въ юномъ Гандерсгеймскомъ монастырѣ съ трудомъ составила библіотека, пергаменты которой сохранились несмотря на нападенія Венгровъ, въ старомъ саксонскомъ монастырѣ Корве уже дошли до собственныхъ историческихъ сочиненій, и аббатъ его Бово II возбуждалъ уже среди своихъ современниковъ удивленіе своимъ знаніемъ греческаго языка. И какъ быстро послѣдовали за нимъ молодые монастыри. Въ Кведлинбургѣ вскорѣ выработалась образцовая по формѣ лѣтопись; въ Гильдсгеймѣ посвящали себя преимущественно искусствамъ; въ Гандерсгеймѣ выросла и слагала поэмы Гросвита, въ то время, какъ Видукиндъ въ славныхъ залахъ Корвейскаго монастыря писалъ исторію Саксоніи.

Такимъ образомъ, не смотря на аскетизмъ, возрожденіе нашло для себя откликъ въ монастыряхъ, классическіе образовательные элементы находили широкій доступъ въ среду благаго духовенства и монаховъ, а дворъ удерживалъ руководящее положеніе, завербовавъ случайно въ свою сферу главнаго представителя движенія, нѣкоего Эккегарта II изъ Санъ-Галлена.

Поэтому потокъ этого возрожденія гораздо сильнѣе, чѣмъ соответствующее движеніе при Каролингахъ, разлился по самымъ разнообразнымъ сферамъ. Центромъ служилъ дворъ: здѣсь дѣло происходило въ духѣ позднѣйшей гуманистической духовной жизни, только болѣе тяжеловѣсной; рядомъ съ учеными играли роль женщины, и эта роль, благодаря женственно-благочестивому аскетизму, получила особую окраску. Болѣе широкій, болѣе распространенный кругъ составляло затѣмъ высшее дворянство, которое въ то же время занимало и высшіе мѣста въ церковномъ управленіи, и сыновья котораго нерѣдко встрѣчались среди монаховъ большихъ монастырей. Это дворянство получило также классическое образованіе, герцогиня Гедвига изъ Швабіи коротаетъ скучное время своего вдовства въ чтеніи *Виргилія*, другіе читали вмѣстѣ съ тѣмъ и древнія латинскія забавныя поэмы *Modus Liebinc* или *Mendosa cantilena*; наконецъ многія изъ нихъ находили несомнѣнно удовольствіе въ двухсмысленностяхъ *Теренція* или въ непристойныхъ описаніяхъ *овидіевскихъ метаморфозъ*. Но за этимъ кругомъ стоялъ еще одинъ болѣе

1) *Helian d* значитъ собственно „Спаситель“. Подъ этимъ названіемъ известна одна древне-саксонская поэма первой половины IX в., въ основѣ которой лежитъ Гармонія Евангелій—Таціана. Въ поэмѣ изображается земная жизнь Спасителя, который, сообразно представленіямъ того времени, представленъ предводителемъ дружины — апостоловъ, отличающихся храбростью въ сраженіи, мудростью въ совѣтѣ и безграничной преданностью своему князю—Христу.

солидный кружокъ, включавшій въ себя всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе причастенъ былъ къ управленію государствомъ или Церковью; въ него входили всѣ болѣе обеспеченные свободные. Всѣ они не могли отстраниться вполнѣ отъ вліяній новаго образованія (вѣдь между ними вращались отчасти младшіе сыновья высшаго дворянства, претендовавшія на высшія мѣста именно въ Церкви); всѣ они знали немного по латыни, или по крайней мѣрѣ знали тотъ смѣшанный жаргонъ, который выработался изъ нѣмецкаго и латинскаго языка. Всѣ они такимъ образомъ были потеряны для воздѣйствія нѣмецко-національнаго образованія; изъ нихъ то и вышла та масса грубаго полуобразованія, въ которомъ лежитъ ключъ къ пониманію того, почему мы такъ мало знаемъ о происхожденіи нашей національной героической пѣсни, о судьбахъ аллитераціи и объ измѣненіяхъ въ древне-германскомъ стихосложеніи.

Эпоха возрожденія при Каролингахъ ураганомъ пронеслась по вершинѣ общества; возрожденіе же эпохи Оттоновъ, само по себѣ менѣе богатое, можно сравнить съ приливомъ: оно захватило болѣе обширные круги, хотя и гораздо слабѣе. Возрожденіе при Каролингахъ первоначально было вполнѣ свѣтскимъ и императорскимъ, Оттоновское же съ самаго начала, хотя и было по преимуществу придворнымъ движеніемъ, но было одновременно и свѣтскимъ и церковнымъ. Возрожденіе Каролинговъ старалось выработать изъ себя и осуществить полный жизненный идеалъ античнаго міра; Оттоновское же возрожденіе не вызвало такого страстнаго стремленія. Мало умовъ жаждало благъ первобытной эпохи въ такой степени, какъ Гросвита, но и она исторически вѣрно изображаетъ свои собственные стремленія въ сопоставленіи съ классическою древностью, когда вкладываетъ въ уста своихъ героевъ слова: «скудная капля, случайно упавшая съ скорлупы учености, по пути увлажнила мои губы».

II.

Прежде всего можно убѣдиться путемъ изслѣдованія въ области пластическихъ искусствъ, что даже чисто-заимствованныя проявленія въ искусствѣ гораздо больше проникнуты германскимъ духомъ, чѣмъ при Каролингахъ. Такъ, напримѣръ, въ техникѣ финифтяныхъ работъ, которыя, хотя и имѣютъ въ своемъ основаніи древнее преданіе и новое византійское ученіе, всетаки именно въ лучшихъ произведеніяхъ своихъ сохранили преимущественно германско-орнаментальный характеръ; еще болѣе замѣтно это въ произведеніяхъ изъ слоновой кости, объ школы которой, рейнская и саксонская, не смотря на сильныя древнія и византійскія вліянія въ самыхъ интересныхъ своихъ твореніяхъ придерживаются германскаго идеала формы.

Но ни въ чемъ другомъ нельзя лучше изслѣдовать, что въ искусствѣ оттоновскаго возрожденія было германскимъ и что позаимствовано, какъ въ сохранившихся въ необыкновенно большомъ количествѣ рисункахъ въ книгахъ X и частью XI столѣтія. Потому что въ этой именно области вліяніе двора ступшеывалось въ особенности передъ мѣстнымъ самостоятельнымъ развитіемъ. Только немногіе изъ нашихъ крупныхъ миниатюрныхъ манускриптовъ X и XI столѣтія поощряемы были или даже возникли въ королевскихъ замкахъ; во всякомъ случаѣ уже рано школы миниатюровъ процвѣтали въ Санъ-Галленѣ и въ Рейхенау, въ Эхтернахѣ и Трирѣ, въ Гильдесгеймѣ и Регенсбургѣ и, конечно, ихъ всѣхъ превзошла въ концѣ X столѣтія знаменитая Кельнская школа, вліяніе которой широко распространилось на второстепенныя школы въ нижнесаксонскомъ Бременѣ и франкскомъ Лимбургѣ.

Что отличаетъ работы всѣхъ этихъ школъ, которыя сами по себѣ различны по художественному значенію и количеству своихъ произведеній, — такъ это-то, что онѣ всѣ проникнуты каролингской и древнехристіанской, случайно также и византійской традиціей, съ все усиливающимися при этомъ примѣсями германскаго духа. Если каролингское искусство, вначалѣ рабски подражавшее основамъ классическаго преданія, въ послѣдствіи стремилось къ наивозможно близкому усвоенію его духа, то оттоновское искусство за немногими исключеніями (такъ наприм., за исключеніемъ въ особенности школы Рейхенау) становится на точку зрѣнія менѣе высокую и болѣе наивную. Безъ дальнѣйшаго размышленія оно желаетъ усвоить себѣ это искусство, насколько это для него доступно, оно желаетъ сдѣлать его пригоднымъ для пониманія своего времени и затѣмъ по измѣненнымъ изображеніямъ продолжать самостоятельно дальнѣйшее творчество.

Такимъ образомъ заимствованные типы и образцы теряютъ свое римское достоинство, свою классическую величественность; они теряютъ свое монументальное спокойствіе; они начинаютъ, хотя еще съ подавленной страстностью, поддаваться нѣмецкому настроенію, — начинаютъ жестикулировать; его участіе, выражавшееся до сихъ поръ при посредствѣ болѣе тонкаго искусства, становится оживленнѣе, оно проявляется во внѣшнемъ движеніи и энергичной осанкѣ.

Но въ то же время, по странному противорѣчію, контуры этихъ фигуръ болѣе сложны, чѣмъ когда-либо. Мягкія плавныя лініи древнихъ складокъ исчезаютъ, одѣянія изображаются орнаментально; вмѣсто красиво набросанныхъ выпуклостей появляются кругообразныя, на-половину каллиграфически выполненныя извивы, въ особенности въ складкахъ одежды около талии; ноги также какъ бы обуты въ завитые каллиграфическіе эллипсы. По всей одеждѣ безъ всякаго отношенія къ изгибамъ и складкамъ разбросаны пестрыя точки и крапинки: въ самомъ простомъ произведеніи желали, ка-

жется, удовлетворить запросамъ тогдашняго вкуса. Орнаментально обрабатывалось лицо съ углами бровей и рта; орнаментально изображено даже и голое тѣло: ребра и груди, какъ и всѣ важнѣйшія группы мускуловъ, изображались чисто систематично и обозначались типичными бѣлыми, розовыми и красными крапинками.

Въ употребленіи красокъ беретъ при этомъ верхъ тотъ вкусъ, направленіе котораго замѣтно уже въ нѣмецкихъ произведеніяхъ каролингскаго періода. Краски имѣютъ прежде всего чисто орнаментальное значеніе. Если художнику покажется подходящимъ употребить опредѣленную краску въ опредѣленномъ мѣстѣ, то киноварно-красные орлы взвиваются къ вишнево-краснымъ облакамъ, сѣро-желтые ослы пасутся на голубомъ фонѣ, черно-красныя деревья поднимаются къ зеленымъ небесамъ, вишнево-красныя быки тащатъ золотые плуги, изображенные предметы отбрасываютъ красныя и зеленыя, желтыя и голубыя тѣни. Если подобныхъ странностей иногда и избѣгали, когда работами посредственно или непосредственно по классическимъ образцамъ, то все же въ произведеніяхъ того времени можно отмѣтить лишь гармонію красокъ. Краски Каролингскаго времени были ярки и веселы, преобладали всѣ роды празднично-краснаго цвѣта, въ особенности почти ярко желтокрасный, подкрашивали, иногда даже моделировали золотомъ, люди изображались съ очень смуглыми лицами, что намекало на постоянное здоровое пребываніе на чистомъ воздухѣ. Въ этомъ пунктѣ съ развитіемъ возрожденія эпохи Оттоновъ происходитъ внезапная перемѣна. Моделируютъ сперва въ бѣлую краску, потомъ въ сѣрую; освѣщеніе усиливаютъ дополнительными красками, въ концѣ концовъ моделируютъ даже зеленую — желтой, красную — голубой; прежняя яркая палитра смѣняется мрачной, грязной, въ которой всѣ свѣтлыя цвѣты замѣнены сѣро-коричневою окраской; наконецъ даже части тѣла окрашиваютъ въ зеленый цвѣтъ, что придаетъ имъ мертвенно-блѣдный видъ. Не монашескій ли аскетизмъ обуславливалъ всѣ эти измѣненія красокъ въ національномъ искусствѣ? Вѣрно то, что одѣянія свѣтскихъ еще долго сохраняли веселую гармонію красокъ Каролинговъ¹⁾, и что краски X и XI столѣтій уступали мѣсто болѣе удачному сочетанію красокъ временъ Штауфеновъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ аскетическаго направленія.

Уже въ X столѣтіи германскій духъ разлагающимъ образомъ проникъ въ античное преданіе. Въ изображеніи сценъ опъ руководствовался совершенно вліаніемъ древне-національныхъ сокровищъ въ символической передачѣ формъ²⁾. Какое, напр., богатство выраженій.

1) Это видно по портретамъ конца X и начала XI, ср. напр. Генриха Сварливаго in Cod. Ed. II, II Бамбергской бібліотеки.

2) На этотъ пунктъ слишкомъ мало обращали вниманія. Сравни Lamprecht въ Бонскихъ Jahrbüchern 70, 95 s.

выработалось въ нѣмецкомъ правѣ изъ символическаго пользованія движеніемъ рукъ. Съ опредѣленной манерой держать руки передъ судомъ связывался рядъ вполне опредѣленныхъ юридическихъ поступковъ: опекуномъ былъ или дѣлался тотъ, кто свою руку дѣйствительно простираетъ надъ опекаемымъ; отказывался отъ имущества тотъ, кто отстранялъ отъ него руку: въ тысячѣ уцѣлѣвшихъ выраженій сохранилось у насъ еще воспоминаніе о быломъ символическомъ значеніи рукъ (zu Händen jemandes schicken — отправить въ руки; auf Händen tragen — носить на рукахъ; in Händen führen). Но не меньшее символическое значеніе имѣли также и движенія другихъ членовъ человѣческаго организма, какъ и вообще жесты человѣка. Какъ легко было перенесеніемъ этой древней понятной символики на картину оживить изображенія, даже сдѣлать ихъ понятными! А разъ это случилось, въ античное преданіе проникъ элементъ, который долженъ былъ мало по малу вытѣснить его композиціи.

И германскій духъ, при богатой поддержкѣ своего символическаго способа выраженія, сталъ упражняться въ новыхъ твореніяхъ. Содержаніе Евангелій стали больше иллюстрировать, чѣмъ прежде, и неисчерпаемая книга Апокалипсиса, постоянно вдохновляя, изображалась въ картинахъ съ тою искренностью германскаго духа, которая не покидала его до мечтательныхъ изображеній Дюрера и до величественныхъ изображеній Корнелія.

Какъ способы художественной передачи, такъ и языкъ литературы эпохи возрожденія, латынь, подвергся нѣмецкому вліянію гораздо больше, чѣмъ въ VIII и IX столѣтіи. Эта новая латынь возрасла именно на германской основѣ; пока еще тяжеловѣсная, полная грубыхъ германизмовъ и испорченныхъ остатковъ вульгаты (Vulgata) ¹⁾ и классическихъ писателей, зачастую обезображиваемой грудой фразъ и глупыми затѣйливыми выраженіями, съ XI столѣтія въ слогѣ Ламберта фонъ Герсфельда и историка Рейхенау достигаетъ блестящей эпохи органическаго своего строенія и истинно стилистическаго развитія.

Уже во второй половинѣ X столѣтія языкъ этотъ сталъ орудіемъ перваго крупнаго труда по нѣмецкой исторіографіи. Дѣянія Генриха I могъ описывать современникъ французъ, Флодоардъ изъ Реймса, времена Оттона Великаго изображаютъ уже Видукинды, Гросвита, Руотгеръ и продолжатель Регинона. То былъ историческій трудъ, возникшій главнымъ образомъ по германскому почину: основаніе саксонскаго королевства, возстановленіе императорскаго сана доставляли историческій матеріалъ, италійскіе и славянскіе походы, съверовосточная миссія и путешествія въ обѣтованную землю давали географическій

¹⁾ Подъ „Вульгатой“ разумѣлся обыкновенно латинскій переводъ Свящ. Писанія бл. Иеронима.

матеріаль; въ сущности одна только форма историческаго описанія была латинская. Гросвита имѣла полное право хвалиться:

*Sed non exemplum quisquam mihi praeiuit horum,
Nec scribenda prius scripti docuere libelli.*

Правда, та же Гросвита смотрѣла на подвиги Оттона въ Германіи совершенно иначе, чѣмъ Видукинъ, какъ на одно лишь подготовленіе къ вѣнчанію себя императорскою короною, и двѣ пятыхъ объема ея *Gesta Oddonis* обнимаютъ два года, въ теченіи которыхъ театромъ дѣйствія является Италія. Гросвита была не только историкомъ, — и какъ поэтеса она заняла одно изъ видныхъ мѣстъ во время оттоновскаго возрожденія, и, пожалуй, въ поэзіи больше, чѣмъ въ исторіи, удержаны ею основы классическаго преданія.

Это доказывается уже тѣмъ, что Гросвита извѣстна главнымъ образомъ какъ драматическая писательница. Кто съ нѣмецко національной точки зрѣнія могъ помышлять о драмѣ въ X столѣтіи! Должны были пройти цѣлые вѣка прежде, чѣмъ совершенно другіе, гораздо высшіе культурные интересы настроили нѣмцевъ на драматическій ладъ. Гросвита же писала спокойно, вполне въ духѣ классическихъ теченій эпохи возрожденія, своего Авраама и своего Пафнугія, — не говоримъ уже о менѣе значительныхъ драмахъ.

Конечно и въ этомъ отношеніи она оставалась вѣрна своему времени. Ея драмы — только рассказы въ той драматической формѣ, которой позднѣе съ успѣхомъ пользовались монахъ Пурхардъ изъ Рейхенау въ его дѣяніяхъ аббата Витиговоса, Винопъ въ Тетралогіи, въ извѣстномъ смыслѣ также Германъ въ своей дидактической поэмѣ: *De octo vitiis principalibus*.

Искусство Гросвиты занимало средину между древнегерманской героической пѣснею и родомъ комедій Теренція, которымъ она вдохновлялась при сочиненіи своихъ произведеній. Цѣлью ея отнюдь не былъ драматическій эффектъ, какъ таковой; она поставила себѣ чисто моральную задачу и принялась за драму только для того, чтобы вытѣснить безнравственнаго Теренція, «чтобы похвальное цѣломудріе святыхъ дѣвственницъ прославить въ томъ же родѣ поэзіи, въ какомъ до сихъ поръ воспѣвался отвратительный развратъ распутныхъ женщинъ».

Такимъ образомъ цѣль ея достигалась, если только она живо и достоверно расскажетъ, а это ей болѣею частью удавалось въ формѣ драмы, не смотря на полное отсутствіе драматическихъ способностей. Потому что, хотя ей и недоступны были законы драматической психологіи, она всетаки, какъ истинная поэтеса, умѣетъ естественно изобразить душевныя движенія, умѣетъ описывать страстныя настроенія со всей психической наивною своего времени, и не рѣдко въ мотивировкѣ сглаживаетъ тривіальную манеру замысла.

Но эти достоинства не меньше отражаются и въ ея легендахъ: и здѣсь она любитъ напряженные, частью изъ настоящаго времени заимствованные сюжеты, избираетъ темы, особенно близкія для женскаго сердца (а исключительно для женщинъ она и пишетъ), напр., проблему о сохраненіи цѣломудрія при всякихъ обстоятельствахъ, и очаровываетъ блестящимъ живымъ изображеніемъ.

Во многихъ отношеніяхъ произведенія Гандерсгеймской монахини были высшей точки развитія возрожденія эпохи Оттоновъ, и въ нихъ несомнѣнно воплощается классическій духъ развитія X столѣтія. Ибо въ послѣдствіи латинская поэзія все больше проникала въ Германскую, пока наконецъ съ началомъ великой эпохи національной поэзіи при Штауфенахъ она не вымираетъ окончательно.

Оставляя въ сторонѣ Гимнику (Hymnik), этотъ страстоцвѣтъ (Passionsblume), выросшій изъ крови Христа и не вдохновившійся уже больше никакими чисто классическими мотивами, и другіе роды латинской поэзіи по содержанію своему скоро становятся народными. Животный эпосъ обрабатывается популярно, появляются народныя новеллы и легенды; какъ поэма «Вальтера» (Waltharilied) ¹⁾ построена была на вопли германскомъ сказаніи, такъ позднѣе и въ «Руодлибѣ» (Ruodlieb) ²⁾ мы находимъ въ латинской обработкѣ, по крайней мѣрѣ отчасти, нѣмецкій матерьялъ. Вообще преобладаетъ, соотвѣтственно національному духу, эпосъ, и латинская форма эпоса все болѣе и болѣе проникается нѣмецкими инстинктами. Создается ритмическая проза и прозаическія рифмы; въ эпическомъ стихѣ, гекзаметрѣ, начинаютъ употреблять рифму и аллитерацію. Сравненія, какъ и въ народномъ эпосѣ, избѣгаются: языкъ точный, сжатый, и охотно подается волнамъ новышащагося и понижающагося чувства. И этимъ измѣненіемъ подвергаются не только произведенія мѣстнаго содержанія, онѣ не менѣе захватываютъ и обработку классическихъ басенъ; ни одна поэма не является болѣе яснымъ выраженіемъ этого теченія, какъ затѣйливое *Carmen de bello Trojano*—Берно (Bernos).

Все болѣшимъ усвоеніемъ нѣмецкой техники и нѣмецкаго содержанія, нѣмецкаго вкуса и нѣмецкаго настроенія поэзія оттонов-

1) *Waltharilied* латинская поэма, написанная гекзаметромъ, въ которой описывается пребываніе Вальтера Аквитакскаго у Атилы, бѣгство его съ Гильдегундой, дочерью короля Генриха Бургунскаго, столкновеніе его вблизи Вормса съ витязями короля Гунтера и съ самимъ Гунтеромъ: основой для этой поэмы, полагаютъ, была одна нѣмецкая пѣсня, которая была очень распространена въ X вѣкѣ.

Прим. перев.

2) *Ruodlieb* написанъ въ XI стол. (около 1050 г.). Шереръ считаетъ эту латинскую поэму рыцарскимъ романомъ, написаннымъ съ дидактическими цѣлями. Содержаніе его составляетъ исторію одного витязя, отиравившагося на службу къ королю Африки и получившему въ награду за свою 10 лѣтнюю службу два хлѣба, наполненныхъ золотомъ и 12 мудрыхъ изреченій.

Прим. перев.

скаго возрожденія подписала себѣ свой смертный приговоръ. Когда ея послѣдніе побѣги исчезли на зарѣ эпохи Штауфеновъ, стало ясно, что и возрожденіе эпохи Оттоновъ также мало, какъ и Каролингское и гуманистическое, дало прочныхъ результатовъ для національной поэзіи. Результатомъ этого возрожденія, по существу, какъ и предшествовавшаго и послѣдующаго, было знаніе, усиленіе стремленія къ научному. Подобно тому, какъ во время расцвѣта оттоновскаго возрожденія процвѣтала нѣмецкая исторіографія, точно также подъ вліяніемъ классическихъ заимствованій возникла въ Италіи юридическая школа въ Болоньѣ, а во Франціи достигаетъ высшихъ результатовъ академическая наука въ Парижѣ—схоластика. Такимъ образомъ въ этомъ движеніи палма первенства окончательно выпала на долю романскихъ народовъ. И невозможно понять умственное и политическое развитіе нашего народа въ концѣ X столѣтія безъ хотя бы поверхностнаго знанія исторіи романской умственной жизни X столѣтія.

III.

Движеніе, вызванное Каролингскимъ возрожденіемъ, наводнило Францію и Италію непосредственно и съ гораздо большею силою, чѣмъ Германію: оно нашло здѣсь значительно болѣе древнюю культурную почву, вслѣдствіе чего и развивалось здѣсь съ самаго начала съ большей силой. При этомъ характернымъ фактомъ для обѣихъ странъ является полное воспріятіе духовнаго образованія главнымъ образомъ черезъ посредство церковной іерархіи, потому что въ обѣихъ мѣстахъ императорская власть пала, не создавъ вмѣсто себя твердой свѣтской власти, которая могла бы служить прочной точкой опоры для дальнѣйшаго классическаго воспріятія. Такимъ образомъ прежде всего представителями движенія явились епископы: это утонченно-образованные церковные владѣтели съ хорошимъ вкусомъ, но не духовные князья, не набожные священники.

Изъ этихъ двухъ странъ имѣетъ большее значеніе Франція, какъ для современнаго, такъ и для позднѣйшаго развитія. Въ сѣверной Италіи, въ главномъ центрѣ итальянскаго движенія, при полномъ господствѣ духовенства достигнуто было въ концѣ концовъ лишь образованіе формалистической юриспруденціи и безсодержательной риторики; главнымъ дѣломъ была забота о возникавшемъ національномъ языкѣ: потому что уже Наварскіе грамматики половины X столѣтія говорили съ особой тщательностью простонародною латынью и уже въ историческихъ сочиненіяхъ діакона Іоанна, секретаря дожа Петра II Орсеоло въ концѣ X и началѣ XII столѣтій встрѣчаются корни венеціанскаго діалекта.

Во Франціи, напротивъ, уже въ IX столѣтіи процвѣтала въ Реймсѣ,

отнынѣ передовомъ постѣ движенія, сильная историческая традиція возрожденія, которую могущественный архіепископъ Гинкмаръ заботливо охранялъ, а историкъ Рише (Рихеръ) съумѣлъ здѣсь изобразить судьбы каролингскихъ эпигоновъ въ тонѣ и манерѣ классическихъ исторіографовъ. Это сильное теченіе приняло даже политическое направленіе во второй половинѣ X столѣтія; тогда отсюда еще разъ сдѣлана была попытка поставить епископовъ въ независимое положеніе къ папѣ до псевдоисидоровыхъ декреталій и обезпечить нѣкоторую независимость за туземной церковью.

Въ X столѣтіи рядомъ съ Реймсомъ центрами классическаго образованія стали Парижъ, Орлеанъ, также Сенсъ (Sens) и Туръ, пока Фульбертъ—отъ 1007 до 1029 г. епископъ Шартрскій—ученикъ великаго Герберта въ Реймсѣ, не основалъ въ Шартрѣ блестящую школу, въ которой рядомъ съ музыкантами и врачами, грамматиками и теологами выдвинулся больше всѣхъ Бернгаръ Турскій, защитникъ ученія Пасхазія Радберта о причащеніи Святыхъ Таинъ, первая крупная фигура въ преддверіи схоластики.

Но рядомъ съ классическимъ направленіемъ среди романскихъ націй въ сѣверной Франціи и сѣверной Италиіи на церковно-религіозной почвѣ возникло и народное движеніе, которое также, какъ и въ Германіи, привело къ вѣрѣ въ чудеса и аскетизму. Но такъ какъ здѣсь движеніе это не было задержано или отклонено по другому направленію новымъ расцвѣтомъ императорской власти и послѣдующимъ за этимъ возрожденіемъ, какъ въ Германіи, то оно могущественно разрослось здѣсь, сдѣлавшись руководящимъ умственнымъ настроеніемъ романцевъ вообще.

Движеніе это вначалѣ распространилось по Италиіи на югъ и въ срединѣ страны, во Франціи главнымъ образомъ на югъ и востокъ.

Центромъ французскаго движенія вскорѣ сдѣлался монастырь Клюни въ Маконѣ. Среди голой пустыни, гдѣ раздавался лишь охотничій крикъ, да лай собакъ, герцогъ Вильгельмъ Аквитанскій основалъ Клюни въ 910 году при весьма скудной обстановкѣ; въ видѣ особой милости Клюни поставленъ былъ подъ непосредственное покровительство Рима.

Будучи такимъ образомъ независимымъ съ самаго начала, монастырь въ придачу еще получилъ игумена Берно, главу суроваго монастырскаго движенія юга; ему предстояла, повидимому, великая будущность. Однако же настоящій расцвѣтъ начался собственно при второмъ игуменѣ, Одо. Отпрыскъ образованной фамиліи изъ Майна, Одо уже взрослымъ человѣкомъ вступилъ въ духовное званіе; при самомъ строгомъ благочестіи и суровѣйшемъ воздержаніи, онъ прежде всего обладалъ для осуществленія своей задачи вмѣстѣ съ истинной сердечной добротой еще и необычайнымъ талантомъ руководителя, что было важно при особенномъ характерѣ французскаго аске-

тизма, который въ противоположность групповому дѣленію нѣмецкаго движенія по отдѣльнымъ монастырямъ, здѣсь вскорѣ пришелъ къ централизаци, къ единой организаціи подъ общимъ главенствомъ. Въ качествѣ игумена Клюни Одо принялся немедленно расширять устарѣвшую форму монашеской жизни своего монастыря, основанную на уставѣ Бенедикта Аніанскаго (von Aniane) ¹⁾, опъ реформировалъ и подчинилъ надзору уже большое количество монастырей въ Бургундіи, Аквитаніи и сѣверной Франціи, между прочимъ Флери въ округѣ Орлеанскомъ, этотъ центръ позднѣйшаго специфически средне-французскаго аскетизма. И эта централизаци французскаго движенія была вдвойнѣ важна потому, что уже Одо сумѣлъ связать его съ папствомъ и перенести его вліяніе въ Италію, главнымъ образомъ въ Римъ.

По смерти Одо, при послѣдующемъ игуменѣ, занятомъ болѣе хозяйственными интересами, реформа пріостановилась до 945 г., когда вступилъ Маіолусъ (Majolus) въ качествѣ соигумена. Маіолусъ устроилъ наилучшимъ образомъ благосостояніе монастыря; во время своего продолжительнаго игуменства—онъ умеръ въ 994 году—онъ установилъ принципъ абсолютнаго послушанія всѣхъ подчиненныхъ монастырей и монаховъ главному игумену Клюни, что было главнымъ отличіемъ французскаго аскетизма; онъ учредилъ множество другихъ французскихъ монастырей по образу Клюни; онъ распространилъ свою реформу даже на марки нѣмецкаго государства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ завѣщалъ Клюни связь своей реформы съ папствомъ, связь столь тѣсную, что реформированные монастыри достигали даже почти полнаго освобожденія отъ церковной іерархіи епископовъ. Къ концу X столѣтія было уже прочно установлено, что всѣ реформированные монастыри находятся внѣ епископской власти: ни одинъ епископъ не можетъ совершать въ нихъ церковныя посвященія безъ разрѣшенія аббата Клюни; для своего собственнаго, какъ и для посвященія въ священники его монаховъ, игумень избираетъ удобнаго ему епископа по собственному своему усмотрѣнію.

Такимъ образомъ въ предѣлахъ общей французской церкви возникла аскетическая, строго централистическая монастырская церковь, въ церковно-религіозной области признающая одно лишь ближайшее отношеніе къ Риму.

¹⁾ *Аніо* или *Аніене*—лѣвый притокъ р. Тибра, берега котораго чрезвычайно живописны. За тѣмъ мѣстомъ, гдѣ она принимаетъ въ себя р. Личенчу, лежитъ Священная гора, извѣстная въ исторіи переселеніемъ на нее римскаго плебса при разладѣ съ патриціями: здѣсь-то, въ верхней долинь, въ расщелинь скалы, недалеко отъ Субіоко находится та „Священная пещера“, въ которой св. Бенедиктъ провелъ три года; а подъ самой скалой находится Бенедиктинскій монастырь. Пользуясь довѣріемъ Карла Великаго и Людовика Благочестиваго, въ виду упадка церковной дисциплины, былъ издавъ строгій монастырскій уставъ.

И эта церковь начала уже переносить вліяніе своего духа за границы Франціи. Она проникла уже въ Испанскую марку, а еще важнѣе было пріобрѣтеніе Англій. Здѣсь архіеписковъ Дунстанъ Кентерберійскій предпринялъ церковную реформу, частью въ духѣ аскетизма Кюлини и въ полномъ подчиненіи монашескимъ воззрѣніямъ.

Такимъ образомъ монастыри завладѣли христіанскимъ западомъ; въ Италиі они тоже пріобрѣли для себя почву; съ папствомъ достигнуто было тѣсное единеніе; теперь очередь была за Германіей. Но здѣсь, не смотря на личныя отношенія Одо къ бургундской Адельгейдѣ, второй супругѣ Оттона Великаго, не смотря на ревностную заботливость о личныхъ связяхъ при Оттонѣ II и Оттонѣ III, при послѣдующихъ игуменахъ не достигли никакихъ прочныхъ результатовъ.

Съ разрѣшенія императора и при его поддержкѣ реформированы были, правда, нѣкоторыя аббатства въ Италиі; но въ нѣмецкихъ границахъ удалось пріобрѣсти только Сень-Эвре.

Не подлежитъ сомнѣнію, что симпатіи Оттона II были больше на сторонѣ нѣмецкаго аскетизма, а Оттона III на сторонѣ италіянскаго.

Въ Италиі жизнь массы въ теченіи IX и X столѣтій въ сущности стала почти языческой; были ученые, какъ Вильгардъ Равенскій, которые вполне погрузились въ античную жизнь и въ античную религію. Христіанство казалось еще лишь чисто внѣшнимъ временнымъ атрибутомъ, священники были вполне свѣтскими, они пиروвали въ храмахъ божіихъ и отдавали ихъ иногда въ наемъ подъ рынки и амбары.

Но не смотря на все это, на лицо были какъ внѣшнія, такъ и внутреннія данныя для религіознаго обновленія. Церкви, лежавшія въ развалинахъ, вновь освящались, и въ нихъ вновь совершалось богослуженіе, не смотря на все разореніе; въ Римѣ находилось до двадцати женскихъ и сорока мужскихъ монастырей, а также шестьдесятъ церквей регулированныхъ канониковъ. Но что важнѣе всего: въ народной душѣ таилось глубокое желаніе переменъ земной судьбы съ вѣчно мѣняющимся главенствомъ надъ нею призрачныхъ королей, вѣчно господствующими надъ нею обманомъ, грабежомъ и разбоемъ сильныхъ, — понятно, что росла искренняя жажда душевнаго успокоенія.

Бурно, страстно, съ невѣроятно суровымъ аскетизмомъ, съ замѣчательно интенсивной вѣрою въ чудеса, настроеніе это прорвалось въ X столѣтіи. Какъ можно сравнить нѣмецкихъ монаховъ съ ихъ созерцательнымъ аскетизмомъ съ горячностью религіознаго самобичеванія въ Италиі! Доминикъ Лорикать постоянно носилъ, никогда не снимая, желѣзный панцырь и два желѣзныхъ пояса на тѣлѣ и два на рукахъ, чтобы поработить свою плоть; только для бичеванія

освобождалъ онъ себя отъ этой тяжести; въ теченіе менѣе чѣмъ сорока дней онъ нанесъ себѣ три милліона ударовъ, при чемъ онъ постился, пѣлъ покаянные псалмы и непрерывно преклонялъ колѣна. Доминикъ былъ не одинъ: всюду находились герои аскетизма, такіе же подвижники, жившіе въ молчаливомъ уединеніи; всѣ они имѣли изможденный, исхудалый видъ, глаза ихъ были опущены въ землю, лица мертвенно-блѣдныя; видомъ своимъ они напоминали выходцевъ съ того свѣта.

Однимъ изъ наиболее выдающихся изъ среды этихъ удивительныхъ пустынниковъ былъ св. Ниль, калабріецъ изъ Россано. Примкнувъ къ греческой церковной общинѣ, онъ на тридцатомъ году (940) вступилъ на своей родинѣ въ Базиліанскій монастырь. Когда онъ за свою аскетическую жизнь избранъ былъ епископомъ Россано, онъ бѣжалъ въ Монте-Кассино, въ центръ латинскаго, западнаго аскетизма. Здѣсь провелъ онъ въ окрестностяхъ монастыря съ своими товарищами пятнадцать лѣтъ отшельнической жизни, пока, разсердившись на суетность своего ученика Бенедикта, не ушелъ въ Гаэту. Тамъ онъ умеръ въ 1005 году девяностопяти лѣтнимъ старикомъ.

Его превзошелъ по годамъ и ученію двадцати лѣтній св. Ромуальдъ. Происходя отъ знатнаго рода равенскихъ герцоговъ, онъ былъ сначала отшельникомъ, потомъ игуменомъ монастыря Класса въ Равенѣ; онъ пытался собирать въ маленькія колоніи отшельниковъ одинаковаго образа жизни, образовать какъ бы промежуточную ступень между монастыремъ и отшельничествомъ, и основалъ монастырь Камельдульскій, разсадникъ особаго устава его монастырскихъ правилъ.

Такимъ образомъ до самаго конца X столѣтія и долѣе отличительной чертой итальянскаго аскетизма оставалась отшельническая жизнь. Да и позднѣе еще итальянскій народъ высшую ступень христіанскаго благочестія усматривалъ не въ монашествѣ, а въ отшельнической жизни. Это же мнѣніе раздѣлялъ въ послѣдствіи Петръ Даміани, хотя онъ и былъ однимъ изъ наиболее ярыхъ ревнителей Клоуни; лишь въ положеніи отшельника онъ находить возможнымъ достиженіе и обезпеченіе за христіаниномъ необходимой степени нравственной свободы и самообузданія.

IV.

Посмотримъ, каково было умственное положеніе Европы къ концу 10 столѣтія.

Въ сѣверной Франціи и сѣверной Италіи мы встрѣчаемъ послѣднихъ представителей классическихъ воспріятій, которые сами по себѣ незначительны, не имѣютъ никакой взаимной связи и которыхъ уже охватываетъ сильное вѣяніе новаго, аскетическаго благочестія. Этотъ

аскетизмъ проявляется въ Италиі разрозненно и разрозненно существуетъ въ сильныхъ личныхъ воздѣйствіяхъ и въ незначительныхъ общихъ, организованныхъ вліяніяхъ; во Франціи же, напротивъ, подобный же аскетизмъ организуется въ многочисленныхъ монастыряхъ, централизуется въ рукахъ игумена Клуни.

Въ Германіи аскетизмъ, исходя изъ отшельнической жизни, доходитъ въ концѣ до общинной организаціи монашеской жизни, но онъ лишенъ всякаго монархическаго главенства, всякой централизаціи. А рядомъ съ этимъ аскетизмомъ мы видимъ здѣсь развитіе новаго императорскаго возрожденія, захватившаго и бѣлое духовенство, главнымъ образомъ его іерархію, перешедшаго отчасти даже и на монастыри, и приведшаго къ полному господству церкви надъ аскетическимъ теченіемъ.

Такое положеніе вещей, хотя само по себѣ и не непосредственно политическое, заслуживало все-таки полнѣйшаго вниманія императорскаго всемірнаго властителя. При Оттонѣ Великомъ оно развивалось впервые, Оттонъ II переживалъ его, не вникая въ него во всемъ его цѣломъ. Оба они ставили себѣ ближайшей всемірной задачей—господство надъ папствомъ, стараясь достигнуть его чисто матеріальными средствами, главнымъ образомъ покореніемъ Нижней Италиі. Это имъ не удалось. Долженъ ли былъ теперь третій властитель, Оттонъ III, отважиться на такую же попытку? Не вѣроятнѣе ли допустить, что умѣніе воспользоваться наличнымъ умственнымъ движеніемъ въ всемірномъ его значеніи доставить императорской власти болѣе надежное господство надъ папствомъ—духовное господство?

Этотъ-то важнѣйшій вопросъ и занималъ молодого Оттона III рядомъ съ всемірной проблемой о положеніи государства по отношенію къ Восточной Имперіи и Исламу. Исторія тѣхъ способовъ и путей, какими онъ отвѣтилъ на поставленный себѣ вопросъ, и составляетъ содержаніе его своеобразнаго царствованія ¹⁾.

Въ 995 году молодой императоръ достигъ совершеннолѣтія; этотъ годъ и слѣдующій за нимъ онъ употребилъ на упроченіе славянской границы своей саксонской родины, затѣмъ магическія силы потянули его въ Римъ. Какъ только онъ достигъ самостоятельности, онъ предпринялъ крутую перемѣну въ выборѣ своихъ совѣтниковъ; онъ имѣлъ въ виду только личную политику, проводимую имъ на свой страхъ съ страстной энергіей его предковъ.

При молитвахъ и псалмопѣніяхъ епископовъ шестнадцатилѣтній государь въ Февралѣ 996 года отправился изъ Регенсбурга черезъ Альпы; въ то время, какъ онъ старался заручиться въ Павіи и дѣйствительно заручился присягою на вѣрность итальянской знати, въ

¹⁾ Послѣдующее въ главныхъ чертахъ напечатано уже въ Deutschen Rundschau, томъ XVIII, 1, s. 94—99.

Римъ умеръ Іоаннъ XV, папа римской партіи; въ Равеннѣ встрѣтило его римское посольство, просившее о назначеніи новаго папы. Юному королю предстояло сдѣлать рѣшительный шагъ. Оттонъ возвелъ на престолъ своего двоюроднаго брата, сына герцога Оттона изъ Каринтіи, Петра Бруно, не достигшаго еще и тридцатилѣтняго возраста. По повелѣнію Оттона, на опасную почву наслѣдія Петра послѣ цѣлой эпохи порнократіи¹⁾ вступаетъ первый аскетическій папа, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первымъ нѣмецкимъ папой.

Вначалѣ мая 996 года Бруно вступаетъ на папскій престолъ подъ именемъ Григорія V и вскорѣ затѣмъ онъ, правнукъ Оттона Великаго, возлагаетъ имперскую корону на главу внука великаго саксонца.

Если выборъ Бруно показалъ, что императоръ въ своихъ политическихъ расчетахъ принималъ во вниманіе и основную растущую силу аскетизма, то событія по возвращеніи Оттона въ Германію показали, что и самъ государь принадлежалъ къ общинѣ благочестивыхъ. Въ Римѣ Оттонъ завязалъ сношенія съ однимъ изъ своеобразнѣйшихъ представителей аскетизма, чехомъ Адалъбертомъ. Изъ знатной фамиліи, величественнаго роста и высокихъ умственныхъ способностей, Адалъбертъ долго принадлежалъ къ жизнерадостному блудному духовенству, но видъ смерти пражскаго епископа Титмара произвелъ такое сильное впечатлѣніе на его нервную, чрезвычайно впечатлительную натуру, что онъ внезапно покинулъ свѣтъ. Избранный епископомъ Праги, недовольный собою и своей паствой, онъ непрерывно страствовалъ изъ Праги въ Италію, изъ Италіи въ Прагу, полный влеченія къ одинокимъ скитаніямъ новыхъ аскетовъ. Наконецъ онъ въ Италіи осѣлъ въ римскомъ монастырѣ Авентина. Здѣсь онъ сдѣлался ревностнымъ послѣдователемъ итальянскаго покаяннаго благочестія, съ фанатизмомъ славянина впитывалъ въ себя духъ святаго Нила и брата его Лео, игумена Авентина. Пребываніе императора пробудило его изъ его самоотреченія; его митрополитъ, архіепископъ Майнцскій Виллигисъ, предписалъ ему вернуться въ его Пражскую епархію. Адалъбертъ послушался и послѣдовалъ за императоромъ черезъ Альпы: и тутъ-то сошлись души славянскаго монаха и нѣмецкаго императора. Между ними установилась тѣснѣйшая связь, они жили въ общей молитвѣ и въ совокупномъ покаяніи; даже ночь не разлучала ихъ; у нихъ было общее ложе въ одной комнатѣ. То была одна изъ тѣхъ мечтательныхъ дружбъ, которыя

¹⁾ Подъ „порнократіей“ извѣстенъ длинный пятидесятилѣтній періодъ папства, занимавшій всю вторую половину 10 вѣка. Терминомъ этимъ обозначается „господство“ блудницъ на папскомъ престолѣ, такъ какъ въ этотъ періодъ папы вели крайне развратный образъ жизни, и ихъ фаворитки играли большую роль при дворѣ.— *Примѣч. перев.*

долго лелѣемая, разбиваясь ударами жизни, рано разрушаемая внѣшними обстоятельствами, ведутъ потомъ къ отраднымъ воспоминаніямъ.

Въ Майнцѣ сонъ разлучилъ Адалберта съ его другомъ: онъ увидѣлъ себя предназначеннымъ къ мученической смерти за кровь Христа. Онъ уѣхалъ въ Прагу, изъ Праги отправился въ Польшу, изъ Польши въ языческую Померанію и Пруссію. Въ Данцигѣ его постигла его судьба; онъ палъ, пронзенный семью ударами копья, жертвою своего отреченія отъ міра, не сдѣлавшись героемъ практической миссіи, такъ какъ на это у него не хватило способности. Еще прежде, чѣмъ Адалбертъ нашелъ свою смерть, въ такой формѣ, которая въ высшей степени способствовала тому, чтобы идеальныя воспоминанія императора о его въ вѣчность перешедшемъ другѣ дошли до обоготворенія, Оттонъ III привлекъ къ себѣ совершенно иного рода человѣка, который привелъ его, сына новаго нѣмецкаго возрожденія, въ соприкосновеніе со всѣмъ теченіемъ классическаго движенія Франціи: мы говоримъ о Гербертѣ изъ Орильяка ¹⁾. Гербертъ по происхожденію принадлежалъ къ низшему классу; въ монастырѣ Орильяка онъ, благодаря своему утонченному образованію, подготовилъ себя къ крупной роли; онъ обладалъ характерными свойствами французскаго народа: ясностью и высокопарностью рѣчи, особой способностью къ математически-астрономическимъ изученіямъ, усвоеніемъ классическихъ элементовъ образованія. Не долго пробылъ онъ въ монастырѣ. Онъ былъ далекъ отъ отреченія отъ свѣта; уже давно былъ онъ въ Испаніи, въ Римѣ, при дворѣ Оттоновъ; съ 970 года провелъ онъ цѣлыхъ десять лѣтъ въ Реймсѣ, этомъ центрѣ французскаго возрожденія, уча и учась въ тамошней соборной школѣ. Сдѣлавшись впоследствии реймскимъ архіепископомъ, онъ сильно запутался во внутреннія смуты западно-франкскаго государства, постепенно приведшія къ открытому разрыву между сѣверо-франкскимъ епископскимъ возрожденіемъ и аскетическою партіей реформы Ключни и папствомъ, представителемъ котораго былъ Григорій V. Отъ этихъ смуть Гербертъ въ началѣ 997 года и уѣжалъ къ императору Оттону въ Германію.

Съ прибытіемъ Герберта новые идеалы стали привлекать юношу императора, подъ вліяніемъ льстивыхъ рѣчей настойчиваго гуманиста; въ немъ возникла мысль превзойти Римъ въ императорскомъ могуществѣ. Черезъ посредство императорской власти должна произойти аскетическая реформа въ Церкви въ духѣ Адалберта, императорская власть, по словамъ Герберта, явится всемірной силой для всѣхъ государствъ Европы: имѣть все мірнуювласть въ своихъ рукахъ, произвести подъ ея покровительствомъ и черезъ ея посредство цер-

¹⁾ Гербертъ во всякомъ случаѣ прибылъ ко двору Оттона уже около 994 года (Вернеръ, Гербертъ s. 94), но болѣе значительное вліяніе приобрѣлъ онъ только позже.

ковную реформу, — вотъ что казалось Оттону единственной задачей, достойной его царствованія.

Такимъ образомъ онъ не обращалъ вниманія на ближайшую опасность для королевскаго трона въ Германіи, не замѣчалъ ничего у Чеховъ и у эльбскихъ славянъ, у Датчанъ и западныхъ Франковъ, а сообразно съ своимъ идеаломъ отправился въ Италію.

Въ Италіи между тѣмъ папа Григорій V показывалъ, что онъ всемірную власть своего сана отнюдь не понимаетъ въ духъ подчиненія императорской власти; во Франціи, въ Германіи и въ Италіи онъ настойчиво заявилъ свою власть, какъ достойный предшественникъ Григорія VII. Онъ получилъ плохую награду въ Римѣ. Его не поняли и наконецъ изгнали. Тогда появился Оттонъ; страшная кара разразилась надъ вѣчнымъ городомъ. Григорій былъ возвращенъ; но онъ умеръ преждевременно въ началѣ 999 года.

Между тѣмъ Оттонъ искалъ новаго сближенія съ итальянскимъ аскетизмомъ, ему оставалось чуждо централистическое направленіе Кюни, въ которомъ, быть можетъ, онъ предчувствовалъ естественное соперничество съ императорской властью. Чудесные образы итальянскихъ кающихся сильно привлекали его; онъ отправился пѣшкомъ, какъ простой пилигримъ, черезъ гору Монте-Кассино и Беневентъ къ уединенному Михайловскому монастырю на Монте-Гаргано; онъ посѣтилъ святаго Нила въ Гаэтѣ; въ Римѣ онъ предпринялъ покаянный искусь въ пещерѣ около церкви святаго Климента; позднѣе жилъ онъ въ Субіако, въ мѣстопребываніи святаго Бенедикта. Но не объ отцѣ монашества была здѣсь его первая мысль; въ мечтахъ его носился образъ рано скончавшагося чешскаго друга; здѣсь, какъ и въ Римѣ и позднѣе въ Ахенѣ онъ велѣлъ воздвигнуть церкви въ память Адальберта. Такимъ образомъ онъ наслаждался аскетическою жизнію съ пластическою впечатлительностью художника; онъ обнаруживаетъ грамоты съ обозначеніемъ мѣстопребыванія въ монастырскомъ замкѣ и говоритъ о себѣ самомъ, великомъ императорѣ, какъ о рабѣ Іисуса или о рабѣ Апостоловъ.

Но съ аскетическимъ идеаломъ смѣшивалось для него часть наслѣдія нѣмецкаго возрожденія — все, добытое его сношеніями съ Гербертомъ, — цезаризмъ. Еще при жизни Григорія V онъ сдѣлалъ Герберта архіепископомъ Равенны, хотя мѣсто это и не было вакантнымъ; теперь же, въ началѣ Апрѣля 999 года онъ назначилъ его, въ силу императорскаго полномочія, папой. То былъ рѣшительный шагъ для полнаго развитія его системы; Гербертъ призналъ это, назвавъ себя Сильвестромъ I въ память папы, жившаго при Константинѣ Великомъ.

Отнынѣ императоръ совершенно погрузился въ мечты и планы о всемірномъ господствѣ; церковь должна была подчиниться его государству; границы имперіи должны быть тамъ, гдѣ не молятся хри-

христіанскому Богу. Онъ зашелъ далеко за предѣлы заботъ своего прадѣда Генриха, трудовъ отца и дѣда; онъ желалъ наслаждаться всѣмъ тѣмъ, оживить и расширить все то, что тѣми было устроено и упрочено. По его мнѣнію, Германія была варварскою провинціей всемірной имперіи, имперія могла развивать свои формы, опираясь на древній Римъ и Византію; родиной императорской власти и ея представителей долженъ былъ сдѣлаться Римъ, городъ всемірно-церковнаго настоящаго и всемірно-свѣтскаго прошлаго.

И вотъ Оттонъ, болѣе чѣмъ кто-либо изъ нѣмецкихъ государей до и послѣ него, сталъ претендовать на абсолютную власть надъ вѣчнымъ городомъ и его окрестностями; создано было новое императорское муниципальное управленіе, при чемъ единственнымъ руководствомъ служилъ юстиніановскій кодексъ. Эти мѣры распространены были въ большихъ размѣрахъ на всю имперію. По смерти епископа Гильдибальда Вормскаго былъ назначенъ Герибертъ, вскорѣ ставшій архіепископомъ Кёльна, Archilogothe'омъ, одновременно канцлеромъ Италіи и Германіи; при немъ работали большею частью нотаріусы италіянскаго происхожденія, какъ представители императорскаго права. Вблизи императорской особы ранги чиновничьяго міра византійскаго, римскаго и германскаго двора смѣшались въ необыкновенномъ безпорядкѣ; на ряду съ нѣмецкимъ герцогомъ стоялъ императорскій *magister militiae*; были *Logothes*'ы и *vestiarii* ¹⁾).

Среди всѣхъ этихъ странностей императоръ серьезно проводилъ всемірную политику въ своемъ духѣ. Въ силу этой политики расширение христіанскаго божьяго царства совпадало съ расширеніемъ императорскаго господства. Оттонъ былъ, такимъ образомъ, ревностнымъ сторонникомъ миссіонерства. Въ то время, какъ папа пріобрѣталъ для христіанской имперіи мадьяровъ, императоръ выступилъ въ походъ въ память своего друга Адальберта, онъ пошелъ въ Гнезенъ на его могилу и, вопреки интересамъ нѣмецкой національности, поставилъ Гауденція, своднаго брата Адальберта, первымъ архіепископомъ восточныхъ славянъ, назначивъ и суфрагановъ въ Кольбергъ, Бреславль и Краковъ. Затѣмъ онъ торжественно прослѣдовалъ въ Ахенъ; съ глубокимъ чувствомъ посѣтилъ онъ останки великаго императора Карла; не чужды, при этомъ, конечно, были ему мечты, что ему удастся достичь большаго, чѣмъ то, чего достигъ славный коронованный Каролингъ. И дѣйствительно, въ концѣ тысячелѣтія достигнуто было, казалось, нѣчто необычайное. Восточные народы присоединены были къ всемірному божьему царству; вскорѣ папа долженъ былъ посвятить въ архіепископы-миссіонеры среди языч-

¹⁾ „*Logothes*“ значитъ *счетоводъ*, — въ Византіи такъ назывался канцлеръ.

Vestiarii (*Vestiaries*) — титулъ хранителя гардероба при византійскомъ императорѣ.

никовъ по ту сторону Польши и Чехіи дитя Тюрингіи, святаго Бруно, родственника по боковой линіи оттоновскаго дома; на западѣ среди Французовъ царилъ миръ, а по ту сторону ихъ государства графъ Барселонскій присягнулъ имперіи; на югѣ нижнеитальянскія затрудненія казались не важными, и у Сильвестра, у перваго изъ всѣхъ папъ, явилась мысль о крестовомъ походѣ въ Святые мѣста Востока.

При такихъ обстоятельствахъ Оттону не сидѣлось дома. Онъ стремился въ Римъ, чтобы придать имперіи законченную форму. Ему готовилась страшная судьба.

Въ лонгобардской нижней Италиіи давно уже начались смуты; онѣ оставались безъ важныхъ послѣдствій только потому, что Сарацины и Греки были также не въ ладахъ между собою. Теперь же съ 991 года вновь поднимается Исламъ, а вскорѣ и Византія. Лонгобардское возстаніе противъ имперіи распространилось на сѣверъ, и императору не удалось умиротворить населеніе полюбовнымъ соглашеніемъ. Не успѣлъ императоръ покончить съ нимъ, какъ возстаніе перенеслось въ Кампанію, въ Римъ. Оттонъ три дня осажденъ былъ въ своемъ Авентинскомъ замкѣ: 16 февраля 1001 года онъ долженъ былъ бѣжать изъ вѣчнаго города, златой главы имперіи.

И вотъ онъ теперь принялся съ почти нечеловѣческой ненавистью приводить въ порядокъ заброшенныя нижнеитальянскія дѣла. Онъ отправился въ Равенну, чтобы поджидать тамъ нѣмецкое войско; онъ послалъ Миланскаго архіепископа сватать ему невѣсту въ Византіи, для заключенія союза между христіанскими мировыми имперіями противъ Ислама; онъ предпринимаетъ тайно отважную поѣздку въ Венецію, чтобы заручиться помощью морскихъ силъ этого города.

Среди такого пыла увлеченія и кипучей дѣятельности онъ узнаетъ о затрудненіяхъ Германіи; національная и нѣмецко-церковная партіи съ архіепископомъ Виллигисомъ изъ Майнца во главѣ составили заговоръ; тщетно развивается нѣмецкое военное знамя (*Heerbann*) ¹⁾ въ Италиіи. Даже Римъ, дорогой городъ, не благодаритъ императора за его неисчислимыя благодѣянія; во время его поспѣшнаго движенія на югъ, горожане встрѣчаютъ его съ недовольствомъ и презрѣніемъ.

Эти удары разбили сердце страстнаго, высокомернаго юноши. Собираясь предпринять борьбу съ Римомъ, онъ умеръ 24 января 1002 г. въ Капель Патерно на Сорактѣ.

И Римъ возсталъ; шестнадцать мѣсяцевъ спустя послѣ смерти своего императорскаго властителя и товарища умеръ въ забвеніи папа Сильвестръ; вся Италиа ополчилась противъ нѣмецкаго господства. Нѣмецкіе же мужи среди угрозъ возстанія твердыхъ шагомъ и

¹⁾ *Heerbann* — означало собственно призывъ къ оружію всѣхъ свободныхъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе, объявленіе народной войны.

съ полной вѣрнопоподданностью перенесли тѣло послѣдняго изъ Оттоновъ на родину въ Ахенъ, въ варварскую столицу всемірной имперіи.

Нѣмецкому историку труднѣе, чѣмъ какому либо другому, отнестись безпристрастно къ Оттону III; онъ—единственный нѣмецкій императоръ, стыдившійся своей національности ¹⁾).

Отецъ и дѣдъ его съумѣли расширить нѣмецкое государство во всемірную имперію; ихъ задача сводилась къ виѣшней борьбѣ съ Лангобардами, Греками и Сарацинами.

Ни Оттонъ I, ни Оттонъ II не достигли на этомъ пути самой сильной вещи поставленной имъ цѣли—полнаго овладѣнія нижней Италіей.

Оттонъ III попытался отбросить эту политику. Онъ исходилъ изъ сильно развившихся умственныхъ теченій Европы, съ которыми онъ хорошо ознакомился и важнѣйшія изъ которыхъ онъ усвоилъ. Предоставивъ къ услугамъ этихъ теченій императорскую власть, онъ думалъ этимъ пріобрѣсть господство надъ папствомъ. Съ этой точки зрѣнія нижеиталійскія дѣла имѣли лишь второстепенное значеніе.

Несчастіе Оттона состояло въ томъ, что умственные теченія, сила которыхъ отразилась на немъ самомъ—главнымъ образомъ, напр., новое возрожденіе,—въ основѣ своей ни въ какомъ случаѣ не носили національнаго, нѣмецкаго характера. Пріобщившись къ нимъ, онъ отчуждалъ себя отъ той націи, къ которой принадлежалъ, изъ чьей военной силы имперія до сихъ поръ черпала всѣ условія своего прочнаго существованія. И вотъ эта сила измѣнила ему въ рѣшительную минуту и Оттонъ III погибъ. Руководилась ли нація вѣрнымъ инстинктомъ, допуская гибель всемірнаго властелина? Мы склонны отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Истиннымъ всемірнымъ государствомъ въ средніе вѣка возможно было руководить не изъ нѣмецкаго центра, а изъ римскаго, итальянскаго,—это хорошо понимали папы, начиная съ Григорія VII, и императоры, начиная съ Генриха VI. Имперія же, управляемая изъ Германіи, могла быть только среднеевропейской, римской имперіей нѣмецкой націи, состоящей изъ Германіи, Бургундіи и Италиі. Только такая имперія—и именно только такая и была въ нѣмецко-національныхъ интересахъ: этой-то имперіи и положено основаніе въ величайшую эпоху нашей исторіи, при Генрихѣ II, Конрадѣ II и Генрихѣ III.

¹⁾ Gerberti ф. Nr. 207. Гербертъ называетъ Оттона III. (ер. Nr. 209) *germere Graecus, imperio Romanus*.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Созданіе Римской имперіи нѣмецкой націи.

I.

Сохранились формулы королевской коронаціи эпохи Оттоновъ, въ которыхъ рядомъ съ избраніемъ короля съ такою же по крайней мѣрѣ силой выдвигалась и наследственность короны: при посвященіи королю долженъ быть предложенъ вопросъ: намѣренъ ли онъ справедливо править государствомъ по примѣру своихъ предковъ; призывается на него Божеское благословеніе, дабы изъ него вышелъ рядъ новыхъ королей для царствованія надъ имперіей.

Теперь со смертію Оттона III прекращалось мужское потомство Оттона Великаго. Изъ мужскаго поколѣнія Людольфингскаго дома оставался еще герцогъ Генрихъ Баварскій, правнукъ короля Генриха I по прямой линіи, и герцогъ Оттонъ изъ Киринтіи, внукъ Оттона Великаго по женской линіи. На основаніи наследственнаго права ближайшимъ наследникомъ трона долженъ былъ считаться герцогъ Генрихъ. По случаю внезапной кончины властителя Генрихъ не былъ назначенъ имъ наследникомъ, какъ всѣ короли, начиная съ Генриха I.

Генрихъ выступилъ сейчасъ же, какъ полноправный преемникъ. Онъ послѣдовалъ за тѣломъ императора, охраняя его по дорогѣ изъ Италіи; онъ овладѣлъ государственными регаліями и такимъ образомъ обладалъ символической легитимаціей владычества.

Этотъ самовластный поступокъ возбудилъ недовольство и знати и племенъ. Въ южной Германіи недовольство проявилось въ Швабіи, единственной племенной области, по сосѣдству съ вѣрною Генриху Баваріей; но естественный глава этого движенія, Швабскій герцогъ Германъ, богатый и знатный, благочестивый и скромный, исполнялъ выпавшую ему на долю роль претендента съ недостаточной охотой и ловкостью.

Не то было въ сѣверной Германіи, въ особенности въ Саксоніи. Здѣсь давно уже смотрѣли на Людольфингскаго Генриха, какъ на Баварца; когда со смертію Оттона III преемникомъ его выступилъ Баварскій герцогъ, корона считалась какъ бы сорванной съ главы саксонскаго племени. До сихъ поръ Саксонія проявляла симпатіи къ государству лишь въ качествѣ руководящей племенной силы; въ общемъ развитіи своей матеріальной и умственной жизни она совсѣмъ еще не вошла во вкусъ тогдашней нѣмецкой культуры, не смотря на всѣ старанія Оттоновъ; въ ея области еще ненарушимо царило первобытно-древнее народное право, опредѣленія котораго позволяли другимъ нѣмецкимъ племенамъ называть его *lex crudelissima*. Политическое положеніе данной минуты и положеніе ея культуры могли способствовать Саксоніи вновь освободиться отъ Имперіи и положить основаніе самостоятельному развитію.

И вотъ въ лицѣ маркграфа Эккарта Мейсенскаго нашелся на сѣверо-востокѣ способный и выдающійся претендентъ. Онъ оказалъ весьма крупныя услуги въ войнахъ съ Славянами; его аллодь былъ далеко разбросанъ по Тюрингіи; не даромъ мѣстная знать избрала его въ Тюрингинскіе герцоги. При такихъ обстоятельствахъ счастьемъ для единства государства было то, что маркграфъ Эккартъ, какъ Тюрингинецъ, еще менѣе былъ пріятель Саксонцамъ. Они стали колебаться, и этотъ моментъ нерѣшительности достаточенъ былъ тогда, чтобы въ Саксоніи проявилось противодѣйствіе тѣхъ элементовъ, которые въ силу эгоистическихъ или общихъ побужденій примкнули къ идеѣ государственнаго единства. Прежде всего вступились за Генриха епископы, которые здѣсь, какъ и всегда, были солидарны въ спорѣ за инвеституру, такими же сторонницами явились оттоновскія женщины въ Саксоніи, Софья и Адельгейда, обѣ сестры послѣдняго императора; сильную поддержку имъ оказалъ могущественный свѣтскій вельможа, графъ Лотарь изъ сѣвернаго маркграфства. Этого союза было вполне достаточно для того, чтобы разрушить планы Тюрингинца въ Саксоніи.

Замѣтивъ, что будущность его на сѣверо-востокѣ испорчена, Эккартъ сталъ стремиться войти въ соглашеніе съ южно-нѣмецкимъ претендентомъ, Германомъ Швабскимъ, за котораго уже поднялись всегда ненадежные иижне-лотарингцы. Съ этой цѣлью онъ пожелалъ свидѣться съ Германомъ въ Дуисбургѣ. Однако Германъ съ самаго начала отклонилъ этотъ союзъ; Эккартъ получилъ объ этомъ вѣсть уже по пути на западъ, въ Падеборнѣ. Тогда онъ быстро вернулся въ Тюрингію. И здѣсь на пути домой его проигранное предпріятіе нашло свой соотвѣтствующій конецъ въ монастырѣ Пельдѣ, на югѣ Гарца. Онъ остановился здѣсь на ночь; нѣсколько дворянъ, устроивши заговоръ изъ личной мести, ворвались въ его спальню, онъ былъ

убить; трупъ его былъ ограбленъ и изуродованъ: это случилось 30 апрѣля 1002.

Теперь у Генриха оставался одинъ, менѣе опасный соперникъ, Германъ Швабскій. Онъ выступилъ противъ него къ Рейну, переправился черезъ рѣку у Вормса и вступилъ такимъ образомъ въ союзъ съ архіепископомъ Виллигисомъ изъ Майнца, примасомъ имперіи, съ самаго начала дѣйствовавшимъ въ пользу единства націи и Генриха. Виллигисъ пустилъ теперь въ ходъ весь авторитетъ своего званія въ пользу Генриха: когда Генрихъ избранъ былъ на престолъ баварскою, франконскою и верхне-лотарингскою знатью, онъ былъ вслѣдъ затѣмъ торжественно помазанъ на царство и коронованъ, конечно, въ Майнцѣ вмѣсто Ахена, и Майнцкимъ архіепископомъ, а не Кельнскимъ.

Послѣ этого торжественнаго акта необходимо было прежде всего принудить къ присягѣ Германа Швабекаго и склонить на сторону новаго государя Саксонцевъ и Тюрингинцевъ.

Первую болѣе легкую задачу Генрихъ предоставилъ своимъ приверженцамъ, самъ онъ направился въ сѣверо-восточную часть имперіи. Тюрингинцевъ онъ склонилъ на свою сторону, освободивъ ихъ отъ древней, со временъ Меровинговъ еще взимающейся съ нихъ десятины; затѣмъ онъ созвалъ въ Мерзебургѣ 24 іюля 1002 года сеймъ, на которомъ присутствовала и Саксонская знать. То былъ рѣшительный часъ для основанія новаго королевства. Сомкнутыми рядами, во главѣ съ своимъ герцогомъ Бернгардомъ саксонскіе сановники перешли на сторону короля; они дипломатически вели съ нимъ переговоры, какъ равные съ равнымъ; результатомъ переговоровъ было признаніе со стороны Генриха права существованія въ государствѣ во многихъ отношеніяхъ своеобразнаго саксонскаго самобытнаго строя, въ замѣнъ чего онъ принялъ ихъ присягу, а вмѣстѣ съ нею и важную государственную драгоценность—священное копьѣ. Этотъ договоръ былъ аналогиченъ договорамъ Генриха I съ южнонѣмецкими герцогами, главнымъ образомъ съ Арнульфомъ Баварскимъ. Какъ въ началѣ 10 столѣтія единство имперіи, глава которой лично опирался на Саксонію, могло быть установлено лишь благодаря широкой предупредительности по отношенію къ Швабамъ и въ особенности Баварцамъ, такъ теперь, столѣтіе спустя, наоборотъ перемѣщеніе руководящей роли въ Баварію могло осуществиться только путемъ соотвѣтственныхъ уступокъ на сѣверѣ. Внутри и теперь еще, не смотря на столѣтнее единство, племена являлись лишь составными органами имперіи. Если Генрихъ II теперь перемѣстилъ прежнее средоточіе племенной власти, выдвигая все болѣе и болѣе на сцену южную Германію, то трудно всетаки было игнорировать происшедшія отъ этого затрудненія. Отношенія къ папству и Италіи побуждали всегда Оттоновъ обращать вниманіе на южный районъ имперіи,—

страну, черезъ которую направлялись италійскіе походы; они никогда не теряли изъ виду Баварію и Швабію. Если отнынѣ владычество нѣмецкихъ королей существеннымъ образомъ опиралась на южно-нѣмецкія племена, то для будущаго властелина являлась такая же настоятельная и аналогичная необходимость—привлечь къ себѣ племена сѣвера, Саксонцевъ и Нижне-Лотарингцевъ. Стала грозить опасность, что сѣверныя племена не будутъ уже, какъ до сихъ поръ, неотъемлемой и нераздѣльной частью имперіи, чтобы они не выбрали для себя путь самостоятельнаго развитія. Опасность эта давала себя уже знать при Оттонахъ у сѣверныхъ Фризовъ, между Везеромъ и Зюдерзе; теперь она стала только быстро увеличиваться и уже въ XI столѣтіи повела къ тому, что Саксонія отчуждена была на половину. Сѣверная Лотарингія почти совсѣмъ отпала отъ Имперіи.

Генрихъ II, кажется, предчувствовалъ эту опасность. Онъ старался привлечь Саксонцевъ и почти все время своего правленія боролся за удержаніе королевскаго вліянія въ Лотарингіи и въ особенности въ сѣверной части страны. И теперь уже, послѣ Мерзебургскаго сейма, вслѣдъ за только что достигнутымъ подчиненіемъ Германа Швабскаго, ему предстояло прежде всего позаботиться о привлеченіи на свою сторону Лотарингцевъ. Съ этою цѣлью онъ созвалъ знать на сеймъ въ Ахенъ. Лотарингцамъ льстило то, что этотъ сеймъ долженъ былъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ сеймомъ для всеобщаго признанія Генриха въ имперіи. Генрихъ самъ придавалъ ему такое значеніе; онъ велѣлъ въ Ахенъ опять принести ему присягу: *in regem collaudatur, in sedem collocatur et amplificatur* ¹⁾.

Такимъ образомъ утверждена была новая королевская власть Генриха. Но то уже была не королевская власть добраго оттоновскаго времени. Лишь съ громадными жертвами со стороны центральной власти вновь устроено было единство имперіи: на долю новаго короля выпали послѣдствія, начинавшія уже неблагоприятно вліять на развитіе монархической власти при послѣднихъ Оттонахъ. Племена стали теперь свободнѣе, чѣмъ прежде, знать давала свою присягу за весьма щедрое вознагражденіе со стороны короля; ему удалось добиться новаго единства лишь поѣздкой по странѣ въ качествѣ просителя.

Понятно, что соотвѣтственно съ такимъ началомъ власть короля, хотя и значительно большая, чѣмъ власть Генриха I, все же оставалась болѣе ограниченной, чѣмъ власть Оттона Великаго. Въ этомъ отношеніи давали себя знать послѣдствія событій послѣдняго десятилѣтія 10 столѣтія. Наслѣдственность болѣе мелкихъ леновъ, извѣстная еще въ начальный періодъ оттоновской эпохи, стала примѣняться теперь и къ крупнымъ ленамъ, графствамъ, маркграфствамъ и гер-

¹⁾ Thietm. 5, 12.

догствамъ: вездѣ сыновья наслѣдовали отцамъ за исключеніемъ одного лишь формальнаго несогласія государственной власти. Имперскіе епископы, привыкшіе теперь въ регенствахъ не только подавать совѣты, но и дѣйствовать, не были согласно ихъ прежнему назначенію послушными исполнителями королевскихъ приказаній. Хотя Генриху, какъ мы увидимъ ниже, удалось на этотъ разъ сломить эти стремленія, но онъ всетаки не могъ обойтись безъ того, чтобы многократно не даровать епископамъ правъ самостоятельныхъ государей: рядомъ съ зачатками наслѣдственности позднѣйшихъ свѣтскихъ герцогствъ въ различныхъ видахъ выступаютъ и первыя основы будущаго права епископовъ на владѣніе землями.

Генрихъ II при всей своей настойчивости, умѣ и энергіи не могъ вполне освободить королевскую власть отъ этихъ вліяній. Поэтому въ его время совѣтъ знатныхъ игралъ уже иную роль, чѣмъ прежде, княжескіе и государственные сеймы увеличивались. Хотя Генрихъ и умѣлъ почти всегда добиться послушанія своему слову и осуществлять свою волю, но все же выработывались начала совѣщательныхъ правъ князей по отношенію къ королю.

Такимъ образомъ понятно, почему Генрихъ во все время своего правленія никогда почти не могъ водворить полнаго спокойствія въ государствѣ. Постоянно возникали центры недовольства знатныхъ въ Баваріи, на Рейнѣ, въ Лотарингіи, главное же недовольство проявлялось со стороны многочисленныхъ родственниковъ королевы изъ люксембургскаго дома; исходя изъ народныхъ воззрѣній на общія семейныя права членовъ королевскаго дома, они ждали отъ короны особаго рода преимуществъ, и, разочаровавшись въ своихъ ожиданіяхъ, принимались за мятежи. Если борьба эта въ общемъ порождала болѣе безпокойства, чѣмъ серьезнаго вреда, то все же привела на нижнемъ Рейнѣ къ отдѣленію на половину отъ государства южныхъ Фризовъ, нынѣшнихъ голландцевъ.

При недостаткѣ правительственной полномочной власти Генрихъ II могъ охранять единство государства отъ этихъ центробѣжныхъ стремленій только личнымъ вмѣшательствомъ и изстари значительнымъ нравственнымъ авторитетомъ королевской власти. Именно съ этой точки зрѣнія онъ старался дѣйствовать въ началѣ своего царствованія, явившись главнымъ образомъ въ южной Германіи личнымъ провозвѣстникомъ государственнаго мира. Такъ, лѣтомъ 1094 года онъ созывалъ ландтаги въ Цюрихѣ и Страсбургѣ въ защиту мира, позднѣе, даже нѣсколько разъ, онъ принудилъ и швабское и саксонское дворянство поклясться въ сохраненіи мира, подъ угрозой вмѣшательства въ ихъ вражду.

Дѣятельность эта должна была вызвать мысль о болѣе дѣятельномъ государственномъ законодательствѣ. Если при Оттонахъ законодательство почти совѣмъ пріостановилось, то теперь именно на-

стало время, когда король могъ съ успѣхомъ попытаться подтвердить еще разъ законодательнымъ путемъ монархическія воззрѣнія, — теперь, когда еще только въ зачаткѣ было образованіе при королѣ новой совѣщательной коллегіи князей, развившейся впоследствии въ рейстагъ временъ салійскихъ и штауфенскихъ. По сохранившимся даннымъ, король Генрихъ въ этомъ направленіи былъ очень дѣятеленъ. Онъ положилъ начало той заботливости о низшихъ сословіяхъ и сословіяхъ, поднимавшихся по соціальной лѣстницѣ, которою такъ успѣшно воспользовались его салійскіе преемники. Въ запрещеніи имперскими законами продажи крѣпостныхъ людей евреямъ и язычникамъ, въ установленіи болѣе прочнаго правоваго положенія для только что возникавшаго тогда многообъщавшаго сословія вассаловъ, выразилась истинная королевская политика покровительства и поддержки соціально болѣе слабымъ; быть можетъ она уже предвидѣла при этомъ въ этихъ низшихъ слояхъ противовѣсъ противъ растущей аристократіи князей.

Но и здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ, при Генрихѣ II проявляются одни лишь зачатки. Это были пробныя, хотя въ политическомъ направленіи разумныя, попытки къ возстановленію внутренней прочности имперіи. Онѣ рѣшительно подвинулись впередъ при преемникѣ Генриха, Конрадѣ II. Подобно тому, какъ сангвиническій Оттонъ Великій слѣдовалъ за осторожнымъ Генрихомъ I, такъ властно-стремительный первый Саліецъ слѣдовалъ за благочестивымъ и добрымъ Генрихомъ II, послѣднимъ изъ людольфингскаго дома.

II.

Со смертью Генриха имперія осиротѣла. Оставались только внуки Оттона Великаго по женской линіи: старшій и младшій Конрады; первый изъ старшей, второй изъ младшей линіи, оба они происходили отъ Конрада Рыжаго, франконскаго Конрадина и лотарингскаго герцога. Нація при выборѣ преемника, приняла однако въ соображеніе столь отдаленное родство.

Съ этой точки зрѣнія, казалось, Конрадъ старшій имѣлъ больше права на корону. Между тѣмъ въ имперіи его недолюбливали. Съ покойнымъ императоромъ онъ по временамъ находился въ открытой враждѣ, послѣ того какъ тотъ отнялъ отъ фамилии Конрада герцогство Каринтію и передалъ его благородному Адальберту. Къ тому же онъ получилъ лишь посредственное образованіе, а церковь претендовала на него за то, что онъ женился на Гизелѣ, вдовѣ герцога Эрнста Швабскаго, находясь съ нею въ степени родства, исключавшей по каноническимъ правиламъ возможность брака. Существовало такимъ образомъ достаточно поводовъ къ тому, чтобы предпочесть старшему Конраду младшаго.

Въ то время, какъ вліятельные выборные въ центрѣ имперіи колебались, Лотарингцы и Саксонцы, сѣверныя племена, старались вообще держаться въ сторонѣ и дѣйствовать особнякомъ, поэтому можно было счесть за начало удачнаго рѣшенія и то обстоятельство, что было быстро назначено общее избирательное собраніе въ Камбѣ при Оппенгеймѣ въ началѣ сентября 1024 года при невыясненной даже еще кандидатурѣ.

Въ Камбѣ же при отсутствіи Лотарингцевъ и Саксонцевъ, въ виду состоявшагося отреченія младшаго Конрада, избранъ былъ Конрадъ старшій.

Уже само это избраніе было первымъ личнымъ триумфомъ молодого короля. Предварительное соглашеніе съ двоюроднымъ братомъ и соперникомъ, сдѣлавши его кандидатуру единственно возможной, обнаружило въ немъ ту необычайную дипломатическую ловкость, обладаніе которой для нѣмецкаго короля въ XI-мъ столѣтіи было значительно важнѣе, чѣмъ обладаніе политической проницательностью въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова.

Послѣ избранія предстояло привлечь Лотарингцевъ и Саксонцевъ. Онъ совершилъ это необычайно быстро и основательно. Относительно Лотарингцевъ онъ употребилъ единичную и личную мѣру: архіепископъ Майнцкій по церковнымъ соображеніямъ отказался короновать его супругу, и Конрадъ поручилъ ея коронованіе и помазаніе Кельнскому архипастырю; ради этого племени и его знати онъ не поступилъ ни единымъ правомъ имперіи. Въ Саксоніи онъ расположилъ къ себѣ сердца лояльнымъ признаніемъ установившагося при Генрихѣ II порядка вещей, вдобавокъ онъ собралъ съ Славянъ правой стороны Эльбы давно повидимому забытую дань.

Конраду понадобилось не болѣе четверти года, чтобы въ основу своего царствованія положить порядокъ вещей, созданный Генрихомъ II. Съ наступленіемъ 1025 года онъ могъ двинуться и дальше. Онъ отправился на югъ; въ Аугсбургѣ онъ повидимому отказался исполнить условія, въ силу которыхъ Конрадъ младшій отрекся отъ своихъ притязаній; въ Регенсбургѣ онъ впервые унизилъ Адалберта, котораго онъ ненавидѣлъ, такъ какъ считалъ его похитителемъ герцогства Каринтіи; онъ уменьшалъ его область, учредивъ новую марку между Савой и Дравой.

Ясно стало, чего можно было ожидать отъ этого государя. Рѣзкій, строгій, бережливый и сдержанный, проникнутый непримиримой ненавистью къ врагамъ, необычайно запальчивый относительно всѣхъ, ни передъ чѣмъ не останавливающійся при достиженіи поставленныхъ себѣ цѣлей, попирая если нужно и самые законы—Конрадъ, казалось, былъ именно тѣмъ человѣкомъ, который могъ на добытыхъ съ такимъ трудомъ Генрихомъ II основахъ возстановить самовластіе Оттона Великаго.

Изъ усмиреной Германіи короля тянуло уже въ Италію. Здѣсь тѣ же приемы, тотъ же успѣхъ. Въ февралѣ 1026 года имперское войско собралось въ Аугсбургѣ, передъ походомъ за Альпы знатныя должны были одобрить передъ этимъ состоявшееся назначеніе Генриха, несовершеннолѣтняго сына Конрада королемъ и правителемъ государства. Затѣмъ войско по занесеннымъ снѣгомъ горнымъ дорогамъ двинулись въ волновавшуюся Ломбардію. Суровыми походами Конрадъ усмирилъ страну; еще ни одинъ нѣмецкій король по ту сторону Альпъ не властвовалъ такъ, какъ онъ. На Пасхѣ 1028 года въ присутствіи великаго короля Англійи и Даніи Канута и короля Рудольфа Бургундскаго на него возложена была въ Римѣ императорская корона; этой страшной волѣ, казалось, все удавалось.

Но и на этотъ разъ деревья не выросли выше небесъ. Ниже мы увидимъ, насколько король Генрихъ II сумѣлъ проявить личное притязаніе на наслѣдство бургундскаго королевства послѣ ожидавшейся скорѣ смерти послѣдняго бургундскаго государя Рудольфа. Не въ духѣ Конрада было разстаться съ этимъ притязаніемъ; онъ утверждалъ свое право не только ради лично Генриха II, а ради имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ради себя, какъ преемника Генриха. Тутъ произошло столкновеніе съ основанными на фамилныхъ правахъ притязаніями ближайшихъ родственниковъ короля: его пасынокъ Эрнстъ, герцогъ Швабскій, могъ явиться претендентомъ престола, какъ правнукъ послѣдняго бургундскаго короля, хотя и по женской линіи; подобныя же права имѣли Конрадъ младшій и герцогъ Фридрихъ изъ Верхней Лотарингіи. Еще до похода въ Италію родственники предъявляли эти права; такъ какъ они не были выслушаны или ихъ старались успокоить сомнительными обѣщаніями, то они искали совѣта у друзей и у недовольныхъ въ Имперіи: Эрнстъ Швабскій — у могущественнаго графа Вельфа въ Оберландѣ, Фридрихъ же Верхнелотарингскій у герцога Гозело въ Нижней Лотарингіи. Подготовлялась коалиція, которая могла быть тѣмъ грознѣе для императора, что и герцогъ Одонъ (Odo) въ Шампаніи заявлялъ также притязанія на Бургундію, а Робертъ Французскій склоненъ былъ попробовать впервые новыя силы своей королевской власти противъ имперіи.

Еще во время пребыванія Конрада въ Италіи преждевременно произошелъ взрывъ открытой вражды. Графъ Вельфъ, недовольный повидимому отчасти удавшейся тактикой короля Конрада сглаживать контрасты, возсталъ на собственный страхъ, осадилъ, завоевалъ и разграбилъ Аугсбургъ и такимъ образомъ почти приостановилъ дѣятельность императорскаго управленія. Король, не успѣвшій еще дойти до Италіи, отправилъ своего пасынка Эрнста для усмиренія возстанія, намѣреваясь экзекуціей графа Вельфа со стороны его друга Эрнста разрушить навсегда союзъ недовольныхъ. Однако же:

Эрнстъ разстроилъ эти расчеты, перейдя по совѣту своихъ вассаловъ на сторону графа Вельфа.

Тогда Конрадъ двинулся изъ Италіи. Онъ потребовалъ Вельфа и Эрнста на сеймъ въ Ульмъ; оба явились и держали себя гордо, полагаясь еще вполне на вѣрность своихъ вассаловъ и ленниковъ. Но увѣренность послѣднихъ исчезла передъ видомъ Конрада и блескомъ его короны; они покинули графа и герцога. Оба вынуждены были сдаться; Эрнстъ былъ на время лишенъ герцогства, но вскорѣ вновь помилованъ. Король же безъ замедленія двинулся въ Вормсъ, чтобы наказать младшаго Конрада. Но и тотъ вскорѣ былъ помилованъ. Это почти единственный случай милосердія со стороны Конрада.

Ему за него дурно заплатили. У Эрнста, вновь ставшаго герцогомъ Швабскимъ, былъ вѣрный другъ, графъ Вернеръ изъ Кобурга, который послѣ пораженія родственниковъ не сложилъ оружія и теперь побудилъ Эрнста къ возобновленію своихъ притязаній на Бургундію. Король потребовалъ его на сеймъ въ Ингельгеймъ, герцогъ Эрнстъ также былъ лично вызванъ на него; Эрнстъ долженъ былъ двинуться противъ Вернера, какъ нарушителя общественнаго спокойствія (какъ герцогъ, онъ обязанъ былъ это сдѣлать). Но Эрнстъ не могъ рѣшиться на это; въ борьбѣ между вѣрностью имперіи и вѣрностью дружбѣ побѣду одержала дружба. Король пришелъ въ ярость; онъ отнялъ у герцога землю, осудилъ его на изгнаніе, приказалъ епископамъ отлучить его. И Эрнстъ, совершенно несчастный, ушелъ съ другомъ своимъ прежде всего во Францію къ врагамъ своего королевскаго отчима и имперіи, но когда и оттуда, въ виду его безпомощности, удалили его, онъ направился въ родные лѣса горной Швабіи, чтобы тамъ умереть. Не сдерживаемый ничѣмъ, ворвался онъ съ горстью приверженцевъ изъ Фалкенштейна въ Бааръ, наткнулся на имперскій отрядъ подъ начальствомъ графа Манегольда и вмѣстѣ съ своимъ другомъ палъ въ отчаянной схваткѣ 17 августа 1030 года.

Таковъ былъ полный трагизма конецъ Эрнста. Суровый приговоръ имперской власти приведенъ былъ въ исполненіе; сильная королевская власть сдѣлала принудительнымъ соблюденіе присяги и послушанія со стороны того, кто такъ близко стоялъ къ трону. Церковь однако сжалилась надъ герцогомъ; она сняла съ покойнаго отлученіе, она удостоила его христіанскимъ погребеніемъ, между тѣмъ какъ императоръ память своего насynка почтилъ только рѣзкимъ словомъ, сказавъ, что порода злыхъ собакъ не доживаетъ до старости.

Иначе думала нація. Нація чтитъ герцога Эрнста, какъ защитника племенной самостоятельности противъ давленія унитаризма императора: воспоминаніе о немъ сливается въ пѣсняхъ и сказаніяхъ съ Лудольфомъ, швабскимъ герцогомъ, мятежнымъ сыномъ Оттона Великаго. Еще сильнѣе производила на нее впечатлѣніе чисто нрав-

ственная борьба въ груди герцога, съ энтузіазмомъ склоняется она вмѣстѣ съ Эрнстомъ на сторону дружбы при выборѣ между вѣрностью имперіи и вѣрностью дружбѣ. Нѣмецкому сердцу еще чуждо было увлеченіе обширнымъ цѣлымъ, нравственной силой и культурными задачами общей родины; еще отъ древнѣйшихъ временъ уцѣлѣло въ немъ понятіе о вѣрности кровнымъ, братскимъ, крѣпкимъ узамъ дружбы.

Если въ столкновеніи императора Конрада и Эрнста Швабскаго внутренній разладъ дошелъ до высшаго проявленія нравственной борьбы, то въ смѣщеніи герцога Адалберта Каринтійскаго проявилась непоколебимая, страстная власть императора, ничего не прощающая, ничего не забывающая. Мы знаемъ, что Конрадъ отнялъ у герцога еще въ 1025 году землю между Дравой и Савой, считая его, повидимому несправедливо, личнымъ врагомъ своего дома; затѣмъ въ 1027 году послѣдовало отдѣленіе Триента и марки Вероны, бывшей Каринтійской епархіи. Мало того, императоръ нашелъ средство лично унижить ненавистнаго герцога, назначивъ его своимъ оруженосцемъ и принудивъ его такимъ образомъ къ тягостнымъ личнымъ услугамъ. Но самый сильный гнѣвъ разразился надъ Адалбертомъ въ 1035 году въ имперскомъ сеймѣ, въ Бамбергѣ. Здѣсь императоръ обвинилъ Адалберта передъ собравшимися князьями (очевидно на основаніи крайне незначительной вины послѣдняго) въ государственной измѣнѣ, добился его осужденія среди крайне тяжелыхъ сценъ, поставившихъ императора въ открытое противорѣчіе съ его сыномъ Генрихомъ, хотя Адалбертъ отсутствовалъ и не былъ выслушанъ. У несчастнаго отняли герцогство, лишили его даже его собственнаго имѣнія. Скитальцемъ умеръ онъ въ 1039 году, а младшій Конрадъ получилъ герцогство, ставъ отнынѣ вѣрнымъ слугою императора.

Возмущеніе Эрнста Швабскаго и смѣщеніе Адалберта Каринтійскаго—единственные крупные несогласія, происходившія внутри государства въ царствованіе короля Конрада. Отвѣтственность за эти событія по крайней мѣрѣ настолько же падаетъ на короля, какъ и на сильно пострадавшихъ герцоговъ; событія эти нельзя никоимъ образомъ сравнивать съ прежними движеніями при Оттонѣ и даже при Генрихѣ II; въ основѣ ихъ не лежатъ собственно своекорыстные побужденія; въ дѣйствительныхъ мотивахъ не замѣчается уже болѣе древней племенной обособленности, мотивировка эта приписана поступкамъ Эрнста въ позднѣйшихъ сказаніяхъ; фактическаго противовѣса главѣ имперіи уже не было. Конрадъ II удачно поддерживалъ столкновеніе племенныхъ контрастовъ, всеобщее подчиненіе знати центральной власти, быстрое подавленіе волею короля фамиллярныхъ притязаній членовъ королевской фамиліи, и пожалъ все то, что посѣялъ Генрихъ II.

При этомъ Конрадъ имѣлъ возможность упрочить усиливавшееся династическое стремленіе неоднократнымъ подтвержденіемъ наследственности королевскаго достоинства. Уже въ 1026 году его девятилѣтній сынъ Генрихъ назначенъ былъ королемъ въ силу признанія князей. Затѣмъ по возвращеніи Конрада изъ Италіи послѣдовало избраніе въ баварскіе герцоги, и вслѣдъ затѣмъ на Пасху 1028 года— избраніе въ короли, помазаніе и коронація: въ почестяхъ, оказанныхъ одиннадцатилѣтнему королю, воскресли всѣ лучшія преданія могущественной императорской эпохи. Конрадъ еще передъ смертью передалъ коронованному сыну вмѣстѣ съ герцогствомъ Баварскимъ и герцогство Швабское; Франконія тотчасъ подпала подъ его власть, Каринтіей владѣлъ родственникъ Конрадъ младшій; въ высшей степени преданный Гозело (Gozelo) управлялъ Лотарингіей, какъ соединеннымъ герцогствомъ, съ такимъ полномостіемъ, что всѣ враждебно настроенныя силы страны, находясь въ взаимной враждѣ, были безвредны для имперіи. Такимъ образомъ и герцоги и племена подчинились центральной власти. Къ тому же король Конрадъ избѣжалъ тѣхъ затрудненій, которыя возникали для каждаго государя со стороны сочленовъ его фамиліи въ силу отсутствія особаго королевскаго династическаго права. Онъ политически уничтожилъ всѣхъ своихъ родственниковъ (кромѣ своего сына Генриха и Конрада младшаго), принудивъ имъ къ постриженію.

Самое важное событіе состояло въ томъ, что онъ воспользовался церковными учрежденіями для государственной цѣли. Епископы, впрочемъ, утратили очень много изъ прежняго политическаго значенія своего. Конрадъ отличался, правда, благопристойнымъ благочестіемъ своего времени, по временамъ онъ жертвовалъ на церкви; вѣроятно имъ заложенъ соборъ въ Шнейерѣ. Однако, онъ чуждъ былъ болѣе глубокихъ религіозныхъ интересовъ. Епископы были для него не больше, какъ церковные чиновники; поэтому онъ назначалъ ихъ, руководствуясь чисто политическими и административными соображеніями, и, какъ экономный финансистъ, умѣлъ пользоваться случаями смѣны епископовъ: продажа церковныхъ должностей сильно процвѣтала.

Его церковная политика существеннымъ образомъ клонилась къ ослабленію значенія крупныхъ церковныхъ должностей. Такъ Майнцскимъ архіепископомъ онъ назначилъ своенравнаго, невѣжественнаго человѣка изъ монастыря Фульды, монаха, совершенно неспособнаго къ широкой дѣятельности; въ то же время онъ отдѣлилъ отъ Майнца управление для Италіи (Kanzlei) и присоединилъ его къ Кѣльнскому архіепископству: это отняло у Майнца часть его значенія и вселило обоюдное недовѣріе между представителями Майнца и Кѣльнскаго архіепископствъ.

Одно и то же направленіе преобладало во всѣхъ поступкахъ Конрада: возвышеніе королевской власти надъ церковью и племенемъ, надъ

епископами и герцогами, создание монархии на основѣ особыхъ законовъ. Эта точка зрѣнія вынуждала носителя короны посвятить свои силы подчиненію всѣхъ силъ, противодѣйствовавшихъ его стремленіямъ.

Въ этомъ смыслѣ король Конрадъ является величайшимъ новаторомъ. Правда, уже Генрихъ II рискнулъ сдѣлать первыя попытки положительной внутренней политики въ соціальной сферѣ. Однако же судя по позднѣйшимъ событіямъ, можно думать, что Конрадъ значительно превзошелъ его. Въ Италіи онъ старался организовать общество экономически и соціально, въ Германіи, являясь суровымъ притѣснителемъ знати, онъ старался привлечь на сторону королевской власти многообѣщающую приверженность широкихъ слоевъ народа. Онъ облегчилъ участь несвободныхъ. Онъ сильно поднялъ общественное значеніе кавалеріи, много обѣщавшаго въ будущемъ сословія земельныхъ владѣльцевъ: *militum animos in hoc multum attraxit, quod antiqua beneficia parentum nemini posterorum auferri sustenuit* ¹⁾. Онъ относился очевидно благосклонно и къ зарождающемуся бюргерству городовъ. Будучи въ молодости ученикомъ епископа Бурхарда Вормскаго, преданнаго и доброжелательнаго реорганизатора сословныхъ отношеній Вормскаго бюргерскаго и поземельнаго сословія, онъ, какъ король—сталъ основателемъ той дружелюбной къ рыцарямъ и бюргерамъ политики, которая осталась наслѣдственнымъ достояніемъ салійскихъ государей.

III.

Первые шаги Генриха III внутри Имперіи были для него благоприятны; отецъ оставилъ ему нѣмецкія земли въ довольно удовлетворительномъ состояніи, такъ что молодой король безъ труда могъ продолжать политику Конрада. Въ духъ послѣдней было то, что послѣ смерти герцога Конрада Каринтійскаго въ 1039 году король присоединилъ и эту страну къ своимъ другимъ герцогствамъ: теперь однѣ только Лотарингія и Саксонія оставались еще самостоятельными герцогствами: салійская политика въ рѣзко унитарномъ духѣ принялась за уничтоженіе племенныхъ властей.

Скоро однако обнаружилось, что Генрихъ, столь же суровый и страстный, столь же пекущійся о выгодахъ имперіи и собственныхъ, какъ и его отецъ, въ одномъ пунктѣ весьма существенно отличался отъ послѣдняго. Онъ совсѣмъ лишенъ былъ свѣтскитрезваго смысла, который доступенъ былъ только личной, а отнюдь не политически навѣянной набожности; уже рано онъ проявилъ (вѣроятно, какъ наслѣдіе отъ матери) сильныя церковныя

¹⁾ Wipo. Gesta Chunradi imp. c. 6.

интересы, тѣмъ болѣе бросившіеся въ глаза, что онъ въ противоположность отцу получилъ превосходное образованіе. Онъ былъ очень доступенъ желаніямъ духовенства и черезъ чуръ игнорировалъ ту опасность, которая обыкновенно кроется въ сліяніи церковныхъ, даже просто религіозныхъ, мотивовъ съ государственными мѣропріятіями.

Эта черта въ характерѣ государя впервые дала себя знать тогда, когда онъ началъ вводить въ имперіи особый религіозный миръ.

Въ романскихъ странахъ королевская власть показалась слишкомъ слабой для того, чтобы сохранить миръ собственными силами. Поэтому тамъ церковь взяла на себя удовлетвореніе потребности въ мирѣ. Во главѣ французскаго движенія стоялъ реформированный монастырь Клуни. Всеобщій миръ долженъ былъ царить по крайней мѣрѣ въ теченіи той части недѣли, когда Господь Богъ страдалъ: съ вечера среды до утра понедѣльника: кто нарушитъ миръ, тотъ подвергается церковному отлученію. Встрѣченное вначалѣ съ насмѣшкой, движеніе это скоро съ магической силой овладѣло сердца-ми. Миръ пріобрѣлъ скоро значеніе божьяго установленія, значеніе *Freuga Dei*: онъ явился непосредственно съ неба, исходя изъ милосердія.

Этотъ институтъ, очевидно, не прямо перешелъ въ Германію; епископъ Гергардъ Камбрійскій былъ правъ, когда, противясь введенію божьяго мира въ его епархіи, принадлежавшей имперіи, онъ замѣтилъ при этомъ, что въ имперіи король достаточно заботится о мирѣ. Тѣмъ не менѣе Генрихъ, ознакомившійся съ вліяніемъ *Freuga Dei* на романской почвѣ, старался ввести родъ религіознаго мира, хотя и обусловленнаго политическими соображеніями. Многократно, въ особенности послѣ крупныхъ военныхъ успѣховъ, онъ ставилъ себя и князей подъ дѣйствіе религіозно обезпеченнаго мира, прощая въ теченіе церковнаго празднества всѣмъ своимъ врагамъ и противникамъ, и взамѣнъ онъ требовалъ отъ сановниковъ подобнаго же обѣщанія примиренія для настоящаго и будущаго. Эти событія примыкали въ нѣкоторомъ смыслѣ къ подобнымъ же событіямъ при Генрихѣ II ¹⁾. Но если въ началѣ новаго укрѣпленія имперіи, при Генрихѣ II, они были еще дозволены и имѣли благотворное вліяніе, то они должны были считаться особенно возможными въ такое время, когда имперія располагала достаточнымъ могуществомъ для того, чтобы сохранять миръ собственнымъ сознаніемъ духовной и матеріальной силы.

Болѣе дурныя вліянія имѣло религіозное настроеніе Генриха въ

¹⁾ Техническое названіе было *pacis foedus, concordiae foedus*, см. Письмо Берно къ Генриху III, 1045, у Дѣберли 3, 6.

самой важной сферѣ внутренней политики, — въ сферѣ взаимныхъ отношеній между свѣтскими и духовными князьями. Конрадъ при мѣнялъ къ нимъ одинаковую мѣру, что равносильно было униженію епископовъ. Результатъ для короны оказался наивыгоднѣйшимъ, какой только можно себѣ вообразить.

Теперь Генрихъ сталъ опять выдвигать на первый планъ и свободнѣе обставлять епископовъ: въ соотвѣтствіи съ требованіями церковныхъ реформистскихъ круговъ, онъ отклонилъ именно отъ себя всякое назначеніе епископовъ и совершенно отказался отъ продажи епископствъ. Не говоря обо всемъ прочемъ, рѣчь шла теперь о покрытіи вызваннаго этимъ недостатка казны существовавшими доходами. Генрихъ, повидимому, и пытался достигнуть этого, взыскивая при пожалованіи новыхъ свѣтскихъ леновъ и при переходѣ такихъ леновъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, болѣе значительныя суммы: другими словами, стремился достигнуть этого безвреднымъ для себя способомъ, перекладывая взысканія съ духовныхъ князей на свѣтскихъ.

Это было лишь одно изъ проявленій всеобщей тенденціи королевской политики въ пользу церкви, съ теченіемъ времени все тягостнѣе и тягостнѣе отражавшейся на свѣтскихъ князьяхъ. Въ этихъ кругахъ стало проявляться всеобщее недовольство, принявшее уже въ 1046 г. такіе размѣры, что для короля едвали возможно было продолжать прежнюю политику Конрада. Онъ долженъ былъ опять отдать въ ленное владѣніе герцогства каринтійское и баварское. Незначительные зачатки волненій среди князей тамъ-и-сямъ перешли въ энергическое противодѣйствіе. И происходило это тѣмъ легче, что Генрихъ, въ противоположность своимъ предшественникамъ и преемникамъ, никогда повидимому не ставилъ своей задачей возвышеніе среднихъ классовъ¹⁾, хотя въ его время уже ясно было, что классамъ этимъ предназначено стать современемъ орудіемъ королевской власти противъ территоріальной княжеской власти.

Въ Саксоніи и Баваріи уже рано стали проявляться легкія волненія, часто обусловливавшіяся столкновеніями между свѣтскими князьями и епископами. Очагомъ же безвластія служили теперь, какъ это было уже при Генрихѣ II и Конрадѣ II, лотарингскія герцогства. Здѣсь умеръ въ 1044 г. Гозело (Gozelo), бывшій одновременно властителемъ сѣвера и юга Лотарингіи; онъ завѣщалъ своему старшему сыну Готфриду верхнюю Лотарингію, а младшему Гозело — нижнюю Лотарингію. Но Готфридъ предъявилъ претензію на обѣ части. Тогда король, предпочитавшій раздробленіе страны, при помощи суда

¹⁾ Такъ называемый законъ Генриха III о потерѣ лена — *Lehensverlust* (M. G. LL. 2,43) врядъ ли можно сюда отнести, если бы даже и слѣдовало приписывать его Генриху III.

князей лишилъ его имперскихъ леновъ, а когда тотъ сдался, онъ заключилъ его подъ арестъ въ крѣпость Гибихенштейнъ на Заале. Этотъ поступокъ повидимому имѣлъ ближайшіе благоприятные результаты. Готфридъ отказался отъ Нижней Лотарингіи, и поправъ вновь къ Генриху въ милость, получилъ обратно нагорную область; низовая же область перешла къ люксембургскому Фридриху.

Но въ это время на западѣ возникли опять новые очаги будущихъ волненій. Какъ разъ въ то время формировалась Голландія, и Генрихъ возстановилъ въ ней противъ себя непосредственнымъ своимъ вмѣшательствомъ и покровительствомъ епископству Утрехтъ-могущественнаго графа Дирка IV. Кромѣ того графъ фландрскій Балдуинъ V, благодаря пожалованію его сыну имперскаго маркграфства, вовлеченъ былъ въ запутанные нѣмецко-лотарингскіе интересы; немного спустя, онъ составилъ въ союзѣ съ Диркомъ Голландскимъ и съ никогда вполне непримирившимся Готфридомъ верхне-лотарингскимъ коалицію, которая была вдвойнѣ опасна, такъ какъ она сумѣла обезпечить себѣ содѣйствіе французскаго короля Генриха I.

Прежде всего выступилъ — и вполне удачно — противъ имперіи графъ Диркъ; въ морскомъ сраженіи Генрихъ III былъ совершенно разбитъ. Затѣмъ взялись также за оружіе Балдуинъ и Готфридъ.

Императоръ скоро понялъ, что онъ можетъ потушить разгорающійся на западѣ имперіи пожаръ, вступивъ въ союзъ съ западными государствами — Франціей и Англіей; графы Фландрскій и Голландскій были непобѣдимы, пока море оставалось для нихъ открытымъ. И вотъ онъ сначала удачно принялся за составленіе союза съ Франціей; затѣмъ состоялись союзы съ Даніей и Англіей. Тогда императоръ обратился (въ іюнѣ 1049 г.) противъ бунтовщиковъ. Но прежде чѣмъ онъ появился на западѣ, Люттихскій, Утрехтскій и Мецскій епископы, ожесточенные враги западныхъ свѣтскихъ князей, предвосхитили его успѣхъ; 14 января 1049 г. голландскій графъ былъ разбитъ ихъ войскомъ при Влардингенѣ. Затѣмъ и Готфридъ и Балдуинъ, отлученные церковью, явились къ императору. Балдуинъ покорился имперіи; Готфридъ попалъ въ плѣнъ къ Трирскому архіепископу. Въ сущности это были успѣхи церкви: даже военная дѣятельность перешла, казалось, въ духовныя руки.

Но герцогъ Готфридъ убѣжалъ изъ своего плѣна въ Италію и здѣсь обручился съ Беатриче, вдовой покойнаго маркграфа Бонифація; сразу онъ сталъ могущественнѣйшимъ властителемъ средней Италіи. Было естественно, что онъ теперь началъ стремиться къ овладѣнію верхней Лотарингіей. И Балдуинъ Фландрскій немедленно явился къ нему на помощь въ этомъ предпріятіи. Тщетно императоръ двинулся противъ строптиваго маркграфа, тщетно изгналъ онъ Готфрида изъ его итальянскаго владѣнія: Готфридъ убѣжалъ къ Балдуину; предстоялъ новый рядъ битвъ на сѣверозападѣ. Но произошла

внезапная переменна. Готфридъ явился къ императору; Генрихъ, умирая, примирился съ нимъ, передалъ ему тосканское государство и взялъ съ него клятву въ вѣрности Генриху IV, его сыну и преемнику.

Бросая взглядъ на только-что изложенныя подробности возмущеній и возстаній противъ Генриха III, нельзя не признать, что великія времена короля Конрада миновали навсегда. Политика Генриха сняла оковы съ дремлющихъ противоположностей интересовъ свѣтскихъ и церковныхъ князей, а въ предѣлахъ этихъ противоположностей свѣтскіе князья извлекли послѣдствія изъ того факта, что они видѣли короля на сторонѣ противника. Эти событія вмѣстѣ съ утратой болѣе тѣсныхъ отношеній королевской власти къ низшимъ слоямъ народа предвѣщали въ будущемъ страшныя бури.

Въ добавокъ къ этому, уже при Генрихѣ III отношенія къ Саксоніи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ дѣламъ сѣвера и сѣверо-востока, приняли такой характеръ, что при дальнѣйшей беспечности королей они должны были привести къ отдѣленію Саксоніи отъ Имперіи, и потомъ должны были привести къ ожесточенной борьбѣ съ этимъ племенемъ, нѣкогда носителемъ имперской власти.

IV.

Наденіе славянской политики Оттоновъ, начавшееся съ конца X-го вѣка, сдѣлалось очевиднымъ особенно при Генрихѣ II. Нападенія поляковъ противъ имперіи (о нихъ сейчасъ будетъ рѣчь) содѣйствовали уничтоженію послѣднихъ узъ, связывавшихъ еще при-эльбскихъ Славянъ съ имперіей. Мало того, въ послѣдніе годы царствованія Генриха II въ Саксоніи царила полная анархія, вызванная губительными раздорами между свѣтскими князьями и епископами, и призывъ короля къ миру лишь мало-по-малу находилъ себѣ откликъ въ собственной странѣ.

Между тѣмъ на сѣверѣ появился могущественный соперникъ имперіи противъ приэльбскихъ и балтійскихъ славянъ. Сѣверо-германскія государства переживали тогда періодъ великихъ соціальныхъ преобразованій. Древніе походы викинговъ прекратились; раздробленная политическая жизнь, проявлявшаяся въ сотняхъ политическихъ формъ, подобныхъ германскимъ народнымъ государствамъ первобытнаго времени, уже не удовлетворяла больше интересамъ націи. Надъ ними возвысилась, правда быстро пришедшая въ упадокъ, но все-таки способная къ проявленію великихъ кратковременныхъ силъ, верховно-королевская власть, подобная власти Марбода и Святополка на южно-германской и славянской почвѣ.

Такъ король Кануть датскій принялся тогда за сліяніе во-едино

сѣверныхъ государствъ. Въ концѣ концовъ онъ завоевалъ Норвегію и Швецію, господствовалъ въ Англіи, предписывалъ законы шотландскимъ королямъ; сроднившись съ польскимъ королемъ Меско II, онъ сталъ вслѣдствіе этого ближе и къ средне-европейскимъ дѣламъ. Уже до этого (въ 1019 г.) онъ разбилъ язычниковъ - славянъ при Балтійскомъ морѣ и приступилъ къ распространенію господства Дани на южныхъ берегахъ Балтійскаго моря.

При такихъ обстоятельствахъ можно было считать за счастье, что образовалось на нижней Эльбѣ наследственное герцогство Биллунговъ, тогдашній представитель котораго Бернгардъ, примирившійся въ концѣ концовъ съ королею Генрихомъ II, по крайней мѣрѣ хотѣлъ отчасти принять участіе въ славянскихъ дѣлахъ. Тѣмъ не менѣе возстановить въ Вагріи епископство Ольденбургское не удалось, и марка Шлезвигъ оказалась теперь уже внѣшнимъ постомъ имперіи. Также на югѣ, на средней Эльбѣ, церковныя учрежденія, приходы и епископства распались, и ихъ прототипъ—архіепископства Магдебургъ и Гамбургъ-Бременъ, оставили всякую мысль о миссіонерской дѣятельности.

Конрадъ II, нѣкогда столь энергическій, въ этомъ случаѣ извлекъ лишь послѣдствія совершившагося. На вторженія Лютиціевъ (Liutizen) въ Саксонію онъ отвѣтилъ отклоненіемъ суда Божьяго между обѣими партіями на имперскомъ сеймѣ въ Вербенѣ въ 1033 году: его не должно было удивить, если Лютици на этотъ поступокъ отвѣтили дальнѣйшими нападеніями, отраженіе которыхъ повело къ нѣсколькимъ походамъ за Эльбу. Съ Канутомъ же онъ заключилъ дружескій союзъ, повлекшій за собою женитьбу его сына Генриха III на дочери Канута, Гунтгильдѣ, и уступку Дани Шлезвигской марки: онъ вѣроятно надѣялся, что при помощи отношеній къ Кануту ему удастся по крайней мѣрѣ отчасти удержать авторитетъ имперіи на сѣверѣ. Но онъ ошибся. Король Кануть умеръ уже въ ноябрѣ 1035 года, и сыновья его тотчасъ же вступили между собою въ борьбу за отцовское наследство. Среди этихъ раздоровъ погибло датское великое королевство. Его смѣнило великое королевство норвежцевъ; въ 1042 году король Норвежскій Магнусъ, сынъ Олафа, одержалъ побѣду надъ флотомъ датчанъ и объявилъ себя королемъ самаго южнаго изъ сѣверныхъ государствъ.

Съ этими-то сѣверными отношеніями приходилось считаться Генриху III. Между тѣмъ онъ далекъ былъ оттого, чтобы о сѣверогерманскихъ и сѣверо-славянскихъ дѣлахъ заботиться даже настолько, какъ его отецъ.

Такимъ образомъ здѣсь выступили на первый планъ саксонскіе герцоги, давнишніе маркграфы самой сѣверной области при-эльбскихъ славянъ. Герцогъ Бернгардъ женилъ старшаго своего сына Ордульфа на сестрѣ короля Магнуса, послѣ чего они оба установили

общую, враждебную славянамъ политику: Юмсбургъ, нынѣшній Волинъ на восточномъ устьи (Ostmündung) Одера ¹⁾, вѣроятно, былъ тогда завоеванъ и сожженъ, а Абодриты разбиты были въ страшномъ сраженіи вблизи Шлезвига. Съ тѣхъ поръ славянскія силы на восточныхъ берегахъ моря между Шлеемъ (Schlei) и Одеромъ надолго были сломлены; народъ подчинился саксонскому вліянію, и нѣмецъ Готшалкъ, сынъ Удо, съ военной суровостью основалъ на лѣвомъ берегу Эльбы королевскую власть.

Совершенно иначе шли дѣла на средней Эльбѣ! Здѣсь могущество саксонскаго герцогства давала себя меньше чувствовать; варварство лютиціевъ разливалось по нѣмецкой странѣ въ непрерывныхъ военныхъ походахъ; королевская власть была не способна задержать эти вторженія; послѣдніе дни Генриха III были отравлены вѣстью о новомъ славянскомъ грабежѣ и о саксонскомъ пораженіи.

На сѣверѣ же между тѣмъ рядомъ съ свѣтской дѣятельностью Биллунговъ выступила миссія бременской церкви. Уже архіепископъ Альбрандъ въ союзѣ съ королемъ Магнусомъ и герцогомъ Бернгардомъ отправилъ нѣкоторыхъ миссіонеровъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Примѣру его послѣдовалъ въ 1045 г. Адальбертъ, прежній пробстъ при Гальберштадской соборной церкви, происходившій изъ дома графа фонъ-Гозека, — наиболее блестящій представитель церковнаго княжества въ срединѣ XI столѣтія, — воспитатель, совѣтникъ и другъ Генриха IV. Вначалѣ вмѣстѣ съ Биллунгами, а потомъ отдѣльно, онъ составилъ планъ расширенія власти бременской церкви до всеобъемлющаго сѣвернаго патріархата, а самый Бременъ сдѣлать блестящимъ центромъ умственной и духовной жизни на сѣверѣ. Ему вручена была папскою буллою отъ 24 Апрѣля 1047 архіепископская власть надъ всѣми сѣверными странами; черезъ пять лѣтъ онъ подобно его преемникамъ по бременской кафедрѣ былъ назначенъ постояннымъ викаріемъ и легатомъ папы между сѣверными народами съ правомъ неограниченной церковной власти: его положеніе сравнено было съ положеніемъ Бонифація въ Германіи.

Пользуясь своимъ положеніемъ Адальбертъ дѣйствовалъ одинаково энергично, какъ въ церковномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, на всемъ сѣверѣ до Исландіи и Гренландіи: казалось, что планамъ его суждена была величайшая будущность.

Между тѣмъ скоро обнаружилось, что предпріятіе Адальберта, не смотря на всѣ старанія пріобрѣсти для него поддержку имперіи, не пользовалось энергическимъ участіемъ Генриха III. Значеніе Оттоновской миссіи Магдебурга и Гамбургъ-Бремена во время оно поддерживалось постоянными успѣхами политическаго расширенія имперіи.

¹⁾ *Волинъ* — островъ на Балтійскомъ морѣ. Онъ занимаетъ пространство въ 245 кв. м. и имѣетъ 14000 жителей. *Прим. перев.*

на сѣверъ и востокъ, а теперь недоставало этого необходимаго предварительнаго условія успѣха. Бременская миссія почти совершенно разложилась; поскольку она сохранилась, она должна была научиться дѣйствовать безъ поддержки государства. Она, такимъ образомъ, находилось въ одномъ положеніи съ саксонскимъ герцогствомъ. Величайшія церковныя и свѣтскія институціи сѣверо-востока были такимъ образомъ какъ бы отрѣзаны отъ дѣйствительнаго монархическаго вліянія; они пріучались полагаться на самихъ себя,—они принялись создавать собственный міръ. Это были зачатки того отчужденія отъ сѣвера, при завершеніи котораго имперія стала пониматься, какъ специфически средне- и южно-германская, а въ концѣ концовъ только какъ южно-германская.

Совершенно иначе сложились при первыхъ трехъ императорахъ первой половины XI столѣтія отношенія восточной границы имперіи, такъ какъ они были ближе къ южно и средне-германскимъ интересамъ. Разница эта тѣмъ поразительнѣе, что въ началѣ царствованія Генриха II этой именно границѣ, казалось, грозила наибольшая опасность.

Въ Польшѣ могущественный государь Болеславъ Храбрый въ полной мѣрѣ воспользовался тѣмъ фактомъ, что со времени удивительнаго похода Оттона Третьяго въ Гнезенѣ существовала собственная польская церковь, были установлены непосредственныя сношенія съ Римомъ, и поляки стали на востокъ самостоятельными защитниками западной церкви. Идеаломъ Болеслава Храбраго была средне-европейская славянская великая имперія, о каковой мечталъ Святополкъ Моравскій до него, Бретиславъ и Оттокаръ Богемскій послѣ него. Онъ завоевалъ на западъ и на югъ Силезію, Хорватію и Моравію; на сѣверо-востокъ онъ стремился поставить въ зависимость отъ себя при-эльбскихъ славянъ. На помощь явились смутныя времена, наставшія послѣ смерти Оттона III, и то обстоятельство, что послѣ убійства маркграфа Эккарта осиротѣла Мейсенская марка. Болеславъ завоевалъ марку, городъ Мейсенъ попалъ въ его руки, благодаря измѣнѣ. Результатомъ смѣлаго поступка было отпаденіе и Богеміи отъ имперіи: казалось, что на западѣ основалось великое польское государство. Успѣхи эти послѣдовали столь быстро, что Болеславъ считалъ себя свободнымъ отъ всякихъ отношеній къ нѣмецкому государю, его ленному господину; онъ обратился къ папѣ съ просьбой о королевской коронѣ.

Генрихъ II пытался уже разъ полюбовно покончить съ Болеславомъ: эту робкую политику предписывала ему слабость его королевской власти. И теперь онъ пытался уладить дѣло; онъ предлагалъ Болеславу вознагражденіе съ нѣмецкой стороны Богеміей. Болеславъ отвергнулъ это предложеніе; онъ сталъ даже поддерживать мятежни-

ческія движенія въ Германіи. Теперь уже не оставалось выбора; Генрихъ отвѣтилъ рѣшеніемъ вести войну.

Война эта тянулась гораздо больше десяти лѣтъ съ переменнымъ счастьемъ. Въ существенномъ она была благопріятна полякамъ. Страны по Эльбѣ и Одери подвергались страшнымъ опустошеніямъ. Битвы прерывались перемиріями и мирными договорами по большей части лишь тогда, когда Болеславъ находилъ необходимымъ направить свое побѣдоносное оружіе на востокъ, противъ русскихъ. Закончилась война Бауценскимъ миромъ 30 января 1018 г. Миръ этотъ по всѣмъ видимостямъ доставилъ Болеславу освобожденіе его государства отъ нѣмецкаго пожалованія леномъ и свободное владѣніе Лаузицомъ, составлявшимъ до сихъ поръ часть имперіи. Съ этихъ поръ Болеславъ еще больше прежняго отдался своимъ планамъ противъ Россіи; онъ разбилъ великаго князя Ярослава, изгнавшаго своего племянника Святополка; онъ завоевалъ Кіевъ и вновь поставилъ Святополка властелиномъ надъ русскими.

Благодаря этимъ событіямъ исчезли мечты о нѣмецкомъ міровомъ государствѣ надъ восточными славянами, — мечты, съ которыми носился Оттонъ III; казалось, что то немногое, что осталось еще изъ дѣйствительнаго могущества Имперіи по ту сторону Эльбы, подвержено большому сомнѣнію. Теперь Болеславъ сдѣлалъ послѣдній шагъ къ независимости: онъ приказалъ помазать и вѣнчать себя на царство.

Скоро послѣ этого, 17 іюня 1025 г., онъ умеръ. Это былъ поворотный пунктъ въ судьбѣ Польши. Ибо тотчасъ же обнаружилось, что идея о польской великой Имперіи только въ королѣ и находила поддержку. Сыновья его враждовали между собою изъ-за наслѣдства, такъ какъ Меско старался присвоить себѣ цѣликомъ все государство, то Оттонъ убѣжалъ въ Россію. Положеніе это какъ бы создано было для того, чтобы имъ воспользовалась властолюбивая натура императора Конрада II. Претерпѣвъ въ началѣ нѣкоторыя неудачи, Конрадъ осенью 1031, по соглашенію съ Оттономъ Безпримомъ, вторгнулся въ Польшу; Меско быстро уступилъ: Лаузиць опять перешелъ къ имперіи. Еще важнѣе, конечно, было то, что польскіе братья въ дальнѣйшей борьбѣ до того ослабили силы страны, что Меско, одержавшій въ концѣ концовъ побѣду, вынужденъ былъ для обезпеченія своей власти сблизиться съ Германіей. Лѣтомъ 1033 г. онъ явился въ Мерзебургъ на сеймъ, принесъ королю присягу вассала и уступилъ значительныя части западной Польши, переданныя въ управленіе Веттину¹⁾ Дитриху, графу восточной марки.

¹⁾ *Веттины* — самый древній владѣтельный домъ въ Германіи, родоначальникомъ котораго былъ саксонскій герцогъ Витигизенъ, жившій въ первой половинѣ X столѣтія. — Дитрихъ былъ одинъ изъ членовъ этого владѣтельнаго дома.

Расцвѣтъ польскаго государства оказался пуфомъ. Если Генрихъ II упорно велъ войны съ поляками, то Конрадъ II имѣлъ уже возможность относиться къ нимъ, какъ къ эпизодамъ, можно было предоставить поляковъ ихъ собственному разложенію.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи было чешское герцогство въ Богеміи. Оно глубоко виѣдрилось въ имперіи; прочно организованное и хорошо устроенное, оно должно было сохраниться. Но пользуясь смѣною на тронѣ Генриха III Конрадомъ I, въ высшей степени энергическій богемскій герцогъ Бретиславъ попытался еще разъ осуществить планъ Болеслава Храбраго. Еще прежде, чѣмъ онъ взошелъ на богемскій герцогскій престолъ, онъ соединилъ Моравію съ древне-чешской землей; теперь онъ попытался сдѣлать свои владѣнія великой славянскою державой. Онъ наводнилъ Польшу войнами, чешскіе варвары страшно хозяйничали въ провинціи Гнезень, изъ которой они увезли на родину, какъ самую драгоценную добычу, тѣло св. Адалъберта ¹⁾). Затѣмъ Бретиславъ, опираясь на содѣйствіе новыхъ реликвій, попытался освободить богемскую церковь отъ ея зависимости отъ нѣмецкой церкви. Пражскій епископъ Северъ отвергнулъ свою зависимость отъ Майнцаго архіепископскаго престола и испросилъ для себя римскій палліумъ, какъ знакъ самостоятельности своего сана.

Король Генрихъ III имѣлъ всѣ основанія къ тому, чтобы воспротивиться этимъ попыткамъ. Онъ ворвался въ Богемію, но успокоился обѣщаніями Бретислава и удалился.

Бретиславъ искалъ теперь помощь въ Венгріи. Мадьяры съ 1000 года были національно объединены подъ властью святого Стефана. Почти одновременно съ этимъ началось ихъ отвращеніе ко всему нѣмецкому, — отвращеніе, отчасти обусловливавшееся и питавшееся постояннымъ энергическимъ стремленіемъ нѣмцевъ внизъ по Дунаю на востокъ. Такимъ образомъ король Петръ, венеціанскій дворянинъ, смѣнившій въ 1038 году Стефана Святого, тѣмъ охотнѣе откликнулся на призывъ Бретислава, что въ Венгріи онъ былъ заподозрѣнъ въ нѣмецкихъ симпатіяхъ.

¹⁾ *Адалъбертъ* по прозванію *Пражскій*, знаменитый апостолъ пруссовъ, былъ сыномъ представителя древняго знатнаго чешскаго рода. Въ 983 г. онъ былъ посвященъ въ пражскіе епископы. Чехи не возлюбили его за его строго-аскетическія требованія, онъ удалился въ Римъ и поселился тамъ въ монастырѣ Св. Алексія. Въ 993 г. онъ пріѣхалъ было въ Прагу, но скоро вынужденъ былъ опять вернуться въ Римъ. Черезъ 3 года получилъ приказаніе вернуться къ чехамъ, но послѣдніе изгнали его семью и отказались принять его самого. Тогда онъ съ разрѣшенія папы поселился въ Польшу, а затѣмъ отправился въ качествѣ миссіонера въ Пруссію. 23 апрѣля 997 онъ былъ убитъ враждебно настроенными противъ него пруссами. Польскій король Болеславъ II выкупилъ его тѣло и похоронилъ его въ Гнѣзненскомъ соборѣ. И вотъ теперь чехи, травившіе Адалъберта при жизни, увезли его тѣло, какъ реликвію.

Генрихъ III, очутившійся теперь передъ двумя противниками, попытался прежде всего отдѣлаться отъ Бретислава. Въ двухъ походахъ, въ которыхъ впервые окончательно осуществился принципъ центрального нападѣнія съ нѣсколькихъ сторонъ, онъ при полнѣйшемъ напряженіи силъ пытался обуздать чеховъ. Это едва ли бы ему удалось, если бы не возникли разногласія между самими чехами; партія, руководимая епископомъ Северомъ, отреклась отъ широкихъ идеаловъ герцога. Этотъ оборотъ вынудилъ также и Бретислава къ уступчивости. Послѣ предварительныхъ переговоровъ онъ покорился Генриху въ Регенсбургѣ въ чувственно-символическихъ формахъ того времени: босымъ бросился онъ ему въ ноги. Король же по княжескому обычаю проявилъ себя милостивымъ къ кающемуся. Онъ уступилъ ему половину ранѣ условленной контрибуціи въ 8000 марокъ; онъ водворилъ его опять въ его герцогствѣ и даже увеличилъ послѣднее нѣкоторыми частями польскихъ земель, на примѣръ Силезіей.

Бретиславъ и его ближайшій преемникъ оставались съ тѣхъ поръ вѣрными Имперіи; также Польша, въ силу общихъ отношеній съ Богеміей, оставалась связанной съ имперіей. Эти связи съ своей стороны имѣли вліяніе и на славянскія марки средней Эльбы. Съ тѣхъ поръ, какъ задавлена была мысль о велико-славянской имперіи на чешской или польской основѣ, возникла новая жизнь въ маркѣ Мейсенѣ и въ мейсенскихъ пограничныхъ земляхъ; сильному роду Веттиновъ суждено было древнее владѣніе націи наполнить, наконецъ, медленно нѣмецкимъ духомъ и нѣмецкой кровью.

Но Генриху III пришлось еще свести счеты съ венгерскими нападеніями. Результаты послѣднихъ отразились на королѣ Петрѣ. Такъ какъ они на первыхъ порахъ оставались безрезультатны для мадьярскаго дѣла, то всеобщая ненависть обрушилась на короля, бывшаго будто бы приверженцемъ нѣмцевъ; онъ былъ изгнанъ изъ страны. Мадьяры послѣ этого избрали себѣ королемъ одного изъ своихъ туземныхъ графовъ, Самуила, по прозванію Ава (Ava). Послѣдствіемъ избранія Авы было то, что онъ долженъ былъ немедленно перейти въ наступленіе противъ нѣмцевъ. Онъ исполнилъ это съ особеннымъ лукавствомъ. Приказавъ заарестовать всѣхъ нѣмцевъ въ странѣ, даже находившееся тамъ тогда посольство Генриха, онъ двинулся тремя колоннами войскъ черезъ границу. Однако, результатъ не соответствовалъ приготовленіямъ; удался лишь средній походъ за добычей (дѣло и шло именно о грабежѣ).

Но почти въ то же время Генрихъ явился въ Регенсбургъ. Онъ уурядочилъ отношенія въ юго-восточной части имперіи и двинулся черезъ венгерскую границу; онъ взялъ Пресбургъ и Геймбургъ; разбилъ венгровъ и западную часть страны, вельможи которой подчинились ему, онъ отдалъ племяннику Святого Стефана съ титуломъ короля.

Эти результаты столь же быстро исчезли, какъ быстро были достигнуты. Поэтому Генрихъ въ 1043 году предпринялъ новый походъ. И онъ опять разбилъ венгровъ, въ ихъ укрѣпленіяхъ при Репчѣ, притокѣ Рааба. И тогда заключенъ былъ миръ, доставившій имперіи прочные результаты. Область между Лейтой и Дунаемъ, однажды уже уступленная при королѣ Стефанѣ, стала теперь окончательно нѣмецкой; массаами потянулись сюда въ слѣдующіе годы нѣмцы; организованная вначалѣ какъ нѣмецкая марка, она потомъ соединена была съ древней баварской восточной маркой (Ostmark), позднѣйшей Австріей. Эти событія, глубоко повліявшія на судьбы нашего народа на юго-востокѣ, оставили поэтическій отголосокъ въ описаніяхъ Дуная пѣсни о Нибелунгахъ:

Но Генрихъ двинулся опять въ слѣдующемъ году противъ венгровъ и одержалъ надъ ними побѣду въ страшной битвѣ на Раабѣ 5 іюля 1044 г. Это событіе было рѣшающимъ на долго. Теперь Генрихъ вернулъ прежняго короля Петра на венгерскій престолъ, въ качествѣ нѣмецкаго любимца; онъ сдѣлалъ венгровъ данниками имперіи и надѣлилъ ихъ цѣлымъ рядомъ нѣмецкихъ правовыхъ принциповъ въ особомъ изложеніи баварскаго права. Еще послѣдовательнѣе выработалось новое отношеніе Венгріи къ имперіи въ 1045 г. Весною этого года Генрихъ съ большимъ успѣхомъ прошелъ внизъ по Дунаю. Петръ принялъ его съ чрезвычайнымъ почетомъ и передалъ ему символическимъ поднесеніемъ золотого королевскаго копья венгерское королевство, чтобы получить его обратно въ пожизненное владѣніе на ленныхъ началахъ.

Почти само собою разумѣется, что подобные результаты не заключали въ себѣ никакого залога прочности. Когда Генрихъ въ 1046 г. приготовился къ поѣздкѣ въ Римъ, венгры возстали, они убили и изувѣчили въ странѣ много нѣмцевъ, ослѣпили короля Петра и въ лицѣ Арпада-Андрея¹⁾ поставили себѣ новаго государя.

Можно видѣть доказательство глубокаго вліянія нѣмецкой верховной власти въ томъ обстоятельстве, что Андрей тотчасъ же постарался занять посредническое положеніе между нѣмцами и мадьярами.

Такимъ образомъ удалось, наконецъ, къ концу царствованія Генриха на нѣмецкой юго-восточной границѣ создать такое положеніе вещей, въ силу котораго ленныя отношенія Венгріи къ имперіи сохранились, хотя отношенія эти, какъ и взаимное разграниченіе и обезпеченіе границъ, продолжали подчиняться самымъ разнообразнымъ мѣстнымъ вліяніямъ.

¹⁾ *Арпадъ*—былъ первый князь Мадьяровъ. Послѣдніе заняли подъ его предводительствомъ Венгрію. Арпадъ основалъ Венгерское государство и былъ родоначальникомъ династіи королей *Арпадовъ*. Династія эта прекратилась въ 1301 году.

V.

Въ противоположность политикѣ на восточной границѣ, нѣмецкіе государи первой половины XI столѣтія на западной границѣ прекратили всякія нападенія на французское сосѣднее королевство, которое какъ разъ въ это время подѣ управленіемъ Капетинговъ преодоляло первыя трудности новой организациі. И они были правы: всякое вмѣшательство королей во французскія событія придавало бы вѣчнымъ смутамъ въ Лотарингіи опасный характеръ. Къ тому же этотъ образъ дѣйствія давалъ возможность въ дружескомъ согласіи съ Франціей сохранять за имперіей нѣкоторыя выгоды въ сѣверной Фландріи, и на югѣ пограничной линіи, въ Бургундіи.

Фландрское графство, въ земляхъ котораго франки большею частью перемѣшаны были съ фризскими и англо-саксонскими элементами, при каролингскихъ раздѣлахъ подчинено было Франціи: значительная часть фламандцевъ никогда не принадлежала имперіи. Съ другой стороны и французская королевская власть долго не могла упрочить свое положеніе; развилась почти самостоятельная графская территориальная власть. Послѣдняя къ концу тысячелѣтія до того укрѣпилась, что представитель ея, графъ Балдуинъ, перешелъ даже въ наступленіе и занялъ принадлежавшій имперіи Валансьеннъ. Король Генрихъ II охранялъ честь имперіи больше, чѣмъ позднѣйшіе нѣмецкіе государи. Въ союзѣ съ королемъ Робертомъ французскимъ онъ принудилъ Балдуина къ миру и, отдавъ ему въ ленное владѣніе тѣ фламандскія страны, которыя при каролингскомъ раздѣлѣ остались нѣмецкими, онъ связалъ его съ судьбой и интересами имперіи.

Гораздо важнѣе была политика Генриха относительно Бургундіи. Рудольфъ III, тогдашній король бургундскаго государства, простиравшагося отъ градуса широты Базеля до береговъ Средиземнаго моря въ странѣ Ниццы и Арля, былъ послѣднимъ королемъ его династіи. Да едва ли и онъ фактически владѣлъ страной. Весьма могущественное дворянство притѣсняло короля, такъ какъ онъ былъ непостояненъ и слабъ; именно графъ Отто Вильгельмъ Маконскій и Неверскій занялъ страну и съ западныхъ ея границъ преслѣдовалъ широкіе замыслы противъ Франціи.

Подѣ давленіемъ этихъ отношеній Рудольфъ, какъ и большинство его предковъ, искренно примкнулъ къ Германіи — единственному сильному монархическому государству въ Средней Европѣ. Дѣло дошло до того, что Рудольфъ назначилъ короля Генриха своимъ наследникомъ въ 1006 году, для символическаго признанія его господства и передалъ городъ Базель, составлявшій съ тѣхъ поръ въ теченіи столѣтій владѣніе имперіи. Результатомъ этого шага было то, что бургундское дворянство еще безпощаднѣе притѣсняло короля: тогда

Рудольфъ на свиданіи въ Страсбургѣ въ 1016 году принесъ присягу въ вѣрности нѣмецкому государю и назначилъ его соправителемъ страны.

Генрихъ II очень серьезно понялъ это новое право, несмотря на нѣкоторыя колебанія со стороны Рудольфа; неоднократно предпринималъ онъ походы въ Бургундію для умиротворенія страны: такимъ образомъ права, пріобрѣтенныя по договору, онъ завѣщалъ, какъ вполнѣ заслуженное имъ благопріобрѣтеніе.

Конрадъ же II съ самаго начала своего воцаренія не оставлялъ никакого сомнѣнія насчетъ того, что онъ смотритъ на эти права, какъ на принадлежащія имперіи, перешедшія къ послѣдней по завѣщанію ея прежняго государя: мы знаемъ уже, какъ онъ съумѣлъ отстоять ихъ отъ притязаній нѣмецкихъ вельможъ, и главнымъ образомъ своего пасынка. Вслѣдъ за первымъ объѣздомъ государства онъ занялъ Базель и назначилъ тамъ епископа, не обращая вниманія на возраженіе короля Рудольфа и бургундскихъ сановниковъ.

Этотъ энергическій поступокъ тотчасъ же имѣлъ важные результаты. Непостоянный Рудольфъ призналъ теперь право нѣмецкой имперіи; при свиданіи въ Муттенцѣ около Базеля онъ передалъ императору Конраду и его сыну Генриху (III) корону и страну на случай смерти.

Рудольфъ умеръ 6 сентября 1032 года; Конрадъ попытался занять страну. Тогда выступилъ противъ него иноземный претендентъ графъ Одо Шампанскій. При этихъ обстоятельствахъ еще разъ испытана дружественная къ Франціи политика этого времени. Императоръ совместно съ французскимъ королемъ Генрихомъ I напалъ на Одо въ собственной странѣ; Одо въ концѣ-концовъ долженъ былъ отречься; приблизительно съ 1035 года Бургундія могла считаться вѣрнымъ достояніемъ имперіи.

Могущество императора Конрада проявилось въ томъ, что въ послѣднемъ походѣ противъ Одо онъ командовалъ не одними нѣмцами, но и ломбардцами; въ Женевѣ сошлись нѣмецкіе и итальянскіе контингенты. Но эта доселѣ неслыханная возможность слить воедино нѣмецкіи и итальянскія учрежденія объясняется счастливой итальянской политикой первыхъ нѣмецкихъ государей II-го столѣтія.

Послѣ смерти Оттона III, казалось, исчезло всякое нѣмецкое вліяніе. Ардуинъ Ивреа, туземный вельможа, заявившій уже себя въ послѣдніе годы Оттона III возбужденіемъ волненія въ средѣ старинныхъ партизановъ оттоновскаго дома, съ успѣхомъ сталъ домогаться ломбардской короны; къ стыду имперіи онъ получилъ въ Павіи 15 января 1002 г. королевское посвященіе. Генрихъ II, не оставляя Германію, для наказанія за такую неслыханную заносчивость отправилъ войско подъ начальствомъ герцога Каринтійскаго и маркграфа австрійскаго; войско это было совершенно разбито. Униженіе оста-

валось не отомщеннымъ въ теченіи цѣлаго года, пока Генрихъ въ 1004 году не появился въ Италиі; онъ прогналъ Ардуина и 14 мая въ Павіи былъ избранъ и коронованъ ломбардскимъ королемъ.

Между тѣмъ новое нѣмецкое владычество совершенно не пользовалось народными симпатіями. Благодаря лишь единичнымъ стремленіямъ нѣкоторыхъ вельможъ, ему непосредственно вслѣдъ за коронованіемъ грозило (хотя и неудавшееся) страшное возстаніе Павіи; по удаленіи же нѣмецкаго войска и короля, владычество это выродилось въ безжизненные формы.

Еще менѣе склонно было помнить въ первое время царствованія Генриха II о нѣмецкомъ владычествѣ населеніе средней Италиі. Въ Тусціи рядомъ съ маркграфами высоко подняли голову быстро расцвѣтшіе города Пиза и Лукка; въ Римѣ царствовалъ Іоаннъ, сынъ обезглавленнаго при Оттонѣ III Кресценція; онъ заключилъ союзъ съ Византіей и назначилъ трехъ папъ, одного за другимъ, по собственному своему произволенію.

Въ 1012 году Іоаннъ умеръ, а скоро за нимъ и его послѣдній папа, Сергій IV. Власть надъ Римомъ перешла къ графамъ Тускуланскимъ; они посадили на престолъ Петра одного изъ своихъ, Феофилакта: этотъ папа, подъ именемъ Бенедикта VIII, отличался крайне энергическимъ характеромъ и надменностью, онъ лелѣялъ не совсѣмъ для того времени бесплодную мечту объ итальянскомъ призваніи папства. Чтобы имѣть возможность осуществить ее, казалось прежде всего необходимымъ возвысить значеніе папъ установленіемъ обязательнаго коронованія императора папой. Для достиженія этой цѣли, какъ и ради преодолѣнія мѣстныхъ враговъ, для Бенедикта желательно было присутствіе въ Италиі нѣмецкаго короля, и Генрихъ II, на одиннадцатомъ году своего царствованія, рѣшился предпринять поѣздку въ Римъ. Шествіе его вполне соответствовало мысли Бенедикта. На Рождество 1013 года король былъ въ Павіи, 14 февраля 1014 г. онъ получилъ въ Римѣ корону, праздникъ Св. Духа онъ провелъ уже опять въ Бамбергѣ.

Папская власть, благодаря прибытію Генриха, была упрочена; пользуясь возстановленнымъ почетомъ своего сана, папа принялся теперь за осуществленіе своихъ итальянскихъ плановъ. Онъ взялъ на себя руководство въ отраженіи сарацинъ, этого смѣлаго народа пиратовъ, сильно опустошавшихъ тогда берега Италиі и завоевавшихъ Сардинію. Еще больше онъ добивался руководства итальянскими нападеніями на ниже-итальянскихъ грековъ.

Въ Нижней Италиі греки послѣ смерти Оттона III снова захватили всю Апулію и Калабрию. Затѣмъ они получили верховную власть надъ княжествами Гаэтой, Амальфи и Неаполемъ, а княжества Капуя, Беневентъ и Салерно, номинально подчиненныя еще нѣмцамъ,

ненадежныя и слабыя въ военномъ отношеніи, никоимъ образомъ не могли поддержать чести имперіи. Тогда неожиданно стало распространяться уже съ 1009 года тлѣвшее возстаніе противъ кроваваго и надменнаго владычества грековъ: это было сигналомъ къ вмѣшательству папы. Бенедиктъ отдалъ мятежникамъ укрѣпленіе при Гарилиано, думая, что онъ дѣйствуетъ въ духѣ императора. Онъ дѣйствовалъ вполнѣ по собственному почину, когда онъ ввелъ нормандскій элементъ въ борьбу противъ грековъ.

Въ 1016 году въ Салерно высадились сорокъ норманскихъ рыцарей, возвращавшихся изъ пилигримства въ Святую землю. Князь Салернскій воспользовался ихъ готовностью принять участіе въ священной войнѣ противъ тѣснившихъ его тогда сарациновъ. Но они такъ отличились въ войнѣ, что князь просилъ ихъ остаться и потребовалъ новый отрядъ съ ихъ родины. Черезъ короткое время таковой явился. Но онъ избралъ для себя не прямой путь въ Салерно. Эти новые воины показали въ Римѣ, что они происходятъ отъ одного норманскаго рода, надъ которымъ тяготѣетъ смертоубійство; они потребовали отпущенія изъ святѣйшихъ рукъ. Папа удовлетворилъ ихъ желаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ имъ съ своей стороны отправиться на войну противъ невѣрующихъ и лжевѣрующихъ юга, противъ сарацинъ и грековъ. А съ этимъ связывалось новое напоминаніе лонгобардскимъ князьямъ нижней Италіи отразить отъ себя грековъ.

Съ этихъ поръ возстаніе противъ грековъ приняло болѣе широкіе размѣры. Бѣлокурые сыны Германіи, норманны и лонгобарды, сильно тѣснили ихъ; скоро возставшіе увидали себя хозяевами Апуліи. Но осенью 1018 г. разразилась катастрофа. При Каннахъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ римляне потерпѣли пораженіе, Мелусъ (Melus), вожакъ возстанія, разбитъ былъ на голову; возстаніе было совершенно подавлено; греки повелѣвали до окрестностей вѣчнаго города.

Планы Бендикта рухнули; вмѣстѣ съ грекомъ Мелусомъ и Рудольфомъ, предводителемъ норманновъ, онъ въ 1020 г. послѣшно отправился за Альпы добиваться помощи у императора.

Чужеземцы понали къ Генриху II въ Бамбергъ на Пасхѣ. Императоръ не сейчасъ же удовлетворилъ ихъ ходатайство; только въ концѣ 1021 г., онъ отправился въ Италію. Армія его была сильна; онъ прошелъ безъ затрудненій верхнюю и среднюю Италію, взялъ Беневентъ и расположился съ главною массою своего войска передъ Тройей, между тѣмъ какъ отрядъ его войскъ вновь пріобрѣлъ для императора княжества Капуя, Салерно и Неаполь.

Осада Тройи затянулась надолго. Когда городъ, наконецъ, сдался на весьма почетныхъ условіяхъ, императоръ довольствовался этимъ результатомъ и тотчасъ же отправился обратно, еще до наступленія лѣта 1023 г., въ среднюю Италію, не безпокоясь о томъ, что го-

родъ опять перешелъ къ грекамъ. Ему казалось достаточнымъ, что лонгобардскія княжества опять настолько связаны съ имперіей, что они доставили папѣ въ Римѣ нѣкоторую безопасность; онъ вернулся обратно въ Германію.

Положительные результаты правленія Генриха II въ Италіи были въ концѣ концовъ ничтожны; при случаѣ только говорилось о нѣмецкомъ владычествѣ. Но Генрихъ воспрепятствовалъ осуществленію итальянской миссіи папства и не далъ запутать себя въ южно-итальянскія предпріятія въ духѣ Оттона II. Но Конраду II досталась въ наслѣдство задача прочно урегулировать отношенія верхней и средней Италіи къ имперіи.

Здѣсь послѣ смерти Генриха II установились отношенія совершенно напоминавшія всеобщую анархію послѣ смерти Оттона III. Итальянская политика Оттоновъ, какъ и Генриха, аналогично нѣмецкимъ отношеніямъ X столѣтія, опиралось почти исключительно на епископовъ, вообще на высокій клиръ; это была партійная политика. Въ противоположность ей, въ верхней и средней Италіи съ конца тысячелѣтія поднялись новыя силы; стало шевелиться бюргерство, а высшее свѣтское дворянство пріобрѣло большее значеніе. Уже въ Ардуинѣ Ивреѣ оно выставило своего короля; теперь оно старалось снова основать королевство иноземныхъ, французскихъ князей.

Для борьбы съ этимъ возмущеніемъ Генрихъ развилъ всѣ силы своей дѣятельной натуры. Призванный высшимъ клиромъ, онъ со всею своею мощью ворвался въ Италію; въ Миланѣ онъ предложилъ архіепископу короновать себя и побѣдоносно прошелъ черезъ всю страну до отдаленныхъ альпійскихъ уголковъ запада, которые давно уже не видали нѣмецкихъ государей. Послѣ болѣе годичной дѣятельности онъ увидалъ всю страну безмолвно повергнутой передъ нимъ въ прахъ. И онъ немедленно же воспользовался положеніемъ дѣлъ, чтобы принципиально измѣнить политику по отношенію къ Италіи. Онъ не хотѣлъ больше владычествовать съ помощью одного духовенства; онъ, первый полновластный король, старался поставить себя выше всѣхъ партій и всѣхъ общественныхъ слоевъ страны. Это стремленіе неизбѣжно благопріятствовало свѣтскому дворянству, донинѣ бывшему въ пренебреженіи. Къ концу своего пребыванія въ Италіи Конрадъ отправился въ Римъ, на пасхѣ 1028 г. получилъ императорскую корону изъ рукъ Іоанна XIX, невѣжественнаго, сребролюбиваго и сластолюбиваго юноши, и созвалъ по своей инициативѣ синодъ въ Латеранѣ. Это въ принципѣ была политика Оттона Великаго относительно папства, съ тою лишь разницей, что Конрадъ не добивался болѣе прочнаго распространенія своей власти въ нижней Италіи ради полного господства надъ папствомъ.

И позже, по возвращеніи на родину, Конрадъ продолжалъ преслѣдовать относительно нижней Италіи эту политику умѣренности, осно-

ваніе которой положено было Генрихом II: онъ держалъ лонгобардскія княжества въ ленной зависимости отъ имперіи, но уже больше не думалъ объ изгнаніи грековъ и сарациновъ. Греки сейчасъ же воспользовались этимъ спокойствіемъ. Они пытались съ своей стороны удалить сарацинъ изъ нижней Италіи и Сициліи, а первое десятилѣтіе этихъ войнъ, до убійства императора Романа въ 1034 году, доставило имъ дѣйствительно рядъ выгодъ.

Въ виду такого нарушенія прежняго нижне-итальянскаго равновѣсія, нѣмецкая политика должна была во всякомъ случаѣ позаботиться объ союзѣ съ имперіей лонгобардскихъ княжествъ и о защитѣ послѣднихъ. И для достиженія этой цѣли императоръ прибѣгъ къ мѣрамъ, роковыхъ послѣдствій которыхъ онъ, конечно, не могъ предвидѣть. Онъ предоставилъ норманнамъ, которые становились уже необходимыми въ качествѣ борцовъ противъ грековъ и сарацинъ, законное полномочіе на эту борьбу, позволивъ селить ихъ въ качествѣ пограничныхъ стражей противъ вторженія грековъ и присоединивъ ихъ къ ленному союзу княжества Салерно. Это скоро оказалось чрезвычайно полезнымъ; въ 1039 г. князь Салернскій завоевалъ при помощи норманновъ Амальфи, Соррентъ и Гаэту. Однако скоро обнаружилось, что норманны, какъ ядро противодѣйствія на югѣ, потребуютъ также для себя въ южной Италіи мѣста, соответствующаго ихъ заслугамъ. Могло ли въ такомъ случаѣ удержаться главенство имперіи, особенно при набожно-папистскомъ настроеніи сѣверныхъ воиновъ? Въ сосѣдствѣ съ Римомъ, не легко доступнымъ для имперіи, тогда стала возникать сила, которая современемъ могла служить папству въ качествѣ опоры въ борьбѣ противъ имперіи и имперской церкви.

Уже теперь верхняя Италія опять поколебалась въ своемъ подчиненіи имперіи. Конрадъ продолжалъ съ успѣхомъ идти по проложенному съ 1026 г. пути равномѣрнаго покровительства духовному и свѣтскому дворянству; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заботился о германизациіи этихъ классовъ, пазначая съ этой цѣлью нѣмецкихъ клериковъ ломбардскими епископами и стараясь породнить благородныя фамиліи къ сѣверу и къ югу отъ Альпъ. Но къ концу его царствованія эта мудрая политика въ особенности въ верхней Италіи прервана была насильственнымъ проявленіемъ глубокихъ соціальныхъ волненій. Вызванное неизбѣжнымъ ходомъ вещей превращеніе натурально-хозяйственнаго состоянія въ денежно-хозяйственное привело къ раздору, излечимому лишь огнемъ и мечемъ, между сельскимъ населеніемъ и низшимъ дворянствомъ съ одной стороны и городами и ихъ господами, въ особенности епископами, съ другой стороны: повсемѣстно дошло до насилія и возмущенія; съ 1035 года по странѣ бушевала соціальная революція.

Императоръ Конрадъ въ концѣ 1036 г. отправился на югъ, чтобы

познакомиться съ положеніемъ дѣлъ. Понятно, онъ не тотчасъ овладѣлъ проблемами, которыя были совершенно чуждыми состоянію его родины.

Вначалѣ его больше интересовало то, чтобы воспользоваться этимъ движеніемъ въ политическомъ смыслѣ для внѣшняго укрѣпленія нѣмецкаго значенія. И такимъ образомъ онъ сталъ на сторонѣ сельскихъ противниковъ архіепископа Ариберта миланскаго, главнаго представителя городскихъ интересовъ, который давно уже былъ ему ненавистенъ за его стремленіе къ свѣтскому и духовному полновластію къ верхней Италиі. На имперскомъ сеймѣ въ Павіи, въ мартѣ 1037 г., онъ велѣлъ осудить архіепископа какъ государственнаго измѣнника. Позже онъ совсѣмъ отрѣшилъ его отъ должности и собственною верховною властью назначилъ новаго миланскаго архіепископа.

Между тѣмъ, чѣмъ дольше Конрадъ оставался въ Италиі, чѣмъ энергичнѣе сопротивлялось ему бюргерство, тѣмъ больше онъ уяснялъ себѣ настоящій характеръ движенія. И вотъ онъ, — совершенно такъ, какъ позже при сходныхъ обстоятельствахъ сдѣлали Штауфены, — сталъ безусловно и по убѣжденію на сторону сельскихъ интересовъ, въ особенности поскольку тѣ касались низшаго дворянства и казались тождественными съ нѣмецкимъ, отечественнымъ процессомъ развитія. Этому положенію соотвѣтствовало его законодательное вмѣшательство. Какъ въ Германіи онъ защищалъ рыцарей въ ихъ владѣніяхъ, такъ въ Италиі онъ конституціей 28 мая 1037 г. объявилъ наследственнымъ въ извѣстныхъ предѣлахъ всякое ленное владѣніе низшаго дворянства, установилъ, что лишеніе лена можетъ состояться только въ силу приговора дворянско-товарищескаго суда и узаконилъ созывъ этихъ судовъ князьями или королевскими уполномоченными.

Это самый рѣшительный шагъ, какой Конрадъ сдѣлалъ для приведенія въ порядокъ дѣла въ верхней Италиі. Смерть помѣшала ему разрѣшить остальные противорѣчія. Его же сынъ и преемникъ взялся за итальянскія дѣла, руководясь точками зрѣнія, во многомъ обусловливаемыми его религіозными убѣжденіями.

VI.

Если мы теперь, опираясь на вышеизложенныя отдѣльныя событія, бросимъ взглядъ на общій характеръ нѣмецкой политики при государяхъ первой половины XI столѣтія, то разница между этой политикой и политикой Оттоновъ будетъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Больше всего можно бы было настаивать на нѣкоторомъ сходствѣ въ цѣляхъ внутренней политики. Конечно, Генрихъ II былъ также, какъ и первые салійцы, при всемъ сознаніи могущества своего положенія все таки далекъ отъ того абсолютистическаго взгляда на

достоинство государя, какой поддерживали Оттоны под влияниемъ возрожденія и міровыхъ задачъ церкви. Генриху и его наследникамъ пришлось прежде всего вновь пріобрѣсть то, что въ сферѣ политическаго могущества утеряно было королевствомъ Оттона II и Оттона III. Въ сравненіи съ принципиальнымъ, въ конечномъ результатѣ чрезмѣрно идеалистическимъ воззрѣніемъ на призваніе государя при Оттонахъ, они являются суровыми реалистами, которыхъ удовлетворяетъ только прочное пользованіе дѣйствительной силой. Эта духовная твердость помогла имъ вновь укрѣпить имперію, даже основать ее: только ихъ вѣкъ вырабатываетъ типическія черты позднѣйшей имперской конституціи въ зачаткахъ правильныхъ имперскихъ сеймовъ и въ зародышахъ княжеской совѣщательной обязанности.

Рядомъ съ новымъ строемъ королевской власти самый важный фактъ внутренняго развитія состоитъ въ томъ, что политическій центръ тяжести государственнаго устройства переносится на югъ имперіи. Когда мѣсто саксонскаго королевскаго дома заняли южно-нѣмецкіе государи, когда—начиная съ этого момента—нижній Рейнъ и Саксонія вступили на путь особаго развитія, тогда зародились первые зачатки того антагонизма, который со времени Штауфеновъ раздробилъ наше отечество на двѣ фактически почти раздѣльныя половины: южно-нѣмецкое императорское государство и сѣверо-нѣмецкую область съ самостоятельнымъ развитіемъ,—того антагонизма, который проявился въ стремленіяхъ къ федеративной имперской реформѣ, начиная съ конца XV столѣтія и въ воздѣйствіяхъ реформации, а также и въ позднѣйшихъ духовныхъ движеніяхъ, и гибельныя послѣдствія котораго еще и теперь проявляются внутри новаго имперскаго союза.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ съ этимъ перенесеніемъ центра тяжести на югъ и внѣшняя политика становится иною. Сѣверные и сѣверо-восточные интересы отступаютъ на задній планъ; Генрихъ III врядъ ли о нихъ заботился. Напротивъ, на первый планъ выступаетъ стремленіе распространиться изъ южно-нѣмецкой горной страны на востокъ и на западъ черезъ границы имперіи: на востокъ присоединена была къ имперіи Венгерія, а на западѣ Бургундія.

Изъ этихъ пріобрѣтеній прочнымъ оказалось лишь пріобрѣтеніе Бургундіи. Правда, и здѣсь нѣмецкое вліяніе было ничтожно. Однѣ лишь нѣмецкія провинціи имперіи испытали его въ болѣе сильной степени; въ Провансѣ въ до-штауфеновское время врядъ ли слышали о нѣмцахъ, въ 1081 г. Бертранъ изъ Прованса могъ даже безпрепятственно передать свою страну папѣ Григорію. Да и позднѣе, за исключеніемъ развѣ эпохи Штауфеновъ, связь отдѣльныхъ земель Бургундіи съ имперіей была шаткой; къ концу среднихъ вѣковъ только герцогство Савойское, епископства Базельское и Безансонское и графство Бургундское причислялись къ ея союзу.

Но при всемъ томъ страна чувствовала себя хорошо подъ императорскимъ скипетромъ; лишь неохотно ея отдѣльныя части слились съ французскимъ государствомъ, и еще нынѣ ронскіе шкипера объ прибрежныя страны своей рѣки различаютъ какъ Royaume и Empire.

Союзъ Бургундіи съ имперіей былъ также полезенъ для нея. Какъ ни шатко было это владѣніе, но оно гарантировало Германіи западную Швейцарію и, что еще важнѣе, преградило завоевательной страсти французовъ пути въ Италію. Такимъ образомъ Бургундія стала собственно той средне-европейской державой, коренная область которой населена была нашимъ народомъ.

Давно уже исчезла мысль о всемірной имперіи въ томъ смыслѣ, какъ ее понимали Оттоны. Не безъ основанія Генрихъ II велѣлъ измѣнить надпись на имперской печати, гласившую при Оттонѣ III «Renovatio imperii Romani» въ болѣе скромное изложеніе «Erneuerung des Frankenreiches». Императорамъ первой половины XI столѣтія, какъ ни крѣпко держались они за выдающееся значеніе императорскаго имени, чуждо было честолюбіе дѣйствительнаго европейскаго универсальнаго владычества. Яснѣе всего видно это изъ ихъ итальянской политики. Какъ далеки они были отъ того, чтобы вести старую, Оттонами предпринятую, борьбу міроваго характера съ греками и сарацинами, хотя они, быть можетъ, смогли бы это сдѣлать съ меньшимъ усиліемъ, чѣмъ ихъ предшественники! Единственная ихъ цѣль сводилась къ прочному владѣнію верхней и средней Италіей, какъ проходными странами къ вѣчному городу и престолу Св. Петра.

Когда такимъ образомъ на мѣсто старыхъ универсальныхъ плановъ выступила мысль объ образованіи единаго государства изъ Германіи, Бургундіи, верхней и средней Италиі, создана была такая государственная организація, которая въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, какъ римская имперія нѣмецкой націи, противостояла всѣмъ переменамъ времени и которая носила въ себѣ залогъ устройства прочнаго средне-европейскаго государства. Слишкомъ слабо сплоченное, чтобы вести завоевательную политику, слишкомъ могущественное, чтобы быть открытымъ для неосновательныхъ нападений, государство это до паденія своего и до измѣненія его строя испанско-габсбургской монархіей въ XVI столѣтіи было необходимымъ для европейскаго развитія.

Было ли оно въ такой же мѣрѣ необходимо и для нѣмецкаго развитія? На этотъ вопросъ отчасти даетъ отвѣтъ вышеизложенное. Внешній миръ націи былъ обезпеченъ до тѣхъ поръ, пока римская имперія сохранялась въ полномъ объемѣ всѣхъ своихъ частей. Для внутренняго же развитія нельзя отрицать существованія рядомъ со многими отрадными сторонами также и вредныхъ. Припомнимъ здѣсь только одно обстоятельство, получившее важное значеніе.

Восточно-франкско-нѣмецкая имперія была основана посредствомъ учрежденій Каролинговъ, имѣвшихъ на половину міровой характеръ.

Строй этотъ создалъ такую систему, которая, такъ сказать, на половину висѣла на воздухѣ и не опиралась непосредственно и прочно на дѣйствительныя отношенія, напоминая въ этомъ отношеніи приблизительно нынѣшнія конституціонныя учрежденія балканскихъ народовъ или Японіи. Этотъ государственный строй не подвергался измѣненію, очищенію и улучшенію путемъ воздѣйствій крупнаго національнаго несчастія, внѣшнихъ поражений. Получился результатъ, отъ котораго мы и нынѣ еще страдаемъ: нація потеряла способность правильно соразмѣрять государственныя учрежденія съ дѣйствительностью, съ талантами государственныхъ людей. Поэтому общественныя дѣла управлялись не реалистически, а въ романтическомъ духѣ, въ особенности во времена расцвѣта имперіи.

Этимъ характеромъ проникнута политика почти всѣхъ нашихъ императоровъ, отъ Генриха III до Фридриха II и далѣе. Потому-то было много внѣшней государственной жизни въ мирѣ и войнѣ, но не было никакого законодательства; было много богатыхъ эпохъ поэтическаго блеска, но не было медленно зрѣющихъ періодовъ монархическаго прогресса; много великихъ успѣховъ, но мало пріобрѣтеній. Главнымъ же образомъ монархическая власть при этихъ обстоятельствахъ не надѣлена была средствами для интенсивнаго, вездѣсущаго воздѣйствія на націю, которое одно только и дало бы ей возможность одержать побѣду въ той страшной борьбѣ съ церковью и возростающимъ благочестіемъ народовъ, которыя угрожающе начинались уже въ первой половинѣ XI столѣтія.

КНИГА СЕДЬМАЯ.



ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Церковь и государство въ первой половинѣ XI вѣка.

I.

Императоръ Генрихъ II ученостью своею далеко превосходилъ всѣхъ нѣмецкихъ государей старыхъ временъ. Первоначально, послѣ смѣщенія своего отца съ баварскаго герцогскаго престола, а также вѣроятно и вслѣдствіе одного физическаго недостатка, предназначенный въ духовное званіе, онъ подъ руководствомъ епископа Вольфганга регенсбургскаго, апостола Венгрии, получилъ прекрасное духовное воспитаніе. И съ тѣхъ поръ духовные и религіозные интересы оставались близки ему въ теченіе всей его жизни. Впрочемъ онъ не пренебрегалъ и мірскими удовольствіями. При его дворѣ, по крайней мѣрѣ какъ свидѣтельствуется одинъ благочестивый мужъ изъ Кюни, происходилъ нескончаемый праздникъ; странствующіе артисты показывали свое искусство, а князья порою тѣшились импровизаціями нѣсколько первобытнаго свойства, напр., вымазавъ медомъ челобѣка, давали облизать его медвѣдю и т. п.

Король Генрихъ оставался невозмутимымъ, если какой-нибудь церковный блюститель правовъ выговаривалъ ему за такія нечестивыя дѣла; не смотря ни на что онъ оставался вѣренъ религіозному образу мыслей и упражнялся въ благочестіи почти какъ духовное лицо. Онъ строго соблюдалъ многочисленныя предписанія церковной морали; онъ всегда былъ склоненъ къ добрымъ дѣламъ, (пожертвованіямъ и милостыни)—тѣмъ болѣе, что природа отказала ему въ потомствѣ.

Но этотъ король, котораго церковь удостоила вмѣстѣ съ супругою причислить къ лику святыхъ, всего менѣе былъ орудіемъ поповъ. Усвоивъ всѣ тайны церковнаго управленія, онъ, привыкшій работать надъ собой и терпѣливо выжидать, съ настойчивостью и терпѣливостью служилъ церкви, чтобы господствовать надъ нею. Относи-

тельно нѣмецкой іерархіи онъ былъ завершителемъ той начатой Оттономъ Великимъ политики, которая видѣла въ епископахъ важнѣйшихъ правительственныхъ чиновниковъ, а въ аббатствахъ — одинъ изъ первыхъ финансовыхъ источниковъ государства. И къ проведенію этой политики онъ приступилъ тѣмъ смѣлѣе, что его благочестіе, какъ въ служеніи Богу, такъ и въ добрыхъ дѣлахъ, считалось безупречнымъ.

Въ отношеніи къ епископамъ онъ совершенно не признавалъ свободнаго избранія, путемъ ли утвержденія или безъ такового: онъ замѣщалъ епископскія каѳедры по своему усмотрѣнію и, по большей части, клериками своей канцеляріи; чтобы имѣть успѣхъ, кандидатамъ на епархіи приходилось, предварительно ознакомиться въ канцеляріи съ правительственными взглядами короля.

Еще своеобразнѣе поступалъ Генрихъ съ государственными аббатствами. Въ IX и X вв. большія аббатства были истинными хранителями латинской образованности и, вслѣдствіе этого, необходимыми вспомогательными орудіями христіанскаго ученія и проповѣди. А такъ какъ образованіе въ началѣ среднихъ вѣковъ пріобрѣталось и поддерживалось лишь съ помощью чрезвычайно большихъ издержекъ, то справедливость требовала съ самаго начала предоставить въ распоряженіе монастырей значительныя матеріальныя средства. Но теперь доходы монастырей, во много разъ еще увеличившіеся благодаря экономическимъ успѣхамъ VIII—XI вв., не находили себѣ прежняго примѣненія. Миссіонерская дѣятельность пришла въ упадокъ; представителями церковной образованности становились все болѣе и болѣе соборные каноники многія аббатства падали въ духовномъ отношеніи пропорціонально увеличенію ихъ богатства.

Въ виду этого благочестивый король Генрихъ полагалъ, что настало время подвергнуть монастыри духовной реформѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ финансовому кровопусканію въ пользу государства. Въ этомъ направленіи онъ дѣйствовалъ съ особаго рода игривою откровенностью: такъ одна изъ его грамотъ, обращенная къ фульдскому аббатству, гласитъ, между прочимъ: нужно, чтобы церкви были богаты; потому что кому много дано, у того много можно взять. Соотвѣтственно этому, Генрихъ уже въ Баваріи, въ качествѣ герцога, предписалъ монастырямъ болѣе строгую жизнь, установилъ полную зависимость ихъ отъ земской власти и даже обложилъ ихъ податью въ пользу послѣдней. Подобнымъ же образомъ поступилъ онъ, въ качествѣ короля, съ большими имперскими аббатствами, — Герсфельдомъ, Рейхенау, Фульдой и Корвэ; но онъ считалъ нелишнимъ пускать кровь и мелкимъ монастырямъ. Иногда онъ актомъ простого насилія обращалъ часть монастырскаго имѣнія въ собственность фиска; а въ тѣхъ случаяхъ, когда ему хотѣлось быть любезнѣе, онъ выжидалъ смѣны аббата, назначалъ преемникомъ умершему такого человѣка,

котораго зналъ, какъ скупого; онъ радовался, если новый аббатъ скудно содержалъ изнѣженныхъ монаховъ, и былъ еще болѣе доволенъ, если часть ихъ разбѣгалась, такъ какъ освободившуюся, съ ихъ выбытіемъ, часть доходовъ онъ могъ перевести въ государственную казну. Подобныя мѣры всегда сопровождались преобразованиемъ монастыря: потому что все, что предпринималъ Генрихъ въ церковныхъ дѣлахъ, клонилось къ упроченію интересовъ христіанства.

Ни одно изъ дѣяній Генриха не свидѣтельствуетъ объ этомъ съ такою очевидностью, какъ учрежденіе бамбергскаго епископства. Правда, вошло почти въ обычай, чтобы каждый нѣмецкій король учреждалъ епископство; Оттонъ Великій создалъ эльбскія епархіи; въ царствованіе Оттона II учреждено было епископство въ Прагѣ, при Оттонѣ III — въ Гнезенѣ, а Салійскіе императоры впоследствии по крайней мѣрѣ обогатили бѣдное шпейерское епископство и поставили его на собственные ноги. Созданное Генрихомъ учрежденіе было для него особенно дорого, хотя оно и не заставило его сойти съ пути національной политики. Тамъ, гдѣ славяне расселились въ самыхъ предѣлахъ Германіи, близъ верховьевъ Майна, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ бамбергскимъ замкомъ, основалъ онъ епископство, отвѣчавшее его завѣтной мечтѣ. У подошвы замка онъ давно уже началъ строить соборъ, отличавшійся большою, нѣсколько варварскою, роскошью украшеній; затѣмъ, въ 1007 г., онъ подарилъ церкви свои имѣнія въ сосѣднихъ округахъ. Новое епископство было окончательно отмежевано отъ всѣхъ сопредѣльныхъ епархій лишь въ 1020 г.

Между тѣмъ, въ Бамбергѣ давно уже развилась живѣйшая церковная, ученая и артистическая дѣятельность. Генрихъ самымъ щедрымъ образомъ тотчасъ-же снабдилъ церковь библіотекою, а алтари — тѣми цѣнными роскошными рукописями, миниатюры которыхъ принадлежатъ къ числу лучшихъ произведеній, завѣщанныхъ намъ нѣмецкимъ искусствомъ этой эпохи. Императоръ и впоследствии лелѣялъ свое епископство, какъ предметъ первой любви. вмѣстѣ съ своею супругой онъ желалъ и послѣ смерти принадлежать монастырю, а также вскорѣ возникшему около монастыря и замка городу. Тамъ еще и теперь показываютъ ихъ гробницу, память о нихъ жива до сихъ поръ, и Бамбергъ болѣе всякаго другого нѣмецкаго города есть и императорскій городъ, городъ святого Генриха.

II.

Начавъ дѣло реформы и преобразованія нѣмецкой церкви отчасти по собственному почину и единственно вслѣдствіе глубокой сердечной потребности, Генрихъ II въ позднѣйшіе годы своего царствованія все болѣе и болѣе подчинялся тѣмъ духовнымъ теченіямъ,

которыя, исходя изъ Франціи и опередивъ нѣмецкій аскетизмъ, развившійся въ Лотарингіи и на Рейнѣ, приобрѣли вліяніе на умы нѣмцевъ.

Во Франціи, приблизительно съ начала X в., господствовалъ аскетико-іерархическій идеалъ Клюни. Тогда какъ нѣмецкій аскетизмъ X в. самъ по себѣ не стремился къ нивелированію умовъ, а только выставлялъ верховный жизненный идеалъ, предоставляя каждому по мѣрѣ силъ стремиться къ его высшимъ цѣлямъ, въ Клюни воспитаніе, при отрицаніи нѣкоторыхъ аскетическихъ моментовъ, направлено было къ духовному нивелированію, къ религіозной дрессировкѣ. Не то, чтобы вполнѣ была воспрещена индивидуализація въ научномъ отношеніи; въ началѣ по крайней мѣрѣ, въ Клюни научныя занятія не преслѣдовались. Однако-же практической жизненный идеалъ сводился къ выработкѣ только такихъ чертъ характера, которыя обезпечивали полнѣйшее подчиненіе приказаніямъ начальствующихъ и фанатически точное выполненіе ихъ. Поэтому, въ монастыряхъ клюнійскаго направленія господствовало строжайшее требованіе молчанія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда казалась-бы умѣстной бесѣда непринужденная,—за общей обѣденной трапезой, въ кухнѣ, въ спальнѣ; оно разобщало сердца и зарождало склонность къ недовѣрію и фанатизму. Поэтому-же требованіе взаимной любви понималось такъ, что у каждаго монаха было отнято право собственной личности въ сношеніяхъ съ братіей: предписывалось избѣгать всякой произвольной передачи чувствъ однимъ товарищемъ другому; наказывалось всякое проявленіе веселости; воспрещалось отвѣчать на насмѣшки и брань. Поэтому-же, наконецъ, требованіе безусловнаго повиновенія всѣмъ мѣропріятіямъ начальствующихъ получило такую важность, что монахи обязывались дѣлать даже приказанное зло, ради блага, заключающагося въ повиновеніи ¹⁾).

Ясно, такимъ образомъ, что аббаты Клюни были деспотами, тогда какъ св. Бенедиктъ хотѣлъ быть отцомъ своихъ монаховъ. Они всѣмъ приказывали, всѣ монастырскія должности замѣщали по своему усмотрѣнію, наказывали собственной властью. А наказанія были позорящія: выговоры предъ собраніемъ капитула, сѣченіе, карцеръ, сопряженный съ постомъ. И проступокъ никогда не прощался прежде, чѣмъ виновный, подвергшійся наказанію, не просилъ еще сверхъ того въ униженной формѣ о прощеніи.

Эта система получила законченный видъ около конца X в. Съ тѣхъ поръ и назначеніе преемника всецѣло находится въ рукахъ правящаго аббата; о какомъ-либо вліяніи монашеской общины нѣтъ болѣе

¹⁾ Ladewig, Poppe von Stablo, стр. 9, примѣч. 2. Ср. положеніе: Nulla scientia est magis necessaria, quam scire oboedire. (Ни одна наука не столь необходима, какъ наука повиновенія). Martène, Thes. anecd. 5, 159 b.

и рѣчи. Благодаря этому, традиція была обезпечена, тѣмъ болѣе, что съ 994 по 1109 г. управляли только два аббата, Одилонъ и Гугонъ. И въ то же самое время отдѣльные монастыри клюнійскаго направленія начали соединяться въ одинъ большой союзъ, всесильнымъ главою котораго вскорѣ сдѣлался клюнійскій аббатъ: старая абсолютистическая идея въ примѣненіи къ устройству отдѣльнаго монастыря была увѣнчана іерархическою идеей общаго союза. Такимъ образомъ, аскетическая система отреченія отъ міра, изстари получившая въ Клюни отчасти-іерархическую окраску, теперь вполнѣ превратилась въ систему религіознаго господства надъ міромъ, — и побѣдоносное вліяніе этого теченія на папство, вліяніе, давно уже подготовленное личными связями, являлось лишь вопросомъ времени.

И аббаты Клюни уже приготовили папству ясную программу для преобразованія церкви и пріобрѣтенія господства надъ нею. Въ своихъ требованіяхъ программа эта опиралась, преимущественно, на идеалы монашества; воспрещеніемъ брака священниковъ она пыталась перенести на бѣлое духовенство монашескій обѣтъ цѣломудрія, а воспрещеніемъ симоніи — монашеское воззрѣніе на бѣдность и безкорыстіе.

Безбрачіе священниковъ являлось старымъ требованіемъ аскетовъ; о немъ поднятъ былъ вопросъ еще въ IV вѣкѣ. Во взглядахъ клюнійскаго направленія ново было лишь обозначеніе женатыхъ священниковъ именемъ николаитовъ, т. е. еретиковъ, тогда какъ раньше, во II в., названіе это относилось лишь къ той гностической сектѣ, которая, вслѣдствіе особыхъ, своеобразныхъ ученій, между прочимъ, допускала и участіе въ вакхическихъ празднествахъ. Впрочемъ, браки священниковъ, по крайней мѣрѣ въ Германіи, уже въ X вѣкѣ были не часты, браки-же епископовъ являлись рѣдкими исключеніями.

Гораздо глубже задѣвались отношенія церкви и, особенно свѣтскаго общества Германіи, требованіемъ воспрещенія симоніи. Симонія, грѣхъ Симона волхва (Дѣянія Апостоловъ 8, 18 и слѣд.) означаетъ первоначально только продажу Святого Духа, т. е. духовныхъ посвященій и дѣйствій, и въ этомъ смыслѣ является исконнымъ позорнымъ пятномъ на духовенствѣ; еще въ V в. императоръ Гликерій констатировалъ, что значительнѣйшая часть епископскихъ посвященій пріобрѣталась за деньги, а не за заслуги. Но съ возникновеніемъ германскихъ церквей содержаніе этого понятія измѣнилось. Съ тѣхъ поръ церкви часто строились и украшались мірянами. Вслѣдствіе этого, учредители пріобрѣтали по германскому праву *Munt*, т. е. власть и покровительство надъ своими церквами, и какъ послѣдствіе этихъ правъ — право назначенія и смѣщенія духовнаго настоятеля и право отчужденія церковнаго имущества ¹⁾. Въ особенности относи-

¹⁾ Heusler, Institutionen, 1,314 и слѣд.

лось это къ королямъ, какъ учредителямъ епископскихъ кафедръ. Но учредители смотрѣли на эти свои церковныя имѣнія и на связанныя съ ними права по замѣщенію должностей, какъ на всякій другой финансовый источникъ: они вводили церкви въ хозяйственный оборотъ для купли и обмѣна, они отчуждали за деньги церковныя должности. Съ церковной точки зрѣнія подобный образъ дѣйствій долженъ былъ считаться недозволеннымъ; притомъ, церковь лишалась возможности располагать значительною частью своего персонала и находившагося въ ея пользованіи имущества. Поэтому, она старалась оградить себя отъ этихъ послѣдствій, выставивъ съ своей стороны принципъ неприкосновенности церковныхъ имуществъ, и объявивъ недозволеннымъ пожалованіе (инвеституру) пользованія ими, исходящее отъ мірянъ. И чтобы облегчить этимъ принципамъ побѣду на практикѣ, церковь, наконецъ, расширила понятіе симоніи такимъ образомъ, что оно впредь должно было относиться также къ нарушителямъ воспрещенія инвеституры.

Вотъ къ чему, главнымъ образомъ, сводились требованія Кюни съ конца X и начала XI в., хотя до появленія книги кардинала Гумберта они и не были высказаны вполне ясно. Но, не ограничиваясь ими, приверженцы Кюни уже направили свое вниманіе на самую сущность отношеній между церковью и государствомъ, между духовною (*sacerdotium*) и свѣтскою (*regnum*) властью. Они совсѣмъ еще не имѣли намѣренія прямо отвергать свѣтскую власть, *regnum* или *imperium*,—какъ богопротивную, что, однако-же, случилось впоследствии; они еще очень нуждались въ ней, и потому вполне признавали ее, подъ условіемъ, чтобы она защищала церковь. Но, конечно, они далеки были отъ мысли признавать превосходство короны надъ духовнымъ званіемъ; имъ казалось, что аббаты и епископы по своимъ задачамъ и сану стоятъ, по меньшей мѣрѣ, на одномъ уровнѣ съ королями. И уже раздавались отдѣльные голоса въ пользу опасной свободы церкви: церковь, утверждали они, должна принадлежать одному Христу и отнюдь не быть связанной презрѣнными узами здѣшняго міра.

Въ Германіи новое ученіе проникло двоякимъ путемъ; какъ и все это движеніе вообще: путемъ вліянія лотарингской реформы и путемъ непосредственныхъ отношеній къ королевскому двору.

Въ Лотарингіи, правда, по прежнему процвѣталъ старый аскетизмъ туземнаго происхожденія и съ своей стороны проявилъ много усердія къ улучшенію пришедшихъ въ упадокъ монастырскихъ нравовъ. Но надъ нимъ, одолевая и разрушая его, все могущественнѣе разливалось движеніе, идущее изъ Кюни, тѣмъ болѣе, что оно опиралось на сочувствіе многихъ западныхъ епископовъ: Герарда камбрейскаго, люттихскихъ епископовъ, Адальберта утрехтскаго, Перегринна кельнскаго, Мейперка пaderборискаго и другихъ. Однимъ

изъ первыхъ выдающихся представителей ихъ является Вильгельмъ дижонскій; онъ преобразовалъ старые монастыри, державшіеся лотарингскаго аскетизма, — Горзъ, св. Арнульфа, св. Климента и св. Петра въ Мецъ. За нимъ слѣдовалъ, прежде всего, Ришаръ, другъ графа Фридриха вердёнскаго; вполне проникнутый идеалами Кюни, онъ въ 1004 г. осуществилъ реформу шотландскаго аббатства (Schottenabtei) св. Ванна въ Вердёнъ и сдѣлался аббатомъ этого монастыря, а спустя четыре года перенесъ ту же реформу во Фландрію, вслѣдствіе приглашенія графа Бальдуина, призвавшаго его въ Аррасъ для преобразованія монастыря св. Вааста.

Ришардъ С.-Ваннскій познакомилъ съ идеями Кюни и короля Генриха II, находившагося съ аббатомъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Характерна позднѣйшая легенда, повѣствующая, будто Генрихъ желалъ быть принятъ въ монастырь св. Ванна въ качествѣ монаха. Ришаръ, будто бы, принялъ его и обязалъ повиноваться, но лишь для того, чтобы приказать ему возвратиться къ своему свѣтскому сану. Дѣйствительно, въ качествѣ монаха Генрихъ никогда не могъ бы быть такъ полезенъ кюнійскому движенію, какъ онъ былъ полезенъ ему въ качествѣ государя при своемъ образѣ мыслей. Сторонники новаго движенія хорошо знали это, и уже при второмъ походѣ его въ Римъ, еще до коронованія Генриха, какъ императора, въ свитѣ его появляются аббатъ Одилонъ изъ Кюни и Гюгъ, реформаторъ Италіи въ духѣ ученія Кюни.

Въ послѣдніе годы Генриха надежды сторонниковъ Кюни начали осуществляться. Въ 1018 г. папа Бенедиктъ VIII созвалъ въ Павіи для преобразовательныхъ цѣлей соборъ, занявшійся главнымъ образомъ вопросомъ о довольно обычныхъ въ Италіи того времени бракахъ священниковъ и епископовъ; постановленія этого собора немедленно были опубликованы Генрихомъ въ качествѣ императорскаго закона для Италіи.

Главнымъ же образомъ императоръ началъ дѣйствовать въ пользу реформы въ Германіи. Подъ его предсѣдательствомъ въ 1019 году созванъ былъ въ Госларѣ провинціальный соборъ, на которомъ вопреки противодѣйствія нѣкоторыхъ епископовъ проведено было постановленіе, гласившее, что свободныя женщины, вступающія въ бракъ съ священниками, принадлежащими къ сословію обязанныхъ, сами вмѣстѣ съ дѣтьми, переходятъ въ сословіе обязанныхъ. Это нововведеніе шло въ разрѣзъ съ существовавшимъ обычаемъ, который былъ болѣе благопріятенъ для женщинъ; въ этой мѣрѣ можно было видѣть вступленіе къ будущему воспрещенію браковъ священниковъ вообще. Притомъ весь характеръ дѣйствій короля не оставлялъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ рѣшился поддерживать кюнійскія воззрѣнія, уже восторжествовавшія въ Лотарингіи, и въ остальной Германіи законодательнымъ путемъ.

Противъ этого поднялась оппозиція со стороны церкви праваго берега Рейна, воплотившаяся въ лицѣ нѣмецкаго примаса, властнаго и смѣлаго архіепископа майнцакаго, Арибона. Нельзя сказать, чтобы Арибонъ противился реформѣ; но онъ хотѣлъ провести ее по собственному почину, безъ императорскаго и, особенно, папскаго вмѣшательства, и безъ посредничества приверженцевъ Кюни; въ этомъ его поддерживали почти всѣ епископы праваго берега Рейна: здѣсь еще относились отрицательно къ клюнійско-романскому взгляду на преобразовательныя идеи и еще того менѣе признавали вмѣшательство папы, сану котораго все еще приписывали только моральный авторитетъ: не даромъ еще Видукиндъ (Widukind), въ своемъ историческомъ произведеніи, называлъ первосвященникомъ (Pontifex maximus) не папу, а архіепископа майнцакаго; достоверно также, что во все продолженіе IX и X вв. даже почетное предсѣдательствованіе папскихъ легатовъ въ нѣмецкихъ соборахъ было рѣдкостью, а требуемая уставами связь между нѣмецкою церковью и папствомъ обезпечивалась едва-ли не однимъ только торжественнымъ препровожденіемъ мантии (pallium) изъ Рима нѣмецкимъ архіепископамъ; но и это послѣднее составляло чисто-формальный актъ, въ которомъ въ теченіе столѣтій ни разу не было отказано.

Поводомъ къ открытію борьбы послужилъ вопросъ о бракѣ графа Оттона, владѣльца Гаммерштейнскаго замка, стѣны котораго, свидѣтели необыкновенныхъ судебъ, мрачно высились на берегу Рейна, близъ Андернаха. Оттонъ вопреки церковному запрету женился на своей близкой родственницѣ, происходившей, кажется, изъ дома арденнскихъ графовъ, на красавицѣ Ирмгардѣ. Онъ не разъ игнорировалъ послѣдовавшія за тѣмъ увѣщанія отдѣльныхъ духовныхъ лицъ и соборовъ и, когда король Генрихъ, въ 1020 г., самъ вступился въ это дѣло и разрушилъ Гаммерштейнскій замокъ, Оттонъ какъ отлученный отъ церкви и опальный удалился въ изгнаніе, не разлучаясь съ женою.

Новый соборъ, созванный въ Майнцѣ, долженъ былъ рѣшить ихъ участь. Супруги явились; Оттонъ подчинился приговору отцовъ, постановлявшему разводъ; Ирмгарда же отправилась въ Римъ, чтобы испросить у папы другой приговоръ.

Этотъ шагъ побудилъ Арибона, на новомъ соборѣ, засѣдавшемъ въ Зелигентштадтѣ, предложить на утвержденіе нѣмецкихъ епископовъ рядъ постановленій, непосредственно направленныхъ противъ папскаго авторитета. Объявлялось, что никто безъ разрѣшенія своего священника или епископа не вправѣ отправляться въ Римъ; что лица, подлежащія церковнымъ наказаніямъ, должны принести покаяніе, прежде чѣмъ отправиться съ дозволенія своего духовнаго начальства къ папѣ. Высшая церковная юрисдикція папы не оспа-

ривалась, но обставлялась такими оговорками, которыя сильно ограничивали ея примѣненіе.

Но Генрихъ II вопреки этимъ попыткамъ національной церкви твердо держался союза съ папою и обязанности общаго, императорскаго вмѣшательства; въ первый разъ въ борьбѣ между *regnum* и *sacerdotium* совмѣщеніе власти нѣмецкаго короля съ императорскимъ достоинствомъ имѣло роковыя послѣдствія. Съ цѣлью побѣдить нѣмецкую церковь большинствомъ голосовъ, Генрихъ, по соглашенію съ папою и съ королемъ Робертомъ французскимъ, подготавливалъ всеменскій соборъ, который предполагалось созвать въ Павіи для всеобщаго преобразованія западной церкви. Папа также выступилъ противъ нѣмецкой церкви; онъ отмѣнилъ приговоръ майнцаго собора по дѣлу о бракѣ графа Гаммерштейна и приговорилъ архіепископа Арибона къ лишенію палліума, — дарованнаго Римомъ знака архіепископскаго достоинства.

Большинство нѣмецкихъ епископовъ не смутилось ни этимъ, ни насильственными мѣрами, принятыми королемъ Генрихомъ противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Новый національный соборъ въ Гёхстѣ, 14 мая 1024 г., объявилъ извѣстіе о постановленномъ папою отнятіи майнцаго палліума невѣроятнымъ, подтвердилъ солидарность нѣмецкихъ епископовъ съ Арибономъ и въ ясныхъ выраженіяхъ требовалъ признанія отлученія, произнесеннаго надъ Ирменгардой. Это былъ открытый конфликтъ съ папскою властью и ближайшія мѣропріятія должны были повести къ враждебному столкновенію обѣихъ партій.

Въ это время папа Бенедиктъ умеръ; ему наследовалъ возвысившійся съ помощью симоніи, десятилѣтній Іоаннъ XIX. Спустя нѣсколько недѣль скончался и императоръ Генрихъ, и надъ его могилой возникъ грозный вопросъ о династической будущности государства.

III.

Конрадъ II не былъ склоненъ продолжать церковно - преобразовательную политику своего предшественника; онъ относился довольно равнодушно къ притязаніямъ приверженцевъ реформы и церковниковъ праваго берега Рейна. Благодаря этому при немъ движеніе, особенно вслѣдствіе неспособности новаго папы, немедленно свелось къ внутренне - германскому расколу между расположенными къ реформѣ епископами Лотарингіи, руководимыми Перегриномъ кельнскимъ, и менѣе склонными къ реформѣ епископами центра, имѣвшими своимъ главою Арибона. Но и этотъ антагонизмъ вскорѣ утратилъ свой острый характеръ. Арибонъ своимъ властолюбіемъ и скупостью возбудилъ къ себѣ ненависть въ своихъ собратяхъ по

сану; Перегринъ, въ началѣ противившійся избранію Конрада, подчинившись послѣднему, тѣмъ самымъ отказался отъ прежняго рѣзкаго противорѣчія и приблизился къ епископамъ праваго берега Рейна, дѣло которыхъ, насколько оно являлось національнымъ, все-таки пользовалось нѣкоторымъ участіемъ со стороны короля.

Въ общемъ, такимъ образомъ, приближались, казалось, мирныя времена. Между тѣмъ, именно это время спокойствія послужило приверженцамъ реформы для самаго широкаго распространенія ихъ взглядовъ. На первый планъ выступаетъ здѣсь, прежде всего, Понпонъ изъ Стабло, духовникъ Гизелы, набожной и суевѣрной супруги короля Конрада. Привлеченный Ришаромъ с.-ваннскимъ на сторону реформы, этотъ ученый нижне-лотарингецъ поступилъ монахомъ въ монастырь Св. Ванна, откуда по примѣру своего аббата нѣсколько разъ реформировалъ монастырь Св. Вааста, сдѣлался пробстомъ въ монастырѣ Больё, гдѣ будучи искуснымъ архитекторомъ, построилъ великолѣпныя зданія, и, наконецъ, аббатомъ въ Стабло. Изъ этого монастыря онъ началъ, вдоль нѣмецко-валлонской границы, обширную дѣятельность въ государствѣ. Сдѣлавшись въ 1023 г. аббатомъ Св. Максимиана близъ Трира и капелланомъ королевы, онъ въ 1025 году основалъ салійскій фамильный монастырь Лимбургъ на Гардтѣ, затѣмъ преобразовалъ старыя имперскія аббатства Эхтернахъ въ Люксембургѣ, Св. Гислена (Ghislain), Герсфельдъ, Вейсенбургъ и С.-Галленъ, и распространилъ клюнійскій уставъ въ массѣ другихъ монастырей въ области рейнскаго бассейна. Потому что здѣсь, по преимуществу, былъ онъ дома; здѣсь понынѣ еще рядъ великолѣпныхъ монастырскихъ церквей свидѣтельствуется его столь же неутомимой художественной дѣятельности; соборъ въ Шпейерѣ и нѣкоторыя части страсбургскаго собора тоже носятъ на себѣ слѣды его вліянія. Но и помимо его дѣятельности теперь повсюду на Рейнѣ, хотя главнымъ образомъ въ мѣстностяхъ лѣваго берега, въ дѣлѣ мѣстной реформы замѣчается клюнійскій духъ, и пограничныя епископства имперіи, — Мецъ, Туль, Вердёнъ, Камбрэ, — всецѣло сдѣлались его добычей.

А новыя вѣянія, уже не ограничиваясь одною церковью и преданными церкви мірянами, начали охватывать всю совокупность населенія, движимаго болѣе общими интересами.

При чтеніи наиболѣе національныхъ изъ нѣмецкихъ историковъ этой эпохи, и даже X в., — Випона, Титмара (Thietmar), Видукинда, — бросается въ глаза то обстоятельство, что въ изображаемомъ ими свѣтскомъ обществѣ отсутствуетъ всякій идеалъ опредѣленнаго міровоззрѣнія, за исключеніемъ церковнаго идеала: древній германскій идеалъ практической жизни давно разложился, а церковь стала и для мірянъ единственнымъ и общимъ очагомъ образованія идей. Съ тѣхъ поръ, какъ нѣмецкій народъ обратился въ націю земледѣльче-

скую, церковь, въ качествѣ самаго крупнаго землевладѣльца, приближилась къ нему въ его заботахъ о существованіи; она дала просторъ его общиннымъ инстинктамъ посредствомъ такого устройства приходовъ, которое открывало свои объятія свѣтской общинѣ, и въ интересахъ низшихъ классовъ начала перерабатывать свой сословный строй соціально-уравнительнымъ, освободительнымъ вліяніемъ своего духа. Вмѣстѣ съ тѣмъ она распространяла свою юрисдикцію все далѣе, на тревожныя вопросы личнаго существованія: прелюбодѣяніе и другія преступленія противъ половой нравственности, грабежъ и кражу, обманъ и растовщичество, ложную присягу и лже-свидѣтельство, — несмотря на то, что послѣднее преступленіе въ особомъ лишь смыслѣ могло быть разсматриваемо, какъ грѣхъ, — все это она подчинила своей судебной власти. Въ этомъ именно направленіи съ половины IX в. сдѣланы были значительные успѣхи: лже-исидоровы фальсификаціи начали дѣйствовать, и въ системѣ разѣзднаго суда (Sendgericht) церковная дисциплина пріобрѣтала все болѣе замкнутую организацію. И съ какимъ умѣньемъ пользовалось этими средствами все болѣе вдававшееся въ аскетизмъ духовенство! Св. Ульрихъ аугсбургскій разѣзжалъ по своей епархіи въ повозкѣ, запряженной волами; часто творилъ онъ судъ до темной ночи, и при скудномъ свѣтѣ факеловъ все еще рылся въ каноническихъ уставахъ.

При такихъ условіяхъ, какъ сильно должна была вліять на мірянъ церковь съ ея новымъ міровоззрѣніемъ аскетическаго благочестія! Своимъ ученіемъ и своими мистическими таинствами она теперь гораздо болѣе, чѣмъ когда-либо, сдѣлалась средоточіемъ всѣхъ возвышенныхъ помысловъ; всѣ стремленія идеализма направлялись на церковное поприще. Такимъ образомъ, церковь стала желанною цѣлью самихъ мірянъ; искусство изображало ее въ видѣ возвышенно-прекрасной дѣвы съ чертами, выражающими сознание побѣды, а Петръ Даміани, прославившійся высокимъ благочестіемъ въ эпоху Григорія, сказалъ однажды, что послѣ святого креста Христова, святой Дѣвы и святыхъ ангеловъ на землѣ и на небѣ нѣтъ ничего выше церкви.

Такія воззрѣнія естественно должны были въ свою очередь вліять на положеніе духовенства. Они сообщали ему необыкновенно-сильное сознание сословнаго достоинства; они разрывали связи духовнаго сословія съ другими сословіями, съ государствомъ, съ семьею.

И все-таки даже высшіе члены этого сословія, епископы, по крайней мѣрѣ въ Германіи, на половину являлись еще чиновниками короля. Германское государственное право изстари держалось принципа назначенія ихъ королемъ, вопреки каноническому требованію свободнаго избранія; затѣмъ, при Оттонахъ и Генрихѣ II, положеніе ихъ, какъ чиновниковъ, было еще болѣе опредѣленнымъ, и, въ

тоже время, право государственной собственности на епископскія и вообще церковныя имѣнія сдѣлалось еще рѣзче выраженнымъ; наконецъ, въ царствованіе Конрада II издавна вошедшій въ обычай подарокъ со стороны вновь назначеннаго епископа королю болѣе, чѣмъ когда-либо, пріобрѣлъ значеніе своего рода платежа за купленную должность. Дальнѣйшее существованіе такого порядка было невысказано, въ виду того почетнаго общественнаго положенія, котораго все болѣе достигало духовенство; и еще до преобразовательнаго движенія онъ былъ отвергаемъ, какъ симонія.

Полнаго господства взглядъ этотъ достигъ въ царствованіе Генриха III, и этотъ послѣдній, воспитанный своею матерью Гизелой въ благочестіи, въ существенныхъ отношеніяхъ поддерживалъ его. Правда, и онъ по прежнему назначалъ епископовъ; но онъ избѣгалъ вошедшей въ употребленіе продажи епископскаго сана. Хотя даже церковное общественное мнѣніе еще не высказывалось непосредственно противъ назначенія епископовъ королемъ, онъ порою уже дѣлалъ уступки въ важныхъ вопросахъ, связанныхъ съ назначеніемъ. Когда Генрихъ въ 1046 г. въ Шпейерѣ хотѣлъ пожаловать приверженца клонійскаго направленія Галинанда (Halinand), аббата Св. Беннигна въ Дижонѣ, архіепископствомъ ліонскимъ, послѣдній отказался принести королю присягу въ вѣрности, ссылаясь на то, что это противорѣчило-бы завѣту Христа и велѣнію Св. Бенедикта. Король имѣлъ слабость признать этотъ доводъ, вопреки совѣту епископа шнейерскаго. Не менѣе опасенъ былъ другой случай, имѣвшій мѣсто почти одновременно съ первымъ. Въ 1045 г. кельнскій каноникъ, Видгеръ, получилъ отъ короля пожалованіе архіепископствомъ равенскимъ, но еще не представился къ рукоположенію и вообще не нравился сторонникамъ реформы. Вслѣдствіе этого, по случаю созыва ахенскаго собора въ Троицынъ день 1046 г. Видгеръ былъ вызванъ на королевскій судъ. Но здѣсь епископъ люттихскій Вазонъ (Waso), одинъ изъ энергичнѣйшихъ приверженцевъ реформы, сталъ оспаривать у короля право вызывать къ себѣ на судъ и допрашивать епископа, утверждая, что это приличествуетъ одному папѣ. Въ этомъ случаѣ Генрихъ, правда, не уступилъ прямо, но и не выставилъ съ полною ясностью на видъ свое право, а устроилъ, по видимому, такъ, что Видгеръ добровольно отказался отъ своего сана. Хуже было то, что на этотъ разъ всѣ присутствовавшіе нѣмецкіе епископы стали на сторону Вазона. Во всякомъ случаѣ, тотъ и другой случай ясно показали, что король Генрихъ не былъ человѣкомъ, способнымъ оказать противодѣйствіе давленію реформы. Но если-бы онъ даже и сдѣлалъ подобную попытку, — могла ли бы она ему удалась? Ему пришлось-бы бороться съ требованіями, которыя сами по себѣ были законны и начинали поддерживаться всей силой возбужденнаго общественнаго мнѣнія; онъ возсталъ-бы противъ религі-

ознаго движенія, въ формахъ котораго высшая культура французскаго запада впервые разлилась надъ аналогичными и только позднѣе и медленнѣе обазовавшимися теченіями нѣмецкой духовной жизни. Тѣ средства, которыми располагала нѣмецкая монархія для борьбы съ этимъ движеніемъ, имѣли внѣшній, чисто политическій, характеръ и были несоизмѣримы съ идейною силою реформы: время Генриха IV показало, что имъ никогда не суждено было восторжествовать.

IV.

Въ то время, какъ въ Германіи сила преобразовательныхъ идей свинолиѣ овладѣла высшимъ свѣтскимъ защитникомъ христіанства, въ Римѣ побѣда ихъ казалась дѣломъ далекаго будущаго. На престолѣ Св. Петра въ первые годы царствованія Генриха III сидѣлъ человекъ, который даже римлянамъ казался слишкомъ порочнымъ, — Бенедиктъ IX. Въ концѣ 1044 г. его прогнали и, послѣ многихъ волненій, выбрали на его мѣсто въ 1045 г. епископа Іоанна сабинскаго, подъ именемъ Сильвестра III. Іоаннъ былъ богатъ, благодаря своимъ средствамъ онъ удержался на папскомъ престолѣ въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ. Потомъ онъ наскучилъ римлянамъ, и они воротили Бенедикта IX. Но Бенедиктъ за 1000 фунтовъ серебра продалъ папскій санъ архипресвитеру Іоанну, теперь названному Григоріемъ VI, не отказываясь отъ своихъ правъ. Такимъ образомъ появилось сразу три папы; иногда они, говорятъ, одновременно пребывали въ Римѣ; ужасный расколъ терзалъ церковь.

Но выходъ, казалось, былъ найденъ. Изъ трехъ папъ Григорій VI принадлежалъ къ партіи реформы и, несмотря на его безстыдную симонию, строгое направленіе было радо видѣть его папою; Петръ Даміани, глава итальянскаго аскетизма, привѣтствовалъ вступленіе его въ санъ, какъ залогъ будущаго, а страшный Гильдебрандъ, монахъ авентинскаго монастыря, въ послѣдствіи Григорій VII, поступилъ къ нему на службу. Партія реформы знала хорошо, какъ помочь бѣдѣ; участвуя, наконецъ, въ судьбахъ папства, но еще не имѣя внѣшней власти, она призвала на помощь благочестиваго императора Генриха, этого новаго Константина, новоявленнаго Давида, побѣдителя Голиафа.

Въ сентябрѣ 1046 г. Генрихъ отправился въ Италію. На этотъ разъ онъ легко расположилъ Ломбардію въ свою пользу тѣмъ, что среди тамошнихъ соціальныхъ смуть, онъ въ противность политикѣ своего отца всецѣло сталъ на сторону духовенства, представителемъ котораго былъ архіепископъ миланскій, Арибертъ; въ другихъ мѣстахъ онъ тоже не встрѣтилъ затрудненій.

Это дало ему возможность посвятить себя особенно церковнымъ

дѣламъ. Уже въ 1046 г. въ Павіи созванъ былъ для блага церкви соборъ, на который явились епископы изъ всѣхъ частей имперіи; соборъ воспретилъ симонію, въ смыслѣ торговли духовными должностями, подѣ страхомъ отлученія отъ церкви и лишенія должности. Затѣмъ состоялся, 20 декабря 1046 г., соборъ въ Сутри, а 23 декабря—соборъ въ Римѣ: плодомъ ихъ было смѣщеніе всѣхъ трехъ папъ. Вновь избранъ былъ, подѣ рѣшительнымъ вліяніемъ Генриха, епископъ бамбергскій, Ліудгеръ; подѣ именемъ Климента II взошелъ онъ на папскій престолъ и въ день Рождества Хр. возложилъ императорскія короны на голову побѣдоноснаго короля и его супруги. Эти результаты, при сдержанности Генриха во всѣхъ вопросахъ церковнаго управленія, вполне удовлетворили и партію реформы. Даже римляне были осчастливлены, потому что Генрихъ значительными подкупами побудилъ ихъ предоставить ему, вмѣстѣ съ достоинствомъ патриція, рѣшающій голосъ при будущихъ выборахъ на папскій престолъ (*privilegium in electione*): это было отчужденіе призрачныхъ правъ, много давшее римлянамъ и ничего имъ не стоившее.

Послѣ римскихъ дѣлъ предстояло привести въ порядокъ дѣла нижней Италіи. Здѣсь, со времени вступленія Генриха на престолъ, дѣла шли безъ всякаго государственнаго вмѣшательства, единственно подѣ вліяніемъ нормальнаго господства, сѣмена котораго были посеяны Генрихомъ II. Начавшись мелкими столкновеніями между греками и норманнами, дѣло дошло до войны между обѣими державами; 3 сентября 1041 г. при Монте Пелозо греки были разбиты, и вся Апулія перешла въ руки побѣдителей.

Это завоеваніе норманновъ номинально досталось еще, конечно, князю Ваймару салернскому, сюзерену норманнскихъ выходцевъ, который и принялъ титулъ герцога Калабріи и Апуліи. Но уже можно было предвидѣть, что норманны порвутъ эту вассальную связь. Любопытно, что именно императоръ Генрихъ оказалъ имъ содѣйствіе въ этомъ. Онъ считалъ справедливымъ сокрушить все еще значительную силу Ваймара и обратить норманнскихъ графовъ, Родульфа изъ Аверзы и Дрогона апулійскаго, въ непосредственныхъ ленниковъ имперіи. При незначительномъ вліяніи государственной власти въ этихъ южныхъ областяхъ, это являлось неслыханной до той поры самостоятельностью для норманновъ; воспользоваться ею вскорѣ предстояло панству.

Въ срединѣ весны 1047 г. Генрихъ, недомогаая, прибылъ изъ нижней Италіи въ Германію. Вскорѣ послѣ этого, 9 октября 1047 г., умеръ въ Римѣ нѣмецкій папа, Климентъ II. Тогда Бенедиктъ IX, одинъ изъ смѣщенныхъ папъ, сумѣлъ снова заставить признать себя; партія реформы, понимая, что еще не господствуетъ надѣ политической жизнью Рима, обратилась къ императору съ мольбою о назначеніи новаго папы въ ея духѣ. Генрихъ послалъ епископа бриксен-

скаго, Поппона, подъ именемъ папы Дамаса II; послѣдній скончался, процарствовавъ не болѣе трехъ недѣль, и римляне снова отправили пословъ къ императору.

Тогда Генрихъ далъ имъ въ папы епископа Бруно изъ Тула, вполне убѣжденнаго, непреклоннаго приверженца клонійскаго ученія, избравшаго для себя, не смотря на то, что онъ былъ родственникомъ императора, бѣднѣйшее епископство въ государствѣ, — тонкаго дипломата, дальновиднаго знатока нѣмецкихъ и романскихъ дѣлъ: подъ именемъ Льва IX онъ открываетъ собою блестящій рядъ великихъ папъ эпохи борьбы за инвенституру.

Уже тотъ способъ, какимъ Левъ подготовилъ свое положеніе въ Римѣ, показывалъ въ немъ умнаго основателя великой папской политики. Будучи предназначенъ въ папы императоромъ, онъ однакоже объявилъ, что приметъ санъ лишь въ томъ случаѣ, если и римляне выскажутся въ его пользу: такимъ образомъ онъ умѣрилъ перевѣсъ императорскаго имени яснымъ указаніемъ на каноническія постановленія о свободномъ избраніи духовенствомъ и народомъ. Вступивъ же на престолъ, онъ немедленно пошелъ впередъ въ обоихъ направленіяхъ, которымъ папство въ значительной степени обязано было своими позднѣйшими побѣдами надъ императорскою властью: онъ, во-первыхъ, примкнулъ къ романскому міру и, во-вторыхъ, положилъ начало притязаніямъ папскаго господства въ нижней Италіи.

Еще осенью 1049 г. созвалъ онъ соборъ въ Реймсѣ для поднятія папскаго авторитета во Франціи. Такъ какъ на этотъ соборъ явилось мало епископовъ, но за то много аббатовъ — сторонниковъ реформы, то на немъ оказалось возможнымъ очень ясно, даже рѣзко провозгласить преобразовательную програму: браки священниковъ были осуждены, какъ и всякая форма николаитства вообще, и подвергнуты были обсужденію также неканоническій способъ обыкновеннаго замѣщенія церковныхъ должностей. Несмотря на это, императоръ Генрихъ принялъ папу съ величайшимъ почетомъ, когда послѣдній изъ Франціи прибылъ въ Германію, и большой преобразовательный соборъ, созванный въ Майнцѣ 19 октября 1049 г., осудилъ и на нѣмецкой территоріи симонію и николаитство.

Изъ Германіи Левъ IX вернулся въ Италію, и тотчасъ-же предпринялъ такоо вмѣшательство въ ниже-италіанскія дѣла, которое могло имѣть только одну цѣль: сдѣлать папство политически-независимымъ отъ императорской власти; предстоялъ, такимъ образомъ, переворотъ первостепенной важности.

Въ нижней Италіи распоряженія, изданныя императоромъ Генрихомъ въ 1047 г., разнуздали честолюбіе норманновъ. Отнюдь не намѣреваясь соблюдать спокойствіе, они, завоевавъ Апулію, пытались теперь вытѣснить грековъ и изъ Калабріи, но въ этой новой борьбѣ проявили столько жестокости, что населеніе нестерпимо страдало и

съ тоскою озиралось, ища избавленія. Тутъ вмѣшался папа. Въ качествѣ князя церкви и какъ-бы представителя отсутствующаго императора, онъ разбѣзжалъ по угнетенной странѣ, проповѣдуя кротость, но въ то-же время принялъ цѣлый рядъ населенныхъ мѣстъ, подчинившихся его мнѣніямъ, на службу *свою* и императорскую и, не ограничиваясь этимъ, осадилъ и предалъ отлученію городъ Беневентъ, который, наконецъ, сдался и присягнулъ ему въ вѣрности: за ночь въ нижней Италіи возникло, казалось, папское владѣніе.

Тотчасъ-же, конечно, возникъ вопросъ, возможно-ли будетъ сохранить это владѣніе одними моральными средствами; и норманскія нападенія отвѣтили на этотъ вопросъ отрицательно. Тогда папа рѣшился выставить собственное наемное войско; Даміани долженъ былъ съ ужасомъ видѣть, что верховный пастырь душъ выступилъ съ толпою вооруженныхъ людей, вмѣсто того чтобы предстать передъ врагомъ съ молитвой. Впрочемъ, конецъ этого военного похода былъ именно таковъ, какой долженъ имѣть походъ священниковъ: папское войско разбѣжалось, не дождавшись встрѣчи съ врагомъ, въ маѣ 1052 года.

Тогда Левъ, какъ и прежде, но еще настойчивѣе, обратился къ императору съ личною просьбой о помощи, которая и была ему оказана. Взамѣнъ уступки маловажныхъ папскихъ правъ въ Германіи, Генрихъ утвердилъ за папою владѣніе Беневентомъ и другими государственными имѣніями въ нижней Италіи: достигнуто было безерочное, законное папское владычество на югѣ. Мало того: императоръ прислалъ и военную помощь; въ сопровожденіи небольшой нѣмецкой арміи Левъ отправился на югъ.

Но, несмотря на эту поддержку, оказалось, что преемникамъ св. Петра не слѣдуетъ вынимать меча изъ ноженъ. Въ битвѣ при Чивителла, 18 мая 1053 г., папское войско на голову было разбито норманнами, и самъ папа попалъ въ руки побѣдителей. Вожди норманновъ, правда, обошлись съ нимъ съ величайшею предупредительностью, какъ вѣрные сыны церкви, просили его о снятіи съ нихъ отлученія и съ почетомъ проводили его въ Римъ; однако Левъ такъ-же, какъ впоследствии болѣе выдающійся преемникъ его, Григорій VII, умеръ, не достигнувъ своихъ цѣлей, съ разбитымъ сердцемъ, 19 апрѣля 1054 г.

Опять отправилось въ Германію римское посольство, чтобы испросить у императора папу—сторонника реформы, какаго и теперь еще едва-ли дало-бы римское каноническое избраніе. Императоръ остановилъ свой выборъ на зарекомендовавшемъ себя въ качествѣ дипломата и администратора епископъ Эйхштедтскомъ, Гергардѣ, который и занялъ папскій престолъ подъ именемъ Виктора II.

При немъ италіанская политика Льва IX съ помощью императора была блестящимъ образомъ проведена и развита далѣе, нѣсколько допу-

скали это угасавшія силы Генриха III. Императоръ почти немедленно вслѣдъ за папой отправился въ Италію; новый преобразовательный соборъ во Флоренціи, на Троицу 1055 г., опять провозгласилъ воспрещеніе симоніи и брака священниковъ и отдѣльными мѣропріятіями началъ проводить это воспрещеніе на дѣлѣ. Затѣмъ императоръ пожаловалъ папѣ множество спорныхъ до той поры помѣстій, предоставилъ ему, — на первыхъ порахъ только лично, — герцогство сполетское и маркграфство фермосское, назначилъ его намѣстникомъ Италиіи и сдѣлалъ приготовленія къ такой южно-италианской политикѣ, которая въ концѣ концовъ, вѣроятно, обратилась-бы въ пользу папства, но въ это время былъ оторванъ въ Германію, гдѣ ждала его ранняя смерть. Онъ скончался тридцати-девяти лѣтъ отъ роду, 5 октября 1056 г.

У.

Императору Генриху супруга его, Агнеса, 11 ноября 1050 года родила сына, Генриха, который, будучи трехъ лѣтъ, избранъ былъ знатію на королевскій престолъ и коронованъ въ Ахенѣ. Такимъ образомъ, онъ сталъ наслѣдникомъ государства и тѣхъ затрудненій, въ которыхъ оно находилось.

Правда, императоръ Генрихъ постарался расчислить путь своему юному сыну. Уже на смертномъ одрѣ примирился онъ съ самымъ сильнымъ своимъ противникомъ среди свѣтскихъ князей, Готфридомъ тосканскимъ, и, чтобы создать противовѣсъ его могуществу въ Италиіи, еще въ 1055 г. обручилъ вѣнценоснаго мальчика съ Бертою, будущею наслѣдницею Савои и Турина. Наконецъ, заботу о своемъ государствѣ, которая прежде всего должна была бы быть на императрицу Агнесу, женщину слабохарактерную, совсѣмъ не похожую на Теофанію или Софію, — Генрихъ, предвидя опасности, связанныя съ характеромъ своей супруги, возложилъ на папу Виктора II.

Викторъ на первыхъ-же порахъ оправдалъ оказанное ему довѣріе. Онъ не стѣснялся выказать необходимую при существовавшихъ обстоятельствахъ уступчивость въ отношеніи къ врагамъ имперіи, ликвидировать, такъ сказать, правительственные долги Генриха III. Онъ успокоилъ норманновъ въ нижней Италиіи, примирилъ пока Готфрида Тосканскаго, вновь открывъ ему виды на Лотарингію и не пріятствуя утвержденію его господства въ Тосканѣ. За этими отрицательными мѣрами должны были послѣдовать положительныя мѣры въ пользу имперіи, — но 28 іюля 1057 г. папа умеръ.

Это была тяжкая утрата для имперіи. Въ Италиіи Готфридъ опять смѣлѣе поднималъ голову; въ Германіи императрица вполнѣ подпала въліянію знати, особенно епископовъ. Естественно поэтому, что она не сумѣла удержать фактическую власть, которую Генрихъ III со-

средоточилъ въ королевскихъ рукахъ. Такъ какъ можно было опасаться отпаденія Бургундіи, то императрица передала управленіе этимъ королевствомъ, вмѣстѣ съ швабскимъ герцогствомъ, своему любимцу, нѣмцу-бургунду Рудольфу Рейнфельдену, и надѣялась связать его навсегда, обручивъ его съ старшею своею дочерью, Матильдой. Но ея положеніе рѣшительно ухудшилось, когда она въ началѣ 1061 года поссорилась съ вождями духовной знати, — архіепископомъ кельнскимъ, Аннономъ и епископомъ бамбергскимъ, Гунтеромъ: теперь для упроченія своего вліянія на свѣтскую знать ей не оставалось иного средства, какъ отдать и баварское герцогство. Оно досталось одному саксонскому графу, Оттону Нордгеймскому.

При такой уступчивости во внутреннихъ дѣлахъ, естественно не могло быть и рѣчи объ энергической внѣшней политикѣ. Не удалось даже сохранить съ венграми тѣ добрыя отношенія взаимнаго игнорированія, которыми отличалось послѣднее время царствованія Генриха III.

Понятно, что этотъ всеобщій упадокъ, медленно развивавшійся уже втеченіе пяти лѣтъ, долженъ былъ вызвать недовольство въ Имперіи.

Вскорѣ послѣ пасхи 1062 г. этимъ всеобщимъ недовольствомъ воспользовались для одного изъ самыхъ дерзкихъ переворотовъ, о какихъ повѣствуетъ нѣмецкая исторія. Когда Генрихъ, державный мальчикъ, однажды въ Кайзерсвертѣ ступилъ на рейнскій берегъ, находившійся въ свитѣ кельнскій архіепископъ Аннонъ вызвался показать ему какой то особенно красивый корабль, стоявшій на якорѣ. Король, ничего не подозревая, вступилъ на судно, которое тотчасъ же отчалило; въ то-же самое время изъ королевской часовни были похищены королевскій крестъ и священное копье; личность государя и государственныя регаліи находились во власти заговора.

Относительно побужденій, руководившихъ заговорщиками, во главѣ которыхъ стояли Аннонъ кельнскій, Оттонъ Нордгеймскій и Экбертъ брауншвейгскій, даже тогдашніе лѣтописцы могли высказывать одни предположенія: въ особенности навсегда останутся невыясненными по источникамъ важные вопросы о томъ, насколько участвовалъ въ похищеніи Готфридъ Тосканскій, и насколько участвовало въ немъ папство.

Но результатъ преступленія совершенно ясенъ. Въ чьей власти находились личность короля и королевскія регаліи, тотъ считался призваннымъ къ господству; поэтому уже каролингскіе властители держали у себя подъ замкомъ слабыхъ меровинговъ и ихъ короны. Императрица Агнеса теперь была отстранена отъ правительственной дѣятельности; позднѣе, слѣдуя давнишнему влеченію, она отправилась въ Римъ, занималась умерщвленіемъ своей плоти и шила платье для бѣдныхъ. Съ ея удаленіемъ водворился, на первыхъ порахъ, правитель-

ственный режимъ, который вскорѣ могъ быть названъ режимомъ епископовъ и особенно Аннона кельнскаго. Но, не вполне отвѣчая желаніямъ лицъ, руководившихъ заговоромъ, и этотъ режимъ не могъ удержаться; онъ былъ низвергнутъ движеніемъ, исходившимъ, повидному, изъ среды свѣтской саксонской знати, принадлежавшей къ заговору, и поведшимъ къ возвышенію Адалъберта, который въ качествѣ архіепископа бременскаго былъ какъ-бы примасомъ Саксоніи. Окончательнымъ результатомъ было то, что приблизительно съ конца весны 1063 г. Аннонъ кельнскій и Адалъбертъ бременскій, принявъ титулъ консуловъ или вице-королей (*vicedomini*), сообща управляли государствомъ.

Съ этого момента веденіе государственныхъ дѣлъ пріобрѣло болѣе энергичный характеръ. Ускорены были переговоры съ римскою куріей, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, а вполне удачный походъ противъ венгровъ загладилъ промахи государственной политики времени регентства императрицы Агнесы.

Но эта счастливая перемѣна не была устойчива. Несмотря на раздѣленіе труда, установленное двумя архіепископами въ веденіи государственной политики, глубокое различіе ихъ индивидуальностей исключало возможность продолжительной и прочной совмѣстной дѣятельности. Адалъбертъ, отпрыскъ знатнаго рода Веттиновъ (*Wettiner*), доходившій въ своей дворянской гордости до самыхъ грубыхъ предразсудковъ относительно людей низкаго происхожденія, былъ красивъ, неотразимо любезенъ, когда желалъ расположить въ свою пользу, отличался веселостью, любилъ богатую обстановку, архитектурную роскошь и свѣтскія удовольствія. Аннонъ происходилъ изъ незнатнаго дома Штейслинговъ (*Steusslinge*); его особенностями были неутомимо дѣятельный духъ въ дѣлахъ, изворотливый умъ, энергія, выродившаяся въ эгоизмъ и алчность; въ основѣ-же его существа лежалъ страшно раздражительный темпераментъ, едва сдерживавшійся церковно-благочестивымъ воспитаніемъ. Такимъ образомъ вся его природа уже въ средніе лѣта располагала его къ аскетическому взгляду на жизнь; въ старости онъ вполне проникся имъ, а въ періодъ управленія государствомъ у него не оставалось и слѣда той обворожительной свѣтскости и милой расточительности, которыя отличали бременскаго архіепископа.

Державный отрокъ Генрихъ, предѣставленный воздѣйствію такихъ діаметрально противоположныхъ характеровъ, сдѣлавшійся своенравнымъ и даже упрямымъ благодаря тысячѣ разнообразныхъ педагогическихъ опытовъ, производившихся надъ нимъ съ самаго ранняго дѣтства, не былъ въ состояніи распознать хорошія качества Аннона подъ его суровою внѣшностью. Всею душою стремился онъ къ Адалъберту; къ послѣднему влекли его всѣ природныя особенности его существа. Такимъ образомъ вліяніе мрачнаго Аннона отступило на

задній планъ, и когда Генрихъ, въ день Пасхи 1065 г., въ Вормсѣ былъ опоясанъ мечемъ и долженъ былъ самостоятельно приступить къ управленію государствомъ, — было ясно, что управленіе это прежде всего будетъ господствомъ архіепископа Адальберта, и притомъ гораздо еще въ большей степени, чѣмъ до тѣхъ поръ.

То, что король Генрихъ, вступая въ личное управленіе, не устранилъ вполнѣ, какъ нѣкогда Оттонъ III, своихъ прежнихъ совѣтниковъ, было первымъ глубоко-роковымъ для него шагомъ. Послѣдствіемъ его было то, что на Генриха, хотя и совершеннолѣтняго, продолжали смотрѣть какъ на состоящаго подъ опекой, и что многія трудности, свойственныя правленію регентства, перешли даже въ періодъ его дѣйствительной самостоятельности.

Представлялось почти требованіемъ обычая, чтобы Генрихъ, ставъ господиномъ въ странѣ, отправился въ Италію для стяжанія императорскаго вѣнца. Дѣйствительно, въ апрѣлѣ 1065 г., князьями, собравшимися въ Майнцѣ, рѣшена была поѣздка въ Римъ. Этой мысли сочувствовалъ въ началѣ и Адальбертъ; но, узнавъ, что Аннонъ и Готфридъ тосканскій также намѣрены ѣхать въ свитѣ короля на югъ, онъ сталъ опасаться за свое вліяніе: путешествіе было отсрочено и въ концѣ концовъ не состоялось. Это была непоправимая ошибка.

Еще гораздо болѣе неудаченъ (хотя, по своимъ заключительнымъ результатамъ, и спасителенъ) былъ слѣдующій шагъ юнаго короля. Адальбертъ, при своемъ расточительномъ образѣ жизни, давно запутался въ долгахъ. Теперь, когда воля короля находилась какъ-бы въ его безусловномъ распоряженіи, онъ попытался поправить свои финансы, предложивъ королю включить въ его епископство богатые государственныя аббатства Корвэ и Лоршъ. А для того, чтобы снять съ своего поступка уродливую печать попытки къ личному обогащенію, онъ побудилъ короля издать общее распоряженіе, въ силу котораго также другіе епископы и даже представители свѣтской знати получали въ подарокъ около дюжины государственныхъ аббатствъ. Это было безстыднѣйшимъ расточеніемъ государственнаго достоянія, какое когда-либо проектировалось: потому что оно имѣло цѣлью удовлетвореніе чисто личныхъ потребностей королевскаго фаворита.

Въ іюнѣ 1065 г. Генрихъ, — судя по его позднѣйшей финансовой политикѣ, съ неохотой, — далъ необходимыя грамоты, и со всѣхъ сторонъ устремились боевыя силы епископовъ и герцоговъ противъ старыхъ государственныхъ аббатствъ, — этихъ гнѣздъ служилаго населенія, имѣвшаго чрезвычайную важность для государственной арміи, этихъ почти неистощимыхъ источниковъ королевскихъ финансовъ. И дѣйствительно, большинству получившихъ пожалованіе удалось овладѣть своею добычей. Одинъ архіепископъ Адальбертъ не имѣлъ успѣха. Поддерживаемое всеобщее ненавистію, которую онъ

къ себѣ впушилъ, служилое населеніе Корвэ и Лорша отважилось на открытое сопротивленіе бременскому епископу и королевскимъ грамотамъ.

Это было кризисомъ въ блестящей карьерѣ Адальберта. Энергично поднялись владѣтельные враги его при благоприятномъ для нихъ поворотѣ общественнаго мнѣнія, и впереди всѣхъ архіепископы Акконъ кѣльнскій и Сигфридъ майнцскій, а также южно-германскіе герцоги; на государственномъ сеймѣ въ Трибурѣ, въ январѣ 1066 г., они заставили короля удалить архіепископа.

Послѣ неудачной попытки къ бѣгству, королю не осталось иного выхода, какъ уступить принужденію; Адальбертъ удалился отъ двора.

Съ тѣхъ поръ король сталъ самостоятельнѣе прежняго. И когда онъ, хотя въ многихъ отношеніяхъ все еще ограниченный въ своей дѣятельности совѣтниками епископами и собраніями князей, началъ яснѣе понимать окружающее, онъ увидѣлъ, что власть его находится далеко не въ томъ положеніи, въ какомъ оставилъ ее послѣ себя его державный отецъ, — онъ увидалъ это въ особенности въ отношеніяхъ имперіи къ папству и Италіи.

VI.

Лишь послѣ смерти папы Виктора II (28 іюля 1057 г.) папство могло получить въ Италіи практическія выгоды отъ кончины императора Генриха III. Въ свѣтскихъ дѣлахъ на первый планъ выступилъ маркграфъ Готфридъ тосканскій, а папою сдѣлался братъ его, Фридрихъ, подъ именемъ Стефана IX. Стефанъ былъ избранъ 2 августа 1057 г., и на слѣдующій день возведенъ на престолъ. О томъ и не подумали, чтобы насчетъ перемѣны папы спросить императрицу Агнесу, какъ правительницу государства. Впрочемъ, ревностный поборникъ реформы, Ансельмъ, епископъ луккскій, потомъ отправился въ Германію, чтобы добыть утвержденіе для новаго папы, и императрица имѣла слабость дать его безъ всякихъ оговорокъ.

Царствованіе Стефана было кратковременно; онъ умеръ 29 марта 1058 года. Однако время его правленія отмѣчено существеннымъ прогрессомъ въ доктринахъ партіи реформы. Партія находилась теперь на концѣ той эпохи, которой предстояло бороться за осуществленіе ея требованій. Поэтому необходимымъ являлось нѣкоторыя положенія, установленныя только еще въ общихъ чертахъ, изложить отчетливѣе въ ихъ отдѣльныхъ выводахъ примѣнительно къ существовавшимъ условіямъ и привести въ ясность наличныя или заслуживающія стать достояніемъ партій средства къ осуществленію этихъ принциповъ. Въ особенности относилось это къ воспрещенію симоніи. Въ 1058 г. кардиналъ Гумбертъ Сильва Кандида, лотарин-

гецъ, пришедшій въ Италію съ Львомъ IX, въ своей книгѣ *Contra Simoniacos* обнародывалъ изслѣдованія по этому вопросу, вскорѣ получившія величайшее практическое значеніе. Гумбертъ, естественно, стоитъ на точкѣ зрѣнія строжайшаго воспрещенія симоніи, даже для королей; онъ считаетъ ее ересью, которая хуже аріанской. Но отъ воспрещенія королевской симоніи онъ заключаетъ, — и въ такой ясной формулировкѣ это было ново, — о воспрещеніи также инвеституры епископовъ, исходящей отъ королей; такъ какъ, утверждаетъ онъ, при существующемъ положеніи вещей продажа епископскихъ должностей является, прежде всего, продажей связанныхъ съ этими должностями леновъ; и, такъ какъ продажа эта сама по себѣ по феодалному праву совершенно правильна, то по отношенію къ церкви она можетъ быть устранена не иначе, какъ лишеніемъ королей всякаго участія въ дѣлѣ назначенія епископовъ, а это возможно только при безусловномъ воспрещеніи всякой инвеституры и полномъ восстановленіи каноническаго принципа свободнаго избранія духовенствомъ и народомъ.

Въ основѣ этихъ разсужденій лежитъ, очевидно, та мысль, что церковныя имущества, хотя и составляющія по воззрѣніямъ сѣверо-германскихъ системъ государственнаго права собственность королей, тѣмъ не менѣе должны находиться въ безусловномъ, отъ короля совершенно независимомъ, распоряженіи церкви. По своимъ послѣдствіямъ для внутренней политики и государственнаго управленія въ Германіи, положеніе это означало полный переворотъ въ ея государственномъ строѣ. Если оно выражало собою сущность церковной реформы, то для выполненія ея отъ короля требовались такія жертвы, на которыя онъ никогда не могъ рѣшиться, не согласившись вмѣстѣ съ тѣмъ и на самоуничтоженіе.

Въ то же время книга Гумберта задѣвала еще другую не менѣе опасную струну. Развитие ученія церкви о неразрушимой природѣ (*Character indelebilis*) таинствъ, до тѣхъ поръ мало разрабатывавшагося, дало ей возможность объявить недѣйствительнымъ и ничтожнымъ достигнутое симонистическимъ путемъ епископское посвященіе и основанное на немъ епископское достоинство. Но какъ устранить непризнаваемыхъ такимъ образомъ епископовъ? Единственнымъ средствомъ къ этому представлялось поднять противъ нихъ свѣтское общество. Выказавъ, что міряне обязаны отказывать въ повиновеніи епископамъ, получившимъ свой санъ посредствомъ симоніи, Гумбертъ отточилъ то страшное оружіе мятежей противъ духовенства, которымъ впоследствии широко пользовался Григорій VII, и которое наполнило ядомъ борьбу между церковью и государствомъ.

Однако въ то время, какъ мысль теоретиковъ реформы парила такъ высоко, противной партіи тосканскихъ графовъ въ Римѣ еще разъ удалось послѣ смерти Стефана IX сдѣлать напой кандидата

своего лагеря, Бенедикта X. Это было очень неприятною неожиданностью для партии реформы. Но Гильдебрандъ, съ тѣхъ поръ день ото дня все болѣе и болѣе становившійся душою преобразовательнаго движенія, нашелъ выходъ. Избраніе Бенедикта, осуществленное помимо нѣмецкаго вліянія, не было ли дерзкимъ нарушеніемъ законныхъ императорскихъ правъ? Германская королевская власть казалась годною къ тому, чтобы еще разъ поставить на ноги партію реформы. снаряженное партіей посольство отправилось за Альпы требовать, чтобы императрица высказалась въ пользу одного изъ самыхъ выдающихся поборниковъ реформы, епископа флорентійскаго, Герарда, какъ кандидата на папскій престолъ. Требованіе было удовлетворено и вторичные выборы 24 января 1059 г. возвели Герарда, подъ именемъ Николая II, на престолъ св. Петра.

Николай не даромъ принялъ имя властнаго папы-борца эпохи IX в.; въ его царствованіе при ловкомъ заправилѣ дѣлами—Гильдебрандѣ начинаются приготовленія къ борьбѣ.

Прежде всего надлежало найти точку опоры въ Нижней Италіи. Умно и правильно было то, что ее искали не по примѣру Льва IX въ антагонизмъ съ норманнами, которые по своей природѣ и историческимъ условіямъ были враждебны императорской власти, а въ согласіи съ ними. Гильдебрандъ прежде всего вступилъ въ соглашеніе съ графомъ Аверзы Рихардомъ, называвшимъ себя послѣ завоеванія Капуи княземъ капуанскимъ; онъ былъ ближайшимъ норманнскимъ сосѣдомъ Рима. Папа утвердилъ за нимъ его владѣніе, основываясь на подложно-константиновскомъ дарственномъ актѣ, изъ котораго курія начала теперь выводить доказательства въ пользу права своей собственности на всю Нижнюю Италію; онъ же, съ своей стороны, сдѣлался вассаломъ папы и въ борьбѣ съ графомъ тосканскимъ устранилъ сопротивленіе Бенедикта X, до той поры несомнѣнно безнадежное. Далѣе, Гильдебрандъ вошелъ въ соглашеніе еще съ другимъ норманнскимъ княземъ, Робертомъ Гвискарромъ, который съ 1057 г., былъ правителемъ герцогства Апуліи. Въ 1059 г. онъ сдѣлался вассаломъ папы, который съ своей стороны, опять таки ссылаясь на псевдо-константиновское наслѣдованіе, пожаловалъ его Апуліей, Калабріей и Сициліей.

Этими мѣрами нижняя Италія была предоставлена честолюбію норманновъ и въ то же время объявлена папскою собственностью; міровая борьба X столѣтія между греками, сарацинами и нѣмцами, казалось, была устранена чрезвычайно просто къ выгодѣ пришельцевъ, не имѣвшихъ на то никакихъ правъ.

Въ средней и верхней Италіи Гильдебрандъ тоже сумѣлъ расположить умы въ пользу папства реформы. Въ средней Италіи господство принадлежало Готфриду тосканскому; вся его жизнь была борьбою съ германскими королями; съ нимъ легко было поддерживать дру

жественныя отношенія. Такъ же благопріятно сложились обстоятельства и въ верхней Италіи. Здѣсь со времени великаго соціального броженія, происходившаго въ концѣ царствованія императора Конрада, еще ни разу не возстановлялось полное спокойствіе; но народныя движенія, все болѣе вытѣсняемыя императорами изъ политической и соціальной сферъ, перешли, слѣдуя своему старому, враждебному епископамъ, направленію, преимущественно на церковную почву. Въ народѣ теперь громко говорили о симоніи и о невоздержной жизни епископовъ; склонности низшаго духовенства тоже находили далеко не духовными: народъ приближался такимъ образомъ къ воззрѣніямъ партіи церковной реформы. Такимъ образомъ, къ дѣятельности партіи реформы, болѣе аристократической, въ верхней Италіи присоединилось направленное къ тѣмъ же цѣлямъ беспорядочное движеніе пролетаріата. Въ мутныхъ волнахъ этого движенія простонародье въ Миланѣ, въ Кремонѣ и въ Пьяченцѣ организовалось въ формальныя сообщества «черни», патаріи (pataria) и было возбуждено церковными демагогами къ открытому возстанію. Уже Стефанъ IX вступилъ въ союзъ съ этимъ движеніемъ. Теперь одинъ изъ его ораторовъ, діаконъ Аріальдъ, обратился въ Римъ, чтобы набросить подозрѣніе на своихъ враговъ, въ особенности — на архіепископа миланскаго, Видона. Гильдебрандъ еще колебался принять «патарію» на службу папству, однако сообразовался съ ея желаніями, приказавъ разсмотрѣть жалобы Аріальда и вызвать Видона на судъ въ соборъ, засѣдавшій въ Римѣ.

Союзъ съ норманнами, соглашеніе съ Готфридомъ тосканскимъ, сближеніе съ «патаріей», — все это было дѣломъ немногихъ мѣсяцевъ по воцареніи Николая II. А Гильдебрандъ уже готовился нанести непосредственный ударъ нѣмецкой королевской власти. На пасхальномъ соборѣ въ латеранскомъ дворцѣ въ 1059 г. по предложенію Гильдебранда приняты были мѣры къ урегулированію будущихъ папскихъ выборовъ. Согласно этимъ постановленіямъ, римское духовенство и римскій народъ сохраняли за собою только право формальнаго, въ сущности, утвержденія выборовъ. Дѣйствительными избирателями явились прежде всего кардиналы; участіе нѣмецкаго короля допускалось, повидимому, въ томъ только случаѣ, если онъ лично носилъ званіе римскаго патриція; право же пожалованія патриціата оставалось предоставленнымъ папѣ.

Это былъ неслыханно - смѣлый шагъ по отношенію къ правамъ германскаго короля; но, повидимому, сдѣланъ былъ и другой шагъ. Всѣ данныя приводятъ къ заключенію, что на этомъ соборѣ папа въ первый разъ, къ величайшему изумленію большинства епископовъ, явился съ двойной короной на головѣ. При чрезвычайно-большомъ значеніи символическихъ дѣйствій въ средніе вѣка это было очень серьезнымъ шагомъ. И надписи на обѣихъ коронахъ не остав-

ляли ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ его смысла. «Королевскій вѣнецъ волею Божіей», — гласила надпись на нижней коронѣ; «Императорскій вѣнецъ волею св. Петра» — гласила надпись на верхней: папа считалъ себя и королемъ, и императоромъ, и притомъ получившимъ тотъ и другой санъ отъ небесныхъ силъ; слѣдовательно, всякую другую власть, въ томъ числѣ и власть свѣтскаго императора, онъ необходимо долженъ былъ разсматривать, какъ производную отъ своей власти. Это была пока символическая прелюдія къ тѣмъ текстамъ, которые Гильдебрандъ, сдѣлавшись папою Григоріемъ VII, въ послѣдствіи составилъ о значеніи земной власти.

Какъ же встрѣтили эти невѣроятныя событія въ Германіи? Несмотря на печальный режимъ державной богомолки, созвано было, наконецъ, послѣ неувѣреннаго приѣма, оказаннаго нѣсколькимъ папскимъ посламъ, собраніе, на которомъ нѣмецкіе епископы и придворные совѣтники подъ предсѣдательствомъ юнаго короля приняли положеніе, напоминающее времена архіепископа Арибона. Папскія нововведенія объявлены были недѣйствительными: это было провозглашеніемъ принципа національной церкви въ противность папской міровой церкви.

Но прежде, чѣмъ успѣлъ сложиться вопросъ, какимъ образомъ нѣмецкая національная церковь могла бы существовать одновременно съ нѣмецкою имперіей, прежде даже, чѣмъ дѣло дошло до дальнѣйшихъ объясненій между Римомъ и нѣмецкою церковью, папа Николай II 27 іюля 1061 г. скончался.

Въ Римѣ быстро избрали новаго папу, по новому порядку выборовъ; подъ защитою Готфрида тосканскаго и норманновъ на престолъ св. Петра возшелъ Александръ II. Противъ этого возстали италіанскіе враги реформы — римское дворянство и епископы Ломбардіи: они искали помощи въ Германіи. Здѣсь предпринятъ былъ рѣшительный шагъ. Въ концѣ октября 1061 г. собрался въ Базелѣ соборъ нѣмецкихъ и италіанскихъ епископовъ; онъ избралъ антипапою богатаго врага реформы, епископа Кадала (Cadalus) пармскаго. Вслѣдъ за тѣмъ Кадалъ отправился въ Римъ; его деньги тотчасъ же повсюду открыли ему доступъ. 14 апрѣля онъ вступилъ въ Римъ; его посвященіе и восшествіе на престолъ представлялись дѣломъ нѣсколькихъ часовъ. Но въ теченіе ночи Гильдебранду удалось посредствомъ подкупа склонить римлянъ высказаться за его папу; Кадалъ вынужденъ былъ, не получивъ посвященія, оставить Римъ и возвратиться въ Тускулумъ. А въ половинѣ мая 1062 г. появился передъ Тускулумомъ Готфридъ Тосканскій и въ качествѣ государственнаго намѣстника въ Италіи объявилъ, что оба папы должны удалиться въ свои епархіи, предоставивъ рѣшеніе раскола нѣмецкому королю и нѣмецкимъ князьямъ.

Это вмѣшательство шло совершенно въ разрѣзъ съ интересами

нѣмецкаго папы, Кадала. Было ли оно вызвано королевскимъ повелѣніемъ Готфриду? Вскорѣ послѣ похода Готфрида къ Тускулуму по всему міру разнеслась вѣсть о похищеніи короля Аннономъ на Рейнѣ. И съ этой минуты Аннонъ, доселѣ руководившій нѣмецкимъ духовенствомъ въ его сопротивленіи папамъ реформы, Николаю и Александру, замѣтно склоняется на сторону Александра. По этому едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что Аннонъ для осуществленія своихъ плановъ въ Германіи, начавшихся похищеніемъ короля, заручился поддержкою Готфрида тосканскаго, пожертвовавъ куріи правами германскихъ королей. Если архіепископъ Адалбертъ разрушилъ королевскій авторитетъ въ Германіи, то архіепископъ Аннонъ уничтожилъ его въ Римѣ и въ Италиі.

Дѣла пошли теперь своимъ обычнымъ порядкомъ. Согласно приказанію Готфрида, оба папы отправили пословъ въ Германію, на соборъ, созванный въ Аугсбургѣ, въ октябрѣ 1062 г.; непосвященнымъ казалось, что права короля еще не нарушены. Но подъ вліяніемъ Аннона было постановлено, чтобы епископъ гальберштадтскій, Буркардъ, его племянникъ, рѣшилъ въ качествѣ нѣмецкаго комиссара въ Италиі споръ между двумя папами впредь до рѣшенія вселенскаго собора. Буркардъ отправился и разсудилъ, конечно, въ пользу Александра; вскорѣ реформистскій папа опять водворился въ Римѣ. А это значило, что папа, выбранный по новому избирательному порядку, а, слѣдовательно, и самый этотъ порядокъ, были признаны германскимъ комиссаромъ; прежній протестъ нѣмецкихъ епископовъ и короля противъ избирательнаго порядка и выборовъ объявленъ былъ лживымъ; нѣмецкая политика, казалось, окончательно была побѣждена куріей.

Но оставалось еще средство загладить пораженіе; еще долженъ былъ произнести свое сужденіе вселенскій соборъ, и созыва его одинаково настойчиво требовали вѣрные приверженцы короля и наивные и честные сторонники реформы; онъ являлся даже необходимымъ вслѣдствіе фактически - продолжавшагося раскола: Кадалъ не успокоился и проклялъ Александра. Соборъ открылся 31 мая 1064 года въ Мантуѣ, можно было ожидать вторичнаго подробнаго разсмотрѣнія новаго избирательнаго порядка и всѣхъ подробностей выборовъ Александра и Кадала. Но Аннонъ, который на соборѣ былъ государственнымъ комиссаромъ, удовлетворился клятвеннымъ заявленіемъ Александра, что онъ былъ избранъ безъ симоніи и съ соблюденіемъ древнихъ римскихъ обычаевъ; на этомъ Аннонъ и закончилъ свое разбирательство.

Итакъ реформистскій папа вышелъ побѣдителемъ; расколъ былъ устраненъ, и реформа восторжествовала.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Генрихъ IV; борьба между королевскою и папскою властью.

I.

Бросимъ еще разъ бѣглый взглядъ на различные фазисы отношеній между государствомъ и реформистскимъ духовенствомъ въ періодъ времени отъ восшествія на престолъ Генриха II и до начала самостоятельнаго правленія Генриха IV.

Генрихъ II, исходившій изъ церковно-преобразовательныхъ плановъ собственнаго изобрѣтенія, въ послѣдующіе годы своего царствованія все болѣе склонялся на сторону идей К्लюни и въ первый разъ въ то время соединившагося съ нимъ папства. Нѣмецкая церковь праваго берега Рейна воспротивилась этой перемѣнѣ, но не изъ вражды къ реформѣ, какъ къ таковой, а вслѣдствіе несогласія съ тѣми планами, которые имѣли въ виду реформу въ романскомъ духѣ и подъ главенствомъ папы.

Затѣмъ, при Конрадѣ II, несогласія эти улеглись. Но среди церковно-политическаго затишья к्लюнійское направленіе одолѣло нѣмецкія преобразовательныя идеи. Генрихъ III въ Германіи практически стоитъ уже на почвѣ реформы: онъ избѣгаетъ продажи церковныхъ должностей и начинаетъ колебаться въ важнѣйшихъ вопросахъ, связанныхъ съ верховенствомъ короля надъ властью епископовъ; въ Италіи онъ непрерывнымъ рядомъ уступокъ пріобрѣтаетъ призракъ всесильнаго господства; въ дѣйствительности онъ помогаетъ побѣдѣ реформистскаго папства: успѣхи царствованія Льва IX и Виктора II—дѣло его рукъ. Нѣмецкая же церковь относится къ этой политикѣ одобрительно; она доставляетъ партіи К्लюни чрезъ посредство императора первыхъ реформистскихъ папъ:

Затѣмъ слѣдуетъ почти цѣлое десятилѣтіе колеблющейся политики регентовъ нѣмецкой имперіи въ періодъ несовершеннолѣтія Генриха IV;

кормиломъ государства править главнымъ образомъ нѣмецкое епископство, въ лицѣ главнѣйшихъ своихъ представителей. Было ли оно способно защитить право государства отъ притязаній реформистскаго папства? Именно въ лицѣ наиболѣе энергичныхъ и даровитыхъ своихъ членовъ оно давно склонялось на сторону преобразовательнаго движенія, а частью вполне присоединилось къ нему; это въ особенности можно сказать объ Аннонѣ кѣльнскомъ, который былъ главнымъ руководителемъ нѣмецкой политики въ отношеніи къ папству¹⁾. Такимъ образомъ, достаточно было вызваннаго эгоистическими мотивами соглашенія Аннона съ Готффридомъ тосканскимъ для того, чтобы нѣмецкая церковь и ея представители оказались совершенно неспособными служить центромъ сопротивленія Риму. Времена Арибона миновали. Папство же мастерски воспользовалось слабостью нѣмцевъ для того, чтобы стать самостоятельнымъ въ Римѣ и по меньшей мѣрѣ необходимымъ—въ нижней Италіи.

Въ это время началось самостоятельное правленіе Генриха IV. Какія колоссальныя усилія потребовались бы для того, чтобы дать другое направленіе германо-римскимъ отношеніямъ, веденнымъ доселѣ въ такомъ духѣ! Но этого мало. Въ самой Германіи появились такія затрудненія, зародыши которыхъ возникли еще въ царствованіе Генриха III, причемъ заранѣе представлялось вѣроятнымъ, что эти внутреннія затрудненія сольются въ одно цѣлое съ неизбѣжною борьбою противъ Рима.

Еще со времени перехода германской короны къ не саксонскимъ родамъ, Саксонія заняла особое положеніе въ государствѣ. Затѣмъ, при Генрихѣ III имперская политика отстранилась отъ сѣверо-восточныхъ границъ; забота о датскихъ и славянскихъ границахъ выпала на долю главнымъ образомъ великимъ политическимъ силамъ крайняго сѣвера и востока,—саксонскому архіепископу въ Бременѣ и Гамбургѣ и саксонскому герцогу.

Въ эти дѣла государство при Генрихѣ IV снова вмѣшалось энергичнѣе только тогда, когда бременскій архіепископъ и саксонскій герцогъ стали во враждебныя отношенія другъ къ другу. И продолжало оно дѣйствовать въ пользу архіепископа Адальберта, друга короля даже послѣ того, какъ послѣдній, тѣснимый ненавистью князей, вынужденъ былъ удалиться отъ двора. Однако, это не помѣшало герцогу саксонскому, Рудольфу, и его сыну, Магнусу, страшно притѣснять архіепископа и раззорять его; ихъ успѣхъ въ этомъ дѣлѣ обнаруживалъ все безсиліе государственной власти въ сѣверно-саксонскихъ областяхъ.

Уже Генрихъ III пытался создать противовѣсъ этому печальному явленію тѣмъ, что часто жилъ на югѣ страны, въ Госларѣ, расчи-

¹⁾ Объ Адальбертѣ Бременскомъ ср. Lambert z. J. 1072, ss. V, 189 z. 39.

тывая, что непосредственное вліяніе двора привлечетъ саксонцевъ на его сторону. Въ томъ-же направленіи продолжалъ дѣйствовать и Генрихъ IV, и въ его царствованіе еще болѣе, чѣмъ при его отцѣ, Госларъ сдѣлался однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ въ области Гарца; рядомъ съ королевскимъ дворцомъ вскорѣ возникло нѣсколько великолѣпныхъ монастырей, а неподалеку отъ города возвышались зубчатая стѣна Гарцбурга. Но саксонцы замѣчали весь этотъ блескъ меньше, чѣмъ падавшія на нихъ тягости, связанные съ этимъ блескомъ, какъ вообще съ пребываніемъ королевскаго двора; король оставался для нихъ чуждымъ. Когда-же Генрихъ, движимый общимъ въ его время рвеніемъ къ возведенію замковъ, началъ строить еще цѣлый рядъ замковъ на предгорьяхъ Гарца и Тюрингіи, тогда соединенныя съ этими строительными работами барщины, постой королевскихъ служилыхъ людей и, вообще, водвореніе новыхъ, чуждыхъ элементовъ послужили непосредственнымъ поводомъ къ тревогѣ. Въ средѣ населенія, и безъ того недовѣрчиваго, стали ходить таинственные и темные слухи о намѣреніяхъ короля обездолить сословіе свободныхъ, деспотически подчинить себѣ магнатовъ и поработить все славное саксонское племя.

Рядъ дальнѣйшихъ мѣропріятій окружилъ эти слухи легкою дымкой правдоподобія. Король Генрихъ, такъ же, какъ до него нѣкоторые короли въ Баваріи и другихъ странахъ, приказалъ произвести ревизію государственныхъ имуществъ и имѣній, захваченныя незаконно частными лицами, возвратитъ въ государственную казну; тѣ лица, которыхъ коснулась эта мѣра, видѣли въ ея осуществленіи насильственную конфискацію. Въ королевскомъ судѣ и на саксонской территоріи Генрихъ замѣнилъ традиціонный порядокъ доказательствъ употребительнымъ въ другихъ мѣстахъ разслѣдованіемъ чрезъ свѣдущихъ людей; это дало поводъ говорить о нарушеніи древняго права. Сводя эти и подобныя мѣропріятія короля къ опредѣленному намѣренію, рассматривая ихъ, какъ проявленія одного и того-же законченнаго плана, населеніе находило, что особое положеніе, занятое Саксоніею по договору со времени Генриха II, не уважено, поправлено ногами, отмѣнено. Саксонскимъ народомъ овладѣло глухое недовольство.

И недовольство это уже нашло себѣ выраженіе и давало себя чувствовать въ особыхъ антипатіяхъ и заботахъ высшаго саксонскаго дворянства. При Конрадѣ II свѣтское дворянство участвовало въ управленіи государствомъ, по меньшей мѣрѣ, наравнѣ съ епископами, что было выгодно и для саксонскихъ князей. Но уже въ царствованіе Генриха III произошло ухудшеніе, — епископы опять выступили на первый планъ; это положеніе, на первыхъ порахъ, не измѣнилось и при Генрихѣ IV: трибурскія постановленія были направлены именно противъ клерикальнаго режима, воплощавшагося, главнымъ образомъ, въ лицѣ Адальберта бременскаго. Однако удаленіе Адальберта отъ

особы короля не принесло ни малѣйшей пользы князьямъ. Напротивъ, Генрихъ привыкъ уже кромѣ епископовъ видѣть около себя, въ качествѣ приближенныхъ должностныхъ лицъ и друзей, рядъ бароновъ и важнѣйшихъ служилыхъ людей имперіи. Въ ихъ руки и перешло большею частью веденіе даже наиболѣе отвѣтственныхъ государственныхъ дѣлъ; слой общества, доселѣ считавшійся второстепеннымъ, оказался облеченнымъ по преимуществу королевскимъ довѣріемъ: вліяніе князей было устранено.

Эти обстоятельства вскорѣ настроили всѣхъ вообще нѣмецкихъ князей противъ короля. Но наиболѣе ощущительно новое положеніе дѣлъ отразилось въ началѣ на саксонскихъ князьяхъ, потому что король большею частью жилъ въ ихъ странѣ; здѣсь молодые совѣтники короля являлись не только людьми болѣе низкаго общественнаго положенія, но кромѣ того и чужими: въ большинствѣ случаевъ это были швабы.

Но въ то время какъ саксонскіе князья издѣвались надъ несвободными швабами, окружавшими короля, а народъ ропталъ на новыя хозяйственныя тягости и нарушеніе правъ, возникли еще и внѣшнія затрудненія. На сѣверѣ, по ту сторону границъ Саксоніи, вспыхнуло страшное возстаніе аботритовъ. Оно было направлено прежде всего противъ христіанскихъ учрежденій страны: епископъ мекленбургскій былъ принесенъ въ жертву богу Радегасту; рацебургскіе монахи побиты были каменьями. Вмѣстѣ съ тѣмъ сокрушено было и дружественное Германіи господство Готшалька за Эльбой, самъ онъ былъ убитъ, супруга его раздѣта до-нога и изгнана изъ страны. Вслѣдъ за тѣмъ славянскій потокъ хлынулъ на Гамбургъ, городъ былъ разрушенъ; рѣчь шла уже о защитѣ Германіи. Но германская оборонительная система отказывалась служить. Саксонскія силы, разрозненныя вслѣдствіе раздора между архіепископомъ и герцогомъ, ничего не могли подѣлать, и даже королю, который съ 1069 г. участвовалъ въ походахъ, имѣвшихъ цѣлью мщеніе, не удалось наказать славянъ; германское господство за Эльбою было утрачено, саксонская граница осталась открытою и незащищенною.

Между тѣмъ затрудненія обнаруживались и на юго-востокѣ, въ Тюрингіи. Въ старинномъ спорѣ изъ-за десятины, которую майнцскій архіепископъ требовалъ такъ же упрямо, какъ тюрингенцы отказывали въ ней, дѣло дошло до новыхъ раздоровъ, окончившихся тѣмъ, что большинство тюрингенской знати, въ союзѣ съ нѣкоторыми саксонскими князьями, а также съ Оттономъ нордгеймскимъ, герцогомъ баварскимъ, открыли кампанію противъ майнцаго архіепископа, Зигфрида. Тогда король вступился за Зигфрида. пошелъ за него въ бой, завоевалъ Шейдунгенъ и уничтожилъ союзъ князей. Но побѣда его была не настолькоъ полна, чтобы водворить со-

вершенное спокойствіе въ странѣ; наиболѣе несомнѣннымъ результатомъ было то, что король потерялъ расположеніе тюрингинцевъ.

При такихъ обстоятельствахъ событія, сами по себѣ не имѣвшія рѣшающаго значенія, могли повести къ революціонному взрыву всеобщаго недовольства какъ въ Саксоніи, такъ и въ Тюрингіи.

Герцогъ Оттонъ нордгеймскій возбудилъ уже къ себѣ недовѣріе Генриха своимъ участіемъ въ кайзервертскомъ похищеніи короля; теперь его называли въ числѣ членовъ союза тюрингенскихъ князей. Въ 1070 г. нѣкто Эгино, человекъ развращенный, благороднаго происхожденія, выступилъ съ доносомъ, будто Оттонъ нанялъ его для умерщвленія короля. Король Генрихъ, не чувствуя полного довѣрія къ обвинителю, назначилъ при своемъ дворѣ въ Госларѣ разборъ дѣла въ порядкѣ судія Божія. Оттонъ предсталъ на судъ, но до окончанія дѣла, питая недовѣріе, скрылся. Судебное испытаніе окончилось для него неблагопріятно: онъ былъ осужденъ на изгнаніе, какъ государственный преступникъ. Тогда онъ удалился въ дѣвственные лѣса Тюрингенскихъ горъ, собралъ тамъ вокругъ себя толпу смѣльчаковъ, двинулся съ ними на тюрингенскія казенныя земли и оттуда пробился на сѣверо-востокъ, къ Магнусу, сыну саксонскаго герцога. Это было началомъ злополучныхъ саксонскихъ войнъ втеченіи второй половины XI в., и душою ихъ былъ Оттонъ нордгеймскій

Тѣмъ временемъ король Генрихъ въ Госларѣ пожаловалъ Вельфа, сына маркграфа Аццо Эсте, баварскимъ герцогствомъ и выступилъ на югъ, чтобы водворить его.

Здѣсь, при Гасунгенѣ, близъ Ястребинаго лѣса онъ въ первый разъ встрѣтилъ Оттона нордгеймскаго съ войскомъ. Однако на этотъ разъ дѣло не дошло до битвы. Миротлюбивые переговоры привели къ соглашенію, по которому Оттонъ обязывался покориться королю, на условіяхъ, которыя будутъ установлены товарищами Оттона по сословію. Въ Троицынъ день 1071 г. въ Гальберштадтѣ изъявилъ покорность Оттонъ, такъ же, какъ и другіе всѣ князья, участвовавшіе въ возстаніи, въ томъ числѣ и сынъ герцога, Магнусъ саксонскій. Условія были снисходительны; по прошествіи короткаго времени виновные опять пользовались милостью короля и въ 1072 г. освобождены были изъ подъ ареста. Удержанъ былъ только Магнусъ. Въ концѣ марта 1072 г. умеръ его отецъ; Магнусъ долженъ былъ ему наследовать; но король не хотѣлъ отпустить его, пока онъ не представитъ особыхъ ручательствъ въ вѣрности.

Въ этомъ затруднительномъ положеніи Оттонъ нордгеймскій явился ходатаемъ за своего друга, онъ предложилъ себя и все свое достоинствіе въ обезпеченіи вѣрности новаго герцога. Все было напрасно. Оттонъ, смертельно оскорбленный, удалился отъ двора. А въ Саксоніи раздавались тревожные голоса, спрашивавшіе: къ чему, соб-

ственно, стремится король? Не думаетъ ли онъ отмѣнить единственное въ имперіи наследственное герцогство, гордость саксонскаго племени?

Въ это время король Генрихъ задумалъ походъ въ Польшу, и на сеймѣ, собравшемся въ Аугсбургѣ въ Троицынъ день 1073 г., опредѣлилъ созвать ополченіе, въ которомъ должны были участвовать и саксонцы. Но въ Саксоніи изъ устъ въ уста передавались совсѣмъ другія вѣсти о походѣ. Говорили, что польская война служить только предлогомъ, что войско вступить въ Саксонію, что предположено вытѣснить саксовъ и отдать ихъ прекрасную страну швабамъ, любимцамъ короля. Говорили, что необходимо поспѣшно готовиться къ борьбѣ, такъ какъ рѣчь идетъ о безопасности родины, о женахъ и дѣтяхъ, о драгоцѣннѣйшихъ благахъ жизни.

Между тѣмъ въ концѣ іюня 1073 г. въ Госларѣ, ко двору Генриха, являются знатные саксонцы съ заявленіемъ, что они желаютъ просить объ увольненіи ихъ отъ похода въ Польшу, такъ какъ они должны защищать славянскую границу имперіи. Генрихъ отсылаетъ ихъ послѣ нѣсколькихъ дней ожиданія, не удостоивъ допустить ихъ къ своей королевской особѣ. Они принимаютъ это за незаслуженное униженіе; заговоръ всѣхъ магнатовъ, за исключеніемъ трехъ епископовъ, готовъ едва ли не прежде, чѣмъ приступлено къ его организаціи.

Затѣмъ князья и народъ собираются въ Эйслебенѣ; въ пламенныхъ рѣчахъ и безмѣрныхъ преувеличеніяхъ они стараются почерпнуть и почерпаютъ мужество для похода на Гарцбургъ, мѣстопробываніе короля. Король не приготовился къ внезапному нападенію; въ ночь съ 8 на 9 августа 1073 г. онъ покидаетъ замокъ и спускается бѣгствомъ на югъ, чрезъ дѣвственные лѣса Гарца, въ Герсфельдскій монастырь.

Отсюда онъ пытается мобилизовать противъ саксовъ южногерманскихъ князей, въ особенности герцога швабскаго, Рудольфа, который съ частью польскаго войско уже стоитъ у Майнца; съ тѣмъ же предложеніемъ обращается онъ и къ Тюрингцамъ. И тѣ и другіе отвѣчаютъ отказомъ. Тюрингенцы принимаютъ помогать саксамъ, разрушая королевскіе замки въ своей странѣ; свѣтскіе князья своимъ бездѣйствіемъ мстятъ королю за управленіе министріаловъ.

Тогда, наконецъ, вмѣшались въ дѣло великіе духовные князья имперіи. Архіепископы майнцкій и кельнскій взяли на себя посредничество между враждебными партіями; результатомъ было то, что саксы обязались, подъ условіемъ свободнаго пропуска и полной безнаказанности, на Рождествѣ 1073 г. дать удовлетвореніе.

Напрасный трудъ! Саксы, доселѣ бывшіе побѣдителями въ возстаніи, вскорѣ стали раскаиваться въ своей уступчивости и, вѣро-

ятно, съ цѣлью развязать себѣ руки, прибѣгли къ крайне предосудительному средству для окончательнаго расторженія союза короля съ южно-германскими князьями. Въ концѣ 1073 г членъ королевской свиты, по имени Регенгеръ, осмѣлился утверждать, будто король нанялъ его для умерщвленія Рудольфа швабскаго, Бертольда Каринтійскаго и другихъ князей — это былъ грубый вымыселъ, въ безсмысленности котораго современниковъ вскорѣ убѣдилъ печальныйъ конецъ измѣнника, умершаго вслѣдствіе внезапнаго помѣшательства. Но этотъ вымыселъ уже достигъ своей политической цѣли: примиреніе, состоявшееся на Рождествѣ 1073 г., было имъ уничтожено, а новые переговоры на сеймѣ въ Герстунгенѣ, 2 февраля 1074 г., не привели къ желаннымъ результатамъ. Впрочемъ, кое-что было улажено, и можно было надѣяться, что новый сеймъ въ Госларѣ, 10 марта 1074 г., приведетъ дѣло къ удовлетворительному концу.

Но саксонское племя думало иначе. Съ проникательностью ненависти масса свободныхъ въ народѣ поняла всю затруднительность положенія; она съ недовѣріемъ слѣдила за переговорами князей съ франконскимъ королемъ, и во время госларскихъ переговоровъ ея неукротимые инстинкты одержали верхъ. Еще во время совѣщаній собравшаяся толпа съ угрозами требовала немедленнаго разрушенія всѣхъ королевскихъ замковъ въ странѣ. Король вынужденъ былъ уступить; переговоры были прерваны; Генрихъ удалился изъ Саксоніи въ Вормсъ, на Рейнѣ, чтобы не быть свидѣтелемъ предстоявшаго позора.

Тогда саксонскій народъ далъ волю своимъ страстямъ: въ страшномъ гнѣвѣ разрушилъ онъ мнимые оплоты деспотизма, не желая оставить въ нихъ камня на камнѣ: повсюду наблюдались ужасы опустошенія. Но въ Гарцбургѣ, любимомъ мѣстопробываніемъ короля, произошло нѣчто еще худшее. Замокъ былъ разрушенъ; это было законно. Но вслѣдъ за тѣмъ крестьянская чернь ринулась на замковую церковь, подъ ея падающими обломками взломала помѣщавшуюся въ ней королевскую гробницу и развѣяла по вѣтру прахъ одного изъ братьевъ короля Генриха и его рано умершаго сына.

Первый актъ саксонскаго возстанія завершился святотатствомъ противъ церкви и противъ сердца короля. Начало это не предвѣщало ничего хорошаго.

II.

Тѣмъ временемъ ладья Св. Петра въ Италиі, искусно управляемая Гильдебрандомъ, пускалась все далѣе и далѣе въ открытое море, при все болѣе попутномъ вѣтрѣ.

Въ изложеніи римскихъ дѣлъ мы остановились на 1064 г.; закон-

чивъ разсказомъ о томъ соборѣ въ Мантуѣ, на которомъ реформистское папство одержало первую крупную побѣду надъ королевскою властью въ Германіи и надъ германскою церковью. Въ послѣдующіе годы папству въ Италіи предстояло прежде всего привязать къ себѣ норманновъ.

Планамъ куріи въ данномъ случаѣ явился на помощь остревенный ходъ вещей. Послѣ того, какъ господство грековъ совсѣмъ почти было вытѣснено изъ нижней Италіи, самымъ важнымъ вопросомъ для норманновъ сдѣлалась борьба съ сарацинами. Наиболѣе удачно она могла быть ведена въ видѣ религіозной войны; это было какъ-бы прелюдіей къ позднѣйшимъ крестовымъ походамъ; здѣсь папство въ первый разъ испробовало ту страшную силу, которую, при существовавшемъ настроеніи въ средѣ западныхъ вѣрующихъ, давало ему въ руки духовное руководство подобными войнами. Тотъ самый Робертъ Гюискаръ, который на свой страхъ завоевалъ Апулію и Кабрію, тѣмъ не менѣе называлъ себя папскою милостью герцогомъ этихъ странъ и Сициліи, а братъ его, Рожеръ, на основаніи папскаго пожалованія Сициліей, занялъ въ 1072 г. Палермо и овладѣлъ островомъ. Такимъ образомъ мечта Карла Великаго и могущественныхъ Оттоновъ о христіанизациіи всей Италіи осуществилась, но подъ благословеніемъ и къ выгодѣ папы.

Не менѣе широко распространилось могущество куріи въ средней и верхней Италіи. Опираясь на югѣ на аристократическихъ норманновъ, она у подошвы Альпъ не менѣе ловко пользовалась демократическимъ движеніемъ патаріи, а въ Тосканѣ, главной области средней Италіи, привлекла на свою сторону княжескую власть. Здѣсь въ 1069 г. умеръ герцогъ Готфридъ, этотъ многоиспытанный и бывалый лотарингецъ, который не чувствовалъ большого расположенія къ королю Генриху, но все-таки былъ нѣмцемъ. Онъ оставилъ, кромѣ вдовы, Беатриче, и дочери ея отъ прежняго брака, Матильды, еще сына, который по отцу былъ названъ Готфридомъ. Готфридъ унаслѣдовалъ сначала только нѣмецкія владѣнія, но вскорѣ сочетался бракомъ со своею сводною сестрой Матильдой и, такимъ образомъ, опять сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всѣ земли отца. Однако, занятый германскими дѣлами, онъ жилъ болѣею частью по ту сторону Альпъ, представляя италіанскую политику тосканскимъ женщинамъ. А папство нашло у нихъ не только политическую защиту, но нѣчто еще болѣе, — теплое содѣйствіе религіознаго одушевленія, и къ болѣе общимъ мотивамъ тосканской преданности Риму вскорѣ присоединились личные: Гильдебрандъ и Матильда, будущій папа Григорій VII и будущая маркграфиня, были соединены узами тѣсной дружбы.

Такимъ образомъ судьбы Италіи были неразрывно связаны съ участью реформистскаго папства, и у себя дома курія чувствовала

себя прочно. Но Гильдебрандъ открылъ уже обширную завоевательную компанію за предѣлы страны, противъ западной націи. Если славянскія католическія племена со временъ Оттона III самымъ прочнымъ образомъ связаны были съ папствомъ, то теперь надлежало овладѣть преимущественно романскими націями. Въ этомъ направленіи Левъ IX уже расположилъ Францію, которая притомъ была очагомъ исходящаго отъ Кюни движенія и родиной самого реформатскаго папства. Гильдебрандъ пошелъ дальше. Пользуясь, вѣроятно, своими связями съ норманнами нижней Италіи, онъ завязалъ сношенія съ князьями и героями Нормандіи; эти послѣдніе подъ папскимъ флагомъ завоевали въ 1066 г. германскую Англію, а четыре года спустя Вильгельмъ Завоеватель получилъ изъ рукъ папскихъ легатовъ корону новаго государства.

Сознавая свое возрастающее могущество, какъ послѣдствіе событій, имѣвшихъ мѣсто на романской почвѣ, папство вновь обратило вниманіе и на нѣмецкія дѣла.

Здѣсь іерархія до поры до времени жила еще подъ тѣмъ впечатлѣніемъ, будто въ событіяхъ мантуанскаго собора она все-таки удержала въ своихъ рукахъ формальную рѣшающую власть относительно папства; ея епископы и архіепископы, при Генрихѣ III пользовавшіеся высокимъ почетомъ, еще недавно, во время несовершеннолѣтія Генриха IV, правившіе государствомъ, выступали самоувѣренно и гордо; лишь немногіе замѣчали угрожающій ростъ папской власти въ послѣдніе годы реформы. А король, сдѣлавшись самостоятельнымъ, возвратился относительно церкви по совѣту приближенныхъ министеріаловъ къ политикѣ Конрада II; симонія процвѣтала, и на епископовъ смотрѣли, какъ на чиновниковъ государства.

Противъ этого курія и начала дѣйствовать съ конца шестидесятыхъ годовъ; причемъ тотчасъ же оказалось, что нѣмецкая церковь на ея требованія сдалась почти безъ сопротивленія, поскольку дѣло касалось епископовъ; архіепископы майнцскій и кельнскій, а также епископъ бамбергскій, вызваны были къ отвѣту, по обвиненію въ симоніи, на римскій пасхальный соборъ еще въ 1070 г.

Но и сопротивленіе короля Риму не отличалось ни упорствомъ, ни послѣдовательностью.

Въ особенности несчастливо было то обстоятельство, что курія могла оказать ему свое посредничество, прежде всего въ его личномъ дѣлѣ. Подъ вліяніемъ князей Генрихъ, 13 іюля 1066 г., обвѣнчался въ Трибурѣ съ Бертою савойской, еще въ дѣтствѣ обрученною съ нимъ, — несмотря на свое отвращеніе къ ней. Цѣлые три года послѣ свадьбы онъ къ ней не прикасался и теперь открыто требовалъ развода. У нѣмецкаго духовенства онъ, конечно, достигъ-бы своей цѣли; но въ рѣшительную минуту на майнцскомъ соборѣ 1069 г. появился, въ качествѣ посланника куріи, Петръ

Даміани; онъ уничтожилъ всѣ старанія короля и съумѣлъ какъ будто даже положить начало лучшимъ отношеніямъ между нимъ и его супругою. Такимъ образомъ курія властно вмѣшалась въ личную жизнь короля.

Нѣсколько лѣтъ спустя, 21 апрѣля 1073 г., папа Александръ II скончался; въ преемники ему быстро, даже стремительно, избранъ былъ Гильдебрандъ. Тайный доселѣ руководитель папской политики, онъ открыто выступилъ теперь на историческую сцену подъ именемъ папы Григорія VII. Его выборъ произведенъ былъ при полномъ пренебреженіи и къ каноническимъ предписаніямъ и къ существовавшимъ правамъ нѣмецкаго короля, какъ патриція города Рима; королю слѣдовало заявить протестъ. Но со времени избранія Александра II германскій дворъ сдѣлался уступчивымъ, и никакихъ возраженій не послѣдовало.

Неудивительно, поэтому, что Григорій VII склонялся къ той мысли, будто Генрихъ, какъ нѣкогда его отецъ, въ душѣ расположенъ къ реформѣ. Онъ долженъ былъ еще болѣе утвердиться въ этомъ мнѣніи и даже предположить въ Генрихѣ чувство личной привязанности къ куріи, въ виду содержанія двухъ писемъ, съ которыми Генрихъ обратился къ Риму въ черные дни саксонскаго возстанія. Въ первомъ изъ этихъ посланій послѣ бѣгства изъ гарцскаго замка при началѣ возстанія, въ августѣ 1069 г., Генрихъ смиренно проситъ у римскаго престола поддержки, обѣщая повиновеніе и церковную дѣятельность въ духѣ реформы. Во второмъ посланіи онъ умоляетъ папу о помощи противъ послѣдовавшаго въ 1074 г. оскверненія церкви и труповъ въ Гарцбургѣ.

Григорій рѣшилъ воспользоваться обстоятельствами. Весной 1074 г. онъ отправилъ въ Германію посольство, поручивъ ему и здѣсь созвать, подъ своимъ предсѣдательствомъ, соборъ для проведенія тѣхъ мѣропріятій противъ симоніи духовенства и брака священниковъ, которыя уже столько разъ были постановляемы въ Италіи. Генрихъ сперва принялъ ревностное участіе въ этомъ планѣ, но въ концѣ концовъ уступилъ возраженіямъ епископовъ, главнымъ образомъ, тѣхъ, которые въ Саксоніи остались вѣрны ему во время возстанія. Соборъ не состоялся.

Тогда для Григорія ясны стали трудности положенія въ Германіи. Онъ рѣшилъ собственною властью подчинить епископовъ еще болѣе прежняго папскому верховенству и, въ то-же время, вывести короля изъ нерѣшимости, давъ ему понять, что выставлены будутъ болѣе радикальныя требованія. Такъ, онъ вызвалъ подозрѣваемыхъ въ симоніи епископовъ на римскій великопостный соборъ 1075 г. и неявившихся объявилъ отлученными отъ церкви и отрѣшенными отъ сана на все то время, пока будетъ продолжаться ихъ сопротивленіе. Въ то-же время онъ провелъ на соборѣ воспрещеніе свѣтской инве-

ститутуры въ томъ смыслѣ, какъ ее опредѣляла книга Гумберта Сильвы Кандиды. Этотъ шагъ наносилъ очень чувствительный ущербъ королевской власти въ Германіи. Но это воспрещеніе Григорій, до поры до времени, не обнародовалъ оффиціально, желая воспользоваться имъ лишь какъ принудительнымъ средствомъ по отношенію къ Генриху. Поэтому онъ немедленно отправилъ къ королю въ Германію пословъ, предлагая ему войти въ соглашеніе съ куріей по вопросу о правѣ инвеституры.

Въ данномъ случаѣ расчетъ Григорія оказался ошибочнымъ. Генрихъ, истый салиецъ, вспылилъ, повидимому тяжело оскорбленный въ своей гордости обращеніемъ съ нимъ папы, которое счелъ, какъ кажется, унижительнымъ. Притомъ теперь, послѣ саксонскихъ безчинствъ въ Гарцбургѣ, Генрихъ для усмиренія Саксоніи нуждался въ князьяхъ: лишь съ помощью ихъ контингентовъ мыслимо было возстановленіе королевскаго авторитета на сѣверовостокѣ. Въ поставкѣ-же имперскихъ контингентовъ никто не былъ такъ усерденъ, какъ духовные князья, епископы. Итакъ, въ ту минуту, когда Генрихъ чувствовалъ себя лично оскорбленнымъ со стороны папы, онъ нуждался именно въ тѣхъ князьяхъ, которыхъ тотъ-же папа частью отлучилъ отъ церкви и покаралъ: соглашеніе между королемъ и духовными князьями совершилось само собою. И, такъ какъ вслѣдствіе такого поворота дѣлъ пало при дворѣ Генриха вліяніе бароновъ и служилыхъ людей въ нѣмецкихъ государственныхъ дѣлахъ, то и свѣтскіе князья снова приблизились къ королю; такимъ образомъ, король сталъ такъ могущественъ въ государствѣ, какъ давно не былъ.

Послѣдствія этого сказались немедленно въ отношеніи къ саксамъ. Явившись въ Саксонію съ большимъ войскомъ, Генрихъ разбилъ ихъ 9 іюня 1075 г. при Гомбургѣ и Нэгельштадтѣ; новаго пораженія они избѣгли только изъявленіемъ безусловной покорности, въ концѣ октября 1075 г.; это было полнымъ торжествомъ короля.

Но эта побѣда, при той комбинаціи обстоятельствъ, при которой она была одержана, равносильна была вмѣстѣ съ тѣмъ отсрочкѣ церковной реформы въ Германіи. Мало того: побѣда эта, давъ возможность королю вспомнить о своихъ политическихъ задачахъ въ Италиі, означала вмѣстѣ съ тѣмъ и разрывъ съ папствомъ.

На Рождествѣ 1075 г. Генрихъ, на блестящемъ сеймѣ въ Госларѣ, добился у князей обѣщанія, въ случаѣ его смерти, избрать королемъ его малолѣтняго сына, Конрада. Извѣстно, что подобная присяга давалась обыкновенно королямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они собирались подвергнуть себя убійственному для средневѣковыхъ нѣмцевъ дѣйствию итальянскаго климата. Во всякомъ случаѣ Генрихъ немедленно занялся дѣлами Италиі. Одинъ изъ его совѣтниковъ, графъ Эбергардъ нелленбургскій, отправился въ качествѣ полномочнаго королевскаго посла въ Ломбардію, объявилъ участниковъ патаріи

измѣнниками королю и государству и отдалъ архіепископство миланское въ ленное владѣніе капеллану Тедалду, который оставался вѣренъ королю. Почти въ то-же самое время король замѣстилъ нѣкоторыя епископскія кафедры въ Нижней Италіи нѣмцами и, что было еще хуже, вступилъ съ Робертомъ Гвискаркомъ апулійскимъ и калабрійскимъ и съ Ричардомъ капуанскимъ въ переговоры, поведшіе, прежде всего, къ примиренію съ обоими этими князьями ниже-италійскихъ норманновъ, — примиренію, которому курія до тѣхъ поръ всегда препятствовала въ своихъ интересахъ.

Если таково было начало нѣмецкой политики въ Италіи, то что произошло-бы, если-бы Генрихъ лично появился на югѣ отъ Альпъ? Для папы оставался одинъ выходъ: разрывъ съ королемъ до наступленія этого рокового момента, — разрывъ, который удержалъ-бы государя въ Германіи.

Еще Александръ II жаловался иногда на привольную жизнь при дворѣ молодого Генриха, и, пожалуй, не безъ основанія; онъ даже отлучилъ отъ церкви нѣкоторыхъ легкомысленныхъ совѣтниковъ изъ числа приближенныхъ короля. Однако, игнорированіе этого проклятія Генрихомъ не помѣшало ни Александру, ни Григорію продолжать переговоры съ королемъ по общимъ вопросамъ, касавшимся государства и церкви. Теперь-же Григорій воспользовался отъѣздомъ одного королевскаго посольства обратно въ Германію, чтобы написать королю тономъ строгости и превосходства, что онъ обязанъ немедленно удалить этихъ совѣтниковъ; что самъ онъ ведетъ безнравственный образъ жизни и, если не обратится серьезно на путь истинный, то онъ, Григорій, вынужденъ будетъ извергнуть короля изъ общества вѣрующихъ. Къ этому письму онъ прибавилъ еще устные порученія угрожающаго свойства, — порученія, которыя *королевскіе* послы должны были передать *своему государю!*

Этотъ безобразный и безтактный шагъ, несогласный съ существовавшимъ характеромъ отношеній между папой и королемъ, раздражилъ Генриха до крайности. Онъ 24 января 1076 г. созвалъ въ Вормсѣ всеобщій нѣмецкій соборъ, на которомъ присутствовало многочисленное духовенство, много было и свѣтскихъ князей; всѣ знали, что готовится рѣшительный ударъ папству. Немедленно приступлено было къ совѣщаніямъ. Извѣстіе о новыхъ папскихъ замыслахъ вызвало бурный протестъ; съ отвращеніемъ выслушано было то, что вѣкій измѣнившій папѣ кардиналъ, Гугонъ, рассказывалъ о личности и характерѣ папы. Затѣмъ составлено было посланіе къ папѣ, обвинявшее его въ деспотизмъ и насиліи, въ вѣроломствѣ и нарушеніи каноническихъ правилъ, объявлявшее, что онъ болѣе не папа и что ему не будутъ повиноваться. А Генрихъ прибавилъ къ посланію королевскій манифестъ, написанный страстнымъ языкомъ той эпохи и того бурнаго дня и, послѣ самыхъ жестокихъ упре-

ковъ, отрѣшающій папу отъ престола св. Петра: *tu ergo... omnium episcoporum nostrorum iudicio et nostro damnatus descende, vendicatam sedem apostolicam relinque; alius in solium beati Petri ascendat, qui nulla violentiam religione palliet, sed beati Petri sanam doceat doctrinam!* ¹⁾

Ломбардскіе епископы съ восторгомъ услышали о вормскихъ постановленіяхъ, поклялись имъ слѣдовать и взялись доставить ихъ въ Римъ.

Ломбардскіе послы прибыли въ Римъ во время великопостнаго собора, явились въ собраніе отцовъ, къ несказанному ужасу ихъ прочли вслухъ германскія посланія и въ нихъ предложеніе кардиналамъ испросить изъ Германіи новаго папу. Послѣдовалъ страшный взрывъ ярости, обратившійся даже противъ пословъ; только самъ Григорій остался спокойнымъ и спасъ смѣльчаковъ отъ позора и оскорбленій.

Но вслѣдъ за тѣмъ онъ произнесъ отлученіе надъ королемъ Генрихомъ и всѣми приверженцами вормскаго собора, присовокупивъ къ нему молитву къ князю апостоловъ, въ которой также отрѣшаетъ короля Генриха отъ его свѣтскаго сана, воспрещаетъ ему управленіе государствомъ и освобождаетъ его подданныхъ отъ вѣрности ему: *ut sciant gentes et comprobent, quia tu es Petrus et supra tuam petram filius Dei vivi aedificavit ecclesiam suam, et portae Inferi non praevalent adversus eam* ²⁾.

III.

Еще на вормскомъ сеймѣ герцогъ Готфридъ ниже-лотарингскій и въ то же время маркграфъ тосканскій обѣщали королю ввести въ Римъ имѣющаго быть избраннымъ новаго папу. Но 26 февраля 1076 г. онъ скоропостижно умеръ. Для нѣмецкаго дѣла потеря эта была почти невознаградима.

Тѣмъ энергичнѣе началъ дѣйствовать Григорій въ Италиі и Германіи. Онъ сумѣлъ опять привязать къ себѣ Роберта Гвискара; послѣ смерти Готфрида онъ сталъ господствовать въ Тосканѣ чрезъ посредство маркграфини Матильды. Въ Ломбардіи онъ теперь совсѣмъ принялъ патарію на папскую службу противъ дружественныхъ королю прелатовъ; въ Германіи ему удалось своими проклятіями и

¹⁾ Ты же... осужденный приговоромъ всѣхъ епископовъ нашихъ и нашимъ, сойди, оставь захваченный тобою престолъ апостольскій; пусть на престолъ святаго Петра взойдетъ другой, который не будетъ прикрывать насиліе набожностью, но проповѣдывать будетъ здоровое ученіе святаго Петра!

²⁾ Да вѣдаютъ это народы и одобряютъ, ибо ты—Петръ, и на тебѣ, какъ на камнѣ, сынъ Бога живаго воздвигъ свою церковь, ея же не одолѣютъ врата Адовы.

отлученіями произвести впечатлѣніе на значительное число набожныхъ епископовъ. Прошло немного времени, и нѣмецкіе князья церкви покорились папѣ или начали склоняться на его сторону, тогда какъ въ нижнихъ рядахъ духовенства вскорѣ открылись колебанія и явный упадокъ нравовъ. На соблазнительныя требованія Григорія начали сдаваться и свѣтскія князья и едва ли не раньше всѣхъ — южно-германскіе герцоги. Они, правда, помогли усмирить саксонское возстаніе, но отнюдь не сочувствовали послѣдовавшимъ затѣмъ попыткамъ короля утвердить въ Италиі и Германіи самостоятельную и прочную монархическую власть въ духѣ Конрада II или только Генриха III.

Само собою разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ и саксонцы опять начали надѣяться на лучшіе дни.

На сторонѣ короля вскорѣ оставались только служилый классъ и, въ особенности, будущая городская буржуазія; но силы ихъ однихъ были еще слишкомъ недостаточны для того, чтобы служить опорой престолу. Генриху грозила гибель. Напрасно назначилъ онъ, для окончательнаго низложенія Григорія, государственный сеймъ въ Вормсѣ на Троицу 1076 г., напрасно созвалъ другой сеймъ, на 29-е іюня, въ Майнцѣ; почти никто изъ епископовъ не явился, отсутствовали и герцоги. Между тѣмъ возобновилось саксонское возстаніе. Генрихъ пытался подавить его съ помощью вѣрнаго богемскаго герцога, но потерпѣлъ неудачу.

Тогда Григорій рѣшилъ, что настало время дѣйствовать. Онъ не думалъ о томъ, чтобы при содѣйствіи епископовъ и свѣтскихъ князей обезсилить короля; онъ мѣтилъ выше: онъ хотѣлъ рѣшать, властвовать одновременно надъ королемъ и надъ князьями. Эту программу онъ изложилъ князьямъ языкомъ крайне высокомернымъ; но онъ задумалъ осуществить мечту вселенскаго владычества Рима не только надъ умами, — но и надъ государствами, и надъ дѣлами этого міра.

Князья притворно согласились на планъ Григорія, рассчитывая воспользоваться имъ для низложенія ненавистнаго короля. Верхнегерманскіе епископы и герцоги созвали на 16 октября 1076 г. сеймъ въ Трибурѣ, — городѣ, съ которымъ связаны были для Генриха печальныя воспоминанія; здѣсь предполагалось обсудить участь короля. Но Генрихъ тоже явился сюда; онъ расположился лагеремъ на другомъ берегу Рейна, близъ Оппенгейма, недалеко отъ своего вѣрнаго города, Вормса, жители котораго прогнали своего епископа, стоявшаго за папу, и съ восторгомъ приняли своего короля. Такимъ образомъ пренія обострились до крайности; казалось, что почти не остается иного выхода, какъ обратиться къ оружію. Но въ моментъ крайняго ожесточенія все-таки удался компромиссъ, — повидимому, благодаря посредничеству Гугона, аббата Клюни и крест-

наго отца Генриха. Во всякомъ случаѣ, обязанностямъ его, какъ крестнаго отца, интересамъ династїи и, въ особенности, конечно, интересамъ Григорїя соотвѣтствовало состоявшееся, наконецъ, между королемъ и князьями соглашеніе, постановлявшее, что папскій епископъ долженъ быть возвращенъ въ Вормсъ, отлученные отъ церкви епископы и совѣтники—удалены отъ королевской службы и двора, и что, наконецъ, король напишетъ папѣ письмо съ изъявленіемъ преданности. Но сверхъ того князья, повидимому подъ давленіемъ какъ собственныхъ интересовъ, такъ и папскихъ требованій, согласились въ томъ, это государство будетъ считаться осиротѣвшимъ по прошествїи года и дня со времени отлученія Генриха отъ церкви, и что до истеченія этого срока папѣ представляются полномочія третейскаго судьи между королемъ и князьями.

Такимъ образомъ, идеи Григорїя на половину, во всякомъ случаѣ, восторжествовали: между тѣмъ, какъ Генрихъ, обезкураженный, кающійся грѣшникъ, бѣжалъ въ Шпейеръ, папа отправился въ сѣверную Италію, чтобы въ сопровожденїи нѣмецкой свиты какъ можно скорѣе перейти Альпы и во всемъ блескѣ личнаго присутствія на германской территорїи явиться судьей между королемъ и его подданными.

Вышло, однако, не такъ.

Въ то время, какъ Григорій въ Ломбардіи нетерпѣливо дожидался нѣмецкой свиты, онъ получилъ извѣстіе, что король Генрихъ уже не въ Шпейерѣ, что среди зимнихъ тумановъ и морозовъ онъ совершилъ переходъ черезъ Альпы, что онъ приближается. Кто могъ знать намѣренія короля? Григорій бѣжалъ отъ него въ Каноссу, укрѣпленный замокъ маркграфини Матильды. Но не наказывать хотѣлъ король. Пораженный дѣйствіемъ неслыханнаго отлученія, онъ жаждалъ освободиться отъ церковнаго проклятїя; дорожа достоинствомъ королевскаго сана, онъ желалъ избѣгнуть третейскаго суда папы между нимъ и его вассалами; а избѣгнуть его было возможно, если бы король возвратился домой свободнымъ отъ отлученія.

Неожиданнымъ шагомъ Генриха планы Григорїя были отсрочены на непредвидѣнное время. Король сталъ на почву церковнаго покаянїя, гдѣ папа былъ связанъ въ своихъ дѣйствїяхъ. Мечъ папскаго проклятїя обратился противъ самого папы: Григорій былъ безсиленъ предъ королевскимъ униженіемъ. Такимъ образомъ вышло хуже, чѣмъ когда-либо могъ ожидать Григорій, когда король Генрихъ послѣ бесполезныхъ переговоровъ съ папою, 25 января 1077 г., приближался къ воротамъ Каноссы, требуя разрѣшенія и только разрѣшенія. И никакая суровость папы не могла измѣнить его намѣреній. Такъ какъ ворота оставались затворенными, Генрихъ стоялъ два цѣлыхъ зимнихъ дня, босой, предъ замкомъ, окруженный епископами, которые совершали покаянїе вмѣстѣ съ нимъ: было бы безчеловѣчно и не

по-христіански, если бы папа уклонился отъ обязанностей священническаго отпущенія. Такимъ образомъ 29 января отлученіе съ Генриха было снято; но не прежде, чѣмъ онъ принялъ условія, соотвѣтствовавшія старымъ планамъ Григорія. Григорій настаивалъ на своихъ полномочіяхъ третейскаго судьи въ Германіи; Генрихъ вынужденъ былъ обѣщать ему свободно пропустить его туда и искать примиренія, по папскому совѣту, съ нѣмецкими князьями, если къ тому будетъ какая либо возможность.

Но нѣмецкіе князья думали иначе. Они и слышать не хотѣли о Генрихѣ, хотя бы и освобожденномъ отъ отлученія; они боялись папскаго вмѣшательства; на Каноссу они отвѣтили избраніемъ анти-короля, Рудольфа швабскаго.

Рудольфъ былъ избранъ на сеймѣ въ Форхгеймѣ 13 марта 1077 г. Этому событію папа, въ сущности, старался воспрепятствовать: двоевластіе легко могло бы обратить его изъ судьи въ партизана. И дѣйствительно, приверженцы Рудольфа уже пытались перетянуть курію на свою сторону; еще прежде, чѣмъ Рудольфъ былъ избранъ, или немедленно послѣ этого, онъ отказался какъ отъ нѣкоторыхъ существенныхъ свѣтскихъ правъ королевской власти, такъ и отъ участія въ каноническихъ выборахъ епископовъ.

Съ другой стороны, высказавшись всецѣло въ пользу Рудольфа, какъ короля, папа не достигъ бы ни своей дипломатической цѣли, ни значительныхъ выгодъ для церкви. Послѣднее произошло бы лишь въ томъ случаѣ, если бы Рудольфъ имѣлъ за себя голосъ всей націи. Но объ этомъ не могло быть и рѣчи. Низшее духовенство, враждебно настроенное противъ реформы, ненавидѣло его; служилый классъ имперіи, возвысившійся благодаря Салійцамъ, его не признавалъ; буржуазія большихъ городовъ осмѣивала его открыто; майнцкіе жители выгнали его изъ города въ самый день его коронованія. Тутъ изъ-за Альпъ прибылъ въ южную Германію король Генрихъ. Весь народъ перешелъ на его сторону. На сеймѣ въ Ульмѣ, въ Троицынъ день 1077 г., Генрихъ осудилъ на изгнаніе южно-германскихъ герцоговъ, какъ измѣнниковъ государству. Рудольфу вскорѣ пришлось ограничиться Саксоніей и Тюрингіей; источники называютъ его саксонскимъ королемъ, хотя саксы сильно протестовали противъ этого выраженія; его дѣло слилось съ дѣломъ сѣвернаго возстанія.

Эта перемѣна обстоятельствъ была для Григорія въ высшей степени непріятна. Никто не думалъ болѣе о церковной реформѣ и о папскомъ посредничествѣ, какъ часто и упорно оно ни предлагалось; театромъ событій овладѣло оружіе. Его рѣшенію, — приговору германскаго суда божія, вынужденъ былъ въ концѣ концовъ покориться и Григорій. Приговоръ былъ неблагопріятенъ для Генриха. Послѣ различныхъ походовъ и грабежей со стороны обѣихъ партій, Генрихъ, 7 августа 1078 г., при Мельрихштатѣ въ восточной Франконіи былъ

побѣжденъ, и въ тотъ же день большое, вѣрное Генриху, крестьянское войско разбито было сторонниками Рудольфа на Неккарѣ. За этими ударами послѣ многократныхъ и бесплодныхъ переговоровъ послѣдовало новое пораженіе близъ Флархгейма 27 января 1080 г.

Наконецъ, послѣ многолѣтняго ожиданія роли третейскаго судьи, папа принялъ мѣры противъ Генриха; теперь онъ увѣровалъ въ звѣзду Рудольфа. Онъ снова проклиналъ короля вмѣстѣ съ вѣрными ему епископами. И на этотъ разъ онъ тоже придалъ этому торжественному акту необычную форму молитвы къ князю апостоловъ. И на этотъ разъ тоже отрѣшилъ онъ Генриха отъ его королевской власти одновременно надъ Германіей и Италіей, тогда какъ Рудольфа призналъ только для Германіи, и на этотъ разъ освободилъ жителей государства отъ вѣрности и повиновенія. И прибавилъ къ этому гордую просьбу къ князю апостоловъ, чтобы низверженіемъ Генриха онъ показалъ міру, что держать участь королей въ своихъ рукахъ и можетъ давать и отнимать короны по заслугамъ передъ куріей.

IV.

Булла отлученія застала короля въ Бамбергѣ; онъ велѣлъ прочесть ее вслухъ, осмѣялъ ее, и съ гнѣвною ироніей позаботился о ея широкомъ распространеніи въ государствѣ. Теперь онъ возвысился надъ ужасами произносимаго человѣческими устами божественнаго приговора; онъ видѣлъ, что міряне и духовенство злятся на папу за его враждебный шагъ.

Такимъ образомъ онъ бодро возобновилъ борьбу съ анти-королемъ и папой.

Въ Германіи онъ пошелъ съ войскомъ на Саксонію; на берегу Грюна, недалеко отъ Бѣлаго Эльстера, въ епископствѣ наумбургскомъ, онъ былъ разбитъ 15 октября 1080 г. Но саксонскіе крестьяне, рѣшившіе исходъ сраженія, потеряли своего вождя; король Рудольфъ поплатился въ битвѣ за права, пріобрѣтенныя вѣроломствомъ, и въ самый день побѣды умеръ отъ полученной раны: *Rudolfus rex, Sancti Petri miles, migravit ad Dominum*, гласитъ одинъ южно-германскій источникъ¹⁾. Это событіе имѣло важныя послѣдствія; потому что хотя князья, считавшіе свою цѣль, «свободу» владѣтельныхъ особъ, достижимою только при раздвоеніи государства, выбрали новаго анти-короля, въ лицѣ графа люксембургскаго Германа, однако этому послѣднему, не смотря на нѣкоторые успѣхи, не удалось добиться даже того внѣшняго авторитета, которымъ пользовался Рудольфъ.

¹⁾ „Король Рудольфъ, воинъ святого Петра, отошелъ къ Господу“. *Beug. Necrol.*, стрр. 5, 392, строка 44; ср. *Beug. Chron.* 1080.

Поэтому Генрихъ вскорѣ могъ подумать о томъ, чтобы, предоставивъ борьбу въ Германіи своимъ приверженцамъ, самому обратиться къ Италиі, противъ великаго нарушителя германскаго мира, противъ самого Григорія.

Въ Италиі, между тѣмъ, новое отлученіе короля произвело очень неблагопріятное впечатлѣніе. Въ Римѣ едва не вспыхнуло возстаніе. Въ Тосканѣ значительная часть вассаловъ маркграфини отпала отъ послѣдней: они не желали служить противъ короля. А среди епископовъ Ломбардіи поднялось громкое ликованіе при извѣстїи, что Генрихъ приближается, и имъ сочувствовало свѣтское дворянство страны, теперь опять начинавшее входить въ почетъ. Такимъ образомъ Генрихъ свои итальянскія мѣропрїятія противъ Григорія могъ немедленно начать рѣшительнымъ отвѣтнымъ ударомъ. На соборѣ въ Бриксенѣ, 25 іюля 1080 г., онъ вновь провелъ низложеніе Григорія и, не ограничиваясь этимъ, подавъ голосъ въ пользу избранія своего канцлера, Виберта, архіепископа равеннскаго анти-папой.

Это былъ, несомнѣнно, рѣшительный шагъ. Вибертъ, принявшій имя Климента III, могъ болѣе или менѣе сочувствовать церковной реформѣ, но при данной комбинаціи обстоятельствъ онъ являлся представителемъ противоположнаго принципа: заставивъ избрать его, король тѣмъ самымъ ставилъ свой престолъ во враждебное положеніе къ реформѣ вообще, къ тѣмъ духовнымъ теченіямъ, которыя, непрерывно усиливаясь, пять поколѣній назадъ начали господствовать надъ міромъ, — онъ высказывался противъ духа времени. Открылась безнадежная борьба.

Правда, ближайшее будущее еще благопріятствовало Генриху. Григорій не сумѣлъ достаточно быстро противопоставить силу тѣмъ мѣрамъ, которыя задуманы были Генрихомъ еще въ Германіи; норманы медлили военнымъ походомъ противъ Климента III, а вѣрные папѣ вассалы тосканской графини были разбиты сторонниками Генриха 15-го октября 1080 г. при Вольтѣ на р. Минчіо.

Затѣмъ въ Италиі появился самъ Генрихъ. Въ мартѣ 1081 г. онъ перешелъ черезъ Альпы, а на Троицу войско его приближалось къ вѣчному городу. Но проектировавшееся внезапное нападеніе не удалось. Какъ это столько разъ бывало при приближеніи нѣмецкихъ войскъ, римляне и въ этомъ случаѣ, несмотря на предшествовавшіе раздоры съ папой, заперли предъ нѣмцами ворота, и Генрихъ оказался не въ состояніи отворить ихъ силой. Благопріятнѣе начался второй походъ противъ Рима, на Пасхѣ 1082 г. Король запасся матеріалами для осады; его папа, Климентъ III, принялъ на себя постоянное начальствованіе надъ осаждающими войсками; совершенно серьезно проектировалось штурмовать городъ или голодомъ принудить его къ сдачѣ. Въ то-же время для запертаго Григорія положеніе дѣлъ становилось все менѣе благопріятнымъ. Ломбардія твердо

стояла за короля, тосканская маркграфиня была обезсилена. Норманны, вытѣснивъ сарацинъ изъ Сициліи, обратились противъ грековъ на Балканскомъ полуостровѣ, перенеся борьбу за предѣлы Италиі; это отвлекло ихъ военныя силы къ цѣлямъ, постороннимъ для папы, и побудило грековъ поддерживать короля, какъ врага папы и норманновъ, денежными пособіями.

Все усиливавшееся впечатлѣніе этихъ переменъ привело въ Римѣ къ своеобразнымъ послѣдствіямъ. Римляне, частью запуганные, частью подкупленные, заключили съ королемъ Генрихомъ договоръ, согласно которому осада города прерывалась на четыре мѣсяца; въ этотъ срокъ римляне обязывались или побудить Григорія снять отлученіе съ Генриха и короновать его императоромъ, или-же избрать другого папу, который-бы совершилъ коронаваніе.

У Григорія оставались еще только средства для духовной борьбы. Но всей вѣроятности, онъ въ третій разъ предалъ Генриха отлученію. Онъ пытался мобилизовать вождей преобразовательной партіи, созвавъ на ноябрь мѣсяцъ 1083 г. соборъ въ Римѣ «для улаженія спора съ королемъ Генрихомъ». Но Генрихъ не обратилъ вниманія на отлученіе, если оно было произнесено, и, не соблазняясь программой собора, составленною, казалось-бы, такъ благопріятно для его цѣлей, не допустилъ его съѣзда. Часъ Григорія приближался.

Между тѣмъ какъ Генрихъ, въ началѣ 1084 г., предпринялъ походъ на норманновъ, соотвѣтственно обязательствамъ, принятымъ имъ на себя передъ греками, духъ римлянъ ослабѣлъ: они отправили къ королю пословъ съ приглашеніемъ вступить въ городъ. 21 марта 1084 г. Генрихъ совершилъ свой торжественный въѣздъ; онъ назначилъ соборъ для того, чтобы вновь низложить Григорія и отлучить его отъ церкви; онъ заставилъ римлянъ избрать Климента III, приказалъ торжественно рукоположить его, и 31 марта 1084 г. вмѣстѣ съ супругой принялъ изъ рукъ своего папы императорскую корону.

Григорій, между тѣмъ, упрямо держался въ замкѣ св. Ангела, не завоеванномъ нѣмцами. Наконецъ, съ юга появилась помощь. Робертъ Гвискаръ приближался съ большимъ норманнскимъ войскомъ; нечего было и думать, чтобы императоръ могъ устоять противъ него. 21 мая Генрихъ покинулъ Римъ, и появились спасители Григорія, норманны.

Но они страшно неистовствовали, убивали и грабили, и такимъ образомъ лишили несчастнаго папу послѣднихъ симпатій римскаго населенія. Хотя и освобожденный, онъ не чувствовалъ себя спокойнымъ въ Римѣ, и потому бѣжалъ на югъ съ войскомъ Роберта, тогда какъ Климентъ III возвратился въ Римъ и водворилъ миръ. Григорій-же отправился черезъ Кампанію въ Монте-Кассино, изъ Монте-Кассино—въ Беневентъ, изъ Беневента—въ Салерно. Въ Са-

лерно онъ, наконецъ, нашелъ постоянную осѣдлость и тотчасъ-же возобновилъ борьбу съ Генрихомъ. Созванъ былъ соборъ, который еще разъ проклялъ Генриха: напрасный трудъ! По всему міру разосланы были посланія съ просьбами и требованіями объ освободительномъ и крестовомъ походѣ за особу папы: тщетно! Даже Робертъ Гвискаръ не хотѣлъ ихъ слушать.

Такъ, среди вынужденнаго бездѣйствія, и умеръ «не знавшій покоя Григорій» 25 мая 1085 г. Отходя въ иной міръ, онъ не чувствовалъ, не сознавалъ того факта, что его способъ дѣйствій отжилъ свой вѣкъ. Средства его давно истожились, потому что были применены слишкомъ круто и въ слишкомъ острой формѣ; его программа давно вызвала отвращеніе, потому что была возвыщена въ слишкомъ отталкивающей формѣ. Съ своей и вообще съ іерархической точки зрѣнія Григорій былъ правъ, когда у него предъ смертью вырвались слова, что онъ уходитъ въ изгнаніе, потому что любилъ справедливость и ненавидѣлъ безправіе. Его фанатизму доступны были подъ конецъ только чувства отталкивающей ненависти и неукротимой любви; ему не доставало чувства мѣры, составляющаго черту благородной гуманности, — *diu mâze*, — этого высшаго идеала германской личности грядущихъ временъ. Лишенный, въ сущности, творческаго духа, даже поверхностный въ своемъ пониманіи христіанской религіи, онъ былъ упорнымъ систематикомъ чужихъ идей, реалистическимъ глашатаемъ первыхъ самостоятельныхъ религіозныхъ броженій въ средѣ западныхъ народовъ, — броженій, достигшихъ зрѣлости въ его время—дѣятелемъ, облакавшимъ идеи своей эпохи въ политическія мѣропріятія и, въ этомъ смыслѣ, великимъ государственнымъ человѣкомъ: ясная идея всемірнаго папскаго господства, какъ политической возможности, — его твореніе. Но осуществить ее ему не было суждено. Для этого нужны были натуры болѣе гибкія, болѣе уступчивыя въ формальностяхъ, и вскорѣ имъ предстояло появиться въ лицѣ такихъ папъ, какъ Урбанъ II или Калликстъ II.

У.

Когда Генрихъ IV лѣтомъ 1084 г., вслѣдъ за коронованіемъ его императоромъ, вернулся въ Германію, преисполненный надеждами на побѣду, онъ нашелъ націю почти беззащитною извнѣ и волнуемою страшными смутами внутри. Борьба между императоромъ и папою обратилась въ борьбу между государствомъ и церковью; почти повсемѣстно противъ императорскихъ епископовъ стояли папскіе; въ каждой епархіи повторялся римскій расколъ. Такимъ образомъ существовавшія основы монархическаго правленія были поколеблены; противъ вліянія центральной власти, представляемой императорскими

епископами, повсюду выступили папскіе епископы. А мірянъ Григорій VII, какъ въ Италіи, такъ и въ Германіи, давно уже возстановилъ противъ государства и вѣрнаго послѣднему духовенства; сторонники реформы и радикалы, слишкомъ усердные приверженцы церкви и враги ея, одинаково обратились противъ учрежденій, доселѣ считавшихся священными и неприкосновенными.

Послѣдствіемъ этого былъ упадокъ общественной нравственности и вѣры вообще. Наступила тѣмъ болѣе ужасная путаница въ вопросахъ совѣсти, что въ средніе вѣка мысль, сама по себѣ, была связана; грубый эгоизмъ и огульное стремленіе къ внѣшнимъ выгодамъ выступили на первый планъ; мораль успѣха царила въ мірѣ. Въ правящихъ слояхъ націи заглохло съ трудомъ воспитанное и медленно зарождавшееся чувство политической отвѣтственности за цѣлое; графъ возсталъ на графа, герцогъ на герцога; никто не думалъ о коронѣ, никто не мечталъ о возстановленіи ея власти.

При такихъ обстоятельствахъ задача возвращавшагося домой государя была проста. Онъ долженъ былъ возстановить основу всякой королевской власти, — право предписывать миръ и наказывать за его нарушеніе. Въ этомъ стремленіи онъ нашелъ полное одобреніе и готовность къ помощи со стороны класса, только еще въ то время пріобрѣтавшаго политическое значеніе, — буржуазіи; руководимая вѣрными императору епископами, она въ мѣстахъ наиболѣе сильнаго своего развитія, на сѣверо-западѣ имперіи, уже расчистила ему дорогу.

Съ исчезновеніемъ въ VII и VIII вв. древняго, носившаго язычески-священный характеръ, германскаго уголовного права, публичная карательная власть въ средѣ всѣхъ нѣмецкихъ племенъ, исключая развѣ Саксовъ, была сильно потрясена и ограничена. Короли пытались, правда, опираясь на свою судебную власть (Bann), создать королевское уголовное право, рядомъ съ народнымъ, но это удалось имъ лишь въ самой незначительной степени. Въ сущности, короли могли съ тѣхъ поръ защищать общественный миръ только окольнымъ путемъ полицейскаго вмѣшательства или посредствомъ тѣхъ своеобразныхъ мѣръ, о которыхъ рассказано было при изложеніи царствованія Генриха II и Генриха III. А наряду съ свѣтской властью дѣятельно выступала и церковь въ качествѣ защитницы мира. Во всѣхъ государствахъ къ сѣверу отъ Альпъ она все шире развивала свое право убѣжища для преслѣдуемыхъ; во Франціи-же она, сверхъ того, съ конца X в. создала и успѣшно распространила особое учрежденіе божьяго мира.

Къ этому и примкнула буржуазія сѣверо-западной Германіи, руководимая своими епископами. Въ Люттихѣ епископъ Генрихъ, одинъ изъ вѣрнѣйшихъ приверженцевъ императора, въ 1081 г. провозгласилъ миръ божій для своей епархіи; два года спустя примѣру его послѣдовалъ Сигевинъ, архіепископъ кельнскій. Генрихъ утвердилъ эти

мѣропріятія, находясь еще въ Италіи: ясно было, какъ онъ будетъ дѣйствовать по своемъ возвращеніи въ Германію.

Въ нѣмецкой буржуазіи и въ другихъ слояхъ королевскія намѣренія встрѣтили громкое одобреніе. Послѣ напрасныхъ переговоровъ съ саксами, Генрихъ на соборѣ въ Майнцѣ провелъ постановленіе, провозглашавшее божій миръ для всей майнцской епархіи; центральнымъ областямъ имперіи была обезпечена мирная политика короля. Это и въ чисто-политическомъ отношеніи давало Генриху новую силу: онъ получилъ возможность еще разъ низложить Григорія и его епископовъ и осудилъ на изгнаніе анти-короля, Германа. Далѣе онъ удачно началъ переговоры съ саксами, предложивъ имъ вѣрное соблюденіе особаго правового положенія ихъ въ имперіи, въ томъ видѣ, какъ оно было установлено Генрихомъ II. Подъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти Григорія VII переговоры подвинулись впередъ съ удвоенною быстротой; почти всѣ саксонскіе князья покорились; Генрихъ безпрепятственно прошелъ враждебную нѣкогда страну вплоть до Магдебурга: саксонское возстаніе казалось поконченнымъ. Но Генрихъ своимъ успѣхамъ придалъ и внѣшнее завершеніе, возведя своего вѣрнаго приверженца, богемскаго герцога Вратислава, въ достоинство короля богемскаго и польскаго, въ знакъ того, что и императорскому величеству подобаешь раздавать короны; 15 іюня 1086 г. Вратиславъ въ Прагѣ былъ торжественно посвященъ въ свой королевскій санъ.

Это былъ первый кульминаціонный пунктъ новаго могущества, достигнутый Генрихомъ въ Германіи. Но за нимъ немедленно настала упадокъ. Какъ въ первые годы своего царствованія Генрихъ пользовался совѣтами и поддержкой усиливавшихся слоевъ общества, — министеріаловъ и бароновъ, — къ досадѣ древней княжеской знати, такъ теперь привлекъ онъ къ себѣ городское сословіе, которому предназначено было богатое будущее и которое до сихъ поръ защищало уже его въ черные дни Трибура и позднѣе. Эта политика вѣрности за вѣрность отнюдь не пользовалась одобреніемъ князей. Когда между герцогами швабскимъ и баварскимъ и маркграфомъ мейссенскимъ, грубымъ рубакою Экбертомъ, образовалась княжеская коалиція, къ которой вскорѣ пристали также другіе саксонскіе князья и анти-король Германъ, и когда эта коалиція 11 августа 1086 г. разбила императора, при Плейхфельдѣ, къ сѣверо-западу отъ Вюрцбурга, — въ Германіи въ первый разъ княжеская организація силъ одержала верхъ надъ королемъ, который въ это время могъ считаться представителемъ преимущественно городскихъ интересовъ, въ первый разъ обнаружился на дѣлѣ антагонизмъ между князьями и буржуазіей, хотя еще замаскированный, но все-таки политически уже характерно выраженный.

Понятно, что онъ не привелъ къ какому-либо рѣшительному ре-

зультату, — ему было суждено играть роль въ нашей исторіи въ XIV и XV вв. Достигнуто было лишь ослабленіе королевской власти, и то на короткое время; потому что въ утомленномъ борьбой государствѣ съ его политическими, соціальными и религіозными контрастами все сильнѣе стало распространяться стремленіе къ покою, которое необходимо должно было принести выгоду коронѣ. Оно дозволило Генриху вновь появиться въ Саксоніи; оно помогло ему прогнать анти-короля Германа, который и кончилъ въ Лотарингіи свою неудачную жизнь; оно дало возможность послѣ смерти Экберта, послѣдовавшей 3 іюля 1090 г., устранить послѣдніе остатки саксонскаго возстанія. Вообще, оно создало для имперіи положеніе, подобное тому, въ которомъ она находилась въ 1085 г.: враждующія стороны желали мира, потому что были обезсилены; онѣ подчинялись королю, насколько онѣ воздерживался отъ всѣхъ значительныхъ мѣропріятій для усиленія своей власти; страна была въ положеніи выздоравливающаго, но не здороваго.

Генрихъ поступилъ умно, предоставивъ въ этотъ моментъ Германію самой себѣ и обратившись къ итальянской политикѣ.

Здѣсь послѣ смерти Григорія наступили перемѣны, начинавшія угрожать неприкосновенности королевскаго авторитета. Правда, первому преемнику Григорія, Виктору III, не удалось надолго вытѣснить изъ Рима императорскаго папу, Климента III: онъ умеръ вдали отъ вѣчнаго города, 16 сентября 1087 г. Слѣдующій папа, Урбанъ II, тоже провелъ первые годы въ горѣ и изгнаніи; ничего почти не осталось у него, кромѣ дружбы маркграфини Матильды. Но именно ею-то и счумѣлъ онъ воспользоваться. Онъ былъ главнымъ виновникомъ того, что въ 1089 г. сорокалѣтняя Матильда сочеталась бракомъ съ девятнадцатилѣтнимъ Вельфомъ, сыномъ герцога Вельфа баварскаго. Этотъ бракъ былъ достаточно осмѣянъ современниками; но для Генриха онъ послужилъ источникомъ въ высшей степени опасныхъ политическихъ перемѣнъ. Власть тосканскаго маркграфства вмѣстѣ съ ломбардскими владѣніями дома Эсте и значеніемъ баварскаго герцогства образовали нераздѣльную политическую силу, находившуюся въ папскихъ рукахъ. Не довольствуясь этимъ, Урбанъ II оживилъ въ то-же время духъ борьбы у нѣмецкихъ григоріанъ, особенно въ Шварцвальдѣ; отсюда, главнымъ образомъ изъ Гирсау, новая фанатическая пропаганда реформы распространилась въ то время по южно-германскимъ и средне-германскимъ странамъ.

Генрихъ поступилъ совершенно правильно, прибѣгнувъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ; въ февралѣ 1090 г. онъ двинулся черезъ Альпы противъ Вельфа и Матильды. Война затянулась надолго, но ея перипетіи были все благопріятнѣе для Генриха, и можно было почти предсказывать, что она окончится въ его пользу. Тогда-же,

въ концѣ 1091 г., въ его руки перешло великое савойское наследство, оставшееся послѣ смерти первой его супруги, Берты: на границахъ Италіи и Германіи приобрѣтено было удѣльное императорское владѣніе, въ извѣстной степени равносильное владѣніямъ Вельфа и Матильды. Кто могъ еще оспаривать у императора начавшееся мирное владычество надъ Германіей и Италіей?

Но именно въ этотъ моментъ звѣзда императора, сіяніе которой никогда не было продолжительнымъ, пачала склоняться къ закату. Въ Ломбардіи долгіе годы военныхъ тревогъ, повидимому, тяжело отзывались въ городахъ: они сдѣлались враждебными императору; въ 1093 г. Миланъ, Кремона, Лоди и Піаченца заключили между собою союзъ на двадцать лѣтъ и примкнули къ Вельфу и Матильдѣ. Но что значило все это по сравненію съ событіемъ, которое болѣе всякаго другого характеризуетъ страшную путаницу въ нравственныхъ понятіяхъ этого времени, и личная сторона котораго надолго лишила императора бодрости? Въ 1093 г. сынъ его Конрадъ, юноша мягкаго характера, съ религіозными наклонностями, измѣнилъ отцу и перешелъ на сторону папы; Генриху пришлось дожить до того, что Конрадъ вѣнчанъ былъ папскою партіей въ Майнцѣ короною отца и встрѣтилъ одобреніе, какъ манекенъ въ рукахъ его враговъ. Глубоко опечаленный, императоръ удалился въ одну изъ тихихъ долинъ верхней Италіи, впалъ въ меланхолію и доходилъ даже до мысли о самоубійствѣ.

А папство въ это время было вознесено на небывалую высоту. Папа Урбанъ II, съ весны 1094 г. прочно утвердившійся въ Римѣ, созвалъ на 1 марта 1095 г. большой соборъ въ Піаченцѣ, — въ центрѣ тѣхъ странъ, гдѣ еще недавно владычествовалъ императоръ Генрихъ. Въ Піаченцѣ прежде всего была выполнена неизбѣжная часть программы каждаго собора тѣхъ лѣтъ, — отлученіе Генриха IV и Климента III, воспрещеніе симоніи и брака священниковъ; а затѣмъ прочитано было посланіе византійскаго императора, призывавшее западныхъ христіанъ къ поддержкѣ противъ нападеній язычниковъ — сельджуковъ. Папа обнародовалъ воззваніе о помощи, на которое откликнулось много желающихъ участвовать въ византійскомъ походѣ.

Но папа задумалъ нѣчто болѣе грандіозное. Не одно христіанское міровое господство востока и запада находилось тогда въ упадкѣ, исламъ тоже переживалъ эпоху регресса. Въ Испаніи, въ итальянскихъ областяхъ Средиземнаго моря, христіане побѣдоносно напирали на сарацинъ, и на помощь испанцамъ, слѣдуя двойному призыву аббатства Ключи и Григорія VII, уже поспѣшили изъ Бургундіи французскіе рыцари. Ужели папство не могло повести христіанскій міръ въ бой противъ ислама, для завоеванія святыхъ мѣстъ востока? Эту мечту впервые лелѣялъ папа Сильверстъ II, но онъ все же лелѣялъ

ее, находясь подъ вліяніемъ императора Оттона III; теперь Урбанъ воскресилъ ее по собственному почину, въ качествѣ намѣстника Христова и въ противность императору: ему, какъ французу, должно было удасться привести въ движеніе во имя этой великой цѣли склонный къ приключеніямъ романскій міръ.

18 ноября 1095 г. собрался, по повелѣнію Урбана, клермонтскій соборъ. Подтверждены были вновь постановленія Піаченцы, императоръ былъ отлученъ отъ церкви; отлученъ былъ также за прелюбодѣяніе король Филиппъ французскій. Затѣмъ Урбанъ, оставивъ въ сторонѣ королей запада, перешелъ къ провозглашенію всемірно-исторической задачи перваго крестоваго похода.

Извѣстно, какъ призывъ его воспламенилъ французовъ и въ нѣмецкой имперіи французское населеніе Лотарингіи. Повелитель христіанскаго міра, императоръ, всѣми забытый, скрывался въ Верхней Италіи, между тѣмъ какъ чрезъ его нѣмецкое королевство неисчислимыя толпы шли на востокъ, большею частью навстрѣчу вѣрной гибели, добиваясь пальмы побѣды. 15 іюля 1099 г. Іерусалимъ былъ завоеванъ остатками христовой рати, романскій міръ овладѣлъ духомъ и жизнью востока подъ папскимъ руководствомъ; Готфридъ Бульонскій, валлонскій вассалъ горманскаго короля, сталъ защитникомъ св. гроба и слугою папскихъ идей.

А вслѣдъ за романскимъ крестовымъ походомъ настала очередь и для Германіи. Подъ предводительствомъ стараго Вельфа Баварскаго двинулись теперь и нѣмецкія толпы въ опасный путь ко гробу Спасителя. Но не довѣряя совѣтамъ грековъ, они сбились съ пути и добрались до св. города оборванные, истерзанные, сопровождаемые насмѣшками чужеземцевъ, похожіе на лицъ сатирической интермедіи послѣ страшной драмы 1096—1099 гг., а герцогъ Вельфъ одиноко окончилъ жизнь на о. Кипрѣ.

VI.

Въ годы крестоваго похода и приготовленій къ нему Генриху пришлось пережить самое ужасное испытаніе.

Въ Италіи сынъ его Конрадъ послѣ піаченцскаго собора служилъ папѣ въ должности конюшаго и поклялся защищать его личную неприкосновенность и жизнь, его достоинства и владѣнія противъ всякаго, а слѣдовательно и противъ своего отца, Генриха; а папа за это обѣщаль возложить на его голову отцовскую императорскую корону, какъ только онъ переступитъ порогъ апостольскихъ гробницъ. Едва-ли не злѣе еще торжествовали враги императора въ Германіи. Епископы нѣмецкой церкви, за немногими исключеніями, были теперь покорны игу романскихъ преобразовательныхъ идей;

Гебгардъ, фанатическій епископъ констанцскій, въ качествѣ папскаго легата, господствовалъ въ Германіи съ почти неограниченною властью. Міровой центральной власти болѣе не существовало; народы опять безпрепятственно пользовались давно забытымъ правомъ избранія герцоговъ; и распаденіе имперіи, по мнѣнію многихъ, являлось дѣломъ близкаго будущаго.

Въ это время Генриху, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безплоднаго ожиданія въ Италіи, посчастливилось, по случаю семейнаго раздора въ средѣ членовъ Тосканской и Вельфской фамилій, перебраться черезъ Альпы, доселѣ остававшіяся для него недоступными, въ Германію. Здѣсь онъ нашелъ положеніе дѣлъ, подобное существовавшему въ 1084 г., но уже далеко не столь благопріятное; политика его не могла быть иной, какъ та, которой онъ съ успѣхомъ держался во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, — дружественная буржуазіи, направленная къ водворенію общаго мира.

Въ этихъ стремленіяхъ онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, отъ 1097 и, приблизительно, до 1102 года, пользовался почти невозмутимымъ счастьемъ; то были ясные дни въ жизни этого, рано состарившагося, человѣка. Онъ примирился съ Вельфомъ баварскимъ; онъ водворилъ спокойствіе въ Швабіи; швабское герцогство досталось его зятю, Фридриху Гогенштауфену. Далѣе, онъ сумѣлъ побудить князей избрать ему въ наслѣдники втораго его сына, Генриха; 6 января 1099 г. Генрихъ былъ коронованъ въ Ахенѣ, поклявшись предварительно никогда не посягать на жизнь и власть своего отца: этого требовалъ, повидимому, примѣръ первенца. Конрадъ, впрочемъ, умеръ въ раскаяніи, 27 іюня 1101 г. Но послѣ обезпеченія порядка престолонаслѣднія и возстановленія спокойствія въ южно-германскихъ областяхъ императора еще болѣе прежняго стала занимать мысль о мирѣ. Онъ учредилъ земскій миръ для Франконіи и принялъ необыкновенно энергичныя мѣры противъ фландрскаго графа Роберта, нарушившаго имперскій миръ. Въ концѣ-же его стремленій явился великій миръ, первый истинный земскій миръ, постановленіе о которомъ состоялось на майнцскомъ сеймѣ, на Рождествѣ 1102 г.; онъ долженъ былъ имѣть силу втеченіе четырехъ лѣтъ, считая съ Троицы 1102 г.; подъ его благодатною сѣнью императоръ вправѣ былъ надѣяться на спокойный закатъ своихъ дней.

Но онъ ошибся. То-же самое противодѣйствіе, которое въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ уничтожило существовавшій съ 1084 г. миръ, началось и теперь. Князья страшились новой эпохи королевскаго могущества; мелко-помѣстные землевладѣльцы завидовали городамъ въ тѣхъ выгодахъ, которыя обезпечивались для нихъ ненарушимымъ соблюденіемъ установленнаго мира. А главное — противъ германскаго мира, защищаемаго Генрихомъ, поднялась нехристіанская ненависть куріи.

Послѣ клермонтскаго собора Урбана II съ триумфомъ проводили въ Римъ; Италія лежала у его ногъ. Но онъ не дожиль до радостной вѣсти о паденіи Іерусалима: онъ умеръ 29 января 1099 г. Своему преемнику Пасхалию II онъ оставилъ въ наслѣдство вѣрнѣйшія перспективы безпрепятственнаго вліянія на Римъ и Италію; при новомъ папѣ курія являлась самою сильной властью на полуостровѣ. Какъ человекъ Пасхалій отличался идеальными наклонностями и бессознательною кротостью, — тѣми свойствами, которыя всегда дѣлали первосвященниковъ игрушкою крайнихъ стремленій въ средѣ ихъ приближенныхъ.

Но императоръ Генрихъ надѣлся на эти качества; послѣ смерти императорскаго папы, Климента III, онъ искалъ примиренія. Отвѣтомъ изъ Рима было новое церковное проклятiе, послѣдовавшее зимою 1102 г. Тогда Генрихъ попытался добиться мира вопреки папѣ. На майнцкомъ имперскомъ сеймѣ 1102 г. онъ далъ обѣтъ совершить крестовый походъ въ святую землю: такимъ образомъ и на него распространилось бы то преимущество, согласно которому папа объявлялъ всякаго участника благочестиваго странствованія свободнымъ отъ отлученія. Это былъ шахматный ходъ, подобный каносскому, но несравненно болѣе почетный.

Нельзя сказать, чтобы въ Римѣ рѣшеніе это было встрѣчено съ радостью; съ цѣлью выиграть время и разстроить этотъ планъ, курія начала переговоры съ императоромъ по вопросу объ инвеститурѣ и старалась раздуть едва тлѣвшее недовольство князей въ пламя возмущенія. Это удалось благодаря неожиданному обстоятельству. Въ то время, какъ князья шушукались о томъ, что слѣдовало бы возстановить «старую свободу» семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ XI в., и передавали изъ устъ въ уста темные намеки объ избраніи новаго анти-короля, юный Генрихъ, сынъ императора, началъ тревожиться въ своихъ ожиданіяхъ наслѣдства. Что, если бы ему выступить противъ отца, въ качествѣ анти-короля, хотя бы и вопреки данной присягѣ? Тогда планы князей были бы разстроены. Мы не знаемъ, внушилъ ли кто-нибудь такія мысли этому коварному человеку или другое что побудило его, — фактъ тотъ, что онъ возмутился.

12 декабря 1104 г. онъ тайно бѣжалъ изъ Фрицлара изъ свиты своего отца. Онъ совершенно ясно понималъ положеніе дѣлъ, потому что испросилъ себѣ благословеніе папы. И папа, устами своего легата Гебгарда, обѣщаль ему отпущеніе грѣховъ въ день страшнаго суда, если онъ, бунтовщикъ противъ отеческой власти, будетъ справедливымъ королемъ и правителемъ церкви.

И императоръ зналъ съ самаго начала, несмотря на формальную попытку къ примиренію, что предстоитъ борьба не на жизнь, а на смерть. Вскорѣ дѣло дошло до беспорядочныхъ военныхъ походовъ

между сыномъ и отцомъ. Генрихъ младшій привлекъ на свою сторону, прежде всего, саксовъ и тюрингенцевъ; здѣсь воскресли воспоминанія, о прежнихъ анти-короляхъ, Рудольфъ и Германъ. Съ саксонскою помощью онъ пытался вытѣснить императора изъ Майнца, — изъ мѣстъ дѣятельной городской жизни, — но не имѣлъ успѣха; впоследствии главнымъ театромъ отвратительной борьбы были майнцскія области и верхняя Франконія — внизъ до Регенсбурга.

Однако молодому Генриху не удалось захватить своего отца; осенью 1105 г. императоръ снова былъ въ Майнцѣ; Генриху опять пришлось попытаться вытѣснить его изъ центральной позиціи; на этотъ разъ это удалось; императоръ пошелъ внизъ по теченію Рейна, къ Кёльну. Теперь Генрихъ могъ пустить въ ходъ и дипломатическія средства. На Рождество 1105 г. онъ созвалъ имперскій сеймъ въ Майнцѣ; здѣсь онъ намѣревался узаконить чрезъ посредство князей свое возмущеніе, провозгласить низложеніе своего отца и собственное восшествіе на престолъ.

Извѣстія эти привели стараго императора въ ужасъ; онъ немедленно двинулся изъ Кёльна опять вверхъ по Рейну; онъ хотѣлъ присутствовать въ Майнцѣ и, если возможно, разстроить сеймъ. Но именно это намѣреніе, какъ только оно сдѣлалось гласнымъ, внушило и Генриху V самыя тревожныя опасенія; поэтому онъ, съ военными силами, двинулся внизъ по Рейну навстрѣчу отцу. Божій судъ отчаянной битвы на благословенныхъ берегахъ Рейна, среди роскошнѣйшихъ красотъ нѣмецкой природы, казался неизбѣжнымъ; войска должны были встрѣтиться въ кобленцской котловинѣ. Но Генрихъ V, опередивъ свое войско, лично поспѣшилъ навстрѣчу отцу. Императоръ, смягченный свиданіемъ, стоя на колѣняхъ напоминалъ своему сыну о дѣтскомъ долгѣ послушанія. Генрихъ тоже притворился тронутымъ, въ свою очередь упалъ въ ноги отцу и просилъ его освободиться отъ проклятія. Этотъ поступокъ снова наполнилъ сердце отца надеждою на примиреніе; онъ отпустилъ своихъ вассаловъ и безъ всякаго прикрытія послѣдовалъ за сыномъ въ Майнцѣ, въ надеждѣ, что все уладится.

Генрихъ V постыдно игралъ головою императора, отца и государя. Въ Бингенѣ онъ объявилъ императору, что его присутствіе въ Майнцѣ не желательно; что онъ будетъ заключенъ въ Бёкельгеймскомъ замкѣ; старику отказано было даже въ удовлетвореніи потребностей повседневной жизни¹⁾. Но ему предстояло нѣчто еще худшее.

Въ Майнцѣ Генрихъ V, само собою разумѣется, былъ избранъ королемъ; императоръ долженъ былъ выдать сыну корону и другія

¹⁾ Non balneatus et intonsus et ab omni Dei servitio privatus... per omnes sacros dies permansit. Ann. Hildesh. 1105. стр. 3, 109, строка 47. „Не умываясь и не брѣясь и не имѣя доступа къ богослуженію... провелъ онъ всѣ эти ужасные дни“.

регалии. Затѣмъ церковь потребовала отъ императора не только публичнаго заявленія, что онъ добровольно отрекается отъ короны, но и публичнаго признанія своихъ грѣховъ. Императоръ втеченіе многихъ дней противился этому требованію; уступивъ ему, наконецъ, онъ надѣялся взамѣнъ получить, по крайней мѣрѣ, отъ церкви прощеніе грѣховъ, снятіе отлученія.

Напрасная мечта! Признаніе въ грѣхахъ было у него вынуждено въ послѣдній день 1105 г. въ ингельгеймской церкви, — майнцскихъ церквей избѣгали, боясь горожанъ, — но отпущенія признавшійся и раскаявшійся грѣшникъ не получилъ.

Тогда въ страдальцѣ монархѣ еще разъ заговорила древняя салійская кровь. Онъ покинулъ Ингельгеймъ, гдѣ его держали взаперти, объявилъ недѣйствительнымъ все, вынужденное у него силою, и отправился въ Ахенъ; преданный ему Отбертъ, епископъ люттихскій, съ энтузіазмомъ принесъ ему присягу въ вѣрности вассала; императоръ собралъ вокругъ себя своихъ приверженцевъ; умирающій, онъ еще разъ принудилъ своего сына къ борьбѣ.

Генрихъ V вынужденъ былъ спуститься по теченію Рейна; близъ Ахена онъ былъ разбитъ сторонниками императора. Императоръ двинулся впередъ, къ Кельну: съ какимъ восторгомъ приняли его горожане! Напрасно Генрихъ V слѣдующимъ лѣтомъ осадилъ городъ; онъ было рѣшилъ уже обойти Кельнъ и непосредственно напасть на императора, опять находившагося въ западной Лотарингіи, но въ это время, 7 августа 1106 г., Генрихъ скончался.

Онъ много выстрадалъ, много испыталъ; но изъ ужасной школы своей жизни онъ вышелъ очистившимся. Умирая, онъ переслалъ своему сыну перстень и мечъ и просилъ его простить всѣмъ, кто до послѣднихъ дней былъ вѣренъ старику, бранные-же останки его перенести въ Шпейеръ, въ родовую гробницу.

Нація была потрясена исходомъ чудовищной судьбы, преслѣдовавшей умершаго императора почти съ дѣтскихъ лѣтъ, втеченіе слишкомъ полувѣка, и искренно скорбѣла о немъ въ своихъ вѣрныхъ, глубокихъ и широкихъ слояхъ, увлеченная чувствомъ трагическаго величія. Но папа отказалъ трупу въ христіанскомъ погребеніи; епископъ Отбертъ былъ вынужденъ вырыть тѣло, которое предалъ было землѣ въ люттихскомъ соборѣ; королю Генриху, который послѣ этого согласно желанію отца похоронилъ его тѣло въ шпейерскомъ соборѣ, пришлось быть свидѣтелемъ того, какъ гробъ еще разъ былъ удаленъ и помѣщенъ въ неосвященное мѣсто. Нѣмецкій народъ началъ ходить на поклоненіе къ императорскимъ мощамъ, но папа не простилъ и не забылъ; лишь когда Генрихъ V обошелъ его хитростью, онъ, послѣ пяти лѣтъ упорнаго сопротивленія, нашелъ выгоднымъ снять отлученіе съ земныхъ останковъ императора.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Побѣда церковныхъ идей надъ папскою и надъ императорскою властью.

I.

Историческое развитіе совершается подъ непрерывнымъ воздѣйствіемъ человѣческаго стремленія группировать всѣ событія и процессы соотвѣтственно господствующей въ данную эпоху точкѣ зрѣнія высшаго единства; такимъ образомъ изъ вещей вырастаютъ идеи, которыя въ видѣ принциповъ и цѣлей дѣятельности и опредѣляютъ собою часть будущности. Эти идеи или достояніе вѣры, или моды и обычаи. Ихъ содержаніе мѣняется соотвѣтственно фактическимъ даннымъ отдѣльныхъ эпохъ: борьба ихъ служитъ наиболѣе яснымъ выраженіемъ исторической эволюціи. Въ этомъ смыслѣ справедливо изреченіе Гёте, что истинную, глубокую и глубочайшую тему всемірной исторіи составляетъ конфликтъ между вѣрою и невѣріемъ, между возникающими и отживающими идеями.

Немногія эпохи поясняютъ эту истину даже во внѣшнихъ, политическихъ явленіяхъ съ болѣею наглядностью, чѣмъ первая половина XII в. Это время наполнено борьбою прогрессирующей религіозной жизни и заканчивается побѣдою болѣе высокой ступени христіанской религіозности не только въ умахъ и сердцахъ современниковъ, но и въ политической области: второй крестовый походъ, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ осуществленъ, представляетъ собою результатъ этой религіозности и дѣятельности главнаго ея представителя, св. Бернарда; въ событіяхъ его развиваются и даже торжествуютъ стремленія, враждебныя соперничающимъ великимъ политическимъ силамъ той эпохи, — нѣмецкой коронѣ и римской куріи.

Въ поступательномъ движеніи религіозной жизни этого времени, таѣ-же, какъ X и XI вв., наиболѣе сильнымъ очагомъ развитія является Франція. Въ Германіи, въ то время, когда старое клоній-

ское направлєніє давно уже приняло папистскій, григоріанскій характеръ; тѣ монастыри, которые обязаны были вліянію Ключни въ первой половинѣ XI в. реформою своею религіозною жизни, все еще оставались вѣрными этому древнему ключнійскому благочестію. И такимъ образомъ въ моментъ наибольшаго обостренія борьбы за инвеституру обнаружился тотъ своеобразный фактъ, что нѣмецкіе реформистскіе монастыри, особенно въ центрѣ нѣмецкаго религіознаго движенія, въ Лотарингіи, отнюдь не были сторонниками папы; они считали новыя папскія идеи уклоненіемъ отъ первоначальныхъ принциповъ реформы и даже прямымъ отрицаніемъ ихъ; именно лотарингскіе епископы упорно сопротивлялись вліянію Григорія VII, и въ люттихскомъ епископствѣ всѣ монастыри, за исключеніемъ арденскаго аббатства св. Губерта, были анти-григоріанскими.

Въ виду этого курія должна была позаботиться о распротраненіи въ Германіи новѣйшаго, специфически григоріанско-ключійскаго духа. Орудіемъ ея для этой цѣли сдѣлался, послѣ незначительныхъ попытокъ съ другой стороны, аббатъ Гирсаускій Вильгельмъ, отпрыскъ знатнаго баварскаго рода, натура вполне благочестивая, — человекъ, при всей склонности критически относиться къ самому себѣ, задорный, даже вспыльчивый, и вдобавокъ одаренный всѣми внѣшними данными для церковной агитаціи и представительства: могучимъ тѣлосложеніемъ, выразительнымъ лицомъ и звучнымъ голосомъ. Въ страхѣ и самобичеваніи рано созрѣвшій для воспріятія аскетическаго идеала, онъ въ 1076 г. сдѣлался аббатомъ нѣскольکو отсталаго монастыря св. Аврелія, расположеннаго между лугами и богатыми форелью прудами Нагольдской долины въ Шварцвальдѣ, въ уединенной мѣстности, посреди тѣхъ древнихъ алеманно-швабскихъ монастырей, которые въ то время вели еще дѣятельную, посвященную въ особенности исторіографіи жизнь и не подпали вліянію папскихъ идей.

Вильгельмъ сумѣлъ вскорѣ сообщить иную жизнь своему монастырю, своему краю и вообще юго-западной части имперіи. Находясь въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ Ключни, аскетизмъ котораго и ученіе о подчиненіи онъ еще съ большею строгостью ввелъ въ жизнь подвѣдомственныхъ ему монаховъ, и съ 1075 г. въ личной близости съ Григоріемъ VII, онъ сдѣлалъ свой монастырь оплотомъ григоріанъ въ Германіи. Здѣсь останавливались папскіе легаты, здѣсь анти-король Рудольфъ справлялъ церковныя празднества, здѣсь было центральное мѣсто папской службы по собиранію вѣстей о Германіи.

И какъ широко распространилось вскорѣ господство монастыря! Монашескія колоніи новаго устава возникли на всемъ пространствѣ Швабіи, — въ скитѣ св. Григорія въ Мургталѣ, въ скитѣ св. Григорія у истоковъ Дуная, въ Цвифальтенѣ, Вейнгеймѣ и въ другихъ мѣстахъ, особенно же въ Шафгаузенѣ, откуда аббатъ Зигфридъ,

одинъ изъ главныхъ учениковъ Вильгельма, развилъ обширную дѣятельность. Вскорѣ вліяніе Гирсаускаго монастыря перешагнуло за предѣлы Швабіи; братія ходила во Франконію и въ Гессенъ; въ Тюрингіи заселены были скитъ св. Петра въ Эрфуртѣ и Рейнгардсбруннѣ; въ Баваріи уставу подчинился Шейернѣ; въ Каринтіи монахи Гирсау утвердились въ монастырѣ св. Павла въ Лавантской долинѣ (Lavantthal).

Правда, новую конгрегацию не удалось собрать какъ-бы въ новый орденъ подъ такимъ единоличнымъ руководствомъ, какъ это имѣло мѣсто въ Ключни; этому противорѣчилъ нѣмецкій взглядъ на товарищескую жизнь; послѣ смерти Вильгельма (5 іюля 1091 г.), конгрегация, какъ цѣлое, начала распадаться. Но дѣятельность ея продолжала еще долго вліять, такъ какъ она рано съумѣла вовлечь въ кругъ своихъ воззрѣній свѣтскія сферы. Уже ключнійская конгрегация, наряду съ монахами въ собственномъ смыслѣ, доставляла въ монастырѣ убѣжище послушникамъ (Conversen), бѣльцамъ, часто благороднаго происхожденія, нерѣдко пригнаннымъ бурями личныхъ судебъ къ пристанищу созерцательной жизни: теперь они, въ худой одеждѣ и съ нечесаною бородой, служили монастырю въ качествѣ дровосѣковъ и конюховъ, пастуховъ и хлѣбопекровъ. Гирсаусцы не только усвоили это установленіе, но дополнили его еще вторымъ классомъ такихъ бѣльцовъ, свободныхъ отъ ношенія установленной въ орденѣ одежды и жившихъ внѣ монастыря. Этою братіей они наполняли окрестности своихъ монастырей, и особенно въ Швабіи врожденная склонность этого племени къ духовной обособленности отъ міра привела къ значительному расцвѣту этихъ тайныхъ обществъ; здѣсь григоріанство получило самое широкое распространеніе: ни одно племя не прониклось папизмомъ въ большей степени, чѣмъ швабское. Имъ было охвачено и дворянство во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ: почти каждымъ могущественнымъ швабскимъ родомъ основано было по григоріанскому монастырю. За предѣлами же Швабіи Вильгельмъ нашелъ духовную поддержку въ лицѣ епископовъ Пассау, Зальцбурга и Бюрцбурга; съ нимъ были связаны судьбы цѣлаго ряда новыхъ святыхъ, какъ, напр., Ульриха целльскаго, а также событія жизни Дитгера (Dietger) мецскаго и борьба Эрминольда за Лоршъ и Прюфенингъ.

Религіозная жизнь романскихъ націй приняла, между тѣмъ, совсѣмъ другое направленіе. Тогда какъ Германія страдала отъ жестокой политической лихорадочной борьбы между *regnum* и *sacerdotium*, во Франціи автократическій взглядъ Григорія VII на всю іерархію вызвалъ въ меньшинствѣ мыслящихъ людей извѣстное отрезвленіе. Подъ этимъ впечатлѣніемъ научное мышленіе въ первый разъ утратило, по крайней мѣрѣ отчасти, свою прежнюю религіозную окраску; если оно и не сдѣлалось враждебнымъ христіанству, то считало себя

вправѣ расходиться съ воззрѣніями церкви. Діалектическая экзегетика и философія доселѣ невѣдомаго характера начали стремиться къ постиженію истины независимо отъ догмы и церкви; къ этому склонялись школы въ Турѣ и въ Лаонѣ, въ Орлеанѣ и частью въ Парижѣ; здѣсь работали учителя, воодушевлявшіе своихъ слушателей, — такіе люди, какъ Ансельмъ, Рудольфъ, Росцеллинъ и въ особенности Абеляръ.

Абеляръ началъ учить въ 1115 г. на горѣ св. Женевьевы въ Парижѣ; здѣсь начался печальный и нѣжный романъ между нимъ и Элоизой, его самоотверженною въ любви возлюбленною. Постигнутый, впоследствии, тяжкою участью и церковнымъ проклятіемъ, онъ нашелъ защиту въ гуманномъ и благородномъ Петрѣ, аббатѣ клюнійскомъ; приговоренный къ пожизненному тюремному заключенію, но вѣрно охраняемый, онъ умеръ, окруженный заботами монаховъ, въ 1142 г. Значеніе Абеяра обуславливается не столько положительнымъ содержаніемъ его ученія, сколько вліяніемъ его личности. Правда, діалектика его, имѣвшая своей исходной точкой зрѣнія научный скептицизмъ вмѣсто принципа авторитета, стремленіе къ познанію вмѣсто вѣры, указывала точку опоры для низверженія средневѣковой системы преподаванія теологіи. Но эти корни мышленія еще не принесли зрѣлыхъ плодовъ, тогда какъ дѣйствіе его личности производило чудеса, являсь воодушевляющимъ, избавляющимъ, освободительнымъ.

Однако въ виду общаго направленія и характера времени, вліяніе и личность Абеяра все-таки отступали на задній планъ. Вліяніе его обуславливалось лишь преходящимъ скептицизмомъ, какъ-бы недоумѣніемъ эпохи предъ притязаніями іерархіи. Преобладающая же потребность современниковъ направлена была въ совершенно иную сторону: она стремилась, отбросивъ отжившія формы набожности X в., прочно укоренившійся аскетизмъ и безсмысленную вѣру въ чудеса, углубить религіозное содержаніе историческаго христіанства, создать новое, болѣе искреннее благочестіе, болѣе непосредственное отношеніе личности къ Богу и его святымъ, къ догматамъ и къ церкви.

Это стремленіе должно было привести къ критикѣ существовавшаго церковнаго порядка, и въ зависимости отъ широты этой критики окончательные результаты стремленія могли имѣть весьма различный характеръ. Послѣдовательные умы могли дойти до полнаго отрицанія существовавшей церкви или даже существовавшей догматической системы, какъ неспособныхъ вмѣстить новое благочестіе: тогда послѣдствіемъ являлось образованіе сектъ. Менѣе радикальные мыслители могли заключить съ церковью миръ въ болѣе или менѣе значительной области вопросовъ: въ этомъ случаѣ результатомъ были новыя теченія въ церковной сферѣ, которыя, если они орга-

низовались, должны были принять автономно-церковный, конгрегационный характер.

Эти движения подобны были тѣмъ, которыя появились при возникновеніи благочестія X в.; но характерно то обстоятельство, что на этотъ разъ они въ противность іерархіи, фактически стремясь уже къ субъективному пониманію христіанства, привели къ образованію сектъ.

Въ южной Франціи около 1100 г. выступилъ Петръ Брюи; онъ проповѣдывалъ противъ обмірщенной церкви и отвергалъ всякое преданіе, возвращаясь къ чистому ученію Христа въ томъ видѣ, какъ самъ понималъ его; окруженный многочисленными послѣдователями, онъ втеченіи почти цѣлаго человѣческаго вѣка сумѣлъ дѣйствовать безъ помѣхи со стороны свѣтской власти. Въ Италіи, а также и въ сѣверной Франціи, Арнольдъ Бресчанскій, догматически не отступая отъ преданія, проповѣдывалъ въ самомъ свободномъ духѣ церковный идеалъ евангельской бѣдности: по его ученію церковь, неимущая, какъ ученики Спасителя, должна была существовать только десятиною и добродетельными даяніями вѣрующихъ. Папистская церковь оттолкнула отъ себя смѣлаго реформатора, тѣмъ болѣе, что въ послѣдствіи онъ занялъ въ Римѣ политическую позицію; онъ умеръ еретикомъ.

Иначе относилась іерархія къ тѣмъ теченіямъ новой религіозности, которыя принципиально не покидали почвы существовавшихъ церковныхъ отношеній и традиціонной догмы; она довольно мягко-сердечно приспособилась къ нимъ и удержала ихъ въ сферѣ своего притяженія, хотя порою не безъ подавленнаго вздоха, пока они на время не одолѣли ее.

Наиболѣе раннихъ движеній этого рода слѣдуетъ искать, несомнѣнно, на итальянской почвѣ. Уже Петра Даміани можно считать завершителемъ стараго аскетизма въ духѣ величайшей, возможной для него искренности и виновникомъ перехода къ новымъ формамъ религіозности. Характерно для него то, что зенитъ христіанской жизни онъ видитъ въ усвоеніи извѣстнаго христіански-созерцательнаго стоицизма; отъ обыкновенныхъ григоріанскихъ реформаторскихъ идей ученіе его рѣзко отличается тѣмъ, что необходимую съ христіанской точки зрѣнія степень нравственной свободы и самообладанія онъ считаетъ гарантированной лишь бѣдностью отшельника. И еще при жизни его въ Италіи сдѣлана была попытка осуществить идеалъ отшельнической христіанской бѣдности и евангельскаго смиренія организаціею новаго монашескаго ордена; въ 1073 г. возникъ грандимонтскій орденъ Стефана изъ Тигерно. Но этотъ орденъ вскорѣ распался вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ. Затѣмъ новый идеалъ христіанскаго благочестія еще явственнѣе выразился своими отрицательными сторонами, — бѣдностью и воздержаніемъ, — въ кар-

тезіанскомъ орденѣ, который былъ учрежденъ Бруно кельнскимъ, ректоромъ реймской соборной школы, въ 1084 г., въ безлюдныхъ ущельяхъ Шартрѣзъ близъ Гренобля. Однако положительное содержаніе сообщено было новой жизни лишь Бернаромъ Клервосскимъ, великимъ святымъ этой эпохи.

Робертъ, дворянинъ изъ Шампаніи, въ пустынной мѣстности епископства шалонскаго на Сонѣ, основалъ въ 1098 г. монастырь Ситó, какъ убѣжище для строжайшаго ученія св. Бенедикта, — ученія, дѣйствительнаго осуществленія котораго Робертъ не могъ найти ни въ одномъ изъ многихъ посѣщенныхъ имъ монастырей. Но его начинанія не имѣли успѣха до тѣхъ поръ, пока въ монастырь не поступилъ, въ 1113 г., двадцатидвухлѣтній въ то время Бернаръ, вмѣстѣ съ тридцатью товарищами, увлеченными къ монашескому обѣту его пламенною проповѣдью и самоотверженнымъ примѣромъ. Вмѣстѣ съ нимъ новая жизнь проникла не только въ Ситó, но и вообще во Францію и даже повсемѣстно въ западный христіанскій міръ. Преданность строгой дисциплинѣ соединялась въ немъ съ стремленіемъ къ одухотворенному аскетизму; вмѣсто грубаго покаянія предшествовавшей эпохи появилась въ его лицѣ теологія чувства и сердца. Подъ деревьями и кустами, на просторѣ луговъ и полей, Бернаръ свободно и страстно отдавался изученію священнаго писанія. Приближаясь такимъ образомъ къ созерцанію Бога въ его откровенномъ словѣ, Бернаръ считалъ для себя ненужными толкованія отцовъ церкви: не даромъ Филиппино Липпи во Флоренціи изобразилъ его во время писанія подъ открытымъ небомъ съ появляющеюся предъ нимъ святою дѣвою въ сопровожденіи ангеловъ, не даромъ онъ искренно совѣтывалъ Генриху Мурдахскому: «Повѣрь моей опытности: въ лѣсу ты найдешь болѣе возвышенные предметы, чѣмъ въ книгахъ. Деревья и скалы научатъ тебя многому, чего ты никогда не услышишь отъ учителей церкви». Но соединяя созерцаніе откровенія съ полнымъ таинственнымъ ужасомъ созерцаніемъ природы, Бернаръ полагалъ, что познаетъ Бога, умерщвляетъ въ себѣ чувственнаго человека и самого себя дѣлаетъ подобнымъ Богу: *opus habet humana anima velut quodam vehiculo creaturae, ut ad cognitionem Creatoris assurgat* ¹⁾. Это мнѣніе поставило созерцаніе на мѣсто стараго аскетизма, чѣмъ была достигнута болѣе высокая ступень христіанской религіозности.

И западныя націи уже созрѣвали для воспріятія новыхъ идей. Число монаховъ въ Ситó увеличивалось; съ помощью благочестивыхъ пожертвованій вскорѣ были основаны другіе монастыри новаго на-

¹⁾ Проповѣдь о римлянахъ 1, 20, Bern. Op. томъ 2, гл. 565; ср. Hofmeister, Bernhard von Clairvaux I, стр. 12. „Человѣческая душа имѣетъ занятіе, которое служитъ творенію какъ-бы колесницей для восхожденія къ познанію Творца“.

правленія. въ томъ числѣ Клервосскій, съ 1115 г. ставшій аббатствомъ Бернара. Основывая его въ глуши дѣвственнаго лѣса, Бернаръ еще разъ закалилъ силы свои и своихъ сподвижниковъ; вслѣдъ за тѣмъ мощный пророкъ посвятилъ себя пропагандѣ своего идеала христіанской жизни. Приблизительно съ 1127 г. онъ дѣйствовалъ и проповѣдывалъ въ средѣ почти всѣхъ націй; умирая (20 августа 1153 г.) онъ оставилъ сто шестьдесятъ монастырей своего новаго ордена во всѣхъ странахъ христіанскаго запада, за исключеніемъ Италіи.

Втеченіе этихъ же десятилѣтій вполне сложился типъ новой религіозности, нерѣдко имѣвшей своимъ объектомъ именно личность самого Бернара. Старая, развившаяся въ X и XI вв., вѣра въ чудеса, связанная съ поклоненіемъ мощамъ, безжизненная, причудливая, грубая, въ значительной степени исчезла, уступивъ мѣсто вѣрѣ въ личную дѣйственную силу (*virtus*) современныхъ людей божіихъ и, въ особенности, самого Бернара: сколько чудесъ было ему приписано набожными душами во Франціи и въ Аквитаніи, въ Германіи и въ Италіи! Да и вообще сверхъестественныя силы считались теперь существеннымъ образомъ прикрѣпленными лишь къ живымъ лицамъ; вездѣ появлялись новые святые, и церковь не менѣе, чѣмъ разумъ, должна была позаботиться о самозащитѣ ¹⁾. Это было поворотомъ доселѣ по преимуществу безличной вѣры въ чудеса къ индивидуальности.

И какъ прежняя религіозность выставила церковную программу, такъ и новое ученіе собралось съ силами для энергичной критики существовавшаго церковнаго строя. Папскій канцлеръ, Гаймерихъ, напрасно совѣтовалъ Бернару не вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла церкви, ссылаясь на то, что подобное вмѣшательство не подобаешь монаху: распространеніе новой религіозности говорило за нее, даже когда она безмолствовала, а духовное мужество Бернара было совершенно несовмѣстимо съ утаиваньемъ горькихъ истинъ отъ іерархическаго папства. Послѣдствіемъ этого явились своеобразныя отношенія между клервосскимъ аббатомъ и куріей. Хотя и подчиненный ей, Бернаръ тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ предписывалъ ей законы, опираясь на исходившее отъ него движеніе и на вліяніе своей личности; въ сороковыхъ годахъ XII в. онъ фактически господствовалъ надъ церковью.

Притомъ онъ былъ очень далекъ отъ сочувствія григоріанскому идеалу папскаго абсолютизма. Курія съ своими свѣтскими дѣлами внушала ему омерзѣніе; онъ говорилъ однажды о «проклятыхъ занятіяхъ» (*occupaciones maledictae*) Рима ²⁾. Съ неудовольствіемъ видѣлъ

¹⁾ Ср. Gerhoh von Reichersberg: *De investgat. Antichristi* (ed. Schreiberberger) I, гл. 79, стр. 156; Abälard, *De Ioh. Bapt. Op.* ed. Cousin, стр. 590.

²⁾ Ер. 240.

онъ на папѣ тройную корону; онъ не переносилъ камергеровъ и щитоносцевъ, кравчихъ и оберъ-поваровъ Христова намѣстника. Предметомъ задушевныхъ его помысловъ была церковь, живущая въ апостольской простотѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пользующаяся величайшею властью надъ душами и поэтому косвенно владычествующая надъ міромъ,—папа, ѣдущій на евангельской ослицѣ, но слѣды котораго съ благоговѣніемъ блзгословлялъ бы весь народъ.

Къ счастью для папства это былъ недостижимый идеалъ. Это была картина будущей церкви, состоящей изъ людей, какими думалъ ихъ сдѣлать Бернаръ своею проповѣдью, а не изъ тѣхъ людей, какими они были и остались. Такимъ образомъ церковные идеалы новаго благочестія не получили полного воплощенія въ жизни. Но стремленія къ осуществленію этихъ идеаловъ временами одолевали папство и отодвигали его на второй планъ; лишь во второй половинѣ XII в., послѣ того какъ свѣтская власть куріи снова окрѣпла въ борьбѣ съ новыми императорскими притязаніями Фридриха I, удалось ей заставить забыть требованія Бернара.

Въ Германіи вышеописанныя духовныя теченія романскаго міра усвоены были лишь отчасти; наименѣе сочувствія встрѣтили діалектическія освободительныя попытки Абеяра, его учениковъ и предшественниковъ: нація, утомленная церковными и религіозными вопросами, борьба изъ-за которыхъ причинила ей столько нравственныхъ страданій, все болѣе и болѣе склонялась къ развитію свѣтски-духовной жизни въ лицѣ рыцарства, къ культу *Freu Welt*; этимъ культомъ и характеризуется послѣдующій гогенштауфеновскій періодъ нѣмецкой исторіи.

Однако въ первыя дѣсятилѣтія XII в., несмотря на сильную потребность мира, немало сердець радостно билось навстрѣчу новымъ формамъ религіозности и самостоятельно усвоивали ихъ; въ особенности же требованіе церковнаго идеала бѣдности нашло распространеніе и въ Германіи. Общины Гирсаускихъ послушниковъ, послѣ распадена конгрегациі нерѣдко лишеныя духовнаго руководства, начали тамъ и сямъ преобразовываться въ тѣснѣйшіе союзы на аскетическо-коммунистическихъ началахъ; онѣ хотѣли немедленно осуществить на практикѣ идеалъ апостольской бѣдности, и въ ихъ сообществахъ уже зародилась мистика, согласно которой дѣйствіе Духа проявляется съ особенною ясностью, главнымъ образомъ, въ дѣвственницахъ, какъ оно проявилось въ блаженной Герлукѣ (*Herlusa*). Съ другой стороны на почвѣ Лотарингіи, такой плодородной въ религіозномъ отношеніи, возникла широко-распространенная секта апостоликовъ, такъ же, какъ петробрусіане, отвергавшихъ существенныя стороны преданія: они желали жить въ самоотреченіи первыхъ христіанскихъ общинъ для того, чтобы помогать другъ другу: какъ въ Швабіи,

такъ и на Рейнѣ въ этихъ ученіяхъ отразилось и социальное движеніе.

Довольно близко къ апостоликамъ стоялъ нѣкоторое время и Норбертъ, сынъ одного ниже-рейнскаго графа, Геннепа, основатель премонстрантскаго ордена. Заброшенный впоследствии во Францію, онъ сдѣлался самостоятельно-мыслящимъ сторонникомъ ученія св. Бернара; именно онъ всего ранѣе и успѣшнѣе содѣйствовалъ распространенію въ Германіи новой религіозности. Перенеся колонію своего ордена въ Вестфалію, онъ по желанію короля Лотаря сдѣлался, въ 1126 г., архіепископомъ магдебургскимъ, и для его энергіи открылось необходимое поле духовной и политической дѣятельности.

Какъ на сѣверѣ Германіи Норбертъ, такъ на югѣ ея архіепископъ Конрадъ Зальцбургскій сталъ могущественнымъ покровителемъ бернардинскаго ученія. И для распространенія послѣдняго къ Конраду присоединился Гергогъ (Gerhoh), столь же оригинальный, сколько и вдохновенный писатель. Гергогъ родился въ 1093 г., съ 1132 г. онъ былъ пробстомъ въ Рейхерсбергѣ на Иннѣ, на тридцать шестомъ году отъ роду переживъ періодъ образованія собственныхъ идей, онъ отличался безстрашнымъ характеромъ, пламенной рѣчью, часто рѣзкою, нерѣдко шумною, и обладалъ тою глубиной темперамента, которая наивно, какъ это было у св. Бернара, умѣла соединять логическія противорѣчія ученія о всемогуществѣ церкви и о смиреніи папы, но для которой, въ то же время, самоуглубленіе религіознаго созерцанія являлось жизненною потребностью. Хотя и не одаренный способностью Бернара къ пропагандѣ, Гергогъ едва ли не въ большей еще степени, чѣмъ Бернаръ, былъ героемъ новой религіозности: «чтобы видѣть Бога, смотри не вверхъ, а въ себя: здѣсь, въ тебѣ самомъ, обѣтовано тебѣ чистое сердце»¹⁾. И онъ также, какъ Бернаръ, обратился претивъ іерархическаго идеала куріи, даже противъ матеріальнаго пониманія церковныхъ потребностей вообще; княжескія, герцогскія короны, права величества принадлежать, по его мнѣнію, міру; если бы Матѳеи остался при сборѣ пошлинь, онъ не сдѣлался бы апостоломъ. Однако, свѣтская власть должна идти рука объ руку съ духовной: обѣ онѣ должны способствовать наступленію царства Божія на землѣ въ томъ смыслѣ, чтобы папа со временемъ могъ духовно властвовать надъ множествомъ свѣтскихъ троновъ.

Таковы были идеалы Гергога, осуществленіе которыхъ по мѣрѣ приближенія его старости, становилось все болѣе и болѣе невѣроятнымъ. Но въ то же время широко распространенное въ Германіи вліяніе этихъ идеаловъ, будучи направлено надлежащимъ образомъ, все-таки могло существенно облегчить государямъ первой половины XII в. окончаніе запутанной борьбы между *regnum* и *sacerdotium*.

¹⁾ De investig. Antichristi 2, гл. 60.

II.

Новый монархъ, Генрихъ V, возвысился подъ сѣнью церкви. Но будучи давно знакомъ со средствами и съ путями папской политики, онъ считалъ возможнымъ противиться куріи и на первыхъ порахъ отнюдь не былъ склоненъ поступиться хотя бы однимъ изъ тѣхъ правъ, которыми его дѣдъ, императоръ Генрихъ III, на основаніи каноническихъ правилъ пользовался по отношенію къ церкви. Такъ, напр., хотя онъ и допустилъ, чтобы на соборѣ 1105 г. въ Нордгаузенѣ теоретически провозглашена была въ его присутствіи вся система Григорія VII, но ставши самостоятельнымъ, онъ очень далекъ былъ отъ намѣренія провести ее на практикѣ. Утождая куріи въ чисто-духовныхъ дѣлахъ, онъ въ замѣщеніи епископскихъ кафедръ, а также въ обращеніи съ церковными имуществами вообще постоянно опирался на мнѣніе князей, вмѣстѣ съ нимъ засѣдавшихъ въ королевскомъ совѣтѣ (Hoftag) и въ королевскомъ судѣ (Hofgericht), и тѣмъ самымъ отнялъ у куріи возможность эксплуатировать вліяніе князей во вредъ государству.

Эта система гарантировала нѣмецкой церкви миръ на цѣлые пять лѣтъ. Но въ ней, конечно, существовали нѣкоторые пробѣлы, дѣлавшіе ее не болѣе, какъ палліативомъ. Король сталъ въ такую зависимость отъ князей, которая не согласовалась со стариннымъ достоинствомъ короны; а возстановленіе послѣдняго должно было неизбѣжно быть цѣлью королевскаго честолюбія. Съ другой стороны, папу должно было утомить вѣчное ожиданіе, а въ духовной карательной власти онъ все еще располагалъ удобнымъ и готовымъ средствомъ къ нападенію на короля.

И дѣйствительно, жалобы Пасхалія II начались уже на майнцкомъ сеймѣ, въ началѣ 1106 г., и съ возраставшею настойчивостью продолжались на гвасталльскомъ соборѣ, въ октябрѣ 1106 г., и на съѣздѣ въ Труа, состоявшемся въ маѣ 1107 г. Генриху еще въ началѣ царствованія случалось отвѣчать на нихъ папѣ при отправленіи къ нему посольствъ; теперь онъ попытался успокоить папу обстоятельными переговорами, тѣмъ болѣе, что въ 1107—1110 гг. онъ сильно запутался въ отношеніяхъ къ полякамъ, чехамъ и мадьярамъ. Но переговоры эти онъ велъ, разумѣется, вяло, и когда, наконецъ, предложенія его, приблизительно сводившіяся повидимому къ позднѣйшему рѣшенію, установленному вормскимъ конкордатомъ, не были тотчасъ же приняты, онъ, —будучи теперь властителемъ германскихъ судебъ, —рѣшилъ предпринять походъ въ Римъ, и въ январѣ 1110 г. на имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ официально созвалъ потребные контингенты.

Для папы это было грозной вѣстью: король приближался съ военною силою, а норманны, какъ оказалось вскорѣ, несмотря на всѣ свои обѣщанія, были мало расположены выступить противъ нѣмцевъ для спасенія престола св. Петра.

Генрихъ двинулся въ Италію въ августѣ 1110 г.; размѣры его войска повсюду обезпечивали ему миролюбивый пріемъ; смирилась даже Матильда тосканская; Рождество 1110 г. онъ отпраздновалъ во Флоренціи, чувствуя себя полнымъ властелиномъ. Отсюда онъ отправилъ посольство къ папѣ, находившемуся въ крайне-затруднительномъ положеніи. Порученіямъ посольства Пасхалій не могъ не противопоставить требованія безусловнаго отказа отъ инвеституры со стороны короля и, разумѣется, не встрѣтилъ ни малѣйшей готовности согласиться на это требованіе. Такимъ образомъ Пасхалій, — эта чистая душа, далекая отъ іерархическихъ цѣлей Григорія и склонявшаяся къ церковному идеалу бѣдности, — былъ приведенъ къ мысли сдѣлать королевскую инвеституру въ предѣлахъ имперской церкви вообще излишней, потребовавъ отъ нѣмецкой церкви отказа епископовъ отъ положенія помѣщиковъ и имперскихъ князей. Посольство возвратилось къ королю съ слѣдующею, одобренною папой, формулировкой: отказъ церкви отъ государственныхъ имуществъ и регалій; отказъ короля отъ инвеституры епископовъ и имперскихъ аббатовъ; и на этой почвѣ состоялся, 4 февраля 1111 г., рядъ обязательныхъ соглашеній, въ силу которыхъ Генрихъ 12 февраля долженъ былъ быть коронованъ императоромъ, предварительно принеся установленную присягу въ томъ, что не будетъ предпринимать противъ папской особы ничего оскорбительнаго или клонящагося къ ея ущербу; предъ коронованіемъ-же онъ долженъ былъ отказаться отъ инвеституры подъ условіемъ, что папа немедленно вслѣдъ за тѣмъ побудитъ епископовъ и имперскихъ аббатовъ къ отказу отъ государственныхъ имуществъ и регалій.

Генрихъ двинулся въ Римъ; 12 февраля онъ прибылъ въ соборъ св. Петра, гдѣ папа ожидалъ его; тотчасъ-же начались условленные торжественные переговоры. Сначала Генрихъ отказался отъ права инвеституры; но въ то-же время онъ велѣлъ прочесть вслухъ грамоту, въ которой онъ, съ своей стороны, еще разъ утверждалъ епископовъ и аббатовъ въ ихъ владѣніи и объявлялъ, что онъ, съ своей стороны, не рѣшается похитить у нихъ это владѣніе.

Послѣ этого своеобразнаго вступленія со стороны короля папа прочелъ свое воззваніе. Но едва духовные князья хорошенько поняли смыслъ его словъ и вникнули въ формулу «отказа отъ имперскихъ имуществъ», какъ въ соборѣ поднялся шумъ, такъ что папа не могъ докончить чтеніе. Чтобы положить конецъ отвратительной сценѣ, Генрихъ съ нѣмецкими вельможами и епископами удалился въ одно изъ боковыхъ помѣщеній церкви. Здѣсь много времени про-

шло въ совѣщаніяхъ; наконецъ, нѣмцы появились и объявили, что при всемъ своемъ уваженіи къ папѣ они вынуждены отвергнуть это рѣшеніе.

Генрихъ повидимому ожидалъ этого момента; между тѣмъ, какъ кардиналы совѣтовали поспѣшить съ коронованіемъ, онъ выставилъ на видъ, что папа не исполнилъ договора, и потребовалъ подтвержденія своего права на инвеституру. Когда-же папа отказался сдѣлать это, король заговорилъ объ измѣнѣ и арестовалъ папу, кардиналовъ и папскихъ парламентаровъ. Возникшее, тѣмъ временемъ, въ городѣ возмущеніе не измѣнило его намѣреній: онъ крѣпко держался за то, что успѣлъ пріобрѣсти; не имѣя возможности долше оставаться въ Римѣ, онъ увелъ папу съ собою въ окрестные укрѣпленные замки. Напрасно норманны и Матильда Тосканская пытались вступить за папу: Генрихъ держалъ его подъ строгимъ карауломъ до тѣхъ поръ, пока не состоялся, 11 апрѣля 1111 г., договоръ, согласно которому папа призналъ за королемъ право инвеституры, а король обѣщался защищать особу, достоинство и владѣнія папы. 13 апрѣля Пасхалій короновалъ Генриха V императоромъ, и вслѣдъ за тѣмъ оба они причастились св. таинствъ въ знакъ счастливо достигнутаго мира между церковью и государствомъ.

Въ лицѣ Пасхалія лукавый сынъ Генриха IV перехитрилъ идеальнѣйшее направленіе новаго церковнаго движенія; по возвращеніи въ Германію, въ августъ 1111 г., Генрихъ V, какъ будто въ насмѣшку, велѣлъ торжественно похоронить бранные останки своего отца въ освященныхъ помѣщеніяхъ шпейерскаго собора: послѣ болѣе чѣмъ пяти-лѣтнихъ нарушеній могильнаго покоя это было своеобразнымъ триумфомъ великаго борца и человѣка, много разъ отлучавшагося отъ церкви.

Въ рядахъ григоріанъ раздался крикъ ужаса. Для того-ли великіе папы XI в. заставили торжественнѣйшимъ образомъ установить формальное требованіе возврата всѣхъ церквей и десятинь изъ рукъ мірянъ, воспрещеніе продажи церковныхъ имуществъ, недѣйствительность всѣхъ договоровъ, въ силу которыхъ императорамъ могли принадлежать въ собственность церковныя имѣнія, — для того-ли они боролись, чтобы новый папа обратилъ въ посмѣшище свѣтскія орудія церковной власти? Между папою и григоріанами началась открытая распря. Пасхалій, вѣрный данной присягѣ, отказывался предать императора Генриха отлученію; но архіепископъ вьенскій, Гвидонъ, вызвался, въ сентябрѣ 1112 г., на синодѣ въ Вьеннѣ собственною властью отлучить императора отъ церкви, а представители крайняго направленія въ Итали, въ концѣ концовъ, побудили слабохарактернаго папу признать постановленія этого синода.

Но въ особенности труднымъ для императора было теперь господство его въ Германіи. Можно было мобилизовать церковь, епи-

скопы которой частію сочувствовали григоріанству; можно было показать свѣтскимъ князьямъ, что ихъ значительное участіе въ управленіи доселѣ покоилось лишь на устраненномъ отнынѣ раздорѣ между папою и императоромъ и, слѣдовательно, можетъ быть сохранено только при этомъ раздорѣ; можно было, наконецъ, пустить въ ходъ старый рецептъ подзадориванія саксонскаго сепаратизма. И въ лицѣ архіепископа майнца Адалберта, нѣкогда довѣреннаго лица у Генриха, а теперь его злѣйшаго врага, появился умный руководитель движенія.

Генрихъ V, хитрый, недоувѣрчивый, съ молодости чувствовавшій себя, какъ дома, на кривыхъ путяхъ дипломатіи, ясно понималъ положеніе дѣлъ. Онъ распорядился осудить архіепископа и подвергъ его заключенію. Онъ принялъ успѣшныя мѣры противъ саксонцевъ, которые, при своемъ герцогѣ, Лотарѣ Супплинбургскомъ, преемникѣ вымершаго рода Биллунговъ, обнаружили поползновенія къ самостоятельности; уже въ январѣ 1114 г. Лотарь на имперскомъ сеймѣ въ Майнцѣ изъявилъ покорность и возвратилъ себѣ милость императора.

Такимъ образомъ въ имперіи устранено было, какъ казалось, всякое сопротивленіе; это было апогеемъ власти Генриха V; 7 января 1114 г. онъ отпраздновалъ свою побѣду бракосочетаніемъ съ дочерью англійскаго короля Адельгейдою-Матильдою.

Однако, эти успѣхи были непрочны. Тотъ фактъ, что Генрихъ насильственнымъ рѣшеніемъ вопроса объ инвеститурѣ избавился отъ вліянія князей, продолжалъ существовать и вскорѣ вызвалъ въ средѣ князей теченіе, враждебное дѣйствіямъ императора. Быть можетъ, еще хуже было то, что нація утратила всякую вѣру въ честность Генриха; было хорошо извѣстно, что онъ не останавливался ни предъ какими средствами, стремясь только къ успѣху во что бы то ни стало.

При такихъ обстоятельствахъ, событіе, само по себѣ незначительное, дало толчекъ къ взрыву всеобщаго недовольства. Генрихъ выступилъ противъ фризозъ, убѣжденный въ необходимости вновь подчинить ихъ имперіи. На этомъ походѣ кельнскій контингентъ, въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, попалъ въ фризскую засаду: тотчасъ же прогремѣла молва объ измѣнѣ со стороны императора, и отрядъ возвратился домой. Генрихъ не имѣлъ возможности оставить безнаказаннымъ такое открытое подозрѣніе и непослушаніе; онъ отказался отъ войны съ фризями и пошелъ на Кельнъ. Тогда на нижнемъ Рейнѣ возгорѣлась жестокая усобица, завершившаяся пораженіемъ императорскаго войска при Андернахѣ.

Григоріане только этого и ждали. 6 декабря 1114 г. папскій легатъ Куно на синодѣ въ Бовэ снова произнесъ надъ императоромъ отлученіе. Затѣмъ вспыхнуло возстаніе саксонцевъ, которые никогда

не были вполне покорены; 11 февраля 1115 г. они победили Генриха у Вельфскаго лѣса близъ Мансфельда. Это послужило сигналомъ къ тѣснѣйшему сплоченію саксонцевъ и григоріанъ; надъ императоромъ опять прсизнесено было отлученіе, сперва въ Реймсѣ, затѣмъ въ Госларѣ. Тутъ Генрихъ попытался вступить въ переговоры съ врагами чрезъ посредство архіепископа майнцакаго Адальберта, до той поры все еще содержавшагося въ плѣну: шагъ этотъ окончился неудачей: Адальбертъ передался на сторону григоріанъ и саксонцевъ, и присоединилъ къ ихъ союзу все еще мятежныхъ лотарингцевъ.

Тогда Генрихъ прибѣгнулъ къ самому отчаянному средству. Онъ предпринялъ диверсію въ Италію, желая снова примириться съ папою и такимъ образомъ восторжествовать одновременно надъ григоріанами и надъ внутренними врагами. Въ этомъ намѣреніи ободряла его смерть великой графини Тосканской Матильды; онъ имѣлъ основаніе надѣяться на пріобрѣтеніе богатаго наслѣдства умершей; послѣднее раньше подарено было ею папскому престолу; но тѣмъ не менѣе Матильда, кажется, обнадежила Генриха въ 1111 г. И въ самомъ дѣлѣ, счастье на первыхъ порахъ благопріятствовало императору въ Италиі: онъ овладѣлъ верхнею Италіей и вступилъ во владѣніе наслѣдствомъ Матильды; такимъ образомъ пріобрѣтенъ былъ прочный фундаментъ для благопріятныхъ императору переговоровъ съ куріей. Однако Пасхалій держался уклончиво, а преемникъ его, Геласій II, бѣжалъ отъ угрожавшихъ ему личныхъ переговоровъ съ Генрихомъ въ Гаэту. Тогда разгнѣванный императоръ на Пасхѣ 1118 г. вступилъ въ Римъ и велѣлъ рукоположить одного изъ вѣрнѣйшихъ своихъ приверженцевъ, архіепископа Брага, Морица, какъ антипапу, подъ именемъ Григорія VIII.

Этотъ необдуманый шагъ немедленно навлекъ на императора и на его антипапу проклятіе папы Геласія. Случилось то, чего такъ часто желали григоріане и враги императора въ Германіи: папство, доселѣ колебавшееся, было теперь всецѣло на ихъ сторонѣ; отвѣтомъ на итальянскія событія были усиленные инсurreкціонныя движенія на германской территоріи, исходившія изъ Лотарингіи и Саксоніи, а также открыто провозглашенное намѣреніе избрать актико-роля.

Генрихъ долженъ былъ покинуть Италію, и осенью 1118 г. снова былъ въ Германіи. Онъ тотчасъ-же далъ новый оборотъ дѣламъ; онъ пересталъ скрывать отъ себя ту истину, что послѣ войнъ послѣднихъ поколѣній, а также вслѣдствіе цѣлаго ряда соціальныхъ переворотовъ, наступавшихъ именно въ то время ¹⁾, древняя монархическая власть его предковъ долѣе не могла быть сохранена;

1) Ср. часть III, кн. VIII.

поэтому онъ устроилъ съ князьями соглашеніе, подобное тому, которое существовало въ первыя пять лѣтъ его царствованія. Предоставивъ князьямъ широкое участіе въ правительственной дѣятельности, онъ устранилъ существовавшее доселѣ недовѣріе и открытую непріязнь сѣверныхъ племенъ и возстановилъ имнонирующее вліяніе общаго представительства имперіи.

Почти въ тотъ-же самый моментъ, 2 февраля 1119 г., умеръ Геласій II, и папою сдѣлался архіепископъ Вьенскій, Гвидонъ, подъ именемъ Каликста II. Каликстъ — одна изъ своеобразнѣйшихъ фигуръ въ пестромъ рядѣ намѣстниковъ Христа. Въ качествѣ архіепископа онъ былъ самымъ строгимъ григоріанцемъ; онъ первый отважился предать Генриха церковному отлученію; онъ былъ далекъ отъ идеалистической мечтательности Пасхалія и другихъ монашескихъ папъ. Но, съ другой стороны, онъ былъ чуждъ мертваго доктринерства, отличавшаго людей его партіи. Возведенный на отвѣтственнѣйшій постъ, онъ вскорѣ обнаружилъ хорошія стороны своего происхожденія изъ царственнаго рода; спокойно сообразивъ обстоятельства, онъ пришелъ къ тому выводу, что вопреки давленію крайнихъ григоріанъ, а также утопическихъ идеалистовъ въ родѣ Пасхалія, слѣдуетъ искать примиренія съ императорскою властью.

Такимъ образомъ императоръ и папа вступили въ переговоры, которымъ сопутствовало внутреннее умиротвореніе Германіи на многократныхъ императорскихъ сеймахъ. Послѣ различныхъ событій, все болѣе и болѣе выдвигавшихъ на первый планъ посредническую дѣятельность князей, дѣло это доведено было до конца лишь Вормскимъ (Лобвизерскимъ, Lobwieser) конкордатомъ 23 сентября 1122 г. Въ немъ, относительно главнаго спорнаго пункта между государствомъ и церковью, было постановлено слѣдующее: императоръ предоставляетъ свободу епископскимъ выборамъ согласно каноническому праву, но выборы эти должны происходить въ его присутствіи. Далѣе, онъ отказывается отъ пожалованія епископовъ духовнымъ саномъ посредствомъ перстня и жезла, какъ это имѣло мѣсто до той поры, но взамѣнъ пріобрѣтаетъ право впредь жаловать епископамъ имперскія имѣнія и регаліи ихъ церковей особымъ символомъ, — передачею свитра, и притомъ нѣмецкимъ епископамъ — до рукоположенія, а итальянскимъ и бургундскимъ епископамъ — втеченіе шести недѣль послѣ него.

Это было, во всякомъ случаѣ, значительной уступкой, сравнительно съ старыми привычками германскихъ государей; Каликстъ II былъ вправѣ возвѣстить о нихъ на римскомъ соборѣ 1123 г., куда явились представители и изъ отдаленныхъ мѣстъ, какъ о торжествѣ церкви, и онъ умеръ 13 декабря 1124 г., вполне наслаждаясь сознаниемъ этой побѣды. Однако-же и императоръ съ своей стороны спасъ важную часть своихъ правъ; древняя связь между церковью

и государствомъ сохранена была въ существеннѣйшихъ сферахъ политическаго строя, и имперскія церковныя имѣнія вовсе не были отданы церкви навсегда, какъ того требовали григоріане. Среднія партіи были удовлетворены; царствованіе Генриха V окончилось безъ значительной религіозной борьбы.

Постановленія конкордата и послѣдствія предшествовавшей борьбы имѣли, конечно, величайшее вліяніе на судьбы имперіи. Отношенія короля къ епископамъ, доселѣ основанныя на патронатѣ короля надъ королевскими церквами, имѣвшемъ по преимуществу личный характеръ, теперь всецѣло перешли на почву леннаго права; нечего было и думать о возрожденіи стараго, епископскаго управленія государствомъ; епископы, въ качествѣ духовныхъ князей, сдѣлались товарищами свѣтскихъ магнатовъ. Свѣтская-же знать именно во время борьбы за инвеституру добилаь полного права наследственности и невиданнаго политическаго значенія на своихъ территоріяхъ, а также пріобрѣла юридическое притязаніе на совѣщательный голосъ при коронѣ въ государственномъ управленіи: она въ значительной степени господствовала надъ государственными дѣлами.

Если это было тяжело вообще для Генриха, то въ отношеніи къ саксонскимъ дѣламъ было тягостно вдвойнѣ.

Въ Саксоніи герцогская власть во время борьбы за инвеституру освободилась отъ того церковнаго противовѣса, который раньше проявляли бременскіе архіепископы; съ учрежденіемъ въ 1104 г. датскаго архіепископства въ Лундѣ рухнули гордыя надежды бременской церкви на патриаршество. вмѣстѣ съ тѣмъ саксонская герцогская власть стала гораздо свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, особенно — въ рукахъ энергичнаго Лотара Супплинбургскаго; вынужденный, до той поры, довольствоваться сѣверовосточнымъ райономъ страны, Лотарь возобновилъ славянскую политику Оттоновъ¹⁾ и видѣлъ ближайшую свою задачу въ томъ, чтобы одолѣть многочисленныхъ князей западныхъ и южныхъ частей страны. Императоръ Генрихъ ни въ какомъ случаѣ не могъ допустить эту политику: будучи успѣшно проведена и расширена, она необходимо привела-бы къ распаденію имперіи. Къ этому присоединилась старая вражда между салійцами и саксонцами, которая и раздула антагонизмъ между Генрихомъ и Лотаремъ въ открытую борьбу; на имперскомъ сеймѣ въ Бамбергѣ, 25 іюля 1124 г., Генрихъ потребовалъ у князей, чтобы они выставили войско противъ саксонцевъ, — и требованіе его увѣнчалось успѣхомъ.

Но до похода дѣло, конечно, не дошло: 23 мая 1125 г. Генрихъ V скончался въ Утрехтѣ, сорока трехъ лѣтъ отъ роду.

¹⁾ Ср. ч. III, кн. X, гл. вторая, II.

III.

Послѣ смерти Генриха казалось несомнѣннымъ, что преемникомъ его будетъ герцогъ швабскій Фридрихъ, изъ рода Штауфеновъ. Тридцатичетырехлѣтній, полный здоровья и силъ, онъ лично былъ вполне пригоденъ для этой роли. Состоя со стороны матери своей, Агнесы, дочери Генриха IV, въ ближайшемъ родствѣ съ Салійскою династіей, онъ могъ, казалось, явиться продолжателемъ салійскихъ традицій, какъ Генрихъ II былъ, нѣкогда, продолжателемъ оттоновскихъ традицій. Намѣченный, вѣроятно, Генрихомъ V къ занятію престола, онъ удовлетворялъ обычному конституціонному условію успешной кандидатуры. Благодаря недавнему бракосочетанію съ Юдиѳью, дочерью баварскаго герцога, Генриха Вельфа, онъ примирялъ то соперничество двухъ великихъ сѣверно-германскихъ княжескихъ родовъ, Вельфовъ и Штауфеновъ, которое со времени возвышенія Штауфеновъ въ достоинство швабскихъ герцоговъ начало развиваться все сильнѣе, — и такимъ образомъ, казалось, обезпечивалъ Германіи миръ.

Но именно поэтому, а также въ качествѣ вождя враждебной папству партіи въ Германіи при Генрихѣ V, онъ не пользовался симпатіями духовенства. И саксонцы также не могли желать его избранія: онъ былъ южнымъ германцемъ и въ противность стремленіямъ саксонскихъ герцоговъ собралъ вокругъ себя вѣрные королю дворянскіе роды югозападной Германіи. Церковныя и саксонскія антипатіи тотчасъ-же соединились въ лицѣ архіепископа майнцаго, Адальберта, который и разстроилъ избраніе Фридриха.

Посредствомъ неизвѣстной до той поры избирательной системы, которую онъ отважился ввести въ качествѣ распорядителя выборами, Адальбертъ энергично расчистилъ путь упрочивавшемуся могуществу князей, къ невыгодѣ другихъ избирателей и въ то-же время сумѣлъ создать благопріятную своимъ видамъ избирательную коллегію. Изъ среды послѣдней, послѣ совершенно-беспорядочныхъ выборовъ, не менѣе беспорядочно привѣтствуемый народомъ, вышелъ, въ качествѣ короля, въ концѣ концовъ. Лотарь Саксонскій: спустя лишь шесть дней послѣ его побѣды, удалось, главнымъ образомъ благодаря стараніямъ папскихъ легатовъ, собрать въ его пользу голоса всѣхъ князей, за исключеніемъ голоса Фридриха Швабскаго.

Но рѣшающая роль въ этомъ случаѣ выпала въ концѣ концовъ не на долю саксонско-григоріанской партіи, а Вельфскаго герцога, Генриха Баварскаго. Побужденія, руководившія имъ, вскорѣ стали ясны для всѣхъ. Отъ своей супруги, Рихинзы, Лотарь имѣлъ только одну дочь, Гертруду. Имѣя отъ роду болѣе шестидесяти лѣтъ, онъ потерялъ надежду на дальнѣйшее потомство. Вскорѣ послѣ своего

избранія король обвинчалъ эту дочь съ Генрихомъ Гордымъ, сыномъ герцога Генриха, который, съ своей стороны, по матери, былъ внукомъ послѣдняго саксонскаго герцога изъ рода Биллунговъ и, какъ таковой, имѣлъ надежду на полученіе люнебургскихъ владѣній Биллунгскаго дома. Будучи такимъ образомъ на-половину саксонцемъ, сынъ герцога Генриха долженъ былъ черезъ бракъ съ Гертрудою пріобрѣсти надежду на соединеніе герцогствъ саксонскаго и баварскаго подъ своею властью; это открывало ему въ то-же время почти несомнѣнные виды на престолъ послѣ смерти престарѣлаго Лотара. Сравнительно съ такою блестящею будущностью его рода, какое значеніе могъ имѣть для герцога Генриха тотъ фактъ, что онъ, въ случаѣ избранія Фридриха Штауфена, сдѣлался-бы королевскимъ тестемъ?

Съ переходомъ южно-германскихъ Вельфовъ на сторону Лотара, обострились и другія разногласія. Герцогъ Фридрихъ Швабскій былъ врагомъ крайнихъ клерикаловъ. Правда, и Лотарь не былъ святошей; въ Саксоніи онъ геройски дрался въ бояхъ, и послѣдующія событія показали, что онъ ни въ какомъ случаѣ не былъ слѣпымъ приверженцемъ григоріанъ: какъ истый ниже-саксонецъ, онъ упорно отстаивалъ свои права, даже противъ церкви. Но, своимъ саксонскимъ прошлымъ и способомъ своего избранія, онъ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, былъ поставленъ на сторону крайнихъ клерикаловъ, и эти послѣдніе, во всякомъ случаѣ, совершенно завладѣли имъ. Теперь, вслѣдствіе перехода Генриха Баварскаго на сторону Лотара, церковныя противорѣчія соединились съ южно-германскимъ антагонизмомъ между Штауфенами и Вельфами: на одной сторонѣ стояла теперь старая императорско-церковная партія подъ предводительствомъ Фридриха Швабскаго, а также брата его, Конрада Восточно-франконскаго, а на другой — григоріанско-саксонская партія, руководимая Лотаромъ, баварскимъ герцогомъ и рейнскими епископами, въ особенности майнцскимъ.

Ясно было, что это обстоятельство въ значительной степени должно было опредѣлить правленіе Лотара; и съ этою перспективой, а также съ нѣкоторыми, благопріятными для григоріанъ, вступительными мѣропріятіями новаго режима, партія эта тотчасъ-же связала надежду на большую предупредительность короля въ вопросѣ объ инвеститурѣ и даже формулировала уже программу дѣйствій, къ которымъ желала побудить короля. Однако, вышло иначе. Лотару удалось отдѣльно разрѣшить смѣшанныя церковныя и династическія противорѣчія; прежде всего онъ собственными силами подчинилъ себѣ Штауфеновъ.

Правда, направленные къ этой цѣли военные походы и переговоры заняли болѣе четырехъ лѣтъ, и первыя стадіи борьбы были далеко не къ выгодѣ Лотара: въ концѣ 1127 г. Штауфены почувствовали себя достаточно сильными, чтобы, въ лицѣ Конрада Верхне-франкон-

скаго, выставить антикороля. Между тѣмъ, именно этотъ шагъ далъ дѣлу иной оборотъ. Вслѣдствіе того что Конрадъ, съ цѣлью овладѣть Римомъ, отправился въ Италію, силы Штауфеновъ раздѣлились, и Лотарю удалось утвердиться на верхнемъ Рейнѣ и въ верхней Франконіи, тогда какъ Конрадъ возвратился изъ Италіи безъ всякаго успѣха. Осенью 1130 г. братья Штауфены увидѣли себя оттѣсненными въ уединеніе своихъ швабскихъ владѣній и замковъ; Лотарь пока имѣлъ возможность болѣе не обращать на нихъ вниманія и заняться спѣшными церковными и итальянскими дѣлами.

Каликсту II (умершему 13 декабря 1124 г.) наследовалъ, въ лицѣ Гонорія II, папа, обнаружившій полную безпомощность предъ норманнскою политикою въ Нижней Италіи. Дѣло въ томъ, что, послѣ смерти Вильгельма Апулійскаго, Рожеръ Сицилійскій немедленно сдѣлалъ приготовленія къ завоеванію всей Апуліи: вмѣсто двухъ норманнскихъ государствъ, которыя курія доселѣ въ своихъ интересахъ натравливала другъ на друга, грозило образоваться одно большое норманнское государство, которое могло сдѣлаться такимъ-же опаснымъ для престола св. Петра, какимъ было нѣкогда нѣмецкое и еще раньше, лонгобардское господство. Папа попытался воспротивиться этому, отлучивъ Рожера отъ церкви, но это не удалось: 22 августа 1124 г. онъ вынужденъ былъ пожаловать Рожера завоеванною послѣднимъ странною, и добился лишь того, чтобы Капуя осталась самостоятельнымъ княжествомъ, а Беневентъ сталъ-бы достояніемъ св. Петра. Но съ этой минуты взоръ его съ тоскою былъ обращенъ за Альпы, къ Лотарю, въ ожиданіи нѣмецкой помощи.

Лотарь былъ еще занятъ борьбою съ Штауфенами и для этой цѣли онъ охотно готовъ былъ заключить съ церковью союзъ, ревностно предлагавшійся ему въ виду существовавшего въ Италіи положенія дѣлъ, не поступаясь, впрочемъ, ни однимъ изъ королевскихъ правъ: онъ держался выжидательнаго положенія. Когда-же онъ могъ считать Штауфеновъ усмирёнными, папа Гонорій 14 февраля 1130 г. скончался.

Тогда въ Римѣ наступилъ расколъ. Римская городская аристократія и другія мѣстныя силы еще разъ провели мѣстнаго папу, Анаклета II; напротивъ, меньшинство кардиналовъ избрало, впрочемъ, неправильно, Иннокентія II, сторонника церковной реформы.

Естественно, что Иннокентій искалъ себѣ прибѣжища въ симпатіяхъ романскихъ и германскихъ народовъ сѣвера. Изгнанный изъ Рима, онъ отправился во Францію, гдѣ Бернаръ Клервосскій принесъ ему присягу вассала; но вскорѣ онъ совершенно подчинился духовному вліянію Бернара и, такимъ образомъ, явился первымъ папою новѣйшей преобразовательной партіи, которая съ тѣхъ поръ начала пріобрѣтать болѣе рѣшающее значеніе, сравнительно съ іерархически-крайними григоріанами.

Въ Германіи новое направленіе было уже представлено двумя выдающимся личностями, — архіепископами Норбертомъ магдебургскимъ и Конрадомъ зальцбургскимъ; они-то и разъяснили королю Лотару значеніе Иннокентія. Тогда король высказался въ пользу его признанія и противъ Анаклета II. Это было рѣшительнымъ шагомъ Лотара въ его отношеніяхъ къ церкви и къ папству; наперекоръ партіи, сдѣлавшей его королемъ, наперекоръ Адальберту Майнцскому, онъ присоединился къ новѣйшему церковному направленію, какъ будто зная, что, въ противоположность дальнѣйшимъ требованіямъ крайнихъ, это направленіе удовлетворится уступками Вормскаго конкордата.

Одновременно съ признаніемъ Иннокентія условлено было, что король встрѣтится съ папою въ Люттихѣ въ мартѣ 1131 г.; на свиданіи этомъ предполагалось уговориться относительно мѣръ къ возвращенію папы въ Римъ. Встрѣча произошла 22 марта съ большою торжественностью; Лотарь оказалъ намѣстнику Христа всѣ внѣшнія почести: онъ велъ подъ уздцы папскаго иноходца и держалъ стремя. Это, однако, не помѣшало ему, въ вознагражденіе за проэктировавшійся походъ въ Римъ, затронуть вопросъ объ отмѣнѣ воспрещенія инвеституры, — тему, отъ которой онъ отступилъ тогда лишь, когда столкнулся съ энергичнымъ сопротивленіемъ Бернара и, въ особенности, конечно, — нѣмецкихъ епископовъ.

Вслѣдъ за тѣмъ папа возвратился изъ Люттиха во Францію и медленно направился къ югу, чтобы на итальянской почвѣ встрѣтиться съ Лотаромъ, который тѣмъ временемъ готовился къ походу въ Римъ. Но, при созывѣ нѣмецкихъ контингентовъ, король встрѣтилъ необыкновенныя трудности: нѣмецкіе епископы почти совершенно отказывали въ своемъ содѣйствіи походу, грозившему папѣ Норберта и Бернара, а изъ числа свѣтскихъ князей бѣольшую готовность выказалъ одинъ только Богемскій герцогъ. Такимъ образомъ, Лотарь, наконецъ, появился за Альпами съ 1500 всадниковъ; началось безумно-смѣлое предпріятіе, удавшееся только благодаря тому, что папа, между тѣмъ самъ началъ подготавливать для себя почву въ Италіи и даже успѣлъ уже вступить во владѣніе наслѣдствомъ Матильды, которое до тѣхъ поръ считалось императорскимъ достояніемъ. Слѣдуя за папою и избѣгая всѣхъ большихъ городовъ, нѣмецкое войско стало подвигаться на югъ и въ концѣ апрѣля приблизилось къ Риму; 30 апрѣля король и папа вмѣстѣ вступили въ вѣчный городъ.

Вслѣдъ за вѣздомъ, 4 іюня, въ Латеранѣ, — соборъ св. Петра находился еще во власти сторонниковъ антипапы, — произошло коронованіе Лотара и его супруги въ императорскій санъ. А немедленно послѣ коронованія Лотарь предъявилъ требованіе, чтобы ему было возвращено древнее право нѣмецкихъ королей на инвеституру; какъ въ Люттихѣ, такъ и теперь своимъ положеніемъ охранителя папы онъ воспользовался для церковно-политическихъ требованій. Папа

былъ страшно пораженъ; онъ не могъ не указать королю, на постановленія Вормскаго конкордата, съ добавленіемъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ уступокъ. Независимо отъ этого подтвержденія Лотарь, несмотря на свою незначительную силу, успѣлъ, по крайней мѣрѣ, отчасти, сохранить также свѣтское положеніе нѣмецкихъ королей въ Италиі, заставивъ папу уступить за ежегодный платежъ въ 100 фунтовъ серебра владѣнія Матильды.

Но, съ другой стороны, какъ многимъ, все-таки, пожертвовалъ императоръ! Заявленныя Генрихомъ V притязанія на наслѣдство Матильды прямо были устранены, разъ Лотарь взялъ его въ аренду; пожалованіемъ же созданы были отношенія, поведшія впоследствии къ величайшимъ несчастіямъ. Но главное было то, что Лотарь, для своего коронованія императоромъ, допустилъ выразить въ торжественной грамотѣ то воззрѣніе, что Иннокентій II даровалъ ему полномочія императорскаго сана отъ полноты своей папской власти. Это былъ тотъ кругъ представленій, въ которомъ вращался Григорій VII, но котораго не признавалъ до тѣхъ поръ ни одинъ императоръ. Теперь-же эти воззрѣнія примѣнены были къ набожному государю, который именно въ этомъ пунктѣ страдалъ неясностью церковно-политическихъ воззрѣній своихъ религіозныхъ друзей, подобныхъ Норберту, Конраду и Бернару. И эти представители новаго благочестія, при всемъ своемъ отвращеніи къ міру, все-таки, въ концѣ концовъ, сошлись со своими противниками григоріанами въ мысли, стремившейся, какъ всегда, и къ практическому осуществленію, о превосходствѣ всякой духовной власти надъ свѣтскою.

Но, въ виду подобной неясности, мыслимъ-ли былъ, вообще, такой папа новаго направленія, котораго полномостіе римской курии не вовлекло-бы постепенно во все крайности іерархическихъ воззрѣній? Впоследствии, когда на престолъ св. Петра возшелъ, въ лицѣ Евгенія III, одинъ изъ учениковъ св. Бернара, послѣдній въ своемъ привѣтственномъ посланіи не преминулъ предостеречь его отъ этой опасности, увѣщевая новаго папу не допустить, чтобы помыслами его овладѣло честолюбіе, и закидывать сѣти, по примѣру апостоловъ, для уловленія душъ, а не золота и серебра ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, Евгеній, въ концѣ концовъ, преслѣдовалъ іерархическія цѣли, такъ-же точно, какъ это дѣлалъ Иннокентій, какъ только онъ достигъ власти. Именно это, психологически легко объясняющееся, поведеніе папъ заставило Бернара дѣйствовать въ своихъ церковно-преобразовательныхъ стремленіяхъ помимо папства и подчинить послѣднее религіозному движенію, какъ это и случилось во второмъ крестовомъ походѣ.

Пока, однако же императоръ оставался одинокимъ въ своей оппо-

¹⁾ Ер. Bern. № 238.

зиціи выяснившимся теперь ієрархическимъ цѣлямъ Иннокентія II. Тѣмъ не менѣе, онъ не колеблясь возсталъ противъ нихъ. Иннокентій надѣялся, что за коронованіемъ послѣдуетъ походъ Лотара на Рожера норманнскаго, притѣснителя папства, но императоръ тотчасъ-же, — вѣроятно, не позднѣе 8 іюня, — двинулся на сѣверъ и 23 августа онъ уже снова былъ во Фрейзингѣ. Его не соблазняли итальянскіе лавры; онъ предпочелъ сломить сопротивление ієрархической партіи въ Германіи, безпощадно примѣняя подтвержденное вновь право инвеституры, и окончательно подчинилъ себѣ братьевъ Штауфеновъ, хотя и на снисходительныхъ условіяхъ, уступая въ этомъ отношеніи вліянію церковныхъ партій.

Въ то время, какъ Лотаръ слѣдующіе годы употребилъ на упроченіе своего господства въ Германіи, въ Италіи наступили событія, совершенно видоизмѣнившія взаимное положеніе итальянскихъ политическихъ силъ и давшія возможность Лотару чрезвычайно упростить программу дѣйствій для возстановленія нѣмецкаго престижа въ Италіи.

Рожеръ Сицилійскій, какъ мы уже знаемъ съ 1127 г. распространилъ свое господство на Апулію. У него укрылся антипапа Анаклетъ II, который, опираясь на свою папскую власть, надѣлилъ Рожера всѣми королевскими правами, соединилъ съ его государствомъ Капую и Неаполь, представилъ въ его распоряженіе вспомогательныя силы Беневента, — словомъ, всѣми мѣрами содѣйствовалъ возникновенію крупнаго государства на югѣ (чего Римъ давно уже опасался), поставивъ при этомъ единственнымъ условіемъ, чтобы новый король этого государства призналъ себя вассаломъ папы. Вслѣдъ за тѣмъ Рожеръ съ страшною суровостью принялся за сплоченіе государства. Въ концѣ концовъ ему покорились всѣ князья отдѣльныхъ владѣній, всѣ, возстававшіе при томъ или другомъ случаѣ члены дворянскаго сословія; въ 1134 г. власть его простиралась до самыхъ стѣнъ Рима; Иннокентій вынужденъ былъ искать отъ него спасенія въ бѣгствѣ, и анти-папа, Анаклетъ II, снова водворился на апостольскомъ престолѣ.

Въ этотъ моментъ Бернаръ, — воплощенная церковная идея эпохи, — вступился за Иннокентія. Онъ отправился въ Германію, чтобы побудить императора къ содѣйствію, и имѣлъ успѣхъ. Лотаръ, распоряжавшійся тогда полновластно на сѣверѣ отъ Альпъ, съ своей стороны, также съ гнѣвомъ слѣдилъ за успѣхами Рожера; онъ счелъ своевременнымъ вмѣшаться во имя имперіи. Почти одновременно съ Бернаромъ принималъ онъ греческое посольство; съ этимъ послѣднимъ онъ и обсудилъ ближайшія мѣропріятія къ совмѣстному нѣмецко-греческому нападенію на норманновъ. Затѣмъ, въ 1136 г., онъ съ величайшими усиліями началъ готовиться къ походу.

Тѣмъ временемъ Бернаръ поснѣшилъ впередъ въ Италію. Еще

раньше онъ привлекъ на свою сторону Пизу и Геную, — конкурентовъ норманнской торговли; теперь онъ съ изумительнѣйшимъ успѣхомъ овладѣлъ народнымъ голосованіемъ въ Миланѣ, Павіи, Пьяченцѣ, Кремонѣ; повсюду поднялъ онъ авторитетъ Иннокентія II и съ спокойною увѣренностью ожидалъ прибытія императора.

Лотарь появился въ Италіи въ сентябрѣ 1136 г. съ значительнымъ войскомъ и въ короткое время овладѣлъ Ломбардіей и Романьей. Въ Романьѣ онъ раздѣлилъ свое войско, съ одною частью его самъ двинулся вдоль восточнаго склона полуострова и на Троицу 1137 г. увѣренно и побѣдоносно подступилъ къ Бари, столицѣ Апуліи. Другую часть войска повелъ зять его, Генрихъ Баварскій, чрезъ Тоскану и Капую въ Беневентъ. Сопровождаемый папою, онъ сошелся съ Лотаромъ подъ стѣнами Бари, и усиліями соединеннаго войска вскорѣ удалось взять главныя укрѣпленія Рожера около этого города.

Этотъ ударъ побудилъ Рожера ходатайствовать предъ императоромъ о пожалованіи его сына Апуліей, какъ леномъ. Принятіе этой просьбы было бы достойнымъ имперіи рѣшеніемъ дѣла, но оно не соотвѣтствовало видамъ папы. Едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что Иннокентій побудилъ императора отклонить это ходатайство. Теперь для занятія апулійскаго престола оставался только одинъ пригодный кандидатъ, Раймундъ Алифскій. Но папа тотчасъ же пожелалъ пожаловать Апулію, какъ папскій ленъ; такимъ образомъ, явно обнаружилась іерархическія склонности куріи. Это послужило поводомъ къ тягостнѣйшимъ сценамъ между императоромъ и папою; наконецъ, они пришли къ соглашенію, придумавъ такую чудовищную мѣру, какъ совмѣстное пожалованіе леномъ. Но, послѣ такихъ образчиковъ папской умѣренности, Лотарь потерялъ охоту помогать папѣ. Онъ отказался отъ намѣренія вести его обратно въ Римъ, гдѣ все еще господствовали враждебныя дворянскія партіи; онъ пересталъ видѣть въ папѣ представителя своего церковнаго идеала и предоставилъ его собственной участи. Затѣмъ онъ позаботился еще объ упроченіи нѣмецкаго вліянія въ средней Италіи, возложивъ на своего зятя, Генриха, свои обязанности по управленію землями Матильды, и поспѣшилъ домой, въ Германію. Онъ пошелъ черезъ Болонью, въ Тріентъ отпраздновалъ еще съ королевскою пышностью день св. Мартина, но затѣмъ началъ терять силы, уже медленно продолжалъ путь черезъ Альпы, и 3-го декабря 1137 г., слишкомъ семидесяти лѣтъ отъ роду, скончался въ уединенномъ крестьянскомъ дворѣ тирольской деревни, Брейтенвангъ. Отсюда опечаленные вассалы повезли его трупъ чрезъ все государство, къ стройнымъ елямъ родины; прахъ его преданъ былъ землѣ въ послѣдніе дни года, въ Кенигслуттерѣ, на Гарцѣ.

Вѣрный идеаламъ Бернара и Норберта, Лотарь работалъ въ пользу

церкви; онъ понималъ, что благочестивый духъ новаго направленія не исключалъ возможности сохранить, быть можетъ, даже умножить древнія права государства. Съ этою мыслью онъ поддерживалъ Иннокентія II, избранника Бернара. Но впоследствии, когда событія его второго итальянскаго похода все вразумительнѣе доказывали ему, что даже папа-реформистъ не можетъ отказаться отъ идеи о свѣтскомъ всемогуществѣ церкви, тогда ни набожность его, ни сѣдины не воспрепятствовали ему твердо стать на почву императорскаго права. Конфликтъ обнаружился, когда императора ждала могила.

Но папа самъ былъ не радъ своимъ свѣтскимъ притязаніямъ въ Италиі. Рожеръ, ничѣмъ не сдерживаемый, вскорѣ опять сосредоточилъ въ своихъ рукахъ прежнюю власть, а за тѣмъ онъ началъ тѣснить и самый Римъ. Иннокентій вынужденъ былъ взяться за оружіе. Набожный людъ сѣвера съ ужасомъ увидѣлъ папу въ роли военачальника; борьба кончилась тѣмъ, что папа и значительнѣйшіе изъ его приверженцевъ попали, въ качествѣ военнопленныхъ, въ руки сицилійца; это случилось 22 іюля 1139 г. Затѣмъ былъ заключенъ миръ; Иннокентій долженъ былъ подтвердить данное антипапою Анаклетомъ признаніе объединеннаго норманнскаго государства. Ставши снова свѣтски-іерархическимъ, папство кончило полнымъ униженіемъ, тогда какъ нѣмецкая корона, примыкая къ Бернардинскому пониманію церкви, сьумѣла если не всегда въ теоріи, то на практикѣ, соблюсти свои права.

IV.

Умирая, Лотаръ выразилъ желаніе, чтобы въ короли избранъ былъ его зять. Правитель Тосканы, герцогъ Баваріи и Саксоніи, наслѣдникъ аллодовъ Лотара, онъ и въ имперіи являлся естественнымъ его преемникомъ.

Но, какъ послѣ смерти Генриха V крайніе клерикалы не допустили избранія Фридриха Штауфена, такъ теперь они не были расположены избрать Вельфа, Генриха. Въ Италиі онъ надменно относился къ папѣ и къ церкви, къ тому-же онъ былъ зятемъ Лотара, который передъ смертью затѣялъ ссору съ церковью.

Итакъ, партіи нужно было найти другаго кандидата. За это дѣло взялся, послѣ смерти Адалъберта Майнцскаго, хитрый валлонецъ, Альберонъ, архіепископъ трирскій. Онъ повелъ выборы еще неправильнѣе, чѣмъ нѣкогда Адалъбертъ; они были произведены безъ участія саксонцевъ и баварцевъ, лишь немногочисленными сравнительно магнатами, 7 марта 1138 г., — ранѣе дѣйствительнаго избирательнаго срока, — и въ ненадлежащемъ мѣстѣ, а именно — въ Кобленцѣ.

Королемъ сдѣлался Конрадъ Швабскій, и папскій легатъ короновалъ его въ Ахенѣ, 13 марта 1138 г.

Это было событіемъ неслыханнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Вдобавокъ, королемъ сталъ теперь Штауфенъ, котораго церковь еще недавно предала отлученію, отпрыскъ драконовской крови салійцевъ, столько разъ подвергавшейся проклятію. Однако, Альберонъ зналъ, что дѣлалъ. Конрада украшали всѣ личныя добродѣтели, составлявшія германскій идеалъ мущины: онъ былъ красивъ, веселаго нрава, мягокъ въ обращеніи, храбръ; несмотря на всѣ позднѣйшія превратности, нація всегда вѣрила въ него. Но, рожденный для всего добраго въ частной жизни, онъ совершенно былъ лишенъ дарованій, необходимыхъ государю: энергичный въ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ, онъ, тѣмъ не менѣе, не былъ властителемъ; храбрый въ бою, онъ лишенъ былъ всѣхъ качествъ полководца; обладая воображеніемъ, онъ лишенъ былъ проницательности государственнаго человѣка. Въ такомъ именно человѣкѣ стремленія іерарховъ и нуждались.

На первой очереди стоялъ, конечно, вопросъ объ обезпеченіи его положенія, и это удалось. Прошло немного времени и Генрихъ, герцогъ Баварскій и Саксонскій, избранникъ Лотара, стоялъ одиноко. Тогда онъ подчинился и переслалъ Конраду королевскія регаліи.

Однако быстрые успѣхи внушили Конраду ошибочное представленіе о размѣрѣ его силъ, и онъ началъ противъ Генриха непріязненные дѣйствія: надо полагать, что онъ потребовалъ отъ Генриха уступки одного изъ герцогствъ, Баварскаго или Саксонскаго. Этотъ роковой шагъ разнуздаль старую вражду между Штауфенами и Вельфами; а Конрадъ счелъ себя достаточно сильнымъ для того, чтобы въ тоже самое время возстановить противъ себя и неподатливое саксонское племя: не спросясь у магнатовъ страны, онъ отдалъ саксонское герцогство, отнятое у Генриха, Альбрехту, прозванному Медвѣдемъ.

Такимъ образомъ, была объявлена война одновременно Баваріи и Саксоніи. Она велась съ переменнымъ счастьемъ; задолго еще до ея окончанія, 20 октября 1139 г., герцогъ Генрихъ умеръ, имѣя отъ роду не болѣе тридцати-пяти лѣтъ, завѣщавъ свои притязанія десятилѣтнему мальчику, Генриху Льву. Наконецъ, 10 мая 1139 г., на имперскомъ сеймѣ въ Вюрцбургѣ, дѣло разрѣшилось сравнительно благопріятно для саксонцевъ и вельфовъ. Саксонскіе князья просто были прощены, и Конрадъ даже старался возстановить прежнія отношенія къ нимъ Альбрехта, котораго онъ безуспѣшно назначилъ саксонскимъ герцогомъ. Вельфскій-же вопросъ, казалось, былъ рѣшенъ очень простымъ образомъ. Гертруда, дочь императора Лотара, вдова Генриха Гордаго и мать Генриха Льва, вышла замужъ за Генриха Австрійскаго, младшаго своднаго брата короля Конрада: свойству еще разъ суждено было примирить старый антагонизмъ между родами Штауфеновъ и Вельфовъ. Генрихъ Левъ сдѣлался гер-

этомъ Саксонскимъ, тогда какъ Баварія, отъ которой онъ отказался, впоследствии (въ 1143 г.) досталась Генриху Австрійскому.

Подобное рѣшеніе дѣла оказалось-бы, можетъ быть, удовлетворительнымъ, если-бы Конрадъ былъ въ состояніи сломить всякое прямое сопротивленіе ему. Но это было невозможно. Южно-германскій графъ Вельфъ, дядя Генриха Льва, немедленно предъявилъ притязанія на Баварію, не смотря на отказъ своего племянника; родной братъ короля, Штауфенъ, Фридрихъ Швабскій, и, въ особенности, сынъ его, Фридрихъ, — впоследствии императоръ, — были возмущены предпочтеніемъ, оказаннымъ сводному брату, австрійцу Генриху. Породнившіяся между собою обѣ партіи протестовали противъ отдачи Баваріи Генриху, и королю Конраду не удалось прочнымъ образомъ умиротворить ихъ.

Къ этому присоединились волненія въ другихъ частяхъ государства. Въ Саксоніи юный Генрихъ Левъ изумительно рано обнаружилъ признаки самостоятельности; послѣ смерти своей матери Гертруды (17 апрѣля 1149 г.), онъ не чувствовалъ себя ничѣмъ обязаннымъ королю. Нижняя Лотарингія, обособившаяся отъ имперіи еще при Генрихѣ V, и еще болѣе — со времени Лотара, не заботилась болѣе о королѣ. На верхнемъ Рейнѣ и въ Бургундіи Конрадъ взялся за дѣло неловко и вскорѣ оказался безсильнымъ; вліятельный родъ Цэринговъ (Zähringer) перешелъ на сторону Вельфовъ; въ 1148 г. Генрихъ Левъ женился, наконецъ, на Клеменціи, дочери Цэринга Конрада. И, вдобавокъ ко всему этому, король своею тѣсною связью съ австрійскими князьями былъ вовлеченъ въ польскія и венгерскія смуты, причемъ, само собою разумѣется, онъ, со своими ничтожными силами, не сумѣлъ отстоять достоинства имперіи.

Все это возбуждало въ Германіи чувство общаго недовольства. Радовались только тѣ, кто ненавидѣлъ королевскую власть или злоупотреблялъ ею. Папскіе легаты безпрепятственно приходили и уходили; князья слѣдовали своимъ территоріальнымъ вождельніямъ; министеріалы, старые фавориты Салійской династіи, смѣлѣе подняли теперь голову, а низшіе классы народа осмѣивали короля. Казалось, что государство колеблется въ своихъ основаніяхъ.

Въ это время, освобождая, хотя и склоняя подъ иго нѣкоторой высшей идеи, охватывая вмѣстѣ королевскую и папскую власть и подчиняя ихъ одной и той-же цѣли, начался второй крестовый походъ.

Первый крестовый походъ, завоеваніе Іерусалима, основаніе латинскихъ государствъ на Востокѣ являлись величайшими побѣдами романской церковной идеи и папства: въ этихъ предпріятіяхъ долго культивируемый аскетизмъ получилъ дѣятельное примѣненіе; въ лишеніяхъ вооруженнаго паломничества сотни тысячъ людей нашли примиреніе между монашескимъ стремленіемъ уйти отъ мірской суеты и

свѣтскимъ стремленіемъ къ подвигу. И новоучрежденныя государства Востока процвѣтали еще втеченіе нѣсколькихъ поколѣній. Туда стремился неизсякаемый потокъ эмиграціи; рѣчь шла уже не о простомъ господствѣ Запада, но о его колоніяхъ.

Но упадокъ древнихъ нравовъ и совѣсти, неслыханная расточительность и возрастающая рознь между руководящими державами разрушали быстро развившееся благосостояніе латинскихъ государствъ. Регрессъ обнаружился уже при Фулько Анжуйскомъ, третьемъ іерусалимскомъ королѣ, и еще болѣе въ правленіе вдовы его, Мелизенды. Регрессъ этотъ тѣмъ рѣзче бросался въ глаза, что въ то же самое время исламъ, а также Византія, пробуждались отъ періода глубокаго упадка. Съ тридцатыхъ годовъ XII в. греческая имперія стала заявлять притязанія на латинскихъ христіанъ Сиріи и въ 1137 г. подчинила Антиохію вассальной зависимости. А на востокѣ отъ государствъ, созданныхъ крестовымъ походомъ, Имадъ-эдъ-Динъ, съ 1127 г. намѣстникъ Мозула, возстановилъ господство этого султаната. Уже въ 1128 г. онъ завоевалъ Алеппо; около 1130 г. сильное вліяніе его простиралось уже до Дамаска; въ 1136 г. отряды его войскъ носились по Антиохійской области; въ декабрѣ 1144 г. онъ разрушилъ до основанія Эдессу. Это дѣяніе увѣнчало его успѣхи. Теперь стало возможнымъ полное изгнаніе христіанъ съ Востока.

Среди ликованій магометанскаго міра христіане посылали на западъ, къ папѣ, письма съ мольбами о помощи. Папа, памятуя о французскомъ характерѣ перваго крестоваго похода, и къ тому же именно въ то время надѣясь на помощь нѣмецкаго короля Конрада, противъ Рожера Сицилійскаго, 1 декабря 1145 г. обратился къ королю Людовику Французскому, его вельможамъ и его народу съ просьбою о помощи. Просьба попала на благопріятную почву; уже на Рождествѣ 1145 г. король Людовикъ объявилъ о своемъ намѣреніи предпринять крестовый походъ.

Однако въ массы мысль эта проникла тогда лишь, когда взялся за нее св. Бернаръ, сначала на собственный страхъ, а затѣмъ — по порученію папы. Въ это дѣло онъ внесъ весь пылъ своей души и на пасхальномъ синодѣ 1146 г. въ Везлѣ, близъ Невера съумѣлъ увлечь всѣхъ мыслью о благочестивомъ походѣ. Передъ лицомъ своего народа король Людвигъ теперь открыто принялъ крестъ.

Между тѣмъ, французское движеніе своеобразно отразилось въ Германіи. Рудольфъ, бѣглый монахъ изъ монастыря св. Бернара, проповѣдывалъ сначала въ Лотарингіи крестовый походъ, а въ то же время возбуждалъ и къ избіенію евреевъ, и какъ въ 1096 г., такъ и на этотъ разъ, чистое пламя религіознаго воодушевленія пронеслось опустошительнымъ пожаромъ надъ несчастною головою Израиля. Такой оборотъ дѣла возмутилъ св. Бернара. Онъ тотчасъ же

обратился къ нѣмецкой націи съ манифестомъ, а слѣдомъ за нимъ и самъ перешелъ границу. Въ Майнцѣ онъ устранилъ Рудольфа и тогда самъ возвысилъ свой вдохновенный голосъ на защиту святыхъ мѣстъ. Онъ имѣлъ невѣроятный успѣхъ. Никто не понималъ отдѣльных словъ чужестранца, но всѣ сердца проникала то ласкающая, то гнѣвная, то волнуемая сдержаннымъ чувствомъ, то громовая рѣчь изнуреннаго лишеніями пророка. Народъ толпами стремился принять крестъ; еще больше народъ тѣснился къ самому аббату: онъ уже считался святымъ и чудотворцемъ. Слепые оказывались прозрѣвшими, нѣмые начинали говорить, расслабленные бросали прочь свои костыли и шли, славословя; казалось, наступило время исцѣленія всѣхъ недуговъ.

Но въ то время, когда народъ восторженно привѣтствовалъ аббата, послѣдній совершилъ, какъ самъ онъ выражался, — чудо изъ чудесъ, — обращеніе короля Конрада къ крестовому походу.

Тщетно Бернаръ въ Шпейерѣ въ день Рождества Христова 1146 г. увѣщевалъ короля предпринять благочестивый походъ: мысль короля занята была Италіей, — свое ближайшее будущее онъ желалъ посвятить борьбѣ съ Рожеромъ и освобожденію папы. Но 27 декабря, во время обѣдни въ храмъ во имя Любви Евангелиста Іоанна, въ то время какъ король, ничего не подозрѣвая, присутствовалъ при литургіи, поднялся, полный вдохновенія и побуждаемый голосомъ Божиимъ, Бернаръ. Обращаясь къ королю, онъ сталъ говорить о томъ пути, который предстоить душѣ его послѣ смерти, о мученіяхъ ада, о судѣ Христа и о голосѣ, который спроситъ: «Человѣкъ, что сдѣлалъ ты для спасенія своей души?» Потомъ онъ перешелъ къ тѣмъ благамъ, которыми всегда пользовался король и закончилъ вопросомъ: «Что отвѣтитъ король голосу судьи, голосу, который потребуетъ отчета въ употребленіи всѣхъ этихъ благъ?» Тогда изъ глазъ короля брызнули слезы: «Не хочу оказаться неблагодарнымъ» — воскликнулъ онъ: «я хочу служить Господу, такъ какъ онъ меня зоветъ». И онъ тотчасъ же далъ обѣтъ совершить благочестивый походъ за море и среди тысячеголосовыхъ кликовъ вѣрующихъ принялъ хоругвь изъ рукъ клервосскаго аббата.

Это былъ самый великій день въ обильной чудесами жизни Бернара; онъ наложилъ печать своей индивидуальности на второй крестовый походъ. Папа, конечно, далеко не былъ восхищенъ тѣмъ, что Бернаръ своимъ кроткимъ ученіемъ такъ рѣзко повліялъ на нѣмецкаго короля; онъ упрекалъ Конрада за его рѣшимость къ крестовому походу, какъ за проступокъ, и долженъ былъ выслушать отъ него наивное возраженіе, что его призвалъ самъ святой духъ, который, слѣдовательно, и есть виновникъ. А крестоносцамъ не было дѣла до папскихъ печалей: безразличное къ папизму и его врагамъ, воодушевленіе ихъ нашло себѣ исходъ помимо куріи.

Въ Германіи, на имперскомъ сеймѣ во Франкфуртѣ, принято было постановленіе объ общемъ имперскомъ мирѣ; раздоръ между Штауфенами и Вельфами, казалось, похороненъ былъ на вѣки. Генрихъ, десятилѣтній сынъ Конрада, избранъ былъ королемъ; готовились уже къ выступленію. Послѣ Пасхи 1147 г. нѣмцы двинулись изъ Регенсбурга внизъ по Дунаю; на Троицу слѣдомъ за ними выступили изъ Меца французы и, усвоившіе себѣ въ военной и мирной культурѣ много французскихъ привычекъ, лотарингцы. Полчища за полчищами потянулись, такимъ образомъ, на византійскій Востокъ. Здѣсь были рыцари и пѣшіе ратники, безчисленная толпа слугъ и женщинъ, женщины даже въ качествѣ воительницъ, верхами на лошадяхъ, и, рядомъ съ мегерами боя, привыкшія къ удовольствіямъ супруги французскихъ магнатовъ съ красивою и безнравственною королевою Элеонорою французскою во главѣ.

Всѣ они, — однихъ воиновъ было не менѣе полутора тысячь, послѣ небольшихъ усилій, осенью 1147 г. привѣтствовали воды Босфора. Императоръ Византійскій, Мануиль, человѣкъ умный и предусмотрительный, не безъ тревоги ожидалъ приближенія народной волны, хорошо зная, что отъ французовъ можно ожидать похода на Византію вмѣсто похода на Эдессу. Поэтому онъ старался какъ можно скорѣе переправить черезъ Босфоръ крестоносцевъ, не исключая и нѣмцевъ, хотя онъ былъ въ свойствѣ съ королемъ Конрадомъ.

Уже въ октябрѣ 1147 г. нѣмцы, еще не соединившіеся съ французами, находились въ Никеѣ. Отсюда въ Сирію вели различные пути, изъ которыхъ самый длинный и самый безопасный лежалъ вдоль берега, а кратчайшій, наиболѣе трудный, шелъ чрезъ скалистыя плоскогорья страны, бесплодныя и пустынные, чрезъ Дорилею въ Иконію. Король Конрадъ отправилъ простой народъ, пѣхоту, подъ начальствомъ ея любимаго вождя, графа Бернгарда Лавантталскаго, вдоль берега, а самъ, съ лучшею частью войска, двинулся 15 октября въ Иконію.

Главному войску выпала ужасная участь. При нескончаемыхъ жалобахъ шли они впередъ, пока не убѣдились 26 октября въ невозможности достигнуть цѣли. Предъ войскомъ вставалъ грозный призракъ голода; лошади падали; рыцари были осуждены на безпомощность пѣхотнаго боя. А около изнуреннаго войска уже носилась, какъ рой назойливыхъ осъ, легкая конница вооруженныхъ луками стрѣлковъ Иконійскаго султана. При переходѣ въ отступленіе порядокъ разстроился. Возвращеніе нѣмцевъ въ Никею составляло бѣгство, которому не предшествовало пораженіе; у большинства бодрость была парализована; они рвались домой. Это была страшная гибель, лишенная всякихъ, возвышающихъ душу, моментовъ великаго несчастья; и свидѣтелями ея были французы, которые со свѣжими силами только что прибыли въ Никею.

Король Конрадъ присоединился къ нимъ; король Людовикъ изъ состраданія передалъ ему командованіе надъ нѣмецкими лотарингцами, послѣдовавшими за французскимъ войскомъ.

Опять рѣшено было идти впередъ. Теперь выбрали береговой путь. На рождествѣ 1147 г. войско прибыло въ Эфесъ. Здѣсь заболѣвшій король Конрадъ остался, чтобы вскорѣ искать выздоровленія при греческомъ дворѣ. Войско подъ предводительствомъ Людовика послѣдовало далѣе. Въ проходахъ Кадмскихъ горъ, которыя предстояло перейти, его ожидало печальное зрѣлище: здѣсь была разбита нѣмецкая пѣхота, подъ предводительствомъ графа Лавантгальскаго. Далекъ вокругъ виднѣлись кровавые слѣды ея гибели, указывавшіе на близость боя и для французовъ. Едва проникли они въ проходы, какъ были атакованы тюркскими отрядами. Произошло страшное побоище, изъ котораго король Людовикъ съ трудомъ спасъ собственную жизнь и кое-какіе остатки войска. Онъ бѣжалъ къ берегу и съ лучшею частью оставшихся еще въ живыхъ отплылъ въ Антиохію: въ государства св. земли онъ явился не съ спасающимъ войскомъ, а со свитой, которая сама нуждалась въ уходѣ.

Могли ли теперь вернуться на родину короли Германіи и Франціи, чтобы сдѣлаться посмѣшищемъ уличной толпы? Король Людовикъ прямо заявилъ, что Франція не увидитъ его болѣе до тѣхъ поръ, пока его оружіе не одержитъ побѣды во славу Господа. И король Конрадъ, снова выздоровѣвшій, около Пасхи 1148 г. высадился въ Аккѣ и пошелъ въ Іерусалимъ. Здѣсь онъ собралъ всѣхъ находившихся на Востокѣ и прибывавшихъ туда нѣмцевъ, и, въ концѣ концовъ, составилъ не совсѣмъ ничтожное войско, съ которымъ и вознамѣрился овладѣть Дамаскомъ. Завоеваніе же Эдессы, первоначальная цѣль похода, давнымъ давно отошло въ область недостижимаго, и ни одинъ изъ крестоносцевъ даже издали не видалъ ея.

Къ нѣмецкому плану военныхъ дѣйствій присоединился и король Людовикъ; онъ поѣхалъ въ Іерусалимъ, послѣ того какъ антиохійскій графъ соблазнилъ его жену.

Но и походъ на Дамаскъ тоже окончился неудачей, несмотря на то, что король Конрадъ въ битвѣ подъ стѣнами города совершилъ чудеса храбрости. Неудача произошла не вслѣдствіе неблагоприятныхъ географическихъ условій, не вслѣдствіе неумѣлаго предводительства войскомъ или непріязненной подозрительности греческаго императора, а вслѣдствіе измѣны со стороны соединившихся съ мусульманами латинскихъ христіанъ. Это недостойное зрѣлище повторилось при одномъ изъ послѣдующихъ предпріятій, а именно—при осадѣ Аскалона. Ясно было, что Востокъ тяготится присутствіемъ двухъ королей; королей-же охватило чувство презрѣнія и отвращенія. Людовикъ покинулъ сирійскіе берега на Пасхѣ 1149 г., а Конрадъ пустился въ обратный путь еще осенью 1148 г.

У.

Второй крестовый походъ въ началѣ несомнѣнно былъ внѣшнимъ признакомъ пораженія папства и іерархической партіи. Но самъ по себѣ, независимо отъ своего исходнаго момента, онъ въ такой-же мѣрѣ былъ синонимомъ и пораженія нѣмецкой короны. Конрадъ совершенно покорился воодушевляющему призыву романской партіи Бернара и посвятилъ себя крестовому походу, какъ рабъ церковной идеи, побѣдившей папство.

Такое поведеніе короля порицалось уже современными ему политическими мыслителями, какимъ былъ, напр., братъ короля, Фридрихъ Швабскій. Въ ту минуту, когда обнаружилось несогласіе между Евгеніемъ III и Бернаромъ, между іерархическимъ папствомъ и новою идеей реформы, мѣсто нѣмецкаго короля было въ Германіи; здѣсь слѣдовало ему стоять на готовѣ, чтобы, въ случаѣ надобности, выступить противъ іерархическихъ стремленій нѣмецкихъ епископовъ къ самостоятельности.

Теперь, послѣ полной неудачи, постигшей крестовый походъ, дѣла опять приняли иной видъ. Какъ убѣждалъ св. Бернаръ западные народы предпринять благочестивый походъ! Какъ, пророча имъ неслыханные успѣхи, онъ раздражалъ ихъ воображеніе! И такой конецъ! Онъ и его партія никогда не могли оправиться отъ удара, нанесеннаго имъ гибелью экспедиціи. Время политическаго значенія идеи о реформѣ миновало.

Такое положеніе дѣлъ должно было принести непосредственную выгоду папству, такъ какъ оно имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что итальянскіе вопросы опять выступили на первый планъ, причемъ королю Конраду, по возвращеніи его домой, пришлось снова начинать съ того пункта, на которомъ онъ, удаляясь отъ сферы европейскихъ интересовъ, оставилъ группировку политическихъ силъ.

Но какъ неблагоприятно для него перемѣнились здѣсь обстоятельства!

Со времени заключенія мира 1139 года между Рожеромъ и Иннокентіемъ II, Рожеръ господствовалъ надъ всею Италіей, господствовалъ и надъ папою. Такое положеніе дѣлъ было и для имперіи невыносимымъ, почему Конраду давно уже хотѣлось смирить Рожера; съ этой цѣлью онъ искалъ для себя опоры въ Византіи, а также въ Венеціи, сильно страдавшей отъ сицилійскаго пиратства. И въ этомъ предпріятіи курія тѣмъ болѣе поощряла его, что въ правленіе папы Луція II (умершаго 15 февраля 1145 г.) въ Римѣ образовалось нѣчто въ родѣ республики, которая низвела папъ на степень политическихъ отверженцевъ въ вѣчномъ городѣ. Таковы были тѣ ком-

бинаціи и мотивы, которые наканунѣ крестоваго похода привели короля Конрада къ мысли о походѣ противъ Рожера.

Теперь, послѣ крестоваго похода, высадившись 1 мая 1149 г. въ Аквилеѣ, могъ ли онъ еще надѣяться на успѣхъ?

Рожеръ между тѣмъ отлично воспользовался положеніемъ осиротѣвшаго Запада. Съ самаго-же начала онъ старался привлечь французовъ на свою сторону, онъ предложилъ имъ для крестоваго похода, путь черезъ Сицилію. Въ случаѣ согласія со стороны французовъ, крестоносцы, вѣроятно, сдѣлали-бы боевую высадку не въ Палестинѣ, а подъ стѣнами Византіи. Затѣмъ, когда французы избрали путь черезъ Германію и Балканскія земли, Рожеръ одинъ выступилъ противъ Греціи; онъ взялъ Корфу, овладѣлъ Эивами и Коринѳомъ и дошелъ до Мальвазіи и Негропонта; древнегреческая часть государства, казалось, подпала подъ его власть.

Если эта политика способна была еще тѣснѣе соединить германскую имперію и Византію общою враждой къ Рожеру, то послѣдній, во время переѣзда Конрада въ Италію, сумѣлъ расположить въ свою пользу важнѣйшія изъ италійскихъ и западныхъ державъ.

Папа Евгеній III, преемникъ Луція II, вынужденъ былъ, во время крестоваго похода, уступить римской республикѣ и удалился во Францію. Послѣ этого римляне избрали себѣ духовнаго главу, который стоилъ десяти папъ подобныхъ Евгенію, — Арнольда Бресчанскаго. Политическую революцію въ Римѣ онъ дополнилъ церковною, которая, исходя изъ исповѣдуемаго Арнольдомъ идеала бѣдности, направлялась прежде всего, противъ панства, какъ монархическаго начала въ церкви, противъ его пышности и его доходовъ. При такихъ-то условіяхъ предстояло папѣ осуществить свое возвращеніе въ Римъ. Покинутый нѣмецкимъ королемъ, опекуномъ церкви, въ годы крестоваго похода, онъ собралъ собственное войско, но оно мало могло сдѣлать. А въ тотъ моментъ, когда ожидалось возвращеніе короля Конрада, къ папскимъ отрядамъ присоединились сицилійскія войска, и Рожеръ попытался ввести папу въ Римъ.

При такихъ обстоятельствахъ, могъ-ли Конрадъ утѣшать себя надеждою на папскую помощь противъ сицилійцевъ? А противъ него уже и съ другой стороны возникла опасность.

Рожеръ настроилъ противъ него французовъ. Живость французскаго темперамента дала королю Людовику и его приближеннымъ возможность свалить отвѣтственность за бѣдственную неудачу похода, главнымъ образомъ, на греческаго императора, союзника Конрада. Рожеръ старательно поддерживалъ это настроеніе. Король Людовикъ возвращался во Францію чрезъ сицилійскія государства и вскорѣ онъ разразился открытымъ неудовольствіемъ противъ нѣмецкихъ товарищей по злополучному походу и ихъ короля.

Такимъ образомъ, въ случаѣ нападенія на Рожера, Конраду слѣ-

довало ожидать вражды со стороны папы и Франціи, и только со стороны Византіи помощи, всегда оказывавшейся вялою. Конрадъ отправился черезъ Альпы домой: надежды его ниже-итальянской политики были разрушены; не только нижняя, но и средняя и верхняя Италія были для него потеряны.

Въ Германіи дѣла обстояли не лучше. На первыхъ порахъ крестовый походъ, правда, подавилъ широко-распространившійся духъ недовольства и возмущеній. Но вскорѣ старое настроеніе вновь воскресло; государственный порядокъ едва могъ быть сохраненъ; курія впоследствии приписывала себѣ, — повидимому, неправильно, — ту заслугу, будто она предупредила общее возстаніе, грозившее вспыхнуть въ отсутствіе Конрада.

Но положеніе вновь стало отчаяннымъ, когда Вельфъ, вождь верхнегерманской линіи Вельфовъ, преждевременно вернулся съ крестоваго похода и пустилъ въ ходъ денежныя средства, которыми онъ обязанъ былъ Рожеру, для возбужденія возстанія. Правда, Конраду, когда онъ перешелъ Альпы, удалось подавить это верхнегерманское возстаніе и вступить въ миролюбивое соглашеніе съ Вельфомъ. Но Генрихъ Левъ, сѣверногерманскій Вельфъ, тотчасъ же возобновилъ старыя притязанія на Баварію, и опять началась борьба съ вельфскою гидрой.

Въ это время, 15 февраля 1152 г., король Конрадъ скончался въ Бамбергѣ.

Теперь, несомнѣнно, наступилъ переломъ въ судьбахъ нѣмецкой имперіи. Подчинившись религіозной идеѣ второго крестоваго похода, она растратила остатокъ своихъ силъ въ неудачныхъ предпріятіяхъ на чужбинѣ, потеряла Италію и унизила родину, обративъ ее въ арену княжескихъ козней. Перемѣна этого положенія казалась мыслимою лишь при эмансипаціи государства и народа отъ религіозной идеи. И симптомовъ такой перемѣны являлось уже все больше и больше. Борьба съ папствомъ, до поры до времени, была закончена; курія уже не занимала руководящаго положенія въ развитіи религіозныхъ движеній на Западѣ, и политическое значеніе ея надолго было потрясено. Такимъ образомъ, внѣшнее вмѣшательство не препятствовало процессу глубокой метаморфозы въ народной средѣ. Исходя изъ могучихъ матеріальныхъ и соціальныхъ переворотовъ, насталъ новый періодъ національной духовной жизни, — періодъ, характеръ котораго не находился уже болѣе въ непосредственной зависимости отъ какой-либо новой эволюціи христіанскаго благочестія, который отличался свѣтскимъ направленіемъ, и государи котораго разрѣшали церковныя вопросы не съ религіозной, а съ политической точки зрѣнія.

Эта эпоха наступила около половины XII в., а первымъ героемъ ея былъ второй Штауфенъ на нѣмецкомъ престолѣ, — Фридрихъ Барбаросса.